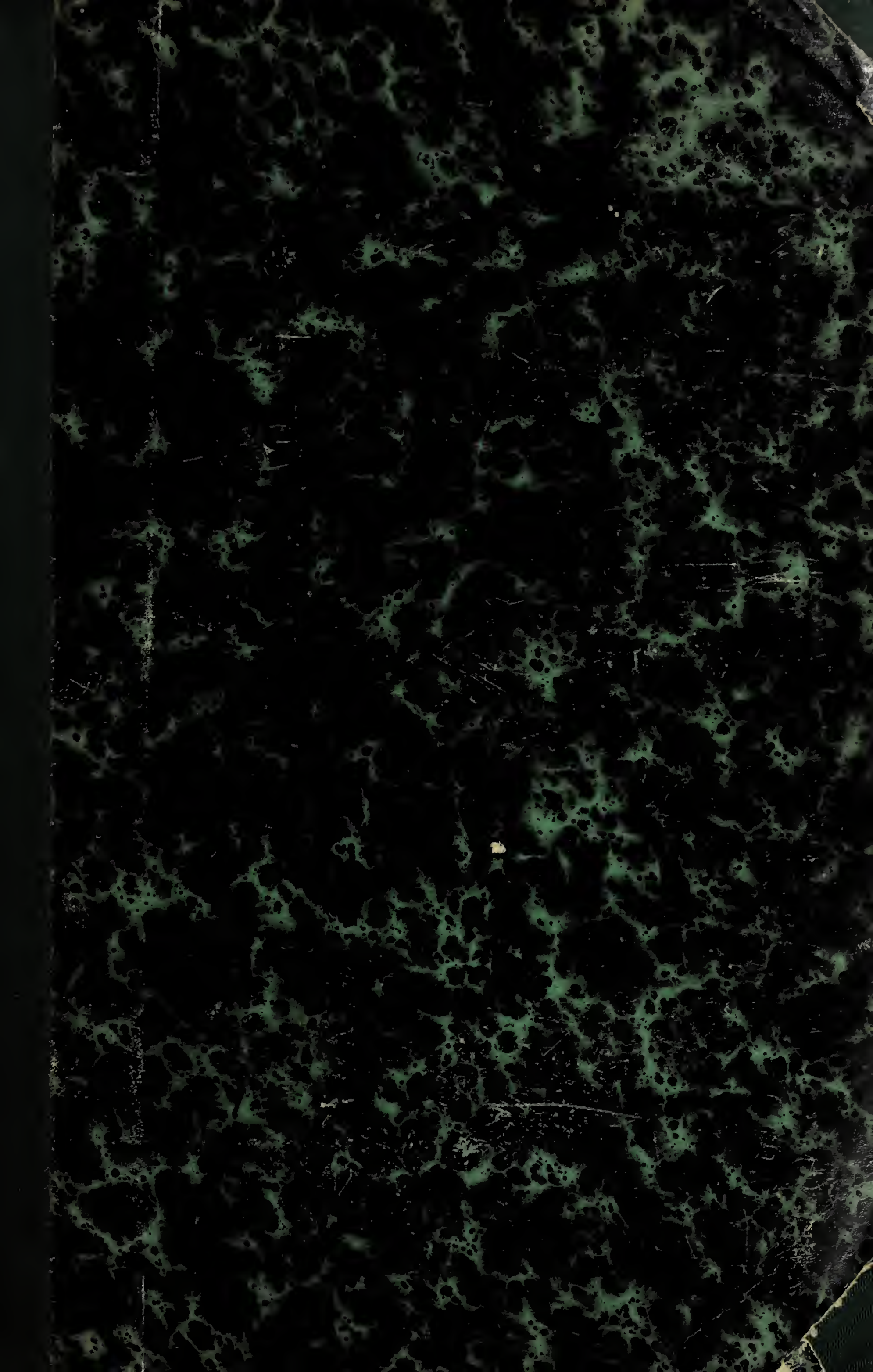
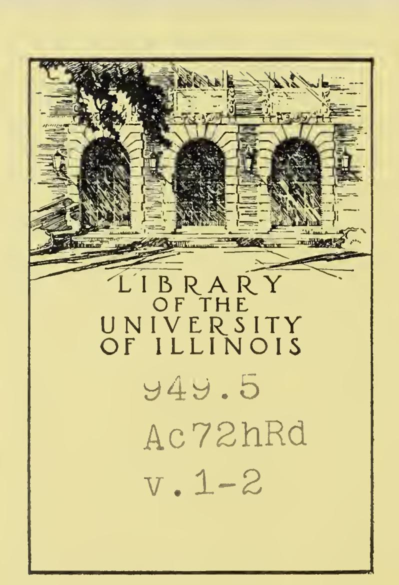

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

ВИЗАНТІЙСКІЕ
ИСТОРИКИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

при

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1860.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Мая 24 дня 1860 года. Цензоръ Архимандритъ *Фотiй*.

НИКИТЫ ХОНІАТА

ИСТОРІЯ,

НАЧИНАЮЩАЯСЯ

СЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА КОМНИНА

ТОМЪ 1.

(1118 — 1185).

Переводъ

подъ редакціею Профессора В. И. Долоцкаго.

КРАТКОЕ СВѢДЕНІЕ

О

НИКИТѢ ХОНІАТѢ

И ЕГО ИСТОРІИ.

Никита, по родовому имени, Акоминатъ, а по мѣсту рожденія въ фригійскомъ городѣ Хонахъ (χωναι), обыкновенно называемый Хоніатомъ, родился около половины 12-го вѣка. На девятомъ году его возраста, отецъ отправилъ его для воспитанія въ Константинополь, гдѣ въ то время жилъ старшій братъ его Михаилъ, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ аѳинскимъ. Получивъ подъ руководствомъ своего ученаго брата отличное, по тогдашнему времени, образованіе и въ особенности изучивъ краснорѣчіе и гражданское право, Никита, если не при Мануилѣ, то, по крайней мѣрѣ, при Алексѣ Комнинѣ былъ принятъ въ число чиновниковъ константинопольскаго двора и былъ однимъ изъ царскихъ писцовъ. Въ этой должности онъ состоялъ и при Исаакѣ Ангелѣ въ его второмъ походѣ противъ Валаховъ въ 1188-мъ году. Впослѣдствіи, пользуясь всегда неизмѣннымъ и вполнѣ заслуженнымъ расположеніемъ царей, онъ мало по малу достигъ высшихъ государственныхъ чиновъ и занималъ весьма важныя должности какъ въ столицѣ, такъ и въ про-

винціяхъ [1]). Въ 1204 году, когда Константинополемъ овладѣли крестоносцы, онъ былъ однимъ изъ константинопольскихъ сенаторовъ. Этотъ годъ, роковый для многихъ жителей Константинополя, былъ послѣднимъ годомъ славы и счастія и для Никиты. Спасаясь отъ неистовства крестоносцевъ, истреблявшихъ все огнемъ и мечемъ, онъ 17-го Апрѣля 1204 года оставилъ Константинополь и бѣднымъ странникомъ удалился въ Никею. Здѣсь, нѣкогда богатый и знаменитый, онъ провелъ остальные годы своей недолгой жизни въ бѣдности, терпя укоризны и поношенія отъ прежнихъ согражданъ, подобно ему укрывшихся въ Никеѣ. Скончался послѣ 1206 года, не доживъ до старости.

Предлагаемая нынѣ въ русскомъ переводѣ исторія Никиты Хоніата обнимаетъ собою періодъ времени отъ 1118 до 1206 года и служитъ какъ бы продолженіемъ исторіи Анны Комниной. Начиная свое повѣствованіе о событіяхъ въ Византійской Имперіи — смертію Алексѣя Комнина, Никита доводитъ его до начала царствованія Генриха, брата Балдуинова и, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, разсказываетъ или то, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, или то, что слышалъ отъ очевидцевъ. Уже и это обстоятельство, разсматриваемое въ связи съ общественнымъ положеніемъ Никиты, говоритъ весьма

[1]) Частію изъ текста его исторіи, частію изъ надписей надъ нею видно, что онъ былъ 1) Секрето-Логоѳетомъ (ὁ Λογοϑετης τῶν σεχρετων), 2) Великимъ Логоѳетомъ (ο μεγας Δογοϑετης). 3) Чиновникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ ὁ ἐπὶ τῶν χρίσεων, 4) Вило-судіею (ὁ χριτης του βηλου), 5) Ефоромъ (ο εφορος), 6) начальникомъ надъ царскою спальнею (ο προχαϑημενος του χοιτῶνος), 7) губернаторомъ Филиппопольскимъ и 8) наконецъ сенаторомъ. Значеніе всѣхъ этихъ чиновъ и должностей объясняется въ примѣчаніяхъ къ тексту исторіи.

много въ пользу его исторіи; но ее слѣдуетъ цѣнить тѣмъ выше, что въ сочинителѣ всегда виденъ человѣкъ съ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, съ сужденіемъ свободнымъ и неподкупнымъ, съ характеромъ твердымъ и независимымъ. Вольфъ и Липсъ называютъ Никиту историкомъ правдивымъ, [1]) и намъ кажется, этотъ приговоръ вполнѣ справедливъ. Если римско-католическіе писатели иногда и отзываются о Никитѣ невыгодно, то причина этого очень понятна: Никита передалъ потомству печальную повѣсть о неистовствахъ Латинянъ въ Өессалоникѣ и, особенно, въ Константинополѣ.

Въ предисловіи къ своей Исторіи Никита обѣщалъ разсказъ ясный, простой и естественный; но, къ сожалѣнію, далеко не исполнилъ своего обѣщанія. Начитавшись греческихъ поэтовъ и въ особенности Гомера, онъ явно старался подражать имъ, такъ что, по отзыву Вольфа, ему лучше было бы писать поэму, чѣмъ исторію. Часто о самыхъ простыхъ вещахъ онъ говоритъ высокопарно, безъ нужды прибѣгаетъ къ метафорамъ, иногда со всѣмъ неумѣстнымъ, и любитъ слова непонятныя и малоупотребительныя. Читать его трудно, а переводить—еще труднѣе. Нашъ переводъ сдѣланъ съ послѣдняго изданія его исторіи, вышедшаго въ Боннѣ подъ редакціею Беккера, въ 1835-мъ году.

---

[1]) Hank. de Byzant. rerum scriptor. p. 537. edit. Lips. 1677.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА КОМНИНА.

Важность и значеніе исторіи вообще; видъ, въ какомъ Никита будетъ излагать свою исторію (1).— Іоаннъ Комнинъ, противъ желанія матери, назначается на царство отцемъ своимъ Алексѣемъ (2).—Начало его царствованія, его друзья и совѣтники. Отпаденіе его родственниковъ на сторону зятя его Вріеннія. Іоаннъ милостиво поступаетъ съ заговорщиками, примиряется съ сестрою Анною и пріобрѣтаетъ расположеніе матери Ирины (3).— Походы Іоанна противъ Персовъ и побѣда надъ Скиѳами (4).—Побѣда надъ Триваллами. Любовь Іоанна къ сыновьямъ. Нападеніе на Гунновъ. Переходъ на Востокъ и торжество надъ побѣжденными Персо-Армянами (5).—Взятіе и потеря Гангры; движеніе въ Киликію; осада сильной крѣпости Вака̀. Единоборство Армянина Константина и Македонянина Евстратія (6).—Іоаннъ овладѣваетъ крѣпостію Вака̀ и завоевываетъ Анаварзу; отправляется въ Келесирію и вступаетъ въ дружбу съ Антіохійцами; принуждаетъ къ сдачѣ Пизу и испытываетъ неудачи (7). — Осаждаетъ городъ Сезеръ, беретъ съ него выкупъ и отражаетъ коварныя нападенія Персовъ (8).—Исаакъ Ком-

нинъ примиряется съ братомъ Іоанномъ. Новые походы Іоанна противъ Персовъ. Негодованіе войска и великодушіе Іоанна. Походъ противъ тиранна трапезунтскаго. Отважное дѣло Мануила, сына Іоаннова, предъ Неокесаріею (9).—Іоаннъ, сынъ Исаака, переходитъ на сторону Султана. Невыгодныя слѣдствія этого поступка. Императоръ покоряетъ нѣкоторыхъ мятежныхъ христіанъ и испытываетъ семейныя несчастія (10).—Походъ Іоанна противъ Антіохіи и смертельная рана на охотѣ. Предсказанія о его смерти (11).—Предсмертная рѣчь императора къ родственникамъ, друзьямъ и вельможамъ. Назначеніе на царство Мануила предпочтительно предъ старшимъ его братомъ Исаакомъ. Мануила всѣ привѣтствуютъ императоромъ. Смерть и доблести Іоанна Комнина (12).

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

Книга I. Мануилъ, наслѣдовавъ отцу своему Іоанну Комнину, заключаетъ въ монастырь старшаго брата своего Исаака и, прибывъ въ столицу, за свои душевныя и тѣлесныя качества, радушно принимается жителями Византіи (1).—Коронуется патріархомъ Михаиломъ и, примирившись съ братомъ, дважды выступаетъ въ походъ противъ Персовъ; женится на Алеманкѣ, женщинѣ съ прекрасною наружностію и съ возвышенною душею, уважаетъ, но не любитъ ее, и вдается въ непозволительныя связи (2).—Заботясь объ управленіи государствомъ, назначаетъ ближайшимъ къ себѣ министромъ Іоанна Агіоѳеодорита, а главнымъ казначеемъ—Іоанна Пуцинскаго, человѣка чрезвычайно скупаго и безчеловѣчнаго. Агіоѳеодорита смѣняетъ

Θеодоръ Стипіотъ. Добрыя свойства Мануила и ихъ скорая перемѣна (3).—Іерусалимскій походъ германскаго императора Конрада. Благосклонный отвѣтъ Мануила Алеманскимъ посламъ и тайныя козни. Греческіе легіоны сопровождаютъ алеманское войско. Придворное краснорѣчіе Филиппопольскаго епископа (4).—Раздоры между Алеманнами и Греками. Бѣдствія, испытываемыя Алеманнами отъ Грековъ; участіе въ этомъ Мануила (5).—Германское войско рѣшается напасть на Турковъ. Благочестивая и сильная рѣчь Конрада къ войску. Жестокая битва и знаменитая побѣда надъ Турками (6).

Книга 2. Рожеръ, король сицилійскій, занимаетъ Корциру, опустошаетъ Акарнанію, Эголію и приморскій берегъ, входитъ въ Беотію, овладѣваетъ Акрокориноомъ и разграбляетъ Коринѳъ (1).—Походъ Мануила противъ Сицилійцевъ. Осада Корциры. Смерть великаго Вождя Контостефана (2).—Пророчество о ней патріарха Козьмы. Мѣсто Контостефана занимаетъ великій Доместикъ (3).—Мануилъ, продолжая осаду Корциры, устрояетъ деревянную лѣстницу въ видѣ башни, по которой поднимаются Пупака и еще 400 ратниковъ. Лѣстница ломается, при чемъ большая часть людей гибнетъ, а Пупака, къ общему удивленію, спасается (4).—Кровавый мятежъ между Греками и Венеціанцами и его прекращеніе. Новая осада и сдача Корциры (5).—Неудачный походъ Мануила въ Сицилію. Опустошеніе Сербіи. Удачныя дѣйствія Михаила Палеолога противъ Сицилійцевъ (6).—Походы Мануила противъ Сербовъ и Венгровъ, кончившіеся тріумфомъ. Неудачная битва Каламанна со Скиѳами. Алексѣй Вріенній, Іоаннъ Дука и Константинъ Ангелъ попадаютъ въ

плѣнъ къ Сицилійцамъ (7).—По убѣжденію римскаго первосвященника, Мануилъ заключаетъ миръ съ Рожеромъ; но спустя не много времени взаимная вражда между ними обнаруживается съ новою силою (8).

Книга 3. Венгерскій походъ Мануила. Опустошительные набѣги Гунновъ (1).—Кровосмѣсничество Мануила и Андроника. Заключеніе Андроника въ тюрьму, его бѣгство, при содѣйствіи жены, и новое заключеніе (2).—Мануилъ учреждаетъ въ Антіохіи потѣшныя кавалерійскія битвы. Распущенныя войска Мануиловы терпятъ пораженіе отъ Турковъ (3).—Ослѣпленіе Θеодора Стипіота по навѣтамъ Логоθета Каматира. Воззваніе Никиты къ божественному провидѣнію. Характеръ Каматира, его пьянство и прожорливость (4).—Второй бракъ Мануила. Воззваніе Никиты къ Богу по поводу опустошительныхъ набѣговъ со стороны Турковъ. Вражда между Иконійскимъ Султаномъ и Каппадокійскимъ топархомъ. Пріѣздъ Султана къ Мануилу и его великолѣпный пріемъ. Землетрясеніе. Безразсудство одного Агарянина, захотѣвшаго быть вторымъ Икаромъ (5).—Султанъ, получивъ отъ Мануила великолѣпные дары, по возвращеніи въ Иконію нарушаетъ данное имъ обѣщаніе, нападаетъ на подданныхъ Мануила и мучитъ ихъ (6).—Притворная дружба между Султаномъ и Мануиломъ. Набѣги и опустошенія съ той и другой стороны (7).

Книга 4-я. Напрасныя усилія Мануила сдѣлать царемъ Панноніи Стефана, брата царя Гунновъ. Гунны отравляютъ Стефана, за что Мануилъ объявляетъ имъ войну (1).—Андроникъ, послѣ неоднократнаго избавленія отъ оковъ, примиряется наконецъ съ Мануиломъ (2).—Походъ Мануила въ Паннонію и завоева-

ніе города Зевгмина (3).—Сербскій король Десѐ принуждается къ повиновенію. Назначеніе на царство Алексѣя, жениха Маріи, дочери Мануила отъ брака съ принцессою алеманскою. Андроникъ противится этому назначенію (4). — Андроникъ своими непозволительными связями съ Филиппою, сестрою императрицы, и съ Өеодорою, вдовою Балдуина, навлекаетъ на себя ненависть Мануила и съ своими дѣтьми и Өеодорою убѣгаетъ къ Халдейскому Султану (5). — Мануилъ принуждаетъ Протостратора Алексѣя, человѣка ни въ чемъ не виноватаго, вступить въ монашество. Причина нерасположенія Мануила къ Алексѣю (6). — Ослѣпленіе знаменитыхъ обманщиковъ: Аарона, Склира и Сикидита, изъ которыхъ у Аарона впослѣдствіи отсѣченъ былъ и языкъ. Мануилъ къ общему удовольствію устрояетъ новыя крѣпости въ Азіи (7).

Книга 5-я. Мануилъ назначаетъ начальникомъ надъ войскомъ въ венгерскій походъ Андроника Контостефана. Паннонцы приготовляются къ войнѣ (1).—Андроникъ не обращаетъ вниманія на астрологическое суевѣріе Мануила и одушевляетъ войско къ сраженію (2).—Расположеніе того и другаго войска и сраженіе. Побѣда Андроника и тріумфъ Мануила (3).—Походъ Мануила противъ Сербовъ; походъ противъ Египтянъ—при чемъ Іерусалимскій король Америгъ обѣщаетъ помощь (4).—Двоедушныя дѣйствія Америга. Андроникъ осаждаетъ Таміаѳъ и старается овладѣть имъ(5).—Не успѣвъ овладѣть Таміаѳомъ вслѣдствіе обмана со стороны Америга, Андроникъ убѣждаетъ войско возобновить аттаку города (6).—Эта новая попытка, вслѣдствіе козней Америга, оказывается напрасною, и Греки на обратномъ пути въ отечество почти всѣ погиба-

ютъ отъ кораблекрушенія. Сарацины заключаютъ миръ съ Мануиломъ (7).—У Мануила раждается сынъ Алексѣй и назначается на царство. Нареченный зять Мануила занимаетъ царство Паннонское, а Марія, дочь Мануила, выходитъ въ замужество за сына Маркиза Монферратскаго (8).—Раздоръ, война и миръ Мануила съ Венеціанцами (8).

Книга 6-я. Мануилъ, возстановивъ Дорилей и Сувлей, рѣшается напасть на Султана персидскаго и открыто приготовляется къ войнѣ (1).—Пренебреженіе посольствомъ Султана, который просилъ мира. Мануилъ за свою надменность терпитъ наказаніе: безразсудно вступивъ на опасную дорогу, испытываетъ страшное пораженіе (2).—Опасности, которымъ лично подвергается Мануилъ и которыя съ трудомъ преодолѣваетъ, потерявъ множество войска и нѣсколькихъ знаменитыхъ родственниковъ (3).—Новыя опасности и новое отъ нихъ избавленіе. Наконецъ Мануилъ соединяется съ своими легіонами и, молча, выслушиваетъ жестокіе упреки со стороны одного наглеца (4); — намѣревается тайно бѣжать, но, услышавъ обличеніе со стороны простаго воина, оставляетъ свое намѣреніе. Султанъ предлагаетъ миръ. Спасеніе греческаго войска. Сновидѣнія Мануила и Мавропула предъ этою несчастною битвою (5).—Персы и по заключеніи мира нападаютъ на Грековъ. За несоблюденіе Мануиломъ условій мира Султанъ нападаетъ на греческія области (6).—Пораженіе и истребленіе персидскаго войска, когда оно съ добычею возвращалось изъ похода (7).—Новый неудачный походъ Мануила противъ Персовъ. Турки безъ успѣха осаждаютъ Клавдіополь (8).

Книга 7-я. Двоедушныя отношенія Мануила къ королю Фридерику. Осада и защита Анконы (1).—Сужденіе Никиты о Мануилѣ. Грабительство и расточительность Мануила, его слѣпая привязанность къ иноземцамъ и отсюда крайнее разстройство государства (2).—Великолѣпныя постройки Мануила и его строгость къ монахамъ (3).—Его невнимательность къ военной дисциплинѣ и отсюда порча войска (4). — Его занятія Богословіемъ (5). — Его безумный указъ объ ученіи Магометовомъ (6)—Достопримѣчательное предсказаніе о смерти Мануила. Его смерть и погребеніе (7).

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА, СЫНА МАНУИЛОВА.

Вступленіе на царство малолѣтняго Алексѣя. Бѣдственное положеніе государства (1).—Андроникъ Комнинъ, главнѣйшій виновникъ всѣхъ будущихъ бѣдствій, примирившись съ Мануиломъ, отправляется на жительство въ Энеи (2).—Въ своемъ уединеніи онъ замышляетъ овладѣть царствомъ (3).—Кесарисса Марія, сестра малолѣтняго императора, негодуя на Протосеваста Алексѣя за его полновластіе при дворѣ, составляетъ заговоръ (4).— Неуспѣвъ въ своемъ намѣреніи, она возбуждаетъ въ Константинополѣ мятежъ (5). Слѣдствія этого мятежа; усилія Протосеваста; кровавая битва(6).—Мужъ Маріи побуждаетъ своихъ приверженцевъ возобновить битву и нападаетъ на войско Протосеваста. Возстановленіе мира патріархомъ Ѳеодосіемъ (7).—По кознямъ Протосеваста, патріархъ лишается своего мѣста, но, спустя не много времени, снова возвращается на свой тронъ (8).—Андроникъ открыто домогается царства и, не смотря на всѣ усилія и противодѣйствія Протосеваста, не оставляетъ своего намѣренія (9).—

Флотъ Протосеваста, высланный противъ Андроника. Переходъ на сторону Андроника посланника Ксифилина, великаго Вождя и почти всѣхъ придворныхъ (10). Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Заключеніе въ оковы и ослѣпленіе Протосеваста. Изгнаніе изъ города Латинянъ (11).— Предвѣстія. Встрѣча и разговоръ патріарха съ Андроникомъ (12). — Встрѣча Андроника съ императоромъ и его матерью. Сожженіе одного нищаго. Андроникъ при гробѣ Мануила (13).— Андроникъ распоряжается государственными дѣлами по своему произволу. Его жестокіе поступки съ людьми знаменитыми. Ослѣпленіе Іоанна Кантакузина. Отравленіе ядомъ Кесариссы Маріи и ея мужа (14).—Противозаконный бракъ Алексѣя, незаконорожденнаго сына Мануила, съ Ириною, незаконорожденною дочерью Андроника. Удаленіе Ѳеодосія отъ патріаршества и избраніе на его мѣсто Василія Каматира (15). — Непріязненныя дѣйствія султана Иконійскаго на Востокѣ. Возстаніе великаго Доместика Іоанна Комнина противъ Андроника. Смерть Іоанна и ослѣпленіе дѣтей его. Вѣнчаніе малолѣтняго Алексѣя (16). — Козни Андроника противъ императрицы. Заговоръ противъ Андроника и его слѣдствія. Жалкая смерть императрицы (17).— Назначеніе и провозглашеніе Андроника императоромъ. Предпочтеніе его Алексѣю, сыну Мануилову, котораго, спустя не много времени, Андроникъ лишаетъ не только царства, но и жизни (18).

ЦАРСТВОВАНІЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

Книга 1-я. Бракъ Андроника съ Агнессою, вдовою Алексѣя. Достойная награда Архіереямъ—угодникамъ Андроника. Неудачное предпріятіе Лапарды: ослѣпле-

ніе и заключеніе его въ монастырь (1).—Походъ Андроника противъ Никеи и осада этого города (2).—Погибель Θеодора Кантакузина. Сдача Никеи. Жестокость Андроника къ городскимъ жителямъ (3).—Взятіе Прусы и жестокость Андроника къ Прузейцамъ. Ослѣпленіе Θеодора Ангела и казнь многихъ вельможъ. Опасность, какой подвергался Андроникъ на театрѣ (4).—Занятіе Исаакомъ Комнинымъ острова Кипра и его тираннія. Опасенія Андроника по этому поводу (5).—Андроникъ казнитъ смертію своихъ приближенныхъ совѣтниковъ: Константина Макродуку и Андроника Дуку. Ужасъ народа при этомъ случаѣ. Казнь братьевъ Севастіановъ (6).—Алексѣй Комнинъ возбуждаетъ короля Сицилійскаго противъ Грековъ. Сицилійцы занимаютъ Диррахій и Θессалонику. Бѣдствія Θессалоникійцевъ по сдачѣ города (7). — Страшныя жестокости Сицилійцевъ съ жителями, оставшимися въ домахъ (8).—Ихъ безчеловѣчіе съ несчастными, скитавшимися по улицамъ и площадямъ; ихъ наглость съ людьми, собиравшимися въ храмахъ для молитвы. Евстафій, епископъ солунскій, своимъ заступничествомъ облегчаетъ участь своихъ согражданъ (9). — Жестокость Андроника къ своей дочери Иринѣ и ея мужу. Жестокая казнь Мамала, бывшаго секретаремъ у мужа Ирины (10).—Заключеніе въ оковы Георгія Дисипата, бывшаго чтецомъ Великой Церкви, и ослѣпленіе Константина Трипсиха, самаго усерднаго исполнителя жестокостей Андроника (11).

Книга 2-я. Неудачное противодѣйствіе Андроника Сицилійцамъ (1).—Его приготовленія къ защитѣ Константинополя. Безпечность, роскошь, стража, собака, жестокость Андроника (2).— Добрыя качества Андро-

ника, его милосердіе къ бѣднымъ и заботливость о дѣлахъ государственныхъ (3).—Рѣчь Андроника о нерадѣніи прежнихъ императоровъ (4).— Строгость Андроника обезопашиваетъ участь несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Распоряженія Андроника, клонящіяся къ упроченію общественнаго благосостоянія. Его справедливость къ подданнымъ и строгость къ притѣснителямъ народа. Его любовь къ ученымъ и нерасположеніе къ богословскимъ спорамъ (5).—Статуи, воздвигнутыя Андроникомъ. Возобновленіе храма 40-ка мучениковъ (6).—Жестокое намѣреніе Андроника казнить смертію всѣхъ, заключенныхъ въ темницы, равно какъ и всѣхъ ихъ родственниковъ (7). — Приговоръ, составленный по этому случаю. Протестъ противъ него Мануила, сына Андроникова (8). — Андроникъ хочетъ узнать чрезъ волхвователей, кто будетъ его преемникомъ (9).—Убіеніе Агіохристофорита, который хотѣлъ схватить Исаака Ангела. Исаакъ убѣгаетъ въ храмъ и возмущаетъ народъ (10).—Тщетныя усилія Андроника остановить мятежъ. Іоаннъ Дука домогается престола; но народъ провозглашаетъ императоромъ Исаака Ангела. Бѣгство Андроника (11).—Чернь разграбляетъ дворецъ. Взятіе въ плѣнъ Андроника и его мучительная смерть (12).—Наружность Андроника; его образъ жизни; его погребеніе и пророчество о его погибели (13).

НИКИТЫ ХОНІАТА
ИСТОРІЯ,
НАЧИНАЮЩАЯСЯ
СЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА КОМНИНА.

1. Исторія придумана на общую для всѣхъ пользу въ жизни; изъ ней не мало выгодъ могутъ извлечь люди стремящіеся къ совершенству. Зная событія давно минувшія, она и объясняетъ свойства человѣческія, и сообщаетъ разнообразную опытность тѣмъ, кто имѣетъ душу возвышенную и питаетъ врожденную любовь къ добру. Осмѣивая порокъ и превознося добродѣтель, она людей, склонныхъ къ добру и злу, большею частію удерживаетъ отъ зла и побуждаетъ преуспѣвать въ добрѣ, если только они не отъ постыдной привычки и не отъ дурныхъ наклонностей нерадятъ о многолюбезной добродѣтели. Къ тому же, люди, вошедшіе въ Исторію, становятся нѣкоторымъ образомъ безсмертными, хотя они заплатили дань смерти и давно уже окончили свою жизнь; потому что о нихъ хранится хорошая или дурная слава, смотря потому, хорошо или худо они жили. Душа ихъ перешла въ другую жизнь и тѣло разложилось на свои составныя части, а

о томъ, что они сдѣлали въ жизни, будутъ ли то дѣла святыя и праведныя, или беззаконныя и ненавистныя, жили ли они благополучно, или испустили духъ въ несчастіи,—громко говоритъ Исторія. Поэтому Исторія справедливо можетъ быть названа также и своего рода книгою живыхъ, и звучною трубою, которая какъ бы изъ могилъ воскрешаетъ давно уже умершихъ и выставляетъ ихъ на видъ всякому желающему. Таково-то, сколько я могу сказать вкратцѣ, значеніе Исторіи! А самимъ занимающимся ею она столько доставляетъ удовольствія, что конечно никто не будетъ столько безразсуденъ, что почтетъ что нибудь другое болѣе пріятнымъ, чѣмъ Исторія. Въ самомъ дѣлѣ, что могли бы знать и о чемъ могли бы разсказывать охотникамъ послушать лишь люди состарѣвшіеся, и прожившіе больше Тиѳона (1), и трехсотлѣтніе старики, если бы они, оставаясь еще въ живыхъ, разшевелили свою память и отрыли въ ней дѣла давно минувшія, то самое разскажетъ и любитель Исторіи, хотя бы онъ еще не вышелъ изъ возраста юноши. Посему-то и я не рѣшился пройти молчаніемъ столь многихъ и столь важныхъ событій, которыя совершились въ мое время и нѣсколько раньше, и которыя достойны памяти и повѣствованія. И вотъ эти-то событія я и дѣлаю извѣстными потомству въ настоящей моей книгѣ.

---

(1) Тиѳонъ сынъ Лаомедона, супругъ Авроры, получившій отъ Юпитера даръ безсмертія, но безъ вѣчной юности, послѣ продолжительной и дряхлой старости просилъ у боговъ смерти и обращенъ былъ въ стрекозу.

А такъ какъ и самъ я очень хорошо понимаю, да и другіе легко могутъ сообразить, что Исторія чуждается, какъ несоотвѣтственнаго ей, повѣствованія неяснаго, съ выраженіями околичными и періодами запутанными, а напротивъ любитъ изложеніе ясное, не только какъ сообразное съ словами мудраго, но и какъ особенно ей приличное; то, надѣюсь, мое сочиненіе не совсѣмъ будетъ чуждо и этого достоинства. Я вовсе не заботился о разсказѣ пышномъ, испещренномъ словами непонятными и выраженіями высокопарными, хотя многіе очень высоко цѣнятъ это, или вѣрнѣе сказать, оставляютъ прошедшее и настоящее и долго упражняются въ этомъ, какъ будто бы въ какомъ-нибудь особенно важномъ дѣлѣ. Напротивъ я и въ этомъ отношеніи всегда предпочиталъ поступать согласно съ требованіями Исторіи и не любилъ дѣлать ей насиліе или совсѣмъ выходить изъ ея предѣловъ. Ей больше всего противна, какъ я уже сказалъ, рѣчь искуственная и неудобопонятная, и напротивъ она очень любитъ повѣствованіе простое, естественное и легко-понятное. Имѣя главною цѣлію истину и совершенно чуждаясь ораторскаго краснорѣчія и поэтическаго вымысла, она отвергаетъ и то, что составляетъ ихъ отличительный характеръ. Но такъ какъ съ другой стороны, при всей своей важности и досточтенности, Исторія любитъ, чтобы ею занимались и землекопы, и кузнецы, и люди покрытые сажею, желаетъ, чтобы ее знали и лица, посвятившія себя военному искуству, не сердится и на женщинъ—поденщицъ, когда онѣ разбираютъ

ее; то она охотно допускаетъ рѣчь изящную и любитъ наряжаться, но—въ одежду словъ простую и чистую, а отнюдь не пышную и иноземную.

Что касается нашей Исторіи, она при ясности будетъ въ то же время, сколько возможно, и кратка. Но мы просимъ снисхожденія у благосклонныхъ читателей, если, по изложеннымъ причинамъ, она не будетъ отличаться пышною и великолѣпною отдѣлкою,—тѣмъ болѣе, что мы первые приступаемъ къ изложенію настоящаго предмета. Мы рѣшаемся пройти путемъ пустыннымъ и непроложеннымъ, а это и сопряжено съ трудностями, и требуетъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ слѣдовать за другими, или идти прямо и неуклонно широкимъ и царскимъ путемъ,—разумѣю Исторію другихъ. Начнемъ же мы свое повѣствованіе съ того, что случилось сряду послѣ смерти перваго изъ семейства Комниныхъ Императора Алексѣя (1), такъ какъ этимъ государемъ ограничили свой разсказъ всѣ бывшіе до насъ извѣстные историки. Чрезъ это наше повѣствованіе будетъ въ связи съ тѣмъ, что они сказали, и разсказъ, продолжаясь такимъ образомъ, уподобится теченію рѣки, выходящей изъ одного источника, или же будетъ походить на рядъ связанныхъ меж-

---

(1) Это нужно разумѣть о современныхъ писателю Императорахъ изъ семейства Комниныхъ; потому что еще прежде Алексѣя одинъ изъ Комниныхъ занималъ константинопольскій престолъ, именно Исаакъ, преемникъ Михаила Стратіотика и предшественникъ Константина Дуки.

ду собою колецъ, непрерывно тянущійся въ безконечность. Впрочемъ жизнь самодержца Іоанна, который былъ преемникомъ въ правленіи Алексѣю, мы разскажемъ въ краткихъ и общихъ чертахъ, и не будемъ говорить о немъ съ такою же подробностію, съ какою скажемъ о послѣдующихъ Императорахъ; потому что мы и пишемъ о немъ не то, что видѣли своими глазами и что поэтому могли бы разсказать подробно, но что слышали отъ тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые видѣли этого царя, сопутствовали ему въ походахъ противъ непріятелей и раздѣляли съ нимъ битвы. Но во всякомъ случаѣ лучше начать отсюда.

2. У Императора Алексѣя Комнина было три сына и четыре дочери. Старшій изъ сыновей былъ Іоаннъ, а старше всѣхъ дѣтей у Алексѣя была дочь Анна, выданная замужъ за Никифора Вріеннія и имѣвшая титулъ Кесариссы (¹). Царь и отецъ Алексѣй больше всѣхъ дѣтей любилъ Іоанна и потому-то, конечно, рѣшившись оставить его наслѣдникомъ царства, далъ ему право носить пурпуровые сапоги и дозволилъ, чтобы его провозглашали царемъ. Напротивъ мать и царица Ирина, отдавъ всю свою любовь дочери Аннѣ, непрестанно клеветала на Іоанна предъ своимъ мужемъ Алексѣемъ, называла его человѣкомъ безразсуднымъ, изнѣженнымъ, легкомысленнымъ и

(¹) Кесарисса — жена Кесаря. Въ прежнее время Кесарь былъ ближайшимъ лицемъ къ царю, но при Кодинѣ онъ занималъ уже третье мѣсто. Codin. de offic. Palat. edit Bon. p. 176.

явно глупымъ, и постоянно больше всего заботилась о томъ, чтобы царь перемѣнилъ свое о немъ рѣшеніе. Порою же, какъ будто бы къ слову, назвавъ Вріеннія, она превозносила его всякаго рода похвалами, и какъ человѣка весьма краснорѣчиваго и не менѣе способнаго къ дѣламъ, и какъ человѣка знакомаго съ свободными науками, которыя образуютъ нравы и не мало содѣйствуютъ будущимъ правителямъ къ непостыдному царствованію. Алексѣй, слушая это и зная расположеніе матери къ Аннѣ, иногда притворялся занятымъ важнѣйшими и нужнѣйшими дѣлами и показывалъ видъ, будто совсѣмъ не обращаетъ вниманія на ея слова, иногда увѣрялъ, что онъ подумаетъ о ея словахъ и не пренебрежетъ ея просьбою, а однажды не могъ сдержать себя и сказалъ нѣчто въ такомъ родѣ: «жена, участница моего ложа и царства! Ужели ты не перестанешь совѣтовать мнѣ того, что благопріятно твоей дочери, стараясь нарушить похвальный порядокъ, какъ будто бы ты съ ума сошла? Оставь меня въ покоѣ! Или лучше, давай, разсмотримъ вмѣстѣ, кто изъ всѣхъ прежнихъ римскихъ Императоровъ, имѣя сына, способнаго царствовать, пренебрегъ имъ и предпочелъ ему зятя? Если же когда нибудь и были подобные случаи, не станемъ, жена, считать закономъ того, что бывало рѣдко. А надо мною и особенно стали бы громко смѣяться всѣ Римляне (¹) и меня сочли бы

(¹) Никита Хоніатъ, подобно другимъ византійскимъ историкамъ, подъ именемъ Римлянъ, вездѣ разумѣетъ Грековъ, а Римлянъ обыкновенно называетъ Латинянами.

за сумасшедшаго, еслибы я, получивъ царство не путемъ законнымъ, но кровью родныхъ и средствами, не согласными съ христіанскими постановленіями, при назначеніи наслѣдника, отвергъ своего роднаго сына и принялъ къ себѣ Македонянина»:—такъ онъ называлъ Вріеннія, по его происхожденію изъ Орестіи ([1]), одного изъ счастливыхъ и важнѣйшихъ городовъ Македоніи. Впрочемъ и послѣ такихъ словъ, сказанныхъ съ твердостію, Алексѣй опять предъ царицею Ириною показывалъ видъ человѣка, отнюдъ ей не отказывающаго, и всегда успокоивалъ свою жену притворнымъ увѣреніемъ, что онъ о ея словахъ размышляетъ. Это былъ человѣкъ, какъ нельзя болѣе скрытный, крайнюю осторожность всегда считалъ дѣломъ мудрымъ и обыкновенно не любилъ разсказывать о томъ, что хотѣлъ дѣлать. Когда же насталъ конецъ его жизни и онъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи въ великолѣпныхъ палатахъ, построенныхъ въ манганскомъ монастырѣ ([2]), — сынъ его Іоаннъ, видя, что отецъ приближается къ смерти, и зная, что мать ненавидитъ его и заботится о предоставленіи царства сестрѣ, входитъ въ сношеніе касательно плана своихъ дѣйствій съ тѣми изъ родныхъ, которые ему благопріятствовали и между которыми главнымъ былъ братъ Исаакъ. Въ слѣдствіе этого,

([1]) Нынѣшній Адріанополь.

([2]) Это—огромнѣйшій мужской монастырь въ Константинополѣ, построенный Константиномъ Мономахомъ во имя Великомученика Георгія. Здѣсь былъ и царскій дворецъ, построенный Василіемъ Македоняниномъ. Corp. Script. Hist. Byzant. Edit. Paris. vol. XX. pag. 42.

тайно отъ матери, входитъ въ спальню къ отцу и, припавъ къ нему, какъ бы для того, чтобы оплакать его, тихонько снимаетъ съ его руки перстень съ изображенiемъ печати. Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что онъ это сдѣлалъ съ согласiя отца, как это и можно заключать изъ того, что мы, спустя немного, скажемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Iоаннъ тотчасъ же собралъ своихъ соучастниковъ и, разсказавъ имъ о случившемся, поспѣшно отправился верхомъ въ сопровожденiи оруженосцевъ къ большому дворцу (¹), при чемъ какъ въ самомъ манганскомъ монастырѣ, такъ равно и по городскимъ улицамъ, приверженная къ нему толпа и жители города, собравшiеся по слуху объ этомъ событiи, привѣтствовали его царемъ-самодержцемъ. Царица Ирина, мать Iоанна, испугавшись этихъ происшествiй, пославъ за сыномъ, звала его къ себѣ и убѣждала удержаться отъ его предпрiятiя. Но такъ какъ Iоаннъ, вполнѣ отдавшись своему дѣлу, нисколько не обращалъ вниманiя на мать, то она побуждаетъ Вріеннія присвоить себѣ царство, обѣщая ему свое содѣйствiе. Когда же увидѣла, что и тутъ расчеты ея не удаются,—приходитъ къ мужу, распростертому на одрѣ и лишь краткимъ дыханiемъ обнаруживающему въ себѣ жизнь, повергается на его тѣло и, проливая слезы, какъ источникъ черной воды, громко жалуется на сына за то, что онъ еще при жизни отца, затѣявъ заговоръ, похищаетъ царство. Но мужъ ничего не отвѣтилъ на

(¹) Такъ называется главный дворецъ въ отличiе отъ прочихъ.

ея слова, будучи естественно занятъ при концѣ жизни другими важнѣйшими дѣлами, помышляя о наступающей кончинѣ и обращая взоры къ Ангеламъ—посмертнымъ душеводителямъ. Когда же царица стала сильнѣе настаивать и крайне огорчалась поступками сына, Алексѣй принужденно улыбнулся и поднялъ руки къ небу. Это онъ сдѣлалъ вѣроятно отъ радости, которую испыталъ, узнавъ о случившемся, и желая возблагодарить за то Бога, а можетъ быть этимъ онъ хотѣлъ выразить упрекъ и укоризну женѣ за то, что она заводитъ рѣчь о царствѣ въ минуты разлученія души съ тѣломъ, или наконецъ чрезъ это онъ испрашивалъ у Бога прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ. Но жена подумала, что мужъ непремѣнно радуется полученному отъ ней извѣстію, и потому, какъ совершенно потерявшая всѣ прежнія надежды и обманувшаяся въ обѣщаніяхъ, съ глубокимъ вздохомъ сказала: «мужъ! ты и при жизни отличался всевозможнымъ коварствомъ, любя говорить не то, что думалъ, и теперь, разставаясь съ жизнію, не измѣняешь тому, что любилъ прежде». Между тѣмъ Іоаннъ, прибывъ къ большому дворцу, не легко нашелъ въ него доступъ; потому что стража не довольствовалась тѣмъ, что онъ показалъ перстень, но требовала еще и другаго доказательства на то, что онъ прибылъ туда по приказанію отца. Вслѣдствіе этого дворцовыя ворота, будучи нѣсколько приподняты съ одного конца широкими мѣдными полосами, падаютъ на землю,—и такимъ образомъ и самъ онъ легко вошелъ, и съ нимъ вошли его

оруженосцы и родственники. Въ тоже время не мало вторглось людей и изъ случайно сбѣжавшейся и сопровождавшей его толпы, которые и стали грабить все, что ни попало. Когда же ворота снова были заперты, то и бывшіе внѣ дворца не могли больше входить въ него, и тѣ, которые вошли, не имѣя позволенія выходить, въ теченіи многихъ дней жили въ немъ вмѣстѣ съ царемъ. Это было въ пятнадцатый день мѣсяца Августа. А въ слѣдующую ночь царь Алексѣй скончался, царствовавъ тридцать семь лѣтъ и четыре мѣсяца съ половиною. На другой день рано утромъ мать тотчасъ же посылаетъ за Іоанномъ, приглашая его выйти къ торжественному выносу отцовскаго тѣла, которое немедленно имѣетъ быть поднято и отвезено въ монастырь, воздвигнутый Алексѣемъ во имя человѣколюбца—Христа. Но Іоаннъ не послушался матери и отказался отъ приглашенія не потому, чтобы онъ пренебрегалъ властію матери, или не хотѣлъ отдать честь отцу, но потому, что опасался за свою еще не утвердившуюся власть и боялся соперниковъ, которые втайнѣ горѣли еще желаніемъ царствовать. Посему-то самъ онъ не оставилъ дворца, держась его, какъ полипы держатся за камни, а большую часть бывшихъ съ нимъ родныхъ отправилъ на выносъ отца.

3. Когда же прошло много дней и онъ былъ уже въ безопасности; то дозволилъ всякому желающему и входить во дворецъ и выходить изъ него, и сталъ распоряжаться государственными дѣлами по своему усмотрѣнію. Съ людьми близ-

кими къ нему по родству и дружбѣ онъ обходился сообразно съ ихъ достоинствомъ, и отдавалъ каждому соотвѣтственную ему честь. А къ родному брату Исааку до того былъ привязанъ, что, казалось, сросся съ нимъ и дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ; частію потому, что и тотъ любилъ его больше всѣхъ, но особенно потому, что онъ исключительно, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно помогъ ему получить царство. При самомъ началѣ царствованія онъ раздѣлилъ съ нимъ свое сѣдалище и трапезу, и удостоилъ его провозглашенія, соотвѣтствующаго достоинству Севастократора ([1]), которымъ Исаакъ почтенъ былъ отъ отца своего Алексѣя. И надзирателями надъ общественными дѣлами онъ также сдѣлалъ людей близкихъ ему по крови, именно Іоанна Комнина, котораго почтилъ и достоинствомъ Паракимомена ([2]), и Григорія Таронита, бывшаго Протовестіаріемъ ([3]). Но такъ какъ Іоаннъ хотѣлъ распоряжаться всѣмъ по своему

([1]) Достоинство Севастократора придумано Алексѣемъ Комнинымъ для старшаго брата Исаака. Севастократоръ былъ выше Кесаря, и имя его провозглашалось вслѣдъ за именемъ царя. По замѣчанію Кодина, съ званіемъ Севастократора, равно какъ съ званіемъ Деспота и Кесаря, не было соединено никакой должности. Codin. ed. Bon. p. 174.

([2]) Παρακοιμώμενος отъ παρακοιμάομαι—возлѣ сплю, лежу, стою на стражѣ. Такъ называлось главное лице, завѣдывавшее царскою спальнею и всею прислугою при спальнѣ и имѣвшее въ своемъ распоряженіи начальника надъ спальнею (προκαθήμενος τοῦ κητῶνος) Codin. pp. 186 et 202.

([3]) Πρωτοβεςιάριος—такъ назывался главный начальникъ надъ царскимъ гардеробомъ. По Кодину онъ занималъ шестое мѣсто въ ряду придворныхъ должностей. Codin. p. 178.

произволу, велъ себя надменно и былъ гордъ, какъ никто другой, то скоро сложилъ съ себя званіе надзирателя за общественными дѣлами. Напротивъ Григорій, исполняя обязанности своего званія, велъ себя скромно и не выходилъ изъ предѣловъ своей власти, и потому пользовался сю постояннѣе. Впослѣдствіи ему приданъ былъ въ товарищи нѣкто другой Григорій, по прозванію Каматиръ. Это былъ человѣкъ знаменитый, но рода не знатнаго и отнюдъ не богатаго. Будучи принятъ царемъ Алексѣемъ въ число Секретарей, онъ объѣзжалъ провинціи, назначалъ имъ подати, и, собравъ чрезъ то огромное богатство, захотѣлъ чрезъ бракъ породниться съ царемъ. И когда дѣйствительно женился на одной изъ его родственницъ,—сдѣланъ былъ Секрето-Логоѳетомъ (¹). Но больше всѣхъ имѣлъ силы при этомъ царѣ и пользовался первыми почестями Іоаннъ Аксухъ, родомъ Персіянинъ. Въ то время, какъ Ваймундъ, на походѣ въ Палестину, освободилъ изъ подъ власти Персовъ главный городъ виѳинскій—Никею, вмѣстѣ съ городомъ взятъ былъ и Аксухъ и представленъ въ даръ царю Алексѣю. Такъ какъ онъ былъ ровесникомъ царю Іоанну, то принятъ былъ въ товарищи ему по забавамъ и сдѣлался самымъ любимымъ лицемъ между всѣми служившими въ комнатахъ и при спальнѣ. А когда Іоаннъ возшелъ

(¹) *Λογοθέτης τῶν σεκρέτων*. По Дюканжу — начальникъ государственнаго казначейства; но, по мнѣнію другихъ толкователей, Логоѳетъ *των σεκρέτων* былъ государственнымъ канцлеромъ и не отличался отъ великаго Логоѳета. Codin. ed. Bonn. p. 182.

на царство, онъ, будучи почтенъ званіемъ великаго Доместика ([1]), получилъ такую силу, какой никто не имѣлъ при прежнихъ царяхъ, такъ что многіе изъ знаменитыхъ людей по своему родству съ царскимъ домомъ, случайно встрѣтившись съ нимъ, сходили съ коня и отдавали ему поклонъ. Впрочемъ руки этого человѣка были не только опытны въ войнѣ, но и скоры и готовы на благотвореніе нуждающимся. А такое его великодушіе и благородство характера много прикрывали незнатность его рода и дѣлали его любимымъ у всѣхъ.

Но царю не исполнилось еще и года, какъ уже родные, неизвѣстно какимъ образомъ, изъ ненависти и зависти, устрояютъ противъ него заговоръ. Составивъ злой умыселъ и поклявшись другъ другу въ вѣрности, всѣ они пристаютъ къ сторонѣ Вріеннія и предоставляютъ ему царство, какъ человѣку, который знаетъ словесныя науки, одаренъ царскою наружностію и имѣетъ преимущество предъ другими по родству съ царемъ; потому что, какъ мы выше сказали, онъ былъ женатъ на сестрѣ царя, Кесариссѣ Аннѣ, которая также занималась главною изъ всѣхъ наукъ—философіею и была свѣдуща во всемъ. И когда царь ночевалъ въ филопатійскомъ циркѣ, находящемся недалеко отъ земляныхъ воротъ,—они, вѣрно, ночью напали бы на него съ

([1]) Такъ назывался главный начальникъ, или вождь сухопутнаго войска. У Кодина въ спискѣ должностей онъ слѣдуетъ за Кесаремъ и занимаетъ четвертое мѣсто. Codin. p. 176.

оружіемъ убійцъ, напередъ подкупивъ богатыми дарами начальника надъ городскими воротами, если бы Вріенній не разстроилъ ихъ замысла. По своей обычной безпечности и недостатку энергіи, нужной для овладѣнія царствомъ, онъ и самъ забылъ объ условіи и спокойно оставался дома, и былъ причиною охлажденія жара въ заговорщикахъ. Говорятъ, что при этомъ случаѣ Кесарисса Анна, негодуя на такую безпечность своего мужа, отъ ярости скрежетала зубами, какъ жестоко обиженная, и горько жаловалась на природу, немало обвиняя ее въ самыхъ срамныхъ выраженіяхъ за то, что ее она сдѣлала женщиною, а Вріеннія мужчиною. Когда же днемъ заговорщики были открыты, ни одинъ изъ нихъ не былъ ни изувѣченъ, ни наказанъ бичами, но всѣ лишены были имущества. А спустя немного времени и самое имущество было возвращено большей части изъ нихъ, начиная съ самой зачинщицы заговора Кесариссы Анны, которой прежде всѣхъ царь оказалъ человѣколюбіе. Поводомъ къ этому было вотъ какое обстоятельство. Когда царь Іоаннъ осматривалъ имущество Кесариссы, сложенное въ одномъ домѣ и состоявшее изъ золота, серебра, всякаго рода сокровищъ и разнообразныхъ одеждъ, то при этомъ случаѣ сказалъ: «со мною случилось не то, чего бы слѣдовало ожидать по обыкновенному порядку: родные оказались мнѣ врагами, а чужіе-друзьями; поэтому нужно, чтобы и богатство ихъ перешло къ друзьямъ»;—и дѣйствительно приказалъ великому Доместику взять все себѣ. Но тотъ, поблагодаривъ

царя за столь великую щедрость, попросилъ у него дозволенія сказать свое мнѣніе и, когда получилъ это дозволеніе, сказалъ: «хотя сестра твоя, царь, покусилась на дѣло беззаконное и крайне преступное, и самымъ дѣломъ отреклась отъ родства съ тобою, но съ потерею естественнаго расположенія, не потеряла и природнаго названія; а оставаясь родною сестрою добраго царя, она чрезъ раскаяніе, при пособіи природы, опять можетъ снискать ту любовь, которую теперь погубила по безумію. Пощади же, государь, однородную, оскорбившую твое державное величество, и накажи человѣколюбіемъ ту, которая уже открыто признаетъ себя побѣжденною твоею благостію; отдай ей и это, лежащее на глазахъ, имущество, не какъ справедливый долгъ, но какъ добровольный даръ. Вѣдь она съ большимъ правомъ, чѣмъ я, будетъ владѣть этимъ имуществомъ, такъ какъ оно составляетъ ея отцовское наслѣдство и опять перейдетъ въ ея потомство». Убѣжденный или, вѣрнѣе сказать, тронутый этими словами, царь охотно согласился на представленіе Аксуха, сказавъ: «я былъ бы недостоинъ царствовать, если бы ты, пренебрегши столь великимъ и столь легкимъ пріобрѣтеніемъ, превзошелъ меня въ человѣколюбіи къ моему семейству». И дѣйствительно, онъ все возвратилъ Кесариссѣ и примирился съ нею. Что же касается матери и царицы Ирины,—она отнюдь не была уличена въ участіи въ заговорѣ противъ сына; а напротивъ, узнавъ впослѣдствіи о заговорѣ, она, говорятъ, даже произнесла

и это мудрое правило: «надобно искать царя, когда его нѣтъ, и не трогать его съ мѣста, когда онъ есть», и при томъ сказала: «какое великое мученіе готовили мнѣ убійцы моего сына,-мученіе, безъ сомнѣнія, болѣе тяжкое, чѣмъ муки, испытанныя при его рожденіи! Эти послѣднія вызывали, по крайней мѣрѣ, на свѣтъ плодъ, носимый во чревѣ, а то, исходя изъ глубины ада и проходя сквозь мою утробу, причиняло бы мнѣ непрестанную скорбь».

4. Послѣ сего царь, видя, что Персы ни во что ставятъ договоръ, заключенный съ его отцемъ, и во множествѣ нападаютъ на города, расположенные во Фригіи при рѣкѣ Меандрѣ, съ началомъ весны выступилъ противъ нихъ въ походъ и, послѣ многократныхъ побѣдъ надъ ними въ сраженіяхъ, овладѣлъ Лаодикіею и окружилъ ее стѣнами, изгнавъ Алпихара, которому ввѣрена была ея защита. Затѣмъ приведя въ надлежащій порядокъ и всѣ прочія дѣла, онъ возвратился домой; но, проживъ въ Византіи недолго, онъ снова оставляетъ дворецъ и переселяется въ лагерь, для предотвращенія варварскихъ набѣговъ, справедливо полагая, что въ случаѣ неготовности отразить ихъ, они легко могутъ нанесть большой вредъ. Онъ охотно проводилъ время въ походахъ, надѣясь чрезъ это достигнуть двухъ весьма важныхъ выгодъ,—и охраненія своихъ провинцій, которыя обезопашиваются по большой части такимъ движеніемъ войскъ въ открытомъ полѣ,—и обученія военнымъ дѣламъ и окрѣплости своихъ легіоновъ, которые, живя не въ домахъ, трудомъ и по-

томъ закаляются, какъ раскаленное желѣзо отъ погруженія въ воду. И такъ, онъ выступаетъ въ походъ съ намѣреніемъ овладѣть Созополемъ, городомъ Памфиліи. Но какъ не легко было взять этотъ городъ силою, и по причинѣ находившагося въ немъ гарнизона, и по трудно доступной и скалистой мѣстности, на которой онъ былъ расположенъ; то царь, по божественному внушенію, употребляетъ слѣдующую хитрость. Поручивъ конницу нѣкоему Пактіарію, онъ приказываетъ ему какъ можно чаще появляться въ виду Созополя и бросать на стѣны стрѣлы; если же непріятели выйдутъ,—бѣжать назадъ и, не вступая въ сраженіе, проходить узкія и лѣсистыя тропы, находящіяся недалеко отъ города. Какъ царь приказалъ, такъ Пактіарій и дѣлалъ. И какъ Персы часто выходили изъ Созополя и далеко преслѣдовали Пактіарія, то онъ искусно вводитъ въ обманъ непріятелей, поставивъ въ узкомъ мѣстѣ засаду. При одномъ изъ такихъ нападеній Турки, не предполагая засады, особенно упорно и далеко преслѣдовали Римлянъ, такъ что неосторожно прошли и тѣснины. Тогда бывшіе въ засадѣ Римляне, видя, что Персы беззаботно во всю мочь гонятся за ихъ товарищами и думаютъ лишь о томъ, какъ бы догнать бѣгущихъ, тотчасъ же поднимаются изъ засады и идутъ прямо къ Созополю. Когда же вскорѣ за тѣмъ и бѣгущіе обратились назадъ, то Турки очутились въ срединѣ и, не имѣя возможности ни опять войти въ городъ, потому что вышедшіе изъ засады Римляне заняли входы, ни убѣжать отъ тѣхъ, которые прежде

бѣжали, а теперь—тѣснили ихъ сзади, — частію были переловлены, частію легко побиты мечами, и лишь не многіе спаслись, благодаря отличному качеству своихъ лошадей. Такимъ-то образомъ Созополь взятъ былъ Римлянами по одному благоразумному распоряженію царя. Вслѣдъ за тѣмъ царь овладѣлъ крѣпостью, которая называлась Іеракокорифитисъ (ястребиная вершина), и покорилъ весьма многіе другіе города и укрѣпленія, прежде платившіе дань Римлянамъ, а тогда бывшіе въ союзѣ съ Персами.

На пятомъ году своего царствованія Іоаннъ выступаетъ въ походъ противъ Скиѳовъ, которые стали опустошать Ѳракію, уничтожая хуже саранчи все, что ни встрѣчалось. Собравъ римскія войска, онъ вооружился, сколько можно сильнѣе, не только потому, что непріятелей было почти безчисленное множество, но и потому, что варвары выказывали надменность и съ хвастовствомъ смѣло и сильно наступали. Къ тому же, онъ, кажется, вспомнилъ, что потерпѣлъ прежде, когда римскимъ скипетромъ владѣлъ Алексѣй Комнинъ, и когда занята была Ѳракія и опустошена большая часть Македоніи. Сначала, употребивъ военную хитрость, царь отправляетъ къ Скиѳамъ пословъ, которые говорили однимъ съ ними языкомъ, чтобы какъ нибудь склонить ихъ къ договору и отклонить отъ войны всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ они раздѣлялись на многія племена и отдѣльно раскидывали свои шатры. Заманивъ къ себѣ этимъ способомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ начальниковъ, онъ оказалъ

имъ всевозможную ласковость, предложилъ роскошное угощеніе, очаровалъ и обворожилъ ихъ подарками, состоявшими изъ шелковыхъ одеждъ и серебряныхъ чашъ и кастрюль. Отуманивъ и разстроивъ такими ласками умы Скиѳовъ, онъ рѣшился, нисколько не медля, вывести противъ нихъ войско и вступить съ ними въ сраженіе, пока они находятся еще въ нерѣшимости и склоняются то туда, то сюда, то есть — и думаютъ заключить съ Римлянами союзъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ обѣщаній, и хотятъ отважиться на войну, какъ уже прежде привыкшіе побѣждать. Итакъ, поднявшись изъ предѣловъ Верои, гдѣ стоялъ лагеремъ, онъ въ сумерки нападаетъ на Скиѳовъ. Тогда происходитъ страшная свалка и завязывается ужаснѣйшая изъ когда-либо бывшихъ битва. Ибо и Скиѳы мужественно встрѣтили наше войско, наводя ужасъ своими конными аттаками, бросаніемъ стрѣлъ и криками при нападеніяхъ, и Римляне, однажды вступивъ въ бой, рѣшились сражаться съ тѣмъ, чтобы побѣдить или умереть. При этомъ и самъ царь, имѣя при себѣ друзей и опредѣленное число тѣлохранителей, всегда какъ-то являлся на помощь тамъ, гдѣ была опасность. Между тѣмъ Скиѳы, руководимые одною нуждою, изобрѣтательницею всего полезнаго, изъ предосторожности ухитрились во время этой битвы вотъ на что. Собравъ всѣ повозки, они расположили ихъ въ видѣ круга и, поставивъ на нихъ не малое число своего войска, пользовались ими, какъ валомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставивъ между ними косые проходы, они, когда

тѣснимы были Римлянами и принуждены были бѣжать, уходили за повозки, какъ за крѣпкую стѣну, и отъ того не подвергались невыгодамъ бѣгства; а потомъ, отдохнувъ, опять выходили оттуда, какъ бы чрезъ отверстыя ворота, и мужественно сражались. Такимъ образомъ эта битва была почти настоящимъ штурмомъ стѣнъ, внезапно воздвигнутыхъ Скиѳами среди открытаго поля, и отъ того Римляне напрасно истощались въ усиліяхъ. Тогда-то Іоаннъ показалъ своимъ подданнымъ образецъ мудрости, ибо онъ не только былъ умный и находчивый совѣтникъ, но и первый исполнялъ на дѣлѣ то, что предписывалъ военачальникамъ и войскамъ. То было дѣло необыкновенное и свидѣтельствовало о его великомъ благочестіи. Когда непріятели всею массою напали на Римлянъ и съ особенною отвагою вступили въ бой, и когда римскія фаланги изнемогали, — онъ, ставъ предъ иконою Богоматери и съ воплемъ и съ умоляющимъ видомъ взирая на нее, проливалъ слезы, болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ. И не безплодно было это его дѣйствіе: напротивъ, онъ тотчасъ же облекся силою свыше и прогналъ войска скиѳскія, какъ нѣкогда Моусей простертіемъ рукъ разсѣялъ полчища Амаликитянъ. Взявъ тѣлохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными съ одной стороны сѣкирами, онъ несокрушимою стѣною устремляется на Скиѳовъ. И когда устроенное изъ повозокъ укрѣпленіе ими было разрушено и отъ того бой сдѣлался рукопашнымъ,— враги опрокидываются и обращаются въ безслав-

ное бѣгство, а Римляне смѣло ихъ преслѣдуютъ. Тогда тысячами падаютъ эти жители повозокъ, и лагери ихъ разграбляются. Что же касается до военноплѣнныхъ, то ихъ оказывается безчисленное множество, равно какъ и тѣхъ, которые добровольно отдались изъ любви къ плѣннымъ единоземцамъ, такъ что изъ нихъ въ одной западной римской провинціи составлены были цѣлыя селенія, отъ которыхъ небольшіе остатки существуютъ еще и доселѣ. Не малое также число ихъ включено было въ союзныя когорты, но еще болѣе значительныя толпы, взятыя войскомъ, были проданы.

5. Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ Скиѳами и достигнувъ такого великаго торжества, Іоаннъ воздаетъ благодареніе Богу, учредивъ въ память этого событія и во свидѣтельство благодарности такъ называемый у насъ праздникъ Печенеговъ. Затѣмъ, спустя немного времени, онъ объявилъ походъ и противъ Трибалловъ, которыхъ другіе называютъ Сербами,—за ихъ непріязненныя дѣйствія и за нарушеніе договоровъ. Сразившись съ ними и одержавъ надъ ними полную побѣду, онъ принудилъ къ миру и этихъ варваровъ, которые впрочемъ и не отличались воинскими доблестями, и потому всегда находились подъ властію сосѣдей. Вынесши отсюда огромную добычу и обогативъ добычею войско, онъ взятыхъ въ плѣнъ людей перевелъ на Востокъ и, назначивъ имъ жилище въ никомидійской области и надѣливъ большимъ количе-

ствомъ земли, часть изъ нихъ включилъ въ войско, а часть обложилъ податью.

Когда у этого царя родились дѣти мужескаго пола, то старшему сыну, по имени Алексѣю, онъ далъ право носить порфиру и обуваться въ красные сапоги и дозволилъ, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, провозглашать и его имя, когда народныя толпы привѣтствуютъ его именемъ римскаго Самодержца; а втораго послѣ него сына Андроника, и слѣдующаго за нимъ Исаака, и потомъ четвертаго Мануила почтилъ достоинствомъ Севастократорскимъ. Разсказываютъ, что царь видѣлъ во снѣ, будто нововѣнчанный сынъ его Алексѣй сидитъ на львѣ и управляетъ имъ, держа его за уши, за неимѣніемъ другаго средства управлять этимъ животнымъ. Смыслъ этого сновидѣнія былъ тотъ, что Алексѣя будутъ только именовать и провозглашать царемъ, дѣйствительно же царской власти онъ не получитъ. Такъ и случилось, потому что спустя немного времени Алексѣй скончался.

Около лѣтняго времени Гунны, нарушивъ прежде заключенные дружественные договоры, перешли Дунай, опустошили Враницову, разрушивъ ея стѣны и перенесши камни въ Зевгминъ, и разграбили Сардику. Тайною причиною этого непріязненнаго дѣйствія было то, что Алмузъ, родной братъ Стефана, начальствовавшаго надъ Гуннами, ушелъ къ царю и былъ принятъ имъ чрезвычайно ласково; а благовиднымъ и открытымъ предлогомъ—то, будто жители Враницовы разбойнически нападаютъ на приходящихъ къ нимъ

для торговли Гунновъ и поступаютъ съ ними весьма худо. Такъ какъ это несчастіе случилось неожиданно, то царь благоразумно ограничилъ тогда свои оборонительныя дѣйствія прибытіемъ въ Филиппополь и изгнаніемъ изъ него Гунновъ. Но послѣдующее за тѣмъ время онъ употребилъ на то, чтобы все приготовить къ оборонѣ своихъ и отмщенію врагамъ, — собралъ войско, устроилъ быстрыя на ходу суда, ввелъ ихъ черезъ Понтъ въ Дунай, и такимъ образомъ водою и сушею предсталъ предъ непріятелями. Переплывъ рѣку на адмиральскомъ кораблѣ и переправивъ войско на противоположный берегъ, онъ конницею и копьями разсѣялъ собравшуюся толпу Гунновъ. Затѣмъ оставшись въ непріятельской землѣ и пробывъ въ ней долѣе обыкновеннаго, онъ овладѣлъ Франгохоріемъ, этою плодоноснѣйшею частію земли Гунновъ, которая разстилается обширными равнинами между рѣками Савою и Дунаемъ, принудилъ къ сдачѣ Зевгминъ и, достигнувъ самаго Храма, овладѣлъ огромною добычею. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ новыхъ сраженій, заключивъ и съ этимъ народомъ выгодный и прочный мирный договоръ, и своими многократными успѣхами въ войнѣ заставивъ искать дружбы съ собою и прочихъ варваровъ, сопредѣльныхъ Римлянамъ на Западѣ, онъ призналъ необходимымъ привлечь къ себѣ какимъ нибудь образомъ и племена отдаленныя, и особенно тѣ, которыя, занимаясь торговлею и промыслами, пріѣзжаютъ на корабляхъ въ Константинополь. И дѣйствительно, онъ склонилъ къ дружбѣ съ собою приморскую Италію, которая обык-

новенно на всѣхъ парусахъ летѣла въ царствующій городъ. Когда же такимъ образомъ водворенъ былъ миръ съ народами западными, онъ перевелъ войско на Востокъ и рѣшился напасть на Персо-Армянъ, владѣвшихъ Кастамоною. Съ этою цѣлію, пройдя Виѳинію и Пафлагонію, онъ приходитъ къ тому мѣсту и, при пособіи множества лѣстницъ и поставленныхъ вокругъ города осадныхъ машинъ, овладѣваетъ Кастамоною, а начальствовавшаго надъ нею Персо-Армянина заставляетъ въ отчаяніи бѣжать. Выведя отсюда значительную толпу взятыхъ въ плѣнъ Персовъ, онъ возвратился въ Византію и, назначивъ по поводу этой побѣды тріумфъ, приказалъ соорудить колесницу и отдѣлать ее серебромъ. Чудное произведеніе была эта колесница, украшенная по мѣстамъ даже камнями, хотя и не самыми дорогими! Когда насталъ день, назначенный для торжественнаго шествія, улицы украсились всякаго рода коврами, протканными золотомъ и пурпуромъ; были тутъ и изображенія Христа и святыхъ, которыя художническая рука отпечатлѣла на покрывалахъ такъ, что ихъ можно было принять за живыя, а не вытканныя. Стоили также удивленія и деревянныя подмостки, устроенныя для зрителей по обѣимъ сторонамъ дороги. Такъ была приготовлена и убрана та часть города, которая идетъ отъ восточныхъ воротъ до самаго большаго дворца. Великолѣпна была колесница, но и везли ее четыре прекрасныя лошади, шерстью бѣлѣе снѣга. Царь самъ не взошелъ на колесницу, но помѣстилъ на ней икону Богома-

тери; такъ какъ она была причиною его радости и восторга, отъ котораго онъ былъ внѣ себя, и ей, какъ непобѣдимой Воеводѣ, вмѣстѣ съ нимъ начальствовавшей надъ войскомъ, онъ приписывалъ побѣды. Назначивъ первымъ при себѣ вельможамъ вести за узду лошадей и поручивъ близкимъ роднымъ попеченіе о колесницѣ, онъ самъ пѣшкомъ шелъ впереди, неся крестъ. Войдя въ храмъ, котораго наименованіе взято отъ премудрости Божіей, онъ предъ лицемъ всего народа воздалъ благодареніе Господу Богу за успѣшныя дѣла свои и затѣмъ отправился во дворецъ.

Но не много прошло послѣ того времени,— такъ что едва успѣлъ онъ показать себя своимъ подданнымъ и насладиться зрѣлищами, да и солдаты, послѣ долгаго отсутствія, едва успѣли побывать въ своихъ домахъ, дать отдохнуть лошадямъ и отточить копья,—какъ онъ опять выступилъ въ походъ противъ Кастамоны. Причиною было то, что владѣвшій въ то время каппадокійскою страною Персо-Армянинъ Тансманій, напавъ на этотъ городъ съ большимъ войскомъ, взялъ его силою и истребилъ мечемъ римскій гарнизонъ. Прибывъ на мѣсто, царь узналъ, что Тансманія нѣтъ уже въ живыхъ, что Кастамоною правитъ какой-то Магометъ, который находился во враждѣ съ начальникомъ города Иконіи Массутомъ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для усиленія своихъ средствъ, онъ заключаетъ съ Массутомъ союзъ и, получивъ отъ него вспомогательное войско, нападаетъ на Магомета. Тогда Магометъ, видя, что онъ не въ

состоянін бороться съ двумя войсками, входитъ въ тайное сношеніе съ своимъ соплеменникомъ Массутомъ и, забывъ вражду,—какъ многими другими представленіями, которыя выставилъ ему на видъ въ письмѣ, такъ особенно тѣмъ, что дѣла Персовъ будутъ въ дурномъ положеніи, если они не примирятся между собою и онъ останется въ союзѣ съ царемъ римскимъ,—убѣждаетъ Иконійца Массута, оставивъ царя, соединиться съ нимъ и подать ему помощь. Вслѣдствіе сего, когда спустя не много времени Персы, высланные Султаномъ на помощь царю, дѣйствительно ночью ушли отъ него, настоящій походъ для Римлянъ не былъ удаченъ. Поэтому царь отступилъ оттуда и расположился лагеремъ въ городѣ, который имъ же былъ выстроенъ при рѣкѣ Риндакѣ. Но потомъ онъ снова, съ большею силою напалъ на Магомета и, возвративъ Римлянамъ Кастамону, захотѣлъ овладѣть и Гангрою, однимъ изъ знаменитыхъ и величайшихъ городовъ понтійскихъ, который не такъ давно подпалъ подъ власть Персовъ.

6. Съ этою цѣлію покоривъ сначала силою оружія окрестности города, онъ вслѣдъ за тѣмъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ предъ самымъ городомъ. Но какъ бывшіе въ городѣ Персы думали о себѣ слишкомъ много и ни на какомъ условіи и договорѣ не соглашались впустить царя въ городъ; то войска обложили городскія стѣны и начали стѣнобитными машинами непрерывно поражать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась возможность овладѣть ими. Когда же эти

труды оказались безуспѣшными, какъ по силѣ оборонительныхъ укрѣпленій, такъ и по упорному мужеству, съ которымъ сражались осажденные; то царь положилъ—оставя стѣны, бросать камни въ домы, видимые съ внѣшнихъ высотъ, на которыхъ Римляне стояли лагеремъ. Тогда управляющіе машинами, пользуясь открытою мѣстностію, стали бросать круглые и легкіе камни, сколько можно дальше, такъ что казалось камни летали, а не были бросаемы машинами. Отъ этого домы стали падать, крыши ихъ проваливались и давили жителей, такъ что наконецъ и ходить по улицамъ было опасно и сидѣть спокойно дома совсѣмъ не возможно. Частію отъ этого, частію вслѣдствіе упорной осады со стороны царя, но особенно по причинѣ смерти начальствовавшаго надъ Гангрою Тапсманія, жители и сами сдались и сдали городъ Императору. Тогда царь вошелъ въ городъ, вывелъ изъ него множество Персовъ, оставилъ въ немъ гарнизонъ изъ двухъ тысячь Римлянъ и за тѣмъ возвратился въ столицу. Но и этотъ городъ недолго оставался въ рукахъ Константинополя въ числѣ другихъ подвластныхъ ему городовъ. Персы въ большемъ, противъ прежняго, числѣ и въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ напали на него, осадили и принудили къ сдачѣ голодомъ, между тѣмъ какъ царь былъ занятъ другими важнѣйшими дѣлами и на нихъ обращалъ все свое вниманіе.

Послѣ сего царь объявилъ походъ въ Киликію, желая отмстить царю Арменіи Левуну (Леону) за то, что онъ не только овладѣлъ нѣсколь-

кими подвластными Римлянамъ городами, но и покушался занять Селевкію. Собравъ войска старыя и присоединивъ къ нимъ вновь набранныя, и взявъ съ собою достаточное количество продовольственныхъ запасовъ на долговременный походъ, онъ является у вратъ Киликіи (¹) и, пройдя ими безъ боя, занимаетъ Адану и овладѣваетъ Тарсомъ. Но неудовольствовавшись этимъ, онъ ведетъ борьбу изъ-за цѣлой Арменіи и, послѣ того какъ одними изъ важнѣйшихъ крѣпостей овладѣлъ по договору, а другія покорилъ силою,— дѣйствительно становится обладателемъ всей этой страны. Въ это время онъ между прочимъ приступилъ и къ одной стоящей на крутизнѣ крѣпости, по имени Вака̀; и такъ какъ жители не только не просили пощады, но даже не соглашались ни на какой мирный договоръ, то онъ, окопавшись валомъ, окружилъ крѣпость всѣмъ войскомъ и рѣшительно объявилъ, что не отступитъ отсюда, пока не сдѣлается обладателемъ города, хотя бы ему пришлось посѣдѣть и много разъ быть засыпану снѣгомъ. Въ тоже время онъ представлялъ осажденнымъ, сколько они получатъ отъ него благодѣяній, если сдадутся и передадутъ ему укрѣпленіе, и напротивъ, какъ худо будетъ съ ними поступлено, если они будутъ взяты силою оружія и увидятъ войско ворвавшимся въ городъ. Но оказалось, что это онъ напѣвалъ аспидамъ, которые нарочно закрываютъ

(¹) Такъ называется одинъ изъ узкихъ проходовъ, ведущихъ изъ Сиріи въ Киликію.

уши, чтобы не слышать чаръ, произносимыхъ волхвователемъ, и хотѣлъ вымыть эѳіопа. Ибо и всѣ вообще, кому ввѣрено было начальство въ крѣпости Вака, нисколько не боялись сраженія, и въ особенности нѣкто Константинъ, знаменитѣйшій между Армянами и превосходившій многихъ силою и храбростію. Этотъ человѣкъ не только возбуждалъ и одушевлялъ жителей къ войнѣ съ Римлянами, но и самъ часто показывался изъ крѣпости и, стоя въ вооруженіи на холмѣ, который природа оградила скалою, а искуство окружило и укрѣпило стѣнами,—осыпалъ царя бранью на греческомъ языкѣ и нагло издѣвался въ непристойныхъ выраженіяхъ надъ его женою и дочерями. Царю очень хотѣлось схватить и наказать этого нагло ругавшагося варвара; и такъ какъ онъ, надѣясь на свою силу и чрезмѣрно хвастая крѣпостію своихъ мышцъ, смѣялся и надъ царскими войсками и дерзко вызывалъ на единоборство съ собою любаго царскаго воина, то царь немедленно приказываетъ таксіархамъ (¹) выбрать какого нибудь сильнаго ратника, который могъ бы сразиться съ этимъ Армяниномъ. Когда выбранъ былъ изъ македонскаго легіона нѣкто Евстратій,—ему дали щитъ величиною въ ростъ человѣка и вручили вновь отточенный мечъ. Вооружившись такимъ образомъ, Евстратій отдѣлился отъ римскихъ отрядовъ и, ставъ у подножія холма, приглашалъ Армянина

(¹) Ταξιάρχης — начальникъ отряда, состоявшаго большею частію изъ ста человѣкъ, по нашему—ротный.

сойти нѣсколько ниже, чтобы они могли сразиться на ровномъ мѣстѣ, если онъ дѣйствительно хочетъ вступить въ единоборство, а не напрасно и не по крайней глупости, сверхъ всего другаго величается и этимъ. Константинъ, будучи воиномъ и огромнаго роста и отважнаго духа, принялъ эти слова Македонянина за личную обиду. Оградившись бѣлымъ квадратнымъ щитомъ, на срединѣ котораго было изображеніе креста, онъ, какъ ниспадающая молнія, или какъ горная серна, выскакивающая изъ кустовъ, бросается на Евстратія и, поднявъ вооруженную мечемъ руку, непрерывно съ неистовствомъ бьетъ вдоль и поперекъ по щиту Македонянина, такъ что постоянно ожидали, что онъ нанесетъ ему тяжкій ударъ. Царь съ своей стороны не только потерялъ всякую надежду на успѣхъ, но и явно говорилъ, что Македонянинъ не останется въ живыхъ. Не смотря однакоже на то, что Константинъ такъ стремительно нападалъ, Римляне криками ободряли Евстратія и побуждали его въ свою очередь также поразить противника. Но Евстратій много разъ поднималъ руку и заставлялъ думать, что онъ ударитъ соперника, и однакожъ вопреки ожиданію, опускалъ ее, какъ будто бы какой нибудь чародѣй отводилъ ее отъ удара и удерживалъ, когда она готова была поразить. Наконецъ, послѣ долгаго маханія мечемъ, Македонянинъ наноситъ такой ударъ, что разсѣкаетъ пополамъ огромный и истинно Гекторскій щитъ Константина. При этомъ Римляне съ величайшимъ изумленіемъ подняли радостный крикъ, а Армянинъ, по-

терявъ такъ неожиданно охранное оружіе и не имѣя возможности долѣе оставаться на мѣстѣ битвы, искалъ спасенія въ бѣгствѣ и съ чрезвычайною поспѣшностію, какъ въ опасности жизни, взбѣжалъ на холмъ. Съ тѣхъ поръ, оставаясь въ крѣпости, онъ не величался уже надъ Римлянами и перессталъ съ своихъ дерзкихъ устъ, какъ съ тетивы, бросать въ царя и въ его родъ стрѣлы поносныхъ рѣчей. Когда же царь спросилъ Македонянина, для чего и съ какою цѣлію онъ нѣсколько разъ поднималъ руку, какъ бы намѣреваясь поразить противника, и только однажды нанесъ ударъ,—тотъ отвѣчалъ, что у него было намѣреніе однимъ ударомъ меча разсѣчь и щитъ и щитоносца; но такъ какъ онъ не могъ осуществить своего намѣренія, потому что противникъ держалъ щитъ не прижатымъ къ тѣлу, но вдали отъ себя, то рѣшился не терять напрасно времени, но сначала рѣшительнымъ ударомъ сокрушить щитъ и за тѣмъ уже напасть на непріятеля, когда онъ останется безъ щита. Царь подивился этимъ словамъ и наградилъ Евстратія весьма большими дарами.

7. Не много дней спустя послѣ того крѣпость принуждена была сдаться царю. Тогда и Константинъ былъ взятъ въ плѣнъ, заключенъ въ оковы и посаженъ на корабль, который чрезъ нѣсколько времени долженъ былъ сняться съ якоря и доставить этого узника въ Византію; но Армянинъ, будучи человѣкомъ дерзскимъ и отважнымъ, напавъ ночью на стражей, весьма многихъ изъ нихъ убилъ и, снявъ съ себя оковы

при пособіи бывшихъ съ нимъ слугъ, спасся бѣгствомъ. Впрочемъ прежде чѣмъ успѣлъ затѣять новыя дѣла, онъ опять былъ схваченъ и выданъ царю.

Но не только при взятіи крѣпости Вака царь боролся съ трудностями, а еще и прежде ему стоило весьма много трудовъ занятіе Анаварзы (¹). Этотъ городъ и самъ по себѣ былъ многолюденъ, обнесенъ крѣпкими стѣнами и расположенъ на утесистыхъ скалахъ; а тогда онъ сдѣлался еще сильнѣе, потому что въ немъ, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, укрылись люди, вполнѣ вооруженные и весьма храбрые, къ нему прибавлены были новыя укрѣпленія и онъ снабженъ былъ всякаго рода машинами. Царь напередъ послалъ къ этому городу часть своего войска, и именно составленную изъ персидскихъ отрядовъ, которые онъ взялъ прежде, при занятіи Гангры, — въ намѣреніи вывѣдать чрезъ это расположенія Армянъ и съ точностію узнать, что они имѣютъ въ виду. Но тѣ, лишь только увидѣли Персовъ, воспламенились противъ нихъ гнѣвомъ и, въ увѣренности, что они немедленно погибнутъ и не выдержатъ даже и перваго ихъ нападенія, — отворивъ ворота, выступили противъ нихъ. Въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ они дѣйствительно одолѣваютъ Персовъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, далеко преслѣдуютъ. Но когда бѣгущіе Персы, спустя немного времени, остановились и обратились назадъ, потому что и римскіе легіоны по-

(¹) Тоже, что Аназарбъ.

доспѣли имъ на помощь, тогда битва принимаетъ противоположный видъ, и Армяне поневолѣ запираются въ стѣнахъ. Вскорѣ за тѣмъ къ стѣнамъ подвозятся осадныя машины и бросаемыми изъ нихъ шаровидными камнями поражаются башни. Но и варвары не оставались при этомъ въ бездѣйствіи: напротивъ и они также, поставивъ на своихъ укрѣпленіяхъ машины, бросали въ войско тяжелые камни и пускали раскаленные куски желѣза, и какъ въ этомъ отношеніи имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ Римлянами, то сначала весьма многіе изъ Римлянъ были ранены. Затѣмъ, одушевившись, Армяне выходятъ изъ крѣпости и, произведя неожиданное и стремительное нападеніе, сожигаютъ осадныя машины, легко поджегши тростниковыя цыновки и плетенки, которыми для защиты покрыты были машины. Тутъ поднялся со стороны непріятелей громкій смѣхъ, начались радостныя тѣлодвиженія, и многократныя насмѣшки надъ Римлянами, и бранныя рѣчи на царя, и продолжительная болтовня. Но это не надолго остановило военныя дѣйствія и прекратило борьбу. Римляне наскоро исправили камнеметательныя орудія, устроили для нихъ покрышки и связи изъ глины и кирпичей, и на слѣдующій день снова начали поражать стѣны. Такъ какъ теперь бросаемые Армянами раскаленные куски желѣза нисколько не вредили машинамъ, то всѣ усилія непріятелей оказались безплодными и прежній ихъ смѣхъ и хохотъ обратились въ плачь. Ибо раскаленные куски желѣза, бросаемые изъ города, хотя и падали стремительно и про-

изводили жестокіе удары, но, упадая на мягкую, влажную, глинистую и рыхлую покрышку, оставались безъ дѣйствія: сила удара ихъ мало по малу ослабѣвала, пламя погасало, и потому они не производили ни одного изъ тѣхъ дѣйствій, для которыхъ были бросаемы. Когда такимъ образомъ городская стѣна во многихъ мѣстахъ была разрушена и доступъ въ городъ сдѣлался удобнымъ,—многочисленные непріятели, прежде дерзкіе и потрясавшіе оружіемъ, преклоняются предъ царемъ и скорѣе по необходимости, чѣмъ по доброй волѣ, сдаютъ ему городъ Анаварзу; да и то не тотчасъ, но послѣ вторичной попытки защититься, послѣ неоднократныхъ сраженій, послѣ того какъ перешли за другую, смежную стѣну и опять отсюда также, какъ изъ-за первой стѣны, не безъ крови отражали и отбивали Римлянъ.

Покоривъ подобнымъ образомъ и лежащія около этого города крѣпости, царь отправляется въ Келесирію, и вступаетъ въ прекрасный городъ Антіохію, чрезъ который протекаетъ Оронтъ и который освѣжаетъ западный вѣтеръ съ моря. Здѣсь онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и княземъ Раймундомъ и всѣми городскими жителями. Пробывъ въ этомъ городѣ довольно времени и сдѣлавъ своимъ ленникомъ князя, а вмѣстѣ съ нимъ и графа трипольскаго, онъ рѣшился напасть на сопредѣльные съ Антіохіею города сирофиникійскіе, бывшіе въ то время подъ властію Агарянъ. Съ этою цѣлію приблизившись къ рѣкѣ Евфрату, онъ подходитъ къ одному городу, который туземцы называютъ Пизою. Здѣсь

непріятели выказали особенную храбрость въ битвѣ, и потому Римляне отступили и были нѣсколько времени преслѣдуемы, такъ какъ передовая часть войска не могла устоять противъ бѣшенаго и невѣроятно стремительнаго нападенія враговъ. Но когда потомъ вблизи показался царь, то его фаланга снова вступила въ бой съ непріятелями; и они, не выдержавъ натиска Римлянъ, принуждены были укрыться за стѣнами, изъ-за которыхъ съ тѣхъ поръ уже и не рѣшались выходить. Этотъ городъ имѣлъ двойныя стѣны и отчасти былъ опоясанъ глубокимъ рвомъ, отчасти огражденъ естественною скалою. Но когда многія изъ башенъ, не устоявъ подъ градомъ камней, рушились, — Агаряне потеряли мужество. Дерзкіе и надменные, они теперь, когда укрѣпленія не обѣщали имъ безопасности, обратившись къ царю съ просьбою, умоляютъ его о жизни и покупаютъ ее цѣною всего своего имущества. Отсюда царь отправилъ часть войска противъ городовъ и крѣпостей, лежащихъ за Евфратомъ, и собралъ множество добычи. Затѣмъ, подаривъ Пизу графу едесскому и миновавъ Вемпецъ, какъ такой городъ, который не трудно было взять, потому что онъ лежалъ на ровномъ мѣстѣ, — выступилъ, по просьбѣ князя антіохійскаго, который также былъ съ нимъ въ походѣ, противъ Халепа и Ферепа. Приблизившись къ Халепу, который въ древности назывался Верреею, онъ видитъ, что это городъ многолюдный и что въ немъ весьма много войска, которое тотчасъ же и вышло изъ-за стѣны, какъ только увидѣло Римлянъ,

и стремительно напало на царскія войска, но, потерпѣвъ пораженіе, укрылось за стѣну. И не теперь только, но и послѣ нѣсколько разъ непріятели производили вылазку, хотя ни въ одной не имѣли успѣха. А однажды, когда самъ царь объѣзжалъ городъ и осматривалъ стѣну, они тайно направили противъ него далекометныя машины, но и тутъ не успѣли въ своемъ намѣреніи. Впрочемъ на этотъ разъ царь ничего не могъ сдѣлать съ городомъ, частію по прочности его укрѣпленій, частію по многочисленности бывшаго въ немъ пѣшаго и коннаго войска, а не менѣе того и по недостатку жизненныхъ припасовъ, равно какъ дровъ и воды. Выступивъ отсюда, онъ овладѣлъ при первомъ же нападеніи Ферепомъ и, подаривъ его одному графу антіохійскому, перешелъ къ другому городу, называемому на мѣстномъ нарѣчіи Кафарда, который повелѣваетъ обширною страною, гордится подвластными ему въ окрестности не маловажными крѣпостями и славится крѣпостію своихъ стѣнъ.

8. Овладѣвъ въ короткое время и этимъ городомъ, царь идетъ далѣе и, направляя путь къ Сезеру, располагается лагеремъ около Истрія, города Месопотаміи, недалеко отстоящаго отъ Сезера и всѣмъ, какъ нельзя лучше, снабженнаго. Разрушивъ мимоходомъ этотъ городъ и отдавъ его на разграбленіе солдатамъ, и въособенности тѣмъ скиѳскимъ легіонамъ, которые его взяли, онъ поднимается отсюда и подходитъ къ Сезеру. Между тѣмъ жители этого города собрали весьма много вооруженныхъ ратниковъ, такъ какъ

сюда сошлись и сосѣдніе сатрапы. Соединившись въ одно войско и составивъ одинъ военный союзъ, они, перейдя протекающую тамъ рѣку, выступили навстрѣчу Римлянамъ и, потрясая тростниковыми дротиками, на своихъ быстрыхъ лошадяхъ напали на царскія фаланги. Но послѣ многократныхъ схватокъ, царь одерживаетъ побѣду, и тогда одни изъ непріятелей тонутъ въ водѣ, а другіе пронизываются копьями, такъ какъ тростниковые дротики, которые они бросали, однюдъ не оказали имъ нужной помощи, а доставили пособіе слабое, ничтожное, однимъ словомъ—тростниковое. Съ этихъ поръ, укрывшись за стѣны, они уже не дѣлали вылазокъ, но, показываясь изъ-за земляныхъ крышъ, доставлявшихъ имъ при этомъ важное пособіе, дѣйствовали противъ Римлянъ,—предоставивъ имъ безнаказанно грабить и опустошать свою страну и брать крѣпости. И между тѣмъ, какъ Римляне это дѣлали, царь, тщательно осмотрѣвъ фаланги и раздѣливъ ихъ по націямъ и племенамъ, такъ чтобы соплеменники помогали соплеменникамъ, одну часть ихъ составляетъ изъ Македонянъ, другую изъ такъ называемыхъ избранниковъ, третью изъ Скиѳовъ и еще одну изъ Персовъ, перешедшихъ къ Римлянамъ во время прежнихъ войнъ. Это соединеніе одноплеменниковъ и это раздѣленіе войска на большое число отрядовъ, вооруженныхъ различнаго рода оружіемъ, еще болѣе устрашило непріятелей, и они, оставивъ упорное сопротивленіе, изъ-за внѣшнихъ стѣнъ переходятъ за внутреннія. Здѣсь, въ теченіе многихъ дней, на близ-

комъ разстояніи происходили схватки, стычки и настоящія битвы, и единоборства храбрецовъ, и бѣгства, и отступленія, и взаимное съ той и другой стороны преслѣдованіе. Хотя перевѣсъ всегда оказывался на сторонѣ Римлянъ, но и непріятели, не смотря на то, что во множествѣ падали отъ меча и засыпали сномъ смертнымъ отъ стрѣлъ и были разрываемы на части камнями, бросаемыми изъ машинъ, не смотря на то, что и городскія стѣны разрушались и падали,—все еще оставались непоколебимыми, такъ какъ ихъ было безчисленное множество, а притомъ они и сражались за свою жизнь, за своихъ женъ и дѣтей, да кромѣ того и за множество всякаго рода богатства. Но, вѣроятно, и этотъ городъ былъ бы взятъ, покорился бы царю и потерялъ бы все свое богатство, и Римляне больше прежняго прославились бы чрезъ то, что овладѣли имъ, если бы не пришли дурныя вѣсти и не заставили царя поневолѣ выйти оттуда. Эти вѣсти говорили, что Едесса окружена Персами и находится въ опасности жестоко пострадать, если царь въ самомъ скоромъ времени не подастъ ей помощи. Поэтому, получивъ отъ осажденныхъ великолѣпные дары изъ драгоцѣннѣйшаго вещества, и отличной породы лошадей, и шелковыя матеріи, протканныя золотомъ, и достопримѣчательный столъ, но выше всего этого получивъ прекраснѣйшій и необыкновенный крестъ, который былъ высѣченъ изъ драгоцѣннаго свѣтящагося камня и на которомъ искуство живо изобразило божественный ликъ несравненной Красоты, на которую глаза не

могутъ насмотрѣться, — царь снимаетъ осаду и отправляется къ Антіохіи. Сезерскіе Сарацины говорили, что между поднесенными царю дарами, крестъ изъ лучезарнаго камня, равно какъ драгоцѣнный и удивительный столъ давно уже пріобрѣтены ихъ предками на войнѣ,—именно когда они взяли въ плѣнъ бывшаго римскаго самодержца Романа Діогена, разграбили его царскую палатку и, овладѣвъ лагеремъ, раздѣлили между собою все, что въ немъ было. Во время отступленія царя отъ Сезера, на Римлянъ нападаютъ сзади персидскія войска Заки и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ вождей, на своихъ, почти какъ вѣтръ, быстрыхъ лошадяхъ, напередъ уже считая себя побѣдителями и, по глупой варварской спѣси, весьма мало цѣня Римлянъ. Но они обманулись въ своихъ надеждахъ и не только не сдѣлали ничего славнаго, а еще за свое хвастовство и надменность понесли отъ божественнаго правосудія достойное наказаніе, да сверхъ того потеряли плѣнниками двухъ вождей, изъ которыхъ одинъ былъ сынъ Атапака, а другой — родной братъ эмира Самуха. Когда царь подходилъ къ знаменитому городу Антіохіи, ему навстрѣчу вышли всѣ городскіе жители, такъ что даже наскоро устроили ему свѣтлое входное торжество, съ священными изображеніями и съ великолѣпнымъ убранствомъ улицъ. Изъ Антіохіи сопровождаемый благожеланіями и похвалами, онъ прибылъ въ предѣлы Киликіи, и потомъ вступилъ на путь, ведущій къ Византіи. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ въ боевомъ порядкѣ и держась

своихъ военачальническихъ правилъ, онъ посылаетъ часть войска противъ иконійскихъ Персовъ, такъ какъ они въ то время, какъ царь вступалъ въ Сирію, воспользовавшись этимъ случаемъ, нападали на Римлянъ. Побѣдивъ и эту враждебную толпу, онъ опустошилъ непріятельскую землю и взялъ въ плѣнъ много людей и разнаго рода скота, годнаго для работы и для ѣзды. Таковы-то дѣла, совершенныя этимъ самодержцемъ на Востокѣ въ теченіе одного похода, продолжавшагося три года, заставившія всѣхъ говорить о себѣ и привлекшія къ себѣ общее вниманіе.

9. Въ это же время возвратился къ царю и родной братъ, Севастократоръ Исаакъ, который, какъ мы прежде сказали, больше всѣхъ помогъ ему получить царство. Разойдясь съ братомъ вслѣдствіе ничтожнаго огорченія, онъ убѣжалъ изъ предѣловъ римскихъ. Вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и странствовалъ и старшій сынъ его Іоаннъ. Исаакъ былъ человѣкъ воинственный и храбрый, одаренный отличнымъ ростомъ и прекрасною наружностію. Перебывавъ у многихъ другихъ народовъ, онъ между прочимъ пришелъ и къ сатрапу столичнаго города — Иконіи, постоянно имѣя въ виду напасть на римскія области и отмстить Іоанну. Но такъ какъ у него не было денегъ, а царь Іоаннъ всегда и вездѣ славился своими военными дѣйствіями; то онъ не находилъ никого, кто бы сошелся съ нимъ въ его видахъ. Напротивъ, всѣ даже отступали отъ него и, при первомъ словѣ о возмущеніи, изъявляли свое негодованіе и отказывались отъ его замысловъ, какъ

безполезныхъ и для него, и для нихъ отнюдь не достижимыхъ. Поэтому, обходя мѣстныхъ начальниковъ, онъ хотя вездѣ, гдѣ останавливался, принимаемъ былъ почтительно, какъ человѣкъ, одаренный истинно царскою наружностію и весьма знаменитый родомъ, однакожъ наконецъ понялъ, что напрасно, отдѣлившись отъ родства, ведетъ бѣдственную жизнь, — и возвратился къ брату. Царь ласково принялъ и его, и сына, видѣлся и говорилъ съ ними, и сердечно обнялъ ихъ. Такъ-то сильна любовь, внушаемая родствомъ. Хотя бы она на время и прекратилась, но опять скоро и легко возстановляется. Потому-то и царь, сохранивъ вполнѣ всю прежнюю привязанность, не скрывалъ въ душѣ никакой тайной непріязни, какъ это любятъ дѣлать люди, облеченные властію, которые до времени умѣютъ скрывать свой гнѣвъ, а при случаѣ со всею силою обнаруживаютъ его. Вступивъ вмѣстѣ съ братомъ въ Константинополь, онъ не больше радовался о побѣдѣ, чѣмъ о возвращеніи брата. Да и подданные съ своей стороны также прославляли эту внимательность царя: они не только гордились его трофеями и возсылали благодаренія Богу за то, что Онъ сохранилъ его и возвратилъ побѣдителемъ, но и радовались возвращенію его брата.

Впрочемъ царь не долго пробылъ въ Византіи. Вслѣдствіе вторженія Персовъ въ открытыя равнины, лежащія при рѣкѣ Сангаріѣ, онъ, не смотря на то, что былъ боленъ, немедленно выступилъ въ походъ. Устрашивъ непріятелей своимъ появленіемъ и отнявъ множество разнаго рода

скота, онъ возвратился въ Лопадій. Спустя немного времени, когда и царица съ своимъ домомъ выѣхала въ этотъ городъ, онъ воздвигъ укрѣпленія, употребивъ свободное отъ военныхъ дѣйствій время не безъ пользы для Римлянъ. Предполагая пробыть въ этихъ мѣстахъ долгое время, онъ приказалъ собраться сюда войску. По приказанію царскому, войско дѣйствительно стало собираться; однакожъ, вслѣдствіе этого распоряженія, воины больше, чѣмъ когда-либо, находили его безжалостнымъ, не знающимъ мѣры въ походахъ, какъ будто-бы онъ забылъ или вовсе не думалъ о томъ, что Римляне три года провели въ восточной войнѣ. Эта непріязнь къ нему войска еще болѣе усилилась отъ того, что многіе изъ воиновъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ въ Сиріи, будучи задержаны на пути болѣзнію, недостаткомъ продовольствія и потерею лошадей, не успѣли еще повидаться съ своими домашними, и между тѣмъ должны были идти не на родину, а отправляться прямо туда, гдѣ находился царь, бывъ къ тому принуждаемы людьми, которые тщательно смотрѣли за дорогами и наблюдали за морскими переправами. Царь не могъ не знать причины ропота, но показывалъ видъ, будто не знаетъ, чтобы не сказать,—нисколько не обращаетъ на то вниманія. Онъ позволялъ войскамъ говорить пустыя рѣчи, а самъ твердо держался своего рѣшенія, говоря, что онъ хочетъ имѣть войска, которыя соревновали бы ему, а отнюдь не тяготились и не скучали непрерывными походами. Предположивъ наказать варваровъ, тайно вторгшихся

въ область Арменіаковъ ([1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ захватить и Константина Гавра, который давно уже подчинилъ себѣ Трапезунтъ и управлялъ имъ въ качествѣ тиранна, онъ отправляется въ походъ чрезъ долину пафлагонскую для того, чтобы идти все прибрежными мѣстами Понта. Это онъ сдѣлалъ по двумъ причинамъ, частію для того, чтобы продовольствіе доставлять войску изъ своихъ провинцій, а частію для того, чтобы, въ случаѣ сраженія, непріятели могли угрожать только съ одной стороны, но не могли напасть съ обѣихъ сторонъ и чрезъ то легко окружить его. А этого онъ могъ опасаться, потому что Кесаріею въ то время владѣлъ Магометъ, о которомъ мы сказали выше, человѣкъ чрезвычайно сильный, покорившій часть Иверіи и подчинившій себѣ нѣкоторыя мѣста въ Месопотаміи. Отдаленный родъ свой онъ сливалъ съ Арзакидами, а ближайшимъ образомъ происходилъ отъ Танисманіевъ; а это были люди отважные и храбрые и между всѣми тогдашними обладателями восточныхъ римскихъ городовъ, особенно могущественные и наглые. Такимъ-то образомъ царь, выступивъ изъ Лопадія, когда весна стала приближаться къ концу, и проведя въ походѣ все лѣто и лучшую часть осени, около зимняго солнцестоянія сталъ лагеремъ въ понтійскомъ городѣ Кинтѣ. Вторгшись отсюда въ

([1]) *Θέμα τῶν Αρμενιακῶν. Θέμα* отъ *τίθημι* — полагаю, здѣсь означаетъ мѣстность, область, занятую извѣстнымъ отрядомъ войскъ. Эти области или *θέματα* раздѣлялиеь на восточныя и западныя, тѣхъ и другихъ было нѣсколько, и каждая имѣла особенное названіе. Область Арменіаковъ была на Востокѣ и получила свое названіе отъ того, что была сопредѣльна съ Арменіею. Du Cange Glos. tom. I, p. 487 et sqq. Cfr. Const. Porphyrog. vol. 111, p. 17—19. Ed. Bonn.

непріятельскую землю, онъ перенесъ много несчастій. Страна каппадокійская и сама по себѣ—холодна, климатъ ея суровъ, вѣтры пронзительны, а тогда наступила еще необыкновенная зима; оттого царь долженъ былъ бороться съ разнообразными затрудненіями. У него и продовольственные запасы совсѣмъ истощались, и лошади какъ подъемныя, такъ и боевыя, погибали. Между тѣмъ непріятели, сдѣлавшись отъ этого еще смѣлѣе,—такъ какъ нѣтъ ничего сокровеннаго и тайнаго, о чемъ молва не разгласила бы,—стали часто и неожиданно нападать на него. Нападая тайно, какъ разбойники, а иногда вступая въ борьбу и явно, они всегда наносили вредъ римскимъ фалангамъ; потомучто нападая внезапно густою, какъ туча, толпою, въ надеждѣ на быстроту своихъ коней, они исчезали съ поля битвы, какъ будто бы уносимы были порывомъ вѣтра. Чтобы вознаградить потерю конницы, царь съ своей стороны, собиралъ со всего войска лучшихъ лошадей и, раздавая ихъ частію Римлянамъ, которые умѣли сражаться пиками, но преимущественно тѣмъ изъ Латинянъ, которые искусно владѣли копьями, противопоставлялъ этихъ всадниковъ непріятелямъ, поручая имъ мужественно отражать нападенія. Непріятели, дѣйствительно, не выдерживали аттакъ этихъ копьеносцевъ и обращались въ бѣгство. Этимъ-то средствомъ, а равно и тѣмъ, что весьма многіе изъ пѣшаго войска держали поднятыя вверхъ знамена для того, чтобы представить, что у нихъ еще много конницы, царь достаточно оградилъ себя отъ нападеній со

стороны персидскихъ полчищъ, и такимъ образомъ достигъ Неокесаріи. Но и здѣсь также много было схватокъ между Персами и Римлянами. Однажды младшій сынъ царя, по имени Мануилъ, взявъ копье и выступивъ довольно далеко впередъ, безъ вѣдома отца, напалъ на непріятелей. Этотъ поступокъ юноши заставилъ почти все войско вступить въ неравный бой, такъ какъ нѣкоторые увлеклись соревнованіемъ, а всѣ другіе боялись за юношу и думали особенно угодить царю, если, при ихъ содѣйствіи, онъ не потерпитъ отъ непріятелей никакого вреда. Въ виду всѣхъ царь похвалилъ за это сына; но потомъ, когда вошли въ палатку, онъ нагнулъ его и слегка наказалъ за то, что онъ не столько храбро, сколько дерзко, и притомъ безъ его приказанія, вступилъ въ бой съ непріятелями.

10. Впрочемъ Царь, можетъ быть, овладѣлъ бы и Неокесаріею, если бы, вслѣдствіе неожиданнаго обстоятельства, не помѣшала ему безразсудно-упрямая гордость и совершенно неукротимый правъ племянника Іоанна, сына Севастократора Исаака. Однажды, предъ наступленіемъ сраженія съ Персами, царь, увидѣвъ, что у знаменитаго итальянскаго всадника нѣтъ лошади, приказалъ стоявшему подлѣ него племяннику Іоанну сойти съ арабскаго коня, на которомъ онъ сидѣлъ, и отдать его Итальянцу, зная, что у племянника нѣтъ недостатка въ лошадяхъ. Но Іоаннъ, будучи человѣкомъ чрезвычайно гордымъ и надменнымъ, воспротивился царскому приказанію, давъ отвѣтъ очень грубый, чтобы не сказать,—очень

дерзкій. Ставя ни во что Латинянина, онъ вызывалъ его на бой съ тѣмъ, чтобы онъ по праву получилъ коня, если останется побѣдителемъ. Но не имѣя возможности долго противиться дядѣ и царю, такъ какъ замѣтилъ, что тотъ начинаетъ сердиться, онъ нехотя отдалъ своего коня. Потомъ съ досадою и гнѣвомъ сѣлъ на другаго коня и, устремивъ впередъ копье, понесся къ непріятельскому строю. Когда же отъѣхалъ нѣсколько впередъ, то, откинувъ копье назадъ, кладетъ его на плечо, снимаетъ съ головы шлемъ и перебѣгаетъ къ Персамъ. Варвары съ удовольствіемъ встрѣчаютъ и охотно принимаютъ Іоанна, такъ какъ они уже и прежде знали его, когда онъ скитался вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, да и теперь надѣялись, что онъ своимъ присутствіемъ будетъ содѣйствовать успѣху ихъ дѣлъ. А самъ Іоаннъ спустя немного времени отрекся и отъ вѣры христіанской, и женился на дочери иконійскаго Перса. Это обстоятельство крайне встревожило царя, и онъ сталъ опасаться дурныхъ послѣдствій. Онъ зналъ, что племянникъ не станетъ молчать о стѣснительномъ положеніи римскаго войска, но непремѣнно, и скоро разскажетъ о потерѣ лошадей, о недостаткѣ продовольствія и о всѣхъ другихъ лишеніяхъ лагеря. Поэтому, желая скрыть свое отступленіе, онъ сталъ мало по малу, какъ бы передвигаясь, удаляться оттуда; но, и при такомъ отступленіи, не вполнѣ успѣлъ укрыться отъ непріятелей, которые, настигши задніе отряды войска, весьма далеко преслѣдовали ихъ и постоянно тревожили. По этой причи-

нѣ, онъ взялъ направленіе къ морскому берегу, и такимъ образомъ поставилъ себя въ безопасности, а непріятели, не имѣя уже возможности нападать на него, возвратились назадъ.

Въ Январскіе иды (13 Января) царь Іоаннъ возвратился въ столицу изъ тягостнаго персидскаго похода, а въ концѣ весны онъ опять уже былъ препоясанъ мечемъ и прибылъ въ городъ, основанный при р. Риндакѣ. Но когда лѣтнее время прошло, а наступившая зима, негодуя на живущихъ на открытомъ воздухѣ, стала устрашать ихъ воемъ вѣтровъ и отнимала возможность бороться со стужею,—онъ снова возвращается въ Византію, уступивъ холоду, вооруженному снѣгами, какъ-бы камнями, и морозами, какъ-бы копьями. А при первой улыбкѣ весны, опять оставляетъ царскіе чертоги, прощается съ своими дочерьми, которыя, какъ дочери солнца, проливаютъ по немъ янтаровидныя слезы, проходитъ Фригію, и, достигши знаменитаго города Аттала (¹), рѣшается провесть въ немъ нѣсколько времени для того, чтобы лучше устроить благосостояніе сопредѣльныхъ городовъ и областей. Въ то время нѣкоторые изъ нихъ подпали уже подъ власть Турковъ, въ томъ числѣ было и озеро, называемое Пусгускимъ, которое, разливаясь почти какъ море на огромное пространство, имѣетъ во многихъ мѣстахъ островки, обнесенные крѣпкими стѣнами. На этихъ островахъ жило тогда весьма много христіанъ, которые на рыбачьихъ лодкахъ и неболь-

(¹) Царь пергамскій, основатель города Атталіи въ Памфиліи.

шихъ парусныхъ судахъ имѣли сношеніе съ иконійскими Турками и чрезъ то не только завели взаимную между собою дружбу, но и позаимствовали отъ нихъ весьма много обычаевъ. А находясь въ тѣсной связи съ ними, какъ съ сосѣдями, они смотрѣли на Римлянъ, какъ на враговъ: такъ-то привычка, скрѣпленная временемъ, бываетъ сильнѣе родства по племени и вѣрѣ! Поэтому и царя они поносили, какъ своего непріятеля, и осмѣливались рѣшительно не повиноваться его повелѣніямъ, гордясь тѣмъ, что окружены озеромъ, и, какъ безумные, дозволяли себѣ то, о чемъ бы въ здравомъ умѣ и не подумали. Царь убѣждалъ ихъ—оставить озеро, какъ древнее достояніе Римлянъ, и, если хотятъ, совсѣмъ переселиться къ Персамъ. Въ противномъ случаѣ, говорилъ, онъ никакъ не потерпитъ, чтобы они и озеро долго оставались въ отчужденіи отъ Римлянъ. Но когда слова не имѣли успѣха, онъ началъ военныя дѣйствія. Построивши наскоро рыбачьи лодки и небольшія парусныя суда и связавши ихъ между собою, онъ поставилъ на нихъ осадныя машины и такимъ образомъ подступилъ къ самымъ укрѣпленіямъ озера; и хотя дѣйствительно взялъ ихъ силою, однакожъ и Римлянамъ эта война обошлась не безъ бѣдствій. Случалось, что буря возмущала озеро и воздымала его волны; тогда многія изъ грузовыхъ судовъ были уносимы вѣтромъ и опрокидывали свой грузъ въ пучину и волны.

Въ это время умеръ старшій сынъ царя, Алексѣй, которому онъ далъ право носить красные са-

ноги и пурпуровую царскую одежду. Болѣзнь была острая, а не хроническая, именно—быстро поражающая горячка, которая, какъ на крѣпость, напала на его голову. А послѣ Алексѣя не долго прожилъ и слѣдующій за нимъ Андроникъ: едва успѣлъ онъ оплакать смерть брата, какъ и самъ окончилъ свою долю жизни.

11. Царь, хотя и смутился духомъ отъ такихъ бѣдствій и горестной потери прекрасныхъ сыновей, хотя, можно сказать, и видѣлъ дурное предзнаменованіе для дальнѣйшаго похода въ смерти возлюбленныхъ дѣтей, однакожъ нисколько не допустилъ себя до малодушія, ни въ чемъ не измѣнилъ своему намѣренію, и не возвратился въ Византію послѣ того, какъ уже цѣлый годъ провелъ въ такихъ трудахъ; напротивъ, прибывши въ Исаврію и устроивши, какъ было нужно, тамошнія провинціи, онъ отправился далѣе въ Сирію, въ сопровожденіи младшаго своего сына Мануила. Открытою цѣлію этого похода было—лучшее устройство Арменіи и обезопашеніе вѣрности городовъ и крѣпостей, которые онъ завоевалъ въ прежній свой походъ. Но истинная причина, не объявленная войску, а хранимая втайнѣ и тщательно скрываемая, была слѣдующая. Онъ всегда и пламенно желалъ присоединить къ Константинополю Антіохію и оттуда посѣтить освященныя божественными стопами мѣста, почтить дарами животворящій гробъ Господень и очистить окрестности отъ варваровъ. Потому-то онъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ нибудь склонить Латинянъ добровольно уступить ему господ-

ство надъ знаменитою Антіохіею, или, если они не согласятся, — такъ какъ онъ не полагался на гордыхъ и надменныхъ Латинянъ, — то по крайней мѣрѣ, привлечь къ себѣ Киликійцевъ и Сиріянъ. Съ этою цѣлію онъ не преминулъ во время настоящаго похода писать къ Антіохійцамъ и предувѣдомить ихъ о своемъ прибытіи, такъ что, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ предѣлы Сиріи, они уже выслали къ нему посольство, которое подавало ему весьма хорошія надежды въ будущемъ. Но когда онъ приблизился къ городу Антіоха, то встрѣтилъ въ Итальянцахъ совсѣмъ иныя мысли и расположенія; такъ какъ молва уже разгласила о всѣхъ его тайныхъ и тщательно скрываемыхъ замыслахъ. Онъ не нашелъ въ Антіохію доступа легкаго и согласнаго съ его видами, напротивъ увидѣлъ, что ему дозволяютъ вступить только подъ условіемъ клятвы, — что, вступивши въ городъ, онъ пробудетъ въ немъ нѣсколько дней, приметъ подобающія ему поздравленія и почести,—и затѣмъ опять выступитъ, не дѣлая никакого нововведенія въ гражданскомъ управленіи и не измѣняя ничего въ установившихся обычаяхъ, т. е. совсѣмъ не такъ, какъ онъ предполагалъ. Раздраженный тѣмъ, что не сбылись его ожиданія, онъ, хотя и не счелъ нужнымъ войти въ городъ силою, питая крайнее отвращеніе къ войнѣ съ христіанами, однакожъ, расположившись въ предмѣстіяхъ города, дозволилъ войску опустошать ихъ и забирать все, что только можно. Вслѣдствіе этого дозволенія, даннаго подъ предлогомъ недостатка въ необходимомъ

продовольствіи, даже фруктовыя деревья не остались нетронутыми, но и они были сожжены для приготовленія пищи. Тайно отмстивши такимъ образомъ за препебреженіе къ себѣ, царь удалился къ предѣламъ киликійскимъ и сталъ лагеремъ въ обширнѣйшей долинѣ, изъ которой высоко поднимаются къ небу двѣ вершины горъ, называемыя, какъ говорятъ, гнѣздами вороновъ. Здѣсь отправился онъ на охоту и, встрѣтивъ дикаго кабана, вонзилъ въ грудь звѣря остріе копья. Кабанъ съ такою силою напиралъ, что всадилъ въ свои внутренности все желѣзо. Оттого рука, державшая копье, начала мало по малу цѣпенѣть и уступать сильному напору звѣря и, согнувшись, уперлась въ колчанъ, косо висѣвшій у царя съ боку и наполненный ядовитыми стрѣлами. Колчанъ отъ этого перевернулся,—и одна изъ разсыпавшихся стрѣлъ ранила царя въ руку между послѣдними пальцами. Ядъ, разливаясь и распространяясь все далѣе и далѣе, поражаетъ наконецъ и самыя важныя части тѣла,—мало по малу лишаетъ ихъ силы и жизненности, и оттого царь, спустя немного времени, умираетъ. Сначала онъ счелъ за ничто свою рану и для ея излѣченія наложилъ на нее снятую съ подошвы ноги кожу,—что называется ἐκδορὰ (excoriatio),—стараясь этимъ сомнительнымъ средствомъ остановить выходящую изъ раны кровяную матерію. Возвратившись вечеромъ въ лагерь, онъ поужиналъ и спокойно провелъ ночь. Но на другой день, когда рана стала пухнуть и воспаляться, онъ почувствовалъ сильную боль и поспѣшилъ разсказать врачамъ

бывшій съ нимъ случай. Тѣ, осмотрѣвъ опухоль руки и съ любопытствомъ посмотрѣвъ на приложенную къ ранѣ накладку, сняли ее съ руки, какъ средство принятое не по правиламъ медицины, и употребили другія лѣкарства, имѣющія силу уничтожать воспаленіе ранъ. Но такъ какъ лѣкарства эти не принесли никакой пользы, то потомки эскулапа обратились къ хирургіи. Опухлое мѣсто было разрѣзано; но и это не принесло никакого облегченія и успокоенія страждущему члену: напротивъ опухоль все болѣе увеличивалась и боль переходила отъ пальца къ пальцу, отъ ладони къ ручной кисти, потомъ перешла въ локоть, а отсюда дошла и до плеча, такъ что царь сталъ терять надежду на спасеніе. Врачи были въ крайнемъ недоумѣніи и полагали совсѣмъ отнять у царя руку, которая отъ опухоли сдѣлалась толстою, какъ мужское бедро, хотя и въ этомъ случаѣ не признавали исцѣленія вѣрнымъ. Но царь, считая и прежнюю операцію причиною всего зла, не согласился на ихъ предложеніе, не захотѣлъ допустить сомнительнаго способа врачеванія, но по прежнему лежалъ больной и страдалъ. Въ пресвѣтлый день Христова Воскресенія онъ пріобщился божественныхъ Таинъ и въ вечернее время предъ ужиномъ открылъ свою царскую палатку для всѣхъ, кто только желалъ войти и просить его о своихъ нуждахъ. Тоже самое, по совѣту великаго Доместика Іоанна, сдѣлалъ онъ и въ слѣдующій день,—раздѣливъ притомъ между присутствовавшими поставленныя яства, — и затѣмъ, оставшись одинъ, сталъ ду-

мать о назначеніи себѣ преемника. Между-тѣмъ пошелъ проливной дождь,—и глубокая долина, въ которой императоръ стоялъ лагеремъ, покрылась водою. Когда по этому поводу царское ложе переносимо было на незанятое водою мѣсто,—на устахъ царя было слѣдующее изрѣченіе оракула: «въ мѣстахъ водныхъ и противъ ожиданія падешь ты»! А тѣ, которые особенно любятъ судить о преемствѣ и перемѣнахъ царей, находили, что теперь сбылось и это предсказаніе: «увы! ты будешь пищею страшныхъ вороновъ»! По ихъ словамъ это древнее изрѣченіе частію указываетъ на черные и шипящіе желѣзные инструменты, которыми прижигали руку царя, а частію объясняется названіемъ горъ, близъ которыхъ императоръ стоялъ лагеремъ.

12. Потомъ царь собралъ родныхъ, друзей и всѣ власти и высшіе чины и, представивъ своего младшаго сына Мануила, сказалъ такого рода рѣчь: «Римляне! Не за тѣмъ, что вы видите, пришелъ я въ Сирію,-нѣтъ, я думалъ совершить дѣла славнѣе прежнихъ,—думалъ съ полною безопасностію омыться въ Евфратѣ и досыта напиться его струящейся воды; надѣялся увидѣть и рѣку Тигръ и разсѣять оружіемъ всѣхъ враговъ, какіе только состоятъ въ связи съ Киликійцами и соединились съ сынами Агари, затѣмъ перелетѣть, подобно царямъ птицъ, (хотя это и можетъ показаться преувеличеннымъ) и въ самую Палестину, гдѣ Христосъ своею смертію возстановилъ нашу падшую природу, распростерши руки на крестѣ и немногими каплями кро-

ви соединивши весь міръ,—думалъ взойти, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, и на гору Господню и стать на мѣстѣ святѣмъ Его, и наказать по праву войны окрестныхъ враговъ, которые не разъ вооруженною рукою овладѣвали гробомъ Господнимъ, какъ нѣкогда иноплеменники—ковчегомъ. Но мои надежды не исполнились, а по какимъ причинамъ, о томъ знаетъ Богъ. Противиться этому совершенно не возможно, да и противорѣчить не должно. Ибо кто премудрѣе Бога? Или кто можетъ уразумѣть умъ Господень и измѣнить суды его, убавивъ или прибавивъ что нибудь? Шатки помыслы человѣческіе, но совѣтъ Господень твердъ и неизмѣненъ. Между тѣмъ я получилъ отъ Бога, устроившаго судьбу мою, такъ много благодѣяній, что ихъ и перечислить не возможно. Чтобы возблагодарить Его за всѣ тѣ милости, которыя онъ *возвеличилъ сотворити* съ нами (Пс. 125, 3), я теперь упомяну о нихъ вамъ—моимъ слушателямъ и ихъ свидѣтелямъ. Я родился отъ отца—императора, сдѣлался преемникомъ его власти, ничего не утратилъ изъ того, что передалъ онъ въ мои руки. А умножилъ ли я, подобно благоразумному и вѣрному рабу, врученный мнѣ отъ Бога талантъ царства, объ этомъ предоставляю другимъ судить и говорить. Но и самъ я безъ стѣсненія могу сказать объ этомъ, не съ тѣмъ, чтобы похвалиться, но-чтобы повѣдать чудеса Божіи на мнѣ. Меня видѣлъ сражающимся Востокъ и Западъ, я дѣлалъ походы противъ народовъ, живущихъ на томъ и другомъ материкѣ. Не много пробылъ я въ

царскихъ чертогахъ, почти вся жизнь моя прошла въ палаткѣ и всегдашнею моею заботою было— находиться въ полѣ. Самая земля эта, на которой мы стоимъ лагеремъ, въ другой разъ уже увидѣла меня. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Персы и Арабы и въ глаза не видѣли римскаго войска, а теперь это самое войско, подъ главнымъ водительствомъ Божіимъ и подъ моимъ служебнымъ начальствомъ, привело ихъ въ трепетъ, и они уступили намъ многіе города, которые и доселѣ подвластны намъ и живутъ согласно нашимъ указамъ. Да дастъ же Господь Богъ, чтобы я, столько потрудившійся ради христіанскаго народа, сподобился тамошняго жребія и того вѣчнаго наслѣдія, которое получатъ кроткіе и угодные Богу! А ваши руки да утвердитъ и укрѣпитъ Онъ еще болѣе противъ народовъ, которые жаждутъ брани и между которыми совсѣмъ не призывается всесвятѣйшее имя Бога нашего! И это будетъ, если и вы свои успѣхи станете поставлять въ зависимость отъ десницы Вышняго и отъ Его высокой мышцы, и вождемъ надъ вами будетъ поставленъ отъ Бога не грабитель народа, не человѣкъ, который нисколько не соотвѣтствовалъ бы своему званію, или былъ бы съ дурными свойствами души, сидѣлъ бы только за столомъ и не выпускалъ чаши изъ рукъ, и никогда не отрывался бы отъ царскихъ чертоговъ, подобно лицамъ, изображеннымъ мозаикою и красками на стѣнахъ. Вѣдь обыкновенно всѣ дѣла такъ или иначе устрояются и идутъ соотвѣтственно качествамъ правителя, потому что прежде

всего отъ него зависятъ. Если онъ худъ,—и они разстроиваются, а если хорошъ,—и они приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Это потому, что Богъ, по слову Давида, *ублажаетъ благія и правыя сердцемъ, уклоняющіяся же въ развращенія отведетъ съ дѣлающими беззаконіе* (Пс. 124, 4—5). А какъ я хочу теперь сказать нѣчто и о преемникѣ моей власти послѣ моей кончины, которая неизбѣжно и скоро наступитъ, то вамъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на мои слова. Что царская власть перешла ко мнѣ, какъ отцовское наслѣдіе, объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды говорить, точно также, какъ всякому другому—доказывать, что солнце—свѣтило дня. Я вижу также, что вы усердно желаете, чтобы сохраненное во мнѣ отъ отца преемство перешло и на тѣхъ, которые произошли отъ моихъ чреслъ,—что вы искренно хотите быть подъ властію одного изъ моихъ сыновей, которые остаются еще въ живыхъ, то есть, Исаака или Мануила, и самое избраніе предоставляете не самимъ себѣ, а моему рѣшенію. По этому я долженъ сказать, что хотя природа, вѣрная порядку, обыкновенно отдаетъ преимущество старшимъ дѣтямъ, но у Бога, при важнѣйшихъ назначеніяхъ, почти всегда бываетъ не такъ. Вспомните объ Исаакѣ, который, по порядку рожденія, занималъ второе мѣсто за Исмаиломъ, объ Іаковѣ, который вышелъ изъ утробы матерней послѣ Исава, о Моисеѣ, который былъ моложе Аарона, о Давидѣ, самомъ младшемъ между братьями и юнѣйшемъ въ до-

му отца и о весьма многихъ другихъ. Богъ не смотритъ, подобно человѣку, на лица и не отдаетъ предпочтенія долголѣтію, сѣдинамъ и возрасту, но цѣнитъ добрыя свойства души и съ благоволеніемъ взираетъ на кроткаго, смиреннаго и хранящаго Его заповѣди. Потому-то и я не очень благопріятствую поврежденной природѣ, но въ дѣлахъ важныхъ отвергаю ея правила, какъ совѣты малодушной жены, и лучше хочу подражать Богу, Который выше всякаго лицепріятія. Если бы верховная власть безспорно переходила къ старшему моему сыну Исааку, мнѣ вовсе не было бы нужды говорить что-нибудь для изображенія свойствъ обоихъ моихъ сыновей. Но такъ какъ она должна перейти на сторону младшаго сына Мануила; то, чтобы отклонить подозрѣніе народа и чтобы кто нибудь не подумалъ, будто я изъ пристрастія, а не по достоинству, предпочелъ младшаго сына старшему, необходимо сказать объ этомъ, что слѣдуетъ. Не однимъ путемъ идутъ человѣческія пожеланія, но расходятся по множеству тропинокъ, точно такъ же, какъ и наши тѣла не одинаковы по виду, хотя всѣ мы равно люди и имѣемъ одну и туже природу. Одни изъ насъ стремятся къ одному, другіе къ другому, и не всѣ мы равно находимъ наслажденіе въ одномъ и томъ же. А если бы было иначе, то мы, какъ необходимо увлекающіеся одними и тѣми же удовольствіями, одними и тѣми же расположеніями, не были бы виновны ни предъ Богомъ, ни другъ предъ другомъ. Такъ и двое моихъ сы-

новей, хотя произошли отъ одного отца, но имѣютъ различныя душевныя качества. Правда оба они хороши, оба отличаются и тѣлесною силою, и величественнымъ видомъ, и глубокимъ умомъ, но въ отношеніи къ управленію царствомъ мнѣ представляется несравненно лучшимъ младшій Мануилъ. Исаака я часто видѣлъ вспыльчивымъ и раздражающимся отъ самой ничтожной причины, потому что онъ крайне гнѣвливъ, а это губитъ и мудрыхъ и доводитъ большую часть людей до необдуманныхъ поступковъ. Между тѣмъ Мануилъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ достоинствъ, которыхъ не чуждъ и Исаакъ, соединяетъ и это прекрасное качество—кротость, легко уступаетъ другимъ, когда это нужно и полезно, и слушается внушеній разсудка. А какъ мы, люди, скорѣе любимъ подчиняться незлобію сердца, которымъ украшенъ былъ и Давидъ царь и пророкъ, чѣмъ рукѣ, держащей мечь и волѣ, не оставляющей безъ изслѣдованія и малѣйшихъ проступковъ подвластныхъ; то я, по этой причинѣ, и рѣшилъ назначить царемъ Мануила. И такъ, примите этого юношу, какъ царя, и Богомъ помазаннаго, и по моему избранію вступающаго на престолъ. А что и Богъ дѣйствительно предъизбралъ и предопредѣлилъ его въ царя, доказательство этому-многія благочестивыхъ мужей предсказанія и предвѣщанія, которыя всѣ провозглашали, что Мануилъ будетъ царемъ Римлянъ. Да какъ иначе объяснить и то, что умерли мои сыновья, которыхъ я прежде предназначалъ къ верховной власти, и

что теперь нѣтъ при мнѣ Исаака, которому послѣ нихъ принадлежитъ царство по праву рожденія? Не очевидно ли, что и это мы должны признать за совершенно ясные знаки воли Божій на то, чтобы не другой кто, а Мануилъ держалъ въ рукахъ скипетръ римскій? А кто захочетъ внимательно всмотрѣться въ дѣло, тотъ увидитъ, что и я, отецъ, не совсѣмъ даромъ вручаю сыну царство,—единственно потому, что хочу сохранить преемство рода, но этимъ назначеніемъ награждаю его и за доблести. Вѣдь вы безъ сомнѣнія знаете, сколько не по возрасту геройскихъ подвиговъ совершилъ онъ при Неокесаріи и въ то отважное нападеніе на Персовъ, которое съ одной стороны такъ много безпокоило меня, какъ отца, крайне боявшагося за возлюбленнаго сына, а съ другой такъ много возвысило дѣла Римлянъ». Когда царь Іоаннъ сказалъ это, собраніе, рыдавшее при его словахъ, охотно признало Мануила царемъ, какъ бы онъ избранъ былъ по жребію, или по большинству голосовъ. Затѣмъ отецъ обратился съ словомъ къ сыну и, давши ему полезные совѣты, украсилъ его царскою діадемою и облекъ въ порфиру. Потомъ и собравшіяся по приказанію войска провозгласили Мануила римскимъ императоромъ, причемъ каждый изъ главныхъ военачальниковъ стоялъ отдѣльно съ своимъ отрядомъ и яснымъ голосомъ говорилъ привѣтствіе новому царю. Наконецъ предложено было Евангеліе, и предъ нимъ всѣ поклялись въ преданности и вѣрности Мануилу. Распорядителемъ и вмѣстѣ виновникомъ

всего этого былъ великій Доместикъ. Онъ думалъ чрезъ это обезсилить и подавить стремленія честолюбцевъ къ возвышенію и мятежу и не допустить партіямъ содѣйствовать нѣкоторымъ изъ царскихъ родственниковъ, которые, выставляя на видъ старшинство лѣтъ, какъ нѣчто великое и достойное уваженія, и преувеличивая свое царское родство, считали самихъ себя болѣе достойными царствовать.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ все это совершилось, царь Іоаннъ скончался, царствовавъ двадцать четыре года и восемь мѣсяцевъ. Это былъ человѣкъ, который и царствомъ управлялъ прекрасно, и жилъ богоугодно, и по нравственности не былъ ни распутенъ, ни невоздерженъ, и въ дарахъ и издержкахъ любилъ великолѣпіе, какъ объ этомъ ясно говорятъ и частыя раздачи золота константинопольскимъ жителямъ, и столько прекрасныхъ и громадныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ имъ съ самаго основанія. Въ тоже время страстно любя славу, какъ никто другой, онъ больше всего старался о томъ, чтобы оставить по себѣ въ потомствѣ знаменитое имя. За благопристойнымъ поведеніемъ и приличнымъ видомъ домашнихъ онъ наблюдалъ съ такою строгостію, что даже обращалъ вниманіе на стрижку волосъ и тщательно осматривалъ обувь—вполнѣ ли она соотвѣтствовала положенію того, кто ее носилъ. Какъ убійственную заразу, онъ изгналъ изъ царскаго дворца и пустословіе, и сквернословіе при общественныхъ собраніяхъ, и чрезмѣрную роскошь въ одеждѣ и пищѣ. Представляя въ

себѣ образецъ строгаго воздержанія и желая, чтобы всѣ домашніе подражали ему, онъ не переставалъ подвизаться во всѣхъ видахъ этой добродѣтели. Но поступая такимъ образомъ, онъ не былъ однакожъ чуждъ любезности, не былъ ни суровъ, ни неприступенъ, ни угрюмъ, ни пасмуренъ и какъ будто чѣмъ-то недоволенъ. Публично подавая собою примѣръ во всякомъ прекрасномъ дѣлѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, когда оставался безъ людей постороннихъ и избавлялся отъ шумной толпы, какъ отъ докучливаго звона колокола,—допускалъ и приличное остроуміе, не чуждался и шутки, несовсѣмъ запрещалъ или подавлялъ и смѣхъ. И такъ какъ онъ въ немногомъ уступалъ тѣмъ, которые хранятъ высшее воздержаніе и непорочность, недалеко отставалъ отъ тѣхъ, которые ведутъ жизнь въ высшей степени строгую, и ни у кого во все свое царствованіе ни жизни не отнялъ, ни тѣла не изуродовалъ; то его и до сихъ поръ всѣ прославляютъ похвалами и считаютъ, такъ сказать, вѣнцемъ всѣхъ царей, возсѣдавшихъ на римскомъ престолѣ изъ рода Комниныхъ. Но и по отношенію ко многимъ изъ древнихъ и лучшихъ императоровъ, можно сказать, что онъ съ одними изъ нихъ сравнялся, а другихъ даже превзошелъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА I.

1. Когда Мануилъ провозглашенъ былъ самодержцемъ, онъ немедленно отправилъ въ царственный городъ великаго Доместика, по имени Іоанна, а по прозванію Аксуха, и съ нимъ Хартуларія (1), Василія Цинцилука, съ тѣмъ, чтобы они устроили дѣла новаго царствованія, облегчили ему прибытіе въ столицу и приготовили все нужное къ его въѣзду, а въ тоже время задержали и роднаго его брата, Севастократора Исаака. Самодержецъ опасался, чтобы Исаакъ, услышавъ о смерти отца и узнавъ, что скипетръ переданъ младшему его брату, не сталъ противиться и домогаться верховной власти, такъ какъ онъ имѣлъ право на престолъ по своему рожденію, находился тогда въ

(1) Χαρτουλάριος, отъ charta—бумага,—хранитель бумагъ и секретарь. Хартуларіи были разнаго рода. Должность великаго Хартуларія, какимъ, по мнѣнію Дюканжа, и былъ Василій Цинцилукъ, главнѣйшимъ образомъ состояла въ томъ, что онъ подводилъ Императору коня, когда тотъ отправлялся куда-нибудь. Du Cange Glossar. ad script. med. et inf. graecit. Tom. II. p. 1735—1736.

столицѣ и проживалъ въ томъ дворцѣ, въ которомъ хранилась казна и царскія регаліи. Іоаннъ, поспѣшно пріѣхавъ въ Константинополь, дѣйствительно задерживаетъ Исаака, который еще ничего не зналъ о случившемся, и заключаетъ его въ монастырь Вседержителя, построенный царемъ Іоанномъ; такъ что, когда тотъ, находясь уже въ заключеніи, узналъ о смерти отца и услышалъ о провозглашеніи брата, то ничего уже не могъ сдѣлать и только жаловался, что его обижаютъ и обижаютъ сверхъ всякой мѣры, и превозносилъ тотъ порядокъ, которому все въ мірѣ подчиняется. «Скончался, говорилъ онъ, Алексѣй, перворoдный изъ братьевъ и наслѣдникъ отеческой власти; за нимъ послѣдовалъ Андроникъ, второй послѣ перваго: и онъ вскорѣ послѣ того, какъ привезъ тѣло покойнаго брата изъ-за моря, также окончилъ жизнь. Значитъ ко мнѣ теперь долженъ перейти римскій скипетръ и по праву мнѣ принадлежитъ власть». Но между тѣмъ какъ онъ тщетно высказывалъ такія жалобы и, какъ пойманная птичка, напрасно истощался въ усиліяхъ, великій Доместикъ, заботясь объ охраненіи дворца и стараясь, чтобы граждане провозгласили Мануила царемъ, выдаетъ духовенству великаго храма грамоту, писанную красными чернилами и скрѣпленную золотою печатію и шелковымъ краснымъ шнуркомъ, въ которой назначалось ему ежегодно по 200 минъ серебряныхъ монетъ (¹). Гово-

(¹) Мина (μνᾶ)—греческій фунтъ или монета въ 100 аттическихъ драхмъ. 10 серебряныхъ минъ составляютъ одну золотую. 60 минъ составляютъ одинъ талантъ.

рили впрочемъ, что Аксухъ привезъ съ собою и другую подобную же царскую грамоту, въ которой назначалось столько же золотыхъ монетъ. Императоръ не безъ основанія опасался, чтобы или самъ Исаакъ, имѣвшій больше права на престолъ по рожденію, услышавъ о смерти отца и о провозглашеніи младшаго брата, не возмутилъ города, или происки какихъ нибудь безпокойныхъ и склонныхъ къ возмущеніямъ людей, обыкновенно сопровождающіе восшествіе на престолъ и перемѣну императоровъ, не сдѣлали чего-либо неблагопріятнаго новому царю и опаснаго для его царствованія. Поэтому, при такомъ сомнительномъ положеніи дѣлъ, онъ и вручилъ Іоанну двѣ милостивыя грамоты. Но дѣла посольства пошли такъ благопріятно, что ни пославшему, ни посланному нельзя было ничего лучшаго ни представить, ни желать, и потому Іоаннъ, удержавъ грамоту, назначавшую золото, выдалъ только грамоту, назначавшую серебро.

Между тѣмъ какъ посланные подготовили такимъ образомъ прибытіе царя, самъ царь, воздавъ послѣдній долгъ отцу, поставилъ тѣло его на одномъ изъ кораблей, стоявшихъ въ рѣкѣ Пирамѣ, которая, орошая Мопсуестію, впадаетъ въ море, и, устроивъ, сколько позволяло время, дѣла въ Антіохіи, выступилъ изъ Киликіи и отправился въ путь чрезъ такъ называемую верхнюю Фригію. На пути были захвачены Персами и отведены къ тогдашнему правителю Иконіи, Масуту, двоюродный по отцѣ братъ Мануила, Андроникъ Комнинъ, бывшій впослѣдствіи тиранномъ надъ Рим-

лянами и Феодоръ Дасіотъ, за которымъ была въ замужествѣ Марія, дочь роднаго брата Мануилова, Севастократора Андроника. Находясь на охотѣ и уклонившись отъ пути, по которому шло войско, они нечаянно попали въ руки неприятелей и такимъ образомъ, думая ловить звѣрей, сами были пойманы ловцами людей. Въ то время царь не могъ обращать вниманія ни на что постороннее, будучи всецѣло занятъ предстоявшимъ ему дѣломъ и считая не безопаснымъ, хоть сколько нибудь медлить его исполненіемъ, и потому не позаботился, какъ слѣдовало, и объ этихъ лицахъ и не оказалъ имъ царской помощи; но впослѣдствіи освободилъ ихъ безъ выкупа и возвратилъ Римлянамъ небольшой городъ Праку, основанный въ сосѣдствѣ съ Селевкіею и разоренный Персами. По прибытіи въ столицу, Мануилъ былъ радостно принятъ ея жителями, какъ потому, что онъ наслѣдовалъ отеческій престолъ, такъ и потому, что его всѣ любили. Въ возрастѣ нѣжнаго юноши онъ превосходилъ уже благоразуміемъ людей, состарѣвшихся въ дѣлахъ, былъ воинственъ и смѣлъ, въ опасностяхъ неустрашимъ и мужественъ, въ битвахъ рѣшителенъ и храбръ. Юношеское лице его отличалось пріятностію и улыбающійся взоръ заключалъ въ себѣ много привлекательнаго. Ростомъ онъ былъ высокъ, хотя нѣсколько и сутуловатъ. Цвѣтъ тѣла его былъ не такой бѣлоснѣжный, какъ бываетъ у воспитанныхъ въ тѣни, но и не такой смуглый, какъ у людей, которые долго были на солнцѣ и подвергались дѣйствію пламенныхъ лучей его; отличаясь отъ бѣлаго, онъ хотя

и приближался къ черноватому, но не отнималъ тѣмъ красоты. По всѣмъ этимъ причинамъ граждане стеклись ему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, и онъ радостно вступилъ въ царскіе чертоги, при громкихъ восклицаніяхъ и сильныхъ рукоплесканіяхъ народа. При вступленіи его во дворецъ на стройномъ арабскомъ конѣ, когда нужно было проходить воротами, за которыми сходить съ сѣдла дозволяется однимъ только императорамъ, конь, на которомъ ѣхалъ царь, громко заржалъ и сталъ сильно бить копытами въ помостъ, потомъ спокойно пошелъ впередъ и, гордо описавъ нѣсколько круговъ, переступилъ наконецъ порогъ. Это обстоятельство показалось счастливымъ предзнаменованіемъ для бывшихъ тутъ болтуновъ, и особенно для тѣхъ, которые глазѣютъ на небо, но едва умѣютъ различать то, что у нихъ подъ ногами; по этимъ движеніямъ и многократнымъ круженіямъ коня, они предсказывали самодержцу продолжительную жизнь.

2. Воздавъ благодареніе Богу за свое провозглашеніе и вступленіе на царство, царь сталъ думать о назначеніи преемника на патріаршій престолъ, для управленія дѣлами церкви и для возложенія на него самаго во храмѣ Господнемъ императорскаго вѣнца; такъ какъ Левъ Стипіотъ тогда скончался. По этому поводу онъ совѣщался съ важнѣйшими изъ своихъ августѣйшихъ родственниковъ, съ сенаторами и служителями алтаря. Многіе были предлагаемы къ избранію на высочайшій іерархическій престолъ; но большинство голосовъ и почти общее мнѣніе склонилось

въ пользу Михаила, инока монастыря оксійскаго; потому что онъ и славился добродѣтелями, и былъ не чуждъ нашего образованія. Михаилъ, возведенный на патріаршій престолъ, немедленно во святомъ храмѣ помазалъ того, кто какъ-бы помазалъ его самаго, избравъ въ патріархи. Между тѣмъ съ царемъ примирился и братъ его Исаакъ, и, вопреки ожиданію народа, оба брата оказывали другъ другу взаимную благосклонность. Но Исаака не любилъ народъ за его крайнюю раздражительность и за склонность къ жестокимъ наказаніямъ, часто по маловажнымъ причинамъ. Къ тому же, не смотря на свой огромный ростъ, онъ страдалъ недостойною и несвойственною мужу боязливостію, такъ что пугался всякаго шума. Поэтому всѣ ублажали и считали достойнымъ вѣчной доброй памяти августѣйшаго отца его, Іоанна, между прочимъ и за то, что онъ предпочелъ ему Мануила при назначеніи преемника власти и царства.

Такъ какъ Масутъ нападалъ на восточныя области и опустошалъ ихъ, то Мануилъ выступилъ противъ него въ походъ и, достигши Мелангій (1), отмстилъ тамошнимъ Персамъ. Затѣмъ, сдѣлавъ распоряженія о возстановленіи и охраненіи Мелангій, онъ возвратился въ столицу, заболѣвъ колотьемъ въ бокахъ. Считая долгомъ отмстить и князю антіохійскому Раймунду за то, что тотъ нападалъ на киликійскіе города, подвластные Римлянамъ, онъ выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянниковъ Конто-

(1) Τὰ Μελάγγεια, — городъ близъ Олимпа въ Мизіи.

стефана, Іоанна и Андроника, и нѣкоего Просуха, опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ и длинные корабли, которыми начальствовалъ Димитрій Врана. Какъ скоро тамошнія крѣпости и города, терпѣвшіе нападенія, были надлежащимъ образомъ обезопашены, онъ рѣшился идти войною противъ Персовъ; такъ какъ они домогались овладѣть пиоиканскими укрѣпленіями и, вторгшись въ область Ѳракисійцевъ (1), опустошали все, встрѣчавшееся на пути. Съ этою цѣлію онъ прошелъ Лидію и, приблизившись къ городамъ, лежавшимъ во Фригіи и при рѣкѣ Меандрѣ, избавилъ эти города отъ угрожавшихъ имъ опасностей, прогнавъ устрашенныхъ Персовъ. Достигнувъ Филомилія, онъ и здѣсь имѣлъ стычку съ Турками, гдѣ и былъ раненъ въ подошву ноги однимъ Персомъ: царь повергъ его копьемъ на землю, а онъ во время паденія пустилъ стрѣлу въ его пятку. Такъ какъ непріятели считали его человѣкомъ страшнымъ въ дѣлахъ, рѣшительнымъ и болѣе отважнымъ, чѣмъ отецъ его Іоаннъ; то онъ не хотѣлъ пойти назадъ и не слушался тѣхъ, которые совѣтовали ему возвратиться домой, дабы Персы не были наконецъ доведены до отчаянія и, собравшись, не причинили зла его войску,—но съ особенною поспѣшностію пошелъ противъ самой Иконіи. Въ это время самъ Масутъ, выступивъ изъ города, расположился лаге-

(1) Τῷ θέματι Θρακησίων. Это одна изъ восточныхъ областей, такъ названная отъ выселенныхъ сюда Ѳракійцевъ. Constant. Porphyrog. Vol. III, pag. 22—24. ed. Bonn.

ремъ въ Таксарахъ, которыя прежде назывались Колоніею; а одна изъ его дочерей, бывшая, говорятъ, въ замужествѣ за двоюроднымъ братомъ царя, сыномъ Севастократора Исаака, Іоанномъ Комнинымъ, который, по поводу небольшаго оскорбленія, убѣжалъ отъ дяди и царя Іоанна Комнина къ Масуту, — стоя на стѣнахъ города, сказала при этомъ случаѣ убѣдительную рѣчь въ защиту отца и султана. Между тѣмъ царь приблизился уже къ укрѣпленіямъ Иконіи, окружилъ ея стѣны войскомъ, далъ позволеніе юношамъ бросать стрѣлы въ крѣпость, не дозволивъ только оскорблять гробницы мертвыхъ, но вынужденъ былъ отступить оттуда и идти назадъ. При этомъ отступленіи,—такъ какъ непріятели сдѣлали засады и напередъ заняли тѣсные проходы,—происходили схватки сильнѣе прежнихъ; но онъ преодолѣлъ, хотя не безъ труда, всѣ препятствія, и возвратился въ царствующій городъ.

Этотъ царь взялъ себѣ жену изъ славнаго и царственнаго рода Алеманновъ. Она не столько заботилась о красотѣ тѣлесной, сколько о внутренней и душевной. Отказавшись отъ притираній порошками, отъ подкрашиванія глазъ, отъ щегольства, отъ искуственнаго, но не отъ природнаго румянца и предоставивъ все это женщинамъ безумнымъ, она занималась и украшалась добродѣтелями. При томъ имѣла, свойственный ея роду, характеръ непреклонный и была упряма. Поэтому и царь не много любилъ ее и, хотя не лишалъ ее чести, великолѣпныхъ троновъ, оруженосцевъ и прочаго, чего требовало царское ве-

личіе, но не соблюдалъ супружеской вѣрности. Будучи молодъ и влюбчивъ, Мануилъ предавался разсѣянной и роскошной жизни; любилъ пировать съ веселыми и разгульными товарищами и дѣлалъ все, къ чему склоненъ цвѣтущій возрастъ и чему учитъ всесвѣтная любовь.

3. Впрочемъ Мануилъ заботился и объ общественныхъ дѣлахъ. Блюстителемъ за государственными доходами и главнымъ контролеромъ онъ, подобно своему отцу и царю, сдѣлалъ Іоанна Пуцинскаго, который прежде былъ Протонотаріемъ почтоваго вѣдомства (¹); а ближайшимъ своимъ посредникомъ и исполнителемъ собственныхъ распоряженій назначилъ Іоанна Агіоѳеодорита, который самъ постоянно находился при лицѣ императора и принималъ его приказанія, какбы изреченія оракула, а для приведенія ихъ въ исполненіе письменно и словесно, имѣлъ при себѣ не мало помощниковъ изъ образованныхъ людей, которыми богатъ былъ императорскій дворъ, и преимущественно предъ всѣми Ѳеодора Стиппіота, о которомъ скажемъ ниже. Іоаннъ Пуцинскій былъ человѣкъ весьма свѣдущій по части финансовой, въ высшей степени искусный и опытный въ дѣлѣ взиманія податей, чрезвычайно строгій во взысканіи прежнихъ налоговъ и необыкновенно находчивый въ изобрѣтеніи новыхъ. По харак-

(¹) Πρωτονοτάριος του δρόμου. Протонотарій—первый между писцами, завѣдывающій письменною частію. Протонотарій τοῦ δρόμου — завѣдывающій письменною частію по почтовому вѣдомству. Codin. ed. Bonn. p. 201; Cfr. Du Cange Glossar. tom. I, p. 822.

теру онъ былъ крайне жестокъ и неумолимъ, такъ что легче можно было бы смягчить твердый и жесткій камень, чѣмъ преклонить его къ тому, чего онъ не хотѣлъ. И, что еще удивительнѣе, онъ не только не трогался слезами, не смягчался жалобнымъ видомъ, не преклонялся предъ тяжестію серебра и не обольщался приманкою золота, но и былъ недоступенъ до безчеловѣчія. Онъ никогда не входилъ въ подробныя объясненія съ людьми, которые являлись къ нему съ какими либо предложеніями, но любя большею частію молчаніе, иногда не удостоивалъ ихъ и привѣтствія, что́ для современниковъ было крайне прискорбно и почти невыносимо. А отъ царя онъ былъ облеченъ такою силою и властію, что по своему усмотрѣнію иные изъ царскихъ указовъ отвергалъ и разрывалъ, а другіе вносилъ въ государственные кодексы. По представленію этого человѣка, царь Іоаннъ безразсудно уничтожилъ одно общеполезное учрежденіе, спасительное для всѣхъ острововъ и соблюдавшееся неприкосновеннымъ при прежнихъ царяхъ. Корабельныя пошлины, употреблявшіяся прежде на содержаніе флота, онъ присовѣтовалъ царю обратить въ государственную казну, а тріиры [1], по закону поставляемыя островами вмѣсто ратниковъ, онъ убѣдилъ царя чуть не потопить въ морѣ. Онъ представилъ, что тріиры не всегда нужны для государства и общества, а употребляемыя на нихъ

(1) Это трехгребные корабли, съ тремя рядами скамей для гребцовъ, устроенныхъ ярусами.

ежегодно издержки огромны, и потому лучше сберегать эти суммы въ государственной казнѣ, а, въ случаѣ нужды, снаряжать флотъ насчетъ царскихъ сокровищницъ. Предложивъ такую мысль, достойную морскаго разбойника, онъ однакожъ принятъ былъ за человѣка отличнаго и вполнѣ понимающаго сущность дѣлъ. Чтобы склонить къ этому царя, онъ съ одной стороны пугалъ его чрезмѣрными издержками, а съ другой радовалъ умѣренностію расходовъ. А между тѣмъ, вслѣдствіе этой дурной мѣры, или этого скряжничества, теперь господствуютъ на моряхъ разбойники и опустошаютъ, какъ хотятъ, прибрежныя римскія области. Конечно, мы приписываемъ плоды тому, кто посѣялъ сѣмя, но не оправдываемъ и того, кто собиралъ ихъ; обвиняемъ въ пожарѣ того, кто подложилъ огонь, но не оправдываемъ и того, кто могъ погасить его, но рѣшительно не хотѣлъ сдѣлать этого. Впрочемъ Іоаннъ только до тѣхъ поръ былъ преданнымъ пользамъ казны контролеромъ, искуснымъ и бережливымъ распорядителемъ, и до крайности строгимъ во взысканіи податей, пока имѣлъ полную власть и свободу—дѣлать все, что только было непротивно его мнѣнію, или что было ему угодно и возможно. А когда увидѣлъ, что его власть измѣняется, свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію ограничивается и значеніе мало по малу уменьшается,—потому что и другіе начали усиливаться у царя, отстраняя его и лишая чрезмѣрнаго вѣса; тогда онъ измѣнилъ свои правила и сталъ всѣми силами приспособляться ко времени и приноров-

ляться къ обстоятельствамъ. Сказавъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «ну, теперь и мы будемъ богаты», онъ дѣйствительно сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, женился на женщинѣ изъ благороднаго, но падшаго и забытаго дома и, сдѣлавшись отцемъ семейства, оставилъ своимъ дѣтямъ, огромное и достаточное для роскошной жизни, богатство. Будучи человѣкомъ до крайности скупымъ и неподатливымъ, такъ что не рѣшался даже поднять рѣсницъ, чтобы взглянуть на бѣдныхъ, онъ не распускалъ своего богатства, но, связавъ его неразрѣшимыми и нерасторжимыми узами, держалъ взаперти, какъ нѣкогда Акрисій Данаю. Его скряжничество простиралось до того, что даже съѣстные припасы, присылаемые ему, онъ часто отсылалъ для продажи на рынокъ, а большія и жирныя рыбы, какъ напр. сіаксы и лавраксы, присланныя ему кѣмъ нибудь, трижды продавалъ и столько же разъ купленныя вновь принималъ отъ другихъ, имѣвшихъ до него нужду. Такимъ образомъ эти рыбы обращались у него въ рыбаковъ: выставляя свою величину, какъ уду, а жиръ, какъ приманку, онѣ привлекали къ себѣ проходящихъ и побуждали ихъ къ покупкѣ.

Важное также значеніе по своимъ совѣтамъ имѣлъ и Іоаннъ Агіоѳеодоритъ, но, по превратности дѣлъ человѣческихъ, ему скоро назначенъ былъ хитрый товарищъ Ѳеодоръ Стиппіотъ. Этотъ человѣкъ то соглашался съ Іоанномъ, то противорѣчилъ ему и, занимая по краснорѣчію первое мѣсто, а по чину второе, не довольствовался предоставленными ему почестями, но, крайне желая

большаго и стремясь къ высшему, всѣми силами домогался первенства. Воспользовавшись случаемъ, когда произошли немаловажныя разногласія между благороднымъ мужемъ Михаиломъ Палеологомъ и Іосифомъ Вальсамономъ, зятемъ Агіоөеодорита по сестрѣ, онъ рѣшительнѣе приступилъ къ исполненію своего намѣренія и, употребивъ всѣ усилія, успѣлъ вытѣснить Іоанна изъ столицы, какбы съ высоты небесной, и забросить въ самый отдаленный уголъ, на должность Претора Еллады и Пелопоннеса, съ тѣмъ, чтобы онъ привелъ въ порядокъ тамошнія дѣла и разрѣшилъ споры между упомянутыми лицами. Іоаннъ еще готовился къ отъѣзду, а судьба, даже не дождавшись его удаленія, перешла на сторону Стиппіота и, какъ говорится, обнявъ его ласково и радушно, стала украшать всѣми почестями и возвышать отъ славы къ славѣ. Наконецъ одного она возвела въ великолѣпный санъ Каниклія (¹), сдѣлала самымъ приближеннымъ лицемъ къ царю и возвеличила другими еще большими преимуществами; а другаго возненавидѣла и лишила куска хлѣба, и, что всего удивительнѣе, не измѣнила своего рѣшенія и не отмѣнила его, но до конца осталась при немъ. Съ того времени Стиппіотъ сталъ управлять дѣлами, какъ хотѣлъ. Это

(¹) Τοῦ ἐπὶ τοῦ κανικλείου. Κανικλεῖον назывался сосудъ съ пурпуровою или красною жидкостію, которою императоры подписывали грамоты. Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου — Каниклій, лице, завѣдывавшее этимъ сосудомъ, хранитель его. Должность его состояла, между прочимъ, въ томъ, что онъ скрѣплялъ царскую подпись. Codin. ed. Bonn. pag. 206.

былъ человѣкъ съ умомъ глубокимъ и обширнымъ, съ характеромъ любезнымъ и съ быстрымъ соображенiемъ. Онъ исполнялъ все, что приказывалъ царь, а царь приказывалъ то, чего хотѣлъ онъ. Впрочемъ и царь не былъ тогда зараженъ постыднымъ корыстолюбiемъ, былъ моремъ щедрости, бездною милости, доступенъ по привѣтливости своего обращенiя, неподражаемъ въ царскихъ добродѣтеляхъ, имѣя душу еще простую и сердце безхитростное. Старики разсказывали намъ, что тогда люди жили какбы въ золотой вѣкъ, воспѣваемый стихотворцами. Приходившiе въ царское казнохранилище за полученiемъ какой либо милости, походили на рой пчелъ, съ шумомъ вылетающихъ изъ разсѣлинъ скалы, или на толпу людей, собравшихся на площади, такъ что сталкивались между собою въ дверяхъ и тѣснили другъ друга—одни торопясь войти, а другiе спѣша выйти. Впрочемъ объ этомъ мы только слышали. А съ другой стороны и государственная казна въ то время отличалась щедростiю, разливалась, подобно переполнившемуся собранiю водъ, и, какъ чрево, близкое ко времени рожденiя и удрученное избыткомъ бремени, охотно извергала изъ себя пособiе нуждающимся. Ибо отъ доходовъ царя, отца Мануилова, изъ которыхъ часть удѣлялась на дѣла богоугодныя и которые не подвергались безпутной и безразсудной тратѣ, скопились груды денегъ и лежали, какъ кучи камней. Къ тому же, кажется, и Богъ благословлялъ и умножалъ сокровища, согласно съ своимъ непреложнымъ обѣтованiемъ, указывающимъ и на

вѣчную награду и на временное стократное воздаяніе. Впрочемъ не долго продолжалось это доброе настроеніе царя Мануила, но скоро прошло и миновало. Достигнувъ мужескаго возраста, онъ сталъ самовластнѣе управлять дѣлами, съ подчиненными началъ обращаться не какъ съ людьми свободными, а какъ съ наемными рабами; сталъ сокращать, если не совсѣмъ прерывать потоки благотворительности, и даже отмѣнилъ такія выдачи, которыя самъ назначилъ. Думаю, что онъ дѣлалъ это не столько по недостатку доброты (при объясненіи дѣлъ сомнительныхъ, всегда нужно быть снисходительнымъ), сколько потому, что не котила (¹), а цѣлое тирсинское море золота нужно было ему на покрытіе его огромныхъ расходовъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго моего разсказа.

4. Но между тѣмъ какъ императоръ такъ управлялъ имперіею, страшная и опасная туча враговъ, съ шумомъ поднявшись съ Запада, надвинулась на предѣлы римскаго государства: говорю о движеніи Алеманновъ и другихъ, поднявшихся съ ними и единоплеменныхъ имъ, народовъ. Между ними были и женщины, ѣздившія на коняхъ подобно мужчинамъ, смѣло сидѣвшія въ сѣдлахъ, не опустивъ ногъ въ одну сторону, но верхомъ. Онѣ также, какъ и мужчины, были вооружены копьями и щитами, носили мужскую одежду, имѣли совершенно воинскій видъ и дѣйствовали смѣлѣе Амазонокъ. Въ особенности от-

(¹) Κοτύλη—мѣра жидкостей, 7½ унцій вѣсу.

личалась одна изъ нихъ, какъ бы вторая Пенесилія ([1]): по одеждѣ своей, украшенной по краямъ и подолу золотомъ, она прозывалась Златоногою. Причиною своего движенія эти народы выставляли посѣщеніе гроба Господня и желаніе устроить прямые и безопасные пути для своихъ единоплеменниковъ, отправляющихся въ Іерусалимъ. Они говорили, что не везутъ съ собою въ дорогу ничего лишняго, но берутъ единственно то, что необходимо для уравненія путей, а подъ этимъ разумѣли не лопаты, молоты и заступы, но щиты, латы, мечи и все другое, потребное для войны. Такую они представляли причину своего движенія, подтверждая это клятвою, и, какъ оказалось впослѣдствіи, слова ихъ не были ложны. Приславъ пословъ, какъ друзья, они просили царя дозволить имъ пройти чрезъ римскія области и открывать имъ на пути рынки, на которыхъ они могли бы покупать пищу для людей и кормъ для лошадей. Царь, какъ и естественно, сначала испугался этого неожиданнаго и доселѣ еще никогда не бывавшаго дѣла, однако же не преминулъ сдѣлать все, что могло быть полезнымъ. Посламъ онъ отвѣчалъ благосклонно и, какъ требовали обстоятельства, показалъ видъ, что онъ чрезвычайно одобряетъ ихъ дѣйствія, притворно восхищался ихъ благочестивымъ намѣреніемъ, обѣщалъ немедленно приготовить все, необходимое для ихъ перехода, и увѣрялъ, что съѣстные припасы будутъ

([1]) Это знаменитая царица Амазонокъ, принимавшая участіе въ троянской войнѣ.

заготовлены въ изобиліи и что они будутъ получать ихъ такъ, какъ будто бы проходили не по чужой, а по своей землѣ, если только дадутъ вѣрную клятву, что ихъ проходъ будетъ истинно благочестивый и что они выйдутъ изъ римскихъ предѣловъ, не причинивъ вреда. Устроивъ это, какъ слѣдовало, онъ дѣйствительно посылаетъ повсюду царскіе указы, чтобы жизненныя потребности были выставляемы на дорогахъ, по которымъ будутъ проходитѣ западные воины. За словомъ послѣдовало и дѣло. Но опасаясь и подозрѣвая, чтобы въ овчей кожѣ не пришли волки, или, въ противоположность баснѣ, чтобы подъ видомъ ословъ не скрывались львы, или вмѣстѣ съ лисьею шкурою не имѣли они и львиной, онъ собираетъ римскія войска и публично совѣщается объ общественномъ дѣлѣ. При этомъ исчисляетъ множество имѣющихъ проходить воиновъ, показываетъ количество конницы, объявляетъ число тяжело вооруженныхъ ратниковъ, говоритъ о безчисленномъ множествѣ пѣхоты, описываетъ, какъ они покрыты мѣдью и жаждутъ убійства, какъ у всѣхъ ихъ глаза огнемъ горятъ и какъ они восхищаются кровопролитіемъ болѣе, нежели другіе окропленіемъ водою. И не только это объявляетъ Сенату, высшимъ сановникамъ и войскамъ, но говоритъ и о томъ, какъ тираннъ сицилійскій, подобно морскому звѣрю, разоряетъ приморскія области, какъ онъ, переплывая море и приставая къ большимъ римскимъ селеніямъ, опустошаетъ все, встрѣчающееся на пути, безъ всякаго сопротивленія. Потомъ исправляетъ городскія башни и

укрѣпляетъ стѣны по всему ихъ протяженію, даетъ солдатамъ латы, вооружаетъ ихъ мѣдными копьями, снабжаетъ быстрыми конями и воодушевляетъ раздачею денегъ, которыя кто-то изъ древнихъ прекрасно назвалъ нервами всѣхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, при помощи Божіей и при содѣйствіи покровительницы города, Матери-Дѣвы, приготовивъ, какъ можно лучше, войска къ отраженію непріятеля, одну часть ихъ онъ удерживаетъ для защиты прекраснаго города и помѣщаетъ на стѣнахъ его, а другой приказываетъ слѣдовать не въ дальнемъ разстояніи за войскомъ Алеманновъ и удерживать тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выходить на грабежи и разбои, впрочемъ—средствами мирными, а не враждебными. Пока Алеманны были далеко, не случилось ничего достопримѣчательнаго между обоими войсками; да когда они остановились и у Филиппополя, и на этой стоянкѣ не произошло между отрядами столкновенія. Архіереемъ этой области въ то время былъ Михаилъ италійскій, человѣкъ отлично краснорѣчивый и всесторонне образованный, въ разговорѣ до того пріятный, что всѣхъ привлекалъ къ себѣ, подобно магниту. Онъ до такой степени увлекъ короля прелестію своихъ словъ и очаровалъ сладостію рѣчей, (имѣя однакожъ въ мысляхъ совсѣмъ не то, что говорилъ, а выгоды Римлянъ, и искусно превращаясь, подобно Протею фаросскому), что гордый король не могъ оторваться отъ него, бывалъ у него на обѣдахъ, и раздѣлялъ съ нимъ завтраки. За то и самъ, изъ угожденія ему, подвергалъ самымъ же-

стокимъ наказаніямъ тѣхъ, которые приносили откуда-нибудь съѣстные припасы, не заплативъ за нихъ денегъ.

5. Когда же король выступилъ оттуда и отправился далѣе, то между задними отрядами Алеманновъ и Римлянами сначала происходитъ споръ, по поводу какихъ-то обидъ; за споромъ слѣдуетъ шумная распря толпы, усиливаемая криками; къ крикамъ присоединяется брань и ссоры, а отсюда дѣло доходитъ до драки. Затѣмъ является богиня войны,—завязывается вооруженная схватка и поднимается открытое сраженіе. Возрастая и усиливаясь болѣе и болѣе, оно едва было не подняло свою голову до небесъ, хотя въ началѣ было незначительно и незамѣтно; но вышеупомянутый архіерей успѣлъ своими убѣжденіями смягчить и сверхъ чаянія успокоить короля, который уже возвращался назадъ и дышалъ войною, какъ кровожадный левъ, свирѣпо махающій хвостомъ и готовящійся къ нападенію. Когда войска достигли укрѣпленнаго Адріанополя, то король, пройдя чрезъ этотъ городъ, отправился далѣе, а одинъ изъ его родственниковъ, по причинѣ болѣзни, остался въ Адріанополѣ. Здѣсь нѣкоторые негодные Римляне, которыхъ руки были привычны не къ оружію, а къ грабежу, подошедши ночью, подкладываютъ огонь подъ тотъ домъ, гдѣ находился этотъ человѣкъ и сожигаютъ какъ его самаго, такъ и все, что при немъ было. Узнавъ объ этомъ, Конрадъ,—такъ назывался король,—поручаетъ племяннику своему Фридерику отмстить за то жителямъ. Фридерикъ—человѣкъ и безъ того же-

стокій, а теперь еще воспламененный гнѣвомъ, возвратившись въ городъ, предастъ огню монастырь, въ которомъ жилъ Алеманинъ, производитъ изслѣдованіе о пропавшихъ деньгахъ и осуждаетъ на смерть виновныхъ. Это обстоятельство могло бы подать поводъ къ войнѣ; но дѣло опять окончилось вождѣлѣннымъ миромъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ знатныхъ Римлянъ, погасившихъ войну, и въ особенности Прасуха, который уладилъ все. Переѣхавши на конѣ три рѣки, которыя всѣ вмѣстѣ протекаютъ подъ тамошнимъ каменнымъ мостомъ, онъ прибылъ къ разгнѣванному Фридерику, укротилъ его и отклонилъ отъ его намѣренія. Тогда стоянки Алеманновъ опять сдѣлались спокойными, переходы мирными и дальнѣйшій путь благополучнымъ. Чрезъ нѣсколько дней они раскинули лагерь на всей равнинѣ Хировакховъ (¹), но не оградили его валомъ; такъ они поступали и на всѣхъ стоянкахъ, довѣряя клятвамъ и договорамъ Римлянъ. По тамошнимъ полямъ протекаетъ рѣка, не широкая и не глубокая, называемая Меласъ (черная). Лѣтомъ, высыхая, она обращается въ тинистый ручей, потому что протекаетъ не по песчаной почвѣ, но по землѣ весьма тучной, по которой пахари проводятъ глубокія борозды. А зимою и при проливныхъ дождяхъ, изъ ничтожной она дѣлается очень большою, изъ дряннаго и грязнаго потока постепенно превращается въ глубокую рѣку, даже, недовольствуясь быть рѣкою, хочетъ сравниться съ мо-

(¹) Между Адріанополемъ и Константинополемъ.

ремъ, бѣжитъ стремительно и шумно и, разливаясь широко, изъ легко переходимой становится судоходною. Воздымаемая вѣтромъ, она тогда жестоко волнуется, выбрасываетъ на берега пѣнистыя волны и, сильно ударяясь о сосѣднюю землю, уноситъ труды земледѣльцевъ, останавливаетъ путниковъ и вообще производитъ всякаго рода опустошенія. Эта-то небольшая рѣка, и въ то время отъ дождей необыкновенно увеличившись и сдѣлавшись многоводною, внезапно выступаетъ ночью изъ береговъ, какъ будто бы надъ ней отверзлись хляби небесныя, и уноситъ изъ лагеря Алеманновъ не только оружіе, конскую збрую, одежды и всѣ другія вещи, которыя они везли съ собою, но и лошадей, и муловъ, и самихъ всадниковъ. Жалкое то было зрѣлище и поистинѣ достойное слезъ: Алеманны падали безъ борьбы, гибли безъ врага! И ни огромный и необыкновенный ростъ, ни привычныя къ войнѣ руки не помогли имъ спастись отъ бѣды: они падали, какъ трава, уносились, какъ сухое сѣно и легкій пухъ, и лишь рѣка, говоря словами Псалмопѣвца, воздвигала гласы ихъ, когда они поварварски кричали и своими дикими и страшными воплями, нисколько не похожими на сладкозвучныя пѣсни пастуховъ, оглашали горы и холмы, мимо которыхъ проносились. Тѣ, которые видѣли это событіе, поневолѣ приходили къ мысли, что гнѣвъ Божій явно постигъ лагерь Алеманновъ, если они столь внезапно поглощены были водою, что не могли спасти даже своихъ тѣлъ. Изъ спавшихъ въ ту ночь, дѣйствительно, одни заснули сномъ смертнымъ,

а другіе лишились всего своего имущества. Король, крайне опечаленный этимъ событіемъ, нѣсколько поубавилъ своей спѣси и, подивившись, что и стихіи повинуются Римлянамъ и исполняютъ ихъ желанія и что самыя времена года, какъ послушные рабы, въ угодность имъ, перемѣняютъ свои свойства, снялся оттуда и отправился далѣе. Когда же приблизился къ царствующему городу; то принужденъ былъ тотчасъ же переправить свое войско на ту сторону пролива, хотя прежде, въ бытность свою въ Перѣ, называемой пикридійскою, не соглашался на это и съ чванствомъ отказывался отъ переправы, говоря, что отъ его воли зависитъ—переправиться или нѣтъ. По этому случаю всѣ гребцы, всѣ суда, всѣ рыбачьи лодки и перевозные корабли заняты были переправою Алеманновъ. Царь приказалъ было записать число этого огромнаго войска, назначивъ счетчиковъ на каждую переправу съ тѣмъ, чтобы они замѣчали каждаго переправляющагося человѣка; но количество войска оказалось выше исчисленія, и потому приставленные къ этому дѣлу, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, возвратились, не исполнивъ порученія. Когда такимъ образомъ король, какъ зловѣщее небесное знаменіе, перешелъ, согласно съ желаніемъ Римлянъ, на Востокъ, а за нимъ, спустя немного времени, послѣдовали и бывшіе въ одномъ съ нимъ походѣ Франки, царь опять обратился къ прежнимъ своимъ заботамъ о собственныхъ областяхъ. Не пренебрегалъ онъ также и тѣмъ, чтобы эти чужеземцы имѣли необходимую пищу, для чего на

*

пути опять были выставляемы на продажу съѣстные припасы. Впрочемъ въ удобныхъ мѣстахъ и въ тѣсныхъ проходахъ, по распоряженію Мануила, сдѣланы были Римлянами засады, отъ которыхъ немало того войска погибло. А жители городовъ, запирая городскія ворота, не допускали Алемановъ на рынокъ, но, спуская со стѣны веревки, сначала притягивали къ себѣ деньги, слѣдующія за продаваемыя вещи, а потомъ спускали, сколько хотѣли, хлѣба или другихъ какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ. При этомъ они дозволяли себѣ несправедливости, такъ что Алеманы призывали на нихъ мщеніе всевидящаго Ока за то, что тѣ ихъ обманывали неправильными вѣсами, не оказывали имъ сострадания, какъ пришельцамъ, и не только отъ себя ничего не прибавляли имъ, какъ единовѣрцамъ, а напротивъ какъ бы изъ ихъ рта вырывали необходимую пищу. Негоднѣйшіе же изъ городскихъ жителей и люди особенно безчеловѣчные не опускали даже ни крошки; но, притянувъ къ себѣ золото или поднявъ серебро и спрятавъ за пазуху, исчезали и больше ужъ не показывались на городскихъ стѣнахъ. А были и такіе, которые примѣшивали къ мукѣ известь и чрезъ то дѣлали пищу вредною. Точно ли это дѣлалось по императорскому, какъ говорили, приказанію, вѣрно не знаю; но во всякомъ случаѣ эти беззаконныя и преступныя дѣла дѣйствительно были. А то несомнѣнно и совершенно вѣрно, что по приказанію царя была вычеканена монета изъ фальшиваго серебра и что она выдавалась въ уплату тѣмъ изъ италіянскихъ

ратниковъ, которые хотѣли что нибудь продать. Кратко сказать, царь и самъ всячески старался вредить имъ и другимъ приказывалъ наносить имъ всевозможное зло для того, чтобы и позднѣйшіе потомки ихъ неизгладимо помнили это и страшились вторгаться въ области Римлянъ.

6. Подобнымъ же образомъ вздумали поступать съ Алеманнами и Турки, бывъ наущены и побуждены къ войнѣ письмами Мануила. Близъ рѣки Ваоиса (глубокой), подъ предводительствомъ нѣкоего Паблана, они даже одержали надъ Алеманнами побѣду и многихъ изъ нихъ истребили. Но когда напали на ту часть войска, которая проходила чрезъ Фригію; то ошиблись въ своихъ расчетахъ и добровольно навлекли на свою голову погибель, безразсудно подвергшись опасности, которая была отъ нихъ далеко, и попавъ въ яму, которую вырыли собственными руками. Имъ бы не слѣдовало огорчать людей, которые не причиняли имъ никакого зла, не слѣдовало будить свирѣпаго звѣря, пока онъ спитъ, и побуждать его къ убійству; а они, построившись въ густыя фаланги и занявъ берега рѣки, — то была рѣка Меандръ,—рѣшительно не дозволяли латинскимъ войскамъ переправиться чрезъ нее. Эта рѣка и во всякое время не вездѣ бываетъ удобна для переправы, представляя множество водоворотовъ и пучинъ, а тогда была совершенно непроходима. Здѣсь-то западныя войска самымъ дѣломъ доказали, что только по ихъ снисхожденію фаланги Римлянъ не были истреблены, города ихъ не были разрушены и граждане не были перебиты, по-

добно кормному скоту. Когда король приблизился къ берегу рѣки, онъ не нашелъ здѣсь ни рѣчныхъ судовъ, ни моста для переправы, а между тѣмъ Турки, и пѣшіе и конные, явившись на противоположномъ берегу, стали бросать стрѣлы, и ихъ стрѣлы, перелетая рѣку, попадали въ передніе ряды фаланги. Поэтому онъ отступаетъ нѣсколько отъ берега и, расположившись лагеремъ такъ, чтобы быть внѣ бросаемыхъ стрѣлъ, приказываетъ всѣмъ, подкрѣпившись пищею, снарядить къ битвѣ коней и осмотрѣть свое оружіе, чтобы на слѣдующій день рано утромъ вступить въ бой съ Турками. И дѣйствительно, когда было еще темно и когда солнце не впрягло еще своихъ коней въ колесницу, онъ и самъ всталъ и снарядился, какъ слѣдуетъ, къ сраженію, и все войско облеклось въ оружіе. Тоже сдѣлали и варвары: они также выстроились, поставили стрѣльцовъ вдоль берега, расположили всадниковъ, какъ находили нужнымъ, и тотчасъ же начинали бросать стрѣлы, когда Италіянцы подходили близко къ рѣкѣ. Между тѣмъ король, обходя отряды и желая воодушевить своихъ воиновъ, говорилъ имъ слѣдующее: «соратники! каждый изъ васъ, конечно, хорошо знаетъ, что настоящій походъ мы предприняли ради Христа и ищемъ славы не человѣческой, а Божіей. Да и кто можетъ подумать иначе, когда изъ-за этого мы отказались отъ покойной домашней жизни, добровольно оставили своихъ родныхъ и, проходя по чужой землѣ, испытываемъ бѣдствія, подвергаемся опасностямъ, истаеваемъ отъ голода, зяб-

немъ отъ холода, изнуряемся отъ жара, имѣемъ ложемъ для себя землю, а покровомъ—небо, мы, люди благородные, знаменитые, славные, богатые и владычествующіе надъ многими народами?—когда мы постоянно носимъ воинскіе доспѣхи, какъ добровольныя узы, и страдаемъ подъ тяжестію ихъ, подобно величайшему изъ слугъ Христовыхъ Петру, который нѣкогда отягченъ былъ двойными узами и находился подъ стражею четырехъ четверицъ воиновъ? Съ другой стороны никто не станетъ спорить и противъ того, что эти, отдѣленные отъ насъ рѣкою, варвары—враги Креста Христова, съ которыми мы давно хотѣли сразиться и въ крови которыхъ, по выраженію Давида, обѣщали омыться,—никто, если то не будетъ человѣкъ, совершенно безумный, который видя не видитъ и слыша не слышитъ. Итакъ, если вы хотите идти прямымъ путемъ въ безсмертныя обители,—потому что Богъ не столь неправеденъ, чтобы не видѣть причины настоящаго похода и не воздать нетлѣнными радостями и прохладными едемскими обителями намъ, которые, оставивъ свои домы, рѣшились лучше умереть за Него, нежели жить,—если вы сколько нибудь помните тѣ обиды, какія эти, необрѣзанные сердцемъ, люди постоянно причиняютъ нашимъ соплеменникамъ, если представляете въ умѣ своемъ тѣ раны, какія они наносятъ имъ, и сколько нибудь сожалѣете о невинно пролитой крови; то станьте твердо, подвизайтесь мужественно, и никакой страхъ да не удержитъ васъ отъ справедливаго мщенія. Пусть иноплеменники

истинно познаютъ, что сколько Христосъ, нашъ Наставникъ и Учитель, выше ихъ пророка, обольстителя и изобрѣтателя нечестиваго ученія, столько же и мы превосходимъ ихъ во всемъ. Мы — святое ополченіе и богоизбранное воинство: не будемъ же малодушно привязываться къ жизни и бояться приснопамятной смерти изъ любви ко Христу. Если Христосъ умеръ за насъ, то не гораздо ли справедливѣе намъ умереть за Него? Пусть же нашему честному походу будетъ положенъ и добрый конецъ. Будемъ сражаться съ надеждою на Христа и съ увѣренностію, что мы обратимъ враговъ въ бѣгство и что для насъ не трудна будетъ побѣда; потому что никто, какъ мы надѣемся, не выдержитъ нашего нападенія, но всѣ отступятъ, при самомъ первомъ натискѣ. Если же, чего не дай Богъ, мы падемъ,—достославна будетъ могила умершихъ за Христа. Пусть персидскій стрѣлокъ поразитъ меня за Христа: лучше мнѣ съ благими надеждами уснуть сномъ смерти и на стрѣлѣ, какъ бы на колесницѣ, перенестись къ тамошнему покою, чѣмъ быть похищену смертію, можетъ быть, безславною и грѣшною. Отмстимъ же, наконецъ, этимъ варварамъ, которыхъ нечистыми ногами попраны наши единокровные и единовѣрные братья и отъ которыхъ они низошли въ то общее священное мѣсто, въ которомъ былъ съ мертвыми Христосъ, совѣчный и сопрестольный Отцу. Мы—тѣ сильные, вооруженные мечами, которые охраняютъ животворный и божественный гробъ, какъ ложе Соломоново: уничтожимъ же, какъ люди свобод-

ные, этихъ сыновъ рабыни Агари и удалимъ ихъ, какъ камень претыканія, съ пути Христова. Римляне, не знаю почему, питаютъ ихъ, какъ волковъ, на собственную гибель и безчестно утучняютъ своею кровію, тогда какъ слѣдовало бы, одушевившись мужествомъ и послѣдовавъ внушенію здраваго разума, отогнать ихъ отъ селеній и городовъ, какъ дикихъ звѣрей отъ стада овецъ. Но какъ вы видите, что эту рѣку можно перейти только необыкновеннымъ способомъ, то я научу васъ, какъ это сдѣлать, и самъ первый подамъ примѣръ. Составивъ одну густую массу и взявъ въ руки копья, бросимся стремительно въ эту рѣку и быстро перейдемъ ее на коняхъ. Я увѣренъ, что вода, отхлынувъ, остановится и, какъ бы возвратившись назадъ, удержится отъ дальнѣйшаго прямаго теченія, какъ нѣкогда рѣка Iорданъ, когда проходилъ чрезъ нее Израиль. И будетъ это придуманное нами дѣло приснопамятно позднѣйшимъ потомкамъ, не изгладится ни временемъ, ни потокомъ забвенія, къ великому безчестію Персовъ, которыхъ трупы, падшіе при этой рѣкѣ, будутъ лежать высокимъ холмомъ и составлять какъ бы трофей безсмертной нашей славы». Сказавъ эту рѣчь и подавъ знакъ къ сраженію, король самъ, сильно пришпоривъ коня, стремительно бросился въ рѣку, а за нимъ и всѣ другіе, сомкнувшись на коняхъ въ густую и сплошную массу и сотворивъ молитву, съ обычными криками устремились туда же. Отъ этого вода въ рѣкѣ частію отхлынула на берегъ отъ лошадиныхъ копытъ, частію прервала и остано-

вила дальнѣйшее теченіе, какъ будто бы сверхестественно обратилась назадъ къ своему источнику или была задержана вверху, и Алеманны, перейдя воду, какъ сушу, неожиданно напали на Персовъ. Тогда эти варвары не могли ни спастись бѣгствомъ, потому что ихъ преслѣдовали и ловили, не смотря на быстроту ихъ коней, которые чуть не носились по вершинамъ стеблей, — ни устоять противъ Алеманновъ въ рукопашномъ бою. Умерщвляемые различнымъ образомъ, они какъ колосья падали другъ на друга, или какъ грозды проливали живую кровь свою, будучи давимы копьеносцами. Одни были пронзаемы копьями, другіе на бѣгу пополамъ разсѣкаемы длинными мечами,—особенно легко вооруженная часть войска, а иные на близкомъ разстояніи поражаемы кинжалами, исторгавшими ихъ внутренности, такъ что падшіе Персы совершенно покрыли тамошнія равнины своими трупами и затопили лощины своею кровію. Что же касается Италіянцевъ, то хотя многіе изъ нихъ были ранены стрѣлами, но пали и убиты не многіе. О множествѣ падшихъ и доселѣ свидѣтельствуютъ часто встрѣчающіяся здѣсь огромныя груды костей, которыя возвышаются на подобіе холмовъ и удивляютъ всѣхъ, проходившихъ по этому пути, равно какъ удивили и меня, пишущаго эти строки. Сколь велики были размѣры ограды, сдѣланной изъ костей Кимвровъ вокругъ массилійскихъ виноградниковъ, когда Марій, военачальникъ римскій, поразилъ этихъ варваровъ, о томъ, конечно, могли вѣрно знать люди, видѣв-

шіе своими глазами это необыкновенное дѣло и разсказавшіе о немъ другимъ. Но настоящее дѣло, безъ сомнѣнія, было бы выше и того, если бы только все, что касается до Кимвровъ, не было преувеличено Исторіею, такъ что выходитъ изъ предѣловъ естественныхъ и походитъ на басню. Съ тѣхъ поръ Алеманны продолжали путь безъ битвъ и никто изъ варваровъ не показывался на пути и не препятствовалъ имъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА 2.

1. Послѣ такихъ-то трудовъ и подвиговъ Италіянцы достигли Келесиріи. Но между тѣмъ, какъ они шли къ Іерусалиму и, выступивъ изъ предѣловъ римской имперіи, проходили верхнюю Фригію, Ликаонію и Писидію,—области, прежде подвластныя Римлянамъ, а теперь принадлежащія варварамъ, которые завладѣли ими, конечно, по нерадѣнію и безпечности прежнихъ римскихъ императоровъ, не считавшихъ слишкомъ нужнымъ и обязательнымъ трудиться и подвергаться опасностямъ для блага своихъ подданныхъ;—самодержецъ Мануилъ сталъ помышлять, какъ бы отмстить Сицилійцамъ за ихъ безчеловѣчные по-

ступки съ Римлянами и выгнать ихъ гарнизонъ съ острова Керкиры, который нынѣ называется Корифо (¹). Дѣйствительно, одновременно съ движеніемъ Алеманновъ, Рожеръ, тогдашній владѣтель Сициліи, или по предварительному соглашенію съ королемъ Алеманновъ, какъ иные говорили, или по собственному своему побужденію, сталъ нападать, на мелкихъ судахъ, на прибрежныя римскія области. Флотъ его, выѣхавшій изъ Врентисія (²), прибылъ къ Керкирѣ и безъ сраженія, при первомъ появленіи, овладѣлъ ею. Причиною этого были жители острова и въ особенности глупѣйшіе изъ нихъ, по прозванію Гимны. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не могутъ болѣе терпѣть тяжелаго, какъ они говорили, и несноснаго сборщика податей и переносить его обидъ, они составили коварный замыселъ; но какъ сами собою не въ состояніи были осуществить его, то теперь, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, обратились къ предводителю флота и, обольщенные его ласковыми словами и хитрыми обѣщаніями, приняли къ себѣ на извѣстныхъ условіяхъ сицилійскій гарнизонъ, состоящій изъ тысячи вооруженныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ спасаясь отъ дыма уплаты податей, они, по своей глупости, попали въ пламя рабства; а Римлянъ эти безумцы заставили вести продолжительную и крайне тяжкую войну. Начальникъ флота, обезопасивъ крѣпость и сдѣлавъ ее, сколько можно,

---

(¹) Нынѣшній островъ Корфу.

(²) Городъ въ Италіи. Нынѣшнее названіе его—Бриндизи.

недоступнѣе и неодолимѣе, отправился оттуда и присталъ къ Монемвасіи (1), льстясь надеждою взять и этотъ мысъ точно также безъ боя, какъ недавно взялъ Керкиру. Но встрѣтивъ здѣсь людей умныхъ и знающихъ цѣну свободы, онъ былъ отбитъ такъ, какъ бы напалъ на несокрушимую скалу, и, не достигнувъ цѣли, медленно удалился оттуда. Миновавъ Малею, гдѣ постоянно дуютъ противные вѣтры, такъ что есть даже пословица: «повернувъ къ Малеи, забудь о домашнихъ», онъ вошелъ въ глубокій заливъ и, обойдя ту и другую его сторону, не только ограбилъ селенія беззащитныя, но и достаточно огражденныя и не легко доступныя— частію принудилъ сдаться на условіяхъ, частію покорилъ силою. Потомъ опустошивъ Акарнанію и Этолію, называемую нынѣ Артинісю, и весь приморскій берегъ, приплылъ въ заливъ коринѳскій и, остановившись въ криссейской пристани, отважился напасть на жителей внутреннихъ областей, потому что не было никого, кто бы могъ ему противиться. Съ этою цѣлію, будучи только начальникомъ флота, онъ раздѣлилъ войско на отряды тяжело и легко вооруженныхъ воиновъ и, зная досслѣ одно море, появился и на сушѣ, подобно тѣмъ морскимъ чудовищамъ, которыя ищутъ себѣ пищи въ водѣ и на сушѣ, и вторгся въ Кадмову землю (2). Здѣсь, опустошивъ мимоходомъ лежавшія на пути большія селенія, онъ напалъ на семивратныя Ѳивы и, овладѣвъ ими, поступилъ без-

(1) Нынѣшняя Мальвазія. Hofm. Lex. tom, 3, p. 199.
(2) Т. е. Беотію.

человѣчно съ тамошними жителями. Такъ какъ издревле была молва, что въ этомъ городѣ живутъ граждане богатые; то онъ, побуждаемый страстію къ деньгамъ, не могъ довольно насытить своего корыстолюбія и желалъ наполнить деньгами всѣ или большую часть кораблей такъ, чтобы они погрузились до третьяго пояса. Поэтому и ремесленникамъ онъ дѣлалъ насилія, стараясь отыскать послѣднюю жалкую копѣйку, и мужей сильныхъ и славныхъ по происхожденію, почтенныхъ по лѣтамъ и знаменитыхъ по заслугамъ, подвергалъ различнымъ притѣсненіямъ; не стыдился и не щадилъ никого, не склонялся ни на какія просьбы, не боялся, что когда нибудь подпадетъ подъ власть богини мщенія, и не гнушался такъ называемой кадмовой побѣды [1]. Наконецъ, предложивъ священныя книги, принуждалъ каждаго съ препоясанными чреслами подходить къ нимъ, съ клятвою предъ ними объявлять свое состояніе и, отказавшись отъ него, уходить. И послѣ того, какъ обобралъ такимъ образомъ все золото и все серебро и нагрузилъ корабли златотканными одеждами, онъ не оставилъ въ покоѣ и лицъ, имъ ограбленныхъ. И изъ нихъ онъ взялъ съ собою людей, занимавшихъ первое мѣсто по своимъ достоинствамъ, а изъ женщинъ выбралъ особенно красивыхъ и нарядныхъ, которыя часто умывались водою прекрасной Дирки [2], хорошо

(1) Кадмъ, сынъ финикійскаго царя Агенора, основатель города Θивъ. Кадмова побѣда—это побѣда съ пагубными послѣдствіями. Henr. Steph. Thesaur. l. gr. Vol. V. p. 1110.

(2) Θивскій источникъ, получившій названіе отъ имени Дирки, жены θивскаго царя Лика. Hofm. Lex. tom. 3, p. 82.

убирали свои волосы и отлично знали ткацкое искусство,—и затѣмъ уже удалился оттуда. Пользуясь столь благопріятнымъ для него теченіемъ дѣлъ и не встрѣчая никакого сопротивленія ни на сушѣ, ни на морѣ, онъ отправляется на судахъ къ богатому городу, Коринѳу. Этотъ городъ лежитъ на перешейкѣ, славится двумя пристанями, изъ которыхъ одна принимаетъ плывущихъ изъ Азіи, а другая — пріѣзжающихъ изъ Италіи, — и представляетъ большое удобство съ обѣихъ сторонъ для ввоза и вывоза и взаимнаго обмѣна товаровъ. Не найдя ничего въ торговой части города, которая называется нижнимъ городомъ, потому что всѣ жители удалились въ Акрокоринѳъ и собрали туда всѣ съѣстные припасы и все имущество, какъ принадлежащее частнымъ людямъ, такъ и посвященное Богу,—онъ рѣшился напасть и на самый Акрокоринѳъ и, если можно, взять его. Акрокоринѳъ—это акрополь древняго города Коринѳа, а нынѣ сильная крѣпость, стоящая на высокой горѣ, которая оканчивается острою вершиною, представляющею гладкую поверхность въ видѣ стола, и ограждена твердою стѣною. Въ самой крѣпости находится немало колодцевъ вкусной и чистой воды и источникъ Пирина, о которомъ упоминаетъ Гомеръ въ одной изъ рапсодій. Не смотря на такую твердость и неприступность Акрокоринѳа, который и природа, и мѣстоположеніе, и крѣпкая ограда обезопасили такъ, что его трудно или и совсѣмъ невозможно взять, — Сицилійцы почти безъ труда вошли въ него, употребивъ не много времени на покореніе крѣпости,

И въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго или удивительнаго. Крѣпость, хотя сама по себѣ и неодолимая, конечно, не могла защищать сама себя, не могла отразить нападенія враговъ, когда въ ней не было доблестнаго гарнизона и достойныхъ защитниковъ. Числомъ ихъ было, правда, не мало, но всѣ они не стоили и одного мужественнаго защитника города. Тутъ, именно, находились и царскія войска съ своимъ вождемъ Никифоромъ Халуфомъ, и коринѳскіе вельможи, и немалое число жителей изъ окрестныхъ селеній, которые собрались въ Акрокоринѳъ, какъ въ самое безопасное отъ враговъ убѣжище. Оттого-то предводитель флота, вступивъ въ крѣпость и увидѣвъ, что она по естественному своему положенію со всѣхъ сторонъ неприступна, сказалъ: «мы сражались съ Божіею помощію, и Богъ попустилъ намъ овладѣть такимъ мѣстомъ»; а о находившихся въ крѣпости отозвался дурно и осыпалъ ихъ упреками, какъ низкихъ трусовъ, и особенно Халуфа, котораго назвалъ даже хуже женщины и неспособнымъ ни къ чему, кромѣ веретена и прялки. Затѣмъ сложилъ на корабли и здѣшнее имущество, обратилъ въ рабство знаменитѣйшихъ по происхожденію Коринѳянъ, взялъ въ плѣнъ и женщинъ, которыя были особенно красивы и полногруды, не пощадилъ даже иконы великомученика и чудотворца Ѳеодора Стратилата, но и ее похитилъ изъ посвященнаго имени его храма и, воспользовавшись попутнымъ и благопріятнымъ вѣтромъ, удалился оттуда со всѣмъ имуществомъ, и на обратномъ пути еще болѣе

укрѣпилъ и обезопасилъ Керкиру. Если бы кто увидѣлъ въ это время трехгребные сицилійскіе корабли; то совершенно справедливо могъ бы сказать, что это не разбойничьи корабли, а огромныя транспортныя суда,—такъ они были переполнены множествомъ дорогихъ вещей, погружаясь въ воду почти до самаго верхняго яруса!

2. Когда все это дошло до слуха императора Мануила,—онъ опечалился и сталъ походить на Гомерова Юпитера, который постоянно разбиралъ въ умѣ своемъ, что ему дѣлать, или на Ѳемистокла Неоклейскаго, который всегда казался озабоченнымъ, проводилъ безъ сна ночи, и, когда его о томъ спрашивали, отвѣчалъ, что ему не даетъ спать трофей Милтіадовъ. По этому поводу онъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и знаменитыхъ по краснорѣчію мужей. Изъ многихъ предложенныхъ мнѣній было найдено лучшимъ и одобрено императоромъ то, чтобы идти войною противъ Сицилійцевъ въ одно время и съ суши, и съ моря; такъ какъ и борьба эта отнюдь не обѣщала вѣрнаго успѣха, представляла немало препятствій, и прежнимъ римскимъ императорамъ казалась очень тяжкою и невозможною. И вотъ собираются легіоны восточные и западные; трехгребные корабли частію починиваются, частію вновь строются и приготовляются къ походу; огненосныя суда снабжаются жидкимъ огнемъ, который дотолѣ оставался безъ употребленія; снаряжаются суда пятидесятивесельныя, собираются мелкія, перемазываются смолою транспортныя для лошадей, напол-

няются съѣстными припасами провіантскія, приводятся въ порядокъ скороходныя,—и всѣ, бывъ снабжены парусами, выходятъ изъ гавани, въ которой доселѣ стояли. Такимъ образомъ составился флотъ почти изъ тысячи судовъ, а пѣхотнаго войска собралось безчисленное множество. Самые гиганты, если бы они при этомъ были, устрашились бы такой арміи; потому что въ то время и всѣ римскія войска вмѣщали въ себѣ много мужей доблестныхъ и людей съ геройскою храбростію, и тяжело вооруженная пѣхота не потеряла своей славы, но отличалась львиною и несокрушимою отвагою. Этимъ были обязаны Іоанну, отцу Мануила, императору истинно великому и полководцу въ высшей степени опытному. Не пренебрегая ничѣмъ другимъ, что содѣйствовало общественной пользѣ, онъ преимущественно заботился о войскахъ, ободряя ихъ частыми подарками и пріучая къ воинскимъ дѣламъ постоянными упражненіями. Сдѣлавъ такія отличныя, какъ казалось, приготовленія къ войнѣ съ Сицилійцами, царь приказываетъ гребцамъ и ихъ начальникамъ, развязавъ канаты, выходить съ флотомъ въ море, назначивъ главнымъ надъ нимъ вождемъ своего зятя по сестрѣ, Стефана Контостефана. Въ тоже время даетъ приказаніе и сухопутному войску отправляться въ походъ подъ начальствомъ, кромѣ другихъ вождей, великаго Доместика, Іоанна Аксуха, о которомъ мы уже много разъ говорили прежде. По прибытіи флота къ берегу Феакійскому (¹), вспомогательные ко-

(¹) Феакія—древнѣйшее названіе о. Корфу.

рабли венеціанскіе и корабли римскіе отдѣлились одни отъ другихъ и стали въ разныхъ мѣстахъ для того, чтобы два различныхъ племени не смѣшивались между собою во время стоянки и отъ такого смѣшенія не произошло несогласія. Между тѣмъ и самъ царь, спустя немного времени, отправился въ походъ съ войскомъ. На пути, при первой же встрѣчѣ, онъ прогналъ Скиѳовъ, которые, перейдя Дунай, опустошали области при горѣ Эмосѣ,—и, выступивъ изъ Филиппополя, пошелъ прямо на Керкиру. Мысъ керкирскій составляетъ огромную сплошную возвышенность, досягающую почти до облаковъ, съ изгибами и высоконодымающимися вершинами, вдавшуюся въ большую глубину морскую. Вокругъ него разбросаны утесистыя и обрывистыя скалы, которыя высотою превосходятъ воспѣтый поэтами Аорнъ. Самый городъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ крѣпкими стѣнами и огражденъ высокими башнями, отъ чего овладѣть имъ становится еще труднѣе. Царскія морскія войска, окруживъ этотъ мысъ, какъ бы обвили его мѣднымъ оружіемъ; но царь, прежде чѣмъ начать осаду, рѣшился чрезъ людей, знавшихъ языкъ тамошнихъ жителей, испытать, не сдадутъ ли ему непріятели крѣпость безъ сраженія. Когда же они, выслушавъ предложеніе, нисколько не склонились на него, но рѣшительно его отвергли, затворили ворота и загородили ихъ запорами, поставили на стѣнахъ ратниковъ, вооруженныхъ стрѣлами и луками, и, размѣстивъ всякаго рода машины, явно открыли сраженіе; тогда царь приказалъ и своимъ вой-

скамъ также вступить въ бой и всевозможно мстить непріятелямъ. И вотъ Римляне стали бросать копья какъ бы на небо, а тѣ сверху сыпали стрѣлы, какъ снѣгъ. Римляне, бросая камни изъ метательныхъ орудій, кидали, или точнѣе сказать, поднимали ихъ къ верху; а тѣ бросали ихъ внизъ, словно градъ. Одни, пуская стрѣлы съ высокой и выгодной мѣстности, очевидно, бросали ихъ легко и успѣшно; а другіе, сражаясь снизу съ непріятелемъ, находившимся на огромной высотѣ, вредили ему мало, или не вредили нисколько. Это повторялось нѣсколько разъ и продолжалось долгое время, но не приносило Римлянамъ никакой пользы, напротивъ явно клонилось къ ихъ гибели, а для осажденныхъ, которые не терпѣли никакого вреда, было выгодно. При такомъ бѣдственномъ положеніи, Римляне постоянно придумывали что-нибудь новое, старались отличиться въ глазахъ императора, выказывали и чудеса храбрости, и терпѣніе въ страданіяхъ, и находчивость въ затрудненіяхъ, которая свидѣтельствовала о ихъ глубокомъ умѣ и опытности въ военномъ дѣлѣ. Но все было напрасно: они явно стремились къ недостижимому и покушались на невозможное, и своими усиліями скорѣе помогали и содѣйствовали непріятелямъ; потому что, сражаясь съ ними, все равно, что спорили съ самимъ небомъ, или состязались съ птицами, основавшими свои гнѣзда на какой нибудь скалѣ, и пускали стрѣлы въ облака. Къ довершенію всего, палъ и самъ главный вождь флота, бывъ пораженъ въ бедро ос-

колкомъ камня, брошеннаго съ высоты метательнымъ орудіемъ. Склонивъ голову на сторону, онъ лежалъ чуть живой, а вскорѣ потомъ и скончался.

5. Такимъ образомъ исполнилось на немъ предсказаніе патріарха Космы Аттика, управлявшаго кормиломъ Церкви послѣ Михаила оксійскаго, который, добровольно отказавшись отъ верховной каѳедры, возвратился на островъ Оксію, гдѣ онъ изъ дѣтства проводилъ подвижническую безмятежную жизнь,—и, простершись на землѣ, при входѣ въ преддверіе храма, отдалъ выю свою на попраніе всякому входящему монаху, сознаваясь, что онъ напрасно оставлялъ давнишнее и любезное ему спокойствіе и безъ всякой пользы восходилъ на верховный престолъ. Косма былъ прежде въ числѣ діаконовъ, происходилъ родомъ изъ Эгины, былъ человѣкъ весьма ученый, но особенно славился различными добродѣтелями, больше же всего отличался великимъ милосердіемъ, которое въ разнообразномъ сонмѣ его добродѣтелей, какъ бы въ прекрасномъ и драгоцѣнномъ ожерельѣ, сіяло подобно лучезарному камню. Онъ былъ до того сострадателенъ къ людямъ, что и верхнюю и нижнюю одежду съ своего тѣла и льняное покрывало съ своей головы отдавалъ бѣднымъ, и не только самъ раздавалъ свое имущество, но и другихъ побуждалъ помогать нуждающимся. За то онъ и былъ у всѣхъ въ почтеніи, а Севастократоръ Исаакъ, братъ императора Мануила, чуть не боготворилъ его, считая богоугоднымъ и прекраснымъ то, что совѣтовалъ патрі-

архъ, и напротивъ богопротивнымъ и пагубнымъ то, чего онъ не одобрялъ. Но общество тогдашнихъ архіереевъ, не терпѣвшихъ добродѣтели, и партія, враждебная этому благочестивѣйшему мужу, оклеветали его предъ царемъ, будто онъ замышляетъ предоставить царство брату его Исааку. Открытыя его посѣщенія Севастократора въ царскомъ дворцѣ они представили скрытными и то, что говорилось между ними не въ потаенномъ мѣстѣ и не скрытно, а днемъ и явно, выдали за тайныя совѣщанія. Мануилъ, какъ человѣкъ еще молодой и самолюбивый, котораго притомъ клеветникамъ патріарха легко было расположить къ подозрѣнію брата въ домогательствѣ царской власти,—рѣшился свергнуть его съ престола. И такъ какъ для клеветы, какъ мы знаемъ, нѣтъ ничего неприкосновеннаго, и всякій, какъ тоже извѣстно, скорѣе склоненъ сдѣлать какое-нибудь зло; то патріархъ осуждается на низверженіе, какъ человѣкъ, будтобы раздѣляющій еретическія мысли одного монаха Нифонта. Этотъ Нифонтъ былъ близокъ къ патріарху, часто обѣдалъ за его столомъ и проживалъ у него въ домѣ, а между тѣмъ былъ обвиненъ въ неправомысліи по вѣрѣ, разстриженъ и заключенъ въ темницу патріархомъ Михаиломъ. Поэтому и Косму стали обвинять въ единомысліи и соучастіи съ нимъ. Воспользовавшись этимъ благовиднымъ предлогомъ, враги патріарха собрались и открыто напали на него, рѣшившись насильно и общимъ голосомъ низвергнуть его съ престола. Когда его призвали на судъ, или, лучше сказать, на осужденіе,

стали допрашивать о томъ, чего онъ не зналъ, и за это присуждали къ низверженію съ престола,—онъ исполнился негодованія и, обозрѣвъ собраніе, произнесъ заклятіе на утробу царицы, чтобы она не раждала дѣтей мужескаго пола, подвергъ отлученію нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ царю людей и осудилъ собравшійся на низверженіе его соборъ за то, что бывшія на немъ лица обиваютъ пороги царскаго дворца, судятъ лицепріятно, а не по церковнымъ правиламъ, и беззаконно лишаютъ его и престола, и паствы. Въ это время Контостефанъ,—человѣкъ, принадлежащій къ числу лицъ, которые окружаютъ императорскій престолъ и пользуются особенною близостію къ царю и правомъ свободно говорить съ нимъ,—показалъ видъ, будто онъ крайне оскорбленъ заклятіемъ утробы императрицы и, некстати притворившись негодующимъ болѣе всѣхъ присутствовавшихъ, съ гнѣвомъ приступилъ къ патріарху и хотѣлъ было ударить его кулакомъ, но удержался отъ своего порыва. Такого поступка, какъ дѣла безумнаго, не одобрилъ и царь, и своимъ негодованіемъ показалъ, какъ онъ недоволенъ случившимся. Да и родственники императора и весь сенатъ порицали Контостефана за то, что онъ посягнулъ на это нечестивое дѣло и не убоялся земной пропасти, поглощающей такихъ преступниковъ. А самъ патріархъ кроткимъ голосомъ сказалъ: «оставьте его: онъ самъ скоро получитъ ударъ камнемъ»,—чѣмъ предуказывалъ на тотъ родъ смерти, который его постигнетъ. Что же касается до царицы,—въ слѣдствіе ли этого заклятія отца, она не была мате-

рію дѣтей мужескаго пола, потому т. е. что Богу угодно было прославить слугу своего и оставить ее во всю жизнь раждать дѣтей женскаго пола,—я достовѣрно не знаю. Но императоръ, человѣкъ, видимо здравомыслящій, будучи упрекаемъ совѣстію за то, что лишилъ власти мужа праведнаго и благочестиваго, безукоризненнаго и не сдѣлавшаго ничего, достойнаго низверженія, признавалъ это, а не другое что-либо причиною, почему онъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола.

Когда палъ, какъ мы сказали, Контостефанъ, начальство надъ морскими силами поручено было великому Доместику Іоанну, впрочемъ такъ, что онъ не получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ названія великаго Вождя (¹), а только могъ командовать флотомъ и управлять дѣлами, какъ человѣкъ весьма опытный въ званіи военачальника, храбрый и одаренный отличными предводительскими способностями. Между тѣмъ царь, досадуя, что время проходитъ напрасно, и не желая губить дни безъ пользы, какъ нѣкогда кефалинскій царь Улиссъ не хотѣлъ губить быковъ солнца, взошелъ на предводительскій корабль и, объѣхавъ кругомъ всю Керкиру, тщательно осматривалъ, съ которой бы стороны можно было напасть на нее. А осада дѣйствительно тянулась три мѣсяца, потому что не могъ же онъ притащить Оссу, или придвинуть Аѳонъ, или нагромоздить горы на го-

(¹) Μέγας δούξ—титулъ главнаго начальника надъ флотомъ,—тоже, что великій Доместикъ въ сухопутномъ войскѣ. Codin. edit. Bonn. pag. 178—179.

ры, чтобы такимъ образомъ легче взять крѣпость: все это дѣла баснословныя и невѣроятныя.

4. Но въ то время, какъ онъ совсѣмъ не зналъ, что дѣлать, ему пришло на мысль перекинуть въ одномъ, легко доступномъ, по своему внутреннему положенію, ущельѣ деревянную лѣстницу, построенную въ видѣ круглой башни. Съ этою цѣлію сплотили корабельные лѣса, сколотили мачты большихъ кораблей, сдѣлали наставки къ тѣмъ, которыхъ высота была недостаточна, и наконецъ устроили лѣстницу въ видѣ башни. Когда ее подняли и приставили къ крѣпости, вершина ея доходила до края и неровной оконечности скалы, съ которой начинается городская стѣна, такъ что тутъ можно было сойти съ лѣстницы и вступить въ бой съ бывшими на стѣнѣ непріятелями; а ея основаніе, твердо сплоченное и крѣпко прибитое, неподвижно лежало на корабляхъ. Затѣмъ были вызываемы охотники—взойти по этой лѣстницѣ, люди самые храбрые и отважные на войнѣ, и самъ царь провозглашалъ: «кто любитъ царя и не боится опасностей, пусть идетъ вверхъ». Однако никто не являлся на вызовъ, напротивъ всѣ отказывались идти, страшась великой опасности, пока четыре родныхъ брата Петралифы, происходившіе изъ племени Франковъ и жившіе въ Дидимотихѣ, не послушались императора и первые не взошли на лѣстницу. А лишь только отважились они, и еще прежде ихъ—Пупаки, оруженосецъ великаго Доместика, съ одушевленіемъ бросившійся на это дѣло,—за ними изъ соревнованія послѣдовало немало и дру-

гихъ. Царь, похваливъ всѣхъ ихъ за усердіе и скорую рѣшимость и отдѣливъ изъ нихъ до четырехъ сотъ человѣкъ, которые были извѣстны ему многократными воинскими подвигами и особенною храбростію, приказалъ имъ идти вверхъ, сказавъ напередъ длинную рѣчь для возбужденія ихъ мужества и обѣщавъ какъ имъ, такъ и дѣтямъ ихъ, великія награды и свое благоволеніе. «Если вы, говорилъ онъ, останетесь въ живыхъ, избѣжавъ угрожающей опасности и доблестно совершивъ предстоящій подвигъ,—вы найдете во мнѣ, вмѣсто государя и царя, самаго нѣжнаго, какъ и не ожидаете, отца. Если же лишитесь жизни, стараясь заслужить честь отечеству и славу себѣ,—я и тогда не откажусь воздать вамъ всѣ почести по смерти и сдѣлаю столько добра вашимъ домашнимъ, дѣтямъ и женамъ, что и живые будутъ имъ завидовать и ублажать ихъ, и вы сами, перейдя въ другую жизнь, будете радоваться, если только есть въ умершихъ какое нибудь чувство и если не только дѣла минувшія не изглаждаются изъ ихъ памяти забвеніемъ, но и то, что совершается послѣ въ этой жизни, достигаетъ до нихъ и бываетъ извѣстно умершимъ». Итакъ, первый, какъ я сказалъ, сталъ подниматься, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, Пунаки, за нимъ послѣдовали братья Петралифы, а потомъ и другіе, пока всѣ не взошли на лѣстницу. Изъ бывшихъ при этомъ зрителей не было ни одного, чье бы сердце не стѣснилось отъ скорби при столь необыкновенномъ зрѣлищѣ, кто бы не зарыдалъ и, заливаясь слезами и ударяя себя

въ грудь, не обратился съ молитвою къ Богу. И дѣйствительно, зрѣлище было поразительное. Одни шли вверхъ съ поднятыми для безопасности надъ головою щитами и обнаженными мечами и, приблизившись къ находившимся на стѣнахъ непріятелямъ, отважно вступали въ бой; а другіе сыпали на нихъ всякаго рода снаряды и бросали тяжелые камни. Но всѣ усилія враговъ были напрасны: Римляне, поражаемые всякими орудіями, какъ наковальни молотками, были неутомимы, непоколебимы, непреклонны и, не смотря на опасности, неустрашимы. И вѣрно эта борьба имѣла бы прекрасный исходъ и доставила бы славу Римлянамъ, если бы негодный случай, примѣшивающійся и къ величайшимъ предпріятіямъ и всегда какъ-то вредящій имъ, доставивъ этому дѣлу отличное начало и польстивъ надеждою на успѣхъ, въ концѣ не измѣнилъ ему. Въ то время какъ Пупаки сошелъ уже съ лѣстницы и, ставъ твердою ногою на скалу, вступилъ въ бой съ бывшими на стѣнахъ непріятелями, вдругъ лѣстница обрушилась. Наступило жалкое и невообразимое зрѣлище: всѣ, бывшіе на лѣстницѣ, стали опрокидываться, падали внизъ головою и плечами и жалко погибали, уносимые волнами моря, разбиваясь о скалы и палубы кораблей и поражаемые камнями сверху, такъ что изъ многихъ весьма немногіе избѣгли опасности. А Пупаки, разсѣявъ бывшихъ на стѣнахъ непріятелей и нашедши отпертыя небольшія воротца, возвратился чрезъ нихъ къ своему войску. Это не только поразило Римлянъ и императора, но было чудомъ и для са-

михъ враговъ, — и они, устыдившись безчеловѣчія и жестокости, въ которыхъ упрекали ихъ за то, что они бросали сверху камни на упавшихъ съ лѣстницы, перестали бросать ихъ, изъ уваженія къ храбрости павшихъ.

5. Еще не успѣли Римляне совершенно оплакать этой неудачи, еще всеуничтожающее время не утишило печали царя о ней, какъ уже присоединяется новое несчастіе, худшее прежняго, неожиданно постигаетъ другое плачевное бѣдствіе. Среди площади произошло враждебное столкновеніе между Римлянами и Венеціанцами; и это столкновеніе состояло не въ однихъ насмѣшкахъ, которыми перекидывались оба народа, не въ бранныхъ только словахъ, которыя равно сыпались съ той и другой стороны, не въ томъ, что противники трунили и колко острили другъ надъ другомъ, осыпали другъ друга бранью и ругательствами, нѣтъ, — они взялись за оружіе и завязали настоящій бой. По слуху объ этомъ несчастіи съ той и другой стороны сбѣжалось много вооруженныхъ людей на помощь своимъ соплеменникамъ; явились также многіе и безоружные, люди знаменитые по своему родству съ царемъ и по своимъ достоинствамъ; пришли и старѣйшины венеціанскіе съ тѣмъ, чтобы усмирить мятежъ и возстановить миръ. Но никто не слушалъ словъ, никто не обращалъ вниманія на собравшихся знаменитыхъ мужей. Марсъ страшно неистовствовалъ и, жаждая кровопролитія, сильно подстрекалъ къ битвѣ тяжко вооруженныхъ воиновъ и въ особенности — изъ отряда Венеціан-

цевъ, такъ что ничто не обуздывало и не вразумляло ихъ. Чѣмъ успѣшнѣе великій Доместикъ сдерживалъ порывы Римлянъ и не допускалъ ихъ до мѣста боя, тѣмъ сильнѣе разгорались гнѣвомъ и неистовствовали Венеціанцы и тѣмъ въ большемъ числѣ высыпали изъ своихъ тріиръ. Видя всю безуспѣшность своихъ усилій примирить оба народа и необходимость разнять ихъ силою, великій Доместикъ вызываетъ своихъ тѣлохранителей, которые служили ему во время сраженія, какъ отличные тяжело вооруженные воины, и высылаетъ ихъ противъ Венеціанцевъ. Въ тоже время выводитъ и часть войска. Венеціанцы послѣ недолгаго сопротивленія, обративши тылъ, побѣжали безъ оглядки и, поражаемые стрѣлами и мечами, поневолѣ должны были безпорядочною толпою уйти на корабли. Но и при этомъ не оставили своего варварства, и послѣ пораженія не положили оружія, но, подобно медленно умирающимъ дикимъ звѣрямъ, все еще продолжали производить нападенія и сильно досадовали, что не одолѣли самихъ Римлянъ. И такъ какъ не могли больше сражаться на сушѣ; то, притотовивъ корабли къ выходу въ море, выводятъ ихъ изъ пристани и, отправившись къ одному острову, окруженному со всѣхъ сторонъ моремъ, — думаю, что это Астерисъ, который древніе полагаютъ между Итакою и Тетраполемъ кефалинскимъ, — нападаютъ, какъ непріятели, на стоявшія тамъ римскія суда изъ Евбеи и, поступивъ непріязненно съ матросами, между которыми большею частію были Евбейцы, наконецъ сожигаютъ и самые корабли.

Къ этому преступному дѣлу они присоединяютъ еще другое, болѣе гнусное. Похитивъ царскій корабль и взявъ его съ собою, сначала убрали находившіяся въ немъ царскія комнаты вытканными изъ золота занавѣсами и пурпуровыми коврами, потомъ ввели туда одного чернаго Еѳіоплянина — человѣка самаго ничтожнаго и, украсивъ его блистательнымъ вѣнцемъ, торжественно сопровождали его и привѣтствовали, какъ римскаго императора. Чрезъ это они издѣвались надъ царскимъ достоинствомъ и осмѣивали императора Мануила, такъ какъ у него волоса не были золотисты, какъ зрѣлые колосья, а напротивъ лицо его было черновато, какъ у невѣсты въ Пѣсни Пѣсней, которая говоритъ о себѣ: «черна я и хороша, потому что опалило меня солнце» (Пѣсн. Пѣсн. 1, 4—5). Царь конечно могъ тотчасъ же достойно наказать этихъ варваровъ; но, опасаясь, чтобы не произошло еще болѣе зла, если возникнетъ междоусобная война, и видя, что мщеніе не безопасно въ то время, когда все вниманіе должно быть обращено на другіе предметы, онъ чрезъ нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ объявляетъ прощеніе Венеціанцамъ, какъ въ преступленіяхъ противъ него самаго, такъ и во враждебныхъ и коварныхъ дѣйствіяхъ противъ Римлянъ. Впрочемъ, хотя въ то время онъ и удержалъ гнѣвъ свой, но все же таилъ въ душѣ злобу, какъ огонь въ кучѣ золы, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не дозволили во всей силѣ открыть ее, какъ объ этомъ будетъ сказано въ свое время.

Когда же такимъ образомъ снова помирились оба войска, онъ выводитъ фаланги на осаду города и, обложивъ его, сколько было возможно, съ моря, употребляетъ всевозможныя усилія, какъ бы стараясь превзойти самаго себя, — чтобы какъ нибудь покорить и завоевать городъ. Съ этою цѣлію безпрестанно бросаемы были огромные камни изъ камнеметныхъ орудій, постоянно стрѣлки прижимали къ груди своей луки и, сильно натягивая тетиву, сыпали стрѣлы на стоявшихъ на стѣнѣ непріятелей, словно хлопья зимняго снѣгу. Во многихъ мѣстахъ крѣпости нѣкоторые по ущельямъ взбирались даже на крутизны, подобно дикимъ козамъ. Но все это не доставляло ни какой пользы и служило развѣ къ тому, чтобы войско не оставалось въ бездѣйствіи. Ибо и находившіеся въ крѣпости съ своей стороны защищались мужественно и, отнюдь не считая нужнымъ спускаться внизъ и вступать въ рукопашный бой съ Римлянами, всячески оборонялись со стѣнъ и наносили вредъ непріятелямъ, бросая въ нихъ стрѣлы и камни. Царь увидѣлъ, что онъ домогается невозможнаго, но не считалъ необходимымъ уходить оттуда и оставить осаду не увѣнчанною успѣхомъ. Онъ полагалъ, что для него будетъ безславіемъ, если онъ, послѣ многихъ трудовъ и потери нѣсколькихъ отрядовъ войска, не успѣетъ взять одну крѣпость, и притомъ такую, которая недавно еще платила дань Римлянамъ, — и что онъ дастъ притонъ въ своихъ владѣніяхъ тысячамъ разбойниковъ, если оставитъ за Сицилійцами Керкиру, которая въ такомъ случаѣ будетъ безопас-

нымъ убѣжищемъ для ихъ тріиръ и сдѣлается военнымъ арсеналомъ противъ Римлянъ. И такъ, онъ рѣшился ждать, потому что не оставалось никакой надежды на что-нибудь другое болѣе лестное; а между тѣмъ долговременность осады, думалъ онъ, побудитъ начальниковъ гарнизона сдать ему крѣпость и ввѣрить самихъ себя. И не обманулся онъ въ своемъ ожиданіи, не ошибся въ расчетѣ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, непріятели, дѣйствительно, отправляютъ къ нему пословъ и просятъ, чтобы имъ дозволено было выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и со всѣмъ прочимъ, что при нихъ было. Они рѣшились на это, потому что увидѣли, что царь не дозволитъ имъ оставаться тутъ и что они напрасно питали себя лестными надеждами, ежечасно ожидая помощи отъ короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что между ними сталъ мало по малу появляться голодъ. Къ этому въ особенности побуждалъ ихъ Кастелланъ (¹) Ѳеодоръ, главный начальникъ гарнизона,—человѣкъ не столько любившій кровь, сколько стадо Христово, предпочитавшій миръ враждѣ и расположенный къ Римлянамъ, какъ это доказалъ впослѣдствіи. Царь, съ радостію выслушавъ объ этомъ предложеніи, тотчасъ же хотѣлъ видѣть и его исполненіе. Но прежде, чѣмъ далъ благопріятный отвѣтъ, представилъ изъ себя человѣка жестокаго и странно грозилъ непріятелямъ, если не исполнятъ того, что̀ обѣщаетъ по-

(¹) Καςελλάνος—начальникъ крѣпости. Du Cang. Glossar. tom. 1, p. 602.

сольство. Когда же наконецъ они вышли изъ крѣпости — а вышли они не всѣ вмѣстѣ, но небольшими отрядами, когда напередъ вышедшіе удостовѣрили собою остававшихся, что царь не гордъ и ничего особеннаго противъ нихъ не замышляетъ, но принимаетъ ихъ благосклонно,—онъ обошелся съ ними очень ласково и привѣтливо и предоставилъ имъ полную свободу дѣлать, что хотятъ и что сочтутъ полезнымъ. Не въ моихъ, говорилъ онъ, правилахъ, да я и не считаю дѣломъ царскимъ и благороднымъ прогонять желающихъ остаться, или задерживать тѣхъ, которые хотятъ удалиться. Поэтому многіе рѣшились остаться при царѣ и прежде всѣхъ Кастелланъ Ѳеодоръ, а остальные возвратились въ отечество—Сицилію.

6. Войдя въ городъ и подивившись силѣ крѣпости, которую не было никакой возможности покорить оружіемъ, царь оставилъ въ ней весьма сильный гарнизонъ изъ Германцевъ и затѣмъ, снявшись оттуда со всѣмъ войскомъ, переправился въ Авлонъ. (¹) Пробывъ здѣсь довольно времени, онъ назначилъ походъ въ Сицилію, полагая, что спокоенъ только тотъ, кто сражается, что война служитъ залогомъ мира, и что счастливы только тѣ города, которые защищаются не стѣнами, а мечами. Люди, говорилъ онъ, избѣгающіе войны ради мира, не замѣчаютъ, что чрезъ то наживаютъ себѣ больше враговъ, которые тогда родятся точно на плодоносной землѣ, что они ослабляютъ свое царство и никогда не

(¹) Приморскій городъ на берегу адріатическаго залива.

наслаждаются прочнымъ миромъ. Но «суетны, говоритъ Давидъ, помышленія людей, и невѣрны разсчеты ихъ, а совѣтъ Господень твердъ и неизмѣненъ, и никто не можетъ противиться ему». Такъ и Мануилъ, когда направилъ свой путь въ Сицилію и присталъ къ острову, такъ называемому Апронисію,—остановленъ былъ въ своемъ предпріятіи сильными вѣтрами и страшною бурею, взволновавшею море и сопровождавшеюся грозными раскатами грома и необыкновенно сильнымъ и ужасающимъ сверканіемъ молніи. И когда онъ въ другой разъ пустился въ путь и спѣшилъ переправою, — море опять не улежало спокойно подъ его кораблями, но стало кипѣть и сильно волноваться. Отъ поднявшихся противныхъ вѣтровъ, суда разсѣялись при наступившемъ глубокомъ мракѣ, и едва лишь нѣкоторыя пристали къ твердой землѣ, такъ что и самъ царь съ трудомъ избѣжалъ опасности, а всѣ прочія разметаны были въ разныя стороны и сдѣлались добычею волнъ. Тогда царь отказался отъ намѣренія лично идти въ Сицилію, такъ какъ этотъ походъ былъ для него несчастенъ,—и, выступивъ изъ Авлона съ бывшими при немъ силами, прибылъ въ Пелагонію. Устроивъ здѣсь дѣла, какъ ему казалось лучше, онъ рѣшилъ обратить свои силы противъ Сербовъ. Ибо Сербы, пока у самодержца въ царствѣ все было спокойно, показывали видъ доброжелателей и расточали рѣчи, несогласныя съ тѣмъ, что у нихъ было втайнѣ на сердцѣ; а когда случилось на сушѣ и на морѣ то, о чемъ я вкратцѣ разсказалъ, они, воспользо-

вавшись этимъ временемъ, необыкновенно ободрились, подняли противъ Римлянъ оружіе и непріязненно напали на смежныя съ ними римскія области. И такъ, царь, взявъ отлично вооруженную часть войска и оставивъ все, что могло связывать ее въ движеніи, вступаетъ въ Сербію. Отъ сербскаго сатрапа не укрылось движеніе на него императора, хотя послѣдній и старался сдѣлать это скрытно. Не зная, что̀ дѣлать, и сознавая, что онъ не въ состояніи бороться съ римскими легіонами, онъ оставляетъ равнины и устремляется въ горы, въ надеждѣ тамъ найти себѣ спасеніе. А своихъ подданныхъ, словно стада животныхъ, пасущихся на лугахъ, онъ отдалъ на расхищеніе и истребленіе непріятелямъ, предоставивъ каждому, по его собственному примѣру, искать спасенія въ бѣгствѣ. Но между тѣмъ какъ такъ думалъ и дѣйствовалъ правитель Сербіи, и давалъ такіе совѣты своимъ подданнымъ, царь словно левъ, увѣренный въ своей силѣ, разсѣялъ скопища варваровъ, какъ стада быковъ и козъ, сжегъ много принадлежащаго имъ имущества, захватилъ немалое количество рабовъ, и затѣмъ, выступивъ оттуда, тотчасъ же написалъ грамоту, которою увѣдомлялъ городскихъ жителей объ этихъ новыхъ успѣхахъ. Эту грамоту привезъ туда великій Доместикъ; а спустя немного прибылъ въ столицу и самъ виновникъ военныхъ подвиговъ и совершилъ по этому поводу блистательный тріумфъ. Насладившись радостными восклицаніями и громомъ рукоплесканій всего наро-

да и Сената, онъ вслѣдъ за тѣмъ занялся конскими скачками и зрѣлищами.

А лишь только наступила весна, онъ опять занялъ Пелагонію и, такъ какъ ему самому не посчастливилось въ сицилійской экспедиціи, то онъ выслалъ туда одного изъ знатныхъ и благородныхъ людей — человѣка предпріимчиваго, именно Михаила Палеолога, снабдивъ его большою суммою денегъ и ввѣривъ ему достаточное количество войска. Палеологъ, по мысли царя, сначала отправился въ Венецію, и тамъ нанялъ войско, а также и изъ италіянскихъ провинцій набралъ сильный отрядъ копьеносцевъ и затѣмъ уже, имѣя огромныя силы, отплылъ въ Лонгобардію. Здѣсь, сражаясь съ королевскими войсками, онъ торжествуетъ надъ ними и вѣнчается блистательными побѣдами, пользуясь во всѣхъ случаяхъ помощію и содѣйствіемъ нѣкоего графа Александра, кровнаго родственника королевскаго, который недавно передался на сторону Римлянъ за оскорбленіе, нанесенное ему королемъ. Вообще Палеологъ постоянно расширялъ свои завоеванія и, щедро разсыпая и раздавая деньги, крайне безпокоилъ короля и, казалось, готовъ былъ нанести ему окончательный ударъ, когда взялъ весьма многіе изъ тамошнихъ городовъ, одни на капитуляцію, а другіе приступомъ. Между прочимъ онъ переправилъ отсюда множество камней и, отославши къ царю нѣсколько плѣнныхъ, укрѣпилъ на берегу Егейскаго моря городъ, доселѣ извѣстный подъ именемъ Бары и Авлоніи.

7. А самъ царь, узнавъ, что владѣтель Сербіи

снова на границахъ злодѣйствуетъ и поступаетъ хуже прежняго, такъ что заключилъ даже союзъ противъ Римлянъ съ сосѣдними Пэонійцами, съ пренебреженіемъ выступаетъ противъ нихъ съ небольшою частію войска, полагая, что они не въ состояніи съ нимъ бороться. Но они выказали неожиданное сопротивленіе и мужественно встрѣтили предстоящую войну, получивъ весьма сильное вспомогательное войско отъ Гунновъ. Въ это-то время и Іоаннъ Кантакузинъ, вступивъ въ бой съ варварами и сражаясь до того, что и самъ наносилъ и принималъ удары, — потерялъ пальцы на рукахъ, подвергшись нападенію цѣлой толпы Сербовъ. Да и самъ царь имѣлъ единоборство съ архижупаномъ (¹) Вакхиномъ, — человѣкомъ богатырскаго тѣлосложенія и съ сильно развитыми ручными мышцами. Вакхинъ ударилъ царя въ лице и разбилъ въ дребезги опущенную съ шлема желѣзную сѣтку, закрывавшую глаза его, а царь пронзилъ мечемъ его руку и, чрезъ то отнявъ у него возможность сражаться, взялъ его живымъ въ плѣнъ. Когда же наконецъ и здѣсь Римлянъ озарилъ блескъ побѣды, и варвары разсѣялись, подобно тучамъ, и послѣ неблагополучнаго начала война окончилась весьма счастливо, — императоръ, еще не стерши съ лица пыли послѣ прежняго сраженія и еще покрытый горячимъ потомъ, идетъ войною противъ Венгровъ. Онъ ставилъ имъ въ вину то, что они помогали Сербамъ и хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ

(¹) Это древній титулъ владѣтеля Сербіи.

ихъ защитника, такъ какъ король венгерскій былъ тогда внѣ отечества и сражался съ сосѣдними Россами. Перейдя рѣку Саву и вторгшись въ Франгохорій (это не ничтожная, но довольно многолюдная часть Венгріи, разстилающаяся между рѣками Дунаемъ и Савою, гдѣ и построена чрезвычайно сильная крѣпость Зевгминъ, нынѣ называемая Сирміемъ), онъ страшно опустошилъ тамошнія мѣста. Здѣсь-то одинъ изъ Пэонійцевъ, при огромнѣйшемъ ростѣ отличавшійся и неустрашимостію духа, отдѣлившись отъ товарищей, стремительно нападаетъ на самаго царя; но царь, выдержавъ его нападеніе, вонзаетъ ему мечь между глазъ и лишаетъ его жизни. Взявши множество плѣнныхъ и захвативши немалую добычу, императоръ возвратился наконецъ въ царственный городъ. Устроивъ торжественный въѣздъ и растянувъ его на огромное пространство, онъ шелъ по улицамъ города въ великолѣпнѣйшемъ тріумфѣ. Пышность этого торжества возвышали плѣнные Венгры и Сербы, одѣтые не такъ, какъ обыкновенно бываютъ одѣты плѣнники, а въ великолѣпныя одежды, которыя роздалъ имъ царь, чтобы тѣмъ славнѣе казалась побѣда, и тѣмъ болѣе дивились ей и сами граждане и всѣ иностранцы, полагая, будто въ самомъ дѣлѣ взяты были на войнѣ люди рода знаменитаго, на которыхъ стóитъ посмотрѣть. Чуднымъ казалось это торжественное шествіе еще и потому, что плѣнники шли не всѣ вмѣстѣ, а по частямъ, отдѣленные другъ отъ друга промежутками, такъ что зрители легко обманывались и воображали го-

раздо большее число ихъ, чѣмъ какое было на самомъ дѣлѣ.

Въ это же время и Скиѳы, переправившись чрезъ Дунай, стали раззорять римскія крѣпости, лежащія на этой рѣкѣ. Противъ нихъ высланъ былъ нѣкто Каламанъ. Но онъ неудачно повелъ войну противъ Скиѳовъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе; полки его были разбиты и потеряли много храбрыхъ людей, да и самъ онъ умеръ отъ полученныхъ имъ смертельныхъ ранъ. А Скиѳы, разграбивъ по своему обыкновенію все, что попадалось имъ на пути, и навьючивъ лошадей добычею, отправились въ обратный путь. Для нихъ ничего не стоитъ переправа чрезъ Дунай, они легко выходятъ на грабежъ и безъ труда возвращаются назадъ. Оружіе ихъ составляютъ: колчанъ, повѣшенный съ боку на чреслахъ, кривой лукъ и стрѣлы. Нѣкоторые, впрочемъ, употребляютъ и копья и ими дѣйствуютъ на войнѣ. Одинъ и тотъ же конь и носитъ Скиѳа во время тягостной войны, и доставляетъ пищу, когда разрѣзываютъ его жилу, а если то кобылица, то, говорятъ, удовлетворяетъ и скотской похоти варвара. Для переправы чрезъ рѣку Скиѳы употребляютъ кожаные мѣшки, наполненные соломою и такъ хорошо сшитые, что въ нихъ не проникаетъ ни малѣйшая капля воды. Скиѳъ садится верхомъ на такой мѣшокъ, привязавъ его къ конскому хвосту, кладетъ на него сѣдло и всѣ военныя принадлежности и такимъ образомъ, пользуясь при переправѣ конемъ, какъ судно парусомъ, легко переплываетъ чрезъ всю ширину Дуная.

Между тѣмъ Палеологъ, котораго обвиняли за его безпокойный характеръ и за безполезную для Римлянъ расточительность, лишь только вступилъ въ Калабрію, — лишенъ былъ начальства надъ войскомъ. На его мѣсто посланъ былъ Алексѣй Комнинъ, сынъ Кесаря Вріеннія, двоюродный братъ царя по матери, только что возведенный въ санъ великаго Вождя. А вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ и Іоаннъ Дука, человѣкъ посвятившій себя и Меркурію и Марсу, такъ какъ онъ тщательно изучилъ свободныя науки, происходилъ изъ благороднаго рода и былъ хорошо знакомъ съ военнымъ искусствомъ. Прибывъ въ Сицилію, они сражались съ силами короля и много разъ одерживали надъ ними побѣду въ большихъ морскихъ сраженіяхъ, такъ что корабли королевскіе развалились и самый Врентисій почти что былъ въ осадѣ. Но счастіе не вполнѣ улыбнулось этимъ блистательнымъ подвигамъ и царь не успѣлъ порадоваться, какъ бы слѣдовало, пріятнымъ извѣстіямъ. Король, собравъ еще большее количество войска и нанявъ немалое число иностранцевъ, снова выступилъ противъ Римлянъ, желая вознаградить себя за понесенное пораженіе. Вступивъ въ бой, онъ дѣйствительно одерживаетъ надъ ними побѣду, беретъ въ плѣнъ обоихъ военачальниковъ, заключаетъ ихъ въ оковы и такимъ образомъ въ самое короткое время уничтожаетъ все, что Римляне пріобрѣли трудомъ и величайшими усиліями. Слухи и вѣсти объ этомъ уничтожили недавнюю радость Мануила и, какъ полынное питье, отравили его душу

горечью. Естественно, что онъ не могъ перенести этого равнодушно и довольно сильно скорбѣлъ. Но онъ былъ не робкаго характера и не унывалъ въ бѣдствіяхъ; не увлекался сверхъ мѣры благопріятнымъ теченіемъ дѣлъ, но за то и не склонялся малодушно подъ ударами несчастія. Поэтому и теперь онъ мужественно вступилъ въ борьбу съ непріязненною ему судьбою, снарядилъ другой флотъ и ввѣрилъ начальство надъ нимъ Константину Ангелу, который происходилъ изъ Филаделфіи отъ простыхъ и незнатныхъ родителей, но, имѣя отличный ростъ и прекрасную наружность, при содѣйствіи свахи-красоты, женился на дочери царя Алексѣя—дѣда Мануилова, Θеодорѣ. А такъ какъ всѣ почти сильные люди и прежняго и нынѣшняго времени вѣрятъ, будто на обстоятельства и приключенія человѣческой жизни имѣютъ вліяніе разныя движенія звѣздъ и самое ихъ положеніе, равно какъ различные виды планетъ, ихъ приближеніе и удаленіе и вообще все, что говорятъ болтуны—астрологи во вредъ божественному Промыслу, незамѣтно вводя судьбу съ ея неизбѣжными и неизмѣнными опредѣленіями; то и Мануилъ употребилъ всевозможное стараніе на то, чтобы Ангелъ выступилъ въ счастливый часъ, и наконецъ дѣйствительно назначилъ ему время для выхода. Но что же? Не успѣло еще солнце склониться къ западу, какъ Константинъ, по приказанію царя, возвращается назадъ. И это потому, что выходъ былъ неблаговременный и что Ангелъ отправился въ путь не вслѣдствіе дѣйствительно - благопріятнаго положенія

звѣздъ, и даже не вслѣдствіе точнаго изслѣдованія законовъ звѣзднаго неба, а по указанію пустослововъ, которые болтаютъ вздоръ и не умѣютъ приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ, и отъ того ошибаются въ опредѣленіи счастливаго часа. Поэтому стали снова и самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать звѣзды, чтобы по нимъ составить предсказаніе. Наконецъ, послѣ долгаго надъ ними наблюденія, изслѣдованія и переслѣдованія, Ангелъ отправляется въ походъ, напутствуемый движеніями благодѣтельныхъ звѣздъ. Но это опредѣленіе благопріятнаго времени на столько содѣйствовало счастливому обороту дѣлъ Римлянъ, исправило ошибки прежнихъ военачальниковъ и вознаградило за понесенныя неудачи, что Константинъ тотчасъ же попалъ въ руки непріятелей. Въ то время, какъ онъ безъ всякой осмотрительности плылъ въ Сицилію,—его захватили сторожевыя сицилійскія тріиры и привели плѣнникомъ къ королю. А король, похваливъ тѣхъ, которые захватили такую добычу и назвавъ ее прекраснѣйшею изъ прекрасныхъ, отдалъ и его въ оковахъ подъ стражу.

8. Царь, и послѣ этого втораго пораженія, изыскивалъ средства къ борьбѣ. Но видя, что война ведется трудно и неудачно, и замѣчая, что огромныя и непрерывныя издержки, какъ антоновъ огонь, мало по малу истощаютъ казну,—такъ какъ уже издержано было около трехъ сотъ центенаріевъ (¹) золота — счелъ за нужное прими-

---

¹) Центенарій—вѣсъ ста фунтовъ.

риться съ королемъ. Поэтому не неохотно, а напротивъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ пословъ первосвященника древняго Рима, присланныхъ съ этою цѣлію, привѣтствовалъ ихъ, какъ ангеловъ благовѣстниковъ, и послалъ въ Анкону Протостратора (¹) Алексѣя, старшаго сына великаго Доместика, давъ ему двоякое порученіе, именно—и приготовить оружіе и набрать наемное войско въ западныхъ странахъ, если это понадобится, и заключить дружбу съ королемъ, если переговоры будутъ успѣшны. Алексѣй былъ человѣкъ предпріимчивый и вполнѣ изучившій все военное дѣло, владѣлъ языкомъ, нисколько не уступавшимъ уму, и при распорядительности, вполнѣ соотвѣтствовавшей его начальническимъ способностямъ, былъ одаренъ величественною наружностію. Прибывъ на мѣсто, онъ тотчасъ же занялся наборомъ войска, желая молвою объ этомъ испугать короля, и собралъ большое количество конницы, какъ бы съ цѣлію вторгнуться въ Калабрію. Въ тоже время онъ не упускалъ изъ виду и переговоровъ о мирѣ, стараясь прекратить вражду между царемъ и королемъ, и съ этою цѣлію велъ переписку съ Маіемъ, который тогда начальствовалъ надъ сицилійскимъ флотомъ. И когда, по его стараніямъ, къ нему отправлено было посольство изъ Сици-

(¹) Πρωτοςτράτωρ —начальствующій надъ страторами, т. е. надъ лицами, которымъ ввѣрено было попеченіе о царскихъ лошадяхъ. У Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, Протостраторъ занимаетъ осьмое мѣсто. На немъ, вмѣстѣ съ Хартуляріемъ, лежала, между прочимъ, обязанность подводить къ царю коня. Du Cang. Glossar. tom. 2. p. 1463—1464.

ліи, онъ препровождаетъ его къ императору и проситъ выслушать, что будутъ говорить послы, такъ какъ ихъ требованія, сколько ему извѣстно, не чрезмѣрны и не тягостны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ успѣшнаго хода и окончанія переговоровъ, проситъ дать ему знать о томъ прежде, чѣмъ узнаютъ многіе,—чтобы въ противномъ случаѣ не вышло для него какой-нибудь непріятности, такъ какъ онъ находится среди людей, которыхъ примапилъ къ себѣ лестными надеждами изъ союзныхъ царю алеманскому провинцій и которыхъ прежнее, большею частію враждебное расположеніе къ Римлянамъ, обратилъ, по возможности, на короля сицилійскаго. Когда же дѣйствительно явился отъ царя къ Алексѣю человѣкъ съ вѣстію о заключеніи мира, онъ тайно отъ окружавшихъ его, вынимаетъ изъ ящиковъ деньги и отправляетъ ихъ съ преданными ему людьми, а пустые ящики оставляетъ на мѣстѣ и, наложивъ на нихъ печати, отдаетъ на сохраненіе мѣстнымъ вельможамъ съ тѣмъ, чтобы ничто въ нихъ не пропало, чтобы никто не любопытствовалъ узнать, что въ нихъ находится, и чтобы въ томъ только случаѣ сломать печати, если онъ, отправившись къ царю, не возвратится оттуда. Такимъ-то образомъ Алексѣй возвратился изъ Анконы, а императоръ и король, склонившись къ миру, заключили мирный договоръ, хотя, вѣрнѣе сказать, они не примирились чистосердечно, а только показали видъ волчьей дружбы. Но каково бы ни было ихъ примиреніе, а имъ воспользовались плѣнники, получивъ свободу безъ

выкупа, и не только плѣнники знатнаго происхожденія и царской крови, но и простые ратники, кромѣ тѣхъ, которые происходили изъ Коринѳа и Ѳивъ, притомъ были незнатнаго рода и умѣли ткать тонкія полотна, и кромѣ красивыхъ и нарядныхъ женщинъ, знавшихъ также ремесло своихъ мужей. Поэтому и теперь можно видѣть, какъ въ Сициліи потомки Ѳивянъ и Коринѳянъ ткутъ драгоцѣнныя и испещренныя золотомъ одежды, подобно древнимъ Еретрійцамъ, обращеннымъ въ рабство Персами за то, что они первые воспротивились Дарію, когда онъ шелъ войною противъ Еллады.

Впрочемъ не много прошло времени, какъ опять царь и король поднялись и устремились на битвы, точно бурные морскіе отливы и сирти, воздымающіе огромныя волны. Императоръ возбудилъ противъ короля сосѣднихъ ему сильныхъ владѣтелей, склонивъ ихъ къ тому обѣщаніемъ денегъ. А король приказываетъ начальнику флота Майю вывести изъ пристаней сорокъ кораблей, самыхъ скорыхъ на ходу, и, снарядивъ ихъ за-ново, отправиться въ Константинополь и тамъ въ слухъ городскихъ жителей провозгласить его владыкою и царемъ Сициліи и Акиліи (¹), Капуи и Калабріи и всѣхъ странъ и острововъ, лежащихъ между ними, а римскаго императора унизить и очернить, и затѣмъ возвратиться. Исполняя это приказаніе, Майй обогнулъ Малею,

---

(¹) Подъ именемъ Акиліи нужно разумѣть или Аквилею или, что̀ вѣроятнѣе, — Апулію.

переплылъ Эгейскій заливъ и, пройдя Геллеспонтъ, подошелъ къ столицѣ. Здѣсь онъ переплылъ сначала вдающійся въ материкъ заливъ и, подступивъ къ царскимъ палатамъ во Влахернахъ, бросилъ на нихъ стрѣлы съ серебряными вызолоченными остріями, а потомъ, на возвратномъ пути оттуда, опустивши весла напротивъ большаго дворца, началъ превозносить похвалами своего короля, при громкихъ и шумныхъ восклицаніяхъ всѣхъ бывшихъ на корабляхъ матросовъ. Затѣмъ, давъ быстрый ходъ кораблямъ и поплывъ скорѣе воспѣваемаго древле корабля Аргонавтовъ, онъ проскользнулъ между Систомъ и Авидомъ (¹), какъ бы между другими Симплигадами (²), а между тѣмъ въ городѣ произошло большое смятеніе, такъ какъ императора не было дома. Для короля сицилійскаго это было поводомъ къ большому хвастовству, и онъ считалъ это за величайшую побѣду. А Мануилъ смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на шутку и, смѣясь тому, что король добивается такихъ почестей, или, вѣрнѣе сказать— разбойничаетъ, предоставилъ ему попустому хвастаться и гордиться ничтожнымъ и безполезнымъ успѣхомъ.

(¹) Это два города, расположенные на противоположныхъ берегахъ Геллеспонта, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ: Систъ—на берегу европейскомъ, и Авидъ—азіатскомъ.

(²) Такъ назывались два острова въ Черномъ морѣ при устьѣ Восфора ѳракійскаго, о которыхъ думали, будто они часто сталкивались между собою и сокрушали попавшійся между ними корабль.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА III.

Такъ кончилась борьба императора Мануила въ Сициліи и Калабріи. Она была блистательна и стоила весьма большихъ издержекъ, но не принесла никакой пользы Римлянамъ и не оставила ничего, что бы могло возбудить соревнованіе въ послѣдующихъ самодержцахъ. Но кто станетъ говорить что-либо противъ человѣка, который такъ усердно подвизался для того, чтобы лучше устроить дѣла государства и покорить иноплеменниковъ, хотя и не имѣлъ въ томъ успѣха?— Вслѣдъ за симъ Мануилъ опять обьявилъ походъ противъ Пэонійцевъ, которыхъ называютъ также Венграми и Гуннами, и приказалъ воинамъ, живущимъ на Западѣ, привезти съ собою въ лагерь повозки для того, чтобы они могли и самихъ себя снабжать въ дорогѣ жизненными припасами, и доставлять ихъ прочему войску, у котораго не будетъ подобныхъ повозокъ. Войска собрались и самъ царь прибылъ въ городъ Сардику, называемый нынѣ Тріадицею. Но здѣсь онъ пробылъ не много времени, такъ какъ отъ Пэонійцевъ явилось посольство съ просьбою о мирѣ. Отсюда онъ отправился противъ сатрапа сербскаго и, безъ труда устрашивъ его, убѣдилъ отказаться отъ союза съ Гуннами и только его одного признавать царемъ и бояться. Затѣмъ распустилъ большую часть войска по домамъ, а самъ отправился въ

область Өессалійцевъ и, пробывши тамъ, сколько находилъ нужнымъ, возвратился въ столицу.

Но лишь только солнце совершило зимній поворотъ, онъ снова выступаетъ въ Пелагонію, находя ее пунктомъ удобнымъ, какъ для расположенія войска, потому что она разстилается обширными равнинами, такъ и для собранія извѣстій о томъ, что дѣлалось у народовъ, съ которыми онъ былъ во враждѣ. Его еще занимали и безпокоили дѣла сицилійскія, потому что они не совсѣмъ еще затихли. Да и предводитель Гунновъ, какъ оказалось изъ его дѣйствій, также замышлялъ войну. Когда Андроникъ Комнинъ, бывшій въ послѣдствіи римскимъ тиранномъ, лишенъ былъ управленія Враницовой и Велеградомъ, по слуху о томъ, что онъ тайно соединился съ Пэонійцами противъ Римлянъ и условился съ ихъ вождемъ лишить Мануила власти и присвоить ее себѣ, — и когда вслѣдъ за тѣмъ немедленно былъ высланъ въ Пелагонію, а отсюда, уличенный въ козняхъ противъ двоюроднаго брата и царя, препровожденъ въ оковахъ въ Константинополь и заключенъ въ одной изъ темницъ большаго дворца; тогда, дѣйствительно, предводитель Гунновъ тотчасъ же выступаетъ войною противъ Римлянъ, осаждаетъ Враницову и опустошаетъ всѣ тамошнія мѣста, грабя и расхищая все, по своему произволу. Вслѣдствіе этого царь высылаетъ противъ него военачальникомъ хартулярія Василія Цинцилука. Цинцилукъ, принявъ начальство надъ собранными войсками, построилъ ихъ въ когорты и фаланги и, думая, что имѣетъ непобѣдимое

войско, вступилъ въ бой съ Венграми и на нѣсколько времени дѣйствительно одержалъ надъ ними побѣду. Но такъ какъ Римляне безъ всякаго порядка преслѣдовали непріятелей, то они, обратившись назадъ, вознаградили себя за понесенное пораженіе еще болѣе славною побѣдою. Услышавъ объ этомъ, царь самъ отправляется туда, въ томъ предположеніи, что Пэонійцы испугаются его прибытія и удалятся изъ тамошнихъ областей. Пэонійцы такъ и сдѣлали, заключивъ съ царемъ миръ, какой можно было по тогдашнимъ обстоятельствамъ. А самъ царь, устроивъ по возможности дѣла въ Враницовѣ и Велеградѣ, возвратился въ столицу.

Когда же на Западѣ, вслѣдствіе договоровъ и соглашеній, враги нѣсколько успокоились и съ этой стороны не представлялось пока ни одного опаснаго соперника, — царь назначаетъ походъ въ Арменію. Отправившись въ Тарсъ, онъ доходитъ до Аданы и до другихъ городовъ, сопредѣльныхъ съ нижнею Арменіею, избавляетъ ихъ отъ страданій, которыя они терпѣли отъ Торуса, и ограждаетъ надлежащею безопасностію. Наведя ужасъ своимъ появленіемъ на этого Армянина—человѣка не прямаго и открытаго, но хитраго и лукаваго, царь однакожъ не пошелъ далѣе и не сталъ, по примѣру своего отца, сражаться изъ-за обладанія цѣлою Арменіею. Даже тѣ крѣпости, которыя тотъ покорилъ силою, онъ не потребовалъ и не отнялъ у властителя Армянъ, какъ вырываетъ пастухъ изъ горла волка куски печени. Обманутый хитрыми и коварными рѣчами Торуса, увле-

ченный обольстительными условіями союза, онъ повернулъ въ-сторону и прибылъ въ Антіохію, прекраснѣйшій и главнѣйшій городъ во всей Сиріи.

2. Въ то время, какъ царь Мануилъ находился въ Тарсѣ, до него доходитъ извѣстіе о бѣгствѣ изъ заключенія двоюроднаго его брата Андроника. Причиною заключенія Андроника было частію то, что мы выше сказали, но не менѣе того и его всегдашняя вольность въ рѣчахъ, его сила, которою онъ превосходилъ многихъ, его прекрасная наружность, достойная царскаго сана, и его неукротимый характеръ, — все-такія качества, на которыя государи, изъ опасенія лишиться царства, обыкновенно смотрятъ подозрительно, которыя тревожатъ ихъ и колятъ въ самое сердце. Вотъ поэтому-то, равно какъ и потому, что онъ былъ искусный воинъ и происходилъ изъ знатнаго рода, — такъ какъ отъ одного отца, Алексѣя, дѣда Мануилова, происходили и отецъ Мануила, царь Іоаннъ, и отецъ Андроника, Севастократоръ Исаакъ, - слѣдили за нимъ и смотрѣли на него очень подозрительно. Къ этому присоединилось и другое обстоятельство, по которому Мануилъ держалъ его въ темницѣ. У этого царя было три брата: Алексѣй, Андроникъ и часто упоминаемый нами Исаакъ. Изъ нихъ двое скончались еще при жизни своего отца, царя Іоанна Комнина. Алексѣй оставилъ по себѣ потомство въ одной дочери, которую и взялъ въ замужство, какъ мы уже выше сказали, Алексѣй, сынъ великаго Доместика Іоанна. А у Андроника было три дочери: Марія, Өеодора и Евдокія, и два сына:

Іоаннъ и Алексѣй. Изъ дочерей Евдокія, лишившись мужа, жила въ преступной связи съ Андроникомъ, и жила не тайно, но явно. И когда Андроника упрекали за эту незаконную связь, онъ въ оправданіе всегда ссылался на подражаніе своимъ роднымъ и шутя говорилъ, что подданные любятъ подражать государю и что люди одной и тойже крови всегда какъ-то бываютъ похожи одни на другихъ. Этимъ онъ намекалъ на своего двоюроднаго брата, царя Мануила, который былъ подверженъ подобной же, или еще и худшей страсти, потому что тотъ жилъ съ дочерью своего роднаго брата, а Андроникъ съ дочерью двоюроднаго. Подобныя шутки Мануилу не нравились, а ближайшихъ родственниковъ Евдокіи просто бѣсили и воспламеняли страшнымъ гнѣвомъ противъ Андроника,—въ особенности же, ея роднаго брата Іоанна, который былъ почтенъ достоинствомъ Протосеваста (¹) и Протовестіарія, и его зятя по сестрѣ Маріи, Іоанна Контакузина. Естественно поэтому, что противъ Андроника затѣвали и строили много ковъ и тайно и явно; но онъ уничтожалъ ихъ, какъ нити паутины, и разсѣвалъ, какъ дѣтскія забавы на пескѣ, благодаря своему мужеству и уму, которымъ настолько превосходилъ своихъ противниковъ, насколько безсловесныя животныя ниже существъ разумныхъ. Не разъ случалось,

(¹) Достоинство Протосеваста введено при константинопольскомъ Дворѣ Алексѣемъ Комнинымъ. У Кодина, въ спискѣ придворныхъ чиновъ, Протосевастъ занимаетъ тринадцатое мѣсто. Съ званіемъ Протосеваста не соединялось никакихъ обязанностей. Codin ed. Bonn. p. 33 et 183.

*

что они нападали на него силою, но онъ обращалъ ихъ въ бѣгство, находя для себя награду въ любви Евдокіи. Однажды, когда онъ, находясь въ Пелагоніи, въ палаткѣ наслаждался въ объятіяхъ этой женщины, близкіе родственники Евдокіи, узнавъ объ этомъ, окружили палатку и со множествомъ вооруженныхъ стерегли его выходъ въ намѣреніи тотчасъ же убить его. Но это не укрылось отъ Евдокіи, хотя мысль ея и была занята другимъ. Была ли она извѣщена кѣмъ-либо изъ своихъ родственниковъ, или какъ иначе узнала о засадѣ, устроенной ея обольстителю,—потому что и она была надѣлена умомъ острымъ и ужъ никакъ не женскою проницательностію,—только она объявляетъ объ этомъ Андронику въ то время, какъ онъ лежалъ вмѣстѣ съ нею. Андроникъ испугался, тотчасъ же вскочилъ съ постели и, опоясавшись длиннымъ мечемъ, размышлялъ, что ему дѣлать. Евдокія совѣтовала своему любовнику надѣть женское платье и, какъ только она прикажетъ одной изъ бывшихъ на стражѣ прислужницъ при спальнѣ принести въ палатку свѣтильникъ, назвавъ ее по имени и притомъ такъ громко, чтобы ея голосъ слышали подстерегающіе,—тотчасъ же выдти и скрыться. Но этотъ совѣтъ не нравился Андронику: онъ боялся, что его поймаютъ и, взявъ за волосы, въ безчестномъ видѣ приведутъ къ царю, и страшился смерти безславной и свойственной лишь женщинамъ. Поэтому, обнаживъ мечь и взявъ его въ правую руку, онъ косымъ ударомъ разсѣкаетъ палатку, выскакиваетъ вонъ и однимъ огромнымъ

прыжкомъ перескакиваетъ и плетень, случайно примыкавшій къ палаткѣ, и все пространство, которое занимали колья и веревки. Сторожившіе его разинули рты отъ удивленія и считали чудомъ и чѣмъ-то необыкновеннымъ этотъ побѣгъ пойманной добычи. Слухи объ этомъ безпокоили самодержца Мануила, а непрестанно доходившія до него клевсты, какъ непрерывно падающія капли, приготовляли въ душѣ его мѣсто для принятія всего, что говорили противъ Андроника, мало по малу погашали въ немъ остатокъ любви къ этому человѣку и побуждали принимать за истину все, что взносили на него. Не совсѣмъ же напрасно, думалъ онъ, ходитъ молва и не даромъ, распустивъ крылья, всюду распространяетъ объ Андроникѣ слухъ, какъ о человѣкѣ надменномъ и домогающемся царства. Поистинѣ нѣтъ въ людяхъ зла, которое было бы хуже, чѣмъ языкъ клевстника, и справедливо Пѣснопѣвецъ и Псалмопѣвецъ Давидъ во многихъ мѣстахъ своихъ божественныхъ и сладкорѣчивыхъ пѣсней поноситъ и позоритъ его, выставляя на показъ его пагубную силу и молясь объ избавленіи отъ его ухищреній. Такимъ-то образомъ и Мануилъ, какъ сѣтьми, уловленъ былъ частыми наговорами родственниковъ Андроника, и волею—неволею сажаетъ его въ темницу и заключаетъ въ самыя крѣпкія и несокрушимыя желѣзныя оковы. Андроникъ довольно долгое время бѣдствовалъ въ темницѣ. Но какъ онъ былъ человѣкъ смѣлый, чрезвычайно изворотливый и въ трудныхъ обстоятельствахъ весьма находчивый; то, открывъ въ своей темницѣ (это

была башня, построенная изъ обожженнаго кирпича) старинный подземный ходъ, онъ руками, какъ вѣникомъ и заступомъ, прочищаетъ въ немъ отверстіе для входа и выхода такъ, чтобы это было незамѣтно, застилаетъ его кое—какими домашними вещами и затѣмъ прячется въ немъ. Когда настала часъ обѣда, стражи отворили двери темницы и принесли обычное кушанье, но гостя къ столу нигдѣ не видѣли. Стали осматривать, не разломана ли, или не раскопана ли гдѣ темница, и не ушелъ ли хитрый Андроникъ. Но нигдѣ не было никакого поврежденія: ни дверныя петли, ни дверные косяки, ни порогъ у дверей, ни потолокъ, ни задняя часть дома, ни желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, словомъ, ничто не было испорчено. Тогда стражи подняли громкій вопль и стали терзать себѣ лице ногтями, такъ какъ у нихъ не стало того, кого они стерегли, и они не знали, какъ и гдѣ онъ ушелъ. Доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія царицы, главныхъ сановниковъ и придворныхъ вельможъ. И вотъ одни отправлены были стеречь приморскія ворота, а другимъ приказано наблюдать за воротами земляными, одни осматривали пристани, а другіе отыскивали въ какой-либо другой открытой части города скрывшагося Андроника. Ни улицы, ни перекрестки не были оставлены безъ осмотра и наблюденія. Въ то же время и по всѣмъ провинціямъ непрестанно разсылались царскія грамоты, въ которыхъ объявлялось о бѣгствѣ Андроника и постоянно предписывалось искать его и, какъ только будетъ пойманъ, представить въ Константинополь. А между

тѣмъ схватили и его жену, какъ участницу въ его побѣгѣ, и посадили въ ту темницу, въ которой былъ заключенъ Андроникъ, для того, чтобы она тамъ же, гдѣ содержался ея мужъ, понесла наказаніе за свою любовь къ нему и за то, что склонила его къ побѣгу. Очевидно, эти люди не знали, что Андроникъ попрежнему остается ихъ узникомъ, что они напрасно изливаютъ свой гнѣвъ на несчастную женщину и чрезъ то благопріятствуютъ Андронику. Выбравшись изъ подземелья чрезъ подземный проходъ и встрѣтившись съ женою, Андроникъ сначала былъ принятъ ею за демона изъ преисподней или за тѣнь изъ царства мертвыхъ, и неожиданностію своего появленія привелъ ее въ страхъ. Потомъ онъ обнялъ ее и заплакалъ, хотя и не такъ громко, какъ требовали несчастія и тогдашнія бѣдственныя обстоятельства, остерегаясь, чтобы плачь его не дошелъ до слуха темничныхъ сторожей. Проживъ такимъ образомъ довольно долгое время въ темницѣ съ женою и, вслѣдствіе супружескихъ связей, сдѣлавъ ее беременною,—отъ чего у него родился сынъ Іоаннъ, которому онъ и передалъ впослѣдствіи свое царство, какъ объ этомъ будетъ сказано въ свое время,—Андроникъ наконецъ уходитъ изъ темницы, такъ какъ теперь, когда въ темницѣ была женщина, стражи уже не такъ бдительно охраняли ее, какъ было при немъ. Но когда онъ прибылъ въ Мелангіи, то былъ пойманъ однимъ солдатомъ, по имени Никеемъ, и опять посаженъ подъ стражу и заключенъ въ темницу въ двойныхъ желѣзныхъ кандалахъ, при строжайшемъ противъ

прежняго надзоръ. Когда объ этомъ донесено было Мануилу, стоявшему еще лагеремъ въ Арменіи, онъ посылаетъ въ столицу Дромо-Логоѳета ([1]), Іоанна Каматира, съ тѣмъ, чтобы онъ возвѣстилъ о скоромъ прибытіи туда императора и, точнѣе изслѣдовавъ этотъ случай, обстоятельнѣе донесъ ему.

3. Между тѣмъ Антіохійцы, узнавъ о прибытіи къ нимъ императора, сначала не были рады ему, даже очень тяготились имъ и старались отклонить его пріѣздъ. Но такъ какъ не могли воспрепятствовать ему и измѣнить его рѣшенія, то не только, высыпавъ за ворота, въ рабскомъ видѣ и съ покорною душею встрѣчали его, но и устроили ему торжественный входъ, украсивъ улицы и перекрестки коврами и другими домашними вещами, устлавъ ихъ свѣжими древесными вѣтвями и перенесши въ городъ красу полей и луговъ. И никто не уклонился отъ этой великолѣпной процессіи, но въ ней участвовали рѣшительно всѣ жители, такъ что тутъ былъ и прожорливый Сиріецъ, и разбойникъ Исавріецъ, и пиратъ Киликіецъ; даже всадникъ копьеносецъ-Италіецъ,—и тотъ, оставивъ статнаго коня и отложивъ свою гордость, шелъ пѣшкомъ въ этой торжественной процессіи. Замѣтивъ, что здѣшнее латинское войско очень гордится своимъ копьемъ

([1]) Λογοθέτης τοῦ δρόμου—Дромо-Логоѳетъ. Такъ назывался главный начальникъ почтоваго вѣдомства. Впослѣдствіи онъ скрѣплялъ своею подписью царскіе указы и золотыя буллы. При Кодинѣ онъ занималъ 27 мѣсто въ ряду придворныхъ чиновъ, но уже не имѣлъ никакой должности. Du Cange Glossar. p. 822. Codin. p. 36 et 191.

и хвастаетъ искусствомъ обращаться съ нимъ, императоръ назначаетъ день для потѣшнаго сраженія на копьяхъ. И когда насталъ опредѣленный день,—онъ, выбравъ изъ римскихъ легіоновъ и между своими родственниками людей, особенно искусныхъ въ обращеніи съ копьемъ, выводитъ ихъ на мѣсто. Выѣзжаетъ и самъ, съ веселымъ видомъ и съ всегдашнею своею улыбкою, на обширную равнину, гдѣ удобно могли расположиться и дѣйствовать конныя фаланги, раздѣлившись на двѣ половины. Держа поднятое вверхъ копье и одѣтый въ великолѣпнѣйшую хламиду, которая, стягиваясь пряжкой на правомъ плечѣ, оставляла руку свободною, онъ ѣхалъ на прекрасномъ и златосбруйномъ боевомъ конѣ, который, сгибая нѣсколько шею и подпрыгивая, словно просился на бѣгъ и какъ будто спорилъ съ блескомъ сѣдока. И каждому изъ своихъ родственниковъ, а равно и всѣмъ, кто былъ выбранъ сражаться съ Итальянцами, онъ приказалъ одѣться, сколько можно, великолѣпнѣе. Выѣхалъ также и князь Герардъ, сидя на конѣ—бѣлѣе снѣга, одѣтый въ разрѣзную тунику, спускающуюся до пятъ, и имѣя на головѣ шляпу, наклоненную на подобіе тіары и покрытую золотомъ. Съ нимъ выѣхали и бывшіе при немъ всадники, все люди отважные духомъ и высокіе ростомъ. Когда начался этотъ безкровавый бой, многіе съ той и другой стороны стремительно нападали другъ на друга, бросая въ противниковъ копья и отклоняя отъ себя удары. Тутъ можно было видѣть, какъ одни опрокидывались и падали внизъ головою и пле-

чами, а другіе, словно мячикъ, вылетали изъ конскаго сѣдла; — одни повергались внизъ лицомъ, другіе падали навзничъ, а иные, давши тылъ, бѣжали безъ оглядки; одни блѣднѣли, боясь подпасть подъ удары копья, и совсѣмъ закрывались щитомъ, а другіе пламенѣли отъ восторга, видя, что противникъ прячется отъ страха. Воздухъ, разсѣкаемый быстрымъ бѣгомъ коней, волновалъ и со свистомъ колебалъ знамена. Всякій, кто посмотрѣлъ бы на это увеселеніе, безъ преувеличенія сказалъ бы, что здѣсь сошлись Венера съ Марсомъ и Беллона съ Граціями: столько въ этихъ играхъ было разнообразія и красоты. Римлянъ одушевляло необыкновенною ревностію желаніе превзойти Латинянъ въ искусствѣ владѣть копьемъ и то, что они сражались въ глазахъ царя—цѣнителя ихъ дѣйствій; а Итальянцевъ воспламеняло ихъ всегдашнее высокомѣріе и непомѣрная гордость, а къ тому же и мысль—какъ бы не уступить въ войнѣ на копьяхъ первенства Римлянамъ. Самъ же императоръ при этомъ повергъ на землю за-разъ двоихъ всадниковъ: наскакавши на конѣ на одного изъ нихъ, онъ ударилъ его копьемъ съ такою силою, что тотъ ниспровергъ вмѣстѣ съ собой и своего сосѣда.

Удививъ своимъ мужествомъ Антіохійцевъ, которые теперь своими глазами увидѣли то, о чемъ прежде только слышали, царь рѣшился предпринять обратный путь въ Константинополь. Онъ предполагалъ идти безъ непріязненныхъ дѣйствій, и потому распустилъ войско, предоставивъ каждому отправляться, куда хочетъ. Но поступивъ

въ этомъ случаѣ не такъ, какъ слѣдовало предводителю и какъ самъ поступалъ прежде, онъ потерялъ весьма много войска, вслѣдствіе пораженія, понесеннаго задними отрядами. Поспѣшность, съ которою солдаты выступали въ путь, и ничѣмъ не сдерживаемое и безпорядочное ихъ отправленіе въ свои домы, были причиною погибели немалаго числа распущенныхъ легіоновъ, при неожиданномъ нападеніи на нихъ Турковъ. Тогда многіе на самомъ дѣлѣ узнали, сколько добра заключается въ предусмотрительности и какъ безплодно и безполезно позднее раскаяніе,— во сколько разъ лучше спасительное и славное завтра, чѣмъ гибельное сегодня, хотябы оно и льстило сначала доброю надеждой. И это жалкое пораженіе, можетъ быть, было бы еще хуже, еслибы царь, воротившись, не удержалъ напора Турковъ и не повелъ войско въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало вести его прежде. Когда онъ пришелъ на мѣсто, гдѣ лежали тѣла падшихъ, и увидѣлъ множество убитыхъ, то отъ скорби, говорятъ, ударялъ себя рукою по бедрамъ, часто испускалъ звуки сквозь губы, глубоко вздыхалъ и плакалъ, какъ обыкновенно поступаютъ люди, когда они бываютъ поражены скорбію, увидѣвъ жалкое зрѣлище или услышавъ печальную вѣсть. Ему сильно хотѣлось вознаградить себя за понесенное пораженіе и безчестіе; но какъ въ эту минуту онъ не могъ сдѣлать ничего славнаго, то снова отправился въ предположенный путь.

4. Не на однихъ только высокихъ властите-

лей народовъ и городовъ всегда косо смотритъ зависть и постоянно поддерживаетъ вблизи ихъ злоумышленниковъ,—нѣтъ, она не оставляетъ въ покоѣ и людей, не столь высоко поставленныхъ. Такъ не миновала она и Ѳеодора Стиппіота, пользовавшагося большою довѣренностію у царя. Воздвигнувъ противъ него бурю и вѣтры,—неодолимая, она стала часто потрясать этого сильнаго человѣка, пока наконецъ не низвергла его и не довела до самаго жалкаго паденія. Я включаю разсказъ и объ этомъ въ исторію, чтобы показать читателямъ, какъ трудно разгадать лукавство людское и какъ мудрено уберечься отъ него,—какъ поэтому нужно всевозможно остерегаться соперниковъ, которые при душѣ неблагородной и при скрытномъ характерѣ надѣлены языкомъ, говорящимъ не то, что́ у нихъ на сердцѣ, а главное,—какъ нужно охранять уста и не давать языку опрометчиво вырываться за ограду зубовъ и укрѣпленіе губъ, которыми природа окружила его, какбы двойною стѣною. Тогдашній Дромо—Логоѳетъ не могъ равнодушно смотрѣть на благосклонность судьбы къ Стиппіоту и на чрезвычайное къ нему благоволеніе царя. Ему несносно было, что Стиппіотъ могъ во всякое время являться къ самодержцу и свободно говорить съ нимъ, могъ все приводить въ движеніе своимъ указаніемъ и мановеніемъ, тогда какъ для него открывались двери къ царю только въ опредѣленные часы, а о томъ, что дѣлалось по одному лишь желанію Стиппіота, ему не удавалось грезить и во снѣ. Все это разжигало въ немъ зависть,

кололо его до глубины сердца, и вслѣдствіе того онъ поступаетъ со Стиппіотомъ самымъ коварнымъ и самымъ гнуснымъ образомъ. Владѣя въ высшей степени искусствомъ строить козни, надѣленный языкомъ раздвоеннымъ, какъ у змѣя—клеветника, бывшаго первымъ виновникомъ зла, онъ вкрался въ дружбу этого человѣка, прикрывъ низкіе замыслы личиною добраго расположенія и стаканъ съ ядомъ подмазавъ по краямъ медомъ любви. Такимъ-то образомъ, говоря одно и думая другое, на устахъ выражая почтеніе, а въ сердцѣ чувствуя далеко не то, онъ обманулъ Стиппіота, въ одномъ лишь этомъ случаѣ простаго и неосторожнаго. Оклеветавъ его предъ царемъ, какъ обманщика и злоумышленника, онъ обвиняетъ его въ предательствѣ, увѣряя, что онъ разстроиваетъ дѣла сицилійскія. Когда же царь, бывшій въ то время еще въ Киликіи, потребовалъ отъ него доказательства, онъ ставитъ его за занавѣсъ, беретъ Стиппіота, какъ будто-бы ему нужно было поговорить съ нимъ о чемъ-то на-единѣ, и приводитъ туда, гдѣ скрытно стоялъ царь. Начавъ разговоръ о предметахъ посторонних, онъ хитро сводитъ рѣчь на дѣла сицилійскія, самъ же подаетъ Стиппіоту поводъ порицать и охуждать распоряженія царя по дѣламъ Сициліи и за тѣмъ прерываетъ разговоръ. Заронивъ въ душу царя такую искру противъ Стиппіота и предоставивъ ей тлѣть, онъ сталъ пріискивать и хворостъ другихъ обвиненій, чтобы чрезъ то скорѣе ее разжечь. Къ тому же онъ получилъ въ сердце новый жестокій ударъ: Стиппіоту ввѣренъ былъ

золотой, украшенный дорогими каменьями сосудъ съ красною жидкостію ([1]), и было поручено распоряженіе въ храмѣ влахернскомъ присягою, которою утверждалось преемство престола за Венгерцемъ Алексѣемъ и дочерью царя Маріею,—обязанность, собственно относившаяся къ должности Логоѳета. По этому-то случаю, онъ, говорятъ, составилъ глупѣйшее письмо отъ имени Стиппіота къ королю сицилійскому и, подбросивъ его между книгами и бумагами Стиппіота, убѣдилъ царя послать въ палатку Стиппіота нарочныхъ, чтобы они отыскали его письмо къ королю. Когда оно было найдено, царь вспыхнулъ гнѣвомъ, какъ молніею, — и Стиппіоту тогдаже несправедливо выкололи глаза, — и онъ сталъ слѣпъ и уже не видѣлъ солнца. О, всевидящее, правосудное Око! Для чего Ты часто терпишь такія преступленія или даже болѣе тяжкія злодѣянія людей и не бросаешь тотчасъ же громовъ и молній, но медлишь наказаніемъ! Неизслѣдимъ судъ твой и недоступенъ для помысловъ человѣческихъ. Но Ты поистинѣ премудръ и точно знаешь, что полезно намъ, хотя мы малодушные и не постигаемъ судовъ твоихъ. Такъ-то, завидѣвъ змѣя ядовитаго или заслышавъ въ горахъ льва косматаго, тотчасъ же можно убѣжать; всякаго злодѣя можно умолить, слезами и мольбами тронуть: но чтобы укрыться отъ человѣка, который злоумышляетъ втайнѣ противъ ближняго и въ душѣ таитъ одно,

---

([1]) Т. е. онъ получилъ должность Каниклія—хранителя царской чернильницы.

а говорить другое, для этого нужно много мудрости и необходимо содѣйствіе свыше.

Логоостъ, о которомъ мы говоримъ,— я прерву и еще на нѣсколько времени связь моего повѣствованія,—былъ человѣкъ недалекій въ высшихъ наукахъ, не большой любитель и не усердный чтитель священной философіи. Но онъ имѣлъ превосходную осанку, владѣлъ даромъ говорить безъ приготовленія и рѣчью, которая лилась подобно прекрасному потоку, падающему съ возвышенія, и чрезъ то пріобрѣлъ себѣ большую славу. Не имѣя себѣ соперниковъ въ обжорствѣ и превосходя всѣхъ въ питьѣ вина, онъ умѣлъ подпѣвать подъ лиру, игралъ на арфѣ и плясалъ кордаксъ ([1]), быстро перебирая ногами. Жадно наливая себя виномъ и часто насасываясь имъ, какъ губка, онъ не потоплялъ однакожъ своего ума въ винѣ, не шатался, какъ пьяные, не склонялъ головы на сторону, какъ бываетъ отъ хмѣля, но говорилъ умно, — такъ какъ питье лишь прибавляло живости и силы его уму,—и становился еще одушевленнѣе въ разговорѣ. Любя пиры, онъ не только весьма нравился царю, но пріобрѣлъ большую любовь и у другихъ владѣтельныхъ лицъ, которые жаловали веселый разгулъ. Пріѣзжая къ нимъ посломъ, однихъ онъ одолѣвалъ питьемъ и доводилъ до того, что имъ долго приходилось отрезвляться и освѣжать голову, а съ другими равнялся. А это были люди,

---

([1]) Такъ называлась комическая пляска съ неблагопристойными тѣлодвиженіями.

которые вливали въ свое брюхо по цѣлымъ боченкамъ, держали амфоры въ рукахъ, какъ стаканы, и всегда употребляли за столомъ геркулесовскую чашу. Такъ какъ зашла уже однажды рѣчь объ этомъ человѣкѣ, то да позволено будетъ разсказать и о слѣдующихъ обстоятельствахъ, достойныхъ памяти и повѣствованія. Однажды онъ объявилъ царю Мануилу, что на извѣстныхъ условіяхъ готовъ выпить наполненную водою порфировую чашу, которая прежде стояла во дворцѣ предъ китономъ въ открытомъ преддверіи царя Никифора Ѳоки, обращенномъ къ Вуколеону (¹), а теперь находилась въ огромномъ раззолоченномъ андронѣ (²), построенномъ царемъ, о которомъ мы повѣствуемъ. Царь, удивленный его словами, сказалъ: «хорошо, Логоѳетъ», — и положилъ условіемъ — дать ему большое количество дорогихъ цвѣтныхъ матерій и золота, если сдѣлаетъ, какъ сказалъ; если же нѣтъ—получить отъ него такую же плату. Логоѳетъ съ удовольствіемъ принялъ это условіе и, когда чаша, вмѣщавшая въ себѣ около двухъ хой (³), была наполнена до-верха водою,—нагнувшись къ сосуду, осушилъ ее, какъ

(¹) Вуколеономъ (βουκολεών) называлась одна площадь въ Константинополѣ съ прилегающими къ ней зданіями, не въ дальнемъ разстояніи отъ морскаго берега, и называлась такъ потому, что на ней стояла высѣченная изъ камня группа, представляющая быка (βοῦκος) въ борьбѣ со львомъ (λέων). Bandur. Comment. in antiquit. Constantinop. p. 363.

(²) Андронъ (ἀδρών)—часть дома, занимаемая мужчинами,—зала, куда собирались мужчины для пиршества, бесѣды и проч.

(³) Хоя (χοεύς)—мѣра жидкостей, вмѣщавшая въ себѣ 12-ть котилъ, по вѣсу 90 унцій.

быкъ, сдѣлавши одну только остановку, чтобы немного перевести духъ, — и тотчасъ же получилъ отъ царя, что̀ слѣдовало по условію. Большой также охотникъ былъ онъ до зеленыхъ бобовъ и ѣлъ ихъ, какъ говорится, походя. Цѣлыя ихъ полосы онъ истреблялъ и уничтожалъ не хуже чекалки. Однажды, стоя лагеремъ близъ рѣки, завидѣлъ онъ на другомъ берегу полосу бобовъ. Тотчасъ же раздѣвшись до-нага и переплывъ на другую сторону, онъ поѣлъ большую часть ихъ, но и тѣмъ не удовольствовался. Связавъ остатки въ пучки и положивъ на спину, онъ перетащилъ ихъ черезъ рѣку и, расположившись на полу въ палаткѣ, съ наслажденіемъ вышелушивалъ бобы, какъ будто долгое время постился и ничего не ѣлъ. При атлетическомъ сложеніи и при высокомъ ростѣ, онъ не былъ трусомъ, но глядѣлъ человѣкомъ храбрымъ и достойнымъ той крови, отъ которой происходилъ по матери. При концѣ жизни, чувствуя угрызеніе совѣсти за то, что оклеветалъ Стиппіота, онъ позвалъ къ себѣ этого человѣка и со слезами просилъ прощенія. Тотъ, не помня обиды, охотно простилъ его и въ-добавокъ еще молился о спасеніи его души. Вотъ что я хотѣлъ сказать объ этомъ и, думаю, что мой разсказъ не лишенъ для многихъ пользы, назидательности и занимательности.

5. Между тѣмъ у Мануила скончалась супруга, взятая изъ рода Алемановъ. Терзаясь скорбію, онъ громко рыдалъ по ней, какъ будто бы съ ея смертію лишился части собственнаго тѣла, — почтилъ ее великолѣпнымъ погребеніемъ и схоро-

нилъ въ отцовской обители Пантократора. Затѣмъ, проживъ во вдовствѣ и одиночествѣ столько времени, сколько считалъ приличнымъ, рѣшился вступить во второй бракъ, желая сдѣлаться отцемъ дѣтей мужескаго пола. Изъ многихъ мѣстъ приходили къ нему и письма и предложенія невѣстъ отъ царей и королей и владѣтелей земли; но всѣмъ невѣстамъ онъ предпочелъ одну изъ дочерей правителя Антіохіи Петевина,—разумѣю Антіохію, которая находится въ Келесиріи, и которую напаяетъ Оронтъ и освѣжаетъ западный вѣтеръ съ моря. Этотъ Петевинъ, родомъ Италіянецъ, былъ отличный всадникъ и владѣлъ ясеневымъ копьемъ лучше извѣстнаго Пріама. Отправивъ къ нему знаменитыхъ по своему происхожденію сенаторовъ, царь чрезъ нихъ ввелъ къ себѣ въ домъ эту дѣвицу и совершилъ брачное торжество. Это была женщина красивая, и очень красивая, и даже чрезвычайно красивая,—словомъ необыкновенная красавица. Въ сравненіи съ нею рѣшительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и бѣлорукая и волоокая Юнона, и знаменитая своею высокою шеею и прекрасными ногами Елена, которыхъ древніе за красоту обоготворили,—да и вообще всѣ женщины, которыхъ книги и повѣсти выдаютъ за красавицъ.

Теперь, намѣреваясь продолжать разсказъ о Туркахъ, мы, для ясности повѣствованія, изложимъ нѣкоторыя изъ событій предшествовавшихъ. У государя Турковъ Масута было много сыновей, но не меньше и дочерей. При концѣ

жизни, предъ переходомъ туда, гдѣ его, какъ нечестиваго, ожидали муки, онъ раздѣлилъ между своими дѣтьми—нѣкогда принадлежавшіе Римлянамъ, а въ это время ему подвластные города и области. Однимъ оставилъ онъ въ наслѣдіе одни города, другимъ-другіе, а митрополію-Иконію и что было въ зависимости отъ ней выдѣлилъ сыну своему Клицасолану. Изъ зятьевъ же Ягупасану назначилъ Амасію, Анкиру и плодоносную область каппадокійскую со смежными имъ городами; а Дадуну предоставилъ богатые и огромные города—Кесарію и Севастію. Но доколѣ, Господи, Ты будешь оставлять свое наслѣдіе на разграбленіе и расхищеніе и посмѣяніе народу глупому и немудрому, совершенно чуждому благочестиваго исповѣданія и истинной вѣры въ Тебя? Доколѣ будешь отвращать отъ насъ лице твое, Человѣколюбче, доколѣ будешь забывать убожество наше и невнимать нашимъ воплямъ и рыданіямъ, Ты, скоро внемлющій угнетаемымъ? Доколѣ не отмстишь Ты, Господь мщеній? Доколѣ будетъ продолжаться эта несообразность, что потомки рабыни Агари господствуютъ надъ нами-свободными? Доколѣ они будутъ истреблять и убивать твой святой народъ, который призываетъ пресвятое имя твое, а между тѣмъ терпитъ такое продолжительное рабство и несетъ поношенія и заушенія отъ этихъ презрѣнныхъ пришлецовъ? Призри, любвеобильный Владыко, на тѣсноту содержимыхъ въ узахъ. Да возопіетъ къ Тебѣ и нынѣ проливаемая кровь твоихъ рабовъ, какъ нѣкогда—кровь Авеля. Возми оружіе и щитъ, воз-

стань на помощь нашу, укрѣпи мужа, котораго самъ изберешь и о которомъ благоволишь. Воздай седмерицею злымъ сосѣдямъ нашимъ за все то зло, которое они сдѣлали твоему наслѣдію. Возврати намъ твоею крѣпостію города и области, которыя отняли иноплеменники, и поставь предѣлами для именующихся твоимъ именемъ востокъ съ первыми лучами солнца и западъ съ лучами солнца послѣдними.

Не неумѣстно, кажется, и не напрасно мы высказали это въ своемъ краткомъ обращеніи къ Богу и тѣмъ нѣсколько облегчили душу, отягченную скорбію. Между тѣмъ дѣти Масута, раздѣливъ на три части, полученныя по наслѣдству, важнѣйшія отцовскія владѣнія, или, точнѣе сказать, римскія области, не много жили въ мирѣ и какъ прилично родственникамъ, но большею частію ссорились и враждовали между собою. Султанъ иконійскій тотчасъ же сталъ дико и враждебно смотрѣть на топарха каппадокійскаго, а тотъ, въ свою очередь, бросалъ непріязненные взгляды на него. И злые ихъ замыслы другъ противъ друга составлялись не во мракѣ и не тайно, но были явны и ими же самими открыты царю. Царь, желая погибели обоимъ, хотѣлъ, чтобы ихъ непріязнь не ограничивалась одною только ссорою, но чтобы они, взявшись за оружіе, открыто вступили въ борьбу другъ съ другомъ и чрезъ то дали бы ему возможность спокойно наслаждаться ихъ бѣдствіями, такъ какъ они были и иноплеменники и люди нечестивые. Съ этою цѣлію онъ чрезъ тайныхъ агентовъ и того и дру-

гаго возбуждалъ къ войнѣ другъ противъ друга. Но явно склонялся на сторону Ягупасана и ему оказывалъ пособіе своими подарками, потому что терпѣть не могъ султана, какъ человѣка скрытнаго, коварнаго и двоедушнаго, который не только замышлялъ погибель своимъ кровнымъ родственникамъ, но и постоянно, какъ разбойникъ, грабилъ сосѣднія римскія земли. Вслѣдствіе этого Ягупасанъ, полагаясь на императора, выступаетъ войною противъ султана, а тотъ въ свою очередь выходитъ противъ него. Много разъ они сходились и сражались; наконецъ, послѣ большаго пролитія крови съ той и другой стороны, побѣда склонилась на сторону Ягупасана, и они на время положили оружіе. Ягупасанъ остался въ своей странѣ, а султанъ отправился къ царю, который въ то время только что возвращался въ столицу изъ западныхъ странъ,—и, принятый дружески и съ почетомъ, столько же обрадовалъ своимъ посѣщеніемъ царя, сколько радъ былъ самъ радушному гостепріимству. Мануилъ, вслѣдствіе посѣщенія султана, не только льстился надеждою—хорошо устроить дѣла восточныя, расчитывая радушнымъ пріемомъ очаровать сребролюбиваго варвара, но и считалъ это событіе славою для своего царствованія. Поэтому, вступивъ вмѣстѣ съ султаномъ въ Константинополь, онъ приказываетъ устроить тріумфъ. И тріумфъ былъ приготовленъ великолѣпный: вездѣ развѣшены были прекраснѣйшіе и дорогіе ковры, и все сіяло разнообразными украшеніями. Предполагалось, что царь будетъ шествовать въ тріумфѣ, при радостныхъ кли-

кахъ и рукоплесканіяхъ граждань,—и что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ и султанъ въ этой великолѣпной процессіи, и будетъ раздѣлять торжество и восклицанія въ честь императора. Но Богъ упразднилъ торжество этого дня. Случилось землетрясеніе, отъ котораго обрушилось много великолѣпнѣйшихъ зданій; состояніе воздуха было довольно неестественное и ненормальное: это и другія грозныя явленія, занимая и волнуя душу, не позволяли думать о тріумфахъ. Притомъ же служители церкви Божіей и олтаря, да и самъ царь, видѣли въ этомъ недоброе предзнаменованіе и говорили, что Богъ гнѣвается и отнюдь не хочетъ допустить, чтобы человѣкъ, чуждый истиннаго благочестія, смотрѣлъ на тріумфъ, который долженъ быть украшенъ священными вещами и изображеніями и освященъ крестомъ Христовымъ. Такимъ образомъ тріумфъ былъ устроенъ напрасно,—царь не обратилъ на него никакого вниманія, такъ что даже не исполнилъ того, что слѣдовало по обычаю. Между тѣмъ султанъ пробылъ довольно долго у царя, наслаждаясь зрѣлищемъ конскихъ скачекъ въ циркѣ. Въ это-то время одинъ изъ потомковъ Агари, котораго сначала принимали за чудодѣя, но который впослѣдствіи оказался самымъ жалкимъ человѣкомъ и явнымъ самоубійцею,—вызвался перелетѣть съ находящейся въ циркѣ башни все пространство ристалища. Поднявшись на эту башню, подъ которою внизу параллельными арками устроены отверстія, откуда пускаются лошади въ бѣгъ, и надъ которою вверху стоятъ четыре мѣдные, вызолоченые

коня, съ выгнутыми шеями, головами обращенные другъ къ другу и готовые пуститься въ бѣгъ,— онъ сталъ на ней какъ бы за барьеромъ, изъ-за котораго выходятъ состязающіеся. Онъ былъ одѣтъ въ весьма длинный и широкій хитонъ бѣлаго цвѣта, кругомъ перетянутый обручами, отъ чего въ этой одеждѣ образовалось много широкихъ складокъ. Агарянинъ расчитывалъ, что, какъ корабль летитъ на парусахъ, такъ онъ полетитъ при пособіи своей одежды, коль скоро вѣтеръ надуетъ ея складки. Глаза всѣхъ устремились на него, въ театрѣ поднялся смѣхъ и зрители безпрерывно кричали: «лети, лети; долго ли, Сарацинъ, ты будешь томить души наши, взвѣшивая вѣтеръ съ башни»? Между тѣмъ царь посылалъ людей отговорить его отъ его затѣи; а султанъ, бывшій также въ числѣ зрителей, вслѣдствіе сомнительности успѣха, въ безпокойствѣ вскакивалъ съ мѣста отъ страха и боязни за своего соплеменника. Агарянинъ долго обманывалъ надежды зрителей, хотя постоянно слѣдилъ за воздухомъ и наблюдалъ за вѣтромъ. Много разъ распростиралъ руки и приводилъ ихъ въ движеніе, какъ распускаются и движутся на лету крылья,—чтобы набрать болѣе вѣтра, но всякій разъ удерживался отъ полета. Наконецъ, когда ему показалось, что подулъ благопріятный и нужный для него вѣтеръ,—онъ распростирается на-подобіе птицы, полагая, что пойдетъ по воздуху. Но на дѣлѣ онъ вышелъ воздухоплавателемъ хуже Икара. Какъ тяжелое тѣло, онъ стремительно полетѣлъ внизъ, а не держался въ воздухѣ, какъ что-ни-

будь легкое, и наконецъ упалъ и испустилъ духъ, переломавъ себѣ и руки, и ноги, и всѣ кости. Этотъ полетъ сдѣлался для городскихъ жителей предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ надъ Турками, бывшими въ свитѣ султана. Турки не могли даже пройти по площади безъ того, чтобы не быть осмѣянными: бывшіе на площади серебряники обыкновенно при этомъ стучали по желѣзнымъ частямъ столовъ. Когда дошло это до свѣдѣнія царя, онъ разсмѣялся, зная, какъ любитъ острить и шутить уличная толпа. Но такъ какъ эти выходки нѣсколько уязвляли сердце варвара, то въ угоду султану онъ принималъ, повидимому, мѣры къ обузданію вольныхъ шутокъ толпы.

6. Кромѣ удивительнаго угощенія со стороны царя, султанъ получилъ еще изъ царскихъ кладовыхъ множество богатыхъ даровъ, которые до того изумили его, что онъ недоумѣвалъ, оставилъ ли царь самому себѣ столько же и такихъ же сокровищъ,—и затѣмъ съ радостію и со множествомъ дорогихъ вещей отправился домой. Императоръ, зная, что всякій варваръ падокъ на подарки, но въособенности желая блеснуть предъ Клицасоланомъ и поразить его множествомъ сокровищъ, которыми изобиловало римское царство, приказалъ въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ покоевъ дворца разложить въ порядкѣ все, что предположилъ дать ему въ подарокъ. Тутъ было золото и серебро въ монетѣ, драгоцѣнное платье, серебряныя чаши и золотыя ѳириклеи ('), бога-

(') Такъ назывались особеннаго рода чаши отъ имени коринѳскаго художника Ѳириклія. Hoffm. Lexic. tom. IV, p. 421.

тѣйшія ткани и другія отличныя вещи, у Римлянъ очень обыкновенныя, но у варваровъ рѣдкія и большею частію даже совсѣмъ невиданныя. Войдя въ этотъ покой и пригласивъ туда и султана, царь спросилъ его, что бы онъ хотѣлъ получить въ подарокъ изъ находящихся тутъ сокровищъ. Когда же тотъ сказалъ, что будетъ доволенъ всѣмъ, что подаритъ ему царь, — онъ снова спросилъ, могъ ли бы хотя одинъ изъ римскихъ непріятелей выдержать нападеніе Римлянъ, если бы онъ употребилъ эти сокровища на наемное и туземное войско. Султанъ съ удивленіемъ отвѣчалъ, что, если бы онъ владѣлъ такимъ богатствомъ, то давно покорилъ бы себѣ всѣхъ окрестныхъ враговъ. Тогда царь сказалъ: «отдаю тебѣ все это, чтобы ты зналъ, какъ я люблю дарить и какъ велики мои подарки, и чтобы понялъ, какимъ богатствомъ владѣетъ тотъ, кто даритъ одному столько дорогихъ вещей». Ослѣпленный корыстью, султанъ и обрадовался и изумился этой подачкѣ, и обѣщалъ предоставить царю Севастію съ ея областью. А Мануилъ, радостно принявъ это обѣщаніе, обязался дать ему и еще сокровищъ, если онъ оправдаетъ свои слова на дѣлѣ. И точно, еще прежде, чѣмъ варваръ исполнилъ свое обѣщаніе, Мануилъ, желая предупредить его непостоянство и держась пословицы: куй желѣзо, пока оно горячо,—сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ, отправивъ вновь къ султану чрезъ Константина Гавру много драгоцѣнныхъ вещей и всякаго рода оружія. Но тотъ, человѣкъ фальшивый и рѣшительно никогда не знавшій вѣрности въ

обѣщаніяхъ, лишь только прибылъ въ Иконію, забылъ объ условіи и, опустошивъ Севастію и покоривъ смежныя съ нею земли, все это обратилъ въ собственное владѣніе. Когда же лишилъ Дадуна принадлежавшей ему области и, присвоивъ себѣ Кесарію, принудилъ его бѣжать и скитаться,—обратился и противъ остальнаго родственника,—разумѣю Ягупасана,—пламенѣя желаніемъ овладѣть и его страною и умертвить его самаго. Ягупасанъ, съ своей стороны, также сталъ собирать войско и готовился къ борьбѣ съ нимъ, какъ уже болѣе сильнымъ соперникомъ; но смерть скоро прервала его заботы. Тогда Дадунъ тайно вошелъ-было въ амасійскую сатрапію, какъ оставшуюся безъ властителя, но, бывъ выгнанъ оттуда, сдѣлался причиною смерти для пригласившей его супруги Ягупасановой. Амасійцы возмутились и отмстили ей смертію за то, что она тайно хотѣла предоставить власть Дадуну, а Дадуна далеко прогнали, потому что не хотѣли имѣть его своимъ властителемъ. Но не могли они точно также одолѣть и Клицасолана, напротивъ онъ одержалъ надъ ними верхъ и, какъ прежде овладѣлъ Каппадокіею, такъ теперь взялъ и Амасію. У этого человѣка всѣ дѣла шли скоро и необыкновенно счастливо, хотя тѣло его не было хорошо сложено и развито, но было уродливо во многихъ главныхъ членахъ. Такъ, прежде всего, руки у него были будто вывихнутыя, ноги прихрамывали,—отчего онъ большею частію ѣздилъ въ повозкѣ. Эти-то недостатки подали поводъ Андронику, любившему подтрунить, какъ едва ли

кто другой, необыкновенно-колкому остряку, умѣвшему ловкимъ словцомъ навсегда осмѣять дурное дѣло или недостатки тѣла,—подали поводъ въ насмѣшку называть его Куцасоланомъ (¹). Но каковъ бы ни былъ султанъ по устройству своего тѣла,—а былъ онъ, конечно, таковъ, какимъ создала его природа,—только, сдѣлавшись обладателемъ обширной страны и имѣя въ своемъ распоряженіи множество войска, онъ не захотѣлъ жить въ покоѣ. Склонный по природѣ къ мятежу и смутамъ, вѣчно волнующійся, какъ какой-нибудь морской заливъ, онъ неожиданно нападалъ на Римлянъ, когда могъ имъ вредить, и часто безвинно начиналъ съ ними войну, нарушая условія и пренебрегая договорами безъ всякой причины—единственно потому, что такъ ему хотѣлось. Не оставилъ онъ въ покоѣ даже и Мелитину, но, имѣя возможность низвергнуть и ея эмира, онъ, не смотря на то, что этотъ человѣкъ былъ одной съ нимъ вѣры и не сдѣлалъ ему никакой обиды, безстыдно самъ выдумалъ и составилъ противъ него обвиненіе, и за то выгналъ его изъ Мелитины. Потомъ, тайно подкравшись и къ своему родному брату, онъ и его заставилъ бѣжать. Всѣ эти бѣглецы пришли къ императору. Но это случилось послѣ. А тогда, пріобрѣтши большую силу, онъ отложилъ почтительность къ царю и сталъ требовать отъ него того уваженія, которое самъ прежде оказывалъ ему, когда былъ стѣсняемъ неудачами въ дѣлахъ. Измѣня-

---

(¹) Κοῦτζος значитъ—хромоногій. Du Cang. Glossar. p. 745.

ясь, по обычаю варваровъ, съ обстоятельствами, онъ вообще и унижался до крайности, когда былъ въ нуждѣ, и опять тотчасъ же возносился, какъ скоро счастіе склонялось въ другую сторону и награждало его благопріятнымъ ходомъ дѣлъ. А какъ, по пословицѣ, клинъ клиномъ выгоняется, то по временамъ онъ ласкался къ царю и оказывалъ ему уваженіе и, хотя больше походилъ на дикаго звѣря, чѣмъ на сына, но воздавая царю славу отца, самъ пользовался отъ него честію сына. Такимъ образомъ въ письмахъ, которыя они писали другъ къ другу, царь назывался отцомъ, а султанъ сыномъ. Но и это не могло соединить ихъ искреннею дружбою и даже не предохранило отъ нарушенія мирныхъ договоровъ. Султанъ, словно выступающій изъ береговъ потокъ, потоплялъ и уносилъ все, что ни попадалось на пути, или, какъ ядовитый змѣй, пожиралъ много нашихъ городовъ, извергая на нихъ ядъ своей злобы. А царь или воздвигалъ несокрушимую плотину войска и тѣмъ останавливалъ его разливы и давалъ ему обратное теченіе, или чарами золота наводилъ сонъ мира на его вѣки, заставлялъ его склонить голову, когда она была уже поднята на добычу, и останавливалъ его, когда онъ уже ползъ и тащилъ за собою войско. А однажды, чтобы остановить Турковъ, которые, какъ огромныя стада овецъ, разбрелись по римскимъ предѣламъ, онъ напалъ на Пентапольцевъ. Персы не посмѣли вступить съ нимъ въ бой — и онъ, захвативъ множество людей и скота, съ торжествомъ возвратился домой. Въ это-то время

Солиманъ, главнѣйшій между вельможами султана, явился къ царю и много говорилъ въ защиту султана, стараясь доказать, что Турки дѣйствуютъ безъ его воли и согласія. Онъ искусно выставлялъ въ благопріятномъ видѣ все, что разсказывалъ; но дѣла противорѣчили его словамъ и явно обличали его во лжи. Не смотря однакожъ и на это, Солиманъ не потерпѣлъ отъ царя никакой непріятности. По обычаю варваровъ, онъ безмѣрно льстилъ императору и, всячески стараясь обмануть его, предложилъ ему со своей конюшни быстроногихъ коней. Царь принялъ коней и, похваливъ Солимана за его доброе расположеніе и покорность,— хотя это расположеніе происходило не отъ души, но зависѣло отъ обстоятельствъ,—отпустилъ его въ надеждѣ, что онъ разскажетъ султану обо всемъ, что ему было не безъизвѣстно, и укоритъ его за непостоянство, вѣроломство и лукавство. Но нельзя было думать, чтобы послѣ этого султанъ остался въ покоѣ или хоть на короткое время отложилъ свое мщеніе Римлянамъ. И дѣйствительно, онъ по-прежнему, какъ воръ, продолжалъ свои грабежи. Между прочимъ, выславъ и отборныя фаланги во Фригію, опустошилъ Лаодикію, которая тогда не была еще заселена такъ, какъ нынѣ, и не была ограждена прочными стѣнами, но, подобно селеніямъ, была разбросана по склонамъ тамошнихъ возвышенностей. Выведя отсюда множество плѣнниковъ и огромное количество скота, онъ немало людей и казнилъ, въ томъ числѣ—и архіерея Соломона, который хотя и былъ скопцемъ, но имѣлъ любезный характеръ

и по своимъ добродѣтелямъ близокъ былъ къ Богу. Своимъ приближеннымъ султанъ въ насмѣшку говаривалъ, что чѣмъ болѣе будетъ онъ дѣлать зла Римлянамъ, тѣмъ больше долженъ ожидать себѣ добра отъ царя. На чьей сторонѣ, говорилъ онъ, побѣда, къ тому обыкновенно приходятъ въ гости и дары, чтобы остановить дальнѣйшія побѣды, подобно тому, какъ за больными воспалительною болѣзнію ходятъ съ особенною заботливостію, для того чтобы отвлечь и остановить дальнѣйшее распространеніе болѣзни. Впрочемъ и Мануилъ послѣ этого не остался въ покоѣ, но сначала чрезъ Цикандила Гуделія, а потомъ чрезъ Михаила Ангела напалъ на тѣхъ Турковъ, которые, будучи богаты стадами, нуждаются въ лугахъ и пастбищахъ, и поэтому оставляютъ свои жилища и со всѣми семействами переходятъ въ римскіе предѣлы. Эти вожди взявъ легкое войско и распредѣливъ его по отрядамъ, выступили съ нимъ противъ Турковъ. Считая ночь болѣе удобнымъ временемъ для нападенія на непріятелей, они роздали войску пароль, приказавъ кричать во время ночнаго сраженія съ Турками: «желѣзо», чтобы такимъ образомъ можно было по этому слову узнавать и пропускать соотечественниковъ, и убивать, какъ иноплеменниковъ, тѣхъ, кто будетъ проходить молча. Этотъ пароль, раздававшійся въ продолженіе всего сраженія, различалъ племена и такимъ образомъ желѣзо, какъ говоритъ Давидъ, произало души Персовъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго уже кровопролитія, Турки, понявъ значеніе произно-

симаго Римлянами слова, вмѣстѣ съ ними и сами стали кричать до тѣхъ поръ, пока наступившій разсвѣтъ не разлучилъ войска. Много было въ то время и другихъ набѣговъ, какъ со стороны этого царя на Турковъ, такъ и со стороны Турковъ на Римлянъ. Но я опустилъ всѣ тѣ, въ которые не случилось ничего замѣчательнаго и разсказъ о которыхъ навелъ бы только скуку на читателя; потому что большею частію пришлось бы повторять одно и тоже, не привнося въ разсказъ ничего новаго.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА IV.

1. Намѣреваясь опять говорить о дѣлахъ пэонійскихъ, для ясности разсказа, скажу напередъ вотъ что. У тогдашняго правителя Гунновъ Яцы (¹) было два родныхъ брата—Стефанъ и Владисолавъ, и двое сыновей—Стефанъ и Вела. Одинъ изъ братьевъ—Стефанъ, вырвавшись изъ родственныхъ рукъ, готовыхъ погубить его, убѣжалъ въ Константинополь и, ласково принятый самодержцемъ Мануиломъ, не только нашелъ у него самое

(¹) Это король Гейза.

радушное гостепріимство, но и женился на племянницѣ его Маріи, дочери Севастократора Исаака. Не много спустя и третій братъ — Владисолавъ, по слѣдамъ Стефана, также явился къ Мануилу, не столько отъ того, что не былъ любимъ Яцою, какъ бы слѣдовало, или боялся его козней, сколько увлеченный слухомъ о счастливой жизни брата Стефана и желаніемъ побывать у него. Не обманулся въ своихъ надеждахъ и Владисолавъ: и онъ былъ принятъ царемъ сообразно съ достоинствомъ его происхожденія, и вообще нашелъ все такъ, какъ предполагалъ. Онъ могъ бы и жениться на любой женщинѣ, и даже на женщинѣ царской крови; но удержался отъ брака, опасаясь, что привязанный ласками жены, онъ забудетъ о возвращеніи въ отечество и чрезъ то повредитъ своимъ дѣламъ. Что же потомъ? Умираетъ король Гунновъ Яца, и умираетъ смертію спокойною,—сама природа разстроила гармонію настроеннаго ею инструмента и разобрала его на составныя части. Власть его переходитъ къ сыну его Стефану. Царь между тѣмъ, обрадовавшись этому неожиданному случаю, сообразилъ, что если сатрапія Гунновъ перейдетъ къ зятю его, по племянницѣ, Стефану,—такъ какъ онъ дѣйствительно имѣлъ на то право, то во-первыхъ,—это ему самому доставитъ славу, а во-вторыхъ,—и римское царство, чрезъ это, можетъ быть, будетъ получать оттуда часть доходовъ, и ужъ во всякомъ случаѣ будетъ безспорно владѣть Зевгминомъ и Франгохоріемъ. Вслѣдствіе этого онъ сталъ стараться о приведеніи въ исполненіе сво-

ихъ соображеній. Тотчасъ же отправлены были въ страну Гунновъ послы, съ тѣмъ, чтобы они условились съ Гуннами о предоставленіи царскаго вѣнца Стефану; а спустя немного времени прибылъ и самъ царь въ Сардику. Но Гунны, при первомъ слухѣ о Стефанѣ, отказались отъ него, даже не хотѣли слышать его имени, ссылаясь какъ на другія причины, почему отвергаютъ его, такъ особенно на то, что онъ женился у Римлянъ. Они находили совершенно невыгоднымъ для себя допустить къ правленію человѣка, который по браку состоитъ въ родствѣ съ римскимъ царемъ,— опасаясь, какъ бы не вышло того, что, тогда какъ Гунны будутъ находиться подъ его управленіемъ, самъ онъ будетъ подъ властію и въ зависимости у римскаго царя. Поэтому они и къ Стефану, отправившемуся было туда, не оказали никакого расположенія, и бывшихъ съ нимъ царскихъ пословъ отпустили ни съ чѣмъ. Тогда царь, признавъ необходимымъ оказать Стефану болѣе дѣйствительную помощь, и самъ выступаетъ изъ Сардики и приходитъ къ берегамъ Дуная, именно въ Враницову и Белеградъ, и въ тоже время вмѣстѣ со Стефаномъ высылаетъ съ войскомъ племянника своего Алексѣя Контостефана. Эти, прибывъ въ Храмъ ([1]), дѣлали все, что только было можно, для того, чтобы добиться царства,—подкупали вельможъ пэонійскихъ дарами, обольщали ласками, увлекали большими обѣщаніями; но успѣли только въ томъ, что Гунны признали своимъ правителемъ Владиславa—роднаго брата Стефана. Когда же и Владиславъ спустя немного

([1]) Храмъ—крѣпость при Дунаѣ.

времени послѣ полученія власти скончался, они опять склонились на сторону Стефана, сына Яцы. Царь не могъ перенести этого равнодушно; да и Стефанъ, братъ Яцы, при содѣйствіи царя, сталъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы какъ-нибудь добиться власти. Это было причиною многихъ войнъ. Когда же царь просваталъ дочь свою Марію за сына Яцы Велу, котораго предполагалъ даже сдѣлать наслѣдникомъ своего царства, то противники Стефана изъ Гунновъ, чтобы пресѣчь и уничтожить всякую надежду на успѣхъ, и избавить самихъ себя отъ хлопотъ, оставивъ прежній образъ противодѣйствія окольными и дальними путями, рѣшились обманомъ извести ненавистнаго имъ Стефана. Ядъ показался имъ самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы лишить его жизни. Они стали искать человѣка, который согласился бы поднесть Стефану смертоносную чашу, и когда нашли одного изъ слугъ Стефана, по имени Ѳому, предложили ему награду. Этотъ Ѳома всегда готовъ былъ изъ-за низкой прибыли лишить человѣка жизни, разлучить душу съ тѣломъ, и такой былъ мастеръ на это дѣло, что даже самъ отъ себя придумалъ другой способъ, какъ поскорѣе отправить Стефана въ царство мертвыхъ. Когда Стефанъ нечаянно порѣзалъ себѣ жилу до крови, Ѳома накладываетъ ему на рану повязку, намазанную ядомъ. Ядъ распространился и разлился по всему тѣлу и, когда проникъ въ самыя важныя части организма,— лишилъ Стефана жизни. Смерть этого человѣка ясно показала, какъ невѣрны и ничтожны замы-

слы людскіе, какъ тщетно люди стремятся къ тому, что для нихъ недостижимо, и какъ напрасно трудятся надъ своими предпріятіями, если Божественная десница свыше не содѣйствуетъ имъ, не поддерживаетъ ихъ и не руководитъ ими въ ихъ совѣтахъ и дѣйствіяхъ. И между тѣмъ какъ Стефанъ лежалъ убитый такимъ образомъ, и трупъ его, поруганный, оставался безъ должнаго погребенія,— Зевгминъ принужденъ былъ сдаться Гуннамъ на капитуляцію.— Царь, услышавъ объ этомъ, объявляетъ войну противъ Гунновъ.

2. Въ это же время возвратился въ отечество и Андроникъ, снова бѣжавшій изъ заключенія и проживавшій въ Галицѣ. Галица—это одна изъ топархій, принадлежащихъ Россамъ, которыхъ называютъ также иперборейскими Скиѳами. А убѣжалъ Андроникъ вотъ какимъ образомъ. Онъ притворился больнымъ, и ему назначенъ былъ въ услуженіе молодой комнатный слуга изъ иностранцевъ и притомъ плохо знавшій нашъ языкъ. Этому слугѣ,— такъ какъ ему только одному и доступенъ былъ входъ въ тюрьму,— Андроникъ поручаетъ унесть потихоньку ключи отъ дверей башни въ то время, когда стражи, порядочно подвыпивъ, уснутъ послѣ обѣда, и съ этихъ ключей сдѣлать изъ воску точный снимокъ, такъ чтобы онъ во всемъ соотвѣтствовалъ подлиннику и вполнѣ походилъ на него. Невольникъ исполняетъ приказаніе и приноситъ Андронику слѣпки ключей. Андроникъ поручаетъ ему показать ихъ сыну своему Мануилу и сказать, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, приказалъ сдѣлать изъ мѣди такіе же

ключи, и кромѣ того,—чтобы въ амфоры, въ которыхъ приносится ему къ обѣду вино, положилъ льняныя веревочки, клубки нитокъ и тонкіе снурки. Когда все это приведено было въ исполненіе,—замки ночью отпираются, темница безъ труда отворяется и Андроникъ, при содѣйствіи невольника, который помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ него подарокъ, — выходитъ съ веревками въ рукахъ. Остатокъ этой ночи онъ проводитъ въ густой и высокой травѣ, которою поросли нѣкоторыя мѣста дворцоваго двора, куда обыкновенно никто не ходилъ. И второй и третій день онъ скрывался отъ поисковъ въ травѣ. Когда же искавшіе утомились розысками по разнымъ мѣстамъ дворца, Андроникъ устрояетъ изъ палокъ лѣстницу, и, спустившись со стѣны между двумя башнями, входитъ въ лодку, ожидавшую его, по уговору, у скалистаго морскаго берега, которымъ окружена выходящая на море городская стѣна и о который разбиваются бурныя волны. Человѣкъ, который принялъ Андроника въ лодку, прозывался Хрисохоопуломъ. Но едва успѣли они отплыть отъ берега, какъ уже ихъ задерживаютъ стражи вуколеонскіе, которые всю ночь смотрятъ, чтобы ни одна лодка не проходила близъ царскаго дворца. Этотъ надзоръ начался съ того времени, какъ Іоаннъ Цимисхій, поднятый въ корзинѣ, напалъ ночью на Никифора Фоку. Такимъ образомъ Андроникъ чуть было опять не попалъ подъ стражу и въ болѣе тяжкіе оковы, или даже едва было мечь не прекратилъ его жизни и не пресѣкъ многихъ дальнѣй-

шихъ его похожденій. Но и тутъ собственная изобрѣтательность избавила отъ опасности этого находчиваго человѣка, доставивъ изъ своего сада нужное по обстоятельствамъ лекарство, подобно тому, какъ нѣкогда Давида въ Геѳѣ спасли перемѣна въ лицѣ, звукъ тимпана и неистовое движеніе ногами. Притворившись домашнимъ слугою, убѣжавшимъ изъ долговременнаго заключенія, Андроникъ сталъ просить поймавшихъ пощадить его, такъ какъ онъ уже и прежде не мало потерпѣлъ отъ господина своего, да и теперь долженъ будетъ расплатиться за побѣгъ. А своимъ господиномъ онъ называлъ Хрисохоопула, при чемъ нарочно перемѣнялъ языкъ греческій на варварскій и притворялся, будто весьма мало его понимаетъ. И самъ Хрисохоопулъ также просилъ стражей отдать ему Андроника, какъ его бѣглаго раба, и подкупивъ ихъ дарами, успѣлъ освободить его. Такимъ образомъ Андроникъ сверхъ чаянія пришелъ въ свой домъ, называемый Влангa, снялъ съ ногъ своихъ оковы и, увидѣвшись съ своими домашними, въ одно и тоже время и привѣтствовалъ ихъ, какъ человѣкъ, только что вошедшій, и простился съ ними, какъ отъѣзжающій на чужую сторону. Достигши Меливота, онъ садится здѣсь на приготовленныхъ для него лошадей и бѣжитъ прямо въ Анхіалъ (¹). По прибытіи сюда, открывается Пупакѣ, который первый, какъ я уже сказалъ, взошелъ на лѣстницу на

(¹) Городъ во Ѳракіи, на берегу Чернаго моря, нынѣ извѣстный у Грековъ подъ именемъ Анхіало и Ахело, а у Турковъ—подъ именемъ Кенхисъ.

островѣ Корифо,—и, получивъ отъ него съѣстные припасы на дорогу и проводниковъ, отправляется въ Галицу. Но когда Андроникъ считалъ уже себя внѣ опасности, такъ какъ уже скрылся отъ преслѣдованій и достигъ предѣловъ Галицы, куда стремился, какъ въ спасительное убѣжище, тогда-то именно онъ и попадается въ сѣти ловцовъ. Влахи, предупрежденные молвою о его бѣгствѣ, схватили его и опять повели назадъ къ царю. Не имѣя для себя ни въ комъ ни спасителя и избавителя, ни друга—защитника, безъ оруженосца, безъ слуги, этотъ изобрѣтательный человѣкъ опять нашелъ себѣ пособіе въ своей хитрости. Чтобы обмануть тѣхъ, которые вели его, онъ притворился, будто страдаетъ поносомъ, часто сходилъ съ лошади и, отойдя въ сторону, готовился къ отправленію естественной нужды, отдѣлялся отъ спутниковъ и оставался одинъ, какъ будто его дѣйствительно безпокоилъ поносъ. Много разъ онъ дѣлалъ такъ и днемъ и ночью, и наконецъ обманулъ своихъ спутниковъ. Однажды, поднявшись въ темнотѣ, онъ воткнулъ въ землю палку, на которую опирался въ дорогѣ, какъ человѣкъ больной, надѣлъ на нее хламиду, наложилъ сверху шляпу и такимъ образомъ сдѣлавъ нѣчто похожее на человѣка, присѣвшаго для отправленія естественной нужды, предоставилъ стражамъ наблюдать, вмѣсто себя, за этою чучелою, а самъ, тайно пробравшись въ росшій тамъ лѣсъ, полетѣлъ, какъ серна, освободившаяся отъ тенетъ, или птица, вырвавшаяся изъ западни. Когда стражи увидѣли наконецъ его продѣлку, ониброси-

лись бѣжать впередъ, полагая, что Андроникъ слѣдуетъ тому же направленію, по которому шелъ прежде. Но онъ обратился назадъ и другимъ путемъ направился въ Галицу. Пупаки, между тѣмъ, по приказанію царя былъ взятъ и всенародно наказанъ многими ударами плети по плечамъ и спинѣ. Потомъ глашатай публично водилъ его привязаннымъ веревкою за шею, и громко провозглашалъ: «такъ наказывается бичами и всенародно водится всякій, кто принимаетъ къ себѣ въ домъ приходящаго къ нему врага царева, дастъ ему необходимое на дорогу и отпускаетъ его». А Пупаки, пристально и съ веселымъ лицемъ смотря на собравшійся народъ, говорилъ: «пусть, кто хочетъ, безчеститъ меня такъ за то, что я не выдалъ пришедшаго ко мнѣ благодѣтеля и не выгналъ его съ жестокостію, но сколько можно было услужилъ ему и проводилъ его въ радости»! Что же касается Андроника,— онъ принятъ былъ правителемъ Галицы съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго, и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ и охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ, и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ и вмѣстѣ обѣдалъ.

Между тѣмъ царь Мануилъ считалъ бѣгство двоюроднаго брата и удаленіе его изъ отечества личнымъ для себя безчестіемъ. Къ тому жъ ему казалось и подозрительнымъ долговременное его отсутствіе, такъ какъ ходили уже слухи, что онъ собираетъ многочисленную скиѳскую конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы. Поэтому онъ призналъ дѣломъ, какъ

говорятъ, первой важности — возвратить Андроника, 5. Съ этою цѣлію онъ приглашаетъ его оттуда и, послѣ дружескихъ увѣреній съ той и другой стороны, дѣйствительно принимаетъ странника въ свои объятія. Это было, какъ я сказалъ въ то самое время, когда Пэонійцы, нарушивъ мирные договоры, опустошали придунайскія области Римлянъ. Варвары вступили даже въ бой съ вождями, Михаиломъ Гаврою и Михаиломъ Враною, и, принудивъ ихъ бѣжать, овладѣли огромною добычею. Гавра только что недавно отпраздновалъ свадьбу съ Евдокіею Комниной, съ которой, какъ мы уже выше сказали, былъ въ связи Андроникъ. Поэтому родственники Евдокіи, желая отрекомендовать его самодержцу, чрезвычайно хвалили и превозносили его предъ царемъ, говорили даже, что онъ храбро сражался въ битвѣ съ Гуннами и въ свидѣтели своихъ словъ приводили Михаила Врану, который вмѣстѣ съ нимъ начальствовалъ надъ войскомъ. Царь приказалъ Вранѣ поклясться головою императора и сказать по правдѣ, знаетъ ли онъ какой либо мужественный подвигъ Гавры. Но тотъ, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, обратился къ Гаврѣ и спросилъ его о самомъ себѣ: показалъ ли самъ онъ сколько нибудь достохвальнаго мужества и такъ ли дѣйствовалъ, какъ прилично вождю, когда они сражались съ Венграми, предводимыми Діонисіемъ. Когда же Гавра отвѣчалъ на это утвердительно и засвидѣтельствовалъ, что онъ точно сражался мужественно, какъ никто другой; тогда Врана присовокупилъ, что онъ не можетъ искажать истины предъ ца-

ремъ, который заставилъ его поклясться своею головою,—что Гавра нисколько не выдержалъ натиска враговъ, но при первомъ ихъ нападеніи со страха бѣжалъ, не смотря на то, что онъ (Врана) много разъ просилъ его возвратиться и громко кричалъ ему: «другъ, остановись»! Царь между тѣмъ, торопясь возвратить Римлянамъ Зевгминъ и отмстить Гуннамъ за смерть и поруганіе Стефана, вступилъ въ тѣ мѣста съ войскомъ. Варвары, расположившись на возвышенныхъ берегахъ рѣки Дуная и приготовившись къ бою, старались было воспрепятствовать переправѣ войска, метая всевозможныя стрѣлы и напередъ занимая всѣ проходы, но нисколько въ томъ не успѣли. Римскіе стрѣльцы, искусные въ дальней стрѣльбѣ, да и все вообще тяжеловооруженное войско отбросили и выбили ихъ изъ прибрежныхъ мѣстъ. Тогда царь, прибывъ со всѣмъ войскомъ къ Зевгмину, раскидываетъ тамъ лагерь. Зевгминъ недоступенъ съ юга, такъ какъ съ этой стороны онъ огражденъ близъ-лежащимъ холмомъ и теченіемъ рѣки. Царь надѣялся безъ боя овладѣть этимъ городомъ, расчитывая на то, что жители испугаются даже перваго его появленія, отопрутъ ему ворота и впустятъ его въ городъ. Когда же они заперли для него рѣшительно всѣ входы, усилили стѣны всякаго рода оружіемъ и метательными орудіями, а сами, показываясь на верху, точили, словно змѣи, языки, не только съ рукъ пуская стрѣлы смертоносныя, но изъ-за ограды зубовъ бросая стрѣлы позорныхъ рѣчей, смазанныя ядомъ аспидовъ: тогда и

Римляне стали не съ пустыми руками подходить къ нимъ, но, отбросивъ ругательства, какъ оружіе женское и неблагородное, преимущественно вредили имъ мечемъ. Императоръ, чтобы возбудить въ подчиненныхъ ревность къ подражанію, первый направилъ коня своего къ городскимъ воротамъ, и вонзилъ въ средину ихъ копье. Потомъ, наполнивъ ровъ, по недостатку камней, мусоромъ и поставивъ кругомъ камнеметныя машины (ихъ было четыре), велѣлъ разрушать стѣны. Машины всѣ дѣйствовали успѣшно, и бросаемые изъ нихъ огромные камни ослабляли связи стѣнъ. Преимущественно же одна изъ нихъ, устроенная Андроникомъ, который самъ прикрѣпилъ къ ней ремень, и рукоятку, и винтъ, съ особенною силою потрясала стѣны, такъ что средина стѣны, между двумя башнями, на которую упадали тяжелые камни, и подъ которую притомъ подведенъ былъ подкопъ, уже поколебалась и склонилась на сторону. При этомъ-то случаѣ нѣкоторые изъ Пэонійскихъ вельможъ однажды-ночью вошли въ одну изъ прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ и выходящихъ наружу башенъ, которыя на простомъ народномъ языкѣ обыкновенно называются арклами, — обнажили мечи и потрясая ими, съ величайшимъ хвастовствомъ грозили Римлянамъ, а пока, за неимѣніемъ возможности обагрить мечи кровью, примѣрно поражали ими воздухъ и наполняли его восклицаніями, крича во все горло. Но месть гналась уже за ними по пятамъ. Андроникъ, направивъ метательное орудіе противъ поддерживавшей ихъ башни, выстрѣлилъ изъ него такъ удач-

но, что эта деревянная постройка, снаружи прикрѣпленная къ стѣнѣ, тотчасъ же отдѣлилась отъ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и они полетѣли съ ней въ адское отверстіе, опрокинувшись головою внизъ, жалко кувыркаясь и бѣдственно переплывая Ахеронъ. А спустя немного времени пала и самая стѣна. Римляне взошли на нее по лѣстницамъ и проникли въ городъ. Тогда многіе пали и погибли отъ меча; не малое впрочемъ число и спаслось, покорясь побѣдителямъ, — а были и такіе, которые нашли спасеніе въ бѣгствѣ. У одного изъ жителей этого города—человѣка, принадлежавшаго не къ толпѣ и черни, но къ числу людей знаменитыхъ богатствомъ и знатностію рода, была миловидная и весьма красивая жена—предметъ его гордости. Видя, что ее насильно тянетъ одинъ Римлянинъ на поруганіе и не имѣя возможности защитить ее отъ насилія, или отразить силу силою и остановить безчестнаго любовника, онъ рѣшается на дѣло, столько же благородное и сообразное съ обстоятельствами, сколько беззаконное и дерзкое, именно — пронзаетъ сердце своей возлюбленной бывшею при немъ короткою саблею. Такимъ образомъ преступный любовникъ, увлекаемый безумною страстію, погасилъ свое страстное желаніе,— потому что уже не стало предмета страсти, а истинно несчастная любовница не видала уже болѣе дней веселія. О роковое сплетеніе дѣлъ человѣческихъ! О какія трагедіи разыгрываются на многолюдномъ театрѣ міра коварнымъ и завистливымъ Телхиномъ! Вотъ двѣ противоположныя любви, спорящія изъ-за одной награды: любовь

безчестная и цѣломудренная. Одна хочетъ спасти ради преступныхъ наслажденій, другая предупреждаетъ позоръ насильственною смертію и искореняетъ страсть страстію. А покорить Зевгминъ не мало помогли Римлянамъ и нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей, благопріятствовавшіе Римлянамъ и, по возможности, ободрявшіе ихъ. Они привязывали записочки къ стрѣламъ, необложеннымъ желѣзомъ, бросали ночью эти стрѣлы въ римскій лагерь и такимъ образомъ извѣщали о силѣ ихъ войска. Въ это же время шелъ однажды плѣнный пэоніецъ, имѣя еще на головѣ туземную шляпу и вообще одѣтый въ свое отечественное платье. Съ нимъ встрѣчается одинъ Римлянинъ, поражаетъ его мечемъ и убиваетъ. Затѣмъ, надѣвъ себѣ на голову его шляпу, Римлянинъ продолжалъ путь. Но мщеніе незамѣтно слѣдовало за нимъ по пятамъ, и то же самое зло, которое онъ причинилъ другому, постигаетъ и его самого. На него нападаетъ сзади другой Римлянинъ, вооруженный еще болѣе острымъ мечемъ, наноситъ ему, какъ бы плѣнному Пэонійцу, смертельный ударъ въ шею и тутъ же лишаетъ жизни.

Такимъ-то образомъ—сколько я могу сказать вкратцѣ, не пускаясь въ подробности повѣствованія—взятъ былъ Зевгминъ. Царь, выступивъ оттуда, отправился въ предѣлы римскіе, а своего дядю Константина Ангела Филадельфійскаго и съ нимъ Василія Трипсиха оставилъ на мѣстѣ для возобновленія и укрѣпленія Зевгмина. Эти, исполняя данное имъ порученіе, не только возоб-

новили Зевгминъ, исправивъ упавшія его башни, и снабдили его вообще всѣмъ, что нужно для охраны, но съ особеннымъ стараніемъ позаботились и о городахъ Велеградскихъ. Они и самый Нисъ обнесли стѣною и Враницову заселили и, устроивъ вообще все надлежащимъ образомъ, возвратились къ царю.

4. Царь, между тѣмъ, намѣреваясь отомстить Десѐ, который къ своимъ прежнимъ дѣламъ присоединилъ еще худшія, спѣшилъ отправиться въ Сербію. Но Десѐ, издали внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ и, въ особенности, справедливо опасаясь, чтобы не потерпѣть ему, въ случаѣ вторженія царя въ его страну, какого нибудь вреда и непріятностей, чрезъ пословъ усильно проситъ царя о позволеніи безбоязненно явиться къ нему. Получивъ это позволеніе, онъ дѣйствительно пріѣзжаетъ, окруженный свитою сатраповъ, и является къ царю; но царь осыпаетъ его упреками за его коварство и высылаетъ отъ себя, отказавъ въ мирѣ. Онъ даже подвергался опасности быть задержаннымъ, однакожъ ему позволили возвратиться домой, послѣ того какъ онъ обязался страшными клятвами—перемѣнить свое поведеніе и впередъ не дѣлать ничего противнаго царю. Но невозможно было, чтобы хамелеонъ измѣнилъ свой цвѣтъ на бѣлый цвѣтъ истины, хотя онъ и легко принимаетъ на себя всякій другой цвѣтъ. Когда Десѐ вышелъ отъ царя,—душу его въ одно и тоже время волновали разныя страсти. Онъ стыдился, что приходилъ къ царю, сердился, что съ нимъ такъ дурно обо-

шлись, жалѣлъ, что оградою клятвъ стѣснилъ себя въ выборѣ рѣшеній. Наконецъ, пренебрегши всѣмъ, что обѣщалъ и въ чемъ клялся царю противъ собственнаго убѣжденія, этотъ варваръ снова облекается въ обычную кожу барса,—явно одобривъ слова трагика и сказавъ: «языкъ клялся, но душа не связана клятвою.»

Такъ происходило это. Между тѣмъ у Мануила не было еще сына, и преемство рода держалось на дочери Маріи, которую родила ему жена изъ рода Алеманновъ. Поэтому онъ обязалъ всѣхъ клятвою признавать, послѣ его кончины, эту самую Марію и жениха ея Алексѣя, происходившаго, какъ мы сказали, изъ Венгріи,—наслѣдниками его власти, повиноваться имъ и чтить ихъ, какъ римскихъ императоровъ. Всѣ подчинились этому приказанію и дали клятву, какъ приказывалъ царь; не покорился одинъ Андроникъ. Онъ говорилъ: такъ какъ царь вступилъ во второй бракъ, то очень можетъ статься, что у него будутъ дѣти мужескаго пола, и если мы должны будемъ впослѣдствіи предоставить царство и присягнуть этому будущему рожденію царя, то очевидно, давая теперь клятву дочери, мы будемъ клясться несправедливо. Да притомъ, что за сумазбродство у царя, что онъ всякаго Римлянина считаетъ недостойнымъ женихомъ для своей дочери, а избралъ этого иноземца и человѣка приписнаго, и, къ поношенію Римлянъ, ему предоставляетъ царство надъ Римлянами и ставитъ его надъ всѣми господиномъ! Но эти дѣльныя слова не убѣдили царя, который не обращалъ

вниманія на слова Андроника, какъ на пустыя рѣчи человѣка несогласнаго съ нимъ въ мнѣніи и упрямаго. Нѣкоторые, впрочемъ, и послѣ того какъ дали клятву, одобрили мысли Андроника, и одни тотчасъ же объявили свое мнѣніе, а другіе хотя его и не высказали, но упорно стояли на томъ, что рѣшительно нѣтъ никакой выгоды ни для царской дочери, ни для римскаго государства—къ плодовитой маслинѣ прививать вѣтвь отъ иноплеменнаго дерева и чужеземца предпочтительно предъ всѣми облекать властію.

Теперь мы разскажемъ въ своей исторіи и еще нѣчто такое, о чемъ несправедливо было бы умолчать. Мануилъ какъ-то особенно много заботился о городахъ и крѣпостяхъ киликійскихъ, между которыми главное мѣсто, какъ столица, занимаетъ славный и знаменитый городъ Тарсъ. Поэтому, послѣ многихъ славныхъ и благородныхъ мужей, бывшихъ тамъ правителями, туда наконецъ назначенъ былъ Андроникъ Комнинъ, какъ человѣкъ и знаменитый родомъ и замѣчательно-храбрый. А чтобы ему было чѣмъ покрывать тамошніе расходы, ему предоставлено было собирать подати и съ острова Кипра. Прибывъ на мѣсто и питая вражду къ Торусу, а равно и имъ ненавидимый, онъ часто вступалъ съ нимъ въ борьбу и объявлялъ ему войну, но никогда не совершилъ ничего славнаго и даже не сдѣлалъ ничего достойнаго той многообразной военной опытности и того искуства, которыми славился. Наконецъ, когда Торусъ постыдно разбилъ его и восторжествовалъ надъ нимъ, онъ рѣшается на

отчаянно-дерзкое дѣло, о которомъ мы сейчасъ разскажемъ. Въ то время, какъ оба они вывели другъ противъ друга свои войска, Андроникъ расположилъ свое войско такъ, что оно походило на животное и имѣло голову и хвостъ и всѣ прочія части, а Торусъ напротивъ раздѣлилъ свою армію на нѣсколько отдѣльныхъ частей, на небольшіе отряды и партіи, засѣвшія въ засадѣ. Когда войска сошлись и вступили въ бой, побѣда и притомъ блистательная опять досталась Торусу: фаланги Андроника не устояли противъ Армянъ, постоянно получавшихъ свѣжія подкрѣпленія и мало по малу выходившихъ изъ засадъ, и обратились въ постыдное бѣгство. Это крайне опечалило Андроника, и онъ, не зная, какъ вознаградить себя за пораженіе, и желая хоть чѣмъ нибудь теперь же отомстить торжествующимъ уже побѣду непріятелямъ, рѣшается на дѣло почти совершенно невозможное. Увидѣвъ, что Торусъ, окруженный свитою тѣлохранителей, сидитъ еще на лошади, ожидая возвращенія своихъ воиновъ, отправленныхъ для преслѣдованія непріятелей, Андроникъ, пустивъ во всю прыть своего коня, бросаетъ въ него копье и, ударивъ его въ щитъ, сбрасываетъ съ лошади, и за тѣмъ, пробившись сквозь толпу окружавшихъ его отборныхъ воиновъ, ускользаетъ изъ рукъ всѣхъ, какъ крылатый всадникъ или какъ скользкій угорь. Но въ этомъ только и состояло все достоинство поступка Андроника: отъ дальнѣйшаго вреда предохранили Торуса желѣзныя латы, которыя онъ имѣлъ на себѣ и длинный щитъ по-

крывавшій его съ боку, по одну сторону лошади.

5. Но прошло не много времени послѣ этого случая, и уже для Андроника становятся дѣломъ второстепеннымъ и постороннимъ и убійства, и сраженія, и войны, и звукъ бранной трубы, и страхъ, и ужасъ, и Арей-губитель людей: отбросивъ занятія военныя, онъ посвящаетъ себя служенію Афродиты. А она не подставляетъ ему Елену и не выставляетъ на глаза живущую въЕлладѣ и среди Аргоса, чтобы разнѣжить его красотою и свести съ ума отъ любви,—не строитъ судна и не ввѣряетъ управленія имъ Фереклу, но описываетъ наружныя прелести живущей по сосѣдству Филиппы и какъ сводня сватаетъ ее страстно влюбленному Андронику. Влюбившись по слуху, Андроникъ кидаетъ щитъ, отвергаетъ шлемъ, сбрасываетъ съ себя всѣ воинскія принадлежности,—и уходитъ къ возлюбленной, жившей въ городѣ Антіохіи. Прибывъ сюда и перемѣнивъ доспѣхи Марса на украшенія Эротовъ, онъ только-что не ткалъ и не пряль, служа Филиппѣ, какъ нѣкогда Геркулесъ служилъ Омфалѣ. А Филиппа была родная сестра той дочери Петевина, на которой не такъ давно женился двоюродный братъ Андроника, царь Мануилъ. Итакъ прибывъ, говорю, въ Антіохію, Андроникъ съ увлеченіемъ предался роскоши, доходилъ до безумія въ нарядахъ, съ торжествомъ ходилъ по улицамъ со свитою тѣлохранителей, вооруженныхъ серебряными луками, отличавшихся высокимъ ростомъ, едва покрытыхъ первымъ пухомъ на бородѣ и блиставшихъ свѣтлорусыми воло-

сами. Этимъ онъ старался плѣнить ту, которая его плѣнила, и, точно, успѣлъ очаровать ее и завлечь въ любовную связь, возбудивъ въ ней страсть еще сильнѣе той, какою самъ страдалъ. Къ-тому же онъ и самъ былъ дивно-хорошъ собою, высокъ и строенъ какъ пальма, страстно любилъ иноземныя одежды, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя, опускаясь до чреслъ, раздвояются и такъ плотно обнимаютъ тѣло, что какъ будто пристаютъ къ нему, и которыя онъ первый ввелъ въ употребленіе. А свой суровый и всегда пасмурный видъ этотъ дикій звѣрь постарался развеселить, свой тяжелый и безпокойный характеръ смягчилъ, и свою гордость отложилъ. И такъ какъ онъ рѣшительно очаровалъ Филиппу, то она склонилась на брачное ложе, забыла и домъ и отечество, и послѣдовала за своимъ любовникомъ. Когда царь услышалъ объ этомъ, онъ словно пораженный громомъ едва не онѣмѣлъ, и имъ овладѣли два чувства: и ненависть къ Андронику за его беззаконную и преступную любовь, и желаніе схватить и наказать его за то, что онъ обманулъ его надежды на Арменію. Поэтому онъ отправляетъ Севаста(¹), Константина Каламана, человѣка, исполненнаго и разумной отваги и твердаго мужества,—съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ дѣлами въ Арменіи и попытался

(¹) Тигулъ Севаста (σεβαςὸς) принадлежалъ прежде однимъ императорамъ. Никифоръ Вотаніатъ въ первый разъ украсилъ этимъ титуломъ и не—императора Алексѣя Комнина. Въ чемъ состояло достоинство Севаста — неизвѣстно. Алексѣй Комнинъ, сдѣлавшись императоромъ, къ достоинству Севастовъ присоединилъ еще Пансевастовъ, Паниперсевастовъ и проч. Uid. Ducang. Glossar. p.p.1339-1341.

вступить въ бракъ съ Филиппою. Каламанъ сначала наряжается женихомъ и разодѣвшись, какъ слѣдовало и какъ находилъ нужнымъ, чтобы привлечь къ себѣ возлюбленную, приходитъ въ Антіохію. Но Филиппа не только не обратила на него вниманія и не измѣнила своей прежней любви, но даже не взглянула на него и не удостоила его привѣтствія. Напротивъ она еще посмѣялась надъ нимъ за его небольшой ростъ, и издѣвалась надъ самимъ самодержцемъ Мануиломъ за то, что онъ могъ считать ее столько простою и глупою, что она оставитъ славнаго и знаменитаго родомъ героя Андроника и отдастся человѣку, который происходитъ отъ незнатнаго рода и если сталъ извѣстенъ, то развѣ вчера или третьяго дня. Тогда Константинъ, увидѣвъ, что Эроты Филиппы пренебрегаютъ имъ и направляютъ свой полетъ къ другому, бросаютъ яблоки и предносятъ факелы Андронику, — удаляется оттуда. Прибывъ въ Тарсъ, онъ вступилъ въ войну съ враждебными Римлянамъ Армянами; но когда непріятели напали на него всею массою,— онъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ оковы. Царь освободилъ его, давъ значительный выкупъ. Между тѣмъ Андроникъ, страшась угрозъ Мануила и опасаясь, какъ бы его не задержали и какъ бы изъ объятій Филиппы не попасть ему въ прежнюю тюрьму и не подвергнуться долговременному страданію, ушелъ изъ Антіохіи и отправился въ Іерусалимъ, вспомнивъ, какъ кошка о мясѣ, о прежнихъ своихъ побѣгахъ и занявшись прежними продѣлками А какъ онъ на все

въ жизни смотрѣлъ безразлично и, до безумія любя женщинъ, безъ разбора, какъ конь, удовлетворялъ своей похоти, то и здѣсь вступаетъ въ преступную плотскую связь съ Ѳеодорою. Это была дочь его старшаго двоюроднаго брата, т. е. Севастократора Исаака—роднаго брата царя Мануила, которая недавно лишилась своего мужа, незадолго предъ тѣмъ управлявшаго Палестиною,—славнаго Балдуина, родомъ Итальянца. Царь Мануилъ, получивъ этотъ новый ударъ, изобрѣталъ и употреблялъ всевозможныя средства, какъ бы поймать Андроника въ свои сѣти. Съ этою цѣлію онъ послалъ къ правителямъ Келе-Сиріи написанную красными чернилами грамоту, поручая имъ задержать Андроника, какъ злоумышленника и кровосмѣсника, и лишить его зрѣнія. И вѣрно глаза Андроника обагрились бы кровію и щеки его покрылись бы блѣдностію въ узахъ и заключеніи, или даже онъ крестился бы кровавою смертію, если бы та грамота, писанная царскою краскою, попала въ руки другихъ. Но, видно, Богъ хранилъ его на день гнѣва и берегъ для тѣхъ будущихъ золъ, которыя онъ и несправедливо причинилъ своимъ подданнымъ, когда тиранствовалъ надъ Римлянами, и которымъ самъ впослѣдствіи безжалостно подвергся:—та грамота отдана была въ руки Ѳеодоры. Ѳеодора, прочитавъ ее и узнавъ, что̀ готовится Андронику, тотчасъ же передаетъ ему эту хартію. Андроникъ понялъ, что ему нельзя долѣе оставаться здѣсь, но надобно поспѣшно уходить; имъ овладѣлъ страхъ и онъ сталъ готовиться къ побѣгу. Но какъ человѣкъ

хитрый и лукавый, онъ къ тому же совращаетъ и Θеодору; и какъ нѣкогда Зевесъ, отвлекши Европу отъ круга дѣвушекъ, унесъ ее на своемъ хребтѣ, преобразившись въ прекраснорогаго быка, такъ и онъ, отдаливъ эту женщину отъ ея домашнихъ и упросивъ недалеко пройтись съ нимъ, чтобы проводить его и проститься съ нимъ предъ отъѣздомъ, волею—неволею увелъ ее и заставилъ вмѣстѣ съ собою странствовать. Переходя изъ страны въ страну, онъ, въ своемъ продолжительномъ странствованіи, перебывалъ у разныхъ правителей и властителей и вездѣ, гдѣ останавливался, принимаемъ былъ съ почетомъ и уваженіемъ, находилъ самое роскошное угощеніе и получалъ богатые подарки. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, онъ останавливается у Салтуха, который владѣлъ Колоніею ([1]) и пограничными съ ней мѣстами и собиралъ дань съ областей смежныхъ и сопредѣльныхъ съ Халдеею. Здѣсь-то, живя вмѣстѣ съ Θеодорою и съ двумя прижитыми отъ ней дѣтьми,—Алексѣемъ и Ириною, и еще съ сыномъ Іоанномъ, который у него родился отъ прежняго законнаго брака и котораго онъ увезъ съ собою изъ Византіи, — оставался онъ до самаго возвращенія своего къ императору Мануилу: событіе, о которомъ мы скажемъ въ исторіи въ свое время и въ приличномъ мѣстѣ, для того, чтобы представить и послѣдующія дѣянія Андроника и свой разсказъ о нихъ въ связи и совокупности. Много разъ и часто Мануилъ покушался поймать Андроника и старался погу-

([1]) Городъ въ Каппадокіи, на границахъ Малой Арменіи.

бить его, но всѣ его попытки оставались безуспѣшными. Долго странствовавшій и много перенесшій Андроникъ безъ труда отклонялъ отъ себя всѣ удары и, легко избѣгая сѣтей, которыя часто ему разставлялись и передъ нимъ раскидывались, оставался неуловимымъ.

6. Теперь нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Большая часть государей бываютъ крайне боязливы и чрезвычайно подозрительны, и, подобно смерти, хаосу и эреву, находятъ удовольствіе въ умерщвленіи людей благородныхъ и въ погибели всякаго человѣка высокаго и великаго. Они совершенно походятъ на высокія сосны, вверху покрытыя зеленью. Какъ эти сосны и при небольшомъ вѣяніи вѣтра колеблютъ и шелестятъ иглами вѣтвей своихъ, такъ точно и они и человѣка, знаменитаго богатствомъ, подозрѣваютъ, и отличнаго мужествомъ боятся. Будетъ ли кто красивъ собою какъ статуя, прославится ли кто столько краснорѣчіемъ, что достоинъ быть предводителемъ музъ, явится ли кто съ любезнымъ и милымъ характеромъ — все это не дастъ Вѣнценосцамъ спать и покоиться, но отнимаетъ у нихъ сонъ, отравляетъ ихъ удовольствія, лишаетъ ихъ радостей и не позволяетъ ни о чемъ думать. Они и самую природу — создательницу порицаютъ за то, что она образовала и другихъ людей способными царствовать, а не ихъ первыхъ и послѣднихъ создала прекраснѣйшими людьми. Такимъ образомъ они часто идутъ вопреки волѣ Провидѣнія и часто возстаютъ противъ Бога, истребляя изъ среды людей и закалая,

какъ жертву, всякаго человѣка отличнаго. И все это для того, чтобы имъ можно было спокойно тратить и, какъ отцовское наслѣдство, расточать государственные доходы единственно на свои прихоти,—чтобы съ людьми свободными можно было поступать, какъ съ рабами, и съ тѣми, которые иногда достойнѣе ихъ царствовать, обращаться какъ съ невольниками. Облеченные властію, они совершенно теряютъ здравый разумъ и глупо забываютъ то, что было за три дня. Такъ было и съ Мануиломъ. Онъ ни въ чемъ не могъ обвинять Протостратора Алексѣя, такъ какъ Алексѣй ни чѣмъ рѣшительно не огорчилъ и не обезпокоилъ его, ни насколько не измѣнилъ должной вѣрности и расположенности, и вполнѣ заслужилъ полученныя отъ него благодѣянія. Тѣмъ не менѣе, увлекшись, какъ человѣкъ, наговорами нѣсколькихъ негодныхъ людей, онъ по одному лишь подозрѣнію,—оттого, что видѣлъ, что Алексѣя любятъ и военачальники и солдаты, что онъ ко всѣмъ щедръ и великодушенъ, а можетъ быть и потому, что втайнѣ сгаралъ желаніемъ воспользоваться его богатствомъ,—во время пребыванія своего въ Сардикѣ, захватываетъ Алексѣя, еще прежде наступленія разсвѣта, когда тотъ еще почивалъ на ложѣ вмѣстѣ съ своею супругою, и не только лишаетъ его всего имущества, но и постригаетъ въ монахи и заключаетъ въ одномъ изъ монастырей на горѣ Папикіѣ (¹). А чтобы этотъ поступокъ царя не оставался съ его стороны безъ всякаго

(¹) Эта гора близъ рѣки Стримона, какъ видно изъ описанія Киннама (цар. Мануила кн. 6. 6), и слѣд. въ Македоніи.

предлога, не казался явною и гнусною несправедливостію, — наготовѣ были доносчики—клеветники, послушные тѣмъ, отъ кого были подставлены. Они обвиняли Алексѣя въ колдовствѣ противъ царя, ужъ конечно столько сильномъ и дѣйствительномъ, что оно дѣлало человѣка летающимъ и совершенно невидимымъ для того, на кого онъ вздумалъ бы напасть съ мечемъ въ рукахъ, — и въ другихъ пошлыхъ и для здравыхъ ушей несносныхъ нелѣпостяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя нѣкогда выдумали и взвели на Персея Эллины. Главнымъ между клеветниками былъ, какъ говорили, нѣкто Ааронъ Исаакъ, родомъ Коринѳянинъ, отлично изучившій латинскій языкъ въ то время, какъ вмѣстѣ съ другими соотечественниками отведенъ былъ плѣнникомъ въ Сицилію, и состоявшій теперь при царѣ толмачемъ этого языка. Жена Алексѣя — дочь Порфиророднаго Алексѣя, первороднаго между братьями Мануила, любившая своего мужа и цѣнившая цѣломудріе, какъ ни одна изъ женщинъ, — красавица и свѣтлое украшеніе женщинъ въ своемъ царскомъ родѣ, любимый предметъ разговора у всѣхъ, — порывалась было лишить себя жизни. Но когда это ей не удалось, она припала къ ногамъ дяди и царя и, рыдая сильнѣе и жалостнѣе орла, печальнѣе змѣи и болѣзненнѣе алкіона, умоляла его возвратить ей мужа, свидѣтельствуясь Богомъ и всѣмъ, что есть страшнаго и святаго у людей благочестивыхъ, — что ея мужъ вѣрный слуга царю и совершенно невиненъ. Но она не могла перемѣнить мыслей императора и уничто-

жить того, что у него было уже опредѣлено и рѣшено, хотя и до слезъ тронула его своимъ печальнымъ видомъ, умоляющими тѣлодвиженіями и жалобными словами. Съ тѣхъ поръ, проводя жизнь въ слезахъ, она, подобно цѣломудренной горлицѣ, ворковала по своей прежней долѣ и, поднимая жалобный крикъ, оплакивала свое одиночество. Отъ этого-то, поглощенная чрезмѣрною скорбію, она сошла съ ума, и, истаевая мало по малу, наконецъ совсѣмъ увяла, оставивъ по себѣ двухъ сыновей. А Алексѣй, облекшись въ черную мантію, находилъ для себя утѣшеніе въ Божественной любви, стремясь къ высочайшему благу и, подобно орлу, парящему подъ облаками, презирая все земное. Когда онъ былъ окруженъ большимъ богатствомъ и наслаждался мірскими удовольствіями, онъ былъ большой охотникъ до мясной пищи, любилъ лакомыя блюда и роскошные пиры, такъ что даже въ постные дни, т. е. въ среду и пятницу, ему подавали мясную пищу, если въ эти дни случался праздникъ—господскій, или совершалась память славнаго мученика или какого-нибудь слуги Христова. А теперь онъ употреблялъ пищу изъ зелени, питался плодами, съ наслажденіемъ ѣлъ кушанья самыя простыя, любилъ и совсѣмъ ничего не ѣсть, и только изрѣдка, въ дни праздничные, съ особымъ удовольствіемъ употреблялъ пищу рыбную. При этомъ, вспоминая о прежнихъ изысканныхъ кушаньяхъ и объ искуственномъ приготовленіи мяса, онъ все, что говорятъ люди прожорливые и любящіе ѣсть мясо, ссылаясь на то, что они не могутъ воздержи-

ваться, — называлъ притворствомъ чрева и обманомъ сластолюбія. Всякаго рода пища, говорилъ онъ, можетъ поддерживать наше тѣло и способствовать къ его благосостоянію.

Что же любезная богиня правосудія? Уже ли она, многоногая и многорукая, остроглазая и всевидящая, надѣленная ушами чуть не до пятъ, ужели или не замѣчаетъ или не обращаетъ вниманія, или и совсѣмъ оставляетъ безъ наказанія безстыдныя клеветы и обвиненія, взносимыя на честныхъ людей? О, нѣтъ! Она и теперь показала, что видитъ все, что̀ совершается въ самомъ отдаленномъ уголкѣ земли, и слышитъ все, что говорится шопотомъ. Разгнѣвалась ли она и на царя, за его беззаконный поступокъ, объ этомъ теперь не время говорить. Во всякомъ случаѣ Мануилу, какъ человѣку умному и образованному, а не безграмотному, не слѣдовало слишкомъ много безпокоиться буквою—А и заключать по ней, что Алексѣй будетъ его преемникомъ, и отыметъ у него власть. Напротивъ, ему надлежало предоставить бразды правленія Тому, Который говорить о себѣ, что Онъ есть А и Ω и —начало и конецъ, какъ объ этомъ учитъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ; ибо у Бога нѣтъ недостатка въ А. (7). Что же касается клеветниковъ,—они не избѣжали мщенія правосудія: каждому изъ нихъ оно назначило своего рода наказаніе; а Аарона подвергло особенно тяжкой казни, опутавъ его собственными его сѣтьми. Спустя не много времени, дознано было, что онъ занимается волшебствомъ; у него было открыто изображеніе

черепахи, вмѣщавшей въ себѣ человѣческую фигуру, у которой обѣ ноги были въ кандалахъ, а грудь насквозь пронзена гвоздемъ. Кромѣ того онъ уличенъ въ перелистываніи книги Соломоновой, а раскрытіе и чтеніе этой книги вызываетъ и собираетъ легіоны демоновъ, которые безпрестанно спрашиваютъ, за чѣмъ они призваны, быстро приводятъ къ концу данныя имъ порученія и усердно исполняютъ приказанія. Но не за одно это Ааронъ былъ задержанъ: была и другая причина. Однажды онъ передавалъ царю вѣсти, принесенныя послами, прибывшими отъ народовъ западныхъ. Замѣтивъ, что эти вѣсти не противны волѣ царя, онъ при одномъ изъ вопросовъ сталъ укорять пословъ за то, что они легко и скоро на все соглашаются и подучалъ ихъ воспротивиться предложенному теперь требованію и не такъ легко и не тотчасъ на него соглашаться, представляя, что чрезъ это они и у царя пріобрѣтутъ большую дружбу и у своихъ соотечественниковъ получатъ больше чести. Когда разговоръ кончился, эти наставленія и противозаконные совѣты Аарона, прикрытые незнакомымъ для царя языкомъ, оставались ему неизвѣстными. Но царица, будучи родомъ латинянка, и вполнѣ понимавшая латинскую рѣчь, оставшись наединѣ, стала перебирать въ своемъ умѣ предложенные вопросы и открыла все императору. Царь, услышавъ объ этомъ, сильно разгнѣвался на Аарона, приказалъ ослѣпить его и лишить всего имущества. Этотъ Ааронъ, какъ человѣкъ злой и отъ самой природы получившій несчастную наклон-

ность къ злодѣяніямъ, впослѣдствіи совѣтовалъ Андронику, когда тотъ насильно овладѣлъ властію,—чтобы онъ не довольствовался ослѣпленіемъ своихъ противниковъ, но или осуждалъ всѣхъ на смерть, или подвергалъ болѣе тяжкимъ наказаніямъ. И для подтвержденія своихъ словъ указывалъ на свой собственный примѣръ, говоря, что вотъ онъ и живетъ, и движется, и дышетъ, и говоритъ, и можетъ быть хорошимъ совѣтникомъ, и что не только руками, но и однимъ языкомъ, точно также, какъ и острымъ мечемъ, можетъ отсѣчь голову врагу. Подавалъ онъ Андронику еще и другіе глупые и безчеловѣчные совѣты и чрезъ то побуждалъ этого крайне раздражительнаго и капризнаго старикашку болѣе и болѣе находить наслажденіе въ убійствахъ. Но эти совѣты и наставленія принесли горькій плодъ виновнику ихъ Аарону: въ награду за нихъ Исаакъ Ангелъ, тотъ самый, который впослѣдствіи лишилъ власти Андроника, отрѣзалъ у него языкъ, спѣша истребить и уничтожить изливавшійся изъ него ядъ.

А царь Мануилъ гнѣвно взглянулъ и справедливо вознегодовалъ на Сиѳа Склира и на Михаила Сикидита, и въ слѣдствіе того приказалъ выколоть имъ глаза раскаленнымъ желѣзомъ за то, что эти два человѣка, подъ предлогомъ занятія Астрономіею, занимались на самомъ дѣлѣ магіей и другими дьявольскими обманами. Такъ Склиръ влюбился въ одну взрослую дѣвушку и явно соблазнялъ ее; но, встрѣчая съ ея стороны пренебреженіе и презрѣніе, онъ чрезъ одну свод-

ню посылаетъ ей персикъ. Дѣвица, положивъ персикъ за пазуху, начинаетъ съ ума сходить отъ любви, разгарается неистовымъ страстнымъ пожеланіемъ и наконецъ растлѣвается Склиромъ. Тогда родственники дѣвушки, негодуя на такое ея униженіе, стали громко кричать противъ Склира, какъ человѣка, который вооружаетъ противъ дѣвицъ демоновъ и, подобно змѣю—первому виновнику зла, обольщаетъ ихъ плодомъ дерева и, какъ изъ Эдема, удаляетъ отъ жизни цѣломудренной. Вслѣдствіе этого Склиръ поневолѣ сдѣлался несчастнымъ супругомъ, и съ тѣхъ поръ совсѣмъ уже не видѣлъ ту, на которую преступно взглянулъ. А Сикидитъ какими-то таинственными средствами омрачалъ и зрячихъ людей, не давая имъ видѣть предметовъ дѣйствительныхъ, и вводилъ въ обманъ глаза зрителей, насылая цѣлыя фаланги демоновъ на тѣхъ, кого хотѣлъ устрашить. Такъ однажды случилось ему смотрѣть съ высокаго во дворцѣ мѣста на море въ то время, какъ проходила лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Обратясь къ бывшимъ съ нимъ зрителямъ, Сикидитъ спросилъ, какую бы они дали ему награду, если бы онъ сдѣлалъ, что лодочникъ вдругъ сойдетъ съ ума, встанетъ со скамейки, броситъ греблю и перебьетъ въ дребезги свою посуду? Когда тѣ изъявили согласіе на все, чего онъ отъ нихъ просилъ, хозяинъ лодки, спустя не много времени, дѣйствительно всталъ съ своего мѣста и, взявши въ руки весло, началъ колотить посуду и не прекратилъ этого занятія до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ее въ прахъ.

Смотрѣвшіе на это сверху надрывались отъ смѣха и считали случившееся за чудо; а лодочникъ, вскорѣ послѣ того, взявшись обѣими руками за бороду, горько зарыдалъ и, очнувшись отъ омраченія, сталъ еще болѣе оплакивать себя, какъ человѣка сумасшедшаго. Когда же у него спрашивали, отъ чего онъ такъ поступилъ съ своимъ товаромъ, онъ съ горестію разсказывалъ, что въ то время, какъ все его вниманіе было обращено на весла, онъ вдругъ увидѣлъ страшнаго, кроваваго цвѣта и съ огненнымъ гребнемъ змѣя, который, растянувшись надъ сосудами, пристально устремилъ на него глаза, на подобіе неумолимыхъ драконовъ, и собирался проглотить его; и что этотъ змѣй не прежде пересталъ извиваться, какъ когда уничтожена была вся посуда, а потомъ вдругъ исчезъ изъ виду и какъ будто вылетѣлъ у него изъ глазъ. Таковъ этотъ случай, а вотъ еще и другой. Однажды Сикидитъ, мывшись въ банѣ, поссорился съ бывшими тамъ вмѣстѣ съ нимъ другими людьми и вышелъ въ передбанникъ. Спустя не много времени, въ сильномъ испугѣ и сбивая другъ друга съ ногъ, выбѣжали оттуда и всѣ прочіе, и, едва переводя духъ, разсказывали, что изъ крана, чрезъ который проходитъ горячая вода, выскочили какіе-то люди чернѣе смолы и пинками по заднимъ частямъ тѣла вытолкали ихъ изъ бани. За эти-то и за другія болѣе преступныя дѣла оба они были лишены зрѣнія, но сами оставались въ живыхъ. Изъ нихъ Сиѳъ опять обратился къ прежнимъ занятіямъ, а другой, постригшись въ монахи, написалъ впо-

слѣдствіи сочиненіе о святыхъ таинствахъ, въ которомъ изблевалъ, какъ человѣкъ недостойный Божественныхъ даровъ, всѣ свои мерзости.

Славнымъ также дѣломъ этого царя было и слѣдующее. Азіятскіе города, Хліара, Пергамъ и Атрамитій много страдали отъ Персовъ, такъ какъ пограничныя области прежде мало были заселены, обитаемы были лишь по деревнямъ, и оттого легко подвергались грабежу непріятелей. Императоръ и эти города укрѣпилъ стѣнами, и открытыя сосѣднія равнины оградилъ крѣпостями. Оттого теперь эти маленькіе города такъ славятся многочисленностію жителей и всѣми удобствами къ покойной жизни, что даже превосходятъ многіе цвѣтущіе города. Воздѣланныя поля стали приносить теперь обильные плоды и рука вертоградаря вездѣ насадила всякаго рода плодоносныя деревья, такъ что пустыня, скажемъ вмѣстѣ съ Давидомъ, преобразилась въ пристанище водъ и земля, прежде необитаемая, сдѣлалась мѣстомъ многолюднымъ. Если есть между дѣлами, задуманными и совершенными Мануиломъ во все время его царствованія надъ Римлянами, если есть дѣла особенно великія и для государей выгодныя, то конечно это его дѣло нужно признать самымъ славнымъ и самымъ общеполезнымъ. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, проходя тѣми мѣстами, и зная, какъ дика была эта страна, и какихъ людей укрывала она, — людей болѣе безпощадныхъ, чѣмъ вооруженный дубиною Перифитъ, болѣе жестокихъ, чѣмъ сгибавшій сосны Синнисъ и Ски-

ронъ ([1]), которыхъ нѣкогда умертвилъ Тезей,— кто не воздѣнетъ къ небу рукъ за этого императора и не пожелаетъ ему вѣчнаго наслѣдія въ Эдемѣ и мѣста злачнаго и покойнаго?—Эти крѣпости получили и свое, приличное имъ, названіе—онѣ называются Νεοκάστρα—новыя крѣпости,—имѣютъ своего правителя, посылаемаго изъ Византіи и доставляютъ царскому казнохранилищу ежегодный доходъ.

([1]) Перифитъ, Синнисъ и Скиронъ—это имена прославленныхъ въ древности разбойниковъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

1. Такъ какъ Пэонійцы снова нарушили свою клятву, то противъ нихъ опять начинается война; и теперь эта война, на время прекратившаяся и, казалось, совсѣмъ погасшая, разрослась какъ плодоносная нива счастливца-богача, требующая особенно сильныхъ жнецовъ. Лишь только наступило время, удобное для похода, царь отправляется въ Сардику, куда приказано было собраться и войскамъ, назначеннымъ въ походъ противъ Пэонійцевъ. Войска собирались, а между тѣмъ царь слышитъ, что надъ аркою, устроенной въ западной части Константиновой площади, издавна стояли двѣ мѣдныхъ статуи, изображающія женщинъ, изъ которыхъ одна называлась Римлянкою, а другая Венгеркою, — но что теперь отъ все-измѣняющаго времени, статуя, получившая свое названіе отъ имени Римлянъ, упала съ своего основанія, а другая стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Подивившись этому разсказу, императоръ тотчасъ приказалъ первую статую возстановить, а другую свергнуть и опрокинуть, полагая, что такимъ измѣненіемъ въ положеніи статуй онъ

имѣнитъ и преобразуетъ и самый ходъ дѣлъ, именно дѣла Римлянъ возвыситъ, а дѣла Пэонійцевъ приведетъ въ упадокъ. Когда войска собрались, царь предложилъ на обсужденіе, — слѣдуетъ ли ему самому участвовать въ походѣ противъ Пэонійцевъ, или лучше поручить начальство надъ войсками какому-нибудь вождю, и такимъ образомъ отмстить непріятелю. Всѣ подали мнѣніе, чтобы царь оставался въ Сардикѣ, предоставивъ главное начальство на войнѣ вождямъ изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобы, при неизвѣстномъ исходѣ дѣлъ, и стыдъ пораженія былъ менѣе чувствителенъ и побѣда была тѣмъ славнѣе и блистательнѣе, такъ какъ и то и другое случится въ отсутствіе императора. Въ слѣдствіе этого предводителемъ всего войска назначается начальникъ флота Андроникъ Контостефанъ. Когда же войска готовились выступить изъ Сардики, царь, ставъ на такомъ мѣстѣ, откуда его легко могли слышать, произнесъ прекрасную, сильную и убѣдительную рѣчь. Самого Контостефана онъ ободрялъ на предлежащій ему подвигъ военачальника и съ этою цѣлію не только изложилъ правила тактики, но указалъ и время нападенія, и роды вооруженія, и виды боеваго порядка. А второстепенныхъ по немъ начальниковъ, иларховъ и все вообще войско воодушевлялъ къ бою, приводя на память ихъ прежніе подвиги и убѣждая примѣрами — спѣшить и мужественно идти на предстоящія опасности, положить всему, при помощи Божіей, счастливый конецъ и возвратиться съ блистательными трофеями. А за то, что они такъ про-

славятъ его и, не смотря на его отсутствіе, доставятъ ему побѣду надъ варварами, обѣщалъ и съ своей стороны щедро наградить ихъ. Войско и тогда, какъ еще говорилъ императоръ, своимъ вниманіемъ и молчаніемъ показывало уже, что оно охотно слушаетъ и съ удовольствіемъ принимаетъ его слова. А когда онъ пересталъ говорить, оно еще яснѣе обнаружило свое сердечное расположеніе и душевный восторгъ, и очарованное сладостію его рѣчей, казалось, совершенно забыло о всѣхъ тягостяхъ, которыя оставались на памяти отъ прежнихъ войнъ. Оно привѣтствовало императора восторженными восклицаніями, высказывало готовность подвизаться до послѣднихъ силъ, и громко кричало, чтобы предводитель, нисколько немедля, велъ его противъ враговъ. Во время этого восторженнаго состоянія войскъ, вдругъ поднимается въ лагерѣ неясный шумъ: кто-то изъ Пэонійцевъ, гнавши изо всѣхъ силъ лошадь и несшись во всю прыть, упалъ вмѣстѣ съ лошадью и повергся лицемъ на землю. Узнавши объ этомъ, царь и самъ обрадовался и всѣмъ другимъ внушалъ бодрость, принимая этотъ случай за благопріятное предзнаменованіе и побуждая всѣхъ радоваться, какъ бы о счастливомъ уже окончаніи войны. Такимъ образомъ царь остался на мѣстѣ и молилъ Бога Спасителя, чтобы Онъ былъ вождемъ его войскъ, а Андроникъ, принявъ начальство надъ войскомъ, выступилъ оттуда со всѣми силами и, спустя нѣсколько дней, переправившись чрезъ Саву и Дунай, вступилъ въ Зевгминъ. Пэонійцы однако

не испугались этого. Созвавъ свои отряды, набравъ не мало и вспомогательнаго войска у сосѣдственныхъ народовъ и даже, какъ слышно было, у самихъ Алемановъ, они назначили полновластнымъ вождемъ надъ войскомъ Діонисія, человѣка храбраго и неоднократно уже разбивавшаго непріятельскія фаланги, и затѣмъ съ гордою самонадѣянностію и хвастовствомъ двинулись въ походъ. А Діонисій, надменный прежними побѣдами, одержанными надъ Римлянами, лишь только услышалъ, что римское войско перешло Дунай, велерѣчиво говорилъ, что онъ опять навалитъ холмъ изъ костей падшихъ на войнѣ Римлянъ и, какъ прежде, изъ нихъ воздвигнетъ себѣ трофей,—такъ какъ и дѣйствительно онъ, какъ варваръ, сдѣлалъ нѣчто подобное, когда побѣдилъ Гавру и Врану, о чемъ мною уже сказано.

2. Когда наступилъ праздникъ мученика Прокопія (¹), Контостефанъ выводитъ войска на сраженіе. Самъ надѣвши панцырь и полное вооруженіе, онъ приказываетъ и всѣмъ другимъ сдѣлать тоже. Тогда каждый вывелъ свой отрядъ и построилъ его въ боевой порядокъ. Чело фаланги предводитель предоставилъ самому себѣ, правое крыло занялъ Андроникъ Лапарда, а лѣвое — другіе таксіархи, которыхъ предводитель взялъ съ собою на войну. Въ небольшомъ разстояніи отъ того и другаго крыла онъ расположилъ въ боевомъ порядкѣ и другія фаланги, для того, чтобы онѣ могли во время поспѣть на помощь утомленнымъ легіонамъ. Но между тѣмъ какъ Андроникъ располагалъ такимъ образомъ войско и

(¹) Память Великомученика Прокопія празднуется 8-го Іюля.

приготовлялъ его къ бою, вдругъ является посланный отъ царя съ грамотою, въ которой предписывалось отложить сраженіе въ этотъ день, какъ несчастный для дѣлъ воинскихъ, и перенесть его на другой, который и былъ назначенъ въ той же грамотѣ. Взявъ грамоту, предводитель положилъ ее къ себѣ за пазуху, не обратилъ вниманія на то, что въ ней писалось, и не открылъ бывшимъ съ нимъ военачальникамъ полученныхъ приказаній, но искусно ввелъ ихъ въ обманъ, заведя разговоръ о предметахъ постороннихъ. Отмѣнялся же назначенный день, какъ предзнаменующій несчастіе и рѣшительно невыгодный для сраженія — потому, что Мануилъ всѣ важнѣйшія и величайшія дѣла, въ которыхъ счастливый и несчастный исходъ зависѣлъ отъ Бога,—не знаю почему,—поставлялъ въ зависимость отъ взаимнаго соотношенія звѣздъ, отъ извѣстнаго ихъ положенія и движенія, и слова астрологовъ принималъ за изреченія оракуловъ. Но Андроникъ нисколько не обратилъ вниманія на это предписаніе, и зная, какъ много пользы не разъ приносило борцу и небольшое ободреніе со стороны того, кто натираетъ его масломъ, обратился къ войску, чтобы одушевить его къ наступающей битвѣ, съ слѣдующею рѣчью: «Римляне! помните о воинской доблести, помните и не допускайте ни одной мысли недостойной славы и настоящаго случая. Вы хорошо знаете, что и дикіе звѣри боятся нападать и въ испугѣ бѣгутъ, когда кто отважно наступаетъ на нихъ; а кто боится смѣло стать противъ нихъ, тѣхъ легко и заживо пожираютъ,

какъ лакомую пищу. Такъ и съ этими звѣроподобными варварами нужно быть неустрашимымъ, чтобы въ противномъ случаѣ, заболѣвъ безславнымъ недугомъ трусости,—не подвергнуться ихъ игу: трусость не спасаетъ, а губитъ,—это обыкновенное слѣдствіе пороковъ, которые противоположны добродѣтелямъ, хотя близки къ нимъ и какъ бы смежны съ ними. Ктому же не мы одни подвержены ранамъ и смерти,—и враги наши сдѣланы не изъ мѣди. Не они только покрыты желѣзными бронями и сидятъ на быстроногихъ коняхъ,—и у насъ все тоже, и мы сражаемся не съ обнаженными тѣлами. Пусть непріятели опытны въ войнѣ, но и мы не потеряли способности сражаться. У нихъ и у насъ одно и тоже устройство тѣла, одна и таже опытность въ войнѣ и одинаковое вооруженіе; — я не хочу теперь говорить о томъ, что на сколько мы превосходимъ варваровъ краснорѣчіемъ и образованностію, какъ люди искусные въ словѣ и неимѣющіе недостатка въ умственныхъ способностяхъ, на столько же выше ихъ и по военному искуству и по воинской дисциплинѣ. Да мы уже и состязались въ бою съ Пэонійцами, нападали на ихъ землю и опустошали ее. Сразимся же и теперь съ ними, какъ уже привыкшіе къ побѣдамъ, и тогда,—вѣрьте, мужи, вѣрьте, соратники, вы увидите вашихъ женъ и дѣтей. Тогда этотъ глубокій Дунай воздвигнетъ гласы гибнущихъ варваровъ и поглотитъ ихъ въ своихъ пучинахъ, а кровавыя волны его, катясь далѣе по странамъ, чрезъ которыя онъ протекаетъ, изумивъ жителей своею необы-

чайностію, громко разскажутъ о пораженіи Пэонійцевъ и возвѣстятъ о побѣдѣ Римлянъ. Но надобно также имѣть въ виду и то, что пославшій насъ на эту брань, совершенно положился на насъ, и ласкаясь пріятными надеждами, которыя мы внушили ему, давъ обѣщаніе подвизаться до послѣднихъ силъ, едва ли уже не считаетъ плѣнныхъ и не мечтаетъ о величіи побѣды. Не посрамимъ же и его, да не сдѣлаемъ зла и самимъ себѣ, упавъ духомъ предъ лицемъ опасности, которая не можетъ кончиться ничѣмъ, хуже смерти! Великія бѣдствія не любятъ отступать назадъ: здѣсь и немного уступить значитъ все погубить».

5. Сказавъ такую рѣчь, Андроникъ повелъ войска въ открытое поле. Противъ него выступаетъ съ своимъ войскомъ и Діонисій, съ веселымъ лицемъ, съ рукоплесканіями и радостію, какъ будто бы шелъ на игры. Отъ этого онъ даже не зналъ, что ему слѣдуетъ теперь дѣлать, не раздѣлилъ своей арміи на правое и лѣвое крыло и не распредѣлилъ ее на отряды и фаланги, но, стянувъ въ одну сплошную массу, сомкнутую твердою стѣною, наступалъ, какъ черное облако, полный дерзкаго высокомѣрія. Его знамя, прикрѣпленное къ толстому и высокому бревну, которое возили на колесахъ четыре пары воловъ, высоко развѣвалось въ воздухѣ. Эта сплошная масса враговъ, вся конная и вооруженная копьями, поистинѣ представляла страшное, ужасающее зрѣлище: и не только въ ней люди съ ногъ доголовы были превосходно вооружены, но и на самыхъ лошадяхъ

видны были діадимы на головѣ, кожаные ремни на плечахъ, налобники и нагрудники, защищавшіе ихъ отъ стрѣлъ. Когда войска стали сближаться, ржаніе коней и блескъ сіявшаго на солнцѣ оружія производили еще болѣе поразительное впечатлѣніе, возбуждая страхъ и удивленіе въ томъ и другомъ войскѣ. Около полудня войска сошлись почти на средину. Время казалось благопріятнымъ для сраженія, и Контостефанъ далъ знакъ ближайшимъ отрядамъ изъ праваго и лѣваго крыла ударить на задніе ряды непріятелей, въ особенности же приказывалъ коннымъ лучникамъ непрерывно бросать стрѣлы. Этимъ онъ думалъ поколебать и разстроить сплошныя фаланги Пэонійцевъ; потому что и теперь, какъ въ Гомеровомъ строю, «щитъ смыкался со щитомъ, шлемъ со шлемомъ, мужъ съ мужемъ,»—и лошади несли ровно свои головы. Тогда поднялось убійственное сраженіе на дротикахъ и войска стали волноваться, подобно движущемуся и воздымающему чешую дракону. Но Діонисій, какъ несокрушимая стѣна, шелъ впередъ, метая дротики и въ самаго Контостефана и въ ближайшее къ нему войско. Когда же Римляне встрѣтили его, то сначала нѣсколько времени бой продолжался на копьяхъ, съ той и другой стороны производили нападенія, и давали отпоры. Потомъ, когда копья были поломаны и на промежуткѣ между войсками изъ груды сломанныхъ рукоятей вдругъ образовалась какъ бы изгородь, съ обѣихъ сторонъ обнажили длинные мечи и, снова устремившись въ бой, продолжали сражаться. Когда же и это оружіе при-

тупилось, потому что и тѣ и другія войска закованы были въ мѣдь и желѣзо, Пэонійцы, оставшись безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, никакъ не воображали, что Римляне выдержатъ ихъ новое нападеніе. Но Римляне, схвативши желѣзныя булавы, которыя они обыкновенно всякій разъ брали съ собою на войну, стали поражать ими Пэонійцевъ. И эти удары, наносимые въ голову и лице, были очень удачны. Многіе, отуманенные ими, падали съ лошадей, а другіе истекали кровію отъ ранъ. Такимъ образомъ этотъ несокрушимый строй былъ наконецъ разорванъ, и тогда не было ни одного Римлянина, который бы не поражалъ и не повергалъ Пэонійца, или не обиралъ бы поверженнаго, или не надѣвалъ бы на себя другаго вооруженія, или не садился бы на коня, убивъ всадника. Когда же день склонился къ вечеру, послышались громкіе звуки трубы, подававшей условный знакъ къ отступленію; высоко развѣвавшееся на воздухѣ знамя Діонисія было уничтожено, въ Дунай введены были транспортныя суда и войско стало переправляться на другую сторону. Причиною была молва, разнесшаяся въ римскомъ лагерѣ и встревожившая военачальника, что Пэонійцы на другой день ожидаютъ къ себѣ значительное вспомогательное войско. Вслѣдствіе этого-то слуха, возникшаго не совсѣмъ безъ основанія, Андроникъ, послѣ счастливаго окончанія сраженія, тотчасъ же выступилъ оттуда.

Такъ побѣждены были Пэонійцы. Царь, услышавъ объ этой блистательной побѣдѣ, въ радости и восторгѣ приноситъ благодареніе Богу и, желая

извѣстить жителей царственнаго города о столь радостномъ событіи, тотчасъ же посылаетъ грамоты, громко провозглашающія побѣду. А чрезъ нѣсколько дней и самъ съ торжествомъ вступаетъ въ столицу, идя въ тріумфѣ отъ восточныхъ воротъ, которыми входили въ Акрополь. Предположивъ совершить по этому случаю блистательный тріумфъ, какъ по случаю величайшаго торжества и рѣшительной побѣды, онъ приказалъ заготовить все для тріумфальнаго шествія, въ самомъ великолѣпномъ видѣ. И точно, всюду развѣшены были дорогія ткани, обшитыя порфирою и испещренныя золотомъ, и граждане, словно ниспадающій съ высоты потокъ, со всѣхъ сторонъ стеклись на эту церемонію, покинувъ площади, домы, храмы, фабрики и всѣ вообще мѣста обширнаго города. Не было недостатка при этомъ торжествѣ и въ отрядѣ плѣнныхъ: многіе изъ нихъ проходили въ тріумфѣ, занимая собою зрителей и возвышая великолѣпіе процессіи. Общее удивленіе возбуждали и самые подмостки, устроенныя вдоль—по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой долженъ былъ проходить тріумфъ, и возвышавшіяся въ два и три этажа, равно какъ и крыши, наполненныя чрезвычайнымъ множествомъ свѣсившихся зрителей. Когда наступило время проходить и самому императору,—впереди его ѣхала серебреная, вызолоченная колесница, запряженная конями, бѣлыми какъ хлопья снѣга, а на ней стояла икона Богоматери, непобѣдимой защитницы и неодолимой соратницы царя. И не трещала ось подъ этою колесницею, потому что

она везла не мнимую дѣвственницу богиню Минерву ('), но истинную Дѣву, паче слова Слово по слову родшую. За тѣмъ слѣдовали знаменитые царскіе родственники, сенаторы, занимавшіе государственныя должности, и лица славныя своими достоинствами и почтенныя особеннымъ царскимъ благоволеніемъ. Наконецъ ѣхалъ самъ императоръ, сидя на гордомъ конѣ, во всей славѣ и величіи, облеченный во всѣ царскія украшенія. А подлѣ него ѣхалъ и виновникъ тріумфа Контостефанъ, котораго прославляли за побѣду, ублажали за счастливый бой. Вступивъ въ великій храмъ, и предъ всѣмъ народомъ воздавъ хвалу Господу, царь отсюда направилъ шествіе во дворецъ и затѣмъ, чтобы дать себѣ отдыхъ послѣ чрезмѣрнаго напряженія, сталъ забавляться конскими скачками.

4. И слѣдующую весну царь посвятилъ также отдохновенію. Когда же солнце миновало созвѣздіе рака и прошло созвѣздіе льва, когда Сиріусъ сталъ мало по малу сбавлять жаръ и уже печально проглядывала зима;-онъ выступаетъ въ западныя провинціи и поселяется въ городѣ Филиппа. До него дошелъ слухъ, что Сербскій сатрапъ,—то былъ Стефанъ Неманъ,-сдѣлался черезчуръ дерзкимъ, что, какъ человѣкъ безпокойный, онъ съ излишнею заботливостію занимается тѣмъ, что до него вовсе не касается, что, питая ненасытимое честолюбіе и желая прибрать въ тѣхъ

(') Указаніе на Иліаду (V, 835.), гдѣ говорится, что, когда Минерва вступила на Діомедову колесницу,—громко затрещала ось подъ ея тяжестію.

краяхъ все къ рукамъ своимъ, онъ тѣснитъ своихъ соплеменниковъ и мечемъ истребляетъ свой родъ и даже, не зная себѣ мѣры, старается захватить Хорватію и присвоить себѣ власть надъ Каттарами. По этому, желая на самомъ дѣлѣ удостовѣриться въ намѣреніяхъ Неемана, императоръ посылаетъ съ войскомъ Θеодора Падіата. Но у Топарха Неемана столько было вражды и гордости, что онъ тотчасъ же началъ войну и, не объявляя о ней, напалъ на Римлянъ. Когда же царь положилъ наказать его, онъ, показавшись не надолго на полѣ битвы, скрылся и снова искалъ себѣ убѣжища въ горахъ и спасенія на утесахъ. Затѣмъ мало по малу смиряясь и уменьшая прежнюю гордость, онъ наконецъ преклонилъ свою голову къ ногамъ императора, растянувшись во всю длину своего огромнаго роста, и молилъ о помилованіи. Онъ опасался, какъ бы ему не лишиться владычества надъ Сербами, и какъ бы его власть не перешла къ другимъ, которые болѣе его достойны начальствовать и которыхъ онъ низвергъ, послѣ того какъ самъ сдѣлался верховнымъ правителемъ. Вообще императоръ такъ легко управлялся съ этимъ человѣкомъ и такъ легко заставлялъ его обратиться къ прежней покорности, когда замѣчалъ, что онъ уклоняется отъ прямаго пути и смотритъ человѣкомъ независимымъ или предается на сторону короля Алемановъ, или пристаетъ къ Гуннамъ и вмѣстѣ съ ними выходитъ на добычу,—какъ не управляется и пастухъ съ небольшимъ стадомъ. А Нееманъ такъ боялся его, какъ не боятся и дикіе звѣри

своего царя—льва. Часто императоръ съ одною даже конницею и съ своею охранною стражею оставлялъ римскіе предѣлы и, лишь только устремлялся противъ него, тотчасъ же измѣнялъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, согласно съ своимъ желаніемъ.

Что же потомъ? Полюбился Мануилу дальній походъ. Услышавъ о необыкновенномъ плодородіи Египта и о всемъ, что производитъ Нилъ, этотъ податель плодовъ и обильной жатвы, локтями измѣряющій благополучіе (¹), онъ рѣшилъ положить на морѣ руку свою и на рѣкахъ десницу свою, чтобы увидѣть собственными глазами и осязать руками тѣ блага египетскія, въ которыя влюбился по слуху. И это замыслилъ онъ, не обращая вниманія на то, что все по сосѣдству съ нимъ было еще въ волненіи, и, хотя эти волненія подавлялись и погашались, но не уничтожались и не прекращались, а, подобно гидрѣ, вновь возникали. А побудило его къ тому неумѣстное славолюбіе и желаніе сравняться съ знаменитыми царями, которыхъ владѣнія нѣкогда простирались не отъ моря только и до моря, но отъ предѣловъ восточныхъ до столповъ западныхъ. Сообщивъ о своемъ намѣреніи іерусалимскому королю Америгу и не встрѣтивъ съ его стороны неодобренія своему замыслу, а напротивъ получивъ даже обѣщаніе, что онъ будетъ помогать ему въ этомъ

(¹) Очевидное указаніе на разлитіе Нила, которое измѣряется локтями и отъ котораго зависитъ урожай, или неурожай въ Египтѣ. По словамъ Плинія, самая лучшая мѣра возвышенія воды въ Нилѣ—16 локтей. При 12 локтяхъ бываетъ голодъ, при 13—недостатокъ, 14-ть развеселяютъ, 15-ть обезпечиваютъ, а 16-ть производятъ общую радость. Hofm. Lex. Univers. Tom. 3 p. 326.

предпріятіи, царь снаряжаетъ противъ Таміаѳа (¹) огромный флотъ, болѣе, чѣмъ въ двѣсти длинныхъ кораблей, въ числѣ которыхъ десять пришли изъ Епидамна, а шесть, и все быстрыхъ на ходу, поставлены были Евбейцами. Назначивъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми кораблями Великаго вождя Андроника Контостефана, онъ шестьдесятъ тріиръ поручилъ Ѳеодору Маврозуму и выслалъ его къ королю, съ тѣмъ, чтобы предувѣдомить его о скоромъ прибытіи остальнаго флота и самаго Контостефана, побудить его къ скорѣйшему заготовленію всего нужнаго для похода, а вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить къ нему и жалованье іерусалимскимъ всадникамъ, которые предполагали вмѣстѣ съ королемъ идти въ походъ на Египтянъ, противъ которыхъ собранъ былъ и римскій флотъ. А спустя не много времени, именно въ осьмый день мѣсяца іюля, выступаетъ и самъ Контостефанъ. Приплывъ къ Меливоту и здѣсь получивъ отъ царя, прибывшаго осмотрѣть флотъ, нужныя относительно своего дѣла наставленія, онъ спустя два дня выходитъ въ море, пріѣзжаетъ въ Килы, находящіеся около Систа и Авида, и сажаетъ на тріиры назначенное ему войско, составленное изъ римскихъ и иноземныхъ отрядовъ. А отсюда, когда подулъ благопріятный и попутный вѣтеръ, онъ, отвязавъ причалы и распустивъ паруса, направилъ путь къ Кипру. На этомъ пути встрѣтивъ шесть кораблей, высланныхъ египетскимъ эмиромъ для наблюденія, онъ два изъ нихъ взялъ, а остальные,

(¹) Это городъ Даміетта на западномъ берегу Нила.

которые и плыли не близко отъ него, ускоривъ бѣгъ, ушли.

5. Приставъ къ Кипру, Контостефанъ доноситъ о своемъ прибытіи королю и спрашиваетъ у него, угодно ли будетъ ему самому прибыть въ Кипръ, или онъ долженъ отправиться въ Іерусалимъ. Между тѣмъ король, подобно Епиметею (¹), который, говорятъ, думалъ о дѣлѣ не прежде, но послѣ дѣла, крайне жалѣлъ, что далъ согласіе непремѣнно помогать царю, и даже подстрекнулъ его, когда онъ замышлялъ походъ противъ Египтянъ. Поэтому онъ медлилъ и не разъ обдумывалъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ приглашаетъ Андроника прибыть въ Іерусалимъ, чтобы здѣсь вмѣстѣ разсмотрѣть, какъ имъ дѣйствовать общими силами. Контостефанъ прибылъ въ Палестину, но Америгъ опять сталъ медлить, и овладѣвшее имъ сильное раскаяніе смущало его душу. Онъ представлялъ много и другихъ пустыхъ извиненій, но, между прочимъ, ссылался также и на сборъ своего войска. Андроникъ огорчался этимъ уже и потому, что такимъ образомъ напрасно проходило благопріятное время, котораго ничѣмъ нельзя было воротить. Но особенно его безпокоила напрасная трата продовольствія на морскій экипажъ, такъ какъ царь назначилъ флоту содержаніе на три мѣсяца, начиная съ мѣсяца августа,—а тогда былъ на исходѣ сентябрь. Когда же рѣшено было выступить въ путь, король предпочелъ сухопутную дорогу морской и совѣтовалъ также поступить и Андронику. Онъ говорилъ,

(¹) Епиметей братъ Прометея.

что эта дорога гораздо удобнѣе и безопаснѣе, и что въ тоже время, идя этимъ путемъ, они легко и мимоходомъ овладѣютъ Туніемъ и Тенесіемъ— небольшими крѣпостями, признающими надъ собою власть египетскаго эмира. Эти крѣпости легко доступныя и въ нихъ не трудно проникнуть; онѣ лежатъ на плоской равнинѣ и ихъ жители большею частію исповѣдуютъ имя Христово. Андроникъ согласился съ благоразумными представленіями короля и отправился тою дорогою, которую онъ избралъ. Благополучно совершивъ промежуточный путь, они напали на крѣпости, о которыхъ мы сказали, и, овладѣвъ ими безъ боя,-такъ какъ въ нихъ не было ни значительнаго гарнизона, ни войска, достаточнаго для вступленія въ борьбу съ непріятелями,-продолжали путь далѣе. Соединившись съ флотомъ, который уже сложилъ весла и стоялъ у Таміаѳа на якорѣ, они имѣли здѣсь стычку съ Сарацинами, которые тотчасъ же высыпали изъ города и явились предъ ними съ оружіемъ. Но Римляне своимъ неустрашимымъ сопротивленіемъ привели ихъ въ такой ужасъ и смятеніе, что они съ крикомъ и шумомъ въ безпорядкѣ убѣжали въ ворота и не могли даже прямо взглянуть на Римлянъ. Это было въ тотъ самый день, когда и тріиры вошли въ Нилъ, и король прибылъ сухимъ путемъ. На слѣдующій день Сарацины опять собрались, въ намѣреніи сразиться съ Римлянами на неровномъ и нѣсколько покатомъ къ стѣнѣ полѣ, которое находилось передъ городомъ. Но и теперь они не устояли противъ Римлянъ. Они обыкновенно держались

отъ воротъ на разстояніи, сколько можно близкомъ, никогда не удаляясь отъ передовыхъ укрѣпленій, и тутъ сражались. А какъ только Римляне нападали на нихъ, они, чтобы не потерпѣть урона, предавались бѣгству и уходили въ ворота, не осмѣливаясь прямо вести на враговъ свою фалангу. Такой образъ войны, очевидно, направленъ былъ единственно къ тому, чтобы Римляне вдались въ обманъ и, обольщаясь несбыточными надеждами, напрасно потратили время. Поэтому, спустя нѣсколько времени, Андроникъ придвинулъ осадныя машины и сталъ ими разбивать стѣну. Это было не безъ труда и опасности, потому что варвары поражали сверху и недопускали до работы тѣхъ, которые пытались привесть машины въ дѣйствіе, сыпали на нихъ стрѣлы гуще снѣга и изобрѣтали разныя средства къ спасенію стѣны. При всемъ томъ, онъ успѣлъ разрушить верхнюю часть стѣны, на которой сооруженъ былъ знаменитый храмъ, посвященный Богоматери. Жители города разсказывали, что тутъ остановилась и жила Матерь-Дѣва съ Іосифомъ обручникомъ въ то время, какъ они бѣжали въ Египетъ, укрываясь отъ дѣтоубійцы Ирода. Поэтому Сарацины смѣялись надъ Римлянами, и осыпали ругательствами Андроника за то, что онъ не пощадилъ храма, въ которомъ Христіане, собираясь, совершаютъ свои таинства, возносятъ молитвы и воспѣваютъ благодарственныя пѣсни. Но такъ какъ и при этомъ Андроникъ не достигалъ того, что имѣлъ въ виду, то рѣшился испытать заключившихся внутри города сильнѣйшимъ приступомъ.

Пришедши къ королю для совѣщанія, онъ настоятельно убѣждалъ и его вывести войско, обложить всю стѣну и, если дѣло пойдетъ удачно, воспользоваться лѣсницами, и взлесть на верхъ. Король одобрялъ слова Андроника и боготворилъ его за мудрые планы, но, клянясь гробомъ Христовымъ, утверждалъ и увѣрялъ, что приступитъ къ дѣлу только тогда, когда будутъ построены и придвинуты къ стѣнамъ деревянныя башни. И объявивъ это, онъ приказалъ рубить пальмы, росшія около города, и выравнивать ихъ въ вышину башенъ. И точно, повалились высокія, покрытыя вверху листьями, пальмы, опустошались рощи деревъ и весь лѣсъ истреблялся; но ни отдѣлка брусьевъ для башенъ, ни ихъ связь и полное устройство нигдѣ не приходили къ концу. Король тянулъ дѣломъ, постоянно откладывая его назавтра, и неисполняя того, что было рѣшено. Видя это, Андроникъ скорбѣлъ,-что ему только и оставалось, и сожалѣлъ о войскѣ. Оно уже терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и подвергалось опасности умереть съ голоду. У однихъ не было и овола на покупку необходимаго для жизни, а другіе негодовали на то, что, не имѣя собственнаго рынка, они за большія деньги, платимыя королевскимъ поставщикамъ, получали мало съѣстныхъ припасовъ. Ктому же войско жаловалось и роптало оттого, что условленное время похода давно прошло. Но больше всего оно тяготилось напрасною и безполезною осадою, продолжавшеюся болѣе пятидесяти дней.

6. Андроникъ, не имѣя возможности пред-

принять что либо, такъ какъ царскія грамоты рѣшительно ничего не дозволяли ему начинать безъ одобренія короля, оставался въ бездѣйствіи и ожидалъ приказаній отъ короля. Но съ теченіемъ времени онъ понялъ изъ его дѣйствій, что этотъ человѣкъ не замышляетъ ничего добраго и хорошаго, что онъ отнюдь не помогаетъ и не содѣйствуетъ ему. Онъ увидѣлъ, что войско находится въ опасности испытать тяжкія и безвыходныя бѣдствія, потому что голодъ усиливается и страшно свирѣпствуетъ, такъ что нѣкоторые принялись за негодную къ употребленію пищу, а всѣ вообще ѣли корни, срывали съ пальмъ листья и, сваривъ ихъ, приготовляли для себя столъ. Не добрыя къ тому же присоединялись и вѣсти, именно, что къ осаждаемымъ скоро придетъ вспомогательное войско отъ египетскаго султана и отъ восточныхъ арабовъ, и что близка уже огромная ассирійская конница, нанятая за большую цѣну. Вслѣдствіе всего этого Андроникъ не сталъ болѣе говорить на ухо мертвому, пренебрегъ латинскою спѣсью и рѣшился одинъ выступить на состязаніе и испытать жребій войны. Собравъ войско, онъ сказалъ: «и здѣсь долго оставаться невыносимо тяжело и возвращаться отсюда съ пустыми руками-крайне стыдно, не нанесши никакого пораженія тѣмъ, противъ которыхъ мы пришли. Но хуже того и другаго и дѣло явно безумное—повиноваться человѣку, который не только ни въ чемъ не сочувствуетъ Римлянамъ, но и расположенъ къ нимъ не лучше враговъ. Не видите ли, что король, нашъ сорат-

никъ и союзникъ, поставивъ свой лагерь вдали отъ нашего, отнюдь не выходитъ оттуда, какъ будто бы онъ былъ приглашенъ нами на праздничное отдохновеніе и въ зрители, а не для того, чтобы сражаться? Не такъ ли поступаютъ и наши враги, когда избѣгаютъ битвы и не выходятъ изъ-за-воротъ для сраженія? Поэтому я начинаю теперь бояться не того, что мы уйдемъ отсюда, не сдѣлавъ ничего хорошаго, но того, какъ бы не лишиться возможности спасти наши души. И не о томъ дума и забота теперь у меня, чтобы съ нами сражался король, но о томъ, какъ бы избѣжать его козней, потому что онъ уже не таитъ и не скрываетъ своихъ тайныхъ замысловъ,-какъ бы отвратить угрожающую опасность и уйти отсюда, не испытавъ несчастія. Быть можетъ, у Египтянъ изобрѣтены теперь и новые составы, которые сильнѣе прежнихъ и могутъ не только утишать печали и врачевать раны души нежданными восторгами, каковъ былъ нѣкогда составъ, прогоняющій печаль и наводящій забвеніе всѣхъ золъ, который дала Еленѣ жена Ѳона, но и людей воинственныхъ могутъ дѣлать женоподобными и непомнящими мужества. И, можетъ быть, съ такимъ-то составомъ чашу Египтяне предложили Америгу, и онъ, очарованный, какъ нужно полагать, напиткомъ и упившись имъ до опьяненія, погрузился въ глубокій и долгій сонъ. И вотъ щитъ у него на гвоздѣ, мечь спитъ въ ножнахъ, копье воткнуто остріемъ въ землю. Или если не это, такъ онъ отравленъ серебромъ и оттого перемѣнилъ свои

мысли; уши у него заложены золотомъ и онъ, ласкаемый пріятнымъ его щекотаніемъ, превратился въ глухаго. Пропалъ теперь договоръ о вспомоществованіи Римлянамъ, который онъ заключилъ съ царемъ, чтя его одними лишь устами, а сердцемъ будучи далекъ отъ него. А мы окружены столькими бѣдствіями и умираемъ отъ войны и отъ голода; слава Римлянъ въ насъ погибаетъ и блистательные подвиги померкли. Лучше бы намъ было не войти въ здѣшнія пристани, переплывъ безбрежныя и безпредѣльныя моря, чѣмъ уходить отсюда, ничего не сдѣлавъ. Вѣдь теперь придется намъ окрылить корабли не бѣлыми парусами, съ какими мы приплыли изъ Византіи, а совсѣмъ черными, ради мрачности нашего позора. Но, соплеменники и соратники, и вы всѣ, присутствующіе здѣсь иноземцы,-отдѣлимся отъ палестинскихъ всадниковъ, этихъ гордыхъ и высокомѣрныхъ людей, оказавшихся невѣрными Римлянамъ, и нападемъ на варваровъ; сдѣлаемъ приступъ къ стѣнамъ, будемъ сражаться такъ, какъ будто-бы мы состязались другъ съ другомъ изъ-за овладѣнія этимъ городомъ и употребимъ всѣ усилія, какъ будто-бы уже въ рукахъ у насъ было его богатство. Если стѣна служитъ варварамъ оплотомъ, и они сверху бросаютъ все, чѣмъ можно оборониться; то и у насъ есть щиты, которые не легко поднимаются мужами,- они больше знаменитаго щита Аяксова, сдѣланнаго изъ семи бычачьихъ кожъ, и выставляются впередъ какъ башни-щиты, которыхъ не только не прорвешь стрѣлами и не разсѣчешь мечами, но

несокрушишь и всѣми снарядами, какіе только бросаются изъ машинъ. Противопоставивъ ихъ, какъ крѣпкую ограду, мы немного будемъ думать о стѣнѣ и о тѣхъ, которые съ высоты ея сражаются. Итакъ, если хотите исполнить долгъ, то слѣдуйте теперь за мною, потому что и самъ я, вмѣстѣ съ вами, охотно подвергнусь всему, что ни будетъ. Я не попущу, чтобы могъ кто-нибудь сказать, что Андроникъ — большой мастеръ увлекать словами и возбуждать мужество, но вождь робкій и неумѣющій отразить врага. Нѣтъ, впереди васъ враги увидятъ чело моего шлема. И сражаясь, какъ и слѣдуетъ, впереди, я буду вашимъ вождемъ и назади, если и этого потребуютъ обстоятельства. Богъ же да совершитъ наши намѣренія, и да обратитъ всѣ бѣды на главу тѣхъ, которыхъ страну мы опустошаемъ».

7. Сказавъ это, онъ и самъ вооружился, и всѣ прочіе, оставивъ собраніе, облеклись во всеоружіе. Около третьяго часа дня, полки стали выступать, и Андроникъ, поднявшись съ мѣста, въ стройномъ порядкѣ повелъ ихъ впередъ, идя самъ отдѣльно впереди всего войска. А сарацины, обложивъ ворота замками и запорами, и выставивъ для защиты ихъ какія-то машины, стоя на стѣнахъ, всякаго рода оружіемъ отбивали нападающихъ, такъ что по всему пространству, на полетъ стрѣлы, не было проходу отъ снарядовъ, бросаемыхъ изъ-за стѣнныхъ брустверовъ, и отъ стрѣлъ, пускаемыхъ изъ луковъ. Не смотря, однакожъ, на такую оборону со стороны бывшихъ въ городѣ, и самъ Андроникъ, понудивъ коня, напра-

влялъ копье на ворота, и стрѣльцы, да и всѣ вообще выказывали мужество. Трубы непрестанно звучали, призывая къ бою, кимвалы гремѣли, такъ что находившіеся на стѣнахъ и башняхъ были приведены въ ужасъ общимъ нападеніемъ и приступомъ Римлянъ, и дѣйствіемъ разнородныхъ орудій. Но между тѣмъ, какъ уже придвигались во многихъ мѣстахъ и приставлялись къ стѣнѣ лѣстницы, вѣсть объ этомъ событіи доходитъ до короля и жестоко поражаетъ его. Словно самъ потерпѣвъ какое либо тяжкое и невознаградимое несчастіе, или какъ пораженный молніею, онъ довольно долго оставался нѣмъ. Наконецъ, едва оправившись отъ потрясенія, онъ потребовалъ коня, вскочилъ на него, явился предъ римскимъ войскомъ съ своими отборными полками и, остановивъ всѣхъ нападающихъ, убѣждалъ ихъ не сражаться съ людьми, которые давно объявили ему, что безъ кровопролитія сдадутъ и себя и городъ царю. Это слово, подобно рыбѣ гнюсу, связало руки у Римлянъ и остановило ихъ, когда они уже были близки къ тому, чтобы овладѣть городомъ. Самъ же король, вступивъ въ переговоры, заключилъ миръ, болѣе выгодный для потомковъ Агари, чѣмъ славный для Римлянъ. Но солдаты не обратили нисколько вниманія на то, каковы условія этого мира, но при одномъ слухѣ о немъ, вспомнивъ о возвращеніи на родину, самымъ дѣломъ показали, что необузданность моряковъ хуже огня, и тотчасъ уничтожили въ лагеряхъ всякій порядокъ. Безъ приказанія полководца они сожгли осадныя машины, сложили съ

себя большую часть оружія, взялись за весла, устремили взоры на неизмѣримое море, съ какимъ-то неистовствомъ бросались на корабли и не помышляли о зимнемъ и неудобномъ для плаванія времени,-тогда былъ четвертый день декабря. Теперь можно было видѣть, какъ этотъ многокорабельный флотъ заразъ входилъ въ пристань и какъ опять изъ ней выходилъ, раздѣлившись на тысячи частей, потому что одни хотѣли плыть въ одну сторону, другіе-въ другую, и всѣ направляли корабли къ своей родинѣ, такъ что въ пристани едва еще осталось шесть тріиръ, которыя должны были перевести Андроника. Но онъ отправился вмѣстѣ съ королемъ въ Іерусалимъ, взялъ здѣсь надлежащій конвой и чрезъ Иконію прибылъ въ Византію. А изъ того множества кораблей, одни, встрѣтивъ противные вѣтры, потонули вмѣстѣ съ людьми, а другіе, разсѣянные морскимъ волненіемъ, лишь съ наступленіемъ весны были введены въ городскія гавани. Не мало кораблей и совсѣмъ были покинуты своими пассажирами, — какъ скоро они достигли суши, и, подобно хароновымъ ладьямъ, предоставлены произволу непостоянныхъ волнъ. Вообще, не многіе изъ нихъ уцѣлѣли, спасшись и отъ волненія морскаго и отъ нерадѣнія мореплавателей. Что же касается Сарацинъ, они, какъ оказалось, устрашились нашествія на нихъ Римлянъ, и, желая на будущее время отвратить ихъ плаванія, отправили къ царю пословъ, послали высоко цѣнимые у нихъ дары и утвердили миръ.

8. Когда царица уже страдала и была близка

къ родамъ, для ней убрали покои и тщательно приготовили все, что нужно для рожденія младенца и принятія матери; а когда Илиоіи приступили къ родильницѣ,-ея помѣстили въ порфировой комнатѣ. Тутъ находился и царь; безпокоясь о своей супругѣ, онъ своимъ присутствіемъ облегчалъ ея страданія, но болѣе всего обращалъ взоры на того, кто наблюдалъ звѣзды и смотрѣлъ на небо. Когда же младенецъ вышелъ изъ утробы, и то былъ мальчикъ, а наука объявила, что онъ будетъ счастливъ, благополученъ и наслѣдуетъ отцовскую власть, тогда принесены были Богу благодарственныя молитвы, и весь народъ рукоплескалъ и ликовалъ. Чтобы возвысить торжественность дня рожденія и нареченія младенца, Мануилъ, по обыкновенію римскихъ царей, позвалъ на пиршество почетнѣйшихъ гражданъ съ масличными вѣтвями, и наименовалъ младенца Алексѣемъ. Онъ избралъ это имя не просто, и не по желанію почтить дитя именемъ прадѣда, но имѣя въ виду предсказаніе, сдѣланное по поводу вопроса о томъ, сколько продолжится рядъ царей изъ фамиліи Алексѣя Комнина. Предсказаніе же состояло въ словѣ αἶμα, которое, когда его раздѣляли на части и читали по буквамъ, ясно обозначало буквою А—Алексѣя, буквою I—Іоанна, двумя же послѣдующими-Мануила, и того, кто приметъ власть послѣ него. Когда дитя стало подрастать и, подобно цвѣтущему и сочному растенію, подниматься, царь перемѣнилъ свое прежнее намѣреніе, и присягу, которая прежде дана была дочери Маріи и ея жениху, Пэонійцу Алек-

сѣю, перенесъ на сына. По этому поводу и самъ царь, и тотъ, кому присягали, и всѣ дававшіе присягу собирались въ великомъ и славномъ храмѣ Богоматери во Влахернахъ. Передавъ, какъ полагалъ, чрезъ совершеніе присяги скипетръ сыну, царь, спустя не много времени, разлучаетъ дочь свою съ ея женихомъ Алексѣемъ, и обручаетъ его на родной сестрѣ жены своей, не задолго предъ тѣмъ прибывшей изъ Антіохіи съ братомъ Балдуиномъ. Между тѣмъ около этого времени венгерскій король умеръ. Мануилъ, считая его смерть счастливымъ случаемъ, тотчасъ же посылаетъ Алексѣя съ блистательною свитою и огромнымъ царскимъ багажемъ-принять власть надъ Пэоніею и царствовать надъ своими единоплеменниками. И Алексѣй безъ труда надѣлъ на себя королевскую корону, и безъ всякаго сопротивленія сталъ господствовать надъ всѣмъ народомъ. А царь началъ опять ревностно отыскивать мужа своей дочери. Не обращая нисколько вниманія на знаменитыхъ по роду Римлянъ, онъ старался узнать о владѣтеляхъ другихъ народовъ, кто изъ нихъ не женатъ и у кого есть сыновья, которые по смерти родителей наслѣдуютъ отцовскую власть. Преимущество предъ всѣми оказалось на сторонѣ Вильгельма, владѣтеля Сициліи. Поэтому царь сталъ посылать къ нему одного за другимъ пословъ, на что и тотъ, желая этого брака, отвѣчалъ съ своей стороны непрерывными посольствами, такъ что довольно долго шли пустые переговоры объ условіяхъ брака. По расположеніе царя къ этому супружеству и съ са-

маго начала было нерѣшительное, мысли его колебались и подвергались многимъ перемѣнамъ и превращеніямъ; а наконецъ онъ и совсѣмъ отступилъ отъ своего намѣренія, признавъ супружество съ Сицилійскимъ королемъ невыгоднымъ для Римлянъ. Такимъ образомъ дѣвица-царевна, хотя была сватана многими женихами, но, подобно Агамемновой Илектрѣ, долго грустила въ одиночествѣ среди царскихъ чертоговъ и, высокая ростомъ, какъ водяная тополь, тосковала по брачномъ ложѣ. Однакожъ послѣ долгихъ размышленій со стороны царя, она, наконецъ, вышла за-мужъ за одного изъ сыновей Маркиза Монферратскаго, юношу красиваго съ лица и очень миловиднаго, съ прекрасными свѣтлорусыми волосами и еще безбородаго, тогда какъ ей самой было уже за тридцать лѣтъ и она владѣла мужскою силою.

9. Достигши этого мѣста исторіи, я присоединю къ сказанному и слѣдующее. Есть на западѣ одинъ морской заливъ, называемый Адріатическимъ; находясь вдали отъ моря Сицилійскаго и составляя какъ бы рукавъ Іонійскаго, онъ лежитъ отдѣльно и сильно волнуется при сѣверномъ вѣтрѣ. Въ самомъ дальнемъ его углубленіи живутъ Енеты, которыхъ иные, по свойству языка, называютъ и Венетиками,—люди взросшіе на морѣ, скитальцы — промышленники, подобно Финикіянамъ, одаренные хитрымъ умомъ. Принятые нѣкогда Римлянами по нуждѣ въ людяхъ, способныхъ къ морской войнѣ, они цѣлыми толпами и семьями промѣняли свой отечественный городъ на Константинополь, а отсюда разсѣялись

и по всѣмъ римскимъ областямъ. Удерживая за собою только свое родовое имя, а во всемъ прочемъ породнившись съ Римлянами и сдѣлавшись для нихъ своими, они размножились и усилились, пріобрѣли огромное богатство и стали выказывать гордость и дерзость, такъ что не только враждовали съ Римлянами, но не обращали вниманія и на царскія угрозы и повелѣнія. Поэтому царь перемѣнилъ свое къ нимъ расположеніе и, частію вспоминая о Керкирскомъ оскорбленіи, частію вновь узнавая то о томъ ихъ нагломъ поступкѣ, то о другомъ еще худшемъ преступленіи, раздражавшимъ его душу, взволновался гнѣвомъ, какъ бурное и неукротимое море, когда дуетъ сѣверовосточный или сѣверный вѣтеръ. И какъ ихъ наглости, по его мнѣнію, превзошли всякое терпѣніе, то разосланы были по всей римской имперіи граматы, въ которыхъ повелѣвалось задержать Венеціанъ и назначался день, въ который должно было сдѣлать это, а равно и конфисковать ихъ имущество. Въ назначенный день, дѣйствительно, всѣ они были схвачены, а ихъ имущество частію отовсюду было внесено въ царскую сокровищехранительницу, большею же частію присвоено себѣ мѣстными начальниками. Между тѣмъ Венеціане, жившіе въ столицѣ и преимущественно не женатые, задумали бѣжать, и такъ какъ въ городской пристани стоялъ трехпарусный корабль, вмѣстительнѣе и болѣе котораго, говорятъ, не было никогда въ пристани, то они ночью взошли на него, подняли якори, и, распустивъ паруса, ушли. За ними погнались су-

да, снабженныя горючими веществами, и царскія тріиры, наполненныя людьми, носящими на плечахъ заостренныя съ одной стороны сѣкиры. Хотя эти суда и приблизились къ кораблю, но не могли ничего сдѣлать уже и потому, что вѣтеръ несъ корабль такъ, что онъ, казалось, летѣлъ, а не плылъ; главнымъ же образомъ они должны были отказаться отъ своего предпріятія по причинѣ огромной высоты корабля и отчаянной рѣшимости пловцевъ. Тогда Венеціане поплыли прямо въ свое отечество Венецію; на слѣдующій же годъ, снарядивъ большой флотъ, стали нападать на острова. Приплывъ къ Евбеѣ, они осадили Еврипъ, и, успѣвъ овладѣть одною его частію, подожгли зданія, а съ наступленіемъ весны, ушли отсюда и пристали къ острову Хіосу. Узнавъ объ этомъ, царь Мануилъ высылаетъ великаго вождя Андроника Контостефана съ тріирами, числомъ около ста пятидесяти; потому что и Венеціанскій флотъ былъ не слабѣе числомъ, да и въ другихъ отношеніяхъ снаряженъ былъ съ особенною заботливостію и весьма тщательно. Приготовившись къ великой борьбѣ и имѣя противниками Римлянъ, Венеціане во всѣхъ отношеніяхъ хорошо вооружились и привели съ собою не мало союзныхъ кораблей, прибывшихъ къ нимъ изъ Славянской земли. Но при первомъ слухѣ объ отплытіи римскихъ кораблей, они оробѣли, взялись всѣ за весла и стали думать о бѣгствѣ. Оставивъ Хіосъ, они переходили къ другимъ островамъ, потомъ уходили и отсюда и, всегда убѣгая, приплывали къ третьимъ, такъ что и сами

они утруждались этою перемѣною островов, и Римляне досадовали, что имъ неудавался ихъ походъ, и что они не могли сразиться съ Венеціанами. Дошедши до самой Малеи, Андроникъ увидѣлъ, что онъ преслѣдуетъ то, чего очевидно никакъ нельзя достигнуть, что онъ гонится за кораблемъ Аргонавтовъ, и потому, повернувъ корму, прибылъ въ городскую гавань. А Венеціане, видя, что силою оружія они не могутъ съ успѣхомъ защищать себя, заключили договоръ съ Сицилійскимъ королемъ, чтобы чрезъ то увеличить свои средства къ оборонѣ и имѣть себѣ помощника, въ случаѣ, если Римляне нападутъ на нихъ. Царь не оставилъ безъ вниманія слуховъ объ этомъ. Онъ зналъ, что и ничтожное обстоятельство, случайно встрѣтившись, часто производило перемѣну во многихъ дѣлахъ и порождало неизмѣримыя бѣдствія, и потому рѣшился возобновить прежній союзъ съ Венеціанами. Онъ старался было, сколько могъ, уничтожить ихъ договоръ съ королемъ Сицилійскимъ, но какъ они несоглашались на это, то и безъ этого принялъ ихъ и, когда они обратились къ нему съ просьбою, даровалъ имъ прощеніе и дружбу. Возстановивъ всѣ права, которыми они пользовались прежде, какъ граждане во всемъ равные съ Римлянами, онъ не отказался отдать имъ и ту часть ихъ имущества, которая внесена была въ царское казнохранилище. Но они, какъ купцы, имѣя въ виду выгоду и удобство, какъ для себя, такъ и для царя, придумали нѣчто умное и дѣльное: отказавшись отъ

обратнаго полученія своего имущества, они единодушно согласились взять, за все утраченное ими имущество, пятнадцать центенаріевъ золота. Эта сумма и была имъ уплачена, но не вдругъ, а въ нѣсколько разновременныхъ выдачъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА

КНИГА ШЕСТАЯ.

1. Такимъ образомъ и это дѣло у царя Мануила кончилось. Наше же повѣствованіе пусть идетъ далѣе, и разсказываетъ о послѣдующихъ событіяхъ, сообразно съ временемъ и значеніемъ каждаго изъ нихъ. Такъ какъ Султанъ нехотѣлъ оставаться въ покоѣ, признавъ разъ навсегда постоянные набѣги на римскіе предѣлы дѣломъ, полезнымъ для себя и вполнѣ выгоднымъ для Турковъ, то царь и еще разъ выступаетъ противъ него, Очень часто, впрочемъ, царь и самъ не давалъ покоя персидскому государю, но дразнилъ и сердилъ его, словно спящаго дикаго звѣря, поднималъ его съ ложа и вызывалъ на бой. И ни условныя прекращенія военныхъ дѣйствій, ни перемирія во время битвъ, ни союзы и договоры, ни переговоры и отправленія пословъ не задерживали и не останавливали ихъ нападеній другъ на друга. Оба они были горячи и падки на войну, а потому иногда и по незначительной причинѣ нападали другъ на друга. Для нихъ было дѣломъ особенно любезнымъ— надѣвать всеоружіе, собирать полки, водить ихъ

въ бой и сражаться. Отличались же они другъ отъ друга тѣмъ, что Султанъ всегда былъ какъ-то предусмотрителенъ и разсудителенъ, дѣйствовалъ обдуманно и давалъ битвы осторожно, посредствомъ своихъ военачальниковъ,—его никогда не видѣли стоящимъ въ главѣ фаланги, или раздѣляющимъ труды съ воинами; а царь, какъ человѣкъ съ душею благородною, былъ пылокъ въ сраженіяхъ, любилъ выказывать дѣла личной храбрости и часто, при разнесшемся слухѣ о вторженіи гдѣ нибудь непріятеля и о страданіи его подданныхъ, первый садился на коня и смѣло выступалъ въ походъ. Такъ какъ теперь царь вознамѣрился возстановить Дорилей, то тѣмъ еще болѣе раздражилъ и возбудилъ варвара къ войнѣ. Султанъ, показывая видъ, будто доселѣ не зналъ о прибытіи царя въ Дорилей, черезъ пословъ спрашивалъ его о причинѣ появленія въ тѣхъ мѣстахъ и просилъ удалиться. А царь, замѣчая нѣчто колкое и насмѣшливое въ письмѣ Султана, съ своей стороны признавалъ не малымъ чудомъ, что Султанъ не зналъ о его походѣ до самаго прибытія его въ Дорилей, и что будто бы доселѣ онъ не знаетъ причины этого похода. Приступивъ къ возобновленію города, царь самъ началъ носить камни на своихъ плечахъ, и этимъ такъ воодушевилъ другихъ, что чрезвычайно скоро была воздвигнута стѣна и снаружи обнесена валомъ, а внутри, во многихъ мѣстахъ, вырыты были колодцы для того, чтобы можно было черпать воду. Персы считали для себя несчастіемъ, если они принуждены будутъ оставить Дорилей-

скія поля, на которыхъ проводили лѣто принадлежащія имъ стада козъ и быковъ, гуляя по луговымъ пастбищамъ,—если будетъ построенъ городъ, и въ немъ для стражи поставлена римская фаланга, Поэтому они на всѣхъ удилахъ неслись противъ Римлянъ, и, подстерегая, когда тѣ выходили за съѣстными припасами, препятствовали фуражировкѣ, и убивали всѣхъ, кто попадался имъ въ руки. Но царь скоро уврачевалъ это зло. Назначивъ опредѣленное время для выходовъ изъ лагеря на фуражировку, онъ самъ подавалъ трубою знакъ, первый выходилъ изъ лагеря, и, предводительствуя вышедшимъ отрядомъ, ни на минуту не оставлялъ тѣхъ, которые отыскивали съѣстные припасы, и возвращался въ лагерь иногда въ сумерки, а иногда и поздно вечеромъ. Персы съ своей стороны, чтобы противодѣйствовать этому, частію употребляли и силу оружія и производили частыя нападенія на Римлянъ, а частію сожигали плоды и предавали огню жилища, чтобы лишить Римлянъ достаточныхъ средствъ къ пропитанію. Однажды, когда царь собирался кушать и очищалъ ножемъ персикъ, ему сказали, что Персы сдѣлали нападеніе на собирающихъ съѣстные припасы. Бросивъ плодъ, онъ тотчасъ же опоясался саблею, надѣлъ панцырь и, вскочивъ на коня, выступилъ противъ враговъ. Варвары стояли, построившись въ фаланги; но, спустя немного послѣ того, какъ явился царь, они оставили этотъ строй и притворно обратившись въ бѣгство, поражали нападающихъ, частію снова поворачиваясь назадъ, частію во время самаго

бѣгства бросая стрѣлы и повергая тѣхъ, кто ихъ преслѣдовалъ. Обыкновенно, Персы непрестанно припшориваютъ коня, и между тѣмъ, какъ конь часто бьетъ копытами по землѣ и быстро несется, Персъ, имѣя въ рукахъ стрѣлу, пускаетъ ее назадъ, и такимъ образомъ напередъ убиваетъ того, кто торопился самъ убить его и, внезапно обратившись изъ преслѣдуемаго въ преслѣдующаго, беретъ въ плѣнъ того, кто собирался уже самъ взять его. Возобновивъ Дорилей и тщательно снабдивъ его всѣмъ нужнымъ для его охраненія, царь выступилъ изъ тамошнихъ странъ и прибылъ въ Сублей, возстановилъ и этотъ городъ и поставилъ въ немъ гарнизонъ. Затѣмъ устроивъ и все прочее, по своему убѣжденію, наилучшимъ образомъ, возвратился въ царственный городъ.

Но прошло не много времени, какъ между царемъ и султаномъ опять возгорѣлась вражда. Они оба обвиняли и упрекали другъ друга:—царь приписывалъ султану неблагодарность къ благодѣтелю и забвеніе прежде оказанныхъ ему благодѣяній и всевозможной помощи для полученія власти надъ единоплеменниками. А султанъ упрекалъ царя въ легкомысленномъ пренебреженіи договорами, въ готовности всегда расторгнуть дружбу, въ нарушеніи только что заключенныхъ условій мира, а равно и въ томъ, что онъ много разъ обольщалъ его обѣщаніемъ щедрыхъ даровъ, высказывая это въ царскихъ красныхъ граматахъ, а давалъ мало. Поэтому царь сталъ собирать и бывшія у него прежде войска и набирать новыя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нанялъ немало и иноземнаго

войска, преимущественно изъ Латинянъ и изъ Скиоовъ, обитающихъ около Дуная. Доведя свое войско до огромнаго числа, онъ готовился къ войнѣ такъ, что, казалось, хотѣлъ истребить персидскій народъ, уничтожить Иконію съ самыми ея стѣнами, подчинить себѣ султана и наступить ему на шею, подложивъ ее подъ свои ноги вмѣсто скамьи. И когда все было готово къ походу, онъ входитъ въ великій храмъ, носящій названіе отъ имени Божественной и неизреченной Премудрости, призываетъ Божественную помощь и проситъ свыше побѣды, но, какъ показалъ исходъ войны, не получаетъ ея;—по неизслѣдованнымъ судьбамъ Божіимъ, она дарована была врагу. Затѣмъ выступивъ изъ царственнаго города и пройдя Фригію и Лаодикію, онъ прибылъ въ Хоны, древніе Колассы, городъ богатый и обширный, гдѣ родился я—сочинитель сей исторіи. Посѣтивъ здѣсь храмъ Архангела, по обширности величайшій и по красотѣ прекраснѣйшій, гдѣ все было дѣломъ чудной руки, онъ, вышедши отсюда, прибылъ въ Лампу и городъ Келены, гдѣ находится истокъ Меандра и протекаетъ рѣка Марсіасъ, впадающая въ Меандръ. Здѣсь, разсказываютъ, Аполлонъ содралъ кожу съ Марсіаса, который въ безумной ярости, какъ сильно ужаленный оводомъ, началъ состязаться съ Аполлономъ въ искусствѣ пѣнія. Отсюда царь отправился въ Хомы и остановился у Миріокефала. Это—древняя и необитаемая крѣпость, получившая, какъ думаю, свое названіе отъ того, что при ней происходило, или оправдавшая тѣмъ свое названіе; ибо около нея смерть

часто повергала на землю тысячи римскихъ головъ ([1]), какъ объ этомъ я скоро скажу. На походѣ царь всегда сохранялъ стройный боевой порядокъ, во время остановокъ укрѣплялъ лагерь валомъ, и выступалъ въ путь осторожно, согласно съ стратегическими правилами. Шелъ онъ, впрочемъ, довольно медленно, чему причиною были животныя, которыя везли машины и множество приставленныхъ къ нимъ людей, неспособныхъ къ бою. Да и Персы, появляясь тамъ и сямъ, постоянно тревожили его небольшими схватками и, заѣзжая впередъ, истребляли по дорогѣ траву, чтобы у римскихъ коней не было корма, и портили воду, чтобы Римляне не пили чистой воды. А сами Римляне жестоко страдали отъ болѣзни желудка, и эта болѣзнь сильно губила войско.

2. Между тѣмъ султанъ, хотя и принялъ мѣры къ войнѣ и нашелъ себѣ довольно союзниковъ въ Месопотаміи и между другими соплеменными варварами, однакожъ, отправивъ къ царю пословъ, просилъ мира и соглашался на исполненіе всѣхъ его желаній, каковы бы они ни были. Поэтому всѣ, кто только не былъ неопытенъ въ войнѣ и особенно въ войнѣ съ Персами, и кто былъ постарше возрастомъ, умоляли Мануила съ радостію принять посольство Перса, и не ввѣрять всѣ надежды жребію войны. Они обращали его вниманіе на чрезвычайную трудность борьбы

([1]) Греческое названіе крѣпости Миріокефала—Μυριοκέφαλος — означаетъ того, кто имѣетъ десять тысячъ, или вообще множество головъ.

и на неудобопроходимыя мѣстности, въ которыхъ враги напередъ устроятъ засады, выставляли также на видъ и самое цвѣтущее состояніе всей турецкой конницы, указывали и на болѣзнь, терзающую греческое войско. Но царь ни сколько не обратилъ вниманія на слова почтенныхъ старцевъ и, открывъ весь свой слухъ своимъ родственникамъ, и особенно тѣмъ, которые никогда не слыхали военной трубы,—людямъ съ прекрасными волосами и съ веселыми лицами, носившимъ на шеяхъ золотыя цѣпи и сіяющія ожерелья изъ блестящихъ камней и драгоцѣнныхъ перловъ, отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Султанъ, однакожъ, и послѣ того не пересталъ говорить о мирѣ. Когда же увидѣлъ, что его мирныя предложенія не имѣютъ успѣха, и что царь даже хвалится тѣмъ, что будетъ отвѣчать ему въ Иконіи, то поспѣшилъ занять тѣснины, которыя называются Иврицкими дефилеями и чрезъ которыя должны были проходить Римляне по выходѣ изъ Миріокефала, и скрытно поставилъ здѣсь свои фаланги съ тѣмъ, чтобы онѣ напали на Римлянъ, какъ скоро тѣ будутъ проходить. Это мѣсто есть продолговатая долина, идущая между высокихъ горъ, которая на сѣверной сторонѣ мало по малу понижается въ видѣ холмовъ и перерѣзана широкими ущельями, а на другой сторонѣ замыкается обрывистыми скалами и вся усѣяна отдѣльными крутыми возвышеніями. Намѣреваясь идти такою дорогою, царь заранѣе не позаботился ни о чемъ, что могло бы облегчить для войска трудность пути; не освободился отъ большаго обоза,

не оставилъ всторонѣ повозокъ, на которыхъ везлись стѣнобитныя машины, и не попытался съ легкимъ отрядомъ выгнать напередъ Персовъ изъ этихъ обширныхъ горныхъ тѣснинъ, и такимъ образомъ очистить для войска проходъ. Напротивъ, какъ шелъ онъ по равнинамъ, такъ вздумалъ пройти и этими тѣснинами, хотя предъ этимъ слышалъ, а спустя не много и собственными глазами удостовѣрился, что варвары, занявъ вершины горъ, рѣшились опорожнить всѣ колчаны, выпустить всѣ стрѣлы и употребить всѣ средства, чтобы остановить Римлянъ и не дозволить имъ идти впередъ. А велъ царь фаланги, — то было въ мѣсяцѣ сентябрѣ, — въ такомъ порядкѣ. Впереди войска шли съ своими отрядами два сына Константина Ангела, Іоаннъ и Андроникъ, а за ними слѣдовали Константинъ Мавродука и Андроникъ Лапарда. Затѣмъ правое крыло занималъ братъ царской жены Валдуинъ, а лѣвое Ѳеодоръ Маврозомъ. Далѣе слѣдовали—обозъ, войсковая прислуга, повозки съ осадными машинами, потомъ самъ царь съ своимъ отборнымъ отрядомъ, а позади всѣхъ начальникъ аріергарда Андроникъ Контостефанъ. Когда войска вступили на трудную дорогу,—полки сыновей Ангела, Мавродуки и Лапарды прошли благополучно; потому что пѣхота, бросившись впередъ, опрокинула варваровъ, которые сражались, стоя на холмахъ, идущихъ отъ горы, и, обративъ ихъ въ бѣгство, отбросила назадъ въ гору. Быть можетъ, и слѣдующія за ними войска прошли бы невредимо мимо персидскихъ засадъ, если бы Римляне, тѣсно сомкнувшись,

тотчасъ же послѣдовали за идущими впереди войсками, нисколько не отдѣляясь отъ нихъ, и посредствомъ стрѣльцовъ отражая нападенія налегающихъ на нихъ Персовъ. Но они не позаботились о неразрывной, взаимной связи, а между тѣмъ Персы, спустившись съ высотъ на низъ и съ холмовъ въ долины, большою массою напали на нихъ, отважно вступили съ ними въ бой и, разорвавъ ихъ ряды, обратили въ бѣгство войско Валдуина, многихъ ранили, и не мало убили. Тогда Валдуинъ, видя, что его дѣла дурны, и что его войска не въ силахъ пробиться сквозь ряды враговъ, тѣснимый отвсюду, взявъ нѣсколько всадниковъ, врывается въ персидскія фаланги; но, окруженный врагами, онъ и самъ былъ убитъ и всѣ бывшіе съ нимъ пали, совершивъ дѣла мужества и показавъ примѣръ храбрости. Это еще болѣе ободрило варваровъ, и они, заградивъ для Римлянъ всѣ пути и ставъ въ тѣсный строй, не давали имъ прохода. А Римляне, захваченные въ тѣсномъ мѣстѣ и перемѣшавшись между собою, не только не могли нанести врагамъ никакого вреда, но, загораживая собою дорогу приходящимъ вновь, отнимали и у нихъ возможность оказать имъ помощь. Поэтому враги легко умерщвляли ихъ, а они не могли ни получить какое либо вспоможеніе отъ заднихъ полковъ и отъ самаго царя, ни отступить, ни уклониться въ сторону. Повозки, ѣхавшія по срединѣ, отнимали всякую возможность возвратиться назадъ и перестроиться болѣе выгоднымъ образомъ, а войскамъ Самодержца заграждали путь впередъ, стоя

противъ нихъ, какъ стѣна. И вотъ падалъ волъ отъ персидской стрѣлы, а подлѣ него испускалъ духъ и погонщикъ. Конь и всадникъ вмѣстѣ низвергались на землю. Лощины загромоздились трупами и рощи наполнились тѣлами падшихъ. Съ шумомъ текли ручьи крови. Кровь мѣшалась съ кровью, кровь людей—съ кровью животныхъ. Ужасны и выше всякаго описанія бѣдствія, постигшія здѣсь Римлянъ. Нельзя было ни идти впередъ, ни возвратиться назадъ, потому что Персы были и назади, и заграждали путь спереди. Оттого Римляне, какъ стада овецъ въ стойлахъ, были убиваемы въ этихъ тѣснинахъ. И если въ нихъ было еще сколько нибудь мужества, если осталась искра храбрости противъ враговъ, то и она погасла и исчезла, и мужество совершенно оставило ихъ, когда враги представили ихъ взорамъ новый эпизодъ бѣдствія, воткнутую на копье голову Андроника Ватацы. То былъ племянникъ царю Мануилу, отправленный съ войскомъ, собраннымъ въ Пафлагоніи и Понтійской Иракліи, противъ Амасійскихъ Турковъ. Такія печальныя вѣсти и эти ужасныя зрѣлища привели царя въ смятеніе; видя выставленную напоказъ голову племянника и чувствуя великость опасности, въ которой находился, онъ былъ унылъ, и, прикрывая печаль молчаніемъ и изливая скорбь въ глухихъ, какъ говорятъ, слезахъ, ожидалъ будущаго и не зналъ на что рѣшиться. А шедшіе впереди римскіе полки, пройдя невредимо эту опасную дорогу, остановились и окопались валомъ, за

нявъ холмъ, на которомъ представлялось нѣсколько безопасности.

5. Между тѣмъ Персы всячески старались одержать верхъ надъ полками, бывшими подъ начальствомъ царя, разсчитывая легко разбить и остальныя войска, когда будетъ побѣждено войско главное и самое сильное. Такъ обыкновенно бываетъ и съ змѣею, у которой коль скоро разбита голова, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ жизнь и остальная часть тѣла, и—съ городомъ, потому что, когда покоренъ акрополь, то и остальной городъ, какъ будто бы весь былъ взятъ, испытываетъ самую жалкую участь. Царь нѣсколько разъ пытался выбить варваровъ изъ тамошнихъ тѣснинъ, и употреблялъ много усилій, чтобы очистить проходъ своимъ воинамъ. Но видя, что его старанія остаются безъ успѣха, и что онъ все равно погибнетъ, если останется и на мѣстѣ, такъ какъ Персы, сражаясь съ верху, постоянно оставались побѣдителями,-онъ бросается прямо на враговъ съ немногими, бывшими при немъ воинами, а всѣмъ прочимъ предоставляетъ спасать себя, какъ кто можетъ, потому что не ожидалъ ничего хорошаго отъ того, что видѣлъ. Варварская фаланга со всѣхъ сторонъ обхватила его, но онъ успѣлъ вырваться изъ ней, какъ изъ западни, покрытый многими ранами и шрамами, которые нанесли ему окружившіе его Персы, поражая его мечами и желѣзными палицами. И до того онъ былъ израненъ, по всему тѣлу, что въ его щитъ вонзилось около тридцати стрѣлъ, жаждущихъ крови, а самъ онъ не могъ даже поправить спавшаго съ

головы шлема. При всемъ томъ, самъ онъ сверхъ чаянія избѣжалъ варварскихъ рукъ, сохраненный Богомъ, который и древле въ день битвы прикрывалъ голову Давида, какъ говоритъ самъ псалмолюбецъ. Прочіе же римскіе полки страдали все болѣе и болѣе; они со всѣхъ сторонъ были поражаемы копьями съ желѣзными остріями, насквозь пронзаемы стрѣлами на близкомъ разстояніи и, при паденіи, сами давили другъ друга. Если нѣкоторые и прошли невредимо это ущелье и разогнали стоявшихъ тутъ Персовъ, — за то на дальнѣйшемъ пути, вступивъ въ слѣдующій оврагъ, они погибли отъ находившихся здѣсь враговъ. Этотъ проходъ перерѣзанъ семью смежными ущельями, которыя всѣ похожи на рвы, и то немного разширяется, то опять съуживается. И всѣ эти ущелья тщательно охраняемы были приставленными къ нимъ Турками. Да и остальное пространство не было свободно отъ враговъ, но все было наполнено ими. Тутъ же случилось, что во время сраженія подулъ вѣтеръ, и, поднявъ съ здѣшней песчаной почвы множество песку, съ яростію бросалъ его на сражающихся. Устремляясь другъ противъ друга, войска сражались какъ бы въ ночной битвѣ и въ совершенной темнотѣ, и наряду съ врагами убивали и друзей. Нельзя было различить единоплеменника отъ иноплеменника. И какъ Персы, такъ и Римляне, въ этой свалкѣ обнажали мечи и противъ единокровныхъ, и убивали, какъ врага, всякаго встрѣчнаго, такъ что ущелья сдѣлались одною могилою, смѣшаннымъ кладбищемъ, и общею послѣднею

обителью и Римлянъ, и варваровъ, и лошадей, и быковъ, и ословъ, носящихъ тяжести. Римлянъ, впрочемъ, пало болѣе, чѣмъ враговъ; особенно много погибло царскихъ родственниковъ и притомъ знаменитѣйшихъ. Когда пыль улеглась, и мгла и тьма разсѣялась,— увидѣли людей (какое ужасное событіе и зрѣлище!), которые до пояса и шеи были завалены трупами, простирали съ мольбами руки, и жалобными тѣлодвиженіями и плачевными голосами звали проходящихъ на помощь, но не находили никого, кто бы помогъ имъ и спасъ ихъ. Всѣ, измѣряя ихъ страданіями свое собственное бѣдствіе, бѣжали, какъ въ опасности жизни, — поневолѣ были безжалостны и старались, сколько можно скорѣе, спасать себя.

Между тѣмъ царь Мануилъ, подошедши подъ тѣнь грушеваго дерева, отдыхалъ отъ утомленія и собирался съ силами, не имѣя при себѣ ни щитоносца, ни копьеносца, ни тѣлохранителя. Его увидѣлъ одинъ воинъ изъ коннаго отряда и изъ незнатныхъ и простыхъ Римлянъ, и жалившись, добровольно, по своему усердію, подошелъ къ нему, предложилъ, какія могъ, услуги и надѣлъ ему, какъ слѣдуетъ, на голову шлемъ, склонившійся на сторону. Когда царь стоялъ, какъ мы сказали, подъ деревомъ, прибѣжалъ одинъ Персъ и потащилъ его за собою, взявъ за узду коня, такъ какъ не было никого, кто бы могъ ему попрепятствовать. Но царь, ударивъ его по головѣ осколкомъ копья, который оставался еще у него въ рукахъ, повергъ его на землю. Спустя не много на него нападаютъ другіе Персы, желая взять

его живымъ, но и ихъ царь легко обратилъ въ бѣгство. Взявъ у находившагося подлѣ него всадника копье, онъ пронзилъ имъ одного изъ нападающихъ такъ, что тотъ лишился жизни, а самъ всадникъ, обнаживъ мечь, отрубилъ голову другому. Затѣмъ около царя собралось десять другихъ вооруженныхъ Римлянъ, и онъ удалился отсюда, желая соединиться съ полками, которые ушли впередъ. Но когда онъ прошелъ небольшое пространство, Турки опять стали заграждать ему дальнѣйшій путь, а неменѣе того мѣшали идти и трупы падшихъ, которые лежали подъ открытымъ небомъ грудами и заграждали собою дорогу.

4. Съ трудомъ пробравшись, наконецъ, сквозь неудобопроходимыя мѣста, и переправившись черезъ протекающую вблизи рѣку, причемъ въ иныхъ мѣстахъ приходилось шагать и ѣхать по трупамъ, царь собралъ и еще отрядъ сбѣжавшихся при видѣ его Римлянъ. Въ это-то время онъ своими глазами видѣлъ, какъ мужъ его племянницы, Іоаннъ Кантакузинъ, одинъ бился со многими и мужественно нападалъ на нихъ, какъ онъ кругомъ осматривался, не придетъ ли кто ему на помощь, и какъ, спустя немного, онъ палъ и былъ ограбленъ, потому что никто не явился пособить ему. А убившіе его Персы, лишь только увидѣли проходящаго Самодержца, — такъ какъ онъ не могъ скрыться,—соединившись въ когорту, погнались за нимъ, какъ за богатою добычею, надѣясь тотчасъ же или взять его въ плѣнъ, или убить. Всѣ они сидѣли на арабскихъ коняхъ, и по виду были не изъ простыхъ людей; у нихъ было от-

личное оружіе, и ихъ лошади, кромѣ разной блестящей сбруи, имѣли на шеяхъ уборы, сплетенные изъ конскихъ волосъ, которые опускались довольно низко и были обвѣшаны звѣнящими колокольчиками. Царь, одушевивъ сердца окружавшихъ его, легко отразилъ нападеніе враговъ и за тѣмъ продолжалъ по немногу подвигаться впередъ, то пролагая себѣ дорогу по закону войны, то проѣзжая и безъ пролитія крови мимо Персовъ, которые непрерывно появлялись одни за другими, и всѣ старались схватить его. Наконецъ онъ прибылъ къ полкамъ, которые прошли впередъ и былъ принятъ съ величайшею радостію и удовольствіемъ, такъ какъ они болѣе безпокоились о томъ, что не является онъ, чѣмъ печалились о себѣ. Но прежде, чѣмъ онъ соединился съ ними, и когда былъ еще тамъ, гдѣ, какъ я сказалъ, протекаетъ рѣка, онъ почувствовалъ жажду, и приказалъ одному изъ бывшихъ при немъ, взявъ сосудъ, почерпнуть воды и принести пить. Хлебнувъ воды столько, что едва смочилъ небо во рту, онъ остальное вылилъ, потому что гортань неохотно принимала ее. Разсмотрѣвъ эту воду и замѣтивъ, что она смѣшана съ кровью, царь заплакалъ и сказалъ, что, по несчастью, отвѣдалъ христіанской крови. При этомъ одинъ изъ бывшихъ тутъ, человѣкъ, очевидно, дерзкій и наглый, превосходившій своею жестокостію самое тогдашнее время, безстыдно замѣтилъ: «ну, нѣтъ, царь, это не правда. Не теперь только и не въ первый разъ, но давно, и часто, и до опьяненія, и безъ примѣси ты пьешь чашу съ христіанскою

кровію, обирая и ощипывая подданныхъ, какъ обираютъ поле или ощипываютъ виноградную лозу». Царь снесъ хулу и оскорбленіе этого человѣка такъ равнодушно, какъ будто ничего не слышалъ, и какъ будто не былъ оскорбленъ. Увидѣвъ, что Персы разрываютъ мѣшки съ деньгами, и что золото и серебро, перечеканенное въ монету, разсыпается по землѣ и расхищается, царь сталъ убѣждать бывшихъ съ нимъ Римлянъ напасть на варваровъ и взять себѣ деньги, на которые они имѣютъ больше права, чѣмъ Персы. Тогда тотъ же безумный пустомеля опять началъ безстыдно поносить царя за такое приказаніе. «Слѣдовало бы, говорилъ онъ, добровольно и раньше отдать эти деньги Римлянамъ, а отнюдь не теперь, когда пріобрѣтеніе ихъ трудно и сопряжено съ кровопролитіемъ. Если царь человѣкъ храбрый, какъ онъ хвалится, или, покрайней мѣрѣ, если онъ носитъ шаровары, то пусть самъ сразится съ грабителями Персами и, мужественно разбивъ ихъ, отыметъ награбленное золото и возвратитъ его Римлянамъ». Царь молчалъ и при этихъ словахъ, и не ворчалъ ни сквозь зубы, ни подъ носъ, перенося дерзость обидчика, какъ нѣкогда Давидъ сносилъ наглость Семея. Наконецъ прибылъ невредимымъ и Андроникъ Контостефанъ, командовавшій задними полками, и собралось нѣсколько другихъ человѣкъ, особенно сильныхъ у Мануила, которые также уцѣлѣли отъ ранъ.

Когда наступила ночь, и тьма, преемница дня, прекратила битву, всѣ печально сидѣли, склонивъ голову на ладонь руки и, представляя

настоящую опасность, не считали себя въ числѣ живыхъ. Особенно пугало Римлянъ то, что варвары, объѣзжая кругомъ лагерь, громко кричали своимъ единоплеменникамъ, которые ради выгоды или вслѣдствіе перемѣны вѣры, давно уже перешли къ Римлянамъ,—убѣждая ихъ въ туже ночь выйти изъ лагеря, такъ какъ всѣ, находящіеся въ немъ, съ разсвѣтомъ непремѣнно погибнутъ. Поэтому Римляне провели ночь собравшись въ дружескіе кружки, одноплеменники съ одноплеменниками, блѣднѣя отъ страха, подобно тому, какъ блѣднѣютъ листья деревъ въ то время, когда опадаютъ. 5. Самъ же державный задумалъ самое неблагородное дѣло; именно онъ замыслилъ тайно убѣжать и предать плѣну и смерти столько душъ. Высказавъ свой замыселъ бывшимъ съ нимъ, онъ привелъ въ ужасъ слушателей, и особенно Контостефана, какъ человѣкъ, говорящій слова, приличныя только безумному и явно помѣшанному. И не только люди, собравшіеся на совѣщаніе о томъ, что должно дѣлать, были огорчены его словами, но и одинъ, неизвѣстный и простой воинъ, стоявшій внѣ палатки, какъ скоро услышалъ царскую мысль, возвысивъ голосъ и громко вздохнувъ, сказалъ: «увы, какая мысль пришла на умъ римскому царю.» Потомъ, съ горячностію обратившись къ нему, продолжалъ: «не ты ли толкнулъ насъ на этотъ пустынный и узкій путь и довелъ до погибели, или лучше истолокъ насъ, какъ бы въ какой ступѣ, въ этихъ сталкивающихся между собою скалахъ и горахъ, явно готовыхъ задавить насъ? Какое было намъ дѣло до этой долины плача и

истинно адскаго жерла, и для чего намъ было идти по этимъ неровнымъ и утесистымъ тропамъ? И въ чемъ особенномъ мы можемъ обвинять варваровъ, если они, занявъ эти тѣсныя, трудныя и извилистыя мѣста, поймали насъ въ сѣть? И какъ же ты теперь предаешь насъ врагамъ, какъ овецъ, назначенныхъ на закланіе»? Смягченный или, лучше, уязвленный этими словами до глубины души, царь измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился идти тѣмъ путемъ, который указывали настоящія обстоятельства.

Но Тотъ, Кто нѣкогда оставилъ сѣмя Израилю, чтобы въ конецъ не уничтожилось Его наслѣдіе, подобно Содому и Гоморрѣ, Кто наказуетъ и опять исцѣляетъ, поражаетъ и даетъ жизнь, не дозволяетъ жезлу грѣшниковъ до конца тяготѣть надъ частію праведныхъ, — Тотъ и теперь умилосердился надъ святымъ народомъ и, невосхотѣвъ совершенно отвергнуть его, склонилъ сердце Султана къ необыкновенной и несродной ему милости, такъ что Султанъ, который прежде чтилъ доблесть царя, теперь былъ тронутъ и его несчастіемъ. Или лучше, Кто чрезъ Хусія разрушилъ совѣтъ Ахитоѳела, и измѣнилъ мысли Авессалома такъ, что онъ послѣдовалъ гибельнымъ для него самого совѣтамъ, Тотъ и теперь отклонилъ государя Персовъ отъ надлежащаго образа дѣйствій. Склонившись на убѣжденія своихъ вельможъ, которые во время мира черпали у царя деньги обѣими руками, Султанъ, отправивъ посольство, предлагаетъ царю миръ, и опять, какъ прежде, проситъ о заключеніи договора. Онъ

предупреждаетъ царя, по необходимости старавшагося о примиреніи, — какъ бы по своей волѣ, между тѣмъ какъ побуждалъ его къ тому Сильнѣйшій. А такъ какъ Персамъ не были еще извѣстны намѣренія Султана, то они вмѣстѣ съ зарею поскакали къ римскому лагерю съ тѣмъ, чтобы окружить Римлянъ, и заразъ, подобно звѣрямъ, пожрать ихъ, какъ лакомую пищу, или расхитить, какъ покинутыя яйца и пустое гнѣздо. Окруживъ лагерь, они поражали стрѣлами находящихся въ немъ, скакали кругомъ и кричали по варварски. Царь приказываетъ Іоанну, сыну Исаака Ангела, съ бывшимъ у него легіономъ напасть на Персовъ: тотъ, по царскому приказанію, пытается прогнать Турковъ, но, не сдѣлавъ ничего славнаго, возвращается назадъ. Послѣ него Константинъ Мавродука выводитъ свое войско, составленное изъ восточныхъ легіоновъ; но и онъ, показавшись не надолго, возвратился въ лагерь. Между тѣмъ Султанъ посылаетъ къ царю Гавру, перваго и особенно почтеннаго между своими сатрапами. Тогда Турки, по его приказанію, прекратили свое нападеніе на лагерь, а Римляне перестали по тихоньку уходить изъ него. Представляясь царю, Гавра воздалъ ему, по варварскому обычаю, глубокую честь и поклоненіе, и въ тоже время представилъ въ даръ нисейскаго (¹) серебро-

---

(¹) Нисейскія лошади славились въ древности огромнымъ ростомъ и отличными качествами, и обыкновенно употреблялись царями. По замѣчанію Геродота, онѣ получили свое названіе отъ нисейской равнины, на которой паслись, — въ предѣлахъ Мидіи, Hofman Lex. univers. t. 3 p. 331.

уздаго коня изъ разряда тѣхъ, которыхъ откармливаютъ для торжественныхъ церемоній, и длинный обоюдуострый мечь. Затѣмъ началъ рѣчь о заключеніи мира, смягчивъ напередъ льстивыми словами скорбь царя, видимо опечаленнаго понесеннымъ пораженіемъ, и облегчивъ жестокость страданія, какъ бы какими заклинаніями,—словами, которыя прошепталъ ему на ухо. Увидѣвъ, что на царѣ поверхъ панцыря была одежда золотистаго цвѣта, онъ сказалъ: этотъ цвѣтъ, царь, служитъ не добрымъ знакомъ, а во время войны онъ даже много противодѣйствуетъ счастію. Царь, слегка и насильно засмѣявшись при этихъ словахъ, снялъ надпанцырную одежду, вышитую пурпуромъ и золотомъ и отдалъ ее Гаврѣ. Принявъ мечь и коня, онъ повелѣлъ написать условія мира, и приложилъ къ нимъ руку. Въ договорѣ, между прочими условіями, которыя время не дозволило тщательно обслѣдовать, находилось и то, чтобы крѣпости Дорилей и Сувлей были разрушены.

Удостовѣрясь такимъ образомъ, что варваръ искренно говорилъ о мирѣ, и что онъ не замышляетъ по злобѣ обмана, царь рѣшился идти домой другимъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ шелъ прежде, чтобы не видѣть павшихъ. Но путеводители по этому-то самому особенно и старались вести его прежнимъ путемъ, чтобы онъ своими глазами увидѣлъ тамъ печальную картину. Ибо истинно достойно было слезъ представлявшееся здѣсь зрѣлище или, справедливѣе сказать, великость зла превосходила всякій плачъ. Глубокія лощины отъ

множества павшихъ сдѣлались равнинами, долины поднимались холмами и рощи были покрыты трупами. У всѣхъ, которые лежали здѣсь, содрана была съ головы кожа, а у многихъ отрѣзаны и дѣтородные уды. Персы сдѣлали это, говорятъ, для того, чтобы необрѣзанный не отличался отъ обрѣзаннаго, и чтобы такимъ образомъ побѣда не была сомнительною и спорною, такъ какъ изъ обоихъ войскъ пали многіе. Оттого никто не прошелъ здѣсь безъ слезъ и стенаній, но всѣ громко рыдали, называя по именамъ погибшихъ друзей и товарищей.

Здѣсь я могу кстати замѣтить, что намъ людямъ трудно предохранить себя отъ будущаго, и что не легко человѣку избѣжать угрожающаго бѣдствія, если само Божество, умилостивленное неотступными мольбами, не устранитъ отъ него золъ, или не измѣнитъ и не ослабитъ ихъ, по своему человѣколюбію. Когда царь рѣшился выступить въ походъ противъ Персовъ, ему снилось, что онъ, взошедши на адмиральскій корабль, со многими приближенными, плылъ по Пропонтидѣ, но что вдругъ горы Азіи и Европы опрокинулись, такъ что корабль разрушился и всѣ, бывшіе на немъ, погибли, самъ же онъ едва спасся, приплывъ на рукахъ къ берегу. А въ тотъ день, когда онъ вступалъ въ опасный проходъ, одинъ человѣкъ, владѣвшій двумя языками, родомъ Римлянинъ, по прозванію Мавропулъ, пришелъ къ нему и объявилъ, что онъ видѣлъ во снѣ, будто вошелъ въ храмъ, называемый Кировымъ, и, молясь иконѣ Богоматери, услышалъ исходящій отъ

нея голосъ, который говорилъ: теперь царь въ величайшей опасности; кто пойдетъ къ нему на помощь? Чей-то невидимый голосъ сказалъ: пусть пойдетъ Георгій; но Богоматерь отвѣчала: онъ не скоро рѣшится идти. Тогда опять тотъ же голосъ произнесъ: пусть идетъ Θеодоръ; но Богоматерь отказалась и отъ него и наконецъ съ великою скорбію сказала, что никто не предохранитъ царя отъ угрожающаго ему бѣдствія. Такъ это было.

6. Когда же Римляне прошли тѣснины, Персы, появившись сзади, снова стали нападать на нихъ. Персомъ овладѣло, говорятъ, раскаяніе, что упустилъ бывшую въ рукахъ добычу, и потому онъ дозволилъ своимъ преслѣдовать Римлянъ и дѣлать съ ними все, что можно было дѣлать и до заключенія мира. Впрочемъ Турки преслѣдовали Римлянъ не всею массою, какъ было тогда, когда Римляне проходили трудныя мѣста, но отдѣльными отрядами. Ибо очень многіе и лучшіе изъ нихъ, обремененные добычею, отправились домой. Но и тѣ, которые преслѣдовали, убили многихъ, особенно же раненыхъ и неспособныхъ къ войнѣ, хотя царь и назначилъ въ аріергардъ воинственныхъ и храбрыхъ вождей. Прибывъ въ Хоны, Римляне съ радостію здѣсь остановились, въ надеждѣ, что уже неувидятъ болѣе враговъ. А царь позаботился и о томъ, чтобы дать каждому больному по серебряному статиру на излеченіе болѣзни. Отправившись отсюда въ Филаделфію, онъ провелъ здѣсь нѣсколько дней, для поправленія здоровья, разстроеннаго военными трудами и ра-

нами, и, пославъ напередъ вѣстниковъ, извѣстилъ Константинопольцевъ о всемъ случившемся. То говорилъ онъ, что съ нимъ случилось тоже, что и съ Романомъ Діогеномъ, — такъ какъ и этотъ царь, вступивъ въ войну съ Турками, потерялъ много войска и самъ былъ взять и отведенъ въ плѣнъ, то превозносилъ договоръ съ султаномъ и хвалился тѣмъ, что, несмотря на свою неудачу, успѣлъ заключить его, такъ какъ его войско безстрашно смотрѣло въ лице враговъ и наводило на нихъ страхъ и трепетъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, проходя мимо Сувлея, онъ разрушилъ его по волѣ Султана, а Дорилей оставилъ совершенно цѣлымъ. Поэтому султанъ, отправивъ посольство, напоминалъ ему объ условіяхъ мира, и говорилъ, что удивляется, почему доселѣ неразрушенъ Дорилей. Но царь отвѣчалъ, что онъ мало обращаетъ вниманія на сдѣланное по необходимости, и рѣшительно нехотѣлъ и слышать о разрушеніи Дорилея. Онъ явно одобрилъ только слѣдующія слова изъ изреченія Пиѳіи, сказаннаго Эпикидиду: «клянись, потому что смерть ожидаетъ и человѣка, соблюдающаго клятвы»; но не обратилъ вниманія на слова дальнѣйшія, которыя говорятъ вотъ что: «но у клятвы есть безъимянное дитя; нѣтъ у него ни рукъ, ни ногъ, но оно быстро и неутомимо преслѣдуетъ, доколѣ не погубитъ всего рода и всего дома. Родъ же человѣка, соблюдающаго клятвы, благоденствуетъ послѣ него еще болѣе». Тогда Персъ, отдѣливъ лучшую часть изъ всего своего войска, числомъ въ двадцать четыре тысячи человѣкъ, и поставивъ

надъ ней начальникомъ Атанака, послалъ его опустошать города и села до самаго моря, съ тѣмъ, чтобы онъ никому не давалъ никакой пощады и принесъ ему морской воды, весло и песку. Тотъ, исполняя данное ему повелѣніе, внезапно и неожиданно напалъ на Меандрскіе города и ужасно опустошилъ ихъ. Кромѣ того онъ взялъ на капитуляцію городъ Траллы и Фригійскую Антіохію, а Лумы, Пентахиръ и нѣкоторыя другія крѣпости взялъ съ бою и ограбилъ. Затѣмъ, идя далѣе, опустошилъ и приморскія страны.

7. Царь, услышавъ объ этомъ, употребилъ много и другихъ средствъ къ обузданію Персовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вышелъ изъ палатки безъ трубъ и роговъ. «Теперь, говорилъ онъ, нужны не эти вещи, а луки и копья, чтобы изъ римскихъ областей выгнать ненавидящихъ насъ, которые,—говоря съ Давидомъ,—возшумѣли и воздвигли главы». Самъ онъ, впрочемъ, не заблагоразсудилъ идти противъ враговъ, но послалъ племянника Іоанна Ватацу, человѣка отважнаго и вмѣстѣ осторожнаго, и Константина Дуку, юношу, у котораго недавно начала рости борода, но который, подобно плодовитому растенію, обѣщалъ до срока принести хорошіе плоды, — да еще Михаила Аспіэта. Царь много убѣждалъ ихъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ благоразумно и какъ должно, но больше всего, — отнюдь не нападать на варваровъ, точно не узнавъ напередъ объ ихъ численности и не увѣрившись, что, въ случаѣ битвы, будутъ побѣдителями. Между тѣмъ Персы, положивъ море предѣломъ своего похода, съ

огромною добычею возвращались назадъ и опустошали на пути то, чего не тронули прежде. А Ватаца и бывшіе при немъ вожди со всѣми силами, какія далъ имъ царь и какія они собрали на пути, пошли прямо къ небольшимъ городамъ Гіэлію и Лиммохиру, гдѣ нѣкогда черезъ рѣку Меандръ проходилъ мостъ. Когда соглядатаи, которыхъ Ватаца поставилъ на всѣхъ рѣшительно дорогахъ, дали ему знать, что Турки идутъ назадъ и находятся не вдалекѣ, онъ, раздѣливъ войско на двѣ части, бóльшую часть посадилъ въ засады около дорогъ, по которымъ должны были проходить враги, а остальной приказалъ, разсѣявшись по другому берегу рѣки около стараго моста, ожидать, когда будетъ переправляться какая либо часть Турковъ съ плѣнниками, и тогда безъ всякой робости и со всею смѣлостію напасть на нее. Такъ онъ распорядился своимъ войскомъ, считая такое распоряженіе самымъ лучшимъ. Турки начали переправляться. Но такъ какъ, поражаемые сверху стрѣлами, они безпорядочною толпою тѣснились въ рѣку и утопали, то Атапакъ, поставивъ въ густой боевой строй бывшихъ при немъ, отлично вооруженныхъ воиновъ, мужественно вступаетъ въ битву съ Римлянами. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ и нанести уронъ врагамъ, и дать единоплеменникамъ время спокойно переправиться черезъ рѣку для того, чтобы, при стараніи каждаго опередить другаго, переходъ не замедлялся, и чтобы сбившіеся съ брода не подвергались ужасной гибели. Довольно долго онъ отважно сражался и совершалъ подвиги, свидѣтель-

ствовавшіе о мужествѣ его сердца и твердости руки. Но, узнавъ, что Римляне стоятъ и на другомъ берегу рѣки и умерщвляютъ всякаго переходящаго персидскаго воина, онъ теряетъ бодрость духа и, утративъ прежнюю отвагу, начинаетъ думать о своемъ спасеніи, оставляетъ избранный прежде путь и идетъ вверхъ по рѣкѣ, отыскивая другой переправы. А какъ на рѣкѣ нигдѣ не было мѣста, удобнаго для перехода, то онъ, опасаясь преслѣдованія, положилъ на воду щитъ и употребилъ его вмѣсто лодки, мужественно противуставъ суровости судьбы. Лѣвою рукою онъ придерживалъ коня, плывшаго около него, а въ правой держалъ обнаженный мечь, обративъ его на этотъ случай въ руль, и такимъ образомъ подвигаясь по немногу впередъ, переплывалъ глубину рѣки. Но все же наконецъ онъ не избѣжалъ смерти. Когда онъ былъ уже на другомъ берегу и, взойдя на холмъ, громко и съ величайшимъ хвастовствомъ провозглашалъ, кто онъ, чтобы собрать около себя и другихъ Турковъ,— его убилъ обоюдуострымъ мечемъ не кто либо изъ знатныхъ и знавшихъ его Римлянъ, а одинъ наемный Аланъ, прибѣжавшій къ тому мѣсту, гдѣ онъ разсчитывалъ прекратить свою необыкновенную греблю. Послѣ этого всѣ Персы предались безпорядочному бѣгству, и многихъ изъ нихъ принялъ въ себя Меандръ, такъ что изъ столькихъ тысячъ спаслись очень немногіе. Это событіе какъ нельзя болѣе поправило дѣла Римлянъ, и унизило гордость Персовъ, такъ какъ они съ торжествомъ шли на Римлянъ, полагая, что Рим-

ляне не выдержать ихъ нападенія и надѣясь опустошить и разрушить чуть не всю Фригію, по которой проходитъ излучистый Меандръ до своего впаденія въ море. Въ этомъ сраженіи палъ Аспіэтъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ Персъ, вступившій съ нимъ въ бой, не имѣя возможности поразить его самаго,—такъ какъ у него былъ крѣпкій панцырь и щитъ, простиравшійся до ногъ,—стремительно бросился на коня, на которомъ сидѣлъ Аспіэтъ. Получивъ жестокій ударъ въ голову, конь отпрянулъ назадъ, и, ставъ на дыбы, опрокинулъ всадника въ рѣку.

8. Предположивъ послѣ этого удачнаго дѣла совершить и другое, царь дважды выступалъ противъ Персовъ, кочевавшихъ около Лакерія и Панасія. Сначала онъ разогналъ Панасійскихъ Персовъ, а потомъ напалъ на Лакерійскихъ. Но прежде чѣмъ вступилъ въ мѣста, на которыхъ кочевали враги, онъ послалъ къ нимъ Лаодикійца Катида для того, чтобы тотъ осмотрѣлъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла Турковъ, и немедленно извѣстилъ его о томъ, что увидитъ. Катидъ' желая устрашить Персовъ именемъ царя, объявилъ имъ о его присутствіи въ войскѣ и чрезъ то разогналъ Персовъ, на которыхъ царь шелъ, какъ на готовую и весьма легкую добычу. Разсердившись и сильно разгнѣвавшись, царь въ наказаніе обрѣзалъ у него носъ; а самъ нисколько немедля и со всею поспѣшностію погналъ впередъ, но и при этомъ не настигъ враговъ. Былъ и еще случай, когда онъ напалъ на Турковъ, выславъ противъ нихъ Андроника Ангела, хотя и въ этотъ

разъ война у него кончилась не совсѣмъ удачно. Ввѣривъ этому человѣку лучшую часть восточныхъ легіоновъ и давъ ему въ товарищи Мануила Контакузина, человѣка искуснаго въ дѣлахъ и храбраго и другихъ знатныхъ Римлянъ, царь послалъ его противъ Турковъ, обитающихъ въ Хараксѣ. Этотъ Хараксъ лежитъ между Ламиною и Граосгалою. Андроникъ, принявъ войска, сначала вступилъ въ Граосгалу, а потомъ, оставивъ здѣсь вьючныхъ животныхъ и весь прочій обозъ, пошелъ къ Хараксу съ легковооруженнымъ войскомъ. Но не сдѣлавъ ничего славнаго и достойнаго того множества войска, которое тогда было при немъ, а ограничивъ свои подвиги угономъ скота и взятіемъ въ плѣнъ немногихъ турецкихъ пастуховъ, онъ въ великомъ страхѣ возвратился назадъ. Когда варвары ночью появились назади и начали кричать, онъ не подумалъ развѣдать, какъ многочисленны нападающіе, и не поставилъ своихъ воиновъ въ боевой порядокъ, а пустилъ во всю прыть своего быстраго коня и, побуждая его и руками, и ногами, и голосомъ—нестись скорѣе, направилъ путь не въ лагерь, но прямо въ городъ Хоны. Увидѣвъ же, что конь можетъ бѣжать и далѣе, не остановился и здѣсь, но со всею поспѣшностію понесся въ Фригійскую Лаодикію. Тогда войско, испуганное внезапнымъ исчезновеніемъ вождя, оставило строй и обратилось въ безпорядочное бѣгство, бросивъ животныхъ и плѣнниковъ. Быть можетъ даже Римляне схватились бы и стали бы сражаться другъ съ другомъ, такъ какъ была еще ночь, если бы Мануилъ Контакузинъ, высту-

нивъ противъ нихъ и обнаживъ мечь, не началъ бить бѣглецовъ плоскою его стороною, говоря: «стойте; куда вы несетесь, когда васъ никто не преслѣдуетъ». Такимъ образомъ онъ мало по малу остановилъ это безсмысленное отступленіе и стремительное бѣгство по горамъ и доламъ и холмамъ. Царь, тяжко прогнѣвавшись на Андроника за это безславное бѣгство, чуть было не приказалъ съ позоромъ провести его по улицамъ города въ женской одеждѣ; но, изъ любви къ своимъ и по всегдашней снисходительности къ роднымъ, оставилъ свой гнѣвъ, тѣмъ болѣе, что въ эту войну, какъ онъ узналъ, пало весьма немного Римлянъ. Вообще въ этотъ походъ не было сдѣлано ничего хорошаго: выступленіе противъ варваровъ было поспѣшное, а возвращеніе назадъ еще скорѣе. Въ это время одинъ Персъ, занявъ высокое мѣсто и засѣвъ въ немъ, убивалъ много проходящихъ Римлянъ. Всѣ пускаемыя имъ стрѣлы были смертельны и низводили въ преисподнюю; онѣ проходили сквозь щитъ и панцырь, и были страшнымъ зломъ. Многіе, слывшіе за людей доблестныхъ, выступали противъ него и, подойдя на весьма близкое разстояніе, съ большою отвагою бросали въ него стрѣлы и направляли копья. Но онъ, ловко мѣняя мѣсто, точно въ военной пляскѣ, избѣгалъ всѣхъ, направляемыхъ на него ударовъ, и, увернувшись, убивалъ нападающихъ. Наконецъ соскочилъ съ коня Мануилъ Кеиръ и, выставивъ напередъ щитъ, съ мечемъ въ рукахъ напалъ на Перса; принявъ на щитъ всѣ стрѣлы, онъ нанесъ ему рѣшительный ударъ въ голову и умертвилъ его.

Персъ просилъ Ксира не убивать его, но тотъ былъ до того далекъ отъ мысли о пощадѣ и, не смотря на его просьбу, такъ непреклоненъ, твердъ и неумолимъ, что за первымъ ударомъ нанесъ ему и второй. Да напрасно онъ и умолялъ о человѣколюбіи тѣхъ, которымъ самъ причинилъ столько гибельнаго зла.

Тутъ былъ и мой родственникъ, принадлежащій къ клиру города Хонъ, саномъ діаконъ, человѣкъ весьма отважный и мужественный. Отправившись вмѣстѣ съ войскомъ въ Хараксъ въ костюмѣ воина и захвативъ здѣсь, что попало подъ руку въ турецкихъ палаткахъ, онъ и въ самое опасное время не бросилъ награбленной добычи, — а добычу составляли персидскія платья, которыя были у него въ сумѣ, и овца съ густою шерстью, — но вмѣстѣ съ нею шелъ потихоньку, обращая на себя взоры всѣхъ. Одни хвалили его, какъ человѣка неустрашимаго въ трудныхъ обстоятельствахъ, и признавали рѣшительно первымъ изъ всѣхъ, кто только сражался въ то время, а другіе смѣялись надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, подвергающимъ опасности жизнь свою изъ-за какой-нибудь овцы. Но онъ, не смотря и на это, шелъ себѣ, какъ могъ, своею дорогою, осыпая бѣглецовъ бранью за то, что они постыдно бѣжали, тогда какъ ихъ никто не преслѣдовалъ.

Чрезъ нѣсколько времени Турки обложили городъ, называемый по имени кесаря Клавдія, и сначала отняли у Римлянъ, которымъ ввѣрено было его охраненіе, всякую возможность къ отступленію, а потомъ приступили и къ осадѣ. Жи-

тели города грозили сдать и самихъ себя и городъ, если не получатъ помощи со стороны, такъ какъ они не въ состояніи были долго выдерживать голодъ и рѣшительно не имѣли возможности отразить враговъ. Мануилъ, получивъ извѣстіе о бѣдственномъ ихъ положеніи, нисколько не медля, на другой же день со всевозможной поспѣшностію двинулся къ Клавдіополю чрезъ Никомидію. Онъ не повезъ съ собою ни царской палатки, ни кровати, ни постели, ни какихъ-либо другихъ вещей, служащихъ для царской роскоши, а взялъ только то, что можно везти верхомъ на конѣ, и доспѣхи, сдѣланные изъ желѣзныхъ бляхъ. Поэтому онъ дѣлалъ длинные переходы и такъ сильно желалъ поспѣть прежде, чѣмъ жители города потерпятъ какое-либо зло отъ осаждающихъ, что даже и не изобразить словами. Онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, и, проходя Виѳинію, пользовался въ своихъ переходахъ искуственнымъ свѣтомъ, — такъ какъ эта страна повсюду усѣяна ущельями и во многихъ мѣстахъ непроходима, по причинѣ густыхъ лѣсовъ. Если же гдѣ по нуждѣ онъ и долженъ былъ останавливаться; въ такомъ случаѣ вмѣсто кресла ему служила земля, а постелью была разостланная солома или подложенное сѣно. И когда, бывало, пойдетъ дождь во время стоянки на болотистой долинѣ, на него и сверху лили дождевыя капли, и снизу подъ постель текли ручьи воды и прерывали его сонъ. И въ этихъ-то случаяхъ къ нему питали больше уваженія и любви, чѣмъ когда онъ украшался діадимою, надѣвалъ порфиру и садился на коня въ

золотой сбруѣ. Когда онъ приблизился къ тому мѣсту, куда шелъ, такъ что его могли видѣть варвары, расположившіеся около Клавдіополя лагеремъ, они тотчасъ же обратились въ бѣгство, узнавъ о его появленіи по знаменамъ полковъ и по блеску оружія, а онъ ихъ преслѣдовалъ на весьма дальнее разстояніе, пока было возможно продолжать битву. Его приходъ такъ обрадовалъ Римлянъ, которые находились въ этомъ городѣ и уже начали было приходить въ отчаяніе отъ турецкихъ замысловъ, какъ не радуетъ ни попутный вѣтеръ мореплавателей, утомившихся и проливавшихъ много поту надъ веслами, ни пріятнѣйшая весна послѣ зимней скуки, и ничто другое, что составляетъ переходъ къ лучшему послѣ печальнаго начала.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Теперь надобно разсказать и о слѣдующихъ событіяхъ. Этотъ царь не имѣлъ возможности идти войною противъ народовъ, которые живутъ около Іонійскаго залива, а напротивъ самъ постоянно боялся ихъ нашествія на Римлянъ, и считалъ его страшнымъ и опаснымъ, такъ какъ зналъ, что Римскія войска не въ силахъ устоять противъ войскъ западныхъ, и тоже въ сравненіи съ ними, что горшки въ сравненіи съ котлами. Ему казалось очень возможнымъ, что всѣ западные народы составятъ союзъ противъ Римлянъ, сговорятся между собою и войдутъ въ одно общее противъ нихъ соглашеніе, а потому онъ всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Онъ говаривалъ, что восточныхъ варваровъ онъ можетъ деньгами склонить къ миру и силою оружія принудить не выступать изъ своихъ границъ, но что многочисленныхъ народовъ западныхъ онъ очень боится. Это, говорилъ онъ, люди высокомѣрные, неукротимые и вѣчно кровожадные; они не только обладаютъ огромнымъ богатствомъ и всѣ выходятъ на войну съ желѣзнымъ оружіемъ,

но и питаютъ непримиримую неприязнь къ Римлянамъ, всегда враждебны къ нимъ, смотрятъ на нихъ косо, и сильно противъ нихъ вооружаются. Поэтому жителей Венеціи, Генуи, Пизы и Анконы, а равно и всѣ другіе народы, разсѣянные около моря, онъ располагалъ къ дружбѣ съ Римлянами, заключалъ съ ними клятвенные договоры, старался привлечь ихъ къ себѣ всевозможными знаками дружелюбія и съ предупредительностію давалъ имъ пріютъ въ царственномъ городѣ. А чтобы кто нибудь изъ такъ называемыхъ у нихъ королей не усилился и потомъ не напалъ на Римлянъ, онъ тотъ народъ, которому угрожала опасность подпасть подъ владычество государя болѣе сильнаго, поддерживалъ денежными подарками, пріучалъ къ войнѣ и возбуждалъ къ сопротивленію. Такъ онъ часто вооружалъ Итальянцевъ противъ алеманскаго короля Фридерика. Этотъ послѣдній считалъ весьма важнымъ для себя, чтобы они подчинились ему и ввѣрили ему управленіе своими дѣлами, а Мануилъ чрезъ пословъ поддерживалъ ихъ, совѣтовалъ противиться и убѣждалъ остерегаться коварныхъ замысловъ короля. Точно также онъ помѣшалъ королю, не смотря на многократныя его покушенія, войти въ старый Римъ и здѣсь короноваться. «Не давай славы своей другому, писалъ онъ папѣ, и не прелагай отеческихъ предѣловъ, чтобы впослѣдствіи не испытать на дѣлѣ, что значитъ непредусмотрительность и, за пренебреженіе необходимыхъ мѣръ предосторожности, не терзаться раскаяніемъ тогда, когда зло сдѣлается совершенно не

нецѣльнымъ». Вслѣдствіе этого славный Римъ былъ заперть для него, какъ для человѣка безоружнаго, тогда какъ онъ гордился десятками тысячь своихъ солдатъ. Было также время, когда стѣны Медіолана были разрушены Алеманами; но жители этого города перехитрили своихъ побѣдителей, которые вынудили было у нихъ клятвенное обѣщаніе никогда не возстановлять стѣнъ: сначала они жили, окруживъ себя глубокимъ рвомъ, ссылаясь на то, что этимъ они вовсе не нарушаютъ клятвы, а потомъ возобновили и стѣну въ прежнемъ видѣ, при содѣйствіи тогоже царя. Кромѣ того онъ и маркиза монферратскаго, извѣстнаго по своему высокому происхожденію и счастью въ дѣтяхъ, и имѣвшаго большую силу, склонилъ къ дружбѣ съ Римлянами, частію посредствомъ богатыхъ даровъ, а частію посредствомъ брака его младшаго сына съ своею дочерью Маріею, какъ объ этомъ мы сказали не много прежде,—и чрезъ то еще болѣе противодѣйствовалъ замысламъ государя Алемановъ. Тотъ, выславъ съ огромными силами своего, какъ говорится по латыни, Канцелярія, или, какъ говорятъ Греки, Логоѳета, именно епископа майнцкаго, началъ было подчинять подъ свою власть италійскіе города, отторгая ихъ отъ папы, и съ безграничною самоувѣренностію присвояя себѣ. Но царь умѣлъ увлечь маркиза обѣщаніемъ денегъ и убѣдилъ его выслать противъ майнцкаго епископа своего сына Конрада, человѣка весьма виднаго и красиваго собою, который отличался необыкновеннымъ мужествомъ и умомъ и былъ въ

самомъ цвѣтѣ тѣлесныхъ силъ. Въ произшедшемъ между ними сраженіи Конрадъ разбилъ Алеманновъ, обративъ ихъ въ бѣгство при помощи своей кавалеріи, и взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и майнцкаго епископа. Послѣдній, быть можетъ, былъ бы даже отосланъ въ Византію, еслибы царь въ то время не скончался. Вообще между итальянскими и даже болѣе отдаленными городами небыло ни одного, въ которомъ бы этотъ царь не имѣлъ своего приверженца и вполнѣ преданнаго ему человѣка. Поэтому онъ слышалъ и зналъ все, что только задумывали и затѣвали тамошніе недоброжелатели Римлянъ самымъ секретнымъ образомъ, въ уединеніи своихъ кабинетовъ. Разъ какъ-то прибыли въ Анкону нѣсколько человѣкъ, присланные отъ царя по какимъ-то дѣламъ. Они успѣшно достигали своей цѣли и приводили къ концу данное имъ порученіе, было ли то привлеченіе къ дружбѣ съ царемъ такъ называемыхъ Лизіевъ (¹), или что другое, выгодное для Римлянъ. Алеманскій король по этому поводу исполнился гнѣва, и послалъ разрушить Анкону, отомстить здѣшнимъ жителямъ и наказать ихъ за то, что они заключаютъ договоры съ Римлянами и принимаютъ въ свой городъ пословъ, которые, очевидно, дѣйствуютъ во вредъ ему и отвращаютъ здѣшніе города отъ расположенности и вѣрности въ отношеніи къ нему. Посланное королемъ войско напало на Анконцевъ, какъ на враговъ, и, окруживъ

(¹) Этимъ именемъ называются ленники, вассалы.

городъ, требовало выдачи римскихъ пословъ. Но Анконцы такъ равнодушно слушали угрозы, такъ мало испугались раскинутаго предъ ними вражескаго лагеря, такъ безстрашно смотрѣли на окружавшія ихъ полчища, что не только не выдали тѣхъ, кого настоятельно требовали Алеманны, но и съ пренебреженіемъ отвергли ихъ требованіе и мужественно переносили постигшую ихъ опасность. Такъ какъ осада продолжалась довольно долго, и враги оставались на мѣстѣ, то они начали употреблять въ пищу то, что обыкновенно въ пищу не употребляется, и что не естественно ѣсть человѣку, привыкшему питаться хлѣбомъ. Царскіе послы, собравъ народъ, спрашивали, нельзя ли достать вспомогательнаго войска. Когда жители отвѣчали, что можно, но что сами они небогаты деньгами, послы, призвавъ въ свидѣтели Бога, увѣряли, что царь заплатитъ за всѣ военныя издержки, убѣждали ихъ не медлить и предсказывали, что въ противномъ случаѣ они испытаютъ со стороны враговъ, окружавшихъ городъ, самыя тяжелыя бѣдствія, такъ какъ дѣти и жены ихъ будутъ уведены въ плѣнъ, а деньги и вещи расхищены. Вслѣдствіе этого Анконцы призываютъ къ себѣ одного графа, по имени Вильгельма, и одну благородную женщину, которая не задолго предъ тѣмъ лишилась мужа, и получила въ наслѣдство родовое его имущество и власть. Предложивъ имъ богатую плату, они безъ всякаго труда, при ихъ помощи, отразили враговъ, спасли свою свободу и поэтому случаю радовались такъ, какъ будтобы извлекли свой

городъ изъ глубины морской. Царь, обрадованный этимъ событіемъ, какъ и слѣдовало ожидать, наградилъ Анконцевъ за все, совершенное ими, похвалами, присвоилъ имъ права гражданскія наравнѣ съ природными Римлянами, и обѣщалъ имъ все, что только онъ могъ безукоризненно дать, и чего они были въ правѣ просить. А кромѣ того онъ послалъ имъ и гораздо больше золота, чѣмъ сколько они издержали. Такъ окончились Анконскія дѣла. Анконцы, какъ видно, народъ по природѣ вѣрный и не мѣняютъ своихъ мыслей съ перемѣною обстоятельствъ. Иначе, какъ объяснить, что они отвергли повелѣніе сосѣдняго и весьма достойнаго властителя, каковъ былъ король алеманскій, и предпочли ему римскаго царя, котораго видѣли какъ бы въ тѣни за многими землями и горами, если бы въ нихъ небыло врожденнаго сознанія добра и такого стремленія къ нему, которое не страшится опасностей и при всѣхъ обстоятельствахъ всегда остается твердымъ и непоколебимымъ. Но, съ другой стороны, въ укоръ имъ можно сказать то, что они изъ корыстолюбія, по привычкѣ нищенствовать и протягивать руку за подаяніемъ, оставили того, кого вчера и третьяго дня признавали своимъ властителемъ, и послѣдовали за другимъ, кто польстилъ ихъ алчности и удовлетворилъ ихъ корыстолюбію и торгашескимъ разсчетамъ.

2. Между тѣмъ какъ царь такъ велъ эти дѣла, Римляне осыпали его насмѣшками за то, что онъ, по самолюбію, питаетъ несбыточныя желанія, простираетъ взоры на края земли, дѣлаетъ

то, на что может отважиться только горячая, на все готовая, голова, далеко выходитъ изъ границъ, установленныхъ прежними царями, и безъ всякой пользы тратитъ деньги, которыя собираетъ, изнуряя и истощая своихъ подданныхъ необыкновенными податями и поборами. Такія насмѣшки падали на него совершенно несправедливо, потому что его дѣйствія вовсе не были какою либо безразсудною затѣею. Онъ, какъ я сказалъ, опасался, чтобы латинскія племена, обладающія неодолимою силою, соединившись между собою, не затопили нашего государства, подобно потоку, который, изъ малаго сдѣлавшись великимъ, опустошаетъ нивы земледѣльцевъ. Онъ видѣлъ, что и малая искра бываетъ причиною огня, а иногда переходитъ и въ величайшее пламя и пожаръ, если ей попадется удобосгараемое вещество; а потому, и при появленіи одного только подозрѣнія, принималъ мѣры къ устраненію опасности въ самомъ ея началѣ, подражая лучшимъ земледѣльцамъ, которые вырываютъ негодныя, портящія ниву, растенія, пока они еще молоды, и истребляютъ только что разцвѣтающіе побѣги дико растущихъ деревъ. И это ясно доказали послѣдующія событія, когда онъ оставилъ здѣшнюю жизнь, и ладья царства, лишившись мудраго кормчаго, едва не потонула. Я и самъ не скрою, что онъ любилъ увеличивать подати; не умолчу, что начальственныя должности у него отдавались откупщикамъ, что онъ любилъ вновь распаханную землю на поляхъ и самъ своимъ плугомъ прорѣзывалъ борозды, изъ которыхъ вы-

ходили у него колосья въ ростъ человѣка. Но собираемыя деньги не столько слагались въ казнохранилища или зарывались въ нѣдра земли, сколько были разсыпаемы обѣими руками: ихъ щедро раздавали монастырямъ, церквамъ и недостаточнымъ Римлянамъ, большею же частію онѣ переходили къ разнымъ племенамъ другихъ народовъ, а по преимуществу текли къ латинскимъ толпамъ. Стараясь прославиться щедростью, царь безъ всякой мѣры раздавалъ и расточалъ то, что собиралъ обѣими руками, назначая попечителями своихъ доходовъ людей чрезвычайно строгихъ. Важную статью въ расходѣ составляли и издержки на людей, соединенныхъ съ царемъ узами крови и близкихъ къ нему по другимъ отношеніямъ. Такъ, прежде всего, племянница царя Ѳеодора, съ которою, какъ мы сказали, онъ былъ въ связяхъ, имѣла совершенно царскую свиту, хотя и не носила діадимы; женщина, по характеру, гордая, надменная и высокомѣрная, она не хотѣла и входить во дворецъ, если то не былъ дворецъ великолѣпный. И родившійся отъ ней царю сынъ, а потомъ и другія дѣти также переводили на себя цѣлыя моря денегъ. А какъ царь былъ человѣкъ добродушный и легко отдавался въ руки постельничимъ и евнухамъ, находившимся при женскихъ покояхъ, а равно и слугамъ изъ иноземныхъ народовъ, полуварваровъ, у которыхъ сначала является слюна, а потомъ ужь слова, то и этихъ людей онъ дѣлалъ богачами, большею частію безъ труда склоняясь на ихъ желанія и безотказно исполняя ихъ просьбы. Нѣкоторые изъ

нихъ владѣли такимъ богатствомъ, что у нихъ были кучи денегъ и множество всякаго рода блестящихъ украшеній, все равно какъ у вельможъ самыхъ большихъ народовъ. И это были люди, не имѣвшіе никакого образованія и произносившіе греческія слова точно такъ же, какъ горы и скалы повторяютъ послѣдній звукъ пастушескихъ пѣсенъ. Совершенно полагаясь на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ и преданныхъ слугъ, царь не только поручалъ имъ важнѣйшія должности, но и ввѣрялъ судебныя изслѣдованія, къ которымъ не вдругъ бываютъ способны и опытные законовѣды. Если нужно было въ какихъ нибудь провинціяхъ произвесть перепись,—а это бывало часто,—такого рода люди предпочитались людямъ почтеннымъ. Если же когда и присоединяли къ нимъ какого-нибудь благороднаго Римлянина, который обладалъ обширнымъ умомъ и благоразуміемъ, то его посылали только для того, чтобы онъ сдѣлалъ перепись и указалъ предметы, съ которыхъ должно было собирать подати, а варваръ былъ главнымъ распорядителемъ сбора и прикладывалъ свою печать къ мѣшкамъ, которые слѣдовало доставить царю. Но на дѣлѣ большею частію выходило со всѣмъ не то, чего ожидалъ царь, и его намѣренія не исполнялись. Подозрѣвая и удаляя отъ себя Римлянъ, какъ воровъ, онъ, самъ того не замѣчая, осчастливливалъ корыстолюбивыхъ варваровъ и благодѣтельствовалъ жалкимъ и презрѣннымъ людямъ, а въ туземцахъ, вмѣсто честности и вѣрности, полученныхъ отъ природы и воспитанія, возбуждалъ противополож-

ныя расположенія. Римляне понимали, что царь не довѣряетъ имъ, что они прикомандировываются къ иностранцамъ и посылаются въ провинціи подвое, скорѣе какъ слуги и споспѣшники при поборахъ, чѣмъ какъ люди, на вѣрность которыхъ вполнѣ можно положиться, что во всякомъ случаѣ ихъ считаютъ только за пристяжныхъ въ колесницѣ правительства. Поэтому они дѣлали только то, что имъ было приказано, только жали, какъ колосья, деньги, вязали ихъ въ снопы, и сносили, какъ на токъ, къ варвару, который начальствовалъ надъ многими и одинъ считался стоющимъ весьма многихъ Римлянъ, а на все другое не обращали никакого вниманія. Нечего и говорить, что царю они доставляли самую малую часть сбора и какбы остатки послѣ другихъ, а большую часть присвоивали себѣ, потому что добрый и вѣрный рабъ у царя изъ муки, хотя бы то и золотой, сперва замѣшиваетъ хлѣбы себѣ, а потомъ еще дѣлится и съ товарищемъ.

3. Дѣломъ этого царя была и та башня, которая стоитъ не вдалекѣ отъ берега среди моря, омывающаго сушу, извѣстную прежде подъ именемъ Дамалиса, а нынѣ называемую Арклою, — а равно и башня, построенная на берегу насупротивъ первой, близъ Манганскаго монастыря. Императоръ соорудилъ ихъ съ тою цѣлію, чтобы во время нападенія варварскихъ кораблей протягивать изъ каждой башни желѣзную цѣпь, и такимъ образомъ сдѣлать недоступными тѣ части города, которыя лежатъ около Акрополиса и вдаются внутрь залива до самаго влахернскаго дворца. О

любви этого царя къ изящному свидѣтельствуютъ огромные андроны съ колоннами, которые онъ устроилъ въ обоихъ дворцахъ: они горятъ золотою мозаикою и въ нихъ разноцвѣтными красками съ удивительнымъ искусствомъ изображены всѣ его подвиги противъ варваровъ, а равно и другія дѣянія, совершенныя имъ ко благу Римлянъ. Онъ же воздвигъ и отлично украсилъ большую часть и тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыя стоятъ по берегамъ Пропонтиды, и въ которыхъ римскіе цари ищутъ отдохновенія, проводя здѣсь лѣто, какъ древніе персидскіе властители въ Сузахъ и Экватанѣ. Когда время вызывало на трудъ, онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выносилъ и труды, терпѣлъ холодъ, выдерживалъ зной, отказывалъ себѣ въ снѣ; а когда былъ свободенъ отъ войны, любилъ пожить въ свое удовольствіе и съ наслажденіемъ предавался отдыху. Если бы кто съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на него въ свободное время и увидѣлъ, какое наслажденіе доставляютъ ему вкусныя блюда, какъ онъ радъ послушать и игроковъ на лирѣ или цитрѣ, и стройное пѣніе, тотъ сказалъ бы, что онъ всю свою молодость провелъ въ однихъ этихъ удовольствіяхъ и что наслажденіе онъ считаетъ цѣлію жизни. А если бы, напротивъ, увидѣлъ, какъ онъ чуждается въ трудныя времена всякаго наслажденія и презираетъ житейскія удовольствія, то подивился бы его равнодушію къ тому и другому. Онъ предполагалъ возстановить на берегу моря храмъ св. Ирины, который нѣкогда былъ построенъ знаменитымъ Маркіаномъ

и представлялъ собою зданіе, огромнѣйшее по величинѣ и превосходнѣйшее по красотѣ, въ послѣдствіи истребленное огнемъ. Нѣкоторыя части этого храма были уже выведены, начиная съ основанія, но потомъ работы были прекращены. Онъ устроилъ также священную обитель около устьевъ Понта, на мѣстѣ, называемомъ Катаскепою, во имя Архистратига Михаила. Собравъ сюда самыхъ знаменитыхъ и самыхъ лучшихъ того времени монаховъ, онъ позаботился устроить для нихъ жизнь совершенно уединенную. Зная, что владѣніе имуществомъ и соединенныя съ нимъ разныя хлопоты отнимаютъ у людей, избравшихъ для себя пустынную жизнь, много покоя и отклоняютъ ихъ отъ жизни для Бога, а между тѣмъ въ этомъ и состоитъ ихъ обѣтъ, — онъ не удѣлилъ имъ никакого имущества, не назначилъ монастырю ни полей, ни виноградниковъ, а положилъ производить монахамъ изъ царской казны столько жалованья, сколько нужно для полнаго ихъ содержанія. Это онъ сдѣлалъ, по моему мнѣнію, для того, чтобы пресѣчь непомѣрную страсть къ построенію монастырей, которою одержимы были очень многіе, и подать потомкамъ примѣръ того, какъ должно созидать храмы, и какую нужно приготовлять трапезу пустынникамъ, людямъ бѣднымъ и отрѣшившимся отъ земнаго. Онъ былъ очень далекъ отъ мысли одобрять нынѣшній порядокъ вещей, когда люди даютъ обѣтъ монашества, а между тѣмъ бываютъ и богаче и больше развлечены хлопотами, чѣмъ даже тѣ, которые любятъ удовольствія здѣшней жизни. Поэтому

онъ возобновилъ законъ, который данъ былъ истинно-достойнѣйшимъ царемъ Никифоромъ Фокою, человѣкомъ съ богатырскою силою и съ большимъ умомъ,-законъ, которымъ запрещалось увеличивать монастырское имущество. Этотъ законъ отъ времени превратился было въ мертвую букву и потерялъ силу, но онъ воскресилъ его, согрѣвъ, какъ бы кровью, красными царскими чернилами. Онъ не переставалъ упрекать и отца, и дѣда, и прочихъ своихъ родственниковъ, которые, построивъ монастыри, приписали къ нимъ цѣлыя десятины плодородной земли и зеленые луга; онъ осуждалъ этихъ людей и изливалъ на нихъ колкія насмѣшки не за то, что они часть своего имущества удѣлили Богу, а за то, что хорошее дѣло сдѣлали не хорошо. Имъ бы слѣдовало назначить жилище для монашествующихъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и пустынныхъ странахъ, въ углубленіи пещеръ и на возвышенностяхъ горъ, а отъ этого красиваго города близъ Геллеспонта бѣжать, какъ бѣжалъ Одиссей отъ обольстительныхъ звуковъ и пѣсенъ сиренъ. Но они, добиваясь похвалы отъ людей, стараясь выставить на показъ входящимъ въ храмы свои выбѣленные и разукрашенные разноцвѣтными камнями гробы, желая и по смерти являться въ вѣнцахъ, съ свѣтлыми и блистающими лицами, воздвигли священныя обители на площадяхъ и перекресткахъ и въ нихъ заперли не доблестныхъ подвижниковъ, но людей, которые только потому и монахи, что остригли волосы, перемѣнили платье и отпустили себѣ бороду. Вслѣдствіе этого, по желанію ли поддержать погибавшую и падавшую

честь монашества, или изъ опасенія быть обличеннымъ въ сочувствіи къ тому, что самъ же въ другихъ порицалъ, Мануилъ избралъ для себя другой путь, а не тотъ, которымъ шли его родственники.

4. У Римлянъ принято за правило, — да я думаю, что это правило имѣетъ силу и у самыхъ варваровъ, — давать на содержаніе солдатамъ жалованье и дѣлать имъ частые смотры, чтобы видѣть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащимъ образомъ о лошадяхъ, а людей вновь вступающихъ въ военную службу напередъ испытывать, здоровы ли и сильны ли они тѣломъ, умѣютъ ли стрѣлять, знаютъ ли владѣть копьемъ, и потомъ уже вносить въ списки. Но этотъ царь всѣ деньги, какія должны были идти на содержаніе солдатъ, собиралъ къ себѣ въ казнохранилище, какъ воду въ прудъ, а жажду войскъ утолялъ такъ называемыми даровыми приношеніями обывателей, воспользовавшись дѣломъ, придуманнымъ прежними царями и только изрѣдка допускавшимся для такихъ солдатъ, которые часто разбивали враговъ. Чрезъ это онъ, и самъ того не замѣчая, и ослабилъ войско, и перевелъ бездну денегъ въ праздныя утробы, и привелъ въ дурное положеніе римскія провинціи. При такомъ порядкѣ вещей лучшіе воины утратили соревнованіе въ опасностяхъ, такъ какъ то, что побуждало ихъ выказывать воинскую доблесть, не было уже, какъ прежде, чѣмъ-то особеннымъ, что предоставляется только имъ однимъ, а сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ. И жители провинцій, которые

прежде имѣли дѣло съ однимъ лишь государственнымъ казначействомъ, терпѣли величайшія притѣсненія отъ ненасытной жадности солдатъ, которые не только отнимали у нихъ серебро и оволы, но и снимали съ нихъ послѣднюю рубашку, а иногда и разлучали ихъ съ самыми дорогими для нихъ предметами. Отъ того всякому хотѣлось попасть въ число солдатъ, и одни, простившись съ иголкою, потому что она съ трудомъ доставляла скудныя средства къ содержанію, другіе, бросивши ходить за лошадьми, иные, отмывъ кирпичную грязь, а иные, очистивъ съ себя кузнечную сажу, являлись къ вербовщикамъ, и, подаривъ имъ персидскаго коня или нѣсколько золотыхъ монетъ, зачислялись безъ всякаго испытанія въ полки, тотчасъ же снабжались царскою грамотою и получали въ удѣлъ десятины хорошо орошенной земли, плодоносныя нивы и податныхъ Римлянъ, которые должны были служить имъ въ качествѣ рабовъ. Случалось даже, что Римлянинъ платилъ подать презрѣнному полуварвару, который никогда не видѣлъ боеваго строя, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ почтенной наружности, такъ хорошо зналъ военное дѣло и имѣлъ такія преимущества предъ тѣмъ, кто бралъ съ него подать, что казался предъ нимъ Ахиллесомъ, или былъ по отношенію къ нему тоже, что человѣкъ, у котораго вооружены обѣ руки, въ сравненіи съ человѣкомъ, который отъ болѣзни не можетъ протянуть и одной. Положеніе римскихъ провинцій естественно было вполнѣ достойно такихъ безпорядковъ въ войскахъ; од-

нѣ изъ нихъ страдали отъ иноплеменниковъ, которые на нашихъ глазахъ грабили ихъ и покоряли своей власти, а другія были опустошаемы и раззоряемы своими, словно чужія. О Господи! Доколѣ Ты будешь забывать Твое наслѣдіе, и, отвращая отъ насъ лице Свое, доколѣ будешь открывать стезю гнѣву Твоему! Когда Ты, призрѣвъ изъ святаго жилища Твоего, видѣніемъ увидишь нашу тѣсноту и озлобленіе и, освободивъ насъ отъ золъ окружающихъ, пошлешь избавленіе и отъ болѣе тяжкихъ золъ, которыя угрожаютъ намъ?!

5. Къ сказанному нужно присовокупить еще и вотъ что. Для большей части римскихъ царей рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ — непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное Церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и то-

же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ образомъ и этотъ царь, владѣвшій краснорѣчіемъ и богато надѣленный отъ природы пріятнымъ даромъ слова, не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя называютъ селенціями (σελέντια (¹)), и читалъ ихъ въ слухъ всѣмъ. А впослѣдствіи, продолжая идти этимъ путемъ, онъ, мало по малу, дошелъ и до божественныхъ догматовъ и началъ разсуждать о Богѣ. Часто, прикрываясь недоумѣніемъ, онъ предлагалъ вопросы изъ Писанія, доискивался ихъ рѣшенія, собирая и спрашивая всѣхъ, кто отличался ученостію. Но и за это его еще можно было бы похвалить, если бы, простирая такъ далеко свою пытливость, онъ вовсе не касался непостижимыхъ догматовъ, или, даже и касаясь ихъ, не былъ упоренъ въ своихъ мысляхъ и не перетолковывалъ во многихъ случаяхъ смысла Писаній примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, постановляя и привнося свои толкованія тамъ, гдѣ правильное разумѣніе опредѣлено уже отцами, — какъ будто бы онъ всецѣло обнялъ своимъ умомъ Самаго Христа и отъ Него Самаго и яснѣе и совершеннѣе наставленъ во всемъ, что до Него касается. Такъ, когда возникъ вопросъ объ изрече-

(¹) Σελέντιον отъ латинскаго silentium — молчаніе. У латинскихъ и греческихъ писателей среднихъ вѣковъ этимъ именемъ называются и частныя собранія для разсужденія о гражданскихъ и, особенно, о церковныхъ дѣлахъ, и самыя эти разсужденія, и рѣчь, которую говорилъ императоръ въ этихъ собраніяхъ Ducang. Glossar. Graecit. p. 1370. et latinitat. vol. VI p. 256.

ніи Писанія, въ которомъ говорится, что воплотившійся Богъ и приноситъ и вмѣстѣ приносится, и ученые того времени раздѣлились на противныя стороны, — изслѣдованія продолжались довольно долго и съ обѣихъ сторонъ сыпались положенія и возраженія. Но когда вопросъ былъ рѣшенъ надлежащимъ образомъ, и царь присталъ къ тому мнѣнію, которое было богоугоднымъ и лучшимъ, — за разномысліе подверглись низложенію Сатирихъ Пантевгенъ, нареченный епископъ града Божія великой Антіохіи, Евстаѳій диррахійскій, Михаилъ ѳессалоникійскій, который украшалъ собою каѳедру Ритора (¹), а также всходилъ и на амвонъ для евангельской проповѣди, Никифоръ Василакъ, толковавшій посланія Павла къ церквамъ и блескомъ своего краснорѣчія проливавшій свѣтъ на тѣ апостольскія изреченія, которыя затемнены неясностью и преисполнены духовной глубины. Говорятъ, что, когда разсуждали объ этомъ догматѣ и положено было предложить его на общее разсмотрѣніе, вдругъ въ необычное время раздался страшный ударъ грома и до того оглушилъ всѣхъ бывшихъ съ царемъ, который жилъ тогда въ Пелагоніи, что многіе отъ этого удара попадали на землю; а одинъ изъ питомцевъ наукъ, по имени Илія, Стратофилаксъ (²),

---

(¹) У Кодина, въ спискѣ чиновъ и должностей Великой Церкви, Риторъ, Учитель Евангелія и Учитель Апостола занимаютъ мѣсто въ четвертомъ пяткѣ. Обязанностію ритора было вообще объяснять св. Писаніе. Учитель Евангелія объяснялъ въ частности Евангеліе, а Учитель Апостола — Апостолъ. Codin. de offic. pag. 5.

(²) Стратофилаксъ — хранитель, стражъ войска и лагеря. По Кодину, на немъ лежала обязанность выбирать мѣсто для лагеря во время похода. Codin. de offic. p. 83 et 193.

человѣкъ, превосходившій счастіемъ многихъ, раскрывъ книгу, въ которой разсуждалось о громахъ и землетрясеніяхъ, и прочитавъ, что говорилось въ ней относительно того времени, когда прогремѣлъ громъ, встрѣтилъ эти слова: «паденіе мудрыхъ». И точно, тогда не только упомянутые мужи, умнѣйшіе того времени люди, были извержены изъ Церкви и подпали подъ запрещеніе совершать какое то бы ни было богослуженіе, но вмѣстѣ съ ними были исключены и изгнаны изъ священной и божественной ограды и другія лица. А спустя нѣсколько лѣтъ, царь предложилъ на обсужденіе слова Богочеловѣка: «Отецъ Мой болій Мене есть». Не обративъ должнаго вниманія на толкованія Отцевъ, хотя они и были разнообразны и достаточно опредѣляли и разъясняли смыслъ этихъ словъ, онъ представилъ собственное объясненіе и упорно держался однажды принятаго мнѣнія, истолковывая сообразно съ своимъ желаніемъ и съ тѣмъ мнѣніемъ, которое предположилъ утвердить, изреченія блаженныхъ учителей вселенной, нисколько не вредящія истинѣ, но сказанныя богомудро. Такъ одни изъ отцевъ говорятъ, что «болій» сказано объ Отцѣ, какъ виновникѣ Сына, другіе понимаютъ эти слова въ отношеніи къ человѣчеству, относя ихъ къ воспринятой плоти, а не къ Слову, какъ и слова̀ о томъ, что Онъ идетъ къ Отцу, и о томъ, что грядетъ князь міра, но рѣшительно ничего не можетъ найти въ Немъ; нѣкоторые же принимали слово: «болій» и о Словѣ, но не просто, и не по существу, а по отношенію къ крайнему истощанію и

уничиженію въ вочеловѣченіи, а иные объясняли и инымъ, но всегда благочестивымъ образомъ. Но царь, не знаю почему, не удовольствовался этими объясненіями, какъ будто въ нихъ недостаточно сказано о предметѣ, а потому предложилъ и свое особенное истолкованіе. Составивъ соборъ и созвавъ всѣхъ, кто любилъ заниматься божественными догматами, онъ убѣдилъ постановить и подписать такое опредѣленіе: «принимаю и изреченія богоносныхъ отцевъ касательно словъ: Отецъ Мой болій Мене есть, но утверждаю, что это сказано и по отношенію къ созданной и подлежащей страданію Его плоти». Это опредѣленіе, не знаю какъ, приписываетъ умаленіе предъ Отцемъ воплотившемуся Сыну, какъ будто бы онъ чрезъ воспринятіе человѣческаго естества и явленіе къ намъ потерялъ равенство съ Отцемъ и не сохранилъ въ этомъ состояніи принадлежащей Ему славы, но остался въ предѣлахъ уничиженія, и не обожилъ и не возвысилъ уничиженнаго человѣческаго естества, и не сдѣлалъ его соучастникомъ въ собственной славѣ чрезъ самое соединеніе съ нимъ, а напротивъ Самъ былъ уничиженъ имъ, — что нелѣпо. Утвердивъ это опредѣленіе, какъ пламеннымъ мечемъ, красною грамотою, угрожавшею смертью и отлученіемъ отъ вѣры тому, кто осмѣлится даже самъ про себя вникнуть въ этотъ предметъ и только подумать о немъ,— не говорю уже о томъ, кто сталъ бы явно противорѣчить и роптать, царь, вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ и льстецовъ, вырѣзалъ его на каменныхъ доскахъ и

поставилъ ихъ въ Великой церкви. Эти люди опасались, чтобы не отмѣнили ихъ опредѣленія, такъ какъ оно переноситъ умаленіе, чрезъ посредство плоти, на самое Слово, особенно потому, что они опустили изъ вниманія состояніе уничиженія и все мыслимое по человѣчеству.

6. Нѣчто въ такомъ же родѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ и при концѣ своей жизни. Въ чинѣ оглашенія, между другими опредѣленіями, находится и анаѳема Богу Магомета, о которомъ послѣдній говоритъ, что онъ «и не родилъ и нерожденъ», и что онъ есть олосфиросъ (¹). Царь предположилъ уничтожить эту анаѳему во всѣхъ книгахъ, въ которыхъ содержится чинъ оглашенія, начиная съ книжки, находящейся въ Великой церкви. Поводъ къ этому былъ весьма благовиденъ. Царь говорилъ, что всякая вообще хула противъ Бога служитъ соблазномъ для Агарянъ, обращающихся въ нашу богоугодную вѣру. Поэтому, пригласивъ къ себѣ великаго Ѳеодосія, который въ то время занималъ и украшалъ самый первый престолъ, и тѣхъ изъ бывшихъ въ городѣ архіереевъ, которые отличались умомъ и добродѣтельною жизнію, онъ послѣ напыщеннаго вступленія, сообщилъ имъ свое намѣреніе. Но они всѣ не согласились съ нимъ и не хотѣли даже и слышать о его предложеніи, какъ не ведущемъ ни къ чему

(¹) Ὁλόσφυρος собственно значитъ— весь скованный молоткомъ или, какъ переведено у насъ въ чинѣ оглашенія магометанъ, *всекованный*. Сильбургій замѣчаетъ, что Магометъ этимъ названіемъ хотѣлъ, кажется, выразить единоличность Бога, въ противоположность ученію христіанъ о св. Троицѣ. Ducang. Glossar.. Graecit. p. 1039.

доброму и удаляющемъ отъ истиннаго понятія о Богѣ. Они истолковывали богоугодно слова, которыя будто бы служатъ къ соблазну и претыканію, и объясняли, что подвергается анаѳемѣ не Богъ вообще, Творецъ неба и земли, а измышленный безумными бреднями Магомета богъ-олосфиросъ, который и нерожденъ и неродилъ, такъ какъ христіане прославляютъ Бога Отца, а тѣ презрѣнныя бредни Магомета совсѣмъ это отвергаютъ. Да притомъ, говорили они, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ, что значитъ слово «ὁλόσφυρος». Тогда царь, упорно оставаясь при своемъ мнѣніи, предоставилъ имъ сокрушаться въ глубинѣ своихъ сердецъ, и воспользовавшись услугами придворныхъ, которые были извѣстны ему ученостью и угодничествомъ, издалъ самъ отъ себя опредѣленіе, которымъ защищалось буесловіе — не могу же я сказать богословіе —Магомета, и явно осуждались прежніе цари и лица изъ священнаго списка, какъ люди, по невѣжеству и неосмотрительности дозволявшіе подвергать анаѳемѣ истиннаго Бога. Это опредѣленіе онъ отдалъ для публичнаго прочтенія въ царскихъ палатахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ туда главнѣйшихъ членовъ сената и совѣта и своихъ родственниковъ, отличавшихся образованіемъ, чтобы они, такъ сказать, подготовили путь этому опредѣленію и рукоплескали тому, что было написано. И хотя это сочиненіе не было богато поучительными словами Св. Духа, но, приправленное краснорѣчивыми доводами человѣческой мудрости, имѣло такую силу убѣжденія, что едва могли оторвать свой слухъ

отъ него не только люди, обращавшіе вниманіе на его изящную внѣшность и пріятную оболочку, но даже и тѣ, которые вникали въ смыслъ написаннаго. И, быть можетъ, стали бы славить, какъ истиннаго Бога, какого-то бога-олосфиросъ, котораго придумалъ Магометъ, если бы этому рѣшительно не воспротивился патріархъ. Онъ не только самъ не согласился съ этимъ сочиненіемъ, какъ опаснымъ и вводящимъ новые догматы, но и другихъ убѣждалъ остерегаться его, какъ яда. Царь оскорбился этимъ, какъ будтобы получилъ жестокую обиду, осыпалъ архіереевъ бранью и называлъ ихъ всесвѣтными дураками. Онъ былъ тогда особенно раздражителенъ, потому что боролся съ страшною болѣзнію, отъ которой и скончался. За тѣмъ, изложивъ сокращеннѣе то, о чемъ въ прежнемъ опредѣленіи говорилось пространно, со всѣмъ искусствомъ краснорѣчія и съ ораторскими украшеніями, и снова представивъ свой догматъ въ обольстительныхъ чертахъ, онъ издалъ другое опредѣленіе. И такъ какъ теперь онъ жилъ въ дворцѣ, находящемся въ Дамалисѣ и называемомъ Скутари, желая воспользоваться благорастворенпымъ воздухомъ и избѣгая многолюдья, и былъ совершенно занятъ врачеваніемъ своей болѣзни, то туда же по царскому повелѣнію отправляются и сонмъ архіереевъ и всѣ, отличавшіеся ученостью. Но не успѣли они еще совсѣмъ выйдти изъ лодокъ, какъ къ нимъ является секретарь, который былъ особенно близокъ къ царю и имѣлъ весьма большую силу. Это былъ Ѳеодоръ Мацукъ. Обратившись съ рѣчью къ патріарху и собранію

архіереевъ, онъ сказалъ, что доступъ къ царю теперь невозможенъ вслѣдствіе встрѣтившагося отъ болѣзни препятствія, но что они должны выслушать то, что онъ будетъ читать; тутъ онъ показалъ имъ бумаги, которыя держалъ въ рукахъ. Въ одной изъ нихъ разсуждалось объ упомянутомъ догматѣ, который, какъ мы сказали, самодержцу очень хотѣлось утвердить подписью собравшихся архіереевъ, а въ другой, написанной отъ царскаго лица къ архипастырю Ѳеодосію и собору, не только не было никакой скромности и не содержалось ничего пріятнаго, а напротивъ въ ней царь порицалъ настойчивость патріарха и бывшихъ съ нимъ архіереевъ, какъ безразсудное упорство, грозилъ созвать большій соборъ и увѣрялъ съ клятвою, что пригласитъ для разсужденія о предложенномъ вопросѣ самаго папу стараго Рима. «Я былъ бы, говорилъ царь, неблагодаренъ и безразсуденъ, если бы не воздалъ моему Владыкѣ и Царю всячеѣскихъ—Богу, хоть самую малую часть за всѣ тѣ благодѣянія, которыя я отъ Него получилъ, — употребивъ съ своей стороны все стараніе для того, чтобы Его—истиннаго Бога не подвергали анаѳемѣ». Но слушатели такъ мало были испуганы этимъ напыщеннымъ велерѣчіемъ, что предстоятель ѳессалоникійскій Евстаѳій, человѣкъ съ обширной ученостью и съ большимъ даромъ краснорѣчія, исполнившись ревностью противъ того, что было прочитано, не потерпѣлъ, чтобы прославлялся, какъ истинный Богъ, какой то олосфиросъ—вымыселъ жалкаго ума. «Мозгъ въ моей головѣ, сказалъ онъ, былъ бы попранъ но-

гами, и я былъ бы вовсе недостоинъ этой одежды—тутъ онъ указалъ на мантію, которая была у него на плечахъ,—если бы призналъ истиннымъ Богомъ скотоподобнаго дѣторастлителя, учителя и наставника на всѣ гнусныя дѣла». Слушатели едва не оцѣпенѣли при этихъ словахъ; потому что онъ сказалъ ихъ громко и ясно показалъ, что горитъ ревностію по благочестію. А тотъ, кто читалъ грамоту, не много постоявъ въ онѣмѣніи и съ сжатыми губами, отправился назадъ къ самодержцу. Царь, услышавъ эти слова и какъ: бы оглушенный ими, началъ представлять различныя оправданія и выказалъ долготерпѣніе, какого никогда въ немъ не было. Чтобы избѣжать упрековъ и насмѣшекъ, онъ и причислялъ себя къ православнѣйшимъ христіанамъ, и говорилъ, что произошелъ отъ самыхъ благочестивыхъ родителей, и настоятельно требовалъ себѣ суда съ архіепископомъ ѳессалоникійскимъ. «Или я оправдаюсь, говорилъ онъ, и докажу, что невѣрую въ бога-дѣторастлителя и не ввожу извращенія въ вѣру, и тогда подвергну заслуженному наказанію того, кто изрыгаетъ хулу на помазанника Господня, или я буду обвиненъ въ томъ, что прославляю иного Бога, а не того, котораго чтутъ носящіе имя христіанъ, и тогда я узнаю наконецъ истину и принесу немалую благодарность тому, кто отвратилъ меня отъ ложнаго мнѣнія и научилъ истинѣ». Когда же, спустя не много времени, патріархъ явился къ нему на лицо и уговорилъ его, объяснивъ, что было нужно, онъ смягчилъ свой гнѣвъ, дозволилъ Евстаѳію

оправдываться, сколько угодно, и наконецъ простилъ ему сказанныя имъ слова, присовокупивъ: «тебѣ, какъ человѣку умному, не должно вдаваться въ срамословіе и дерзко говорить то, что совершенно неумѣстно». Послѣ этого опредѣленіе о догматѣ было прочитано вслухъ всѣхъ, всѣ его одобрили, какъ опредѣленіе благочестивое, обѣщали съ удовольствіемъ подписаться подъ нимъ, и собраніе было распущено. Собранные удалились, восхищаясь тѣмъ, что своей настойчивостью побѣдили царя, а царь радовался, что склонилъ ихъ на свое желаніе и посредствомъ немногихъ словъ достигъ того, чего прежде никакъ не могъ добиться при помощи длиннаго сочиненія. На слѣдующій день они собрались въ домъ патріарха, чтобы поступить такъ, какъ согласились, потому что еще на зарѣ явились къ нимъ посланные отъ царя, чтобы собрать ихъ въ одно мѣсто. Но они были уже не тѣмъ, чѣмъ были вчера, а напротивъ всѣ опять отказывались и отступались отъ своего обѣщанія на томъ основаніи, что въ прочитанной грамотѣ все еще есть нѣкоторыя слова, которыя слѣдовало бы выпустить; они хотѣли, чтобы и эти слова были изглажены и замѣнены другими, нисколько непротивными правому ученію. Государь опять разсердился и жестоко поносилъ ихъ, какъ чистыхъ дураковъ, за непостоянство и измѣнчивость ихъ мнѣній. Наконецъ кое-какъ согласились изгладить въ огласительныхъ чинахъ анаѳему Богу магометову и написать анаѳему Магомету и всему его ученію и всѣмъ его послѣдователямъ. Постановивъ и утвер-

дивъ это опредѣленіе, они окончили свои многочисленныя собранія и совѣщанія.

7. Достигши этого мѣста повѣствованія, не умолчу и о другомъ событіи, достойномъ замѣчанія. Былъ одинъ евнухъ, архіерействовавшій въ городѣ Хонахъ, по имени Никита, украшенный всѣми добродѣтелями. Онъ въ такой мѣрѣ обладалъ даромъ пророчества и прозрѣнія въ будущее, что его причисляли къ величайшимъ прозорливцамъ, и всѣ, знавшіе этого человѣка, дивились, какимъ образомъ нашъ нечестивый и развращенный вѣкъ сподобился имѣть такое благо. Когда Мануилъ, только что получивъ вѣнецъ, и сдѣлавшись преемникомъ отцовской власти, проходилъ изъ Арменіи чрезъ Хоны, онъ вошелъ здѣсь въ храмъ Архангела и принялъ благословеніе отъ руки этого архіерея, какъ отъ человѣка, который своими добродѣтелями пріобрѣлъ извѣстность и о которомъ всѣ говорили. Нѣкоторые изъ питающихся отъ алтаря, и притомъ люди очень умные, недоумѣвали, будетъ ли Мануилъ, бывшій въ это время молодымъ человѣкомъ и имѣвшій на бородѣ только пухъ, въ состояніи управлять всѣмъ царствомъ, которое нуждается въ мужѣ, посѣдѣвшемъ въ думахъ и обросшемъ бородою, и одержитъ ли онъ еще верхъ надъ братомъ Исаакомъ, который имѣетъ больше правъ на власть и засѣдаетъ въ столицѣ. Чтобы разрѣшить ихъ недоумѣніе и открыть имъ то, о чемъ они сомнѣвались, этотъ великій мужъ и, по истинѣ, Божій человѣкъ сказалъ: «повѣрьте, этотъ юноша и царствомъ управитъ и братъ ему покорится, потому что такъ опредѣлено и пре-

дустановлено Богомъ. А чтобы вы знали и то, о чемъ вовсе меня не спрашивали, я скажу, что онъ проживетъ нѣсколько больше, чѣмъ его дѣдъ, разумѣю его прародителя, римскаго императора Алексѣя,—но при концѣ своей жизни впадетъ въ безуміе». Это предсказаніе было извѣстно какъ многимъ другимъ, такъ и мнѣ историку Никитѣ, потому что предсказатель былъ моимъ воспріемникомъ отъ божественнаго крещенія. А какое будетъ безуміе, и въ чемъ будетъ состоять, этого никто изъ знавшихъ пророчество не могъ точно отгадать. Одни относили предсказаніе къ помѣшательству на деньгахъ, а другіе привязывали къ какой либо другой тѣлесной слабости. Когда же былъ поднятъ споръ о только что упомянутомъ догматѣ, и царь сначала безразсудно настаивалъ на томъ, чтобы былъ признанъ истиннымъ Богомъ магометовъ богъ-олосфирось, и нерожденный и не родившій, всѣ начали говорить, что предсказаніе исполнилось, потому что это мнѣніе, какъ совершенно противоположное истинѣ, безспорно есть настоящее и самое худшее безуміе.

Припадки болѣзни начались у царя предъ мѣсяцемъ мартомъ, въ 1-й индиктіонъ, когда происходили споры относительно догмата. Эти споры прекратились въ мѣсяцѣ маѣ, а императоръ скончался въ сентябрѣ, не устроивъ ничего, какъ слѣдуетъ, относительно царства. Онъ медлилъ распоряженіемъ и указаніемъ того, что должно быть послѣ его смерти, потому что никакъ не хотѣлъ вѣрить близости кончины, и утверждалъ, будто хорошо знаетъ, что ему остается прожить

еще четырнадцать лѣтъ. Это онъ сказалъ даже самому патріарху, мудрому и блаженнѣйшему Θеодосію, когда тотъ совѣтовалъ ему отечески позаботиться о дѣлахъ царства, пока еще есть время и силы подумать о томъ, и избрать человѣка, который бы имѣлъ усердное попеченіе о наслѣдникѣ власти, мальчикѣ, еще не пришедшемъ въ возрастъ, вѣрно охранялъ царицу и заботился о ней, какъ о матери. Но зловреднѣйшіе обманщики звѣздочеты не боялись увѣрять, что царь скоро отъ болѣзни оправится и займется, говоря ихъ языкомъ, любовными дѣлами, и безстыдно утверждали, что онъ обратитъ въ развалины иноплеменные города. Что еще страннѣе, эти люди, любящіе болтать и привыкшіе лгать, скорѣе чревовѣщатели, чѣмъ звѣздонаблюдатели, предсказывали еще сотрясеніе вселенной, сближеніе и столкновеніе величайшихъ звѣздъ, порывы страшныхъ вѣтровъ и почти всеобщее измѣненіе стихій. И не только они исчисляли годы и мѣсяцы, высчитывали недѣли, въ которыя это будетъ, и опредѣлительно объявляли о томъ царю, но точно опредѣляли самые дни и, не стыдясь, указывали часъ и минуту, какъ будто-бы ясно знали то, что Отецъ положилъ въ своей власти и о чемъ Спаситель запретилъ спрашивать ученикамъ. Поэтому не только самъ царь отыскивалъ и приготовлялъ для житья пещеры и убѣжища, недоступныя для вѣтровъ, и приказывалъ вынуть стекла въ царскихъ дворцахъ, чтобы предохранить ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтровъ, но и всѣ тѣ, которые принад-

лежали къ числу его слугъ и родственниковъ и старались польстить ему, ревностно занимались тѣмъ же; одни, подобно муравьямъ, рыли землю, другіе приготовляли палатки, натягивали втрое скрученныя веревки и заостряли колья длиною въ локоть, чтобы непоколебимо утвердить палатки. Между тѣмъ болѣзнь царя, какъ я сказалъ, усиливалась, и онъ, неблагоразумно употребивъ ванну, еще болѣе послѣ этого удостовѣрился, что его надежды на продолженіе жизни исчезаютъ, словно буквы на водѣ, и что приближается неизбѣжный предѣлъ жизни. Тогда онъ поговорилъ не много съ окружавшими его о сынѣ Алексѣ, прерывая слова рыданіями, потому что предвидѣлъ, что случится послѣ его смерти. За тѣмъ, по предложенію патріарха, подписалъ краткую грамоту, въ которой свидѣтельствовалъ, что онъ совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе касательно звѣздочетства. Наконецъ, приложивъ руку къ артеріи и испытавъ біеніе пульса, онъ глубоко вздохнулъ и, ударивъ себя рукою по лядвеѣ, потребовалъ монашескаго платья. При этомъ словѣ, поднялась, какъ обыкновенно бываетъ, суматоха; и такъ какъ готовой духовной одежды не было, то окружавшіе царя, отыскавъ гдѣ-то черную ветхую мантію, снимаютъ съ самодержца роскошныя царскія одежды, одѣваютъ его въ грубое платье подвижниковъ Божіихъ и, надѣвъ на него божественный шлемъ и честныя латы, преображаютъ въ духовнаго воина и сопричисляютъ къ воинству небеснаго вождя. Мантія, недостигая до ногъ и непокрывая всего его богатырскаго тѣ-

ла, оставляла открытыми голени, такъ что никто изъ зрителей не могъ удержаться отъ слезъ, помышляя о человѣческой немощи и о ничтожествѣ при концѣ жизни нашего тѣла, которое у насъ, какъ раковина, обнимаетъ душу и сростается съ нею. Такъ онъ оставилъ жизнь и царство, процарствовавъ тридцать восемь лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ. На это продолженіе его царствованія, я думаю, намекало одно древнѣйшее предсказаніе, которое читается такъ: «но попадешь ты въ ловушку, которая поставлена на самомъ концѣ слова»; потому что послѣдній слогъ имени Мануила (ηλ) означаетъ число тридцать восемь. Царь былъ погребенъ съ боку при входѣ въ храмъ монастыря Пантократора, не въ самомъ храмѣ, но въ Ироѣ) [1]) около него. Стѣна храма здѣсь выведена аркою, и около гробницы открывается широкій входъ. Гробница сдѣлана изъ камня, который отливаетъ чернымъ цвѣтомъ и представляетъ собою что-то унылое; камень раздѣляется на семь возвышеній. Недалеко отъ гробницы лежитъ на пьедесталѣ и принимаетъ поклоненіе красный камень, величиною въ ростъ человѣческій, прежде находившійся въ храмѣ города Ефеса. Говорятъ, что это тотъ самый камень, на которомъ Христосъ, по снятіи со креста, былъ повитъ плащаницею и умащенъ смирною. Царь перевезъ его оттуда и, возложивъ на свой хребетъ,—такъ какъ

(1) Ἡρῷον собственно значитъ храмъ, памятникъ въ честь героя. У Византійскихъ писателей этимъ именемъ называются мѣста погребенія царей. Обыкновенно это были особыя придѣлы при церквахъ.

то былъ камень, на которомъ лежало божественное тѣло, содѣлавшееся тѣмъ же, чѣмъ былъ помазавшій,—перенесъ его отъ Вуколеоновой пристани до самаго храма, находящагося въ башнѣ большаго дворца. Но потомъ, спустя не много времени послѣ кончины царя, и этотъ камень былъ взятъ изъ дворца и перенесенъ сюда, думаю, для того, чтобы громко и ясно провозглашалъ, сколько дѣяній совершилъ и какъ трудился тотъ, кто лежитъ теперь безмолвно въ могилѣ.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ ПОРФИРОРОДНАГО,

СЫНА ЦАРЯ МАНУИЛА.

1. Такъ-то кончилась жизнь царя Мануила Комнина. Послѣ него начинаетъ царствовать сынъ его Алексѣй, еще не вполнѣ достигшій юношескаго возраста, но имѣвшій еще нужду въ дядькахъ и нянькѣ. Поэтому дѣла Римлянъ шли дурно и не такъ какъ должно, даже хуже, чѣмъ когда Фаэтонъ, взошедши на отцовскую, обложенную золотомъ, колесницу, взялся пройти между небесными звѣздами. Самъ государь, по незрѣлости возраста и по недостатку благоразумія, не обращалъ никакого вниманія на свои обязанности; занятый единственно пустыми удовольствіями и не совсѣмъ еще умѣвшій отличать горе отъ радости, онъ забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время съ молодыми товарищами своихъ игръ и развивая въ себѣ самыя дурныя привычки. А тѣ, которые по отцѣ были ему друзьями или находились въ какомъ нибудь родствѣ съ нимъ, занятые другими дѣлами, ни сколько не заботились о томъ, чтобы дать ему возможно лучшее воспитаніе и образованіе, и не обращали никакого вниманія на разстройство общественныхъ дѣлъ. Одни изъ нихъ были влюбле-

ны въ царицу и очень явно ухаживали за ней; добиваясь взаимной любви отъ ней, они съ искуствомъ Венеры завивали себѣ волосы, ребячески намащались благовоніями, подобно женщинамъ украшались ожерельями изъ дорогихъ камней, и смотрѣли на нее во всѣ глаза. Другіе, люди жадные до денегъ и народные грабители, обкрадывали казну; они безъ всякой бережливости тратили назначенныя въ расходъ суммы, и придумывали новые расходы, чтобы чрезъ то мѣшокъ, вчера пустой и тощій, сегодня наполнить и биткомъ набить. А иные, имѣя виды на царство, все направляли къ этой своей цѣли. Какъ бы въ отсутствіе бдительнаго и строгаго наставника,—все пришло въ безпорядокъ, потому что каждый преслѣдовалъ свою цѣль и всѣ другъ другу противодѣйствовали; или, какъ бы по отнятіи прочнаго и твердаго столпа,—все пошатнулось въ противоположную сторону. Люди, которые имѣли тогда особенно большую силу и находились въ родственныхъ связяхъ съ царемъ, не признавали равенства правъ на должности и почести, и потому заботы объ общественныхъ дѣлахъ были покинуты, собранія и совѣты прекратились. Между тѣмъ Протосевастъ и Протовестіарій Алексѣй Комнинъ, который, по отцѣ, былъ племянникомъ царя Мануила, совершенно овладѣлъ матерью царя-отрока, часто проводилъ съ нею время и усилился больше всѣхъ другихъ. Все это возбуждало крайнюю досаду въ людяхъ, которые принадлежали къ тому же дому, пользовались при царѣ Мануилѣ одинаковою съ Алексѣемъ властію и были

украшены величайшими почестями. Нѣкоторые же изъ нихъ видѣли уже и зарожденіе тиранніи и смотрѣли съ подозрѣніемъ на Протосеваста, опасаясь не столько того, чтобы не потерпѣлъ чего нибудь непріятнаго царь Алексѣй, сколько того, чтобы ихъ самихъ не схватили. Потому, выжидая, что будетъ, они заботились лишь о своей безопасности, не думая о другихъ. Дѣйствительно, молва уже ходила и громко говорила, что Алексѣй, сдѣлавшись почти неразлучнымъ и согласившись съ матерью царя, привлекаетъ къ себѣ многихъ дружбою и деньгами, замышляетъ свергнуть царя съ престола и расчитываетъ самъ сдѣлаться обладателемъ какъ его царства, такъ и родительницы. А когда, такимъ образомъ, все въ царскомъ дворцѣ было исполнено смутъ и всякаго рода тревогъ, то и въ самыхъ государственныхъ дѣлахъ можно было видѣть то, что говорится въ сказкѣ о драконѣ, который бѣдствовалъ отъ того, что управлялся въ своихъ движеніяхъ глухою и слѣпою частью — хвостомъ. Теперь исполнялось и предзнаменованіе, которое случилось при концѣ жизни самодержца Мануила. Одна женщина, жившая близъ Пропонтиды, родила дитя мужескаго пола, у котораго всѣ члены были чрезвычайно малы, а голова на плечахъ необыкновенно велика и огромна. Полагали, что это было предзнаменованіе многоначалія, отъ котораго раждается безначаліе.

2. Между тѣмъ Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ царя Мануила, о которомъ приходилось весьма часто говорить въ исторіи этого

царя, и который жилъ тогда въ Энеѣ (1), услышавъ о смерти Мануила и узнавъ о придворныхъ смутахъ, возъимѣлъ прежнюю страсть къ тиранніи. Но мы пока не будемъ говорить объ этомъ, а, слѣдуя порядку, начнемъ исторію этого человѣка съ того, съ чего приличнѣе ее начать по связи событій, чтобы не опустить ничего, достойнаго вниманія. Этотъ Андроникъ, чтобы не попасть въ руки Мануила, обрекъ себя на постоянное бѣгство, и, побывавъ во многихъ городахъ и увидѣвъ много иноземныхъ крѣпостей, остановился наконецъ, какъ мы сказали, у Салтуха: это былъ Топархъ, владѣвшій сосѣднею съ Халдеею страною, которая въ старину платила дань Римлянамъ, а тогда находилась во власти у Турковъ и усвоила себѣ ихъ нравы. Занявъ съ согласія Салтуха одну крѣпость и присоединивъ къ тѣмъ средствамъ защиты, которыя даны ей отъ природы, и искуственныя укрѣпленія, онъ жилъ здѣсь вмѣстѣ съ Ѳеодорою Комниною, которая сопутствовала ему въ странствованіяхъ и въ изгнаніи, и незаконно раздѣляла съ нимъ ложе. Она была дочерью севастократора Исаака, а Исаакъ и Андроникъ — оба родились отъ родныхъ братьевъ. Такъ какъ самодержецъ Мануилъ не могъ схватить Андроника, который постоянно ускользалъ отъ него, какъ Юнона отъ Иксіона, то онъ сталъ стараться захватить, какъ Облако (2), по крайней

(1) Городъ въ Малой Азіи, близъ Пафлагоніи.

(2) Указаніе на разсказъ, по которому Юпитеръ, по жалобѣ Юноны на преслѣдованія Иксіона, подставилъ ему, въ видѣ Юноны, Нефелу—что̀ значитъ облако.

мѣрѣ, племянницу Θеодору. А достигши этой цѣли, при помощи тогдашняго владѣтеля надъ Трапезунтомъ, Никифора Палеолога, онъ, спустя не много времени, привлекаетъ къ себѣ и самого Андроника, котораго, какъ приманка, притягивала Θеодора. Увлекаемый страстною любовію къ ней и не мало также снѣдаемый пламенною привязанностію къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ Θеодоры, Андроникъ, отправивъ къ царю пословъ, проситъ прощенія во всѣхъ своихъ дурныхъ поступкахъ и удостовѣренія, что, по своемъ прибытіи, не потерпитъ никакой непріятности. Царь согласился на то и другое безъ всякой коварной мысли,—и чрезъ нѣсколько времени Андроникъ является. Какъ человѣкъ ловкій и способный на всѣ плутовскія продѣлки, онъ надѣлъ себѣ на шею тяжелую желѣзную цѣпь, которая опускалась до самыхъ пятъ, и скрылъ ее подъ одеждою, чтобы до времени не замѣтили ея ни царь, ни окружавшіе престолъ его. Получивъ дозволеніе войти и представиться самодержцу, онъ, какъ только показался ему на глаза, тотчасъ же растянулся на полу во всю длину своего огромнаго роста, выставилъ на показъ цѣпь и, со слезами на глазахъ, пламенно и трогательно просилъ прощенія во всемъ, чѣмъ оскорбилъ царя. Царь, изумленный этимъ зрѣлищемъ, прослезился самъ и приказалъ поднять Андроника: но онъ увѣрялъ, что не встанетъ съ полу, пока кто нибудь изъ предстоящихъ, по приказанію царя, не протащитъ его за цѣпь по ступенямъ престола и не повергнетъ

предъ царскимъ сѣдалищемъ. Какъ просилъ Андроникъ, такъ и было сдѣлано. А исполнилъ это дѣло Исаакъ Ангелъ, который, въ послѣдствіи, лишилъ Андроника власти, — событіе, которому нельзя не удивляться, и которое едва ли можно объяснить безсмысленнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или простымъ случаемъ. Вслѣдствіе этого Андроникъ былъ тогда принятъ блистательнѣйшимъ образомъ и удостоился великолѣпнаго угощенія, какое прилично такому человѣку, возвратившемуся послѣ долговременнаго отсутствія. Потомъ его препроводили въ Эней съ тѣмъ, чтобы онъ, поселившись тамъ на жительство, успокоился отъ долговременнаго странствованія и отдохнулъ послѣ многолѣтней бродячей жизни. И Мануилъ и Андроникъ знали, что пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ снова приведетъ ихъ къ прежнимъ столкновеніямъ; потому что никогда не утихнетъ зависть и не успокоятся люди, у которыхъ вся забота состоитъ въ томъ, чтобы доносами заискивать милости у властителей и клеветами на другихъ увеличивать свою собственную силу и достигать бо̀льшихъ почестей.

3. Такимъ образомъ Андроникъ находился вдали отъ Зевса и его громовъ и только въ томъ отношеніи влачилъ не прежнюю бѣдственную жизнь, что не скитался за римскими границами и обильно пользовался царскими дарами. Здѣсь-то проживая, услышалъ онъ, что царь Алексѣй забавляется конскими скачками и исключительно занятъ дѣтскими играми, а его знатные воспита-

тели—одни, подобно пчеламъ, часто летаютъ въ провинціи и, какъ медъ, собираютъ деньги; другіе, подобно козламъ—охотникамъ до молодыхъ вѣтвей, скрытно желаютъ царскаго скипетра и непрерывно его домогаются, а иные, подобно свиньямъ, тучнѣютъ отъ самыхъ грязныхъ доходовъ, о славѣ и пользѣ общаго отечества не хотятъ и подумать, но валяются въ грязи нечистыхъ дѣлъ и, какъ свиньи, склоняются ко всякой гадости. Поэтому онъ сталъ придумывать и тщательно изыскивать средства, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ захватить себѣ царство. Перебравъ множество плановъ и обдумавъ всѣ способы, онъ наконецъ хватается за присяжный листъ, по которому онъ клялся Мануилу и сыну его Алексѣю. Здѣсь онъ нашелъ, между прочимъ, и слѣдующія слова, которыя нужно привесть буквально—такъ, какъ они читались, безъ всякой перемѣны,—именно: «и если я увижу, или узнаю, или услышу что либо такое, что клонится къ вашему безчестію и ко вреду для вашего вѣнца, то и вамъ дамъ о томъ знать, и самъ, сколько мнѣ возможно, буду тому противодѣйствовать». Эти слова вполнѣ годились для присвоенія власти, которой онъ давно сильно домогался, какъ человѣкъ съ гордымъ характеромъ и съ душою властолюбивою. Поэтому онъ привязался къ нимъ, какъ мухи привязываются къ ранамъ, и сталъ посылать письма за письмами и къ племяннику и царю Алексѣю, и къ Ѳеодосію, который украшалъ собою самую высокую святительскую каѳедру, и ко всѣмъ другимъ лицамъ, въ которыхъ

оставалась еще искра любви къ умершему царю Мануилу. Въ своихъ письмахъ онъ преувеличивалъ дурные слухи, распространяемые молвою и выказывалъ притворное негодованіе на то, что Протосевастъ не лишенъ власти и не поставленъ въ болѣе скромное положеніе, какъ по той причинѣ, что отсюда возникаетъ и уже явно грозитъ царю Алексѣю очевидная гибель, такъ и по причинѣ крайне непристойныхъ и непріятныхъ слуховъ, которые разглашаются уже со стѣнъ, разсказываются при дверяхъ народныхъ властителей и распространяются по всему міру. И обо всемъ этомъ онъ говорилъ и писалъ съ необыкновенною убѣдительностію и увлекательностію: онъ былъ, какъ едва ли кто другой, опытенъ въ словесныхъ наукахъ, и посланія духовнаго витіи— Павла были у него постоянно на устахъ. Оттого всѣ соглашались съ его мыслями и склонялись на его сторону, считая его единственнымъ человѣкомъ, который преданъ интересамъ Римлянъ и, вслѣдствіе долговременной и многолѣтней опытности, соединяетъ въ себѣ лучшія качества. Самъ онъ, между тѣмъ, оставивъ Эней, направляется къ столицѣ, разглашая всюду, куда ни приходилъ, о своей присягѣ и разсказывая всѣмъ, кто ни спрашивалъ, о причинѣ своего движенія. Около него стали собираться и безъ умолку кричали, какъ галки около парящаго въ облакахъ орла съ кривыми когтями: всѣ, желавшіе новаго порядка вещей, и охотно вѣрили давнишней молвѣ, которая предвѣщала, что Андроникъ будетъ нѣкогда царствовать. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ

предѣлы Пафлагоніи, и всюду былъ принимаемъ съ величайшими почестями, какъ спаситель, идущій по внушенію Божію.

4. Что же касается Протосеваста Алексѣя,—онъ, гордясь своею силою и злоупотребляя властію государыни, распространялъ свое вліяніе, подобно ядовитому и страшному дракону, на всѣ вообще дѣла. Безъ него не дѣлалось ничего. Если же кому и случалось сдѣлать что-нибудь тайно отъ него, или упросивъ царицу, или испросивъ что либо, при благопріятномъ случаѣ, у царя, когда тотъ игралъ въ орѣхи или забавлялся бросаніемъ камешковъ, то и это не проходило мимо его глазъ. Онъ нашелъ средство достичь того, что и все, сдѣланное другими, приходило къ нему же, подобно волнамъ въ водоротѣ,—испросивъ у царя повелѣніе, чтобы грамоты, подписанныя царскою рукою, не иначе считались имѣющими силу, какъ только въ томъ случаѣ, если напередъ онѣ будутъ представлены Алексѣю, и онъ своею рукою сдѣлаетъ на нихъ надпись темнозелеными чернилами: «смотрѣно». Поэтому онъ всѣмъ управлялъ и распоряжался по своему произволу, и тѣ деньги, которыя собрали прежніе цари изъ рода Комниныхъ и собрали съ большимъ трудомъ и, даже можно сказать, отнимая послѣднее у нищихъ, эти деньги достались на расточеніе протосевасту и царицѣ. Теперь явно сбывалось изреченіе Архилоха, который говоритъ, что въ утробу развратной женщины часто течетъ то, что собрано долговременнымъ и тяжкимъ трудомъ. Поэтому весь городъ обращалъ взоры къ Андронику, и

его прибытія ожидали, какъ свѣтильника во мракѣ и какъ лучезарной звѣзды. Тогдашніе вельможи, чрезъ тайно посылаемыя письма, убѣждали его поспѣшить прибытіемъ, увѣряя, что никто не будетъ противодѣйствовать ему, никто не станетъ противиться даже тѣни его, но всѣ примутъ его съ распростертыми объятіями и радостно раскроютъ предъ нимъ свои сердца. Особенно же его ободряли и побуждали смѣло идти къ нимъ порфирородная Марія, сестра царя Алексѣя по отцу, но отъ другой матери, и-ея мужъ, Кесарь, происходившій изъ Италіи. Она крайне досадовала, что отцовское царство присвояетъ себѣ Протосевастъ; къ тому же она была женщина смѣлая и мужественная, питавшая естественную ненависть къ мачихѣ и не терпѣвшая, чтобы кто нибудь былъ выше ея и чтобы ее считали за соперницу. Поэтому она письмами, словно шпорами, раздражала Андроника, какъ коня, который стоитъ за оградой и рвется на ристалище, хотя чрезъ это дѣлала зло себѣ и ускоряла собственную гибель. Въ тоже время, не имѣя силъ скрыть свою ненависть къ Протосевасту, она явно ему противодѣйствовала и не опускала ничего, что клонилось къ его гибели. Склонивъ на свою сторону тѣхъ изъ своихъ родственниковъ, о которыхъ вѣрно знала, что они расположены къ Андронику и питаютъ непріязнь къ Протосевасту, именно: Алексѣя Комнина—незаконнорожденнаго сына царя Мануила, Андроника Лопарду, двухъ сыновей Андроника—Іоанна и Мануила, городска-

го Епарха [1] Іоанна Каматира и многихъ другихъ, она составила заговоръ и, утвердивъ клятвою вѣрность къ царю и брату, опредѣлила смерть Протосевасту и только выжидала благопріятнаго случая умертвить его. Полагая, что задуманное дѣло удобно исполнить во время выхода Протосеваста вмѣстѣ съ царемъ въ Ваѳиріаксъ для празднованія памяти мученика Ѳеодора въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста, она подготовила все для исполненія своего замысла и подговорила убійцъ, которые должны были обнажить смертоносное оружіе противъ врага; но по какому-то случаю не успѣла въ своемъ намѣреніи. И замыселъ и заговоръ, спустя немного времени, были открыты. Тогда всѣ заговорщики были представлены предъ царское судилище, сдѣлано изслѣдованіе ихъ преступленія,—впрочемъ только для вида, но не на дѣлѣ, потому что тотчасъ же послѣдовало осужденіе, — и они, какъ безгласныя рыбы, отведены были въ тюрьму, не получивъ даже позволенія защитить свои намѣренія.

5. А сама порфирородная съ мужемъ Кесаремъ прибѣгаетъ въ Великую церковь и объявляетъ, что ищетъ убѣжища отъ мачихи, которая питаетъ къ ней непримиримую вражду, и отъ ея жестокаго любовника. Этимъ она не только возбудила жалость въ патріархѣ и во всѣхъ, служащихъ внутри священной ограды, но и многихъ изъ собравшагося народа и черни такъ расположила къ себѣ и тронула, что они чуть не пла-

---

[1] Именемъ городскаго Епарха назывался начальникъ города Константинополя.

кали о ней. Ободренная участіемъ народа, а частію и сама возбудивъ къ возстанію бѣдную толпу раздачею мѣдныхъ статировъ, она пренебрегла тѣмъ, что обыкновенно даруется ищущимъ спасенія въ убѣжищахъ, и когда ей предлагали прощеніе въ преступленіяхъ, въ которыхъ она была уличена,—не только не хотѣла ничего слушать, но требовала, чтобы ея соумышленники были подвергнуты вторичному суду и освобождены изъ заключенія. Не соглашаясь ни подъ какимъ видомъ на то, чтобы Протосевастъ управлялъ общественными дѣлами, она всячески унижала его и говорила, что онъ заходитъ за предѣлы дозволеннаго, отваживается на дѣла, совершенно беззаконныя, и тѣмъ кладетъ пятно на ея родъ. За тѣмъ, мало по малу увеличивая свои требованія, она стала настаивать, чтобы Алексѣй былъ выгнанъ и изъ дворца, и какъ терніе, выросшее около благороднаго растенія, былъ исторгнутъ съ корнемъ и истребленъ, потому что это терніе, разросшись, задушитъ, какъ пшеницу, самодержца. Очевидно, она желала того, что не могло исполниться: Алексѣй, однажды приросши къ царскимъ чертогамъ, какъ полипъ къ камнямъ, и распустивъ кругомъ свои цѣпкія волокна, отнюдь не думалъ отсюда выходить. Между тѣмъ царь и братъ—говоря о царѣ, я разумѣю приказанія Протосеваста и царицы матери—грозилъ сестрѣ Кесариссѣ, что, если она добровольно не оставитъ святилища, ее возьмутъ и выведутъ изъ храма насильно. Но она отвѣчала, что никогда не выйдетъ по доброй волѣ, и, опасаясь, что бы ея не

схватили, приставила къ храму стражей, заняла всѣ входы часовыми и обратила домъ молитвы въ пещеру разбойниковъ или въ сильную, неприступную и неодолимую крѣпость. За тѣмъ, простираясь все далѣе и далѣе по своему дурному и предосудительному пути, она собираетъ себѣ на помощь и войско, и обращаетъ божественную ограду въ лагерь. Именно она созвала тяжело-вооруженныхъ Итальянцевъ, вооружила мужественныхъ восточныхъ Ивировъ, прибывшихъ въ городъ по дѣламъ торговымъ, и привлекла на свою сторону вооруженную римскую фалангу. Она не слушала никого, кто склонялъ ее къ миру, не уваживъ и самого патріарха, который съ жаромъ на томъ настаивалъ и предлагалъ весьма дѣльные совѣты, какъ ей поступить, и часто даже съ гнѣвомъ бранилъ ее. И во всѣхъ другихъ городахъ народная толпа бываетъ неразумна и чрезвычайно необузданна въ своихъ стремленіяхъ; но въ Константинополѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, эта толпа склонна къ возмущеніямъ, отличается дерзостію и любовію къ кривымъ путямъ, и это потому, что она состоитъ изъ разноплеменныхъ народовъ и отъ занятія разнаго рода ремеслами теряетъ, можно сказать, здравый смыслъ. И такъ какъ худшее обыкновенно и всегда беретъ перевѣсъ, и между многими незрѣлыми ягодами съ трудомъ можно найти и одну спѣлую, то эта толпа и не по разумному убѣжденію домогается чего либо, и не охотно отступаетъ отъ своихъ незаконныхъ требованій. Иногда возбужденная къ возстанію однимъ лишь слухомъ, она бываетъ

яростнѣе огня, съ радостію идетъ на мечи, и упорно противится, подобно скаламъ и утесамъ; а иногда бываетъ крайне боязлива, трепещетъ при всякомъ шумѣ и дозволяетъ всякому желающему попирать себя ногами, такъ что справедливо упрекаютъ ее въ непостоянствѣ и крайней перемѣнчивости. Оттого-то сбродъ людей, населяющихъ городъ Константина, ни самъ для себя никогда не придумалъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго, ни другихъ не слушалъ, когда кто и хотѣлъ ввести какую нибудь общеполезную и благотворную мѣру. Всегда дѣйствуя противоположно тѣмъ городамъ, которые наслаждаются благоденствіемъ, эти люди все, что приноситъ имъ земля и море, безъ всякой пользы для себя передаютъ и пересылаютъ въ другіе, иноплеменные города. А неуваженіе ко властямъ они удержали за собою, какъ врожденное имъ зло; ибо, кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя, въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, дѣйствуя не по разумному убѣжденію, а по глупости и легкомыслію.

6. Поэтому-то и теперь начались у нихъ сходки и стали составляться собранія. Первоначально они дозволяли себѣ только свободныя рѣчи, именно жалѣли о порфирородной Маріи, говоря, что она страдаетъ незаслуженно, кричали противъ Протосеваста, какъ противъ человѣка, который благоденствуетъ не по достоинству и злоупотребляетъ своимъ счастіемъ, и негодовали на матерь царя. Но потомъ, мало по малу увлекаясь

далѣе, они дошли до явнаго возмущенія, и когда одинъ священникъ вынесъ на площадь изображеніе Христа Спасителя, другой явился съ крестомъ, носимымъ на плечахъ, еще одинъ съ развѣвающимся священнымъ знаменемъ,—къ нимъ, какъ къ молоку мухи, налетѣли мятежники. Всѣ, какбы условившись заранѣе, выражали шумныя благожеланія царю, и въ тоже время,—какъ это обыкновенно бываетъ у мятежниковъ, которые начинають всегда прекрасно, но оканчиваютъ бунтомъ,—Протосеваста и государыню осыпали проклятіями. И это дѣлали они, собираясь не въ одномъ только Миліонѣ; (1) но они приходили и въ самый циркъ, и здѣсь, занявъ полукружіе и ставъ въ виду императорскаго дворца, дозволяли себѣ тѣже мерзости. Все это, продолжаясь нѣсколько дней, волновало народъ и побуждало его къ мятежу. Наконецъ чернь взбунтовалась и бросилась грабить и разрушать прекраснѣйшіе дома, принадлежавшіе людямъ, къ которымъ особенно расположены были Протосевастъ и государыня. Въ томъ числѣ былъ и чрезвычайно красивый домъ Ѳеодора Пантехна, городскаго Епарха и начальника надъ царскимъ казнохранилищемъ, облеченнаго высшего судебною властію. Самъ онъ только бѣгствомъ спасъ свою жизнь, а все его имѣніе было разграблено. Мятежники не пощадили даже публичныхъ актовъ,

---

(1) Миліономъ или Миліемъ—Μίλιον—называлось обширное зданіе со сводами и арками, украшенное статуями и разными фигурами. Оно было устроено и названо по примѣру римскаго Милліарія (Milliare), отъ котораго начинались всѣ римскія дороги. Bandur, Antiqu. Constant. tom. 2. p. 366.

въ которыхъ изложены были права гражданъ, утвержденныя прежними царями, и которые въ обществѣ были полезны для всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, для весьма многихъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ присвоенія ихъ была ничтожна и не простиралась даже и на столько, чтобы эта пьяная чернь могла за нихъ напиться. Протосевастъ и его приверженцы, видя, что зло постоянно увеличивается, собрали совѣтъ и разсуждали о мѣрахъ къ прекращенію мятежа. И такъ какъ они видѣли, что Кесарисса Марія ни въ какомъ случаѣ не думаетъ отказаться отъ своихъ намѣреній и нисколько не уменьшаетъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній; то рѣшились идти противъ нея войною и выгнать ее изъ божественнаго храма, какбы изъ какой нибудь крѣпости. Созвавъ, поэтому, не малое количество войска изъ восточныхъ и западныхъ легіоновъ и собравъ его въ большой дворецъ, какбы въ одинъ лагерь, они стали выбирать мѣсто, съ котораго удобнѣе можно было бы напасть на находившихся въ храмѣ. Ибо и Кесарисса приготовилась уже къ отпору, желая борьбою рѣшить свою участь. Защитники ея разрушили съ этою цѣлію всѣ зданія, которыя по Августеону (¹) примыкали къ великому храму, и

(¹) Августеономъ—Αὐγουςαῖων — называлась обширная площадь между Софійскимъ храмомъ и большимъ или главнымъ Дворцомъ. Ее устроилъ и назвалъ Константинъ Великій въ честь своей матери Елены, которую провозгласилъ Августою и которой статую поставилъ на этой площади. Она со всѣхъ четырехъ сторонъ обнесена была портиками и обставлена великолѣпными зданіями. Входъ въ нее былъ съ разныхъ сторонъ—сквозь ворота. Bandur. libr. cit. pag. 359—360. conf. Ducang. Descript. S. Sophiae. p. 81—82. edit. Bonn,

взошли на большую арку, находившуюся въ Миліонѣ, чтобы отсюда отражать царскія войска. Равнымъ образомъ они заняли и охраняли и храмъ, посвященный Алексію и соединенный съ площадью Августеона. А царскія войска, поспѣшно выступивъ изъ большаго дворца на разсвѣтѣ въ субботу, втораго числа мѣсяца Мая, 15-го индиктіона, сначала вступили въ храмъ Іоанна Богослова, такъ называемый—Діиппіевъ (¹), подъ начальствомъ нѣкоего Армянина Савватія; потомъ взошли на крышу храма и подняли шумныя восклицанія. Когда наступило время сраженія,—было около третьяго часа дня, и Августеонская площадь была чрезвычайно набита народомъ,—эти воины, сражаясь съ высоты и бросая стрѣлы сверху внизъ, какбы молніи, наносили не малой вредъ защитникамъ Кесариссы, которые сражались съ высоты Миліонской арки и изъ храма Алексія. Когда же вышли изъ дворца еще другіе отряды хорошо вооруженнаго войска и заняли дороги и всѣ узкіе проходы, ведущіе къ великому храму; то и народъ не могъ уже болѣе стекаться на помощь Кесариссѣ, такъ какъ для всѣхъ доступъ прегражденъ былъ оружіемъ, и тѣ изъ ея защитниковъ, которые вышли изъ храма и, пройдя площадь Августеона, вступили въ бой съ царскими войсками на улицахъ, принужденные сражаться противъ превосходнаго числа, явно стали утомляться и мало по малу теряли отвагу. Такимъ—

(¹) Такое названіе получилъ этотъ храмъ отъ того, что находился близъ мѣста, на которомъ стояли статуи двухъ лошадей (δύο и ἵππος), воздвигнутыя императоромъ Фокою. Bandur. l. cit. p. 367.

то образомъ началось открытое сраженіе и завязался жестокій бой: то бросали стрѣлы, то начиналась рукопашная схватка, и съ обѣихъ сторонъ слышны были и стоны падающихъ, и восклицанія поражающихъ. До самаго полдня сраженіе было нерѣшительно и побѣда оставалась сомнительною, колебля вѣсы счастія равномѣрно на стороны обоихъ войскъ и то склоняя перевѣсъ на одну сторону, то опять на другую. Но послѣ полудня побѣда, очевидно, склонилась на сторону царскихъ войскъ. Отразивъ своихъ противниковъ, вышедшихъ изъ храма, и вытѣснивъ изъ улицъ, они заперли ихъ внутри Августеона. Когда же эти были такимъ образомъ стѣснены, тогда обратились въ бѣгство и стоявшіе на аркахъ Миліона, а равно и тѣ, которые сражались изъ храма Алексія. Занявъ эти мѣста, царское войско водрузило на верху арокъ знамена съ изображеніемъ царей, а ворота Августеона разрушило сѣкирами и молотками. Теперь защитники Кесариссы не могли уже сопротивляться: поражаемые сверху тѣми, которые взошли на арки, они въ тоже время жестоко страдали и въ рукопашныхъ схваткахъ съ солдатами, которые ворвались на площадь. Они стали мало по малу уходить, пользуясь небольшимъ прикрытіемъ со стороны Римлянъ, которые, занявъ, выходящій на Августеонъ, андронъ, называемый Макрономъ, и смѣжный съ Августеономъ домъ Ѳоманта, бросали въ защиту ихъ сверху камни и пускали стрѣлы. Наконецъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они оставляютъ Августеонскую площадь и входятъ въ преддверіе храма св. Софіи, гдѣ не-

кусною мозаическою работою изображенъ во весь ростъ первѣйшій и славнѣйшій изъ предстоящихъ Богу Архангеловъ Михаилъ, съ обнаженнымъ мечемъ, какбы приставленный стражъ святилища. Послѣ сего ни царскія войска не могли идти далѣе, опасаясь тѣсныхъ проходовъ храма, ни усердные защитники Кесариссы не выходили оттуда на сраженіе.

7. Между тѣмъ Кесарь и самъ патріархъ были въ тревогѣ: одинъ боялся за себя и за свою супругу, чтобы не попасть безславно въ руки непріятелей,—другой опасался, какъ бы враги не ворвались внутрь самаго святилища, какъ бы скверными ногами не попрали священнаго помоста и нечистыми руками, съ которыхъ каплетъ еще незастывшая кровь, не разграбили всесвятыхъ приношеній. Облачившись въ святительскую одежду и взявъ въ руки евангеліе, патріархъ сошелъ въ притворъ храма, въ который собрались бѣжавшіе защитники Кесариссы и который называется протекдикіемъ. А Кесарь, созвавъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, которые охраняли церковные входы, и всѣхъ, окружавшихъ его и бывшихъ еще съ свѣжими силами латинскихъ копьеносцевъ, а равно и домашнихъ слугъ своей жены, всего числомъ до полутораста человѣкъ, сталъ на одномъ возвышенномъ подножіи, какое отыскалось въ Макронѣ, и, окруживъ себя этими, готовыми къ битвѣ, людьми, сказалъ слѣдующую рѣчь. «Не противъ единоплеменниковъ и единовѣрныхъ, а противъ враговъ креста, слѣдовало бы снаряжаться въ эти воинскіе доспѣхи и вооружать руки ме-

чами. Но такъ какъ люди, дурно управляющіе римскимъ царствомъ, отняли у насъ къ этому возможность и заставили насъ невольно, противъ нашего желанія, изощрить наши копья противъ нихъ; то выступимъ безъ страха противъ нападающихъ на насъ, не будемъ думать, что они единовѣрцы намъ и наши соотечественники, но отмстимъ имъ, во первыхъ, какъ врагамъ Бога, во святилище котораго они безстыдно врываются, а потомъ, и какъ нашимъ собственнымъ непріятелямъ. Это мщеніе совершенно безукоризненно. Ибо мы рѣшительно ничего не сдѣлали противъ нихъ и отнюдь не поднимали противъ нихъ оружія, а они безсовѣстно преслѣдуютъ насъ, какъ какихъ нибудь уголовныхъ преступниковъ и негодяевъ, безчестно нападаютъ на лежащихъ и, между тѣмъ какъ мы ищемъ защиты у Бога, хотятъ исторгнуть насъ изъ этого храма. Не такъ слѣдовало поступать имъ, какъ потому, что они не могутъ упрекнуть насъ ни въ чемъ недостойномъ, такъ и потому, что крайнее безуміе— рѣшительно осуждать или преслѣдовать съ оружіемъ въ рукахъ, словно злодѣевъ, тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ Богу, призывая его въ посредники и рѣшители споровъ. Итакъ, не должно считать дѣломъ беззаконнымъ, когда кто сражается, чтобы защитить самого себя, и наносимый ударъ старается обратить на того, кто поражаетъ его; не должно щадить и единоплеменника, когда онъ нападаетъ съ мечемъ въ рукахъ и покушается на жизнь; нѣтъ, всякій враждующій долженъ считаться врагомъ и всякій, предпринимающій убійство, долженъ пасть. Притомъ,

мы угодимъ и Богу, если отразимъ скверноубійцъ отъ сего святилища, если противостанемъ этимъ алчнымъ, какъ видите, грабителямъ святыни, готовымъ расхитить ее. Если бы это было не такъ, если бы они полагали различіе между обыкновеннымъ и священнымъ; то, конечно, давно уже, какъ побѣдители, оставили бы желаніе ворваться во внутреннѣйшую часть храма. Но они до того безстыдны, что не только задумали ограбить наше имущество, но, какъ безумные, хотятъ присвоить и Божіе. Но, клянусь Распятымъ на крестѣ и этимъ копьемъ, не удастся имъ довесть до конца своихъ замысловъ, — и Божіе достояніе будетъ сохранено неприкосновеннымъ отъ ихъ скверныхъ рукъ, и мы сами не будемъ ограблены». Сказавъ эти и подобныя слова, онъ сошелъ въ преддверіе храма, гдѣ, какъ я сказалъ, стоитъ съ обнаженнымъ мечемъ начальникъ вышнихъ и божественныхъ чиновъ Михаилъ, а за нимъ, какъ за своимъ вождемъ, послѣдовали всѣ другіе, вооруженные щитами, съ обоюдуострыми мечами въ рукахъ, точь въ точь мѣдныя статуи. Поставивъ тамъ всѣхъ въ боевой порядокъ и оградившись крестнымъ знаменіемъ, Кесарь первый выступилъ впередъ. Занимавшіе Августеонскую площадь испугались при самомъ первомъ натискѣ Кесаря, и бросились изъ ея выходовъ, давя другъ друга, при чемъ многіе изъ царскаго отряда были ранены, а одинъ и убитъ, бывъ пронзенъ мечемъ. Послѣ этого Кесарь опять возвратился туда же, откуда вышелъ, а царскія войска не осмѣливались уже войти на площадь, но ограничились

только тѣмъ, что издали бросали стрѣлы. Когда же день сталъ склоняться уже къ вечеру, сражающіеся, утомившись, прекратили дѣйствіе. Между тѣмъ и патріархъ послалъ къ государынѣ своего чиновника, который отъ того, что ходитъ во дворецъ, передаетъ царямъ желанія патріарха и приноситъ оттуда отвѣты,— получилъ названіе Палатина. Прежде всего патріархъ грозилъ царицѣ гнѣвомъ Божіимъ, отъ котораго ничто не можетъ укрыться и который въ одно мгновеніе усматриваетъ всякое беззаконіе, гдѣ бы оно ни совершалось, — а потомъ передалъ слова Кесариссы касательно заключенія мира. Вслѣдствіе этого, для разрѣшенія непріятностей между обѣими сторонами, являются — великій Вождь Андроникъ Контостефанъ, великій Этеріархъ [1] Іоаннъ Дука и многіе другіе сановники знатнаго происхожденія, облеченные высшими достоинствами. Но на этотъ разъ враждующіе прекратили сраженіе, скорѣе вслѣдствіе наступленія ночи, чѣмъ въ надеждѣ на примиреніе. На слѣдующій день они опять готовы были начать бой. Но такъ какъ снова

---

[1]) У Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, великій Этеріархъ занимаетъ 15-е мѣсто, Въ кругъ его обязанностей, кромѣ распоряженій при выходѣ императора, входило—принимать приходящихъ изгнанниковъ, отчего, по Кодину, онъ получилъ и названіе этеріарха, какъ принимающій этеровъ (ἑταίρους) или друзей. Въ отличіе отъ подчиненныхъ ему этеріарховъ, онъ назывался великимъ. По другому мнѣнію, этеріархъ получилъ свое названіе отас ἑταιρεία: а этеріей называлась когорта охраннаго при особѣ царя войска, составленнаго изъ однихъ иностранцевъ. Этерія была большая и малая: отсюда различіе этеріарховъ. Главная ихъ обязанность состояла въ охраненіи особы царя отъ подозрительныхъ лицъ. Codin. de off. pp. 36 et 190. Conf. Reisk. comment. ad Const. Porph. de cerem. pp. 55—56.

явились тѣже лица и не только обѣщали Кесариссѣ и ея мужу, подтвердивъ свое обѣщаніе клятвою, —что они не потерпятъ ничего непріятнаго ни отъ брата и царя, ни отъ мачихи-государыни, ни отъ Протосеваста Алексѣя, и не лишатся принадлежащаго имъ достоинства, но въ то же время объявили амнистію и тѣмъ, которые передались на ихъ сторону и были въ числѣ ихъ поборниковъ; то другаго сраженія уже не было. Всѣ разошлись тотчасъ же по окончаніи клятвенныхъ обѣщаній и по заключеніи мирнаго договора; а по наступленіи ночи, и Кесарь съ своею супругою вышли изъ храма и отправились въ большой дворецъ, въ которомъ тогда жили царственныя особы.

8. Таковъ-то былъ исходъ этого дѣла Кесаря, и отъ такихъ-то причинъ возгорѣлась эта постыдная война, навлекшая на насъ прещеніе Божіе за оскорбленіе святыни. Я не оправдываю и искавшую въ храмѣ убѣжища Кесариссу, потому что она покусилась на преступныя дѣла и возмутила общественное спокойствіе. Но, конечно, никто не назоветъ невинными и тѣхъ, которые, оставивъ безъ всякаго вниманія ея просьбу, завели недобрую ссору и, вслѣдствіе того, домъ молитвы наполнили кровавымъ убійствомъ. Если римскій полководецъ Титъ, нѣкогда обложившій Іерусалимъ лагеремъ, такъ щадилъ Соломоновъ храмъ и столько заботился о его сохраненіи, что лучше рѣшился подвергаться нападенію и терпѣть уронъ въ собственномъ войскѣ со стороны іудейскаго ополченія, которое производило вылазки изъ храма,— чѣмъ предпринять что-либо богопротив-

ное въ отношеніи къ этому великолѣпному и чудному зданію, если такъ, говорю, поступилъ человѣкъ, не знавшій того Бога, храмъ котораго онъ уважалъ, но неразумно воздававшій почтеніе богамъ, не сотворившимъ неба; то какой чести не должны были бы оказать богобоязненные христіане этому прекраснѣйшему, этому божественному храму, по истинѣ созданію рукъ Божіихъ, дѣлу неподражаемому, и первому и послѣднему по красотѣ, представляющему собою на землѣ точно сводъ небесный!

Протосевастъ питалъ непримиримую злобу на патріарха Ѳеодосія за то, что тотъ явно противился его замысламъ и мѣшалъ его намѣреніямъ. Поэтому онъ еще и прежде вооружилъ противъ него многихъ епископовъ, подкупивъ ихъ золотомъ и угощеніями, и, не смотря на его отсутствіе, присудилъ его къ низложенію за то, будто бы онъ принялъ сторону Кесариссы во время ея возстанія противъ царя, и дозволилъ ей изъ храма, какъ бы изъ какого укрѣпленія, бунтовать съ оружіемъ въ рукахъ, возбуждать безумный и безразсудный мятежъ. Можетъ быть даже, онъ успѣлъ бы съ безчестіемъ и низложить его съ патріаршаго престола, если бы всѣми мѣрами не противодѣйствовала этому Кесарисса. Съ одной стороны она не давала Протосевасту времени заняться низведеніемъ этого патріарха и возведеніемъ на его мѣсто новаго, а съ другой тщательно стерегла и самаго святѣйшаго отца, чтобы онъ, отказавшись отъ дѣлъ, тайно не удалился на покой въ построенный имъ монастырь на

островѣ Теревинѳѣ, — и чрезъ то не сдѣлался виновникомъ ея погибели, такъ какъ ее тотчасъ же исторгли бы изъ храма и подвергли бы жестокой казни. Точно также и теперь, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ для удовлетворенія своего гнѣва, Протосевастъ выгналъ преподобнаго отца изъ его священныхъ палатъ и послалъ въ заточеніе въ Пантепоптовъ монастырь. И много придумывалъ онъ средствъ, много составлялъ плановъ, совѣщался съ самыми негодными людьми между тогдашними членами сената, совѣтовался съ тѣми изъ служителей алтаря, которые не боятся ни кары Божіей, ни суда человѣческаго,—чтобы подъ благовиднымъ и приличнымъ предлогомъ свергнуть сего святителя. Но онъ не могъ достигнуть своей цѣли, сколько потому, что въ патріархѣ не нашлось рѣшительно ничего, что дало бы основательный поводъ къ низложенію, столько же и потому, что государыня и очень многіе, или даже почти всѣ царскіе родственники чрезвычайно уважали этого мужа. Тогда этотъ коварный змѣй поневолѣ перестаў извиваться и, проглотивъ назадъ ядъ, который приготовилъ изрыгнуть на святаго мужа, согласился и самъ возвратить патріарха на прежній престолъ. Когда наступилъ день, назначенный для возвращенія, всѣ государственные сановники, всѣ къ добру расположенные служители алтаря и все городское народонаселеніе, стекшись къ святой обители, составили для патріарха блистательную процессію, окропляя улицы духами и наполняя воздухъ благовоніемъ индійскихъ растеній и ду-

шистыхъ ароматовъ. Процессія была до того многолюдна, что тотъ, для кого она была устроена, едва только глубокимъ вечеромъ вступилъ въ великій храмъ Премудрости Божіей, тогда какъ изъ Пантепоптова монастыря вышелъ на разсвѣтѣ. И такой стыдъ покрылъ лица архіереевъ, признавшихъ его виновнымъ, что они не только избѣгали многолюдныхъ дорогъ, сознавая свою несправедливость къ архипастырю и, вслѣдствіе того, свое крайне смѣшное положеніе, но даже рады были бы и смерти. Такъ это было.

9. Между тѣмъ Андроникъ, которому такъ пламенно хотѣлось власти и котораго надежды поддерживались частыми письмами, издалека прилетавшими къ нему, какъ уже мною сказано, отъ знаменитыхъ особъ, получилъ наконецъ самыя вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается во дворцѣ, отъ дочери своей Маріи, которая бѣжала къ нему, гордясь быть дочерью такого отца. Пріятныя вѣсти, которыя онъ услышалъ отъ ней, подстрекнули его, какъ подстрекаютъ шпоры бѣговаго коня. Оставивъ предѣлы паолагонскіе, онъ приходитъ въ понтійскую Праклію, а оттуда отправляется далѣе и всюду разнаго рода хитростями, притворствомъ и изворотливымъ умомъ склоняетъ на свою сторону и привлекаетъ всѣхъ, встрѣчающихся на пути. Да и кто могъ родиться такимъ твердо-каменнымъ, или заковать свое сердце, какъ желѣзную наковальню, чтобы не тронуться ручьями слезъ Андроника, чтобы не очароваться вкрадчивостію рѣчей, которыя лились у него, какъ мутный потокъ, и которыя онъ рас-

точалъ съ такою же хитростію, какъ и увлекательностію, выставляя на видъ ревность свою ко благу и притворно вступаясь за свободу царя? Впрочемъ и Протосевастъ съ своей стороны не оставлялъ этого совершенно безъ вниманія, хотя и былъ человѣкъ крайне женоподобный. Онъ не только утро проводилъ въ безпробудномъ снѣ, но и большую часть дня употреблялъ на тоже, и чтобы вожделѣнный для другихъ свѣтъ солнца не заставилъ его открыть свои глаза, завѣшивалъ спальню плотными занавѣсами и скрывался во тьмѣ. Если надобно сказать всю правду, онъ любилъ ночныя пирушки и разгонялъ ночной мракъ искусственнымъ свѣтомъ, а когда солнце появлялось на востокѣ горизонта, — подобно дикимъ звѣрямъ, ложился въ постель и укрывался отъ свѣта коврами и покрывалами. Онъ занимался чищеніемъ гнилыхъ своихъ зубовъ, замазывалъ смолою тѣ изъ нихъ, которые искрошились отъ времени, былъ изнѣженъ и лѣнивъ, и при всемъ томъ умѣлъ привязать къ себѣ большую часть тогдашнихъ благороднѣйшихъ мужей. Въ этомъ случаѣ помогло ему и покровительство, или, вѣрнѣе сказать, непобѣдимое посредничество матери царя, которая своими свѣтлыми взглядами, жемчужною бѣлизною своего лица, любезнымъ характеромъ, открытою душею и очаровательною прелестію въ рѣчахъ привлекала къ себѣ всѣхъ, точно цѣпью. Но большею частію онъ обольстилъ деньгами и усыпилъ дарами тѣхъ, которые считали для себя обидою занимать второе по немъ мѣсто. Вотъ почему ни одинъ изъ тѣхъ, кому

поручено было противостать Андронику, не перешелъ на его сторону, не смотря на то, что Андроникъ явно уже достигалъ власти, — никто не измѣнилъ Протосевасту и не обольстился Андрониковою маскою тираноненавистника. Такъ Никея, главный и обширнѣйшій городъ Виѳиніи, рѣшительно не приняла Андроника, и Іоаннъ Дука, на котораго была возложена ея охрана, остался непреклоннымъ, не смотря на письма Андроника, въ которыхъ онъ громилъ доводами убѣдительнѣе осадныхъ орудій и сильнѣе всякой стенобитной машины. Равнымъ образомъ и великій Доместикъ Іоаннъ Комнинъ, управлявшій областію Ѳракисійцевъ, не только заткнулъ уши отъ обольщеній Андроника, но и посрамилъ его, какъ тиранна, приникнувъ къ его словамъ, какъ бы къ чистому и блестящему зеркалу, и замѣтивъ, что въ нихъ отражается Андроникъ, какъ многоличный Протей и тираннъ. Когда же Андроникъ приблизился къ Тарсіи и большая часть Никомидійцевъ передалась на его сторону, противъ него высланъ былъ съ достаточными силами Андроникъ—Ангелъ, котораго сыновья Исаакъ и Алексѣй въ послѣдствіи заняли престолъ, послѣ Андроника. Ангелъ, вступивъ въ бой съ непріятелемъ около небольшой крѣпости Харакса, былъ блистательно разбитъ, хотя и имѣлъ дѣло не съ равносильнымъ войскомъ и встрѣтился не съ воинственнымъ противникомъ, а сражался съ какимъ-то скопцомъ, который набралъ въ свои ряды дрянныхъ поселянъ и кромѣ того привелъ съ собою часть пафлагонскихъ воиновъ. Такъ какъ

вслѣдъ за этимъ пораженіемъ онъ тотчасъ же безславно возвратился въ Константинополь, то отъ него потребовали возврата денегъ, которыя были ему отпущены для военныхъ издержекъ. Видя, что его подвергаютъ отчету за то, что онъ, будто бы по дружбѣ къ Андронику, не только не исправилъ дѣлъ, какъ надѣялись, но привелъ ихъ еще въ худшее положеніе, Ангелъ по внушенію сыновей, которыхъ у него было шесть и всѣ —люди съ воинственнымъ духомъ и съ сильными мышцами, вздумалъ-было укрѣпить и привесть въ оборонительное положеніе свой домъ, находившійся въ Екзокіонiѣ (¹), и привлекъ къ себѣ на помощь нѣсколько граждaнъ. Но такъ какъ сознавалъ, что онъ не въ силахъ бороться съ превосходнымъ по числу царскимъ войскомъ и не въ состояніи одолѣть противниковъ, то измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился бѣжать. Выведя изъ дому и взявъ съ собою шестерыхъ сыновей и жену, онъ сѣлъ на корабль и отправился къ Андронику, который, увидѣвъ Ангела, говорятъ, сказалъ, при его приближеніи: «се Азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою». Ободрившись прибытіемъ двоюроднаго брата и видя успѣхъ въ своемъ предпріятіи, Андроникъ покинулъ окольныя дороги, оставилъ безъ вниманія города Никею и Никомидію, не сталъ сворачивать туда

¹) Такъ называлась мѣстность въ Константинополѣ за земляною стѣною, построенною Константиномъ, и называлась потому, что здѣсь стояла статуя (κιονιον) Константина. Bandur. Antiquit. Constan. t. 2. p. 563 ed. Venet.

или сюда, но пошелъ прямо и неуклонно по дорогѣ, ведущей къ Константинополю. Остановившись на ночлегъ въ Певкіяхъ, — такъ называется одно мѣсто, лежащее выше Халкидона, — и поддерживая въ продолженіе цѣлой той ночи множество сторожевыхъ огней, не по нуждѣ для бывшаго съ нимъ войска, а для того, чтобы представить его въ преувеличенномъ видѣ, онъ дотого увлекъ и привязалъ къ себѣ Византійцевъ, что они, оставивъ обычныя дѣла, бросились смотрѣть на противоположный берегъ и, бродя по прибрежью и холмамъ города, знаками какъ-бы тянули къ себѣ еще вдали бывшаго Андроника. Такъ-то шли дѣла у плѣшиваго и сѣдаго Андроника !

10. Между тѣмъ Протосевастъ Алексѣй, не имѣя возможности отразить наступающаго непріятеля сухопутными силами, — такъ какъ одни, для кого не совсѣмъ еще безопасно было явно переходить къ Андронику, тайно въ своихъ мысляхъ склонялись уже на его сторону, а другіе думали, что для вѣрности императору довольно оставаться дома и не приставать ни къ той, ни къ другой сторонѣ, какъ привыкъ народъ думать и говорить объ этомъ, частію по корыстному расчету, а частію и потому, что большая часть римскихъ государей всегда достигала власти убійствомъ и кровопролитіемъ, — пытался отвратить угрожающую опасность битвою на морѣ. Съ этою цѣлію тріиры покрыли Пропонтиду. На однихъ изъ нихъ были гребцами и должны были сражаться съ палубъ Римляне, а на другихъ — быв-

шіе въ городѣ различныхъ націй латиняне, — самая лучшая и воинственная часть войска, которой деньги лились рѣкою, потому что Протосевастъ, въ случаѣ нападенія, гораздо болѣе надѣялся на ея защиту, чѣмъ на самыхъ Римлянъ. Ему очень хотѣлось сдѣлать начальниками тріиръ людей, особенно ему преданныхъ, и ввѣрить управленіе флотомъ своимъ родственникамъ. Но такъ какъ великій Вождь Контостефанъ воспротивился этому и никакъ не хотѣлъ отказаться отъ начальства надъ флотомъ, какъ по всѣмъ правамъ принадлежащаго ему, а не кому-либо другому, то Протосевастъ, по необходимости долженъ былъ перемѣнить свое намѣреніе. Такимъ образомъ начальникомъ надъ всѣмъ флотомъ назначенъ былъ Андроникъ Контостефанъ, хотя при немъ и состояло нѣсколько родственниковъ и друзей Протосеваста, — и всякая переправа съ восточнаго берега была прервана. Спустя немного времени, со стороны царя отправляется посломъ къ Андронику одинъ изъ служителей алтаря, именно Георгій Ксифилинъ. Представъ предъ лице тиранна, онъ вручилъ ему письмо и сказалъ все, что было наказано; а ему наказано было обѣщать Андронику множество даровъ, возведеніе на высшую степень почестей и милость отъ миролюбиваго Бога, если онъ оставитъ свой замыселъ, отъ котораго должны произойти междоусобныя войны, и возвратится къ прежнему мѣсту жительства. Андроникъ отвергъ это предложеніе, потому что посолъ Ксифилинъ, какъ говорятъ, измѣнилъ своему долгу и убѣждалъ его отнюдь не соглашаться и не

дѣлать ни малѣйшей уступки. Обратившись съ надменною рѣчью къ посламъ, онъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что, если хотятъ, чтобы Андроникъ возвратился туда, откуда пришелъ, то пусть Протосевастъ будетъ свергнутъ съ своего мѣста и дастъ отчетъ въ своихъ беззаконныхъ дѣлахъ, пусть мать царя удалится въ уединеніе, навсегда остригши свои мірскіе волосы, а царь правитъ по отеческому завѣщанію и не будетъ стѣсняемъ соправителями, какъ колосъ, заглушаемый плевелами. Между тѣмъ прошло еще нѣсколько дней, и великій Вождь Андроникъ также переходитъ на сторону Андроника и уводитъ съ собою всѣ длинные корабли, на которыхъ было войско, состоявшее изъ Римлянъ. Это обстоятельство болѣе всего другаго одушевило мятежнаго Андроника и совершенно сокрушило Протосеваста, такъ что онъ потерялъ всякую надежду и упалъ духомъ. Теперь уже не тайно собирались приверженцы Андроника; напротивъ люди, радующіеся общественнымъ переворотамъ, теперь явно издѣвались надъ Протосевастомъ и переплывали въ Халкидонъ. Являясь толпами къ Андронику, они удивлялись его росту, величественной красотѣ и почтенной старости, упивались медоточивостію его рѣчей, принимали все, что онъ обѣщалъ имъ, какъ полевая трава принимаетъ — дождь, или горы Сіонскія — росу Ермонскую, и возвращались въ величайшемъ восторгѣ, какъ будто-бы отыскали воспѣваемый золотой вѣкъ и упились сокомъ прелестныхъ плодовъ, или насытились такъ называемой трапезы Солнца. Иные впрочемъ съ пер-

ваго же взгляда тотчасъ узнали въ немъ волка, покрывшагося овечьей кожей, и змѣю, которая, какъ скоро отогрѣется, немедленно уязвитъ того, кто носитъ ее на своей груди.

11. Вслѣдъ за тѣмъ освобождаются изъ тюрьмы дѣти Андроника—Іоаннъ и Мануилъ, а равно и всѣ другіе заключенные Протосевастомъ; на мѣсто же ихъ заключаются люди, къ которымъ онъ благоволилъ, и вообще всѣ его приверженцы и родственники. Да и самъ Протосевастъ, захваченный въ царскихъ чертогахъ, окруженъ былъ стражею изъ Германцевъ, съ заостренными съ одной стороны сѣкирами на плечахъ, и не имѣлъ свободы выхода. А въ полночь его тайно вывели изъ царскихъ палатъ и отвели въ темницу при патріаршемъ дворцѣ, построенную патріархомъ Михаиломъ, подъ надзоромъ той же или еще болѣе сильной стражи. О, какъ превратны дѣла человѣческія и какъ иногда измѣняются они быстрѣе слова! Тотъ, кто вчера шелъ непримиримою войною противъ Церкви, какъ человѣкъ знатный родомъ и крайне надменный счастіемъ, кто противозаконно исторгалъ изъ храма искавшихъ въ немъ убѣжища, вокругъ кого раздавались голоса тысячей народа, тотъ сегодня въ узахъ и безпріютенъ, не имѣетъ ни спутника, ни помощника, ни спасителя, ни избавителя. Протосевасту крайне тяжко было и это, но онъ еще болѣе сердился на то, что сторожа не давали ему спать, нападая на него всякій разъ, какъ только онъ обращался ко сну, и заставляя его держать глаза напряженными, какъ лукъ, или стрѣлу. Патрі-

архъ, съ своей стороны, не помня зла и соболѣзнуя о такой перемѣнѣ судьбы, прилагалъ о немъ не малое попеченіе, облегчалъ его печаль своимъ присутствіемъ и увѣщавалъ сторожей обращаться съ нимъ кротче и не увеличивать своею жестокостію настоящаго его несчастія. Но едва прошло нѣсколько дней, какъ въ одно раннее утро выводятъ его изъ храма, сажаютъ на крошечнаго коня, несутъ впереди его привѣшенное къ трости знамя и съ такимъ посмѣяніемъ отвозятъ къ морю. Здѣсь бросаютъ его въ рыбачью лодку и отправляютъ на другой берегъ къ Андронику; а наконецъ, согласно съ общимъ приговоромъ высшихъ сановниковъ, по приказанію Андроника, выкалываютъ ему глаза. Таковъ былъ конецъ соцарствованія, или, лучше, еще невполнѣ утвердившейся тиранніи Протосеваста и его управленія общественными дѣлами. У него были руки способныя къ бою и персты его были научены на брань. Если бы онъ лучше приготовился къ борьбѣ и произвелъ болѣе стремительное нападеніе, онъ, можетъ быть, заградилъ бы Андронику доступъ къ городу и предохранилъ бы себя отъ постигшаго несчастія: потому что онъ могъ распоряжаться царскими сокровищами, какъ хотѣлъ, и для отраженія противника могъ воспользоваться тѣми тріирами, на которыхъ было войско изъ Латинянъ, лучшее во всемъ римскомъ флотѣ, все залитое мѣдью и закаленное въ кровавыхъ бояхъ. Но подъ вліяніемъ, какъ кажется, враждебной ему судьбы, онъ не выказалъ всей энергіи и ослабилъ свою дѣятельность, а Андроникъ напрягъ

всѣ силы и потому, напавъ на своего противника, опрокинулъ его и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду. Находясь еще по ту сторону пролива, Андроникъ объявилъ войну находившимся въ Константинополѣ Латинянамъ, выславъ противъ нихъ тріиры, которыя перешли къ нему вмѣстѣ съ великимъ Вождемъ, а равно и отборнѣйшую часть воинскихъ отрядовъ, которые присоединились къ нему на пути. А такъ какъ и жители города поднялись противъ нихъ, согласившись между собою произвесть дружное нападеніе, то въ одно время началась битва и на морѣ и на сушѣ. Латиняне, будучи не въ состояніи противиться окружившей и опоясавшей ихъ отвсюду двойной толпѣ враговъ, бросались, кто какъ могъ, спасать себя, оставивъ на произволъ грабителей свои домы, полные всякаго богатства и многоразличныхъ благъ, какихъ обыкновенно ищутъ люди. Они не смѣли ни оставаться на мѣстѣ, ни напасть на Римлянъ, ни сколько нибудь противиться ихъ нападенію. Поэтому одни разсѣялись, какъ случилось, по городу, другіе укрылись въ знатныхъ домахъ, иные же, добравшись до длинныхъ кораблей, которые заняты были ихъ единоплеменниками, кое-какъ избѣгли опасности погибнуть отъ меча. А кто былъ пойманъ, тѣ всѣ были осуждены на смерть, и всѣ безъ исключенія лишились имущества. Что же касается наполненныхъ бѣглецами тріиръ, онѣ, оставивъ городскія пристани, направились къ Геллеспонту и, приставъ къ островамъ, которые находятся не вдали отъ царственнаго города и недалеко вдают-

ся въ море,—говорю объ Островѣ Принцовомъ, Протѣ и другихъ смежныхъ съ ними островахъ, —тамъ провели остатокъ этого дня. На слѣдующій день, сжегши на этихъ островахъ нѣсколько святыхъ обителей, Латиняне поспѣшно выступили оттуда на всѣхъ веслахъ и съ распущенными парусами. Такъ какъ никто не преслѣдовалъ ихъ, то они, гдѣ хотѣли, высаживались на берегъ и дѣлали Римлянамъ все зло, какое только могли.

12. Въ это время явилась на небѣ комета, которая предвѣщала будущія бѣдствія, и явно изображала собою самаго Андроника. Представляя внѣшнимъ своимъ видомъ образъ и изгибы змѣи, явившееся свѣтило то вытягивалось, то спустя немного свивалось въ кольца, а иногда представлялось какъ бы съ отверстіемъ пасти и приводило въ ужасъ боязливыхъ зрителей, словно хотѣло сверху проглотить находившихся внизу и упиться человѣческою кровью. Съ вечера дня явленіе это продолжалось всю послѣдующую ночь и потомъ уже исчезло. Равнымъ образомъ, и пріученный къ охотѣ ястребъ, бѣлый, съ ременными путами на ногахъ, много разъ терявшій перья на гнѣздѣ и опять вновь оперявшійся, направивъ полетъ съ востока къ знаменитому храму Слова Божія и влетѣвъ въ домъ Өомаитовъ, привлекъ на себя вниманіе множества собравшихся по слуху зрителей. Были охотники, ухитрявшіеся поймать его. Но онъ, поднявшись оттуда, прилетѣлъ къ большому дворцу и, посидѣвъ надъ тою комнатою, въ которой обыкновенно привѣтствуются

отъ всего народа только что получившіе верховную власть вѣнценосцы, спустя не много, воротился опять къ храму. Три раза онъ сдѣлалъ такой кругъ, и тогда уже наконецъ его поймали и представили царю. Многіе видѣли въ этомъ предзнаменованіе, что Андроникъ скоро будетъ схваченъ и подвергнется тяжкому наказанію; да и естественно, говорили они, относить къ нему это предзнаменованіе, потому что онъ много разъ уже подвергался темничнымъ узамъ, да и волосы у него бѣлые, какъ снѣгъ. Но другіе, лучше прозиравшіе въ будущее и одаренные умомъ болѣе проницательнымъ, утверждали, что этотъ троекратный полетъ въ одномъ и томъ же кругѣ предзнаменуетъ троекратное кругообращеніе временъ года, въ теченіе котораго Андроникъ будетъ царствовать надъ Римлянами, и затѣмъ опять попадетъ въ темницу и будетъ заключенъ въ кандалы.

Такъ какъ всѣ ѣздили черезъ проливъ къ Андронику, то наконецъ послѣ всѣхъ отправляется къ нему и патріархъ Ѳеодосій съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. Андроникъ, услышавъ, что первосвятитель приближается къ его палаткѣ, тотчасъ выходитъ къ нему на встрѣчу, облекшись въ разрѣзную фіолетоваго цвѣта одежду изъ иверской ткани, спускающуюся до колѣнъ и заднихъ частей тѣла и закрывающую руки по локоть, и надѣвши на голову пирамидальную темнаго цвѣта шапку. Встрѣтившись съ патріархомъ, онъ повергся на землю къ копытамъ патріаршаго коня и лежалъ, растянувшись во всю величину свое-

го большаго роста. Потомъ, спустя не много, онъ встаетъ и начинаетъ лобызать подошвы ногъ патріарха, называя его спасителемъ царя, ревнителемъ добра, поборникомъ истины, вторымъ Іоанномъ Златоустымъ и прилагая къ нему всякаго рода почетныя названія. Патріархъ, видѣвшій тогда Андроника въ первый разъ, внимательно посмотрѣлъ на него и, замѣтивъ его грозный взглядъ, скрытный умъ, хитрый и пронырливый характеръ, величину роста, простирающагося почти до десяти футовъ, надменную походку, высокомѣрно нахмуренныя брови, всегдашнюю озабоченность и задумчивость, пожалѣлъ о тѣхъ, которые неразумно призвали къ себѣ такого человѣка на свою погибель, и сказалъ: «слухомъ я слышалъ о тебѣ прежде, а теперь привелось тебя и увидѣть и прямо узнать». Затѣмъ, продолжая говорить словами Давида, сказалъ: «якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ». Этимъ онъ тонко упрекалъ Андроника за притворное смиреніе, съ которымъ тотъ встрѣтилъ его, повергшись на землю и ласкаясь около него, какъ собака, и въ то же время выражалъ сравненіе видѣннаго съ тѣмъ, что разсказывалъ ему царь Мануилъ, описывая Андроника такъ живо, что незнавшій его патріархъ представлялъ его какъ бы предъ глазами. Но обоюдность словъ его не укрылась отъ проницательнаго Андроника. Уязвленный въ душѣ двусмысленностію этихъ словъ, какъ бы обоюду острымъ мечемъ, и принявъ густыя и словно нахмуренныя брови патріарха за выраженіе внутреннихъ, душевныхъ его движеній, онъ сказалъ

«вотъ скрытный Армянинъ», такъ какъ патріархъ съ отцовской стороны происходилъ, говорятъ, изъ Армянъ. Такимъ же образомъ издѣвался надъ патріархомъ Андроникъ и въ другой разъ, когда, бесѣдуя съ нимъ, съ притворною грустію говорилъ, что онъ одинъ остался попечителемъ царя Алексѣя, что нѣтъ у него ни сотрудника, ни помощника, что даже самъ его святѣйшество не помогаетъ ему, хотя царь Мануилъ, отецъ царя Алексѣя, возложилъ на патріарха попеченіе о сынѣ и, преимущественно предъ всѣми близкими по родству, ввѣрилъ ему управленіе государствомъ. Патріархъ отвѣтилъ на это, что онъ давно уже отложилъ попеченіе о царѣ, то есть, считаетъ его въ числѣ умершихъ съ тѣхъ поръ, какъ Андроникъ вошелъ въ царственный городъ и управляетъ общественными дѣлами. Отъ этого отвѣта патріарха Андроникъ покраснѣлъ и спросилъ, что значитъ выраженіе: «отложилъ попеченіе» и въ какомъ смыслѣ оно сказано, притворяясь, будто не понялъ его, хотя вполнѣ зналъ, что слова, сказанныя симъ святымъ мужемъ, намекали на смерть, грозящую отроку-царю. Патріархъ, не желая еще болѣе раздражать противъ себя звѣря, и безъ того уже разъяреннаго, или возбуждать верблюда къ обычной ему блевотинѣ, истолковалъ сказанныя слова не въ истинномъ смыслѣ и не въ томъ значеніи, съ какимъ они были произнесены, но сказалъ, что онъ пересталъ заботиться о царѣ и давно уже оставилъ о немъ попеченіе какъ потому, что церковныя правила, да и преклонность лѣтъ, недозволяютъ ему вмѣши-

ваться въ мірскія дѣла, такъ въ особенности потому, что Андроникъ самъ вполнѣ съумѣетъ, и безъ всякой посторонней помощи, воспитать отрока—царя.

13. Когда придворныя дѣла устроились такъ, какъ хотѣлось Андронику, который дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ чрезъ своихъ сыновей, друзей и тѣхъ изъ близкихъ къ царю по крови людей, которые безотвѣтственно предъ царемъ и совершенно свободно могли приходить къ Андронику, и соображаться съ его желаніями, то наконецъ и самъ Андроникъ садится въ тріиру и отправляется изъ Дамалиса. Переплывая чрезъ проливъ въ царственный городъ, онъ напѣвалъ изъ псалма Давидова и въ упоеніи приговаривалъ: «возвратись, душа моя, въ покой твой, ибо Господь благодѣтель твой. Онъ избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и ноги мои отъ преткновенія.» Между тѣмъ царь Алексѣй и мать его Ксенія, по желанію Андроника, оставили большой дворецъ и переселились въ Филопатій, въ царскіе чертоги, называвшіеся Манганскими. Прибывъ сюда, Андроникъ царю отдаетъ глубокій поклонъ, упавши предъ нимъ на колѣна, обнимаетъ его ноги, зарыдавъ по своему обычаю и залившись слезами; что же касается его матери Ксеніи, то онъ холодно поклонился ей и, по поводу ея присутствія тутъ, сдѣлалъ ей лишь мимоходомъ привѣтствіе, и то исполненное пренебреженія и изобличавшее ненависть, которую онъ съ давнихъ поръ таилъ противъ нея въ душѣ своей. Затѣмъ, пробывъ здѣсь не долго, онъ вышелъ и отпра-

вился въ приготовленную для него въ тѣхъ мѣстахъ палатку, вокругъ которой собрались, какъ птенцы собираются подъ крылья птицъ, и расположились въ своихъ шатрахъ всѣ благородные и знатные люди. Въ это-то время былъ захваченъ какой-то человѣкъ за то, что онъ въ неурочное ночное время бродилъ около Андрониковой палатки, прося себѣ милостыни; это былъ второй Гомеровъ Иръ, человѣкъ нищій и бездомный, обивающій пороги богачей, чтобы кускомъ хлѣба удовлетворить своему желудку, оборванный и косой. Слуги Андрониковы сначала обвинили его въ занятіи волшебствомъ, а потомъ безъ всякаго права отдали его въ жертву городской черни. Народъ, смотря на Андроника, какъ на лице божественное, безъ всякаго изслѣдованія вины, отвелъ бѣдняка на театръ и здѣсь, въ угодность Андронику, сжегъ его на кострѣ, приготовленномъ изъ сухихъ дровъ и вязанокъ хвороста.

Проживъ довольно долго съ царемъ въ Филопатіѣ, Андроникъ возъимѣлъ желаніе войти въ многолюдный городъ и посѣтить гробъ своего двоюроднаго брата, царя Мануила. Прибывши съ этою цѣлію въ обитель Пантократора, онъ спросилъ, гдѣ погребенъ почившій, и, ставъ предъ гробницею, въ которой заключено было его тѣло, горько заплакалъ и жалобно зарыдалъ, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ, не вполнѣ знакомые съ хитрымъ Андроникомъ, чрезвычайно удивились и сказали: «вотъ чудо! Какъ онъ любилъ своего царственнаго родственника, хотя тотъ былъ жаркимъ его гонителемъ и не обращался

съ нимъ человѣколюбиво»! Когда нѣкоторые изъ его родственниковъ хотѣли отвесть его отъ могилы и говорили, что онъ уже довольно поплакалъ, онъ нисколько не послушалъ ихъ убѣжденій, но упросилъ, чтобы ему позволили еще на нѣсколько времени остаться у гробницы, потому что онъ имѣетъ нѣчто наединѣ пересказать почившему. Сложивши руки какбы для молитвы, съ распростертыми ладонями, Андроникъ возвелъ глаза къ каменной гробницѣ и, шевеля губами, но отнюдь не издавая звуковъ, которые доходили бы до слуха присутствовавшихъ, что-то тайно проговорилъ. Большинство приняло этотъ шопотъ за какое-нибудь варварское заклинаніе. Но были и такіе, и это—въ особенности люди, гоняющіеся за острымъ словцомъ,—которые говорили, что Андроникъ издѣвается надъ царемъ Мануиломъ и явно ругается надъ почившимъ, говоря: «теперь въ моей ты власти, мой гонитель и виновникъ моего долгаго скитальничества, изъ-за котораго я сдѣлался почти всемірнымъ посмѣшищемъ и въ нищетѣ обошелъ всѣ страны, какія обтекаетъ солнце на своей колесницѣ. Ты, заключенный, какъ въ безвыходной тюрьмѣ, въ этомъ камнѣ съ семью вершинами, будешь спать непробуднымъ сномъ, пока не раздастся звукъ послѣдней трубы; а я, какъ левъ, напавшій на богатую добычу, вступивъ въ этотъ семихолмный и великолѣпный городъ, буду мстить твоему роду и заплачу ему жестокимъ возмездіемъ за все зло, какое перенесъ отъ тебя».

14. Послѣ этого Андроникъ, занявъ всѣ зна-

менитые и великолѣпные дома и проживая въ нихъ подобно странникамъ, сталъ распоряжаться общественными дѣлами по своему усмотрѣнію. Царю Алексѣю онъ предоставилъ заниматься псовой охотой и проводить время въ другихъ забавахъ съ тѣлохранителями, которыхъ приставилъ къ нему для того, чтобы они не только наблюдали за всѣми его входами и выходами зорче баснословнаго стоглазаго Аргуса, но и рѣшительно никого не допускали быть съ нимъ наединѣ и говорить о какомъ бы то ни было дѣлѣ. А самаго себя онъ всецѣло посвятилъ заботамъ не о томъ, чтобы благоустроить дѣла Римлянъ, но чтобы изгнать изъ дворца всякаго добраго совѣтника, всякаго человѣка мужественнаго и воинственнаго, подозрительнаго ему и способнаго къ управленію. Чтобы наградить за расположенность къ себѣ Пафлагонцевъ, равно какъ и всѣхъ другихъ, кто содѣйствовалъ ему въ мятежѣ, онъ удостоилъ ихъ почестей и осыпалъ щедрыми подарками. Распоряжаясь по своему произволу высшими почетными мѣстами и знатнѣйшими должностями, онъ на нѣкоторыя изъ нихъ возвелъ собственныхъ дѣтей, а на другія избралъ людей посторонних, именно тѣхъ, которые послѣдовали за нимъ, какъ нѣкогда отступившіе отъ Бога живаго послѣдовали за Вааломъ, и славу отъ него предпочли прежней чести, благородной и доставшейся въ награду за заслуги. А изъ людей знатныхъ, одни были имъ изгнаны изъ дома и отечества и разлучены со всѣмъ дорогимъ сердцу, другіе заключены въ темницы и желѣзные оковы,

иные лишены зрѣнія, и притомъ такъ, что не знали сами никакой, явно возводимой на нихъ, вины. Тайно же ихъ обвиняли, — кого за то, что былъ знатнаго происхожденія, кого по тому, что часто отличался на войнѣ, или обладалъ прекрасною осанкою тѣла и замѣчательно красивою наружностію, или наконецъ представлялъ въ себѣ что нибудь другое хорошее, что язвило Андроника и внушало ему недобрыя надежды, или раздувало искру прежнихъ мелкихъ оскорбленій и мало по малу воспламеняло доселѣ сокрытый и тлѣвшій подъ золою жаръ гнѣва. Вообще невыносимо было положеніе того времени, и взаимное недовѣріе, даже между ближайшими родственниками, было несноснымъ зломъ. Мало того, что братъ не смотрѣлъ на брата и отецъ бросалъ сына, если такъ угодно было Андронику: они неумолимо содѣйствовали предателямъ и вмѣстѣ съ ними устрояли погибель своего рода. Было и такъ, что иные сами доносили на своихъ домашнихъ, обвиняя ихъ или въ томъ, что они издѣваются надъ дѣйствіями Андроника, или даже въ томъ, что они расположены къ наслѣдовавшему отцовскую власть Алексѣю и не признаютъ надъ собою власти Андроника. Многіе были обвиняемы въ то самое время, какъ обвиняли, и, уличая другихъ въ злоумышленіяхъ противъ Андроника, сами были обличаемы или тѣми же, кого они обвиняли, или другими присутствовавшими, такъ что и тѣхъ и другихъ вели потомъ въ одну тюрьму. Въ подтвержденіе своихъ словъ я укажу на Іоанна Кантакузина, который въ ту

самую минуту, какъ жестоко избилъ кулаками какого-то скопца, по прозванію Циту, вышибъ ему зубы и разбилъ губы въ кровь за то, что тотъ, какъ было доказано, говорилъ съ царемъ Алексѣемъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ, самъ былъ вдругъ схваченъ, ослѣпленъ и брошенъ въ мрачную тюрьму за то, что черезъ темничнаго сторожа послалъ поклонъ одному изъ братьевъ своей жены, бывшему въ заключеніи, Константину Ангелу. При такомъ порядкѣ дѣлъ всякой головѣ было о чемъ кручиниться, и теперь больше, чѣмъ когда нибудь, оправдывались и подтверждались самымъ дѣломъ всѣ чудовищные разсказы Емпедокла о враждѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не только въ противной Андронику сторонѣ всякій отличный и знаменитый человѣкъ подвергался жесточайшимъ страданіямъ, но и усерднѣйшіе его слуги не могли быть въ немъ увѣрены. Кому вчера подносилъ онъ лучшій кусокъ хлѣба, кому предлагалъ откормленнаго тельца, кого поилъ благовоннымъ цѣльнымъ виномъ и включалъ въ кружокъ своихъ приближенныхъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ. Не разъ случалось и такъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, въ одинъ и тотъ же день, подобно Ксерксову начальнику кораблей, былъ и вѣнчаемъ и обезглавливаемъ, и благословляемъ и проклинаемъ. Оттого то многіе изъ приближенныхъ Андроника, люди съ умомъ проницательнымъ, принимали одобреніе его за начало опалы, награду какимъ нибудь человѣческимъ добромъ считали предвѣстницей потери имущества и благосклонность—знакомъ по-

гибели. Прежде, пока онъ не достигъ власти, не замѣчали, чтобы онъ былъ самый злой отравитель. Но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, всѣ стали говорить—справедливо ли, не могу сказать—что онъ большой мастеръ растворять смертельныя чаши, и что такой плачевный переходъ въ могилу прежде другихъ испытала отъ него Кесарисса Марія, дочь царя Мануила, которая и прежде всѣхъ и больше всѣхъ желала возвращенія Андроника въ отечество. Говорили, что одинъ ея слуга—евнухъ, доставшійся ей отъ отца, по прозванію Птеригіонитъ, подкупленный лестными обѣщаніями, подлилъ ей гибельнаго яда, и что эта отрава была не изъ тѣхъ, которыя тотчасъ убиваютъ, но приближала къ смерти мало по малу и медленно прекращала жизнь. Чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти своей супруги, вслѣдъ за нею отправился и мужъ ея, Кесарь. Говорили впрочемъ, что и онъ умеръ не естественною смертію, но и въ этомъ подозрѣвали Андроника и полагали, что одна смертоносная чаша прекратила жизнь обоихъ знатныхъ особъ.

15. Вознамѣрившись выдать замужъ дочь свою Ирину, прижитую имъ отъ двоюродной племянницы своей Ѳеодоры, за Алексѣя сына царя Мануила отъ Ѳеодоры Комниной (¹), онъ составилъ лаконическую записку къ священному собору и, чернилами подписавъ внизу свое имя,

---

(¹) Та и другая Ѳеодора были двоюродныя сестры. Первая была дочь брата Мануилова, севастократора Исаака, бывшая въ замужествѣ за Балдуиномъ; а вторая—дочь другаго брата Мануилова, севастократора Андроника.

предложилъ ее для прочтенія и обсужденія въ общемъ собраніи. Сущность написаннаго состояла въ томъ, можно ли допустить брачный союзъ, въ которомъ представляется не много или даже не представляется ничего непристойнаго, но который, между тѣмъ, можетъ повести за собою соглашеніе Востока съ Западомъ и освобожденіе плѣнныхъ, и доставитъ множество другихъ выгодъ государству. Эта коротенькая записка, какъ какой-нибудь большой ковшъ, или трезубецъ Нептуна, или, даже, какъ вполнѣ созрѣвшее яблоко раздора, произвела смущеніе между членами собора и раздѣленіе между сенаторами, которые должны были судить объ этомъ, или, вѣрнѣе сказать, вооружила ихъ другъ противъ друга и раздѣлила на противныя стороны. Изъ нихъ большая часть, подкупленные деньгами и преклоненные обѣщаніями повышенія въ почестяхъ, одобряли—чего никакъ не слѣдовало бы-этотъ бракъ, какъ не запрещенный законами. Наглѣйшіе же изъ судей, люди, привыкшіе извлекать для себя пользу изъ подачи своихъ голосовъ и нищенствующіе по знатнымъ домамъ, равно какъ сребролюбцы и святопродавцы изъ членовъ собора, утверждали, что нѣтъ даже родства между лицами, о бракосочетаніи которыхъ идетъ дѣло; потому что оба они были плодомъ незаконныхъ связей, а такого рода рожденія законами не признаются въ родствѣ между собою, а напротивъ считаются совершенно чуждыми другъ другу. Они говорили, что это дѣло яснѣе солнца и называли невѣжествомъ даже и мысль о томъ, буд-

то оно требуетъ какого нибудь изслѣдованія. Но другіе отнюдь не соглашались съ ихъ словами и, вооружившись законами, какъ равносильнымъ оружіемъ, отражали ихъ доводы, не допускали этого брака, какъ совершенно противозаконнаго и сильно ему противились. Предлагали это прекрасное рѣшеніе и держались правой стороны въ борьбѣ лишь не многіе изъ архіереевъ и служителей алтаря и нѣкоторые добросовѣстные изъ сенаторовъ. Да и тѣхъ соединила и поддерживала ревность патріарха, не допускавшая ихъ склониться на другую сторону, хотя сами по себѣ они дѣйствовали бы иначе. Патріарха же ни величіе Андроника не поколебало, ни сила его словъ не потрясла, ни угрозы не устрашили; онъ былъ непоколебимъ, какъ та скала, около которой вѣчно воздымаются огромныя волны и бушуетъ море, и которая, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ шумящаго моря, твердо стоитъ на томъ же самомъ основаніи. Видя, однакожъ, что все безполезно, что зло явно наступаетъ и несправедливость побѣждаетъ, онъ оставляетъ святительскія палаты и удаляется на островъ Теревинѳъ, гдѣ приготовилъ для себя убѣжище и мѣсто погребенія. Тогда Андроникъ, принявъ удаленіе патріарха за прекраснѣйшій подарокъ судьбы,—такъ какъ оно случилось для него неожиданно и вмѣстѣ было согласно съ его видами, — заключилъ брачный союзъ, поручивъ благословить его архипастырю болгарскому, находившемуся въ то время въ столицѣ, и приступилъ къ выбору на патріаршій престолъ преем-

ника, который былъ бы готовъ исполнять все по его желанію. Выборъ Андрониковъ во вселенскіе предстоятели палъ на Василія Каматира, или, лучше, Василій, какъ говорили, самъ склонилъ на такой выборъ Андроника тѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ письменно обѣщалъ Андронику исполнять, во время своего архіерейства, все, что будетъ угодно Андронику, хотя бы это было и совершенно беззаконно, и наоборотъ—отвергать все, что Андронику не понравится.

16. Не только въ столицѣ такъ страдали, но и внѣ ея терпѣли еще большія бѣдствія,—какъ будто демонъ какой обошелъ Римлянъ и насылалъ на нихъ всѣ напасти. Такъ султанъ иконійскій, узнавъ, что тотъ, кого онъ страшился, подобно Танталу, какъ камня, постоянно угрожающаго его головѣ, т. е. императоръ Мануилъ, сошелъ въ могилу,—силою оружія покорилъ Созополь и, ограбивъ окрестныя богатыя селенія, утвердилъ ихъ за собою, продолжительною осадою причинилъ много вреда знаменитому городу Аттала, совершенно разрушилъ Котіаій (¹) и овладѣлъ другими областями. Съ другой стороны великій Доместикъ, изъ рода Комниныхъ, по прозванію Ватаца, мужъ искусный въ воинскомъ дѣлѣ, много разъ одерживавшій неоднократныя побѣды надъ Персами, живя въ Филадельфіи, мужественно противился Андронику. Пренебрегая его приказаніями, онъ на страшныя его угрозы

(¹) Созополь и Атталія—города въ Памфиліи; а Котіаій или Котіэй—во Фригіи.

отвѣчалъ еще страннѣйшими и, обвиняемый въ домогательствѣ власти, самъ обвинялъ того, кто уже открыто владѣлъ ею и поносилъ его, какъ враждебнаго демона, истребляющаго царскій родъ. Вслѣдствіе этого азіятскіе города кипѣли смутами и междоусобными войнами, и оттого страдали гораздо болѣе, чѣмъ отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ, такъ что, можно сказать, чего не коснулась рука иноплеменниковъ, то разрушено было рукою соотечественниковъ, и единоплеменники, забывъ законы родства, воевали другъ съ другомъ совершенно — по варварски. Андроникъ рѣшилъ послать противъ Ватацы Андроника Лапарду, человѣка невиднаго по наружности, но съ большими талантами, поручивъ ему довольно значительное войско. А Іоаннъ Комнинъ, одержимый въ то время болѣзнію и стоявшій лагеремъ въ окрестностяхъ Филадельфіи, противопоставилъ Лапардѣ двухъ сыновей своихъ, Мануила и Алексѣя. Такъ какъ война шла съ перемѣннымъ счастіемъ и съ обѣихъ сторонъ гибло много людей въ междоусобныхъ сшибкахъ, то Ватаца глубоко скорбѣлъ и горько жалѣлъ, что поразившая его болѣзнь не давала ему дѣйствовать и безвременно приковала его къ одру, тогда какъ ему слѣдовало бы предъ всѣми обнаружить и выказать свою воинскую доблесть, слышать отъ восточныхъ городовъ обычные клики побѣды, и самымъ дѣломъ показать, противъ какого вождя воюетъ дряхлый Андроникъ. Тѣмъ не менѣе онъ выказалъ на дѣлѣ, что ревность воскрешаетъ и мертвыхъ и что нѣтъ ничего сильнѣе чувстви-

тельнаго сердца. Именно онъ приказываетъ положить себя на простыя носилки и вынесть на холмъ, откуда можно было обозрѣвать поле сраженія. Когда это было исполнено, онъ приказалъ сыновьямъ своимъ разставить войско въ извѣстномъ порядкѣ, и въ слѣдствіе того побѣда блистательно перешла на сторону его войскъ, а войско Лапарды обратило тылъ и очень долго было преслѣдуемо и поражаемо. Спустя не много дней Ватаца скончался. Филадельфійцы, горько и искренно оплакавъ его, рѣшились, всѣ безъ исключенія, передаться Андронику. Нѣкоторые же, въ порывѣ усердія, направили свой полетъ даже въ самый царствующій городъ и, раболѣпствуя предъ Андроникомъ, каркали на орла — Ватацу и его молодыхъ птенцовъ, какъ крикливыя вороны, или, какъ трутни, жужжали на улицахъ и въ царскихъ дворцахъ, занявшись дѣломъ праздполюбцевъ и людей злоязычныхъ. Между тѣмъ сыновья великаго Доместика, боясь быть схваченными и выданными Андронику, скрылись изъ Филадельфіи и ушли къ Иконійскому султану. Но своими послѣдующими бѣдствіями они ясно показали, что никому нельзя уйти изъ западни, или избѣжать сѣтей, если уже такъ опредѣлено небеснымъ Промысломъ. Будучи недовольны продолжительнымъ пребываніемъ у султана, который не хотѣлъ подать имъ помощи противъ ихъ враговъ, они рѣшились удалиться въ Сицилію, сѣли на корабль и, пользуясь сначала попутнымъ вѣтромъ, переплыли критское море. Но тутъ насталъ противный вѣтеръ; они, по необходимости, приста-

ли къ Криту и, будучи узнаны тамъ однимъ стражемъ, — то былъ сѣкироносецъ, родомъ кельтъ, — были схвачены и представлены критскому сборщику податей. Этотъ хотѣлъ было спасти ихъ и выпроводить невредимыми съ острова, заготовилъ имъ хлѣба, нагрузилъ вина и приготовилъ все нужное для плаванія; но, не имѣя возможности исполнить свое намѣреніе, потому что о нихъ узнали уже всѣ, — долженъ былъ послать донесеніе Андронику объ этихъ несчастныхъ Комниныхъ. А этотъ свѣтоненавистникъ и непримиримый врагъ людскихъ глазъ приказалъ ослѣпить ихъ.

Принявъ смерть Ватацы за знакъ божественнаго смотрѣнія, Андроникъ къ прежнимъ своимъ обманамъ присоединилъ теперь еще новую хитрость, чтобы скрыть свои замыслы. Онъ предложилъ царю Алексѣю короноваться самодержцемъ, и при этомъ, поднявъ его на плечи, съ горячими слезами принесъ его на амвонъ великой Церкви, въ виду многихъ тысячь народа константинопольскаго и иногороднаго, и опять такимъ же образомъ вынесъ его оттуда. Казалось, онъ любилъ его больше отца и былъ правою рукою для юной царственной отрасли, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ явно приводилъ въ исполненіе слова Давида: *вознесъ низвергъ мя еси* (Пс. 101, 11), объ этомъ думалъ и къ этому велъ дѣло.

17. Съ этою именно цѣлію онъ постарался устранить всѣхъ и, сдѣлавшись во всемъ господиномъ, распоряжался государственными дѣлами, какъ хотѣлъ. Такъ, желая прежде всего удалить

мать царя отъ ея сына и царя, онъ не переставалъ обвинять ее и постоянно показывалъ видъ, будто самъ намѣренъ удалиться, ссылаясь на то, что она самымъ очевиднымъ образомъ идетъ на перекоръ ему и противодѣйствуетъ всѣмъ его мѣрамъ и распоряженіямъ, предпринимаемымъ для блага общества и царя. Въ тоже время онъ возбуждалъ противъ нея негодованіе народа и своими происками достигъ того, что народъ не разъ собирался шумными толпами къ святительскимъ палатамъ и не только заставилъ знаменитаго патріарха Ѳеодосія противъ воли согласиться на слѣдствіе и приговоръ противъ государыни, но принудилъ и его самого одобрить своимъ мнѣніемъ удаленіе ея и изгнаніе изъ дворца. Буйная и наглая чернь, ни во что ставя подобающее патріарху благоговѣніе, можетъ быть, схватила бы его и за бороду, если бы онъ не согласился на требованіе Андроника, чтобы такимъ образомъ отвратить отъ себя грозившую опасность. Едва также не подверглись смерти и нѣкоторые изъ Вило-судей, [1] именно: Димитрій Торникъ, Левъ Монастиріотъ и Константинъ Патринъ, которые еще не включили себя въ списокъ приверженцевъ Андроника, не раболѣпствовали очевиднымъ образомъ предъ каждою его прихотью

(1) У Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, нѣтъ должности Вило-судьи— *ὁ κριτὴς τοῦ βήλου*; но въ другихъ спискахъ она занимаетъ пятьдесятъ четвертое мѣсто. Изъ словъ Вальсамона (Meditat. de Chartophylace): *δώδεκας τοῦ βήλου καὶ τοῦ ἱπποδρόμου κριτῶν* видно, что такихъ судей было нѣсколько. Чѣмъ они отличались отъ другихъ судей—неизвѣстно.

и не ползали предъ нимъ на колѣнахъ. Когда отъ нихъ потребовали сказать свое мнѣніе по взводимымъ на государыню обвиненіямъ, они объявили, что желали бы напередъ знать, съ согласія ли и опредѣленія самодержца состоялось это совѣщаніе, собраніе и разсужденіе о предлежащемъ дѣлѣ. Эти слова, какъ рожонъ, укололи Андроника, и онъ сказалъ: «вотъ люди, которые наводятъ Протосеваста на беззаконныя дѣла; схватите ихъ»! И въ туже минуту тѣлохранители взялись за носимые на плечахъ, заостренные съ одной стороны мечи, съ намѣреніемъ поразить ихъ, а народъ, схвативъ ихъ за плащи, съ безчестіемъ таскалъ туда и сюда этихъ мужей, такъ что они едва избѣжали смерти.

Достигнувъ удаленія государыни изъ дворца, Андроникъ вслѣдъ за тѣмъ принялся за вельможъ. Считая невыносимыми подобныя дѣйствія Андроника и явно имѣя предъ глазами циклопскій пиръ, они, согласившись между собою, заключили союзъ и, скрѣпивъ страшными клятвами свое единодушіе, положили не давать очамъ сна, ни головамъ, сколько это возможно, покоя, пока Андроникъ не будетъ лишенъ жизни и не окрасится собственною своею кровію вмѣсто багряной краски, которою домогается окрасить свою одежду, и для того съ корнемъ истребляетъ весь царскій родъ и терзаетъ его, какъ дикій вепрь. Такъ сговорились между собою Андроникъ, сынъ Константина Ангела, Великій Вождь Андроникъ Контостефанъ и шестнадцать ихъ сыновей, всѣ— въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и обнажавшіе мечь на

войнѣ, Дромо-логоѳетъ Василій Каматиръ и многіе другіе, близкіе къ нимъ по происхожденію, да и сами по себѣ люди знаменитые. Но этотъ заговоръ не до конца остался тайнымъ; о немъ стали говорить и онъ сдѣлался извѣстнымъ Андронику. Поэтому Андроникъ тотчасъ же напалъ на сына Ангелова, жившаго тогда не подалеку отъ земляныхъ воротъ города; но тотъ счастливо избѣжалъ сѣтей, разставленныхъ ему оруженосцами Андроника, и успѣлъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями, спастись бѣгствомъ. Случайно напавши на небольшую лодку, наполненную пустыми кувшинами, онъ выбросилъ ихъ въ море, какъ негодныя вещи, а самъ съ дѣтьми вошелъ въ нее и кое-какъ уплылъ отъ опасности. Что же касается Контостефана, четырехъ его сыновей и Василія Каматира,—они всѣ были схвачены и ослѣплены, равно какъ и всѣ другіе, о комъ узналъ Андроникъ не по явной уликѣ, но по простому слуху, и то нерѣшительному, что они участвовали въ заговорѣ вмѣстѣ съ упомянутыми лицами. Такъ заклалъ и сгубилъ Андроникъ тѣхъ, кого давно уже пламенно желалъ захватить въ свои руки, но до времени отлагалъ свое намѣреніе. А нѣкоторыхъ онъ заключилъ въ темницу, иныхъ осудилъ на изгнаніе изъ отечества, а другихъ погубилъ другими способами. Когда же увидѣлъ, что уже не много осталось людей, которые еще недавно отваживались идти наперекоръ большинству, и что эти немногіе, измѣнивъ, подобно блуждающимъ звѣздамъ, свое направленіе, дозволяютъ ему попирать свою шею

и движутся вмѣстѣ съ нимъ по его оси, то рѣшилъ ускорить гибель государыни. Послѣ различныхъ, выдуманныхъ противъ ней, обвиненій, онъ наконецъ обвиняетъ ее и въ измѣнѣ, собравъ съ этою цѣлію совѣтъ изъ своихъ друзей и выбравъ судей, которые имѣли намѣреніе не судить, а осудить эту несчастнѣйшую изъ женщинъ. И точно, она была осуждена въ томъ, будто бы вошла въ переговоры съ зятемъ своимъ по сестрѣ, венгерскимъ королемъ Белою, и побуждала его письмами и щедрыми обѣщаніями разрушить Враницову и Белеградъ,—и за то съ безславіемъ отведена въ монастырь св. Діомида и заключена въ самую тѣсную тюрьму. Здѣсь она терпѣла наглыя оскорбленія отъ сторожей, осыпавшихъ ее насмѣшками, томилась голодомъ и жаждою и непрестанно воображала себѣ жестокаго убійцу, стоящаго съ ножемъ подлѣ нея. Андроникъ, между тѣмъ, нисколько не смягчилъ своего свирѣпства, но, по выраженію Давида, помышляя трудъ и болѣзнь, горѣлъ желаніемъ предать царицу смерти. Чрезъ нѣсколько времени, негодуя, что она находится еще въ живыхъ, онъ снова собралъ несправедливыхъ судей, которыхъ десница—десница неправды, и предложилъ имъ вопросъ, какое наказаніе полагается законами предателямъ городовъ и областей. Получивъ письменное рѣшеніе, что такимъ людямъ опредѣляется смерть, онъ съ этой минуты неудержимо устремился на погибель императрицы. И такъ какъ тѣ беззаконные судьи возвысили голосъ и громко завопили, что должно лишить жизни эту злополуч-

нѣйшую изъ царицъ, то немедленно скрѣпляется царемъ—сыномъ бумага, написанная въ прямомъ смыслѣ брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть. Для исполненія этого преступнаго и нечестиваго дѣла избраны были первородный сынъ Андроника Мануилъ и Севастъ Георгій, братъ жены Андроника. Но они оба съ негодованіемъ отказались отъ такого назначенія и пренебрегли указомъ царскимъ, сказавъ, что они и прежде отнюдь не согласились на умерщвленіе царицы и что руки ихъ чисты отъ этого чернаго дѣла, а теперь тѣмъ болѣе не могутъ согласиться, чтобы на ихъ глазахъ было растерзано невинное тѣло. Андроникъ, пораженный какъ громомъ этими, совершенно неожиданными для него, словами, сталъ крѣпко крутить своими пальцами волоса своей бороды; глаза его горѣли огнемъ и онъ, то склоняя голову, то подимая ее, горько оплакивалъ свою несчастную судьбу и много разъ громко жаловался, что въ его самыхъ близкихъ друзьяхъ нѣтъ кровожадности и готовности, по одному мановенію, броситься на убійство. Сдержавъ свой порывъ, какъ ретивый и неукротимый конь, и погасивъ свой скрытный гнѣвъ, какъ гаснетъ пламя подъ окружившимъ его дымомъ, Андроникъ на этотъ разъ отложилъ убійство. Но спустя не много дней, онъ присуждаетъ несчастную къ страшной участи быть задушенной, при чемъ исполнителями его воли были Константинъ Трипсихъ, носившій поясъ Этеріарха, и скопецъ Птеригіонитъ, о которомъ всѣ говорили, что онъ былъ убійцею и порфи-

родной Маріи, отравивъ ее ядомъ. Такъ погибла эта красавица, радость очей и утѣшеніе для глазъ человѣческихъ, и была засыпана пескомъ на тамошнемъ морскомъ берегу. О солнце! Какое черное преступленіе! О безначальное Слово Божіе! Какъ непостижимо Твое долготерпѣніе!

18. А въ какомъ восторгѣ былъ отъ этого Андроникъ,—невозможно и выразить. Онъ таялъ въ душѣ своей отъ удовольствія, видя, какъ уничтожается родъ Мануила и посѣкаются деревья царственнаго разсадника, и представляя, что онъ одинъ останется въ римской имперіи и будетъ безбоязненно владѣть ея скипетромъ. Въ началѣ Сентября мѣсяца втораго индиктіона шесть тысячь шестисотаго года, онъ рѣшается провозгласить себя императоромъ. Нѣкоторые изъ подлой толпы его приверженцевъ, безъ сомнѣнія съ его согласія, хотя онъ и скрывалъ свое желаніе, внесли въ совѣтъ предложеніе о возникшемъ вновь между Виѳинцами возстаніи и о принятіи городомъ Никеею Исаака Ангела и Ѳеодора Контакузина, равно какъ о злоумышленныхъ дѣйствіяхъ Прузейцевъ, которые водворили у себя Ѳеодора Ангела и затѣяли тоже, что Никейцы. И не иначе, сказали они, можно усмирить мятежниковъ, какъ развѣ когда будетъ царемъ Андроникъ, который, по своимъ осеребрившимся отъ времени волосамъ, несравненно мудрѣе юношей,—развѣ когда онъ, возсѣвши на украшенный драгоцѣнными камнями престолъ и возложивъ на себя царскую діадиму, будетъ самодержавствовать вмѣстѣ съ несовершеннолѣтнимъ царемъ, вникая въ потребности и

выполняя предначертанія съ большею силою и полномочнѣйшею властію. При этомъ всѣ, стоявшіе около, равно какъ и тѣ, которые, по знатности рода и высотѣ достоинствъ, возсѣдали вмѣстѣ съ Андроникомъ, тотчасъ же единогласно закричали, что это предложеніе предметъ давнишняго ихъ желанія, что теперь не время долѣе откладывать, и что они готовы употребить даже силу, если ихъ убѣжденія не будутъ имѣть успѣха. И точно, они начали возглашать благожеланія и во все горло, чуть не надрываясь отъ крика, запѣли такое провозглашеніе: «Алексѣю и Андронику, великимъ царямъ и самодержцамъ римскимъ, Комнинымъ, многая лѣта». Когда слухъ объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ разнесся между городскими дураками, —константинопольскій народъ стоитъ такого названія,—толпы людей всякаго рода, всякаго ремесла и всякаго возраста, подобно несмѣтному рою пчелъ, высыпали и стеклись къ мѣсту собранія. Въ это же время одинъ изъ Вило-судей,—я охотно умолчу о его имени,—возведенный за усерднѣйшую службу Андронику въ должность сановника, завѣдывающаго прошеніями (¹), и еще одинъ продажный крикунъ и подлѣйшій слуга тиранніи, почтенный званіемъ Протонотарія, когда молва о провозглашеніи Андроника разнеслась повсюду и достигла ушей и этихъ гнусныхъ ласкателей,—какъ бы однимъ духомъ

(¹) У Кодина, въ каталогѣ придворныхъ должностей, этотъ чиновникъ — ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων — занимаетъ сорокъ-четвертое мѣсто. На его обязанности было принимать просьбы, подаваемыя царю во время его выѣздовъ. Codin. de offic. pp. 11 et 39.

прилетѣли къ тираннову дому, такъ называемому дому Михаилица, гдѣ совершались эти беззаконныя дѣла. Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные покровы и взявшись за висѣвшіе на спинѣ бѣлольняные плащи, они распустили ихъ на подобіе шаровъ, составили изъ простонародья хороводъ и, принявъ надъ нимъ начальство, стали пѣть на пріятный и мѣрный напѣвъ, выпрыгивали впередъ и сводя руки какъ бы для рукоплесканій, слегка потрясали ногами, кружились по срединѣ и, сопровождая свою пляску пѣніемъ и кликами, колотили землю. Какое безстыдство! Какая глупость и легкомысліе! Когда Андроникъ пришелъ изъ дома тираннова во Влахернскій дворецъ и вступилъ въ находящуюся въ немъ высокую комнату, которая называется Политимомъ [1], является туда и царь Алексѣй, услышавъ во дворцѣ и радостные клики и въ тоже время плачевные стоны, потому что не всѣ увлеклись тогдашними обстоятельствами. Видя, что почти всѣ провозглашаютъ Андроника царемъ, онъ по неволѣ долженъ былъ добровольно уступить силѣ событій, и потому началъ и самъ, вмѣстѣ съ другими, льстить старикашкѣ, упрашивая Андроника царствовать вмѣстѣ съ собою и склоняя къ этому дѣлу того, кто уже давно неудержимо стремился къ нему. Андроникъ жеманился и шутилъ надъ собраніемъ. Тогда болѣе жаркіе изъ приверженцевъ Андроника, схвативъ его обѣими руками, посадили на златотканное ложе, на которомъ возсѣдалъ царь. Другіе сняли съ него дымчатую

(1) Т. е. многоцѣнною.

пирамидальную шапку и возложили на его голову огненнаго цвѣта повязку; третьи облекли его въ царскую одежду. На слѣдующій день, когда въ великой церкви началось провозглашеніе царей, порядокъ въ провозглашеніи именъ былъ измѣненъ: имя Андроника возглашено было прежде, а имя Алексѣя снесено на второе мѣсто. И причина на это нашлась какъ нельзя болѣе прекрасная и благовидная: неприлично, говорили, ребенка, человѣка, еще недостигшаго совершеннаго возраста и безбородаго, упоминать прежде Андроника—сѣдовласаго, внушающаго почтеніе своею мудростію и одареннаго отъ природы обширнымъ умомъ. Когда же наконецъ и самъ Андроникъ вступилъ въ священный кровъ, чтобы быть вѣнчаннымъ, онъ въ первый разъ показался предъ людьми веселымъ, оставилъ свой звѣрскій и страшный взглядъ и обѣщалъ многимъ просителямъ перемѣну дѣлъ къ лучшему. Но все это было—явная ложь и пустыя обѣщанія обманщика; и веселое выраженіе лица, представлявшее самый тощій видъ человѣколюбія, только на время прикрывало внутреннюю свирѣпость. Вошедши въ храмъ, онъ, послѣ того, какъ надъ нимъ совершено было все, что обыкновенно совершается при вѣнчаніи царей, и когда настало время—приступасть къ принятію причистыхъ Таинствъ и причащается небеснаго хлѣба. Затѣмъ подойдя къ чашѣ, онъ поднялъ руки и, притворившись растроганнымъ, вслухъ почти всѣхъ, бывшихъ тогда въ св. алтарѣ, поклялся страшными тайнами, что онъ принялъ царскую власть единственно изъ

желанія помочь ему и поддержать его власть, указывая при этомъ на стоявшаго тутъ царя и племянника своего Алексѣя, котораго спустя нѣсколько дней удавилъ и бросилъ въ море. Выйдя изъ храма съ чрезвычайно блистательною свитою копьеносцевъ и множествомъ щитоносцевъ (это потому, что онъ крайне боялся за себя), и миновавъ храмъ Христа Спасителя, что въ Халкѣ, онъ ускорилъ поѣздъ; ѣхалъ не медленнымъ шагомъ и не съ остановками, какъ обыкновенно дѣлаютъ императоры при торжественныхъ шествіяхъ, но пустилъ коня вольнымъ шагомъ. Это подало поводъ къ различнымъ толкамъ; одни говорили, что онъ такъ дѣлалъ отъ страха, а другіе подозрѣвали въ этомъ нѣчто другое. По прибытіи въ большой дворецъ отслуживъ благодарственное молебствіе, по поводу вступленія на царство, онъ сталъ помышлять о новыхъ злодѣяніяхъ. Рѣшившись умертвить царя Алексѣя, онъ снова созываетъ совѣтъ изъ своихъ пріятелей и собираетъ соучастниковъ своихъ гнусныхъ оргій. Они тотчасъ всѣ воскликнули стихъ Гомера: «вредно многоначаліе, да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь», старость орла—молодость жаворонка, и опредѣлили царю Алексѣю вести частную жизнь. И уже не упоминали теперь о непонятныхъ для народа причинахъ, не говорили о воспитаніи, о лучшемъ поддержаніи власти, о чемъ вчера и третьяго дня любили толковать въ многолюдныхъ собраніяхъ и чѣмъ защищали свое дѣло, когда кто нибудь живя уединенно въ великолѣпномъ Константинополѣ, не зналъ до того времени этихъ происше-

ствій и, совершенно не понимая, для чего все это дѣлается, спрашивалъ ихъ о причинѣ. Но не успѣли еще вполнѣ узнать въ городѣ о сказанномъ опредѣленіи, какъ это лукавое сборище уже произнесло смертный приговоръ царю. Бывшіе въ этомъ собраніи прямо одобрили и безстыдно повторили слова изъ книги Соломона: «свяжемъ праведника; онъ не нуженъ намъ и даже смотрѣть на него тяжело». Вслѣдствіе того, Стефанъ Агіохристофоритъ, Константинъ Трипсихъ и нѣкто Ѳеодоръ Дадивринъ, начальникъ ликторовъ, напали на него ночью и удавили тетивою лука. Когда тѣло покойника принесли къ Андронику, онъ толкнулъ его ногою въ бокъ и обругалъ его родителей, назвавъ отца клятвопреступникомъ и обидчикомъ, а мать безстыдною и всѣмъ извѣстною кокеткою; потомъ, иглою прокололи ему ухо, продѣли нитку, прилѣпили къ ней воскъ и приложили печать, которая была на перстнѣ Андроника. Затѣмъ, приказано было отрубить голову и тотчасъ принесть къ Андронику, а остальное тѣло бросить въ воду. Когда приказаніе было исполнено, голову тайно бросили въ такъ называемый катаватъ, а тѣло, закупоренное въ свинцовомъ ящикѣ, опустили на дно моря. Судномъ, на которомъ везли этотъ несчастнѣйшій грузъ, съ пѣснями и плясками управляли два знаменитыхъ человѣка, именно: Каниклій Іоаннъ Каматиръ, бывшій впослѣдствіи архипастыремъ главнаго города Болгаріи, и Ѳеодоръ Хумнъ, занимавшій должность Халтулярія.

ЦАРСТВОВАНІЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Такъ скончался царь Алексѣй, проживъ всего неполныхъ пятнадцать лѣтъ, изъ коихъ царствовалъ три года, и то не самъ по себѣ и не одинъ. Сначала онъ находился подъ руководствомъ матери, управлявшей государствомъ, а потомъ— двухъ тиранновъ, захватившихъ себѣ государственныя дѣла. Закрываемый ими, какъ солнце закрывается облаками, — онъ больше походилъ на управляемаго, чѣмъ на правителя, приказывалъ и дѣлалъ только то, чего хотѣли наставники, пока наконецъ петля не прекратила его жизни. По окончаніи этого столько плачевнаго дѣла, Андроникъ вступаетъ въ бракъ съ Анною, женою царя Алексѣя, дочерью франкскаго государя ([1]). Старикъ, отжившій свой вѣкъ, не постыдился нечестиво раздѣлять ложе съ женою своего племянника, цвѣтущею, нѣжною, еще недостигшею одиннадцати лѣтъ; человѣкъ износившійся, престарѣлый, сгорбившійся отъ лѣтъ и хилый не посовѣстился обнимать дѣвицу, еще не совсѣмъ развив-

---

([1]) Анна или Агнесса была повѣнчана съ Алексѣемъ, но, по малолѣтству, не жила еще съ нимъ.

шуюся, крѣпкогрудую, съ розовыми пальцами, каплющую росу любви.

Воцарившись, Андроникъ обратился съ просьбою къ патріарху Василію и тогдашнему Синоду о разрѣшеніи его отъ клятвы, которую онъ далъ царю Мануилу и несчастному его сыну, а съ нимъ— и всѣхъ прочихъ, также нарушившихъ клятву. Тѣ, какъ будто они получили отъ Бога власть вязать и рѣшить все безъ разбора, немедленно издали опредѣленіе, которымъ давали разрѣшеніе всѣмъ, не сдержавшимъ клятвы. Какую же необыкновенную награду далъ Андроникъ этимъ исполнителямъ своихъ приказаній? Онъ въ скоромъ времени исполнилъ тогдашнія ихъ просьбы, само собою разумѣется, маловажныя и ничтожныя. Высшею же наградою было то, что онъ дозволилъ имъ сидѣть при себѣ въ совѣтѣ, на складныхъ стульяхъ, поставленныхъ около царскаго трона. Но и эта честь обратилась только въ посмѣяніе допустившимъ и принявшимъ ее архіереямъ, потому что чрезъ нѣсколько дней она прошла, какъ призракъ почести и славы, и опять все стало по прежнему, подобно тому, какъ дерево, наклоненное силою, когда отпустятъ его, возвращается въ прежнее положеніе. Да и прежней то чести они много потеряли, потому что Андроникъ, опасаясь показаться крайне перемѣнчивымъ и непостояннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, впослѣдствіи не легко допускалъ къ себѣ этихъ архіереевъ въ то время, когда возсѣдалъ на блистательномъ тронѣ. Такимъ образомъ люди, которые недавно гордились засѣданіемъ въ царскомъ совѣтѣ и хвалились, что полу-

эту честь, по словамъ Давида, какъ вѣрные земли, теперь со стыдомъ возвращались назадъ, упрекая себя въ томъ, что они и отъ Бога отступили, разрѣшивъ грѣхъ неразрѣшимый, и услугу насмѣшнику Андронику оказали напрасно.

Когда провозглашеніе Андроника царемъ и умерщвленіе царя Алексѣя сдѣлалось извѣстнымъ Алексѣю Вранѣ и Андронику Лапардѣ, начальникамъ легіоновъ, сражавшихся въ окрестностяхъ Ниса и Враницовы съ венгерскимъ королемъ Велою, который все опустошалъ въ тѣхъ мѣстахъ огнемъ и мечемъ, то одинъ изъ этихъ вождей — Лапарда считалъ свою жизнь въ крайней опасности, того и ждалъ, что всепоглощающій зѣвъ Андроника проглотитъ и его. Но Врана встрѣтилъ перемѣну царствованія съ удовольствіемъ; потому что онъ уже былъ вписанъ въ число людей, которымъ Андроникъ оказывалъ свое благоволеніе. Перебравъ въ умѣ своемъ и прослѣдивъ, подобно лакедемонской собакѣ, разные пути, которыми можно было спасаться, Андроникъ Лапарда находилъ только одну спасительную стезю: надобно было бѣжать отъ взора и изъ-подъ-власти Андроника. И, вѣрно, онъ избавился бы отъ бѣдствій, если бы послѣдовалъ этому намѣренію и не затѣялъ другаго дѣла. Но, задумавъ сдѣлать зло Андронику и отмстить ему за его беззаконный поступокъ противъ государя и царя, онъ отваживается на возмущеніе. Зная, что на Западѣ онъ не будетъ имѣть успѣха и не найдетъ содѣйствія своимъ замысламъ противъ Андроника, вслѣдствіе присутствія здѣсь товарища его, военачальни-

ка Враны, онъ сталъ помышлять о Востокѣ и къ нему обратилъ свои взоры, потому что короче былъ знакомъ съ нимъ. Онъ не однократно занималъ тамъ важныя должности и зналъ, что тамъ не мало людей, очень склонныхъ къ возмущенію. Поговоривъ съ товарищемъ своимъ Враною и убѣдивъ его побыть въ тѣхъ мѣстахъ, пока онъ съѣздитъ къ престарѣлому новому самодержцу, онъ отправился въ путь со всею поспѣшностію, чтобы предупредить молву, которая видитъ и то, что скрыто подъ землею, а не рѣдко и о будущемъ говоритъ какъ уже о совершившемся. Доѣхавъ до родины своей Орестіи, которую иные называютъ Адріанополемъ, и побывъ въ ней короткое время, сколько нужно было для того, чтобы повидаться съ жившими тамъ сестрами и приготовиться къ дорогѣ, онъ разсудилъ не медлить болѣе, но какъ можно скорѣе отправиться на Востокъ, потому что болтливая молва уже кричала о его бѣгствѣ и на перекресткахъ, и на площадяхъ, съ вершинъ стѣнъ и домовъ, и съ быстротою стрѣлы разсѣевала эту вѣсть во многихъ мѣстахъ. Итакъ, доѣхавъ въ одну ночь до моря, онъ сѣлъ съ спутниками своими на корабли, собственно для этого приготовленные въ Іеллокастелліѣ, и переправился на другую сторону. Отдохнувъ тутъ не много, онъ уже думалъ, что избѣжалъ погибели и избавился опасности сдѣлаться готовымъ блюдомъ и подручнымъ лакомствомъ для челюстей Андроника. Но видно и онъ изглаженъ былъ Провидѣніемъ изъ книги живыхъ и приготовленъ на съѣденіе Андронику; чашка, содержавшая его жре-

бій на вѣсахъ судьбы, склонилась къ аду. Судьба не поблагопріятствовала ему, и онъ былъ схваченъ и отосланъ къ Андронику руками тѣхъ, у которыхъ надѣялся найти себѣ безопасность, счастіе и благоденствіе, и на которыхъ разсчитывалъ, что они и тѣломъ и душой будутъ помогать и содѣйствовать ему въ побѣдѣ надъ Андроникомъ. Все это, какъ оказалось, была мечта несчастной души и сновидѣніе. Когда онъ прибылъ въ Атрамиттій (¹), нѣкто Кефала, начальствовавшій тогда въ этой странѣ, человѣкъ сильный и преданный тиранну, какъ доказалъ самымъ дѣломъ, схватилъ его и предалъ въ руки Андроника, какъ жертву готовую и очищенную для закланія. Ему выкололи глаза, и онъ сосланъ былъ въ Пантепонтовъ монастырь оплакивать несправедливость къ нему судьбы. Тогда какъ онъ отважился на возмущеніе изъ прекраснѣйшаго побужденія, она, ни сколько не обративъ вниманія на его доброе намѣреніе, склонилась на противуположную сторону. Такъ Богъ не только скрылъ отъ насъ, гдѣ найдемъ мы жизнь спокойную и безпечальную, но и не далъ намъ ни предчувствія угрожающей бѣды, ни предвѣдѣнія успѣха въ предпріятіяхъ. Вотъ и этотъ мужъ, во многихъ сраженіяхъ показавшій себя отличнымъ полководцемъ, считая постыднымъ служить Андронику послѣ умерщвленія царя Алексѣя и желая избѣжать смерти отъ руки тиранна, удалился отъ этого жаднаго къ убійству человѣка, и однакожъ, противъ своего ожиданія,

---

(¹) Городъ въ Мизіи на берегу атрамитскаго залива, въ малой Азіи.

былъ пойманъ тѣмъ, кого избѣгалъ, попалъ въ тѣ руки, отъ которыхъ хотѣлъ уйдти. Чьего нападенія ожидалъ сзади, кого считалъ догоняющимъ, того встрѣтилъ лицемъ къ лицу, тотъ спереди напалъ и схватилъ его. Въ скоромъ времени онъ и умеръ. Андроникъ такъ былъ напуганъ возмущеніемъ Лапарды, что во все продолженіе его бѣгства считалъ свою погибель уже наступившею. Онъ боялся Лапарды, какъ храбраго вождя и мужественнаго человѣка. Видя, что нѣтъ надежды подавить его возмущеніе преслѣдованіемъ, или оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ письменнымъ хитростямъ и, какъ софистъ, придумалъ небывалый способъ. Онъ сочинилъ и разослалъ къ начальникамъ восточныхъ провинцій царскія грамоты, истинно лукавыя. Въ нихъ Андроникъ увѣрялъ, что онъ послалъ Лапарду въ Азію, и что все, что Лапарда ни сдѣлаетъ, все это, по извѣстнымъ, хотя и непонятнымъ для большинства, причинамъ, будетъ сдѣлано для блага его царства, и обязывалъ всѣхъ принимать его безъ всякаго сомнѣнія. Чрезъ это Андроникъ разсчитывалъ остановить возстаніе народа, такъ какъ народъ подозрительно будетъ смотрѣть на то, что самъ Лапарда выдаетъ себя за противника Андронику и какъ бунтовщикъ собираетъ противъ него войско, а Андроникъ называетъ бунтовщика своимъ вѣрнымъ слугою и повелѣваетъ принять бѣглеца, какъ своего посланника. Что бы сдѣлали и какое бы имѣли слѣдствіе эти новоизобрѣтенныя грамоты— это осталось въ неизвѣстности, потому что Лапарда въ скоромъ времени былъ задержанъ.

2. Избавившись сверхъ чаянія отъ этого страха, Андроникъ разцвѣлъ въ мелкой душѣ своей, какъ отъ росы разцвѣтаютъ колосья, выѣхалъ изъ города и медленно, небольшими переходами, прибылъ въ Кипселлу (¹). Позабавившись здѣсь охотою, онъ отправляется въ отцовскій монастырь, находящійся въ Вирѣ и является у гроба своего отца окруженный копьеносцами, въ царскомъ блескѣ, котораго и отецъ когда-то желалъ, но не получилъ,—такъ что стремленіе къ царствованію перешло къ Андронику отъ отца, какъ наслѣдственное достояніе. Въ эти дни онъ воздержался отъ казней, и потому многіе называли ихъ алкіоновыми, такъ какъ въ то время, когда алкіонъ кладетъ яица на морѣ, море бываетъ очень тихо и спокойно. А спустя не много времени, предъ наступленіемъ праздника Рождества Христова, онъ снова возвращается въ столицу. Потѣшившись конскими скачками и театральными зрѣлищами, съ наступленіемъ весны собралъ онъ всѣ войска, какія на Западѣ и на Востокѣ оставались ему вѣрными, и самъ пошелъ прямо на Никею, а Алексѣя Врану, возвратившагося изъ окрестностей Враницовы, съ достаточнымъ войскомъ послалъ противъ Лопадійцевъ; потому что и они, по примѣру сосѣдей своихъ Никейцевъ и Прузейцевъ, тоже отложились отъ него. Врана удачно совершилъ свой походъ и, счастливо окончивъ войну, выступилъ изъ-подъ Лопадія и, прибывъ къ Никеѣ, соединился съ Андроникомъ. Когда оба ополченія составили одно войско, Ан-

(¹) Городъ во Ѳракіи недалеко отъ рѣки Меласа.

дроникъ рѣшился сдѣлать нападеніе на городъ. Жители Никеи, не только не боялись Андроника въ его отсутствіе, но пренебрегали имъ, когда онъ и самъ явился къ нимъ. Показываясь на стѣнахъ, они и отражали его всякимъ оружіемъ и поносили гнусными словами, не щадя ничего—ни ударовъ, ни словъ. Городскія ворота были заперты и плотно задвинуты запорами, а языки, предъ которыми отворены были двери губъ, выскочивъ изъ за ограды зубовъ, бросали въ Андроника стрѣлы сквернословія. Сильно поражаемый этимъ оружіемъ, Андроникъ дышалъ огнемъ гнѣва, выпуская дыханіе подобно Тифону, потому что не могъ скрыть душевнаго волненія. Городъ Никея и по крѣпости своихъ стѣнъ считается непреодолимымъ, или, по крайней мѣрѣ, трудно-одолимымъ, такъ какъ весь онъ выстроенъ изъ жженаго кирпича. А тогда осада его тѣмъ менѣе обѣщала успѣха осаждавшимъ, что въ немъ собрались и всѣ тѣ ратники, которые ненавидѣли Андроника, и Исаакъ Ангелъ, который, по низверженіи Андроника, воцарился надъ Римлянами, и Ѳедоръ Кантакузинъ, и Персы, призванные на помощь. Много дней проѣздилъ Андроникъ около города, но не сдѣлалъ ничего и явно походилъ на человѣка, который нападаетъ на отвѣсныя горы, или безумно сражается съ каменными скалами, или осаждаетъ Арбелы и Семирамидины стѣны, или пускаетъ стрѣлы въ небо. Осажденные храбро сражались и оружіемъ отражали нападенія вооруженныя, а посредствомъ машинъ дѣлали совершенно безвредными камнеметныя орудія, ко-

торыя устроивалъ изобрѣтательный Андроникъ. Такъ какъ онъ много хвалился своимъ искуствомъ брать города, то, чтобы отличиться предъ окружающими его, онъ и устанавливалъ стѣнобитныя орудія, и изобрѣталъ камнеметныя машины, и дѣлалъ подкопы, и употреблялъ всѣ другія средства для разрушенія городской стѣны. Но онъ сколачивалъ осадныя машины, устроялъ метательныя орудія, укрѣплялъ винты и рукояти, вооружалъ стѣнобитные тараны желѣзомъ, а Никейцы или, выйдя изъ города потайными небольшими воротами, сожигали и разламывали руками эти орудія, или во время ихъ дѣйствія разрушали ихъ, какъ паутинную ткань, другими подобными орудіями. Когда Андроникъ увидѣлъ, что всѣ его выдумки оканчиваются ничѣмъ, онъ прибѣгнулъ къ безчеловѣчному средству, которое и въ прежнія времена употреблялось немногими, какъ осаждавшими, такъ и осаждаемыми. Приказавъ привезть изъ Византіи мать Исаака Ангела Евфросинію, онъ то ставилъ ее, вмѣсто прикрытія, предъ осадными машинами, то сажалъ ее на таранъ, какъ на колесницу, и въ такомъ видѣ придвигалъ орудіе къ стѣнѣ. Тогда представилось зрѣлище, которое невольно возбуждало въ одно и тоже время и слезы и удивленіе: слезы—своею необычайностію и свирѣпостію разгнѣваннаго человѣка, который готовъ на все и не отвращается ни отъ какого неслыханнаго и несвойственнаго человѣческой природѣ дѣйствія, а удивленіе — тѣмъ, что не умерла отъ страха женщина, сидя на верху машинъ, придвигаемыхъ

къ стѣнамъ города. Въ первый разъ теперь люди видѣли, что нѣжное женское тѣло было выставлено на защиту желѣза, слабая человѣческая плоть, по измѣненному и беззаконно извращенному порядку, поставлена была предъ твердыми машинами, чтобы помѣшать непріятелю оружіемъ отражать оружіе, и желѣзо было прикрываемо человѣческимъ тѣломъ. Но осажденные по прежнему бросали со стѣнъ стрѣлы, только направляли ихъ такъ искусно, что онѣ поражали и устрашали нападавшихъ, а благородной женщинѣ не причиняли никакого вреда, какъ будто она и руками и жестами отклоняла ихъ отъ себя и направляла въ сердца враговъ. Такимъ образомъ эта безчеловѣчная выдумка не принесла Андронику никакой пользы. Мало этого: выйдя ночью изъ города, Никейцы и машины сожгли, и Евфросинію перетащили по веревкѣ въ городъ и, какъ Гарпіи, похитили ее у Андроника, оставивъ его самого, какъ новаго Финея, страдать, по неимѣнію чѣмъ утолить голодъ своего гнѣва. Пріобрѣтя чрезъ это и у самыхъ враговъ большое уваженіе къ своему мужеству, Никейцы еще болѣе одушевились и еще смѣлѣе стали продолжать борьбу. Они не только, показываясь на стѣнахъ, совершали знаменитые подвиги и осыпали Андроника ругательствами, называя его мясникомъ, кровожаднымъ псомъ, гнилымъ старикашкою, безсмертнымъ зломъ, людскою фуріею, развратникомъ, Пріапомъ старѣе Тиѳона и Сатурна и всякими другими постыднѣйшими именами, но и выходили, какъ уже нами сказано, изъ-за ук-

рѣпленій и высыпали изъ воротъ. Андроникъ своимъ блѣднымъ лицемъ, неестественнымъ взглядомъ, частымъ крученіемъ своей длинной и курчавой бороды, ясно показывалъ, что онъ кипитъ гнѣвомъ и замышляетъ новые козни противъ Никейцевъ. Будучи не въ состояніи выносить наглость осажденныхъ и въ тоже время не имѣя возможности удовлетворить голоду своего гнѣва, онъ, какъ голодный песъ, по нѣскольку разъ въ день обходилъ городъ и, какъ разъяренная медвѣдица, переходилъ съ мѣста на мѣсто, жаловался на легіоны и упрекалъ военачальниковъ за то, будто они небрежно ведутъ войну и уклоняются отъ сраженія.

5. Однажды, когда царь Андроникъ объѣзжалъ городъ съ большимъ отрядомъ войска и съ отборными всадниками, его увидѣлъ Ѳедоръ Контакузинъ, человѣкъ отважный и по молодости лѣтъ кипучій, какъ недавно выдѣланное вино. Увлеченный необыкновеннымъ порывомъ отваги, онъ со всею поспѣшностію выѣзжаетъ изъ города восточными воротами съ немногими спутниками и, пробившись сквозь первые ряды воиновъ, направляетъ копье въ Андроника. Но онъ слишкомъ скоро гналъ своего коня, постоянно его пришпоривалъ, явно заставляя летѣть, а не бѣжать съ такою скоростію, какую природа дала его ногамъ,—и тѣмъ неожиданно погубилъ самъ себя. Лошадь его споткнулась и, пораженная стрѣлой, упала на колѣно, а онъ, выброшенный изъ сѣдла, ударился головою о землю, повредилъ себѣ спинные мускулы и лежалъ полуживой безъ

чувствъ. Меченосцы Андрониковы тотчасъ же подбѣжали къ нему толпою и отрубили ему голову, а нѣкоторые, желая угодить Андронику, изрѣзали въ куски и все тѣло. Спустя немного времени, голова Кантакузина была отправлена въ Константинополь, и здѣсь, поднятая на длинномъ копьѣ, съ торжествомъ носима была по улицамъ города. Никейцы, лишившись храбраго воина и непобѣдимаго защитника, немало горевали, какъ и слѣдовало ожидать, о своей потерѣ и упали духомъ. Обратились они къ Исааку Ангелу, и хотѣли подчиниться ему и избрать его своимъ вождемъ, но онъ будучи человѣкомъ нерѣшительнымъ и, подобно Энею, уклоняясь отъ войны, можетъ быть и потому, что предвидѣлъ будущее и мечталъ объ ожидавшемъ его царскомъ достоинствѣ, какъ Эней мечталъ о славѣ своего рода,—не слишкомъ дорожилъ званіемъ вождя. Поэтому войско, мало по малу упадая духомъ, хотѣло вступить въ переговоры; прежнее его благородное мужество и необыкновенное одушевленіе совсѣмъ изчезли. Стали составляться сходки, на которыхъ осажденные, собираясь по племенамъ, разсказывали и со всѣми подробностями изображали бѣдствія, какія они терпятъ, находясь въ осадѣ. Представляя себѣ жестокосердіе Андроника и перебирая въ умѣ своемъ всевозможныя бѣдствія, которымъ они подвергнутся, если городъ будетъ взятъ силою оружія, они тряслись какъ зайцы. Съ ними случилось тоже, что съ Кенеемъ, только въ обратномъ видѣ. Кеней, какъ сказано въ баснѣ, изъ женщины превратился въ мужчину, а они изъ мужчинъ

сдѣлались слабыми женщинами. Не было уже между ними человѣка, который бы своею пламенною храбростію одушевлялъ къ подвигамъ мужества. Со смертію Кантакузина всѣ какъбудто умерли для отваги и потеряли охоту къ битвамъ. Подумавъ обо всемъ этомъ, тогдашній никейскій архіерей Николай рѣшился дѣлу необходимости дать видъ почетнаго дѣйствія. Собравъ народъ, предложилъ ему покориться обстоятельствамъ и, пока еще городъ не потонулъ въ волнахъ войны, передать его добровольно Андронику. Онъ видѣлъ, что Андроникъ никогда не отступитъ, какъ говорится, съ пустыми руками, тѣмъ болѣе, что не было ничего такого, что отвлекало бы его отъ осады и отзывало въ другую сторону, а равно и то, что сами Никейцы, мало по малу оставляя защиту города, стали приниматься за домашнія дѣла свои, какъ въ мирное время. Убѣдившись, что всѣ считаютъ предложеніе его хорошимъ и обѣими руками хватаются за благія его послѣдствія, онъ облачился въ священную одежду, взялъ въ руки Евангеліе и приказалъ слѣдовать за собою клиру и всѣмъ жителямъ города, не исключая даже женщинъ и дѣтей. Всѣ шли совершенно безоружными, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, съ непокрытыми головами, босые, съ обнаженными отъ платья руками, со всѣми знаками истинной покорности, и печальнымъ видомъ и тихимъ голосомъ умоляли о состраданіи. Когда они вышли въ этомъ видѣ изъ города, царь Андроникъ, пораженный неожиданностію зрѣлища, нѣсколько разъ напрягалъ зрѣніе, чтобы яснѣе раз-

глядѣть представившееся ему явленіе; событіе это рѣшительно казалось ему сновидѣніемъ. Когда же удостовѣрился, что это вовсе не обманъ, а дѣйствительность, онъ не выказалъ приличнаго царю прямодушія и чистосердечія, притворился милостивымъ и на время, пока нельзя было открыть свою львиную шерсть, одѣлся въ лисью шкуру. Онъ не только встрѣтилъ ихъ съ притворною благосклонностію, но даже едва удержался отъ слезъ, которыя у Андроника всегда были покрываломъ истины и завѣсою душевныхъ движеній. Не долго однакоже онъ разыгрывалъ эту комедію. Спустя не много времени отбросивъ, какъ изношенную одежду, нѣжныя и, какъ масло, мягкія слова, онъ ясно показалъ Никейцамъ, и особенно отличавшимся между ними достоинствами и знатностію рода, какъ силенъ гнѣвъ старика Андроника и сколько злобы, вражды и злопамятства таилъ онъ въ себѣ, отлагая мщеніе до благопріятнаго времени. Многихъ въ послѣдствіи изгналъ онъ изъ отечества; нѣкоторыхъ предалъ жестокой смерти, приказавъ сбросить со стѣнъ, а Персовъ въ тоже время повѣсилъ вокругъ города. Но Исаака Ангела похвалилъ и за дѣла и за слова, за то, что онъ не только необращалъ своихъ зубовъ въ оружіе и стрѣлы, по примѣру Θедора Контакузина, но часто и осуждалъ сего послѣдняго, когда онъ злословилъ помазанника Божія, извлекая изъ устъ своихъ, какъ изъ ноженъ, подобный острому мечу, языкъ свой. Наговоривъ ему много пріятныхъ обѣщаній, или, вѣрнѣе сказать, питая по Божественному устроенію своего убійцу и похи-

тителя власти, и сохраняя его до опредѣленнаго Провидѣніемъ времени, онъ отослалъ его назадъ въ Византію, а самъ, съ бывшими при немъ войсками, пошелъ къ городу Прузейцевъ.

4. Ставъ лагеремъ и окопавшись валомъ на южной сторонѣ города,—такъ какъ съ этой стороны, по ровности мѣста, городская стѣна казалась доступною, не то что съ другихъ сторонъ, гдѣ она возвышается на каменистомъ, кругломъ и весьма крутомъ холмѣ, Андроникъ на слѣдующій день началъ осаду. И машины и люди не стояли праздно, но дѣлали, что слѣдуетъ, а самъ Андроникъ писалъ записки и, обернувъ ими нижнюю часть стрѣлъ, бросалъ ихъ въ городъ. Въ этихъ, по воздуху пересылаемыхъ, письмахъ онъ убѣждалъ Прузейцевъ перемѣнить мысли и обѣщалъ всепрощеніе, если они отворятъ ворота и впустятъ его въ городъ, а Ѳедора Ангела, бродягу Лахану, глупаго Синесія—я употребляю собственныя его выраженія—и ихъ единомышленниковъ схватятъ и предадутъ смерти. Это онъ дѣлалъ довольно долго; потому что война, завязавшаяся подъ стѣнами Прузы, нисколько не уступала никейской ни по храбрости воиновъ, вступившихъ въ борьбу съ царскими легіонами, ни по ненависти къ Андронику, которая и была причиною войны. Да и самый городъ Пруза укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ хорошими башнями и обнесенъ крѣпкою стѣною, а съ южной стороны даже двойною. Неоднократно днемъ происходили и здѣсь вылазки, войска бросались другъ на друга, и много падало съ обѣихъ сторонъ. Но и этому городу суждено было

покориться Андронику, и очень многимъ, захваченнымъ въ немъ, потерпѣть ужасныя мученія. Подъ безпрерывными ударами стѣнобитной машины, стѣна въ одномъ мѣстѣ нѣсколько осыпалась, а за тѣмъ упала въ томъ же мѣстѣ и деревянная пристройка, скрѣплявшая старую стѣну. Находившіеся въ городѣ вообразили, что потрясена и упала вся стѣна, на которую дѣйствовала стѣнобитная машина. Разнесся объ этомъ событіи неясный слухъ, и сердца всѣхъ поражены были страхомъ. Никто не позаботился хорошенько узнать о несчастіи, но при первомъ же шумѣ упавшихъ камней всѣ почти умерли отъ страха. На стѣнахъ не осталось ни одного защитника, и сбѣжавшіе со стѣнъ толпились по улицамъ совершенно растерянные. Тогда враги приставили лѣстницы и чрезъ ворота и стѣны безъ труда проникли въ городъ. Хватая Прузейцевъ, они безпощадно умерщвляли ихъ, расхищали ихъ имущество, рубили скотъ, который весь, и мелкій и крупный, собранъ былъ, чтобы жителямъ было чѣмъ питаться, если осада протянется долго. Такими то ужасами сопровождалось это событіе! Когда же вошелъ въ городъ и остановился въ немъ самъ царь Андроникъ, то и онъ поступилъ съ Прузейцами не какъ царь кроткій, хранящій тѣхъ, которые и прежде были и опять будутъ его подданными, хотя на время и возмущались,—и даже не съ тою снисходительностію, какую каждый человѣкъ оказываетъ своимъ единоплеменникамъ. Напротивъ, какъ голодный царь звѣрей, напавъ на овецъ, не защищенныхъ никакою оградою и не охраняе-

мыхъ пастухомъ, одной ломаетъ шею, у другой вырываетъ внутренности, съ иными поступаетъ еще какимъ нибудь жестокимъ образомъ, а остальныхъ разгоняетъ по скаламъ, горамъ и пещерамъ, такъ и Андроникъ въ то время безъ всякой пощады погубилъ и умертвилъ множество людей, изливъ свой дикій гнѣвъ въ различныхъ и разнобразныхъ казняхъ за то, что городъ былъ взятъ военною силою, а не по предварительному соглашенію и договору съ Прузейцами и не по добровольной ихъ сдачѣ. Такъ, Ѳедора Ангела, юношу, у котораго только что стала пробиваться борода, лишилъ очей и, посадивъ на осла, велѣлъ вывести за римскія границы и бросить, предоставивъ ему блуждать тамъ, куда занесетъ бродящее по своему произволу животное. Вѣроятно, онъ сдѣлался бы пищею звѣрей, что и имѣлъ въ виду Андроникъ, назначая ему это наказаніе, если бы попавшіеся на встрѣчу Турки не сжалились надъ его молодостію, не взяли его въ свои палатки и не позаботились о немъ. Льва Синесія, Мануила Лахану и многихъ другихъ, числомъ сорокъ человѣкъ, повѣсилъ на вѣтвяхъ деревъ, растущихъ около Прузы. Но гораздо большее число подвергъ другимъ казнямъ; однимъ отрубилъ руки, другимъ отрѣзалъ пальцы, какъ виноградные побѣги, а у иныхъ отнялъ ноги. Многіе лишились и глазъ и рукъ, а были и такіе, которые потеряли правый глазъ и лѣвую руку, и такіе, которые потерпѣли тоже, только въ обратномъ видѣ. Отнявъ такимъ безчеловѣчнымъ образомъ у своего царства людей, цвѣтущихъ крѣпостію тѣла и отличавшихся воин-

скою опытностію, Андроникъ пошелъ къ Лопадіи. Тамъ онъ поступилъ подобнымъ же образомъ. Одного изъ епископовъ онъ лишилъ глазъ за то, что тотъ не обличалъ бунтовщиковъ изъ своей паствы, но спокойно и равнодушно смотрѣлъ на возстаніе ихъ противъ царя Андроника. Вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратился въ столицу, восхищаясь такими побѣдами. Въ Прузѣ онъ не позволилъ похоронить никого изъ повѣшенныхъ, но оставилъ тѣла ихъ, какъ особеннаго рода грозды, висѣть на виноградныхъ лозахъ, которыя поднимались и вились около деревьевъ. Трупы высохли на солнцѣ и поворачивались отъ вѣтра, подобно пугаламъ, которыя выставляются сторожами въ смоковничныхъ садахъ.

По возвращеніи въ Константинополь, принятый народомъ съ радостными восклицаніями, привѣтствованный рѣчами льстецовъ, которыхъ всегда воспитываютъ царскіе дворцы, и сдѣлавшись оттого еще надменнѣе, Андроникъ занялся зрѣлищами и конскими скачками, такъ какъ время было лѣтнее. Однажды обрушились нѣкоторыя изъ смежныхъ съ царскимъ сѣдалищемъ перилъ и задавили около шести человѣкъ. Бывшій въ театрѣ народъ пришелъ по этому случаю въ странное смятеніе. Андроникъ поблѣднѣлъ отъ страха и, созвавъ къ себѣ копьеносцевъ, хотѣлъ было встать съ своего мѣста и уйдти во дворецъ; но окружавшіе его приверженцы упросили его оставить это намѣреніе и убѣдили сидѣть спокойно, сказавъ, что онъ, чуть только встанетъ, тотчасъ же погибнетъ, потому что народъ столпится въ кучу

и бросится на него и на его свиту. Поэтому онъ еще не много помедлилъ и дождался окончанія конской скачки и гимнастической борьбы; но рѣшительно отказался отъ дальнѣйшихъ представленій, когда зрителей забавляли удальцы, взбиравшіеся въ верхъ по веревкамъ и плясавшіе на высоко протянутомъ, небольшомъ и тонкомъ канатѣ, а также быстроногіе зайцы и охотничьи собаки—зрѣлища, очень нравящіяся непривычнымъ посѣтителямъ театра. Такъ-то происходило это.

5. Былъ нѣкто, человѣкъ знаменитаго рода, по имени Исаакъ, не Ангелъ Исаакъ, а другой, сынъ дочери Севастократора Исаака, о которомъ мы сказали въ своей исторіи, что онъ былъ родной братъ царя Мануила. Этотъ Исаакъ, получивъ отъ своего дѣда и царя Мануила Комнина власть управлять Арменіей и начальствовать надъ Тарсомъ и надъ сопредѣльными странами, началъ войну съ враждебными Армянами, былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ подъ стражу, что случилось уже по смерти Мануила. Много лѣтъ провелъ онъ въ заключеніи, но наконецъ былъ выкупленъ Іерусалимлянами, которыхъ называютъ Фреріями (1), и получилъ полную возможность возвратиться въ отечество. Выкупу его содѣйствовалъ и Андроникъ, по просьбѣ Ѳеодоры, съ которою, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, Андроникъ былъ въ связяхъ,—а этотъ Исаакъ былъ ея пле-

(1) Фреріями (Φρέριος, Frater) или Братьями византійскіе писатели иногда называютъ Францисканцевъ, но большею частію — Братьевъ или Рыцарей Храма. Du Cang. Gloss. Graecit. p. 1703. Эти послѣдніе разумѣются и здѣсь.

мянникъ. Къ принятію же Исаака и къ сострада-нію надъ его долговременнымъ пребываніемъ внѣ отечества убѣждали Андроника Константинъ Макродука, женатый на родной теткѣ Исаака, и Андроникъ Дука, родственникъ Исаака и другъ его съ дѣтства. Но этотъ Исаакъ не хотѣлъ подчиниться царю Андронику, свое отечество считалъ какбы на звѣздахъ, родство и любезное сотоварищество ставилъ ни во что. Желая господствовать, питая въ себѣ стремленіе къ власти и вовсе не имѣя расположенія повиноваться другимъ, онъ воспользовался присланными ему изъ Византіи деньгами, какъ средствомъ и пособіемъ для злокозненнаго достиженія власти. Приплывя въ Кипръ съ весьма значительнымъ войскомъ, онъ сначала выдавалъ себя за законнаго, присланнаго царемъ начальника, показывалъ кипрянамъ сочиненныя имъ самимъ царскія грамоты, читалъ вымышленные царскіе указы относительно того, что ему слѣдуетъ дѣлать, и вообще велъ дѣла такъ, какъ по необходимости ведутъ ихъ люди, поставленные начальствовать отъ другихъ. Но спустя не много времени, онъ объявилъ себя тиранномъ и, раскрывъ свою врожденную жестокость, началъ безчеловѣчно поступать съ жителями острова. Жестокосердіемъ и свирѣпостію нрава онъ столько превзошелъ Андроника, сколько этотъ послѣдній превзошелъ всѣхъ, когда либо прославившихся жестокостію ко врагамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вообразилъ, что прочно овладѣлъ властію, онъ непрестанно совершалъ надъ жителями Кипра тысячи различныхъ злодѣяній. Каждый

часъ онъ осквернялъ себя убійствомъ людей невинныхъ, терзалъ человѣческія тѣла, изобрѣтая, какъ какое нибудь орудіе злосчастной судьбы,— казни и мученія, которыя доводили до смерти. Нечестивый и развратный, онъ безстыдно предавался преступнымъ связямъ съ женщинами и растлѣвалъ дѣвицъ. Семейства, прежде благоденствовавшія, лишилъ всего имущества безъ всякой причины, старожиловъ, которые вчера и третьяго дня обращали на себя общее вниманіе и по богатству могли соперничать съ Іовомъ, пустилъ по міру голодными и нагими, если только по своей крайней раздражительности не погубилъ мечемъ. Увы! увы! Какъ путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ! Процвѣли всѣ дѣлающіе беззаконія. Ты насадилъ ихъ и возрастилъ; они родили дѣтей и принесли плодъ. Такъ на это еще пророкъ жаловался Господу. И точно, тогдашнее поколѣніе произвело людей, которые, какъ цикута, выросли только на смерть ближнимъ и на погибель множеству городовъ, которыми они совершенно беззаконно овладѣли. Когда все это дошло до слуха царя Андроника, онъ отъ неистовства ни какъ не могъ прійти въ себя. Но такъ какъ видѣлъ, что ему грозитъ то, чего онъ давно боялся,— а онъ всегда опасался начальной іоты, какъ буквы гибельной для его власти, — то началъ изыскивать средства, какъ бы схватить Исаака и изъять изъ среды людей того, кто угрожаетъ ему погибелью. Онъ боялся, чтобы Исаакъ, приплывши изъ Кипра, не лишилъ его власти, такъ какъ зналъ, что всѣ примутъ его съ радостію; потому

что отдаленное бѣдствіе сноснѣе настоящаго, и ожидаемое зло, даже болѣе тяжкое, легче того, которое уже гнететъ. Мы—люди обыкновенно съ радостію принимаемъ и кратковременное облегченіе своихъ страданій.

6. Но такъ какъ Андроникъ не могъ захватить въ свои руки врага, находившагося вдали, то онъ обратилъ свой гнѣвъ на людей, бывшихъ вблизи, какъ это нерѣдко дѣлаютъ собаки, которыя, находясь вдали отъ человѣка, бросившаго въ нихъ камень, мстятъ ему лаемъ, а брошенный камень грызутъ зубами. Онъ отдалъ подъ судъ дядю Исаакова Константина Макродуку и Андроника Дуку за то, что они увѣрили, что, если Исаакъ получитъ свободу и возвратится въ отечество, то будетъ полезнымъ и вѣрнымъ слугою Андронику. Спустя нѣсколько дней эти люди были и осуждены за оскорбленіе царскаго величества, не смотря на то, что принадлежали къ партіи Андроника, были самыми главными ея членами и вѣрнѣйшими его друзьями. Макродука, кромѣ разныхъ услугъ, которыя со всѣмъ усердіемъ оказывалъ Андронику, былъ еще и женатъ на сестрѣ Ѳеодоры, о незаконной связи которой съ Андроникомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали въ своей исторіи. А Андроникъ Дука, человѣкъ развратный, скупой, съ безстыднымъ выраженіемъ лица, о дѣлахъ Андроника, казалось заботился больше, чѣмъ самъ Андроникъ. Если Андроникъ хотѣлъ выколоть кому нибудь глаза, то Андроникъ Дука, какъ будто научаемый искони человѣкоубійцею, радующимся о несчасті-

яхъ людей, опредѣлялъ еще лишить его и рукъ, или присуждалъ къ висѣлицѣ. Весьма часто онъ порицалъ Андроника и безчеловѣчно упрекалъ за то, что онъ налагаетъ наказанія, далеко несоразмѣрныя съ преступленіями. Когда наступилъ пресвѣтлый и благознаменитый день, въ который празднуется Вознесеніе на небо съ плотію Господа и Спасителя нашего,—въ дворцѣ назначается собраніе и приглашаются почти всѣ, принадлежащіе къ царскому двору. Поэтому, люди всякаго рода и народа со всѣхъ сторонъ стремились и спѣшили туда, гдѣ находился царь Андроникъ. Онъ жилъ въ это время въ такъ называемомъ внѣшнемъ Филопатіѣ, а собиравшіеся по ошибкѣ сошлись въ такъ называемый манганскій дворецъ, который находился во внутреннемъ Филопатіѣ и который Андроникомъ въ послѣдствіи разрушенъ. Когда народа собралось много, даже очень много, когда пришли всѣ, кому слѣдовало быть,—вдругъ сверхъ ожиданія собравшихся, выводятъ изъ устроенныхъ тамъ низкихъ темницъ Дуку и Макродуку и, какъ осужденныхъ, ведутъ подъ конвоемъ ко дворцу. Думая, что ихъ ведутъ къ суду и полагая, что они увидятъ царя въ окнахъ верхняго этажа, Дука и Макродука оправляли на себѣ платье, поднимали глаза вверхъ, почтительно слагали руки. Но тутъ Стефанъ Агіохристофоритъ, котораго современники называли Антихристофоритомъ, измѣняя имя сообразно съ его дѣлами, потому что онъ дѣйствительно былъ безстыднѣйшимъ изъ слугъ Андроника, преисполнѣнный всякаго беззаконія,—схватилъ камень, ка-

кой только могъ взять рукою, и, бросивъ его въ Макродуку, какъ человѣка болѣе почтеннаго и по родству съ царемъ, и по преклоннымъ лѣтамъ, и по множеству богатствъ, убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его примѣру. При этомъ онъ осматривалъ все собраніе, и если замѣчалъ, что кто нибудь не бросаетъ камней, того осмѣивалъ, бранилъ, какъ невѣрнаго царю и увѣрялъ, что онъ скоро подвергнется тому же наказанію. Въ слѣдствіе такихъ угрозъ, всѣ собравшіеся взялись за камни и стали бросать ихъ въ этихъ мужей,— жалкое и невѣроятное зрѣлище, — такъ что изъ камней образовалась большая куча. За тѣмъ, когда они еще дышали, ихъ подняли люди, которымъ поручено было это дѣло и, закрывъ ихъ покрывалами, какими обыкновенно покрываются вьюки на мулахъ, отнесли Дуку въ отдаленное мѣсто, отведенное іудеямъ для кладбища, а Макродуку переправили на ту сторону пролива, на противоположный манганскому монастырю высокій берегъ, и повѣсили обоихъ. Тогда-то въ первый разъ жители Константинополя увидѣли то, что прежде и для самаго слуха казалось невѣроятнымъ; о чемъ прежде они и слышать не хотѣли, то теперь было у нихъ предъ глазами и то они оплакивали. Размышляя объ этой казни, они находились въ безвыходномъ положеніи, не знали, что дѣлать и испытывали двойное мученіе. Съ одной стороны они терзались страданіями единоплеменниковъ,—а съ другой, представляя себѣ, что бѣда скоро дойдетъ и до нихъ, они терпѣли болѣе продолжительное мученіе, чѣмъ тѣ, кото-

рые уже подверглись страданіямъ. Эти съ наступленіемъ бѣдствія, о которомъ прежде помышляли, уже избавились отъ тяжкаго ожиданія, а у нихъ постоянное ожиданіе бѣды и представленіе будущаго, какъ будто уже наступившаго, и почью отнимало сонъ и днемъ больше всякаго бича терзало душу. И, что всего удивительнѣе, такъ страдали не только тѣ, у которыхъ совѣсть не со всѣмъ была покойна, оттого что они желали и замышляли сдѣлать зло Андронику, но и тѣ, къ которымъ онъ былъ расположенъ, которымъ постоянно оказывалъ какія нибудь милости. Зная крайнюю подозрительность его характера и непостоянство въ мысляхъ, и въ тоже время опасаясь его чрезвычайной склонности къ казнямъ, и эти люди не считали себя безопасными отъ смерти.

Нельзя умолчать и о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Андронику попросили у него позволенія снять тѣла повѣшенныхъ. Выслушавъ просьбу безъ неудовольствія, Андроникъ спросилъ: давно ли они умерли, и узнавъ отъ исполнителей казни, что злые злѣ погибли, сказалъ, что онъ жалѣетъ объ участи этихъ людей. Съ этими словами онъ заплакалъ и за тѣмъ прибавилъ, что власть и строгость законовъ сильнѣе собственныхъ его чувствъ и склонностей, и рѣшеніе судей сильнѣе его личнаго расположенія. О слезы, и у предковъ нашихъ и у насъ льющіяся въ душевной скорби изъ сердца, какъ дождь изъ облаковъ! О знакъ сильнѣйшей скорби и несомнѣнное свидѣтельство внутреннихъ мученій, хотя иной разъ и отъ ра-

дости вы струею льетесь изъ глазъ, какъ изъ желоба! У Андроника вы имѣете не то значеніе, у него вы получили другую природу; когда льетесь изъ его глазъ, вы служите предвѣстницами гибели и, можно сказать, открываете путь переправы чрезъ Ахеронтъ къ водамъ Стикса, столько же холоднымъ, сколько страшнымъ, которыя однимъ своимъ именемъ возбуждаютъ отвращеніе. О, сколько очей погасили вы, когда лились обильными струями! Сколько душъ увлекли вы въ глубину ада, когда текли неудержимымъ потокомъ! Какъ много людей потопили вы! Какихъ мужей проводили вы въ могилу, какъ послѣднее омовеніе или какъ надгробное и прощальное возліяніе!

Такъ-то умертвилъ Андроникъ Константина Макродуку и Андроника Дуку, и такую-то они получили отъ него награду за свою преданность и услуги. А спустя не много времени онъ повѣсилъ по ту сторону пролива, называемаго Перамой, и двухъ братьевъ Севастіановъ за то, что будтобы они злоумышляли на его жизнь. И вотъ такими-то и другими подобными дѣлами, а часто и еще худшими, постоянно занимался Андроникъ.

7. Между тѣмъ Алексѣй Комнинъ, происходившій отъ одной крови съ царемъ Мануиломъ, —онъ былъ сынъ его племянника,—и занимавшій при немъ должность виночерпія, былъ сосланъ Андроникомъ въ Скиѳію, бѣжалъ оттуда и, какъ какой нибудь крылатый змѣй, перенесся въ Сицилію. Явившись къ тамашнему тиранну Вильгельму, онъ открылся ему и разсказалъ, кто онъ

такой. Съ нимъ былъ и Маленнъ, родомъ изъ Филиппійской области, человѣкъ незнатнаго рода, судьбою незамѣчательный и никакими подвигами непрославившійся. Оба они питали и таили въ себѣ злобу, главнымъ образомъ противъ Андроника; первый негодовалъ, можетъ быть и справедливо, а Маленнъ — изъ угожденія Комнину, и вмѣстѣ для того, чтобы незнавшимъ его людямъ показаться человѣкомъ достойнымъ вниманія. Но эта ихъ злоба обратилась ко вреду отечества: они разсказали королю не на ухо, но въ слухъ многихъ,—при чемъ чуть не гладили его пятокъ и, какъ собаки, чуть не лизали ихъ своими языками,—разсказали со всею увлекательностію не то, отъ чего долженъ былъ пострадать Андроникъ, но то, что могло побудить сицилійскаго тиранна на завоеваніе римскихъ областей, какъ на легкую добычу. Воспламененный ихъ рѣчами, тѣмъ болѣе, что разсказы ихъ были вполнѣ согласны и сходны съ тѣмъ, что онъ часто слышалъ отъ своихъ единоплеменниковъ Латинянъ, которые служили прежде по найму у Римлянъ и терлись въ императорскомъ дворцѣ, а въ это время разсѣялись въ разныя стороны, вслѣдствіе жестокаго и презрительнаго обращенія съ ними Андроника,— Вильгельмъ собираетъ всѣ бывшія у него войска и нанимаетъ множество иноземной пѣхоты и цѣлыя тысячи конницы, предложивъ щедрое жалованье и обѣщавъ еще большую награду. Переправивъ пѣхоту въ Эпидамнъ и, при первомъ же нападеніи, овладѣвъ этимъ городомъ, а морскія силы направивъ прямо въ Ѳессалоникскій заливъ,

онъ безъ боя, на извѣстныхъ условіяхъ, занимаетъ всѣ области, лежащія между этими пунктами. Затѣмъ войска его въ одно время окружили и опоясали Марсовымъ поясомъ славный городъ Өессалонику и, чрезъ нѣсколько дней осады, городъ былъ взятъ и занятъ непріятелемъ. Это произошло не отъ того, чтобы защитники его были слабы и неопытны въ воинскомъ дѣлѣ, но преимущественно отъ недѣятельности военачальника Давида, изъ рода Комниныхъ. Онъ оказался человѣкомъ, совершенно безполезнымъ для Өессалоникійцевъ, и былъ большой мастеръ только на то, чтобы вѣчно бояться Андроника и изыскивать средства, какъ избѣжать его страшныхъ рукъ. Ему приличнѣе было бы потонуть въ пучинѣ морской или броситься съ высокой скалы, или укрыться въ горахъ и пещерахъ, или, подобно Пророку, бѣжать и быть проглочену морскимъ китомъ. Но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, а, по несчастной судьбѣ Өессалоникійцевъ, управляя ими и безчестно пріобрѣтя себѣ званіе вождя, хотя былъ изнѣженнѣе женщины и трусливѣе оленя,—тайно чуть не звалъ къ себѣ враговъ, готовыхъ взять и его и городъ Өессалонику, когда они были еще вдали, и всѣми мѣрами старался добровольно отдаться въ ихъ руки живымъ. Поэтому, когда наступило время битвы, когда всякаго рода оружіе и машины двинуты были противъ города, онъ скорѣе былъ зрителемъ враговъ, чѣмъ противоборцемъ. Во все продолженіе осады, онъ ни самъ ни разу не пошелъ на вылазку, хотя защитники города сильно побуждали его къ тому, ни

имъ не позволялъ этого дѣлать, но подавлялъ отвагу жителей, подобно тому, какъ негодный охотникъ подавляетъ лучшіе порывы собакъ. Никто не видалъ его въ полномъ вооруженіи; шлема, латъ, наколѣнниковъ и щита онъ избѣгалъ, подобно изнѣженнымъ женщинамъ, ничего незнающимъ, кромѣ своего гинекея, и только разъѣзжалъ по городу, сидя на мулѣ, въ широкихъ шароварахъ, застегнутыхъ назади, и въ великолѣпныхъ сапогахъ, вышитыхъ золотомъ до самыхъ пятокъ. Когда машины били въ стѣны и бросали камни на землю,—свистъ бросаемыхъ камней и гулъ поражаемыхъ стѣнъ возбуждали въ немъ только смѣхъ. Когда начали показываться и осыпаться проломы, этотъ человѣкъ, самъ нуждавшійся еще въ нянькѣ, забившись подъ прочную арку стѣны, говорилъ своимъ пріятелямъ, людямъ самымъ негоднымъ: «послушайте, какъ ворчитъ старуха»,—старухою онъ называлъ самую большую стѣнобитную машину, которая много вредила городской стѣнѣ, выбивая изъ ней камни. Имѣя, по несчастію, такого предателя своимъ хранителемъ, такого пирата—кормчимъ, такого отравителя—врачемъ, Θессалоника, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, покорилась врагамъ.

Событія, послѣдовавшія за этимъ составляютъ другую Иліаду бѣдствій, ужасы которой выше трагическихъ. Всѣ дома въ городѣ были покинуты жителями; не было ни жилища, въ которомъ можно было бы спастись, ни переулка, который избавлялъ бы отъ убійцъ, ни подземельевъ, которые скрывали бы на долго. Ни жалобный видъ

не возбуждалъ сострадапія, ни просьбы не трогали: мечь гулялъ по всѣмъ, и только ударъ, прекращавшій жизнь, полагалъ предѣлъ неистовству. Напрасно многіе сбѣгались и во святые храмы, тщетна была надежда и на святыя иконы. Варвары, смѣшавъ Божеское и человѣческое, не уважали Божественныхъ вещей, и недавали пощады прибѣгавшимъ во святыя мѣста. Какова была участь тѣхъ, которые оставались въ простыхъ домахъ, которые, то есть, тотчасъ же умирали отъ меча, или, если и избѣгали смерти, то теряли все имущество,—что грабители считали величайшимъ благодѣяніемъ,—таковъ же былъ конецъ и тѣхъ, которые убѣгали въ храмы, не говоря о другомъ великомъ несчастіи,—объ ужасной смерти, какую терпѣли многіе во святыхъ храмахъ отъ тѣсноты, при стеченіи безчисленнаго множества народа. Враги, съ оружіемъ въ рукахъ, врываясь въ храмы, умерщвляли всѣхъ, кого встрѣчали и, какъ жертвенныхъ животныхъ, безпощадно закалали тѣхъ, кого хватали. И могли ли щадить людей тѣ, которые не уважали святыни и нисколько небоялись Бога? Но еще не столько удивительно то, что они похищали вещи, посвященныя Богу, скверными руками касались того, что было неприкосновенно, и песьими глазами разсматривали то, что должно быть недоступно для взора,—сколько нечестиво то, что они повергали на землю святыя иконы Христа и Его угодниковъ, попирали ихъ ногами, и, если находили на нихъ какое нибудь дорогое украшеніе, срывали его какъ попало, а самыя иконы выносили на

перекрестки для попранія прохожимъ, или жгли для варенія пищи. Всего же нечестивѣе и нестерпимѣе для слуха вѣрующихъ то, что нѣкоторые изъ нихъ, взойдя на престолъ, предъ которымъ благоговѣютъ сами Ангелы, плясали на немъ, безобразно прыгали, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія народныя пѣсни; а потомъ, открывъ студныя части свои, испускали мочу и сквернили вокругъ священнаго мѣста, совершая возліянія злымъ демонамъ и приготовляя теплыя ванны, въ которыхъ эти губители плаваютъ послѣ трудовъ, подъятыхъ на изобрѣтеніе несчастій для людей и на совершеніе ужасныхъ золъ. Наконецъ показались въ городѣ сицилійскіе вожди и, удержавъ толпу отъ убійствъ, прекратили эти ужасы и положили конецъ рѣзнѣ. Одинъ изъ нихъ, весь въ желѣзныхъ латахъ, сидя на конѣ, въѣхалъ въ храмъ мироточиваго Мученика и только съ трудомъ могъ остановить неистовство солдатъ, однихъ ударяя плоскою стороною меча, а другимъ нанося и дѣйствительные удары.

8. Впрочемъ и послѣ этого положеніе Ѳессалоникійцевъ было несносно. Хотя убійство жителей, на другой день по взятіи города, прекратилось, но за то наступили другія бѣдствія, которыя многоразличными путями доводили несчастныхъ также до смерти, заставляли даже предпочитать смерть жизни, такъ что, говоря словами многострадальнаго Іова, многіе искали смерти, но не находили. Конечно, и всѣ вообще съ взятыми на войнѣ плѣнниками обращаются дурно, поступаютъ немилосердно и дѣлаютъ все, что внуша-

етъ гордость побѣдителя: но Латинянинъ, побѣдившій врага и захватившій его въ свои руки, есть зло самое несносное и неизобразимое словомъ. И если плѣнникомъ его будетъ Римлянинъ и, притомъ, человѣкъ, вовсе не знающій итальянскаго языка и столько чуждающійся иностранныхъ обычаевъ, что даже въ одеждѣ у него нѣтъ ничего общаго съ Латинянами, то его считаютъ существомъ, отверженнымъ отъ Бога и осужденнымъ на то, чтобы принять несмѣшанный сосудъ и испить нерастворенную чашу гнѣва Божія. Какая смертоносная эхидна, какой ядовитый змѣй, блюдущій пяту, какой левъ, губитель быковъ, пренебрегающій вчерашнимъ ловомъ и питающійся только свѣжею добычею, можетъ такъ неистовствовать, какъ неистовствуютъ безчеловѣчные Латиняне надъ своими плѣнниками? Они не трогаются мольбами, не смягчаются слезами, не умиляются ласковыми словами. Если бы кто пріятно запѣлъ, для нихъ это было бы тоже, что крикъ коршуна или карканье вороны. Если бы чье пѣніе было такъ очаровательно, что, подобно звукамъ Орфея, двигало бы камни, и такой пѣвецъ напрасно касался бы струнъ лиры и тщетно начиналъ бы свою звучную пѣснь. Если же иной разъ варваръ и тронется пѣніемъ, то жестокосердая душа его считаетъ это пѣніе за предсмертную прекрасную пѣснь лебедя и за тѣмъ снова принимается за убійство, по прежнему остается безжалостною и, подобно твердой наковальнѣ, не поддается никакимъ просьбамъ. Люди этого племени умѣютъ удовлетворять только гнѣву, любятъ подчинять-

ся только его внушеніямъ. Какого самаго ужаснаго зла не сдѣластъ человѣкъ, ненавидящій Римлянъ, собравшій въ сердцѣ своемъ такую злобу къ Эллинамъ, какой никогда не собиралъ въ себѣ и не порождалъ самъ древній змѣй, врагъ человѣческаго рода? Проклятые латиняне считаютъ чуть не раемъ страну, въ которой намъ досталось жить и собирать плоды; до безумія влюбленные въ наши блага, они вѣчно злоумышляютъ противъ нашего рода и стараются всячески сдѣлать намъ зло. Иногда, сообразуясь съ обстоятельствами, они притворяются и нашими друзьями, но ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги. Даже и тогда, какъ говорятъ они слова ласковыя, льющіяся тише и нѣжнѣе елея, и тогда слова ихъ суть стрѣлы, и острѣе меча обоюдуостраго. Такимъ образомъ, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды, мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ. Они, привыкшіе ходить большею частію съ поднятою головой и надменно выправляющіе свой станъ, обыкновенно смѣются надъ кротостію нашего характера и надъ нашимъ смиреніемъ, происходящимъ отъ нашего скромнаго о себѣ мнѣнія; а мы, презирая ихъ гордость, хвастливость, спѣсь и надменность, наступаемъ на ихъ поднятую къ верху голову и доселѣ попираемъ ее силою Христа, дающаго власть наступать на змѣй и скорпіоновъ безъ всякаго зла и вреда.

Но будемъ опять продолжать свой разсказъ.

Такъ-то неистовствовало и столько-то богопротивныхъ дѣлъ совершило сицилійское войско, вступивъ въ городъ Ѳессалонику, послѣ осады, которую оно начало шестаго числа мѣсяца Августа, третьяго индикта шесть тысячь шесть сотъ девяносто третьяго года, и окончило 15 числа того же мѣсяца рѣшительно безъ всякой съ своей стороны потери. И не въ продолженіе только войны Ѳессалоникійцы, какъ мы сказали, терпѣли ужаснѣйшія бѣдствія, но, и съ окончаніемъ ея, судьба не склонилась къ милосердію, и побѣдители не сдѣлались къ нимъ снисходительнѣе. Варвары не только выгнали владѣльцевъ изъ ихъ домовъ и присвоили себѣ все, что въ нихъ было собрано, но отняли у нихъ и платье, не исключая послѣдней одежды, покрывающей тѣ части тѣла, которыя сама природа велѣла закрывать, какъ студныя; даже куска хлѣба не давали они домохозяевамъ, трудовымъ имуществомъ которыхъ завладѣли. Сидя въ чужихъ домахъ, они ежедневно пировали и прогуливали все, что было можно, а тѣхъ, которые съ трудомъ нажили это, пустили бродить по перекрёсткамъ, голодать, спать на голой землѣ, ходить безъ обуви и одежды, такъ что для людей, прежде богатыхъ и знатныхъ, теперь ложемъ была земля, кровлею—небо, а теплою постелью—навозъ. Но,—что хуже всего и что уязвляетъ въ самое сердце,—прежнимъ хозяевамъ нельзя было даже входить въ свои домы. Если же кто входилъ, или только заглядывалъ въ домъ, того находившіеся въ немъ, будто древняя злая Сцилла, тотчасъ же хватали, приводи-

ли къ отвѣту и, послѣ многократныхъ допросовъ, за чѣмъ онъ пришелъ, или заглядывалъ, или подходилъ къ дверямъ прихожей,—жестоко сѣкли и заставляли отдать деньги, полагая, что онѣ спрятаны у него гдѣ нибудь въ домѣ. Они думали, что изъ-за денегъ онъ и приходилъ осмотрѣть свой домъ, опасаясь, чтобы ихъ не украли и торопясь узнать, уцѣлѣла ли отъ тщательныхъ поисковъ враговъ та часть дома, въ которой онѣ скрыты, или желая спрятать ихъ въ болѣе надежное мѣсто. Не разъ случалось, что иной отдавалъ все, что спряталъ, когда видѣлъ, что надобно бѣжать изъ дома, и однакожъ не избавлялся отъ плетей; напротивъ, его еще больше били и подвергали многоразличнымъ пыткамъ для того, чтобы онъ указалъ, гдѣ скрыты другія его сокровища. Иной же ничего недавалъ, а увѣрялъ, что и теперь онъ также бѣденъ, какъ и прежде, и что только любовь къ родительскому, или имъ самимъ съ большими издержками построенному дому заставила его уклониться съ пути и невольно привела сюда, чтобы посмотрѣть на прежнюю свою собственность и поплакать надъ нею. Но и это не возбуждало сострадания и неизбавляло отъ мученій; этихъ людей пытали, сѣкли, вѣшали за ногу, коптили дымомъ, зажигая подложенную подъ нихъ солому, мазали имъ уста нечистотою, кололи ихъ копьями въ бока и подвергали безчисленному множеству другихъ мученій. Они или умирали среди такихъ страданій, или полумертвые были вытаскиваемы изъ дома за ногу, и брошенные, какъ соръ, лежали на улицахъ подъ открытымъ небомъ.

9. Что же? Можетъ быть, съ такимъ радушіемъ Сицилійцы принимали и угощали прежнихъ домохозяевъ, когда они приходили домой, а со всѣми другими, которые бѣжали отъ своихъ домовъ, какъ отъ устьевъ ада, какъ отъ критскаго лабиринта, или лакедемонской Кеады [1], обращались кротче и оказывали имъ хоть нѣсколько человѣколюбія? Вовсе нѣтъ. Да и какъ ожидать чего нибудь подобнаго отъ людей, которые свирѣпѣе звѣрей, которые вовсе не знаютъ, что такое милость и радуются несчастіямъ людскимъ? И собаки иногда не трогаютъ и не грызутъ зубами тѣхъ, кого настигаютъ; если преслѣдуемые ими падаютъ на колѣна, онѣ перестаютъ лаять и сами собою, никѣмъ непринуждаемыя, закрываютъ зѣвъ. Но Латиняне не оказывали никакого состраданія тѣмъ, кого лишили имущества, чью собственность расточали съ блудницами, которыхъ они очень цѣнили, за которыми гонялись, и которымъ чуть не позволяли бить себя по щекамъ,—они, хвалившіеся, что овладѣютъ всею римской имперіей, какъ пустымъ гнѣздомъ и какъ покинутыми яйцами. Напротивъ, они еще смѣялись надъ наготою многихъ и громко хохотали, когда проходилъ кто нибудь высохшій отъ голода, съ раздутымъ желудкомъ, съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицемъ, отъ того, что лучшую его пищу составляли овощи, а праздничный обѣдъ—однѣ виноградныя ягоды, которыя онъ со страхомъ собиралъ гдѣ нибудь въ виноградникахъ. Такъ же сострадатель-

---

[1] Такъ называлась пропасть, въ которую бросали въ Спартѣ государственныхъ преступниковъ.

ны они были и къ людямъ, одѣтымъ въ изорванныя одежды, завѣшивавшимъ рогожами тѣ части тѣла, которыя слѣдуетъ скрывать, и прикрывавшимъ голову плетенками изъ мастиковыхъ вѣтвей. Встрѣтившись съ ними на улицѣ, они, съ улыбкою и насмѣшливымъ видомъ, хватались обѣими руками за ихъ бороду и за волоса на головѣ и, смѣясь надъ всклоченною и отросшею бородою, говорили, что это не хорошо и что голову нужно стричь, по ихъ примѣру, въ кружокъ. Бывало и то, что, проѣзжая верхомъ по площади съ ясеневыми копьями, они направляли свои копья на несчастныхъ по виду и опрокидывали ихъ на землю. Если гдѣ нибудь, близъ большой дороги, была грязь или лужа, они толкали ихъ на эту грязь, или избѣгая и гнушаясь встрѣчи съ ними, какъ не обѣщающей ничего хорошаго, или не желая идти съ ними по тойже дорогѣ. Если они заставали Римлянъ за столомъ, когда тѣ ѣли полбовый хлѣбъ, или какую нибудь другую пищу, служащую къ поддержанію человѣческаго тѣла,— въ насмѣшку надъ ними, опрокидывали чаши, толкали ногою столъ и прерывали обѣдъ; не давали ни во время съѣсть кусокъ горькаго хлѣба, ни спокойно выпить чашу прокислаго вина, ни утолить жажду водою, взятою изъ цистерны. При этомъ безтыднѣйшіе изъ нихъ и самые злые насмѣшники, люди, ни сколько небоящіеся Бога, нѣсколько нагнувшись и обнаживъ заднія и другія части тѣла, которыя люди обыкновенно прикрываютъ одеждами, обращались къ обѣдавшимъ задомъ и, находясь въ самомъ близкомъ разстояніи

отъ кушаньевъ, какъ безумные, выпускали изъ себя самые зловонные вѣтры. А иногда даже извергали изъ себя заднимъ проходомъ, какъ изъ насоса, нечистоты чрева и оскверняли пищу, а у иныхъ марали и лица. Они мочились въ колодцы и пили потомъ доставаемую изъ нихъ воду. Одинъ и тотъ же сосудъ служилъ у нихъ и урильникомъ и кувшиномъ для вина; невымытый напередъ, онъ употреблялся и на то и на другое: въ него наливали вино и воду для питья, въ немъ же содержалась и нечистота, извергаемая изъ тѣлеснаго канала. И угодникамъ Божіимъ, вписаннымъ въ число первородныхъ, они не оказывали должнаго уваженія, не обращали вниманія на совершаемыя ими чудеса, не изумлялись великимъ и дивнымъ явленіямъ, которыми Христосъ прославляетъ тѣхъ, кто Его прославилъ въ своихъ членахъ. Такъ, муро, истекающее изъ гроба славнаго чудесами и страданіями, мученика Димитрія, они, черпая кувшинами и кострюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и, безъ всякаго уваженія и нечестиво, употребляли на другія надобности, для которыхъ обыкновенно употребляется елей. Но муро, какбудто оно вытекало изъ нестощимаго источника, или поднималось изъ бездны, текло еще въ бо́льшемъ количествѣ, чудесно изливаясь въ такомъ изобиліи, что сами варвары признавали это явленіе чудомъ и ужасались благодати, полученной мученикомъ Христовымъ отъ Бога. Когда время общественнаго Богослуженія собирало Римлянъ въ храмы, и когда грубые и наглые солдаты не оставляли ихъ

въ покоѣ. Приходя къ нимъ какъ будто для того, чтобы вмѣстѣ помолиться и принести Богу жертву хваленія, они ничего подобнаго не дѣлали, но безчинно разговаривали между собою и безобразно кричали, или, по какому нибудь поводу насильно хватая нѣсколькихъ Римлянъ за горло, давили ихъ и тѣмъ прерывали пѣніе, такъ что поющіе явно пѣли въ землѣ чужой, а не стоя въ храмѣ Божіемъ. А многіе, подпѣвая поющимъ пѣсни Господу, пѣли срамныя пѣсни и, лая по собачьи, прерывали пѣніе и заглушали Божественную службу.

Такъ-то страдали Ѳессалоникійцы, по взятіи ихъ города,—о чемъ нѣкоторые написали особыя сочиненія и составили обширную исторію, а мы разсказали только нѣчто изъ многаго. Когда же Тотъ, кто въ вышнихъ живетъ и на смиренныя призираетъ, приникъ съ неба и увидѣлъ, что между побѣдителями нѣтъ разумѣвающаго и никто не ищетъ Бога, но всѣ непотребны и уклонились къ дѣламъ беззаконнымъ, — Онъ праведнымъ судомъ Своимъ опредѣлилъ посмѣяться надъ ними, поразить и стереть ихъ гнѣвомъ своимъ, а къ озлобленію людей своихъ явить сострадаціе и даровать имъ избавленіе, призрѣвъ на болѣзнь ихъ духа и не отвергнувъ сокрушенія сердца. Поэтому, ради избранныхъ, какъ я думаю, недалъ Онъ продолжиться ужаснымъ дѣламъ нечестивыхъ, и, чѣмъ нѣкогда грозилъ Вавилонянамъ, не помиловавшимъ Сіона, плѣнившимъ и отведшимъ на чужую сторону нѣжныхъ сыновъ и дщерей его, тѣмъ въ одно мгновеніе поразилъ и Сицилійцевъ,

И дивная милость Господа никогда не являлась въ такой славѣ, въ какой Онъ явилъ ее въ это время, преклонившись на моленія, какъ надобно думать, мучениковъ, и внявъ молитвѣ тогдашняго ѳессалоникскаго архіерея. То былъ знаменитый краснорѣчіемъ и всюду извѣстный своею добродѣтелію Евстаѳій. Онъ былъ украшенъ и достохвальнымъ умомъ, и обладалъ удивительною и необыкновенною опытностію, но особеннымъ и отличительнымъ его свойствомъ было то, что онъ далеко превосходилъ другихъ ученостію и былъ сосудомъ, преисполненнымъ всякой мудрости, какъ нашей, такъ и внѣшней. Онъ скорѣе согласился страдать вмѣстѣ съ своимъ стадомъ, нежели подражать наемникамъ, которые, видя идущихъ волковъ, бѣгутъ отъ овецъ. Онъ имѣлъ возможность скрыться изъ города еще до осады, когда враговъ только ожидали, но ни какъ не рѣшился на это, зная, что его присутствіе могло быть спасеніемъ для многихъ. Добровольно заключившись въ городѣ, какъ въ темницѣ, онъ переносилъ съ страждущими всѣ скорби до конца, убѣждая ихъ то собственнымъ примѣромъ, то увѣщаніями, переносить посылаемыя Богомъ наказанія, какъ раны, налагаемыя добрымъ отцемъ, и отъ поражающаго ожидать и исцѣленія. «Если Богъ часто наказываетъ, говорилъ онъ, то еще чаще любитъ исцѣлять, и особенно того, кто переноситъ скорби съ покорностію и благодареніемъ, кто за горечь и тяжесть ихъ не питаетъ вражды къ Ниспосылающему ихъ, не жалуется на Провидѣніе и, признавая глубины судебъ Божі-

ихъ, не слѣдуетъ примѣру того, кто умѣетъ благодарить Господа только въ счастіи, когда челнокъ его жизни, влекомый попутнымъ вѣтромъ, благополучно, легко и удобно приноситъ ему все желаемое, какъ корабли, приносящіе издалека товары». Являясь къ вождямъ, которыхъ говорящіе на латинскомъ языкѣ называютъ контами (¹), онъ испрашивалъ отъ нихъ начальственныя распоряженія, которыми уменьшались бѣдствія страдальцевъ, давалось имъ облегченіе и вообще все, что служило къ ихъ утѣшенію. Впрочемъ рѣчь его, кажется, тронула бы и бездушный камень. Даже однимъ видомъ своимъ онъ возбуждалъ уваженіе къ себѣ въ чужеземцахъ, такъ что, при его появленіи, они вставали съ сѣдалищъ, охотно слушали его и становились добрѣе и мягче, подобно тому, какъ воспаленіе раны утихаетъ отъ воды, при тонкомъ прикосновеніи руки. Хотя они и были тоже, что плотоядныя, чуть не до облаковъ поднимающіяся, птицы, и стремительно нападали на покоренныхъ Римлянъ, угрожая переселить ихъ въ Сицилію; но онъ, подобно курицѣ, накрывающей птенцовъ своихъ крыльями, собиралъ вокругъ себя и успокоивалъ объятыхъ страхомъ гражданъ, опасавшихся въ будущемъ еще болѣе тяжкихъ бѣдствій, и услаждалъ горькій, какъ мерра, духъ побѣдителей, являясь среди нихъ какъ бы Моисеевымъ древомъ. А какъ послѣдовало освобожденіе, какими необыкновенными средствами совершилъ его Богъ,—это пусть ждетъ своего времени.

(¹) т. е. графами.

10. А теперь возвратимся къ тому, о чемъ начали говорить, и будемъ повѣствовать о дѣлахъ царя Андроника. Повѣсивъ братьевъ Севастьяновъ, за то, что они хотѣли будто бы свергнуть его съ престола и воцарить Алексѣя Комнина, который родился отъ незаконныхъ связей царя Мануила и вступилъ въ бракъ съ Ириною, Андрониковою дочерью подобнаго же происхожденія,—Андроникъ, спустя не много времени, захватилъ и заключилъ въ темницу и самаго Алексѣя. Потомъ онъ ослѣпилъ его и отправилъ на заточеніе въ Хилу, небольшой приморскій городъ, лежащій не подалеку отъ устьевъ Понта, гдѣ и посадилъ въ нарочно для того построенную башню. Въ тоже время онъ возненавидѣлъ и удалилъ отъ себя и дочь свою Ирину; потому что онъ приказалъ ей не скорбѣть и отнюдь не сокрушаться о своемъ мужѣ, а напротивъ совершенно забыть его и, сколько прежде любила, столько же возненавидѣть, если она, какъ дочь, любитъ отца и жалѣетъ о своемъ родителѣ, а она не переставала, какъ и естественно, любить своего супруга, плакала о немъ и, постригшись въ монахини, надѣла темное платье. Такъ-то нечаянно расторгся этотъ удивительный брачный союзъ, столько расхваленный презрѣнными льстецами и беззаконными судіями, которые верблюда глотали, а комара отцѣживали. Они пророчили, что чрезъ этотъ бракъ снова сблизятся части, издавна отторгшіяся, Востокъ соединится съ Западомъ, уничтожится искони вражда, народы, отличные отъ Римлянъ какъ по языку, такъ и по характеру, войдутъ съ ними въ со-

гласіе, и единство нравовъ замѣнитъ собою, необыкновеннымъ образомъ, прежнее разногласіе, такъ что мечи раскуются на плуги и агнцы будутъ пастись вмѣстѣ съ львами. Возвысится, говорили они, и благоустройство городовъ, явится обиліе плодовъ земныхъ и будутъ необыкновенные урожаи, такъ что терновникъ будетъ произращать грушу, и смоковница покроется множествомъ колосьевъ, почти такъ же, какъ на ложѣ Юпитера и Юноны, по изображенію поэтовъ, изъ подостланнаго росистаго лотоса выростаетъ шафранъ и разцвѣтаетъ гіацинтъ. Всѣ эти разсказы оказались очевиднѣйшею глупостію, и сочинители ихъ, называя себя мудрецами, прозорливцами, провидящими будущее, явно не видѣли и того, что у нихъ подъ ногами; надъ ними сбылось заклятіе пророка: они видя не видѣли и слыша не слышали. Или, лучше, они ясно видѣли и очень хорошо понимали, что говорятъ гибельныя рѣчи и превращаютъ свои зубы въ оружіе и стрѣлы, но какъ люди съ языкомъ продажнымъ и съ рѣчью покупною, какъ льстецы, старающіеся, сколько можно больше, человѣкоугодничать, они намѣренно споспѣшествовали злу и одобряли то, что нравилось государю, а не то, что угодно Царю царствующихъ. Какихъ, увы, людей питаютъ на зло себѣ царскіе дворцы, людей, которые хвалятъ зло и не хотятъ знать добра! Но не съ однимъ только Алексѣемъ Андроникъ поступилъ такъ жестоко и безчеловѣчно, но и всѣхъ главныхъ его чиновниковъ отдалъ подъ стражу и, спустя не много времени, не малое число важнѣйшихъ изъ нихъ лишилъ

зрѣнія. А одного, бывшаго въ числѣ писцовъ Алексѣевыхъ, по имени Мамала, онъ отдѣлилъ и отложилъ на послѣднее кушанье. И такъ онъ приготовилъ его, столько различныхъ приправъ приложилъ къ нему, что оно достойно было не другаго гостя, а только одного царя Андроника, годилось быть на трапезѣ фурій и на пирѣ завистливыхъ Телхиновъ—кушанье, какого никогда не приготовлялъ самый искусный поваръ. Именно онъ приказалъ сжечь этого человѣка въ конномъ циркѣ. И вотъ разведенъ былъ огонь, и пламя его далеко разливалось по воздуху на ристалищѣ, все равно какъ въ той халдейской печи, которую семь разъ разжигали нефтью и хворостомъ. Привели юношу, у котораго только что стала показываться борода и щеки покрылись первымъ пухомъ,—въ узахъ и нагимъ, какимъ онъ вышелъ изъ матерней утробы и въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ Божій. Сожигатели обступили его, какъ жертву, и длинными острыми шестами стали толкать его въ самую средину огня. Но онъ, при приближеніи къ огню, чувствуя боль и, какъ человѣкъ, питая естественную любовь къ жизни и все еще имѣя въ умѣ, какъ бы избѣжать уже неминуемой смерти, то бросался прямо на обращенные противъ него шесты, считая боль отъ этого легче, чѣмъ мученія въ огнѣ и на угляхъ, то, вверженный сожигателями въ самую средину огня и объятый пламенемъ, быстро, какъ змѣя, огромнымъ прыжкомъ, выскакивалъ изъ костра. И такое зрѣлище продолжалось довольно долго и приводило зрителей въ слезы. Наконецъ онъ, вы-

бившись изъ силъ, упалъ навзничь, и лютый огонь, охвативъ его тѣло, вскорѣ пожралъ его. Только смрадъ, поднимаясь кверху, заражалъ окружающій воздухъ и, разлетаясь, былъ нестерпимъ для обонянія прохожихъ. Какое лютое пожарище! Какое всесожженіе вождѣленное для демоновъ! О жертва Телхиновъ! О вполнѣ бѣсовское приношеніе! О воня неблагоуханія, которую обоняетъ не Господь, но сонмъ фурій и злодѣй Андроникъ! Слыша, что древніе приносили въ жертву воловъ и служили божеству куреніемъ, онъ не захотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру, но, какъ видно изъ его дѣла, имѣя душу болѣе безжалостную, чѣмъ самые лютые, когда либо бывшіе, люди, рѣшился, по своей злобѣ, приносить въ жертву людей, презрѣвъ христіанскіе законы, которые заповѣдываютъ скорѣе спасать, чѣмъ губить душу, и объявляютъ цѣлый міръ недостойнымъ ея. Какой безумный Камбизъ, или жестокій Тарквиній, или Ехетъ и Фаларисъ—эти дикіе и звѣрскіе люди сдѣлали что нибудь подобное? Кто изъ Тавроскиѳовъ, у которыхъ положено закономъ убивать иноземцовъ и которыхъ обычаями заразился этотъ, много скитавшійся, старикъ, такъ свирѣпствовалъ надъ своимъ плѣнникомъ? А чтобы показать, что казнь была не безъ причины, но что она навлечена дѣйствительнымъ преступленіемъ, Андроникъ сжегъ вмѣстѣ съ Мамаломъ какія-то книги, въ которыхъ будто бы говорилось о будущихъ императорахъ и которыя Мамалъ, какъ говорили, читалъ Алексѣю и тѣмъ возбуждалъ въ немъ желаніе царствовать.

11. И всѣ эти дѣла Андроника ни сколько не возбуждали въ немъ раскаянія и отпюдь не приводили его къ мысли удержаться отъ подобныхъ дѣйствій на будущее время. Напротивъ, онъ и Георгія Дисипата, одного изъ чтецовъ Великой Церкви,—единственно за то, что онъ, раздраженный жестокостью Андроника, худо говорилъ объ немъ,—заключилъ въ темницу и постоянно собирался пронзить рожнами и, испекши на угляхъ, отослать къ женѣ. И вѣрно тучный Дисипатъ былъ бы испеченъ на рожнахъ, подобно поросенку, и, положенный въ сосудъ, незнаю какой, только ужъ, конечно, не маленькій, вмѣсто жареннаго кушанья былъ бы отправленъ къ женѣ и ко всѣмъ домашнимъ, если бы его тесть, Левъ Монастиріотъ, котораго Андроникъ, за его умныя, по тогдашнимъ дѣламъ, мнѣнія, называлъ устами сената, не отклонилъ Андроника отъ его намѣренія и своимъ вліяніемъ не удержалъ, не подавилъ его порывовъ. Ктомуже, и отвсюду прилетавшія вѣсти о томъ, что Эпидамнъ сдался Сицилійцамъ, а Θессалоника въ осадѣ, нѣсколько тревожили Андроника и, развлекая его, не много ослабляли лютость казней. Такимъ образомъ Дисипатъ содержался въ темницѣ и, воздвигая руки къ Богу, молился то словами Давида: «изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему», то словами Іоны: «еда приложу призрѣти ми ко храму святому твоему». О чемъ же собственно онъ молился? «Изгладь меня, Господи, изъ памяти Андроника, да буду я невѣдомъ ему изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день,

да не вспомнитъ онъ и имени моего, пока самъ не будетъ изглаженъ изъ книги живыхъ»? И Господь не отвергъ, не презрѣлъ его моленій, но вывелъ его изъ темницы невредимымъ, потому что чрезъ нѣсколько дней не стало Андроника.

А какъ умѣлъ Андроникъ цѣнить своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ и самыхъ усердныхъ исполнителей его желаній, это онъ показалъ уже и тѣмъ, что безчеловѣчно умертвилъ Константина Макродуку и Андроника Дуку, изъ которыхъ одного, какъ было уже сказано, возвысилъ до почестей Паниперсеваста, а другаго усыновилъ, включивъ въ число самыхъ первыхъ друзей. Но особенно ясно выказалась жестокость его характера и неспособность постоянно оказывать кому либо благоволеніе—въ томъ, что онъ ослѣпилъ и Константина Трипсиха. Это былъ чрезвычайный любимецъ Андроника и самый ревностный исполнитель его приказаній, который и самъ такъ много любилъ Андроника и такъ горячо былъ преданъ ему, что въ этомъ отношеніи превзошелъ почти всѣхъ его почитателей. Только одинъ Стефанъ Агіохристофоритъ, подвизавшійся на одномъ съ нимъ поприщѣ и старавшійся превзойти его усердіемъ, могъ спорить съ нимъ о побѣдѣ въ дѣлѣ царскихъ милостей и раздѣлялъ съ нимъ награду за жестокость. Причина, по которой Трипсихъ лишился глазъ, заключалась въ одномъ незначительномъ оскорбленіи, которое слѣдовало бы скорѣе оставить безъ вниманія, чѣмъ заводить изъ-за него дѣло и казнить виновнаго,—и особенно человѣка, столько любимаго и не менѣе любящаго. Но такъ какъ во време-

на Андроника люди отдавали отчетъ и за праздное слово; то и Трипсихъ, занимавшійся разборомъ подобныхъ дѣлъ и многихъ подвергшій мученіямъ и лишившій всего имущества за то, что они или произнесли слово ропота противъ Андроника, или затаили въ душѣ своей остатки злаго умысла,—въ свою очередь немилосердно подвергся тойже участи, накликавъ бѣду собственной неправдой. Какою мѣрою часто мѣрилъ самъ, тоюже, притомъ до излишества преисполненною, возмѣрилось и ему; какую яму нерѣдко копалъ для ближняго, въ туже,—какъ не похвалить тебя, Правосудіе!—заслуженно попалъ самъ; камень, который онъ столько разъ поднималъ на ближняго, теперь обрушился на него. Кто-то изъ самыхъ близкихъ къ Трипсиху людей донесъ Андронику, что и Трипсихъ, осыпаный столькими благодѣяніями и удостоенный такихъ чрезвычайныхъ почестей, который въ царскихъ граматахъ называется возлюбленнымъ сыномъ и вѣрнѣйшимъ человѣкомъ, какихъ съ трудомъ можно найти теперь, что и этотъ богатый и знатный вельможа тайно ропщетъ на него, наравнѣ съ лицами, не испытавшими его благодѣяній и милостей. Это извѣстіе крайне огорчило Андроника; рѣшивъ, что ни въ комъ нѣтъ вѣрности, онъ стоялъ въ раздумьѣ и гнѣвъ начиналъ загораться и волноваться въ немъ. Но доносчикъ видѣлъ, что нужно прибавить еще нѣсколько ѣдкихъ словъ, чтобы огонь гнѣва Андроника разгорѣлся и разлился огромнымъ пламенемъ по воздуху,—нуженъ еще порывъ сильнаго вѣтра, чтобы это необъятное море гнѣвливо-

сти разступилось и поглотило несчастнаго Трипсиха, какъ новаго египетскаго всадника. Поэтому, обращаясь къ Андронику, продолжалъ: и надъ твоимъ сыномъ, преемникомъ твоего царства и законнымъ наслѣдникомъ верховной власти, прекраснѣйшимъ и обожаемымъ всѣми Іоанномъ, Трипсихъ непрестанно издѣвается, говоритъ про него безумныя рѣчи и называетъ его мерзостью, имѣющею воцариться на священномъ престолѣ имперіи. А однажды, когда проходилъ царь Іоаннъ и его сопровождала и привѣтствовала радостными криками толпа народа, Трипсихъ смѣялся надъ нимъ, поносилъ его, называлъ его Зинцифицомъ и съ великимъ вздохомъ говорилъ: «о злополучное римское царство! Какой готовится тебѣ самодержецъ!» А Зинцифицъ былъ безобразнѣйшій человѣкъ, постоянно вертѣвшійся на конномъ циркѣ, съ членами, большею частію, неуклюжими, приземистый и мясистый, хотя, съ другой стороны, ловкій острякъ и большой мастеръ смѣшить стихами и, подъ видомъ забавной шутки, уязвить въ самое сердце. Андроникъ невынесъ этихъ словъ, которыя стрѣлой пронзили его сердце. Разметавъ, подобно бурѣ, все имущество Трипсиха, онъ его самаго посадилъ въ тюрьму, хотя и безъ оковъ, а потомъ лишилъ и зрѣнія. Вотъ чѣмъ кончилось владычество Трипсиха, такъ что кажется, будто прямо о немъ сказано и къ нему относится изреченіе Соломона: «суть пути кажущіися мужу исперва прави, послѣдняя же ихъ зрятъ въ смерть.» Такъ шли дѣла въ царственномъ городѣ.

ЦАРСТВОВАНІЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Между тѣмъ Сицилійское войско раздѣлилось на три части: одна изъ нихъ осталась въ Ѳессаоникѣ, другая напала на Серры (¹), имѣя въ виду захватить и опустошить всѣ тамошнія мѣста, а третья, несясь какъ бы по ровной дорогѣ и не встрѣчая на пути ни одного непріятеля, безъ всякаго сопротивленія раскинула палатки въ самомъ Мосинополѣ и покорила всю окрестность. Андроникъ, съ своей стороны, прежде всего позаботился отправить въ Эпидамнъ Іоанна Врану съ тѣмъ, чтобы защитить этотъ городъ. Но прошло не много дней и Италійцы, прилетѣвъ, словно птицы по воздуху, напали на Эпидамнъ и безъ труда перелѣзли чрезъ зубцы стѣнъ, а Врану взяли въ плѣнъ и отвели въ Сицилію. Потомъ онъ писалъ грамоты къ бывшему правителю Ѳессалоники Давиду и приказывалъ бдительно охранять городъ и отнюдь не бояться, выражаясь собственными словами Андроника, сапожниковъ—Латинянъ, а, напротивъ, скакать, кусать и колоть. Для чего Андроникъ употреблялъ въ своихъ грамотахъ такія выраженія,—это было извѣстно одному сочинителю ихъ—Андронику. Но любившіе

(¹) Городъ близъ рѣки Стримона, недалеко отъ Христополя или Никополя.

пошутить граждане смѣялись надъ ними, сличая и сопоставляя ихъ съ срамными площадными словами, о которыхъ упоминать не слѣдуетъ. За тѣмъ онъ собралъ римскія войска, какъ восточныя, такъ и западныя, и, раздѣливъ ихъ на полки, одну часть отдалъ сыну своему, нареченному царю, Іоанну, жившему тогда въ провинціи Филиппійской, другую поручилъ Хартулярію Хумну, третью—Андронику Палеологу, четвертую—евнуху Никифору, который былъ почтенъ отъ Андроника званіемъ Паракимомена. Кромѣ того, съ особеннымъ войскомъ выслалъ Алексѣя Врану. Но сынъ его наслаждался охотою около Филиппополя и о раззореніи Ѳессалоники столько же думалъ, сколько о завладѣніи гадирскими воротами (¹) или о низверженіи статуй Вакха. А прочіе начальники отнюдь не смѣли приблизиться къ осажденному городу и подать ему помощь, но, стоя лагеремъ вдали отъ города, чрезъ лазутчиковъ и скороходовъ, тайкомъ проходившихъ въ лагерь непріятелей, узнавали о положеніи Ѳессалоники. Только Хумнъ Ѳеодоръ, одинъ изъ всѣхъ, рѣшился подойти поближе, чтобы помочь Ѳессалоникійцамъ въ случаѣ, если они выступятъ на сраженіе противъ окружившаго городъ войска, или, если можно,—войти и въ самый городъ. Но онъ не достигъ ни того, ни другаго, и съ безчестіемъ отступилъ назадъ. Его войска не вынесли и одного вида непріятельскихъ шлемовъ, показали тылъ и безъ оглядки бѣжали, только тѣмъ

(¹) Гадира — островъ и городъ Кадиксъ. Гадирскими воротами Никита называетъ гибралтарскій проливъ.

отличившись предъ прочими своими соотечественниками, что не все же спокойно стояли на мѣстѣ, но собственными глазами увидѣли враговъ, о которыхъ разсказывали лазутчики, и на самомъ дѣлѣ узнали ихъ пылъ въ сраженіяхъ. Когда взята была славная Ѳессалоника и послѣдовало раздѣленіе, какъ уже сказано мною, сицилійскаго войска, о которомъ иной сказалъ бы, что оно прежде соединено было на подобіе баснословной химеры, а теперь раздѣлилось, — одна часть его, важнѣйшая, выступая какъ левъ впередъ, направлялась прямо къ царствующему городу, другая, средняя, опустошала окрестности Амфиполя и Серръ, а остальная, то есть, флотъ, какъ змѣя, вращавшійся на водѣ, сторожила главный городъ Ѳессалоникійцевъ. Но Римляне и въ этомъ случаѣ, не смотря на то, что силы ихъ были соединены и находились подъ однимъ начальствомъ, не осмѣлились напасть ни на одинъ непріятельскій отрядъ. Даже тогда, когда враги, занявшіе Мосинополь, не встрѣчая ни одного римскаго ратника, собирались идти далѣе, Римляне, засѣвъ въ ущельяхъ горъ, не имѣли духа спуститься на ровное мѣсто и вступить въ бой съ непріятелемъ. Поэтому Италійцы рѣшились не медлить болѣе, но, соединивъ свои силы, спѣшить къ прекрасному Константинополю и завладѣть этимъ городомъ. Такою надеждою одушевлялъ ихъ Алексѣй Комнинъ, который сопутствовалъ имъ и хотя не былъ между ними даже въ званіи полководца, однакожъ, мечтая о томъ, что никогда не могло сбыться, этотъ глупѣйшій

человѣкъ, недостойный пасти даже овецъ, думалъ, будтобы сицилійскій король трудится для него, и велъ себя надменно, какъ будто уже провозглашенъ былъ самодержцемъ и облеченъ въ знаки царской власти. Хвастаясь предъ иноземнымъ войскомъ, онъ увѣрялъ, что жители Константинополя тоскуютъ по немъ не менѣе, чѣмъ по дѣдѣ его, великомъ царѣ Мануилѣ, что Римляне обожаютъ его и ждутъ не дождутся, какъ отраднѣйшихъ лучей утренняго солнца. Такъ это было.

2. Между тѣмъ самъ Андроникъ объѣхалъ городскія стѣны, и, что обветшало отъ времени, приказалъ поправить. Приказаніе его тотчасъ же было исполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ строенія, которыя, прилегая къ стѣнамъ, облегчали входъ въ городъ, были разрушены; у морскаго берега выставлены были длинные корабли, числомъ около ста, готовые къ отплытію, чтобы въ случаѣ нужды, оказать помощь городамъ противъ сицилійскаго флота, защитить самихъ жителей столицы, которые также опасались скораго нападенія враговъ,—и во время занять морской заливъ, вдающійся въ матерую землю и на подобіе рѣки омывающій берегъ влахернскій. Сдѣлавъ эти распоряженія, Андроникъ тѣмъ и окончилъ свои заботы о государственныхъ дѣлахъ, какъ будтобы уже достаточно приготовился къ отраженію враговъ, идущихъ на Римлянъ. Услышавъ, что Θессалоника взята, онъ обратилъ свой гнѣвъ на родственниковъ Давида, бывшаго, какъ сказано, начальникомъ этого города, схватилъ и заключилъ

ихъ въ темницу; а публично говорилъ, что это дѣло не важное и что сицилійцы отнюдь не какой нибудь достославный подвигъ совершили, что не первый разъ и не теперь только, но и прежде часто были завоевываемы города, и что побѣда попремѣнно достается людямъ. Непріятные слухи одни за другими преслѣдовали его; часто являлись вѣстники, которые доносили, что непріятели то Амфиполь взяли, то опустошили сопредѣльныя съ нимъ области и стоятъ лагеремъ въ Мосинополѣ. Но онъ и эти вѣсти признавалъ нисколько не опасными и увѣрялъ, что отмститъ врагамъ и совершенно истребитъ ихъ, какъ охотники убиваютъ дикихъ свиней. Какъ свиньи, говорилъ онъ, обольщаясь выставленною добычею, выходятъ мало по малу изъ чащи и, преслѣдуя добычу, попадаютъ въ силокъ и тутъ пронзаются копьемъ или получаютъ глубокую рану въ сердце; такъ точно и Италійцы, считая себя вполнѣ безопасными, какъ будто нѣтъ ни одного противника, и изъ желанія большей добычи идя все далѣе и далѣе, неожиданно подвергнутся совершенной погибели, и неправда ихъ обратится на ихъ голову. Но эти пріятныя слова были не что иное, какъ пустыя рѣчи человѣка, который явно вооружался противъ природы вещей и хотѣлъ успокоить народъ, уже возстававшій противъ него за то, что онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ прилично храброму человѣку, и не употреблялъ всѣхъ средствъ къ отраженію иноземцевъ. Дѣйствительно, не смотря на то, что грозило такое множество тяжкихъ золъ и всѣ опасались самыхъ ужасныхъ

бѣдствій и томились ими, какъ бы уже дѣйствительно наступившими, онъ спокойно переносилъ самыя несносныя вещи и, словно въ чужой бѣдѣ, выказывалъ себя философомъ, хотя былъ властолюбивъ, какъ едвали кто другой, и страстью къ царствованію доведенъ былъ до безчеловѣчія и превзошелъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ, тиранновъ. Часто оставлялъ онъ городъ и съ толпой блудницъ и наложницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ благорастворениѣе воздухъ; любилъ забираться, подобно звѣрямъ, въ разсѣлины горъ и въ прохладныя рощи, и водилъ за собою любовницъ, какъ пѣтухъ водитъ курицъ, или козелъ—козъ на пастбищѣ. Какъ Вакхъ ходилъ въ сопровожденіи Θіадъ, Совадъ и Менадъ ([1]), такъ ходилъ и онъ, въ сопровожденіи своихъ любовницъ и только что не одѣвался въ кожу оленя и не носилъ женскаго платья шафраннаго цвѣта. Придворнымъ своимъ, только немногимъ и то самымъ приближеннымъ, онъ показывался лишь въ опредѣленные дни и какъ бы сквозь завѣсу; а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ, подобно Сарданапалу, который вырѣзалъ на своей могилѣ:» я имѣю только то, что я ѣлъ и студодѣйствовалъ». Онъ бымъ епикуреецъ и послѣдователь Хризиппа, человѣкъ крайне развратный и до неистовства преданный сладострастію. Онъ

([1]) Названія Вакханокъ и вообще распутныхъ и неистовыхъ женщинъ.

явно подражалъ Геркулесу въ растлѣніи имъ пятидесяти дочерей одного только Θіеста; но такъ какъ не имѣлъ столько же силъ для сладострастія, то, какъ тотъ призывалъ на помощь Іолая противъ возраждающейся гидры, такъ и онъ прибѣгалъ къ пособію различныхъ мазей и къ изысканнымъ снадобьямъ, чтобы укрѣпить свои дѣтородные члены. Онъ ѣлъ даже нильское животное, очень похожее на крокодила и называемое скингсомъ, которое обыкновенно въ пищу не употребляется, но имѣетъ свойство раздражать и возбуждать похоть. Послѣ прогулокъ и развлеченій, возвратившись домой и живя во дворцѣ, онъ имѣлъ при себѣ не мало тѣлохранителей, притомъ все варваровъ и людей крайне негодныхъ, которые не знали никакой дисциплины и по большей части ни сколько не понимали греческаго языка. Постельники и привратники также всегда у него выбирались изъ такого же дикаго сброда. Наконецъ онъ завелъ у себя и злую собаку, которая могла бороться со львами и опрокинуть на землю вооруженнаго всадника. Тѣлохранители и стражи обыкновенно спали ночью гдѣ нибудь вдали отъ его спальни, а собака привязывалась къ дверямъ и прималѣйшемъ шумѣ поднималась и страшно лаяла. Въ отношеніи къ жителямъ Константинополя онъ мало по малу дошелъ до того, что издѣвался надъ ихъ простодушіемъ, водилъ ихъ какъ бы за носъ и смѣялся надъ ихъ готовностію угождать царямъ и оказывать имъ всякаго рода услуги,—не зная того, что они лишатъ его власти и

подвергнуть жесточайшей казни. Такъ онъ вѣшалъ на портикахъ площади большія и чѣмъ нибудь замѣчательныя рога изловленныхъ имъ оленей, повидимому для того, чтобы показать величину пойманныхъ звѣрей, на самомъ же дѣлѣ—чтобы наругаться надъ гражданами и осмѣять распутство ихъ женъ. День, когда онъ возвращался въ городъ, послѣ роскошной жизни въ прелестныхъ мѣстахъ Пропонтиды, нельзя было не считать самымъ несчастнымъ. Казалось, не за чѣмъ инымъ возвращался онъ, какъ только за тѣмъ, чтобы губить и рѣзать людей, которыхъ подозрѣвалъ въ злоумышленіи противъ себя. И точно, прибытіе Андроника сопровождалось для многихъ лишеніями и скорбями, или даже потерею жизни, либо какою нибудь другою крайнею бѣдой. Положивъ однажды на всегда въ основаніе души своей жестокость и ей подчиняя всю свою дѣятельность, этотъ человѣкъ считалъ для себя тотъ день погибшимъ, когда онъ не захватилъ или не ослѣпилъ какого нибудь вельможу, или кого нибудь не обругалъ, или, по крайней мѣрѣ, не устрашилъ грознымъ взглядомъ и дикимъ выраженіемъ гнѣва. Подобно жестокому учителю, то и дѣло подинмающему бичь на дѣтей, онъ, по прибытіи своемъ, кстати и некстати ругался и отъ всякаго непріятнаго для него слуха выходилъ изъ себя. Потому-то люди того времени жили печально и уныло. Многіе даже во снѣ не находили для себя покоя, тишины и отрады, но, едва заснувши, вдругъ въ испугѣ пробуждались, увидѣвъ предъ собою во снѣ Андроника или тѣхъ, кого этотъ

свирѣпый, упрямый и неумолимый въ своемъ гнѣвѣ человѣкъ принесъ въ жертву своей жестокости. Что будетъ въ послѣдніе дни, по предсказанію Богочеловѣка, то есть, что двое будутъ на одномъ ложѣ, и одинъ поемлется, а другой оставляется, тоже самое явно происходило и въ тѣ дни, потому что одного изъ супруговъ внезапно хватали и отводили на истязаніе. Не было пощады и женщинамъ; и онѣ не избавлялись отъ тяжкихъ наказаній, напротивъ и изъ нихъ не малое число были ослѣплены, подверглись темницамъ, голоду и тѣлесному наказанію. Отецъ пренебрегалъ дѣтьми, дѣти не заботились объ отцѣ. Если въ одномъ домѣ было пять человѣкъ, то трое возставали противъ двоихъ и двое противъ троихъ. Многіе, избѣгая гнѣва Андроника, какъ пожара содомскаго, безъ оглядки бѣжали изъ отечества и поселялись у сосѣднихъ съ Римлянами народовъ. И если они оставались въ изгнаніи до смерти Андроника, они спасались и отъ всякой бѣды. Но кто теперь же возвращался въ свой домъ, тѣ, хотя и не превратились въ соленой столпъ, подобно женѣ Лотовой, и не сдѣлались мертвою солью, но все же измѣнились и погибли лютою смертью.

3. Такъ раздражителенъ, суровъ и жестокъ былъ Андроникъ; неумолимый въ наказаніяхъ, онъ забавлялся несчастіями и страданіями ближнихъ и, думая погибелью другихъ утвердить свою власть и упрочить царство за своими дѣтьми, находилъ въ томъ особенное удовольствіе. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ не мало сдѣлалъ и хорошаго и, при всѣхъ своихъ пагубныхъ свойствахъ,

не вовсе былъ чуждъ и добрыхъ качествъ. Какъ изъ тѣла змѣи можно достать драгоцѣнное средство противъ всѣхъ болѣзней и спасительное противуядіе, какъ среди колючихъ спицъ можно сорвать благоухающую розу, изъ чемерицы и лютика — добыть пріятную пищу для скворцовъ и перепеловъ, — такъ было и съ нимъ. Онъ помогалъ бѣднымъ подданнымъ щедрыми подаяніями, если была хоть какая нибудь надежда, что проситель не враждуетъ противъ Андроника за его злодѣянія. Онъ до такой степени обуздалъ хищничество вельможъ и такъ стѣснилъ руки, жадныя до чужаго, что въ его царствованіе населенность во многихъ областяхъ увеличилась. Каждый, согласно съ словами Пророка, спокойно лежалъ теперь подъ тѣнью своихъ деревъ и, собравъ виноградъ и плоды земли, весело праздновалъ и пріятно спалъ, не боясь угрозъ сборщика податей, не думая о хищномъ или побочномъ взыскателѣ повинностей, не опасаясь, что ограбятъ его виноградъ и оберутъ его жатву. Кто отдалъ кесарева кесареви, съ того никто больше не спрашивалъ, у того не отнимали, какъ бывало прежде, и послѣдней рубашки и насиліемъ не доводили его до смерти. Отъ одного имени Андроника, какъ отъ волшебнаго заклинанія, разбѣгались алчные сборщики податей; оно было страшнымъ пугаломъ для всѣхъ, кто требовалъ сверхъ должнаго, отъ него цѣпенѣли и опускались руки, которыя прежде привыкли только брать. Многіе чуждались теперь и добровольныхъ приношеній, избѣгая ихъ, какъ моли или какой нибудь другой заразы, гибельной

для всего, что къ ней прикасается. Но, что еще важнѣе,—посылая въ области правителей, Андроникъ назначалъ имъ богатое жалованье и въ тоже время объявлялъ, какимъ подвергнутся они наказаніямъ, если нарушатъ его повелѣнія. Онъ не продавалъ общественныхъ должностей и не отдавалъ ихъ каждому желающему за какое нибудь приношеніе, но предоставлялъ ихъ даромъ и лицамъ избраннымъ. Оттого-то люди, съ давнихъ поръ заснувшіе и доведенные общественными недугами до смерти, какъ бы услышавъ трубу Архангела, пробудились отъ долгаго и тяжкаго сна и воскресли. И, какъ говорится въ видѣніи Іезекіиля, кости стали соединяться теперь съ костями, члены съ членами, такъ что въ короткое время весьма многіе города ожили и по прежнему стали богаты. Если же нужно сказать что нибудь и словами псалмопѣвца Давида, то пустыню Андроникъ обратилъ въ вмѣстилище водъ и землю безводную въ источники водъ. Онъ собралъ разсѣявшихся жителей и чрезъ то увеличилъ государственные доходы, потому что прекратилъ притѣсненія сборщиковъ податей и непрерывные поборы, которые были выдуманы и обращены въ ежегодную дань жадными казначейскими чиновниками, какъ хлѣбъ пожиравшими народъ, привелъ въ опредѣленный сборъ.

У Римлянъ и, кажется, у нихъ только однихъ былъ въ силѣ слѣдующій безумнѣйшій обычай: когда море, взволнованное вѣтрами, бушевало и корабли, застигнутые бурею, выбрасывало на берегъ волнами, прибрежные жители не оказывали

имъ никакой помощи, а напротивъ, хуже всякаго урагана, разносили и расхищали все, чего не унесло море. Андроникъ жестоко вооружился противъ этого несправедливѣйшаго образа дѣйствій и совершенно прекратилъ это пиратское грабительство кораблей, такъ что одно это дѣло стоитъ многихъ и заключаетъ въ себѣ величайшую для него похвалу. Лица, окружавшія царскій престолъ, считали это зло трудно исцѣлимымъ, или даже совершенно неисправимымъ, такъ какъ оно вошло въ силу и глубоко укоренилось. Многіе, говорили они, и изъ прежнихъ римскихъ царей хотѣли прекратить этотъ нелѣпый обычай и разсылали кучи царскихъ указовъ, грозя жесточайшими казнями людямъ, которые нападаютъ на потерпѣвшіе крушеніе корабли и расхищаютъ корабельное имущество; но всѣ ихъ приказанія были не дѣйствительны и оставались на бумагѣ: волны усилившагося и высоко поднявшагося зла смывали красныя царскія чернила, такъ что писавшіе, казалось, явно писали на водѣ и напрасно подписывали свои указы.

4. Когда они высказали это, Андроникъ сурово посмотрѣлъ на всѣхъ окружавшихъ его сенаторовъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «нѣтъ ничего такого, что бы не могло быть исправлено царями; нѣтъ ни одного незаконнаго дѣла, котораго бы они не могли уничтожить своею силою. Поэтому надобно думать, что предшествующіе цари нерадиво принимались за дѣло, или только показывали видъ, что сокрушаются о несправедливости. Если бы они дѣйствительно хотѣли ис-

тановить это пагубное зло и дѣйствовать искренно въ пользу справедливости, они оставили бы свои красныя граматы и бросили бы, какъ ни къ чему негодныя, бумаги. Они подумали бы, что тѣ, чьи корабли выбрасываются на берегъ волнами, плачутъ кровью, а не слезами, встрѣчая на берегу людей, хуже подводныхъ камней и скалъ,— вооружились бы противъ этихъ злодѣевъ мечемъ, который не напрасно носятъ и осудили бы ихъ на смерть. Но они, какъ я убѣжденъ, ничего не писали, кромѣ лукавства и, выказывая въ чужой бѣдѣ неумѣстное великодушіе, содѣйствовали и сами несчастіямъ страдальцевъ и еще болѣе утверждали дурные обычаи, потому что добровольно уклонялись отъ ихъ исправленія. Сказавъ это, онъ прибавилъ: «вы, мужи, которые соединены со мной кровными узами, или своею вѣрностію заслужили мое благоволеніе, равно и вы всѣ предстоящіе здѣсь, числится ли кто въ сенатѣ или занимаетъ какую либо другую должность въ римскомъ царствѣ, послушайте меня, послушайте! Я скажу вамъ не то, что разнесется по вѣтру и останется безъ исполненія, а то, что непремѣнно въ свое время должно быть сдѣлано. Въ противномъ случаѣ я, дающій приказаніе, воспламенюсь страшнымъ гнѣвомъ, и этотъ гнѣвъ, жестокій и несносный, обрушится на тѣхъ, которые дѣйствуютъ не согласно съ моими приказаніями и ни сколько не обращаютъ вниманія на царскія слова. Нужно уничтожить и другія злоупотребленія, вредныя и гибельныя для Римлянъ,—и пусть знаютъ люди, привыкшіе жить на счетъ грабитель-

ства, что, если они добровольно не перестанутъ домогаться чужой собственности, то они потеряютъ свое имущество и будутъ сметены съ лица земли стонами бѣдныхъ, какъ пыль разметается сильною бурею. Но особенно нужно обуздать тѣхъ, которые нападаютъ на потерпѣвшіе крушеніе корабли, расхищаютъ ихъ грузъ, а иногда ломаютъ и разбираютъ по частямъ и самые корабли. Итакъ, если кто изъ васъ занимаетъ, по нашей власти какую либо должность, или если кто владѣетъ недвижимымъ имуществомъ на морскомъ берегу; то пусть онъ утвердитъ прежде самаго себя, а потомъ и своихъ подчиненныхъ въ страхѣ Божіемъ и въ благоговѣйной покорности моей царской власти. Въ противномъ случаѣ строго будетъ взыскано за преступленіе съ того, кто начальствуетъ надъ областію или владѣетъ помѣстьемъ, — даже и тогда, когда самъ будетъ невиненъ руками и чистъ сердцемъ, а его подчиненные сдѣлаютъ это преступное дѣло. Наказаніемъ негоднаго господина обыкновенно вразумляются его слуги. И какъ въ дурныхъ дѣлахъ подчиненные любятъ подражать начальнику, такъ точно и въ томъ случаѣ, если онъ, вслѣдствіе наказанія, по необходимости, станетъ служить общественной пользѣ, они пойдутъ по слѣдамъ его, какъ дитя за матерью. А чтобы вы знали и самое наказаніе, какое навлечетъ на себя нарушитель моего повелѣнія, —я скажу, что онъ будетъ повѣшенъ на мачтѣ корабля. Если же мачту унесутъ морскія волны, то его повѣсятъ на огромнѣйшемъ прямомъ деревѣ, какое можно будетъ срубить въ

тѣхъ лѣсахъ и выставятъ на высокомъ морскомъ берегу. Пусть онъ видѣнъ будетъ плывущимъ и среди моря, какъ парусъ на реѣ и, потерпѣвъ кораблекрушеніе на сушѣ, пусть служитъ знакомъ, что неудастся и впередъ безнаказанно ломать потерпѣвшіе крушеніе корабли и грабить ихъ имущество,—подобно тому, какъ радуга поставлена Богомъ въ облакахъ во свидѣтельство, что не будетъ болѣе потопа.»

5. Сказавъ эти слова съ сильнымъ волненіемъ и съ видомъ человѣка, который отнюдь не намѣренъ измѣнить свое рѣшеніе, или смягчить строгость приговора, —Андроникъ обратился къ другимъ дѣламъ. Слушатели, зная по опыту, что Андроникъ шутить не умѣетъ и что въ подобныхъ дѣлахъ онъ не одно говоритъ, а иное думаетъ, чуть не окаменѣли отъ страха. Наконецъ, едва собравшись съ духомъ, они со скороходами отправили къ своимъ управляющимъ и намѣстникамъ письма, въ которыхъ строго на строго наказывали и всячески умоляли бдительно смотрѣть, чтобы не потерпѣлъ какого нибудь вреда корабль, подвергшійся крушенію, а если можно, — запретить и самимъ вѣтрамъ, или, какъ говорится въ баснѣ объ эолѣ, собрать ихъ въ мѣшки, чтобы они не подымали бури и не возмущали моря. И съ тѣхъ поръ не было случая, чтобы корабль, пострадавшій отъ напора волнъ, потерялъ что нибудь изъ клажи, или чтобы сняли у него часть палубы, или отрубили мачту, или унесли якорь, или похитили хоть малѣйшую веревочку, не говоря о другихъ снарядахъ. Напротивъ, если

выбрасывало вѣтромъ корабли на землю, или они разбивались, ударившись объ утесы и подводныя скалы, на нихъ смотрѣли, словно какъ на выходящую изъ отверстій ада харонову лодку, на которой перевозятся души умершихъ, или о нихъ заботились, какъ о священныхъ корабляхъ, такъ что и толпа простаго народа и лица начальствующія оказывали имъ всякаго рода услуги, опасаясь, какъ бы у нихъ не пропало что нибудь на сушѣ, чего не истребило море. Такимъ—то образомъ на мѣсто бури вдругъ явилась тишина и эта перемѣна до того была нечаянна, что, казалось, была дѣломъ руки явно нечеловѣческой.

Кромѣ того, Андроникъ возобновилъ, употребивъ на то огромныя суммы, старый подземный водопроводъ, который долженъ былъ выходить среди площади и давать воду не стоячую и вредную, но текучую и здоровую. Онъ провелъ воду въ него изъ рѣчки Идралы, и при истокѣ его построилъ башню и домы, удобныя для лѣтняго житья. Въ настоящее время изъ этого водопровода берутъ воду граждане, живущіе близъ Влахерны и нѣсколько далѣе—во внутреннихъ частяхъ города. Смерть не допустила Андроника довесть до конца всю эту работу, такъ чтобы вода изливалась и среди площади. А всѣ послѣдующіе императоры, царствующіе и до настоящаго времени, столько заботились объ окончаніи этого общеполезнаго дѣла, что Исаакъ, лишившій Андроника вмѣстѣ съ властію и жизни, разрушилъ даже башню и уничтожилъ тѣ пре-

лестныя зданія, какъ будто завидуя Андронику въ этомъ прекраснѣйшемъ дѣлѣ.

На возстановленныя имъ преторскія должности онъ избиралъ мужей знаменитыхъ и лучшихъ изъ сенаторовъ. Притомъ, разсылая по мѣстамъ, онъ надѣлялъ ихъ богатѣйшими дарами и, такъ сказать, упитывалъ благодѣяніями, для того, чтобы ихъ назначеніе было необременительно для городовъ, и чтобы они единственно заботились о защитѣ и облегченіи участи бѣдныхъ. И такъ какъ эти люди имѣли достаточныя средства для жизни, потому что привозили съ собою по сороку и по осьмидесяти минъ серебра, то они, какъ отъ святотатства, воздерживались даже и отъ тѣхъ подарковъ, которые добровольно были имъ приносимы жителями за избавленіе отъ руки сильнаго, или за какое либо другое благодѣяніе. Отъ этого въ короткое время населеніе городовъ возрасло, земля принесла сторичный плодъ, жизненные припасы сдѣлались дешевле. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андроникъ былъ доступенъ для всѣхъ, кто приходилъ жаловаться на самоуправство и насиліе, не разбиралъ лицъ и не отнималъ правъ у справедливаго. Наравнѣ съ людьми простыми онъ призывалъ къ суду и людей знатныхъ по роду и богатству, тѣхъ и другихъ внимательно выслушивалъ и, если оказывалось, что человѣкъ гордый и считающій для себя безчестіемъ судиться съ бѣднякомъ обижалъ, или тѣснилъ, или билъ кулакомъ своего ближняго, —жестоко за то ругалъ его и подвергалъ, соразмѣрно винѣ, наказанію. Такъ, однажды, пришли къ нему поселя-

не и жаловались на Феодора Дадиврина, что онъ, остановившись у нихъ проѣздомъ и взявъ все, что нужно было ему самому и всей его прислугѣ и всѣмъ лошадямъ, уѣхалъ и ничего не заплатилъ. Это тотъ Дадивринъ, о которомъ мы выше сказали, что онъ, вмѣстѣ съ другими, удавилъ царя Алексѣя. Разобравъ дѣло и увидѣвъ, что поселяне говорятъ правду, Андроникъ Дадиврина наказалъ двѣнадцатью палочными ударами, а поселянамъ приказалъ выдать изъ царской казны— гораздо больше, чѣмъ сколько стоили ихъ издержки. А къ какимъ то народнымъ правителямъ онъ написалъ такого рода грамоту: «истинный князь лжи, ты, глупый мой Синесій, и ты, продажный Лахана! Дошло до моего царскаго слуха, что вы много дѣлаете обидъ; такъ перестаньте обижать или проститесь съ жизнію. Что вы обижаете и живете — это и Богу не угодно и мнѣ, Его рабу, несносно».

Онъ крайне не одобрялъ бывшаго въ то время и нынѣ существующаго обычая спорить о божественныхъ догматахъ и отнюдь не любилъ говорить или слышать что нибудь новое о Богѣ, хотя былъ далеко не чуждъ нашей мудрости. Поэтому онъ не только разбранилъ Евѳимія, епископа новыхъ Патръ, мужа ученѣйшаго, и Іоанна Кинама за то, что они, въ царскомъ дворцѣ, въ бытность его въ Лопадіѣ, разсуждали о словахъ Богочеловѣка: «Отецъ Мой болій Мене есть», но и съ крайнимъ гнѣвомъ сказалъ имъ, что броситъ ихъ въ рѣку Риндакъ, если они не перестанутъ говорить о Богѣ. А что Андроникъ не совсѣмъ

былъ дикъ—этому служитъ доказательствомъ уже и то, что онъ цѣнилъ образованіе и не удалялъ отъ себя людей ученыхъ, а напротивъ приближалъ ихъ къ своему престолу, часто поощрялъ дарами и удостоивалъ не маловажныхъ почестей. Онъ и небесную философію считалъ дѣломъ важнымъ и цѣнилъ весьма высоко, и одобрялъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, и чрезвычайно уважалъ искусныхъ правовѣдовъ.

6. Желая, чтобы тѣло его погребено было въ прекраснѣйшемъ и огромнѣйшемъ храмѣ сорока мучениковъ, воздвигнутомъ на лучшемъ мѣстѣ среди города, онъ тщательно исправилъ всѣ обветшавшія части этого храма и возстановилъ поблекшій отъ времени блестящій видъ его, а икону Христа, нашего Спасителя, чрезъ которую нѣкогда, какъ говорятъ, Господь бесѣдовалъ съ царемъ Маврикіемъ, украсилъ великолѣпнымъ окладомъ. Огромную порфировую чашу, по краямъ которой вьются, изгибаясь, два страшныхъ дракона,—это дивное произведеніе—онъ перенесъ изъ сада, находящагося при большомъ Дворцѣ, въ притворъ этого храма, и тутъ же положилъ останки своей первой супруги, перенесши ихъ изъ Анкуріева монастыря. Съ внѣшней стороны, близъ сѣверныхъ вратъ храма, выходящихъ на площадь, онъ, на огромной картинѣ, изобразилъ самого себя не въ царскомъ облаченіи и не въ золотомъ императорскомъ одѣяніи, но въ видѣ бѣднаго земледѣльца, въ одеждѣ синяго цвѣта, опускающейся до поясницы, и въ бѣлыхъ сапогахъ, доходящихъ до колѣнъ. Въ рукѣ у этого земледѣль-

ца была тяжелая и большая кривая коса и онъ, склонившись, хваталъ и ловилъ сю прекраснѣйшаго юношу, виднаго только до шеи и плечъ. Этою картиною онъ явно открывалъ прохожимъ свои беззаконныя дѣла, громко проповѣдывалъ и выставлялъ всѣмъ на видъ, что онъ убилъ наслѣдника престола и вмѣстѣ съ его властію присвоилъ себѣ и его невѣсту. Кромѣ того, у него была мысль—поставить на колоннѣ свою мѣдную статую на высокомъ мѣдномъ четвероугольникѣ, на которомъ нагіе купидоны бросаютъ другъ въ друга яблоками и который назывался Анемодуліономъ (¹). А портреты задушенной имъ императрицы Ксеніи, матери царя Алексѣя, онъ приказалъ переписать и представить ее въ видѣ морщинистой старухи, опасаясь сожалѣнія со стороны прохожихъ, при видѣ ея блистательной, прекраснѣйшей и истинно достойной удивленія наружности. Большую же часть ея портретовъ онъ дозволилъ и совсѣмъ уничтожить и вмѣсто ней изобразить самого себя въ царскомъ облаченіи, стоящимъ или отдѣльно, или вмѣстѣ съ невѣстою Алексѣя. Наконецъ, онъ построилъ возлѣ храма сорока мучениковъ великолѣпныя палаты, которыя должны были служить для него помѣщеніемъ, когда онъ приходилъ

(¹) Анемодуліонъ — ανεμοδουλιον — собственно значитъ слуга, рабъ вѣтровъ. Такое названіе получилъ этотъ четвероугольникъ отъ того, что на вершинѣ его поставлена была женская статуя, которая поворачивалась при первомъ движеніи вѣтра. По однимъ онъ устроенъ Θеодосіемъ Великимъ, а по другимъ—при Львѣ Исаврѣ. Латиняне, овладѣвъ Константинополемъ, вмѣстѣ съ другими мѣдными статуями, переплавили въ монету и этотъ Анемодуліонъ. Corp. Hist. Bysant. vol. 29. p. p. 17 et 96. vol. 30 p. 378 edit. Venet.

въ церковь. Не имѣя возможности расписать въ нихъ живописью или изобразить мозаикой дѣла, недавно имъ совершенныя, онъ обратился къ тому, чѣмъ занимался до воцаренія. Такимъ образомъ живопись представляла конскую ѣзду, псовую охоту, крикъ птицъ, лай собакъ, погоню за оленями и травлю зайцевъ, пронзеннаго копьемъ кабана и раненаго зубра (этотъ звѣрь больше сказочнаго медвѣдя и пестраго леопарда и водится преимущественно у Тавроскиѳовъ), сельскую жизнь съ ея палатками, наскоро приготовленный обѣдъ изъ пойманной добычи, самаго Андроника, собственными руками разрубающаго на части мясо оленя или кабана и тщательно его поджаривающаго на огнѣ, и другіе предметы въ томъ же родѣ, свидѣтельствующіе о жизни человѣка, у котораго вся надежда на лукъ, мечь и быстроногаго коня, и который бѣжитъ изъ отечества по своей глупости или по добродѣтели. Но Андроникъ сравнивалъ свою судьбу съ судьбой Давида и говорилъ, что и онъ, подобно Давиду, избѣгая сѣтей зависти, много разъ уходилъ на чужую сторону. Иногда же, превознося свои дѣла, говорилъ, что Давидъ проживалъ въ Сикелѣ, не далеко отъ Палестины, побилъ мечемъ Амаликитянъ и жилъ до того бѣдно, что убилъ бы и Навала, еслибы не получилъ, чего требовалъ, а онъ обошелъ почти весь Востокъ, поапостольски пронесъ и проповѣдалъ имя Христово всѣмъ народамъ, вездѣ, куда ни приходилъ, принимаемъ былъ съ величайшими почестями и возвращался съ почетною свитой. И все это онъ разсказывалъ о себѣ довольно серьезно и

убѣдительно, особенно если велъ бесѣду съ людьми учеными и краснорѣчивыми, когда обстоятельства были еще благопріятны и все было тихо и спокойно.

7. Но что наконецъ онъ задумалъ и отчасти сталъ уже приводить въ исполненіе, то было дѣломъ крайняго сумасшествія и выходило изъ всѣхъ предѣловъ безчеловѣчія. Видя, съ одной стороны, что его владѣнія уменьшаются и что враги, подобно усилившемуся отъ дождей и выступившему изъ береговъ потоку, опустошаютъ и затопляютъ все, встрѣчающееся на пути, а съ другой-замѣчая, что и граждане мало по-малу начинаютъ говорить свободнѣе и склоняются къ мятежу,—такъ какъ онъ нисколько о нихъ не заботился, но, какъ бы погруженный въ глубокій сонъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ о непріятельскихъ опустошеніяхъ,—Андроникъ зачалъ трудъ и родилъ беззаконія не столько по собственному побужденію, сколько по наущенію другихъ. Именно, онъ не только всѣхъ, содержавшихся въ темницахъ, осудилъ на смерть, положивъ однимъ отрубить голову, другихъ бросить въ глубину моря, третьимъ разсѣчь чрево кинжаломъ, иныхъ лишить жизни еще какъ нибудь иначе, но изощрилъ свой мечь и на ихъ родственниковъ. Что пользы, говорилъ онъ, если на мѣсто одной отрубленной головы народится множество новыхъ и никто не приложитъ къ нимъ шипящаго желѣза? Въ этомъ случаѣ нельзя не отдать особенной похвалы герою и полубогу Геркулесу за то, что онъ употребилъ Іолая для прижиганія и уничтоженія возраждающейся гидры.

Собравъ совѣтъ изъ своихъ друзей и продажныхъ судей, которые ищутъ царскаго стола, какъ коршуны труповъ, Андроникъ представляетъ имъ въ трогательномъ видѣ, сколько бѣдъ надѣлали Италійцы, какимъ опустошеніямъ подвергли западныя провинціи, сколько завоевали городовъ, и причину всего этого приписываетъ не другому кому, а своимъ противникамъ. «Они жаждутъ, говорилъ онъ, погибели Андроника и готовы на все, чтобы только лишить Андроника власти и довесть до несчастной смерти. Но, не имѣя возможности осуществить свое желаніе, при содѣйствіи своихъ соотечественниковъ, они призвали чуждое, иноземное войско, и явно подражаютъ саранчѣ, которая, избѣгая огня, гибнетъ въ водѣ. Но клянусь, сказалъ онъ, этою старостію, не порадуются недоброжелатели и враги Андроника, и что злоумыщляютъ они противъ Андроника, то сами испытаютъ отъ Андроника. Если же судьба влечетъ и Андроника въ жилище ада,—они будутъ предшествовать ему и первые откроютъ путь; затѣмъ уже пойдетъ Андроникъ.» Сказавъ эти слова, онъ присовокупилъ изрѣченіе Ап. Павла: не еже хощу, доброе творю; но еже не хощу злое, сіе содѣваю, потому что враги противовоюютъ мнѣ и плѣняютъ меня тѣмъ, что противно мнѣ,—и просилъ указать врачевство противъ зла. Такъ какъ всѣ его сообщники, возвысивъ голосъ, громко закричали, что этихъ людей, не щадя никого, слѣдуетъ стереть съ лица земли, то опредѣлено было истребить всѣхъ, кто только содержался въ темницѣ, или былъ отправленъ въ ссылку, равно какъ всѣхъ ихъ привержен-

цевъ и родственниковъ. И этотъ приговоръ тотчасъ же изложенъ былъ на бумагѣ. Диктовалъ его Протасикритъ (¹), а писалъ чиновникъ, завѣдывавшій прошеніями, при громкихъ восклицаніяхъ протонотарія Дрома. Я не назову и этихъ людей по именамъ, равно какъ и другихъ подобныхъ сотрудниковъ, которые, гоняясь за суетною славой, трепетали и боялись Андроника. Главнымъ между ними и вождемъ былъ Стефанъ Агіохристофоритъ, котораго голосъ, какъ громъ, раздавался по дворцу и который, подобно потоку, шумѣлъ и увлекалъ всѣхъ, кого Андроникъ считалъ виновнымъ (8). Начинался же этотъ приговоръ такимъ образомъ: «по внушенію Божію, а не по повелѣнію державнаго и святаго государя и императора нашего, опредѣляемъ и объявляемъ, что, для пользы государства, и, въ частности, для блага Андроника, спасителя Римлянъ, необходимо совершенно уничтожить тѣхъ дерзкихъ крамольниковъ, которые содержатся въ темницахъ или отправлены въ ссылку, равно какъ захватить и предать смерти всѣхъ ихъ приверженцевъ и родственниковъ. Чрезъ это, Богъ дастъ, и Андроникъ, управляющій, по милости Божіей, скипетромъ римскаго царства, хоть сколько нибудь отдохнетъ отъ государственныхъ заботъ и отъ опасенія козней со стороны злоумышлен-

---

(¹) Протасикритъ-Πρωτασηκρῆτις—у Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, занимаетъ двадцать осьмое мѣсто. Одни его называютъ первымъ секретаремъ при особѣ императора, а другіе главнымъ судьею въ царскомъ совѣтѣ. Codin. de offic. p. p. 192—193. Ducang. Glossar. Graecit. pp. 137—138.

никовъ,—и Сицилійцы откажутся, наконецъ, отъ своего предпріятія, такъ какъ у нихъ небудетъ уже никого, ктобы научилъ, какъ нужно дѣйствовать противъ Римлянъ. Всѣ эти люди, не смотря на то, что заключены въ оковы, или даже ослѣплены, не оставляютъ своихъ злыхъ умысловъ, и потому нѣтъ болѣе средства образумить ихъ. Остается только лишить ихъ жизни, и намъ надобно обратиться къ этому средству, какъ послѣднему, спасительному якорю, противъ злоумышленниковъ, которые до того помѣшаны и неистовы, что идутъ противъ рожна и, въ своемъ безуміи, не понимаютъ, что изощряютъ мечь противъ самихъ себя.» Такъ и подобнымъ образомъ—изъ многаго я привожу только не многое—говорилось въ этомъ беззаконномъ приговорѣ. Затѣмъ слѣдовалъ списокъ лицъ, которыхъ надобно было схватить и умертвить, обозначался и самый родъ смерти, какому каждый долженъ былъ подвергнуться. Для меня и другія дѣйствія этихъ людей кажутся удивительными и я считаю ихъ совершенно беззаконными; но настоящій приговоръ изумляетъ меня до крайности, и я не могу понять, съ какою цѣлію они постановили его, или почему, опредѣляя его, свое скверноубійство приписывали Богу, безстыдно называя вдохновеніемъ Божіимъ то, что внушилъ имъ исконный человѣкоубійца. Они могли сдѣлать и другое вступленіе и не говорить такъ безстыдно и безбоязненно, и не клеветать на Бога столь открыто, какъ будто ему пріятно убійство, когда онъ, въ началѣ создалъ человѣка для жизни и не сотворилъ смерти, когда къ Нему во-

піетъ кровь Авеля и онъ явно вѣщаетъ, что не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы онъ обратился и жилъ. Осудивши такимъ образомъ всѣхъ на погибель, судьи оставили собраніе, а Андроникъ, взявъ къ себѣ ихъ гнусный приговоръ, тщательно хранилъ его въ своемъ сундукѣ, съ какою цѣлію—незнаю, но думаю потому, что предвидѣлъ будущее и боялся той бѣды, которой впослѣдствіи подвергся. По крайней мѣрѣ, когда его схватили и собравшійся народъ потребовалъ отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ, онъ, въ оправданіе своихъ жестокостей, говорилъ, что наказанія, которымъ подверглись люди, оскорбившіе его до воцаренія и во время самаго царствованія, назначаемы были судьями и сенатомъ, а онъ былъ только исполнителемъ ихъ рѣшеній (потому что не напрасно носитъ мечь) и осуществлялъ на дѣлѣ ихъ приговоры. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приступилъ къ исполненію произнесеннаго приговора, отъ котораго отступился сынъ его, Севастократоръ Мануилъ, сказавъ, что онъ отнюдь не согласенъ на такое дѣло, которое совершается не по царскому опредѣленію, какъ признаются въ началѣ сами судьи. Да притомъ, говорилъ онъ, и ни въ какомъ случаѣ онъ не дозволитъ себѣ одобрить опредѣленіе, которое осуждаетъ на смерть почти всю римскую имперію и не только истребляетъ природныхъ Римлянъ, но не мало губитъ и иноплеменниковъ. Вѣдь это убійство продолжится въ безконечность, если изъ-за одного будутъ хватать и умерщвлять другаго, потому что и этотъ другой не безъ роднаго города и не отъ дуба родился, но имѣетъ

отца и мать, или, по крайней мѣрѣ, близкихъ родныхъ и друзей. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе царскаго приказанія, основаннаго на этомъ приговорѣ судей, всѣ, разосланные по разнымъ областямъ и заключенные, гдѣ бы то ни было, въ темницахъ, должны были собраться въ одно мѣсто, какъ овцы, обреченныя на закланіе. И, вѣрно, каждый подвергся бы опредѣленной смерти, если бы Богъ, говоря словами Пророка, не обратилъ своего меча на этого отступника, на этого коварнаго, скрывающагося въ водахъ, дракона, который, какъ показываетъ его изнѣженный образъ жизни, ничего другаго не желалъ, ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о сладострастной жизни.

9. Было и еще обстоятельство, которое расположило Андроника къ такой жестокости. Онъ видѣлъ, что всѣ дѣла его идутъ дурно, что Сицилійцы скоро наступятъ ему на голову и сдавятъ его, какъ стоглаваго Тифона, а граждане жаждутъ его смерти и погибель его считаютъ Божіимъ благодѣяніемъ и избавленіемъ отъ золъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что и Богъ оставилъ его за тѣ многоразличныя казни, которымъ онъ подвергъ вельможъ, хотя и утверждалъ, что принадлежитъ къ двору Христову, и былъ одинаковой природы съ тѣми, кого истреблялъ. Все это побудило его обратиться къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее, подобно тому какъ нѣкогда и Саулъ обратился наконецъ къ волшебницамъ, которыхъ прежде гналъ ради умилостивленія Бога. А такъ какъ искуство гадать и предсказывать будущее по внутренностямъ жертвен-

ныхъ животныхъ много лѣтъ уже назадъ пропало и совершенно уничтожилось, а равно и суевѣріе авгуровъ, точно также, какъ толкованіе сновъ и предзнаменованій, давно уже отлетѣло отъ римскихъ предѣловъ, и остались только обманщики, гадающіе по тазамъ и лаханямъ, да люди, которые, наблюдая за положеніемъ звѣздъ, столько же обманываютъ, сколько и обманываются; то Андроникъ, оставивъ на этотъ разъ астрологію, какъ вещь довольно обыкновенную, и которая не такъ ясно указываетъ на то, что будетъ, всецѣло предался тѣмъ, которые предсказываютъ будущее по мутной водѣ, какъ будтобы видятъ въ ней какіе то солнечные лучи, представляющіе образы будущихъ вещей. Впрочемъ самъ онъ отказался присутствовать при этихъ гаданіяхъ, опасаясь, какъ думаю, болтливой молвы, которая видитъ и то, что совершается втайнѣ, и всѣмъ о томъ разглашаетъ. Это грязное дѣло онъ поручилъ Агіохристофориту Стефану, о которомъ мы уже неразъ упоминали. Стефанъ обращается къ Сиоу, который съ молодыхъ лѣтъ занимался подобными дѣлами и за то, какъ мы уже сказали, былъ ослѣпленъ по повелѣнію царя Мануила. При его посредствѣ, онъ извѣстнымъ способомъ, о которомъ мнѣ непріятно ни знать, ни говорить и о которомъ любопытные могутъ узнать отъ другихъ, — предлагаетъ вопросъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника, или кто похититъ у него власть. Злой духъ отвѣчаетъ, или лучше, едва замѣтно, какъ на водѣ, и притомъ мутной, начертываетъ не цѣлое имя, а нѣсколько буквъ, по которымъ можно догадываться

объ имени Исаака, именно сначала показываетъ сигму въ видѣ полулуны, а потомъ присоединяетъ къ ней іоту, чтобы сдѣлать чрезъ то прорицаніе неяснымъ и только какъ бы очеркомъ будущаго. Или, лучше сказать, чего вполнѣ не зналъ этотъ ночной, крайне лукавый демонъ, то онъ затемнялъ неясностію, что бы не быть обличеннымъ во лжи. Оттого-то и Андроникъ, услышавъ объ этомъ, полагалъ, что тѣ буквы означаютъ Исавранина и утверждалъ, что это Исаакъ Комнинъ, который силою овладѣлъ Кипромъ и на котораго Андроникъ постоянно смотрѣлъ съ подозрѣніемъ, какъ на преемника своей власти. И дѣйствительно, изъ Исавріи прибылъ въ Кипръ этотъ злодѣй, какихъ еще не бывало, этотъ пагубный Телхинъ, это море, разливающееся несчастіями, эта лютая фурія, жестоко терзавшая счастливыхъ прежде обитателей острова. Не могу не выразить, хоть на словахъ, сострадапія къ тѣмъ, которые на самомъ дѣлѣ испытали это общественное зло. Подивившись предсказанію, Андроникъ сказалъ: «спроси не только о преемникѣ, но предложи вопросъ и о времени.» Когда сдѣланъ былъ вопросъ и о времени,—воздушный и любящій землю духъ, вызванный заклинаніями, которыхъ не слѣдуетъ приводить, съ шумомъ спустившись въ воду, отвѣчалъ, что то будетъ въ дни Воздвиженія Креста. А это происходило въ началѣ сентября. Услышавъ отвѣтъ и на второй вопросъ, Андроникъ съ непріятнымъ, ложнымъ и явно сардоническимъ смѣхомъ сказалъ: «пустой это оракулъ; какъ возможно, чтобы Исаакъ успѣлъ приплыть изъ Кипра

въ эти немногіе дни и низложить меня съ престола?» и на слова предсказанія не обратилъ никакого вниманія. Даже и тогда, какъ Іоаннъ Тиранинъ ([1]), возведенный Андроникомъ въ званіе Вило-судіи, и потому ревностный исполнитель его желаній, сказалъ, что изъ предосторожности слѣдуетъ задержать и умертвить Исаака Ангела, потому что, можетъ быть, пророчество относится къ нему, тогда какъ они, пренебрегая тѣмъ, что у нихъ на глазахъ, мечтаютъ о томъ, что находится вдали,—даже и тогда Андроникъ не согласился признать это предсказаніе. Напротивъ, онъ даже смѣялся надъ Тираниномъ за то, что онъ могъ подозрѣвать что-нибудь подобное за Исаакомъ Ангеломъ, выражалъ къ Исааку пренебреженіе, какъ къ человѣку изнѣженному, и говорилъ, что онъ не способенъ ни къ какому важному дѣлу. Роковой часъ его приближался и Божество явно было мудрѣе его.

10. Впрочемъ Стефанъ Агіохристофоритъ, какъ человѣкъ предпріимчивый, заботившійся *о* благосостояніи своего государя и царя, рѣшился схватить Исаака Ангела и сначала заключить его въ темницу, а потомъ предать и смерти, какую опредѣлитъ Андроникъ. Прибывъ въ домъ Исаака, находящійся близъ Перивлептова монастыря, вечеромъ 11-го сентября 6784 года и войдя въ переднюю, онъ приказывалъ Исааку выйдти и слѣдовать за собою, куда онъ поведетъ его. Когда же тотъ, какъ

([1]) Такъ называется этотъ Іоаннъ, по происхожденію изъ Тираса-города при рѣкѣ Днѣстрѣ.

и естественно, сталъ медлить, потому что, по одному уже его появленію, могъ заключить о крайней бѣдѣ; то Агіохристофоритъ употребилъ силу и сталъ бранить своихъ слугъ за то, что они при первомъ же замедленіи не хватаютъ его за волосы, не берутъ за бороду, не выводятъ съ безчестіемъ изъ дома и съ толчками и ударами не ведутъ въ тюрьму, какую онъ укажетъ. Слуги приступили къ исполненію приказанія. Исаакъ видѣлъ, что ему невозможно уйдти и избѣжать сѣти, которую разставилъ напавшій на него рыбакъ и въ которую онъ уже попалъ; тѣмъ не менѣе однакожъ не потерялъ присутствія духа и не оробѣлъ, но рѣшился сразиться на смерть, въ надеждѣ какъ нибудь избѣжать смерти. Или, лучше сказать, не имѣя возможности свободно бить копытами землю, подобно откормленному Гомерову коню, и вольно носиться по полямъ, потому что сѣть была уже протянута и не трудно было поймать его, онъ поступаетъ подобно боевому коню, который при звукѣ военной трубы, натянувъ уши, тряхнувъ гривою и заржавъ, бросается впередъ на мечи, презирая смерть и не смотря ни на какія опасности. Въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ, — а онъ былъ съ непокрытой головою, въ двуцвѣтной туникѣ, нисходящей до поясницы и потомъ раздѣленной надвое,—вскочивъ на коня и обнаживъ мечь, онъ бросается на Агіохристофорита и направляетъ мечь на его голову. Тотъ, устрашенный нападеніемъ Исаака, который явно стремился на убійство,—повернулъ лошака, на которомъ сидѣлъ, сталъ часто его пришпоривать и думалъ только

о томъ, какъ бы уйдти. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ, Исаакъ поражаетъ несчастнаго въ голову и наноситъ смертельный ударъ. Разсѣкши его на двое, онъ, какъ скотину, дрожащую и плавающую въ своей крови, оставляетъ его на съѣденіе псамъ, а самъ бросается на его слугъ и послѣ того, какъ одного изъ нихъ обратилъ въ бѣгство однимъ лишь поднятіемъ меча, другому отрубилъ ухо, а остальныхъ разогналъ иначе, такъ что всѣ они разбѣжались по своимъ домамъ,—во весь опоръ скачетъ къ Великой церкви. Проѣзжая большою дорогою и чрезъ площадь, онъ громкимъ голосомъ объявлялъ всѣмъ, что этимъ мечемъ, который держалъ еще обнаженнымъ въ рукѣ, онъ убилъ Стефана Агіохристофорита. Въ такомъ видѣ онъ вошелъ во святый храмъ и сталъ на амвонѣ, съ котораго убійцы открыто исповѣдуютъ свой грѣхъ, испрашивая себѣ прощенія у входящихъ и исходящихъ изъ божественнаго храма. Между тѣмъ городская чернь, частію видѣвшая, какъ Исаакъ скакалъ на лошади, частію узнавшая объ этомъ по слуху отъ другихъ, тотчасъ же стала тысячами стекаться къ Великой Церкви, какъ для того, чтобы увидѣть Исаака, такъ и для того, чтобы посмотрѣть, что съ нимъ будетъ. Ибо всѣ думали, что еще до заката солнечнаго онъ будетъ схваченъ Андроникомъ и подвергнется самому тяжкому наказанію, что для мученія его будетъ придумана новаго рода казнь этимъ негодяемъ, изобрѣтательнымъ на такія вещи. Вмѣстѣ съ другими приходитъ сюда и дядя Исаака по отцу, Іоаннъ Дука, съ своимъ сыномъ

Исаакомъ, и оба поддерживаютъ его возстаніе, не потому, чтобы они были участниками въ убіеніи Агіохристофорита и сообщниками въ пролитіи его крови, но потому, что знали, какое послѣдуетъ наказаніе за нарушеніе обѣщанія, которое они по неволѣ дали другъ за друга Андронику, поклявшись ему въ вѣрности. Впрочемъ всѣ они, какъ люди, которымъ грозитъ скорый арестъ и у которыхъ смерть предъ глазами, были въ большомъ страхѣ, такъ что явно скрежетали зубами. Обращаясь къ пестрой толпѣ, которая собралась въ церковь и постоянно увеличивалась, они убѣдительно умоляли ее остаться съ ними и по возможности помочь имъ въ ихъ крайней опасности. И были люди, которые дѣйствительно склонялись на ихъ просьбу и жалѣли о настоящей ихъ участи. А такъ какъ со стороны императора тутъ не было никого, кто бы изъявилъ негодованіе на это событіе, — не было ни людей, знаменитыхъ родомъ, ни друзей Андроника, ни вооруженныхъ сѣкирами варваровъ, ни облеченныхъ въ шарлаховаго цвѣта одежду ликторовъ, — рѣшительно никого, кто бы остановилъ народъ, то собравшіеся становились смѣлѣе и смѣлѣе, стали говорить языкомъ свободнымъ и необузданнымъ и обѣщались оказать всякую помощь. Такъ провелъ Исаакъ всю эту ночь; не о царствѣ думалъ онъ, а молилъ о спасеніи. Онъ зналъ, что Андроникъ заколетъ его, какъ вола, или даже, подобно циклопу, пожретъ его плоть, еще дымящуюся горячею кровью. По его усердной просьбѣ нѣкоторые изъ собравшихся заперли двери храма и, зажегши свѣтильники,

своимъ примѣромъ расположили многихъ не расходиться по домамъ. Съ разсвѣтомъ дня, собрались всѣ жители города и всѣ молили Бога, чтобъ Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ, арестованъ и подвергся тому же, чему подвергалъ другихъ, злоумышляя на жизнь почти всѣхъ.

11. Въ это время, по устроенію, какъ надобно думать, Божію, Андроника не было въ городѣ: онъ жилъ въ Милудійскомъ дворцѣ на восточной сторонѣ Пропонтиды. Услышавъ въ первую стражу ночи о убіеніи Агіохристофорита, онъ ночью не оставилъ своего мѣстопребыванія и ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только написалъ къ жителямъ города небольшую грамоту, въ которой убѣждалъ ихъ прекратить мятежъ и которая начиналась такимъ образомъ: «что сдѣлано, то сдѣлано; казни не будетъ.» Съ наступленіемъ утра и приверженцы Андроника пытались укротить волненіе народное, и самъ Андроникъ на императорской тріирѣ пріѣзжаетъ въ большой дворецъ. Но народъ не переставалъ собираться; самая вѣсть о прибытіи Андроника во дворецъ не остановила движенія. Да и всѣ другія убѣжденія прекратить это волненіе оставались безуспѣшными. Многіе чуть было даже не подверглись смерти единственно за то, что выразили свое неодобреніе и назвали это дѣло нехорошимъ. Всѣ, какъ бы по одному условному знаку, огромными толпами, съ одушевленіемъ и съ явнымъ изступленіемъ бѣжали къ огромному храму Слова Божія, подстрекая другъ друга и издѣваясь надъ тѣми,

кто не высказывалъ такой же ревности и не вооружился какимъ нибудь оружіемъ, но стоялъ въ бездѣйствіи и смотрѣлъ, что дѣлаютъ другіе. А люди знакомые съ словесными науками, называли ихъ даже гнилыми членами, не сочувствующими всему остальному тѣлу государства. Затѣмъ разломаны были замки и запоры государственныхъ темницъ и открытъ свободный выходъ заключеннымъ, между которыми не все были преступники, но и люди знаменитые родомъ, томившіеся въ тюрьмѣ за какой нибудь ничтожный проступокъ, или неосторожное слово или даже за преступленіе друга противъ Андроника. Отъ этого стеченіе народа еще болѣе увеличилось, и тѣ, которые прежде втайнѣ роптали на Андроника, но колебались принять участіе въ дѣлѣ, такъ какъ оно соединено было съ опасностію,— теперь открыто пристали къ мятежу. Тутъ можно было видѣть людей и съ мечами, и со щитами, и въ латахъ; но у большей части руки были вооружены кольями и обрубками дерева, взятыми изъ мастерскихъ. И вотъ эта-то огромнѣйшая толпа съ неистовствомъ сбѣжавшагося народа провозглашаетъ Исаака самодержавнымъ римскимъ императоромъ, когда одинъ изъ служителей храма снялъ, при пособіи лѣстницы, вѣнецъ Константина Великаго, висѣвшій надъ таинственной трапезой и возложилъ его на главу Исаака. Исаакъ—я не хочу умолчать и не передать потомкамъ и этого—Исаакъ не соглашался на это вѣнчаніе не потому, чтобы онъ не любилъ власти, но потому, что считалъ это дѣло труднымъ и едва ли достижимымъ. Ему казалось,

что все это совершается надъ нимъ во снѣ, а не на яву, да къ тому же онъ боялся гнѣва Андроника и не хотѣлъ еще болѣе раздражать его. Между тѣмъ стоявшій близъ него Дука, о которомъ мы выше упомянули, снявъ съ головы шляпу, просилъ, чтобы на него возложили діадиму, при чемъ указывалъ на свой безволосый черепъ и на плѣшь, которая у него сіяла, какъ полная луна. Но чернь не соглашалась и говорила, что она не хочетъ, чтобы опять ею управлялъ и надъ нею царствовалъ старикъ, что она много потерпѣла золъ отъ сѣдовласаго Андроника, и, вслѣдствіе того, она ненавидитъ и гнушается всякаго близкаго къ смерти старика, и особенно, если у него длинная борода, раздѣляющаяся на двѣ половины и оканчивающаяся остріемъ. Когда такимъ образомъ Исаакъ провозглашенъ былъ царемъ, — случилось и еще одно обстоятельство, о которомъ стоитъ упомянуть. При переправѣ златосбруйныхъ царскихъ лошадей съ той стороны пролива, одна изъ нихъ, вскочивъ на дыбы, вырвалась изъ рукъ конюха и бѣгала по большимъ дорогамъ. Ее поймали и привели къ Исааку. Исаакъ садится на нее и такимъ образомъ выѣзжаетъ изъ Великой Церкви, имѣя въ своей свитѣ даже и патріарха Василія Каматира, потому что народъ принудилъ и его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и своимъ согласіемъ одобрить его. Что же касается Андроника,—онъ, по прибытіи въ большой дворецъ, услышавъ неясные крики, а спустя не много и увидѣвъ все, что происходило, рѣшился вступить въ бой съ народомъ и сталъ собирать

и приготовлять къ сраженію бывшихъ при немъ людей. И такъ какъ не многіе изъ нихъ оказались готовыми раздѣлять его мысли и желанія, то онъ и самъ принялъ участіе въ сраженіи, взялъ въ руки лукъ и сквозь щели огромной башни, которая называется Кентинаріемъ, бросалъ въ наступающихъ стрѣлы. Видя однакожъ, что его усилія напрасны, онъ рѣшается вступить въ переговоры съ народомъ и объявляетъ, что отказывается отъ царства и передаетъ его сыну своему Мануилу, надѣясь чрезъ то утишить волненіе и отдалить близкую и крайнюю опасность. Но народъ отъ этихъ словъ еще болѣе ожесточился и сталъ осыпать какъ его, такъ и того, кого онъ предложилъ въ наслѣдники царства, самыми гнусными всякаго рода ругательствами. Когда же чернь разломала ворота, называемыя Карейскими, и ворвалась во дворецъ, — Андроникъ обращается въ бѣгство. Снявъ съ ногъ пурпуровые сапоги и, какъ сумасшедшій, сбросивъ съ шеи крестъ, эту давнюю свою охрану, онъ надѣваетъ на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь остріемъ, похожа на пирамиду, и снова вступаетъ на царскую тріиру, на которой пріѣхалъ въ большой дворецъ изъ дворца Милудійскаго. Возвратясь опять тудаже и взявъ съ собой двухъ женщинъ, Анну, бывшую въ бракѣ съ царемъ Алексѣемъ, а по смерти его, какъ уже сказано, вышедшую за мужъ за Андроника, и любовницу Мараптику, которая не дурно играла на флейтѣ и которую онъ страстно и до безумія любилъ, какъ не любилъ и Димитрій Поліоркетъ Ламію, взятую въ плѣнъ, послѣ побѣды

надъПтоломеемъ,на островѣКипрѣ,-Андроникъ поспѣшно отправился въ предположенный путь. Предположилъ же онъ бѣжать къТавроскиоамъ, потому что всѣ римскія области, равно какъ и владѣнія другихъ народовъ, считалъ для себя не безопасными.

12. Такимъ-то образомъ Андроникъ низложенъ былъ съ римскаго престола, а Исаакъ вступилъ во дворецъ и, будучи снова провозглашенъ отъ собравшагося народа римскимъ царемъ—самодержцемъ, отправилъ вслѣдъ за Андроникомъ погоню. Такъ какъ дворецъ былъ открытъ, и никто не мѣшалъ и не препятствовалъ множеству собравшагося народа, то народъ расхитилъ не только всѣ сокровища, какія хранились въхрисіоплисіяхъ, — а тутъ было, кромѣ слитковъ, двѣнадцать кентинаріевъ золотой, тридцать серебряной и двѣсти мѣдной монеты, — но и все вообще, что легко могъ унесть на рукахъ одинъ человѣкъ, или даже нѣсколько соединившихся людей. Равнымъ образомъ и изъ оружейныхъ палатъ похищено было множество оружія. Грабежъ простерся даже и на храмы, находившіеся въ царскомъ дворцѣ; и здѣсь сорваны были украшенія со святыхъ иконъ и даже украденъ тотъ священнѣйшій сосудъ, въ которомъ, какъ говоритъ давнишняя молва, дошедшая и до насъ, хранилось письмо Господа, собственноручно написанное Имъ къ Авгарю. Между тѣмъ Исаакъ, проживъ довольно дней въ большомъ дворцѣ, переѣзжаетъ во дворецъ Влахернскій и здѣсь получаетъ извѣстіе о взятіи Андроника. Взятъ же былъ Андроникъ такимъ образомъ. На пути, во время своего бѣгства, онъ

пріѣзжаетъ въ Хилу, въ сопровожденіи немногихъ слугъ, бывшихъ при немъ еще до воцаренія, и съ двумя, взятыми имъ, женщинами. Жители того мѣста, видя, что на немъ нѣтъ никакихъ царскихъ украшеній, но что онъ, какъ бѣглецъ, спѣшитъ переправиться къ Таврескиоамъ и что его никто не преслѣдуетъ, и не осмѣлились и отнюдь не сочли справедливымъ задержать его. Хотя онъ былъ уже и беззащитный звѣрь, тѣмъ не менѣе они испугались его и при одномъ видѣ его дрожали. Они приготовили корабль, на который и сѣлъ Андроникъ съ своими спутниками. Но, кажется, и море негодовало на Андроника за то, что онъ много разъ оскверняль лоно его трупами невинныхъ: оно поднималось высокими волнами, разступалось безднами, силясь поглотить его, и нѣсколько разъ выбрасывало корабль на берегъ. Это помѣшало бѣдному Андронику переправиться до прибытія погони. Его схватили, связали и вмѣстѣ съ женщинами бросили въ лодку. Но и теперь Андроникъ былъ тотъ же умный и находчивый Андроникъ. Видя, что ноги не помогутъ, что руки ни къ чему не служатъ и что нѣтъ у него меча, съ которымъ можно было бы сдѣлать что нибудь славное и разогнать схватившихъ его, онъ искусно измѣняетъ голосъ и разыгрываетъ трагедію. Употребивъ въ дѣло старинныя сильныя убѣжденія и искусно, какъ вождь музъ, пробѣгая по струнамъ сладкозвучнаго органа, онъ начинаетъ печальную и трогательную пѣсню и, разливаясь соловьемъ, разсказываетъ, какого онъ высокаго рода, на сколько зна-

менитѣе многихъ по своему происхожденію, какъ счастлива его бывшая судьба, какъ отнюдь небѣдственна его прежняя жизнь, хотя онъ былъ въ бѣгствѣ и ссылкѣ, и какъ жалко несчастіе, которому онъ подвергся теперь. На его пѣніе отвѣчали еще болѣе трогательнымъ пѣніемъ бывшія съ нимъ умныя женщины, такъ что онъ начиналъ печальную пѣсню, а онѣ его поддерживали и ему подпѣвали. Но напрасны были всѣ эти затѣи, тщетны всѣ эти выдумки изобрѣтательнаго и изворотливаго Андроника. Нечестивыя дѣла его, словно воскъ, затыкали уши схватившихъ его людей: никто нисколько не сжалился надъ нимъ и не слушалъ того, что̀ онъ, подобно сиренамъ, такъ сладко, или, точнѣе сказать, такъ коварно напѣвалъ. Богъ явилъ свой гнѣвъ, и не нашлось у Андроника средства ко спасенію. Его заключили въ тюрьму, называемую Анема, наложили на его гордую шею двѣ тяжелыя цѣпи, на которыхъ держатъ, въ желѣзныхъ ошейникахъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ львовъ, и заковали ноги его въ кандалы. Когда въ такомъ видѣ его привели и представили царю Исааку,-его осыпаютъ ругательствами, бьютъ по щекамъ, толкаютъ пинками, ему щиплютъ бороду, вырываютъ зубы, рвутъ на головѣ волосы. За тѣмъ отдаютъ его на общее всѣмъ поруганіе, при чемъ надъ нимъ издѣваются и бьютъ его кулаками по лицу даже женщины, и особенно тѣ, чьихъ мужей онъ умертвилъ или ослѣпилъ. Наконецъ, ему отрубили сѣкирою правую руку и снова бросили его въ туже тюрьму, гдѣ онъ оставался безъ пищи и

безъ питья, и ни отъ кого не видѣлъ ни малѣйшаго попеченія. А спустя нѣсколько дней ему выкалываютъ лѣвый глазъ, сажаютъ на паршиваго верблюда и съ торжествомъ ведутъ по площади. Нагая, какъ у стараго дерева, и гладкая, какъ яйцо, голова его была не покрыта, а тѣло прикрыто короткимъ рубищемъ. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее ручьи слезъ изъ кроткихъ глазъ. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкою сапоговъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище, какъ слетаются весною мухи къ подойнику и къ сальнымъ сосудамъ, нисколько не подумали о томъ, что это человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царскою діадимою, что его всѣ прославляли какъ спасителя, привѣтствовали благожеланіями и поклонами, и что они дали страшную клятву на вѣрность и преданность ему. Съ безсмысленнымъ гнѣвомъ и въ безотчетномъ увлеченіи они злодѣйски напали на Андроника и не было зла, котораго бы не сдѣлали ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ ему на лицо. Нѣкоторые поносили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами въ бока, а люди, еще болѣе наглые, бросали въ него камни и называли его бѣшеной собакой. А одна распутная и развратная женщина, схвативъ изъ кухни

горшокъ съ горячею водой, вылила ему на лицо. Словомъ не было никого, ктобы не злодѣйствовалъ надъ Андроникомъ. И послѣ того, какъ съ такимъ безчестіемъ въ смѣшномъ тріумфѣ привели его на театръ, его стащили съ жалкаго верблюда, на котораго посадили ради посмѣянія, и, привязавъ веревку, повѣсили за ноги между двухъ столбовъ, которые соединяются вверху камнемъ и стоятъ подлѣ мѣдныхъ статуй, изображающихъ разъяренную волчицу и гіену съ наклоненными другъ къ другу шеями, какъ будто онѣ хотятъ одна на другую броситься. Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій, о которыхъ мы не упомянули, Андроникъ все еще имѣлъ довольно силы мужественно и съ полнымъ сознаніемъ переносить и новыя страданія. Обращаясь къ нападавшей на него толпѣ, онъ ничего другаго не говорилъ, какъ только: «Господи помилуй» и — »для чего вы еще ломаете сокрушенную трость.»? Между тѣмъ безсмысленнѣйшая чернь и послѣ того, какъ его повѣсили за ноги, не оставила страдальца въ покоѣ и не пощадила его тѣла, но, разорвавъ рубашку, терзала его дѣтородные члены. Одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечь въ горло до самыхъ внутренностей. А нѣкоторые изъ Латинянъ со всего размаха всадили ему и въ заднія части ятаганъ и, ставъ около него, наносили ему удары мечами, пробуя, чей мечь острѣе и хвастая искуствомъ удара. Наконецъ послѣ такого множества мученій и страданій, онъ съ трудомъ испустилъ духъ, при чемъ болѣзненно

протянулъ правую руку и провелъ ею по устамъ, такъ что многіе подумали, что онъ сосетъ каплющую изъ ней еще горячую кровь, такъ какъ рука недавно была отрублена.

13. Царствовалъ Андроникъ два года, а одинъ годъ управлялъ дѣлами безъ порфиры и царской діадимы. При прекрасномъ тѣлосложеніи, онъ имѣлъ завидную наружность. Станъ у него былъ прямой, ростъ величественный, лице, даже и въ глубокой старости, моложавое. Онъ былъ необыкновенно здоровый человѣкъ, потому что чуждался изысканныхъ лакомствъ, не былъ ни обжора, ни пьяница, но, подобно Гомеровымъ героямъ, любилъ ѣсть только жареное на огнѣ, отъ чего никто не видѣлъ, чтобы у него была отрыжка. Если же иногда и случалось ему обременить желудокъ, то и это непродолжительное разстройство онъ устранялъ цѣлодневнымъ трудомъ и постомъ, такъ что только въ концѣ дня подкрѣплялъ свое тѣло кускомъ хлѣба и чашею разведеннаго вина. Лекарствъ онъ не употреблялъ никогда, исключая одного случая, бывшаго во время царствованія; да и тогда принялъ лекарство неохотно, вслѣдствіе убѣжденія врачей, что ему нужно принять его, если не по приключившейся болѣзни, то какъ средство предохранительное. Выпитое имъ слабительное подѣйствовало не скоро, и лишь около заката солнечнаго онъ извергъ нѣсколько излишнихъ мокротъ, накопившихся въ его жилахъ. Когда друзья сказали ему, по этому случаю, что, по общему мнѣнію, къ нему относится это древнее предсказаніе: «серпокосецъ, тебя ждутъ четыре

мѣсяца», онъ съ улыбкою отвѣчалъ, что они явно ошибаются, потому что онъ въ состояніи бороться цѣлый годъ со всякаго рода болѣзнію. Онъ надѣялся на крѣпость своего тѣлосложенія и мечталъ, какъ видно, что его смерть будетъ тихая и кончина мирная, а мысль о смерти насильственной онъ или охотно отклонялъ отъ себя, или она никогда не приходила ему въ голову. Впрочемъ есть слухъ, который дошелъ и до насъ, что однажды, во время конской скачки, Андроникъ протянулъ руку и, указавъ пальцемъ своему двоюродному брату, царю Мануилу, на столпы, между которыми былъ повѣшенъ, сказалъ, что тутъ когда нибудь будетъ висѣть римскій императоръ послѣ тяжкихъ мученій, которымъ подвергнется со стороны городскихъ жителей, — и что Мануилъ на эти слова Андроника отвѣчалъ, что, по крайней мѣрѣ, съ нимъ этого не случится. И такая-то именно кончина постигла Андроника. Внезапно обратился онъ въ запустѣніе и сталъ какъ бы сномъ возстающаго и въ городѣ уничижили образъ его (Пс. 72, 19. 20), — будетъ ли кто разумѣть здѣсь его лицо, или—его изображенія на стѣнахъ и доскахъ, потому что и ихъ чернь уничтожила, разбросала по землѣ и сокрушила, какъ нѣкогда Моисей сокрушилъ тельца, вылитаго Евреями въ опьяненіи. Спустя нѣсколько дней, тѣло Андроника сняли съ жалкой высоты, на которой оно висѣло, и, какъ падаль, бросили въ одномъ изъ сводовъ на ипподромѣ. Наконецъ нашлись люди съ нѣкоторою жалостію и невсегда враждующіе: они взяли оттуда трупъ Андроника и положили его въ

одномъ низменномъ мѣстѣ подлѣ Ефорова монастыря, построеннаго въ Зевксиппѣ. Здѣсь и доселѣ желающіе могутъ видѣть его;—составъ его еще не совсѣмъ разложился. Исаакъ, считавшій себя во всемъ безукоризненнымъ и справедливымъ, не соизволилъ, чтобы Андроникъ преданъ былъ погребенію, или чтобы тѣло его перенесено было въ храмъ сорока мучениковъ, который Андроникъ возобновилъ съ такимъ великолѣпіемъ, блистательно украсивъ и снабдивъ богатыми приношеніями, и въ которомъ предполагалъ положить свое бренное тѣло.

До смерти любилъ онъ посланія божественнаго проповѣдника — Павла, часто наслаждался источаемою ими сладостію и въ свои прекрасныя письма любилъ вставлять ихъ неотразимо убѣдительныя изреченія. Икону этого духовнаго Витіи Тарсійскаго — произведеніе древней руки — онъ украсилъ золотомъ и поставилъ въ названномъ нами храмѣ. Когда приблизилось время смерти Андроника, эта икона источала изъ глазъ слезы. Услышавъ объ этомъ, Андроникъ послалъ съ точностію узнать о томъ. Вмѣстѣ съ другими былъ назначенъ для этого и Стефанъ Агіохристофоритъ. Поднявшись по лѣстницѣ—такъ какъ икона стояла вверху — онъ отеръ чистымъ платкомъ глаза Павла; но изъ нихъ, подобно очищеннымъ источникамъ, еще болѣе полились слезы. Подивившись этому, видѣнному имъ, событію, онъ пошелъ и разсказалъ Андронику. Андроникъ сильно опечалился, покачалъ головою и, глубоко вздохнувъ, сказалъ, что, вѣроятно, о немъ плачетъ Павелъ и

что это предвѣщаетъ ему тяжкую бѣду, такъ какъ онъ сердечно любитъ Павла и высоко цѣнитъ его изреченія, и, конечно, взаимно любимъ Павломъ.

Кратко сказать, если бы Андроникъ нѣсколько сдерживалъ свою жестокость и не тотчасъ прибѣгалъ къ раскаленному желѣзу и мечу, если бы не оскверналъ постоянно свою царскую одежду каплями крови и не былъ неумолимъ въ казняхъ,—чѣмъ онъ заразился у народовъ, среди которыхъ жилъ во время своего долгаго скитальчества,—онъ былъ бы не послѣдній между царями изъ рода Комниныхъ, чтобы не сказать — не уступилъ бы имъ и сравнялся бы съ ними. И отъ него можно было получить величайшія человѣческія блага, потому что онъ не со всѣмъ пересталъ быть человѣкомъ, но, подобно вымышленнымъ созданіямъ съ двумя природами, будучи отчасти звѣремъ, украшенъ былъ лицемъ человѣческимъ.

О смерти Андроника и въ книгахъ встрѣчаются и народомъ распѣваются, кромѣ другихъ пророческихъ, ямбическихъ стиховъ, еще и эти: «внезапно поднимется съ мѣста, богатаго напитками, мужъ багровый, гордый нравомъ, ужасный, сѣдой, измѣняющійся подобно хамелеону и, вторгшись, будетъ жать людей, какъ солому. Но наконецъ и самъ пожатъ будетъ временемъ и, бѣднякъ, жестоко заплатитъ за все, сдѣланное имъ въ жизни, зло. Кто носитъ мечь, тотъ не избѣжитъ меча.» Подъ именемъ мѣста, богатаго напитками, разумѣется Эней,(¹) какъ видно изъ самаго

(¹) Греческое названіе Энея—Οἴναιον происходитъ отъ слова; οἶνος—вино и всякій хмѣльной напитокъ.

названія этой мѣстности, откуда, какъ уже сказано мною, Андроникъ прибылъ въ Константинополь.

Конецъ перваго тома.

ВИЗАНТІЙСКІЕ

ИСТОРИКИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

при

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1862.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Декабря 8-го дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій.*

НИКИТЫ ХОНІАТА

ИСТОРІЯ

СО ВРЕМЕНИ

ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА КОМНИНА.

ТОМЪ 2.

(1186 — 1206).

ПЕРЕВОДЪ

редакціи Профессора Н. В. Чельцова.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА

ИСТОРІИ НИКИТЫ ХОНІАТА.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА.

Книга первая. *Глава* 1. Благопріятное начало царствованія Исаака Ангела; война съ сицилійцами; ослѣпленіе сыновей Андроника; безпечность сицилійскаго войска (стр. 1—5).—2. Врана, полководецъ Исаака, наноситъ сицилійцамъ пораженіе; сицилійскіе полководцы взяты въ плѣнъ; все сухопутное войско сицилійцевъ разсѣяно; ослѣпленіе Алексѣя Комнина, виновника войны (5—10).—3. Бѣдствія сицилійскаго флота; Исаакъ не обращаетъ вниманія на посланіе сицилійскаго короля, заключаетъ сицилійскихъ полководцевъ въ темницу и призываетъ ихъ къ себѣ на судъ (10—16).—4. Милостивыя обѣщанія Исаака, не оправдавшіяся на дѣлѣ; набѣгъ Кличъ-Асѳлана на Ѳракисію; второй бракъ и скупость Исаака; возстаніе мизійцевъ или валаховъ (16—19).—5. Неудачная экспедиція противъ Исаака Комнина кипрскаго; Исаакъ кипрскій казнитъ Василія Рентакина; бѣсноватые возбуждаютъ валаховъ къ возстанію и Исаакъ Ангелъ своимъ нерадѣніемъ упрочиваетъ успѣхъ возстанія (20—24).—6. Неудачное продолженіе римскими полководцами войны противъ валаховъ; слѣпая горячность Іоанна Кантакузина; возстаніе Алексѣя Враны; Врана осаждаетъ Константинополь, старается соблазнить къ измѣнѣ царскія войска, вступаетъ съ ними въ бой, привлекаетъ

къ себѣ пропонтидцевъ и посылаетъ ихъ противъ царскихъ тріиръ (25—33).—7. Кесарь Конрадъ, маркизъ монферратскій, старается поддержать бодрость въ Исаакѣ и внушаетъ ему отражать врага не только молитвами, но и оружіемъ; рѣчь Исаака къ войску (33—39). — 8. Битва между царскими и мятежными войсками; Врана убитъ Конрадомъ; смерть астролога Константина Стиѳата (40—43).—9. Исаакъ издѣвается надъ головою убитаго Враны и надъ его супругою, прощаетъ мятежниковъ и осмѣянъ ими (43—47).—10. Грабежъ и сожженіе предмѣстій константинопольскихъ; неудачная попытка константинопольскихъ ремесленниковъ разграбить дома латинянъ; хитрая выдумка латинянъ (47—51).

Книга вторая. *Глава* 1. Походъ Исаака Ангела противъ валаховъ; смерть кесаря Конрада въ Палестинѣ и шайка хасисійцевъ; пораженіе римлянъ валахами и окончаніе похода (стр. 51—58).—2. Возстаніе Ѳеодора Манкафы; выдача Манкафы султаномъ и заключеніе его Исаакомъ Ангеломъ въ темницу (58—61).—3. Походъ Фридерика, аллеманскаго короля, въ Палестину; враждебныя недоразумѣнія между Фридерикомъ и Исаакомъ; согласіе въ вѣрѣ армянъ и аллемановъ (61—65).—4. Частыя смѣны патріарховъ и неблагоразумное вмѣшательство Исаака въ ихъ избраніе (65—70).—5. Напрасныя усилія протостратора Мануила Камица вредить аллеманамъ; пораженіе римлянъ аллеманами; непостоянство и гордость Исаака въ отношеніяхъ съ аллеманами; осмѣяніе Фридерикомъ римскихъ пословъ (70—74).—6. Переправа Фридерика на востокъ при содѣйствіи Исаака; побѣды Фридерика надъ турками (74—78).—7. Побѣда Фридерика надъ турками подъ Иконіею; геройская храбрость одного аллеманина (78—81).—8. Смерть Фридерика и панегирикъ ему; смерть его сына въ Палестинѣ и возвращеніе аллемановъ на родину моремъ; походъ въ

Палестину королей французскаго и англійскаго; завоеваніе англійскимъ королемъ острова Кипра (81—85).

Книга третья. *Глава* 1. Дѣти Исаака отъ перваго брака; мечты Исаака о долговременности своего царствованія; мятежъ самозванца Лже-Алексѣя константинопольскаго; смерть Лже-Алексѣя (стр. 85 – 90). — 2. Мятежи втораго самозванца, Лже-Алексѣя пафлагонскаго. и Василія Хотзы; смерть ихъ; казнь другихъ мятежниковъ и нѣсколькихъ знатныхъ особъ (90 – 99). – 3. Походъ Исаака противъ валаховъ, которые наносятъ ему страшное пораженіе; Анноновское хвастовство его мнимою побѣдою; несбыточныя грезы Исаака (99—106).—4. Набѣги валаховъ и скиѳовъ; побѣда Исаака надъ сербскимъ жупаномъ; успѣхи Константина Ангела въ борьбѣ съ валахами, его мятежъ и ослѣпленіе къ великому удовольствію валаховъ; насмѣшки валаховъ надъ династіею Ангеловъ и новые успѣхи (106—112). – 5. Нерадѣніе Исаака въ управленіи; могущество и смерть Ѳеодора Кастамонита; мальчики — временщики управляютъ дѣлами государства (112—117). – 6. Роскошь и безпорядочность жизни Исаака; постройки его (117—122). — 7. Его святотатство; чеканка имъ фальшивой монеты; его пороки и добродѣтели (122—127). — 8. Приготовленіе его къ походу противъ валаховъ; недовѣріе къ извѣстіямъ о злыхъ умыслахъ брата; посѣщеніе имъ Васильюшки; лишеніе престола и зрѣнія (127—137).

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА,

БРАТА ИСААКА АНГЕЛА.

Книга первая. *Глава* 1. Сочувствіе римлянъ къ несчастію, постигшему Исаака; расточительность новаго императора безъ всякаго вниманія къ потребностямъ госу-

дарства; подавленіе его супругою Евфросиніею мятежа, поднятаго Алексѣемъ Контостефаномъ (стр. 137—142).—2. Раболѣпство константинопольцевъ предъ императрицею; вступленіе Алексѣя въ Византію, помазаніе на царство и несчастныя предзнаменованія его царствованія (142—146).—3. Алексѣй, оставивъ собственную фамилію Ангела, принимаетъ фамилію Комнина и предается праздности и нѣгѣ; умъ, характеръ, роскошь, гордость и предосудительное поведеніе императрицы Евфросиніи; мятежъ и смерть Лже-Алексѣя киликійскаго; происки и смерть Исаака Комнина кипрскаго (147—155).—4. Отверженіе валахами мирныхъ условій, предложенныхъ Алексѣемъ; рѣчь Асана къ валахамъ; взятіе Асаномъ въ плѣнъ севастократора Исаака (155—160).—5. Предреченіе Асану смерти однимъ священникомъ и убіеніе Асана Иванкою (160—164).—6. Иванко проситъ помощи римлянъ, но они не въ состояніи оказать ея; тѣснимый Петромъ, который дѣлаетъ своимъ соправителемъ Іоанна и вскорѣ за тѣмъ умираетъ, онъ отдается подъ покровительство Алексѣя и оказываетъ ему услуги (164—168).—7. Анкирскій сатрапъ завоевываетъ городъ Дадивру; посольство къ римлянамъ короля Генриха, сына Фридерикова, и отвѣтъ Алексѣя на требованія Генриха (168—173).—8. Согласіе Алексѣя купить миръ съ Генрихомъ; тщеславіе его, осмѣянное аллеманами; требованіе аллеманскими послами огромной ежегодной дани; неудачная выдумка Алексѣемъ аллеманской подати; Алексѣй грабитъ царскія гробницы (173—177).

Книга вторая. *Глава* 1. Смерть Генриха и его жестокости въ Сициліи; пораженіе Іоанномъ Стиріономъ генуэзскаго пирата Кафура (стр. 178—183).—2. Безпорядки при дворѣ Алексѣя и продажность всѣхъ званій и должностей въ государствѣ; возвышеніе императрицею Евфро-

синіею Константина Месопотамскаго; обвиненіе ея предъ Алексѣемъ въ супружеской невѣрности; казнь молодаго Ватаца и неприличное поруганіе надъ его головою (183—190).—3. Не состоявшійся походъ Алексѣя противъ валаховъ; ссылка Евфросиніи въ монастырь и возвращеніе снова ко двору (190—195).—4. Возвышеніе и паденіе Константина Месопотамскаго (195—201).—5. Алексѣй безразсудно возбуждаетъ войну съ иконійскимъ султаномъ; разрушеніе султаномъ нѣсколькихъ городовъ; неожиданное спасеніе Антіохіи Фригійской отъ разоренія; милосердіе султана къ плѣнникамъ; ничтожныя попытки Алексѣя къ сопротивленію султану (202—207).—6. Не полагаясь на врачей, Алексѣй неудачно лечитъ самъ себя; заботы императрицы объ избраніи преемника престола; плачевное состояніе имперіи; вторженіе скиѳовъ во Ѳракію (207—214).

Книга третья. *Глава* 1. Походъ Алексѣя противъ валаха Хриса и неудачная осада крѣпости Просака; примиреніе его и вступленіе въ родство съ Хрисомъ (стр. 215—224).—2. Вторженіе скиѳовъ въ Македонію; вторичное замужество двухъ дочерей Алексѣя; мятежъ Иванки; походъ противъ Иванки и плѣнъ протостратора Мануила Камица (224—233).—3. Пренія объ евхаристіи и разногласіе богослововъ въ поднятомъ вопросѣ (233—238).—4. Алексѣй вѣроломно беретъ въ плѣнъ Иванку; императрица Евфросинія, подавивъ мятежъ Контостефана, вдается въ разныя безпутства; прибытіе въ Византію султана Кайхозроя, изгнаннаго изъ Иконіи братомъ Рукратиномъ (238—245).—5. Усмиреніе комановъ народомъ русскимъ и въ особенности Романомъ княземъ галицкимъ; попытка ограбить Каломодія; разбойничество Іоанна Лагоса (245—251).—6. Мятежъ Іоанна Комнина Толстаго; пиратство Алексѣя; не удавшаяся попытка его убить Рукратина; мятежъ Михаила Ангела Комнина; не-

счастное мореплаваніе Алексѣя и провалъ въ комнатѣ, которую онъ занималъ въ Халкидонѣ (251—259).—7. Изгнаніе Стефаномъ сербскимъ дочери Алексѣя Евдокіи; разореніе Іоанномъ болгарскимъ Констанціи и Варны; выкупъ протостратора Камица Хрисомъ и совокупная борьба ихъ противъ Алексѣя; мятежъ Іоанна Спиридонаки; усмиреніе всѣхъ мятежниковъ и заключеніе Алексѣемъ мира съ валахами (259—267).—8. Приступая къ описанію завоеванія Константинополя латинянами, авторъ говоритъ о безпечности Алексѣя, который не обращалъ вниманія на жизнь низверженнаго имъ брата; бѣгство Алексѣя, сына Исаакова, на западъ; расточительность и поборы братьевъ Ангеловъ (267—270).—9. Приготовленіе венеціянъ, по настоянію дожа Генриха Дандуло, къ войнѣ съ римлянами и союзъ ихъ съ разными топархами, стремившимися въ Палестину; соединеніе Алексѣя, сына Исаакова, съ венеціянскимъ флотомъ; императоръ Алексѣй безпечно смѣется надъ экспедиціей венеціянскаго флота, который между тѣмъ явился подъ стѣнами Константинополя (270—276).—10. Осада Константинополя латинянами; битвы между латинянами и римлянами; первый пожаръ Константинополя; слабая попытка императора Алексѣя къ сопротивленію и его бѣгство въ Девельтъ; сужденіе автора о его недостаткахъ и достоинствахъ (276—285).

ВТОРИЧНОЕ ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА

ВМѢСТѢ СЪ СЫНОМЪ СВОИМЪ АЛЕКСѢЕМЪ.

Глава 1. Вторичное возшествіе на престолъ Исаака и принятіе имъ сына своего Алексѣя въ соправители; употребленіе на латинянъ всѣхъ сокровищъ государственныхъ и церковныхъ; разграбленіе чернію домовъ латинянъ, про-

живавшихъ въ Константинополѣ (стр. 286 — 291). — 2. Разграбленіе латинянами сарацинской молельни и описаніе втораго пожара въ Константинополѣ (291—296). — 3. Походъ Алексѣя, сына Исаакова, противъ дяди Алексѣя; безпутное поведеніе Алексѣя, сына Исаакова, и неразумное довѣріе Исаака къ внушеніямъ недостойныхъ иноковъ и астрологовъ; чернь разбиваетъ статую Аѳины; императоры занимаются сборомъ денегъ для латинянъ, не щадя ни частнаго, ни церковнаго имущества (296—302). — 4. Грабежи латинянъ; возстаніе народа противъ императоровъ и народное собраніе для избранія новаго государя (302—306). — 5. Избраніе на престолъ Николая Канавоса; смерть Исаака; усилія сына его Алексѣя удержать престолъ; заговоръ Мурцуфла; заключеніе императора Алексѣя IV въ темницу; воцареніе Мурцуфла, заключеніе Канавоса подъ стражу и смерть императора Алексѣя IV (306 — 309).

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ ДУКИ МУРЦУФЛА.

Глава 1. Умъ и характеръ Алексѣя Дуки Мурцуфла; приготовленія его къ войнѣ съ латинянами; пораженіе его Балдуиномъ (310—313). — 2. Безуспѣшныя старанія о заключеніи мира между враждующими сторонами; осада и взятіе латинянами Константинополя; третій константинопольскій пожаръ; послѣднія усилія императора спасти городъ (313 — 318). — 3. Бѣгство Мурцуфла; споръ о престолѣ между Ѳеодоромъ Дукою и Ѳеодоромъ Ласкарисомъ; напрасныя усилія Ласкариса возбудить народъ и войско къ сопротивленію; разграбленіе латинянами города и безбожное поруганіе надъ святынею церквей (318—322). — 4. Буй-

ство и безпутства латинскихъ грабителей; латиняне безчеловѣчнѣе сарацинъ (322—326).—5. Плачъ автора о паденіи Константинополя (326—330).—6. Обращеніе его съ молитвою къ Богу; надежда на помилованіе Богомъ, возстановленіе имперіи и паденіе враговъ ея (330—333).

О СОБЫТІЯХЪ ПО ВЗЯТІИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Глава 1. Авторъ не находитъ возможности подражать примѣру Солона и рѣшается продолжать исторію (стр. 334—338).—2. Отсутствіе всякихъ предзнаменованій паденія Константинополя; бѣдственное положеніе жителей города; переселеніе автора съ своимъ семействомъ въ домъ знакомыхъ венеціянъ (338—341).—3. Авторъ съ своимъ семействомъ выбирается изъ Константинополя и спасаетъ отъ похищенія дочь одного своего знакомаго (341—345).—4. Прощальная рѣчь автора Константинополю (345—347).—5. Путешествіе автора по слѣдамъ патріарха въ Силиврію; непріязненность поселянъ къ византійцамъ; латиняне заняты безпутствами и осмѣяніемъ римскихъ обычаевъ (347—350).—6. Латиняне забавно дѣлятъ еще не завоеванныя области и государства; избираютъ, по проискамъ дожа Дандуло на константинопольскій престолъ Балдуина графа Фландрскаго; достоинства Балдуина (350—354). — 7. Императоръ Балдуинъ становитъ латинскіе гарнизоны въ городахъ Ѳракіи и Македоніи и заключаетъ договоръ съ Ѳессалоникой; ссора съ нимъ маркиза Бонифатія, въ слѣдствіе которой Бонифатій провозгласилъ римскимъ императоромъ Мануила, сына Исаака Ангела; примиреніе Балдуина и Бонифатія; занятіе Бонифатіемъ Ѳессалоники и походъ его въ Елладу (354—360).—8. Походъ Генриха, брата Балдуи-

нова, и Петра де Плашесъ въ Азію для занятія римскихъ областей; неудачная осада латинянами Прусы; битва Генриха съ Θеодоромъ Филадельфійскимъ; сопротивленіе Бонифатію Льва Сгура; предшествующая исторія Сгура и отраженіе его отъ Аθинъ Михаиломъ Хоніатомъ (360—369).— 9. Соединеніе Сгура съ низверженнымъ императоромъ Алексѣемъ, братомъ Исаака, и женитьба на его дочери Евдокіи; ослѣпленіе и смертная казнь Алексѣя Дуки Мурцуфла; завоеваніе Бонифатіемъ Еллады и Пелопонеза; осада Навплія и Акрокоринθа, въ которомъ укрылся Сгуръ; отреченіе Алексѣя, брата Исаакова, отъ императорскаго сана и его жизнь съ женою въ Алмирѣ (369—374).—10. Отказъ Бонифатія и Балдуина принять на службу римлянъ; обращеніе римлянъ къ Іоанну, царю мизійскому или болгарскому; возстаніе противъ латинянъ городовъ Θракіи и Македоніи; стараніе латинянъ усмирить возстаніе; взявъ Аркадіополь, латиняне приступили къ осадѣ Адріанополя; страшное пораженіе латинянъ Іоанномъ мизійскимъ въ союзѣ съ скиθами; плѣнъ Балдуина и бѣгство дожа Дандуло (374—381).—11. Грабежи латинянъ въ Константинополѣ, Даоніѣ и Силивріи; двойныя страданія римлянъ отъ латинянъ и отъ скиθовъ; взятіе Іоанномъ города Серръ; возстаніе въ Θессаломикѣ и казни, которыми отмстилъ за него Бонифатій; побѣда Іоанна мизійскаго надъ войскомъ Бонифатія, который заключился въ стѣнахъ Θессалоники, и дальнѣйшіе его успѣхи; рѣшеніе латинянъ продолжать борьбу съ возставшими римскими городами (381—387).—12. Генрихъ, братъ Балдуина, истребляетъ жителей Апроса; упорная, но безуспѣшная осада имъ Адріанополя; не удавшаяся также осада Дидимотиха; бѣдственное положеніе римлянъ во Θракіи (387—394).—13. Раздѣленіе римлянъ азіятскихъ на партіи; споры Маврозома, Θеодора Ласкариса и Давида Комнина объ императорскомъ

престолѣ; разрушеніе Іоанномъ мизійскимъ Филиппополя; нашествіе скиѳовъ; побѣда ихъ надъ латинянами подъ Русіемъ и окончательное разореніе ими города Апроса (394—400).—14. Разореніе скиѳами разныхъ римскихъ городовъ; подступленіе ихъ къ стѣнамъ Константинополя, въ которомъ заперлись латиняне, и обратное возвращеніе въ свою сторону; безуспѣшная осада Іоанномъ мизійскимъ города Дидимотиха и смерть патріарха Іоанна Каматира (400—406).—15. Походъ латинянъ на помощь Адріанополю и Дидимотиху; состояніе Ѳракіи послѣ нашествія скиѳовъ и валаховъ; образованіе въ западныхъ областяхъ римскаго государства многихъ отдѣльныхъ независимыхъ владѣній и бѣдственное положеніе ихъ; смерть Николая архіепископа коринѳскаго (406—411). — 16. Границы владѣній на востокѣ Ѳеодора Ласкариса, Маврозома, Алексѣя и Давида Комниныхъ, Алдебрандина; Родосъ составляетъ отдѣльное государство; борьба между этими владѣніями; занятіе генуэзцами Крита; неудачная осада Кайхозроемъ Атталіи; война Давида Комнина съ Ласкарисомъ при помощи латинянъ; пораженіе латинянъ Андроникомъ Гидомъ; занятіе города Пигъ Петромъ де Плашесъ; избраніе латинянами въ императоры Генриха, брата Балдуинова; казнь Іоанномъ мизійскимъ Балдуина и многихъ римскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ—Константина Торникія; разрушеніе латинянами пророчественныхъ талисмановъ, или роковыхъ статуй города Константинополя (411—421).—17. Настойчивость въ характерѣ латинянъ и слабое непостоянство римлянъ; жалобы автора на заносчивость и пренебреженіе къ нему его никейскихъ согражданъ и его жизнь въ Никеи; въ заключеніе исторіи авторъ разсказываетъ о счастливомъ походѣ императора Генриха противъ валаховъ и скиѳовъ (421—425).

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ.

(Книга о статуяхъ города Константинополя).

Глава 1. Прибытіе въ Константинополь латинскаго патріарха Томаса со свитою (стр. 426—428).—2. Святотатство латинскаго духовенства, простершееся на гробницы римскихъ царей и завѣсу великой церкви (стр. 428).—3. Латиняне, нуждаясь въ деньгахъ, рѣшаются перелить въ монету мѣдныя статуи константинопольскія; такъ погибаютъ статуи: Гэры, Париса и Афродиты (стр. 428 и 329). —4. Статуя Вѣтроуказательницы, или Анемодуліи; статуя Іисуса Навина на конѣ или Веллерофонта на Пегасѣ (стр. 429—431).—5. Статуя Геркулеса (стр. 431—433). —6. Статуя Осла и Погонщика (стр. 433 и 434). —7. Статуи: Гіены и Волчицы, Человѣка въ борьбѣ со львомъ, Нильской Лошади, Слона, Сфинксовъ, Невзнузданаго Коня и Сциллы (стр. 434). - 8. Статуя Орла и Змѣя (стр. 435 и 436).—9. Статуя Елены (стр. 436—438).—10. Статуя Молодой Женщины со всадникомъ на рукѣ (стр. 439).—11. Статуя Возницъ (стр. 439 и 440).—12. Статуи Аспида и Василиска или Нильскаго Быка и Крокодила (стр. 440—442).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Хронологическая таблица . . . . стр. 445—464.

Алфавитный указатель . . . . . стр. 465—540.

Родословныя таблицы: а., старшей линіи дома Ангеловъ; б., младшей линіи дома Ангеловъ и в., младшей линіи дома Комниныхъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Безъ всякаго труда съ своей стороны получивъ такимъ образомъ царскую власть и, такъ сказать, купивъ ее кровію Агіохристофорита, Исаакъ Ангелъ перешелъ изъ большаго дворца во дворецъ влахернскій и показалъ себя государемъ, по видимому, въ высшей степени правосуднымъ, несправедливо впрочемъ примѣняя къ себѣ и постоянно повторяя стихи изъ пѣсни о быкообразномъ царѣ (¹), которые читаются такъ:

(¹) Вѣроятно, изъ пѣсни о Минотаврѣ. Приводимые изъ нея стихи относятся, по видимому, къ Өезею, который, убивъ Минотавра, чудовищнаго критскаго царя, жившаго въ чертогахъ Дедала, или Лабиринтѣ, и питавшагося человѣческою плотію, спасъ тѣмъ самого себя, избавилъ свое отечество Аөины отъ бѣдственнаго порабощенія и въ послѣдствіи управлялъ Аөинянами мудро, доставилъ имъ благоденствіе и за свое кроткое правленіе пользовался ихъ любовію. Уподобляя жестокости Андроника людоѣдству Минотавра, Исаакъ Ангелъ хотѣлъ быть для своего отечества кроткимъ и мудрымъ Өезеемъ: тѣмъ не менѣе, какъ говоритъ Хоніатъ, онъ несправедливо относилъ къ себѣ стихи о Өезеѣ, потому что самъ не употребилъ никакихъ усилій избавить свое отечество отъ Андроника, этого новаго Минотавра.

«Наружность показываетъ способъ и мѣсто, какъ и откуда пришелъ ты, достойный всякой любви въ томъ видѣ, какимъ представляешься мнѣ, потому что ты болѣе другихъ украшенъ лучшими достоинствами и разумно управляешь тѣми, кто тебѣ дороже всего. Итакъ ты счастливо достигъ цѣли, одинъ только со славою вышедши изъ царственныхъ чертоговъ и прекративъ власть умершаго. Въ скоромъ времени, державный, ты сдѣлаешь счастливою свою державу.

Въ самомъ дѣлѣ, воцарившись, онъ обильно умастилъ милостію главу бѣдныхъ, во внутренней своей клѣти бесѣдуя съ Богомъ Отцомъ, видящимъ втайнѣ. Всѣ, томившіеся въ ссылкахъ, всѣ, кого Андроникъ или лишилъ имущества, или изувѣчилъ, были теперь собраны и надлежащимъ образомъ удовлетворены; такъ что царь не только возвратилъ имъ все, что изъ прежняго имущества ихъ не пропало, сберегаясь въ царской казнѣ, или уцѣлѣло еще, бывъ отчуждено Андроникомъ въ пользу другихъ, но восполнилъ ихъ потери сверхъ того изъ государственныхъ сокровищъ, сыпля щедрою рукою. А это поправило и войну съ итальянцами, которые занимали уже Ѳессалію и стояли подъ Амфиполемъ, дерзко порываясь на самый Константинополь и хвастаясь, что его легко осадить съ моря и съ суши и въ самое непродолжительное время можно взять, какъ пустое гнѣздо, и разграбить безъ труда. Видя въ воцареніи Исаака какбы перемѣну зимы на весну, или бури

на совершенную тишину, римляне со всѣхъ сторонъ потекли въ Константинополь; шли не только бывшіе прежде въ военной службѣ, но и никогда не знавшіе ея, даже вовсе юноши,—одни, чтобы только взглянуть на новаго Моисея-освободителя, или Зоровавеля, возвратившаго плѣнниковъ сіонскихъ (такъ они представляли себѣ Исаака), другіе, чтобы получать слѣдующее служащимъ въ войскѣ содержаніе, а нѣкоторые и за тѣмъ, чтобы записаться въ войско и дѣйствительно отправиться на войну съ сицилійцами. Между тѣмъ, какъ скоро паденіе Андроника сдѣлалось извѣстно сопровождавшимъ царя Іоанна, Андроникова сына, въ филиппопольскую епархію; то немедленно и онъ былъ схваченъ, ослѣпленъ и преданъ мучительной смерти, не нашедши ни въ комъ ни сочувствія, на которое надѣялся, ни состраданія, котораго просилъ. Братъ его Мануилъ былъ также ослѣпленъ въ заключеніи, хотя ничѣмъ нельзя было доказать, чтобы онъ сколько нибудь участвовалъ въ преступленіяхъ своего отца, и это самымъ точнымъ образомъ знали не только люди, знакомые вообще съ ходомъ общественныхъ дѣлъ, а еще болѣе всѣхъ самъ Исаакъ, который лишилъ его зрѣнія.

Пользуясь многочисленнымъ стеченіемъ народа изъ восточныхъ городовъ, представлявшимъ возможность собрать достаточное войско противъ сицилійцевъ, Исаакъ ласково принималъ всѣхъ приходившихъ, награждалъ по возможности и, вооруживъ ихъ, отсылалъ въ лагерь Враны.

Прочимъ римскимъ войскамъ, находившимся въ полѣ противъ враговъ, онъ также послалъ царское жалованье, въ количествѣ сорока центенаріевъ золота, и тѣмъ еще болѣе укрѣпилъ ихъ къ предстоявшей борьбѣ. Въ это время непріятельское сицилійское войско, еще не зная судьбы, постигшей Андроника, смѣло шло впередъ, замышляя положить предѣлъ трудамъ своего похода въ Константинополѣ. Равнымъ образомъ флотъ непріятельскій уже подплылъ и присталъ къ островамъ, лежащимъ близъ самаго города. Но Тотъ, Кто не попускаетъ сильнымъ спасаться во множествѣ силы ихъ, *на колесницѣхъ и на конѣхъ*, смиреннымъ же и кроткимъ даетъ благодать, Господь—унизилъ надменныхъ и, внезапно сошедши къ нимъ, какъ древле къ строившимъ столпъ (въ землѣ Сеннаарской — Быт. 11, 1—9), не смѣсилъ ихъ языки, но самихъ ихъ раздѣлилъ на три отдѣльныя части. Одна часть осталась стеречь главный городъ Ѳессаліи и находилась въ этой странѣ съ быстроходными кораблями; другая, блуждая безъ всякаго опасенія, опустошала Серры. Наконецъ третья, шедшая впереди, подраздѣлялась на два отряда, изъ которыхъ одинъ стоялъ при рѣкѣ Стримонѣ, разоряя окрестности Амфиполя, а другой, весело идя впередъ и какбы желая предвосхитить вступленіе въ столицу, сталъ лагеремъ въ Мосинополѣ. Всегда побѣждая и уже не встрѣчая болѣе сопротивленія, этотъ послѣдній отрядъ, нужно ли было когда выходить изъ Мосинополя на грабежъ, или на поискъ съѣстныхъ

припасовъ, дозволялъ себѣ самые неосмотрительные разъѣзды и дѣлился на партіи до того, что наконецъ каждый солдатъ бродилъ вездѣ, гдѣ ему было угодно.—2.—Подмѣтивъ гдѣ-то подобную оплошность варваровъ, римскій полководецъ Врана однажды напалъ на нихъ съ своимъ войскомъ. Сначала онъ едва могъ убѣдить своихъ солдатъ выдти нѣсколько изъ горъ и ступить на открытую равнину; но потомъ, когда первое нападеніе было произведено съ нѣкоторымъ успѣхомъ и непріятельскій отрядъ обратился въ бѣгство, они оправдали на себѣ сказку о мирмидонянахъ, мгновенно превратившись въ храбрецовъ и неудержимо поражая спасавшихся бѣгствомъ. Случилось такъ, что римляне простерли преслѣдованіе враговъ до самаго Мосинополя. Удачно разбивъ по дорогѣ еще одну непріятельскую партію, они рѣшились напасть и на заключившихся внутри города. Городскія ворота были защищаемы непріятелями (которыхъ обуялъ уже трепетъ и ужасъ); не смотря на то римляне, зажегши ихъ, ворвались въ городъ и пресытились убійствами, давно не вкушавши лакомствъ Арея. А когда они, поѣвши богатство этихъ пришлецовъ, насытились и утучнились добычею; то стали помышлять уже и объ амфипольскомъ отрядѣ, пренебрегая третьяго дня одержанною побѣдою, какъ вчерашнею пищею. Такимъ образомъ, подкрѣпившись конями и оружіемъ враговъ, они, какъ строй Божій, или какъ войско львовъ, двинулись на другую часть непріятелей, еще стояв-

пую лагеремъ на Стримонѣ. И вотъ, Божіимъ велѣніемъ, жребій измѣнился! Тѣ, которые недавно были горды, высоковыйны и едва не хвастались, что могутъ своими копьями передвигать и переставлять горы, теперь, бывъ поражены и ошеломлены, какъ будто молніею, или необычайнымъ ударомъ грома, ужасными слухами о мосинопольской битвѣ, избѣгаютъ сраженія и неохотно строятся въ ряды. Напротивъ римляне, оправившиеь отъ смущенія, летѣли, какъ подоблачные орлы на охоту за привязанными къ землѣ птицами, и быстрѣе, чѣмъ на крыльяхъ, стремились встрѣтиться съ тѣми, которые прежде позорили ихъ поносными рѣчами. Когда оба войска сошлись на одномъ полѣ (при мѣстечкѣ Димитрицы); то сицилійцы еще болѣе обнаружили свою робость тѣмъ, что стали предлагать мирныя условія и съ этою цѣлію вступили съ Враною въ переговоры. Сначала римляне согласились на ихъ требованія; но спустя немного перемѣнили рѣшеніе, подозрѣвая, что въ предложеніи противниковъ кроется обманъ, или, если обмана нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, высказывается несомнѣнная робость, и, не ожидая никакого знака къ войнѣ, ни звука трубы, ни какого нибудь другаго распоряженія въ родѣ тѣхъ, которыя обыкновенно даютъ полководцы предъ началомъ сраженій, бросились на враговъ съ обнаженными мечами. До нѣкотораго времени сицилійцы бодро и мужественно выдерживали натискъ римлянъ; сраженіе имѣло много перемѣнъ и переворотовъ: но на-

конецъ, уступая чрезмѣрному одушевленію римскаго войска, латиняне обратили тылъ и въ безпорядкѣ бросились въ бѣгство. Пользуясь побѣдою, римляне били ихъ, брали въ плѣнъ, сталкивали въ рѣку Стримонъ, обогащались добычею, снимали съ убитыхъ доспѣхи. Это было седьмаго числа ноября мѣсяца, и день склонялся уже къ вечеру, когда происходило преслѣдованіе. Между прочими были взяты въ плѣнъ также два непріятельскихъ полководца: Ричардъ, братъ жены Танкреда, командовавшій сицилійскимъ флотомъ, и Алдуинъ Контъ, человѣкъ не высокаго и не знаменитаго рода, но пользовавшійся высокимъ уваженіемъ короля за свое военное искусство и въ то время почтенный саномъ главнаго предводителя всего войска. Превозносясь своими прежними побѣдами надъ римлянами, Алдуинъ сравнивалъ себя съ Александромъ Македонскимъ, и хотя не показывалъ подобно ему волосъ на своей груди, представлявшихъ будтобы подобіе орлинаго клева и крыльевъ, тѣмъ не менѣе хвалился, что въ самое короткое время и безъ кровопролитія совершилъ больше великихъ дѣлъ, чѣмъ онъ. Тѣ же изъ непріятелей моссинопольскаго и амфипольскаго отрядовъ, кому удалось спастись отъ бѣдственной участи пораженія, а равно и тѣ, которые составляли отрядъ, опустошавшій окрестности Серръ, бросились немедленно въ Ѳессалонику и тамъ, сѣвши на долгіе корабли со всею поспѣшностію, свойственною бѣгству, уплыли, но неблагополучно. Поднявшіеся на погибель

ихъ порывистые вѣтры произвели то, что они, избѣжавъ участи, ожидавшей ихъ на землѣ, спустя не много по Божію мановенію были постигнуты ею на морѣ. Многіе не попали на тріиры. Въ отчаяніи бродя еще по Ѳессалоникѣ, они были захвачены здѣсь и истреблены разнымъ образомъ, преимущественно наемными аланами. Отплачивая тѣмъ же, что потерпѣли сами при взятіи Ѳессалоники, аланы не давали пощады ни одному непріятелю и наполнили убійствами улицы и преддверія божественныхъ святилищъ. Гдѣ братъ мой, спрашивали они захваченныхъ сицилійцевъ, то есть, землякъ-аланинъ, котораго тѣ убили при взятіи Ѳессалоники, и вмѣстѣ съ вопросомъ вонзали въ нихъ мечъ. Гдѣ батюшка, то есть, гдѣ тѣ священники, которыхъ избили сицилійцы, врываясь внутрь святилищъ, говорили они врагамъ, искавшимъ убѣжища въ храмахъ, и вмѣстѣ съ этими словами наносили имъ смерть. Но вотъ необыкновенный случай: разсказываютъ, что, при взятіи города сицилійцами, собаки не растаскивали и не терзали труповъ, даже не касались ни одного мертваго тѣла убитыхъ римлянъ; теперь же онѣ съ такимъ бѣшенствомъ бросились на трупы павшихъ латинянъ и до такой степени были ненасытно плотоядны, что разрывали могилы, выкапывали тѣла, преданныя погребенію, и дѣлали ихъ своею добычею. Вмѣстѣ съ тѣми двумя полководцами, о которыхъ мы говорили, взятъ былъ въ плѣнъ также виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій—Алексѣй Комнинъ, пустой и

вредный человѣкъ; онъ былъ достоинъ хароновыхъ жилищъ, но его лишили только зрѣнія. Наконецъ нѣсколько человѣкъ латинянъ спаслися бѣгствомъ въ Эпидамнъ и тамъ, какъ жалкій остатокъ многотысячнаго войска, радостно присоединились къ своимъ одноплеменникамъ, составлявшимъ гарнизонъ города. Король сицилійскій, укрѣпивъ этотъ городъ всѣми оборонительными орудіями, не сдалъ его римлянамъ непосредственно по истребленіи своихъ войскъ, но удерживалъ съ безумнымъ упорствомъ, неразумно гоняясь за пустою славою послѣ явнаго пораженія и стыда: впрочемъ не много спустя онъ добровольно отступился отъ него, испугавшись страшныхъ издержекъ.

Такимъ образомъ сухопутная война получила такой счастливый исходъ, какого никому изъ насъ и въ голову никогда не приходило. Господь, промышляющій обо всемъ, какъ Владыка всего, всегда милующій и со всею попечительностію управляющій дѣлами человѣческими, какъ всемощный распорядитель ихъ, взвѣсивъ дѣла наши, отнявъ у насъ всякую добрую надежду и наказавъ насъ вмалѣ, поразилъ враговъ нашихъ въ тысячу разъ болѣе. Онъ не измѣнялъ стихій, не изводилъ изъ земли множества скниповъ, не повелѣвалъ рѣкамъ изрыгнуть водяныхъ жабъ, не посылалъ впереди нашего воинства песіихъ мухъ, вообще не совершилъ ни одной изъ древнихъ чудесныхъ казней; но содѣлалъ то, что избиваемые избили своихъ убійцъ, мгновенно превратившись въ побѣдоносныхъ

воителей, и показалъ на врагахъ нашихъ, что злоба сама по себѣ робка, такъ какъ ее обличаетъ собственное свидѣтельство и она вездѣ видитъ опасности, будучи тревожима собственною совѣстію. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ преступленіи могли обвинять римлянъ сицилійцы, которыхъ совершенно удаляютъ отъ насъ темныя горы и шумное море? Но, если можно безнаказанно касаться глубочайшихъ судебъ Божіихъ,—Господь наказалъ насъ, потому что позналъ грѣхи наши; а такъ какъ тѣ, кому по божественному мановенію дано было наказать насъ, были до безстыдства жестоки и немилосерды, то и сами они не избѣжали праведнаго гнѣва Того, Кто хочетъ милости, Кто слезный хлѣбъ посылаетъ только небольшими частями и поитъ слезами въ мѣру. Нападая, какъ львы изъ лѣсу, терзая, какъ волки, и бросаясь, какъ леопарды, они изъ плѣнителей сдѣлались плѣнниками и изъ обладателей обладаемыми. Господь напоилъ ихъ водою, растворенною заблужденіемъ, и показалъ, что на нихъ также были пятна, сдѣлавшіяся багровыми отъ крававой жестокости ихъ и для своего уничтоженія требовавшія селитряной щелочи. Итакъ, переступивъ свои предѣлы, они вошли въ наши, чтобы насъ наказать немного и себя подвергнуть наказанію большему.

Между тѣмъ, какъ мщеніе Божіе постигло такимъ образомъ сухопутное войско сицилійцевъ,—3.—долгіе карабли ихъ, числомъ болѣе двухъ сотъ, отступили также не безъ урона.

Они лишились значительнаго числа людей, приставъ въ Астакинскомъ заливѣ и бывъ встрѣчены римскими войсками, которыя, быстро двигаясь около утесистыхъ береговъ, нигдѣ не допускали ихъ высадиться и вездѣ дѣлали материкъ неприступнымъ; такъ что едва сицилійцы ступали на землю, или начинали бросать лѣстницы для выхода изъ кораблей, какъ немедленно со всѣхъ сторонъ сыпались на нихъ дождевыми каплями стрѣлы, и они прятались подъ корабельныя палубы, какъ черепахи въ свою скорлупу. Не смотря на большой численный перевѣсъ ихъ флота, нашъ флотъ, простиравшійся едва до ста кораблей, сильно желалъ сразиться съ нимъ. Не говорю, что у моряковъ болѣло сердце; даже многіе изъ жителей Константинополя, вооружившись, чѣмъ попало, и сѣвши на суда, нетерпѣливо порывались плыть на враговъ: но это не дозволялось царемъ и его совѣтниками въ общественныхъ дѣлахъ, обращавшими вниманіе не на одну только ревность нашу, но въ тоже время не упускавшими изъ виду и превосходства непріятельскихъ кораблей. Въ слѣдствіе того наши тріиры, крейсируя у Кіонскаго берега, не пускались далѣе. Около семнадцати дней непріятельскій флотъ проплавалъ такимъ образомъ между острововъ. Наконецъ, не видя ни на одномъ берегу появленія своихъ единоплеменниковъ и заключивъ, что подобное исчезновеніе не обѣщаетъ ничего добраго, сицилійцы рѣшились отправиться въ обратный путь и дѣйствительно уплыли домой,

выжегши передъ отправленіемъ островъ Калонимъ и всѣ прибрежныя мѣста въ Геллеспонтскомъ заливѣ. Говорятъ, впрочемъ, будто значительная часть ихъ кораблей вмѣстѣ съ людьми потонула въ морѣ, встрѣтившись съ противными и бурными вѣтрами, а нѣкоторыя суда были совершенно опустошены голодомъ и болѣзнями.

Въ этихъ войнахъ непріятельскія войска потеряли убитыми не менѣе десяти тысячъ человѣкъ; сверхъ того въ обѣ войны болѣе четырехъ тысячъ непріятелей взято было въ плѣнъ. Бывъ заключены въ общественныя темницы, между тѣмъ не получая содержанія и необходимыхъ потребностей жизни ни изъ царскихъ кладовыхъ, ни изъ другаго какого нибудь источника, и пробавляясь только хлѣбомъ, доставлявшимся изъ любви къ Богу посѣщавшими узниковъ, плѣнники жестоко гибли; такъ что правитель Сициліи, возбудившій тогдашнюю войну противъ римлянъ, узнавъ объ этомъ, письменно упрекалъ царя въ безчеловѣчіи за то, что онъ оставляетъ гибнуть отъ голода и наготы цѣлые сонмы невинныхъ людей, правда, поднявшихъ оружіе противъ римлянъ по закону войны, но въ тоже время христіанъ, сдѣлавшихся плѣнниками по волѣ Божіей. Побѣдитель, говорилъ онъ, долженъ или немедленно осудить на смерть всѣхъ плѣнныхъ, презирая законъ человѣчности и отъ счастливаго оборота дѣлъ превратившись въ дикаго звѣря, или, если онъ, не рѣшаясь на это, связалъ ихъ и

заключилъ въ темницы,—по крайней мѣрѣ, давать имъ достаточный кусокъ хлѣба, если уже скупится на настоящее содержаніе, а не мучить страданіями болѣе тяжелыми, чѣмъ мгновенная смерть отъ меча, не терзать голодомъ и не морить холодомъ и стужею; иначе на него опять падетъ вина смертоубійства, хотя бы онъ не пронзалъ груди копьемъ и не наносилъ глубокихъ и смертельныхъ ранъ стрѣлами: потому что все равно—убивать, или убійственно доводить до смерти. Впрочемъ царь, не обративъ вниманія на его посланіе, оставилъ несчастныхъ сицилійцевъ гибнуть по прежнему, такъ какъ именно этого онъ и желалъ имъ. Часто въ одинъ день умирало такимъ образомъ по два и по три человѣка, и безъ погребенія, безъ послѣдняго омытія тѣла, ихъ раскидывали по кладбищамъ и подземнымъ пещерамъ.

Возсѣвши на златокованный тронъ въ обложенной камнями хламидѣ и окруживъ себя многолюдною свитою, чтобы такимъ образомъ внушить страхъ не только чужеземцамъ, но и самимъ римлянамъ, царь приказалъ ввести къ себѣ вождей сицилійскаго войска, то есть, Алдуина и Ричарда. Когда они вошли и раболѣпно поклонились, снявъ съ головы свои мохнатыя шапки, онъ спросилъ ихъ, какъ осмѣлились они въ своемъ посланіи къ нему злословить его, помазанника Господня, не имѣя никакого справедливаго повода къ нареканіямъ, а только пользуясь съ безразсудною гордостью временнымъ счастіемъ и тщеславясь побѣдами надъ непріяз-

неннымъ государствомъ?—Царь Исаакъ вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ началъ переговоры съ латинскимъ войскомъ, тогда еще существовавшимъ въ цѣлости. Онъ не выказалъ при этомъ съ своей стороны никакого малодушія и не дѣлалъ вождямъ непріятельскаго войска никакихъ предложеній касательно заключенія мира, не обольщая и не склоняя ихъ ни подарками, ни другими знаками благоволенія; напротивъ, удерживая тонъ достоинства и на взносимыя непріятелями вины отвѣчая обвиненіями ихъ самихъ, съ самоувѣренностію обратился къ людямъ, бывшимъ тогда побѣдителями, положившими къ своимъ ногамъ всю римскую имперію,—не смотря на собственныя затруднительныя обстоятельства превозносилъ свой мечъ, утверждая, что онъ острѣе ихъ меча, и грозилъ имъ гибелью и истребленіемъ, если они не перемѣнятъ своихъ намѣреній и не возвратятся туда, откуда пришли. Но высокомѣрный вообще, тогда же особенно надутый, подобно кожаному мѣху, благопріятными обстоятельствами, Алдуинъ отвѣчалъ царю на его посланіе насмѣшливами рѣчами. Онъ смѣялся надъ его мечемъ. Онъ говорилъ, что его мечъ отточенъ на изнѣженныхъ тѣлахъ (намекая этими словами на смерть Агіохристофорита), и издѣвался надъ самимъ Исаакомъ, какъ надъ человѣкомъ неопытнымъ и безпомощнымъ, который никогда не бывалъ въ полѣ, не спалъ подъ открытымъ небомъ, не надѣвалъ тяжелаго шлема, не носилъ забрызганнаго панцыря, а занимался суетнымъ

ученьемъ, ходилъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ школу къ учителю и, вмѣсто щита держа въ рукахъ дощечку и грифель, безпрестанно посматривалъ на розгу, гулявшую по его рукамъ и спинѣ, ея только хлопанья зналъ и ея одной боялся, но не испыталъ ни разу грозы Ареевой и никогда не слыхивалъ свиста дротиковъ. Не довольствуясь этими ругательствами, Алдуинъ въ своемъ отвѣтѣ прибавилъ къ нимъ увѣщаніе царю и, будучи врагомъ, представился мнимымъ благожелателемъ. Онъ убѣждалъ Исаака сложить царскій вѣнецъ и всѣ другіе знаки власти, отречься отъ нихъ, спрятать ихъ, беречь и предоставить въ послѣдствіи счастливому побѣдителю, говоря такъ о своемъ государѣ, королѣ сицилійскомъ,—упасть къ ногамъ его и умолять о дарованіи себѣ только жизни.—И вотъ за это обидное посланіе царь подвергъ теперь сицилійскихъ военачальниковъ суду, почитая его преступленіемъ, достойнымъ смерти, и не помня словъ Давида: *устны наша при насъ суть: кто намъ Господь есть* (Псал. 11, ст. 5)? Оказалось, впрочемъ, что Алдуинъ былъ не только отличный мастеръ на ругательства, когда возвышало его счастіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при неблагопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, въ высшей степени постигалъ искусство льстить,—средство, предъ которымъ не устоитъ никакое оружіе и никакая сила. Онъ разсѣялъ гнѣвъ царя и розлилъ удовольстіе въ его сердцѣ, начавъ съ увлеченіемъ распространяться объ остротѣ и истинно царственной несокрушимости его ме-

ча,—сознавался, что посланіе къ нимъ царя не только не было празднымъ пустословіемъ, но содержало въ себѣ глаголы истины, начертанные безъ сомнѣнія рукою самого Бога, и въ заключеніе выражалъ надежду, что не сочтутъ достойнымъ осужденія, если его отвѣтъ на это посланіе былъ до крайней степени оскорбителенъ, потому что сама природа признаетъ взаимную ненависть враговъ естественною.—4.—Царь промолчалъ на это и не сказалъ ничего болѣе, не знаю, лесть ли разнѣжила его, или защищеніе показалось справедливымъ. Сицилійцы были выведены и отправлены обратно подъ стражу. Потомъ, занявшись другими предметами, царь положилъ объявить всѣмъ присутствующимъ, а также довести до свѣденія всѣмъ жителямъ Константинополя и другихъ мѣстъ, что съ сего дня никто и ни въ какомъ случаѣ не будетъ подвергнутъ имъ тѣлесной казни (смерти, или увѣчью), хотя бы кто оказался враждебнѣйшимъ изъ людей и обличенъ былъ въ злыхъ умыслахъ на его жизнь и царствованіе. Окружавшіе царскій тронъ отвѣчали на эти слова шумными рукоплесканіями и провозгласили, что слышатъ ихъ, какбы голосъ самого Бога. И всякій, до кого доходила вѣсть объ этомъ опредѣленіи, называлъ царя истиннымъ даромъ Божіимъ, поражаясь величіемъ его кротости и имѣя въ виду трудность въ исполненіи даннаго обѣщанія. Въ самомъ дѣлѣ никому, а тѣмъ болѣе царю — невозможно терпѣть неисправимыхъ и неотвратимыхъ недостатковъ порочной природы,

или миловать измѣнника, посягающаго на власть, хотя бы онъ въ высшей степени обладалъ добродѣтелію и не воздавалъ зломъ за зло подобно Давиду, воспѣвая вмѣстѣ съ нимъ во времена бѣдственныя: *обыдоша мя яко пчелы сотъ.... и именемъ Господнимъ противляхся имъ* (Псал. 117, ст. 12). Впрочемъ въ скоромъ времени царь и самъ, дѣйствительно, принялъ образъ дѣйствій явно противоположный данному слову, и какъ въ словахъ у него не было надлежащаго разграниченія, такъ и въ дѣлахъ не оказалось никакихъ границъ; коротко сказать, скоро онъ едва не сравнялся въ жестокости съ Андроникомъ, забывши Соломоново изреченіе: *благо еже не обѣщаватися, нежели обѣщавшуся тебѣ, не отдати* (Екклез. 5, 4).

Между тѣмъ престарѣлый султанъ иконійскій Кличь-Асѳланъ, переступившій уже за семьдесятъ лѣтъ, узнавъ о смерти Андроника и о провозглашеніи Исаака, превосходно разсчиталъ, чему естественно быть при перемѣнахъ и паденіяхъ царей, въ особенности когда война съ могущественнымъ врагомъ отвлекаетъ силы государства на западъ. И вотъ его летучее и прекрасно вооруженное войско подъ начальствомъ Сами-Амира вторгается въ ѳракійскую область. Не встрѣтивъ въ окрестности Келвіана ни одного вооруженнаго противника (потому что всѣ способные носить оружіе ручьями стекались тогда къ нововѣнчанному царю Исааку), Сами-Амиръ взялъ въ плѣнъ множество народа, угналъ

цѣлыя стада разнаго рода животныхъ и обогатилъ свое войско всякою добычею.

Наконецъ, однако, и восточные народы были умирены—частію единовременными дарами, частію поднесеніемъ ежегодной дани (такимъ уже только образомъ въ наши времена владыки римлянъ умѣютъ отражать иноплеменниковъ, проводя жизнь въ затворничествѣ подобно дѣвицамъ, которыя въ своихъ теремахъ занимаются пряжею). Тогда царь пожелалъ сосватать себѣ жену изъ чужеземнаго рода; потому что та, на которой онъ прежде былъ женатъ, скончалась. Итакъ, условившись чрезъ пословъ съ венгерскимъ королемъ Бѣлою, онъ взялъ за себя дочь его, еще не вполнѣ достигшую десятилѣтняго возраста. Но, скупясь по мелочной разсчетливости отпраздновать брачное торжество на государственныя деньги, онъ началъ собирать ихъ съ областей не въ счетъ другихъ налоговъ и этою мелочною скупостію, павшею также на города, сопредѣльные съ Анхіаломъ, чрезвычайно вооружилъ противъ себя и противъ римлянъ варваровъ Эмской (1) горы, которыхъ прежде называли мизійцами, а теперь зовутъ валахами (2). Крѣпко надѣясь на свои горныя тѣснины и полагаясь на свои многочисленныя укрѣпленія, лежащія на высокихъ и крутыхъ скалахъ, они вообще были строптивы въ отношеніяхъ съ римлянами, но въ настоя-

(1) Т. е. балканскихъ горъ.

(2) Говорится о болгарахъ.

щемъ случаѣ произвели открытое возстаніе, съ намѣреніемъ отмстить, такъ сказать, за смерть своего Патрокла [1], то есть, за угонъ своихъ стадъ и нѣкоторыя другія притѣсненія. Виновниками этого зла и возмутителями всего народа были два родныхъ брата: Петръ и Асанъ. Не желая начать возмущеніе безъ всякаго повода, они явились къ царю, во время его пребыванія въ Кисселахъ, съ просьбою принять ихъ въ составъ римскаго войска и царскою грамотою пожаловать имъ одно почти неприступное мѣсто въ Эмѣ. Но просьба ихъ не была удовлетворена; такъ уже угодно было Богу. Тогда они стали высказывать жалобы на то, что ихъ будто бы презираютъ, и, напрасно настаивая на своей просьбѣ, промолвили въ сторону горячія и рѣзкія слова, намекавшія на отдѣленіе отъ римскаго государства и на то, что они въ состояніи будутъ сдѣлать, возвратившись домой. Особенно былъ дерзокъ и грубъ Асанъ; такъ что севастократоръ Іоаннъ приказалъ отколотить его по щекамъ за безстыдство. Не удовлетворенные такимъ образомъ и до крайней степени разобиженные, они воротились назадъ: но какое слово въ состояніи будетъ передать, что сдѣлали потомъ римлянамъ эти нечестивые, эти богомерзкіе люди, и какой разсказъ обниметъ столько Иліадъ бѣдствій! Впрочемъ объ этомъ послѣ; а теперь буду продолжать рѣчь по порядку.

---

[1] Ироническое сравненіе болгаръ съ Ахиллесомъ, который принялъ дѣятельное участіе въ троянской войнѣ, желая отмстить за смерть друга своего Патрокла. *Примѣч. ред.*

5. Такъ какъ Исаакъ Комнинъ все еще продолжалъ владѣть Кипромъ и не соглашался ни отказаться отъ него за предлагаемую сумму денегъ, ни покориться царской власти, ни умѣрить, наконецъ, той свирѣпости, съ которою тиранствовалъ надъ кипрянами, постоянно придумывая новыя и новыя несправедливости; то царь рѣшился снарядить противъ него флотъ. Навархами флота, составившагося такимъ образомъ изъ семидесяти долгихъ кораблей, назначены были Іоаннъ Контостефанъ и Алексѣй Комнинъ: первый былъ уже старъ, а вторый, хотя и надлежащихъ лѣтъ, и мужественный человѣкъ, и двоюродный племянникъ царю, но слѣпъ, бывъ лишенъ зрѣнія Андроникомъ, и потому также считался вовсе не способнымъ къ этому начальствованію,—его назначеніе казалось даже самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ для успѣховъ предпріятія. Такъ и случилось. Флотъ благополучно достигъ Кипра; на всемъ пути вѣтеръ былъ весьма благопріятенъ и легко подувалъ въ паруса, но потомъ, послѣ вступленія въ кипрскія гавани, онъ сдѣлался свирѣпѣе всякой бури. Владѣтель Кипра Исаакъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ наше войско, а пиратъ Мегаритъ, могущественнѣйшій изъ всѣхъ тогдашнихъ морскихъ разбойниковъ, помогая Исааку, въ тоже время неожиданно напалъ на карабли, которые были оставлены войскомъ, высадившимся для сухопутной войны. Начальники нашего флота не только не оказали никакого мужества, но и сами безъ сопротив-

ленія попали въ руки противниковъ. Исаакъ отдалъ ихъ Мегариту въ его полное распоряженіе; спустя не много они ступили на берега Сициліи и сдѣлались плѣнниками ея тиранна, которому, какъ своему повелителю, Мегаритъ поднесъ свою добычу. Между тѣмъ Исаакъ одну часть побѣжденныхъ римлянъ причислилъ къ своимъ отрядамъ, а другую съ неумолимою жестокостію подвергъ ужаснымъ казнямъ, не пощадивши въ томъ числѣ и Василія Рентакина, которому приказалъ отрубить топоромъ по колѣна обѣ ноги. Василій отличался основательнымъ знаніемъ военнаго дѣла и, какъ нѣкогда Финиксъ Ахиллеса, училъ этого Исаака словесности и военному искусству. Но не было человѣка въ мірѣ раздражительнѣе Исаака; постоянно гнѣвъ кипѣлъ въ немъ, какъ въ котлѣ; въ ярости онъ говорилъ безсвязно, словно сумасшедшій, подбородокъ его трясся и все лицо омрачалось страстію. Можно вообразить, каковъ онъ былъ, объявляя ужасную награду за воспитаніе своему наставнику и подвергая его такой мучительной казни! Матросамъ онъ позволилъ идти, куда кто хотѣлъ, и мало по малу они воротились домой, какъ будто послѣ страшнаго кораблекрушенія,—по крайней мѣрѣ, тѣ, кто не погибъ ни отъ одного изъ трехъ золъ, отъ моря, голода, или отъ болѣзней.

Когда наконецъ мизійцы явно уже рѣшились отдѣлиться отъ имперіи подъ руководствомъ тѣхъ людей, которые, какъ я сказалъ, были виновниками этого зла; царь выступилъ противъ

нихъ въ походъ. Но нельзя не разсказать при этомъ еще одного обстоятельства. Валахи сначала медлили и не рѣшались на возстаніе, къ которому подстрекали ихъ Петръ и Асанъ, опасаясь невѣрности такого важнаго предпріятія. Желая излечить своихъ земляковъ отъ явной трусости, родные братья построили молитвенный домъ во имя всехвальнаго мученика Димитрія и, собравъ въ него множество всякаго рода бѣсноватыхъ съ налитыми кровью и изворачивающимися глазами, съ распущенными волосами и вообще со всѣми признаками людей, одержимыхъ демонами [1], внушили имъ говорить въ изступленіи, будто Богъ благоволилъ даровать болгарамъ и валахамъ свободу, опредѣливъ сверженіе съ нихъ долговременнаго ига, и будтобы съ этою цѣлію мученикъ Христовъ Димитрій оставилъ Ѳессалонику, покинулъ тамошній храмъ, не захотѣлъ болѣе жить съ римлянами и пришелъ къ нимъ, чтобы быть имъ помощникомъ и сотрудникомъ въ ихъ дѣлѣ. Давши себѣ послѣ того небольшой отдыхъ и вдругъ еще болѣе собравшись съ духомъ, эти сумасшедшіе, какбы въ новомъ припадкѣ падучей болѣзни, начали потомъ опять возбуждать народъ, провозглашая вдохновеннымъ и пронзительнымъ голосомъ, что не время теперь си-

---

(1) Безпристрастный и справедливый во всѣхъ другихъ случаяхъ, Никита Хоніатъ, какъ истинный византіецъ, не можетъ справедливо и безъ ненависти говорить о болгарахъ. Въ настоящемъ случаѣ его разсказъ также страдаетъ духомъ нетерпимости къ презрѣнному въ глазахъ грековъ народу. *Примѣч. ред.*

дѣть, что наступила рѣшительная минута взять въ руки оружіе и дружно идти на римлянъ,— когда же во время войны будутъ попадаться плѣнники, то ни подъ какимъ условіемъ не должно оставлять никого въ живыхъ, но губить и разить безпощадно, не освобождать за выкупъ, не склоняться на мольбы, не внимать колѣнопреклонннымъ прошеніямъ, не смягчаться ничѣмъ, подобно несокрушимо-твердому алмазу, но убивать рѣшительно всѣхъ плѣнныхъ безъ исключенія. Бывъ одушевленъ такого рода прорицаніями, весь народъ вооружился поголовно, и такъ какъ съ самаго начала дѣла мятежниковъ пошли успѣшно, то они еще болѣе увѣрились, что Богъ посылаетъ имъ свободу. Не довольствуясь собственнымъ возмущеніемъ и отторженіемъ, они разсыпались даже по отдаленнымъ отъ Эма пригородамъ и селеніямъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, возложилъ на голову золотой вѣнецъ и надѣлъ красные сандаліи. Послѣ того мятежники подступили къ Преславѣ (это—чрезвычайно старинный городъ, весь изъ обожженнаго кирпича и въ самой значительной части своей окружности защищаемый горою Эмомъ); но такъ какъ увидѣли, что осада этого города будетъ не безопасна, то обошли его мимо, спустились съ Эма и, неожиданно ринувшись на другіе римскіе пригороды, захватили множество природныхъ римлянъ, рабочаго скота, быковъ и немалое количество разнаго рода другихъ домашнихъ животныхъ. Тогда выступилъ противъ нихъ Исаакъ. Занявъ

немедленно непроходимыя и неприступныя мѣста въ горахъ, варвары долго сопротивлялись. Наконецъ Господь, *полагающій тьму за кровъ свой*, неожиданно послалъ мракъ, покрывшій горы, которыя охранялись варварами, засѣвшими въ тѣсныхъ ущельяхъ; такъ что римляне успѣли незамѣтно подойти къ нимъ и такимъ образомъ разсѣяли ихъ, поразивъ ужасомъ. Виновники зла и предводители мятежнаго войска, то есть, Петръ и Асанъ, со всею своею измѣнническою дружиною, подобно упоминаемому въ Евангеліи стаду свиней, устремившемуся въ море, бросились въ Истръ (1) и, переправившись чрезъ него, соединились съ сосѣдними скиѳами (2). Къ сожалѣнію царь, при совершенномъ отсутствіи всякаго сопротивленія имѣвши возможность обойти всю Мизію (3) и поставить гарнизоны въ тамошнихъ городахъ, изъ которыхъ многіе лежатъ по протяженію Эма и большая часть которыхъ, или даже всѣ почти, построены на крутыхъ скалахъ и заоблачной высотѣ, не сдѣлалъ ничего подобнаго, но, предавши огню хлѣбные скирды и польстившись на притворное раскаяніе явившихся къ нему валаховъ, немедленно поворотилъ въ обратный путь, оставивъ тамошнія дѣла еще далеко не разрѣшенными; такъ что онъ только возбудилъ въ варварахъ еще большее презрѣніе къ римлянамъ и еще болѣе ихъ одушевилъ.

(1) Р. Дунай.

(2) Команами.

(3) Варіантъ: τὴν ὅλην ζαγορὰν, — все загорье.

6. Но, возвратившись въ столицу, онъ до такой степени хвастался своими подвигами, что одинъ сановникъ, принадлежавшій къ судейскому сословію (именно—Левъ Монастиріотъ), сказалъ: «болитъ теперь душа Василія Болгароктона ([1]); потому что царь не пошелъ по его слѣдамъ и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ онъ предполагалъ въ своемъ завѣщаніи, которое оставлено имъ при Сосѳеновомъ монастырѣ на случай, если валахи поднимутъ опять когда нибудь мятежъ». Такимъ образомъ Левъ почти прямо насмѣхался и издѣвался надъ царемъ, относя остроту, конечно, къ лживости предреченнаго въ завѣщаніи и какбы желая выразить то, что царь быстро усмирилъ мятежниковъ, мгновенно приведши ихъ въ прежнее повиновеніе и рабство, а не возился съ ними такъ долго, какъ Василій Болгароктонъ, и что напрасно тотъ въ своемъ завѣщаніи, какбы изъ вѣщихъ устъ и съ треножника дельфійскаго оракула, изрыгаетъ пустыя и пропитанныя ложью предостереженія ([2]).

([1]) Болгароктона, т. е. губителя болгаръ,—прозваніе императора Василія 2-го Македонянина, который, бывъ коронованъ въ 960 году пятилѣтнимъ дитятею, вступилъ въ дѣйствительное управленіе государствомъ черезъ пятнадцать лѣтъ, по смерти Іоанна Цимисхія, и царствовалъ затѣмъ цѣлую половину столѣтія, скончавшись въ декабрѣ мѣсяцѣ 1025 года. Болгары вели съ нимъ долгую и ожесточенную войну за свою независимость; потому что они возставали противъ ига грековъ всегда, когда могли. Но царь Василій болѣе, чѣмъ на полтора столѣтія, подавилъ въ нихъ всякую мысль о свободѣ, опустошивъ всю несчастную страну ихъ съ безпощадною жестокостію и обагривъ ее страшнымъ кровопролитіемъ. Ненависть къ болгарамъ была до такой степени распространена въ греческомъ народѣ, что прозваніе Болгароктона считалось почетнымъ. *Примѣч. ред.*

([2]) Варіантъ на мѣсто: «*но, возвратившись въ столицу... пропитан-*

Между тѣмъ Асанъ, съ толпою своихъ варваровъ переправившись чрезъ Истръ и соединившись съ скиѳами, набралъ тамъ по мѣрѣ надобности многочисленное союзное войско и потомъ опять возвратился въ свое отечество Мизію (¹). Найдя ее совершенно очищенною и оставленною римскимъ войскомъ, варвары ворвались въ нее съ большимъ шумомъ, какъ будто привели съ собою изъ Скиѳіи цѣлые легіоны демоновъ. Теперь они уже не довольствовались тѣмъ, чтобы охранить свою собственную независимость и удержать господство надъ одною Мизіею, но рѣшились сдѣлать какъ можно болѣе вреда римлянамъ и соединить Мизію и Болгарію въ одно владѣніе, какъ это было давно когда-то. Впрочемъ, можетъ быть, дѣло кончилось бы и благополучно, если бы царь опять самъ выступилъ противъ мятежниковъ. Къ сожалѣнію, онъ отложилъ свое личное участіе въ войнѣ противъ нихъ до другаго времени и ввѣрилъ начальство надъ войскомъ своему дядѣ по отцу, севасто-

---

ныя ложью предостереженія». Возвратившись въ царственный городъ, царь столько хвалился совершенными имъ дѣлами, что одинъ изъ судей (именно Левъ Монастиріотъ) сказалъ: «скорбитъ теперь душа царя Василія Болгароктона. Когда этотъ государь окончательно сокрушилъ (болгаровъ и) валаховъ; онъ завѣщалъ, что если они когда нибудь опять задумаютъ объ отторженіи, то ихъ нельзя будетъ иначе усмирить, какъ дѣйствуя подобно ему и пройдя съ оружіемъ въ рукахъ всю ихъ область. Свое завѣщаніе онъ положилъ въ Сосѳеновомъ монастырѣ. Но завѣщаніе это оказалось ложнымъ, такъ какъ ты, государь, то, что царь Василій завѣщалъ исполнить въ теченіе продолжительнаго времени, совершилъ такъ скоро, какъ тому никогда и на умъ не приходило». Говоря это, онъ, очевидно, смѣялся и шутилъ надъ походомъ Исаака.

(¹) *Варіантъ:* въ отечество свое, — загорье.

кратору Іоанну. Я не то хочу сказать, чтобы севастократоръ мало понималъ военное искусство; напротивъ, онъ управлялъ войскомъ даже съ большою славою и далъ сильный отпоръ врагамъ, сосредоточившимъ свои силы и спустившимся на доступную для конницы равнину: тѣмъ не менѣе — спустя не много времени его надобно было лишить начальства по подозрѣнію въ умыслахъ на царскую власть. Его мѣсто занялъ кесарь Іоаннъ Кантакузинъ, зять царя по сестрѣ. Это былъ человѣкъ весьма счастливой наружности и необыкновенно опытный въ тактикѣ; но тогдашнюю войну противъ валаховъ онъ велъ несчастно. Поэтому на мѣсто его былъ назначенъ Алексѣй Врана. А Врана давно уже задумалъ о царской власти,—именно тогда еще, когда велъ войну съ латинянами; такъ что однажды въ то время, прибѣжавъ ночью въ святилище храма, даже покушался возбудить народъ къ возстанію. Не успѣвъ тогда въ своихъ замыслахъ, онъ заключилъ съ царемъ миръ; но не пересталъ питать прежняго намѣренія, подавляя до поры и сдерживая, какъ послушнаго коня, свое затаенное честолюбіе. Въ настоящее время начальство надъ войсками пришлось для его замысловъ такъ кстати, какъ оселокъ для острія, и, принявъ его, онъ рѣшился довесть давно задуманное дѣло до конца (1). По совѣту

(1) Варіантъ на мѣсто: *«это былъ человѣкъ весьма счастливой наружности... задуманное дѣло до конца»*. Это былъ человѣкъ высокаго роста, мужественный, говорившій громко и понимавшій военное дѣло; но онъ никогда не имѣлъ удачи на войнѣ по своей хва-

своихъ многочисленныхъ и могущественныхъ соумышленниковъ, — адріанопольскихъ граждан, преданныхъ ему по родству съ нимъ, онъ надѣлъ красные сандаліи, перешелъ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ отечественный свой городъ—Адріанополь, и въ заключеніе, бывъ уже провозглашенъ императоромъ отъ всего войска, двинулся на столицу и расположился лагеремъ около такъ называемаго внѣшняго Филопатіо-

---

стливой отвагѣ и смѣлости, — къ тому же не имѣлъ зрѣнія, бывъ вмѣстѣ со многими другими лишенъ глазъ Андроникомъ. Слыша, что варвары держатся въ горахъ и не спускаются въ открытое поле, кесарь не взялъ во вниманіе того, что они могутъ держаться въ своихъ горахъ въ слѣдствіе доставляемой ими спокойной и безопасной позиціи. Напротивъ, онъ приписалъ это ихъ трусости и расположилъ свой лагерь среди открытаго поля, не поставивъ надлежащей стражи, или пикетовъ (ἡ βίγλας,—итальянское слово, по латинѣ vigilias), и не оградившись валомъ. Такимъ образомъ варвары, напавъ на него ночью, разбили на голову его войско; такъ что онъ едва самъ спасся. Римляне частію захвачены были сонными въ своихъ шатрахъ и истреблены врагами,—частію, бросившись бѣжать безъ оружія, были взяты въ плѣнъ. Кому же удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть палатки кесаря, тѣхъ встрѣтилъ онъ жесточе, чѣмъ самые враги, съ гнѣвными ругательствами и бранью, какъ измѣнниковъ. Желая прикрыть свое пораженіе, кесарь поспѣшно вооружился, вскочилъ на своего арабскаго коня, схватилъ въ руки копье и съ крикомъ бросился въ середину враговъ, говоря: «слѣдуйте за мной», но ничего не видя и не зная, куда идетъ и что дѣлается въ лагерѣ. Побѣдивши такимъ образомъ и обративши въ бѣгство римлянъ, варвары захватили всѣ ихъ палатки, златотканныя кесарскія одежды, отличавшіяся темно-лазурнымъ цвѣтомъ, и римскія знамена. Петръ и Асанъ облеклись въ эти трофеи и прошли въ нихъ предъ своимъ войскомъ. Послѣ того варвары не укрывались въ горахъ, но раскинули шатры и расположились лагеремъ уже въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ кесарь Кантакузинъ былъ отрѣшенъ отъ порученной ему должности и на его мѣсто вождемъ всего римскаго войска назначенъ Алексѣй Врана,—человѣкъ малаго роста, но великаго ума, обладавшій разносторонними свѣдѣніями, и самый даровитый полководецъ, какого только можно было тогда найти. Принявъ начальство надъ войскомъ, онъ повелъ дѣло безъ от-

на. Вечеромъ, въ сопровожденіи прекрасно вооруженнаго отряда, Врана подъѣхалъ къ стѣнамъ города, сидя на ворономъ конѣ съ бѣлымъ на подобіе луны пятномъ на лбу, и обратился къ царскимъ войскамъ, занимавшимъ городскія стѣны, и гражданамъ, любопытно наблюдавшимъ съ высоты стѣнъ все происходившее, съ рѣчью въ одно и тоже время грозною и увѣщательною. Онъ обѣщалъ благодѣянія всякому,

---

ваги, но твердо и прочно, подвигаясь впередъ по правиламъ тактики,— не упуская случая наносить вредъ врагамъ, но вмѣстѣ заботясь о томъ, чтобы все свое войско соблюсти въ цѣлости. Пройдя такимъ образомъ много почти непроходимыхъ мѣстностей, онъ двинулся поспѣшно къ одному мѣсту, называемому Черный Холмъ, сталъ тамъ лагеремъ, огородился валомъ и, повидимому, приготовился сдѣлать что-то порядочное. Но, всегда мучимый жаждою власти, Врана давно уже мечталъ о возшествіи на высоту царскаго трона и теперь вдругъ обнаружилъ весь свой замыселъ. Еще прежде, когда царь во время сицилійской войны сдѣлалъ его главнокомандующимъ, онъ, получивъ подъ начальство союзныя войска аллемановъ, думалъ, что имѣетъ уже достаточно средствъ для достиженія своей цѣли (такъ какъ на одни римскія войска онъ не надѣялся столько, чтобы обнаружить свое намѣреніе), и рѣшился идти тою-же дорогою, которою шелъ и достигъ царской власти царь Исаакъ. Выбѣжавъ тогда ночью и войдя въ великій храмъ св. Софіи, онъ сталъ посреди святилища и обратился съ просьбою къ собравшемуся отвсюда народу защитить его отъ незаслуженнаго и неожиданнаго царскаго гнѣва, говоря, что «онъ ничѣмъ не оскорбилъ царя и никогда не выступалъ изъ предѣловъ повиновенія его распоряженіямъ и его волѣ». За тѣмъ онъ началъ хвастаться своими воинскими подвигами: «неужели не знаете, господа, до какой степени я благородно жертвовалъ собою въ военное время, какъ не разъ и не два раза побѣждалъ враговъ своимъ стратегическимъ искусствомъ»,— и въ заключеніе всего возбуждалъ народъ къ возстанію. Но, увидавъ, что дѣло пошло тогда не такъ, какъ ему хотѣлось, онъ взялъ съ царя клятву въ помилованіи и укротилъ мятежъ, тѣмъ не менѣе по прежнему таилъ и питалъ въ себѣ умыселъ возстанія. Когда же теперь опять наступило для него удобное время и онъ получилъ власть главнокомандующаго всѣмъ войскомъ; то, имѣя на своей сторонѣ все войско, онъ обнаружилъ свой тайный замыселъ явно.

кто перейдетъ на его сторону, и говорилъ, что если жители сами отворятъ ворота и примутъ его, то найдутъ въ немъ спасителя и благодѣтеля,—если же будутъ сопротивляться и противостоять ему, когда онъ хочетъ войти дверями и не желаетъ проникнуть никакимъ другимъ путемъ, то, прошедши во всякомъ случаѣ, какъ воръ, и овладѣвши царскою властію, какъ разбойникъ, онъ неизбѣжно поступитъ съ ними точно такъ же, какъ поступаютъ съ стадомъ овецъ дикіе звѣри, разсѣявши пастуховъ и ворвавшись во дворъ овчій не дверьми, но другими путями. Послѣ этихъ и другихъ не менѣе хвастливыхъ словъ онъ построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ и возвратился въ собственный лагерь. На слѣдующій день, едва солнце озарило востокъ, Врана подступилъ уже къ стѣнамъ города и построилъ войско противъ земляныхъ воротъ, называемыхъ Харсіевыми. Онъ раздѣлилъ свое войско на два крыла, правое и лѣвое, и, командуя самъ центромъ фаланги, двинулся противъ выступившихъ изъ города отрядовъ, потому что царь не только размѣстилъ свою дружину внутри городскихъ воротъ, но часть ея поставилъ на стѣнахъ, а нѣсколько особенныхъ отрядовъ выслалъ еще за черту города, повелѣвъ имъ выступить какъ можно далѣе за ровъ и наступать на непріятеля по мѣрѣ силъ, — въ случаѣ же, если непріятель будетъ тѣснить и брать перевѣсъ, отступить опять подъ защиту стѣнъ, такъ чтобы съ укрѣпленій можно было подать имъ помощь. До

самаго полудня продолжалась такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ жаркая перестрѣлка, и войска Враны изрѣдка брали небольшой верхъ надъ царскими, какъ опытныя въ военномъ дѣлѣ. Въ особенности успѣшно дѣйствовалъ отрядъ, составленный изъ остатковъ латинской пѣхоты, такъ какъ царь, освободивъ отъ оковъ и заключенія тѣхъ, кто оказался еще въ живыхъ изъ взятаго въ плѣнъ сицилійскаго войска, и возвративъ имъ оружіе, отправилъ ихъ подъ начальство Враны въ походъ къ Эму, и они-то составляли самую лучшую пѣхотную фалангу въ его войскѣ, обороняясь своими огромными длинными щитами, палашами и копьями. Когда же еще конница Враны подоспѣла къ его латинской пѣхотѣ, то онѣ съ такою силою обратили въ бѣгство городское войско, что оно въ безпорядкѣ должно было отступить за ровъ и укрылось подъ стѣнами. Со стѣнъ подали ему помощь, и тѣмъ окончились происшествія этого дня. Давъ своимъ силамъ на пять дней отдыхъ, тираннъ потомъ опять принялся за тоже дѣло, желая овладѣть стѣнами города и съ одной стороны устрашая жителей своими военными распоряженіями, съ другой покушаясь произвесть между ними внутренній раздоръ и измѣну. Между прочимъ онъ отрядилъ одну часть изъ своего войска и послалъ ее на сѣверную, отдѣленную проливомъ, сторону города, называемую Воспоромъ, съ которой ясно видны все протяженіе моря до самаго влахернскаго дворца и всѣ лежащія къ сѣверу части города. Испол-

няя повелѣніе, отрядъ занялъ находящіеся тамъ въ разныхъ мѣстахъ высокіе холмы и распустилъ знамена. Солнце освѣщало всю эту картину; гладкія, заново вычищенныя латы солдатъ, бывъ обливаемы потоками свѣта, въ слѣдствіе преломленія и отраженія лучей, блестѣли какъ жаръ и сверкали молніями: такъ что со всѣхъ сторонъ столицы народъ толпами собирался на противолежащія возвышенности города, чтобы посмотрѣть, что дѣлается, и полюбоваться этимъ необыкновенно дивнымъ зрѣлищемъ. Послѣ того мятежники привлекли къ себѣ и Пропонтиду. Жители Пропонтиды—не всѣ хорошіе солдаты, но вообще превосходные мастера править веслами. Они обшили свои лодки, построенныя для рыбной ловли, толстыми досками и, какбы обративъ ихъ чрезъ то въ своего рода военные корабли, вооружились кто пращами, кто лукомъ и колчаномъ. Превратившись такимъ образомъ изъ скромныхъ рыбаковъ въ храбрыхъ воителей, пропонтидцы рѣшились напасть и поплыли на царскія тріиры, которыя, облегая городъ, наблюдали за ночными наступательными движеніями со стороны войска Враны и бдительно берегли переправу, изъ опасенія, чтобы тираннъ, потерявъ надежду войти въ городъ земляными воротами, не пробрался вдругъ украдкою черезъ прибрежныя. Моряки, управлявшіе военными долгими кораблями, догадавшись, что рыболовы, качаясь со стороны въ сторону и едва плывя на своихъ челнокахъ, идутъ на нихъ съ цѣлію нападенія,

сначала подумали, что они просто съ ума сошли. Однако нужно стало защищаться, или нападать. Царскія тріиры также выступили поэтому впередъ, съ трубами и литаврами: напротивъ того на лодкахъ рыбаковъ хранилось глубокое молчаніе, и гребцы, дружно ударяя въ море веслами, дышали только бѣшенствомъ. Наконецъ противники сошлись, и пропонтидцы одержали верхъ надъ огромными царскими судами, приперши ихъ къ самымъ берегамъ города. Въ самомъ дѣлѣ, тріиры, будучи слишкомъ длинны и неповоротливы, не могли тотчасъ вредить противникамъ; между тѣмъ лодки, подплывая группами и совмѣстно въ большомъ числѣ окружая каждую тріиру, въ одно и тоже время нападали съ кормы, съ носу, съ обоихъ бортовъ, и такимъ образомъ въ узкомъ проливѣ могли легко одержать надъ ними побѣду и поставить себѣ великолѣпный трофей. Впрочемъ моряки, не долго несши стыдъ пораженія, наконецъ отбили рыбачьи лодки и скоро, можетъ быть, совершенно уничтожили бы ихъ водянымъ огнемъ, если бы не подоспѣлъ къ нимъ на помощь близко стоявшій отрядъ Враны, спустившійся съ холмовъ и занявшій самые края берега для вспомоществованія своей флотиліи.

7. Измѣнникъ, видя, что ему нельзя прокрасться тайно, что его замыслы не удаются и ни осада съ сухаго пути, ни коварные происки въ городѣ не приводятъ къ цѣли, рѣшился дѣйствовать другимъ путемъ, — или голодомъ при-

нудить къ сдачѣ царственный городъ, приставивъ къ нему величайшую и сильнѣйшую осадную машину—недостатокъ съѣстныхъ припасовъ (ибо и восточныя и западныя области римскихъ владѣній уже покорились ему), и не пропуская въ Византію ни одного корабля съ хлѣбомъ, или напасть на городъ съ сильнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ флотомъ. Но онъ задумалъ въ своемъ умѣ то, чему Богъ не судилъ исполниться. Царь Исаакъ, увѣрившись, что все населеніе города предано ему и не только не желаетъ воцаренія Враны, но осыпаетъ его всякаго рода проклятіями, поставилъ на городскихъ стѣнахъ необоримое укрѣпленіе и нерушимую ограду,—икону Богоматери, называемую по Одигійскому (τῶν Ὁδηγῶν) монастырю, которому она принадлежитъ, Одигитріею, и рѣшился съ своей стороны начать наступательныя дѣйствія, частію, конечно, и самъ чувствуя, что продолжительное заключеніе внутри города не принесетъ никакой прибыли, постыдно и съ каждымъ днемъ можетъ породить новыя затрудненія, но гораздо болѣе уступая настоятельнымъ требованіямъ кесаря Конрада. Кесарь былъ родомъ итальянецъ, сынъ владѣтельнаго лица страны Монферратской. Онъ отличался такимъ мужествомъ и такимъ умомъ, что не только пользовался въ этомъ отношеніи общею извѣстностію между римлянами и особенною любовію царя Мануила, но славился и между своими одноплеменниками, какъ человѣкъ, надѣленный отъ природы быстрымъ соображеніемъ и живою дѣятельностію.

Это тотъ самый герой, который, бывъ побужденъ большими дарами царя Мануила, такъ воинственно поднялъ руки на короля Аллеманіи, побѣдилъ въ сраженіи королевскаго канцлерія, маинцкаго епископа, съ большими силами вторгнувшагося въ Италію, взялъ его въ плѣнъ и, заключивъ въ узы, объявилъ, что не иначе согласится освободить его, какъ если то будетъ повелѣно царемъ римлянъ. Когда потомъ царь Исаакъ отправилъ посольство къ брату его Бонифацію съ предложеніемъ соединиться бракомъ съ родною сестрою царя Ѳеодорою, случилось, что Бонифацій взялъ уже другую невѣсту и праздновалъ съ нею брачное торжество, между тѣмъ Конрадъ въ это самое время лишился сопутницы жизни. Послы сочли находкою такую перемѣну обстоятельствъ, и случайность на пути къ цѣли была признана ими гораздо важнѣе самой цѣли. Плѣнивъ Конрада пышными обѣщаніями, они привезли его съ собою, и въ непродолжительномъ времени послѣ того, какъ царь отпраздновалъ бракъ его съ Ѳеодорою, послѣдовало возмущеніе Враны. Конрадъ постоянно старался подкрѣплять и поддерживать благими надеждами бодрость въ душѣ царя Исаака, который совсѣмъ отчаялся, впавши отъ успѣховъ Враны въ малодушное разслабленіе, и не принималъ никакихъ мѣръ для успѣшнаго хода войны. Набравъ себѣ толпу монаховъ, которые ходили босыми и спали на голой землѣ, и поселивъ въ свои царскія палаты подвижниковъ, возвышающихся надъ землею на

столпахъ, царь просилъ Бога молитвами ихъ укротить наступившую междоусобную войну и не попустить того, чтобы царская власть, бывъ отнята отъ него, перешла къ другому; а о томъ, что непосредственно касалось войны, не заботился нисколько, возлагая всѣ надежды на всеоружіе духовное. Одинъ только кесарь не давалъ ему ни на минуту покоя, какъ ракъ раковинѣ, подстрекалъ, возбуждалъ, умолялъ его не полагаться единственно на этихъ бѣдняковъ, но позаботиться въ свою очередь о войскахъ и употребить въ дѣло противъ возмутителя вооруженныя фаланги, чтобы можно было утишить вражескія нападенія не только оружіемъ деснымъ, то есть, предстательствомъ тѣхъ святыхъ мужей, а также и шуіимъ, состоящимъ въ мечѣ и латахъ,—и увѣщавалъ не щадить денегъ, даже расточать ихъ на наборъ войскъ, такъ какъ кромѣ родственниковъ царя и обитателей Константинополя всѣ преклонились предъ Враною, и внѣ столицы невозможно было набирать войско. Тревожимый подобными рѣчами кесаря, какбы безпрерывно подталкивающею дубиной, царь наконецъ очнулся отъ мертваго сна, стряхнулъ съ себя безпечность и рѣшился набирать соратниковъ. Жалуясь на недостатокъ денегъ, онъ взялъ изъ царскихъ сокровищницъ серебряные сосуды, заложилъ ихъ въ церкви, богатыя золотомъ, и добытыя оттуда деньги отдалъ на наборъ войска; но впослѣдствіи, послѣ побѣды, денегъ не возвратилъ, а заложенныя вещи отобралъ. Въ короткое время Конрадъ со-

бралъ изъ находившихся въ городѣ латинянъ до двухъ сотъ пятидесяти всадниковъ, отборныхъ храбрецовъ, и до пяти сотъ пѣшихъ. Сверхъ того записалось въ войско значительное число измаильтянъ и восточныхъ иверійцевъ, прибывшихъ въ царственный городъ по дѣламъ торговли. Наконецъ набралось до тысячи человѣкъ изъ людей знатнаго рода, составлявшихъ царскій дворъ, или во всякомъ случаѣ пробавлявшихся около царскаго дворца. Вообще Конрадъ такъ много принималъ на себя заботъ за государя, что всѣ признавали его человѣкомъ, свыше посланнымъ стать при царѣ въ такое важное для него время. Однажды, явившись къ царю, когда тотъ кушалъ, онъ со вздохомъ сказалъ: «о, если бы ты такъ заботился о текущей войнѣ, какъ усердствуешь на пирахъ, лакомясь предложенными яствами и всѣ свои мысли погружая въ опоражниваемыя блюда!»—При этихъ словахъ, зардѣвшись и раскраснѣвшись краснѣе себя ([1]), царь съ принужденнымъ смѣхомъ взялъ кесаря за тогу и, дернувъ, сказалъ: «ну, ужъ ты! Будетъ у насъ времени и ѣсть и воевать!»—Были же тогда и знаменія: днемъ видны были звѣзды; воздухъ казался взволнованнымъ, и около солнца появились какія-то странныя явленія, называемыя свѣтлыми кругами, такъ что и само оно представляло собою не чистый и ясный, но блѣдно желтый свѣтовой дискъ. — Собравъ такимъ образомъ войско, какое позволяли об-

---

([1]) Намекъ на багряницу, которую носили цари.

стоятельства, царь рѣшился не медлить и не ждать чего нибудь еще, сидя подъ домашнею кровлей, но въ свою очередь также въ вооруженіи явиться предъ измѣнникомъ. Итакъ, ставъ въ вооруженіи внутри городскаго укрѣпленія, которое построилъ царь Мануилъ для защиты влахернскаго дворца, онъ сказалъ въ ободреніе своихъ приверженцевъ и стоявшаго по близости войска слѣдующую поощрительную рѣчь. «Лучше, безъ сомнѣнія, и богоугоднѣе со стороны подданныхъ—защищать своего законнаго властителя, чѣмъ примыкать къ возмутителю и виновнику междоусобной войны. Но если есть люди, которые колеблются въ своемъ расположеніи, не знаютъ, куда склониться, или даже готовы всѣмъ пожертвовать мятежнику, стремятся къ нему всей душею и отрекаются сегодня отъ того, кому вчера служили, какъ рабы владыкѣ; то, я прошу ихъ самою справедливою просьбою,—пусть они останутся дома, не помогая никому, пока дѣла не будутъ рѣшены войной, и пусть тогда уже присоединятся къ побѣдителю вмѣстѣ со всѣми другими,—или пусть переходятъ на сторону мятежника немедленно, до начала наступающаго сраженія, и пусть открыто за него воюютъ и подвергаются опасностямъ, чтобы тѣмъ болѣе заслужить его благодарность, покрывшись трофеями. Тѣсниться ко мнѣ и устами чтить меня, а сердцемъ принадлежать другому и ему отдавать всѣ свои расположенія, не знаю, понравится ли это кому нибудь, но, конечно, будетъ противно Богу,

который правосудно испытуетъ самые сокровенные помыслы. Нужно ли, наконецъ, говорить о томъ, что еще хуже и постыднѣе? Но я не хочу приводить этого и на умъ, именно—того, что иные, можетъ быть, готовы будутъ перейти на сторону тиранна во время самаго сраженія и такимъ образомъ подадутъ порядочнымъ людямъ дурной примѣръ слѣдовать за собою и перебѣгать на другую сторону, какъ это обыкновенно бываетъ съ птицами, которыя летаютъ стаей: вспорхнула одна, съ шумомъ поднялись и прочія; опустилась одна, за ней сѣла и вся стая!»—Царь сказалъ эти послѣднія слова изъ подозрѣнія къ дядѣ своему по отцу, севастократору Іоанну, который издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Враною и незадолго до возмущенія Враны отпраздновалъ бракъ своего сына съ его дочерью. Поэтому, хотя всѣ, составлявшіе настоящее собраніе, не мало были огорчены его рѣчью, но въ особенности севастократоръ. Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, онъ началъ призывать на весь свой домъ самыя тяжелыя проклятія, если только онъ когда нибудь думалъ присоединиться къ Вранѣ. Онъ говорилъ, что онъ не такъ не внимателенъ къ своему долгу, что онъ не выжилъ отъ старости изъ ума и не вовсе еще обезумѣлъ, чтобы ему, дядѣ царя, возвышавшаго его отъ почести къ почести, по родственнымъ отношеніямъ сына промѣнять царя на какого-то бродягу и пришлеца, о которомъ еще неизвѣстно, точно ли онъ расположенъ къ нему и дѣй-

ствительно ли сдѣлаетъ для него что нибудь хорошее.

8. Когда пришло время битвы и было донесено, что мятежникъ выдвинулъ свои силы; ворота города отворились и войска выступили. Лѣвымъ крыломъ командовалъ протостраторъ Мануилъ Камицъ, который далъ царю много денегъ на тогдашній наборъ ополченцевъ. Будучи заклятымъ врагомъ Враны и не обѣщая себѣ ничего добраго въ томъ случаѣ, если бы Врана взялъ верхъ, онъ открылъ царю все свое имущество и предоставилъ ему черпать изъ него, сколько угодно, разсчитывая, что лучше истратить все свое имѣніе за царя, друга и родственника, и впослѣдствіи, если онъ побѣдитъ, получить все обратно съ благодарностію и еще въ большемъ количествѣ, нежели соблюсти свое имущество человѣку чужому, и притомъ—отъявленному врагу и недоброжелателю, на посмѣяніе себѣ и на великое обогащеніе ему. Правое крыло взялъ подъ свое начальство самъ царь Исаакъ; въ немъ соединялось все, что было въ войскѣ самаго знатнаго и блестящаго. Средину занялъ кесарь Конрадъ съ своими наемными латинянами — всадниками и пѣхотинцами. Въ противномъ лагерѣ центромъ войска, гдѣ собрались всѣ родственники и друзья Враны, всѣ знатнѣйшіе родомъ и храбрѣйшіе его приверженцы, управлялъ самъ Врана; а полками, стоявшими на томъ и на другомъ крылѣ, вмѣстѣ съ другими опытными вождями командовалъ скиѳъ Елпумъ. До полудня съ той и другой сто-

роны продолжалась перестрѣлка, происходили небольшія взаимныя стычки между обоими войсками, и отряды пѣхоты, выступая впередъ, старались завязать битву. Когда же солнце начало жечь въ самую голову, поданы были знаки къ сраженію, и первымъ выступилъ Конрадъ, имѣя на оружіи, равно какъ всѣ бывшіе съ нимъ латиняне, красный крестъ. Онъ сражался безъ щита и вмѣсто латъ носилъ въ нѣсколько рядовъ сложенную, плотную льняную ткань, пропитанную разсоломъ крѣпкаго вина. Слѣпленная солью и виномъ, эта ткань была такъ упруга, что никакая стрѣла не могла ее пронизать; она складывалась рядовъ въ восьмнадцать, или даже болѣе. Подошедши на небольшое разстояніе отъ войска противниковъ, Конрадъ опять на нѣсколько времени остановился. Но когда пѣхота подняла свои копья на битву, сомкнувшись твердой стѣною (щиты къ щитамъ, шлемъ къ шлему), и конница, пришпоривъ лошадей, понеслась съ копьями на перевѣсъ, между тѣмъ за ними пошелъ и царскій полкъ; центръ войска Враны, не выдержавъ даже перваго нападенія Конрадовой пѣхоты и стремительнаго натиска конницы, поворотилъ тылъ и бросился въ разсыпную, а за нимъ обратились въ бѣгство и прочіе полки, составлявшіе правое и лѣвое крыло. Громко и звучно крикнулъ Врана: «стойте, римляне! Насъ много; неужели мы не управимся съ горстью! Я первый бросаюсь на непріятеля; за мною, впередъ!» Говоря это, онъ дѣйствительно ринулся впе-

редъ; но не могъ однако ни одного человѣка воротить назадъ. Наконецъ онъ направилъ копье въ сражавшагося безъ шлема Конрада, но намѣтилъ неудачно, такъ что оно, только скользнувъ по плечу кесаря, вылетѣло изъ его рукъ; между тѣмъ кесарь, взявъ древко своего копья обѣими руками, ударилъ имъ Врану прямо въ щеку, оглушилъ его и стремглавъ сбросилъ съ коня. Кесаревы оруженосцы окружили Врану со всѣхъ сторонъ и лишили его жизни. Говорятъ, что когда Врана былъ пораженъ Конрадомъ и, съ трепетомъ предвидя смерть, умолялъ его пощадить ему жизнь, Конрадъ отвѣчалъ, что ему бояться нечего, такъ какъ съ нимъ ничего непріятнаго не сдѣлаютъ, кромѣ того только, что ему отрубятъ голову. Обѣщанная милость немедленно и была ему оказана. Бѣгство мятежниковъ сопровождалось страшнымъ кровопролитіемъ;такъ было впрочемъ только при началѣ пораженія, не долѣе: потому что и римляне щадили единоплеменную кровь, и сами преслѣдуемые, спасая свою жизнь, бѣжали изъ всѣхъ силъ. Лагерь былъ разграбленъ побѣдителями и сдѣлался жертвою расхищенія не только для царскихъ войскъ, но и для набѣжавшихъ изъ города жителей. Въ эту битву между прочимъ былъ пораженъ копьемъ въ пахъ и убитъ одинъ добрый и дружелюбный человѣкъ, анхіальскій епархъ Константинъ Стиѳатъ, который послѣдовалъ за Враною противъ воли. Ни тому, къ кому присоединился, не помогъ онъ нисколько, какъ и слѣдовало ожидать; ни себя не спасъ отъ па-

денія подъ ударомъ меча, хотя былъ знаменитѣйшимъ астрологомъ своего времени. Положившись на какой нибудь, безъ сомнѣнія, чрезвычайно тонкій знакъ, указанный ему его наукою, онъ спокойно сидѣлъ въ своей палаткѣ и нисколько не опасался непріятельскаго нападенія. Говорили, будто бы на основаніи выводовъ своего искусства онъ пророчественно предсказалъ Вранѣ, что въ этотъ самый день Врана войдетъ въ городъ съ самымъ блистательнымъ тріумфомъ. Но я не знаю вѣрно, дѣйствительно ли Стиѳатъ предсказывалъ это; потому что молва не всегда гласитъ справедливо о томъ, что съ рѣшительностію выдаетъ за извѣстное всѣмъ. А что, если мы въ настоящемъ случаѣ будемъ вѣрить молвѣ, предвѣщанія Стиѳата оказались пустыми, это, говорятъ, доказало самое дѣло, развѣ кто, будучи крайнимъ приверженцемъ звѣздочетной науки, будетъ утверждать, что Стиѳатъ не совсѣмъ ошибся и выводы этого искуства совсѣмъ не пусты, относя предсказаніе къ головѣ Враны и къ одной изъ его ногъ, которыя въ тотъ день, бывъ воткнуты на древки копій, съ торжествомъ были носимы по площади вмѣстѣ съ головою одного торговца, прозывавшагося Поэтомъ, которую отняла не какая либо непріятельская рука, а приказалъ отсѣчь, послѣ той блестящей побѣды и одолѣнія враговъ, самъ царь, не знаю, для какой прибыли и ради какого благополучія.

9. Такъ окончилась настоящая битва. Принимаясь поэтому за пиръ, царь велѣлъ отво-

рить во дворцѣ всѣ внутреннія и наружныя двери, чтобы всякій желающій могъ войти и взглянуть на него,—виновника торжества! Когда пошла потомъ жаркая осада блюдъ и всѣ дѣятельно повели войну съ подававшимися кушаньями, онъ приказалъ въ видѣ не совсѣмъ приличнаго, конечно, эпизода, или въ видѣ десертнаго украшенія, подать голову Враны. Дѣйствительно, ее принесли съ оскаленнымъ ртомъ, съ закрывшимися глазами; бросили ее на полъ и, какъ мячь, начали дротиками перекидывать изъ стороны въ сторону въ разныхъ направленіяхъ. Въ заключеніе ее поднесли супругѣ Враны, содержавшейся въ царскихъ покояхъ, и спросили несчастную женщину, узнаетъ ли она, чья эта голова. Бросивъ взглядъ на это печальное, жалкое и неожиданное зрѣлище,—«знаю», отвѣчала она, «и плачу о своемъ горѣ». Супруга Враны была умная женщина, высоко цѣнившая приличную ея полу скромность, отъ чего дядя ея по матери царь Мануилъ называлъ ее украшеніемъ женщинъ и обаятельнымъ букетомъ своего пола въ царскомъ родѣ. — Между тѣмъ войска, поднявшія вмѣстѣ съ Враною мятежъ, опустивъ всѣ возжи, неслись, куда попало. Стоявшіе во время сраженія позади переднихъ рядовъ, какъ скоро почувствовали неудачный оборотъ дѣла, первые, начавъ бѣгство, помчались со всей силой, подозрѣвая, что за ними гонятся непріятели, и, разумѣется, нисколько не желая быть настигнутыми; а бѣжавшіе за ними, стараясь не отстать отъ переднихъ

въ бѣгствѣ, какъ дѣлѣ спасительномъ, и боясь преслѣдованія непріятелей, въ свою очередь желали того, чтобы ихъ лошади не касались ногами земли, но летѣли Пегасомъ, а сами они сдѣлались невидимками, прикрывшись шлемомъ Аида ([1]). Великъ тогда былъ ихъ страхъ, и онъ опредѣлялъ всѣ ихъ дѣйствія и желанія. Тѣмъ не менѣе большая часть изъ нихъ непремѣнно погибла бы несчастнымъ образомъ на Дафнутійскомъ мосту, если бы кто-то не убѣдилъ ихъ умѣрить быстроту бѣга и идти чрезъ мостовую арку въ порядкѣ и съ осторожностію, поклявшись съ поднятыми къ небу руками именемъ Божіимъ, что за ними не идетъ ни одного непріятеля, что непріятели давно уже воротились назадъ и оставили преслѣдованіе. Такимъ образомъ люди по своему положенію незначительные и незамѣтные безвинно и безотвѣтственно разошлись по своимъ домамъ, имѣя спасеніе для себя въ самой своей незнатности и не опасаясь, чтобы ихъ стали отыскивать для наказанія. Въ то же время люди знатнаго рода и извѣстные по своимъ правительственнымъ, или военачальническимъ должностямъ, соединившись въ одну многочисленную группу, нарядили посольство къ царю, прося прощенія въ томъ, что возмутились противъ него и послѣдовали за мятежникомъ. Они обѣщали, получивъ прощеніе, быть на будущее время добрыми и вѣрными поддан-

---

([1]) Аидъ — миѳологическое олицетвореніе смерти; которая носитъ шапку-невидимку и является совершенно непредвидѣнно.

ными и самымъ дѣломъ доказать царю раскаяніе въ томъ, что, какъ-будто обезумѣвъ отъ вина, вооружались противъ него, своего государя и повелителя. Если же, говорили они, царь, питая въ душѣ непремѣнную месть, не оставитъ теперь же, разъ на всегда, своей немилости и станетъ въ послѣдствіи упрекать ихъ въ ихъ прегрѣшеніяхъ, высыпая затаенную ненависть наружу въ искрахъ гнѣва; то они убѣгутъ съ глазъ царя, станутъ искать послѣдняго пристанища себѣ у народовъ враждебныхъ римлянамъ и вынуждены будутъ употреблять противъ римлянъ все, чего потребуетъ польза тѣхъ, къ кому они обратятся: потому что, когда свой дѣлается врагомъ, поневолѣ перейдешь къ чужому и станешь угождать ему, какъ другу. Такъ говорили, или приготовились говорить послы. Царь даровалъ всѣмъ полное прощеніе и, благосклонно принявъ прибывшихъ, совѣтовалъ имъ только принесть покаяніе въ нарушеніи данныхъ ему клятвъ, пойти къ великому первосвященнику и у него испросить разрѣшенія той анаѳемы, которой подвергли ихъ жители города, наблюдая съ высоты городскихъ башень ихъ враждебныя нападенія. Люди, заботившіеся о благочестіи, дѣйствительно обратились послѣ этого къ патріарху; другіе, ограничившись наклоненіемъ головы въ знакъ согласія на совѣтъ, сочли нелѣпостью идти въ великій храмъ и исповѣдываться; а иные наконецъ, едва успѣвши выдти съ глазъ царя, начали смѣяться и острить надъ нимъ. Совершенно

естественно, говорили они, что посвященный нѣкогда Богу (такъ какъ и надъ этимъ нужно было посмѣяться) теперь предлагаетъ и имъ то, къ чему привыкъ съ молодыхъ лѣтъ. Многіе убѣжали было къ Асану и Петру; но и тѣ спустя не много по царскимъ грамотамъ возвратились.

10. Между тѣмъ произошло еще нисколько не ожиданное событіе. Царь страннымъ образомъ дозволилъ столичнымъ обывателямъ и иногородцамъ наказать переходившихъ на сторону Враны подгородныхъ поселянъ и жителей Пропонтиды. И вотъ въ ночь, смѣнившую тотъ день, въ который былъ побѣжденъ Врана, по домамъ несчастныхъ пропонтидцевъ разливается греческій огонь, который, будучи затаенъ въ закрытыхъ сосудахъ, вдругъ вырывается изъ нихъ молніями и пожигаетъ все, на что ни падаетъ. Съ жадностію врываясь за ограды, онъ истреблялъ каждое зданіе, было ли это—святый храмъ, монастырь, общественное, или частное строеніе. И такъ какъ бѣда постигла совершенно неожиданно, то огонь, разливаясь сильнымъ пламенемъ въ воздухѣ, не только истреблялъ жилища, но поѣдалъ и имущества людей: потому что никто не могъ ничего вытащить и спасти, исключая какую нибудь малость. Съ наступленіемъ утра, какъ будто по командѣ, выступилъ изъ города собранный кесаремъ Конрадомъ латинскій отрядъ, въ сопровожденіи множества городскихъ бродягъ и нищихъ, и все это, кто въ настоящемъ вооруженіи, а кто съ такимъ ору-

жіемъ, какое прежде попало въ руки, бросилось грабить и разбойничать по окрестностямъ. Жилища были разрушены до основанія; имѣніе, какое было въ нихъ, растащено; святыя обители ограблены, лишены даже церковныхъ принадлежностей и священныхъ сосудовъ, поступившихъ теперь на мірское употребленіе; пренебрежена сѣдина почтенныхъ иноковъ, не почтена добродѣтель, которую даже врагъ умѣетъ уважать, и, словомъ сказать, не забыто ничего, что только можно было сдѣлать ужаснаго. Многіе за то, что жаловались на расхищеніе своихъ имуществъ, платили смертію. Грабежъ продлился бы и, продлившись, сдѣлался бы еще ужаснѣе, если бы нѣкоторые изъ приближенныхъ къ царю не внушили ему въ добрый часъ прекратить эти гнусные и отвратительные безпорядки. Послано было нѣсколько сановитыхъ и знатныхъ родомъ людей, чтобы остановить дальнѣйшіе порывы толпы, и такимъ образомъ буйства дѣйствительно были прекращены, но уже поздно, когда все большею частію было истреблено.—Не успѣли еще оплакать этихъ бѣдствій люди, надѣленные сердцемъ сострадательнымъ, и еще обливались горячими слезами тѣ, кто сочувствовалъ чужому горю, какъ часть городскихъ ремесленниковъ, не одобрявшая сейчасъ разсказаннаго мною грабежа, считая обиднымъ для себя, что латиняне заносятся и хвалятся тѣмъ, будто именно ими былъ побѣжденъ Врана, и желая отмстить за тѣ ужасныя бѣдствія, которыя они причинили подгороднымъ жителямъ, соединилась въ фаланги и

толпою хлынула на домы латинянъ, подобно разливпемуся отъ дождей ручью. Смѣшанный гулъ голосовъ наполнилъ воздухъ, какъ будто стаи галокъ, журавлей и скворцовъ съ крикомъ неслись по поднебесью, или какъ будто вопили охотники и псари подущали своры собакъ. Мятежники подгоняли другъ друга, таща одинъ другаго за платье. Никто не слушалъ убѣжденій къ миру, и всѣ, какъ аспиды, затыкающіе уши, бѣжали, заграждая слухъ отъ всякой умной рѣчи. Скопившеюся толпою управляла не одна безумная ярость; ею руководила еще жажда чужихъ денегъ. Рыночные торгаши думали, что теперь наступила самая удобная минута прогнать латинянъ изъ ихъ домовъ и можно будетъ безъ всякаго труда расхитить ихъ имущества, какъ это было во времена царя Андроника. Но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Латиняне, завидѣвши, что толпа несется на нихъ волною, немедленно загородили рогатками всѣ пути, которые вели къ ихъ жилищамъ, и, вооружившись, стали сплошною массою за своими укрѣпленіями. Неоднократно чернь покушалась пробраться сквозь эти препятствія, и всякій разъ не только не достигала цѣли, но была отражаема латинянами съ урономъ. Ратуя безъ вооруженія и безъ латъ противъ вооруженныхъ, многіе даже въ пьяномъ видѣ, римляне тогда только поняли, что дѣлаютъ, и узнали, что Епиметей [1] глупѣе Прометея [2], когда валились на-

---

[1] Обдумывающій дѣло послѣ того, какъ его сдѣлаетъ.

[2] Обдумавшаго напередъ, какъ успѣшно исполнить свое предпріятіе.

земь, бывъ поражаемы стрѣлами, или повергаемы при натискѣ. Борьба продолжалась почти съ полудня во весь тотъ день до поздняго вечера. На другой день, едва солнце взошло на горизонтъ, мятежники опять собрались на бой еще съ большею яростію, какъ будто на войну, и многіе были уже надлежащимъ образомъ вооружены. Но, посланные императоромъ, умные люди успѣли остановить ихъ. Съ своей стороны латиняне также содѣйствовали возстановленію мира, употребивъ хитрость, которая очень могла подѣйствовать на простяковъ. Они собрали всѣхъ римлянъ, убитыхъ во время схватки, переодѣли ихъ, обрили имъ бороды, внесли ихъ въ преддверія своихъ домовъ и начали притворно оплакивать, какъ своихъ одноплеменниковъ, жалуясь прибывшимъ отъ императора посредникамъ на свои потери и умоляя ихъ не допускать вторичнаго возобновленія подобной битвы и не подвергать ихъ въ другой разъ избіенію, слѣды котораго будтобы были передъ глазами. Тѣ передали подобнаго рода рѣчи массѣ рабочаго народа, приглашая каждаго собственными очами посмотрѣть на убитыхъ, и, представляя на видъ, что совершившагося ни въ какомъ отношеніи нельзя одобрить, кое какъ успѣли такимъ образомъ, уже къ вечеру, смягчить толпу и уговорить, чтобы каждый обратился къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ. Говоря правду, народъ оказался такимъ сговорчивымъ и послушнымъ внушенію знатныхъ вельможъ по тому, что его теперь не вооружалъ и не поощ-

рялъ къ бою лучше всякаго оружія—его обычный вождь—вино (такъ какъ дѣло началось съ утра). А если бы эти люди предварительно нагрузились виномъ и уже тогда ухватились за свои шилья и ножи, то какая пѣвунья пташка, или какія сирены-очаровательницы своими трелями могли бы возвратить ихъ къ миру и отклонить отъ предпринятаго намѣренія? Съ давнихъ временъ многіе острили на счетъ пристрастія византійцевъ къ разливанному морю; между прочимъ Меандръ говоритъ тоже: «въ Византію кто ни пріѣдетъ, будетъ пьянъ; тамъ по цѣлымъ ночамъ пьянствуютъ.» Такъ-то шли наши дѣла!

ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Между тѣмъ царь, жалѣя, что въ первый свой походъ противъ мизійцевъ не распорядился ихъ страною надлежащимъ образомъ и возвратился изъ нея съ такою поспѣшностію, какъ будто его по пятамъ преслѣдовалъ непріятель, даже не оставивъ въ ея крѣпостяхъ римскихъ гарнизоновъ и не взявши отъ непріятеля бла-

гонадежныхъ заложниковъ, теперь опять рѣшился идти въ Мизію. Не теряя времени, онъ выступилъ изъ столицы съ небольшимъ войскомъ, какое при немъ случилось, — такъ какъ получилъ извѣстіе, что мизійцы уже не витаютъ только по горамъ и холмамъ, но, усилившись наемнымъ скиѳскимъ войскомъ, спустились на окрестности Агаѳополя и сильно опустошаютъ ихъ, производя страшныя злодѣйства, — между тѣмъ по призыву его собиралось и остальное войско. Царь хотѣлъ противопоставить неожиданному и быстрому нападенію варваровъ столько же быстрый отпоръ, надѣясь, что и враговъ удержитъ и въ своихъ возбудитъ живѣйшую готовность слѣдовать за собою въ этотъ второй походъ противъ валаховъ, если самъ первый немедленно подниметъ противъ нихъ оружіе и сядетъ на бранпаго коня. Достигши Таврокома (это — небольшое населенное помѣстье, лажащее неподалеку отъ Адріанополя), онъ остановился частію въ ожиданіи сбора войскъ, а частію для соединенія съ кесаремъ Конрадомъ, которому приказалъ также слѣдовать за собою, ни мало не медля. Но кесарь, будучи явно недоволенъ тою мѣрою благосклонности, какою пользовался у царя, считая свое положеніе въ Константинополѣ несоотвѣтственнымъ ни степени своего родства съ царемъ, ни своему происхожденію, и видя, что его блестящія надежды завершились одною лишь обувью, отличною по цвѣту отъ обыкновенной (разумѣю обувь, отличавшую кесарей), къ тому же—еще

дома принявъ крестъ, давно предположивъ отправиться въ Палестину, которою въ настоящее время владѣли египетскіе сарацины, и уже какбы мимоходомъ вступивши въ супружество съ сестрою царя, — кесарь, говорю, сначала и хотѣлъ было идти вмѣстѣ съ царемъ и принять участіе въ предстоявшей войнѣ; но, такъ какъ Богу угодно было, чтобы римляне еще пострадали отъ мизійцевъ, перемѣнилъ свое намѣреніе, сѣлъ на крѣпкій, вновь оснащенный, корабль и уѣхалъ въ Палестину. Когда онъ присталъ къ Тиру, то былъ встрѣченъ и принятъ тамошними своими соплеменниками, какбы какое нибудь высшее существо, сошедшее къ нимъ съ неба на помощь. И въ самомъ дѣлѣ, устремившись на сарацинъ, онъ возвратилъ своимъ соплеменникамъ Іоппію, которую нынѣ зовутъ Акрою (Ἄκε), и нѣкоторые другіе города. Къ сожалѣнію, такъ какъ рѣшено было судьбою, чтобы и тамъ случились несчастія, то на ряду съ другими доблестными и мужественными военачальниками, добровольно и на собственный счетъ предпринявшими походъ во имя Христа, спустя не много былъ убитъ какимъ-то хасисійцемъ и Конрадъ, едва успѣвши показать агарянамъ опыты своего мужества, равно какъ благоразумія, и сдѣлаться предметомъ удивленія. Хасисійцы — это цѣлое племя, которое, говорятъ, имѣетъ такую преданность своему начальнику и такую готовность къ исполненію его приказаній, что по одному движенію его бровей они бросаются съ утесовъ, пронзаются кинжалами,

погребають себя въ морѣ, или кидаются въ огонь. Когда начальствующія у нихъ лица по своему выбору прикажутъ имъ убить кого нибудь; то они, бывъ допущены къ своей жертвѣ, какъ друзья, или приняты, какъ гости, или представившись людьми, имѣющими сказать что нибудь особенно важное, или даже притворившись послами отъ какого либо народа, мгновенно поражаютъ кинжаломъ и умерщвляютъ врага своихъ властелиновъ, вовсе не имѣя въ мысли ни трудности порученія, ни того, что чрезъ это сами могутъ подвергнуться смерти, не нанесши даже смерти другому.

Итакъ царь, взявъ съ собою около двухъ тысячъ отборныхъ воиновъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ добрыми конями, выступилъ изъ Таврокома противъ непріятеля одинъ, приказавъ обозу и обозной прислугѣ слѣдовать въ Адріанополь. Лазутчики донесли, что непріятели опустошаютъ селенія въ окрестностяхъ Ларден и что, избивши множество народа, не менѣе забравши въ плѣнъ и нагрузившись богатою добычею, они предположили отправиться въ обратный путь. Поэтому царь ночью, при звукѣ трубы, сѣлъ на коня и погнался за ними, желая пересѣчь имъ дорогу. Достигши мѣстечка Вастерны, онъ далъ здѣсь роздыхъ войску, такъ какъ непріятели еще не показывались; потомъ, переждавъ три дня, двинулся отсюда рано утромъ и направилъ путь прямо на Веррою, но не прошелъ и четырехъ парасангъ ([1]), какъ

([1]) Парасанга, —фарсангъ, персидская мѣра длины, равняющаяся 30 стадіямъ, —нѣсколько болѣе $5^1/_2$ верстъ.

явился лазутчикъ съ вѣстью о близкой опасности и донесъ, запыхаясь, что непріятель—возлѣ, что онъ возвращается съ добычею и совершаетъ свой путь крайне медленно—по двумъ причинамъ, частію по тому, что не предвидитъ никакого сопротивленія, а частію отъ того, что обремененъ огромнымъ грузомъ всякаго рода добычи. Тотчасъ же раздѣливъ свое войско на отряды и построивъ въ боевой порядокъ, царь выступилъ на ту дорогу, по которой, какъ было донесено, двигался непріятель. Наконецъ мы замѣтили и ясно увидѣли непріятельское войско,—такъ какъ и я былъ здѣсь, состоя при царѣ въ должности младшаго секретаря (ὑπογραμματέυων). Мгновенно скиѳы и валахи, поручивъ добычу отдѣльному отряду съ тѣмъ, чтобы онъ пробирался кратчайшею дорогою и поспѣшно продолжалъ путь до самыхъ горъ, сомкнулись и храбро встрѣтили натискъ римской конницы, сражаясь по отечественному и обычному своему способу. Обыкновенно они бросаются на противниковъ, осыпаютъ ихъ тысячами стрѣлъ и ударяютъ въ копья, но чрезъ короткое время перемѣняютъ нападеніе на бѣгство и начинаютъ заманивать непріятеля въ погоню за собою; потомъ вдругъ поварачиваются лицемъ къ настигающимъ, бросаются на нихъ быстрѣе птицъ, разсѣкающихъ воздухъ, и вступаютъ опять въ бой, всякій разъ—съ новымъ мужествомъ и большею противъ прежняго отвагою. Повторивъ этотъ маневръ и теперь много разъ, такъ что римляне стали уже видимо ослабѣвать, они

оставили его потомъ, обнажили мечи и съ страшнымъ воинственнымъ крикомъ, быстрѣе мысли, бросились на римлянъ и начали косить безъ разбора—и нападавшихъ, и обращавшихся въ бѣгство. По всей вѣроятности, скиѳы, покрывшись великою славою, дѣйствительно посмѣялись бы въ этотъ день надъ нами и мы были бы преданы на позоръ народу звѣрскому, если бы не подоспѣлъ на помощь самъ царь, имѣвшій при себѣ еще совершенно свѣжую фалангу, и если бы громкій звукъ трубъ прибывшаго отряда, гулъ мѣдноустыхъ роговъ, огласившій поле сраженія, и видъ драконовыхъ изображеній, развѣвавшихся по вѣтру на древкахъ копьевъ, не увеличили въ ихъ устрашенномъ неожиданностію воображеніи численности нашего войска. Такимъ образомъ вырвавъ тогда кое что изъ непріятельской добычи, какбы изъ звѣриныхъ челюстей, царь направился послѣ битвы назадъ къ Адріанополю, оставивъ дорогу, по которой предположилъ идти. Но такъ какъ варвары не успокоивались, то онъ опять поворотилъ на дорогу, которую передъ тѣмъ оставилъ. Въ самомъ дѣлѣ ему удалось при Верроѣ остановить набѣги скиѳовъ и мизійцевъ, частію благодаря пособію людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, частію своими личными распоряженіями. Тѣмъ не менѣе варвары, хотя боялись римлянъ и вездѣ обращались въ бѣгство, гдѣ только появлялся царь, однако всякій разъ украдкою снова принимались за свои дѣла, вторгаясь гдѣ нибудь какъ будто съ цѣлію дать

битву и заставляя тамъ ожидать своего нападенія, а между тѣмъ въ дѣйствительности нападая совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и всегда имѣя какой нибудь успѣхъ. Когда царь спѣшилъ къ Агаѳополю, чтобы тамъ остановить ихъ набѣги, они грабили селенія, находившіяся вблизи Филиппополя. Какъ скоро онъ направлялся къ мѣсту, которое отъ нихъ страдало, они тотчасъ устремлялись туда, откуда уходилъ царь. Ихъ набѣгами управлялъ одинъ изъ упомянутыхъ мною братьевъ, Асанъ, человѣкъ необыкновенно ловкій и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ чрезвычайно находчивый. Итакъ царь рѣшилъ снова отправиться въ загорье и, во чтобы то ни стало, смирить мизійцевъ. Поэтому, тронувшись изъ Филиппополя, онъ двинулся къ Тріадицѣ, въ томъ предположеніи, что тамъ и дорога на Эмъ не очень затруднительна, а по мѣстамъ даже совершенно открыта, и водопой достаточный и подножный кормъ для вьючнаго скота есть, если только во-время проѣзжать тамъ. Но такъ какъ солнце, сдѣлавъ поворотъ на зиму, въ своемъ теченіи склонялось все ниже и ниже, рѣки отъ стужи оледенѣли по суровости тамошняго холоднаго климата и снѣгъ, выпавъ въ огромномъ количествѣ, совсѣмъ закрылъ землю, не только наполнивъ лощины, но завáливъ и двери домовъ, то царь отложилъ дѣло до появленія весны и войску приказалъ въ теченіе зимы стоять въ тамошней области лагеремъ, а самъ поспѣшилъ въ столицу потѣшиться конскими скачками и насладиться театромъ. Съ на-

чаломъ весны онъ снова выступилъ въ походъ и пошелъ на мизійцевъ; но и опять, потративъ цѣлыхъ три мѣсяца и употребивъ множество усилій на взятіе крѣпости Ловица (¹), оставилъ свое предпріятіе недоконченнымъ, снялъ лагерь и отправился въ столичный городъ. Такъ прелести Пропонтиды, ея увеселительные дворцы, охота, скачки, какбы приковывая къ себѣ нашихъ императоровъ, не давали имъ долго оставаться въ полѣ и, какъ трусовъ какихъ нибудь, манили ихъ дизертировать въ свои объятія. Правда, царь захватилъ тогда въ плѣнъ жену Асана и взялъ въ заложники брата его Іоанна; но, не смотря на то, дѣла пошли еще хуже.

2. Въ это самое время поднялъ возмущеніе филаделфіецъ Ѳеодоръ Манкафа. Сперва онъ привлекъ къ себѣ буйную и безпорядочную чернь многолюдной Филаделфіи и ея вѣрность себѣ упрочилъ клятвами; потомъ принялъ на себя и царское имя, мало по мало привлекши къ участію въ мятежѣ всѣхъ лидянъ; затѣмъ началъ склонять на свою сторону сосѣднія съ Лидіею области и отчеканилъ серебряную монету съ своимъ собственнымъ клеймомъ. Когда такимъ образомъ возмущеніе постепенно подвигалось впередъ и, будучи сперва предметомъ смѣха, обрушилось наконецъ сильнымъ ударомъ на сердце царя,—царь счелъ нужнымъ не медлить долѣе и взялся противъ мятежника за оружіе. Подступивъ поэтому къ

(¹) Нынѣшняя — Ловча.

Филадельфіи, онъ заперъ въ ней Манкафу, или Моро—Өеодора, какъ прозвалъ его народъ за его неразумныя дѣйствія въ послѣдствіи. Однако, не смотря на долговременную осаду, царь не могъ смирить филадельфійцевъ; онъ долженъ былъ обратиться къ переговорамъ и заключилъ миръ на тѣхъ условіяхъ, чтобы Өеодоръ, сложивъ съ себя знаки царскаго достоинства, возвратился по прежнему къ жизни частнаго человѣка, а жители города признали надъ собою власть того, кто прежде надъ ними царствовалъ. Взявъ отъ нихъ по своему выбору нѣсколько молодыхъ людей въ заложники, царь возвратился въ Константинополь; тѣмъ не менѣе это возмущеніе стоило государству многихъ прекрасныхъ и храбрыхъ людей. Спустя не много времени Василій Ватацъ, человѣкъ не высокаго происхожденія, но въ слѣдствіе брачнаго союза съ двоюродною племянницею царя по отцу возвысившійся до званія доместика востока и облеченный властію дукса Өракіи, подкупилъ большую часть соумышленниковъ Манкафы и, хотя самого его не могъ схватить и заключить въ оковы, однако успѣлъ его выгнать изъ города Филадельфіи, воображая, что такимъ образомъ совершилъ великое дѣло и весьма угодилъ царю. Между тѣмъ Өеодоръ убѣжалъ къ иконійскому султану Кайхозрою и обратился къ нему съ просьбою помощи противъ римлянъ. Хотя султанъ и отказалъ ему въ пособіи войскомъ, но дозволилъ безпрепятственно вербовать въ своей области всѣхъ турокъ,

кто только, жаждая корысти и надѣясь на колчанъ и лукъ, захочетъ поживиться на счетъ римлянъ. Такимъ образомъ Ѳеодоръ собралъ значительную шайку и, нападая на своихъ соотечественниковъ, уводилъ изъ деревень рабовъ, отгонялъ скотъ и вообще причинялъ тысячи бѣдъ жителямъ Лаодикіи Фригійской, равно какъ моего отечественнаго города Хонъ, сожигая въ лѣтнее время гумна и со всѣмъ, что ни попадалось подъ руку, поступая хуже неприятеля—до такой степени, что бранилъ и ругалъ самыхъ турокъ за снисхожденіе, которое они иной разъ оказывали сосѣдственнымъ съ ними христіанамъ. Между прочимъ, вторгнувшись въ Карію, онъ захватилъ тамъ многихъ въ плѣнъ и продалъ въ рабство варварамъ; мало того, злодѣй не постыдился сжечь тамъ храмъ Архистратига Михаила, зданіе величайшее и замѣчательнѣйшее, превосходившее красотою и протяженіемъ въ высоту храмъ великомученика Мокія въ царственномъ городѣ. Наконецъ царь, воспользовавшись случаемъ, когда Манкафа послѣ такихъ злодѣйствъ возвратился однажды къ султану, и притомъ же подозрѣвая, что онъ не на добрыя мысли и дѣла наводитъ властителя Иконіи Кайхозроя, въ это время получившаго надъ Иконіею власть по наслѣдству послѣ смерти отца,—чрезъ пословъ и денежные подарки султану добился того, что Манкафа былъ выданъ и отосланъ къ нему, но съ тѣмъ условіемъ и договоромъ, чтобы онъ не былъ казненъ за свое возмущеніе ни смертію, ни отсѣченіемъ,

или изуродованіемъ какой либо части тѣла. Итакъ, бывши выгороженъ отъ всякаго другаго наказанія, онъ осужденъ былъ на долговременное темничное заключеніе. Однако же этотъ поступокъ султана показался весьма противенъ прочимъ его братьямъ, которые раздѣлили съ нимъ власть по смерти отца. Они хотѣли даже поднять противъ него оружіе за то, что онъ схватилъ и выдалъ за деньги римскому царю человѣка, который добровольно отдался подъ его покровительство: но султанъ успѣлъ болѣе или менѣе успокоить ихъ, представивши благовидно, что онъ не выдалъ, а просто отослалъ Манкафу для поддержанія добрыхъ отношеній съ царемъ,—бѣднаго странника возвратилъ въ свое отечество, чтобы и онъ никого не обижалъ, и его никто не преслѣдовалъ. Такъ это дѣло и кончилось.

3. Но года не проходило безъ того, чтобы онъ не принесъ съ собою общественнаго бѣдствія, какъ будто Богъ опредѣлилъ нашимъ современникамъ видѣть постоянную смѣну безпокойныхъ дней. Должно быть, мало было для нашего наказанія войнъ изъ круга варварскаго, что и король аллеманскій Фридерикъ принесъ намъ изъ чужой стороны бѣду. Прислав къ царю Исааку пословъ, онъ во имя дружбы просилъ дозволенія пройти чрезъ землю римлянъ съ войскомъ, которое будетъ сопровождать его въ его путешествіи въ Палестину, а также—по дорогѣ доставлять ему за деньги продовольствіе,—и свои предположенія касательно этого въ

свою очередь сообщить ему чрезъ римскихъ пословъ. Итакъ къ нему былъ посланъ дромологоѳетъ [1] Іоаннъ Дука. Заключивъ взаимно клятвенный договоръ въ томъ, что король мирно пройдетъ чрезъ римскія владѣнія и не допуститъ никакой обиды ни городу, ни деревнѣ, ни крѣпости, ни мѣстечку, а римляне будутъ доставлять ему все нужное въ изобиліи, такъ что его войско ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка, но безъ затрудненія и въ избыткѣ будетъ находить, какъ надлежащее продовольствіе для людей, такъ и кормъ лошадямъ,—Дука спустя извѣстное время возвратился и донесъ царю о заключенныхъ условіяхъ. Царь употребилъ все стараніе на сборъ разнаго рода припасовъ и приказалъ областнымъ начальникамъ немедленно препровождать ихъ въ тѣ мѣста, которыми будетъ проходить король. Когда же сдѣлалось извѣстно, что король уже вступилъ въ римскія владѣнія, и когда онъ самъ чрезъ людей знатнаго рода, занимавшихъ при немъ высшія должности, грамотами увѣдомилъ царя о своемъ прибытіи, къ нему былъ посланъ опять тотъ же логоѳетъ,—а вмѣстѣ съ нимъ и Андроникъ Кантакузинъ,—чтобы устранить на пути его всѣ неудобства. Но эти люди по незнанію дѣла и собственному нерадѣнію (потому что, хотя и друзья они намъ, но истину должно цѣнить выше и дороже) и короля раздражили противъ римлянъ, и царя расположили подозрѣвать въ

---

[1] Главный начальникъ почтоваго вѣдомства.

немъ непріятеля. Отсюда и клятвы были нарушены, и подвозъ съѣстныхъ припасовъ остановился, и мы, пишущіе эти строки, управляя въ то время Филиппопольскою провинціею и завѣдуя переписью ея, впутались въ большія непріятности. То получено было отъ царя повелѣніе возобновить стѣны города Филиппополя и обвести ихъ рвомъ,—и мы въ тѣ трудные и тревожные дни горячо принялись за работу; то вдругъ пришло предписаніе — разрушить все, чтобы городъ не послужилъ убѣжищемъ королю. Между тѣмъ, какъ король для снисканія жизненныхъ припасовъ долженъ былъ дѣлать набѣги, царь не отпускалъ отъ себя его пословъ и, какъ онъ воображалъ, запиралъ ему въ тѣсныхъ мѣстахъ проходъ, дѣлая засѣки рубкою высокихъ и корнистыхъ деревьевъ и желая такимъ образомъ поставить путникамъ непреодолимыя препятствія. Мало того, онъ приказалъ своему племяннику, протостратору Мануилу Камицу, и доместику запада Алексѣю Гиду, съ отрядами войскъ слѣдить за алеманами и изъ засадъ нападать на нихъ, какъ скоро они будутъ отправляться въ поиски за сѣномъ, или съѣстнымъ продовольствіемъ. А королю всѣ эти завалы, подѣланные въ тѣснинахъ порубкою деревьевъ, представили такое препятствіе, что онъ прошелъ ихъ безъ малѣйшаго труда. И что еще забавнѣе, онъ прошелъ другою дорогою, прибылъ въ Филиппополь, расположился въ немъ лагеремъ и такимъ образомъ, обошедши римлянъ, очутился впереди ихъ и уже овладѣлъ

тѣмъ, ради чего ему затрудняли и загораживали дорогу. Вступивши въ Филиппополь, онъ нашелъ его почти совершенно пустымъ; потому что всѣ сколько нибудь порядочные жители бѣжали изъ него,—если же кто и остался, то развѣ какой нибудь бѣднякъ, у котораго все имущество состояло въ томъ, чѣмъ онъ былъ одѣтъ, или армянинъ. Въ самомъ дѣлѣ только одни армяне считали прибытіе аллемановъ не нашествіемъ народовъ, а приходомъ друзей, такъ какъ они ведутъ съ аллеманами торговыя дѣла и взаимно согласны съ ними въ весьма многихъ еретическихъ ученіяхъ. Такъ армянами и аллеманами равно отвергается почитаніе святыхъ иконъ; тѣ и другіе употребляютъ при священнослуженіи опрѣсноки и, уклонившись отъ праваго пути, соблюдаютъ, какъ законъ, и кое что другое, что православными христіанами отвергается. Однако, занявши уже Филиппополь, король счелъ нужнымъ немедленно писать къ протостратору и объяснить ему, что напрасно римляне замедляютъ его движеніе впередъ и незаконно загораживаютъ ему путь, такъ какъ онъ ни прежде не имѣлъ, ни теперь не имѣетъ въ мысли ничего непріязненнаго, или враждебнаго римлянамъ, и свои условія соблюдаетъ ненарушимо. Протостраторъ передалъ содержаніе его письма самодержцу-царю, испрашивая повелѣнія, какъ должно дѣйствовать послѣ этого; но царь не только не отвѣчалъ въ миролюбивомъ тонѣ, а напротивъ нашелъ нужнымъ побудить протостратора къ сильнѣйшему нападе-

нію на короля и укорялъ его въ нерадѣніи за то, что онъ по сію пору сомнѣвается, нужно ли еще поражать и истреблять аллемановъ, тогда какъ они—то отрядами выходятъ на поиски съѣстныхъ припасовъ, то тамъ, или здѣсь, бродятъ въ разсыпную съ самою оплошною довѣрчивостію.

4. Такъ писалъ царь, полагаясь на пророческія внушенія нѣкоторыхъ людей, скорѣе вѣщавшихъ отъ собственнаго чрева, нежели провидѣвшихъ будущее,—будто король совсѣмъ не намѣренъ идти въ Палестину, но всѣ свои виды простираетъ на Царьградъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что войдетъ въ него такъ называемыми кенлокеркскими воротами и сперва совершитъ страшныя преступленія, а потомъ понесетъ и соотвѣтственное наказаніе по праведнымъ судамъ Божіимъ. Предзанятый такими мыслями, царь заложилъ кенлокеркскія ворота известью и кирпичемъ и часто говаривалъ, вертя въ рукахъ вновь выкованныя изъ мѣди стрѣлы, что онъ уже оттачиваетъ ихъ, чтобы вонзить въ сердца аллемановъ,—потомъ, указывая на боковую дверь влахернскаго дворца, изъ которой были видны поля, развертывающіяся гладкою равниной за филопатіонскими укрѣпленіями, восклицалъ, что вотъ отсюда онъ будетъ метать стрѣлы, валить и разить аллемановъ, такъ что смѣхъ бралъ людей, кому приходилось слушать такія рѣчи (1). Въ Студійской

(1) Варіантъ на слова: *предзанятый такими мыслями..... слушать такія рѣчи.* Въ слѣдствіе подобнаго рода суетныхъ внушеній царь

обители проходилъ подвиги иноческаго воздержанія нѣкто Досиѳей, утверждавшій, что его родъ идетъ отъ венеціанъ и что отцемъ его былъ какой-то Витиклинъ. Сблизившись съ Исакомъ еще до полученія имъ верховной власти, онъ предсказалъ ему царскую корону и, когда предсказаніе исполнилось, вошелъ чрезъ это въ великую честь у царя, получилъ при немъ большое значеніе и, по смерти занимавшаго тогда іерусалимскій престолъ, Леонтія, человѣка добросердечнаго и всѣмъ извѣстнаго своею добродѣтельною жизнію, былъ возведенъ въ санъ іерусалимскаго патріарха. А такъ какъ наши цари, при своей безудержности и силѣ, никакъ не могутъ воздержаться отъ того, чтобы по своему произволу не превращать и не переиначивать всѣхъ дѣлъ, и божескихъ и человѣческихъ; то Исаакъ, воцарившись, отрѣшилъ отъ константинопольскаго патріаршаго престола Василія Каматира, не смотря на то, что патріархъ весьма много содѣйствовалъ ему въ полученіи власти. Причиною для низложенія его послужило то обстоятельство, что онъ далъ

вооружался и крѣпко заложилъ упомянутыя ворота кирпичами съ известью. Однажды царь держалъ въ своихъ рукахъ метательные дротики, а патріархъ Досиѳей и говоритъ ему: «взгляни, царь, на эти мечи; скоро тебѣ придется вонзить ихъ въ сердца аллемановъ». Патріархъ стоялъ тогда съ царемъ на самомъ верху влахернскаго дворца въ такъ называемой вышкѣ и смотрѣлъ на филопатіонскія поля. «Вотъ, когда ты будешъ стрѣлять», продолжалъ онъ, «изъ этой самой двери; такъ стрѣлы будутъ долетать до самаго Филопатіона и вонзаться прямо въ сердца аллемановъ». Большей части присутствовавшихъ при этомъ смѣшно было слушать такія рѣчи. Этотъ Досиѳей былъ монахомъ въ Студійскомъ монастырѣ......

разрѣшеніе снять черное платье и возвратиться къ прежнему образу жизни и прежней одеждѣ тѣмъ женщинамъ высшаго сословія, которыхъ Андроникъ противъ воли постригъ въ монашество. Поставивъ вмѣсто него патріархомъ сакелларія великой церкви Никиту Мунтана, царь не далъ однако и этому дряхлому старцу скончаться на патріаршемъ престолѣ, но, называя человѣкомъ безполезнымъ и осуждая за старость, свергъ и его съ каѳедры безъ всякой вины и противъ его желанія. Потомъ, серьезнѣе обративъ вниманіе на то, чтобы отыскать для церкви достойнаго кормчаго, царь возвелъ въ санъ великаго архипастыря одного монаха, Леонтія, утверждая царскимъ словомъ и клянясь трономъ, что не зналъ этого человѣка прежде, но Богоматерь ночью указала ему на него, не только описавъ его видъ и доблести, но и означивъ мѣсто, въ которомъ онъ имѣлъ свое жительство. Впрочемъ не прошло года, какъ и этотъ былъ свергнутъ съ высоты патріаршества [1]. Осрамивъ такимъ образомъ и Леонтія, онъ рѣшился разыграть цѣлую драму и на вселенское предстоятельство возвесть іерусалимскаго патріарха Досиѳея. Зная, что церковные каноны этого не дозволяютъ, царь лукаво обратился къ занимавшему въ то время

---

[1] Варіантъ на слова: *какъ и этотъ былъ свергнутъ съ высоты патріаршества*,—какъ онъ свергъ съ высоты патріаршества и этого, Богородицею поставленнаго, патріарха, ничего уже не говоря и не припоминая о томъ, въ какихъ похвалахъ разливался о немъ прежде и до какой степени прославлялъ его, какъ человѣка Божія.

патріаршій престолъ града Божія, великой Антіохіи, Θеодору Вальсамону, знаменитѣйшему изъ всѣхъ тогдашнихъ законовѣдовъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, наединѣ, онъ притворился горюющимъ о томъ, будто церковь такъ оскудѣла въ людяхъ благочестивыхъ и разумныхъ и монашескія доблести такъ стали рѣдки и незамѣтны, что уже нѣтъ по прежнему такого свѣтила, которое бы, какъ солнце, имѣло постоянство въ своемъ движеніи, или человѣка, который бы могъ сѣсть у кормила священнаго престола и твердою рукою направлять путь всего сонма вѣрующихъ. Печально выставивъ на видъ и другія подобныя наблюденія, царь прибавилъ, что давно уже имѣлъ намѣреніе съ каθедры антіохійской вознесть его на вселенскую высоту (¹), какъ свѣтильникъ, сіяющій лучами законовъ, но удерживался только потому, что подобныя перемѣщенія издревле воспрещены канонами и считаются противорѣчущими церковнымъ законоположеніямъ; а если бы Θеодоръ, какъ досконально изучившій законы и каноны, могъ доказать, что такое перемѣщеніе, какъ прежде когда нибудь имѣло мѣсто, такъ можетъ

(¹) Варіантъ на слова: *въ бесѣдѣ съ нимъ..... на вселенскую высоту.* Пригласивши его къ себѣ, наединѣ, царь началъ притворно скорбѣть и сокрушаться, что будто въ церкви вовсе не видно людей благочестивыхъ и разумныхъ, а оттого и монашество падаетъ,—«развѣ только ты, многосвѣтлое свѣтило, возсіяешь на высотѣ сего патріаршаго престола, направишь вѣрно путь христіанскаго народа и приведешь церкви и монастыри въ надлежащее состояніе; я бы и очень хотѣлъ перевесть тебя изъ антіохійской церкви на сей вселенскій и высокій престолъ»....

быть умѣстно и теперь, и съумѣлъ бы склонить на это мысли большинства, то онъ, царь, счелъ бы такое дѣло истинною находкою для себя и немедленно, безъ всякихъ разбирательствъ, распорядился бы его производствомъ. Такимъ-то образомъ подступилъ царь къ Ѳеодору антіохійскому, и тотъ нашелъ, что все это очень можно уладить. На другой же день начались собранія архіереевъ по разнымъ священнымъ палатамъ, соборы, разысканія о перемѣщеніи; тотчасъ же все было разрѣшено, послѣдовало опредѣленіе съ изъявленіемъ высочайшаго соизволенія, и — Ѳеодоръ антіохійскій остался по прежнему антіохійскимъ, на константинопольскую каѳедру былъ переведенъ съ іерусалимской Досиѳеей, при такой пышной и многолюдной процессіи, что она не уступала царскимъ тріумфамъ, а архіереи, омороченные и понапрасну нарушившіе каноны, только разинули рты отъ изумленія. Будучи не въ состояніи долго переносить такую шутку, первенствующіе члены духовенства, равно какъ знатнѣйшіе изъ архіереевъ, начали составлять тайныя собранія, подстрекать народъ, шумѣть, сколько доставало голоса, такъ что наконецъ пришлый покоритель чужой церкви, Досиѳей, долженъ былъ покориться общему голосу, оставить свое второе мѣсто и сойти съ престола. Въ свою очередь не вынося этого удара, царь вступаетъ въ борьбу, всячески старается утвердить состоявшееся перемѣщеніе,—спустя короткое время, преодолѣвъ препятствія, возстановляетъ

опять Досиөея на престолѣ и на этотъ разъ препровождаетъ его въ великую церковь съ отрядомъ своего сѣкироноснаго конвоя и высшими придворными сановниками [1], изъ боязни, чтобы народъ не произвелъ мятежа, потому что Досиөея всѣ ненавидѣли, какъ искателя чужихъ каөедръ и какъ человѣка, который, наводя государя на самыя неблагоразумныя распоряженія, въ тоже время былъ непростительно самолюбивъ. Однако Досиөей и опять принужденъ былъ разстаться съ пышностію вселенскаго престола и неожиданно подвергся одной участи съ эзоповою собакой, такъ какъ потерялъ и то священноначальство, которое имѣлъ (въ Іерусалимъ рукоположенъ былъ уже другой), и лишился высшаго престола. Впрочемъ это случилось послѣ, когда въ патріархи произведенъ былъ великій скевофилаксъ Георгій Ксифилинъ.

5. Въ настоящее же время Досиөей, подбирая изъ Соломоновыхъ книгъ разныя указанія и какбы намеки на будущее, подобно демонамъ, насылающимъ сновидѣнія, водилъ императора, какъ вездѣ говорили, не то, чтобы за носъ, а за уши. Между тѣмъ протостраторъ, повинуясь царскимъ распоряженіямъ, оставилъ безъ вниманія королевское посланіе и весь отдался тому, чтобы какъ можно болѣе дѣлать зла алеманамъ

---

[1] Варіантъ на слова: *въ свою очередь не вынося и проч.* Не допуская этого переворота, царь употребилъ всѣ усилія, чтобы настоять на прежде состоявшемся перемѣщеніи, послалъ варяговъ и солдатъ и опять водворилъ его въ патріаршихъ палатахъ.

во время ихъ фуражировокъ. И вотъ однажды, взявъ съ собою около двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ, онъ вознамѣрился пройти ночью вблизи Филиппополя, засѣсть за тамошними холмами и утромъ напасть на фуражировъ. Взявшись самъ за это дѣло, обозу, обозной прислугѣ и прочему войску, какъ будто по вдохновенію свыше, онъ приказалъ съ нами отступить отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, еще прежде, чѣмъ наступилъ день, аллеманы, свѣдавъ отъ бывшихъ въ Прусинскомъ укрѣпленіи (гдѣ собственно стояло лагеремъ царское войско) армянъ о намѣреніяхъ протостратора, въ туже ночь поднялись изъ Филиппополя въ числѣ свыше пяти тысячъ человѣкъ, всѣ—закованные въ желѣзо, и поспѣшно двинулись на насъ, бывши не замѣчены ни досмотрщиками, ни сторожами, которые у насъ были поставлены, а также не встрѣтившись и съ отборнымъ войскомъ протостратора, такъ какъ протостраторъ шелъ ближе къ горамъ, гдѣ были селенія, еще изобиловавшія съѣстными припасами, и прятался за возвышенностями, стараясь быть не замѣченнымъ своею обреченною добычею, а аллеманы смѣло шли по ровному полю дорогой, ведшей прямо въ римскій лагерь. Не найдя въ лагерѣ ни одного человѣка и узнавши, что войсковой обозъ еще съ ранняго вечера снялся оттуда, а отборный отрядъ войска выступилъ для нападенія на ихъ соплеменниковъ, отправившихся въ поиски за хлѣбомъ, непріятели, не дожидаясь новаго извѣстія, поворотили коней, чтобы

отыскать тѣхъ, которые ихъ искали. Еще не успѣли они спуститься съ пригорка, возвышающагося подлѣ Прусинскаго укрѣпленія, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулись съ нашими, которые именно за этимъ пригоркомъ и засѣли. Завязалась схватка. Аланы, бывшіе подъ командою Ѳеодора, сына Алексѣя Враны, пали почти всѣ, такъ какъ вступили въ бой съ аллеманами первые и одни только; римляне же опрометью и постыдно бросились въ бѣгство, не бывъ даже въ состояніи хорошо разглядѣть своихъ противниковъ. Самъ протостраторъ, ускользнувши другою дорогой, не показывался къ намъ послѣ того дня три и, кое какъ избѣжавъ непріятельскихъ рукъ, наконецъ едва добрался, какъ будто достигъ пристани послѣ продолжительнаго плаванія, еще изрыгая соленую воду пораженія и чувствуя, какъ шумятъ въ ушахъ звонкіе голоса аллемановъ, требующіе—ловить его. Многіе воротились въ лагерь безъ оружія и безъ лошадей, при поспѣшномъ бѣгствѣ растерявъ свои повозки. Вообще послѣ этого римляне и аллеманы стали въ такомъ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга, что ихъ раздѣляло болѣе шестидесяти стадій: они остались по прежнему въ Филиппополѣ, а мы отступили на отдыхъ къ предѣламъ Ахриды, заботясь только о томъ, чтобы уцѣлѣть, и—прибавлю еще—опустошая свою собственную землю для пропитанія. Вѣсти объ этомъ, дошедши до царя, едва, едва убѣдили его нѣсколько уступить. Съ своей стороны мы, спустя немного времени прибывши въ Кон-

стантинополь, также обстоятельно описали ему все положеніе дѣлъ, прибавивъ, что алеманы говорятъ, будто не другое что побудило римскаго царя презрѣть клятвы, данныя западнымъ христіанамъ, какъ союзъ его съ главою сарацинъ, закрѣпленный по принятому у сарацинъ при заключеніи дружбы обычаю тѣмъ, что каждый изъ обоихъ союзниковъ разрѣзалъ у себя на груди жилу и вытекшую изъ нея кровь далъ пить другому. Такимъ образомъ мы успѣли было одолѣть его упорство. Перемѣнивъ свой образъ мыслей, царь началъ заботиться о препровожденіи алемановъ на востокъ; но, узнавъ, что король, по случаю наступленія зимы (это было уже въ ноябрѣ) отложилъ до весны походъ, онъ опять воротился къ прежнимъ убѣжденіямъ и въ письмѣ къ королю, вовсе несоотвѣтственно достоинству царей, предсказывалъ, что онъ умретъ предъ наступающею пасхою. Чтобы не говорить обо всемъ, что въ его дѣлахъ и словахъ заслуживало скорѣе обвиненія, нежели похвалы, скажу одно, что онъ едва согласился отпустить отъ себя обратно королевскихъ пословъ. Король, при свиданіи съ ними узнавъ, что царь даже не давалъ имъ стульевъ, но что они по рабски наравнѣ съ римлянами должны были стоять передъ нимъ и не были удостоены никакого почета, хотя то были епископы и родственники его, — оскорбился и не могъ скрыть своей досады. Когда представились ему наши послы, онъ приказалъ какъ имъ, такъ и ихъ прислугѣ, садиться рядомъ съ собою, не позво-

ливши стоять ни поварамъ, ни конюхамъ, ни поваренкамъ. На замѣчаніе пословъ, что не прилично слугамъ сидѣть вмѣстѣ съ великимъ императоромъ (довольно и того, что ихъ господа сидятъ), — онъ не сдѣлалъ никакой уступки и противъ воли усадилъ ихъ рядомъ съ ихъ господами, желая этимъ осмѣять римлянъ и сказать имъ, что въ ихъ отечествѣ нѣтъ отличія ни доблестямъ, ни происхожденію, но, какъ свинопасы загоняютъ всѣхъ свиней въ одинъ хлѣвъ, не имѣя обыкновенія отдѣлять жирныхъ отъ не успѣвшихъ разжирѣть, такъ и римляне всѣхъ ставятъ на одну доску. По прошествіи нѣкотораго времени недостатокъ въ продовольствіи заставилъ короля раздѣлить свое войско. Самъ онъ перешелъ въ Орестіаду, а своего сына и епископовъ съ значительною частію войска оставилъ въ Филиппополѣ, сказавъ: «вамъ слѣдуетъ здѣсь отдохнуть, пока не укрѣпите ослабѣвшихъ отъ вытяжки предъ греческимъ царемъ голеней и разслабѣвшихъ колѣнъ».

6. Когда зима прошла и цвѣты дали отъ себя ароматъ, — царь и король возобновили клятвы. Топархи и магнаты послѣдняго поклялись, что король пройдетъ чрезъ римскую землю и совершитъ походъ не полями и виноградниками, а большою дорогою, не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво, пока не перейдетъ границъ римскихъ. Съ другой стороны царь далъ заложниковъ, въ томъ числѣ нѣсколько своихъ кровныхъ родственниковъ, — и пятьсотъ человѣкъ купцовъ и царскихъ придворныхъ поклялись въ

великомъ храмѣ, что царь ненарушимо сохранитъ условія, дастъ аллеманамъ проводниковъ и доставитъ всѣ средства для ихъ продовольствія въ дорогѣ.—Между тѣмъ нѣкоторые изъ судей Вила, будучи посылаемы тогда къ королю въ качествѣ заложниковъ, не рѣшились отправиться по назначенію и, не имѣя возможности ни показаться царю на глаза, какъ ослушники, ни надѣяться на безопасность у себя дома, скрывались по угламъ чужихъ домовъ во все время, пока король не отправился на востокъ. Разсерженный этимъ, царь вмѣсто судей Вила послалъ заложниками тавелліоновъ, имѣнія и домы непослушныхъ отдалъ разнымъ лицамъ по своему выбору и назначилъ другихъ судей. Однако въ послѣдствіи, понявъ ихъ поступокъ, не какъ непослушаніе, а какъ не безосновательную боязнь, онъ опять возвратилъ имъ имѣнія и прежнія почести. По окончаніи соглашеній царь послалъ королю четыре центенарія [1] серебряной монеты и нѣсколько кусковъ дорогихъ златотканныхъ матерій; король отвѣтилъ ему также другими подарками. Скоро собралось въ Калліополѣ [2] множество транспортныхъ судовъ,—такъ какъ въ условія, между прочимъ, входило и то, чтобы королю въ два пріема переправиться со всѣмъ войскомъ (ибо онъ боялся, чтобы римляне, измѣнивъ договору, не напали на него, пользуясь разничною перевозкою не-

---

[1] Центенарій заключалъ въ себѣ сто литръ; а литра, латинское — libra, фунтъ, вѣсъ въ 12 унцій—серебряной, или золотой монеты.

[2] Нынѣ Галлиполи.

большихъ отрядовъ),—и такимъ образомъ переправа на востокъ совершилась не болѣе, какъ въ четыре дня. Когда король приблизился къ Филаделфіи; то филаделфійцы, пока онъ не прошелъ ихъ города, оказывали ему дружественное расположеніе, но, едва только онъ пошелъ отъ нихъ далѣе, изготовились къ нападенію и разбойнически напали на одну часть его войска. Однако, такъ какъ надежды ихъ не исполнились, то они, увидѣвши, что имѣютъ дѣло какъ будто съ какими нибудь мѣдными статуями, или съ гигантами неподвижными, перемѣнили нападеніе на бѣгство. Между тѣмъ аллеманы, прошедши чрезъ такъ называемое село Орлиное (Ἀετοῦ), расположились лагеремъ въ Лаодикіи Фригійской. Бывъ приняты здѣсь самымъ дружелюбнымъ образомъ и съ искреннимъ гостепріимствомъ, котораго не встрѣчали нигдѣ, они всѣ до послѣдняго человѣка были такъ тронуты этимъ, что испрашивали лаодикійцамъ всѣхъ благъ свыше, а въ особенности—король. Воздѣвши руки къ небу, поднявъ вверхъ глаза и преклонивъ колѣна на землю, онъ умолялъ милосердаго Промыслителя и Отца всѣхъ Бога — ниспослать имъ все потребное, какъ для жизни, такъ и для спасенія души, присовокупляя, что если бы римская земля изобиловала такими христіанами и въ ней такъ радушно принимали воиновъ Христовыхъ, то они, аллеманы, охотно отдали бы римлянамъ и деньги, которыя несли съ собою, мирно покупая у нихъ нужное для себя продовольствіе, и сами давно уже перешли

бы римскія границы, не проливъ капли христіанской крови и не потревоживъ въ ножнахъ своихъ мечей.

Продолжая свое путешествіе, аллеманы не нашли и въ туркахъ расположенія къ себѣ. Точно также и эти, уклоняясь отъ прямой битвы, нападали, когда только были въ состояніи, хотя также, какъ и римляне, согласились безъ боя открыть имъ путь чрезъ свою землю и доставлять все потребное для содержанія во время дороги. И конечно, не дурно было бы и для нихъ, если бы они тоже соблюли условія. Вмѣсто того, надмившись пустыми надеждами, они отважились наконецъ даже на открытую войну. Такимъ образомъ между королемъ и дѣтьми иконійскаго султана, успѣвшими лишить своего отца власти и царства, выгнать изъ Иконіи и превратить прежнее его благоденствіе въ бѣдственную участь на старости лѣтъ, произошло сраженіе, во первыхъ, при крѣпости Филомилiѣ, въ слѣдствіе котораго король, легко обративши ихъ въ бѣгство, осадилъ Филомилій и сжегъ его. Потомъ онъ сразился съ ними при Гинкларіѣ и также одержалъ верхъ. Именно турки, занявъ тѣснины, поджидали вступленія туда аллемановъ; но король, узнавъ о замыслѣ противниковъ, остановился лагеремъ на прилегающей равнинѣ и, раздѣливъ ночью свое войско на двѣ части, одной приказалъ остаться въ палаткахъ, а другой съ разсвѣтомъ дня притворно пуститься въ бѣгство какбы съ цѣлію захватить другую дорогу.

Принявъ хитрость за правду, персы радостно высыпали изъ тѣснинъ, спустились на равнину и бросились на аллеманскій лагерь, безъ всякой предосторожности и въ восторгѣ, предполагая, что имъ предстоитъ готовая, большая и богатая добыча, такъ какъ каждый варваръ жаденъ до прибыли и многое, или, лучше сказать, все дѣлаетъ и говоритъ для одного серебра. Между тѣмъ бѣжавшіе возвратились, находившіеся въ палаткахъ бодро выступили на встрѣчу, и окруженнымъ отвсюду персамъ осталось только умереть.

7. Впрочемъ не этими только двумя сраженіями король сдѣлался страшенъ и знаменитъ у восточныхъ народовъ, но и подобнымъ же пораженіемъ турокъ въ самой Иконіи. Султанъ, убѣжавши въ Таксары, оправдывался тѣмъ, что ничего не знаетъ, что надѣлали его сыновья, такъ какъ однимъ изъ нихъ, Конаттиномъ, онъ самъ лишенъ власти. Между тѣмъ турки, укрывшись за садовыми рвами и канавами, которые безпрерывно идутъ вокругъ Иконіи, и засѣвши за каменные заборы своихъ садовъ, какбы за стѣну, надѣялись заградить аллеманамъ доступъ къ Иконіи, разсчитывая сосредоточить въ одно мѣсто всѣхъ лучшихъ стрѣлковъ и при легкости своего вооруженія имѣть перевѣсъ надъ тяжело вооруженными всадниками въ узкой и перерытой мѣстности. Но и на этотъ разъ ихъ затѣи обратились въ ничто. Видя, что турки укрываются за садовыми оградами и стрѣляютъ оттуда, какъ будто изъ какой нибудь крѣпости,

аллеманы употребили слѣдующее средство. Каждый всадникъ посадилъ на своего коня по вооруженному пѣхотинцу, и пока пѣшіе, взобравшись по хребтамъ коней, какбы по лѣстницамъ, на заборы, за которыми тѣсно сгруппировались турки, завязали съ ними здѣсь битву, конные подоспѣли къ нимъ на помощь тропинками, по которымъ можно было проѣхать. Такимъ образомъ всѣ, собравшіеся здѣсь, турки большею частію, какъ *злые, злѣ погибли*, и только немногіе успѣли спастись, разсѣявшись въ разныя стороны. Въ удостовѣреніе того, что павшихъ тогда, дѣйствительно, было множество, я приведу свидѣтельство самихъ враговъ. Такъ одинъ измаильтянинъ, который участвовалъ въ этомъ сраженіи, — прибывши въ Константинополь подъ покровительствомъ римскаго царя, клялся своею вѣрою, что онъ далъ двѣсти серебряныхъ статировъ (1) за уборку труповъ, которые легли въ его саду. Овладѣвъ Иконіею, аллеманы не вошли однако въ нее, но расположились въ такъ называемомъ внѣшнемъ городѣ, раскинувъ палатки на кровляхъ домовъ, и потомъ выступили въ дальнѣйшій путь, ничего не взявъ отъ ея жителей, кромѣ самаго необходимаго для жизни. Во время этого пути, говорятъ, одинъ аллеманинъ, чудовищнаго роста и необыкновенной силы, отсталъ однажды на большое разстояніе отъ своихъ со-

---

(1) Серебряный статиръ въ Греціи стоилъ четыре драхмы, почти тоже, что нашъ серебряный рубль; статиръ золотой равнялся двадцати драхмамъ серебра, т. е. почти пяти рублямъ серебромъ.

племянниковъ и слѣдовалъ за ними пѣшкомъ, таща за узду утомившагося въ дорогѣ коня; между тѣмъ около него собралось болѣе пятидесяти человѣкъ измаильтянъ, также самыхъ лучшихъ въ своемъ родѣ и отборныхъ наѣздниковъ. Окруживши его со всѣхъ сторонъ, они принялись бросать въ него стрѣлы; но онъ, прикрывшись широкимъ щитомъ и полагаясь на прочность латъ, съ спокойною улыбкою продолжалъ идти по своей дорогѣ, представляя изъ себя (и составляя на самомъ дѣлѣ) для стрѣлъ того варварскаго скопища—какбы несокрушимую скалу, или непотрясаемый утесъ. Когда же одинъ изъ нихъ, похвалившись, что отличится предъ другими, оставилъ лукъ, какъ вещь безполезную, выхватилъ длинный мечъ и, давъ шпоры коню, напалъ на аллеманина въ ближайшемъ разстояніи и лицемъ къ лицу; то оказалось, что онъ ударилъ по аллеманину, какъ по вершинѣ горы, или мѣдной статуѣ, а тотъ, обнаживъ дюжею и геройскою рукою полновѣсный, большой и прочный мечъ свой, ударилъ имъ коня своего противника наискось по ногамъ, и обѣ переднія ноги подсѣкъ, какъ какую нибудь траву. Между тѣмъ, пока еще упавшій на колѣна конь держалъ сидѣвшаго на сѣдлѣ всадника, аллеманинъ, направивъ руку на средину головы перса, сдѣлалъ другой ударъ палашомъ. При своей прочности и при могучести того, кто владѣлъ имъ, палашъ опустился съ такою страшною силою, что пораженный всадникъ развалился на двѣ части, и ударъ, про-

шедши черезъ сѣдло, нанесъ коню рану въ хребетъ. Пораженные такимъ зрѣлищемъ, прочіе персы не рѣшились продолжать бой съ этимъ одинокимъ воиномъ. А онъ, не обращая на нихъ вниманія, какъ левъ, увѣренный въ своей силѣ,— не прибавляя шагу, медленно подвигался впередъ и подъ вечеръ соединился съ своими соплеменниками, достигши мѣста, гдѣ они остановились на ночлегъ. Говорятъ, измаильтяне, боясь, чтобы король, одержавши надъ ними столько побѣдъ, не остался надолго въ ихъ странѣ, показывали ему притворное благожелательство, желая всѣми мѣрами ему угодить. Съ своей стороны король, взявъ въ заложники дѣтей отъ болѣе значительныхъ между ними особъ и запасшись весьма большимъ числомъ проводниковъ, перешелъ такимъ образомъ ихъ границы и, спустя не много достигши Арменіи (1), нѣкоторую часть проводниковъ и заложниковъ казнилъ, а остальныхъ отослалъ назадъ.

8. Бывъ принятъ армянами съ честію и пробывши тамъ довольно долго, онъ наконецъ отправился въ Антіохію, постоянно болѣе и болѣе пріобрѣтая себѣ славу своимъ умомъ, не-

(1) Кромѣ древней Арменіи, или Арменіи великой, занимавшей страны при источникахъ рѣкъ Евфрата и Тигра, была еще на западъ отъ нея Арменія малая, столицею которой былъ городъ Мелитина. Въ царствованіе Ираклія постоянныя войны, бывшія между греками и персами, почти опустошили обѣ эти Арменіи и были причиною, что значительная часть армянъ переселилась въ восточные предѣлы греческихъ областей: понтійской и каппадокійской. Такъ образовалась третья Арменія, которая носила названіе области, или ѳемы, арменіаковъ. Наконецъ въ слѣдствіе частыхъ вторженій турокъ множество армянъ оставило эту послѣднюю область и переселилось въ Киликію, найдя себѣ убѣ-

побѣдимостію своего войска, и уже не встрѣчая больше ни одного противника себѣ. Но (какой нечаянный и неожиданный случай, или, лучше сказать, какіе непостижимые для людей суды Божіи!), переправляясь чрезъ одну рѣку, онъ утонулъ въ ея волнахъ. Это былъ человѣкъ, по понятіямъ людей умныхъ, достойный доброй и вѣчной памяти и ублаженія своей кончины, не только потому, что происходилъ отъ самаго знатнаго рода и по наслѣдству отъ предковъ владѣлъ многими народами, но за то, что, воспламеняясь любовію ко Христу болѣе всѣхъ бывшихъ тогда христіанскихъ самодержцевъ, презрѣвъ отечество, придворныя увеселенія, покой и счастливую, роскошную домашнюю жизнь съ дорогими сердцу, онъ рѣшился страдать вмѣстѣ съ палестинскими христіанами за имя Христово, за честь живоноснаго гроба, и предпочелъ родной странѣ чужбину. Его не остановили ни тысячи парасангъ крайне тяжелаго пути, ни опасности отъ народовъ, чрезъ области которыхъ слѣдовало проходить. Ни скудость воды, ни недостатокъ въ хлѣбѣ, который при всемъ томъ надобно было покупать, а иногда доставать съ опас-

---

жище въ ущельяхъ и на возвышенностяхъ таврскихъ горъ. Сначала они составляли нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, но потомъ соединились и въ одиннадцатомъ столѣтіи составили цѣлое королевство, которое постепенно расширялось и главнѣйшими городами котораго были: Сизъ, Аназарва, Тарсъ и др.; такъ что наконецъ въ составъ его вошла вся Киликія,—земля, узкою каймою простирающаяся отъ исскаго залива до Антіохіи Киликійской и граничащая къ югу съ средиземнымъ моремъ, а къ сѣверу съ хребтомъ горъ таврскихъ. Вотъ объ этой-то четвертой Арменіи, или армянскомъ царствѣ въ Киликіи, и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ нашъ авторъ. *Примѣч. ред.*

ностію жизни, не удержали его отъ его намѣренія. Даже слезы, объятія и послѣдніе горячіе поцѣлуи дѣтей не могли тронуть или разслабить его душу. Нѣтъ,—подобно апостолу Павлу, не дорожа собственною жизнію, онъ шелъ съ готовностію не только сдѣлаться узникомъ, но даже умереть за имя Христово. Истинно, у этого мужа была апостольская ревность и боголюбезная цѣль, ни чѣмъ не ниже подвига тѣхъ, которые вдали отъ міра, возведши всецѣло умъ къ евангельской высотѣ и направивъ къ ней весь путь свой, все житейское презирали, какъ ни къ чему не нужное,—и я увѣренъ, что онъ скончался смертію праведника. Между тѣмъ сынъ его, получивъ послѣ смерти отца власть, прибылъ въ Антіохію, — отправившись оттуда въ дальнѣйшіе предѣлы Келесиріи, подавилъ междоусобіе въ Лаодикіи, склонявшейся на сторону измаильтянъ, взялъ безъ всякаго труда Беритъ и овладѣлъ весьма многими другими сирскими городами, прежде бывшими во власти латинянъ, а въ то время принадлежавшими сарацинамъ. Но, достигши Тира и осадивши Акру, которою владѣли измаильтяне, онъ, послѣ величайшихъ трудовъ за имя Христово, и самъ положилъ тамъ свою жизнь. Оставшееся войско не рѣшилось возвращаться домой опять сухимъ путемъ, боясь вѣроломства народовъ, чрезъ области которыхъ слѣдовало проходить; но сѣло на прибывшіе въ Тиръ купеческіе корабли своихъ соплеменниковъ и благополучно возвратилось домой.

Въ это время воевали противъ владѣвшихъ Палестиною и опустошавшихъ Іерусалимъ сарацинъ не только аллеманы, но также король французскій и глава британскихъ сѣкироносцевъ, которыхъ нынѣ зовутъ англичанами. Скопивши возможно большее число кораблей изъ Сициліи и съ морскихъ береговъ Италіи и наполнивъ ихъ пшеницей и другими жизненными припасами, они отплыли въ Тиръ, который служилъ обыкновенною пристанью для всѣхъ крестоносцевъ и средоточіемъ военныхъ дѣйствій противъ сарацинъ. Къ сожалѣнію они также не успѣли выгнать сарацинъ изъ святаго города и возвратились опять моремъ въ отечественныя земли, не достигнувъ цѣли своего предпріятія. Между прочимъ король англійскій по дорогѣ въ Палестину завоевалъ Кипръ; что же касается тиранна или, лучше сказать, безчеловѣчнаго и неумолимаго губителя кипрскаго, Исаака Комнина, то онъ былъ схваченъ, и сначала король держалъ его въ заключеніи, а потомъ, спустя не много времени, совсѣмъ удалилъ съ острова и, какъ негодяя, отдалъ его въ невольники одному изъ своихъ соотечественниковъ. Отправляясь въ Палестину, король на правахъ владѣтеля островомъ оставилъ въ Кипрѣ часть своего войска и, посылая изъ Палестины на островъ транспортные корабли, получалъ оттуда всѣ жизненные припасы. При возвращеніи же изъ Палестины онъ подарилъ Кипръ, какъ свою собственную область, іерусалимскому королю, дабы тотъ въ свободное отъ войны вре-

мя, слагая правительственныя заботы, имѣлъ тамъ спокойное убѣжище для себя и управлялъ Кипромъ, какъ даромъ англійскаго короля гробу Господню и неотъемлемою частью палестинскихъ владѣній. — Но объ этомъ довольно.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Царь Исаакъ имѣлъ отъ перваго брака трехъ дѣтей, — двухъ дочерей и одного сына. Старшую дочь онъ постригъ въ монахини и, съ большими издержками превративъ Іоанницкій домъ въ женскій монастырь (какъ предполагала сдѣлать это еще царица Ксенія по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина), водворилъ ее въ немъ, посвятивъ Богу, какъ чистую агницу; а другую отдалъ въ замужство за сына Танкреда короля сицилійскаго, царствовавшаго послѣ Вильгельма, который велъ противъ римлянъ войну на сушѣ и на морѣ, какъ мы объ этомъ выше разсказывали. Сына же, Алексѣя, онъ готовилъ въ наслѣдники престола, хотя, нисколько не помышляя ни о концѣ своей жиз-

ни, ни о возможности паденія своей династіи, онъ въ пророческомъ духѣ разсчитывалъ еще самъ царствовать непремѣнно, день въ день, тридцать два года, какъ будто ясно предвидя непостижимые совѣты Божіи, или самъ назначая предѣлы своей жизни, полагаемые Богомъ по Его неисповѣдимой волѣ.

Между тѣмъ не только Алексѣй Врана и лидянинъ Ѳеодоръ (Манкафа) *возвеличивали* на царя *запинаніе*, но и другіе покушались присвоить себѣ царское имя. Такъ одинъ самозванецъ Алексѣй, называя себя сыномъ римскаго императора Мануила Комнина, съ такимъ искусствомъ разъигрывалъ свою роль и до такой степени ловко поддѣлывался подъ наружность покойнаго царя Алексѣя, что походилъ на него даже прическою и цвѣтомъ золотистыхъ волосъ и такъ же точно заикался, какъ покойный царь отрокъ. Этотъ юноша происходилъ изъ Константинополя. Сначала его видѣли въ городахъ, лежащихъ по Меандру; потомъ онъ появился въ маленькомъ городочкѣ, Армалѣ, и здѣсь одному латинянину, у котораго пріютился въ домѣ, открылъ, кто онъ таковъ, сказавши, что его, по приказанію Андроника (какъ мы въ своемъ мѣстѣ коротенько разсказали объ этомъ) велѣно было бросить въ море, но что будто онъ пощаженъ тѣми, кому это было приказано, какъ вѣрными слугами своего отца.—Оттуда самозванецъ отправился въ Иконію и, явившись къ старику султану (сынъ его Копаттинъ тогда еще не лишилъ его власти), представился ему, не какъ

бродяга и обманщикъ, но какъ истинный сынъ императора Мануила. Постоянно онъ докучалъ султану, напоминалъ благодѣянія, оказанныя ему мнимымъ отцемъ своимъ Мануиломъ, называлъ его неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю и упрекалъ въ безчеловѣчіи за то, что онъ не сжалится надъ сыномъ своего друга, подвергшимся несчастію. Дѣйствительно, частію уступая его безстыдству, частію увлекаясь сходствомъ его съ Мануиломъ, султанъ утѣшилъ его не малыми дарами и обласкалъ доброю надеждою. Но разъ, когда во время аудіенціи римскаго посла самозванецъ началъ хвастать особеннымъ благородствомъ своего происхожденія, султанъ обратился къ послу съ вопросомъ, узнаетъ ли онъ въ этомъ человѣкѣ сына императора Мануила. Посолъ, разумѣется, отвѣчалъ, что сынъ императора Мануила несомнѣнно погибъ, бывъ брошенъ въ воду, что этотъ неизвѣстный ложно присвоиваетъ себѣ званіе умершаго и разсказываетъ о себѣ невѣроятныя вещи. При этихъ словахъ неудержимо вскипѣвъ гнѣвомъ и горячо воспламенившись желчію, юный Алексѣй непремѣнно схватилъ бы посла за бороду, еслибы съ одной стороны самъ посолъ, разсердившись въ свою очередь, не отразилъ мужественно стремленій Лже-Алексѣя, а съ другой султанъ, оскорбившись неприличіемъ его поведенія, со всею строгостію не приказалъ ему успокоиться. Хотя послѣ этого владѣтель Иконіи не рѣшился осуществить пылкихъ желаній молодаго человѣка; тѣмъ не менѣе, под-

даваясь его неотступнымъ просьбамъ, онъ дозволилъ ему султанскою грамотою, которую турки зовутъ—мусурій, безпрепятственно вербовать въ свою службу всякаго, кто согласится поступить подъ его начальство. Самозванцу было и этого довольно. Предъявляя туркамъ то здѣсь, то тамъ, султанскую грамоту, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ эмира Арсана и нѣсколько другихъ турокъ, обыкновенно занимавшихся грабежемъ римскихъ владѣній; такъ что въ короткое время у него набралось до восьми тысячъ войска, готоваго всюду слѣдовать за нимъ. Съ этими силами онъ двинулся потомъ на города, лежащіе по Меандру: одни изъ нихъ сдались ему на капитуляцію; другіе, которые оказали сопротивленіе, были доведены имъ до самаго бѣдственнаго положенія. Въ особенности онъ нападалъ на гумна, за что и прозванъ былъ гумножегомъ. Много противъ этого молодца посылали полководцевъ; но ни одинъ изъ нихъ не отличился, и всѣ возвращались, ничего не сдѣлавши изъ опасенія измѣны со стороны собственныхъ войскъ, въ которыхъ было гораздо замѣтнѣе расположеніе къ новопоявившемуся царевичу, нежели преданность царю Исааку. Въ самомъ дѣлѣ, самозванецъ привлекалъ къ себѣ не только толпу, и не только простой народъ съ видимою любовію о немъ говорилъ и толковалъ, и разглашалъ; но въ немъ приняли участіе даже придворные, весьма хорошо знавшіе, что Алексѣй, сынъ царя Мануила, давно разстался съ человѣческою жизнію, — не потому,

чтобы въ этомъ дѣлѣ что нибудь оставалось для нихъ загадкою, а единственно въ угоду своихъ личныхъ видовъ. Поэтому, когда наконецъ былъ посланъ противъ него братъ царя Алексѣй, который въ послѣдствіи самъ былъ царемъ; то и онъ не рѣшился вступить въ сраженіе съ этимъ вновь ожившимъ Алексѣемъ и, держась какъ можно далѣе отъ него, старался только утвердить въ повиновеніи и остановить отъ дальнѣйшей передачи самозванцу ту часть области, которая еще не перешла на его сторону. Между тѣмъ, пока дѣла шли такъ дурно,—самозванецъ постоянно успѣвалъ и усиливался, а севастократоръ все еще трудился надъ сборомъ войска, — Богъ, ни для кого недовѣдомо и совершенно особеннымъ образомъ, рѣшилъ эту междоусобную войну въ одно мгновеніе: на возвратномъ пути въ Армалу, Лже-Алексѣй остановился однажды въ замкѣ Писсѣ, пилъ здѣсь весьма много, и когда уснулъ отъ опьяненія, то одинъ священникъ собственнымъ его мечемъ отрубилъ ему голову. Севастократоръ Алексѣй, вглядѣвшись пристально въ представленную ему голову самозванца и похлыставъ конскимъ бичемъ ея золотистые волосы, сказалъ: «не безъ всякаго же основанія этому человѣку сдавались города!» Такимъ образомъ злодѣй понесъ достойную казнь, какъ за то, что, преступно вооруживши персовъ противъ римлянъ, пролилъ столько крови своихъ единоплеменниковъ, такъ и за то, что сдѣлалъ онъ,—да будетъ онъ проклятъ,—въ моемъ родномъ городѣ, Хонахъ, съ

знаменитымъ храмомъ Архистратига божественныхъ и невещественныхъ силъ Михаила: онъ осквернилъ это святѣйшее жилище Божіе; онъ ворвался въ него съ своими персами и не шевельнулъ рукою, нечестивецъ, чтобы остановить ихъ, когда въ его глазахъ они уничтожали сдѣланныя изъ разноцвѣтной мозаики изображенія Христа и святыхъ, топоромъ и молотомъ низпровергали священныя и неприкосновенныя двери алтаря, повергали на землю и попирали святѣйшую жертвенную трапезу.

2. Спустя нѣсколько дней явился въ Пафлагоніи другой самозванецъ, ложно принявшій на себя тоже имя и тоже происхожденіе. Ему также передались нѣкоторыя области; наконецъ противъ него былъ посланъ хартулярій (1) конюшій (τῶν ἱπποςάθμων), севастъ (2) Θеодоръ Хумнъ, который сразился съ нимъ, побѣдилъ, взялъ его въ плѣнъ и предалъ смерти. За тѣмъ Василій Хотза поднялъ знамя возмущенія въ Тарсіи, неподалеку отъ Никомидіи: его мятежъ

(1) *Хартулярій*—хранитель бумагъ, или секретарь извѣстнаго вѣдомства, какъ, напримѣръ—въ настоящемъ случаѣ, конюшеннаго. Придворное отличіе великаго хартулярія, какимъ, вѣроятно, былъ и севастъ Θеодоръ *Хумнъ*, главнымъ образомъ состояло въ томъ, что въ случаѣ церемоніяльныхъ выѣздовъ онъ вмѣстѣ съ протостраторомъ подводилъ императору коня, на которомъ тотъ долженъ былъ отправиться.

(2) Титулъ севаста принадлежалъ нѣкогда однимъ императорамъ. Изъ лицъ, не имѣвшихъ царской власти, въ первый разъ получилъ его отъ царя Никифора Вотаніата Алексѣй Комнинъ, родоначальникъ династіи Комниныхъ. Сдѣлавшись императоромъ, Алексѣй Комнинъ придумалъ еще титулы пансевастовъ, протосевастовъ и проч. Но если уже протосевастъ въ спискѣ придворныхъ чиновъ занималъ тринадцатое мѣсто; то севастъ былъ еще значительно ниже.

пошелъ сначала также довольно успѣшно; но потомъ онъ былъ схваченъ, ослѣпленъ и заключенъ подъ стражу. И не этимъ только ограничивалось число мятежниковъ! Напротивъ, постоянно появлялись они снова то здѣсь, то тамъ, въ такомъ множествѣ, что всѣхъ трудно и пересчитать, какъ будто бы земля ихъ родила,—и всѣ они сначала казались гигантами, но потомъ мгновенно лопались и исчезали, какъ надутые мыльные пузыри. Такъ Исаакъ Комнинъ, племянникъ царя Андроника, убѣжавъ изъ темницы, бросился въ великую церковь съ цѣлію взволновать народъ. Въ тотъ же день онъ былъ схваченъ, поднятъ на дыбу, подвергнутъ жестокимъ изтязаніямъ, чтобы показалъ соумышленниковъ, и, потерпѣвъ поврежденіе во внутренностяхъ, на другой день умеръ. Такъ Константинъ Таттикій, набравъ шайку соумышленниковъ, числомъ до пятисотъ человѣкъ, долгое время скрывался и таился въ городѣ; наконецъ указаны были слѣды его заговора, и скоро послѣ того онъ былъ пойманъ и лишенъ зрѣнія. Еще какой-то оборванецъ, производившій свой родъ отъ Комниныхъ, пошелъ было по той же дорогѣ. Однако и его также немедленно поймали и лишили зрѣнія. Причиною столь частыхъ мятежей отчасти была слабость правленія Исаака, который крѣпко былъ убѣжденъ, что какъ Богъ даровалъ ему власть, такъ Онъ одинъ и охранять его долженъ. Но главнымъ образомъ—побуждалъ людей властолюбивыхъ къ возстанію и мятежу примѣръ самого императора, достиг-

шаго царской власти безъ всякаго труда. Имъ казалось, что стоитъ только захотѣть, и они будутъ царствовать. Въ слѣдствіе такого самообольщенія весьма многіе изъ нихъ брались за выполненіе своихъ предпріятій большею частію даже безъ оружія, утаптывая только ту дорожку, которую передъ глазами ихъ проложилъ, словно большую дорогу для всякаго, самъ Исаакъ, вечеромъ убившій Агіохристофорита и искавшій убѣжища въ великой церкви, а къ утру на другой день уже воцарившійся на престолѣ. Поэтому насколько разсчетъ ихъ предпріятія былъ дуренъ, настолько же несчастны его послѣдствія, и вмѣсто мантіи изъ багряницы они покрывались мантіею багроваго стыда, а иногда даже чернобагровой смерти. Въ самомъ дѣлѣ божественное провидѣніе для управленія и переворота нашихъ житейскихъ дѣлъ рѣдко пользуется одними и тѣми же путями и средствами; напротивъ оно измѣняетъ и перемѣняетъ власти всякій разъ новымъ и неожиданнымъ образомъ, выказывая въ своемъ путеводительствѣ и управленіи вселенною безконечное разнообразіе явленій и не пропуская мимо своихъ рукъ ничего самомалѣйшаго. Такъ Фараонъ съ своими воинами погибъ во глубинѣ морской. Того обезглавила мечемъ женщина, и притомъ женщина липейно-раменная и прекрасно-ланитная, а другой преданъ въ руки враговъ и палъ подъ ихъ ударомъ. Бывали примѣры, что иной лишится употребленія всѣхъ жизненныхъ силъ, — такъ что его сочтутъ уже умершимъ, судя по пре-

кращенію біенія сердца, — и совершенно замретъ: съ выраженіями недоброжелательствъ выносятъ его изъ дворца и предаютъ погребенію; усиливаясь выговорить слово, онъ проситъ только дневнаго свѣта, не гонится за властью,— но такъ и погибаетъ,—какъ худшій изъ людей, заслуженно подвергаясь лютѣйшей смерти. А къ инымъ смерть тихо подступала, и они переселялись въ другой міръ, смеживъ очи какъ будто бы только для сна. Одни вступали на царскій тронъ по ржанію коня; другой перешелъ къ пышной хламидѣ отъ плуга и бороны, или мальчишкой пасъ овецъ, какъ самый последній въ семьѣ, и оказался богопомазаннымъ царемъ. Но возможно ли исчислить все, или хотя большую часть того, что провидѣніе многообразно устрояетъ и совершаетъ на пользу каждаго человѣка?

Съ другой стороны царь, будучи чрезмѣрно раздражителенъ и слишкомъ высоко мечтая о себѣ, казнилъ многихъ не только по какому нибудь ничтожному и случайному поводу, но иногда просто по одному подозрѣнію, или по наущенію другихъ. Такъ, получивши отъ кого-то доносъ, будтобы Андроникъ Комнинъ (сынъ Алексѣя и по отцу внукъ кесаря Вріеннія и Анны, дочери Алексѣя, перваго царя изъ династіи Комниныхъ), управляя Ѳессалоникою, простираетъ виды на царскій престолъ и уже вошелъ въ сношенія по этому дѣлу съ бывшимъ севастократоромъ Алексѣемъ, незаконнорожденнымъ сыномъ императора Мануила, проживав-

шимъ тогда въ Драмѣ, царь нашелъ нужнымъ немедленно схватить его. Посланные за этимъ, встрѣтившись съ Андроникомъ, ѣхавшимъ къ царю, разсудили очень основательно, что имъ ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ только не пугать добычи, которая сама добровольно, на глазахъ ихъ, шла въ Константинополь, какъ въ ловушку, и приближалась къ тому, кто имѣлъ намѣреніе поймать ее. Представившись царю Исааку, Андроникъ съ перваго же слова слышитъ укоризны въ невѣрности. Когда онъ потребовалъ доказательствъ; то для одного только вида нарядили судебное слѣдствіе, а за тѣмъ безъ всякаго допроса—схватили Андроника, заключили въ темницу и, не медля долго, лишили зрѣнія. Мнимаго же соучастника его въ покушеніи на царскую власть, Алексѣя, сына Ѳеодоры Комниной, велѣно было,—и я былъ исполнителемъ этого повелѣнія, — постричь въ монахи въ одномъ изъ папикійскихъ монастырей. Много можно было бы разсказать объ этомъ человѣкѣ; но я ограничусь малымъ. Онъ былъ высокаго роста, сильный и умный мужчина,—лицемъ совершенно походилъ на своего отца, а крѣпостью руки и шириною плечъ даже превосходилъ его,—и сверхъ того былъ чрезвычайно любезенъ и обходителенъ со всякимъ. Въ слѣдствіе такихъ качествъ многобѣдственный царь Андроникъ выдалъ за него свою дочь Ирину, рѣшившись допустить незаконный бракъ, только бы включить Алексѣя въ число своихъ ближайшихъ родственниковъ, а послѣ этого

сначала привязался къ нему даже болѣе, чѣмъ къ собственнымъ сыновьямъ, и хотѣлъ назначить его своимъ преемникомъ, однако въ послѣдствіи передумалъ и предпочелъ ему своего сына Іоанна, сказавши тѣмъ изъ приближенныхъ, кого посвящалъ въ свои сокровенныя тайны, что царская власть не перейдетъ отъ *А* къ *А*, но по Божію изволенію склоняется и направляется болѣе отъ *А* къ *І*. Вмѣстѣ съ перемѣною плановъ Андроника относительно Алексѣя прекратилось и его дружественное расположеніе къ нему: Андроникъ уже не любилъ Алексѣя такъ искренно и задушевно, какъ прежде, хотя все еще, какъ мужа любимой дочери, удостоивалъ уваженія и почета; а спустя нѣкоторое время лишилъ его и зрѣнія — по причинѣ, которую мы въ своемъ мѣстѣ изложили. Потомъ Алексѣй взысканъ былъ милостію царя Исаака, вызванъ ко двору и изъ севастократоровъ сдѣланъ кесаремъ (1). Не смотря на то, сколько могъ, онъ уклонялся отъ придворнаго круга и велъ самую уединенную жизнь; однако и при этомъ не избавился отъ бѣды. Дождав-

(1) Санъ севастократора былъ самый высшій послѣ императорскаго; имя севастократора провозглашалось вслѣдъ за именемъ царя. Въ описываемое время севастократорами были: дядя царя Іоаннъ Дука и родной братъ царя Алексѣй, послѣ него самъ бывшій царемъ. Кесарь въ ряду чиновъ занималъ уже третье мѣсто. Тѣмъ не менѣе, когда Алексѣй, сынъ Өеодоры Комниной, бывши при Андроникѣ севастократоромъ, при Исаакѣ сталъ кесаремъ; то онъ долженъ былъ считать это милостію послѣ своего паденія при Андроникѣ и вообще послѣ перемѣны въ престолонаслѣдіи, произшедшей въ слѣдствіе воцаренія Исаака. Какъ съ званіемъ севастократора, такъ и съ званіемъ кесаря не соединялось никакой должности.

шись такимъ образомъ еще болѣе худшаго исхода и оборота своихъ дѣлъ и будучи поставленъ въ необходимость принять противъ воли постриженіе, онъ не просилъ подобно одному древнему мудрецу, испытавшему превратности судьбы, ни хлѣба, ни губки, ни гитары,—хлѣба, чтобы поддержать тѣлесныя силы, изнуряемыя лишеніемъ пропитанія,—гитару, чтобы съ ней, какъ съ подругою, брюзжать про свои собственныя бѣдствія, и губку, чтобы отирать источники слезъ, изливающіеся изъ его очей, какъ сквозь продолбленный камень; но кротко подчинился своей печальной участи, не ропща и не жалуясь ни на промыслъ, ни на измѣнчивость и непостоянство счастія, а на лишеніе имуществъ смотря спокойнѣе, чѣмъ иной смотритъ на пріобрѣтеніе. Когда изъ Драмы, гдѣ я взялъ Алексѣя, мы прибыли съ нимъ въ Моснноподь и собирались подняться на Папикій, чтобы тамъ совершить надъ нимъ, установленные для постриженія въ монашество, обряды; онъ по чувству человѣчсской слабости задумался и сдѣлался мраченъ, будучи не въ силахъ подавить въ себѣ внутренняго сокрушенія. Я хотѣлъ успокоить его и спросилъ о причинѣ внезапной перемѣны съ нимъ. «Любезный другъ,» отвѣчалъ онъ, — «не наружный видъ меня пугаетъ (что значитъ перемѣна въ цвѣтѣ одежды?); но я боюсь соединенныхъ съ нимъ обѣтовъ и думаю о томъ, какъ не легко войти въ царство небесное человѣку, который, кладя руку на рало, безумно глядитъ назадъ!» Такъ и

облекся онъ въ рубище Христово—съ явнымъ выраженіемъ неволи, дѣлая замѣчанія въ родѣ приведеннаго, какъ человѣкъ вообще весьма умный, и нисколько не слушая того, что при этомъ читалось и пѣлось, а только, по долгу постриженія, позволивши себя остричь и назвать новымъ именемъ—Аѳанасія. Но подивиться можно и подумать, что это даже не простая случайность: изъ всѣхъ обителей на Папикіѣ ему пришлось поселиться именно въ той, гдѣ былъ постриженъ, по повелѣнію царя Мануила, протостраторъ [1] Алексѣй, безъ всякой совершенно причины, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, а развѣ по тому только, что владѣлъ огромнымъ богатствомъ, былъ мудръ въ совѣтѣ и искусенъ въ исполненіи плановъ. Такимъ образомъ и моему Комнину Алексѣю суждено было испытать, какъ, по пословицѣ, съ отцовской [2] оскомины болятъ зубы и у дѣтей. Впрочемъ не прошло еще полныхъ трехъ мѣсяцевъ, какъ царь Исаакъ вызвалъ оттуда Алексѣя опять къ себѣ и чрезъ то доказалъ самымъ дѣломъ, что онъ поступалъ въ своихъ дѣйствіяхъ безъ всякаго соображенія и руководился единственно перемѣнчивыми направленіями, господствующими на многобурномъ морѣ придворной жизни. Принимая Алексѣя къ своему

---

(1) *Протостраторъ*—начальникъ стратороВъ, которые должны были смотрѣть за царскими лошадьми. Въ спискѣ придворныхъ должностей онъ занималъ осьмое мѣсто.

(2) Пословица кстати не по родственнымъ отношеніямъ обоихъ Алексѣевъ, а по сходству личныхъ достоинствъ и судьбы лучшихъ представителей двухъ поколѣній.

столу, онъ въ знакъ особеннаго отличія угощалъ его всегда, какъ въ древности Агамемнонъ Аякса, жирною хребтовою частью мясъ и, предлагая безцеремонно ѣсть подаваемыя кушанья, приговаривалъ часто: «кушай, настоятель!»

Не одинъ Алексѣй и Андроникъ подверглись столь незаслуженному наказанію. Точно такъ же поступилъ Исаакъ съ Константиномъ Аспіетомъ. Ходатайствуя о войскѣ, надъ которымъ начальствовалъ во время войны съ валахами, Константинъ сказалъ только, что солдаты не въ силахъ успѣшно бороться въ одно и тоже время съ двумя непріятелями, — валахами и голодомъ, и что необходимо выдать имъ, не выдававшіяся цѣлый годъ, провіантскія деньги. Въ неудержимомъ порывѣ гнѣва царь приказалъ задержать его и за тѣмъ немедленно отрѣшилъ его отъ должности и лишилъ зрѣнія, опасаясь, чтобы подъ предлогомъ оправданія себя этотъ человѣкъ не возмутилъ всего войска.

Между тѣмъ сынъ того Андроника Комнина, о которомъ мы сейчасъ упоминали, — не знаю, для того ли, чтобы вмѣсто отца дѣйствительно произвесть возстаніе, за которое тотъ былъ наказанъ, или, чтобы только помочь родителю, спустя не долго по ослѣпленіи его, явился въ великую церковь и изъявилъ желаніе, чтобы собравшійся народъ вывелъ его изъ церкви прямо на престолъ и провозгласилъ царемъ. А былъ праздникъ. Но еще не успѣли собравшіеся въ храмѣ узнать о цѣли, съ которою онъ сюда пришелъ, какъ онъ уже былъ схваченъ и за поку-

шеніе къ мятежу лишенъ зрѣнія. Его не вразумили примѣры несчастной участи людей, шедшихъ прежде его избранною имъ дорогою и не достигшихъ цѣли; за то его собственный примѣръ предостерегъ уже всѣхъ отъ наказанія за покушеніе на царскую власть подъ предлогомъ найти убѣжище въ храмѣ, и онъ нѣкоторымъ образомъ запечатлѣлъ и завершилъ собою число такого рода мятежниковъ, потому что послѣ него никто уже не рѣшался идти этимъ путемъ.

3. Такъ какъ дѣла на западѣ становились, между тѣмъ, все хуже и хуже, и валахи вмѣстѣ съ команами постоянно производили разорительные и опустошительные набѣги на римскія области; то царь снова предпринялъ походъ противъ нихъ. Дѣйствительно, прошедши мимо Анхіала, онъ обходомъ проникъ въ Эмъ; но скоро увѣрился, что не въ состояніи будетъ совершить что нибудь достойное царскаго присутствія въ войскѣ, и рѣшилъ кончить походъ въ два мѣсяца. Въ самомъ дѣлѣ онъ нашелъ, что тамошніе укрѣпленія и городочки были защищены гораздо сильнѣе прежняго и обнессны новопостроенными стѣнами, которыя по мѣстамъ увѣнчивались башнями, а между тѣмъ ихъ оборонители, если и рѣшались появляться внѣ ихъ, то, прыгая, какъ олени, по высотамъ и взбираясь на крутизны подобно дикимъ козамъ, рѣшительно избѣгали рукопашнаго боя. Сверхъ того опасеніе нападенія со стороны скиѳовъ (такъ какъ время еще позволяло имъ совершить переправу), также побуждало императора поскорѣе воро-

титься оттуда пазадъ. Къ сожалѣнію, онъ не захотѣлъ отправиться въ обратный путь тою же дорогою, которою пришелъ, а сталъ искать другой, кратчайшей, разсчитывая спуститься по ней, черезъ тамошнія долины, прямо въ Веррою, и тѣмъ погубилъ бóльшую часть своего войска, а если бы не Господь былъ съ нимъ, то и самъ *вселился бы во адъ*. Вмѣсто того, чтобы идти по широкой мѣстности, которая позволяла бы иной разъ сколько нибудь развернуться конницѣ, онъ заперъ себя и свое войско въ непроходимыя ущелья и горные овраги, въ глубинѣ которыхъ струился ручеекъ. Впереди такимъ образомъ шли протостраторъ Мануилъ Камицъ и Исаакъ Комнинъ, по дочери зять Алексѣя, въ послѣдствіи бывшаго царемъ; въ арріергардѣ севастократоръ Іоаннъ Дука, дядя царя по отцу; а средину фаланги, впереди которой двигался обозъ и тянулась, состоящая внѣ строеваго войска, прислуга, занималъ самъ царь Исаакъ и родной братъ его, севастократоръ Алексѣй. Между тѣмъ варвары, появляясь по обѣ стороны узкаго прохода, въ которомъ двигалось наше войско, явно всякую минуту угрожали нападеніемъ. Однако авангардъ благополучно прошелъ тѣснины, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны валаховъ, безъ сомнѣнія разсчитывавшихъ, что будетъ выгодно, дозволивъ передовымъ отрядамъ войска безъ кровопролитія перебраться черезъ высоты, грянуть прямо на средину и ударить именно на ту часть фаланги, гдѣ находился самъ царь, его свита, равно какъ вся, сопро-

вождавшая его, знать, —и они не ошиблись въ разсчетѣ. Едва только императоръ вступилъ окончательно въ это тѣсное ущелье, въ которомъ рѣшительно не куда было убѣжать, мгновенно варвары обрушились на него всею громадою. Впрочемъ римская пѣхота не вдругъ потерялась. Напрягая всѣ силы, чтобы не быть окруженными, римляне быстро двинулись на высоту ущелья и сначала, хотя съ большимъ урономъ, кое какъ отбили, нападавшихъ съ вершинъ горы, варваровъ. Но потомъ, уступая многочисленности, подъ страшнымъ градомъ летѣвшихъ сверху каменьевъ, они начали отступать—не торопливо, въ порядкѣ, какъ будто съ цѣлію заманить, и уже наконецъ,—такъ какъ непріятели постоянно болѣе и болѣе брали верхъ, налегая и давя своею массою,—все войско спуталось совершенно. Въ ужасной суматохѣ, когда каждый заботился только о своемъ личномъ спасеніи, непріятели рѣзали всѣхъ, кого настигали и кто попадался въ руки, какъ убойный скотъ, запертый въ хлѣвѣ. Не кому было защищать, да никто и не могъ защитить. Самъ царь, попавшись какъ въ тенета, много разъ пытался отразить, направленное противъ него, нападеніе варваровъ, но ничего не могъ сдѣлать и даже потерялъ съ головы каску. Около него въ большомъ числѣ сгруппировалась вся знать, бывшая въ отрядѣ, и, чтобы проложить ему дорогу для выхода, пришлось пожертвовать жизнію не только большаго числа лошадей, но, какъ говорятъ, и солдатъ римскихъ, которые, столпившись, загора-

живали проходъ. Такимъ образомъ много было побито народу, чтобы спасти его только одного. Соединившись съ передовыми полками, царь, подобно Давиду, *пожре жертву хвалы* Богу, осѣнившему его главу въ бывшемъ сраженіи. Между тѣмъ севастократоръ Дука, видя, что прямо не возможно было пройти, пошелъ другою дорогой, удачно напавши на какого-то добраго проводника, котораго сманилъ изъ рядовъ непріятельскаго войска одинъ солдатъ его отряда, по имени Литовой, и по ней прошелъ безпрепятственно. Добравшись по теченію упомянутаго ручья до Веррои, царь узналъ, что въ передовомъ отрядѣ войска, безъ урона прошедшемъ черезъ ущелье, были распространены самые не добрые толки на счетъ его судьбы, — именно говорили, будто съ остальнымъ войскомъ и самъ онъ погибъ. Поэтому для уничтоженія опасныхъ слуховъ онъ долженъ былъ пробыть тамъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько дней и потомъ уже возвратился въ царствующій городъ. Между тѣмъ печальная молва о государѣ быстро смѣнилась другою вѣстью, которую подобно Аннону Карѳагенскому, какъ птицъ, распустилъ по городамъ самъ царь, приказавши вездѣ объявлять объ одержаніи имъ побѣды. Но ни Аннонъ не получилъ большой пользы отъ множества пѣвчихъ птицъ, которыхъ онъ сначала выучивалъ говорить, что «Аннонъ—Богъ,» приказывая маленькимъ дѣтямъ постоянно сидѣть при нихъ и безпрерывно повторять эти слова, а потомъ распускалъ въ разныя стороны, чтобы онѣ вездѣ

распространяли о немъ свою пѣснь; потому что, будучи выпущены на волю, онѣ уже не распѣвали того, что Анноñъ — Богъ, но опять начинали пѣть по прежнему, какъ свойственно птицамъ: ни царь не наслаждался долго славою побѣдителя, такъ какъ многочисленная потеря убитыми наполнила всѣ города плачемъ и заставила деревенскихъ жителей пѣть горькія пѣсни. Воротившись въ Царьградъ, онъ нѣсколько умѣрилъ свою гордость, и вообще это пораженіе подѣйствовало на него сильно. А прежде онъ очень высоко о себѣ думалъ. Передъ отправленіемъ въ походъ противъ варваровъ, прилагая къ себѣ пророческія слова, онъ былъ увѣренъ, что *съ весселіемъ изыдетъ, и съ радованіемъ возвратится*, что *горы и холми возскачутъ, пріемля* его *съ радостію, и вся древеса сельная восплещутъ вѣтвми, и вмѣсто драчія взыдетъ кипарисъ, и вмѣсто кропивы взыдетъ мирсина* (Исаіи 55, 12 и 13). Онъ отъ души вѣрилъ всѣмъ нелѣпымъ отзывамъ о себѣ придворныхъ льстецовъ и часто, высказывая то, что таилось въ сокровенной глубинѣ его сердца, говаривалъ, что не за общіе наши грѣхи и не за оставленіе всѣми праведныхъ судовъ Божіихъ заградилъ Господь уши свои, не внимая молитвамъ нашимъ и предавши насъ въ наказаніе *народу буему и неразумному*, но что всѣ, пострадавшіе отъ варваровъ, праведно преданы своей злой долѣ въ наказаніе за участіе въ возстаніи, которое было воздвигнуто противъ него Враною. Самыя бѣсовскія понятія и

разсужденія, какія только приходили когда въ голову кому нибудь изъ государей, — думать, чтобы Господь предавалъ лютымъ народамъ десятки тысячъ добрыхъ людей и попускалъ подвергать ихъ, какъ овецъ, обреченныхъ на закланіе, рабству, или смерти, въ наказаніе и возмездіе за какое нибудь преступленіе, совершенное противъ его особы кѣмъ нибудь изъ его подданныхъ! Какой многослезный Іеремія въ состояніи будетъ достаточно оплакать всѣхъ этихъ несчастныхъ, которыхъ варвары взяли въ плѣнъ, истребили, или продали въ отдаленнѣйшія страны, и притомъ такія, въ которыхъ даже имени Христова не призывается? Но то ли еще толковалъ царь! Онъ говорилъ, что оснуетъ всемірную монархію, выжметъ сокъ изъ всѣхъ народовъ, самъ пойдетъ въ Палестину, освободитъ ее и пріобрѣтетъ *славу ливанову*, а измаильтянъ оттѣснитъ за рѣку Евфратъ, возметъ въ плѣнъ и вообще разгонитъ всѣхъ язычниковъ. Царь прибавлялъ къ этому, что тогдашніе его полководцы будутъ не похожи на нынѣшнихъ; напротивъ будутъ гораздо сильнѣе, — съѣдятъ богатство народовъ и высосутъ жирный мозжечекъ изъ ихъ костей, по власти и знатности равняясь нынѣшнимъ королямъ, или топархамъ. Все это вдолбили Исааку будто бы изъ нашей же братіи разные пустомели, подобною болтовнею, какъ моль, незамѣтно подтачивая и проѣдая, жадный до всякой диковинки и новинки, разсудокъ его; или лучше, какъ няньки убаюкиваютъ дѣтей въ колыбели, такъ они напѣвомъ

подобныхъ басенокъ располагали къ нѣгѣ и усыпляли царя въ его праздной и распущенной жизни, какъ будто бы не смотря на то, что онъ ничего не будетъ дѣлать, наступитъ опредѣленный часъ, и всѣ царства сами покорятся ему,— точь въ точь, какъ древніе живописцы рисовали Тимоѳея: онъ спитъ, а счастіе ходитъ кругомъ него, загнавши всѣ города въ одну вершу, и передаетъ ихъ ему во власть (1). Но, что еще страннѣе, онъ съ полнѣйшею опредѣленностію разсказывалъ, будто Андроникъ Комнинъ, котораго самъ онъ, свергнувъ съ престола, предалъ жестокой смерти, долженъ былъ управлять римскою имперіей девять лѣтъ, но будто Богъ, за его злодѣянія, девятилѣтнее его правленіе сократилъ въ трехлѣтнее, остальныя шесть лѣтъ его царствованія пришивши, какъ какой нибудь кусокъ лохмотья къ порфирѣ, къ царствованію его, Исаака, и въ слѣдствіе того во все теченіе этого времени онъ не можетъ быть слишкомъ снисходителенъ и справедливъ, или думать единственно объ однихъ только благодѣяніяхъ, такъ какъ вредоносные Андрониковы годы необходимо тянутъ и влекутъ его къ Андроникову образу мыслей. Не оправдываетъ ли сверхъ ожиданія

(1) Варіантъ на слова: *все это вдолбили... ему во власть*. Говорили въ народѣ, будто всѣ эти прорицанія внушилъ ему патріархъ Досиѳей, котораго онъ во всемъ слушалъ и которому на слово вѣрилъ, какъ учителю, или лучше сказать, какъ дѣти слушаются нянекъ и спокойно лежатъ въ своихъ люлькахъ, такъ и царь, совершенно погрузившись въ его баснословныя прибаутки и припѣвы, рѣшительно ни за что не хотѣлъ взяться: все придетъ въ свое время, думалъ онъ и говорилъ. Это было такъ странно и такъ смѣшно!..

это воззрѣніе и самого Андроника, если въ самомъ дѣлѣ онъ царствовалъ въ очень вредоносныя времена и долженъ былъ подчиняться судьбѣ, или необходимости,—я предоставляю судить желающимъ (1). Но прошло шесть лѣтъ, и царь Исаакъ собственными дѣлами доказалъ, что не извѣстный періодъ времени, а извѣстная настроенность мыслей внушаетъ и опредѣляетъ нѣкоторымъ ихъ образъ дѣйствій; потому что, обѣщавши своимъ подданнымъ большее благополучіе въ послѣдующіе годы царствованія, въ дѣйствительности онъ ничего не сдѣлалъ лучше прежняго.

4. Между тѣмъ валахи, привыкши постоянно побѣждать римлянъ и, благодаря доставшейся отъ римлянъ добычи, разбогатѣвши, какъ денежными средствами, такъ вмѣстѣ всякаго рода оружіемъ, начали наконецъ неудержимо нападать, и во время своихъ набѣговъ не только опустошали села и деревни, но вооружались даже на укрѣпленные города. Такъ они разграбили Анхіалъ, покорили Варну, разрушили значительнѣйшую часть Тріадицы,—города, который въ древности назывался Сардикою, не оставили ни одного человѣка въ Стубьѣ, проникли даже въ Нисъ и захватили тамъ не малую до-

---

(1) Варіантъ на слова: *не оправдываетъ ли... судить желающимъ*. Подобное разсужденіе явно оправдываетъ Андроника, какъ ни въ чемъ не виноватаго и дѣлавшаго дурное не по собственному желанію, но въ слѣдствіе неизбѣжнаго гнета и тяготѣнія дурныхъ временъ. Кто такъ говоритъ, тотъ, очевидно, возстаетъ противъ Бога и проповѣдуетъ ученіе о случаѣ или о судьбѣ, подобно нѣкоторымъ изъ древнихъ еллиновъ...

бычу людьми и скотомъ. Будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, какъ сотъ пчелами, и не зная, кому изъ страдавшихъ отъ нападенія враговъ прежде подать помощь и о комъ можно отложить заботу до конца, царь рѣшился раздѣлить войско между полководцами. Такимъ образомъ онъ возстановилъ Варну, укрѣпилъ башнями Анхіалъ, поставилъ въ обоихъ этихъ городахъ гарнизоны и, казалось бы, ко всему приложилъ заботу; а дѣла противниковъ, не смотря на то, опять получили перевѣсъ! Во время осеннихъ поворотовъ царь выступилъ самъ въ филиппопольскую провинцію, взявъ съ собою женскую половину своего двора, и, сколько было возможно, отразилъ набѣги валаховъ и скиѳовъ. Мало того, онъ двинулся противъ сербскаго жупана, который, продолжая свои злодѣйства, разорилъ Скопіи: войска встрѣтились при рѣкѣ Моравѣ; варвары не устояли, и когда началось преслѣдованіе, то понесли значительную потерю убитыми и утонувшими въ водѣ. Прошедши Нисъ, онъ соединился потомъ около рѣки Савы съ своимъ тестемъ, венгерскимъ королемъ Бѣлою, пробылъ тамъ довольно времени и за тѣмъ воротился опять въ Филиппополь, а оттуда прибылъ въ столицу, избѣгая дорогу черезъ Эмъ.

Послѣ того, желая дать новое управленіе филиппопольской области,—такъ какъ ея населеніе въ особенности страдало постоянно отъ непріятельскихъ набѣговъ, — царь послалъ туда, въ должности военнаго начальника, своего двою-

роднаго брата Константина, назначивши его вмѣстѣ съ этимъ также duксомъ флота ([1]). Константинъ едва еще достигъ юношескихъ лѣтъ; но какъ молодые львенки съ самаго рожденія страшны своимъ гордымъ взглядомъ, косматою гривою и острыми когтями, такъ онъ уже умѣлъ казаться грознымъ и до такой степени пріучилъ ввѣренное ему войско къ повиновенію и страху, что достаточно было ему повесть бровями, или указать рукою, и оно съ готовностію летѣло исполнить его приказанія. Онъ родился быть полководцемъ и хорошо велъ дѣло. А если когда порывы юности и увлекали его отъ долга, то опытность состоявшихъ при немъ помощниковъ, сдерживая ихъ, не допускала его переступать законныя границы. Оттого мятежные валахи страшились его столько, сколько не боялись даже самого царя. Нѣсколько разъ, когда Петръ и Асанъ собирались грабить окрестности Филиппополя, или Веррои, Константинъ узнавалъ ихъ планы, настигалъ ихъ, разбивалъ на голову и стремительно преслѣдовалъ ихъ фаланги; такъ что они стали дѣлать набѣги уже не такъ часто, какъ прежде. Но вмѣсто того, чтобы посвятить эти полезныя дѣла спасенію отечества и благу подвѣдомственныхъ городовъ, Константинъ пошелъ противоположною дорогой. Надмившись своими небольшими побѣдами, по легкомыслію молодости, онъ началъ под-

---

([1]) Duксъ флота, или великій duксъ, есть главный начальникъ всѣхъ морскихъ силъ имперіи.

дѣлываться къ состоявшимъ при немъ войсковымъ начальникамъ и даже къ тѣмъ изъ солдатъ, которые ему были извѣстны почтеннымъ происхожденіемъ, или знаніемъ военнаго дѣла. Такимъ образомъ въ короткое время онъ успѣлъ склонить ихъ къ осуществленію своихъ намѣреній и потомъ, вмѣсто военачальнической одежды облекшись въ царскую, надѣлъ пурпуровые сандаліи, какъ знакъ принятія царской власти, а между тѣмъ письменно извѣстилъ о происшедшей съ собою перемѣнѣ супруга сестры своей, великаго доместика запада [1] Василія Ватаца, который жилъ тогда въ Адріанополѣ. Но этотъ послѣдній мало того, что не одобрилъ его замысловъ и не соблазнился ни его ребяческою рѣшимостію, ни его самонадѣяннымъ письмомъ, напротивъ, горько смѣясь надъ его несвоевременнымъ и безразсуднымъ честолюбіемъ, заранѣе оплакивалъ его погибель, которая, дѣйствительно, и постигла его въ самомъ непродолжительномъ времени. Именно, когда Константинъ отправился изъ Филиппополя въ Адріанополь съ цѣлію противъ воли привлечь въ соучастники своего предпріятія и помощники себѣ зятя своего Ватаца; то едва только онъ доѣхалъ до Неучика (это мѣсто лежитъ на самой границѣ между обѣими епархіями, то есть, адріано-

---

[1] Названіе великаго доместика запада обозначало должность главнаго начальника всѣхъ сухопутныхъ войскъ, расположенныхъ въ европейскихъ областяхъ греческой имперіи, которыя назывались западомъ по отношенію къ малоазійскимъ провинціямъ, носившимъ также громкое названіе восточныхъ провинцій или востока.

польскою и Филиппопольскою), какъ его схватили и препроводили къ царю тѣ самые, кто подстрекалъ его къ возстанію и провозглашалъ императоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти господа, чтобы для оправданія представить свои дѣйствія съ благовидной стороны, донесли царю, что сами они не по какимъ нибудь другимъ побужденіямъ склонялись и переходили прежде на сторону юнаго мятежника, но единственно по неволѣ—уступая времени и обстоятельствамъ (такъ какъ, видите ли, имъ было тогда не безопасно и не сподручно противодѣйствовать намѣренію Константина: онъ былъ самый раздражительный изъ всѣхъ когда либо бывшихъ полководцевъ и немедленно обнажалъ мечъ противъ всякаго, кто рѣшался возражать на его приказанія), и что настоящій ихъ поступокъ, какъ скоро они получили возможность привесть его въ исполненіе, служитъ съ ихъ стороны доказательствомъ ихъ непоколебимой вѣрности царю. Хотя царь ясно понималъ всѣ эти хитросплетенія и вымышленные предлоги измѣнчивыхъ интригановъ: однако онъ одобрилъ ихъ поступокъ, какъ выгодный для себя, и никого изъ бывшихъ соумышленниковъ Константина явно ничѣмъ не наказалъ, самого же его ослѣпилъ. Между тѣмъ валахи до такой степени были рады, въ особенности Петръ и Асанъ такъ торжествовали при видѣ постигшей Константина участи, какъ будто бы онъ домогался царской власти собственно надъ ихъ страною. «Царь не въ состояніи былъ», говорили они,

«оказать большаго благодѣянія валахамъ иначе, какъ ослѣпивши Константина»,—остроумно осмѣивая такимъ образомъ римлянъ, дѣла которыхъ постоянно упадали и становились все хуже и хуже ([1]). Въ тоже время они желали фамиліи Ангеловъ, владѣвшихъ римскою державою, много лѣтъ царствовать и умоляли провидѣніе, чтобы она, если можно, никогда не вымирала и не потеряла царской власти, въ видѣ причины на свою мольбу предрекая,—не знаю уже, кто и какимъ образомъ такъ вѣрно надоумилъ ихъ въ этомъ, да будутъ они прокляты,—что въ продолженіе ихъ царствованія положеніе валаховъ будетъ постоянно болѣе и болѣе возрастать и возвышаться, такъ что они даже расширятъ свои владѣнія на счетъ чужихъ областей и городовъ, и изъ среды ихъ самихъ произойдутъ *князья и вожди отъ чреслъ ихъ*. И въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени они не прекращали набѣговъ съ своею скиѳскою фалангою, имѣя въ виду разрушить какое нибудь укрѣпленіе, разграбить нѣсколько селъ, или разорить извѣстные города, и опустошали все, что ни попадалось на пути, то нападая на Филиппополь, то осаждая Сардику, а иногда подступая даже въ Адріанополю. Съ

([1]) Варіантъ на слова: *между тѣмъ валахи... все хуже и хуже.* Валахи, а болѣе всѣхъ Петръ и Асанъ, очень радовались ослѣпленію Константина, такъ какъ предполагали, что еслибы Константинъ овладѣлъ престоломъ, то царство болгарское мгновенно улетучилось бы. Они говорили, что не могли получить отъ царя большаго благодѣянія, какъ то, которое онъ теперь сдѣлалъ имъ, выколовши для ихъ пользы Константину глаза,—осмѣивая такимъ образомъ и унижая римскихъ царей за то, что они теряли такую значительную область.

своей стороны римляне отражали ихъ все слабѣе и, если когда сопротивлялись, или вступали въ битву, то наносили противникамъ весьма не много вреда.

5) Подобно состязателю на бѣгахъ, или на ристалищѣ, предположивши безостановочно пробѣжать пространство самаго блистательнаго царствованія, царь Исаакъ остановился тотчасъ же подлѣ черты, отъ которой начинается бѣгъ, и не только не сдѣлалъ большаго числа круговъ на аренѣ доблестей, но въ изнеможеніи потерялъ необходимую для состязанія бодрость и совершенно обезсилѣлъ отъ одного порыва своихъ похвальныхъ предположеній. Такимъ образомъ, передавая возжи, или бразды общественнаго управленія, то тому, то другому, какъ будтобы черезъ то въ самомъ дѣлѣ достигалъ всякій разъ лучшаго употребленія власти, онъ наконецъ ввѣрилъ распоряженіе и управленіе всѣми дѣлами дядѣ своему по матери, Ѳеодору Кастамониту. Это былъ образованный человѣкъ, весьма хорошо понимавшій управленіе дѣлами, въ особенности все, что касается сбора общественныхъ податей, и царь, возведши его въ санъ секрето-логоѳета ([1]), сталъ какбы его подданнымъ, во всемъ слѣдуя его указаніямъ, или

([1]) Секрето-логоѳетъ собственно былъ начальникъ государственнаго казначейства: но, завѣдуя преимущественно финансами, онъ въ тоже время имѣлъ важное вліяніе на всѣ другія отрасли государственнаго управленія. Въ послѣдствіи, именно въ царствованіе Андроника Палеолога—старшаго, секрето-логоѳеты получили титулъ великихъ логоѳетовъ, соотвѣтствующій власти перваго министра.

лучше,—его крѣпостнымъ слугою, безъ всякаго почти разсужденія исполняя все, что онъ ему прикажетъ. Къ сожалѣнію, Кастамонитъ страдалъ разслабленіемъ ножныхъ сочлененій (1), такъ что часто нужно было приносить его къ государю на рукахъ, и обыкновенно два носильщика вносили его на носилкахъ, какъ амфору (2) съ виномъ; а когда онъ потолкуетъ съ царемъ о разныхъ выгодахъ, или лучше, какъ мелочной торговецъ, выбарышничаетъ у него управленіе дѣлами римлянъ и какую нибудь малость дастъ за нихъ, то его опять выносили такимъ же образомъ. Между тѣмъ толпы народа, правительственная знать и всѣ кровные родственники царя сопровождали этого живаго мертвеца, бѣжали впереди, или шли по обѣимъ сторонамъ его носилокъ, оплакивая не его, но собственную свою участь, потому что ничего не дѣлалось безъ его воли,—даже никто изъ самыхъ важныхъ сановниковъ не смѣлъ сѣсть въ присутствіи Кастамонита, но всѣ должны были стоять передъ нимъ, какъ рабы. И царь не огорчался этимъ, хотя видѣлъ, что принадлежащая ему честь незаконно переходитъ къ другому, что его царское достоинство рвется на куски,—нисколько не думалъ объ устраненіи подобной нелѣпости; на-

(1) *Варіантъ*: подагрою.

(2) Ἀμφορεὺς,—amphora, сосудъ для жидкостей, съ двумя ручками. Авторъ наведенъ былъ на это сравненіе, по всей вѣроятности, не столько тѣмъ, чтобы амфору всегда вносили непремѣнно двое, сколько игрою словъ: ἀναφορεὺς, носилки, и ἀμφορεὺς,—амфора, носилки для жидкостей,—слово, употреблявшееся иногда также въ смыслѣ вообще носилокъ.

противъ одобрялъ такой порядокъ вещей, безъ всякой ясной и уважительной причины. Наконецъ онъ дозволилъ ему, вовсе несоотвѣтственно его прежнему священному состоянію, употреблять при выѣздахъ на конѣ пурпуровый наузДникъ, такого же цвѣта чапракъ, и подписываться красными чернилами, какъ подъ государственными документами, такъ и подъ своими частными письмами ([1]). Такъ текли дѣла въ своемъ необычномъ и противоестественномъ порядкѣ, пока наконецъ благодѣтельная болѣзнь не придавила этого человѣка, приливомъ вредныхъ соковъ быстро отнявши движеніе всѣхъ его тѣлесныхъ составовъ и павши преимущественно на голову ([2]). Это было пятнадцатаго августа: Кастамонитъ, желая присутствовать при богослуженіи въ праздникъ Успенія Божіей Матери, со всею пышностію, въ сопровожденіи многочисленной свиты государственныхъ сановниковъ ѣхалъ черезъ торговую площадь въ обитель Владычицы, какъ вдругъ, первый разъ въ своей жизни, услышалъ, что кто-то назвалъ его государемъ, а потомъ императоромъ,—такъ какъ льстецы и обычные прислужники временщиковъ прибѣгали даже къ такимъ грубымъ выраженіямъ лести, —и въ это самое мгновеніе, какъ

([1]) Преимущества, принадлежавшія императору.

([2]) Варіантъ на слова: *пока наконецъ... на голову*. Пока сильнѣйшій припадокъ подагры, поразивши его руки и ноги, не повергъ его въ ужаснѣйшія страданія и наконецъ не довелъ до епилепсіи, человѣколюбиво сжалившись надъ тѣмъ, кто не хотѣлъ пожалѣть самого себя, и нѣкоторымъ образомъ излечивши его отъ его горделивой надменности.

замѣтили наблюдательнѣйшіе изъ бывшихъ въ свитѣ, въ слѣдствіе необычайности обращенія къ нему высочайшихъ титуловъ, его ударила епилепсія. Въ туже минуту одинъ, случившійся при этомъ, судья Вила (я охотно умалчиваю объ его имени), распахнувъ одежду логоѳета, бросился перевязывать его икры поясомъ своего собственнаго нижняго бѣлья, надѣясь задержать такимъ образомъ подъемъ изъ нихъ къ головѣ вредной матеріи; но, разумѣется, этимъ не спасъ его отъ рѣшительнаго удара въ голову и только подвергъ себя общему посмѣянію, какъ въ слѣдствіе того, что его платье спустилось довольно неудобно, такъ и за свою быструю и благовоспитанную находчивость. Получивъ впрочемъ въ этотъ сладостнѣйшій день по возможности нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, Кастамонитъ скоро опять былъ пораженъ ею и чрезъ нѣсколько дней отдалъ душу. Онъ былъ всегда слабаго здоровья и отъ постояннаго сидѣнья по своему болѣзненному состоянію страдалъ пролежнями. Но безобразіе становится очевиднѣе, когда вспомнишь о немъ на ряду съ красотою. Въ самомъ дѣлѣ, по смерти Кастамонита благосклонность царя перешла къ одному очень молодому человѣку, которому слѣдовало бы еще учить азбуку и таблицу умноженія. А когда этотъ скончался, то главное управленіе общественными дѣлами взялъ на себя одинъ маленькій мальчикъ, только что ознакомившійся съ употребленіемъ пера и чернилъ. Онъ не только вертѣлъ и ворочалъ по своей волѣ самимъ го-

сударемъ, какъ извѣстная рыбка, называемая передовою (προπομπεύς), китомъ, но распоряжался также всѣми дѣлами по военному вѣдомству, безъ всякаго сомнѣнія еще въ пеленкахъ изучивши трудную науку государственнаго управленія, или даже прежде своего рожденія вполнѣ ознакомившись съ житейскою мудростію, подобно Сивиллѣ, которая, говорятъ, какъ только вышла изъ матерней утробы, тотчасъ же и начала разсуждать о составѣ вселенной. Пользуясь еще большею силою, нежели Кастамонитъ, при своей бойкости въ сужденіяхъ почти обо всемъ и при изобрѣтательности въ дѣловыхъ предпріятіяхъ, онъ, что хотѣлъ, то и приказывалъ императору, а по тому самому считался у него свыше ниспосланнымъ благомъ, веселящимъ душу, какъ молодая зелень на полѣ, или, лучше сказать, составлялъ его величайшую драгоцѣнность, какъ какая нибудь нерозская жемчужина. И былъ онъ точно—шмель, или комаръ, жужжащій въ ухо льву,—чернокожій карликъ, управляющій громаднымъ великаномъ земли — слономъ,—снурочекъ, которымъ тащутъ верблюда за носъ, или, какъ выразился бы иной острякъ, густая сѣра, заложившая царскія уши и препятствующая доступу къ нимъ извнѣ живыхъ звуковъ, — закрытый проходъ, узкая дверочка, замочекъ на дорогѣ къ царю! Широкія ворота, которыми прежде свободно проходили къ государямъ просители, окончательно были заперты, и пытавшіеся войти ими въ совершенствѣ уподоблялись юродивымъ дѣвамъ, потому что ни-

кто по ихъ стуку не отворялъ имъ входа. А если когда на безконечный стукъ кто нибудь и проглядывалъ наконецъ сквозь дверную щелку, то ни на какіе расспросы никогда уже не было другаго отвѣта, кромѣ того, чтобы шли на заднее крылечко. Но и тамъ не легко было добиться пропуска, если кто не несъ чего нибудь за пазухою, хотя бы даже пришлось продать съ себя рубашку. Чтобы пріобрѣсть любовь императора и одному замѣнить у него всѣхъ, этотъ дитя-старецъ употреблялъ въ дѣло, какъ свой оборотливый, льстивый и въ затруднительныхъ случаяхъ находчивый умъ, такъ равно измѣнчивость и скрытность, бывшія у него въ характерѣ, что доказывали его густыя и совершенно сросшіяся брови. Но въ особенности онъ привлекъ къ себѣ расположеніе и довѣренность царя тѣмъ, что, дѣлясь иногда съ нимъ взятками, отличался въ этомъ отношеніи замѣчательными промышленными способностями и такою безпредѣльною страстью къ поборамъ, что не только хапалъ деньги всякаго рода и тащилъ вещами нужными въ жизни, но не пропускалъ ничтожныхъ мелочей, бралъ дынями и заваливалъ себя всѣхъ сортовъ съѣдомыми фруктами и овощами.

6. Однако мы уклонились. Вернемся къ тому, о чемъ начали было говорить, и въ короткихъ словахъ представимъ съ возможною ясностію, какъ вообще велъ себя царь Исаакъ во все время своего пребыванія въ Царьградѣ.—Онъ жилъ великолѣпно и любилъ угощать гостей. Его

столъ былъ истинно соломоновскій [1], равно какъ одѣвался онъ, подобно Соломону, всегда въ новыя одежды, и каждый его пиръ представлялъ собою горы хлѣба, царство звѣрей, море рыбъ и океанъ вина. Постоянно принималъ онъ черезъ день освѣжительныя ванны, натирался благовонными помадами, прыскался духами, увѣшивался множествомъ разныхъ одеждъ, представляя собою какъ будто модель какого нибудь корабля, и завивался. Нарядившись такимъ образомъ подобно влюбленному въ свою красоту павлину и никогда не позволивши себѣ два раза надѣть одно и тоже платье, онъ каждый день являлся изъ своихъ палатъ, какъ женихъ изъ спальни, или какъ свѣтлое солнышко изъ прекраснаго моря. Любя забавы и услаждаясь пѣснями нѣжной музы, царь наполнилъ дворецъ шутами и карликами, отворивши также двери всякаго рода комедіянтамъ, скоморохамъ, тунеядцамъ (παρασίτοις) и пѣсенникамъ. За всѣмъ этимъ, само собою разумѣется, неразрывно слѣдовало безчинное пьянство, наглое сладострастіе и все другое, что такъ быстро разрушаетъ организмъ здороваго и благоустроеннаго государства. Однажды царь сказалъ за обѣдомъ: «подайте мнѣ соли (ἅλας)»; а одинъ случившійся комедіянтъ, самый веселый и остроумный изъ всѣхъ комедіянтовъ того времени, по прозванію Халивуръ, окинувъ взоромъ общество присут-

---

(1) *Варіантъ*: онъ отлично кушалъ, ежедневно давая сибаритскіе обѣды и угощая сладостнѣйшими напитками. Сравн. 3 Цар. 4, 22 и 23.

ствовавшихъ за столомъ женщинъ, состоявшее изъ нѣсколькихъ прислужницъ и родственницъ царя, воскликнулъ въ отвѣтъ: «царь, познаемъ прежде этихъ, а потомъ прикажи подавать и другихъ (ἄλλας)!» При этомъ каламбурѣ (1) всѣ мужчины и женщины расхохотались,—царь перемѣнился въ лицѣ и едва, овладѣвши кое какъ мгновенною вспышкою гнѣва, удержался отъ выраженій негодованія на свободную выходку шутника. Впрочемъ, разъѣзжая по мѣстамъ, отличающимся красотою видовъ, или прелестью климата, царь бывалъ въ столицѣ только промежутками и появлялся въ извѣстные періоды, какъ птица фениксъ. Болѣе всего онъ былъ занятъ сооруженіемъ громадныхъ зданій и такъ рьяно устремлялся къ осуществленію задуманнаго, что при этомъ большею частію не смотрѣлъ ни на какія требованія долга. Въ обоихъ дворцахъ (2) онъ построилъ великолѣпныя бани и жилыя помѣщенія (διαιτήσεις), воздвигнулъ въ Пропонтидѣ роскошные дома и насыпями образовалъ въ морѣ небольшіе островки. Между тѣмъ, когда онъ рѣшился построить еще во влахернскомъ дворцѣ башню, частію, какъ говорилъ, для защиты и обороны дворца, а частію и для собственнаго помѣщенія; то разломалъ нѣсколько церквей, изстари спокойно стоявшихъ по берегу моря, обратилъ въ развалины множество отличныхъ домовъ въ столицѣ, осно-

(1) Каламбуръ заключается въ одинаковомъ произношеніи словъ: ἅλας—соль и ἄλλας—другихъ (женск. р.).

(2) Т. е. какъ во влахернскомъ, такъ и въ большомъ.

ванія которыхъ отчасти и доселѣ представляютъ видъ, невольно вызывающій слезы, и совершенно сравнялъ съ землею великолѣпное зданіе государственнаго казначейства, все выстроенное изъ обожженнаго кирпича. На ряду со многими другими строеніями царь разрушилъ тогда также знаменитыя манганскія палаты, не пожалѣвши ни красоты, ни громадности зданія, и не побоявшись побѣдоноснаго мученика [1], которому оно было посвящено. Точно также распоряжался онъ, возобновляя храмъ Архистратига небесныхъ силъ Михаила, что́ въ пристани. Какъ скоро замѣтитъ, что какая нибудь мраморная доска въ полу или въ стѣнной обдѣлкѣ дворцовыхъ палатъ особенно отличалась блескомъ полировки и изящнымъ разноцвѣтнымъ рисункомъ природныхъ линій, тотчасъ же приказывалъ перенесть ее туда. Онъ собралъ въ этотъ храмъ всѣ живописныя и мозаическія изображенія Архангела, старинной и дивной работы, какія только хранились гдѣ нибудь въ городѣ, или сберегались, какъ святыня, по церквамъ въ селеніяхъ и мѣстечкахъ [2]. А желаніе царя

(1) *Варіантъ:* великомученика Георгія.

(2) Варіантъ на слова: *Точно также распоряжался.... въ селеніяхъ и мѣстечкахъ.* Желая возобновить и украсить храмъ или такъ называемую нынѣ лавру Архистратига, что въ пристани, онъ перенесъ сюда все, что было получше, изъ половъ храма Архистратига небесныхъ силъ Михаила или такъ называемой Новой (обители), равно какъ всѣ разноцвѣтныя украшенія изъ иностранныхъ мраморовъ, которыя давали блескъ и прелесть стѣнамъ этой церкви. Равнымъ образомъ онъ собралъ въ этотъ храмъ всѣ старинныя, хорошей работы, иконы, представлявшія во всѣхъ возможныхъ стиляхъ живописныя и мозаическія изображенія Архангела, были ли онѣ гдѣ нибудь въ городѣ, или хранились и сберегались въ другихъ мѣстахъ.

какими бы то ни было средствами перенесть изъ Монемвасіи сюда же Распятіе Христово ([1]), произведеніе безподобное по искусству и по изяществу, доходило даже до замѣчательной степени страсти. Онъ весь предался своей заботѣ, пока наконецъ не утащилъ таки его хитростію, потому что открытое нападеніе было во всякомъ случаѣ не безопасно. За тѣмъ онъ перенесъ въ этотъ же храмъ широкія и чрезвычайно высокія мѣдныя ворота, которыя прежде замыкали входъ въ большой дворецъ, а въ наше время сторожили тюрьму, называвшуюся по нимъ мѣдною, — обобралъ для него всю церковную утварь и всѣ священные сосуды изъ знаменитой придворной церкви, которая называлась новою обителью. И всѣмъ этимъ царь величался и превозносился, какъ иной не превозносился бы самыми прекрасными дѣлами. Предпочитая тѣнь дѣйствительности, онъ считалъ похищеніе посвященіемъ и перенесеніе принесеніемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ его распоряженіяхъ не было даже тѣни добраго дѣла и очень мало представлялось, или, лучше сказать, не представлялось никакихъ признаковъ благочестія. Онъ воображалъ, что Богъ не гнѣвается, напротивъ радуется, когда онъ одинъ храмъ, лишая прежняго блеска, отдавалъ птицамъ на

([1]) Варіантъ на слова: *Распятіе Христово*. — Икону Христа Спасителя, съ дивною точностію представлявшую страданія Его, но особенно знаменитую благодатію чудесъ. На этой чудотворной иконѣ изображенъ былъ Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ влекомымъ на крестъ. И царь не успокоился, пока не пріобрѣлъ ея хитростію.

гнѣзда и ежамъ на норы, а другой возобновлялъ на счетъ чужихъ драгоцѣнностей и украшалъ похищенными убранствами.

7. Царь даже имѣлъ дерзость,—чтобы не сказать болѣе, — обращать священные сосуды въ обыкновенное употребленіе и, отнимая ихъ у Божіихъ храмовъ, пользоваться ими за собственнымъ столомъ. Онъ употреблялъ также вмѣсто кубковъ для питья чашеобразныя издѣлія изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней, висѣвшія надъ царскими гробницами, какъ благоговѣйное приношеніе почившихъ Богу,—обращалъ въ рукомойники—ненаглядно прелестные, безподобной работы, водоливни, изъ которыхъ умываются левиты и священники, приступая къ совершенію божественныхъ таинъ,—снималъ съ честныхъ крестовъ, равно какъ съ досокъ, заключающихъ въ себѣ безсмертныя Христовы изреченія, драгоцѣнные оклады и дѣлалъ изъ нихъ ожерелья и цѣпи, а послѣ и эти цѣпи по своему произволу опять передѣлывалъ для другаго употребленія, совсѣмъ не кстати прилаживая ихъ къ разнымъ царскимъ одеждамъ. Когда же кто нибудь рѣшался напомнить, что такіе поступки не приличны ему,—боголюбезному самодержцу, наслѣдовавшему отъ предковъ славу благочестія,—что это просто—святотатство: то онъ сильно и горячо вооружался противъ такихъ замѣчаній, находя, что они выражаютъ явное неразуміе и самое жалкое непониманіе истины; потому что, съ напряженіемъ говорилъ онъ, царямъ все позволительно дѣлать, и между Бо-

гомъ и императоромъ въ управленіи земными дѣлами отнюдь нѣтъ такого несоединимаго и несъютимаго разстоянія, какъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ (1). Настаивая на томъ, что подобныя распоряженія безъ всякаго сомнѣнія не предосудительны и неукоризненны, онъ приводилъ въ примѣръ, что самый первый и знаменитѣйшій христіанскій государь, Константинъ, также повелѣлъ одинъ изъ гвоздей, которыми пригвожденъ былъ Господь славы къ древу проклятія, вдѣлать въ узду своего коня, а другой вставить въ шлемъ: но о цѣли, съ которою равноапостольный императоръ употребилъ эти вещи, какъ украшеніе для себя, именно о его намѣреніи показать такимъ образомъ еллинамъ, которые считали евангельскую проповѣдь юродствомъ, что слово крестное имѣетъ божественную силу,—разумѣется, умалчивалъ.

Кромѣ того царь, поддѣлывая серебро, чеканилъ не настоящую монету (2), вообще не безукоризненно собиралъ деньги,—увеличивалъ тяжесть общественныхъ налоговъ, употребляя ихъ на излишества своей безпутной жизни, и публично продавалъ на откупъ должности, торгуя ими, какъ рыночные торгаши овощами. Случалось впрочемъ, что иныхъ онъ посылалъ на

(1) Варіантъ на слова: *потому что, съ напряженіемъ.... и отрицаніемъ*. Потому что на землѣ, говорилъ онъ, нѣтъ никакого различія по власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе наряду съ своимъ; такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія.

(2) *Варіантъ*: Этотъ государь дѣлалъ поддѣльную монету, примѣшивая къ серебру мѣдь и выдавая его за чистое серебро.

епархіи по апостольски, безъ кошелька и безъ котомки, именно когда зналъ, что это были люди правдивые, не подлежащіе очаровательному вліянію золота, которые не прятали всѣхъ общественныхъ сборовъ себѣ въ домъ, но добросовѣстно платили долгъ казнѣ. Что же касается храмовъ, церквей, молитвенныхъ домовъ, святыхъ обителей, то щедростію къ нимъ онъ превзошелъ всѣхъ государей: одни, приходившіе въ упадокъ отъ времени, поправлялъ; другіе, утратившіе свой блескъ, расписывалъ разными живописными и мозаическими украшеніями. А къ Божіей Матери царь питалъ такую вѣру, что готовъ былъ отдать ея иконамъ всю свою душу. Поэтому онъ сдѣлалъ множество золотыхъ окладовъ на ея образа, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и эти образа жертвовалъ потомъ въ тѣ церкви, куда преимущественно стекался православный народъ для молитвы. Домъ севастократора Исаака, что̀ на самомъ обрывѣ софійскаго залива, онъ обратилъ въ гостинницу, устроивши въ ней столъ на сто человѣкъ, равное число кроватей и столько же стойлъ для лошадей; такъ что всѣ, пріѣзжавшіе туда ежедневно, могли жить въ ней безъ всякой платы, по нѣсколько дней. Равнымъ образомъ онъ превратилъ въ больницу царскія палаты, которыя построилъ царь Андроникъ при храмѣ сорока мучениковъ; купилъ еще у бывшаго владѣльца такъ называемый домъ великаго друнгарія (1) и изъ него сдѣлалъ так-

(1) Великій друнгарій—названіе должности одного изъ начальствую-

же пріютъ немощнымъ, не пожалѣвши никакихъ издержекъ, чтобы доставить всѣ средства для поправленія больныхъ. Когда пожаръ истребилъ сѣверную часть города; то царь раздавалъ лицамъ, лишившимся домовъ или имущества, деньги, стараясь облегчить ихъ потери. При возшествіи на престолъ онъ роздалъ жителямъ города пять центенаріевъ золота. Съ наступленіемъ великой недѣли, въ которую воспоминаются страданія за насъ Богочеловѣка, онъ обыкновенно разсыпалъ пособія вдовамъ, оставшимся безпомощными по смерти своихъ супруговъ, дарилъ дѣвицамъ, что нужно, на брачные подарки, приданое и на свадебные расходы. Не довольствуясь щедрыми дарами отдѣльнымъ лицамъ, семействамъ и фамиліямъ,—случалось, что — онъ оказывалъ благодѣянія цѣлымъ городамъ, снимая съ нихъ подати. Словомъ сказать, онъ такъ любилъ оказывать милость и такъ разорялся на пособія нищимъ, что сыпалъ на нихъ казенные доходы обѣими руками. А отсюда заползла къ нему и прикровенно угнѣздилась въ его душѣ пагубная мысль, что онъ въ правѣ пріобрѣтать деньги не всегда праведными путями, — что при чрезвычайныхъ расходахъ, доходившихъ до безпутной расточительности, онъ можетъ назначать на должности людей, которые изобрѣтали бы новые источники богатствъ и свои, незаконно и нечести-

щихъ лицъ по морскому вѣдомству, состоявшему въ главномъ управленіи великаго дукса.

во собранныя, деньги доставляли бы, какъ просяное сѣмячко доброму земледѣльцу, или вѣтерокъ розѣ, ему на его благочестивые расходы [1].— Если онъ былъ склоненъ къ раздражительности; то не чуждъ былъ и чувства сострадапія. Часто, самъ собою переходя къ доброму расположенію, онъ измѣнялъ гнѣвъ на милость, трогался жалкою участью людей и соразмѣрно облегчалъ каждому его горькую долю. При такихъ и — подобныхъ дѣйствіяхъ съ своей стороны, о которыхъ мы не находимъ нужды говорить,—царь думалъ, что на своемъ престолѣ онъ тверже, чѣмъ солнце на высокомъ небосклонѣ, и что, какъ крѣпкая пальма, цвѣтущая при освѣжительномъ источникѣ чистой воды, или какъ высокій кедръ на Ливанѣ, такъ онъ будетъ царствовать и процвѣтать несчетное множество лѣтъ. Такъ думалъ бы на его мѣстѣ и всякій, разсуждая про себя, что онъ избралъ и возлюбилъ благую часть, что заботился онъ не о мимолетныхъ только нуждахъ текущихъ семи дней недѣли, но постоянно имѣлъ передъ глаза-

---

[1] Варіантъ на слова: *Словомъ сказать... благочестивые расходы.* Онъ до такой степени любилъ подавать милостыню и оказывать благодѣянія и пособія бѣднымъ людямъ, что все, что ни приходило къ нему изъ какихъ бы то ни было источниковъ, опять и уходило такимъ образомъ. Поэтому, если къ нему текли деньги неправильнымъ путемъ, то онъ обольщалъ себя мыслію, что въ этомъ нѣтъ грѣха, потому что онъ опять отдавалъ ихъ туда же, откуда онѣ пришли. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайные расходы заставили его принимать и посылать на общественныя должности испорченныхъ людей, которые обѣщали болѣе другихъ доставить дохода. Отъ этого общественныя дѣла, конечно, портились; потому что незаконно и неправедно собираемыя деньги уменьшаютъ и уничтожаютъ надлежащіе доходы.

ми и тотъ,—осьмой, таинственный день, что если милосердый Господь, ни на одно мгновеніе не сводя глазъ съ праведнаго, и медленнѣе внимаетъ молитвамъ не праведныхъ, то во всякомъ случаѣ Онъ не дѣйствуетъ противъ нихъ враждебно. Однако Богъ не такъ разсудилъ; въ самомъ дѣлѣ, кто проникъ мысли Господа, или кого Господь бралъ Себѣ въ совѣтники?—Устраняя человѣка съ дороги, божественное провидѣніе, впрочемъ, какъ будто вдохновеніемъ внушило ему благія дѣла и прекрасныя намѣренія, чтобы и послѣ лишенія его власти во многихъ оставалось доброе расположеніе къ нему (1).

8. Именно, желая прекратить набѣги и грабительства валаховъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ скиѳами, и будучи глубоко пораженъ тѣмъ, что Алексѣй Гидъ и Василій Ватацъ,—изъ которыхъ первый былъ главою восточныхъ войскъ, а послѣдній западныхъ,—сразившись съ непріятелемъ близъ города Аркадіополя, не только не получили никакого перевѣса, но Гидъ едва спасся позорнымъ бѣгствомъ, потерявши лучшую часть своего войска, а Ватацъ погибъ со всею

(1) Варіантъ на слова: *Такъ думалъ бы на его мѣстѣ... расположеніе къ нему.* Такъ думалъ бы и всякій другой о человѣкѣ, который избралъ и возлюбилъ благую часть и который заботился не о суетахъ только настоящей жизни, но постоянно имѣлъ предъ глазами и требованія жизни будущей, такъ какъ въ полной власти и совершенной волѣ каждаго изъ насъ состоитъ избирать зло, или избирать добро и дѣлать угодное Богу. Между тѣмъ какъ такой человѣкъ проживетъ много лѣтъ, о нечестивыхъ мы скажемъ напротивъ, что ихъ жизнь будетъ имѣть скорый конецъ, по слову пророка: *мужіе кровей и льсти не преполовятъ дней своихъ* (Псал. 54, 24).

арміей, царь рѣшился опять самъ, подъ личною своею командою, открыть наступательную войну противъ враговъ. Начались дѣятельныя распоряженія касательно набора и сосредоточенія римскихъ войскъ; собрано было значительное количество наемнаго ополченія. Кромѣ того царь послалъ просить помощи у своего тестя, короля гуннскаго (¹), который съ своей стороны съ удовольствіемъ согласился помочь и далъ слово выслать вспомогательныя дружины черезъ Видинъ. Итакъ, собравъ достаточное количество войска, взявъ съ собою пятнадцать центенаріевъ золота и болѣе шестидесяти центенаріевъ серебра и запасшись всѣмъ нужнымъ въ походѣ для войска, царь въ мартѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ Царьграда, поручивъ себя Богу, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ твердо противостать врагамъ и не прежде положить оружіе, какъ окончательно рѣшивши дѣло, изъ за котораго онъ вооружился противъ мятежниковъ. Въ случаѣ успѣха онъ предполагалъ принести благодареніе Господу, а въ случаѣ неудачи — подчиниться также Его святой волѣ, нерѣдко опредѣляющей, чтобы жезлъ грѣшниковъ служилъ орудіемъ испытанія праведныхъ. Съ такими мыслями отправлялся царь, рѣшившись смѣло идти на встрѣчу всякой опасности; но рука Всевышняго все еще тяготѣла надъ нами и гнѣвъ Его, какъ оказалось на дѣлѣ, не удовлетворился тѣми бѣдствіями, которыя мы должны были

(¹) Т. е. венгерскаго.

терпѣть отъ валаховъ послѣ ихъ побѣды. Между тѣмъ, какъ взоры государя были устремлены на ненавистныхъ мятежниковъ и онъ мечталъ въ своемъ умѣ объ отдаленномъ будущемъ, онъ не видѣлъ, что въ самой близи къ нему были враги, собиравшіеся лишить его власти, и не замѣчалъ опасности, которая грозила за домашнимъ очагомъ. Впрочемъ это нисколько не удивительно. Мы, люди, большею частію вообще не любимъ или не можемъ замѣчать такъ, какъ слѣдуетъ замѣчать, какимъ образомъ рядомъ, или даже совершенно вмѣстѣ съ добрыми качествами выростаютъ дурныя. Не говорю уже, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, что сама природа вложила въ насъ сочувствіе къ своему, въ слѣдствіе котораго, невольно смягчаясь и дѣлаясь снисходительнѣе въ сужденіяхъ обо всемъ близкомъ сердцу, мы особенно рѣдко возстаемъ противъ дурныхъ наклонностей и дѣйствій своей собственной особы, или — людей намъ милыхъ, и съ крайнею неохотою соглашаемся слушать, когда намъ въ уши, какъ горохъ въ стѣну, стараются вбить и вколотить толки о неодобрительныхъ поступкахъ любимыхъ лицъ. Такъ точно и царь Исаакъ, постоянно слыша со стороны, что его братъ Алексѣй питаетъ злые умыслы на его жизнь и царскую власть, что онъ подъ завѣсою дружбы скрываетъ собственно братоненавидѣніе и что за Алексѣя уже болѣе голосовъ, чѣмъ за Исаака, рѣшительно отвергалъ всѣ эти рѣчи, какъ вздоръ, и не соглашался слѣдственнымъ розыс-

комъ, какъ пробнымъ камнемъ, обнаружить и дознать фальшивость братниныхъ поступковъ. Мало того, онъ даже сердился, когда кто нибудь намекалъ на подобныя вещи, какъ будто этимъ хотѣли только ослабить въ немъ его нѣжную, неизгладимую и глубоко напечатлѣнную въ душѣ привязанность къ родному брату, котораго самъ душегубецъ Андроникъ, единственно одного изъ всѣхъ, не тронулъ. Прибывши въ приморскій городъ Рэдестъ [1], царь отпраздновалъ здѣсь великій праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія, заклавъ и вкусивши таинственную пасху. Здѣсь же заходилъ онъ къ Васильюшкѣ. Это былъ человѣкъ какого-то страннаго образа жизни, пользовавшійся у всѣхъ славою, что онъ предсказываетъ и предвидитъ будущее,—отчего народъ стекался къ нему во множествѣ и толпился въ его хижинѣ, какъ трудолюбивые муравьи въ своемъ муравейникѣ,—то вползаютъ, то выползаютъ,—или какъ въ древности ходили къ оракуламъ Амфіарейскому и Аммонскому. Конечно, онъ ничего не говорилъ о будущемъ вѣрнаго и опредѣленнаго; но бормоталъ отрывочныя, спутанныя, противорѣчущія и загадочныя слова, дозволяя себѣ часто смѣшныя выходки: тѣмъ не менѣе все это чрезвычайно привлекало къ нему простой народъ—пастуховъ, земледѣльцевъ и матросовъ. Когда, напримѣръ, приходили къ нему женщины, онъ

---

[1] Нынѣ—Родосто, городъ на сѣверозападномъ берегу Мраморнаго моря.

щупалъ имъ груди, засматривалъ подъ платье и при этомъ произносилъ свои безсвязныя изреченія. А на бо́льшую часть распросовъ, съ которыми обращались къ нему приходившіе, онъ совсѣмъ не отвѣчалъ, заключая всякій разъ свои дѣйствія бѣганьемъ съ мѣста на мѣсто и достойными Пана (1) ужимками. Между тѣмъ нѣсколько всегда присутствовавшихъ при этомъ старыхъ, непосѣстныхъ и накуликавшихся бабенокъ, жившихъ съ нимъ по родству, растолковывали спрашивавшимъ совѣта, что именно эти дѣйствія Васильюшки означали въ будущемъ, и объясняли его молчаніе, какъ какую нибудь мудрую и многозначущую рѣчь. Такимъ образомъ, говорю, этотъ человѣкъ у простаго народа, въ особенности у извѣстнаго сорта женщинъ, которымъ приходились по сердцу срамныя рѣчи и безстыдное заворачиванье платьевъ, какъ своего ро́да забавная шутка, считался пророкомъ и предсказывателемъ будущаго; для людей же смыслящихъ онъ, разумѣется, былъ только любопытнымъ, смѣшнымъ и глупымъ старичишкой. Впрочемъ иные, къ числу которыхъ, пожалуй, припишусь и я, не безъ основанія думали, что онъ былъ одержимъ пиѳійскимъ (2) духомъ.—Когда пришелъ къ нему им-

(1) Панъ — языческое божество въ родѣ Сатировъ,—лѣшій, котораго представляли съ длинными ушами, на козлиныхъ ногахъ, съ маленькими рогами и съ хвостомъ.

(2) Πνεύματι πύθωνος, т. е. лукавымъ прорицательнымъ духомъ, какъ та отроковица, которую исцѣлилъ апостолъ Павелъ въ Филиппополѣ и которая также была одержима пиѳійскимъ духомъ, ἔχουσα πνεῦμα

ператоръ, онъ нисколько не обратилъ вниманія на то, что этотъ человѣкъ облеченъ такою великою и такою священною властію, и на его привѣтствіе: «здравствуй, отче Васильюшка!»— не отвѣчалъ ни словами, ни даже молчаливымъ наклоненіемъ головы въ знакъ взаимнаго привѣта; но сталъ прыгать, метаться изъ стороны въ сторону, какъ жеребенокъ, или какой нибудь безумный, и ругать всѣхъ, кто пришелъ, особенно Константина Месопотамскаго, который былъ тогда очень близокъ къ царю, не щадя равнымъ образомъ и самого государя. Наконецъ, унявшись кое какъ отъ своихъ безпорядочныхъ движеній, онъ началъ палкою, которую носилъ въ рукахъ, скоблить царскій портретъ, нарисованный красками на стѣнѣ его молельной хижины, стараясь выцарапать ему глаза, и нѣсколько разъ покушался выхватить у императора шляпу и бросить ее на полъ. Послѣ такихъ продѣлокъ съ его стороны царь рѣшилъ, что это былъ сумасшедшій человѣчишко, и оставилъ его: но бывшіе при этомъ и видѣвшіе своими глазами, что тамъ происходило, пришли къ заключенію, что все это не предвѣщало ничего добраго въ будущемъ, а такъ какъ послѣдующія событія въ самомъ дѣлѣ весьма соотвѣтствовали символическимъ дѣйствіямъ предвѣщателя, то каждый еще болѣе утвердился во мнѣніи о Ва-

---

πύθωνος (Дѣян. 16, 16). Самое же слово пиѳійскій, или прорицательный, произошло отъ имени одного мѣстечка въ Фокидѣ, Пиѳона, гдѣ во времена языческія существовалъ знаменитый храмъ пиѳійскаго, или дельфійскаго Аполлона.

сильюшкѣ, которое до того времени, какъ я уже сказалъ, во многихъ было нерѣшительно, или даже совсѣмъ не въ его пользу. Между тѣмъ государь прибылъ въ Кинселлы ([1]) и, раздѣливши собравшіяся войска на фаланги и отряды, въ ожиданіи скораго прибытія остальныхъ частей войска замедлилъ здѣсь своимъ походомъ. Въ это время значительное количество родовитыхъ людей, соединившись въ одно общество подъ предлогомъ недовольства на совершенное пренебреженіе къ нимъ со стороны царя и на неблагоразумное управленіе государственными дѣлами, вѣрнѣе же сказать, задумавши общественные перевороты, большею частію обратившіеся для нихъ въ ремесло, обнаружили то, что скрывали въ душѣ и тайно лелѣяли въ своемъ сердцѣ. Однажды царь собрался на охоту. Предъ самымъ отъѣздомъ, когда оставалось только сѣсть на коня, онъ послалъ приглашеніе брату Алексѣю отправиться вмѣстѣ съ собою и раздѣлить удовольствіе прогулки по тамошнимъ зеленымъ и цвѣтущимъ равнинамъ; тотъ, имѣя уже все дѣло въ своихъ рукахъ, отказался отъ приглашенія подъ предлогомъ слабости здоровья и приказалъ отвѣтить, что ему пускаютъ кровь. Такимъ образомъ царь отправился одинъ по предположенному плану. Но не успѣлъ онъ отъѣхать отъ палатки трехъ стадій ([2]) въ сопро-

---

([1]) Нынѣ Ипсала.

([2]) Стадія есть мѣра длины, равняющаяся почти пятой долѣ нашей версты, или ста саженямъ.

вожденіи свиты и своихъ любимцевъ, услугами которыхъ пользовался въ управленіи государствомъ и которые исполняли всѣ его желанія, какъ сообщники Алексѣя въ заговорѣ, — язва нашего общества, народъ, привыкшій бить на удалую, измѣнчивый и пропитанный ложью,— схватили Алексѣя какъ будто насильно, привели его въ царскую палатку и провозгласили императоромъ. Это были: Ѳеодоръ Врана, Георгій Палеологъ, Іоаннъ Петралифа, Константинъ Рауль, Михаилъ Кантакузинъ, нѣсколько другихъ безпокойныхъ и непостоянныхъ лицъ, приходившихся въ родствѣ царю, и наконецъ ничтожная толпа людей, издавна кормившихся за столомъ севастократора, бѣгающихъ съ ненасытными ртами по всѣмъ пировымъ палатамъ и торжествующихъ при всякой перемѣнѣ въ дѣлахъ. Къ нимъ по первому слуху о новомъ движеніи присоединилось все войско, вся служебная и придворная челядь царя Исаака и весь его совѣтъ. Озаботившись первоначально, доходившими изъ лагеря, неопредѣленными и необыкновенными звуками, потомъ замѣтивши огромное стеченіе народа къ царской палаткѣ и разслушавъ провозглашеніе брата императоромъ, а спустя не много получивши и увѣдомленіе о томъ, что такое именно тамъ дѣлалось, царь забылъ о поѣздкѣ, остановился, какъ вкопанный, и началъ творить на себѣ крестное знаменіе, взывая: «Христе Царю, помилуй,»—и нѣсколько разъ повторяя молитву, чтобы Господь *избавилъ его отъ часа сего*. Потомъ онъ вы-

нулъ изъ за пазухи образъ Божіей Матери, сталъ крѣпко прижимать его къ груди, обращая къ нему то хвалебныя, то молитвенныя воззванія, и съ сокрушеннымъ сердцемъ молиться объ избавленіи отъ наступившей опасности. Наконецъ, когда увидѣлъ, что за нимъ послана погоня и посланные скачутъ во весь опоръ съ несомнѣннымъ намѣреніемъ и съ явною цѣлію схватить его, то бросился бѣжать. Переправившись съ опасностію жизни черезъ рѣку, которая глубоко течетъ по тамошней равнинѣ [1], царь продолжалъ путь далѣе, нигдѣ впрочемъ не предвидя для себя несомнѣнно безопаснаго убѣжища и желая только по возможности убѣжать отъ явной погибели, которую предполагалъ, судя по яростному стремленію и неудержимой поспѣшности своихъ преслѣдователей. Но, едва только онъ прибылъ въ Стагиру, которая нынѣ называется Макри [2], нѣкто Пантевгенъ задержалъ его и передалъ преслѣдователямъ. Тутъ царь въ послѣдній разъ смотрѣлъ на свѣтъ Божій: вскорѣ потомъ ему выкололи оба глаза въ Вирской [3] обители, которая была сооружена Исаакомъ, родителемъ царя Андроника. Не пришлось ли ему испытать здѣсь по Божьему возмездію наказаніе за свой жестокій приговоръ

---

[1] *Варіантъ:* «которая протекаетъ по этому мѣсту и называется нынѣ Марицею, или Омадицею». — Рѣка Марица, протекая мимо Филиппополя отъ запада на востокъ, около Адріанополя поворачиваетъ прямо къ югу и за Ипсалою впадаетъ въ архипелагскій заливъ Эносъ.

[2] Макри—небольшой городокъ на берегу Архипелага, за Марицею на западъ отъ Ипсалы.

[3] Ἐν Βήρᾳ—въ Перѣ.

Андронику,—предоставляю другимъ судить. Въ самомъ дѣлѣ, премудро управляющій всѣмъ промыслъ, по видимому, хочетъ внушить такимъ образомъ всѣмъ карателямъ, чтобы они не забывали о человѣколюбіи при наказаніи даже самыхъ враждебныхъ людей, имѣя въ виду, что собственная ихъ власть не вѣчна, что они могутъ потерять силу и въ слѣдствіе такого же переворота, какой сокрушилъ ихъ противниковъ, подвергнуться сами весьма не рѣдко той же самой участи (¹).—Послѣ этого несчастія, пробывши нѣсколько дней безъ пищи для облегченія мучительной боли, онъ былъ временно заключенъ во дворцѣ, а потомъ, спустя не долго, переведенъ въ темницу на другой сторонѣ города, близъ Диплокіона (²). Тамъ онъ принужденъ былъ влачить грубую жизнь бѣднаго поселянина и доживать свои дни, какъ простолюдинъ, питаясь умѣреннымъ количествомъ хлѣба и вина, а братъ его мирно и безмятежно воцарился на престолѣ, — точно будто бы они условились подобно Діоскорамъ (³) попеременно черезъ день заходить и восходить на царствен-

(¹) Варіантъ на слова: *имѣя въ виду... той же самой участи.* Потому что въ человѣческой жизни никогда ничего нѣтъ устойчиваго, но постоянно все передвигается и переходитъ отъ одного къ другому, и какъ человѣкъ самъ судитъ и мѣряетъ, такъ и его самого мѣряетъ и судитъ благій и праведный Судія.

(²) Κατὰ τὸν διπλοῦν κίονα,—т. е. близъ двойной колонны.

(³) Діоскоры—дѣти Зевса, братья Касторъ и Поллуксъ, то есть, созвѣздіе близнецовъ, — изъ которыхъ каждый, появляясь на небѣ, по опредѣленію судьбы вѣчно убиваетъ, или что тоже, принуждаетъ заходить — другаго.

номъ небосклонѣ. Исаакъ царствовалъ надъ римлянами девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ пылающее лицо, огненные волосы, былъ средняго роста, мужчина крѣпкій, и ему еще не исполнилось сорока лѣтъ, когда его свергли съ престола.

Царствованіе Алексѣя Комнина (1),

БРАТА ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Итакъ Исаакъ Ангелъ почти мгновенно былъ лишенъ власти и престола, а сверхъ того и ослѣпленъ, тѣми самыми людьми, на которыхъ считалъ возможнымъ положиться, какъ на свои собственныя глаза (2). Въ самомъ дѣлѣ, что ближе, что другое достойнѣе довѣрія, какъ не братъ, и притомъ—братъ, нѣжно любимый? Если уже отъ воды давятся; то что же и пить намъ, бѣднымъ людямъ? Если члены одной семьи вооружаются другъ противъ друга; то можно ли на-

(1) *Варіантъ:* Царствованіе Алексѣя Ангела.

(2) Варіантъ на слова: *Итакъ Исаакъ Ангелъ... собственныя глаза.* Такимъ образомъ Исаакъ былъ сверженъ съ престола, не столько, какъ говорили, по желанію своего брата, сколько по требованію и принужденію со стороны всего войска, которое съ обнаженными мечами подъ угрозою смерти заставило его принять и возложить на себя царское достоинство, и притомъ такъ, чтобы Исаакъ, бывши лишенъ царской власти, непремѣнно лишенъ былъ и зрѣнія тѣми самыми людьми, которыхъ считалъ своими приверженцами и на которыхъ опирался, полагаясь на ихъ руководство, какъ на свои собственныя глаза. Это было великое зло. Въ самомъ дѣлѣ, что... и т. д

дѣяться на безопасность въ какомъ бы ни было другомъ обществѣ? Благодѣтельная наука медицины изъ соединенія самыхъ разнородныхъ веществъ создаетъ спасительное лекарство; а люди возстаютъ другъ на друга, подавляя въ себѣ прекрасные дары одной во всѣхъ природы, и подъ гнетомъ безнравственности, или честолюбія, забываютъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ! Это событіе въ глазахъ всѣхъ народовъ навлекло презрѣніе на римлянъ, какъ безпримѣрное дѣло и необычайное происшествіе, болѣе постыдное, чѣмъ все, что обыкновенно бываетъ при правительственныхъ переворотахъ, или при перемѣнахъ и низложеніяхъ государей. Близкіе друзья въ виду его разрывали старинную дружбу, думая про себя: «братъ не избавляетъ; избавитъ ли человѣкъ посторонній?» Иной прежде довѣрялъ кому нибудь самыя секретныя свои намѣренія, а теперь боялся отвѣтить на обыкновенное привѣтствіе съ его стороны, подозрѣвая, не скрывается ли въ этомъ привѣтствіи тоже какого нибудь умысла. Между тѣмъ самъ похититель власти, Алексѣй, нисколько не воображая того, что, низринувъ брата, онъ низринулъ и себя самого, немедленно, не давши даже остынуть своему преступленію, возшелъ на царскій тронъ, возложилъ на себя одежды и корону брата и въ присутствіи всѣхъ военныхъ чиновъ, равно какъ случившихся на лицо гражданскихъ сановниковъ, провозгласилъ себя самодержавнымъ царемъ. Въ туже минуту онъ далъ знать о всемъ происшедшемъ своей женѣ и всѣмъ жи-

телямъ столицы; а между тѣмъ, желая съ одной стороны отличить людей, содѣйствовавшихъ ему въ достиженіи власти, и наградить за усердіе, съ другой—выказать всѣмъ свою признательность за добровольное согласіе и отсутствіе всякаго противодѣйствія, по случаю совершившейся перемѣны, безъ всякаго соображенія и порядка, единственно по одному прошенію и желанію каждаго началъ раздавать деньги, которыя Исаакъ везъ на войну. Когда отъ расточительной и несоотвѣтственной раздачи деньги всѣ вышли, онъ сталъ дарить просителямъ помѣстья, угодья и разные общественные сборы. Когда же и этого не достало, онъ сталъ раздавать почетныя достоинства, и не такъ, чтобы поднялъ того или другаго изъ людей знатныхъ, или повышалъ на ближайшую и соотвѣтствующую степень, но всякаго, стоялъ ли кто на низшей степени почета, или вовсе никогда не имѣлъ и перваго чина, возвышалъ прямо, метеоромъ, на степень самую высшую и самую главную, такъ что весьма цѣнное сдѣлалось вовсе безцѣннымъ и нѣкогда желанное — безразличнымъ. Поэтому многіе считали даже повышеніе пониженіемъ, какъ уже поздно и слишкомъ справедливо удостоенные того, что другимъ досталось прямо, безъ заслугъ, и какъ сравненные въ почестяхъ съ людьми, которыхъ они считались почетнѣе, когда были въ пренебреженіи. Съ другой стороны легко было и получить все: какую бы бумагу ни поднесъ кто царю, онъ тотчасъ подписывалъ, будь тамъ безсмысленный наборъ словъ и требуй проситель,

чтобы море пахали, по землѣ плавали, а горы переставили на середину моря, или, какъ въ баснѣ говорится, чтобы Аѳонъ поставить на Олимпъ. Совершивъ все это, или лучше, принявъ участіе въ совершеніи всего этого, собственно же сказать, подчинившись необходимости удовлетворить такимъ образомъ требованіямъ времени и обстоятельствъ, царь распустилъ потомъ войско обратно по домамъ, не обращая никакого вниманія на всѣ грабительства валаховъ, продолжавшихъ свои набѣги въ союзѣ съ скиѳами. Впрочемъ самъ онъ послѣ этого не поспѣшилъ вдругъ, съ возможною скоростію, въ столицу; но въ полной увѣренности, что, если его братъ заключенъ въ тюрьму и ослѣпленъ, то ему самому не можетъ уже быть никакой опасности, направилъ туда свое шествіе — тихо и съ медленными разстановками. Въ самомъ дѣлѣ все населеніе города уже признало его императоромъ; его супруга Евфросинія заранѣе приготовила ему торжественный входъ; сенатъ, хотя не въ полномъ составѣ, радостно принялъ совершившееся событіе, и даже, при полученіи извѣстія о немъ, никто въ народѣ не произвелъ никакого буйства,—всѣ были спокойны и приняли вѣсть съ сочувствіемъ, безъ ропота и безъ справедливаго негодованія на то, что въ настоящемъ случаѣ войско присвоило себѣ, всегда принадлежавшее народу, право избранія на царство. При всемъ томъ, однако, когда княгиня Евфросинія, супруга Алексѣя, переѣзжала въ большой дворецъ, нѣсколько безпокойныхъ ремесленниковъ

и случайно приставшихъ къ нимъ людей, составивъ большое общество и построившись въ порядокъ, двинулись по направленію къ великой церкви, провозглашая императоромъ одного астролога, давно умышлявшаго захватить царскую власть, именно Алексѣя Контостефана, и объявляя, что они не хотятъ болѣе терпѣть правленія Комниныхъ, которые имъ надоѣли. Послѣ того, какъ царица Евфросинія не безъ значительной опасности вступила такимъ образомъ въ большой дворецъ, сопровождавшая ее свита знатнаго рода людей, болѣе отважно, нежели благоразумно, устремилась противъ Контостефана: въ одно мгновеніе вся толпа городской черни была разсѣяна, Контостефанъ взятъ и заключенъ подъ стражу.—2.—Когда народное движеніе было такимъ образомъ подавлено, немедленно духовенство приняло сторону новаго правительства, и одинъ церковникъ, подкупленный небольшимъ количествомъ мелкихъ денегъ (точно такъ же задобрены были извѣстные площадные крикуны и нѣсколько лицъ судейскаго сословія, но я не могу привесть ихъ именъ), не дожидаясь приказанія отъ архипастыря, вошелъ на священый амвонъ и провозгласилъ Алексѣя царемъ. За тѣмъ и патріархъ послѣ небольшаго сопротивленія,—сколько нужно было, чтобы показать, что онъ не участвовалъ въ начинаніи этого дѣла,—также перешелъ на сторону сильнаго. Когда же самъ патріархъ такимъ образомъ уступилъ, то уже никто послѣ того не посмѣлъ спорить: всѣ, какъ рабы, побѣжали въ

большой дворецъ прямо къ царицѣ и прежде, чѣмъ увидѣли новаго властителя, или узнали въ точности, что сдѣлалось съ прежнимъ царемъ, перегнулись въ три сгиба передъ женою человѣка, о которомъ имъ сказали, что онъ царь, подложили ей подъ ноги, какъ скамеечку, свои головы, бросились наперерывъ, подобно тявкающимъ собаченкамъ, лизать кожу ея башмаковъ и въ заключеніе стали передъ нею съ трепещущимъ видомъ, на вытяжку, руки по швамъ. До такой степени одна молва уже овладѣла бѣдняками! Съ своей стороны царица, хитрая штука, умѣвшая пользоваться обстоятельствами, каждому нашла въ отвѣтъ приличное слово на его рѣчи и своею любезною болтовнею совершенно очаровала византійскихъ простяковъ; такъ что они,—какъ свиньи, которыя отъ услажденія опрокидываются навзничь, когда имъ почешутъ брюхо, — давши пощекотать себѣ уши ласковыми привѣтствіями, нашли, что во всемъ произшедшемъ ровно ничего не было возмутительнаго. Такъ все было подготовлено ко вступленію царя Алексѣя, — безъ пролитія капли крови и даже безъ наказанія кого бы ни было лишеніемъ имущества! Спустя нѣсколько дней, наконецъ, онъ самъ вступаетъ въ Византію и во всемъ убранствѣ, сидя на раззолоченномъ ложѣ, радостно и весело принимаетъ въ такъ называемомъ внѣшнемъ Филопатіонѣ всѣхъ, явившихся къ нему на встрѣчу, нисколько не смущаясь въ душѣ мыслію о томъ, что онъ сдѣлалъ противъ сво-

его брата. Нѣкоторые изъ судей Вила, не кстати обнаруживая свою ловкость, подслужились при этомъ пошлыми, шутовски-льстивыми восклицаніями, которыя въ послѣдствіи навлекли на нихъ посмѣяніе; но другіе съ глубокою скорбію смотрѣли на всю эту картину, оплакивали людскую участь, замѣчая, что царственныя украшенія, которыя нашилъ для себя Исаакъ, облекали уже его брата,—изумлялись при мысли, до какой степени было дико все дѣло, и, перебирая въ умѣ враждебныя столкновенія Озириса и Тифона, навлекшія несчастіе на Египетъ ([1]), приходили къ предположенію, что этотъ правительственный переворотъ послужитъ только началомъ новыхъ роковыхъ событій. Вступивъ затѣмъ въ знаменитый и великолѣпнѣйшій храмъ Премудрости Божіей для обычнаго помазанія на царство и возложенія на себя знаковъ власти, онъ, во первыхъ, замѣчательно долго вписывалъ чернилами царственнаго цвѣта символъ вѣры; потомъ, когда надобно было войти въ красныя ([2]) двери алтаря, онъ также довольно много времени простоялъ передъ дверьми въ ожиданіи, пока ему дозволено было входить—людьми, съ высоты церковнаго мѣста для оглашенныхъ наблюдавшими надлежащую минуту времени ([3]). Наконецъ, когда по выходѣ

([1]) Варіантъ на слова: *перебирая въ умѣ... на Египетъ*, — припоминая, сколько бѣдъ, ужасныхъ знаменій и казней низвелъ Господь на Египетъ за жестоковыйность Фараона, приходили и т. д.

([2]) Т. е. царскія.

([3]) Варіантъ на слова: *пока ему дозволено было входить людьми.... минуту времени*, — «пока ему дозволено было входить по гороскопу

изъ церкви царь долженъ былъ садиться верхомъ и протостраторъ, держа за узду, подвелъ къ нему сытнаго арабскаго жеребца, случилось необыкновенное и удивительное произшествіе: конь не подпускаетъ сѣдока, бьется,—глаза налились кровью, уши вверхъ, — скребетъ то и дѣло землю, становится на дыбы, ржетъ, мечется и рѣшительно не дается, какъ будто озлившись противъ него и считая его недостойнымъ сидѣть на своемъ хребтѣ! Нѣсколько разъ онъ отразилъ такимъ образомъ покушенія Алексѣя сѣсть на него верхомъ, поднимаясь на заднія ноги и поворачиваясь мордой назадъ; наконецъ, послѣ неоднократнаго трепанья и глаженья по холкѣ, по видимому, успокоился, остановилъ свои неукротимые порывы и пересталъ взвиваться ногами на воздухъ. Но едва только царь вскочилъ на него и взялся за вожжи, онъ, какъ будто почувствовавъ, что его обманули и что на него сѣлъ именно тотъ самый всадникъ, котораго онъ не хотѣлъ везть, началъ опять

—стоявшими близъ мѣста оглашенныхъ астрологами, которые должны были подмѣтить и со всею точностію опредѣлить счастливую минуту времени.»—Не есть ли этотъ варіантъ, какъ и многіе другіе, произвольное объясненіе довольно труднаго и темнаго текста какимъ нибудь средневѣковымъ комментаторомъ и не были ли астрологи-гороскописты, о которыхъ въ немъ говорится, обыкновенные иподіаконы, съ высоты хоровъ, гдѣ было мѣсто для оглашенныхъ и откуда можно было или перейти, или подать знакъ въ алтарь, наблюдавшіе, когда подойдетъ царь съ середины церкви къ царскимъ дверямъ, чтобы въ тоже самое мгновеніе и какбы невидимо отворить ихъ передъ нимъ извнутри алтаря?—Мнѣ кажется такъ; хотя, съ другой стороны, чего не могло быть въ это темное время и многіе ли не вѣрили тогда въ астрологію? *Примѣч. ред.*

по прежнему биться, поднимать ноги, ржать изо всей мочи, и до тѣхъ поръ не прекратилъ своего вакхическаго неистовства, пока не сшибъ съ головы царя на землю—его, выстланнаго драгоцѣнными камнями, вѣнца, такъ что нѣсколько частицъ отъ него разлетѣлось въ дребезги, и не сбросилъ его самого. Привели другаго коня, —и царь поѣхалъ; но замѣтно было, что корона на немъ была уже не цѣла, и это было сочтено неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ будущаго, именно, что онъ, по всей вѣроятности, и царства не соблюдетъ въ цѣлости, но уронитъ его съ высоты, и самъ подвергнется горькимъ несчастіямъ. Въ слѣдъ за царемъ ѣхали въ процессіи, также верхомъ, два зятя его по дочерямъ: Андроникъ Коптостефанъ и Исаакъ Комнинъ, и дядя его по отцу Іоаннъ Дука, преклонный старецъ, съ которымъ во время этого торжественнаго шествія случилось подобное же неожиданное приключеніе. Никто не трогалъ куцой лошачихи, на которой онъ ѣхалъ, какъ вдругъ съ его головы свернулась севастократорская корона и сама собою полетѣла на полъ. Всѣ зрители вскрикнули и потомъ подняли смѣхъ, когда ихъ взорамъ, какъ полная луна, представилась его плѣшь, прикрывавшаяся прежде короною. Принявши по необходимости веселый и ласковый видъ,—хотя надобно сказать, что онъ и вообще не легко раздражался непріятными обстоятельствами,—Дука перенесъ хохотъ толпы при этомъ случаѣ, какъ пріятную шутку, подсмѣиваясь отчасти

самъ и не обнаруживая никакихъ признаковъ досады.

3. Оставивъ прозваніе Ангела, царь Алексѣй началъ именовать себя Комнинымъ,—потому ли, что его собственное прозваніе казалось ему не довольно славно, какъ осадокъ комниновской знаменитости, или потому, что хотѣлъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ схоронить и его фамилію.—Между тѣмъ, какъ всѣ думали, что послѣ коронованія и приведенія дѣлъ въ обыкновенный порядокъ царь возьмется за оружіе, отправится въ походъ и не только устранитъ всѣ текущія затрудненія, но немедленно займется даже исправленіемъ, по мѣрѣ возможности, прежнихъ ошибокъ своего брата, въ особенности на счетъ того, что касалось нашихъ бѣдственныхъ отношеній къ варварамъ, которымъ никто не думалъ теперь противостать и на которыя никто не обращалъ даже вниманія, — онъ расположился совершенно наоборотъ и, какбы достигнувъ уже верха своихъ желаній и получивъ то, къ чему издавна направлялись всѣ его стремленія, послѣ вѣнчанія на царство предался полнѣйшей праздности, какъ будто бы царствованіе, по его понятіямъ, состояло не въ законной попечительности о благѣ людей, но въ удобствахъ роскоши и наслажденіяхъ нѣги. Итакъ, бросивъ управленіе общественными дѣлами, какъ бросаетъ свое кормило кормчій, изнемогшій въ борьбѣ противъ волнъ, онъ только то и дѣлалъ, что рядился въ золото, выслушивая всякіе доклады и удовлетворяя всѣ просьбы

лицъ, принадлежавшихъ къ партіи, которая содѣйствовала ему въ достиженіи власти, и безпощадно обѣими руками сорилъ деньги, которыя собиралъ Исаакъ, не обращая вниманія на то, какъ трудно будетъ набирать ихъ въ послѣдствіи и какъ напрасно онъ истощаетъ ихъ теперь. Дѣйствительно, деньги всѣ были разсѣяны, словно мякина, и съ быстротою лѣтней пыли разлетѣлись по непроизводительнымъ карманамъ людей, которыхъ даже не зналъ императоръ; а когда въ послѣдствіи пришла нужда въ нихъ, тогда онъ и самъ жалѣлъ о своей безполезной щедрости и упрекалъ себя въ расточительности. Супруга этого государя, женщина, правда, съ умомъ, свойственнымъ впрочемъ скорѣе мужчинѣ, надѣленная отъ природы даромъ говорить увлекательно, любезно, сладко, граціозно, способная предвидѣть будущее и въ тоже время отлично умѣвшая пользоваться настоящимъ, не смотря на все это была также злою заразою. Я не обращаю вниманія на ея наряды, на роскошь, которую она завела, на ея страсть перемѣнять все, что есть, и выдумывать небывалое, въ чемъ она по бойкости природныхъ дарованій далеко оставляла за собою своего супруга (потому что, въ самомъ дѣлѣ, не стоитъ въ исторіи тратить рѣчь на такія вещи, хотя и это вовсе не составляетъ достоинства женщины, а тѣмъ болѣе—царицы); но говорю о томъ безстыдствѣ, съ какимъ она, отбросивъ всѣ покровы приличія, безчестила, срамила себя и позорила своего мужа. Спа-

чала всѣ думали, что онъ знаетъ эти неурядицы и только даетъ видъ, будтобы ему ничего не было извѣстно; но изъ его дѣйствій въ послѣдствіи, когда поведеніе его сожительницы сдѣлалось гласнымъ, ясно видно, что онъ дѣйствительно ничего не зналъ о ея безчинствахъ. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе. Между тѣмъ, переступая всѣ границы и попирая всѣ обычаи прежнихъ императрицъ римскихъ, царица достигла того, что царская власть рѣшительно раздѣлилась между двумя властителями: уже не одинъ только государь могъ повелѣвать теперь, что ему было угодно, но точно съ такимъ же полномочіемъ распоряжалась всѣмъ и она по своему усмотрѣнію, часто даже отмѣняя то, что повелѣно было царемъ, и дѣлая противоположное распоряженіе. Когда должны были представляться царю великіе послы какихъ нибудь народовъ; то становили вмѣстѣ два пышныхъ трона, и она, принимая участіе въ собраніи, садилась рядомъ съ царемъ, великолѣпно одѣвшись, съ коронкою въ видѣ тимпана на головѣ, сдѣланною изъ прозрачно блестящихъ камней и жемчуговъ, и съ многоцѣнными ожерельями на шеѣ. А иногда, находясь въ разныхъ палатахъ дворца и принимая оба порознь, они выслушивали пословъ по частямъ, или — кто отдалъ сначала поклонъ царю, тотъ послѣ него шелъ потомъ къ царицѣ и воздавалъ ей еще болѣе глубокое поклоненіе. Нѣкоторые изъ кровныхъ родственниковъ царя и высшіе сановники государства выносили при

этомъ царицу на высокомъ и великолѣпномъ креслѣ, подставляя свои собственныя плечи, какъ невольники.

Не прошло, впрочемъ, еще трехъ мѣсяцевъ послѣ воцаренія Алексѣя, какъ получена была вѣсть, оказавшаяся совершенно справедливою, что какой-то выходецъ изъ Киликіи, по имени Алексѣй, злоупотребляя именемъ царя Алексѣя, Мануилова сына, нашелъ себѣ покровительство у сатрапа города Анкиры и былъ принятъ имъ, какъ дѣйствительный сынъ императора Мануила, не съ тою цѣлію, конечно, чтобы содѣйствовать ему въ достиженіи его желаній (такъ какъ онъ нисколько не сомнѣвался, что царь Алексѣй былъ задушенъ Андроникомъ), но для того, чтобы, пользуясь затрудненіями, въ которыя императоръ римскій вовлеченъ будетъ борьбою съ мятежниками, извлечь для себя изъ нихъ какую нибудь выгоду, продавши римлянамъ свою дружбу за возможно дорогую цѣну. Когда слухи стали дѣломъ и самозванецъ Алексѣй, получивъ подкрѣпленіе и поддержку со стороны персидскаго сатрапа, произвелъ нападеніе на пограничные съ Анкирою римскіе города; противъ него былъ посланъ одинъ евнухъ, по прозванію Іонополитъ, недавно возведенный царемъ въ санъ паракимомена [1]. Но такъ какъ евнухъ не могъ

---

[1] *Паракимоменъ*, по переводу слова—*подлѣ спящій*, или *при спящемъ*,—былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ сановниковъ государства, на ряду съ протовестіаріемъ, или протостраторомъ. Какъ показываетъ самое производство слова, онъ завѣдывалъ царскою спальнею и былъ главнымъ начальникомъ всего штата чиновниковъ по этому вѣдомству.

достигнуть желанной цѣли, то царь по неволѣ рѣшился самъ отправиться, имѣя въ виду между прочимъ постараться о заключеніи союза съ персомъ, въ полной увѣренности, что такимъ образомъ ему всего легче будетъ одолѣть противника, выступившаго противъ него подъ чужимъ именемъ, и притомъ—подъ именемъ человѣка, давно уже умершаго. Требованія персіянина оказались, однако, крайне неумѣренными. Пользуясь обстоятельствами, онъ не иначе соглашался заключить миръ, какъ подъ условіемъ, чтобы царь уплатилъ ему, въ видѣ подарка, единовременно при заключеніи договора пять центенаріевъ серебра чеканною монетою и потомъ ежегодно дарилъ по три центенарія серебряной монеты и по сорока кусковъ шелковыхъ матерій, которыя доставлялись царю изъ семивратныхъ Ѳивъ. Итакъ царь прибылъ въ городъ Мелангіи. Но, хотя жители этого города провозгласили его своимъ императоромъ, однако онъ не нашелъ въ нихъ сильныхъ помощниковъ себѣ для борьбы съ своимъ противникомъ Алексѣемъ. Сочувствуя ему, какъ римскому императору, они въ тоже время не отказывали въ расположеніи Лже-Алексѣю и, даря взгляды то тому, то другому, колебались въ выборѣ между ними, отнюдь не обнаруживая, къ кому имѣютъ дѣйствительное расположеніе. Словомъ сказать, мелангіийцы давали понять всякому, что, колеблясь на обѣ стороны, они не склонятся теперь ни въ одну, но въ послѣдствіи присоединятся къ сторонѣ побѣдителя. Даже въ раз-

говорахъ съ царемъ они никогда не упускали случая сказать что нибудь въ похвалу Лже-Алексѣя. Не разъ они говорили: «государь императоръ, ты самъ полюбилъ бы этого человѣка, еслибы поглядѣлъ на него. Его длинные огненные волосы такъ прелестны, какъ будто усыпаны были блестками золота; онъ отличнаго роста и такой превосходный наѣздникъ, что какъ будто прикованъ къ сѣдлу.» Однажды царь отвѣчалъ на подобныя рѣчи, что сынъ императора Мануила давно погибъ насильственною смертію отъ Андроника и что въ настоящее время выдающій себя за него есть обманщикъ, совершенно чуждый роду Комниныхъ,—да еслибы онъ и дѣйствительно былъ живъ и былъ этотъ самый, кто теперь нападаетъ на него, то и тогда онъ, царь, очевидно имѣетъ большее право на ихъ повиновеніе, потому что онъ въ настоящее время держитъ въ своихъ рукахъ скипетръ римскаго государства. Ухватившись за эти послѣднія слова и дѣлая изъ нихъ противоположное заключеніе, мелангійцы возразили: «вотъ видишь ли, царь, что ты и самъ колеблешься въ понятіяхъ объ этомъ юношѣ и считаешь предполагаемую смерть его сомнительною! Не осуждай же людей, которые питаютъ состраданіе къ молодому человѣку, имѣющему право на царство по преемству отъ трехъ предшествовавшихъ поколѣній своего рода, а между тѣмъ несправедливо лишенному не только власти, но и отечества.» Не видя никакой пользы отъ собственнаго управленія ходомъ дѣла и сознавая,

что его личное присутствіе не приноситъ никакой выгоды, царь обошелъ всѣ пограничныя укрѣпленія,—одни изъ нихъ отклонилъ отъ Алексѣя, другія предалъ огню за привязанность къ мятежнику,—и потомъ воротился назадъ, въ Константинополь, покончивъ весь свой походъ въ два мѣсяца и поручивъ наблюденіе за Алексѣемъ-Киликійцемъ Мануилу Кантакузину. Впрочемъ Мануилъ не рѣшался весть противъ него открытой войны, хотя онъ успѣвалъ все болѣе и болѣе при помощи со стороны персіянина и бралъ подать со всѣхъ, или съ большей части укрѣпленныхъ городовъ, пограничныхъ съ Анкирою. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, можетъ быть, долго былъ бы неодолимымъ зломъ для римлянъ, еслибы Богъ и здѣсь новымъ образомъ не показалъ къ нашему бѣдственному положенію своего милосердія. Во время пребыванія въ крѣпости Цунгрѣ Алексѣй палъ ночью подъ ударомъ кинжала отъ неизвѣстной руки. Такъ исчезъ и этотъ самозванецъ, блеснувъ и скрывшись съ быстротою молніи, или вырвавшись, какъ сильный вихрь изъ киликійскаго ущелья, приведши въ смятеніе часть римскаго государства и потомъ мгновенно стихнувши и потерявши силу!

Въ слѣдъ за этимъ зломъ родилось, или лучше, послѣ совершеннаго, по видимому, исчезновенія на нѣкоторое время, опять появилось, подобно убійственному болиголову, другое зло еще худшее. Въ одной изъ предшествующихъ книгъ я говорилъ объ Исаакѣ Комнинѣ, бывшемъ вла-

стителѣ и вмѣстѣ губителѣ кипрскаго острова, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ англійскимъ королемъ, завоевавшимъ по дорогѣ въ Палестину островъ Кипръ, и, какъ негодный рабъ, подаренъ имъ одному изъ своихъ соплеменниковъ. Потомъ разнеслась вездѣ молва, что злой человѣкъ зло и жизнь свою кончилъ. Но, какъ оказалось въ послѣдствіи, онъ кончилъ свою жизнь только по увѣреніямъ молвы, а на самомъ дѣлѣ избавился отъ узъ, вышелъ, къ сожалѣнію, изъ темницы на свободу и уже питалъ прежніе властолюбивые замыслы. Нѣсколько разъ царь Алексѣй звалъ его къ себѣ своими грамотами, уступая въ этомъ случаѣ вліянію царицы Евфросиніи, приходившейся въ близкомъ родствѣ Исааку. Но онъ съ презрѣніемъ отвергалъ всѣ царскія предложенія и приходилъ въ негодованіе при одномъ намекѣ на нихъ, говоря, что привыкъ царствовать, а не покоряться, и повелѣвать другими, а не подчиняться другимъ. Итакъ онъ велъ постоянную переписку съ правительсвенными лицами Малой Азіи, на все рѣшаясь, всѣмъ жертвуя и все обѣщая въ награду за помощь, если только успѣетъ достигнуть царской власти. Но какъ прежде онъ стремился къ тому, чего ему не суждено было достигнуть, и напрасно домогался неугоднаго Богу: такъ и теперь всѣ его усилія достигнуть недостижимаго оказались совершенно напрасными. Ни персіянинъ не давалъ согласія на то, чего онъ добивался (а Исаакъ желалъ, чтобы онъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ за нимъ на

войну съ римлянами, безпрекословно слѣдуя всѣмъ его указаніямъ), ни всѣ другіе, съ кѣмъ онъ переписывался тайно, не принимали его предложеній, подобно аспидамъ затыкая уши отъ его напѣвовъ. И въ самомъ дѣлѣ, кому пріятно пойти за кровожаднымъ звѣремъ, который спустя не много можетъ обернуться и разтерзать? Согласится ли кто нибудь завесть дружбу съ ядовитою змѣею, которая изрыгаетъ убійственный ядъ даже на того, кто ее обнимаетъ, и смертельно жалитъ человѣка, который пригрѣваетъ ее у своего сердца? Къ счастію, спустя короткое время, по волѣ Божіей онъ извергъ свою преступную душу и присоединился къ прочимъ тиранамъ, которыхъ истребила рука Господня, разумѣется, большею частію не непосредственно сама исполняя то, что часто совершаетъ для блага людей. Говорили, что злодѣй умеръ не естественною смертію, но погибъ отъ яда, подмѣшаннаго ему въ питье однимъ человѣкомъ, котораго самъ царь склонилъ на это дѣло великими дарами.

4. Болѣе всего Алексѣй послѣ своего воцаренія старался о заключеніи мира съ валахами. Съ этою цѣлію онъ отправилъ пословъ къ Петру и Асану; однако не успѣлъ заключить ни мира, ни договора, такъ какъ эти люди дали безмѣрно гордый отвѣтъ и предложили такія условія для мира, которыя были совершенно невозможны и безчестны для римлянъ. Между тѣмъ, когда царь находился на востокѣ, они на-

пали на болгарскіе округи по близости Серръ ([1]), разбили стоявшій здѣсь римскій отрядъ, истребили бо́льшую его часть и самого Алексѣя Аспіета, который командовалъ римскимъ войскомъ, взяли въ плѣнъ. Потомъ они овладѣли большою частію тамошнихъ крѣпостей и, укрѣпивъ ихъ еще сильнѣе, возвратились домой, унеся съ собою неисчислимую добычу. Опасаясь, чтобы со временемъ не повторилось опять чего нибудь подобнаго, царь выслалъ противъ нихъ съ значительнымъ войскомъ своего зятя, севастократора Исаака. Съ своей стороны валахи по этому поводу также представили Асану, что при нападеніяхъ на римлянъ опасно увлекаться всегда внушеніями одной пылкости, но должно вспомнить наконецъ о законахъ правильнаго веденія войны (такъ какъ въ настоящее время властвуетъ надъ римлянами, сколько они знаютъ по слухамъ, человѣкъ воинственный, далеко превосходящій своего брата). Но Асанъ съ гордою самоувѣренностію отвѣчалъ на эти представленія подобнаго рода рѣчью. «Не всякому слуху вѣрь: доноситъ ли молва, что извѣстный человѣкъ мужественъ, не робѣй сейчасъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ таковъ,—говоритъ ли о комъ, что онъ малодушный трусъ, не рискуй и не зѣвай прежде дѣла; хотя, конечно, не надобно и ушей затыкать со всѣмъ, потому что и слухъ не всегда лжетъ, особенно когда говоритъ наибольшая часть на-

---

([1]) Нынѣшній городъ—Сересъ.

рода. Надобно въ родѣ пробнаго камня считать дѣла людей, которыхъ молва хулитъ, или превозноситъ, а по большей части необходимо свой глазъ поставить судіею молвы, и тогда уже принимать ее, какъ справедливую, или подмазать маслицемъ, какъ ложную, да пусть себѣ и летитъ она, куда хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, уши не видятъ дѣла, но, набравшись всякаго шума, хранятъ только чужіе и часто противоположные толки; а глазъ есть, точно, надежный проводникъ въ дорогѣ и безобманный свидѣтель того, что видѣлъ, потому что не со стороны слышитъ, какъ уши, а прямо самъ видитъ. Поэтому вамъ не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что молва прославляетъ нынѣшняго римскаго царя храбрымъ, а надобно посмотрѣть, таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, какимъ его величаютъ. Пусть будетъ вамъ вождемъ и вѣрнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ прежняя жизнь человѣка. Но если вы внимательно изслѣдуете ее, то увидите, что этотъ человѣкъ ничѣмъ не заслужилъ своей славы: онъ вовсе не принималъ участія въ войнѣ, никогда не подвергался опасностямъ, сражаясь, или помогая брату въ его битвахъ за римское владычество,—что я очень хорошо самъ знаю, постоянно грабивши и опустошавши непріятельскую землю, получавши побѣды за побѣдами, скоплявши трофеи къ трофеямъ,—и не въ награду за труды получилъ багряницу и царскій вѣнецъ, но, какъ видно изъ дѣла, овладѣлъ скипетромъ по игрѣ слѣпаго счастія. Оттого я, правду сказать, и по-

нять не могу, какимъ бы образомъ этотъ человѣкъ, который ни разу не показывался мнѣ въ сраженіи и который ни рукою, ни совѣтомъ, ни рѣчью, никогда не мѣшалъ нашимъ дѣламъ, вдругъ перемѣнился совсѣмъ напротивъ. Я постараюсь объяснить вамъ, сколько возможно, мою мысль объ этомъ человѣкѣ и обо всемъ его родѣ примѣромъ. Видите вы ткани, которыя висятъ и развѣваются по вѣтру на моемъ копьѣ? По цвѣтамъ онѣ различны; а какъ по пряжѣ?—Всѣ онѣ сдѣланы изъ одной пряжи и одинъ ткачъ ихъ ткалъ. Различаясь цвѣтами, онѣ какъ будто различаются и по матеріи. Но этого нѣтъ и нѣтъ. Такъ и братья Исаакъ съ Алексѣемъ, изъ которыхъ одинъ уже лишенъ царства, а другой еще носитъ порфиру и украшается властительскимъ вѣнцомъ, имѣли одного отца, вылетѣли изъ одного гнѣзда, одна земля ихъ родила, и всего по ровну они получили, кромѣ того, что второй изъ нихъ, Алексѣй, лѣтами будетъ постарше. Отъ этого, какъ мнѣ кажется и какъ всѣ мы дознаемъ опытомъ, и на войнѣ между ними не должно быть большаго различія. Говорю, то есть, что намъ по прежнему, опять такъ же, какъ прежде, слѣдуетъ весть войну, зная, что и теперь мы станемъ противъ тѣхъ же самыхъ людей, которыхъ прежде побѣждали, чтобы не сказать, что они сдѣлались еще хуже, такъ какъ съ одной стороны видно, что римляне уже ослабѣли и упали духомъ послѣ того, какъ мы ихъ столько разъ гоняли съ позоромъ, а они ни разу не

могли поправить своихъ дѣлъ, — а съ другой стороны надобно взять въ толкъ, не наказалъ бы ихъ Господь за то, что они незаконно лишили царской власти Исаака, который освободилъ ихъ отъ тяжкаго рабства тиранну! Люди, такъ вооружающіеся противъ своихъ спасителей, не должны ли при первомъ удобномъ случаѣ быть истреблены врагами, какъ клятвопреступники?»—Возбудивъ такими мыслями умы своихъ подчиненныхъ, варваръ еще съ большею противъ прежняго самоувѣренностію напалъ на области, лежащія около Стримона и Амфиполя. Когда до севастократора Исаака дошелъ слухъ, что валахи вторглись уже въ предѣлы серрскаго округа; то онъ, увлекаясь молодостію и надмѣваясь однимъ недавнимъ пораженіемъ, нанесеннымъ валахамъ, не развѣдавъ напередъ о силѣ противниковъ, устремился противъ нихъ по первому извѣстію. Въ одно мгновеніе условнымъ звукомъ трубы онъ поставилъ на ноги свое войско, первый сѣлъ на босваго коня и, съ торопливою поспѣшностію надѣвъ панцырь, немедленно, потрясая копьемъ, полетѣлъ на битву съ противниками, какъ будто ему заранѣе устроили охоту на оленей, или подготовили тамъ потѣшную ловлю дичи. Промчавшись такимъ образомъ во весь опоръ около тридцати стадій (¹), онъ такъ истомилъ конницу, что во время битвы она была совершенно безполезна; измученная быстрымъ движені-

(¹) Т. е. около шести верстъ.

емъ пѣхота также сдѣлалась въ послѣдствіи ни къ чему не годною. Скоро онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ расположился непріятель. Между тѣмъ Асанъ бо́льшую и лучшую часть своего войска размѣстилъ по разнымъ частямъ въ засады. Не предвидя этой стратегической тонкости и хитрости, Исаакъ съ такимъ неистовымъ пыломъ устремился на враговъ, какъ будто несомнѣнно долженъ былъ побѣдить и обратить ихъ въ бѣгство. Поэтому, когда наконецъ вошли въ дѣло отряды, бывшіе въ засадахъ, онъ, какбы накрытый со всѣхъ сторонъ сѣтями, потерялъ большую часть своего войска и въ заключеніе самъ былъ взятъ въ плѣнъ скиѳами. Послѣ этого непріятель, подобно льву въ своихъ владѣніяхъ, безбоязненно бросился на добычу и грабежъ, такъ какъ римляне уже не сопротивлялись, но всѣ, кто еще не палъ въ битвѣ жертвою меча, со страхомъ обратились въ бѣгство и, сколько можно было поспѣшнѣе, укрылись въ городѣ Серрахъ. Взявшій севастократора въ плѣнъ скиѳъ всячески старался укрыть его отъ взоровъ Асана, соблазняясь корыстною надеждою, что если ему удастся увесть его отъ валаховъ въ свою сторону, то римскій царь заплатитъ за него большой выкупъ. Но такъ какъ разнеслась молва, что взятъ въ плѣнъ полководецъ, то послѣ тщательнаго розыска севастократоръ былъ найденъ и представленъ Асану.

5. Такъ кончилась эта битва. Тогда же одинъ священникъ, захваченный въ добычу и уводи-

мый плѣнникомъ въ Эмъ, просилъ Асана отпустить его, умоляя оказать ему эту милость ради одноязычія, такъ какъ онъ зналъ валашскій языкъ. Но Асанъ отказалъ ему, сказавши, что далъ слово никогда не отпускать римлянъ, а отправлять ихъ на тотъ свѣтъ, потому что такъ Богу угодно. Глубоко вздохнувъ и омочивъ глаза слезами, священникъ, говорятъ, отвѣтилъ на это, что какъ Асанъ не хотѣлъ сдѣлать милость бѣдному человѣку, близкому къ Богу по священству, такъ Богъ не окажетъ милости ему самому, что ему близко предстоитъ конецъ жизни и конецъ этотъ наступитъ не естественною смертію, какъ въ тихомъ снѣ, но—какъ обыкновенно большею частію умираютъ люди, извлекающіе мечъ на погибель другихъ. Предсказаніе служителя Божія исполнилось въ точности: дѣйствительно, спустя не много времени по возвращеніи въ Мизію Асанъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ соплеменниковъ. Вотъ какъ это произошло. Одинъ человѣкъ, походившій на него и видомъ и нравомъ и пользовавшійся его большою благосклонностію, по имени Иванко (это тоже значитъ, что Іоаннъ), имѣлъ тайную связь съ сестрою его жены. Узнавъ объ этой связи, Асанъ сперва позвалъ въ отвѣтъ свою жену и пригрозилъ ей смертью за молчаніе о томъ, что дѣлалось. Жена разными рѣчами смягчила его убійственные взгляды и порывы и наконецъ прибавила, что онъ напрасно сердится на нее, такъ какъ и самъ могъ ясно замѣтить эту связь. Тогда онъ перенесъ гнѣвъ

съ супруги на Иванку и послалъ за нимъ поздно ночью, ни на минуту не сдерживая своей нетерпѣливости. Тотъ, догадываясь, что его безвременно требуютъ не безъ причины и не безъ вины съ его стороны, отвѣтилъ, что придетъ завтра поутру. Но Асанъ опять настоятельно повторилъ свое требованіе, принимая его медлительность за пренебреженіе къ себѣ. Послѣ этого Иванко понялъ уже причину зова и обратился къ своимъ родственникамъ и друзьямъ за совѣтомъ, что ему дѣлать. Они присовѣтовали ему идти, но на всякій случай опоясаться длиннымъ мечемъ, скрывъ его подъ одеждою, и, если Асанъ послѣ спокойныхъ упрековъ ограничитъ свой гнѣвъ противъ него бранью, или вообще положитъ наказаніе безвредное для жизни, мужественно перенесть и просить прощенія въ нанесенномъ оскорбленіи, а если онъ возьмется противъ него за мечъ, то также мгновенно вооружиться, постараться предупредить то, чего немедленно можно будетъ ждать съ его стороны, нанесть смерть кровожадному и безпощадному человѣку и отправить его въ адъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Такъ какъ варваръ вовсе не думалъ поступить съ нимъ умѣренно, но тотчасъ же при первомъ взглядѣ озлился на него, какъ звѣрь, и протянулъ руку къ своему убійственному копью; то Иванко, предупредивши его, поразилъ его въ пахъ и умертвилъ. Затѣмъ онъ убѣжалъ, явился немедленно къ своимъ соумышленникамъ, разсказалъ все происшедшее и согласился вмѣстѣ съ ними поднять

возстаніе въ томъ предположеніи, что братья, родичи и друзья убитаго также не останутся въ покоѣ. Въ случаѣ достиженія цѣли соумышленники обѣщали управлять своею стороною, равно какъ всею Мизіею, справедливѣе и согласнѣе съ обычаями народа, нежели Асанъ, не рѣшая всего самовластною силою меча и не дѣйствуя единственно по внушеніямъ личнаго чувства, какъ поступалъ убитый; въ случаѣ же неисполненія своихъ замысловъ и совершенной неудачи предположеній положили пересѣсть на другую лодку и довѣриться тѣмъ, кто правитъ дѣлами римлянъ. Въ туже самую ночь они успѣли уже не только утвердить это рѣшеніе, но возбудить многихъ къ пламенному участію въ своихъ намѣреніяхъ. Овладѣвъ такимъ образомъ Терновомъ (это — самый крѣпкій и красивый городъ изъ всѣхъ городовъ на Эмѣ, обведенный прочными стѣнами, пересѣкаемый быстрою рѣкою и построенный на вершинѣ горы), они противостали приверженцамъ Петра. Молва о смерти Асана, вмѣстѣ съ зарею, прогремѣла не только на верху стѣнъ терновскихъ, но далеко за ними. Однако, такъ какъ съ одной стороны Петръ не надѣялся легко подавить возстаніе Иванки, съ другой—этотъ послѣдній не въ состояніи былъ одинъ противостать Петру; то оба они, избѣгая столкновенія, старались протянуть время, первый — въ увѣренности, что выжиданіе есть единственно хорошее средство для преодолѣнія его соперника, Иванки, а второй въ сознаніи необходимости прибѣгнуть къ

римскому царю и воспользоваться его помощію для успѣшной борьбы съ противникомъ. — Говорили также, будто Иванко убилъ Асана по внушенію севастократора Исаака, который сверхъ весьма многихъ другихъ предложеній склонилъ его къ этому будто бы особенно обѣщаніемъ выдать за него въ замужство собственную свою дочь Ѳеодору. Впрочемъ севастократоръ испустилъ душу въ оковахъ еще прежде, нежели совершилось убійство. — 6. — Между тѣмъ Иванко, извѣстивъ царя о всемъ происшедшемъ, дѣйствительно убѣждалъ его послать кого нибудь съ войскомъ, чтобы занять Терновъ и вмѣстѣ съ нимъ вступить въ борьбу за владычество надъ всею Мизіею. И быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ вышло бы изъ этого что нибудь хорошее для римлянъ, еслибы царь по первому извѣстію немедленно съ усердіемъ рѣшился самъ приняться за дѣло; потому что, если бы онъ точно взялъ Терновъ, то уже легко и безъ труда овладѣлъ бы всею Мизіею. Но онъ съ своею вялою изнѣженностію закрылся опять во дворцѣ, подобно червяку, забившемуся подъ скорлупу, и послалъ вмѣсто себя протостратора Мануила Камица, поручивши ему начальство надъ войскомъ. Этотъ послѣдній двинулся съ своими силами изъ Филиппополя и уже совсѣмъ приблизился къ предѣламъ Мизіи, какъ вдругъ неожиданно долженъ былъ воротиться назадъ. Противъ него возмутилось все войско. «Куда ты ведешь насъ», говорили солдаты, «и съ кѣмъ мы должны сражаться?

Не много ли разъ ходили мы по этимъ горнымъ дорогамъ, и не только не достигли никогда ничего добраго, но едва не погибли всѣ? Итакъ возвратись, немедленно возвратись и веди насъ въ свою сторону». Мало того, будучи приведены въ смятеніе безосновательными опасеніями, они въ безпорядкѣ обратились послѣ этого въ бѣгство, какъ будто кто нибудь преслѣдовалъ ихъ съ тылу и разилъ всякаго рода орудіями. Почти тоже самое повторилось за тѣмъ и съ царемъ, когда онъ выступилъ съ большимъ противъ прежняго войскомъ. Всѣ попытки остались такимъ образомъ безуспѣшны; потому что никто не рѣшался для вспомоществованія Иванкѣ соединиться съ варварами и отдаться въ ихъ руки. Итакъ Иванко, истомившись въ напрасной борьбѣ и будучи приведенъ въ отчаяніе положеніемъ дѣлъ въ Терновѣ, гдѣ приверженцы Петра между тѣмъ постоянно усиливались и умножались вмѣстѣ съ накопленіемъ войска, тайно ушелъ изъ Тернова и прибѣгъ подъ покровительство царя. Такимъ образомъ владычество надъ мизійцами опять вполнѣ перешло къ Петру. Впрочемъ и Петръ не скончался естественною смертію, но, спустя не много, жалкимъ образомъ кончилъ жизнь, бывъ проженъ мечемъ рукою одного изъ своихъ соплеменниковъ, и тогда власть надъ валахами перешла къ третьему брату — Іоанну. Въ настоящее же время Петръ сдѣлалъ своего брата Іоанна товарищемъ въ трудахъ и участникомъ въ правленіи. Іоаннъ довольно долгое время находился заложникомъ

у римлянъ, бывши взятъ царемъ Исаакомъ въ одинъ изъ его походовъ противъ мизійцевъ; но потомъ убѣжалъ и по возвращеніи домой такъ же жестоко опустошалъ и грабилъ римскія области, какъ и умершій братъ его, Асанъ, потому что природа не вложила и въ него никакого чувства снисходительности къ намъ. Никто изъ насъ не сопротивлялся Петру; никто не могъ сопротивляться, и во все продолженіе этой многолѣтней войны, между тѣмъ какъ наши противники одерживали такіе важные и такіе многочисленные успѣхи въ борьбѣ съ нами, между тѣмъ какъ эта несчастная борьба постоянно приводила въ безпорядокъ всѣ дѣла римскаго государства, никогда ни одна самая малая побѣда не улыбнулась римлянамъ и ни разу не выпало на нашу долю ничего похожаго на торжество. Въ тоже время никто ни изъ высокотронныхъ архипастырей, пожинающихъ плоды почетнѣйшихъ отличій, ни изъ брадатыхъ иноковъ, надвигающихъ на самый носъ свою головную шерстянку (¹), не помышлялъ объ этомъ забвеніи, объ этомъ почти совершенномъ оставленіи насъ Богомъ, никто не вразумлялъ, какъ устранить его, никто дерзновенно-свободною рѣчью передъ царемъ не постарался помочь

(¹) Варіантъ на слова: *никто ни изъ высокотронныхъ архипастырей... головную шерстянку.* Никто ни изъ архіереевъ, пользующихся почетнѣйшими отличіями и любящихъ знатнѣйшія каѳедры, сколько высокія, столько же и прибыльныя, ни изъ монаховъ, надвигающихъ камилавку на самые глаза, или еще ниже, и имѣющихъ большія бороды, не помышлялъ и т. д.

бѣдственному положенію римлянъ; но, какъ будто *вси уклонишася и вкупѣ неключими быша* (Псал. 13, 3),—всѣ, не примѣчая того, что дѣлалось, какбы прямо шли наперекоръ ударамъ бича Божія.—Когда еллиновъ постигла моровая язва; они стали искать причины, и какъ скоро вѣщій прорицатель Калхантъ указалъ на нее, то немедленно уврачевали зло, нисколько не задумавшись надъ тѣмъ, что при этомъ долженъ былъ понесть жестокую утрату самый первый и лучшій человѣкъ въ войскѣ (1).— Итакъ Иванко, отдавшись подъ покровительство царя, былъ благосклонно имъ принятъ и въ послѣдствіи принесъ римлянамъ не мало пользы. Онъ былъ высокаго роста, обладалъ необыкновеннымъ присутствіемъ духа и замѣчательною крѣпостію тѣлесныхъ силъ; но раздражительное лицо и крутой характеръ явно обличали въ немъ *мужа кровей*, и, живя съ римлянами, онъ нисколько не сдѣлался по своему складу мыслей мягче и податливѣе. Считая его при всемъ томъ не недостойнымъ сдѣланныхъ ему (севастократоромъ) предложеній касательно супружества, царь, хотя отложилъ свадьбу до законнаго времени (потому что невѣста лепетала еще, какъ ребенокъ), тѣмъ не менѣе включилъ его въ рядъ своихъ вельможныхъ родственниковъ (2), сравнявши съ ними, какъ по власти,

---

(1) Авторъ намекаетъ на извѣстныя событія, описанныя въ иліадѣ.

(2) *Варіантъ*. Невѣста не могла еще твердо говорить, будучи четырехъ лѣтъ отъ роду; но онъ пользовался уже честью и мѣстомъ царскаго зятя.

такъ и по богатству. Съ своей стороны онъ, указывая на малолѣтство обрученной ему царской внуки и устремляя жадные взоры на цвѣтущую красоту ея матери, Анны, бывшей еще вдовою, говаривалъ, мечтая о бракѣ съ нею: «что мнѣ въ ягненкѣ, который кормится молокомъ, когда мнѣ нужна настоящая овца, или коза хорошая?»—Дѣйствительно, этотъ человѣкъ очень много потрудился въ окрестностяхъ Филиппополя; онъ былъ драгоцѣнною оградою для римлянъ противъ своихъ родичей, которые въ союзѣ съ скиѳами производили постоянныя вторженія въ римскія области, опустошая все на пути, и самымъ дѣятельнѣйшимъ помощникомъ царю въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда царь рѣшался самъ выступить въ поле. Но кто въ состояніи исчислить всѣ набѣги скиѳовъ и валаховъ въ каждую пору года, или разсказать, какія ужасныя злодѣйства они производили? Пустынность всей страны по близости къ Эму и разореніе Македоніи и Ѳракіи, конечно, лучше всякихъ памятниковъ съ надписями и яснѣе всякой исторіи свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ совершалось.

7. Не только сѣверные варвары, воюя съ нами, всегда одерживали надъ нами верхъ, такъ что мы не смѣли уже взглянуть на нихъ; но точно также и на востокѣ римскія области были беззащитною жертвою персовъ. Не заключивши мира съ персіяниномъ, владѣвшимъ Анкирою Галатійскою (¹), и съ одной стороны

(¹) Это былъ султанъ Масудъ.

не цѣня союза съ нимъ, какъ будто бы онъ не въ состояніи былъ вредить римлянамъ, съ другой—скупясь дать ту сумму денегъ, которой онъ требовалъ за мирный договоръ, царь поддерживалъ враждебныя отношенія къ нему годъ и шесть мѣсяцевъ. Слѣдствіемъ этого, кромѣ всего, что сдѣлалъ, какъ мы уже разсказали, Алексѣй Киликіецъ, будучи поддерживаемъ владѣтелемъ Анкиры, было то, что палъ и подчинился персамъ городъ Дадивра. Именно, двинувшись со всѣми своими силами и ставши лагеремъ около этого города, персіянинъ дѣятельно занялся его осадою. Время шло,—осада продолжалась уже четыре мѣсяца; между тѣмъ къ дадиврянамъ ни откуда не приходило помощи извнѣ: потому что царь, хотя уговаривалъ ихъ черезъ посольство держаться крѣпко и обѣщалъ прислать помощь, но все медлилъ и откладывалъ, а сосѣды, пафлагонцы, рѣшительно не смѣли подойти поближе и сколько нибудь пособить. Осажденные въ отчаяніи потеряли уже всякую надежду на какую бы ни было помощь и очевидно изнемогали подъ бременемъ голода, равно какъ страшнаго вреда, который наносили камнеметныя машины осаждавшихъ, —такъ какъ непріятели посредствомъ ихъ не только разрушали дома, бросая камни съ загородныхъ холмовъ въ самую середину города, но уничтожали водоемы и дѣлали негодными къ употребленію тамошнія воды, лишенныя всякаго теченія, засыпая ихъ известью и засаривая разными другими вредными для человѣка

веществами. Наконецъ, спустя еще не много времени, прибыло царское вспомогательное войско и остановилось на горѣ Ваванъ; имъ начальствовали трое юношей: извѣстный Θеодоръ Врана, Андроникъ Катакалонъ и Θеодоръ Казанъ. Получивъ извѣстіе о его приближеніи, персы предварительно устроили засады и еще прежде, чѣмъ успѣло проглянуть солнце, напавъ на него какъ спереди, такъ и съ тылу, частію истребили его, частію взяли въ плѣнъ. Въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ были два римскихъ полководца. Персіянинъ приказалъ связать имъ на спинѣ руки и водить ихъ кругомъ города. Въ тоже время, указывая на нихъ осажденнымъ, съ высоты стѣнъ смотрѣвшимъ на эту жалкую картину, онъ убѣждалъ ихъ передать ему кормило управленія городомъ, не дожидаясь того, когда буря войны совершенно погребетъ его подъ своими волнами, такъ какъ съ одной стороны имъ не оставалось уже никакой надежды на спасеніе, съ другой онъ ни на одинъ день не отступитъ отъ города, пока не сдѣлается его обладателемъ. Окончательно сраженные горестнымъ зрѣлищемъ и сопровождавшими его увѣреніями, дадивряне склонились на предложенныя условія, само собою разумѣется, невыгодныя, предписываемыя критическимъ, крайне стѣснительнымъ положеніемъ, и согласились совершенно оставить городъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ безпрепятственно взять съ собою все, что для него дорого, и со всѣмъ своимъ имуществомъ отправиться, куда хочетъ, потому

что варваръ ни подъ какимъ условіемъ не дозволялъ имъ оставаться въ своей родной странѣ, хотя они обѣщали платить ему такія подати, какія только онъ назначитъ. По утвержденіи договора клятвою, персіянинъ занялъ городъ и отдалъ его для населенія своимъ соплеменникамъ, а дадиврянe, выселившись отсюда, разсѣялись по другимъ селеніямъ и городамъ; впрочемъ многіе, въ сердцахъ которыхъ любовь къ отчизнѣ была запечатлѣна неизгладимо сладкими воспоминаніями, съ соизволенія персіянина построили себѣ хижинки по близости къ своему отечественному городу и остались здѣсь жить, подвергшись игу рабства. Итакъ, вотъ какой конецъ постигъ городъ Дадивру! Послѣ этого царь, заключивши миръ съ персіяниномъ, охотно выдалъ ему ту сумму денегъ, которой онъ требовалъ до взятія Дадивры, какъ будто съ его глазъ упала прежняя повязка, и онъ вдругъ увидѣлъ, что въ подобной покупкѣ мира не было ни какого стыда.

Еще не оправилось, не опомнилось совершенно, не отдохнуло римское государство отъ этой горечи, какъ было потрясено слухомъ о новыхъ ужаснѣйшихъ вѣстяхъ. Ожидаемыя бѣдствія были гораздо болѣе тягостны, чѣмъ настоящія: эти послѣднія, причиняя отчасти боль, въ тоже время льстили нѣкоторыми остатками свободы; но то, чѣмъ грозили западные народы, наводило мысль о неизбѣжномъ наступленіи общаго государственнаго рабства. Аллеманскій король Генрихъ, — сынъ того Фридерика, который во

время похода въ Палестину утонулъ въ рѣкѣ, послѣдній разъ омывшись ея роковыми волнами, какъ я сказалъ объ этомъ въ книгахъ о царствованіи Исаака Ангела,—наслѣдовавъ царство своего отца, покорилъ Италію и за тѣмъ, по завоеваніи Сициліи, устремился противъ римлянъ, будучи не въ силахъ по своему характеру довольствоваться существующимъ порядкомъ дѣлъ и постоянно поднимая новыя бѣды. Впрочемъ онъ не вдругъ и не прямо напалъ на римлянъ, частію предвидя затрудненія въ подобномъ предпріятіи и имѣя еще въ свѣжей памяти отпоръ, который римляне недавно оказали сицилійцамъ, непріязненно вторгшимся предъ тѣмъ въ нашу страну, а частію будучи не менѣе того отвлекаемъ отъ своего намѣренія папою древняго Рима. Итакъ онъ отправилъ прежде къ императору Исааку (тогда еще не лишенному престола) пословъ съ цѣлію изложить причины явно безпричиннаго раздора. Во первыхъ, въ качествѣ государя Сициліи, онъ отдѣлялъ и присвоивалъ себѣ всѣ римскія области отъ Епидамна [1] до знаменитаго города Өессалоники, какъ недавно силою оружія покоренныя сицилійскимъ войскомъ; а что сицилійцы были наконецъ побѣждены и изгнаны, такъ это, говорилъ онъ, не хуже кого другаго умѣя пріискивать выраженія въ свою пользу, произошло въ слѣдствіе коварной хитрости со стороны римлянъ. За тѣмъ онъ исчислялъ, съ увеличені-

---

[1] Древнее названіе города Диррахія, нынѣшняго Дураццо.

емъ надлежащаго вѣса, всѣ огорченія своего отца, не только недавнія, но и тѣ, съ которыми боролся его отецъ давно, когда ловкою политикою царя Мануила былъ оттолкнутъ отъ древняго Рима и вмѣстѣ изгнанъ изъ всей Италіи. Безцеремонно поднимая эти доэвклидовскія событія, онъ хотѣлъ, чтобы римляне—или купили у него миръ за огромную сумму денегъ, или не жаловались, если онъ немедленно начнетъ съ ними войну. Сверхъ того онъ требовалъ, распоряжаясь какъ государь государей, или повелѣвая какъ царь царей, чтобы мы помогли его соплеменникамъ въ Палестинѣ высылкою морскаго войска. Царь отвѣтилъ письменно на всѣ эти требованія и отправилъ къ королю посланникомъ одного изъ знатныхъ людей. Послѣ того оттуда опять прибыли послы, изъ которыхъ одинъ безмѣрно и грубо гордился тѣмъ, что былъ воспитателемъ короля. Предметомъ ихъ посольства было требованіе огромныхъ суммъ, хвастовство, похвальба и перечни отечественныхъ подвиговъ, безъ войны покоряющіе слушателей.—8.—Не имѣя возможности отпустить пословъ безъ всякаго успѣха, царь (а царемъ былъ уже тотъ, котораго исторію мы теперь излагаемъ) согласился купить миръ за деньги, чего однако не было еще въ тоже время исполнено. Между тѣмъ, пожелавши блеснуть передъ послами къ чести римскаго государства его богатствомъ, царь Алексѣй придумалъ дѣло, не только не ѓармонировавшее съ обстоятельствами, но весьма далекое отъ требованій достоин-

ства, или даже приличія, и навлекшее почти посмѣяніе на римлянъ. Въ наступившій день Рождества Христова онъ облекся въ багряницу, усѣянную драгоцѣнными камнями, приказавъ въ тоже время всѣмъ прочимъ одѣться въ златотканныя съ широкими обшивками одежды. Но аллеманы не только не обнаружили никакого боязливаго благоговѣнія при этомъ зрѣлищѣ, напротивъ—разожгли въ себѣ еще болѣе страсть, подогрѣваемую въ нихъ яркимъ блескомъ римскаго великолѣпія, и почувствовали желаніе какъ можно скорѣе овладѣть этими греками, ничтожными на войнѣ и все свое стараніе употребляющими на презрѣнную роскошь въ нарядахъ. Когда рядомъ стоявшіе съ ними римляне приглашали ихъ посмотрѣть на цвѣтъ камней, которыми подобно разноцвѣтному лугу блистала царская одежда, и среди зимы полюбоваться и усладить взоръ прелестями лѣта; они отвѣчали: «аллеманы не понимаютъ наслажденія въ подобныхъ зрѣлищахъ и не умѣютъ съ благоговѣніемъ смотрѣть на наряды и накидки, годные только для женщинъ, которыя такъ страстно любятъ румяна, головные уборы и блестящія серьги, чтобы нравиться мужчинамъ.» Потомъ, пугая римлянъ, они прибавили, что «теперь наступаетъ время сбросить женоподобныя наметки и нарядиться въ желѣзо вмѣсто золота: потому что если цѣль ихъ посольства не будетъ достигнута, и римляне не согласятся выполнить желаніе государя, ихъ императора; то неизбѣжно и необходимо придется

имъ вступить въ борьбу съ людьми, которые не блестятъ подобно разноцвѣтному лугу драгоцѣнными камнями, не гордятся въ чувствѣ воинскаго превосходства шаровидными жемчужинами, бѣлизною затмѣвающими луну, и не приходятъ въ упоеніе отъ нарядныхъ камешковъ, блестящихъ въ золотѣ, или на порфирѣ, подобно перьямъ тщеславной мидійской птицы (¹), но, будучи питомцами Арея, горятъ отвагою, которая въ ихъ глазахъ сіяетъ лучезарнѣе всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, и, отъ напряженныхъ трудовъ обливаясь каждый день каплями пота, кажутся въ нихъ красивѣе, чѣмъ въ блестящихъ жемчужинахъ.» Аллеманы требовали за миръ ежегодной платы пятидесяти центенаріевъ золота. Не соглашаясь на такую сумму, царь отправилъ къ королю посломъ Евмаѳія Филокала, епарха (²) города Константинополя. Изобилуя непомѣрнымъ богатствомъ, Филокалъ охотно принялъ на себя званіе посла; онъ только просилъ царя, чтобы ему дозволено было совершить посольство съ епархіескими знаками отличія, принимая всѣ издержки, за исключеніемъ казеннаго переѣзда, на собственный счетъ, и царь, охотно согласившись на представленіе, разрѣшилъ ему поступить согласно съ его желаніемъ. Но, явившись такимъ образомъ въ новомъ и необычай-

---

(¹) Т. е. павлина.

(²) Епархъ собственно—начальникъ епархіи, то есть, префектъ или генералъ-губернаторъ извѣстной области. Но столичный городъ всегда имѣлъ своего особаго епарха.

номъ видѣ, нашъ настоящій посланникъ не только не былъ принятъ почетнѣе прежнихъ пословъ, а напротивъ—возбудилъ смѣхъ необычайностію костюма. Сумма, которую слѣдовало уплатить за миръ, была впрочемъ ограничена шестнадцатью центенаріями золота, и Филокалъ, дожидаясь высылки ихъ въ Сицилію, остался тамъ въ свитѣ короля. Въ это время царь, жалуясь на недостатокъ денегъ, рѣшился обложить всѣ области такъ называемою аллеманскою податью, никогда небывалою прежде, требуя, чтобы все городское населеніе, члены сената, все духовенство, всѣ различные классы ремесленниковъ, художниковъ и ученыхъ составили одну складчину и чтобы каждый отдѣлилъ для нея извѣстную часть изъ своего имущества. Но онъ скоро увѣрился, что это средство не могло привесть къ цѣли, что онъ напрасно взялся за него и что его нововведеніе было крайне неудачно. Множество людей всякаго рода начали громко говорить и распространять возмутительную мысль, что подобные налоги и поборы необычайные—рѣшительно невыносимы; нѣкоторые стали даже высчитывать расходы самого царя, утверждая, что онъ разорилъ государство своею расточительностію, роздавъ при томъ управленіе епархіями своимъ родственникамъ, людямъ совершенно неспособнымъ и лишеннымъ чувства зрѣнія. Въ слѣдствіе всего этого царь съ такою поспѣшностію отказался отъ своего предложенія, какъ будтобы не онъ даже придумалъ и составилъ тогда этотъ планъ, и за тѣмъ обратился

къ другому средству. Именно, онъ потребовалъ, чтобы ему выданы были всѣ золотые и серебряные церковные вклады, кромѣ тѣхъ, которые помѣщаются въ алтарѣ, и кромѣ сосудовъ, назначенныхъ для пріятія божественнаго тѣла и крови Христовой. Такъ какъ многіе воспротивились и этой мѣрѣ, говоря, что это будетъ оскверненіемъ святыни; то царь увидѣлъ себя въ необходимости напасть на нѣмыя и глухія царскія гробницы, которыя уже не имѣли ни одного защитника. Итакъ гробницы были ограблены, и у людей, нѣкогда владычествовавшихъ надъ римлянами и знаменитыхъ своими дѣяніями, остались одни каменные хитоны — скудный и послѣдній покровъ, лишенный всякаго драгоцѣннаго украшенія. Даже гробъ Константина Великаго не остался бы не тронутымъ и не ограбленнымъ, еслибы воры, предупредивъ указъ царя, не похитили его золотыхъ украшеній. Собравъ такимъ образомъ отсюда болѣе семидесяти центенаріевъ серебра и нѣкоторую часть золота, царь бросилъ все это, какбы какое нибудь нечистое вещество, въ плавильную печь. Двухъ царедворцевъ, на которыхъ было возложено собраніе этого серебра и золота, спустя не много постигла также соотвѣтственная участь: одинъ умеръ, будучи разожженъ огнемъ горячки; другой (1) скончался, расплывшись отъ подкожной водяной.

(1) Замѣтка на полѣ манускрипта, съ котораго сдѣлано боннское изданіе: «Это былъ епиканиклій (т. е. хранитель пурпуровыхъ чернилъ, которыми подписывались императоры, скрѣплявшій своею рукою царскую подпись на всѣхъ государственныхъ документахъ) Андроникъ Аліяттъ, скопецъ и варваръ.»

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА,

БРАТА ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Между тѣмъ — но *кто достойно возвѣститъ силы Господни, или слышаны сотворитъ хвалы Его?*—смерть короля Аллеманіи предупредила отправку денегъ.—Его смерть была пріятна не однимъ римлянамъ. Еще несравненно болѣе желали ея западные народы, какъ тѣ, которые онъ привлекъ къ себѣ скорѣе насиліемъ, чѣмъ доброю волею, такъ и тѣ, на которые думалъ сдѣлать нападеніе. Этотъ государь отказывалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ и постоянно былъ поглощенъ заботою возстановить всемірную монархію и сдѣлаться властелиномъ всѣхъ окрестныхъ владѣній, имѣя передъ своимъ умственнымъ взоромъ Антоніевъ и Августовъ кесарей, стремясь сравняться съ ними въ предѣлахъ власти и едва не говоря подобно Александру: «и то и это—все мое!» Всегда казался онъ блѣденъ и погруженъ въ думу, принималъ пищу въ концѣ дня и, когда рѣшался кто нибудь замѣтить ему, что отъ такого

употребленія пищи можно опасаться разстройства въ здоровьѣ, отвѣчалъ — замѣчательнымъ изреченіемъ, что частному человѣку всякое время удобно для вкушенія пищи, особенно же то, въ которое онъ привыкъ кушать, а царю, который обремененъ дѣлами и не хочетъ быть ниже своего званія, хорошо, если онъ и подъ вечеръ найдетъ время для успокоенія тѣла. Всѣмъ народамъ, сказалъ я, было радостно услышать о смерти короля Аллеманіи: но особенно, какъ никто другой, привѣтствовали его кончину сицилійцы; такъ какъ, по завоеваніи имъ острова, они должны были подъ его владычествомъ бороться съ неисчислимымъ множествомъ бѣдствій, которое не легко даже описать. Мало того, что отдѣльныя лица незаслуженно подвергались смертной казни, грабительски лишаемы были имуществъ, терпѣли изгнаніе изъ отечества и множество другихъ, превышающихъ человѣческое терпѣніе, стѣсненій, которыя приводятъ къ рѣшимости лучше умереть, чѣмъ жить; многіе города Сициліи всецѣло обращены были въ развалины и всѣ сколько нибудь годныя укрѣпленія срыты до основанія. Король всякую минуту боялся возстанія и, чтобы подавить въ сицилійцахъ послѣднюю мысль о свободѣ, отнималъ у нихъ всѣ средства къ успѣшной борьбѣ за нее, то есть, какъ деньги, колесницы и коней, такъ равно прочныя городскія стѣны, доблестныхъ защитниковъ и крѣпкія твердыни. При всемъ томъ, пока онъ предупреждалъ будущія опасности, какъ будто уже на-

ступившія, и боролся съ тѣмъ, чего еще не было, нѣкоторыя лица составили противъ него заговоръ; однако онъ узналъ объ ихъ намѣреніи, но не казнилъ своихъ враговъ прямо смертью подъ ударомъ меча, а предалъ ихъ напередъ разнаго рода жесточайшимъ истязаніямъ и уже послѣ того лишилъ жизни: одного сварилъ въ кипящемъ котлѣ и, уложивъ въ плетеную изъ камыша корзину, какъ будто что съѣстное, послалъ въ подарокъ его роднымъ; того сжегъ на седмикратно разожженномъ кострѣ; другаго посадилъ въ мѣшокъ и бросилъ въ глубину морскую. Самого же виновника заговора, который былъ предъизбранъ въ правители острова, король подвергъ еще болѣе мучительной казни, чѣмъ прочихъ. Онъ приказалъ сдѣлать мѣдную корону съ четырьмя противоположными скважинами, по одной съ каждаго бока, возложилъ ее на мученика, напрасно силившагося отклонить ее своими руками, потомъ прибилъ этотъ вѣнецъ къ его головѣ четырьмя огромными, прошедшими насквозь, гвоздями и за тѣмъ велѣлъ ему идти, сказавши: «любезный, ты имѣешь теперь вѣнецъ, котораго домогался; прочь всякая зависть,—наслаждайся тѣмъ, что тебѣ такъ дорого и вожделѣнно!» — Въ страшномъ затмѣніи головы несчастный упалъ лицемъ внизъ и спустя не много умеръ, испустивъ душу въ слѣдствіе этого кроваваго увѣнчанія. По завоеваніи Сициліи, вмѣстѣ съ другими взята была въ плѣнъ дочь императора Исаака, по имени Ирина, и выдана за Филиппа, незаконнорожденнаго

брата короля Аллемапіи, такъ какъ смерть похитила ея перваго супруга, взявшаго ее дѣвицею, который владѣлъ Сициліею по смерти отца своего — Танкреда.

Когда волею Божіею устранено было это зло,— зло величайшее, отъ котораго вся римская страна съ трепетомъ ожидала ужаснѣйшихъ послѣдствій, новое страшное бѣдствіе приплыло съ моря. Именно, одинъ генуэзецъ, по имени Кафуръ, снарядивъ нѣсколько катеровъ, въ два и въ три ряда веселъ, и запасшись круглыми купеческими кораблями, началъ опустошать приморскіе города и своими нападеніями привелъ въ бѣдственное положеніе острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ. Между прочимъ онъ напалъ даже на Атрамитій (1), захватилъ тамъ разнаго рода добычу и награбилъ неисчислимое богатство. Когда тѣ, кому слѣдовало за этимъ смотрѣть, съ величайшимъ трудомъ пробудились отъ глубокаго сна и кое какъ пришли наконецъ въ себя; посланъ былъ противъ Кафура съ тридцатью кораблями Іоаннъ Стиріонъ, уроженецъ калабрійскій, бывшій нѣкогда пиратомъ, и притомъ — злѣйшимъ изъ пиратовъ, но потомъ, при царѣ Исаакѣ, за большіе подарки перешедшій на нашу сторону и многократно оказавшій пользу римлянамъ своими подвигами на морѣ. Сверхъ ожиданія, выступивъ противъ Кафура, онъ потерпѣлъ несчастіе и, стараясь хитростію взять перевѣсъ надъ своимъ против-

(1) Приморскій городъ малоазійской провинціи Мизіи, находившійся противъ острова Лесбоса.

никомъ, который превосходилъ его силою, былъ побѣжденъ имъ, подвергшись самъ тому, что постоянно искалъ случая нанесть своему врагу. Кафуръ коварно напалъ на римскіе корабли, лавировавшіе около Систа, въ полуденное время, когда вся команда вышла на берегъ, оставивъ суда въ рѣкѣ Сигѣ совершенно пустыми, и всѣ забралъ ихъ—съ оружіемъ и со всѣми съѣстными припасами, какіе на нихъ находились. Послѣ того онъ сталъ опять, уже безъ всякаго опасенія, нападать на острова и грабить приморскія области, требуя и собирая съ нихъ такія подати, какія ему было угодно. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ царь по необходимости рѣшился вступить въ переговоры въ пиратомъ. Онъ послалъ къ нему съ мирными предложеніями нѣсколько знакомыхъ ему генуэзцевъ (такъ какъ Кафуръ по дѣламъ торговли часто пріѣзжалъ къ намъ въ Византію и все то, что теперь дѣлалъ противъ насъ, дѣлалъ въ отмщеніе за денежный налогъ, взятый съ него тогдашнимъ дуксомъ флота, Михаиломъ Стрифномъ); тѣмъ не менѣе, однако, въ тоже время готовился къ войнѣ, — снарядилъ другія тріиры и поручилъ ихъ опять Стиріону. Положены были условія, что царь уплатитъ Кафуру шесть центенаріевъ золота и сверхъ того выдѣлитъ такой участокъ земли въ римскихъ владѣніяхъ, который могъ бы прокормить въ семь разъ большее число соплеменныхъ ему ратниковъ, чѣмъ сколько ихъ было у него въ настоящее время, а онъ будетъ повиноваться царю. Но между

тѣмъ, пока миръ не былъ еще утвержденъ, Стиріонъ при содѣйствіи пизанскаго флота неожиданно завязалъ сраженіе съ Кафуромъ, взялъ его въ плѣнъ, лишилъ жизни и овладѣлъ всѣми его кораблями, исключая четырехъ, которыми командовалъ его двоюродный братъ.

2. Когда и это бѣдствіе было устранено; во дворцѣ возстала буря, покрывшая величайшимъ позоромъ царское семейство и произведшая въ немъ сильныя потрясенія. Намѣреваясь разсказать объ этомъ, я нахожу нужнымъ для ясности предмета обратиться на нѣсколько времени какбы опять къ началу моей рѣчи. Прежде вступленія царя Алексѣя на престолъ почти всѣ думали, какъ я стороной упомянулъ объ этомъ выше, что онъ не мирнаго, а напротивъ— весьма воинственнаго характера, и поэтому всѣ ожидали, что, сдѣлавшись царемъ, онъ не только подниметъ копье на враговъ римскаго государства, но будетъ строгъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Однако, получивъ власть, онъ оказался совершенно другимъ и доказалъ самымъ дѣломъ, что всѣ судили о немъ не вѣрно. Многое я опущу, чтобы не показалось, что я выбираю только дурное и изъ исторіи дѣлаю пасквиль. Немедленно по вступленіи на престолъ царь объявилъ, что должности не продаются за деньги, но даются даромъ и по достоинству,—истинно либеральная и въ высшей степени изумительная мысль, составляющая начало, опору и основаніе прекраснаго царствованія, хотя въ наши времена не было ни одного

примѣра, чтобы кто нибудь рѣшился подняться, или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ этому идеалу! Тѣмъ не менѣе родственники царя, люди, безъ исключенія, корыстолюбивые и, благодаря частымъ перемѣнамъ государей, научившіеся заботиться единственно о томъ, чтобы красть, грабить, обращать въ свою пользу казенные доходы и скапливать себѣ огромныя богатства, безпощадно обирали всякаго, кто обращался къ нимъ, какъ къ лицамъ, имѣющимъ большую силу у царя, съ какою нибудь просьбою, и присвояли себѣ такіе денежные сборы, которые своими размѣрами далеко превышали состояніе частныхъ лицъ. Поэтому, какъ въ другихъ отношеніяхъ были вообще допущены такія погрѣшности, какихъ не было ни въ какое другое царствованіе, и дѣла римскаго государства пришли въ совершенное разстройство; такъ въ частности и должностныя мѣста предлагались въ продажу желающимъ—еще хуже прежняго. Всякій, кто только хотѣлъ, могъ пріобрѣсть управленіе любою областію и получить самое высшее званіе у римлянъ. Такимъ образомъ не только люди съ перекрестковъ и съ рынка, мѣнялы и продавцы полотенъ честились севастами; но даже скиѳы и сирійцы покупали себѣ за деньги высочайшіе титулы [1], не желая болѣе кланяться своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Причиною всего этого было, какъ я сказалъ, во первыхъ, легкомысліе царя и неспо-

[1] Т. е. титулъ севастовъ, сто лѣтъ назадъ принадлежавшій, какъ мы имѣли случай замѣтить, исключительно однимъ императорамъ.

собность его къ управленію дѣлами, а за тѣмъ, не въ меньшей мѣрѣ, роскошная жизнь его приближенныхъ, равно какъ безмѣрное и ненасытное корыстолюбіе ихъ, въ слѣдствіе чего придворныя дамы (1) и близкіе любимцы царя обратили всѣ государственныя дѣла въ свою игру. При своемъ полномъ невѣдѣніи царь такъ былъ далекъ отъ всего, что дѣлалось, какъ далеки отъ римлянъ обитатели крайнихъ предѣловъ Ѳулы (2). Между тѣмъ всѣ громко осуждали его за дурное управленіе кормиломъ власти, осыпая въ тоже время самыми тяжелыми проклятіями людей, которыхъ онъ посадилъ у руля и у веселъ. Въ этихъ обстоятельствахъ царица, считая невозможнымъ терпѣть долѣе подобный порядокъ вещей, такъ какъ онъ не могъ укрыться отъ ея наблюдательности и сребролюбія, рѣшилась положить ему конецъ и до тѣхъ поръ не давать себѣ покоя, пока или всѣ производства не будутъ дѣлаться безплатно, по указу ея супруга, или собираемая за нихъ плата бу-

(1) Собственно—гинекей, γυναικωνῖτις.

(2) *Ѳула*—страна, по мнѣнію древнихъ римлянъ и грековъ находившаяся на крайнемъ сѣверѣ, но такъ далеко, что тамъ едва ли кто бывалъ когда. Прокопій (Gothicorum lib. 2) думалъ, что это полуостровъ Скандія. По описанію Марина и Птолемея это долженъ быть одинъ изъ Оркадскихъ острововъ по близости къ Шотландіи. Наконецъ Пиѳій Массилійскій приписываетъ Ѳулѣ такое разстояніе отъ Британіи и такія климатическія условія, что по его описанію надобно считать ее островомъ Исландіей. Вообще, по понятіямъ древнихъ, это самая отдаленная страна сѣвера, гдѣ бываютъ дни безъ ночей, ночи безъ дней, гдѣ все бываетъ не такъ, какъ въ странахъ Греціи и Рима; такъ что Антоній Діогенъ, древнѣйшій писатель, по свидѣтельству Фотія (Biblioth. cap. 166) жившій около временъ Александра Македонскаго, написалъ 24 книги «о невѣроятныхъ особенностяхъ Ѳулы» — τῶν ὑπὲρ Θούλην ἀπίςων.—Ioh. Iacobi *Hofmanni* lexicon.

детъ поступать въ царскую казну. Прежде всего она взяла себѣ въ помощники Константина Месопотамскаго,—того самаго, который имѣлъ огромную силу при Исаакѣ Ангелѣ, какъ мы это замѣтили въ исторіи его царствованія. Потомъ она примирила его съ мужемъ, который и до вступленія на престолъ былъ непріязненно расположенъ къ нему и послѣ своего воцаренія также всегда удалялъ его отъ себя, какъ человѣка, который привелъ въ броженіе спокойный старинный порядокъ значительной части дѣлъ римскаго государства и постоянно производилъ въ теченіи ихъ всякаго рода замѣшательства и неурядицы. Когда такимъ образомъ управленіе общественными дѣлами перешло опять къ Месопотамскому; сила другихъ уже угасла, блескъ правительственной власти царскихъ наперсниковъ затмился и тотъ, кого прежде царь считалъ ненужнымъ, сталъ для него теперь незамѣнимымъ, — своего рода амальѳеинымъ [1] рогомъ, полною чашею всевозможныхъ благъ, всепроизрастающею землею Іова [2], единственнымъ человѣкомъ, способнымъ удовлетворить всякаго и угодить всѣмъ, необходимымъ, какъ свѣтъ для зрѣнія, или воздухъ для дыханія и жизни, истинно-перозскою жемчужиною, которой слѣдуетъ постоянно висѣть на ушахъ царя и которая одна стоитъ всего цар-

---

(1) *Амальѳея*—коза, вскормившая Зевеса, рога которой текли нектаромъ и амброзіей; отсюда амальѳеинъ рогъ, рогъ изобилія — значитъ изобильный источникъ всякаго рода благъ.

(2) См. Іова 28, 1—6.

ства, неутомимымъ Артемономъ (1), многоокимъ Аргусомъ (2) и сторукимъ Вріареемъ (3). Тяжело было перенесть эту неожиданную новость вообще всѣмъ, кто прежде имѣлъ силу, а теперь утратилъ ее и подобно свѣтляку сдѣлался незамѣтенъ съ разсвѣтомъ дня; но кровные родственники государыни — Андроникъ Контостефанъ, супругъ ея дочери Ирины, и ея родной братъ Василій Каматиръ, — едва не задохлись съ досады отъ такой перемѣны дѣлъ. Оставивъ до времени въ сторонѣ брошенный въ нихъ и легшій поперегъ ихъ дороги камень (то есть, самого Константина Месопотамскаго), они направили всѣ усилія и устремили всю желчь противъ того, кто его бросилъ, то есть, противъ государыни, изыскивая средство жестоко отмстить. Наконецъ, послѣ продолжительнаго перебора всѣхъ мѣръ, со всевозможною внимательностію обсудивъ и разсмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ избранный планъ, они явились къ царю передъ самымъ отправленіемъ его въ западныя области и, выждавъ случай быть съ нимъ

---

(1) *Артемонъ*, по описанію Атенея, одинъ ремесленникъ, благодаря своей неутомимой дѣятельности сдѣлавшійся изъ бѣдняка богачемъ и проводившій за тѣмъ роскошную жизнь богатыхъ людей, вообще — идеалъ трудолюбія.

(2) *Аргусъ* — неусыпный стражъ, поставленный Юноною къ дочери Инаха для защиты ея отъ покушеній Юпитера. Когда одна половина глазъ его закрывалась во время сна; другая бодрствовала и смотрѣла зорко. Однако Меркурій по приказанію Юпитера убилъ его.—*Овидій.*

(3) Исполинъ, спасшій Зевеса, когда возстали на него Гэра, Посидонъ и другіе боги, сражавшійся противъ титановъ и вообще олицетворяющій собою силу, содержащую въ порядкѣ всѣ стихіи природы.

наединѣ, обратились къ нему съ слѣдующими словами. «Хотя по закону природы своя кровь дорога и мила; но пусть всѣ знаютъ, что царь для насъ всего дороже и что, если мы любимъ Евфросинію, то еще болѣе любимъ Алексѣя. Въ самомъ дѣлѣ твоя безопасность есть необходимое условіе благосостоянія вообще всѣхъ твоихъ подданныхъ, и, спасая въ твоемъ лицѣ государство, мы въ тоже время устрояемъ такимъ образомъ свое собственное благополучіе; напротивъ, если неожиданно обрушится на тебя какое нибудь роковое бѣдствіе, то сверхъ того, что необходимо будетъ потерпѣть намъ вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, мы должны будемъ лично подвергнуться особенному несчастію и невозвратно утратить все то, чѣмъ обязаны твоему царствованію». Сдѣлавъ подобнаго рода вступленіе, ловкою игрою словъ затрогивающее всѣ чувства, они представили за тѣмъ сущность дѣла въ такомъ видѣ, какъ будто хотѣли совершенно свесть царя съ ума, и дѣйствительно привели его въ такое яростное изступленіе, что даже игра Тимоѳея въ древности не пробуждала въ Александрѣ до такой степени страшнаго воинственнаго одушевленія. Именно, они сказали: «твоя невинная супруга, государь, открыто дозволяетъ себѣ самое гнусное поведеніе, и мы опасаемся, чтобы она, оскорбляя, какъ блудница, твое супружеское ложе, въ скоромъ времени не вздумала произвесть какого нибудь новаго переворота; потому что, безъ сомнѣнія, она захочетъ и употребитъ всѣ старанія, чтобы

тотъ былъ и царемъ, съ кѣмъ она постоянно любезничаетъ и безстыдно раздѣляетъ ложе. Поэтому необходимо положить конецъ ея всемогуществу и остановить стеченіе къ ней отвсюду огромныхъ суммъ. Ея любовника, котораго ты усыновилъ, а она беззаконно сдѣлала своимъ наложникомъ, должно безотлагательно, теперь же—уничтожить, чтобы пресѣчь на будущее время такой ужасный позоръ. Судъ же надъ преступною женою лучше отложить до того времени, когда ты, съ Божіею помощію, совершивъ предстоящій путь, возвратишься опять въ Константинополь». Доносчики и совѣтники заслужили себѣ славу людей безпримѣрныхъ, рѣдкихъ, несравненныхъ; въ тоже время, въ сильномъ негодованіи противъ Ватаца за то, что онъ отвѣтилъ такою платою на всѣ благодѣянія, ему оказанныя, царь немедленно послалъ одного оруженосца, именемъ Вастралита, съ повелѣніемъ лишить его жизни. Ватацъ находился въ предѣлахъ Виѳиніи, такъ какъ возстаніе Алексѣя Киликійца тогда еще не было закончено. Явившись къ нему и вызвавъ его изъ лагеря подъ предлогомъ тайно сообщить секретныя повелѣнія, присланныя ему царемъ, Вастралитъ неожиданно обнажилъ мечъ,—тоже сдѣлали, подготовленные имъ, его помощники, и въ одну минуту молодой человѣкъ былъ изрубленъ въ куски, какъ животное. Съ неудовольствіемъ и съ огорченіемъ смотрѣло на это убійство все войско, передъ глазами котораго оно совершилось. Между тѣмъ Вастралитъ по-

ложилъ голову Ватаца въ мѣшокъ и поспѣшно возвратился къ царю. Поправши брошенный къ погамъ черепъ несчастнаго юноши и пристально взглянувъ на него, царь произнесъ одно изреченіе, котораго, впрочемъ, никакъ нельзя съ соблюденіемъ приличія помѣстить въ исторіи.

3. Послѣ того, отправившись въ предстоявшій путь, царь уѣхалъ въ Кипселлы, имѣя въ виду сдѣлать что нибудь для блага городовъ ѳракійской области, приведенныхъ въ бѣдственное положеніе нашествіями валаховъ и скиѳовъ, и сверхъ того предполагая поймать Хриса, или, по крайней мѣрѣ, положить конецъ его воровскимъ опустошительнымъ набѣгамъ на окрестности Серръ. Этотъ Хрисъ былъ валахъ низенькаго роста, не только не участвовавшій въ возстаніи противъ римлянъ Петра и Асана, но напротивъ, въ качествѣ союзника римскаго, сначала поднявшій даже оружіе на нихъ съ подчиненными себѣ пятью сотнями своихъ соплеменниковъ. Скоро, однако, сдѣлалось замѣтно, что, потворствуя постоянно болѣе и болѣе своимъ соплеменникамъ, онъ задумалъ пріобрѣсть себѣ независимую правительственную власть, и потому онъ былъ взятъ и заключенъ подъ стражу. Потомъ его освободили и послали охранять Струмницу (1); но онъ обманулъ надежды царя, который его послалъ туда, и, злоупо-

(1) *Варіантъ*: «Потомъ его выпустили изъ темницы и послали комендантомъ Струбицы.»

требляя своимъ положеніемъ, сдѣлался неумолимымъ врагомъ сосѣдственныхъ римлянъ. Поэтому царь отправился теперь наказать его, собравши съ этою цѣлію значительное войско въ Кипселлахъ: впрочемъ онъ скоро оставилъ это намѣреніе и рѣшился воротиться назадъ; такъ что и войско даромъ собиралось въ Кипселлы, и самъ онъ напрасно предпринималъ сюда путешествіе. Итакъ, оставивъ западныя области въ томъ бѣдственномъ положеніи, которое онѣ передъ тѣмъ несли и терпѣли, царь воротился въ Византію, не могши даже двухъ мѣсяцевъ пробыть внѣ дома. Сперва онъ остановился въ афамейскомъ дворцѣ; потомъ занялъ филопатіонскій [1]. Между тѣмъ царица Ефросинія, смѣтивъ и сообразивъ, какая буря готова разразиться надъ нею, въ трепетѣ предъ своимъ супругомъ, съ жалобнымъ и угасшимъ взоромъ простирала ко всѣмъ руки съ просьбою о помощи и обращалась ко всякому, кто пользовался довѣренностію царя, съ мольбою ходатайствовать за нее и, сколько возможно, защитить ее предъ царемъ, такъ какъ ей грозитъ опасность не только быть безчестно изгнанною изъ дворца, но даже лишиться жизни. Дѣйствительно, весьма многіе сжалились надъ нею. Въ слѣдствіе того одни убѣждали царя пренебречь взведенными на супругу обвиненіями, осуждая ея обвинителей и называя ихъ колючими и лукавыми сплетниками, вѣчно всѣхъ

[1] Дворцы, находящіеся въ предмѣстьяхъ Константинополя.

оговаривающими и никогда не довольными своею участію. Другіе совѣтовали ему дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ со всею возможною осмотрительностію, чтобы не пришлось въ послѣдствіи опять принять въ свой домъ ту, кого теперь прогонитъ, какъ блудницу, и чтобы такимъ образомъ не сдѣлаться тогда самому виновникомъ своего позора, напрасно выставивъ себя на весь свѣтъ предметомъ пересудовъ и во мнѣніи общества уподобившись тѣмъ животнымъ, у которыхъ ростутъ на лбу орудія мести, но которыя тѣмъ не менѣе нисколько не обижаются и не вооружаются рогами на своихъ совмѣстниковъ, когда они на глазахъ у нихъ совокупляются съ ихъ самками. Вступивъ послѣ того во влахернскій дворецъ, царь не вдругъ излилъ свою ярость. Онъ допустилъ одинъ разъ супругу къ своему столу; впрочемъ даже при этомъ случаѣ по его мрачному лицу и по его взорамъ, постоянно обращавшимся куда нибудь въ сторону, можно было замѣтить, что въ немъ кипѣла буря: но за тѣмъ, горя гнѣвомъ, хотя безъ воспламененія, или лучше, тайно воспламеняясь и также невидимо опять угасая, онъ не хотѣлъ болѣе быть съ нею въ одномъ обществѣ и вмѣстѣ кушать. Съ своей стороны она настоятельно требовала суда по взводимымъ на нее обвиненіямъ и говорила, что безропотно готова будетъ подвергнуться всякому наказанію, какъ скоро взведенное на нее преступленіе будетъ доказано слѣдствіемъ. Она умоляла царя обратить

вниманіе не на сладкорѣчіе и родственную близость обвинившихъ ее лицъ, но на самое дѣло въ его истинномъ и точномъ видѣ. При всемъ томъ не внявши ея просьбѣ,—подвергнувъ, однако, строгому допросу нѣкоторыхъ спальничныхъ женщинъ и отобравъ подробныя показанія о дѣлѣ отъ состоявшихъ при женскихъ покояхъ евнуховъ, — царь приказалъ спустя нѣсколько времени удалить ее изъ дворца, съ лишеніемъ всѣхъ царственныхъ украшеній и отличій знатнаго сана. Итакъ вывели ее изъ дворца тайнымъ, почти никому неизвѣстнымъ ходомъ, въ бѣдномъ хитончикѣ, какіе обыкновенно носятъ женщины, трудами рукъ своихъ добывающія себѣ пропитаніе, въ сопровожденіи двухъ служанокъ варварскаго происхожденія, плохо понимавшихъ еллинскій языкъ, — бросили въ двухвесельную лодку и отвезли въ одинъ женскій монастырь, построенный около устьевъ Понта, именно — ниматарейскій. Послѣ того, какъ государыня была удалена такимъ образомъ, оговорившіе ее почувствовали нѣкотораго рода сожалѣніе къ ея судьбѣ; потому что они оговорили царицу предъ императоромъ, желая только ограничить ея слишкомъ большую силу, но отнюдь не имѣя цѣли совершенно лишить ее всякаго значенія, или низвергнуть окончательно. Зная слабость царя и его способность легко увлекаться всѣмъ и также легко все забывать, они совсѣмъ не думали, чтобы онъ когда нибудь могъ поступить съ нею такъ. Съ одной стороны они жалѣли, что опо-

зорили свой родъ, и раскаявались въ этомъ сами, хотя не столько, сколько слѣдовало бы; съ другой ихъ подавляли падавшія на нихъ порицанія и укоризны народа. Прошло шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ царица Евфросинія была изгнана изъ дворца. Конечно, она была бы и совершенно забыта, еслибы нанесшіе ей рану сами же не уврачевали ея,—не по тому побужденію, по которому Ахиллесъ уврачевалъ Тилефа, но — они нашли для ея возстановленія своего рода всеисцѣляющее средство въ слѣдствіе всеобщаго и отвсюду поражавшаго ихъ презрѣнія за то, что безъ всякой нужды они обезславили женщину, которая была виновницею ихъ собственной славы. Всѣ родственники царя составили союзъ между собою въ этомъ общемъ дѣлѣ; въ тоже время Константинъ Месопотамскій выставилъ съ своей стороны и, какъ говорится, пустилъ въ ходъ всѣ машины, и такимъ образомъ царица была опять призвана, принята и въ заключеніе всего получила силу болѣе прежней. Она не мстила явно своимъ врагамъ, не строила въ отмщеніе по ихъ примѣру даже тайныхъ козней и вообще не неистовствовала противъ нихъ въ пылу гнѣва, подобно Медеѣ (1), до самозабвенія; но,

(1) Медея—дочь колхидскаго царя, вышедшая въ замужство за Язона. Бывши отвергнута имъ по истеченіи десяти лѣтъ замужства, когда Язонъ рѣшился взять себѣ въ супруги дочь коринѳскаго царя Креонта Главку, она въ самый день сватьбы своей соперницы отравила ее и всѣхъ ея родныхъ и убила всѣхъ своихъ дѣтей, которыхъ имѣла отъ Язона, за исключеніемъ одного, именно Ѳессала, спасшагося бѣгствомъ. Вообще вся ея исторія есть олицетвореніе мести, доходящей до неистоваго самозабвенія.

ухаживая за своимъ супругомъ, который и прежде не любилъ ея, а теперь отдалился отъ нея окончательно и совершенно прервалъ съ нею всѣ супружескія отношенія, подчинила его себѣ хитрымъ обращеніемъ, дѣлала изъ него съ помощію искусной лести, зная его характеръ, все, что хотѣла, и забрала въ свои руки почти всѣ отрасли государственнаго управленія. Такъ это шло своимъ порядкомъ.

4. Между тѣмъ Константинъ Месопотамскій (надобно, въ самомъ дѣлѣ, разсказать еще исторію этого Протея нашего времени, неуловимо перемѣнчиваго и разнообразнѣйшаго человѣка), въ слѣдствіе возвращенія государыни, высоко поднялъ носъ и чрезвычайно занесся. По этой, вѣроятно, причинѣ, считая недостаточнымъ для своей чести свое всемогущество у царя, онъ отказался отъ должности епиканиклія [1], которую имѣлъ въ царствованіе Исаака и которая теперь опять была ему предложена, какъ не соотвѣтствующей величію его силы, и изъявилъ желаніе быть рукоположеннымъ изъ чтецовъ во дьяконы, чувствуя совершенно невыносимымъ для себя ограниченіе, воспрещающее непосвященнымъ прикасаться къ священнымъ скрижалямъ Церкви. Дѣйствительно, желаніе немедленно было приведено въ исполненіе; царь послалъ его въ знаменитый влахернскій храмъ; самъ патріархъ тотчасъ же рукоположилъ его изъ чтецовъ во дьяконы, и въ тоже время ему дано

(1) См. выше примѣчаніе на стр. 177.

было право стоянія и восхожденія по чину первымъ. Достигнувъ этого, онъ притворно объявилъ, что теперь сталъ уже свободенъ отъ своихъ прежнихъ обязанностей, не будетъ болѣе являться во дворецъ и совершенно отрекается отъ служенія царю; потому что церковные каноны никакимъ образомъ не дозволяютъ въ одно и тоже время быть служителемъ Божіимъ и заниматься мірскими дѣлами, такъ какъ оба эти служенія далеки другъ отъ друга и ни въ какомъ случаѣ не соединимы, какъ и вообще работа Богу и работа мамонѣ діаметрально противоположны между собою. Поэтому царь, цѣпляясь и обвиваясь около него, какъ плющь, вынудилъ патріарха Ксифилина немедленно издать опредѣленіе о томъ, что Месопотамскому дозволяется соединять въ своемъ лицѣ служеніе Богу и царю, или храму и двору, безъ опасенія какого бы то ни было наказанія по канонамъ, которые осуждаютъ и строго преслѣдуютъ подобныхъ амфибій. Итакъ эта статья была обдѣлана; а спустя немного онъ былъ рукоположенъ уже въ архіереи знаменитаго города Ѳессалоники. По всей вѣроятности, сподобившись получить такой почтенный санъ, онъ никогда не потерялъ бы уваженія и не подвергъ бы себя тѣмъ бѣдствіямъ, которыя въ послѣдствіи принужденъ былъ испытать, если бы теперь совершенно удалился отъ двора, положивъ наконецъ предѣлъ своему любостяжанію, и сколько нибудь обуздалъ свою страсть вмѣшиваться во всѣ дѣла. Но безумная и безпредѣль-

ная страсть къ разнообразнымъ высшимъ почестямъ, и притомъ — почестямъ, не соединимымъ между собою, лишила его самыхъ низшихъ; такъ что управляющій дѣлами людей промыслъ показалъ на этомъ человѣкѣ примѣръ необычайнаго возвышенія и вмѣстѣ безмѣрнаго паденія. Въ самомъ дѣлѣ, возшедши до небесъ, въ слѣдствіе житейской превратности вещей онъ низшелъ до ада. Считая для себя невыносимымъ не имѣть въ лѣвой рукѣ церковныхъ дѣлъ и въ тоже время въ правую не забрать дѣлъ придворныхъ, захвативъ такимъ образомъ обѣ власти и сосредоточивъ ихъ на своемъ лицѣ, какъ на краеугольномъ камнѣ, служащемъ основною связью разныхъ стѣнъ зданія, въ новомъ своемъ санѣ онъ хотѣлъ весть всѣ дѣла неизмѣнно по прежнему. Въ намѣреніи ничего не пропускать безъ своего соизволенія, онъ вбилъ въ составъ правительства своихъ братьевъ, какъ какія нибудь клинья и гвозди, — или, какъ будто серьги, привѣсилъ ихъ съ обѣихъ сторонъ къ ушамъ царя, чтобы, когда по церковнымъ дѣламъ онъ будетъ присутствовать въ синодѣ, ни одно дѣло, или даже ни одно слово во дворцѣ, не ускользнуло отъ его вниманія и чтобы кто нибудь незамѣтно не прокрался въ его область. Прибывъ въ Ѳессалонику и показавшись тамъ на самое короткое время, сколько нужно было для того, чтобы только вступить на каѳедру, онъ немедленно, съ быстротою птицы возвратился опять въ Византію, не оглядываясь назадъ и не останавливаясь нигдѣ по до-

рогѣ. Подобнымъ образомъ онъ презиралъ все именно потому, что могъ однимъ пальцемъ все измѣнить и перевернуть,—особенно послѣ вторичнаго царскаго похода противъ Хриса, когда, состоя при царѣ совѣтникомъ и управляя всѣми его дѣйствіями противъ мятежника, онъ доказалъ свою способность къ тактическимъ соображеніямъ. Въ это время его особа, дѣйствительно, представляла собою наглядное соединеніе царственности и священства. Поэтому тотъ законъ, который кооскій геній [1] замѣтилъ въ разныхъ состояніяхъ тѣлеснаго здоровья, именно, что, достигши самаго цвѣтущаго состоянія, оно непремѣнно начинаетъ постепенно клониться къ упадку и идти опять назадъ, такъ какъ по непрерывности вѣчнаго движенія не можетъ оставаться въ одномъ неподвижномъ положеніи,—въ точности сбылся и на Месопотамскомъ. Постоянно усиливаясь идти вверхъ и не зная никакого предѣла своему честолюбію, онъ, какъ комаръ въ баснѣ, сражавшійся со львомъ, попавши въ тонкую паутину, вдругъ неожиданнымъ безславіемъ уничтожилъ всю славу, которою прежде слишкомъ скоро возгордился, или, говоря словами псалмовъ Давидовыхъ, «пошатнулся и упалъ въ то время, какъ хотѣлъ вообладать убогими [2] разумомъ». Люди, по головамъ которыхъ онъ скакалъ подобно блохѣ въ

---

[1] Т. е. Иппократъ, уроженецъ острова Кооса.

[2] *Преклонится и падетъ внегда ему обладати убогими*,—(псал. 9, ст. 31).

комедіи и которыхъ едва не билъ по щекамъ, какъ рабовъ, составили значительную партію, соединились вмѣстѣ, собрали противъ него нѣсколько пустыхъ и безсвязныхъ обвиненій, наконецъ—явились къ царю и, нашедши въ податливости царя и въ его способности легко увлекаться всякимъ словомъ вспомоществованіе своей ненависти къ общему врагу, мужественно возстали противъ него. Такимъ образомъ онъ не только былъ выброшенъ изъ дворца, какъ какой нибудь небольшой шарикъ, пущенный дѣйствіемъ сильной машины, но лишенъ и архіерейскаго сана. При этомъ со стороны обвинителей отличался впереди въ качествѣ оратора отъ лица всѣхъ вообще одинъ толстый пузанъ, именно тогдашній duксъ флота Михаилъ Стрифнъ, которому, какъ человѣку болѣе всѣхъ корыстолюбивому, съ ненасытною жадностію обкрадывавшему казну и пожиравшему деньги, особенно противодѣйствовалъ Месопотамскій. Впрочемъ это еще не такъ дурно,—хотя во всякомъ случаѣ дурно, — что иныхъ удаляютъ отъ извѣстной должности, или даже отрѣшаютъ отъ самаго высокаго служенія—престолу Господню, безъ изслѣдованія обвиненій, по одному только наговору лживаго языка. Но вотъ что совершенно не извинительно и обличаетъ крайнюю испорченность своихъ виновниковъ! Когда уже рѣшено было избрать въ Ѳессалонику другаго архіерея, дѣло о низверженіи Месопотамскаго было предложено на разсмотрѣніе заочно, въ отсутствіе обвиненнаго. Нѣкоторые пункты въ

немъ были очевидно съ изъяномъ и вообще всѣ они были недостаточны для изверженія изъ архіерейскаго сана. Тогда патріархъ, или повинуясь царскому повелѣнію, или по личной враждѣ къ Месопотамскому не имѣя силъ противостоять искушенію, или наконецъ будучи сбитъ съ пути долга какою нибудь другою причиною, которой я не знаю, собралъ и посадилъ съ собою судьями нѣсколько такихъ архіереевъ, которые, проводя время въ предосудительной праздности, изъ всѣхъ силъ и съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя, сдѣлалъ перемѣны въ актѣ низверженія и дополнилъ его разными обвиненіями, которыхъ въ немъ не было и которыя совершенно безспорно лишали всякой степени священнослуженія того, кто былъ бы уличенъ въ нихъ. За тѣмъ онъ сдалъ этотъ актъ въ хартофилакію [1], велѣвши въ тоже время выдать съ него копію Хрисанѳу, которому послѣ Месопотамскаго ввѣрено было управленіе Ѳессалоникскою церковію. Между тѣмъ какъ слѣдовало стыдиться подобнаго поступка, нѣкоторые изъ участниковъ въ

---

[1] Т. е. въ архивъ церковныхъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ великій хартофилаксъ — одно изъ высшихъ должностныхъ лицъ великой церкви, въ санѣ діакона завѣдывавшее церковнымъ судомъ и нѣкоторыми другими отраслями церковнаго управленія. Впрочемъ въ описываемое время должность великаго хартофилакса уже утратила значеніе, которое имѣла прежде, когда хартофилаксъ былъ первымъ лицомъ послѣ патріарха, занималъ мѣсто выше всѣхъ архіереевъ и за отсутствіемъ патріарха обыкновенно предсѣдательствовалъ въ синодѣ. Теперь хартофилаксы сидѣли уже ниже епископовъ, не носили золотыхъ митръ и по мѣсту засѣданія въ синодѣ, равно какъ по правамъ власти, соперничали съ протекдиками.

немъ ликовали, какъ будто одержали побѣду надъ враждебными народами, сокрушили сильнаго, постоянно мѣняющаго свои цвѣта, ливійскаго звѣря, опустошавшаго города и истреблявшаго жителей,—неодолимаго дракона, который описанъ въ книгѣ Іова, льва-муравьѣда, или какъ будто скрылась въ хаосъ и исчезла висѣвшая надъ ними косматая, наводящая ужасъ, эгида ([1]). Такимъ образомъ Константинъ Месопотамскій и его два брата были устранены отъ управленія общественными дѣлами и на ихъ мѣсто въ государственномъ управленіи поступилъ человѣкъ старательный, любезнаго характера, изысканно краснорѣчивый и умѣвшій ко всякому снизойти и примѣниться. Это былъ Ѳеодоръ Ириникъ. Ему былъ данъ въ помощники и сотрудники еще одинъ порядочный сребролюбецъ, одержимый постояннымъ кашлемъ. Итакъ оба они завѣдывали всѣми правительственными дѣлами. Пользуясь поучительнымъ примѣромъ Месопотамскаго, они постоянно имѣли его паденіе передъ глазами и, зная измѣнчивый образъ мыслей государя, не неслись гордо и неуклонно, какъ непотрясаемо крѣпкіе на сѣдлѣ всадники, по рвамъ и крутизнамъ: но, какбы скрывая принадлежавшее имъ правительственное могущество, всегда сдерживали и умѣряли свою силу; такъ что, опасаясь потери своихъ мѣстъ,

([1]) Эгида—страшный щитъ, скованный богомъ Гефестомъ для Зевеса, поражающій громомъ, молніею и мракомъ. Имъ пользовались также Аполлонъ и Аѳина.

избѣгали даже много такого, что слѣдовало бы дѣлать.

5. Въ такихъ и подобныхъ этимъ дѣлахъ прошло три года послѣ воцаренія Алексѣя Комнина надъ римлянами. Дальнѣйшее время его царствованія не представляетъ ничего особенно новаго сравнительно съ прежнимъ: тѣже порядки, таже распущенность въ образѣ жизни и непремѣнно тоже самое безпредѣльное высокомѣріе! Въ это время пренебреженъ и нарушенъ былъ мирный договоръ, существовавшій между царемъ и иконійскимъ султаномъ Кайхозроемъ. Именно, иконійскій варваръ овладѣлъ двумя арабскими конями, которые были посланы царю султаномъ Александріи Египетской. Онъ пустилъ ихъ въ бѣгъ, и на бѣгу одинъ изъ нихъ вывихнулъ ногу. Послѣ этого черезъ посольство Кайхозрой просилъ у царя извиненія въ томъ, что онъ осмѣлился уже совершенно присвоить препровождавшихся къ царю коней, такъ какъ по негодности одного изъ нихъ не рѣшается послать и другаго,—при этомъ онъ увѣрялъ, что употребитъ всѣ мѣры, чтобы его державный другъ не остался въ убыткѣ и не долго былъ безъ коней. Такимъ образомъ онъ представлялъ весьма благовидное оправданіе въ своемъ поступкѣ. Но царь не хотѣлъ быть великодушнымъ, не умѣлъ нужду обратить въ щедрость, не взялъ въ разсчетъ обстоятельствъ времени, которыя, какъ мощный врагъ, постоянно его давили, или даже готовы были совершенно задушить, и мгновенно, какъ подожженный, крѣп-

кій, вѣчно зеленый дубъ, загремѣлъ трескотнею гнѣва. Конечно, онъ не въ состояніи былъ какъ нибудь успѣшно отмстить персіянину, а только безразсудно навлекъ на свое государство войну и обнажилъ противъ самого себя мечъ, до той поры спокойно лежавшій въ ножнахъ. Именно, онъ приказалъ заключить въ темницу и лишить имущества всѣхъ купцовъ, какъ турецкаго, такъ и римскаго происхожденія, которые по дѣламъ торговли прибыли изъ Иконіи въ Византію. Притомъ, отнявши у нихъ всѣ ихъ товары и весь вьючный скотъ ихъ, онъ ничего не взялъ, какъ слѣдовало бы ожидать, и въ свою казну; напротивъ все было только разбросано въ разныя стороны и истреблено. Узнавъ объ этомъ, варваръ отложилъ уже въ сторону свои мысли о вознагражденіи и не послалъ вторичнаго посольства къ царю; но поднялъ противъ римлянъ оружіе, напалъ неожиданно на пригороды, лежащіе по теченію рѣки Меандра, взялъ въ плѣнъ поголовно всѣхъ жителей Каріи и Тантала и, ограбивъ очень много другихъ городовъ, рѣшился наконецъ подступить даже къ Антіохіи Фригійской. По всей вѣроятности, онъ опустошилъ бы и ее, какъ недавно — Карію и Танталъ, еслибы сверхъ ожиданія не удержало его отъ жестокаго грабежа одно случайное обстоятельство, произшедшее не по какому нибудь человѣческому умыслу, но какбы само собою, или по волѣ Божіей. Поднявшись въ ночь, Кайхозрой быстро двинулся въ Антіохію съ намѣреніемъ въ раннее утро напасть на го-

родъ и опустошить его. Между тѣмъ въ тотъ же самый день случилось одному изъ вельможъ города праздновать сватьбу своей дочери. По этому поводу, какъ обыкновенно бываетъ при такихъ торжествахъ, собраніе было огромное: гости шумѣли, кимвалы бряцали во всю эту ночь, тимпаны гремѣли, плясуны топали ногами и хоры женщинъ пѣли свойственныя свадебному торжеству пѣсни. Такимъ образомъ, когда Кайхозрой приблизился къ городу; то, услышавъ игру инструментовъ, равно какъ долетавшіе издали громкіе звуки пѣсень, и не угадавъ, въ чемъ дѣло, онъ предположилъ, что это были военные клики, которыми граждане, безъ сомнѣнія предувѣдомленные о его нападеніи, выражали свою готовность къ битвѣ, и въ слѣдствіе того поспѣшно отступилъ къ Лампѣ. Прибывъ сюда, онъ приказалъ составить списокъ всѣхъ плѣнниковъ, узнать, откуда каждый, какъ его зовутъ, и распросить, кто взялъ его въ плѣнъ, какого онъ лишился имущества и не скрываетъ ли кто нибудь изъ персіянъ его сына, дочь, или жену. Сдѣлавъ такой разборъ, онъ возвратилъ римскимъ плѣнникамъ все, что было у нихъ взято, раздѣлилъ ихъ по родамъ и семьямъ и за тѣмъ пошелъ далѣе. Всѣхъ плѣнниковъ оказалось пять тысячъ человѣкъ. Варваръ позаботился, чтобы во все продолженіе пути они не чувствовали недостатка въ жизненномъ продовольствіи. Мало того, обезпечивъ ихъ пропитаніе, онъ не опустилъ изъ вниманія и стоявшей по времени года жестокой стужи. Однажды онъ

взялъ въ руки топоръ, вышелъ изъ лагеря и началъ самъ собственноручно рубить въ полѣнья одно попавшееся на пути старое, свалившееся отъ времени, дерево. Множество персіянъ сбѣжалось на это зрѣлище. Продолжая свою работу, варваръ предложилъ и имъ взяться за нее; въ тоже время онъ указалъ и далъ имъ понять ея причину, прибавивъ въ поощреніе ихъ слѣдующія слова: «персіянамъ всегда можно выходить изъ лагеря за рубкою дровъ, потому что никто имъ не мѣшаетъ; но римлянамъ — нѣтъ возможности, такъ какъ они вынуждены остерегаться, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе въ покушеніи къ побѣгу и по подозрѣнію въ умыслахъ на бѣгство не подвергнуться заключенію въ оковы». Достигнувъ Филомилія, онъ далъ всѣмъ плѣнникамъ помѣщеніе, отдѣлилъ имъ большой участокъ удобной для обработки земли, роздалъ опять всякому хлѣбъ и далъ нужное количество сѣмянъ для посѣва. Въ довершеніе всего Кайхозрой обнадежилъ ихъ добрыми обѣщаніями, объявивши имъ наконецъ, что если онъ и царь опять заключатъ между собою дружбу и возобновятъ прежній мирный договоръ, то они будутъ имѣть полную свободу безъ всякаго выкупа возвратиться на родину, — если же царь иначе порѣшитъ дѣло, то первые пять лѣтъ они будутъ жить безъ всякихъ податей, не платя никому никакихъ повинностей, а потомъ будутъ обложены необременительною податью, которую онъ тогда назначитъ имъ и которая уже не будетъ увеличиваться выше од-

нажды опредѣленной мѣры, какъ это бываетъ обыкновенно въ римскомъ государствѣ, тѣмъ болѣе—не будетъ увеличена въ нѣсколько разъ противъ прежняго. Устроивъ все это въ такомъ видѣ, султанъ возвратился въ Иконію. Между тѣмъ его человѣколюбивыя обѣщанія не только заставили всѣхъ плѣнниковъ забыть о своемъ отечествѣ, но привлекли въ Филомилій множество римлянъ, которые не были плѣнены персами, а только слышали, какъ поступилъ персіянинъ съ ихъ родственниками и соотечественниками. Такъ въ нашемъ поколѣніи римскаго народа не только *оскудѣлъ преподобный* и умалилась истина, но *отъ умноженія беззаконія* охладѣла и любовь во многихъ; такъ что цѣлые еллинскіе города колоніями переселялись къ варварамъ и по доброй волѣ оставляли отечество: потому что, въ самомъ дѣлѣ, частые мятежи развратили политическую нравственность народа и постоянное грабительство правительственныхъ лицъ подавило въ большинствѣ надлежащую привязанность къ родинѣ и готовность дѣятельно служить благу соотечественниковъ! Но посмотримъ, какъ съ своей стороны распорядился царь по поводу этихъ событій. Онъ послалъ воевать съ султаномъ Андроника Дуку, молодаго человѣка, у котораго только что начинала пробиваться борода. Когда-то Андроникъ съ своимъ войскомъ выступилъ противъ турокъ! Наконецъ онъ напалъ ночью на стада быковъ, которыхъ стерегли пастухи одного эмира, именно Арсана, и за тѣмъ поспѣшилъ воротиться

назадъ. Послѣ этого царь, съ трудомъ оторвавшись отъ прелестной Пропонтиды, какъ будто отъ лотоса ([1]), или отъ пѣнія сиренъ, отправился самъ въ Никею и Прузу, не для того, чтобы возмѣрить или воздать такое же воздаяніе персамъ, какое они намъ возмѣрили и воздали, но съ скромною цѣлію защитить тамошніе города и села отъ ихъ опустошительнаго вторженія со стороны Ваѳа, гдѣ они въ значительномъ числѣ стояли тогда въ сборѣ. Однако, пробывъ здѣсь одинъ мѣсяцъ, и онъ со всею поспѣшностію возвратился въ Византію. Съ наступленіемъ весны начались опять сборы и сосредоточенія войскъ—съ такою суетливою и напряженною торопливостію, что даже описать трудно; надобно, впрочемъ, замѣтить, что эти ни къ чему не ведшіе частые сборы и постоянные смотры въ теченіе каждаго года, при своей безпрерывности, до такой степени надоѣли войску, что солдаты шли на нихъ съ крайнею неохотою и съ живѣйшимъ сожалѣніемъ оставляли свои покойныя домашнія кровли. Какбы черезъ силу преодолѣвая себя, солдаты шли теперь на сборъ, съ нетерпѣніемъ желая или побѣдить враговъ, или, по крайней мѣрѣ, со славою умереть за отечество. Итакъ войска собрались въ одинъ лагерь — въ Кипселлы.

6. Въ это время царь, по собственному соображенію, отважно рѣшился на одно дѣло, о которомъ слѣдуетъ теперь разсказать. Онъ не-

---

([1]) Египетское растеніе, имѣющее самые нѣжные плоды.

ріодически, чрезъ извѣстные промежутки времени, всегда былъ боленъ разными членами тѣла, но особенно страдалъ ногами. Къ нимъ приливала дурная матерія и порождала невыносимыя мученія, къ чему, при усиленномъ страданіи, присоединялась потеря способности къ движенію и сверхъ того часто появлялась страшная лихорадка. Въ одинъ день, заперши двери спальни и не сказавъ напередъ никому, кромѣ спальной прислуги, о своемъ секретѣ, онъ наложилъ себѣ такимъ образотъ на ноги раскаленное желѣзо. Долго прикладывая къ ногамъ разожженный металлъ, царь сначала философически выдерживалъ боль, происходившую отъ прижиганія, и съ бранью ругалъ всѣхъ врачей, говоря, что у нихъ всегда въ употребленіи одни только чистительныя и что они никогда не придумаютъ и не дадутъ больнымъ какого нибудь лекарства подѣйствительнѣе слабительныхъ. Потомъ, разумѣется, воспаленіе въ мѣстахъ, подвергнутыхъ прижиганію, и боль — сдѣлались сильнѣе прежняго. Тогда уже были призваны врачи, и не такъ, чтобы—кто нибудь одинъ, или другой, но всѣ вдругъ. Между тѣмъ родственниковъ царя крайне смущало опасеніе, чтобы приливъ матеріи, лишившись исхода въ ногахъ, не бросился въ какую нибудь болѣе опасную часть тѣла; такъ что царь можетъ тогда мгновенно лишиться жизни, и правительственная власть сверхъ ожиданія должна будетъ перейти къ кому нибудь другому. Однако врачи съумѣли его вылечить: броженіе и накопленіе матеріи

было остановлено слабительными; пріемы лекарствъ со дня на день значительно уменьшались и цѣлительная ихъ сила была очевидна. Во все это время царица Евфросинія заботилась, конечно, сколько слѣдовало, и о здоровьѣ своего супруга; но гораздо болѣе занимала ее съ приближенными, которымъ она сообщала свои секретныя предположенія и открывала свои сердечныя тайны, мысль о томъ, кто будетъ преемникомъ царской власти, и заботливость, чтобы это былъ человѣкъ не непріязненный и не враждебный, а расположенный къ ней. У царя не было сына, который, разумѣется, былъ бы наслѣдникомъ престола; но были двѣ дочери, и притомъ обѣ онѣ недавно лишились супруговъ. Старшая по возрасту Ирина была въ замужествѣ за Андроникомъ Контостефаномъ, который умеръ спокойною смертію; а Анна, вторая по старшинству, но первая по красотѣ, была замужемъ за Исакомъ Комнинымъ, который скончался въ оковахъ—въ Мизіи, какъ мы сказали объ этомъ въ предшествующихъ книгахъ. Разныя лица указывали и избирали разныхъ людей на престолъ, и при этомъ всѣ руководствовались единственно своею личною выгодою. На то, чтобы избранный могъ достойно царствовать надъ римлянами и надлежащимъ образомъ управлять общественными дѣлами, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; такъ что болѣе неразумные изъ избирателей присуждали царскую власть даже младенцамъ, которые еще кормились грудью и повивались въ пеленки. Изъ людей знамени-

тыхъ родомъ и богатствомъ протостраторъ Мануилъ Камицъ противодѣйствовалъ своему дядѣ по матери севастократору Іоанну; въ свою очередь этотъ послѣдній мѣшалъ ему. Три царскіе брата, ослѣпленные Андроникомъ, равно какъ зять ихъ по сестрѣ Іоаннъ Кантакузинъ, также лишенный зрѣнія, прочили на престолъ своихъ дѣтей. Были люди, которые вчера, или, словомъ сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтійскую свинину, а теперь совершенно открыто изъявляли свои виды и притязанія на царское достоинство, устремляя на него свои безстыдные глаза и употребляя въ качествѣ сватовъ, или лучше сводниковъ, продажныхъ и раболѣпствующихъ чреву общественныхъ крикуновъ; такъ что выборы общественные были вообще гораздо хуже тѣхъ выборовъ, которые дѣлались извѣстными лицами! О знаменитая римская держава, предметъ завистливаго удивленія и благоговѣйнаго почитанія всѣхъ народовъ,—кто не овладѣвалъ тобою насильно? Кто не безчестилъ тебя нагло? Какихъ неистово буйныхъ любовниковъ у тебя не было? Кого ты не заключала въ свои объятія, съ кѣмъ не раздѣляла ложа, кому не отдавалась и кого за тѣмъ не покрывала вѣнцомъ, не украшала діадимою и не обувала въ красные сандаліи? Истинно, твои страданія были гораздо прискорбнѣе тѣхъ, которыя должна была перенесть Пенелопа (¹). Тебя можно сравнить съ царствен-

---

(¹) Пенелопа — одно изъ главныхъ лицъ Одиссеи,—знаменитая су-

ною женщиною, надѣленною всѣми счастливыми дарами природы, внушающею почтенiе строгой красотою, величественною осанкою и благороднымъ взглядомъ, но увлеченною безстыдными развратниками, которые не стоятъ овола [1] по понятiямъ людей благомыслящихъ, которые не въ состоянiи понять ея достоинство, уважить ея величiе, почтить ея благородство, между тѣмъ чрезъ извѣстные промежутки времени увлекаютъ и уводятъ ее на беззаконное ложе. О позоръ! Чего ты не вытерпѣла, чего не наглядѣлась? При всей своей славѣ, при всей знаменитости ты получила наружность блудницы. Исчезло то скромное выраженiе въ лицѣ, та безъискусственная красота, то цѣломудренное и сдержанное обращенiе, которыя отличали тебя прежде. Твое лицо поддѣлано и исписано разными втиранiями и снадобьями; ты сдѣлалась сладострастною и предалась распутству. Обезчестившiе тебя, прежде безъискусственно прекрасную, чистую и непорочную, прiучили тебя къ манерамъ прелестницы. Когда же ты бросишь это безобразное благообразiе, эту отвратительную прелесть, дерзкую походку, искусственный взглядъ? Или кто, хотя насильно, вырветъ тебя изъ этихъ тиранническихъ объятiй

пруга царя Одиссея, которая въ теченiе двадцатилѣтняго отсутствiя своего супруга твердо боролась противъ всѣхъ брачныхъ предложенiй со стороны сватавшихся за нее лицъ и, не смотря на всѣ искушенiя, осталась вѣрна своему мужу, вообще—древнегреческiй идеалъ женскаго достоинства и цѣломудрiя.

[1] *Оволъ*—мелкая монета, составляющая собою шестую часть драхмы, т. е. нѣсколько менѣе нѣмецкаго гроша.

и возвратитъ къ прежнему естественному и независимому образу жизни? А теперь, вмѣсто того, чтобы жалѣть тебя, мы скорѣе готовы смѣяться надъ тобою, замѣчая твои предосудительныя связи, и, видя позоръ твой, боимся, чтобы ты окончательно не погибла и не подверглась такому паденію, послѣ котораго уже нѣтъ возстанія. Но пойдемъ далѣе.

Не успѣвши совершенно оправиться отъ болѣзни и еще не имѣя силы стоять на ногахъ, царь выступилъ въ походъ и отправился въ Кипселлы со всѣми необходимыми запасами для войны. Между тѣмъ, пока онъ былъ боленъ, скиѳы съ частію валаховъ, пришедши изъ за Истра во Ѳракію, въ самый день ежегоднаго воспоминанія мученика Христова Георгія произвели опустошительное нападеніе на беззащитныя окрестности городовъ Месины и Чурула. Какъ извѣстно было, варвары хотѣли и условились съ проводниками напасть прежде всего на Куперій (мѣстечко, лежащее по сосѣдству съ Чуруломъ, гдѣ совершался въ это время праздникъ въ честь мученика и обыкновенно собиралось огромное стеченіе народа). Но такъ какъ съ утра лежалъ по землѣ густой туманъ: то большая часть варваровъ, потерявши настоящую дорогу, сбилась совсѣмъ въ другую сторону и ушла на взморье къ самому Рэдесту; такъ что только небольшой отрядъ ихъ вторгся въ Куперій. Поэтому они не успѣли проникнуть въ храмъ и принадлежавшія къ нему пристройки. Собравшійся на празднество въ

честь мученика народъ, видя, что лучше взять поскорѣе какія нибудь мѣры, нежели обречь себя на страданіе, ничего не дѣлая, собралъ наскоро телѣги, огородилъ ими храмъ и такимъ образомъ укрылъ себя отъ прямаго, непосредственнаго нападенія варваровъ, а извѣстно, что скиѳы и доселѣ избѣгаютъ непривычной для нихъ осады укрѣпленій, полевыхъ ли то, или городскихъ,—что они однимъ натискомъ подобно бурному вихрю бросаются лицомъ къ лицу на противниковъ и потомъ обыкновенно отступаютъ къ себѣ назадъ. Что же касается тѣхъ, которые, оставивъ храмъ, хотѣли спастись бѣгствомъ въ городъ Чурулъ, то всѣ они поголовно были плѣнены варварами, не успѣвши достигнуть чурульской крѣпости. Между тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, никто изъ нихъ не попался бы въ плѣнъ, еслибы одинъ негодный лохмотникъ [1], пришедшій сюда изъ Антигонова монастыря за сборомъ во время праздника подаяній, доставилъ по назначенію предписаніе, которое послалъ съ нимъ начальникъ здѣшней мѣстности Ѳеодоръ Врана. Запрещая стеченіе народа въ Куперій, Врана увѣдомлялъ о предположенномъ вторженіи сюда скиѳовъ и предлагалъ богомольцамъ на выборъ одно изъ двухъ,— или послушаться его приказаній и избѣгнуть всякой опасности, или не слушать ихъ и идти на встрѣчу вѣрной смерти. Но его довѣренный

---

(1) *Варіантъ*: Одинъ негодный и нечестивый монахъ Антигонова монастыря, пришедшій сюда за сборомъ...

посолъ,—человѣкъ, совершенно отрекшійся отъ міра, прервавшій всѣ связи съ свѣтомъ и добровольно облекшійся въ рубище Христово, — опасаясь въ случаѣ, если народъ разсѣется, не досчитаться въ своемъ сборѣ статира мѣди, заложилъ письмо въ пазуху и спряталъ его, какъ будто во тьмѣ, подъ своимъ чернымъ платьемъ; въ тоже время онъ увѣрялъ всѣхъ,—какъ будто корысть, любостяжаніе и пройдошество особенно изощряютъ даръ пророческаго предвѣдѣнія,—что бояться нечего и что слухи вообще, часто искажая истину, не даютъ вѣрныхъ извѣстій. Такимъ образомъ скиѳы собрали большую добычу и возвращались назадъ. Узнавъ о возвращеніи ихъ, римское войско, составлявшее гарнизонъ Визіи [1], пересѣкло имъ дорогу. Оба войска встрѣтились, и наше одержало верхъ: скиѳы, потерявши многихъ убитыми, были обращены въ бѣгство; значительнѣйшая часть ихъ добычи отнята обратно. Къ сожалѣнію наше торжество продолжалось не долго; потому что природная, безумная и неудержимая никакими обстоятельствами жадность римлянъ уничтожила побѣду. Совершенно предавшись грабежу и расхищенію того, что везли скиѳы, ограбивши римскія селенія, римское войско дало возможность пораженному и обращенному въ бѣгство непріятелю снова начать битву и за тѣмъ принуждено было въ свою очередь само спасаться бѣгствомъ.

---

[1] Нынѣшній городъ—Виза.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА,

БРАТА ИСААКА АНГЕЛА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Такъ кончилось это дѣло. Между тѣмъ царь, выѣхавъ изъ Кипселлъ, прибылъ въ Өессалонику и за тѣмъ, выступивъ отсюда, двинулся противъ Хриса. Это былъ тотъ самый валахъ, который владѣлъ Струммицею. Захвативъ въ послѣдствіи одну крѣпость, именно — Просакъ, онъ обратилъ ее въ свое мѣстопребываніе и, сколько было возможно, еще увеличилъ ея оборонительныя средства. Уже сама природа образовала и устроила здѣсь грозную твердыню. Крутыя, на двое разсѣченныя скалы съ обѣихъ сторонъ такъ тѣсно примкнули другъ къ другу, что для входа въ окружаемую ими мѣстность осталась одна узенькая, обрывистая и окруженная глубокими пропастями тропинка; вся же прочая окружность скалъ, по своей крутизнѣ, недоступна даже для козъ и совершенно непроходима. Глубокопучинная рѣка Аксій, обтекая самыя скалы кругомъ со всѣхъ сторонъ, составляетъ для нихъ собою

сверхъ того новую необычайную ограду [1]. Ко всему этому присоединилось наконецъ искусство. Соперничая съ природою, оно сдѣлало изъ Просака, дѣйствительно, почти неодолимую крѣпость; несокрушимая стѣна, загородивши единственный доступный входъ, довершила это необыкновенное, сверхъестественное укрѣпленіе. Удивительно, однако, что даже такую твердыню, какъ Просакъ, римляне опускали прежде изъ виду и оставляли не занятою; такъ мало заботились мы о болгарахъ! Между тѣмъ Хрисъ собралъ сюда самыхъ закаленныхъ въ бою солдатъ, обставилъ кругомъ всю крѣпость метательными орудіями, наполнилъ ее въ изобиліи всякаго рода жизненными припасами, пустилъ цѣлыя стада быковъ и овецъ пастись по ея вершинамъ и вообще устроилъ себѣ здѣсь, наперекоръ римлянамъ, совершенно неприступное убѣжище. Крѣпость заключаетъ въ себѣ не мало мѣста. Занимаемое ею пространство весьма значительно какъ въ широту, такъ и въ длину,— покрыто растительностію, поддерживаемою дождями, и изобилуетъ лѣсомъ. Одного только блага,—правда, самаго необходимаго, самаго лучшаго и прекраснѣйшаго, не достаетъ ей: во всей крѣпости нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго источника, который давалъ бы хотя одну каплю воды, и нельзя вырыть ни одного колодезя, но необходимо спускаться къ рѣкѣ и носить воду

(1) *Варіантъ*: Глубокая и непереходимая въ бродъ рѣка Аксій, или по нынѣшнему названію—Вардарь, обтекаетъ вокругъ скалъ.

ведрами. Владѣя подобною крѣпостію, Хрисъ поэтому нисколько не испугался царскаго похода противъ него, но приготовился къ сопротивленію. Съ своей стороны опытные въ военномъ дѣлѣ римляне, если только въ это время еще были такіе, достаточно зная здѣшнее мѣстоположеніе, также считали необходимымъ и совѣтовали царю сначала обойти мимо Просакъ, напасть на другіе подвластные Хрису города и селенія и уже по взятіи ихъ подступить къ Просаку: потому что при такомъ порядкѣ, говорили они, и войско будетъ бодрѣе, одержавъ напередъ легкія побѣды и обогатившись въ слѣдствіе того добычею, и Хрисъ, будучи поставленъ въ тѣсныя обстоятельства, сдѣлается уступчивѣе, оставитъ свою заносчивость, или даже совсѣмъ покорится; если же съ перваго раза прямо напасть на неприступную крѣпость и вступить въ борьбу съ горными утесами, то это будетъ значить—напрасно истощать усилія, обрекать себя на кровавый потъ, на нескончаемые труды, и воображать, что у головъ несчастныхъ тружениковъ нѣтъ шей. Такъ думали опытные люди. Къ сожалѣнію спальничные евнухи, между которыми первенствовалъ Георгій Инэотъ, и состоявшіе при царѣ безбородые мальчики (1) рѣшительно воспротивились ихъ мнѣнію. Эти въ своемъ родѣ тоже заслуженные и свѣдущіе наперсники царя убѣдили его повесть войско прямо въ Просакъ и направить

---

(1) *Варіантъ:* Его комнатные мальчики.

оружіе непосредственно противъ самого Хриса; такъ какъ, «если Просакъ взять, то уже никто не будетъ болѣе противиться. Сверхъ того», говорили они, «за чѣмъ подступать къ врагу обходами и кругами, когда ничто не препятствуетъ поразить его немедленно въ самое сердце? Притомъ же кто въ состояніи пробыть долго безъ всякой, или пусть—для какой нибудь ничтожной, пользы въ этой совершенно варварской и непривѣтной сторонѣ, когда наступаетъ время зрѣлости смоквъ, дынь и другихъ плодовъ земныхъ, которыми изобилуетъ Пропонтида, какъ рай, насажденный рукою Божіею? Ахъ, когда-то мы ступимъ на ригійскую равнину ([1]), увидимъ Афамею ([2]), встрѣтимъ завѣтный Константинополь и оттуда поплывемъ въ прелестныя мѣстечки Пропонтиды, гдѣ постоянно вѣетъ тихій, освѣжающій сѣверный вѣтерокъ, играютъ молодыя рыбки, забавно выскакиваютъ дельфины, на каждомъ шагу встрѣчаешь соблазнительныя купальни, гдѣ серебристыя воды нѣжными струйками тѣшатъ взоръ зрителя, между тѣмъ обворожительно щебечутъ ласточки, выводятъ трели соловьи, и разные другіе пернатые музыканты, то тамъ, то здѣсь, воркуя и чирикая въ тѣни кустарниковъ, услаждаютъ очарованный слухъ гуляющихъ взадъ и впередъ?»—Царю такъ живо представились подобнаго рода рѣчи,

---

([1]) Передъ воротами Константинополя. Du Cange, Const. Christ. lib. 1, pag. 48 et 49.

([2]) Загородный дворецъ за ригійскими воротами,—Du Cange, lib. IV, pag. 121.

какъ будто все это было уже передъ его глазами, и потому онъ со всею поспѣшностію понесся прямо къ Просаку. По дорогѣ было разрушено, впрочемъ, нѣсколько крѣпостей, пожжены хлѣба и склады плодовъ, и персами, которыхъ прислалъ царю на помощь сатрапъ города Анкиры, взято было въ плѣнъ нѣсколько валаховъ. Люди истинно вѣрующіе и подлинно православные настойчиво просили царя не допускать того, чтобы турки дѣйствительно увели къ себѣ въ свою сторону людей, чтущихъ того же Бога, которому поклоняемся мы, дабы въ послѣдствіи невольная перемѣна ими вѣры не низвела божественнаго мщенія на тѣхъ, кто ихъ выдалъ, и умоляли его распорядиться такъ, чтобы валахскіе плѣнники отданы были въ рабство римлянамъ, а персы, которые взяли ихъ въ плѣнъ, удовлетворены другими знаками царской милости; но онъ рѣшительно не согласился на это. Достигнувъ Просака, царь остановился вблизи его и немедленно приказалъ начать нападеніе на крѣпость. Дѣла, совершенныя тогда римскимъ войскомъ, были достойны почтенія и удивленія. Въ самомъ дѣлѣ римляне такъ мужественно боролись съ врагами, что превзошли всѣ надежды. Кто со щитомъ и обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ, кто съ лукомъ и стрѣлами, они взобрались на утесистыя высоты крѣпости и вступили въ сомкнутый бой съ непріятелемъ, занимавшимъ стѣны и вершину горы. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и большаго кровопролитія они выбили непріятелей изъ шан-

цевъ, которые только что построены были передъ стѣною для защиты бывшихъ здѣсь воротъ. Иные даже, поднявшись вверхъ на высоту утесовъ по веревкамъ и вскарабкавшись на нихъ, какъ серны, пытались проникнуть за стѣны и ворваться внутрь самаго замка. Но когда такимъ образомъ пробудилась надежда, что римляне, обративъ защищавшихъ стѣны въ бѣгство и заставивъ ихъ укрыться внутри крѣпости, успѣютъ привесть къ желанному концу свой прекрасный и доблестный подвигъ; вдругъ оказалось, что всѣ труды ихъ были напрасны. Для разрушенія оградъ понадобились заступы и ломы; напрасно раздавались просьбы о доставкѣ этихъ орудій: ихъ не было, и не откуда было ихъ взять! Однако солдаты не бросили дѣла. Проклиная царскихъ оружейныхъ приставниковъ, они вмѣсто ломовъ начали разбивать каменную кладь и разрушать брустверы собственными руками и мечами. Работа, разумѣется, двигалась медленно, и нападавшіе терпѣли жестокій уронъ со стороны осажденныхъ, дѣятельно защищавшихся съ высоты укрѣпленій, когда наконецъ, поздно уже и спустя долгое время, явился оружейный приставъ-евнухъ съ заступами въ рукахъ, перевязанными бичевкою въ одинъ пукъ. Слѣдовало сейчасъ же утопить этого негодяя, или, по крайней мѣрѣ, надобно было государю выразить строгое негодованіе на допущенные имъ безпорядки, чтобы хотя сколько нибудь оживить такимъ образомъ бодрость въ солдатахъ, измученныхъ битвою, жаждою и

удушьемъ отъ солнечнаго зноя: вмѣсто того царь ограничился однимъ выговоромъ, приправленнымъ жеманною любезностію, и произнесеніемъ губнаго звука, выражавшаго какое то поддѣльное неудовольствіе; такъ что подобнымъ безучастіемъ съ своей стороны совершенно отнялъ духъ у нашихъ храбрыхъ молодцовъ. Когда понадобились за тѣмъ лѣстницы, чтобы взобраться по нимъ на вершину стѣнъ; то и ихъ не отыскалось вдругъ. Не желая послѣ того даромъ истощать еще болѣе свои усилія на достиженіе недостижимаго, наши по неволѣ должны были отступить. Неоспоримо, какъ утверждали потомъ и бывшіе въ осадѣ валахи, что крѣпость была бы взята, Хрисъ отдался бы плѣнникомъ и римляне совершили бы славный подвигъ, который освободилъ бы ихъ отъ большихъ непріятностей въ будущемъ, если бы были во время заготовлены и, какъ скоро оказалась надобность, немедленно доставлены необходимыя для разрушенія стѣнъ орудія. Такимъ образомъ одно нерадѣніе къ самымъ настоятельнымъ обязанностямъ помѣшало теперь успѣху, или уже самъ Богъ (да проститъ Онъ намъ, что мы дерзновенно испытываемъ суды Его), не благоволя къ тогдашнимъ людямъ, воспротивился ихъ усиліямъ.—Итакъ римляне въ этотъ день были отражены и принуждены были отступить; когда же на слѣдующій день они опять возобновили битву, то противники, ободренные одержаннымъ наканунѣ перевѣсомъ, встрѣтили ихъ уже съ неустрашимостію и самоувѣренностію. Каме-

пометныя машины, которыми пользовались варвары, произвели значительный уронъ въ нашихъ рядахъ, дѣйствуя чрезвычайно мѣтко и съ удвоенною отъ паденія съ высоты силою; потому что распоряжался метаніемъ камней, отпускалъ винтъ и наводилъ пращу превосходнѣйшій машинистъ, прежде служившій на жалованьѣ у римлянъ, но потомъ перешедшій къ Хрису, такъ какъ у насъ ему не выдавали жалованья. Не говоря о закругленныхъ камняхъ, бросаемыхъ дѣйствіемъ машинъ, камни, просто скатываемые сверху внизъ по крутизнѣ, наносили также не малый вредъ римлянамъ; весьма часто машинами брошенные камни, даже не попадая прямо въ цѣль, тѣмъ не менѣе разливали всюду смерть вокругъ себя: ударившись о встрѣчавшіяся на пути паденія скалы, они разбивались отъ силы удара на множество осколковъ, которые потомъ съ быстротою пущенной стрѣлы разлетались туда и сюда въ разныя стороны и всюду разносили съ собою гибель. Между тѣмъ съ наступленіемъ ночи варвары, неожиданно сдѣлавши вылазку изъ крѣпости, разрушили машины, разставленныя римлянами на окрестныхъ холмахъ, и, бросившись на отрядъ, державшій ночный караулъ, побѣдоносно настигли его, когда онъ въ своемъ бѣгствѣ приближался къ палаткѣ протовестіарія Іоанна; такъ что этотъ послѣдній, перепугавшись, быстро вскочилъ съ постели, въ которой наслаждался покойнымъ сномъ, и, не помня себя, въ смертельномъ ужасѣ бросился въ бѣгство. Разграбивъ и раздѣливъ меж-

ду собою все, что было въ палаткѣ протовестіарія, въ томъ числѣ и темнозеленые сандаліи— отличіе его сана, они всю эту ночь смѣялись и издѣвались надъ предпріятіемъ римлянъ. Такъ, напримѣръ, они бросали съ горы пустыя винныя бочки, которыя, катясь сверху внизъ, приводили въ трепетъ все наше войско, потому что оно въ потьмахъ не могло догадаться о настоящей причинѣ производимаго ихъ паденіемъ страшнаго треска и грохота. Послѣ этого царь, видя, что не въ состояніи будетъ достигнуть своей цѣли, къ тому же—не располагая тратить здѣсь много времени, обратился къ мирнымъ переговорамъ. Такимъ образомъ онъ уступилъ Хрису Просакъ и Струммицу съ ихъ окрестностями. При этомъ также положено было между ними, что Хрисъ, хотя у него была жена, возметъ за себя въ замужство одну изъ царскихъ родственницъ. Въ слѣдствіе того, по возвращеніи въ Византію, царь развелъ дочь протостратора [1] съ ея мужемъ и отослалъ ее къ Хрису, назначивъ ея проводникомъ и распорядителемъ ея новаго брачнаго союза — севаста Константина Радина. По совершеніи брака былъ устроенъ свадебный пиръ, за которымъ Хрисъ ѣлъ и пилъ безъ всякой умѣренности и воздержанія, напротивъ молодая жена его, соблюдая обычай невѣстъ, почти не прикасалась къ предложеннымъ яствамъ. Когда молодой супругъ пригласилъ ее принять вмѣстѣ съ нимъ участіе

---

[1] Мануила Камица.

въ угощеніи; она не довольно скоро исполнила его желаніе и этимъ раздражила его до такой степени, что онъ, пробормотавъ много разныхъ ругательствъ на своемъ варварскомъ языкѣ, съ презрѣніемъ сказалъ наконецъ по еллински ([1]): «Не ѣшь и не пей, пожалуй».

2. Въ это время вторглись скиөы ([2]). Настоящее нашествіе ихъ было огромнѣе и ужаснѣе всѣхъ прежнихъ. Раздѣлившись на четыре отряда, они прошли всю Македонію, нападая даже на укрѣпленные города и гористыя мѣстности; такъ что проникли въ гору Ганъ, разграбили многіе монастыри и перебили монаховъ. Въ общемъ ужасѣ никто не рѣшался оказать имъ сопротивленія; потому что на ихъ сторонѣ было большинство и приходилось сражаться, не щадя своей жизни.

Между тѣмъ царь, зная желаніе своихъ дочерей вступить во второй бракъ, весьма естественное при ихъ молодости и красотѣ, озаботился выборомъ для нихъ супруговъ. Его предпочтеніе въ этомъ случаѣ первоначально склонялось въ пользу тѣхъ владѣтельныхъ особъ христіанскаго міра, вражды которыхъ онъ особенно опасался; но потомъ, устранивъ подобные разсчеты, онъ отдалъ ихъ за римлянъ,

---

([1]) То есть, *по гречески;* но мы не употребляемъ этого слова; потому что, согласно съ словоупотребленіемъ нашего автора, слова: грекъ и греческій, были ругательныя, въ родѣ того, какъ названія: москаль, или хохолъ, для русскихъ и малороссовъ. Если русскіе въ древности звали нашихъ римлянъ греками; то и римляне звали ихъ тавроскиөами.

([2]) То есть, команы.

именно: Ирину выдалъ за Алексѣя Палеолога, который поэтому долженъ былъ развестъся напередъ съ своею законною красавицею-женою, а Анну сочеталъ бракомъ съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, смѣлымъ и страстнымъ къ военному дѣлу юношею. Время, въ которое совершились эти браки, было близко къ масляницѣ: царственный тесть предположилъ поэтому немедленно устроить конскія скачки; напротивъ новобрачные болѣе желали видѣть театральныя представленія. Чтобы угодить и себѣ и зятьямъ, царь не поѣхалъ ни въ большой дворецъ [1], ни въ стадіонъ [2]; но велѣлъ перевезть круги бѣговой арены во влахернскій дворецъ [3] и здѣсь на скорую руку устроить временный театръ. Все это было приведено въ исполненіе: музыкальные инструменты (духовые многотрубчатые органы) размѣщены въ уступахъ передняго зала; роль епарха столицы [4] долженъ былъ играть одинъ евнухъ,—я не скажу его имени, но замѣчу только, что это былъ чрезвычайно богатый человѣкъ, одинъ изъ самыхъ высшихъ сановниковъ по занимаемымъ имъ должностямъ, состоявшій въ числѣ сенаторовъ. Приспособивъ къ себѣ извѣстнаго рода дѣлаемую изъ гибкихъ

---

(1) По близости къ большому дворцу, въ первой части города, находился большой театръ. Du Cange lib. 2, pag. 87 et 88.

(2) Мѣсто, гдѣ происходили бѣга. Стадіонъ находился въ четвертой части города. Ibid. pag. 89.

(3) Обыкновенное мѣстопребываніе этого государя.

(4) То есть, въ настоящемъ случаѣ, роль главнаго распорядителя общенародныхъ увеселеній.

вѣтвей плетушку (которую обыкновенно зовутъ деревяннымъ осломъ), покрытую толстою, злато-тканною, расписанною по всей поверхности изображеніемъ животнаго, матеріею, мнимый епархъ въѣхалъ на ней въ импровизированный театръ; такъ что въ одно и тоже время представлялъ собою великолѣпнаго всадника и покорнаго его волѣ, со ржаніемъ подвигавшагося впередъ, коня. Вскорѣ послѣ того, подобно древнимъ драматическимъ актерамъ, онъ оставилъ роль пріѣхавшаго на конѣ епарха и взялъ на себя другую, именно—роль герольда [1], обязаннаго подавать сигналъ на бѣгахъ. Молодые люди, взявшіе на себя роли дѣйствующихъ лицъ въ этомъ гимнастическомъ состязаніи, были также не изъ простаго народа и не какіе нибудь лавочники, но принадлежали къ юному поколѣнію самыхъ знатныхъ фамилій; равнымъ образомъ зрителями ихъ сценическихъ и потѣшныхъ игръ были только царь, царица, нѣсколько особъ знатнѣйшихъ фамилій и высшіе сановники государства, всѣмъ же другимъ входъ былъ рѣшительно закрытъ. Когда пришло время состязателямъ на гимнастической аренѣ начинать бѣгъ: игравшій роль герольда евнухъ, занявъ средину арены, съ обнаженными по локти руками и кругловидною серебряною покрышкою на головѣ, три раза повторилъ вызовъ

---

[1] Собственно—*μαπταρίου*, или *μαππαρίου*, т. е. по производству слова, роль лица, которое обязано было въ стадіонѣ подавать знакъ къ началу бѣга, бросая круглый *мячикъ*, *μάπαν στρογγύλην*.

юношамъ къ состязанію въ бѣгѣ; между тѣмъ въ тоже время одинъ благородный молодой человѣкъ, облеченный высокимъ саномъ, стоя задомъ къ нему, всякій разъ, какъ онъ садился, давая этимъ сигналъ къ началу бѣга, громко ударялъ себя подошвою своей ноги по сидѣнью—такъ, чтобы ударъ могъ быть слышенъ.

Но еще не совсѣмъ кончились эти юношескія потѣхи, какъ доставленное ими удовольствіе омрачилось печальною новостію. Это было извѣстіе объ отпаденіи Иванки въ Филиппополѣ. Выше мы сказали, что онъ, вмѣстѣ съ даннымъ ему новымъ именемъ Алексѣя, въ качествѣ царскаго зятя по внукѣ, получивъ у царя силу болѣе, чѣмъ какую слѣдовало ему давать, наконецъ сдѣланъ былъ главою и начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ филиппопольской епархіи для дѣйствованія противъ соплеменныхъ ему валаховъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ скоро сталъ полнымъ господиномъ всей области и совершенно подчинилъ ея управленіе своимъ видамъ, какъ человѣкъ хитрый и ловкій въ исполненіи зародившихся въ душѣ плановъ и намѣреній. Такъ онъ постоянно обучалъ, преданныхъ ему, своихъ соплеменниковъ военному дѣлу, привлекая ихъ къ себѣ щедрыми наградами и снабжая оружіемъ,—воздвигалъ въ пограничныхъ съ горою Эмомъ мѣстахъ такія сильныя укрѣпленія, что сдѣлалъ ихъ почти совершенно неприступными. Получая объ этомъ свѣдѣнія, царь все это одобрялъ, хвалилъ Алексѣя, осыпалъ его частыми и чрезвычайно боль-

шими наградами, охотно выслушивалъ его совѣты и съ удовольствіемъ исполнялъ его желанія. Правда, приближенныя къ государю лица, разбирая всѣ дѣйствія этого человѣка, хотя находили ихъ похвальными и прекрасными, тѣмъ не менѣе сомнѣвались, чтобы онъ приводилъ ихъ въ исполненіе въ видахъ, благопріятствующихъ римскому правительству, и поэтому неоднократно убѣждали императора отрѣшить Алексѣя отъ должности. «Едва ли,» говорили они, «иностранецъ, еще такъ недавно питавшій непримиримую вражду къ римлянамъ, могъ мгновенно до такой степени перемѣниться, чтобы по искренней дружбѣ къ нимъ сталъ строить для нихъ въ опасныхъ мѣстахъ крѣпости и укрѣпленные городки, увеличивать численность отрядовъ, сформированныхъ изъ его соплеменниковъ, и уменьшать составъ римскаго войска, а въ иныхъ случаяхъ даже совсѣмъ обходиться безъ его пособія подъ предлогомъ его склонности къ неповиновенію требованіямъ дисциплины! По всей вѣроятности, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ, напротивъ, питаетъ въ душѣ замыселъ достигнуть тиранничеcкой независимости въ обладаніи страною; потому что, хотя иные люди не любятъ высказывать своихъ мыслей и подчасъ крѣпко держатъ языкъ за зубами, при всемъ томъ дѣйствія ихъ большею частію яснѣе всякихъ словъ обнаруживаютъ то, что затаено у нихъ на умѣ». Но всѣ подобнаго рода добрыя внушенія были говорены глухому. Считая (предположенный) бракъ Алексѣя съ своею внукою Ѳеодорою самымъ

несомнѣннымъ ручательствомъ, царь ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить сомнѣнія въ его вѣрности и безкорыстіи, какъ будто, говорю, какая нибудь злая сила, постоянно влекшая римское государство къ паденію, очаровала нашего вѣнценосца въ настоящемъ случаѣ. Поэтому, когда вскорѣ за тѣмъ опасенія подтвердились самымъ дѣломъ; вѣсть объ этомъ поразила его, какъ громомъ, и, не зная, за что взяться въ столь неожиданно разразившемся бѣдствіи, тѣмъ болѣе, что наборъ войска былъ затруднителенъ, онъ на первыхъ порахъ послалъ къ бунтовщику одного изъ его прежнихъ близкихъ друзей, именно одного евнуха,—напомнить ему о заключенныхъ съ нимъ условіяхъ и о томъ, что съ самаго того времени, какъ передался онъ на сторону римлянъ, онъ ни разу не видѣлъ отъ царя никакой немилости, ничего, что было бы несообразно съ открытыми ему надеждами въ будущемъ, и всегда пользовался неизмѣннымъ царскимъ благоволеніемъ. Въ слѣдъ за евнухомъ двинулись молодые царскіе зятья со всею свитою придворныхъ сановниковъ, родственниковъ царскихъ, и со всѣми солдатами, сколько ихъ нашлось тогда во дворцѣ. Между тѣмъ негодный скопецъ, прибывши къ Алексѣю, не только ничего не сдѣлалъ для достиженія предположенной цѣли, но своимъ пріѣздомъ заставилъ его еще рѣшительнѣе взяться за начатое дѣло, безразсудно предупредивши на счетъ немедленнаго нападенія со стороны римлянъ и такимъ образомъ подавши ему мысль оставить равнины, бро-

ситься въ горы и тамъ искать спасенія себѣ и своей соплеменной мятежнической дружинѣ. Правда, царскіе зятья и протостраторъ Мануилъ Камицъ далеко преслѣдовали мятежника своими отрядами; общее взаимное соревнованіе одушевляло ихъ войска изумительною енергіею: но такъ какъ благопріятное время было уже потеряно и добыча ускользнула, то одушевленіе скоро исчезло. Хотя самые горячіе предлагали преслѣдовать Алексѣя далѣе и искать его среди самыхъ горъ; но болѣе благоразумные считали лучшимъ вмѣсто того, чтобы гоняться за орломъ по скаламъ и утесамъ, искать слѣдъ змѣи въ горныхъ ущельяхъ, или дразнить въ логовищѣ свирѣпаго вепря, неоднократно встрѣчавшаго грудью нападенія своихъ противниковъ, обойти укрѣпленія, которыя построилъ и соорудилъ Алексѣй, и привести ихъ къ покорности царю. Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ и было признано лучшимъ; поэтому римляне подступили теперь къ крѣпости, построенной Алексѣемъ при самой подошвѣ горы въ такъ называемомъ мѣстѣ Кричимскомъ. Послѣ весьма большихъ трудовъ и геройскихъ подвиговъ со стороны всего нашего войска, отряжено было нѣсколько отборныхъ солдатъ поставить лѣсницы къ крѣпостной стѣнѣ. Во главѣ отряда первымъ впереди всѣхъ двинулся храбрый Георгій Палеологъ. Наконецъ крѣпость была взята, а въ слѣдъ за нею сдались и нѣкоторыя другія укрѣпленія, частію съ бою, частію на капитуляцію. Съ своей стороны Алексѣй, человѣкъ

находчивый и неистощимо изобрѣтательный въ дѣлахъ воинскихъ, показалъ при этомъ въ настоящей борьбѣ съ римлянами также множество доказательствъ своей стратегической опытности. Наконецъ однимъ подобнаго рода весьма искуснымъ маневромъ ему удалось взять въ плѣнъ въ числѣ другихъ римлянъ самого протостратора. Именно, онъ выгналъ изъ горъ на равнину огромное стадо быковъ и поручилъ своимъ соплеменникамъ провожать его вмѣстѣ съ толпою плѣнныхъ римлянъ по направленію къ Эму, какъ будтобы въ видѣ добычи, слѣдующей на часть обладателя Загорья, Іоанна, или въ видѣ подарка ему за дружескій договоръ и союзъ, заключенный имъ съ Алексѣемъ противъ римскаго государства: между тѣмъ самъ сѣлъ въ засаду, надѣясь заманить римлянъ на эту приманку; потому что онъ зналъ жадность и страсть ихъ къ корысти,—зналъ также, что какъ скоро они увидятъ при этомъ еще близкихъ своему сердцу плѣнниковъ, положившихъ за нихъ душу, то увлекутся и не примутъ никакихъ мѣръ предосторожности для своего собственнаго обезопасенія. Дѣйствительно, какъ онъ разсчитывалъ, такъ точно въ скоромъ времени римляне и поступили. Едва только услышалъ протостраторъ о мнимой отправкѣ транспорта, немедленно выступилъ изъ Ватрахокастра, гдѣ стоялъ лагеремъ, и прибылъ въ Вактунье. Обольстившись видимостію и не догадавшись объ Алексѣевомъ замыслѣ, онъ приказалъ войску грабить все, что было на глазахъ, а самъ

въ родѣ посторонняго зрителя, разъѣзжая на невооруженномъ конѣ, любовался этою картиною. Тогда Алексѣй, нагрянувъ изъ засады, окружилъ протостратора со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ, накрывъ нашего полководца своимъ войскомъ, какъ будто неводомъ, или сѣтями, взялъ его въ плѣнъ. Эта ловкая выдумка и хитрость мятежника окончательно обезкуражила остальное римское войско и напротивъ одушевила новою бодростію мятежную сторону. Римляне уже не думали о побѣдѣ, или даже не осмѣливались болѣе стать лицомъ къ лицу съ Алексѣемъ и помѣряться съ нимъ силами; держась около Филиппополя, они желали только, чтобы Алексѣй, по крайней мѣрѣ, этотъ городъ оставилъ въ покоѣ. Съ своей стороны мятежникъ, прочно утвердивъ свою власть во всѣхъ замкахъ и крѣпостяхъ, лежащихъ на горныхъ возвышенностяхъ по смежности съ Эмомъ и почти неприступныхъ какъ по высотѣ своего положенія, такъ и по неудобности путей, ведущихъ къ нимъ, распространилъ свое вліяніе и на другія части области. Такъ онъ возмутилъ и отторгъ отъ римлянъ всю мѣстность отъ Мосинополя до самой Ксанѳіи и отъ горы Пангэя до Авдиръ [1]. За тѣмъ, склонивъ на свою сто-

---

[1] Горою Пангэй называлась западная часть южнаго хребта Балканскихъ горъ, изъ которой вытекаетъ рѣка Стримонъ. Авдиры, или по латинскому произношенію Абдеры,—городъ, лежавшій на берегу Эгейскаго моря, то есть Архипелага, противъ острова Тазоса, на востокъ отъ рѣки Неста.

рону округъ смолянъ [1], онъ опустошилъ всѣ сопредѣльныя съ нимъ мѣста подобно моровой язвѣ: римлянъ бралъ въ плѣнъ и предавалъ смерти, или иногда отпускалъ, взявши выкупъ, а своихъ соплеменниковъ, которые передавались ему добровольно, оставлялъ въ покоѣ на ихъ мѣстахъ. Постоянно распространяя такимъ образомъ болѣе и болѣе свое вліяніе, Алексѣй сдѣлался гораздо опаснѣе всѣхъ прежнихъ мятежниковъ и дошелъ до такой лютости (которую варвары большею частію считаютъ мужествомъ), что за своими пирами рѣзалъ на куски взятыхъ на войнѣ въ плѣнъ римлянъ. Между тѣмъ царь, какъ оказалось изъ его распоряженій, счелъ плѣнъ протостратора выгодной, счастливой и прекрасной находкой для себя. Онъ немедленно присвоилъ себѣ его непомѣрное и истинно царственное имущество, розыскавъ и отобравъ въ свою пользу все до послѣдней мелочи, жену же его и сына по неизвѣстной причинѣ осудилъ на заключеніе въ темницу и подъ исходъ весны двинулся наконецъ самъ въ походъ, отправившись въ Кипселлы—3.—въ то самое время, когда обратило на себя общее вниманіе новое ученіе о святыхъ и божественныхъ тайнахъ. Ученіе это произвело тогда между христіанами раздѣленіе на противныя партіи; такъ что и на улицахъ и на площадяхъ всякій по своему толко-

---

(1) *Варіантъ*: Равнымъ образомъ ему покорился и подчинился округъ смолянъ, а также—вся мѣстность по рѣкѣ Панаксу.

валъ о предметѣ, долженствовавшемъ возбуждать благоговѣйное молчаніе.

Послѣ Георгія Ксифилина, который управлялъ церковію семь лѣтъ, вступилъ на патріаршій престолъ Іоаннъ Каматиръ. Новый патріархъ сознавалъ свой долгъ исторгнуть съ корнемъ упомянутое новое ученіе, родившееся и созрѣвшее во дни Ксифилина, предать анаѳемѣ виновника его лжемонаха Сикидита, какъ ересіарха, вводящаго новые догматы, и положить конецъ превратнымъ толкамъ, такъ чтобы по его примѣру каждый опять смотрѣлъ на таинство, какъ на таинство. Прибѣгая для достиженія предположенной цѣли къ пособію логическихъ выводовъ и доказательствъ, онъ направлялъ ихъ поэтому къ возбужденію въ противникѣ того убѣжденія, что предметъ поднятаго вопроса по своей вышеестественности устраняетъ всѣ искусственныя и хитросплетенныя соображенія. Точно также въ своихъ катехизическихъ поученіяхъ, предвозвѣщавшихъ наступленіе узаконенныхъ дней поста и имѣвшихъ цѣлію возбудить подвижниковъ духовной борьбы къ предстоявшему подвигу, коснувшись отчасти новаго догматическаго вопроса, онъ прошелъ молчаніемъ, какъ этотъ вопросъ былъ поднятъ, какъ онъ самъ его рѣшаетъ и что говорятъ противники,—конечно, чтобы такимъ образомъ отнять у нихъ всякій поводъ къ спору,—и, разбирая поднятый вопросъ, указывалъ на ту особенность въ немъ, что его предмета они не могли ни понять всецѣло, ни даже обнять ког-

да либо своимъ умомъ. Вопросъ состоялъ именно въ слѣдующемъ: «святое тѣло Христово, котораго мы пріобщаемся, такъ ли нетлѣнно, какимъ оно стало послѣ страданій и воскресенія, или тлѣнно, какимъ оно было до страданій?» Одни утверждали, что оно нетлѣнно, такъ какъ пріобщеніе божественныхъ таинъ, по словамъ великаго въ богословіи Кирилла, есть нѣкотораго рода исповѣданіе и воспоминаніе того, что Господь ради насъ умеръ и воскресъ,—такъ какъ каждый изъ насъ, принимая частицу, пріемлетъ всецѣлаго Христа, осязаннаго Ѳомою, и наконецъ — такъ какъ оно снѣдается послѣ воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ говоритъ касательно этого: «О чудо! Возсѣдающій одесную Отца пріемлется нашими грѣшными руками»; или еще: «Онъ разцвѣлъ въ законѣ, возросъ въ пророкахъ, созрѣлъ на крестѣ, снѣдается по воскресеніи!»—Притомъ же снѣдается не иное какое либо тѣло, но именно то самое, которое одержало побѣду надъ смертію и стало предначаткомъ нашей жизни. Подобно тому, какъ небольшое количество закваски, по словамъ Апостола, проникаетъ и уподобляетъ себѣ все тѣсто; такъ и безсмертное тѣло Господа, бывъ воспринимаемо нашимъ тѣломъ, передѣлываетъ и измѣняетъ его на подобіе себѣ. Въ подтвержденіе изложенныхъ мыслей иные указывали также на слѣдующее мѣсто изъ твореній свѣтильника церкви, Евтихія: «Итакъ пріобщающійся, принимая часть даровъ, принимаетъ всецѣло все святое тѣло и

всю честную кровь Господа; ибо (тѣло Христово) въ таинствѣ пріобщенія раздѣляется всѣмъ нераздѣлимо, подобно тому, какъ какая нибудь печать, оставивши на разныхъ предметахъ множество оттисковъ и отпечатковъ своей формы, остается по отпечатаніи ихъ одна и таже, не уменьшаясь и не измѣняясь отъ числа оттисковъ, сколько бы ихъ ни было, или какъ звукъ голоса, бывъ произнесенъ кѣмъ нибудь и разлившись въ воздухѣ, всецѣло весь остается въ устахъ того, кто его произнесъ, и въ тоже время, по мѣрѣ своего разлитія въ воздухѣ, всецѣло весь достигаетъ слуха разныхъ лицъ, такъ что никто изъ слушателей не воспринимаетъ его болѣе или менѣе въ извѣстной части, но всѣ одинаково усвояютъ въ совершенно полной и нераздѣльной цѣлости, сколько бы тысячъ или десятковъ тысячъ ихъ ни было, хотя онъ также есть тѣло, потому что звукъ есть ни что иное, какъ сотрясающійся воздухъ. Равнымъ образомъ никто не долженъ допускать сомнѣнія, чтобы нетлѣнная по совершеніи таинственнаго священнодѣйствія и послѣ святаго воскресенія, безсмертная, святая и животворящая кровь Господня, содержащаяся въ наружно представляющихъ ее веществахъ (τοῖς ἀντιτύποις), въ слѣдствіе многократныхъ совершеній таинственнаго священнодѣйствія могла утрачивать полноту своихъ силъ, а не пребывала, еще дѣйствительнѣе, чѣмъ это могутъ выразить вышеприведенныя уподобленія, одинаково всецѣлою во всѣхъ». Но между тѣмъ какъ одни, представляя изложен-

ныя доказательства, приводили также много другихъ свидѣтельствъ Церкви (въ подтвержденіе своего мнѣнія), принадлежащіе къ другой партіи утверждали, что таинство евхаристіи не есть исповѣданіе воскресенія, а есть только жертвоприношеніе, что, слѣдовательно, (тѣло Христово въ таинствѣ) тлѣнно, безжизненно и бездушно, и приступающій къ пріобщенію пріемлетъ не всего Христа, но только часть Его, так какъ части только и пріобщается. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждали они, еслибы оно было нетлѣнно, жизненно и одушевленно: то вмѣстѣ съ этимъ оно было бы неосязаемо и невидимо,—его невозможно было бы тогда разкусывать и разжевывать зубами, и при подобномъ раздробленіи его на части не чувствовалось бы никакого усилія, или напряженія; потому что, говорили они, какбы отвергая такимъ образомъ воскресеніе тѣлъ (знали ли только, что говорили!), и мы по воскресеніи отнюдь не будемъ подлежать осязанію, зрѣнію, или какой нибудь опредѣленной человѣкообразной формѣ, но будемъ носиться подобно безтѣлеснымъ тѣнямъ. Въ связи съ этою послѣднею мыслію они настаивали, что вшествіе Господа къ ученикамъ, когда двери (горницы, въ которой собрались ученики) были заперты (1), было не чудомъ, но естественнымъ и свойственнымъ всякому, воскресшему изъ мертвыхъ, вшествіемъ (2). Само собою очевид-

(1) Іоанн. XX, 19.

(2) Здѣсь, вѣроятно, надобно помѣстить слѣдующаго рода варіантъ, или добавленіе рѣчи, по другому кодексу, котораго варіанты не одно-

но, однако, что въ дѣйствительности для нхъ мнѣнія нельзя найти ни малѣйшаго основанія въ словѣ Божіемъ и оно представляетъ собою не болѣе, какъ дерзкое и бездоказательное поруганіе надъ образомъ мыслей тѣхъ, которые, вѣруя, что человѣкъ Божій чрезъ единеніе и общеніе (со Христомъ въ таинствѣ причащенія) сподобляется нетлѣнія и начатковъ божественной жизни, согласно съ этимъ признаютъ нетлѣннымъ и то, чего онъ пріобщается.

4. Итакъ императоръ, заявивши свой голосъ въ поднятомъ богословскомъ вопросѣ въ пользу болѣе справедливаго мнѣнія, прибылъ, какъ я сказалъ, въ Кипселлы и, принявъ подъ свое начальство собравшіяся тамъ войска, отступилъ въ Орестіаду [1]. Здѣсь онъ провелъ довольно много времени въ нерѣшимости, не зная, за что взяться. Непріятель былъ силенъ и страшенъ;

кратно были приводимы нами прежде: «И все это они дерзали утверждать, когда самъ Совершитель таинства говоритъ: *какъ послалъ Меня живый Отецъ, и Я живу Отцемъ; такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною* (Іоанн. 6, 57), — какъ будто бы рѣшившись намѣренно, съ какою нибудь злою мыслію или цѣлію, не знать и не понимать всѣхъ подобнаго рода мѣстъ священнаго писанія. Въ самомъ дѣлѣ, если крещеніе, какъ подобіе смерти со Христомъ, заключаетъ въ себѣ не только погруженіе, или погребеніе, но и возникновеніе, или воскресеніе,—*елицы бо во Христа крестихомся, во Христа облекохомся... и въ смерть Его крестихомся*; то, конечно, это же (двойственное) дѣйствіе (жертвенной смерти и воскресенія, а не одной только смерти) совмѣщается и въ таинствѣ причащенія по силѣ молитвы къ Богу, призыванія и наитія благодати свыше. При всемъ томъ, говорю, они осмѣливались кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ неразумно подкрѣплять свое мнѣніе и другими хитросплетенными соображеніями; но всѣ эти соображенія, какъ пустыя и безполезныя, мы опускаемъ».

[1] *Варіантъ:* въ Адріанополь.

а его собственное войско, напротивъ, трепетало при одной мысли о встрѣчѣ съ врагомъ. Многимъ казалось уже, что прибытіемъ къ войску царь только уронилъ свое имя, что онъ не только не принесъ никакой пользы дѣлу, но своимъ отступленіемъ внушилъ варвару еще болѣе дерзкой самоувѣренности. Время показало, однако, что царь употреблялъ между тѣмъ всѣ усилія какъ нибудь выскользнуть и вывернуться изъ своихъ тѣсныхъ и безвыходныхъ обстоятельствъ. Онъ послалъ къ Алексѣю самыхъ приближеннѣйшихъ къ себѣ людей съ предложеніемъ мирныхъ условій; съ другой стороны замышлялъ планъ коварнаго умерщвленія его; а въ тоже время не отказывался совсѣмъ и отъ войны. Такъ именно, двинувшись съ войскомъ и вступивъ въ Филиппопольскую епархію, онъ сталъ лагеремъ подъ крѣпостью Стенимахомъ, въ которую стеклось, съ надеждою найти убѣжище, множество варваровъ,—окружилъ ее со всѣхъ сторонъ войсками, взялъ силою и обратилъ въ рабство всѣхъ, кто въ ней былъ. Между тѣмъ мятежникъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался лично явиться къ царю и даже слышать не хотѣлъ о мирныхъ переговорахъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы императоръ письменнымъ актомъ уступилъ ему всѣ, покоренныя имъ, области и города и съ царскими почестями прислалъ къ нему обрученную его невѣсту Ѳеодору. Когда наконецъ мирныя условія, какихъ требовалъ Алексѣй, были приняты, утверждены и подтверждены съ

обѣихъ сторонъ клятвами; императоръ въ заключеніе дозволилъ себѣ поступокъ, по моему мнѣнію, едва ли сообразный съ достоинствомъ военачальниковъ и царей, которымъ болѣе всѣхъ и прежде всего другаго для собственной выгоды необходимо уважать святость клятвъ. Послѣ клятвеннаго, какъ я сказалъ, подтвержденія съ обѣихъ сторонъ мирныхъ условій, онъ упросилъ прибыть къ себѣ Алексѣя чрезъ старшаго (1) зятя своего, Алексѣя же, котораго посылалъ къ нему съ божественнымъ евангеліемъ въ поручительство святости своихъ обѣщаній, и, такимъ образомъ заманивъ его къ себѣ, приказалъ связать его и заключить въ оковы, въ превратномъ смыслѣ приводя въ свое оправданіе извѣстное мѣсто изъ псалмовъ Давидовыхъ: *съ преподобнымъ преподобенъ будеши и со строптивымъ развратишися.* За тѣмъ онъ безъ труда возвратилъ подъ свою власть всѣ города и крѣпости, которыми владѣлъ Алексѣй, заставилъ брата его Митю бѣжать въ изгнаніе и по совершеніи всего этого возвратился въ Византію.

Здѣсь онъ нашелъ, что супруга его Евфросинія сидѣла дома также не безъ дѣла; по муже-

---

(1) *Варіантъ:* «Послѣ клятвеннаго подтвержденія мирныхъ условій царь послалъ къ Иванкѣ одного своего священника съ святымъ и божественнымъ евангеліемъ — пригласить его къ себѣ какъ будто за тѣмъ, чтобы благословить къ выходу въ замужство за него свою внуку, и, когда Иванко прибылъ, задержалъ его и заключилъ подъ стражу».—Варіантъ основанъ на совершенно неумѣстной замѣнѣ слова: *πρεσβυτέρῳ* словомъ: *ἱερέως*. За тѣмъ ясный смыслъ другихъ словъ подлинника въ немъ, очевидно, извращенъ произвольнымъ перетолкованіемъ.

ственно выдержала въ его отсутствіе борьбу съ бунтовщиками и народными возмутителями, распутавъ, какъ Пенелопа—свою ткань, замыслы, хитросплетенные однимъ изъ Контостефановъ. Все это было бы прекрасно и тѣмъ болѣе заслуживало бы удивленія, что было дѣломъ слабой женской руки, еслибы ея свобода знала мѣру и не выступала изъ границъ. Къ сожалѣнію, безпредѣльная необузданность и безудержность государыни портила и затмѣвала даже то, что въ ея жизни, по видимому, совершенно согласовалось съ требованіями долга и благоприличія, омрачая ея свѣтлую сторону возмутительными выходками, какъ солнце облаками. Увлекаясь страстію проникнуть въ будущее, она вдавалась въ разныя постыдныя гаданья и прорицанья и вообще дозволяла себѣ множество непристойныхъ вещей. Такъ она отрубила носъ «калидонскому вепрю», мѣдной статуѣ въ ипподромѣ (1), представлявшей звѣря съ поднятою щетиною и оскаленными клыками бросающимся на льва; жестоко высѣкла по спинѣ знаменитаго «Геркулеса», дивное произведеніе Лизимаха (2), представлявшее героя лежащимъ на разостланной львиной кожѣ, оперпись головою на руку, и оплакивающимъ свою судьбу. Увы, бѣдный Геркулесъ, какому безчестію, какому позору публично подвергся ты, отважный и неустрашимый герой! Могъ ли когда нибудь Ев-

(1) О статуяхъ въ ипподромѣ см. *Дюканжа* Const. Christ. lib. 2, pag. 87.

(2) *Варіантъ:* «прекраснѣйшее произведеніе *Лизиппа*».

рисоей предложить тебѣ подобное испытаніе? Въ состояніи ли была Омфала, эта опытная прелестница и хитрая бабенка, поступить съ тобою такъ презрительно? Но безстыдныя выходки государыни простирались еще далѣе. Инымъ статуямъ, изображавшимъ мужчинъ, она поотбила половые органы; другія обезглавила ударами молота по головѣ. За то въ какихъ непристойныхъ выраженіяхъ не отзывались о ней въ городѣ и какою поносною бранью не ругалъ ее народъ за такія дѣянія? Нѣкоторые лавочники выучили даже способныхъ подражать человѣческому голосу пѣвчихъ птицъ, постоянно повторяя при нихъ одно и тоже самое общеупотребительное въ то время выраженіе ([1]), распѣвать по улицамъ и перекресткамъ слова: «справедливости, граждане»!—Не обращая вниманія на всѣ подобные толки, государыня въ мужскомъ нарядѣ, съ ловчей птицею въ рукѣ, въ сопровожденіи свиты охотниковъ и ловчихъ отправлялась на охоту и предавалась всѣмъ наслажденіямъ натравливанья, подуськиванья и разныхъ охотничьихъ криковъ.

Около этого времени представлялся императору сатрапъ Иконіи Кайхозрой; онъ былъ въ остроконечномъ персидскомъ тюрбанѣ на головѣ и въ одеждѣ, усѣянной по ткани множествомъ разныхъ золотыхъ цвѣтовъ. Желая сказать нѣсколько словъ о родѣ этого персіянина, я сдѣ-

---

([1]) *Варіантъ:* «Нѣкоторые лавочники, держа при своихъ лавкахъ въ клѣткахъ птицъ способныхъ говорить почеловѣчески, выучили ихъ произносить слова: «справедливости, граждане»!

лаю теперь небольшое отступленіе; но за тѣмъ снова немедленно ворочусь къ порядку моего разсказа. У Кличь-Асѳлана султана иконійскаго, который въ прежнія времена былъ очень силенъ, нѣсколько разъ воевалъ съ царемъ Мануиломъ и неоднократно увѣнчивался лаврами побѣдъ, было много сыновей. Онъ оставилъ Амасію, Анкиру, Дорилей и другіе богатые понтійскіе города въ удѣлъ Масуту; Мелитина, Кесарія и съ нею Колонія, что нынѣ называется Таксары, достались Коппатину; Аминсъ, Докію и другіе приморскіе города получилъ во власть Рукратинъ; наконецъ Кайхозрой, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, княжилъ въ Иконіи, владѣя Ликаоніею, Памфиліею и всей той стороною до самаго Катіаія. По смерти Коппатина изъ за его сатрапіи начался споръ между Рукратиномъ, владѣтелемъ Докіи, и Масутомъ, правителемъ Анкиры. Одинъ изъ нихъ, именно Рукратинъ, будучи болѣе даровитъ отъ природы и болѣе опытенъ въ военномъ дѣлѣ, пересилилъ соперничавшаго съ собою брата и одержалъ надъ нимъ верхъ. Сдѣлавшись въ слѣдствіе этой побѣды еще сильнѣе, Рукратинъ отнялъ, однако, у Масута, который между тѣмъ изъявилъ покорность и обратился къ его родственнымъ чувствамъ, только часть его собственной области, предоставивъ ему по прежнему владѣть остальною частью удѣла. Но за то онъ воспылалъ неукротимою злобой противъ Кайхозроя, давно уже питая страсть овладѣть Иконіею, какъ отцовскимъ престоломъ, и вообще ненавидя его, какъ христіанина по ма-

тери. Съ этою цѣлью онъ послалъ къ нему пословъ съ требованіемъ, чтобы Кайхозрой уступилъ ему Иконію и отказался отъ всей своей области, если только желаетъ добра себѣ и не хочетъ напрасно подвергать свои города съ ихъ жителями и народонаселеніемъ всѣмъ ужасамъ войны: такъ напыщенъ и обуянъ былъ гордостію этотъ варваръ, заносясь выше облаковъ и, какъ тлетворный ядъ, далеко распространяя и разливая вокругъ себя свое губительное вліяніе! Въ такихъ обстоятельствахъ Кайхозрой, пользуясь перемиріемъ, явился къ императору, подражая въ этомъ отношеніи примѣру своего родителя, который также во время взаимныхъ распрей съ своими родственниками, по смерти отца своего Масута, прибѣгалъ къ покровительству царя Мануила, какъ къ несокрушимому якорю и спасительному пристанищу. Но между тѣмъ какъ Кличь-Асѳланъ не только не обманулся въ своихъ надеждахъ, но получилъ такое великолѣпное пособіе, какого даже не ожидалъ; Кайхозрой встрѣтилъ самое слабое сочувствіе, въ высшей степени не удовлетворившее его ожиданій, и возвратился домой, не получивши никакой помощи для борьбы съ братомъ. Еще не успѣлъ онъ вступить собственно въ Иконію, какъ Рукратинъ напалъ па него, выгналъ его изъ его владѣній и принудилъ бѣжать въ Арменію къ Левуну ([1]). Этотъ человѣкъ принялъ

([1]) *Левунъ*, Леонъ, или Левъ II, былъ владѣтель армянскаго царства въ Киликіи. Въ слѣдствіе своихъ сношеній съ папою Целестиномъ III

Кайхозроя съ почетомъ, любезно и даже дружески, хотя имъ часто случалось вести между собою войну; потому что естественное чувство внушаетъ людямъ состраданіе не только къ родственникамъ и единоплеменникамъ, когда они въ несчастіи, но и къ чужестранцамъ, неизвѣстнымъ и часто даже къ врагамъ, когда они прибѣгаютъ къ защитѣ и умоляютъ о человѣколюбіи. Однако, когда онъ сталъ просить о дѣятельномъ участіи въ своей судьбѣ и возвращеніи себя на свой прежній престолъ, Левунъ рѣшительно отказался, говоря, что связанъ союзомъ съ Рукратиномъ и не видитъ возможности подать ему помощь безъ кровопролитія. Въ слѣдствіе этого Кайхозрой опять отправился къ царю, надѣясь при его помощи какъ нибудь возвратить свою власть; но и опять ошибся въ разсчетѣ и жилъ теперь между римлянами, далеко не пользуясь тѣмъ почетомъ, который соотвѣтствовалъ бы знатности его происхожденія.

5. Въ слѣдующій годъ валахи вмѣстѣ со команами опять произвели нашествіе на римскія владѣнія и, опустошивъ самыя лучшія области, возвратились обратно, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія. Можетъ быть, они подступили бы даже къ землянымъ воротамъ Константинополя и устремились противъ самой столицы, еслибы христіаннѣйшій народъ русскій и стоящіе

и императоромъ Генрихомъ VI онъ получилъ королевскій вѣнецъ, который былъ присланъ ему папою съ кардиналомъ Конрадомъ, архіепископомъ Маинцкимъ. Коронація торжественно совершена была кардиналомъ въ Тарсѣ, 6-го января 1198 года.

во главѣ его князья, частію по собственному побужденію, частію уступая мольбамъ своего архипастыря, не показали въ высшей степени замѣчательной и искренней готовности помочь римлянамъ, принявъ участіе въ нихъ, какъ народѣ христіанскомъ, каждый годъ нѣсколько разъ подвергающемся нашествію варваровъ, плѣненію и продажѣ въ рабство народамъ нехристіанскимъ. Именно Романъ, князь галицкій, быстро приготовившись, собралъ храбрую и многочисленную дружину, напалъ на команъ и, безостановочно прошедши ихъ землю, разграбилъ и опустошилъ ее. Повторивъ нѣсколько разъ такое нападеніе во славу и величіе святой христіанской вѣры, которой самая малѣйшая частица, каково, напримѣръ, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, онъ остановилъ набѣги команъ и прекратилъ тѣ ужасныя бѣдствія, которыя терпѣли отъ нихъ римляне, подавши такимъ образомъ единовѣрному народу неожиданную помощь, непредвидѣнное заступленіе и, такъ сказать, самимъ Богомъ ниспосланную защиту. Сверхъ того загорѣлись тогда распри между самими этими тавроскиѳами; именно, этотъ же самый Романъ и правитель Кіева Рюрикъ обагрили мечи въ крови своихъ единоплеменниковъ. Изъ нихъ Романъ, какъ болѣе крѣпкій силою и болѣе славный искусствомъ, одержалъ побѣду, при чемъ также истребилъ множество команъ, которые помогали въ борьбѣ Рюрику, составляя сильнѣйшую и могущественнѣйшую часть его войска.

Не лишено историческаго интереса и слѣдующее произшествіе. Былъ одинъ банкиръ [1], по прозванію Каломодій. Много разъ предпринимавши трудныя и далекія путешествія по торговымъ дѣламъ, онъ накопилъ своею оборотливостію огромныя деньги. При всемъ томъ это былъ скряга, готовый умереть на своихъ мѣшкахъ, для котораго не было ничего выше барыша. Часто возбуждалъ онъ своимъ непомѣрнымъ богатствомъ разныя покушенія противъ себя со стороны корыстолюбивыхъ правительственныхъ особъ; не смотря на то постоянно богатѣлъ и разростался, какъ Алкиноевъ садъ, или золотая весна, прибавляя и приращая—не грушу къ грушѣ и фигу къ фигѣ, но золото къ золоту и серебро къ серебру. Однимъ словомъ, это было настоящее древо познанія добра и зла, процвѣтавшее среди рынка и торговыхъ площадей города, какъ нѣкогда среди Эдема. И какъ тогда красивый видъ плодовъ заповѣднаго дерева плѣнилъ нашихъ прародителей; такъ и теперь золотистый ихъ блескъ соблазнилъ царскихъ казначеевъ на попытку обобрать его начисто. Но едва только они наложили руки на Каломодія, какъ это произвело ужасное смятеніе во всемъ городѣ, и такимъ образомъ, можно сказать, они потерпѣли еще большую неудачу, чѣмъ прародители. Тѣ, по крайней мѣрѣ, успѣли сорвать и вкусить плодъ, не ограничившись грѣшнымъ наслажденіемъ одного только

---

[1] *Варіантъ:* купецъ.

его созерцанія, и уже послѣ того подверглись праведному наказанію: а этимъ не удалось даже взглянуть въ своихъ рукахъ на деньги, и они, напрасно обнаруживъ свою алчность, испытали участь Тантала. Источникъ былъ подлѣ; но напиться изъ него не было возможности, и какъ они ни порывались зачерпнуть, золото рѣшительно утекло изъ ихъ рукъ. Всѣ лавочники, услышавъ съ вечера объ арестѣ Каломодія и зная его настоящую причину, по утру собрались толпою, бросились въ храмъ Божій, окружили патріарха (это былъ Іоаннъ Каматиръ) и почти грозили разорвать его и выбросить за окно внизъ головою, если онъ, немедленно отправивъ къ царю посланіе, не возвратитъ имъ при помощи этой духовной свирѣли Каломодія, какъ унесенную и погибшую овцу. Съ трудомъ успокоивъ народное движеніе своимъ краснорѣчіемъ и живымъ сочувствіемъ его цѣли, патріархъ дѣйствительно возвратилъ имъ Каломодія, какъ *овча обрѣтенное*, и притомъ такъ, что похитившіе его волчепята не успѣли ни содрать съ него золотой шкурки, ни даже остричь серебряную шерстку.

Такимъ образомъ это волненіе обошлось безъ крови и изъ трагическаго и печальнаго по началу превратилось въ комическое и забавное. Но спустя нѣсколько времени возникло другое бѣдствіе, которое дошло и до пролитія крови. Нѣкто Іоаннъ, по прозванію Лагосъ, получивъ отъ царя подъ свое начальство преторіанскую

тюрьму [1], вздумалъ извлекать отсюда для себя и для прикосновенныхъ дѣлу лицъ деньги,— идея до такой степени гадкая, что я, по долгу историка, не въ состояніи найти для нея болѣе приличнаго эпитета! Не довольствуясь обращеніемъ въ свою пользу подаяній, приносимыхъ людьми благочестивыми узникамъ на поминъ души, онъ по ночамъ выпускалъ изъ тюрьмы и изъ заключенія самыхъ отъявленныхъ воровъ, и они, произведши по домамъ секретные поиски, приносили ему добычу. За тѣмъ часть награбленнаго онъ раздѣлялъ между ворами въ награду за ихъ нечестивые подвиги, а прочее присоединялъ, куда не слѣдовало, съ виду разыгрывая, при всей дерзости своего беззаконія предъ Богомъ, роль вѣрнаго исполнителя службы. Многіе уже доносили царю о преступныхъ дѣйствіяхъ этого Лагоса; но онъ, обѣщая исправить зло, постоянно откладывалъ свое рѣшеніе, какъ будто его непреодолимо что нибудь удерживало. Поэтому Лагосъ нисколько не трусилъ за свои продѣлки и даже совершенно открыто продолжалъ по прежнему злодѣйствовать, какъ будто отправляя самую невинную должность. Разъ онъ взялъ подъ арестъ одного ремесленника, далъ ему хорошее число палокъ въ спину и присудилъ обрить ему голову. Это произвело мятежъ между болѣе горячими горожанами и

---

[1] Преторъ города Константинополя имѣлъ обязанности, соотвѣтствующія нынѣшней должности оберъ-полиціймейстера. Управленіе его называлось преторіею (полиціею); а находящаяся при немъ тюрьма преторіанскою.

особенно между товарищами по ремеслу съ пострадавшимъ. Смятеніе обняло весь городъ, и значительная толпа ремесленниковъ бросилась въ преторію съ намѣреніемъ поймать Лагоса; но онъ убѣжалъ быстрѣе зайца и исчезъ оттуда. Въ тоже время новыя толпы народа устремились въ великую церковь съ цѣлію провозгласить другаго царя. Оказалось впрочемъ, что храмъ уже былъ занятъ отряженными для его охраненія сѣкироносцами. Между тѣмъ, не оставляя преторіи, народъ осыпалъ государя разнаго рода неприличными шутками.—Царь, котораго въ это время не было въ городѣ и который находился тогда въ Хрисополѣ (1), послалъ отрядъ лейбгвардіи занять преторію. Но едва только появился съ этимъ отрядомъ епархъ (2) столицы Константинъ Торникъ, какъ чернь, раздраженная однимъ видомъ епарха, встрѣтила его камнями, разсѣяла весь отрядъ лейбгвардейцевъ, потомъ выломала ворота преторіи, выпустила на волю всѣхъ заключенныхъ, разграбила устроенный тамъ христіанскій храмъ и до основанія разрушила сарацинскую молельню. Сдѣлавъ все это безъ всякаго смысла, мятежники подступили къ такъ называемой мѣдной (3) тюрьмѣ съ цѣлію и тамъ распорядиться

---

(1) Древнее названіе нынѣшняго Скутари, константинопольскаго предмѣстья, находящагося на азіятской сторонѣ пролива.

(2) Генералъ-губернаторъ.

(3) Объ этой тюрьмѣ и о причинѣ названія ея мѣдною авторъ говорилъ выше,—см. Царствов. Исаака Ангела, кн. 3, § 6, по нашему переводу томъ 2, стран. 121.

подобнымъ же образомъ. Однако, когда одинъ изъ зятьевъ царя (то былъ Алексѣй Палеологъ) привелъ съ собою царское войско, волненіе начало утихать, хотя отнюдь не прекратилось совершенно. Нисколько не вооруженные, съ одними кулаками, и только въ послѣдствіи отчасти вооружившись кое-какъ, мятежники напали на царскія войска, всѣ закованныя въ латы, обрекая себя на смерть безъ всякой цѣли и безъ славы. Иные взобрались на крыши и оттуда бросали черепицами; другіе прямо швыряли камни; наконецъ нѣкоторые стрѣляли изъ луковъ. Словомъ сказать, весь этотъ день раздраженіе было въ разгарѣ. Къ вечеру мятежники разошлись по домамъ; а на другой день не было уже ни ропота, ни попытокъ ко вторичной битвѣ.

6. Едва миновало это бѣдствіе, какъ возсталъ противъ императора нѣкто изъ рода Комниныхъ, по имени Іоаннъ. У этого человѣка было огромное брюхо, и по структурѣ тѣла онъ очень походилъ на бочку, почему и прозванъ былъ Толстымъ. Неожиданно ворвавшись въ великую церковь, Іоаннъ возложилъ на себя одинъ изъ вѣнцовъ, висящихъ вокругъ святой трапезы, и въ такомъ видѣ представился народу. Съ толпою соумышленниковъ (а ихъ было весьма много, и притомъ почти всѣ изъ знатнаго рода), въ сопровожденіи народа, собравшагося въ значительной массѣ по слуху о совершавшемся происшествіи, онъ безпрепятственно вступилъ потомъ въ большой дворецъ, сѣлъ на раззоло-

ченный тронъ и занялся назначеніемъ разныхъ лицъ на высшія должности; между тѣмъ чернь вмѣстѣ съ нѣкоторыми соучастниками возстанія, бродя по улицамъ и площадямъ и занявъ береговыя части города, провозглашала его римскимъ императоромъ и грабила богатые дома. Съ наступленіемъ ночи Іоаннъ не позаботился, какъ слѣдовало бы, ни поставить стражу при дворцѣ, ни даже возстановить его выломанныя ворота; но, какъ будто не предстояло болѣе никакой опасности и не оставалось уже ни одного противника, отдувался подобно дельфину, истреблялъ цѣлые кувшины воды, страдая, какъ всѣ толстяки, непомѣрною жаждою, и отиралъ лившіяся ручьями капли пота и горячей испарины. Войско его, блуждая около ипподрома, бродило туда и сюда; а чернь съ закатомъ солнца разсѣялась, какъ стая птицъ, нетерпѣливо желая дождаться скорѣе утра, чтобы потомъ, собравшись, опять ломать лучшіе дома и грабить, что въ нихъ есть. Въ это время царь послалъ свою свиту и бывшихъ при себѣ родственниковъ съ приказаніемъ подъ покровомъ ночи напасть на Іоанна, разсчитывая, что по наступленіи дня городская чернь не захочетъ остаться праздною, но съ ранняго утра соберется къ бунтовщику еще гораздо въ большемъ количествѣ и съ болѣе неукротимымъ характеромъ, чѣмъ наканунѣ, чтобы принять участіе въ его дѣлѣ и всѣми мѣрами противостать имъ. Сѣвши на суда, царскій отрядъ присталъ къ берегу Одигійскаго монастыря и здѣсь соеди-

нился съ тяжело вооруженными царскими сѣкироносцами (потому что въ вооруженіи не удобно было пробираться имъ среди города). За тѣмъ, нечаянно столкнувшись близъ театра съ партіею соучастниковъ Іоанна, царскіе посланные легко разсѣяли ихъ, безъ всякаго труда проникли къ Іоанну, убили его, какъ животное, нанесши ему ужасныя раны, и его отрубленную голову принесли къ царю. Голова мятежника, еще истекая кровью, съ страшно оскаленнымъ ртомъ и моргающими глазами, была на петлѣ поднята среди торговой площади на показъ всѣмъ, а трупъ на носилкахъ былъ выставленъ подъ открытымъ небомъ у южныхъ воротъ влахернскаго дворца. Глядя внизъ съ высоты царскаго жилья, надстроеннаго надъ этими воротами, царь любовался на трупъ бѣднаго Іоанна, раздувшійся толще быка, торжествовалъ отъ радости и хвасталъ счастливымъ окончаніемъ всего дѣла. Въ послѣдствіи тѣло было взято отсюда и брошено на съѣденіе собакамъ и птицамъ,—что показалось, однако, всѣмъ въ нѣкоторой степени уже звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ! Соучастники Іоанна были арестованы, подвергнуты пыткамъ для дознанія всѣхъ его соумышленниковъ, закованы и заключены въ темницы.

Но вотъ какого рода дѣло возбудилъ уже самъ императоръ! Поручивъ подъ команду одному человѣку, по имени и прозванію Константину Франгопулу, шесть военныхъ судовъ, царь послалъ его въ Евксинскій Понтъ, по видимому,

для того, чтобы розыскать грузъ одного корабля, плывшаго изъ Фазиса въ Византію и потерпѣвшаго крушеніе около Керасуня ([1]), въ сущности же за тѣмъ, чтобы напасть на купеческіе корабли, шедшіе съ грузомъ въ городъ Аминсъ, и разграбить ихъ товары. Отправившись по царскому повелѣнію въ Евксинъ, Франгопулъ безъ всякой пощады ограбилъ всѣ безъ исключенія корабли, какіе только шли съ грузомъ товаровъ въ Византію, или возвращались изъ нея обратно, сдавши свои товары и нагрузившись другими, и черезъ два мѣсяца воротился назадъ, часть купцовъ, которыхъ деньги обратилъ въ свою собственную пользу, предавши смерти и потопивши въ морѣ, а другую часть пустивъ на волю, какъ говорится, голѣе песта. Эти послѣдніе по прибытіи въ Константинополь много разъ жаловались на беззаконно нанесенную имъ обиду, обращались съ мольбою и въ судебныя мѣста, и во дворецъ, и въ патріаршія палаты ([2]); но не могли склонить царя къ милосердію, такъ какъ ихъ товары были уже обращены въ деньги и въ этомъ видѣ, разъ на всегда, поступили въ царскую казну. Тогда тѣ изъ нихъ, которые были изъ Иконіи, принесли жалобу Рукратину. Рукратинъ черезъ пословъ обратился къ царю съ требо-

---

([1]) *Варіантъ*: «послалъ его въ такъ называемое Черное море, по видимому, для поисковъ за грузомъ одного корабля, шедшаго изъ Тана къ Константинополю и потерпѣвшаго крушеніе около Керасуни.»

([2]) *Варіантъ*: «обращались съ мольбою и къ патріарху и къ монашествующему духовенству»....

ваніемъ возврата ихъ имуществъ; между прочимъ тогда шли переговоры о заключеніи дружественнаго союза: но царь, назвавъ Франгопула своимъ ослушникомъ, снова отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность за его злодѣянія, надѣясь такимъ образомъ защититься ложью и споря противъ очевидности. Однако при заключеніи договора Рукратинъ кромѣ другихъ платежей получилъ отъ царя еще пятьдесятъ минъ (1) серебра особенно, въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ ограбленными купцами; за то царь съ своей стороны почти въ тоже самое время былъ пойманъ Рукратиномъ въ покушеніи на его жизнь. Огромными обѣщаніями царь склонилъ на свое предложеніе одного хасисійца (2) и, вручивъ ему собственноручное письмо къ Рукратину, какъ знакъ искренней дружбы къ своему союзнику, послалъ его умертвить султана. Но хасисіецъ былъ пойманъ, письмо открыто, все дѣло обнаружилось; такимъ образомъ договоръ былъ нарушенъ, и турки начали опять свои опустошительные набѣги на восточные города имперіи. Между тѣмъ въ это время, по молодости и по самоуправству, поднялъ возмущеніе противъ императора незаконнорожденный санъ севастократора Іоанна Михаилъ, которому поручено было собрать подати въ ми-

---

(1) Вѣсъ и монета, равняющаяся ста драхмамъ, что составляетъ около 28 лотовъ. Десять минъ серебра равняются одной минѣ золота; шестьдесятъ минъ составляютъ одинъ талантъ.

(2) О шайкѣ хасисійцевъ авторъ говорилъ выше,—въ Царствованіи Исаака Анг. кн. 2, § 1,—по нашему переводу томъ 2, стр. 53 и 54.

лассійской епархіи. Онъ былъ разбитъ въ сраженіи съ царскимъ войскомъ; но спасся бѣгствомъ и прибѣгъ подъ покровительство Рукратина, который по ненависти къ царю принялъ его самымъ ласковымъ образомъ. Получивъ отъ Рукратина войско, Михаилъ также вторгся въ примеандрскіе города и свирѣпствовалъ въ нихъ жесточе, неумолимѣе и кравожаднѣе всѣхъ иноплеменниковъ. Если что было самою главною причиною упадка римской имперіи, опустошенія ея областей, разрушенія ея городовъ, а наконецъ и совершеннаго ея паденія; то это были мятежники и искатели престола изъ рода Комниныхъ. Убѣгая къ народамъ враждебнымъ римлянамъ, они становились смертельною язвою своего отечества; тогда какъ, живя среди насъ, были самыми безполезными, самыми пустыми людьми, совершенно неспособными руководить, распоряжать, или управлять дѣлами (¹).

По случаю возмущенія Михаилова царь около мѣсяца листопада ѣздилъ на востокъ и на возвратномъ пути заѣхалъ въ Пиѳіи, желая купаться въ тамошнихъ теплыхъ водахъ. Насладив-

---

(¹) *Варіантъ* на слова: *Если что было.... управлять дѣлами.* «Если римская имперія имѣла несчастіе видѣть упадокъ и изнеможеніе своего могущества, опустошеніе своихъ городовъ и областей, а наконецъ и совершенное свое паденіе; то всему этому виною цари изъ ангеловской отрасли рода Комниныхъ. Поступая не надлежащимъ образомъ съ дружественными народами, они становились губителями своего отечества, при всемъ томъ, что имѣли полную возможность дѣйствовать, не унижая царскаго сана, и въ тоже время въ дѣлахъ внутренняго государственнаго управленія показывали себя людьми неспособными, слабыми и неблагонамѣренными».

нись вдоволь ваннами и питьемъ воды, онъ захотѣлъ покататься по морю еще; потому что прелести суши и прелести моря постоянно соперничали и спорили между собою за превосходство въ душѣ этого государя, одерживая блестящую побѣду попеременно, то тѣ, то другія. Итакъ, сѣвши на императорскій корабль, онъ мимо Астакинскаго залива (1) направился прямо къ островкамъ, лежащимъ почти подлѣ самаго Константинополя. Вдругъ поднялась буря; высоко вздымились волны; корабль начало опрокидывать носомъ на корму, и, залитый со всѣхъ сторонъ водою, онъ готовъ былъ совершенно погрузиться въ море. Корабельщики пришли въ ужасъ и истощили всѣ усилія; отвсюду раздавались крики, воззванія къ Богу, отчаянные стоны и вопли пассажировъ, а ѣхали съ царемъ все люди знатные обоего пола, которымъ особенно мила земля, когда они на ней, и теперь еще была милѣе при неизвѣстности, удастся ли кому ее увидѣть. Впрочемъ, натерпѣвшись страха и разныхъ бѣдъ, наши путники, съ отрадою въ душѣ, кое какъ пристали наконецъ къ острову Принкипу и, когда волна утихла, переѣхали отсюда въ Халкидонъ: здѣсь отдохнули отъ головной боли, оправились послѣ морской пирушки, забыли всѣ свои бѣды, опасности и безпокойства и за тѣмъ перебрались отсюда въ большой дворецъ, такъ какъ рѣшено было устроить конскія скачки и потѣшить на-

---

(1) *Варіантъ:* «мимо Никомидійскаго залива».

родъ театральными представленіями. Когда и это все благополучно кончилось, царь хотѣлъ немедленно отправиться въ Влахерны [1]: но тутъ наступило несчастное для римлянъ время (извѣстно, что наши императоры и шагу не смѣютъ ступить, не посовѣтовавшись напередъ съ положеніемъ звѣздъ), и такимъ образомъ первую недѣлю поста онъ по неволѣ провелъ въ большомъ дворцѣ. Наконецъ шестой день этой недѣли оказался счастливымъ для переѣзда, особенно тому, кто поднимется въ путь съ ранняго утра [2]; поэтому царь рѣшился двинуться до свѣту, чтобы прибыть во Влахерны еще до солнечнаго восхода. Тріира была уже готова и въ ожиданіи отъѣзда слегка качалась на волнахъ у дворцоваго берега; всѣ царскіе родственники съ факелами собрались къ царю, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ дорогу: но Богъ восхотѣлъ показать теперь, что Онъ одинъ есть Владыка часовъ и временъ и что отъ Него единственно зависитъ счастіе, или неблагопріятность путей нашихъ. Передъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ стояло въ покояхъ царское ложе, вдругъ самъ собою провалился полъ и подъ нимъ образовалась довольно значительная разсѣлина [3]. Между тѣмъ, какъ царь чудеснымъ

---

(1) Т. е. во влахернскій дворецъ, свое обыкновенное мѣстопребываніе.

(2) Варіантъ на слова: *по неволѣ провелъ... съ ранняго утра*. «Провелъ не по своему желанію, но въ надеждѣ дождаться счастливаго часа. Наконецъ когда пятница прошла; астрологи рѣшили, что утромъ въ субботу можно переѣхать изъ одного дворца въ другой».

(3) *Варіантъ:* «Въ той комнатѣ, гдѣ находилась царская спальня,

образомъ спасся отъ опасности, зять его Алексѣй Палеологъ и нѣсколько другихъ человѣкъ были увлечены паденіемъ и потерпѣли сильные ушибы, а одинъ евнухъ убился совсѣмъ до смерти, упавши на самое дно провала. Что почувствовалъ, или почувствовалъ ли государь при этомъ раскаяніе въ своемъ суевѣріи, не могу сказать; но, что было далѣе за тѣмъ, то и буду разсказывать.

7. У царя Алексѣя была третья дочь, по имени Евдокія, которую еще въ то время, когда ея родитель, бѣгая отъ Андроника, скитался по Палестинѣ между измаильтянами, дядя ея Исаакъ выдалъ за Стефана, одного изъ сыновей Неемана. Это былъ трибалльскій (1) князь; но, не долго правивъ послѣ того своимъ народомъ, онъ удалился на Папикійскую гору и посвятилъ себя монашеской жизни. Сынъ его Стефанъ долгое время держалъ Евдокію въ чести, какъ вмѣстѣ съ собою наслѣдницу отцовскаго престола, и прижилъ отъ нея дѣтей (2); но

вдругъ открылась бездна, въ которую упалъ и провалился полъ комнаты»:

(1) То есть, сербскій.

(2) Невѣрный переводъ этого мѣста послужилъ для Лебо источникомъ нелѣпой исторіи. Отнесши слова: «*Это былъ трибалльскій князь; но, не долго правивъ послѣ того своимъ народомъ, онъ.... посвятилъ себя монашеской жизни*»,—не къ лицу Неемана, какъ ближайшему, на которое указываетъ слово: «это» (οὗτος), а къ лицу Стефана, переводчикъ, которому слѣдовалъ Лебо, поставилъ себя въ необходимость продолжать потомъ переводъ слѣдующимъ образомъ, съ добавленіемъ изъ собственнаго воображенія тѣхъ словъ, которыя мы обозначимъ курсивомъ. Именно переводчикъ продолжалъ такъ: «сынъ его (т. е. Стефана quasi перваго), *по имени также* (eodem nomine) Стефанъ, долгое время держалъ Евдокію въ чести.... и прижилъ отъ

все измѣняющее и все извращающее время разстроило ихъ единодушіе и прежнюю любовь, не давъ дожить имъ до послѣдняго вздоха жизни въ томъ искреннемъ и задушевномъ согласіи, которое умными супругами считается верхомъ человѣческаго благополучія. Мужъ упрекалъ жену въ неумѣренномъ сладострастіи; жена укоряла мужа за то, что съ ранней зари онъ принимался за пьянство,—забывалъ свой сосудъ и

нея дѣтей». Такимъ образомъ переводчикъ создалъ, кромѣ одного дѣйствительнаго князя Стефана, еще другаго князя Стефана, никогда не существовавшаго, и далъ Лебо поводъ всю исторію представить въ такомъ видѣ, «будто бы Евдокія, бывъ выдана за Стефана перваго, постригшагося въ монахи, и овдовѣвъ, по смерти его вышла за мужъ за Стефана втораго, сына Стефана перваго, — *слѣдовательно* (!), за своего пасынка, который, *само собою разумѣется* (!), былъ страстно влюбленъ въ свою прекрасную мачиху, *безъ сомнѣнія* (!), раздѣлявшую его страсть и за это, по судьбамъ провидѣнія, дожившую до своего безпримѣрнаго позора, такъ какъ браки по страсти не прочны». (Lebeau, l. XCIII, ch. XXXIV). Округливъ такъ поэтично и назидательно никогда не существовавщую исторію, Лебо изумился ея безнравственности и указалъ на нее, какъ на образчикъ невѣжества и варварства сербскаго народа того времени. Но, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что подобнаго рода бракъ мачихи съ пасынкомъ, по законамъ греческой церкви, былъ невозможенъ для Евдокіи,—допуская также, что Никита Хоніатъ, такъ горячо осуждавшій бракъ двоюродныхъ и между тѣмъ въ настоящей исторіи Евдокіи не замѣтившій никакого нарушенія церковныхъ каноновъ, остался къ нему равнодушенъ *страннымъ* образомъ, мы не можемъ не указать въ опроверженіе всей этой выдумки на продолженіе текста исторіи Никиты Хоніата. Разсказавъ, что противъ намѣренія Стефана (quasi втораго) опозорить свою супругу сильно возставалъ родной братъ его Волкъ, Никита Хоніатъ продолжаетъ: «потомъ названные нами сыновья Неемана, забывъ братскую любовь, поссорились и сами между собою»... Итакъ очевидно, что Стефанъ, опозорившій Евдокію, былъ сынъ Неемана, а не внукъ, что вообще за однимъ только Стефаномъ, сыномъ Неемана, и была Евдокія въ замужствѣ, который былъ прежде только сыномъ сербскаго князя, а потомъ самъ сдѣлался сербскимъ княземъ! Что же дѣлаютъ противъ такой очевидности латинскій переводчикъ и латинскій историкъ? —

пресыщался запретными плодами [1]. Взаимное несогласіе постоянно такимъ образомъ расло болѣе и болѣе и наконецъ выразилось со стороны Стефана самымъ варварскимъ поступкомъ противъ его супруги. Выдумалъ ли онъ, или и правду говорилъ, будто засталъ Евдокію въ прелюбодѣяніи, во всякомъ случаѣ онъ снялъ съ нея всѣ женскія одежды, оставилъ на ней одну послѣднюю тоненькую рубашку, обрѣзавъ и ту со всѣхъ сторонъ, такъ что она едва прикрывала обнаженные члены, и въ этомъ безчестномъ видѣ прогналъ ее отъ себя и пустилъ на всѣ стороны. Братъ Стефана Волкъ, возмущаясь такимъ въ высшей степени скандальнымъ, грубымъ и взбалмошнымъ поступкомъ съ Евдокіею своего единокровнаго, упрекалъ его въ безчело-

---

Первый, не осмѣливаясь замѣнить въ текстѣ слово: *сыновья* слѣдующимъ для связи его перевода словомъ: *внуки*, ограничился выраженіемъ своего недоумѣнія въ замѣчаніи, робко написавъ: «*Какъ же такъ сыновья? Неужели сыновья?*» А второй разсѣкъ гордіевъ узелъ, употребивъ вмѣсто словъ: «названные нами сыновья Неемана», общее выраженіе: названные нами *сербскіе князья*. Поучительный примѣръ уважать букву текста! Лебо ссылается еще на авторитетъ Дюканжа, — см. Famil. byz., dalmat. etc., edit. paris. pag. 286 et 287, — edit. Venet. pag. 229. Предѣлы замѣчанія не дозволяютъ намъ входить въ разборъ указаній этого почтеннаго ученаго, тѣмъ болѣе, что намъ не сподручны нѣкоторые источники, бывшіе въ его рукахъ; однако должно сказать, во первыхъ, что Дюканжъ самъ многаго не рѣшаетъ окончательно въ этой исторіи и передаетъ ее подъ сомнѣніемъ, указывая на существованіе другаго мнѣнія, хотя также не состоятельнаго, и нашего Стефана quasi перваго называя по другимъ источникамъ Симеономъ, а во вторыхъ, что и онъ собственно въ исторіи о бракѣ Евдокіи, въ послѣдствіи еще два раза выходившей за мужъ, основывается также только на невѣрномъ переводѣ настоящаго мѣста нашего автора.

[1] То есть, кромѣ пьянства укоряла въ равнодушіи къ себѣ и непозволительныхъ связяхъ съ другими женщинами.

вѣчіи и умолялъ подавить безумный гнѣвъ, смягчиться сколько нибудь, вспомнить о величіи рода Евдокіи, пожалѣть наконецъ самого себя, потому что подобнаго рода срамное дѣло не принесетъ чести и ему; но, не успѣвши отклонить его упрямаго и безжалостнаго рѣшенія, по необходимости долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что оказалъ Евдокіи съ своей стороны всякое содѣйствіе и съ подобающею честью отправилъ ее въ Диррахій. Узнавъ о всемъ произшествіи, отецъ выслалъ дочери двуглавыя носилки, монисты, ожерелья, равно какъ разныя другія принадлежности царственнаго женскаго наряда, и взялъ ее къ себѣ въ домъ. Потомъ названные нами сыновья Неемана, забывъ братскую любовь, поссорились и сами между собою и, начавъ междуусобную распрю, вошли въ одинъ разрядъ съ тѣми братьями, о которыхъ мы не такъ давно сказали, что властолюбіе и испорченность нравовъ подавили въ нихъ всѣ естественныя чувства природы: Волкъ, одержавъ перевѣсъ, лишилъ Стефана престола и изгналъ изъ отечества. Такъ примѣръ братоубійства, показанный въ Царьградѣ, сдѣлался какбы образцемъ, моделью, или даже общимъ правиломъ для всѣхъ концовъ земли; такъ что не только персидскіе, тавроскиѳскіе, далматскіе, какъ теперь, или нѣсколько позже паннонскіе государи, но и владѣтельныя лица разныхъ другихъ народовъ, обнаживъ мечи противъ единокровныхъ родственниковъ, наполнили свои отечества убійствами и мятежами!

Около этого времени выступилъ изъ Мизіи Іоаннъ съ огромнымъ и страшно вооруженнымъ войскомъ и, окруживъ Констанцію, знатный городъ въ предѣлахъ родопскихъ, взялъ ее почти безъ всякаго сопротивленія. Разрушивъ стѣны Констанціи, онъ двинулся отсюда далѣе, подступилъ къ Варнѣ, осадилъ ее и мужественно взялъ приступомъ на шестой день страстной недѣли (1). Такъ какъ осажденные, большею частію храбрѣйшіе люди нашего войска, или латиняне, оказали ему сильное сопротивленіе: то онъ построилъ четырехугольную машину, равную по длинѣ широтѣ рва, а по высотѣ стѣнамъ города, придвинулъ эту машину на колесахъ къ самому рву и, опрокинувъ ее въ ровъ, одновременно достигъ двухъ цѣлей; такъ что одна и таже машина послужила ему мостомъ черезъ ровъ и вмѣстѣ лѣстницею, достигавшею до высоты городскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ на третій день Варна была въ его рукахъ. Не побоявшись и не постыдившись ни святости дня (это было въ ту преблагословенную субботу, въ которую Христосъ плотію почилъ во гробѣ), ни Христова имени, которое онъ только произносилъ устами,—какбы подстрекаемый кровожадными демонами, варваръ всѣхъ, кого взялъ въ плѣнъ, живыми бросилъ въ ровъ и, засыпавъ въ уровень землею, заживо похоронилъ въ немъ, какъ въ одной общей могилѣ. Послѣ этого онъ разрушилъ самыя стѣны Варны и возвратился въ

(1) *Варіантъ:* въ великую субботу.

Мизію, ознаменовавъ священнѣйшую субботу и царственнѣйшій день въ году такою кровавою тризною и такими адскими жертвоприношеніями!

Между тѣмъ, какъ все это происходило, протостраторъ Мануилъ Камицъ, долгое время томившійся плѣнникомъ въ Мизіи, обратился къ царю, своему двоюродному брату, съ просьбою выкупить его на его же собственныя деньги и не оставлять такъ долго, какъ будто какого нибудь злодѣя, въ плѣну у варваровъ. Не успѣвъ склонить царя своими мольбами, въ отчаяніи онъ обратился съ тою же просьбою о выкупѣ къ своему зятю Хрису; и такъ какъ Хрисъ исполнилъ его желаніе, то онъ изъ Мизіи прибылъ въ Просакъ. Отсюда онъ снова обратился къ царю съ неотступною мольбою уплатить за него Хрису выкупъ, простиравшійся до двухъ центенаріевъ золота (¹), выставляя на видъ, что одни деньги, конфискованныя у него императоромъ, составляли гораздо болѣе значительную сумму,—не говоря уже объ огромномъ количествѣ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, о шелковыхъ тканяхъ и разныхъ дорогихъ одеждахъ, изобиліе которыхъ дѣлало его богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Однако императоръ, положивъ на одну чашку умственныхъ вѣсовъ свое родственное чувство къ протостратору, а на другую его деньги, и взвѣсивъ ихъ обѣ, нашелъ, что вторая чашка гораздо тяжелѣе, и въ слѣд-

(¹) Т. е., около 200 фунт. золота,—см. выше на стр. 75, прим. 1.

ствіе того по прежнему не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его посланія. Тогда Камицъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, рѣшился вмѣстѣ съ Хрисомъ напасть на сопредѣльныя съ Просакомъ римскія области. Дѣйствительно, они безъ труда овладѣли Пелагоніею, легко покорили Прилапъ и, быстро двинувшись впередъ, подчинили себѣ дальнѣйшія области, проникли чрезъ Темпейскую долину Ѳессаліи (1), заняли равнины, подняли Елладу и возмутили Пелопонезъ. Въ тоже время появился подобно древнимъ гигантамъ, рождавшимся изъ земли, другой мятежникъ. То былъ нѣкто Іоаннъ Спиридонаки, родомъ съ острова Кипра, человѣкъ ничтожной наружности и еще болѣе ничтожнаго роста, косой, — нѣкогда жалкій и грязный чернорабочій. Находясь на царской службѣ, онъ послѣ непостижимыхъ повышеній и производствъ достигъ должности хранителя такъ называемыхъ внутреннихъ кладовыхъ и наконецъ былъ посланъ управлять смоленскимъ округомъ. Разсчитывая теперь съ одной стороны на неприступность мѣстности, съ другой—на умственную ограниченность и простоту государя, онъ съ безумною дерзостію возсталъ противъ него, какъ сатана, какъ язва, или какое нибудь отвратительное и неожиданное привидѣніе. Ко всему этому царь страдалъ тогда еще отъ третьяго горя—своей обыкновенной болѣзни, отнимавшей движеніе въ членахъ тѣла (2), и потому вдвойнѣ

(1) Темпейская долина находится въ Ѳессаліи между горами Олимпомъ и Оссою.

(2) «*Варіантъ:* «Третьею бѣдою государя была подагра».

терзался раскаяніемъ, которое его гнело, давило и душило,—сожалѣя, что и брата двоюроднаго не выкупилъ и такому презрѣннѣйшему существу, какъ Спиридонаки, довѣрилъ на бѣду себѣ управленіе такимъ количествомъ укрѣпленнѣйшихъ городовъ. Раздѣливъ собранное войско на двѣ части, царь отдалъ одну часть своему зятю Алексѣю Палеологу съ приказаніемъ наказать негодяя Спиридонаки, а другую послалъ въ подкрѣпленіе Іоанну Инуполиту ([1]), боровшемуся противъ протостратора. Зять царя Алексѣй при своемъ обыкновенномъ мужествѣ и благоразумной смѣлости, послѣ небольшаго усилія, скоро одолѣлъ Спиридонаки и заставилъ бѣжать этого пигмееподобнаго человѣчишка въ Мизію: но борьба съ протостраторомъ продолжалась значительное время; однако и она кончилась благополучно. Съ своей стороны императоръ употреблялъ разные хитрые пріемы какъ нибудь склонить Хриса на свою сторону и наконецъ просваталъ за него въ супруги свою внуку Ѳеодору, которая прежде была обручена съ Иванкою, вызвавъ ее изъ Византіи. Такимъ образомъ ему удалось возвратить Пелагонію и Прилапъ и вытѣснить Камица изъ Ѳессаліи, который частію долженъ былъ уступить силѣ войны, частію добровольно покориться обстоятельствамъ. Наконецъ царь принудилъ протостратора оставить даже самый Станъ, куда тотъ укрылся, какъ въ послѣднее, несокрушимое

([1]) *Варіантъ*: «Іонополиту».

убѣжище. Увѣнчавшись подобными подвигами послѣ долгаго бездѣйствія и покоя, царь возвратился въ Византію. Тогда же онъ овладѣлъ Струммицею, обманувъ и въ этомъ случаѣ Хриса хитростію, и утвердилъ мирный договоръ съ Іоанномъ (1).

8. До сихъ поръ моя рѣчь шла успѣшно и текла путемъ ровнымъ; но, какъ управлюсь съ нею далѣе, не знаю. Въ самомъ дѣлѣ, чья душа въ состояніи остаться не потрясенною при воспоминаніи о тѣхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя поразили самый Царьградъ въ царствованіе этихъ земныхъ Ангеловъ? Я желалъ бы изложить вполнѣ всѣ ужасы и всю невообразимую жестокость этихъ бѣдствій: но такъ какъ это невозможно; то опишу ихъ вкороткѣ, надѣясь, что самая краткость разсказа, можетъ быть, принесетъ пользу нашимъ потомкамъ,—смягчитъ нашу горькую повѣсть и въ слѣдствіе того умѣритъ ихъ безотрадную печаль.

Царь Алексѣй свергъ съ престола брата своего Исаака и потомъ, вмѣсто того, чтобы позаботиться о присмотрѣ за нимъ, оставилъ его жить на полной волѣ близъ Двухъ Колоннъ (2), стоящихъ на самомъ берегу пролива, и даже не запретилъ никому посѣщать его, забывши о томъ, что огорченія большею частію раздражаютъ людей и долго помнятся, что мщеніе

---

(1) *Варіантъ*: «и заключилъ миръ съ валахами».

(2) Перифразъ и объясненіе названія той же самой мѣстности, которую выше (стр. 136) авторъ назвалъ Диплокіономъ.

никогда не дремлетъ, но всегда готово воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы недуманно и негаданно всею тяжестію пасть на оскорбителей. Такимъ образомъ всякій желающій имѣлъ свободный доступъ къ Исааку, и между прочимъ ходили къ нему особенно латиняне. Съ ними онъ держалъ тайныя совѣщанія о томъ, какъ бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексѣя,—посылалъ письма къ дочери своей Иринѣ, супругѣ Филиппа, тогдашняго правителя аллемановъ, съ мольбою, чтобы она заступилась за отца, и въ свою очередь самъ получалъ оттуда отвѣты съ наставленіями о томъ, какъ поступать ему. Равнымъ образомъ сыну Исаака Алексѣю, по освобожденіи его изъ заключенія, царь предоставилъ полную свободу и даже самъ, отправляясь въ походъ противъ протостратора, позволилъ ему сопровождать себя въ Дамокранію. Между тѣмъ Алексѣй, безъ сомнѣнія по мысли своего отца, условился бѣжать съ однимъ пизанцемъ, который командовалъ большимъ купеческимъ кораблемъ, и только ожидалъ удобнаго времени ускользнуть моремъ и закрыть свой слѣдъ водою. Когда удобное къ отплытію время наступило; корабль распустилъ паруса и съ попутнымъ вѣтромъ благополучно прибылъ въ Авлонію на Геллеспонтѣ. Отсюда съ корабля отправлена была для принятія Алексѣя шлюбка въ Аѳиру, по прибытіи въ которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намѣреніе, начали нагружать песокъ, какъ будто бы нужный кораблю, по

выгрузкѣ съ него товаровъ, для балласта. Убѣжавъ сюда изъ Дамокраніи, Алексѣй сѣлъ на шлюбку и переѣхалъ на корабль. Бѣгство его скоро было замѣчено, и императоръ приказалъ немедленно обыскать корабль; но посланные не могли узнать Алексѣя: онъ остригъ себѣ въ кружекъ волосы, нарядился въ латинскую одежду, смѣшался съ толпою и такимъ образомъ укрылся отъ сыщиковъ. Пріѣхавъ въ Сицилію, Алексѣй увѣдомилъ о своемъ прибытіи сестру. Она выслала на встрѣчу ему значительную свиту тѣлохранителей, приняла брата съ распростертыми объятіями и неотступно стала просить своего мужа Филиппа, чтобы онъ, сколько возможно, помогъ ея отцу, лишенному своими родными не только власти, но и зрѣнія, и пріютилъ брата ея, который безъ крова и отечества странствуетъ подобно звѣздѣ блуждающей, ничего не имѣя съ собою, кромѣ своей собственной особы.

При этомъ я долженъ объяснить еще слѣдующее весьма важное обстоятельство. Братья Ангелы, какъ уже было нами показано, во многихъ отношеніяхъ недобросовѣстно пользовались властію; но особенно они страдали корыстолюбіемъ, не опуская случаевъ извлекать деньги даже изъ неправедныхъ источниковъ, и притомъ не берегли собираемыхъ богатствъ, но сыпали ихъ обѣими руками на пышную придворную обстановку и драгоцѣнные костюмы, болѣе же всего разорялись на любовницъ и на родню, совершенно безполезную въ дѣлахъ обществен-

наго управленія. Такимъ образомъ они не только притѣсняли и опустошали римскіе города, налагая на нихъ новыя, небывалыя подати; но, сколько представлялось возможности, обирали и латинянъ. Между прочимъ, нарушая мирные договоры съ Венеціей, они часто налагали на венеціянъ разные денежные поборы, брали съ ихъ кораблей контрибуціи и ссорили ихъ съ пизанцами; такъ что не рѣдко можно было видѣть, какъ среди самаго Константинополя, или въ открытомъ морѣ, граждане обѣихъ республикъ схватывались между собою въ отчаянной битвѣ, поперемѣнно побѣждали, или были побѣждаемы, и въ слѣдствіе того грабили своихъ соперниковъ, или подвергались ихъ грабежу.— 9. — Помня свои старинные договоры съ римскою имперіей и съ крайнимъ прискорбіемъ замѣчая предпочтеніе, какое римскіе императоры оказывали теперь пизанцамъ, венеціяне явно были недовольны римлянами и выискивали удобный случай отмстить имъ, особенно съ того времени, когда Алексѣй по скряжничеству отказался уплатить имъ двѣсти минъ золота, слѣдовавшихъ въ остальную уплату всего долга въ пятнадцать центенаріевъ золота, которые обязался уплатить венеціянской республикѣ царь Мануилъ въ вознагражденіе за имущества, конфискованныя имъ у венеціянъ (1). Къ крайнему нашему бѣдствію дожемъ Венеціи въ это время

(1) См. Царств. Мануила кн. 5, § 9,—по нашему переводу томъ 1, стр. 222 и 223.

былъ Генрихъ Дандуло,—правда, человѣкъ уже слѣпой и преклонный старикъ, но въ высшей степени вооруженный и озлобленный противъ римлянъ. Отличаясь безпримѣрнымъ пройдошествомъ, гордясь умомъ и сгарая безумною жаждою славы, онъ не хотѣлъ умереть,—и былъ какъ будто недоступенъ смерти,—до тѣхъ поръ, пока не отомститъ римлянамъ за всѣ обиды, нанесенныя ими его народу. Постоянно онъ взвѣшивалъ и пересчитывалъ въ умѣ, сколько зла причинили венеціянамъ царствовавшіе братья Ангелы, и еще прежде ихъ—Андроникъ, и еще прежде Андроника — Мануилъ въ продолженіе своего управленія римскою имперіею. Но такъ какъ онъ зналъ, что не снесетъ своей головы, если пойдетъ противъ римлянъ съ одними своими силами; то высматривалъ союзниковъ и входилъ въ тайныя сношенія съ тѣми народами, о которыхъ зналъ, что они питаютъ непримиримую ненависть къ римлянамъ и смотрятъ съ завистью и жадностію на ихъ богатства. Благодаря обстоятельствамъ времени, онъ дѣйствительно успѣлъ склонить на свое предложеніе и привлечь въ союзъ съ собою противъ римлянъ нѣсколько благородныхъ топарховъ, которые стремились попасть въ Палестину. То были: Бонифатій маркизъ монферратскій, Балдуинъ графъ фландрскій, Генрихъ графъ Сенъ-Поль, Людовикъ графъ блуасскій и значительное число другихъ отважныхъ воиновъ и богатырей, равнявшихся ростомъ съ громадною длиною своихъ копій. Въ

теченіе трехъ лѣтъ было построено въ Венеціи сто десять дромоновъ (1) для перевоза конницы, шестьдесятъ долгихъ (2) кораблей, и сверхъ того собрано болѣе семидесяти кораблей круглыхъ (3), изъ которыхъ одинъ, превосходившій всѣ другіе величиною, назывался «Космосъ». Немедленно по изготовленіи всѣхъ судовъ посажены были на нихъ тысяча человѣкъ тяжелой, закованной въ желѣзо, конницы и тридцать тысячъ человѣкъ пѣхоты, разнообразно вооруженной, преимущественно же такъ называемыхъ чагротоксотовъ. Едва только флотъ приготовился совсѣмъ выступить, какъ къ одной бѣдѣ для римлянъ присоединилась другая, по пословицѣ: бѣда за бѣдой, какъ волна за волной. Передъ самымъ отплытіемъ флота явился въ Венецію сынъ Исаака Ангела Алексѣй, снабженный грамотами папы древняго Рима и Филиппа короля аллеманскаго, которые обѣщали величайшія выгоды всѣмъ членамъ этой разбойнической шайки, если они примутъ Алексѣя подъ свое покровительство и возведутъ его на отцовскій тронъ. Само собою разумѣется, что они съ величайшею охотою весьма скоро приняли его на

---

(1) Особенное названіе извѣстныхъ мореходныхъ судовъ, по всей вѣроятности соотвѣтствующее быстротѣ ихъ хода, потому что слово *дромонъ* по переводу значитъ «бѣгунъ».

(2) То есть, военныхъ, называемыхъ долгими по формѣ своей постройки.

(3) То есть, галеръ, или купеческихъ кораблей, которые служили для перевоза грузовъ и назывались такъ равнымъ образомъ по своей наружности. Этого рода корабли играли весьма значительную роль въ морскихъ битвахъ того времени.

флотъ, разсчитывая такимъ образомъ не только прикрыть благонамѣренностію свое разбойническое предпріятіе противъ римлянъ и дать ему благовидную наружность, но и вполнѣ удовлетворить свою алчность и свое корыстолюбіе несмѣтными грудами денегъ. Принявъ къ себѣ Алексѣя, этого юношу столько же и по уму, сколько по лѣтамъ, всѣ эти опытные и искусившіеся въ дѣлахъ мужи заставили его клятвенно согласиться на такія условія, которыхъ онъ никогда не въ состояніи былъ исполнить. Въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, по ихъ требованію, обѣщалъ не только дать имъ цѣлый океанъ денегъ, но и отправиться вмѣстѣ съ ними на войну противъ сарациновъ съ римскими пѣхотными войсками и пятидесятью трехгребными кораблями. Мало того, — что особенно важно и вмѣстѣ особенно нелѣпо, — онъ обѣщалъ принять латинскія уклоненія въ вѣрѣ, признать всѣ папскія привиллегіи и неразрывно съ этимъ отмѣнить и измѣнить древніе римскіе обычаи.

Отправившись въ путь, флотъ остановился у Ядары (1) и повелъ осаду противъ этого города, по настоянію венеціянскаго дожа Дандуло, за то, что онъ будто бы также нарушилъ древніе договоры съ венеціянами.—Римскій императоръ Алексѣй, хотя уже давно слышалъ о движеніи латинянъ, однако не предпринималъ никакихъ мѣръ для обороны себя и своихъ под-

---

(1) Нынѣшній городъ Зара, лежащій на восточномъ берегу Адріатическаго моря.

данныхъ; потому что чрезмѣрная изнѣженность отняла у него всякую возможность заняться требованіями долга и общественной пользы (1). Его евнухи—блюстители лѣсовъ, назначенныхъ для царской охоты, берегли ихъ, какъ какія нибудь заповѣдныя рощи, или, такъ сказать, богонасажденный рай, и готовы были стереть съ лица земли всякаго, кто пожелалъ бы вырубить изъ нихъ нѣсколько деревъ для постройки кораблей. Впрочемъ дуксъ флота (2) Михаилъ Стрифнъ, женатый на сестрѣ государыни, поступалъ еще лучше: онъ не только мѣнялъ на золото якори и гвозди, но продавалъ даже паруса и канаты и такимъ образомъ не оставилъ въ римскихъ гаваняхъ рѣшительно ни одного военнаго корабля. Съ своей стороны царь вмѣсто того, чтобы казнить подобныхъ негодяевъ, болѣе преступныхъ, чѣмъ всякіе другіе злодѣи, показывалъ къ нимъ особенное расположеніе! Наслаждаясь спокойствіемъ домашней жизни, онъ срывалъ пригорки, засыпалъ ямы, садилъ деревья и изрѣдка послѣ обѣда подсмѣивался надъ экспедиціей латинскаго флота, обращая въ шутку всѣ справедливыя предположенія и слухи о предстоявшей опасности. Между тѣмъ латиняне, овладѣвъ Ядарою, пристали къ

---

(1) Въ одномъ изъ манускриптовъ подлинника здѣсь прибавлено еще слѣдующее *замѣчаніе:* «Когда ему говорили, что надобно заготовить оружіе, корабли и военные припасы для лагеря, чтобы имѣть все въ готовности; оказывалось, что ему говорили, какъ глухому: онъ не спорилъ противъ этого, но сидѣлъ и посмѣивался».

(2) Главный начальникъ морскаго вѣдомства.

Епидамну ([1]), и граждане Епидамна провозгласили ѣхавшаго съ ними Алексѣя римскимъ царемъ. Тогда только царь подобно рыбаку извѣстной пословицы ([2]),—какъ его уже ударили по головѣ, взялся за умъ,—поправилъ кое какъ на скорую руку до двадцати прогнившихъ и изъѣденныхъ червями суденышковъ, обошелъ стѣны города и приказалъ разрушить построенныя внѣ ихъ зданія. Въ это время латинскій флотъ, отплывши изъ Епидамна, присталъ къ Корцирѣ ([3]) и, потративъ здѣсь около двадцати дней, потому что корцирская крѣпость не вдругъ сдалась, на всѣхъ парусахъ полетѣлъ прямо къ Константинополю, такъ какъ западные давно уже знали, что римская держава занималась единственно только пьянствомъ, или похмѣльемъ, и что Византія въ совершенствѣ представляла собою знаменитый нѣгою городъ Сибарисъ. Такимъ образомъ, благодаря необыкновенно счастливой погодѣ (потому что во все продолженіе ихъ плаванія на морѣ дули тихіе и самые благопріятные для ихъ кораблей вѣтры), латиняне явились подъ стѣнами Константинополя такъ неожиданно, что въ городѣ никто почти и не зналъ объ ихъ пріѣздѣ. Они остановились сначала въ Халкидонѣ. Вскорѣ за тѣмъ военные корабли ихъ на веслахъ, а грузовые на парусахъ, перешли оттуда въ перейскую гавань,

---

([1]) Нынѣшній Дирраxій, или Дураццо.

([2]) Авторъ примѣняетъ пословицу: piscator ictus sapit,—'ασπαλιεὺς πληγεὶς κομίζεται νοῦν.

([3]) Древнее названіе острова и находящагося на немъ города Корфу.

лежащую противъ восточнаго берега пролива, нѣсколько ниже Диплокіона, и стали на якоряхъ въ такомъ разстояніи отъ города, чтобы быть внѣ выстрѣловъ; дромоны же причалили къ Скутари [1]. Правда, римляне съ прибрежныхъ возвышенностей и съ самаго берега стрѣляли противъ кораблей; но выстрѣлы ихъ были совершенно безполезны и большею частію, не долетая до цѣли, падали въ море. Стояла также римская фаланга выше, близъ Даматрія [2], чтобы воспрепятствовать высадкѣ непріятельской конницы: но и она равнымъ образомъ не принесла никакой пользы; потому что римляне не только не осмѣлились сколько нибудь сами подойти къ непріятелю, но, обративъ тылъ противъ его атаки, частію пали, частію едва ускользнули отъ смерти, вообще бросились бѣжать во весь опоръ, и преимущественно начальники, оказавшіеся болѣе боязливыми, чѣмъ робкія лани. Да и какъ было имъ осмѣлиться на борьбу съ этими людьми, которыхъ они въ страхѣ называли смертоносными ангелами, или неуязвимыми мѣдными статуями, и при одномъ видѣ которыхъ готовы были умереть отъ ужаса?

10. Чрезъ нѣсколько дней латиняне убѣдились, что на сухомъ пути никто не рѣшится имъ противостать, и потому приблизились къ

---

(1) Здѣсь, кажется, въ первый разъ встрѣчается это новое названіе прежняго города Хрисополя.

(2) Загородный императорскій дворецъ на самомъ берегу моря. Du Cange, Const. Christ. lib. IV, pag. 123.

заливу (1). За тѣмъ конница ихъ двинулась вдоль по берегу, а военные корабли, дромоны и вмѣстѣ съ ними грузовые корабли, сопровождая ее, вошли въ самый заливъ. Когда такимъ образомъ сухопутныя и морскія силы непріятеля сошлись къ укрѣпленію (2), къ которому римляне обыкновенно привязывали тяжеловѣсную желѣзную цѣпь, служившую для воспрепятствованія входу во внутренность гавани непріятельскихъ кораблей; немедленно началось нападеніе на крѣпость. И вотъ открылось ужасное зрѣлище! Одни изъ римлянъ, защищавшихъ укрѣпленіе, послѣ непродолжительнаго сопротивленія были обращены въ бѣгство; другіе убиты, или взяты въ плѣнъ; нѣкоторые по цѣпи, какъ будто по канату, кинулись и укрылись на стоявшія здѣсь наши тріиры (3); многіе, не успѣвъ ухватиться за цѣпь, стремглавъ бросились просто въ море. Наконецъ самая цѣпь была прорвана и весь непріятельскій флотъ ворвался внутрь нея. Одни изъ нашихъ тріиръ поступили немедленно во владѣніе непріятеля; другія, наткнувшись на городской берегъ, послѣ бѣгства съ нихъ всего экипажа, получили

---

(1) Разумѣется Золотой Рогъ, раздѣляющій Константинополь на двѣ не равныя части.

(2) Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ изъ двухъ укрѣпленій этого рода, которое находилось на сторонѣ Перы, или Галаты. Такъ говоритъ и Алберикъ въ своей хроникѣ ad annum MCCII: primo turrim Galatas ceperunt, ubi catena portus pendebat, et ipsam catenam ruperunt, quae postea apud Acram fuit missa. Vid. Du Cange, lib. 1, pag. 17.

(3) Тріиры—тоже, что долгіе, или военные, или по переводу слова трехгребные, то есть, снабженные тремя ярусами веселъ, корабли.

сильныя повреждения. Это было невообразимое бѣдствіе, какого никогда никому и на сердце не приходило. Оно совершилось въ іюлѣ мѣсяцѣ шесть тысячъ семь сотъ одиннадцатаго года [1]. Послѣ небольшаго отдыха, продолжавшагося не долѣе того, сколько нужно было времени, чтобы сообразить, что дѣлать далѣе, латиняне, какъ съ моря на корабляхъ, такъ и съ сухаго пути со всею конницею, слѣдовавшею въ арріергардѣ пѣхоты, подступили къ Козьмидію [2], встрѣтивъ отъ римлянъ незначительное сопротивленіе только около тамошняго моста [3] и такъ называемаго Просверленнаго Камня. Грузовыя суда, военные корабли и дромоны пристали здѣсь къ берегу; а предводитель сухопутныхъ войскъ устроилъ лагерь, обведенный отчасти рвами и частоколами, около холма, съ котораго видны, лежащія оттуда къ западу, зданія влахернскаго дворца. Уже близъ самой подошвы этого холма стояло одно дворцовое зданіе, къ югу опиравшееся на стѣну, которую для обороны дворца построилъ царь Мануилъ, а съ сѣвера примыкавшее къ морю; такъ что, стоя на

---

(1) Отъ созданія міра, т. е. 1203-го года отъ Рождества Христова.

(2) То есть, къ Козьмо-Демьянскому монастырю, который латиняне называли башнею Боемунда, потому что во время перваго крестоваго похода здѣсь нѣсколько времени жилъ графъ Боемундъ. Этотъ загородный монастырь (Du Cange, Const. Christ. lib. IV, pag. 127) надобно отличать отъ церквей Козьмы и Даміана, находившихся внутри города (ibid. pag. 83). Доселѣ всѣ битвы римлянъ съ латинянами происходили еще внѣ стѣнъ самаго города Константинополя.

(3) Очевидно, разумѣется мостъ черезъ рѣку Варвизъ почти при самомъ впаденіи ея въ вершину Золотаго Рога.

стѣнѣ, можно было видѣть высокіе непріятельскіе шатры и даже почти разговаривать съ тѣми изъ непріятелей, которые были расположены близъ гиролимнскихъ воротъ ([1]). Не было совсѣмъ ни вала, ни другихъ какихъ либо оборонительныхъ сооруженій, и только одни стѣны города отдѣляли насъ отъ осаждающихъ. Императоръ Алексѣй, уже давно затаившій въ душѣ своей мысль о бѣгствѣ и всецѣло преданный ей, вовсе не надѣвалъ вооруженія и не показывался непріятелямъ лицомъ къ лицу; но, сложа руки, сидѣлъ и смотрѣлъ на то, что дѣлалось, съ верху высокихъ теремовъ, которые назывались теремами аллеманки-царицы ([2]). Его близкіе сановники и его родственники съ горстію конницы и небольшимъ отрядомъ пѣхоты появлялись изъ за стѣнъ какбы за тѣмъ только, чтобы показать, что городъ еще не совсѣмъ пустъ. Съ той и другой стороны по нѣсколько разъ въ день происходили такимъ образомъ отдѣльныя неожиданныя кавалерійскія сшибки, при чемъ нѣсколько всадниковъ съ обѣихъ сторонъ перебрасывалось между собою копьями въ доказательство своей личной храбрости и не-

---

([1]) Ворота города, въ ряду другихъ воротъ съ сухаго пути ближайшія къ воротамъ влахернскимъ.

([2]) То есть, иринискими, по имени первой супруги императора Мануила Ирины, или, какъ она называлась прежде, Берты, дочери баварскаго графа Беренгара фонъ Зульцбахъ и родной сестры Гертруды, жены нѣмецкаго императора Конрада. О высокихъ личныхъ достоинствахъ этой государыни и о глубокомъ уваженіи, которымъ она пользовалась у царя Мануила, нашъ авторъ говорилъ выше,—Царствов. Мануила кн. 1, § 2, по нашему переводу томъ 1, стр. 69.

устрашимости, и наши въ этихъ случаяхъ вели себя не дурно, особенно—когда управлялъ схваткою царскій зять Өеодоръ Ласкарисъ. Своими страшными ударами онъ доказалъ латинянамъ самымъ дѣломъ, что и между римлянами есть храбрые люди. Равнымъ образомъ выходили иногда на вылазку, особенно черезъ то дворцовое зданіе, о которомъ мы сейчасъ отдѣльно упомянули, отряды пѣхоты и завязывали съ непріятелемъ непродолжительную битву. Изрѣдка также непріятели стрѣляли во дворецъ изъ каменометныхъ машинъ и въ свою очередь со стѣнъ города летѣли въ нихъ тяжелые камни, бросаемые также машинами. Наконецъ семнадцатаго числа мѣсяца іюля непріятели положили и съ суши и съ моря произвесть рѣшительное нападеніе, по видимому, съ намѣреніемъ, достигнутъ ли своей цѣли, или не достигнутъ, вступить послѣ того въ переговоры; потому что во всякомъ случаѣ выигрышъ долженъ былъ быть на ихъ сторонѣ. И вотъ одни стали съ своими кораблями противъ Петріона [1], укрывъ ихъ воловьими кожами, чтобы защитить отъ огня, и увѣшавъ по реямъ веревочными лѣстницами, которыя посредствомъ блоковъ, прикрѣпленныхъ къ мачтамъ, легко опускались и опять поднимались вверхъ. Другіе установили стѣноломный таранъ и разставили по мѣстамъ чагротоксотовъ. Такимъ образомъ по данному

---

[1] *Варіантъ:* «Противъ такъ называемаго петріонскаго лагеря». См. Дюканжа Const. Christ. lib. 1, pag. 43.

знаку одновременно начался общій приступъ, и страшная битва заревѣла повсюду. Латиняне, дѣйствовавшіе тараномъ, пробивъ стѣну, упирающуюся въ море близъ того мѣста, которое называется «Царскіе Сходни», открыли доступъ внутрь; однако союзными римлянамъ пизанцами и сѣкироносными варварами были мужественно отражены и должны были отступить, большею частію получивши сильныя раны. Между тѣмъ осаждавшіе съ моря, подъѣхавъ плотно къ городскимъ стѣнамъ около Петріона и при помощи шлюбокъ кинувъ корабельные якоря на самой береговой землѣ, начали потомъ съ своихъ лѣстницъ битву съ римлянами, защищавшими башни, и легко обратили ихъ въ бѣгство, пользуясь весьма важнымъ для стрѣльбы преимуществомъ въ битвѣ и занимая позицію не только выше, но даже почти надъ головою римлянъ; потому что корабельныя лѣстницы, бывъ вздернуты канатами вверхъ, поднимались гораздо выше городскихъ стѣнъ. Овладѣвъ послѣ того этою частью стѣнныхъ укрѣпленій, непріятели бросились въ разныя стороны и подожгли, прилегавшія къ стѣнамъ, городскія зданія. Открылось жалкое зрѣлище, извлекшее цѣлыя рѣки слезъ въ соотвѣтственность громадности пожара. На протяженіи отъ влахернскаго холма до Евергетскаго монастыря все пылало, и пламя пожара разливалось за Девтеръ ([1]). При видѣ такого

([1]) Девтеръ—названіе мѣстности, находившейся въ двѣнадцатой час-

горестнаго бѣдствія, поразившаго столицу, и подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго отчаяніемъ, распространившимся въ народѣ, царь наконецъ кое какъ надѣлъ оружіе. Въ особенности на него подѣйствовало, когда онъ узналъ, какъ велико было число недовольныхъ, которые въ гнѣвномъ озлобленіи осыпали его поносными и оскорбительными рѣчами, утверждая, что единственно его бездѣйствіе внушило врагамъ дерзкую мысль напасть на самый городъ, что единственно онъ самъ, не приготовивъ благовременно никакой защиты осажденному городу, довелъ до того, что война разразилась подъ его стѣнами,—дѣло небывалое до тѣхъ поръ,—какъ будто не было въ городѣ людей, умѣющихъ владѣть оружіемъ, или не зналъ никто, что лучше было предупредить врага, нежели ждать, пока онъ предупредитъ, и добровольно поставить себя въ то положеніе умирающаго, когда болѣзнь въ послѣдней степени развитія не уступаетъ болѣе силѣ лекарствъ. Двинувшись такимъ образомъ изъ дворца, царь собралъ вокругъ себя большой отрядъ конницы и сосредоточилъ значительную пѣхотную фалангу, въ составъ которой поступилъ весь цвѣтъ городскаго народонаселенія; такъ что сухопутное непріятельское войско, увидавъ вдругъ такое огромное ополченіе, вздрогнуло отъ ужаса. И дѣйствительно, быть можетъ, дѣло приняло бы спасительный оборотъ, если бы

ти города,—см. *Дюканжа* Constantinopol. Chr. lib 2, edit. Venet. 1729, pag. 133.

царь или самъ сразился съ непріятелемъ, или дозволилъ вступить въ бой своему зятю Ласкарису, неотступно рвавшемуся на борьбу съ латинянами. Но мысль о бѣгствѣ, неотвязчиво преслѣдовавшая Алексѣя, и непобѣдимая робость его ближайшихъ совѣтниковъ помѣшали ему сдѣлать то, что было должно сдѣлать. Едва только, построивъ войско, онъ выступилъ за стѣны города, сопровождаемый благословеніями всего народа, по видимому, съ намѣреніемъ крѣпко стать противъ латинянъ, какъ немедленно съ крайнимъ стыдомъ и позоромъ отступилъ назадъ, придавъ своею попыткою сопротивленія еще болѣе надменности и дерзости непріятелю, который, потрясая копьями, горделиво шелъ по пятамъ отступавшихъ римлянъ. Воротившись во дворецъ, Алексѣй началъ тотчасъ же готовиться къ побѣгу, какъ будто хлопоча о томъ, чтобы городъ, быстро клонившійся къ гибельному паденію, палъ ранѣе предназначеннаго срока, и желая ускорить, грозившую ему, его ужасную участь. Сообщивъ о своемъ рѣшеніи нѣкоторымъ изъ своихъ наперсницъ и родственниковъ, взявъ также съ собою дочь Ирину, десять центенаріевъ золота и разныя царскія украшенія, сдѣланныя изъ драгоцѣнныхъ камней и яркаго жемчуга, царь около первой смѣны ночной стражи со всею возможною поспѣшностію полетѣлъ въ Девельтъ, гдѣ уже напередъ приготовилъ себѣ убѣжище. Трусливѣйшій изъ людей! Его не остановило нѣжное родительское чувство къ дѣтямъ; его не удержала любовь

къ женѣ; его не тронула судьба великаго города, и ничего подобнаго ему не пришло на умъ; но въ малодушіи, въ трусости, онъ промѣнялъ благо всѣхъ городовъ, областей и всего народа на свое личное спасеніе, и то — сомнительное! Алексѣй царствовалъ восемь лѣтъ, три мѣсяца и десять дней. Мы видѣли, каковъ онъ былъ на войнѣ; можно прибавить также, что не очень отличался онъ,—чтобы не сказать, что совсѣмъ никуда не годился, — и въ дѣлахъ внутренняго управленія. Но за всѣмъ тѣмъ въ немъ были хорошія стороны. Онъ имѣлъ любезный характеръ, счастливую наружность и высокій ростъ. Не было человѣка добродушнѣе его. Всякому былъ открытъ свободный доступъ къ нему, и онъ никого не отталкивалъ, ни у кого не отнималъ языка суровою встрѣчею, или высокомѣрнымъ взглядомъ; напротивъ всякій желающій могъ придти, свободно просить его о своемъ дѣлѣ и даже иногда возражать прямо и открыто. Правда, вокругъ него всегда было также множество клеветниковъ и льстецовъ. Чувствуя угрызеніе совѣсти за свое преступное дѣло противъ брата, онъ боялся судьбы и постоянно трепеталъ руки, карающей всѣ темныя дѣла смертныхъ; оттого часто бывалъ безпокоенъ и, стараясь казаться безпечнымъ, на самомъ дѣлѣ грустилъ, тревожился и хандрилъ. Если для царей великое и трудное дѣло не подрѣзать въ уровень съ другими выдающихся изъ ряду колосьевъ и не мстить жестоко своимъ обидчикамъ; то и въ этомъ отношеніи нельзя не от-

дать чести Алексѣю: онъ не выкалывалъ глазъ для распространенія тьмы, не обрѣзалъ ни рукъ, ни ногъ, какъ грозды съ винограда, и не мясничалъ надъ людьми. Во все время, пока онъ облекался въ свою печальную порфиру, ни одна жена не надѣвала чернаго платья въ трауръ по мужѣ, котораго отняла бы у нея черная смерть. Не горѣли гнѣвомъ его глаза, какъ вѣчно блестящіе камни его короны, и никого не заставилъ онъ узнать на опытѣ, какъ можно проливать слезы такія же крупныя, какъ его жемчуга.

ВТОРИЧНОЕ
ЦАРСТВОВАНІЕ ИСААКА АНГЕЛА
ВМѢСТѢ СЪ СЫНОМЪ СВОИМЪ
АЛЕКСѢЕМЪ.

1. Итакъ Алексѣй со всею поспѣшностію летѣлъ въ Девельтъ, хотя никто не гнался за нимъ.—Не изъ за женщинъ только бываютъ бѣды и не одна любовь къ женѣ можетъ иногда принесть болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ глубокомысленно замѣтилъ въ древности одинъ мудрецъ, когда, слѣдуя совѣтамъ жены, надѣлалъ бѣдъ въ своемъ государствѣ: но послѣднее и самое худое дѣло, когда самъ мужъ—баба. Какого несчастія, или какой крайности не придется тогда испытать тѣмъ, кто отъ него зависитъ? Вотъ это именно и выпало на долю римлянъ, которымъ къ несчастію судьба посылала императоровъ безпечныхъ, слабыхъ, преданныхъ удовольствіямъ, не хотѣвшихъ принять на себя никакого труда и личную безопасность считавшихъ выше всего.—Между тѣмъ какъ Алексѣй спѣшилъ туда, куда поѣхалъ, собравшійся въ то время во влахернскомъ дворцѣ народъ подъ вліяніемъ того смущенія и безпокойства, которое внушали предстоявшія опасно-

сти, чрезвычайно горячо принялъ къ сердцу его побѣгъ. Всѣмъ казалось несомнѣнно, что латиняне, бывъ такъ близко расположены лагеремъ къ городу и не видя болѣе сопротивленія, мгновенно съ оружіемъ въ рукахъ нахлынутъ на городъ и ворвутся внутрь стѣнъ. Устранивъ отъ управленія всѣхъ свойственниковъ и приверженцевъ Алексѣя, равно какъ императрицу Евфросинію, потому что всѣ они держали сторону измѣнника, народъ въ своемъ крайнемъ стѣснительномъ положеніи обратилъ взоры на Алексѣева брата Исаака, томившагося въ заключеніи внутри дворца, подобно тому, какъ обуреваемые неукротимыми волнами хватаются наконецъ за такъ называемый, послѣдній, священный якорь. Начальникъ царской казны, евнухъ Константинъ позвалъ сѣкироносцевъ, сказалъ имъ приличную рѣчь, между тѣмъ собралось общество лицъ, которыя давно съ нетерпѣніемъ желали вторичнаго воцаренія Исаака, и вотъ — царицу Евфросинію взяли подъ арестъ, всѣхъ ея родныхъ заключили въ темницу, Исаака провозгласили императоромъ, взяли за руку, какъ слѣпаго, — того, кто теперь долженъ былъ смотрѣть за всѣмъ, — и возвели на царскій тронъ! Немедленно Исаакъ послалъ вѣстниковъ къ своему сыну Алексѣю и къ вождямъ латинскаго войска съ увѣдомленіемъ о бѣгствѣ своего царственнаго брата. Правда, латиняне не воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы, какъ многіе опасались, произвесть новое нападеніе на городъ; однако,

съ другой стороны, они не прежде отпустили отъ себя, по просьбѣ Исаака, его сына, какъ уже тогда, когда Исаакъ изъявилъ и отъ своего лица согласіе на выполненіе тѣхъ обѣщаній, которыя сдѣлалъ имъ сынъ его Алексѣй. А эти обѣщанія, какъ выше сказано, были такого рода, что латинянамъ не оставалось желать ничего болѣе ни для своей славы, ни для своихъ выгодъ. Соглашаясь на все для возстановленія отцовскаго престола, Алексѣй, легкомысленное и неопытное дитя, не взвѣсилъ и не взялъ нисколько во вниманіе ни надлежащаго значенія нѣкоторыхъ, предъявлявшихся ему, требованій, ни той ненависти, которую латиняне питали къ римлянамъ. Купивъ, такимъ образомъ, возможность свободно вступить въ Константинополь крайнимъ униженіемъ величія царскаго сана, Алексѣй въ награду за свой подвигъ сѣлъ, въ качествѣ соправителя, рядомъ съ отцемъ на царскій тронъ. Все населеніе города потекло ко дворцу, чтобы посмотрѣть на отца и сына вмѣстѣ и обоимъ воздать поклоненіе. Спустя нѣсколько дней прибыли во дворецъ также военачальники латинянъ, и притомъ не одни, но въ сопровожденіи знатныхъ между ними лицъ. Поданы были имъ стулья, и всѣ они сѣли рядомъ съ царями, слушали, какъ ихъ называли благодѣтелями, спасителями, разными другими въ такомъ же родѣ наименованіями, и съ самодовольствомъ принимали всѣ подобныя величанія, едва не отвѣчая спѣсиво, что—да, точно, мы наказали властолюбиваго

Алексѣя за его шалости и помогли этимъ несчастнымъ ([1]). Но, не говоря объ этомъ, вообще имъ расточали всѣ возможныя почести, услуги, внимательность, предупредительность: все, что засталъ Исаакъ въ царской казнѣ, все, что собралъ самъ, заключивъ подъ арестъ царицу Евфросинію и всѣхъ ея родственниковъ, все начисто, безъ счета, обѣими руками онъ выпорожнилъ и перелилъ въ нихъ. Все это, однако, показалось имъ каплею; потому что нѣтъ народа болѣе корыстолюбиваго, расточительнаго и роскошнаго, какъ они, и, чтобы залить ихъ жажду денегъ, нужно было золота цѣлое море Тирренское ([2]). Тогда Исаакъ святотатственно протянулъ руку къ неприкосновенному, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, и разорилъ въ конецъ и погубилъ наше дѣло. Когда не стало у него денегъ; онъ пошелъ за ними въ Божіи храмы. Началось печальное зрѣлище. Мало того, что отбивали топорами и повергали на полъ святыя иконы Христовы, что драгоцѣнные оклады сдирались съ нихъ на переливку не съ бережью, а какъ попало; съ такою же точно безбоязненностію похищали изъ церквей честные и священные сосуды, переплавляли ихъ и отдавали непріятельскимъ войскамъ въ видѣ обыкновеннаго серебра и золота. Ни самъ государь не почувствовалъ, какъ преступно было такое поруганіе святыни; ни кто нибудь другой не сталъ

([1]) *Варіантъ:* «Едва не высказывая прямо, что, дѣйствительно, мы возвели на престолъ Исаакова сына Алексѣя, испытавшаго столько бѣдъ съ ранней молодости».

([2]) То есть, Адріатическое, на берегу котораго стоитъ Венеція.

тогда передъ нимъ крѣпко за благочестіе: но всѣ мы, по безсловесію ли, или, точнѣе сказать, по безчувственности, спокойно допустили эти неистовства совершиться передъ нашими глазами, за что, какъ виноватые, и осуждены были увидѣть и перенесть ужаснѣйшее наказаніе.

Грубая городская чернь, которая никогда ни сама не придумаетъ чего нибудь добраго, ни другаго никого не послушаетъ, кто сталъ бы учить ее добру, въ то время, когда непріятели вторглись уже въ римскія области, неожиданно бросилась на стоявшіе близъ моря дома западныхъ иноплеменниковъ, не разбирая ни друга, ни недруга, и разрушила ихъ до основанія. Подобнаго рода безразсудное и нелѣпое буйство чрезвычайно вооружило противъ себя не только амольфійцевъ, издавна жившихъ между римлянами [1], но и поселившихся въ Константинополѣ пизанцевъ. Притомъ же, царь Алексѣй прежде своего бѣгства умѣлъ ладить съ этими иностранцами, обольщая ихъ добрыми надеждами, и тѣмъ много уменьшалъ горя. Но послѣ его бѣгства царь Исаакъ, нарушивъ къ нашему вреду прежнія условія, промѣнялъ пизанцевъ на венеціянъ и этимъ произвелъ толь-

---

(1) *Варіантъ:* «не только венеціянъ, явныхъ и всегдашнихъ враговъ, но и»..... Можно замѣтить, впрочемъ, что это чтеніе вовсе не идетъ къ контексту; авторъ, очевидно, говоритъ объ оскорбленіи тѣхъ иностранцевъ, которые доселѣ были союзниками римлянъ и помогали имъ въ борьбѣ съ непріятелями, каковы именно были пизанцы и амольфійцы, или, что по всей вѣроятности одно и тоже, амальфійцы.

ко то, что бывшіе наши союзники, отправившись къ Переѣ ([1]), гдѣ стояли наши враги, съ которыми они прежде соперничали, теперь соединились съ ними, помирились, подружились и стали во всемъ дѣйствовать за одно. Итакъ девятнадцатаго числа мѣсяца августа, шестаго индикта, шесть тысячъ семь сотъ одиннадцатаго года,—2.—нѣсколько французовъ (такъ называвшихся въ древности фламіоновъ ([2]), пизанцевъ и венеціянъ, составивъ шайку, отправились въ свою очередь грабить имущества сарациновъ, какъ легкую и вѣрную добычу. Переѣхавъ ([3]) на лодкахъ въ городъ (потому что рѣшительно ничто не мѣшало имъ теперь подъѣзжать къ городу, или уѣзжать обратно), это нечестивое скопище незамѣтно пробралось къ молельнѣ сыновъ Агари, на простонародномъ языкѣ называемой Митатомъ ([4]), и съ оружіемъ въ рукахъ разграбило все, что въ ней было. Злодѣйство произведено было совершенно неожиданно и сверхъ всякаго чаянія. Однако сарацины, вооружившись, чѣмъ попало, напали на грабителей; къ нимъ присоединились на помощь и римляне, сбѣжавшіеся сюда по первому слуху о злодѣяніи. Къ сожалѣнію, обиженные не

([1]) Переею назывался берегъ Перы, то есть, той части Константинополя, которая одна отдѣльно отъ всѣхъ другихъ частей города находилась по другую сторону Рога.

([2]) *Варіантъ*: «флавіоновъ».

([3]) То есть, со стороны Перы черезъ Золотой Рогъ.

([4]) *μιτάτον*. Разсужденіе о томъ, откуда могло произойти это простонародное названіе мечети, см. у Дюканжа, Const. Chr. lib. 2, pag. 128.

успѣли достигнуть всего, чего слѣдовало; такъ какъ помощники ихъ въ скоромъ времени ихъ оставили. Тогда, бросивъ оружіе въ сторону, сарацины обратили свою месть противъ самаго города и послѣ недавняго пожара задумали произвесть другой, зная по опыту, что ничѣмъ нельзя такъ ужасно отмстить городу и такъ жестоко наказать его, какъ огнемъ. И вотъ, разсыпавшись въ разныя мѣста, они подожгли вдругъ нѣсколько домовъ. Разлившись невообразимо и поядая все, пламя свирѣпствовало всю эту ночь, весь слѣдующій день и весь, заступившій его, вечеръ. Зрѣлище было невиданное и превосходило всякое описаніе. Много бывало прежде пожаровъ въ городѣ, невыразимо ужасныхъ и огромныхъ; но всѣ они въ сравненіи съ настоящимъ были небольшими вспышками. Часто разбрасываясь и раскидываясь въ разныя стороны, пламя опять соединялось вмѣстѣ и представляло собою какбы одно нераздѣльное теченіе огненной рѣки. Портики падали, украшенія площадей низвергались, величественныя колонны исчезали, какъ будто что нибудь удобосгараемое. Ничто не выдерживало силы жара. Къ общему изумленію клубы огня, оторвавшись отъ всепожирающей и несокрушимой среды пламени, проносились по воздуху и зажигали отдаленнѣйшія зданія, перелетая промежуточное пространство подобно брошеннымъ машиною камнямъ, или свѣтиламъ, быстро несущимся по тверди небесной, и оставляя до времени, занимавшія обойденное мѣсто, строе-

нія цѣлыми и неприкосновенными, но потомъ скоро возвращаясь назадъ и на ряду со всѣмъ поядая ихъ до тла. Часто огонь шелъ прямо по направленію сѣвернаго вѣтра, но потомъ повертывалъ, какъ будто встрѣтившись съ вѣтромъ южнымъ, поворачивалъ обратно и истреблялъ назади у себя то, за что по видимому вовсе нельзя было опасаться. Пожаръ доходилъ до самой великой церкви (Св. Софіи). Все, что было около Миліона [1], что примыкало къ Макронскому портику [2] и такъ называемой мѣстности—Синодамъ, все это обратилось въ прахъ. Не устоялъ обожженный кирпичъ; не выдержали глубокіе фундаменты: все уступило силѣ огня и истлѣло, какъ свѣтильня! Первая вспышка началась отъ сарацинской молельни (то есть, съ приморской сѣверной части города, но близости къ церкви [3] святой Ирины); отсюда по направленію на востокъ пожаръ остановился только уже у великой церкви Св. Софіи, на западъ — дошелъ до самой такъ называемой Перамы [4], и въ этихъ предѣлахъ разлился по-

---

(1) Миліонъ—обширное общественное зданіе со сводами и арками; см. примѣчаніе на стр. 302-й перваго тома Ник. Хоніата по нашему переводу, также—Du Cange, lib 1, pag. 62 et 63.

(2) Du Cange, lib 2, pag. 114.

(3) Ibidem lib. 4, pag 102 et 103. Слѣдовательно приморскою стороною авторъ называетъ здѣсь сторону, омываемую водами Золотаго Рога.

(4) Перамою назывался иногда самый Золотой Рогъ, то есть, тотъ заливъ, который отдѣляетъ Перу отъ прочихъ частей города; но мнѣ кажется вѣроятнѣе, что здѣсь подъ этимъ названіемъ разумѣется какая либо извѣстная часть набережной Золотаго Рога со стороны города, гдѣ была устроена пристань для переѣзда чрезъ Рогъ на сторону

томъ ([1]) во всю ширину города. Мало того, перебрасываясь съ какою то чудовищною силою, пожаръ, чего никогда не бывало, истреблялъ даже загородныя зданія и сыпавшимися сверху угольями воспламенилъ и сжегъ плывшій мимо корабль. Такимъ образомъ обращены были въ пепелъ и такъ называемые Домниновскіе портики ([2]), двойные крытые проходы ([3]), начинавшіеся отъ Миліона, изъ которыхъ одинъ доходилъ до самаго Филадельфія ([4]), и вмѣстѣ съ ними Константиновскій рынокъ, и все, что въ указанныхъ отъ востока къ западу предѣлахъ находилось между сѣверною и южною границею города. Не уцѣлѣлъ и ипподромъ ([5]): вся западная часть его сгорѣла совершенно, равно какъ все, что было по направленію отъ нея къ Софіи ([6]), что

Перы. См. Du Cange, lib. 1, pag. 16 et 17. Сравн. *Анны Комниной* по нашему переводу ч. 1, стр. 273, примѣч. 1.

([1]) По направленію къ югу.

([2]) Такъ назывались два примыкавшіе къ Миліону портика, построенные самимъ Константиномъ на Константиновской площади. Они и прежде горѣли; но были возобновляемы. Du Cange, Const. Christ. lib. 2, pag. 89 et 90.

([3]) *Варіантъ*: «и двойные крытые ходы».....

([4]) *Филадельфіемъ,* то есть, Братолюбіемъ, называлось мѣсто, гдѣ стояли двѣ статуи, поставленныя другъ другу двумя братьями императорами, дѣтьми Константина, Констансомъ и Констанціемъ, въ память ихъ первой встрѣчи на этомъ мѣстѣ при взаимномъ свиданіи по прибытіи послѣ смерти своего отца въ Константинополь Констанція съ востока и Констанса съ запада. Du Cange, ibidem lib. 2, pag. 136 et 137.

([5]) Ипподромъ находился въ третьей части города. Ibid. lib. 1, pag. 56; lib. 2, pag. 83 et 84.

([6]) То есть, къ Софійской пристани со стороны Пропонтиды. Ibid. lib. 1, pag. 52.

тянулось по Викану (1) и далѣе—до самой Елевѳеріевской пристани (2). Такъ какъ пожаръ, слѣдовательно, перепоясалъ городъ отъ моря до моря (3), представляя собою какбы одну огромную всепожирающую пасть, или одно непрерывное теченіе огненной рѣки: то не возможно было безъ значительной опасности подать помощь роднымъ, или знакомымъ, иначе, какъ подъѣзжая на лодкѣ. Большею частію городскіе жители просто бросали тогда свое имущество; потому что огонь появлялся и тамъ, гдѣ его нисколько не ожидали: а если иные и переносили свои пожитки на другія мѣста, то также не успѣвали спасти ихъ; потому что разными изгибами, поворотами, уклоненіями съ прямаго пути, или даже обратною дорогою, огонь добирался до нихъ и на ихъ новыхъ мѣстахъ.—Увы, гдѣ теперь всѣ эти изящные и великолѣпнѣйшіе терема съ ихъ разнообразною роскошью, несмѣтными богатствами и всѣмъ, что такъ плѣняло въ нихъ всякаго (4)!

---

(1) Такъ назывались семь башень городской стѣны со стороны Пропонтиды, взаимно защищавшихъ другъ друга и находившихся, какъ можно заключать изъ настоящаго указанія нашего автора, на протяженіи отъ Софійской пристани до Елевѳеріевской; а по нимъ, вѣроятно, такъ же называлась и мѣстность внутри города, соприкасавшаяся съ ними. Ibid. lib. 1, pag. 19 et 20.

(2) Елевѳеріевская пристань, какъ уже сказано, находилась также на сторонѣ города, обращенной къ Пропонтидѣ. Подробнѣе о ней см. Du Cange, lib. 1, pag. 53 et 54.

(3) То есть: «Такъ какъ пожаръ охватилъ городъ во всю ширину его отъ Золотаго Рога, гдѣ начался, до самой Пропонтиды»....

(4) *Варіантъ:* «Увы, гдѣ теперь мои изящные и великолѣпнѣйшіе дома, полные всякой благодати, — гдѣ моя богатая и при всемъ томъ никого не оскорблявшая жизнь?»

При видѣ такихъ ужасныхъ бѣдствій царь Исаакъ во всякомъ случаѣ скорбѣлъ, хотя не столько, сколько слѣдовало; но сынъ его Алексѣй не только не выказывалъ ни малѣйшей скорби, а по видимому желалъ даже, чтобы за одинъ разъ истреблено было все окончательно. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли желать чего нибудь добраго этотъ выродокъ отечества, своимъ огненнымъ лицомъ напоминавшій того злаго ангела истребителя, о которомъ говоритъ Писаніе! Еще не совсѣмъ остановился пожаръ, какъ уже начали опять собирать и переплавлять церковныя драгоцѣнности усерднѣе прежняго. Съ своей стороны латинскіе солдаты употребляли доставляемое имъ такимъ образомъ серебро и золото на свои тѣлесныя нужды, какъ совершенно обыкновенную цѣнность, и предлагали ихъ на рынкѣ въ продажу желающимъ, говоря, что имъ въ этомъ нѣтъ грѣха, такъ какъ они получаютъ свое жалованье, не зная, откуда собраны слѣдующія имъ суммы, но что римляне должны будутъ дать отвѣтъ передъ судомъ Божіимъ, если свое берегутъ, а Божіе отчуждаютъ!

3. Хотя латинскія войска обязаны были оказывать содѣйствіе Алексѣю: однако (когда дядя его, прежній царь Алексѣй, оставивъ Девельтъ, занялъ Адріанополь въ надеждѣ снова возвратить себѣ царскій престолъ, отъ котораго убѣжалъ, предавъ его въ жертву безумнымъ соискателямъ) маркизъ Бонифатій не иначе согласился ему помочь и пособить, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ заплатилъ за это еще шест-

надцать центенаріевъ золота. Выступивъ такимъ образомъ въ походъ, Алексѣй заставилъ своего дядю Алексѣя бѣжать еще гораздо быстрѣе и гораздо далѣе, чѣмъ прежде. За тѣмъ онъ обошелъ города Ѳракіи, устроилъ ихъ управленіе, или, лучше сказать, обобралъ ихъ начисто (потому что сопровождавшее его войско старалось всячески черпать струи золотаго потока и пило подобно ужалѣннымъ жаждотворною змѣею, не зная насыщенія),—спустился къ Кипселламъ и оттуда возвратился опять въ Константинополь, весь преданный партіи, которая помогла дядѣ его Алексѣю ослѣпить и низвергнуть съ престола его отца. Въ крайнемъ негодованіи на это Исаакъ, выжидавшій только удобнаго времени, чтобы обнаружить давно затаенную въ душѣ своей ярость противъ тѣхъ, которые поступили съ нимъ такъ жестоко и неумолимо, постоянно осуждалъ поведеніе своего сына, тѣмъ болѣе, что не могъ не замѣчать, какъ принадлежавшее ему значеніе постепенно слабѣло, уменьшалось и мало по малу переходило къ сыну. Въ особенности его мучила перемѣна въ порядкѣ провозглашенія царскихъ именъ: имя его сына возглашалось теперь первымъ и такъ громогласно, что отъ шума готовы были треснуть стѣны дворца; его же собственное имя возглашалось низшимъ тономъ и раздавалось, какъ будто эхо, послѣ громогласнѣйшихъ провозглашеній сыновняго. Не будучи, однако, въ состояніи сдѣлать что нибудь противъ того, что дѣлалось, Исаакъ только ворчалъ про себя и передъ тѣми,

кому открывалъ доступъ къ завѣтнымъ тайнамъ своего сердца, жаловался на сына, говоря, что не осталось въ немъ ничего добраго, что онъ нисколько не думаетъ исправиться, но становится похожъ на человѣка совершенно потеряннаго,—обращается въ кругу людей испорченныхъ и подражаетъ ихъ нравамъ. Впрочемъ Исаакъ не напрасно и не несправедливо отзывался такъ о своемъ сынѣ: въ Алексѣѣ было, дѣйствительно, много разныхъ и несравненно важнѣйшихъ пороковъ, которыми онъ запятналъ высокую и именитую славу римскаго трона. Уѣзжая въ сопровожденіи небольшаго числа спутниковъ въ палатки къ варварамъ, онъ пьянствовалъ тамъ и цѣлые дни проигрывалъ съ ними въ кости. Товарищи его забавъ снимали съ его головы золотую, усыпанную каменьями, діадиму и надѣвали на себя; а на него нахлобучивали косматую шерстяную шапку латинскаго издѣлія [1]. Но пусть Алексѣй своимъ безразсуднымъ поведеніемъ подобнаго рода возбуждалъ отвращеніе къ себѣ въ благонамѣреннѣйшихъ изъ латинянъ и благомысленнѣйшихъ изъ римлянъ; отецъ его Исаакъ былъ не болѣе привлекателенъ. Онъ снова принялся за свои уродливыя предположенія и началъ опять постоянно заниматься оракулами и предвѣщаніями, еще болѣе нелѣпыми, чѣмъ въ первое царствованіе. Тогда онъ мечталъ о всемірной монархіи и былъ совер-

---

[1] *Варіантъ:* «шапку латинскаго издѣлія, называемую капуциномъ».

шенно убѣжденъ, что, соединивъ подъ своею властію востокъ и западъ, достигнетъ всемірнаго владычества; теперь сверхъ этого ожидалъ еще, что слѣпота его пройдетъ, что его увѣчье сойдетъ съ него, какъ кожа съ змѣи, и онъ явится совершенно новымъ, вполнѣ богоподобнымъ человѣкомъ. Нѣсколько нечестивѣйшихъ и богоненавистныхъ иноковъ, отростившихъ на своей глубокой почвѣ длиннѣйшую бороду, единственно въ посмѣяніе надъ собою облекшихся въ боголюбезный иноческій образъ и только гонявшихся за царскими трапезами, обѣдая вмѣстѣ съ Исаакомъ, поглощая разнаго рода самую свѣжую, самую жирную рыбу и попивая цѣльнѣйшее, старинное, душистое винцо, обыкновенно устроивали вмѣстѣ съ нимъ на словахъ его будущую всемірную монархію; а иногда, поднявъ кривыя руки (1) и коснувшись ими его глазъ, предсказывали, что вотъ уже скоро они обновятся и окрѣпнутъ. При подобныхъ рѣчахъ царь таялъ отъ удовольствія и восторгался этою пошлою лестію блюдолизовъ, какъ будто непреложными обѣтованіями Божіими. Равнымъ образомъ онъ былъ также очень расположенъ къ астрологамъ и часто руководствовался въ своихъ распоряженіяхъ ихъ внушеніями. Такъ по ихъ совѣту онъ приказалъ снять съ пьедестала и перенесть изъ ипподрома въ большой дворецъ Калидонскаго Кабана, кото-

---

(1) *Варіантъ*: «его вывихнутыя руки».

рый былъ представленъ яростно бросающимся (на льва) съ поднявшеюся отъ злости щетиною, —въ полной увѣренности, что послѣ этого онъ всегда будетъ въ состоянiи укротить кабанье свирѣпство и грубое буйство городской черни. Однако, спустя самое небольшое время, пьянѣйшiе изъ городскихъ пьяницъ бросились на статую Аѳины, стоявшую на колоннѣ среди Константиновской площади, и раздробили ее въ мелкiе осколки; потому что этой безумной сволочи пришло въ голову, будто она сдѣлана для западныхъ войскъ. Статуя величиною возвышалась до тридцати футовъ (1). На ней была одежда изъ мѣди, изъ которой она была вся отлита. Одежда ея спускалась до самыхъ ногъ и во многихъ мѣстахъ была собрана въ складки, чтобы не обнаруживать того, что природа назначила скрывать. Поясъ Арея, охватывая ея станъ, стягивалъ его довольно сильно. Крѣпкiя груди прикрывала, доходившая до плечь, испещренная эгида съ изображенiемъ головы Горгоны. Обнаженная и нѣсколько длинноватая шея имѣла дивно прелестную форму. Мѣдь была такъ послушна художнику, что уста статуи, казалось, каждую минуту готовы были издать мелодическiй голосъ. Можно было даже различать направленiя жилъ подъ кожею, и сгибы тѣла, гдѣ имъ слѣдовало быть, складывались такъ естественно, какъ будто бы все оно было одушевлено; такъ что бездушное изваянiе, по

---

(1) Футъ заключалъ въ себѣ четыре пяди, или около 12 дюймовъ.

видимому, блистало всею свѣжестію жизни, очаровывая взоры упоительною красотою. Шлемъ съ конскимъ хвостомъ на головѣ придавалъ, однако, красавицѣ нѣкотораго рода грозный видъ. За то волосы, заплетенные и завязанные назадъ, нѣсколько спускаясь по сторонамъ лба, пріятно нѣжили глазъ, такъ какъ не были совершенно собраны подъ шлемъ, но выдавались нѣсколькими прядями. Лѣвая рука поддерживала складки платья, а правая была протянута, указывая на югъ; голова слегка склонялась въ указываемую сторону и туда же устремлены были взоры,—въ слѣдствіе чего невѣжи, нисколько не понимавшіе даже положенія странъ, ошибочно судя и превратно толкуя, вообразили, будто статуя смотритъ на западъ и какбы зоветъ рукою съ запада войска.

И вотъ эта мысль заставила ихъ разбить статую Аѳины; или, лучше сказать, постоянно унижаясь болѣе и болѣе и поднимая оружіе противъ себя, они наконецъ не въ силахъ были выносить даже изображенія мужества и мудрости! Между тѣмъ наши императоры занимались по прежнему единственно только сборомъ денегъ; потому что жадность тѣхъ, кому они отдавали ихъ, была неудовлетворима, и чѣмъ болѣе имъ давали, тѣмъ болѣе въ нихъ разгоралась страсть къ золоту. Предположено было поэтому произвесть сборъ податей даже съ константинопольскихъ гражданъ: но такъ какъ подобная мѣра не могла обойтись безъ большой тревоги (потому что народъ, раздраженный нена-

вистнымъ требованіемъ, взволновался, какъ безграничное и вольное море при сильномъ вѣтрѣ, угрожая бунтомъ); то, оставивъ это предположеніе, цари принялись для удовлетворенія латинской ненасытности обирать въ частности людей болѣе богатыхъ. Въ свою очередь вся тяжеловѣсная золотая утварь великой церкви, съ присоединеніемъ къ ней даже серебряныхъ подсвѣчниковъ, была теперь также отобрана, переплавлена и въ видѣ смѣси, святотатственно составленной изъ несмѣсимаго, брошена, просто сказать, на съѣденіе собакамъ [1].

4. Однако и такого рода подвиги, доходившіе до явнаго беззаконія, отнюдь не достигали цѣли. Западные золотопромышленники, пользуясь простотою римлянъ и играя неразуміемъ ихъ государей, требовали, чтобы одни доставляли имъ грузы дорогихъ веществъ, а другіе стояли при выгрузкѣ и таскали имъ эти тяжести,— одни привозили золото, а другіе готовились везть, и чтобы такъ дѣлалось постоянно. Въ слѣдствіе своего недовольства римлянами они, подъ предводительствомъ попеременно то одного, то другаго изъ своихъ вождей, нападали поэтому на загородныя увеселительныя мѣста, на святыя церкви Пропонтиды, на великолѣпные загородные царскіе дворцы, грабили все, что

---

[1] Варіантъ на слова: *Въ свою очередь..... на съѣденіе собакамъ.* «Золотыя пелены и священные покровы великой церкви, дорогіе, сдѣланные изъ нитей золота, равно какъ ручники и кадила, были тепер также перелиты, переплавлены и употреблены на пищу и питье грабителей».

находили тамъ, и предавали ихъ огню; такъ что не оставили въ цѣлости ни одного прибрежнаго зданія, какъ истинные варвары, неспособные понимать ничего изящнаго и созданные единственно для того, чтобы все разрушать. Часто они подплывали даже къ берегамъ самаго города и затѣвали войну. Впрочемъ побѣда иногда оставалась при этомъ на сторонѣ римлянъ и вообще не даромъ доставалась противникамъ; такъ что жители города, ободрившись въ нѣкоторой степени, приступили къ царю съ просьбою, чтобы онъ съ войскомъ помогъ имъ, вѣрнымъ сынамъ отечества, въ отраженіи непріятелей, если только онъ не на одних словахъ привер женъ къ римлянамъ и не сердечно преданъ латинянамъ. Однако ихъ просьба не повела ни къ чему; потому что и самому Алексѣю казалось не естественно, или даже пагубно, въ его положеніи возставать противъ латинянъ, и отецъ его Исаакъ совѣтовалъ ему не обращать ни малѣйшаго вниманія на требованія толпы, а напротивъ оказывать какъ можно болѣе уваженія людямъ, которые возвратили его въ отечество ([1]). Того же мнѣнія держалось молодое поколѣніе царскаго рода, по юности сочувствуя юному Алексѣю. Иные подъ веселый часъ назва-

---

([1]) Варіантъ на слова: *потому что и самому Алексѣю... въ отечество.* «Потому что Алексѣю невозможно было воевать съ франками послѣ того, какъ онъ далъ имъ всѣ возможныя клятвы и обѣщанія. Съ другой стороны отецъ въ тоже время говорилъ ему: оставь ихъ, — пусть они кричатъ; ты долженъ оказывать всякое уваженіе требованіямъ латинянъ, потому что они возвратили тебя въ твое отечество».

лись даже латинянамъ въ задушевные друзья [1] и теперь отвергали желанія гражданъ, какъ пустыя рѣчи, по тому, что боялись войны съ латинянами болѣе, чѣмъ стадо оленей боится рыканія льва. Одинъ только Алексѣй Дука, прозванный своими сверстниками Мурцуфломъ за то, что у него брови сходились и какбы висѣли надъ глазами,—увлекаясь притомъ главнымъ образомъ жаждою царской власти и поэтому заискивая благосклонности гражданъ, — не боялся войны съ латинянами и представилъ прекрасный образецъ своего мужества, сразившись съ непріятелями близъ такъ называемаго Просверленнаго Камня и находящейся тамъ арки. Но такъ какъ никто изъ бывшихъ при этомъ прочихъ отечественныхъ военачальниковъ, повинуясь волѣ царя, не рѣшился оказать ему въ то время своего содѣйствія: то онъ едва не попалъ въ плѣнъ; потому что конь, на которомъ онъ сидѣлъ, упалъ на колѣна, при чемъ вся масса противниковъ бросилась на одного нашего вождя и только новобранскій отрядъ стрѣлковъ, составившійся изъ жителей города, выручилъ его изъ бѣды. Послѣ этого народъ, не нашедши въ правительствѣ никакого сочувствія и никакой помощи себѣ тогда, когда былъ извлеченъ мечъ противъ латинянъ, началъ подготовлять возстаніе, кипятиться подобно котлу на огнѣ, обдавать государей паромъ горячихъ порицаній и выводить наружу мысли, которыя уже давно въ немъ

---

(1) *Варіантъ:* «Иные заключили съ франками дружбу и побратимство».

пригрѣвались и таились. Наконецъ двадцать пятаго января, седьмаго индикта, шесть тысячъ семь сотъ двѣнадцатаго года ([1]), въ великой церкви составилось чрезвычайно огромное собраніе. Силою заставили явиться сюда также сенатъ, соборъ архіереевъ и почетное духовенство для общаго разсужденія объ избраніи новаго царя. Когда потребовали моего личнаго мнѣнія о томъ, что слѣдовало дѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ: я рѣшительно не согласился подчиниться приговору людей, которые предлагали немедленно низложить царствующихъ государей и на ихъ мѣсто поставить новаго царя; потому что я очень хорошо понималъ, что, по меньшей мѣрѣ, новоизбранный будетъ устраненъ, какъ по разнымъ другимъ причинамъ, такъ особенно потому, что латинскіе полководцы опять всѣми силами ухватятся и станутъ за Алексѣя. Но народъ, эта масса, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, бурная, ничего не способная понять кромѣ того, чего упрямо захочетъ, твердилъ, что не хочетъ болѣе царствованія Ангеловъ и что собраніе не иначе разойдется, какъ по избраніи угоднаго ему правителя. Зная по опыту, что его упорства нельзя переломить, я сложилъ руки и, жалуясь на нашу несчастную судьбу, залился слезами, обильно струившимися по моимъ щекамъ; потому что, разумѣется, напередъ предвидѣлъ, что будетъ. Между тѣмъ заправители собранія горячо занялись пріисканіемъ желан-

([1]) То есть, 1204-го года по Рождествѣ Христовомъ.

наго государя и безъ всякихъ предварительныхъ соображеній предлагали въ императоры то одного, то другаго изъ круга высшей знати. Забраковавъ всю знать, они начали потомъ выбирать въ цари коноводовъ черни, народныхъ льстецовъ, даже нѣкоторыхъ изъ нашего сословія (1): схватятъ за руку, вытащатъ на средину и съ обнаженными мечами въ рукахъ начнутъ убѣждать—идти въ вѣнценосцы! Охъ, охъ, охъ, что могло быть прискорбнѣе и тяжелѣе подобной пытки, или что можно представить себѣ смѣшнѣе и безтолковѣе дурачества тогдашняго сборища? «*Ризу имаши: началовождь намъ буди*» (Исаіи 3, 6.),—вотъ какъ просто рѣшали тогда дѣло!—5.—Въ заключеніе всего черезъ три дня взяли одного молодаго человѣка, по имени и прозванію Николая Канавоса, и противъ его воли помазали его въ цари. Когда дошло это до свѣденія царя Алексѣя (Исаакъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи (2); такимъ образомъ многочисленныя предсказанія о его всемірномъ владычествѣ съ его смертію кончились ничѣмъ и улетѣли, какъ грезы больнаго): онъ пригласилъ къ себѣ маркиза Бонифатія, и, разсудивъ въ двоемъ о существовавшихъ обстоятельствахъ, оба они положили, что нужно ввесть во дворецъ латинское войско, чтобы такимъ образомъ низложить новопоставленнаго царя и поставившій его народъ. Едва только ихъ намѣ-

(1) То есть, изъ сословія сенаторовъ.

(2) *Варіантъ*: «Исаакъ въ это время кончался и испускалъ послѣдній вздохъ».

реніе сдѣлалось извѣстнымъ [1]; Дука Мурцуфлъ рѣшился воспользоваться этимъ отлично удобнымъ случаемъ для замышленнаго имъ переворота и кромѣ большаго числа своихъ родственниковъ склонилъ на свою сторону евнуха, управлявшаго царскимъ казнохранилищемъ,—человѣчка очень слабаго передъ приманкою почестей и весьма податливаго на взятку. Тотъ, собравъ сѣкироносцевъ и сообщивши имъ намѣреніе императора, предложилъ имъ обсудить, угодно ли имъ будетъ то, чего желаютъ всѣ римляне [2]; само собою разумѣется, что онъ склонилъ ихъ на свою сторону весьма скоро. Послѣ этого низложеніе императора было разыграно какъ будто на сценѣ. Въ глубокую ночь Дука́ вошелъ къ государю (такъ какъ былъ къ нему ближе всѣхъ, имѣя санъ протовестіарія и право носить разноцвѣтные [3] сандаліи) и съ тревожнымъ участіемъ сказалъ ему, что его родственники, множество неизвѣстныхъ людей и впереди всѣхъ сѣкироносный отрядъ варваровъ бѣшено рвутся въ дверь съ цѣлію соб-

---

(1) Должно замѣтить, что оно сдѣлалось извѣстнымъ черезъ самого же Дуку Мурцуфла, котораго посылалъ Алексѣй секретно пригласить къ себѣ маркиза Бонифатія и который до послѣдней минуты царствованія Алексѣя пользовался его полнѣйшимъ довѣріемъ, потому что казался его усерднымъ и преданнѣйшимъ слугою.

(2) Варіантъ на слова: *Тотъ, собравъ.... чего желаютъ всѣ римляне.* «Имѣя между прочимъ въ виду также грозившую впереди опасность, онъ созвалъ варяговъ и началъ толковать съ ними какъ будто отъ имени царя. Вотъ что, сказалъ онъ, думаетъ царь! Хорошо и справедливо будетъ то, чего хотятъ и чего нетерпѣливо желаютъ теперь всѣ».

(3) *Варіантъ:* «носилъ зеленые полусапожки».

ственноручно разорвать его за очевидное единодушіе и дружескую связь съ латинянами. Пришедши въ ужасъ при такомъ извѣстіи и почти не владѣя сознаніемъ, императоръ обратился къ нему съ мольбою дать совѣтъ, что ему дѣлать. Дука окуталъ его на скорую руку широкою, спускавшеюся до ногъ, домашнею одеждою, схватилъ за руку и торопливо, какъ будто съ цѣлію скорѣе спасти, повелъ его чрезъ потайную дверь въ секретную комнату (1), находившуюся внутри дворца. Императоръ почти благодарилъ его за все его участіе при этомъ и какбы говорилъ ему словами Давида: «*скры мя въ селеніи своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего*» (Псал. 26, ст. 5); тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ согласно съ изреченіями другихъ псалмопѣній Давидовыхъ, въ которыхъ говорится: «*устнѣ льстивыя въ сердцѣ, и въ сердцѣ глаголаша злая* (Псал. 11, ст. 3),—*яко мнѣ убо мирная глаголаху, и на гнѣвъ лести помышляху* (Псал. 34, ст. 20)». Немедленно за тѣмъ императоръ былъ закованъ по ногамъ въ желѣзныя цѣпи, брошенъ въ самую ужаснѣйшую тюрьму и исчезъ подъ покровомъ мрака; а Дука возложилъ на себя отличія царскаго сана. Послѣ того одни явились къ Дукѣ и ему принесли обычныя при возшествіи императоровъ на престолъ поздравленія; а другіе собрались къ державшемуся при великой церкви Канавосу, человѣку вообще до-

---

(1) *Варіантъ:* «въ тайную, самую сокровеннѣйшую комнату дворца».

бродушному, благонамѣренному и не лишенному военныхъ дарованій. Но такъ какъ у константинопольцевъ (правда должна быть выше любви къ соотечественникамъ) всегда получало перевѣсъ то, что хуже: то Дука бралъ верхъ и усиливался; а Канавосъ постепенно терялъ свой блескъ подобно склоняющейся къ ущербу лунѣ. Наконецъ, спустя не много, оруженосцы Дуки арестовали его и заключили подъ стражу; такъ что изъ всего собранія, вѣнчавшаго его на царство, ни одного человѣка не явилось къ нему на защиту, и всѣ, провозгласивши его царемъ, за тѣмъ разсыпались въ разныя стороны. Что же касается императора Алексѣя, то Дука два раза подносилъ ему чашу съ отравой: но такъ какъ юная натура крѣпко противилась дѣйствію яда, ктому же молодой человѣкъ тайно принималъ противоядія; то онъ пресѣкъ нить его жизни петлею, или, такъ сказать, выгналъ и препроводилъ въ адъ его душу тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, послѣ акробатическаго царствованія, продолжавшагося шесть мѣсяцевъ и восемь дней.

ЦАРСТВОВАНІЕ
АЛЕКСѢЯ ДУКИ МУРЦУФЛА.

1. Окончательно утвердившись на престолѣ, Дука задумалъ много перемѣнъ и надѣялся все перевернуть по своему. Это былъ человѣкъ хитрый и въ тоже время весьма самонадѣянный, полагавшій всю правительственную мудрость въ скрытности и разсчитывавшій при помощи ея къ общему изумленію вдругъ явиться со временемъ, въ вѣкахъ отдаленной будущности, благодѣтелемъ своего отечества, въ силу того правила, что, какъ онъ говорилъ, царю слѣдуетъ дѣйствовать не опрометчиво и безразсчетно, но осмотрительно и не торопливо. Такого образа мыслей онъ держался какъ по своему собственному убѣжденію, полагая, что онъ самъ знаетъ все, что нужно́, и что его одного станетъ на всѣ дѣла, такъ равнымъ образомъ по совѣтамъ своего призрачнаго сотрудника, тестя своего Филокалія. Желая поставить этого человѣка во главѣ сената, Дука безъ всякой благовидной причины отставилъ меня отъ должности секрето-логоѳета (1) и опредѣлилъ его на мое мѣ-

(1) О значеніи этой должности сдѣлано замѣчаніе выше, на стр. 112.

сто. Съ своей стороны Филокалій, человѣкъ, совершенно отвыкшій отъ всякой близости съ другими, между тѣмъ по необыкновенному честолюбію робко простиравшій свои притязанія за предѣлы должнаго, чтобы не сидѣть рядомъ съ нѣкоторыми другими сановниками, притворился больнымъ подагрой, какъ будто вмѣстѣ съ ногами потерялъ мозгъ и въ слѣдствіе того за утратою умственныхъ способностей получилъ право пренебрегать приличіями (1). Царскія сокровищницы Дука нашелъ не только не переполненными черезъ край, или даже не только убавившимися на половину, но совершенно пустыми, и потому немедленно по воцареніи началъ жать, гдѣ не сѣялъ, и собирать, гдѣ не расточалъ. Онъ обложилъ тяжелыми взысканіями всѣ лица, въ санѣ кесарей и севастократоровъ занимавшія прежде, въ правленіе Ангеловъ, высшія правительственныя должности, и вырученныя отсюда деньги обратилъ на государственные расходы. Прежде всего и нетерпѣливѣе всѣхъ желалъ онъ окончательно отразить латинянъ, считая это дѣло легкимъ: поэтому увеличилъ бревенчатыми надстройками высоту прибрежныхъ стѣнъ города, огородилъ земляныя (2) ворота

---

(1) Варіантъ на слова: *Съ своей стороны Филокалій.... пренебрегать приличіями.* «Не зная порядковъ управленія, Филокалій много дѣлалъ не такъ, какъ слѣдовало, и распоряжался нерѣшительно. Между тѣмъ никому изъ приходившихъ къ нему лицъ онъ не хотѣлъ уступить перваго мѣста при входѣ, или при выходѣ, и поэтому притворился больнымъ подагрой, какъ будто всѣ люди были дураки и умъ у всѣхъ ушелъ въ пятки».

(2) Земляными воротами въ противоположность прибрежнымъ назы-

укрѣпленіями и собственнымъ примѣромъ одушевилъ войско. Много разъ, опоясавшись мечемъ, съ мѣдною булавою въ рукахъ, онъ собственноручно то отражалъ непріятельскія нападенія, то самъ храбро и неожиданно нападалъ на непріятелей, когда они разрозненно бродили за поискомъ продовольствія. Этимъ онъ очень нравился горожанамъ, хотя въ тоже время часто возбуждалъ ропотъ и неудовольствіе противъ себя со стороны своихъ родственниковъ. Воспитанные въ нѣгѣ и избалованные роскошью, они упорно отворачивали голову и отклонялись отъ него, какъ одержимые болѣзнью отъ непріятнаго лекарства, когда онъ заставлялъ ихъ держать себя строго и весть жизнь добропорядочную. Слушать его упреки и брань (а надобно замѣтить, что голосъ у него былъ чрезвычайно сильный и рѣзкій и горло широкое) было имъ такъ же противно, какъ отвѣдать полипа, покушать чемерицы, или напиться бычачьей крови [1], и они желали его погибели, какъ ми-

---

вались всѣ ворота той стороны константинопольскихъ стѣнъ, которою онѣ обращены были къ материку, такъ какъ прочія стороны города омываются моремъ. Всѣхъ ихъ было осьмнадцать, и они слѣдовали, начиная отъ Золотаго Рога по направленію къ Пропонтидѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) ксилокеркскія, 2) керкопортскія, 3) влахернскія, 4) гиролимнскія, 5) Іоанна Крестителя, 6) Безтѣлесныхъ Силъ, 7) каллиниковскія, 8) харсійскія, 9) романовскія, 10) поліандрійскія, 11) новыя, 12) пемптскія, 13) атталовскія, 14) карейскія, 15) меландизійскія, 16) золотыя, 17) ригійскія и 18) древнія.

[1] Авторъ, приводя эти сравненія, продолжаетъ свое сопоставленіе изнѣженныхъ родственниковъ Дуки съ больными. Чемерицу, равно какъ, вѣроятно, и другія, называемыя имъ, противныя вещества, древніе употребляли какъ лекарство противъ разныхъ душевныхъ болѣзней, сумасшествія, слабоумія и под.

лости божеской. Однажды, когда Балдуинъ, графъ фландрскій, опустошалъ окрестности Филея и собиралъ тамъ подати, выступилъ противъ него царь. Войска ихъ встрѣтились и завязали между собою битву: но римляне скоро оробѣли и бросились въ поспѣшное бѣгство; такъ что царь, оставшись одинъ, едва не погибъ, и икона Богоматери, которую римскіе цари обыкновенно брали съ собою въ сраженіе, досталась противникамъ. Впрочемъ, если уже это было ужасно; то впереди слѣдовало ожидать бѣдъ гораздо болѣе худшихъ и ужаснѣйшихъ: потому что на большихъ корабляхъ опять устроивались страшныя лѣстницы, готовились всякаго рода машины, развѣвались флаги, и латиняне предлагали необыкновенно большое жалованье тѣмъ, кто изъявитъ желаніе поступить на ихъ корабли для битвы.

2. Такимъ образомъ бѣда шла за бѣдою,—одна приходила, другая въ слѣдъ за нею виднѣлась впереди. О заключеніи мира не было даже рѣчи и всѣ переговоры были совершенно прерваны, или, лучше сказать, всякій разъ рѣшительно прерываемы какою то злою силою. Такъ дожъ Венеціи Генрихъ Дандуло, рѣшившись вступить въ переговоры съ царемъ о заключеніи мира, сѣлъ, однажды, на трехгребный корабль и подъѣхалъ къ берегу у Козьмодемьянскаго монастыря; сюда же на конѣ пріѣхалъ царь. Оставивъ въ сторонѣ всѣ поводы къ неудовольствіямъ, они повели рѣчь о мирѣ. Венеціянскій дожъ вмѣстѣ съ прочими латинскими вождями требо-

валъ немедленно, не сходя съ мѣста, отсчитать имъ пятьдесятъ центенаріевъ золота, прибавляя къ тому еще нѣсколько другихъ подобныхъ условій, обидныхъ и унизительныхъ для людей, которые всегда наслаждались свободою и привыкли не повиноваться, а повелѣвать, — стоившихъ по своей тяжести хорошихъ лакедемонскихъ плетей, хотя для тѣхъ, кому въ противномъ случаѣ предстояла, во первыхъ, опасность общаго плѣна, а за тѣмъ, во вторыхъ, само собою разумѣется, грозила общенародная погибель, конечно, болѣе или менѣе сносныхъ и во всякомъ случаѣ не самыхъ ужасныхъ. Но въ то время, какъ шла рѣчь о мирѣ, вдругъ на возвышеніи показались латинскіе всадники, несшіеся во весь опоръ на царя; такъ что онъ, быстро поворотивъ коня назадъ, едва избѣжалъ опасности, а изъ его свиты нѣкоторые были взяты въ плѣнъ. Непомѣрная ненависть къ намъ латинянъ и крайнее несогласіе наше съ ними не допускали между нами ни на одну минуту мысли о дружелюбіи. Между тѣмъ большія непріятельскія суда, на которыхъ приготовлены были испробованныя уже лѣстницы и всѣ необходимыя для осады орудія, отплыли отъ береговъ (Перы), выстроились въ рядъ по протяженію городскихъ стѣнъ и, ставши въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, заняли параллель всего пространства, которое по прямой линіи простирается отъ Евергетскаго монастыря до влахернскаго дворца и которое послѣ пожара представляло собою выгорѣвшую, изрытую, полную раз-

валинъ и совершенно запустѣвшую мѣстность. Сдѣлавъ съ своей стороны также соотвѣтственныя распоряженія противъ враговъ, Дука приказалъ поставить царскую палатку на кургани Пантепоптскаго монастыря, откуда можно было видѣть непріятельскіе корабли и даже различать, что на нихъ дѣлалось. Наконецъ утромъ девятаго числа мѣсяца апрѣля, седьмаго индикта, шесть тысячъ семь сотъ двѣнадцатаго года, корабли вмѣстѣ съ дромонами подплыли къ самымъ стѣнамъ, отважнѣйшіе изъ непріятельскихъ солдатъ взобрались на лѣстницы, и всякаго рода выстрѣлы посыпались на римлянъ, засѣвшихъ въ башни городскихъ стѣнъ. Весь этотъ день продолжалась такимъ образомъ жестокая битва, и по видимому римляне взяли верхъ; потому что корабли съ осадными лѣстницами и конновозные дромоны принуждены были отступить отъ стѣнъ, ничего не сдѣлавши, а бросаніемъ камней изъ города было истреблено весьма значительное количество непріятелей. Переждавъ слѣдующій день и наступившее за тѣмъ воскресенье, непріятели снова подплыли потомъ къ городу и стали подлѣ самаго берега,—это было двѣнадцатаго числа, мѣсяца апрѣля, въ понедѣльникъ шестой недѣли великаго поста. До полудня наши все еще одолѣвали; хотя страшная битва была сильнѣе и ужаснѣе, чѣмъ третьяго дня. Но такъ какъ царю всѣхъ городовъ суждено уже было подпасть подъ иго рабства, и Богъ опредѣлилъ укротить и обуздать насъ; ибо всѣ мы, отъ пастыря до

простолюдина, забылись, какъ рьяные и неукротимые кони: то вотъ—два человѣка, отдавшись на произволъ судьбы, первые изъ союзнаго войска соскакиваютъ съ одной лѣстницы, находившейся близъ самаго Петріона и дѣйствовавшей противъ царя, бросаются на ближайшую башню городской стѣны и приводятъ въ трепетъ защищавшій ее отрядъ римлянъ! Потрясая надъ головою руками въ знакъ радости и ободренія, они увлекли потомъ въ слѣдъ за собою другихъ болѣе храбрыхъ своихъ соплеменниковъ. Почти одновременно съ ними вторгся въ башню чрезъ бывшія въ ней ворота одинъ всадникъ, по имени Петръ, который, по видимому, одинъ въ состояніи былъ обратить въ бѣгство цѣлыя фаланги: это былъ великанъ, своимъ громаднымъ ростомъ напоминавшій девятисаженныхъ гигантовъ; такъ что каска, которую онъ носилъ на своей головѣ, казалась укрѣпленною башнею какого нибудь города. Будучи не въ силахъ взглянуть на высокое чело одного этого рыцаря поразительной наружности и необыкновенной величины, благородные люди, составлявшіе царскую свиту, а за ними и все войско, почли лучшимъ средствомъ спасенія обычное бѣгство, соединившись и слившись всѣ какбы въ одну неблагородную душу. Въ робости оставивъ непріятелямъ укрѣпленныя позиціи (на высокихъ холмахъ), римскія войска тысячами бѣжали отъ одного: бывъ задерживаемы въ своемъ бѣгствѣ чрезъ золотыя земляныя ворота города новопостроенною вокругъ

ихъ прочною оградою, они проломили ее, бросились далѣе и разсѣялись въ разныя стороны, стремясь, куда имъ и слѣдовало, въ бездну и совершенную погибель. Между тѣмъ непріятели, не встрѣчая никакого сопротивленія, разсыпались по всему городу и обратили мечъ противъ людей всякаго возраста и пола. Они не заботились болѣе о сохраненіи между собою воинскаго порядка и строя; но разбрелись отдѣльными безпорядочными толпами, какъ побѣдители, внушавшіе уже непреодолимый страхъ побѣжденнымъ. Вечеромъ латиняне произвели въ восточной части города, нѣсколько впереди Евергетскаго монастыря, пожаръ, который и истребилъ всю эту сторону, начиная отсюда по направленію къ морю до самаго друнгаріева дома (1). За тѣмъ они собрались опять и стали лагеремъ около Пантепонтскаго монастыря, разграбивъ царскую палатку и овладѣвъ даже самымъ влахернскимъ дворцомъ безъ всякаго усилія и безъ сопротивленія. Въ это время царь, появляясь то тамъ, то здѣсь, въ разныхъ улицахъ города, старался вооружить и соединить въ

---

(1) Друнгаріевымъ домомъ называлось зданіе, въ которомъ помѣщалось главное судебное мѣсто морскаго вѣдомства, или адмиралтейство, называвшееся обыкновенно *секретомъ* или *дикастеріею великаго друнгарія*. Впрочемъ, потому ли, что морское вѣдомство было въ правленіе Ангеловъ вообще крайне запущено, какъ это читатель могъ видѣть изъ предшествовавшей исторіи, или потому, что, можетъ быть, секретъ великаго друнгарія былъ переведенъ въ другое помѣщеніе, чего однако ни откуда не видно, во всякомъ случаѣ въ такъ называвшемся друнгаріевомъ домѣ вмѣсто адмиралтейства была устроена благотворительностію царя Исаака Ангела общественная больница. См. *Царств. Исаака Анг.* кн. 3, § 7, стр. 124 и 125.

стройное ополченіе скитавшійся тамъ народъ; но ни убѣжденія ни на кого не дѣйствовали и не воодушевляли никого, ни укоризнъ никто не слушалъ, и на всѣхъ налегла эгида отчаянія. Словомъ сказать, кончился день, наступила ночь, и каждый изъ жителей города спѣшилъ куда нибудь унесть и спрятать свое имущество,—иные совсѣмъ оставляли городъ и всѣ принялись спасаться, какъ кто могъ.

3. Видя, что всѣ усилія безуспѣшны, а съ другой стороны опасаясь самъ быть схваченнымъ и попасть своего рода лакомымъ кушаньемъ или десертомъ въ зубы латинянъ, Дука бросился въ большой дворецъ и, посадивъ съ собою на шлюбку супругу царя Алексѣя царицу Евфросинію и дочь ея Евдокію, въ которую былъ влюбленъ,—съ раннихъ лѣтъ безстыдный развратникъ и сластолюбецъ, безъ всякой справедливости разведшійся уже съ двумя законными супругами,—оставилъ городъ, царствовавъ два мѣсяца и шестнадцать дней. Когда такимъ образомъ царь покинулъ столицу; двое скромныхъ и извѣстныхъ военными дарованіями юношей (Дука и Ласкарисъ,—именами же оба они напоминаютъ верховнаго начальника вѣры (¹)), видя, что римская имперія, это обширнѣйшее и вмѣстѣ знаменитѣйшее государство, предоставлена распоряженію случая и игрѣ слѣпой судь-

---

(¹) Варіантъ на слова: *именами же... вѣры.* «По имени тотъ и другой—Θеодоръ».—Слѣдовательно употребляемая авторомъ фраза указываетъ на производство этого имени отъ словъ: Θεὸς—Богъ и δῶρον—даръ.

бы, начали спорить между собою о верховной власти, какъ о кораблѣ, разбиваемомъ бурею. Они пришли оба въ великую церковь, и каждый изъ нихъ сталъ доказывать свои права на престолъ, стараясь пересилить и преодолѣть одинъ другаго, но въ существѣ дѣла не имѣя сравнительно съ другимъ ни преимущества, ни недостатка, потому что оба были одинаково достойны, и никто по справедливости не могъ ни укорить, ни исключительно поддержать того, или другаго. Наконецъ клиръ отдалъ предпочтеніе Ласкарису, который впрочемъ не возложилъ на себя знаковъ императорскаго достоинства ([1]). Вышедши вмѣстѣ съ патріархомъ изъ церкви въ Миліонъ, Ласкарисъ началъ неотступно увѣщавать и поощрять собравшійся сюда народъ къ сопротивленію непріятелямъ. Равнымъ образомъ онъ возбуждалъ идти на предстоявшую битву и сѣкироносцевъ съ ихъ бранными желѣзными оружіями на плечахъ, говоря, что имъ также надобно не менѣе римлянъ страшиться бѣдствій, если управленіе римскою имперіею перейдетъ къ чужеземцамъ, потому что они не будутъ уже тогда получать такой богатой платы за службу и не удержатъ почтеннаго званія охранной царской стражи, но будутъ зачислены въ непріятельское войско даромъ на ряду со всѣми. Однако, не смотря на всѣ его усилія,

---

([1]) То есть, видя паденіе имперіи, Ласкарисъ до времени возстановленія ея принялъ вмѣсто высокаго императорскаго титула болѣе скромный титулъ деспота.

никто изъ народа не отозвался на его голосъ и даже сѣкироносцы обѣщали содѣйствіе только за деньги, безчестно и воровски считая крайнюю опасность положенія удобнѣйшимъ временемъ торговаться; между тѣмъ появлялись уже латинскія фаланги латниковъ: поэтому онъ долженъ былъ наконецъ удалиться отсюда и рѣшился спасаться бѣгствомъ.

Съ своей стороны непріятели, видя сверхъ ожиданія, что никто не выходитъ на битву, никто не противится имъ и никто не поднимаетъ противъ нихъ оружія, но вездѣ открыта свободная дорога безъ всякихъ признаковъ сопротивленія,—улицы не защищены, перекрестки оставлены, война кончена и бывшіе противники безпрекословно покорились,—что между тѣмъ какая то счастливая звѣзда вызвала и собрала всѣхъ жителей покореннаго города имъ на встрѣчу съ крестными знаменіями и досточтимыми иконами Христа Спасителя, какъ обыкновенно устроиваются подобныя церемоніи въ праздничныхъ и торжественныхъ случаяхъ,—видя, говорю, все это, непріятели не измѣнили своего душевнаго настроенія, не вызвали на свои уста улыбки, не озарились при такомъ неожиданномъ зрѣлищѣ свѣтлою радостію въ лицѣ и взорахъ, но съ тѣмъ же мрачнымъ и свирѣпымъ видомъ, въ полномъ вооруженіи, а нѣкоторые даже на своихъ закованныхъ въ плотные панцыри и движущихся по звуку трубы коняхъ, безстыдно бросились грабить, начавъ съ возовъ, какъ частныя, такъ равно и посвященныя Бо-

гу имущества. Что же во первыхъ, что потомъ и что наконецъ разсказать мнѣ объ ужасахъ, совершенныхъ тогда этими *мужами крови*? Увы, вотъ безчестно повержены достопоклапяемыя иконы! Вотъ разметаны по нечистымъ мѣстамъ останки мучениковъ, пострадавшихъ за Христа! О чемъ и слышать страшно,—можно было видѣть тогда, какъ божественное тѣло и кровь Христова повергались и проливались на землю. Расхищая драгоцѣнныя вмѣстилища ихъ, латиняне одни изъ нихъ разбивали, пряча за пазуху бывшія на нихъ украшенія, а другія обращали въ обыкновенное употребленіе за своимъ столомъ вмѣсто корзинокъ для хлѣба и кубковъ для вина, какъ истинные предтечи антихриста, или предшественники и провозвѣстники его нечестивыхъ дѣяній! Что претерпѣлъ въ древности нѣкогда отъ этого народа Христосъ, бывъ обнаженъ и поруганъ, тоже самое претерпѣлъ отъ него и теперь: также точно одежды Его снова дѣлились теперь латинскими воинами на части, по жребіямъ, и только не доставало того, чтобы Онъ, бывъ прободенъ въ ребро, опять источилъ на землю токи божественной крови. О нечестіяхъ, совершенныхъ тогда въ великой церкви, тяжело даже разсказывать. Жертвенная трапеза, составленная изъ разныхъ драгоцѣнныхъ веществъ, сплавленныхъ посредствомъ огня и размѣщенныхъ между собою такъ, что всѣ они искуснымъ подборомъ своихъ самородныхъ цвѣтовъ представляли верхъ совершеннѣйшей красоты, не оцѣнимой ничѣмъ и до-

стойной по своей художественности удивленія всѣхъ народовъ, была разбита на части и раздѣлена грабителями наравнѣ со всѣмъ другимъ церковнымъ имуществомъ, огромнымъ по количеству и безпримѣрнымъ по изящности. Вмѣсто того, чтобы выносить изъ церкви на рукахъ, какъ своего рода военную добычу, священные сосуды и церковную утварь, несравненную по изящной отдѣлкѣ и рѣдкую по матеріи, равно какъ чистѣйшее серебро, которымъ обложены были рѣшетка алтаря, поразительной красоты амвонъ и двери [1], и которое употреблено было въ разныхъ многочисленныхъ орнаментахъ, вездѣ подъ позолотою,—они вводили въ церковь лошаковъ и вообще вьючныхъ животныхъ до самаго неприкосновеннѣйшаго мѣста храма [2], и такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ поскользались и не могли за тѣмъ подняться на ноги по гладкости полировки каменнаго пола, то здѣсь же и закалывали ихъ кинжалами, такимъ образомъ оскверняя ихъ пометомъ и разливавшеюся кровію священный церковный помостъ. — 4.—Вотъ какая то бабенка, преисполненная грѣхами, жрица нечестія, дьявольская слуга, гудокъ неприличныхъ, соблазнительныхъ и срамныхъ напѣвовъ, хулительница Христова, усѣлась на сопрестоліи, распѣвая свою визгливую мелодію, и потомъ бросилась въ пляску, быстро кружась

---

(1) *Варіантъ:* «красныя двери».

(2) *Варіантъ:* «Для вывоза тяжестей они вводили животныхъ до самаго амвона.»

и потрясая ногою! И не эти только беззаконія совершались именно, а другія нѣтъ, или эти— болѣе, а другія—менѣе; но всякаго рода преступленія съ одинаковымъ рвеніемъ совершались всѣми. Предаваясь до такой степени неистовству противъ всего священнаго, латиняне, конечно уже, не щадили честныхъ женщинъ и дѣвицъ, ожидавшихъ брака, или посвятившихъ себя Богу и избравшихъ дѣвство. Притомъ же трудно и невозможно было смягчить мольбами, или преклонить какими либо жалобами и умилостивить этотъ варварскій народъ, до того раздражительный, до того вспыльчивый рѣшительно при каждомъ противномъ словѣ, что все разжигало его гнѣвъ и казалось ему нелѣпымъ и смѣшнымъ. Какъ попадалъ въ бѣду тотъ, кто не удерживалъ предъ ними своего языка; такъ равнымъ образомъ часто они извлекали мечъ и противъ того, кто говорилъ мало, или уклонялся отъ того, что имъ доставляло удовольствіе. Поэтому всякій долженъ былъ опасаться за свою жизнь: на улицахъ плачъ, вопли и сѣтованія; на перекресткахъ рыданія; во храмахъ жалобные стоны; мужья изнываютъ отъ горя; жены кричатъ,—ихъ тащатъ, порабощаютъ, отрываютъ отъ тѣхъ, съ кѣмъ онѣ прежде были соединены тѣлесно, и насилуютъ! Знатные родомъ бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые нищими. Такъ—на площадяхъ; такъ—въ закоулкахъ; такъ—въ открытыхъ общественныхъ мѣстахъ; такъ и въ тайныхъ убѣжищахъ! Не было мѣста, котораго бы

не отыскали, или которое могло бы доставить защиту старавшимся какъ нибудь спастись; но вездѣ и все было исполнено всякаго рода золъ. Христе Царю, что за скорбь, что за тѣснота была тогда людямъ! Гласы морскіе, затмѣніе и помраченіе солнца, превращеніе луны въ кровь, звѣзды, подвигшіяся съ своихъ мѣстъ, какъ и почему не предзнаменовали вы, признаки преставленія свѣта, этихъ бѣдствій свойственныхъ кончинѣ міра? По крайней мѣрѣ, мы уже видѣли *мерзость запустѣнія, стоявшую на мѣстѣ святѣ* (Матѳ. 24, 15) и изрыгавшую блудныя рѣчи,—видѣли и много другаго въ этомъ родѣ, что, хотя не вполнѣ выражало царствованіе антихриста, однако совершенно противоположно было тому, что у именующихся христіанами называется благочестивымъ и сообразнымъ съ словомъ вѣры!

Такимъ то образомъ, говорю, изъ многаго малое передавая на память исторіи, беззаконничали западныя войска противъ наслѣдія Христова, не оказывая рѣшительно никому ни малѣйшаго снисхожденія, но всѣхъ лишая денегъ и имуществъ, жилищъ и одеждъ, и совершенно ничего не оставляя тѣмъ, кто имѣлъ что нибудь! Вотъ—онъ, этотъ народъ съ мѣдною шеею, надменнымъ выраженіемъ лица, поднятыми вверхъ бровями, всегда бритыми и какбы юношескими ланитами, кровожадною рукою, раздутыми ноздрями, гордымъ взглядомъ, ненасытною пастью, безчувственной душею, обрубленной и быстрой рѣчью, какъ будто пляшущею

въ губахъ,—или лучше, вотъ эти люди, которыхъ они величаютъ разумными и мудрыми, вѣрными клятвѣ, любящими справедливость и ненавидящими лукавство, гораздо болѣе благочестивыми и правдивыми, гораздо болѣе точными блюстителями Христовыхъ заповѣдей, чѣмъ мы, греки,—еще болѣе, вотъ эти ревнители, подъявшіе на рамена крестъ и многократно клявшіеся имъ и словомъ Божіимъ проходить христіанскія страны безъ кровопролитія, не сбиваясь и не уклоняясь ни на право, ни на лѣво, вооружить свои руки противъ сарациновъ и обагрить мечи кровію опустошителей Іерусалима, не соединяться съ женщинами, даже не входить съ ними въ бесѣду во все время, пока будутъ нести на плечахъ крестъ, какъ чистая жертва Богу, какъ шествующіе путемъ Божіимъ! Всѣ они оказались полнѣйшими лицемѣрами: вмѣсто отмщенія за гробъ Господень явно неистовствовали противъ Христа; съ крестомъ на раменахъ беззаконно посягали на разрушеніе креста; нося его на спинѣ, не страшились попирать его ногами за небольшое количество золота, или серебра. Забирая жемчуги, они отвергли единственную многоцѣнную жемчужину—Христа, повергая пречистаго самымъ нечистымъ животнымъ! Не такъ въ подобномъ случаѣ поступили потомки Измаила: овладѣвъ Сіономъ, они оказали ихъ соплеменникамъ самую человѣколюбивую снисходительность и благосклонность. Они не разжигали своихъ взоровъ на женщинъ латинянокъ, не об-

ращали гробницы Христовой въ кладбище на-
дали, входа къ живоносному гробу въ путь къ
аду, жизни въ смерть, воскресенія въ паденіе;
но, предоставивъ всѣмъ безъ исключенія сво-
бодный выходъ, назначили опредѣленный выкупъ
по нѣсколько золотыхъ съ человѣка, оставляя
владѣльцамъ все прочее имущество ихъ, хотя
бы оно было безчисленно, какъ песокъ. И такъ
поступило войско христоборцевъ съ латинянами,
въ которыхъ видѣло враждебныхъ себѣ ино-
вѣрцевъ, великодушно не простирая на нихъ ни
меча, ни огня, ни голода, ни преслѣдованія, ни
обнаженія, ни сокрушенія, ни угнетенія; а хри-
столюбивое и единовѣрное намъ воинство по-
ступило съ нами такъ, какъ мы разсказали въ
немногихъ словахъ, не имѣя намѣренія пори-
цать за обиду!

5. О городъ, городъ, око всѣхъ городовъ, пред-
метъ разсказовъ во всемъ мірѣ, зрѣлище пре-
вышемірное, кормитель церквей, вождь вѣры,
путеводитель православія, попечитель просвѣ-
щенія, вмѣстилище всякаго блага! И ты испилъ
чашу гнѣва отъ руки Господней, и ты содѣлал-
ся жертвою огня, еще болѣе лютаго, чѣмъ огнь,
низпавшій древле на пять городовъ! Что скажу
о тебѣ? Чему уподоблю тебя? Преисполнился
сосудъ *погубленія твоего*, какъ говорилъ Іе-
ремія, проливая слезы и сокрушаясь печалію
о древнемъ Сіонѣ (Пл. Іер. 1, 13). Какія зло-
творныя силы постигли тебя и обратили въ свою
забаву? Какіе безбожные злодѣи, завистливые
и безжалостные демоны разгулялись надъ тобою

своимъ дикимъ разгуломъ? Итакъ непримиримые и бѣснующіеся завистники—не убрали для тебя спальни и не засвѣтили брачнаго подсвѣчника, а розожгли истребительные угли? Увы, ты былъ многочаденъ, облекался въ виссонъ и царскую порфиру; а теперь столько же грязенъ, растрепанъ, обреченъ на всякія бѣды и лишенъ собственныхъ своихъ дѣтей! Увы, ты прежде былъ высокотроненъ, шагалъ далеко и высоко; ты былъ величественъ по виду, достоинъ удивленія по красотѣ: а теперь низринутъ, — изорваны твои роскошные хитоны и пышные царственные уборы головные, померкъ веселый взглядъ, и похожъ ты на старую кухарку, покрывшись сажею отъ пожаровъ, съ своимъ лицомъ, когда то свѣтлымъ и радостнымъ, а теперь изборожденнымъ дряхлыми морщинами! Я умалчиваю уже, что есть люди, которые настроиваютъ лиру и воспѣваютъ твои несчастія, твою трагедію превращаютъ въ комедію за виннымъ столомъ и пользуются, какъ ремесломъ въ жизни, комическимъ повѣствованіемъ о твоихъ бѣдствіяхъ,—пощечинахъ, пинкахъ, толчкахъ и синякахъ, достающихся тебѣ ежечасно. По соизволенію свыше, въ неразумныхъ народахъ возбудилась зависть къ тебѣ, или, вѣрнѣе сказать, не въ народахъ, а въ темныхъ и бродячихъ племенахъ, изъ которыхъ большую часть, если не родилъ ты, то выростилъ и надѣлилъ живительнымъ свѣтомъ,—и кто спасетъ тебя? Кто утѣшитъ тебя? Кто сжалится надъ тобою? Или кто посѣтуетъ о тебѣ? Кто обратится *вопро-*

сити яже о миръ твоемъ (говоря опять словами многослезнаго Іереміи), или кто облечетъ тебя въ прежнюю одежду? Когда услышишь ты свыше: «воскресни, возстани, піющій сосудъ гнѣва Моего и чашу погибели; облекись въ силу твою, облекись въ твою славу; отряси прахъ и воспрянь; свергни узы съ выи твоей; распространи мѣсто твоей скиніи и жилищъ твоихъ; не бойся, что ты посрамленъ, и не стыдись, что ты поруганъ, что *восплескаша рукама о тебѣ вси минующіи путемъ, позвиздаша и покиваша главами своими, и рѣша: сей ли градъ, вѣнецъ славы и веселіе всея земли* (Пл. Іерем. 2, 15)? *И како сѣде яко вдовица, градъ умноженный людьми, и владяй странами бысть подъ данію* (Пл. Іерем. 1, 2)? *Рече бо Господь твой: мало время оставихъ тя и съ милостію великою ущедрю тя. Во гнѣвѣ малѣ отвратихъ лице Мое отъ тебе, и въ милости вѣчной помилую тя!*» И воспоешь ли ты когда нибудь Богу, какъ Давидъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, ст. 19)? Кто возстанетъ для тебя Моисеемъ, чтобы возсоздать тебя, или кто явится Зоровавелемъ, чтобы извести тебя? Когда можно будетъ тебѣ *собрать чада свои отъ четырехъ вѣтровъ*, въ которыхъ мы разсѣяны, какъ чадолюбивыя птицы собираютъ подъ свои крылья птенцовъ своихъ? А теперь мы не можемъ ни взглянуть на тебя свободно, ни броситься въ твои объятія радост-

но, какъ въ объятія матери, и, какъ должно, выплакать надъ тобою слезы, сколько глазъ хочетъ, или можетъ; но, боязливо летая вокругъ тебя, какъ воробьи, у которыхъ поймана мать и разорено гнѣздо, мы жалобно и скорбно чирикаемъ, бывъ отогнаны куда то далеко отъ твоихъ объятій, терзаясь голодомъ и жаждою, зноемъ и холодомъ, страдая часто отъ нечистоты, истаявая душею въ бѣдахъ, не находя ни дороги, ни прежнихъ жилищъ своихъ въ городѣ, и носимся, блуждая, какъ птицы перелетныя, или кометы безорбитныя. Еще точнѣе сказать,—мы составляемъ съ тобою одно, не смотря на то, что разрознены; мы связаны съ тобою при всемъ видимомъ отдаленіи; мы неразрывны по душѣ, хотя раздѣлены по тѣлу, и инстинктивно страдаемъ вмѣстѣ съ тобою, какъ нѣкоторыя животныя раздѣляютъ страданія однородныхъ себѣ животныхъ, пойманныхъ въ сѣти охотниками и заключенныхъ въ прозрачныя стеклянныя клѣтки. Видя, какъ въ зеркалѣ, въ прозрачной клѣткѣ однороднаго себѣ животнаго, они не могутъ соединиться и быть съ нимъ совершенно вмѣстѣ; поэтому съ напрасною мукою вертятся вокругъ клѣтки, будучи смутно поражены новостію его положенія, противоположною прежнему обыкновенному состоянію. Такъ точно и мы — можемъ обращать свои взоры и близко подходить къ тебѣ; но совсѣмъ обняться съ тобою по родственному и прижаться къ тебѣ такъ же смѣло, какъ прежде, никакимъ образомъ не въ состояніи, будучи отдѣлены отъ тебя варвар-

скимъ войскомъ, какбы какимъ нибудь твердымъ тѣломъ, гораздо болѣе плотнымъ, чѣмъ стекло.

6. За чѣмъ поразилъ Ты насъ, Господи, и нѣтъ намъ избавленія? Знаемъ, Господи, грѣхи наши, неправды отцовъ нашихъ. Престань же, по милости Твоей; не погуби престола славы Твоея. Накажи насъ, Господи, да не отступитъ душа наша отъ Тебя,—накажи по правдѣ, но не во гнѣвѣ,—такъ, чтобы не уничтожить насъ. Излей гнѣвъ Твой на языки, невѣдующіе Тебя, и на народы, *иже не призваша имене Твоего*, Господи! Господи, Ты—Отецъ нашъ, мы—персть; Ты нашъ Творецъ, и всѣ мы дѣло рукъ Твоихъ. *Воззри, и виждь поношенія наша.* Наслѣдіе наше перешло къ иноплеменникамъ; домы наши—къ чужеземцамъ. Обрати насъ къ Себѣ, и обратимся. Обнови дни наши, какъ прежде.—Право, при подобныхъ обстоятельствахъ, иной разъ невольно говоришь такими изреченіями Писанія!

Но вотъ уже и самое слово измѣняетъ мнѣ, какъ будтобы тѣло слова, сродное душѣ и живущее ею, истомилось и умерло вмѣстѣ съ тобою, о городъ, душа слова! Итакъ покроемъ множество жалобъ безмолвными слезами и молчаливыми вздохами и оставимъ дальнѣйшее продолженіе исторіи! Рѣшится ли въ самомъ дѣлѣ кто нибудь заниматься музами въ странѣ, ставшей уже чуждою искусству краснорѣчія и сдѣлавшейся совершенно варварскою? По крайней мѣрѣ, я лично вовсе не желаю воспѣвать дѣла

варваровъ и нисколько не имѣю ревности передавать потомкамъ повѣствованія о военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ еллины не были побѣдителями. Если Иппократъ Коосскій, получивъ приглашеніе за большія деньги отправиться къ современному себѣ персидскому царю, чтобы навѣстить его города, сильно страдавшіе тѣлесными болѣзнями, не хотѣлъ даже слышать громадныхъ обѣщаній и оставилъ варваровъ гибнуть и горевать; то могу ли я исторію, самую прекрасную вещь на свѣтѣ и самое лучшее изобрѣтеніе еллиновъ, посвятить варварскимъ дѣяніямъ противъ еллиновъ? Пусть всѣ эти варвары пропадаютъ безъ вѣсти и слуха подобно тому, кто сжегъ ефесскій храмъ Артемиды, не бывъ удостоиваемы нами ни одного слова, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, *дондеже прейдетъ беззаконіе* и Господь умилостивится надъ рабами своими. *Ибо нѣсть, нѣсть Богъ нашъ, забывшій насъ до конца, или удерживающій во гнѣвѣ Своемъ щедроты Своя и не прилагающій благоволити ктому*; но, поражая, Онъ исцѣляетъ и, мертвя, животворитъ. Хотя Онъ посылаетъ зубы звѣрей, злобно неистовствующихъ на землѣ; но Онъ же заключаетъ челюсти львовъ и сокрушаетъ главу змія. Хотя преломляетъ, какъ трость; но и *запрещаетъ звѣремъ тростнымъ* (Пс. 67, ст. 31). Хотя *сіи на колесницахъ, и сіи на конѣхъ* (Пс. 19, ст. 8): но *ложь конь во спасеніе* и *нѣсть благоволе-*

нія въ крѣпостѣхъ мужа ([1]). Хотя показываетъ Своему народу жестокую десницу и растворяетъ вино скорбію; но и уготовляетъ *трапезу сопротивъ стужающимъ* и простираетъ чашу человѣколюбія и веселія, *упоявающую, яко державна* (Пс. 22, 5). Хотя Онъ изводитъ наказующихъ *отъ конецъ земли и сущихъ въ мори делече* и чрезъ Пророка взываетъ велегласно: *исполини текутъ исполнити гнѣвъ Мой, радуясь вкупѣ и веселясь, освящени суть, и Азъ веду* ихъ; но Онъ же поражаетъ ихъ жесточайшими ударами и казнитъ злѣйшими бѣдствіями, не оказывая ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшаго благоволенія къ нимъ,—ни тогда, когда пользуется ими, какъ орудіями къ погубленію городовъ, или бичами народовъ и немилосердыми палачами людей,—ни тогда, когда они въ большей части случаевъ употребляются Имъ, врачемъ душъ, какъ болѣзни и лекарства, а какова природа и участь подобнаго рода вещей, извѣстно людямъ знающимъ. Болѣзни или перестаютъ дѣйствовать, исчезая вмѣстѣ съ выздоровленіемъ больнаго, или умираютъ вмѣстѣ съ больнымъ; а употреблявшіяся въ болѣзняхъ лекарства, нѣкогда дѣйствительно приносившія пользу и врачевавшія недугъ, потомъ становятся ненужными на ряду съ самыми негодными веществами. Итакъ, го-

---

([1]) То есть, хотя враги наши имѣютъ множество военныхъ колесницъ и броненосныхъ коней; но кони не принесутъ имъ спасенія и крѣпость собственныхъ ихъ силъ не защититъ ихъ, если Богу будетъ угодно ихъ наказать.

ворю, настоящія бѣдствія должно считать не разводной книгой, данной намъ отъ Бога, или не совершеннымъ привитіемъ *дивіихъ* варваровъ къ нашей плодоносной лозѣ, но краткимъ наказаніемъ, какое посылаетъ Богъ по извѣстнымъ Ему причинамъ, поражая крѣпко, однако не предавая вполнѣ искусителямъ, но въ извѣстной мѣрѣ щадя искушаемыхъ,—особенно, если искуситель, не зная пресыщенія въ беззаконіяхъ, вооружается въ своемъ нечестіи даже противъ Того, отъ Кого получилъ силу наказывать, какъ военачальникъ Навузарданъ, предавшій огню градъ Божій и расхитившій священные сосуды храма, или какъ Валтасаръ, упивавшійся изъ нихъ, оскорблявшій жертвенники и издѣвавшійся надъ божественными таинствами, а искушаемый, при разсмотрѣніи своихъ бѣдствій обвиняя въ нихъ самого себя, тѣмъ усерднѣе молится о примиреніи съ собою, наказавшаго его, Бога. Слѣдовательно должно ожидать человѣколюбія Божія и воспѣвать вмѣстѣ съ Давидомъ: *помяни насъ, Господи, во благоволеніи людей твоихъ,—посѣти насъ спасеніемъ Твоимъ: видѣти во благости избранныя твоя, возвеселитися въ веселіи языка твоего, хвалитися съ достояніемъ твоимъ* (Пс. 105, ст. 4 и 5),—въ той благой увѣренности, что нечестивыхъ ожидаетъ преданіе въ конецъ и пораженіе, а надѣющимся на Господа вмѣстѣ съ ихъ исправленіемъ пріидетъ утѣшеніе и возстановленіе.

О СОБЫТІЯХЪ
ПО ВЗЯТІИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Сочиненіе того же Никиты Хоніата.

1. Доблестнѣйшій аѳинянинъ Солонъ, видя, какъ постепенно упрочивался новый, тираннической, образъ правленія, введенный Пизистратомъ, много разъ обращался по этому предмету къ аѳинянамъ съ своими рѣчами, пытаясь подавить тираннію; такъ какъ онъ очень хорошо понималъ, что гораздо легче въ началѣ остановить возникающее зло и воспрепятствовать его возрастанію, когда оно только принялось, чѣмъ искоренить и уничтожить его, когда оно уже возрасло и усилилось. Но его рѣчи ни въ комъ не возбудили вниманія къ его предложенію и не убѣдили никого. Тогда онъ взялъ оружіе и сталъ съ нимъ при входѣ въ мѣсто народнаго собранія, надѣясь своимъ примѣромъ увлечь другихъ и возбудить въ комъ нибудь изъ народа подобную же ревность. Однако это также никого не тронуло и не подвигло на низверженіе тиранна. Послѣ того онъ, говорятъ, сказалъ:

«я, сколько могъ, содѣйствовалъ благу отечества», и за тѣмъ оставался спокойнымъ, писалъ стихи и осмѣивалъ безпечность аѳинянъ. Вотъ нѣсколько его стиховъ, не унесенныхъ теченіемъ времени въ забвеніе:

«Если вы по своей ничтожности терпите уже бѣды; то, по крайней мѣрѣ, не приписывайте ихъ волѣ боговъ. Вы сами дали силу тиранамъ, принося имъ хвалебныя жертвы, и за то находитесь теперь въ тяжкомъ рабствѣ. Порознь каждый изъ васъ хитрѣе лисицы; но во всѣхъ васъ вмѣстѣ—самый пустой умъ. Вы смотрите только на слова и льстивую рѣчь человѣка; а на самое дѣло нисколько не обращаете вниманія».

Если уже Солонъ, потомокъ знаменитаго Кодра, мудростію своею сдѣлавшійся славнымъ почти во всей вселенной,—если Солонъ, говорившій и дѣйствовавшій среди народа внимательнаго къ наставленіямъ, какъ оказалось, напрасно употреблялъ и слово и дѣло: то можетъ ли кто нибудь изъ подобныхъ мнѣ людей помочь нашимъ общественнымъ дѣламъ, когда цари наши съ дѣтства воспитываются въ праздности, спятъ пріятнѣе Ендиміона ([1]), спѣшатъ къ столу какъ можно ранѣе и такъ далеко уклоняются отъ естественнаго порядка вещей, при своемъ во всѣхъ отношеніяхъ дурномъ направленіи, что зимою ищутъ цвѣтовъ, а весною хотятъ соби-

---

([1]) *Ендиміонъ*—красавецъ пастушекъ, такъ сладко почивавшій, что даже дѣвственная Діана не могла побѣдить въ себѣ искушенія поцѣловать его во время сна.

рать плоды, между тѣмъ граждане въ тоже время помышляютъ единственно о купеческихъ оборотахъ и торгашествѣ и не только не намѣрены вставать съ постели по голосу военной трубы, но не пробуждаются даже на пѣніе птицъ, какъ вообще все, что почиваетъ пріятно и не знаетъ никогда войны? Осталось писать стихи и ими обличать заблуждающихся. Но съ другой стороны и эта мѣра имѣла смыслъ въ отношеніи къ величавой личности Солона, равно какъ въ приложеніи къ тогдашнему аѳинскому обществу, которое было внимательно къ полезнымъ наставленіямъ и мало по малу подчинялось указаніямъ лучшихъ людей, такъ какъ вообще людямъ добропорядочнымъ обличительныя пѣсни приносятъ болѣе удовольствія, чѣмъ оскорбленія, и воспоминаніе о прошедшихъ ошибкахъ, какъ своего рода мѣхъ, раздувая оставшуюся въ ихъ душѣ и еще тлѣющую искру добра до степени живаго огненнаго пламени, предостерегаетъ ихъ въ будущемъ отъ подобныхъ прежнимъ заблужденій. А въ наше время для жителей Константинополя, да и для обитателей прочихъ мѣстъ, обличенія—сущіе бичи! У многихъ даже уши такъ устроены, что не способны слушать вразумленій, и прелесть свободы, какъ она ни стѣснена теперь у насъ, такъ же мало понятна имъ, какъ не вкушавшимъ меда не понятна сладость меда. Поэтому, такъ какъ наши времена не походятъ на времена Солона, я оставлю строгія обличенія, потому что они не возбудятъ ничего другаго, кромѣ ненависти

ко мнѣ со стороны большей части моихъ соотечественниковъ (а есть, есть такіе, у которыхъ сѣно торчитъ на рогахъ), и буду продолжать исторію по порядку. Правда, я отказался было воспѣвать и дѣла варваровъ: но такъ какъ *Уничижившій премудрыхъ въ премудрости ихъ* во множествѣ поразилъ гордыхъ, исполнилъ лица ихъ безчестія и предалъ ихъ въ погибель народамъ, которые жесточе ихъ самихъ; то надобно положить конецъ молчанію ([1]) и воспользоваться словомъ къ исповѣданію чудесъ Бога, сказавшаго: *живу Азъ во вѣкъ, и воздамъ судъ врагомъ Моимъ, и ненавидящимъ Мя отмщеніе*, и въ другомъ мѣстѣ—къ Аврааму: *языку же, ему же поработаютъ, сужду Азъ* (Быт. 15, 14).

Итакъ прекрасный городъ Константина, предметъ всеобщихъ похвалъ и повсюдныхъ разговоровъ, былъ истребленъ огнемъ, униженъ, разграбленъ и лишенъ всего имущества, какъ общественнаго, такъ принадлежавшаго частнымъ лицамъ и посвященнаго Богу, бродяжническими западными племенами, большею частію мелкими и безвѣстными, соединившимися между собою для разбойническихъ морскихъ наѣздовъ и двинувшимися противъ насъ подъ благовиднымъ предлогомъ небольшаго уклоненія отъ предпринятаго будто бы пути на помощь Исааку Анге-

---

([1]) Нашъ авторъ разумѣетъ, что побѣдители римлянъ, латиняне, сами были наконецъ побѣждены болгарскимъ царемъ Іоанномъ, и этимъ оправдываетъ собственную рѣшимость продолжать свой историческій разсказъ.

лу и сыну, котораго онъ къ несчастію родилъ на погибель отечества и котораго они привезли съ собою, какъ самаго отличнаго и самаго дорогаго своего спутника. Сонливость и безпечность управлявшихъ тогда римскимъ государствомъ сдѣлали ничтожныхъ разбойниковъ нашими судьями и карателями!—2.—О всѣхъ этихъ событіяхъ съ царственнымъ городомъ не было предуказано никакимъ знаменіемъ, ни небеснымъ, ни земнымъ, какія прежде во множествѣ являлись, предвѣщая людямъ бѣдствія и смертоносныя навожденія золъ. Ни кровавый дождь не шелъ съ неба, ни солнце не обагрялось кровію, ни огненные камни не падали изъ воздуха, ни другаго чего либо необыкновеннаго въ какомъ нибудь отношеніи не было замѣтно. Многоногая и многорукая правда, не шевельнувъ пальцемъ, подкралась къ намъ совершенно беззвучными шагами и, напавши на городъ и на насъ, какъ неутомимая карательница, сдѣлала насъ злосчастнѣйшими изъ людей. Въ тотъ день, когда городъ былъ взятъ, грабители, врываясь въ обывательскіе дома, расхищали все, что находили въ нихъ, и за тѣмъ пытали домовладѣтелей, не скрыто ли у нихъ чего нибудь еще, иной разъ прибѣгая къ побоямъ, нерѣдко уговаривая ласкою и вообще всегда дѣйствуя угрозами. Но такъ какъ жители, разумѣется, одно имѣли, а другое показывали,— одно выставляли на глаза и отдавали, какъ свое имѣніе, а другое сами грабители отыскивали; такъ какъ съ другой стороны латинскіе солдаты не давали поэтому пощады никому и ниче-

го не оставляли тѣмъ, у кого что нибудь было; такъ какъ они не хотѣли имѣть съ покоренными общенія даже въ пищѣ и содержаніи, но держали себя въ отношеніи къ нимъ высокомѣрно, несообщительно,—не говоря о другихъ обидахъ, обращали ихъ въ рабство, или выгоняли изъ дому: то въ слѣдствіе всего этого полководцы ихъ рѣшили предоставить городскимъ обывателямъ свободу по желанію удалиться изъ города. Собравшись обществами, жители потянулись такимъ образомъ изъ города—въ изорванныхъ рубищахъ, изможденные невкушеніемъ пищи, съ измѣнившимся цвѣтомъ тѣла, съ мертвенными лицами и глазами, обливавшимися кровью, потому что въ то время плакали болѣе кровью, чѣмъ слезами. А поводомъ къ плачу для однихъ была потеря имущества; другіе, не принимая въ разсчетъ потерю его, какъ еще не великую бѣду, оплакивали похищеніе красивой дочери-невѣсты и растлѣніе ея, или сокрушались потерею супруги, и вообще всякій, идя по дорогѣ за городъ, имѣлъ довольно причинъ къ горести.

Кстати я разскажу здѣсь и то, что касалось собственно меня. Многіе изъ моихъ знакомыхъ съ наступленіемъ этого печальнаго и истинно несчастнаго дня собрались въ мой скромный домикъ, входъ въ который былъ прикрытъ галлереею и потому не виденъ въ темнотѣ и труденъ для доступа.—Отлично красивый и огромный по обширности домъ мой, находившійся въ Сфоракіѣ (1),

(1) *Сфоракій*—названіе улицы, или мѣстности города, произшедшее

погибъ: во время втораго пожара.—Притомъ же въ случаѣ надобности удобно было изъ этого домика пробраться въ великую церковь, такъ какъ онъ былъ смеженъ съ нею. Впрочемъ для полчищъ варваровъ не было ничего завѣтнаго, и ни святость, ни недоступность мѣста не въ состояніи были доставить безопасности, или защиты, людямъ, искавшимъ въ немъ убѣжища, но гдѣ бы кто ни скрывался, вездѣ его находили проникавшіе туда непріятели и уводили оттуда, куда имъ было угодно. Видя такое беззаконіе, мы стали придумывать какое нибудь средство избавиться отъ бѣды, сколько это возможно было въ нашихъ обстоятельствахъ. Былъ у меня одинъ знакомый и близкій пріятель, происходившій изъ рода венеціянъ, за котораго я прежде много хлопоталъ и о безопасности котораго, равно какъ его имущества и жены, заботливо старался. Въ настоящее время онъ сдѣлался намъ очень полезенъ. Надѣвши латы и изъ купца преобразившись въ воина, до нѣкоторой поры онъ весьма успѣшно прогонялъ врывавшихся въ нашъ домъ грабителей, дѣлая видъ, будто онъ ихъ соратникъ, и давая знать, что онъ уже прежде ихъ занялъ домъ, въ тоже время обращаясь съ ними согласно съ ихъ вар-

---

отъ имени Сфоракія, знаменитаго вельможи, бывшаго въ царствованіе императора Маркіана консуломъ вмѣстѣ съ Геркуланомъ, какъ это видно изъ Пасхальной Александрійской Хроники (по венец. изд. Corp. Script. Hist. Byzant. стр. 740). Въ Сфоракіѣ извѣстны намъ церкви: св. Кира, св. Іоанна Крестителя и наконецъ преподобнаго Θеодора Тирона, которая находилась не далеко отъ великой церкви св. Софіи. Du Cange, Const. Chr. lib. 2, pag. 138.

варскими обычаями и говоря ихъ языкомъ. Но когда непріятелей собралось много и нашъ защитникъ не въ состояніи былъ долѣе удерживать ихъ, въ особенности французовъ, которые не походятъ на другихъ ни душею, ни тѣломъ, и хвастаются, что одного только они боятся, какъ бы небо не обрушилось на нихъ; тогда онъ предложилъ намъ удалиться отсюда, чтобы въ противномъ случаѣ, попавшись варварамъ, мы, мужчины, не были заключены въ оковы изъ за денегъ, а женщины—поруганы и обезчещены. Такимъ образомъ, въ слѣдъ за своимъ благодѣтелемъ, прежде приживальщикомъ и кліентомъ, а въ ту пору добрымъ помощникомъ и безцѣннымъ защитникомъ, поведшимъ насъ въ другой домъ, въ которомъ жили знакомые намъ венеціяне, мы помаленьку выбрались изъ своего убѣжища, представляя собою какъ будто бы пріобрѣтенную имъ добычу, влекомые за руки, унылые, въ худой одеждѣ, и потому не задерживаемые никѣмъ.—3.—Когда же эта часть города, куда мы перебрались, досталась въ удѣлъ французамъ; то мы опять стали переселяться, и такъ какъ бывшіе у насъ въ услуженіи разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и всѣ безчеловѣчно оставили насъ, поэтому мы принуждены были сами на своихъ рукахъ несть маленькихъ дѣтей, которыя еще не умѣли ходить, а груднаго мальчика хоронить подъ мышкою, и такъ идти по улицамъ. Такимъ образомъ, пробывъ въ городѣ пять дней послѣ его взятія, и мы отправились изъ него. Была же тогда, конечно, по

Божію смотрѣнію, а не по случайному совпаденію, или неразумному, простому стеченію обстоятельствъ, суббота и зима; къ тому же супруга моя была близка къ родамъ: такъ что совершенно въ точности исполнилось надъ нами пророчество Христово, которое заповѣдуетъ молиться, *да не будетъ бѣгство наше въ зимѣ, или въ субботу* (Матѳ. 24, 20), и предрекаетъ *горе имущымъ во утробѣ въ тыя дни* (Лук. 21, 23), какъ будтобы именно о насъ оно и было предсказано. Когда мы вмѣстѣ съ порядочнымъ числомъ нашихъ знакомыхъ, родственниковъ, и значительнымъ количествомъ посторонняго народа, примкнувшаго къ нашему обществу, шли такимъ образомъ своей дорогой, тащась по улицамъ подобно кучкѣ муравьевъ; съ нами встрѣчались группы солдатъ, не вполнѣ вооруженныхъ, однако съ висѣвшими по бокамъ коней длинными саблями и съ заложенными за поясъ кинжалами. Одни изъ нихъ везли добычу; другіе обыскивали попавшихся плѣнниковъ, не надѣта ли на комъ свѣтлая одежда, скрытая подъ разодраннымъ рубищемъ, или не таятъ ли они за пазухой серебра и золота; иные внимательно и упорно вонзались своими взорами въ женщинъ, отличавшихся красотою, такъ какъ будто намѣрены были тотчасъ же схватить ихъ и изнасиловать. Поэтому, опасаясь за своихъ женъ, мы помѣстили ихъ середи самихъ себя, какъ будто посреди ограды, а молодымъ дѣвицамъ приказали вымарать лица грязью, вмѣсто прежнихъ прикрасъ, и уничто-

жить такимъ образомъ яркій румянецъ ланитъ, чтобы имъ, какъ ночью сигнальнымъ сторожевымъ огнемъ, не привлекать къ себѣ прохожихъ—сперва зрителями, потомъ любовниками, а въ заключеніе похитителями, не знающими никакого ограниченія своей воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы съ сокрушеннымъ сердцемъ били себя въ перси, орошали очи слезами и воздѣвали руки съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ сподобилъ всѣхъ насъ, и мужчинъ и женщинъ, пробраться невредимыми мимо этихъ плотоядныхъ звѣрей. А выходить изъ города намъ нужно было золотыми воротами. Но едва только мы поравнялись съ храмомъ великомученика Мокія, вдругъ одинъ наглый и безчестный варваръ похитилъ изъ среды насъ, какъ волкъ агницу, прекрасно-кудрявую молодую дѣвицу, дочку одного судьи. Встревоженное такимъ жалкимъ зрѣлищемъ, все собраніе наше вскрикнуло. Отецъ дѣвицы, и безъ того удрученный старостію и болѣзнію, а въ это время страдавшій еще подагрою, зарыдалъ, повалился на землю и легъ поперегъ дороги, бросая отчаянные взоры на меня, какъ на послѣднюю, слабую защиту, называя меня по имени и умоляя предпринять все возможное для освобожденія его дитяти. Итакъ я долженъ былъ воротиться и побѣжалъ назадъ, какъ только могъ скорѣе, по слѣдамъ похитителя,—плакалъ, кричалъ по дорогѣ, стараясь выраженіями горькихъ жалобъ пріобрѣсть заступничество тѣхъ изъ проходившихъ мимо латинскихъ солдатъ, которые сколько нибудь понимали нашъ

языкъ, бралъ иныхъ даже за руки и дѣйствительно успѣлъ кое какъ въ нѣкоторыхъ пробудить такое сожалѣніе, что они пошли со мною искать того безстыдника и сластолюбца, причемъ я шелъ впередъ, они—за мною. Наконецъ мы достигли мѣста, гдѣ похититель остановился: прославъ дѣвицу во внутрь дома, онъ сталъ у воротъ съ намѣреніемъ отражать противниковъ; съ своей стороны я, указавъ на него пальцемъ, сказалъ: «Вотъ тотъ, кто среди бѣлаго дня нечестиво нарушилъ постановленія лучшихъ между вами людей! Вы постановили не имѣть сожительства съ женщинами, какъ замужними, такъ равно не познавшими мужа и тѣмъ болѣе посвятившими себя Богу, даже, ежели то возможно, не смотрѣть на нихъ съ похотѣніемъ, и обязали себя относительно этого страшными клятвами; а онъ, презрѣвъ ваши установленія, не побоялся въ виду всѣхъ броситься на дѣвицъ съ неистовствомъ животнаго. Заступитесь же за свои законы и за насъ, вашихъ плѣнниковъ, смягчившись этими слезами, которыя самъ Богъ принимаетъ и которыми природа одарила наши глаза, какъ величайшимъ пособіемъ къ умилостивленію другихъ. Если же вы и сами—отцы: то, заклинаю васъ именами вашихъ женъ и милыхъ дѣтей, подайте помощь вашимъ несчастнымъ просителямъ, — заклинаю васъ живоноснымъ гробомъ и завѣщаніемъ Господа нашего Іисуса Христа, Который вообще всѣмъ званнымъ своимъ заповѣдалъ дѣлать другимъ людямъ то, чего они сами хотѣли бы получить отъ

нихъ». Подобнаго рода рѣчью, сказанною съ увлеченіемъ, я возбудилъ одушевленіе въ своихъ заступникахъ, и они потребовали непремѣннаго возвращенія дѣвицы. Снѣдаемый любовію и гнѣвомъ, двумя жесточайшими страстями, похититель сначала презиралъ ихъ требованіе: однако, когда увидалъ, что они разсердились не въ шутку, услыхалъ отъ нихъ угрозу посадить его на колъ, какъ безстыднаго нечестивца, и вообще замѣтилъ, что съ нимъ повели рѣчь не устами только, но и отъ сердца; то наконецъ уступилъ и выдалъ дѣвицу. Надобно было видѣть, какъ обрадовался отецъ, увидѣвъ опять свое дитя! Проливъ предъ Богомъ слезы о неповѣнчанныхъ и не вкусившихъ брака невѣстахъ, онъ всталъ опять и пошелъ съ нами далѣе.

4. Когда такимъ образомъ мы вышли изъ города; то всѣ начали возсылать благодареніе Богу, въ тоже время оплакивая свое положеніе. Я также, бросившись, какъ стоялъ, лицомъ на землю, излилъ свое сердце въ горькихъ жалобахъ, исключивъ изъ предметовъ своего сочувствія однѣ только стѣны города, такъ какъ только онѣ однѣ не страдали и не проливали слезъ, возвышаясь по прежнему и не бывъ еще сравнены съ землею. «Если то», сказалъ я, «для чего вы воздвигнуты, уже погибло въ конецъ, бывъ истреблено огнемъ и оружіемъ; то зачѣмъ и вамъ стоять долѣе? Кого вы будете ограждать и охранять послѣ этого? Ужели вы не обрушитесь на враговъ погибелью даже въ тотъ день

гнѣва, когда возстанетъ Господь сокрушить доведшихъ насъ до такого положенія, *возшедши* такимъ образомъ, если только мы правильно понимаемъ предсказаніе Давидово, *на запады* (Пс. 67, 5)? А ты, градъ царевъ», сказалъ я, «градъ огражденія, градъ Царя великаго, жилище Вышняго, слава и похвала служащихъ Ему, гостепріимное пристанище, царь городовъ царствующихъ, пѣснь пѣсней, свѣтлость свѣтлостей и изъ всѣхъ рѣдкихъ явленій въ мірѣ рѣдчайшее зрѣлище, — кто разлучилъ насъ съ тобою, какъ съ милой матерью чадъ возлюбленныхъ? Что изъ насъ будетъ? Куда мы обратимся? Въ чемъ найдемъ мы утѣшеніе, нагіе, оторванные отъ твоихъ объятій, какъ отъ груди матерней, ставши для всѣхъ народовъ предметомъ пѣсень и разсказовъ, вѣчно жалуясь подобно сиренамъ, нигдѣ не имѣя пріюта, какъ воробьи, питаясь нуждою и утоляя жажду горемъ? Когда мы увидимъ тебя не такимъ, какъ теперь,— равниною ничтожества и долиною плача, — попираемымъ войсками, утратившимъ значеніе и стертымъ въ прахъ, но вознесеннымъ и прославленнымъ, благоговѣйно чтимымъ смирившими тебя и озлобившими тебя, изсасывающимъ *млеко народовъ* и поядающимъ по прежнему богатства царей? Когда и сами мы сбросимъ съ себя, какъ смоковные листья, или одежды кожаныя (Быт. 3, 7 и 21), эти скорченныя рубища, не вполнѣ достаточныя даже для прикрытія тѣла, въ которыя облекли насъ постоянные навѣтники наши, какъ *змѣи* своего рода, — живущее

среди насъ зло, коварство и непримиримое соперничество, и облечемся опять въ роскошные хитоны изъ блистательнѣйшей ткани, какіе носили прежде? Умилостиви Бога, градъ святѣйшій,—представь въ свою защиту храмы, останки мучениковъ, самыя свои бѣдствія, громадность разбойническихъ грабежей, въ пищу которыхъ ты достался, бывъ преданъ людямъ нечестивымъ на сожженіе. Ибо, *призови Мя*, говоритъ Онъ, *въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.* Неужели мнѣ никогда уже не придется взглянуть опять и на тебя, величественнѣйшій и божественнѣйшій храмъ, небо земное, престолъ славы Божіей, колесница херувимская, твердь вторая, возвѣщающая твореніе рукъ Божіихъ, зрѣлище и произведеніе въ своемъ родѣ единственное, *благопотребное радованіе всея земли*? Въ самомъ дѣлѣ кто можетъ поручиться въ этомъ, если не одинъ только тотъ, Кто, *въ немже пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18), Кто *исхищаетъ нищаго изъ руки сильнѣйшихъ его, и нищаго и убогаго отъ расхищающихъ его*, Кто творитъ все и все устрояетъ всегда къ лучшему»?

5. Изливъ подобнымъ образомъ свои жалобы изъ переполненной скорбями души, мы отправились далѣе, съ рыданіемъ разсѣявая по дорогѣ слезы, какъ сѣмена, и радостно хватаясь за соломенки надежды на измѣненіе нашего положенія къ лучшему въ томъ случаѣ, если дойдемъ до цѣли своего пути,—чего молили, какъ

дара, отъ Бога, *утѣшающаго малодушныхъ*, облекающаго *въ ризу спасенія* и одѣвающаго *одеждою веселія*. Впереди насъ ѣхалъ вселенскій архипастырь (1), не имѣя ни дорожной котомки, ни денегъ въ карманѣ, безъ жезла и безъ сандаліевъ, въ одномъ хитончикѣ, — совершенный евангельскій апостолъ, или лучше, представитель самого Іисуса Христа, съ тою только разницею, что онъ, возсѣдая на нищенскомъ осленкѣ, удалялся изъ новаго Сіона, а не совершалъ наскоро торжественный входъ въ него. Итакъ, положивъ тогда цѣлію своего пути Силиврію (2), мы окончили свое странствованіе, всѣмъ домомъ не потерпѣвъ никакой обиды по великому Божію о насъ попеченію, приснопамятному и совершенному дару,—не испытавъ ни ломанія членовъ, ни скручиванья веревками, ни ударовъ по лицу суставчатымъ кнутомъ, что приходилось многимъ изъ нашихъ испробовать при насильственномъ вымоганіи у нихъ денегъ, и бывъ питаемы однимъ Господомъ, уготовляющимъ пищу *всѣмъ во благовременіи*, насыщающимъ *независтно птенцовъ врановыхъ, призывающихъ Его*, и даже украшающимъ попечительно *крины сельные*, *иже ни жнутъ, ни спютъ*. Земледѣльцы и поселяне вмѣсто того, чтобы вразумляться бѣдствіями своихъ ближнихъ, напротивъ, жестоко издѣвались надъ нами, византійцами, неразумно считая наше зло-

---

(1) *Варіантъ*: «патріархъ».
(2) *Варіантъ*: «Силимврію».

получіе въ бѣдности и наготѣ равенствомъ съ собою въ гражданскомъ положеніи. Многіе изъ нихъ, беззаконно покупая за безцѣнокъ продаваемыя ихъ соотечественниками вещи, были въ восторгѣ отъ этого и говорили: «слава Богу; вотъ и мы обогатились»! Къ нимъ еще не приходили латиняне, не поѣли ихъ быковъ, и имъ еще не было извѣстно, какъ умѣютъ они осушать запасы цѣльнаго и чистѣйшаго вина, въ тоже время изливая обильные потоки бѣшеной желчи, и какъ высокомѣрно и презрительно они обращаются съ римлянами.

Въ такомъ то положеніи находились мы и подобные намъ по общественному положенію и степени образованности; люди же низшаго сословія и рыночные торгаши спокойно занимались своими дѣлами, въ свою очередь снова профанируя священныя вещи, которыя имъ продавали латиняне, и торгуя ими, какъ обыкновеннымъ серебромъ, какъ будто онѣ, бывъ отняты у церквей, уже перестали принадлежать Богу. Между тѣмъ непріятели проводили время въ непотребствахъ, забавахъ, притомъ—въ забавахъ преимущественно безчестныхъ, и въ посмѣяніяхъ надъ римскими обычаями. Такъ одни расхаживали по улицамъ, окутавшись въ дорогіе съ широкими обшивками плащи—не ради нужды, но ради смѣха, или разъѣзжали туда и сюда по городу, обвернувъ сребротканными изъ тонкаго полотна головными покрывалами макушки своихъ возницъ и обвязавъ ихъ лошадиныя морды спускаемыми по спинѣ бѣлольняны-

ми перевязями. Другіе носили писчія тростинки и чернильницы, держа притомъ въ рукѣ книги и осмѣивая насъ такимъ образомъ, какъ грамотѣевъ. Многіе возили на лошадяхъ изнасилованныхъ ими женщинъ, окутавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ широкіе пеплумы (¹) и связавъ перепутанные ихъ локоны и растрепанные волосы въ одинъ пучекъ назади, женскими же тимпаниками (²) и наушными привѣсками изъ скрученныхъ бѣлыхъ волосъ украсивъ лошадей. Каждый день они пьянствовали и объѣдались,—одни, пресыщаясь изысканно приготовленными кушаньями,—другіе, употребляя пищу отцовъ своихъ, которую составляли развариваемые въ котлахъ хребты бычачьяго мяса, окорока ветчины, приправленные мучнистыми бобами, также—соусъ изъ чесноку и составъ изъ другихъ, раздражающихъ вкусъ, жидкостей. Раздѣливъ добычу, они не наблюдали никакого различія между утварью и сосудами обыкновенными и священными; но какъ тѣ, такъ и другіе, одинаково употребляли для своихъ тѣлесныхъ потребъ, безъ всякаго вниманія къ Богу и закону. Равнымъ образомъ божественныя изображенія Христа Спасителя и святыхъ Его они обращали въ сидѣнья и подножныя скамейки.—6.—Стоило посмотрѣть и надобно было въ высшей степени удивляться непомѣрному слѣпоумію, или, точ-

---

(¹) Пеплумъ—широкое верхнее платье, въ родѣ мантіи, составлявшее принадлежность богатаго женскаго наряда.

(²) Женскій головной уборъ, имѣвшій круглую форму, въ родѣ ручнаго тимпана, или бубна.

нѣе сказать, безумію этихъ отуманенныхъ гордостію людей, когда они начали бросать между собою жребіи, кому владѣть какими городами и странами. Какъ будто уже сдѣлавшись царями царей и имѣя въ своихъ рукахъ всю земную поверхность, они, что касается раздѣла собственно римской имперіи, по крайней мѣрѣ, назначили прежде во всѣ ея предѣлы чиновниковъ для описи, чтобы сначала узнать годовые доходы разныхъ областей и уже потомъ раздѣлить ихъ по жребіямъ, но — государства и владѣнія всѣхъ другихъ народовъ и царей раздѣлили между собою немедленно. Такимъ образомъ подпали ихъ дѣлежу: счастливѣйшій въ мірѣ, лежащій на рѣкѣ Нилѣ, городъ Александрія, за нимъ—Ливія, области, простирающіяся отъ Ливіи до Нумидіи и Гадира, Парѳія, Персія, далѣе—восточная Иверія, Ассирія, Гирканія и всѣ страны, которыя окружены водами большихъ восточныхъ рѣкъ. Мало этого, они не упустили изъ виду даже странъ, склоняющихся къ сѣверу; но раздѣлили и ихъ по жребіямъ. Потомъ одинъ выхвалялъ доставшіяся ему по раздѣлу владѣнія, находя, что они очень изобильны конями и доставляютъ большія подати, и превознося свое счастье; другой съ безконечною плодовитостію и удивленіемъ разсказывалъ о необыкновенномъ богатствѣ своихъ владѣній разными благами. Тѣ спорили изъ за раздѣла какихъ нибудь городовъ; другіе мѣнялись своими удѣлами и брали вмѣсто ихъ другіе города и предѣлы. Особенно домогались нѣкоторые получить въ

удѣлъ привлекательную своею славою Иконію. Ворота города Константинополя и часть цѣпи, которая была протянута черезъ заливъ для огражденія гавани отъ непріятельскихъ нападеній, они отослали вмѣстѣ съ большею частію судовъ къ своимъ соплеменникамъ въ Сирію и вмѣстѣ съ тѣмъ разослали повсюду вѣстниковъ съ объявленіемъ о взятіи города. Когда надобно было имъ избрать себѣ императора: они собрались въ большой храмъ споспѣшниковъ Христовыхъ, — обыкновенное мѣсто своихъ собраній для общаго разсужденія о дѣлахъ,—и спачала рѣшили сообразно съ однимъ изъ своихъ отечественныхъ обычаевъ поставить рядомъ четыре чаши, изъ которыхъ одна должна была содержать въ себѣ безкровную жертву, и потомъ предоставить священнослужителямъ при поименованіи каждаго изъ избираемыхъ на престолъ брать по одной чашѣ и подносить ему; такъ чтобы тотъ, кто получитъ сосудъ, вмѣщавшій божественное тѣло и кровь Христову, предпочтительно предъ другими былъ избранъ на престолъ (¹). Но венеціянскій дожъ Дандуло положилъ разрѣшить вопросъ подачею голо-

(¹) Варіантъ на слова: *поставить рядомъ четыре чаши.... на престолъ*. «По числу лицъ, избираемыхъ въ императоры, взять такое же количество чашъ, или сосудовъ,—въ одинъ изъ сосудовъ положить безкровную жертву, то есть хлѣбъ Господень, всѣ же другіе оставить пустыми, наконецъ—каждую чашу дать особому священнику; за тѣмъ избранные должны будутъ подойти,—каждый изъ нихъ возметъ изъ рукъ одного какого либо священника святую чашу, и того, кто возметъ чашу, заключавшую въ себѣ тѣло Господне, они изберутъ на престолъ, какъ получившаго въ свои руки часть Божію».

совъ. Поэтому выбрано было со стороны французовъ и лонгобардовъ пять человѣкъ избирателей, изъ числа знатнѣйшихъ между ними людей, и со стороны венеціянъ равнымъ образомъ другихъ пять человѣкъ. Послѣ этого по большинству голосовъ жребій на престолъ выпалъ Балдуину, графу фландрскому, благодаря, какъ всѣ говорили, коварству и ловкости венеціянскаго дожа Дандуло. Будучи слѣпъ глазами и поэтому отказавшись включить себя въ число избираемыхъ по жребію на престолъ, онъ рѣшился облечь царскою властію человѣка съ характеромъ кроткимъ и незаносчивымъ, наблюдая прежде всего то условіе, чтобы собственныя владѣнія избраннаго сколько возможно далѣе отстояли отъ границъ Венеціи, такъ чтобы въ случаѣ, если когда нибудь между императоромъ и венеціянами возникнутъ взаимныя несогласія, императору не легко было посылать въ значительномъ количествѣ свои войска въ предѣлы Венеціи, — другими словами, не удобно было вторгаться въ нихъ, опустошать ихъ и грабить, что̀ все, какъ само собою разумѣется, было весьма удобно дѣлать маркизу Бонифатію, котораго родина находилась въ Лонгобардіи, такъ какъ Лонгобардія лежитъ при морѣ, переѣздъ оттуда въ римскія владѣнія легокъ, Венеція ей погранична, и по сосѣдству изъ нея можно наносить венеціянамъ множество непріятностей и бѣдствій. По всѣмъ такимъ, весьма не безосновательнымъ, соображеніямъ Дандуло, этотъ слѣпецъ тѣлесными глазами, ясно пони-

мавшій очами своего ума то, что оставалось темно и для большей части зрячихъ, обошелъ маркиза Бонифатія и рѣшилъ дѣло тѣмъ, что венеціяне, согласившись съ мнѣніемъ французовъ, дали перевѣсъ Балдуину,—имѣя въ виду, что Балдуинъ происходилъ изъ отдаленныхъ предѣловъ Галліи, а предѣлы Галліи на столько же отстоятъ отъ Венеціи, на сколько Венеція отстоитъ отъ римскихъ предѣловъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Балдуинъ расположенъ къ нему всею душею ([1]), съ искреннею почтительностію, какъ къ отцу, и что онъ еще не искусился въ дѣлахъ отъ долговременнаго опыта подобно маркизу, такъ какъ Балдуину не было еще и тридцати двухъ лѣтъ. Съ другой стороны графъ Фландрскій въ самомъ дѣлѣ былъ, какъ говорили всѣ, человѣкъ богобоязненный и воздержный въ образѣ жизни. Даже взоромъ не пожелалъ онъ женщины въ продолженіе всего времени, которое былъ въ разлукѣ съ собственною супругою. Онъ проводилъ время въ священныхъ пѣснопѣніяхъ, помогалъ нуждающимся и благодушно выслушивалъ противорѣчія себѣ. Особенно замѣчательно было, что онъ два раза каждую недѣлю приказывалъ вечеромъ провозглашать, чтобы внутри его дворца никто не дерзалъ прикасаться къ незаконной женѣ.

7. Воцарившись такимъ образомъ, Балдуинъ отправился въ западныя области имперіи—не

([1]) *Варіантъ*: «что вмѣстѣ съ тѣмъ Балдуинъ готовъ всецѣло повиноваться ему»...

съ тѣмъ, чтобы покорять ихъ (потому что считалъ уже всѣ ихъ своею жертвою, хвастливѣе и самоувѣреннѣе Евклида ([1]) говоря: «гдѣ бы только стать мнѣ, и я поверну тогда копьемъ всю землю!»), но чтобы просто посѣтить ихъ, какъ страны дружественныя, и каждой изъ нихъ доставить случай въ его присутствіи провозгласить его римскимъ императоромъ. Поэтому онъ даже не удостоилъ обратить никакого вниманія на нѣкоторое число римлянъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, предлагавшихъ ему свою службу, и отказалъ имъ всѣмъ безъ исключенія. Точно такъ же поступали, впрочемъ, и другіе военные начальники и графы; потому что всѣ они, отдѣляя мужество отъ прочихъ достоинствъ и усвояя его себѣ однимъ, какъ прирожденное и исключительное свое качество, не допускали ни одного другаго народа ни до какого сопоставленія съ собою въ военномъ дѣлѣ. Ни граціи, ни музы не имѣли пристанища у этихъ варваровъ: потому-то, я думаю, они коснѣли въ своей природной грубости, и побужденія животныя предупреждали въ нихъ внушенія разума! Итакъ, обошедши города Ѳракіи, Балдуинъ поставилъ гарнизонъ въ Орестіадѣ ([2]); тоже сдѣлалъ онъ въ Дидимотихѣ и городѣ, получившемъ названіе отъ имени Филиппа. Когда онъ вступалъ въ Ксанѳію; тамошніе жители, устроивъ засаду, неожиданно напали было на

([1]) Слѣдовало бы сказать: «Архимеда».

([2]) *Варіантъ:* «въ Адріанополѣ».

его войско подъ предводительствомъ какого-то Сенахерима: но, появившись на минуту, опять скрылись, воротившись полными трусами туда, откуда вышли отважными храбрецами. Отсюда, не встрѣчая сопротивленія, Балдуинъ направилъ путь къ митрополіи ѳессалоникійцевъ. Его сопровождалъ также маркизъ Бонифатій вмѣстѣ съ Маріею Паннонскою (1), бывшею супругою Исаака Ангела, которая по смерти своего перваго мужа и уже послѣ взятія Константинополя вышла за него замужъ. Когда Балдуинъ достигъ Мосинополя; вдругъ маркизъ съ разныхъ сторонъ получилъ извѣстіе, что Балдуинъ вовсе не намѣренъ уступать ему знаменитой Ѳессалоники, какъ было условлено между ними, но съ тѣмъ идетъ и для того дѣлаетъ усиленные переходы, чтобы овладѣть городомъ въ свою пользу. Долгое время онъ былъ ошеломленъ этою вѣстію, какъ будто пораженный громомъ. Наконецъ, съ явно потрясеннымъ присутствіемъ духа, онъ поспѣшно отступилъ назадъ, обзывая Балдуина льстивымъ болѣе грековъ, криводушнымъ, вѣроломнымъ и измѣнчивымъ хуже марки и игорной кости. Не взирая ни на что, онъ захватилъ Дидимотихъ, сильно укрѣпилъ его, двинулся на города Ѳракіи, исключая Орестіаду (которую миновалъ по тому, что она была занята многочисленнымъ гарнизономъ Балдуина), обложилъ ихъ податью, собралъ вокругъ себя римлянъ и поклялся имъ всѣми

---

(1) *Варіантъ:* «Венгерскою».

страшными и священными для людей клятвами— отстать отъ договоровъ и прежняго сообщничества съ своими единоплеменниками и открыто перейти на сторону римлянъ. Одновременно съ этими обѣщаніями и клятвами маркизъ употребилъ средство, дѣлавшее его слова вѣроятными: именно, онъ провозгласилъ римскимъ императоромъ первороднаго сына своей супруги Маріи, по имени Мануила (¹), предоставивъ ему вмѣстѣ съ титуломъ всѣ принадлежности царскаго облаченія; такъ что эта выставка или маска толпами привлекала къ нему римлянъ. Между тѣмъ, пока онъ занимался подобнаго рода хитростями, не имѣвшими въ себѣ ни малѣйшей частицы правды, какъ показали послѣдствія, Балдуинъ приблизился къ Ѳессалоникѣ. Весь народъ высыпалъ къ нему на встрѣчу и съ громкими криками радости вручилъ ему свою судьбу и судьбу города. Жители умоляли только, чтобы Балдуинъ ни самъ не входилъ въ городъ, ни своему войску не дозволялъ вступать въ него; такъ какъ они опасались, чтобы это войско, подчинявшееся не одному начальнику, но скопившееся изъ многихъ племенъ и повиновавшееся еще большему числу вождей, отбросивъ въ сторону его приказы, не разграбило города. Частію сознавая основательность ихъ просьбы, частію склоняясь на нее въ слѣдствіе, не обѣщавшаго никакихъ добрыхъ послѣдствій, гнѣвнаго отступленія маркиза, а главнымъ

(¹) То есть, сына Исаака Ангела.

образомъ тревожась распространявшеюся молвою о его дѣйствіяхъ, Балдуинъ уступилъ желанію Ѳессалоникійцевъ и далъ имъ писанную киноварью грамоту, подтверждавшую всѣ старинныя привиллегіи ихъ города. Не смотря на то, онъ провелъ еще нѣсколько дней подъ стѣнами Ѳессалоники, пользуясь всѣми знаками должнаго благорасположенія со стороны жителей, и за тѣмъ пошелъ обратно въ Византію, потому что получилъ уже отъ венеціянскаго дожа Дандуло и графовъ, остававшихся въ Константинополѣ, увѣдомленіе, настоятельно требовавшее этого. Когда Балдуинъ такимъ образомъ возвратился; прибылъ въ Византію въ слѣдствіе приглашенія и маркизъ—послѣ того, какъ нѣкто Жоффруа [1], человѣкъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ въ латинскомъ войскѣ (саномъ маршалъ,—тоже, что протостраторъ у еллиновъ), ѣздилъ къ нему и поручился, что прибытіе въ Константинополь не подвергнетъ его никакой опасности. Примирившись съ Балдуиномъ во время этого свиданія, маркизъ оставилъ Дидимотихъ и, отправившись въ Ѳессалонику, занялъ ее безъ всякаго сопротивленія. Въ управленіи Ѳессалоникою нѣкоторое время онъ примѣнялся къ обстоятельствамъ, скрывая свое лукавство и криводушіе: однако не долго медлилъ въ этомъ первоначально принятомъ образѣ дѣй-

---

[1] Жоффруа Виллардуинъ, маршалъ Шампанскій (de Champagne et de Romanie), извѣстный современный писатель сочиненія «о завоеваніи Константинополя» (De la conquête de Constantinople), изданнаго Corp. Script. Hist. Byz. tom. XXVII, à Venise, 1729.

ствій. Скоро, подобно кошкѣ, истинный характеръ которой немедленно изобличился, когда упалъ кусокъ жира, онъ бросился на деньги ѳессалоникійцевъ, какъ только ознакомился съ цвѣтущимъ положеніемъ ихъ имуществъ. Потомъ онъ отнялъ у владѣльцевъ самые лучшіе дома въ городѣ и роздалъ ихъ на жительство своимъ всадникамъ. За тѣмъ, оставивъ въ Ѳессалоникѣ супругу свою Марію съ частію войска, онъ выступилъ изъ нея и устремился на города, принадлежащіе къ серрскому округу, равно какъ лежащіе въ области веррійской и по направленію къ Темпейской долинѣ Ѳессаліи. Овладѣвъ ими сверхъ всякаго ожиданія, онъ рѣшился двинуться на самую Лариссу, пройти Елладу, покорить Пелопонезъ, всегда считая малымъ то, что уже было захвачено, и горя нетерпѣніемъ идти все впередъ и впередъ по пути, пролагаемому римскимъ простосердечіемъ. Его сопровождало нѣсколько человѣкъ римлянъ, преимущественно изъ знатныхъ фамилій, привлекая расположеніе областей и уравнивая дорогу, по обманчивой и коварной видимости, первородному сыну Маріи (потому что собственно этого отрока, облеченнаго въ царскую порфиру и торжественно провозглашаемаго царемъ, съ радостію принимали, какъ ѳракійцы прежде, такъ теперь македоняне, ѳессалійцы и всѣ жители Еллады), въ дѣйствительности же служа проводниками и руководителями въ дѣйствіяхъ маркизу и латинянамъ,— слѣдовательно, являясь предателями отечества. Такимъ образомъ маркизъ безъ всякаго сопротив-

ленія овладѣлъ доблестнѣйшими народами и могущественнѣйшими городами, и притомъ такимъ множествомъ городовъ, что оно безъ сомнѣнія превышало численность его войска, если даже на каждаго человѣка класть по городу. Съ своей стороны Балдуинъ, возвратившись въ Византію, также не хотѣлъ сидѣть безъ дѣла и подчиненное себѣ войско держать напрасно дома безъ употребленія для войны; но рѣшился переправить его въ Азію и попытать счастья противъ тамошнихъ городовъ, бывъ подстрекаемъ на это предпріятіе геллеспонтскими латинянами, населяющими городъ Пиги, и троянскими армянами, которые старались всѣми мѣрами склонить Балдуина и подстрекнуть другихъ графовъ къ нападенію на восточные города, какъ на легкую и несомнѣнную добычу.

8. Такимъ образомъ около листопада мѣсяца братъ Балдуина Генрихъ и Петръ де Плашесъ (1), воинъ, отличавшійся могучею силою временъ героическихъ, выступили (2) изъ Константинонополя и, достигши приморскаго города Каллиполя (3), переправились на востокъ. Соединившись въ Троѣ съ армянами и подкрѣпивъ здѣсь свой отрядъ ихъ вспомогательными дружинами, Генрихъ разграбилъ и разорилъ нѣсколько го-

(1) *Варіантъ:* «Прашесъ», то есть, Pierre de Bracheux, или Pierre de Braiecuel, envoyé par le comte de Blois,—voyez Ville-Hard. de la conqu. de Const. nom. 162 et 170.

(2) *Варіантъ:* «Такимъ образомъ около октября мѣсяца братъ Балдуина Эрикъ выступилъ»...

(3) Нынѣшній городъ Галлиполи.

родовъ, которые не изъявили ему покорности. Наконецъ, овладѣвъ горой Идой и проникнувъ чрезъ ея тѣснины, онъ подступилъ къ Атрамиттію (1). Въ тоже время Петръ де Плашесъ, двинувшись изъ города Пигъ (2), пошелъ на Лопадій. Около Пиманинона онъ встрѣтился съ весьма значительными силами римлянъ подъ предводительствомъ Ѳеодора Ласкариса. Однако римляне, не выдержавъ натиска на нихъ латинянъ, обратились въ бѣгство. Послѣ этого Петръ вступилъ въ Лопадій безъ всякаго сопротивленія. Мало того, всѣ жители города встрѣтили его съ крестными знаменіями и святымъ евангеліемъ, въ слѣдствіе чего не потерпѣли отъ непріятелей никакой бѣды. Также невредимы остались всѣ прочіе города, которые не рѣшались вступать въ борьбу съ латинянами, хотя трудно было угодить латинянину, человѣку—по рѣчи чужому для еллиновъ, съ характеромъ корыстолюбивымъ, очами нескромными, чревомъ ненасытнымъ, душею раздражительною и суровою, рукою, хватающеюся за мечъ при всякомъ случаѣ. Желая подобнымъ же образомъ овладѣть Прусою (3), латиняне положили произвесть попытку и противъ нея; такъ какъ прусцы не только не изъявили имъ покорности, но, заготовивъ продовольствіе въ количествѣ достаточ-

---

(1) По нынѣшнему произношенію—Адрамити, городъ Малой Азіи, лежащій противъ острова Митилене, называвшагося въ древности Лесбосомъ. Сравн. примѣчаніе на стр. 181.

(2) Нынѣшній городъ Бига.

(3) Нынѣшняя Брусса.

номъ для долговременной осады и полагаясь на неприступность мѣстности, надѣялись, что едва ли могутъ быть когда нибудь покорены силою,— потому что Пруса лежитъ на холмѣ и сверхъ того обведена крѣпкою стѣною. Итакъ, двинувшись изъ Лопадія, латиняне подступили къ Прусѣ. Осадивъ городскія стѣны съ южной стороны, гдѣ гора Олимпъ отступаетъ нѣсколько отъ города и гдѣ перерывается утесистый холмъ, окружающій городъ и опоясывающій все его пространство, они предложили осажденнымъ сдаться, изъявляя согласіе въ такомъ случаѣ на всѣ угодныя жителямъ условія и, конечно, не обѣщая ничего подобнаго тогда, когда возьмутъ городъ силою и разобьютъ стѣны осадными машинами. Но осажденные нисколько не думали уступать предложенному требованію; напротивъ часть ихъ отважилась на вылазку и мѣткою стрѣльбою лишила непріятельское войско значительнаго числа храбрѣйшихъ воиновъ, павшихъ ранеными, или убитыми. Какъ только оказалось, что городъ не легко взять, особенно — съ перваго нападенія, немедленно латиняне отступили. Одушевившись отступленіемъ ихъ еще болѣе, прусцы рѣшились преслѣдовать ихъ уже въ большемъ количествѣ. Ихъ примѣру послѣдовали римляне, занявшіе возвышенности, чрезъ которыя непріятельское войско должно было проходить. Наконецъ нѣкоторые изъ покорившихся прежде латинянамъ теперь отступили отъ нихъ, вооружились противъ нихъ одинаково съ непокорившимися и

также истребили ихъ не мало. Не смотря на то, латиняне опять получили перевѣсъ и нанесли римлянамъ множество пораженій въ разныхъ битвахъ, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательна была битва подъ городомъ Кесаріею [1]. Желая отмстить имъ равнымъ же пораженіемъ, выступилъ противъ Генриха, стоявшаго подъ Атрамиттіемъ, Ѳеодоръ Филадельфійскій. Правда, напавши на Генриха неожиданно, онъ успѣлъ на первый разъ стѣснить его многочисленностію своего войска; при всемъ томъ, когда Генрихъ былъ, по видимому, въ крайней опасности, латинская конница мгновенно построилась въ боевой порядокъ и, поднявъ копья вверхъ, приготовилась бодро встрѣтить нападеніе римлянъ. Съ своей стороны римляне совсѣмъ не думали сами начинать сраженіе, въ ожиданіи аттаки выгнувши ряды своихъ войскъ на подобіе кольцеобразныхъ извивовъ огненнаго дракона, блестя чешуею панцырей и развернутыми краями обоихъ фланговъ представляя какбы открытую пасть страшнаго рта, но для наступательнаго движенія построившись такимъ образомъ до крайней степени растянуто и мѣшковато. Тогда латиняне какбы по одному условленному

---

[1] Послѣ словъ: *подъ городомъ Кесаріею* у Вольфа помѣщено слѣдующее добавленіе: «Здѣсь римляне убили знаменоносца и захватили знамя, за которымъ слѣдовало латинское войско. Поставивъ захваченное знамя на возвышеніи, они привлекли имъ къ себѣ слѣдовавшіе за нимъ отряды, которые шли собственно къ путеводному знамени, но, увидавъ, что оно въ рукахъ римлянъ, обратились противъ нихъ и живѣйшимъ образомъ, въ самое скорое время, обратили ихъ въ бѣгство и разбили на голову».

знаку, направивъ копья, съ обычными криками, въ слѣдъ за Генрихомъ, который несся впереди другихъ и смѣло ворвался на своемъ конѣ въ ряды римскаго войска, бросились на римлянъ, смяли ихъ, обратили въ бѣгство и, въ добавокъ, преслѣдуя бѣгущихъ, положили большую часть ихъ на мѣстѣ, такъ какъ римскіе всадники, при первомъ же натискѣ латинянъ и взмахѣ копьевъ, ускакали во весь опоръ и предоставили пѣшіе отряды въ жертву и добычу непріятелямъ.

Такъ шли дѣла въ Азіи. Между тѣмъ маркизъ, выбравшись при помощи римлянъ, служившихъ проводниками, изъ ѳессалійской Темпейской долины, провелъ свое войско равнинами съ необыкновенною быстротою; такъ что овладѣлъ полями Ларисcы прежде, чѣмъ это узнали римляне, занявшіе горныя вершины и неусыпно стерегшіе ущелья, которыя совершенно сдавливаютъ рѣку Пенѣй [1] въ ложе до того узкое, что она во многихъ мѣстахъ клокочетъ съ оглушительнымъ ревомъ, повторяющимся въ скалистыхъ берегахъ чрезъ отраженіе гула эхомъ, и оставляютъ около горныхъ подошвъ одну тропинку, совершенно стиснутую между отвѣсными скалами и теченіемъ рѣки и до такой степени сжатую и трудную для прохода, что въ иномъ мѣстѣ на ней нельзя развернуться войску даже по четыре человѣка въ

---

[1] Авторъ описываетъ здѣсь ущелья Темпейской долины, которая орошается рѣкою Пенѣемъ.

рядъ. Выступивъ изъ Лариссы, маркизъ двинулся впередъ, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія. Очень поздно уже и только у Термопилъ устроилъ противъ него засаду Левъ Сгуръ; но и тотъ, не ознаменовавъ себя никакимъ мужественнымъ подвигомъ, при первомъ появленіи латинской конницы струсилъ, убѣжалъ оттуда и укрылся въ Акрокориноѣ. Этотъ Сгуръ былъ родомъ изъ Навплія и нѣкоторое время владѣлъ своими согражданами болѣе силою, чѣмъ доброю волею, управляя ими подобно своему отцу и получивъ отъ отца наслѣдство, облитое кровью. Потомъ, пользуясь всякій разъ безпорядкомъ дѣлъ и усиливаясь въ смутныя времена, онъ изъ малаго сдѣлался великимъ, подобно ручью—отъ проливныхъ дождей, или волнамъ—отъ сильныхъ вѣтровъ: захватилъ обманомъ многоконный Аргосъ, овладѣлъ разбойнически Кориноомъ и за тѣмъ, простираясь постоянно далѣе и далѣе по избранному пути разбоевъ, нагрянулъ на самыя Аѳины съ военными кораблями и сухопутнымъ войскомъ, перешедшимъ Истмъ ([1]). Сгуръ обольщалъ себя надеждою овладѣть Акрополемъ ([2]) безъ всякаго труда, или поставить только осадныя машины и этимъ уже заставить осажденныхъ, какъ людей не воинственныхъ, сдаться отъ страха. Но онъ ошибся въ разсчетѣ и напрасно воображалъ такъ; потому что случилось совсѣмъ иначе. Аѳинскій

([1]) То есть, истмійскій перешеекъ.

([2]) То есть, крѣпостью города Аѳинъ.

архипастырь Михаилъ Хоніатъ, родной братъ мой (я упоминаю, что онъ братъ мнѣ, потому, что горжусь такимъ родствомъ и радуюсь кровной связи съ подобнымъ человѣкомъ, хотя по добродѣтелямъ и образованію стою далеко ниже его), сознавая неотъемлемую обязанность пастырей содѣйствовать общему благу своими совѣтами и молитвами, немедленно, какъ только Сгуръ расположилъ войско, рѣшился, въ надеждѣ отклонить его отъ предпринятаго намѣренія, боголюбезно обратиться къ нему съ мирными внушеніями, какъ къ человѣку, который не только зналъ его вообще, но даже часто раздѣлялъ съ нимъ бесѣду. И вотъ онъ мечетъ въ него, какъ будто съ высотъ города, стрѣлы увѣщаній, бросаетъ пастырскою пращею, съ силою каменометныхъ машинъ, богоглаголивыя рѣчи и въ тоже время старается сокрушить его гордость отеческими угрозами, какъ своего рода осадными орудіями. «Не слѣдуетъ ему», говорилъ онъ, «христіанину по вѣрѣ и римлянину по отечеству, идти войною противъ римлянъ, если только онъ не исповѣдуетъ христіанства одними устами, такъ какъ бы по одеждѣ и языку принадлежалъ къ числу римлянъ, сердцемъ же далеко отстоялъ отъ украшающихся именемъ Христовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ онъ можетъ обвинить аѳинянъ, чтобы съ правомъ ополчиться противъ Аттики? На пограничныхъ аргосцевъ онъ могъ еще, какъ на сосѣдей, взводить какую нибудь жалобу, которая дѣлала бы его нападеніе на нихъ въ нѣкоторой

степени извинительнымъ; равнымъ образомъ, коринѳянамъ недавно — онъ могъ поставить въ обвиненіе частые навѣты противъ себя коринѳскаго архипастыря, въ слѣдствіе которыхъ Навплій подвергался нашествію римскаго войска и подступленію къ своимъ берегамъ военныхъ кораблей. Но аѳиняне и онъ, какъ отдалены другъ отъ друга мѣстностію, такъ равно далеки отъ всякихъ поводовъ къ столкновенію и взаимному соперничеству въ чемъ бы то ни было. Въ частности между имъ и ихъ священнослужителемъ не было ничего, кромѣ отношеній самыхъ боголюбезныхъ и духовныхъ: онъ никогда не переставалъ называть ихъ молитвенника своимъ отцемъ и пастыремъ и съ такимъ же наслажденіемъ внималъ изреченіямъ его устъ, съ какимъ вкушаютъ сладостный сокъ пчелиныхъ сотовъ; а тотъ включалъ его въ число своихъ духовныхъ дѣтей». — Итакъ, пользуясь подобными представленіями, Михаилъ умолялъ Сгура оставить Аѳины въ покоѣ. Съ своей стороны Сгуръ, выставляя на видъ, что успѣхъ насилія есть непремѣнное и прямое оправданіе его, и ссылаясь на обстоятельства времени, по которымъ будто бы всякій въ правѣ былъ брать, что можно, силою, такъ какъ первоверховный городъ низпалъ въ крайнюю глубину бѣдствій, твердо стоялъ на своемъ намѣреніи, требуя выдачи на смерть одного юноши. Правда, этого молодаго человѣка иной и безъ требованія съ радостію выдалъ бы ему, какъ сѣмя нечестивое и беззаконное; потому что онъ для многихъ былъ

причиною погибели и замышлялъ, словомъ и дѣломъ, противъ своего отечества, Аттики, все, что есть самаго худшаго: но архипастырь, евангельски включая въ число возлюбленныхъ чадъ и охраняя въ неприкосновенности даже явнаго гонителя, преслѣдователя и навѣтника церкви, своей духовной матери и воспитательницы (нѣсколько разъ поднимавшаго руку противъ него самого), какъ скоро онъ прибѣгъ подъ ея защиту, отвергъ требованіе Сгура. Когда такимъ образомъ онъ не убѣдилъ этого звѣря своими мудрыми вразумленіями; когда увидѣлъ, что, напротивъ, Сгуръ, какъ аспидъ безчувственный, упорно заткнулъ отъ нихъ свои уши; когда посыпались всякаго рода выстрѣлы на заключившихся въ Акрополѣ: тогда, принесши моленіе Богу, чтобы всѣ страшныя послѣдствія начавшихся бѣдствій обратились на главу нечестиваго виновника ихъ, онъ самъ разставилъ противъ него орудія на верху стѣнъ и размѣстилъ по стѣнамъ пращниковъ и стрѣлковъ. Да и чего не въ состояніи былъ сдѣлать для отраженія враговъ этотъ мужъ, исчерпавшій всякую мудрость, всѣ свѣтскія и духовныя науки, и каждую изъ нихъ изучившій такъ, какъ другой не въ состояніи изучить одной какой бы то ни было? Если бы захотѣлъ, онъ могъ бы низвесть на дерзкихъ безумцевъ огненный дождь, наслать на ихъ лагерь ядовитыхъ осъ, или испросить свыше и получить какого нибудь другаго рода погибель имъ; потому что божественное правосудіе, конечно, не замедли-

ло бы своимъ мщеніемъ, если бы воздвиглись его чистыя руки, или отверзлись священныя уста съ молитвою о томъ къ Богу. Но его отклонилъ отъ подобныхъ помышленій и дѣйствій тотъ, Кто запретилъ сынамъ громовымъ (Марк. 3, 17) низвесть съ неба огонь, сказавъ имъ: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. 9, 55).—9.—Отчаявшись въ побѣдѣ надъ противникомъ, столько свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, до такой степени многоученымъ, такъ недосягаемо высокимъ по добродѣтели, и почувствовавъ, какъ безполезно бодаться съ утесами Акрополя, Сгуръ въ безсильной злобѣ противъ города, крѣпости котораго не могъ одолѣть, зажегъ подгородныя зданія и взялъ въ добычу стада животныхъ, годныхъ для работы и пищи. Двинувшись отсюда, по прошествіи нѣсколькихъ дней онъ подступилъ къ седмивратнымъ Ѳивамъ, овладѣлъ ими безъ всякаго сопротивленія и бодро пошелъ далѣе. Наконецъ, пройдя Термопилы и перешедши гору Эту, онъ вступилъ въ Лариссу, соединился съ царемъ Алексѣемъ (который, бывъ оттѣсненъ отъ сѣверныхъ предѣловъ государства, въ удаленіи отъ царственнаго города пріютился въ Темпейскихъ ущельяхъ Ѳессаліи) и женился на дочери его Евдокіи. Сначала Евдокія была въ замужествѣ за трибалльскимъ княземъ Стефаномъ, который съ безчестіемъ прогналъ ее отъ себя; потомъ, прибывъ въ Византію, послѣ уже взятія города и бѣгства изъ него, вышла въ другой разъ замужъ за Алексѣя Дуку Мурцуфла, послѣдняго римскаго импера-

тора. Но и Дука не дожилъ съ нею до старости и почтенныхъ лѣтъ; потому что отецъ ея Алексѣй, не знаю, по какой именно причинѣ, коварно схватилъ его и лишилъ зрѣнія,—должно быть, просто по тому, что бродяга ненавидитъ бродягу и бѣглецу съ престола противенъ изгнанникъ съ престола. Спустя не много времени послѣ ослѣпленія, Дука попался въ руки латинянамъ, былъ отведенъ ими въ Византію и подвергнутъ тамъ суду за то, что заключилъ въ темницу и насильственно лишилъ жизни своего повелителя и царя (1). Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что названный царь былъ измѣнникомъ отечества и понесъ заслуженное наказаніе за это,—что не одинъ только онъ распорядился поступить съ нимъ такъ, — что въ этомъ дѣлѣ принимали участіе и другіе, члены его собственнаго рода и дома. Но судьи, не выслушавъ того, что онъ сказалъ, и нисколько не желая слушать того, что онъ хотѣлъ еще говорить, приговорили ему новый и ужаснѣйшій родъ смерти. Его втащили на высокую Таврскую колонну (2) и оттуда столкнули внизъ: нѣсколько мгновеній несчастный летѣлъ въ прямомъ положеніи, потомъ перевернулся внизъ головою и за тѣмъ, разбившись въ дребезги, самымъ жалкимъ образомъ испустилъ духъ. Итакъ

---

(1) Императора Алексѣя IV, сына Исаака Ангела.

(2) То есть, колонну, которая въ память побѣдъ надъ скиѳами и варварами была воздвигнута въ Константинополѣ императоромъ Ѳеодосіемъ на Таврской или Ѳеодосіевской площади. См. Дюканжа Const. Christ. lib. 1, pag. 65—68.

Сгуръ, вступивъ въ супружество съ Евдокіею, въ то время, какъ маркизъ приближался къ Елладѣ, стерегъ, какъ я нѣсколько выше сказалъ, термопильскій проходъ, господствующую надъ Термопилами, лѣсистую, высоковершинную гору и всѣ позиціи, заграждающія съ этой стороны вторженіе въ Елладу. При всемъ томъ, однако, и здѣсь всѣ безъ сопротивленія покорились маркизу, привыкши всегда съ постыднымъ раболѣпствомъ, трусливо, преклоняться предъ силою, и покорились предводителю не многочисленнаго и единодушнаго, но набраннаго изъ разныхъ мѣстъ и большею частію руководимаго совершенно различными цѣлями, войска. Когда маркизъ вступилъ за тѣмъ въ самую Беотію; кадмейцы приняли его съ такою неудержимою радостію, съ какою иной разъ не встрѣчаютъ даже роднаго при возвращеніи его домой изъ долговременнаго путешествія. Потомъ онъ овладѣлъ Аттикою и поставилъ въ Акрополѣ свой гарнизонъ. Хотя священноначальникъ аѳинскій могъ бы тогда отразить и маркиза такъ же, какъ прежде Сгура; но, разсудивъ, что не время уже противиться, когда Царьградъ взятъ и всѣ, какъ западныя, такъ и восточныя, области римскаго государства преклоняются предъ тѣнью латинскаго копья, уступилъ крѣпость безъ боя. Наконецъ и Евбея не оказала ничего достойнаго страны мужественной и свободной: вотъ и она дружественно протягиваетъ руку, измѣняется скорѣе волнистаго моря, устроиваетъ пере-

праву войску, несущемуся быстрѣе Еврипа ([1]), и равнодушно смотритъ, какъ на берегу ея пролива строится крѣпость и внутри крѣпости становится войско, предназначенное, конечно, для обузданія измѣнчивыхъ рѣшеній и предотвращенія непостоянства евбейцевъ! Но что это? Варварское войско опередило мои слова и несется быстрѣе моей исторіи, нигдѣ не встрѣчая себѣ задержки! Исторія повѣствуетъ еще, что оно только разграбило Ѳивы, овладѣло Аѳинами, дошло до Евбеи; между тѣмъ оно, какъ будто не пѣшее, а крылатое и воздушное, облетѣвъ исторію, подошло уже къ Истму, прогнало, защищавшее Истмъ, римское ополченіе, вступило въ лежащій на Истмѣ и богатый въ древности городъ Коринѳъ, двинулось къ Аргосу, пролетѣло Лаконію, отсюда вторглось въ Ахаію, за тѣмъ прошло черезъ Метону и устремилось къ Пилосу, отечеству Нестора ([2]). Я надѣюсь, однако, что, достигши Алфея, оно зачерпнетъ водицы изъ этого потока, помоется ею, припомнитъ милую старинную басенку и, узнавъ, что эта рѣка наполнена любовію Ареѳузы, источника сицилійскаго, поящаго дѣтей Италіи, испугается, по крайней мѣрѣ, того, чтобы тиранническая ([3]) вода ея не написала на своихъ волнахъ и не перенесла по теченію Алфея

([1]) Еврипомъ назывался морской проливъ, отдѣляющій Евбею отъ твердой земли и отличающійся замѣчательною быстротою теченія.

([2]) Одного изъ героевъ Иліады.

([3]) То есть, по смыслу миѳологическаго сказанія, съ тиранническою неотразимостію противъ воли пробуждающая взаимность нѣжной страсти.

тамошнимъ народамъ вѣсть объ его насиліяхъ противъ еллиновъ. Впрочемъ ты, Алфей, дорогая рѣка еллинская, текущая прѣснымъ потокомъ среди соленыхъ водъ самаго моря, поразительное явленіе въ мірѣ, огонь любовной страсти, не говори, пожалуйста, сицилійскимъ варварамъ о неудачахъ еллинскихъ и не распространяй вѣсти, какими великими дѣлами противъ еллиновъ прославили себя вышедшіе изъ среды ихъ герои, воевавшіе съ еллинами, чтобы не начались восхваленія этихъ подвиговъ, не появились хвалебныя пѣсни о нихъ и не поднялось противъ насъ множество новыхъ искателей славы! Погоди не много: измѣнчива война; шахматная игра —дѣла человѣческія и перемѣнчива побѣда! Даже Александру, говорятъ, встрѣчались иногда непріятныя неожиданности и Кесарю не всегда вѣрно служило счастіе! Заклинаю тебя неприкосновенною для моря склонностію къ тебѣ и любовнымъ теченіемъ самой Ареѳузы! Но я увѣренъ, что ты исполнишь мою просьбу.—Между тѣмъ Сгуръ, растерявшись совершенно при такихъ успѣхахъ непріятелей, видя, что Аргосъ занятъ и сосѣдственные съ нимъ города тоже взяты, какъ звѣрь косматый въ пещеру, или какъ пресмыкающійся змѣй въ свою нору, скрылся въ Акрокоринѳъ,—крѣпость древняго города Коринѳа, лежащую на крутой горѣ и почти неприступную. Бывъ отраженъ отъ Акрокоринѳа и убѣдившись, что Навплій также не легко взять по необоримости укрѣпленій и стойкости его защитниковъ, маркизъ рѣшился при-

нудить къ сдачѣ оба эти мѣста долговременною осадой,—противъ же Акрокориноа сверхъ того построилъ укрѣпленіе, выбравъ для него мѣстность, которая представляла болѣе выгодъ для успѣха военныхъ дѣйствій.

Можетъ быть, такимъ образомъ всѣ азіятскія и западныя области римскаго государства еще до истеченія полнаго года были бы совершенно порабощены разнородными латинскими племенами (потому что по вступленіи на императорскій престолъ Балдуинъ готовился уже обратить копье противъ самой Никеи и Прусы), если бы Господь, низлагающій совѣты и разсѣявающій *языки, хотящіе брани*, не принялъ насъ, оскудѣвшихъ до конца, подъ кровъ свой. Царь бѣглецъ [1], явившись къ маркизу, промѣнялъ знаки своего царскаго достоинства на паекъ хлѣба съ чаркою вина и вмѣстѣ съ супругою своею Евфросиніею былъ отосланъ оканчивать послѣдніе дни жизни въ мѣстечко, соотвѣтствующее своимъ именемъ горькой его долѣ и называемое Алмиромъ [2].—**10.**—Поэтому римляне, сопровождавшіе царя (то были большею частію люди знатнаго происхожденія, извѣстные военнымъ искусствомъ и по мѣсту своей родины граждане городовъ Өракіи), рѣшились также обратиться къ маркизу и предложить ему свои посильныя услуги; но онъ, сказавъ, что не имѣ-

---

[1] Авторъ говоритъ о царѣ Алексѣѣ III, братѣ Исаака Ангела.

[2] То есть, по филологическому производству слова Алмиръ, горько-соленымъ.

етъ нужды въ римскихъ солдатахъ, отказалъ имъ всѣмъ въ службѣ у себя. Потомъ они подали прошеніе о принятіи на службу императору Балдуину: но такъ какъ и здѣсь, по пословицѣ, опять «даромъ пѣли»; то обратились къ Іоанну, воспитаннику и уроженцу эмскихъ горъ, который опустошилъ и сокрушилъ своими враждебными вторженіями почти всѣ западныя области римской державы, разорилъ ихъ скиѳскими набѣгами и изнурилъ всякаго рода бѣдствіями. Онъ охотно принялъ ихъ. Іоаннъ подозрѣвалъ высокомѣрные замыслы латинянъ и опасался ихъ копья, какъ меча огненнаго; потому что въ отвѣтъ на его дружеское посольство они повелѣвали ему относиться къ нимъ въ своихъ грамотахъ, не какъ царю къ равнымъ себѣ друзьямъ, но какъ слугѣ къ господамъ своимъ, грозя въ противномъ случаѣ поднять противъ него оружіе, опустошить и испепелить всю Мизію, которою онъ владѣлъ не по праву, изгнавъ изъ нея римлянъ, ея законныхъ владѣтелей, и обратить его въ прежнее состояніе ([1]). Въ слѣдствіе того онъ приказалъ перебѣгшимъ къ нему римлянамъ воротиться въ свои отечествен-

---

([1]) Варіантъ на слова: *Іоаннъ подозрѣвалъ . . . . прежнее состояніе.* «Іоаннъ постоянно опасался франковъ и боялся ихъ копьевъ, какъ страшнаго огня. Поэтому онъ отправилъ къ нимъ пословъ съ предложеніемъ мира и дружбы. Но они въ своей грамотѣ отвѣчали ему не какъ дружественному себѣ государю, а какъ владѣлецъ—своему рабу, и требовали, чтобы онъ положилъ оружіе и отказался отъ престола, грозя въ противномъ случаѣ выступить противъ него съ войскомъ и вмѣсто царскаго сана обратить его въ рабское состояніе, въ какомъ онъ былъ прежде.»

ные города, постепенно подготовить ихъ къ возстанію и вредить латинянамъ, сколько будетъ возможно, пока онъ самъ не придетъ къ нимъ на помощь. Воротившись на родину, они дѣйствительно, при помощи валаховъ, успѣли возмутить города Ѳракіи и Македоніи. Слѣдствіемъ этого было то, что латиняне, занимавшіе здѣшніе города, большею частію были истреблены, или принуждены спасаться бѣгствомъ въ Византію. Такъ они были избиты между прочимъ въ Дидимотихѣ и изгнаны изъ Орестіады (1).— Такой оборотъ дѣлъ сверхъ всякаго ожиданія освободилъ востокъ отъ латинянъ, развлекшихся войною на западѣ, сбилъ ихъ высокомѣріе и сдѣлалъ обладателей Еллады и Пелопонеза нѣсколько скромнѣе. Впрочемъ надобно разсказать въ порядкѣ, какъ все это произошло. Въ то время, какъ римляне, занявъ Адріанополь и Дидимотихъ, держались въ этой сторонѣ, пользуясь значительнымъ подкрѣпленіемъ валаховъ, Іоаннъ привелъ собственные полки и почти безчисленное вспомогательное войско изъ скиѳовъ (2), стараясь всѣми мѣрами скрыть отъ латинянъ многочисленность своего ополченія. Между тѣмъ императоръ Балдуинъ и трое другихъ главныхъ вождей (такъ какъ графъ Сенъ Поль уже скончался и погребенъ былъ въ Манганскомъ

---

(1) Т. е. изъ Адріанополя.

(2) Варіантъ на слова: *вспомогательное войско изъ скиѳовъ:* «союзное войско команъ».

монастырѣ, въ склепѣ севасты [1] Склирены), получивъ извѣстіе о возстаніи римлянъ, немедленно выслали войско для возвращенія возставшихъ городовъ къ повиновенію. Такимъ образомъ Визія и Чурулъ смирились и возвратились къ прежней покорности. Но городъ Аркадіополь оказалъ сопротивленіе. При приближеніи латинскаго войска всѣ зажиточные и порядочные обыватели выбрались изъ него; между тѣмъ ночью вступили въ него римляне, для которыхъ онъ былъ родиною, съ своими союзниками. Приблизившись къ городу, латиняне сначала сдѣлали роздыхъ, оставаясь въ вооруженіи и отдѣльными отрядами производя наблюденіе надъ городскими стѣнами; но на разсвѣтѣ, увидавъ, что римляне не держатся ни строя, ни какихъ бы то ни было правилъ военнаго порядка, что они даже не вполнѣ достаточно вооружены, построились и приготовились къ битвѣ, нѣсколько отступивъ отъ стѣнъ. Смѣло выступили противъ нихъ римляне, приписывая робости ихъ осторожное отступленіе,—бросились за городскія ворота и завязали съ непріятелемъ битву; къ сожалѣнію, послѣ недолговременной борьбы они принуждены были обратиться въ бѣгство. Тогда открылось печальное и жалкое зрѣлище: не давая пощады никому и рубя все мечемъ, латиняне упоили землю кровію, и никто изъ

---

[1] Санъ севасты въ первый разъ былъ придуманъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ для своей наложницы Склирены; см. Glossar. Du Cange. pag. 1339, подъ словомъ σεβαςή.

павшихъ не удостоился погребенія. Впрочемъ этимъ только и ограничилось въ своихъ дѣйствіяхъ передовое латинское войско, не смѣя простираться далѣе; потому что со всѣхъ сторонъ окружали его римляне и валахи съ частію скиѳовъ, занимавшіе также городъ Адріанополь, куда всѣ стекались, какъ въ спасительное убѣжище. Въ мартѣ мѣсяцѣ выступилъ самъ императоръ Балдуинъ съ графомъ Людовикомъ де Блуа и въ слѣдъ за ними—венеціянскій дожъ Генрихъ Дандуло, каждый съ своими собственными отрядами. Подступивъ къ Адріанополю и расположившись около него лагеремъ внѣ выстрѣловъ, на слѣдующій день они приблизили войска къ стѣнѣ и поставили орудія. Такъ какъ, однако, осажденные защищались крѣпко; то въ продолженіе значительнаго времени латиняне, при несокрушимой прочности стѣнъ, ничего болѣе не успѣли сдѣлать, какъ только стрѣляли и въ свою очередь сами были обстрѣливаемы. Наконецъ они придумали поднять основы стѣнъ рычагами и такимъ образомъ неожиданно вдругъ потрясти самыя стѣны. Съ этою цѣлію они начали подкапываться подъ нихъ, сколько было возможно, издали: земля незамѣтно выносилась изъ подкоповъ; самые подкопы подпирались подставками изъ сухаго лѣса, и работа шла быстро при множествѣ рукъ. Съ своей стороны римляне противъ нихъ также вымышляли средства къ спасенію города. Но не прошло еще достаточнаго числа дней въ этой подземной борьбѣ, какъ подоспѣлъ Іоаннъ. Немедленно, отрядивъ

часть скиѳскаго войска, онъ приказалъ сдѣлать нападеніе на стада скота для продовольствія и табуны лошадей, которые паслись на лугахъ около латинскаго лагеря, желая такого рода стратегическимъ опытомъ извѣдать характеръ непріятелей и пріемы ихъ военныхъ дѣйствій. Едва только появился скиѳскій отрядъ, какъ латиняне, съ неистовою быстротою взявшись за коней и копья, неудержимо бросились на скиѳовъ, которые въ свою очередь, поворотивъ тылъ, пустились въ соотвѣтственно быстрое отступленіе, стрѣляя назадъ и въ то же время не забывая бѣжать впередъ. Латиняне сильно гнались за ними, желая ихъ настигнуть; но, разумѣется, ничего не могли сдѣлать, гонясь за войскомъ легко вооруженнымъ и быстролетнымъ. Тѣмъ и кончилось тогда это дѣло. Послѣ того Іоаннъ расположился съ своимъ войскомъ въ оврагахъ, засѣлъ въ ущелья, прикрылся холмистыми возвышенностями, стараясь, чтобы противники не замѣтили его присутствія, и выслалъ еще болѣе значительный отрядъ скиѳской дружины, бывшей подъ предводительствомъ Коцы, для вторичнаго нападенія на латинскій лагерь, приказавъ ему дѣйствовать по прежнему и возвращаться назадъ къ мѣсту, гдѣ было расположено войско, тою же дорогою, какою возвращался прежде. Какъ только латиняне опять увидѣли скиѳовъ; поспѣшно и мгновенно вооружившись, они бросились на нихъ, потрясая копьями, еще съ большею стремительностію, чѣмъ недавно передъ тѣмъ, и преслѣдовали ихъ еще

далѣе. А такъ какъ скиѳы, почти нисколько не стрѣляя назадъ, подвигались впередъ чрезвычайно скоро; потому что при всей легкости вооруженія неслись на коняхъ, отличавшихся особенной быстротою бѣга: то латиняне не замѣтили, какъ далеко увлеклись своимъ преслѣдованіемъ, и по невѣдѣнію попали на тѣ мѣста, гдѣ были устроены силки, засады, западни. Сами усталые отъ усиленнаго преслѣдованія, съ явно уже обезсилившими своими конями, они очнулись среди свѣжихъ скиѳскихъ войскъ и были сдавлены со всѣхъ сторонъ; потому что скиѳы обступили ихъ совершенно кругомъ. Бой сдѣлался рукопашнымъ. Подавляя ихъ своею многочисленностію,—такъ какъ каждаго обступило нѣсколько человѣкъ,—скиѳы стаскивали ихъ съ сѣделъ, рубили шеи имъ, жестоковыйнымъ, косами, душили ихъ арканами, рвали на части ихъ коней. Налегши своею массою подобно черной и густой тучѣ, они не оставили латинянамъ ни малѣйшей возможности ни продолжать сраженіе въ боевомъ порядкѣ, ни отступить. Такъ пала самая отборная часть латинскаго войска, знаменитая силою своихъ копьевъ. Палъ и графъ Людовикъ де Блуа. Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Мизію: тамъ его привели въ Терновъ, заключили въ темницу и заковали въ цѣпи до самой шеи. Между тѣмъ главный источникъ всѣхъ золъ и первовиновникъ всѣхъ бѣдствій римскаго народа, венеціянскій дожъ Дандуло, собравшійся на битву послѣ всѣхъ, узнавъ отъ бѣглецовъ о пораженіи вой-

ска, немедленно поворотилъ коня и понесся въ лагерь. Какъ только наступила ночь (сраженіе происходило вечеромъ); онъ приказалъ освѣтить палатки и развесть какъ можно болѣе огней, чтобы показать, что не все еще войско истреблено и что латиняне не боятся сраженія: но въ первую же перемѣну ночной стражи поднялся и ускакалъ въ приморскій городъ Рэдестъ. Соединившись тамъ съ Генрихомъ, роднымъ братомъ Балдуина, только что возвратившимся изъ Атрамиттія съ троянскими армянами, помогавшими ему въ войнѣ, оттуда онъ возвратился въ Византію, страдая животомъ и половыми членами отъ быстрой верховой ѣзды на протяженіи многихъ парасангъ [1].

11. Въ это время римляне, остававшіеся въ Константинополѣ, дрожали отъ страха, еще чувствуя подлѣ своей груди присутствіе обнаженныхъ латинскихъ сабель и видя разграбленіе своихъ имуществъ, которому безъ всякой достаточной причины подверглись они, по удаленіи Балдуина изъ города, двадцать пятаго числа мѣсяца марта, осьмаго индикта, шесть тысячъ семь сотъ тринадцатаго года. Мы сами, живя тогда еще въ Силивріи, думали также, что наступаютъ уже послѣднія времена, только что не собственными своими глазами видѣвши, совершившееся по сосѣдству съ нами, избіеніе семейства Даонитовъ и смотря на слѣды убійцъ,

---

(1) То есть, персидскихъ миль, о величинѣ которыхъ сдѣлано замѣчаніе выше; см. томъ 2, стр. 54.

которые съ мечами въ рукахъ вторглись въ Силиврію, чтобы расхитить наши котомки и рубища. Итакъ двѣнадцатаго числа мѣсяца апрѣля, седьмаго индикта, шесть тысячъ семь сотъ двѣнадцатаго года Царьградъ былъ взятъ латинянами; а пятнадцатаго числа того же мѣсяца, осьмаго индикта, латиняне были побѣждены скиѳами. Но что же далѣе? Другой бичь, гораздо болѣе тяжелый и многобѣдственный, заблисталъ теперь надъ римлянами. Мстя за римлянъ и въ тоже время, по видимому, враждуя противъ нихъ, Іоаннъ мизійскій отдалъ на разграбленіе скиѳамъ всѣ близкіе къ Византіи пригороды, платившіе дань латинянамъ. Тогда открылось новаго рода ужасное бѣдствіе, необычайное и превосходившее всякое наказаніе Божіе. Одну и туже землю, однихъ и тѣхъ же людей изможждали два народа, нападая то оба вмѣстѣ, то одинъ послѣ другаго. Скиѳы при нападеніяхъ опустошали все, что ни попадалось, и иногда, послѣ бичеванія, вѣшали отличавшихся красотою плѣнниковъ, принося ихъ въ жертву своимъ демонамъ; латиняне также, ожесточенные возстаніемъ противъ себя римлянъ и пораженіемъ, понесеннымъ отъ скиѳовъ, свирѣпствовали противъ римлянъ нисколько не менѣе. Наконецъ не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы можно было найти спасеніе и убѣжище. Твердая земля была исполнена безпредѣльныхъ золъ и казалась гибельнѣе самой погибели; а на морѣ повсюду разъѣзжали однопалубныя [1] ла-

---

[1] То есть, имѣвшія одинъ ярусъ скамей для гребцовъ.

тинскія суда, разбойничая и грабя все, что ни шло, куда бы то ни было. Между тѣмъ Іоаннъ, не медля долго въ городахъ Ѳракіи, пошелъ на Ѳессалонику съ цѣлію утвердить въ ней свою власть, отнять города этой митрополіи у латинянъ и подчинить ихъ себѣ. Приблизившись къ Серрамъ, онъ вступилъ въ бой съ находившимися тамъ латинянами: хотя кровопролитіе было ужасно; однако онъ и здѣсь остался побѣдителемъ. Встрѣтивъ Іоанна съ обычнымъ своимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ и готовностію къ отраженію, латиняне сначала нанесли ему чувствительную потерю: но спустя не много войско латинское окончательно было поражено и, спасаясь бѣгствомъ въ городъ Серры, не успѣло запереть за собою городскихъ воротъ; такъ что вмѣстѣ съ бѣжавшими ворвались внутрь города преслѣдовавшіе ихъ валахи и римляне. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ; потомъ онъ былъ сожженъ, городскія стѣны разрушены, плѣнники заключены въ оковы и отправлены по назначенію. Уцѣлѣвшій послѣ пораженія остатокъ латинскаго войска частію разсѣялся въ разныя стороны, спасаясь бѣгствомъ, частію утвердился внутри крѣпости (1), которую успѣлъ захватить. На слѣдующій день Іоаннъ, осадивъ крѣпость, предложилъ заключившимся въ ней латинянамъ сдаться и получить свободный выходъ; но, ожидая помощи отъ маркиза, они не хотѣли слышать ни о какой уступкѣ.

(1) *Варіантъ:* «внутри укрѣпленія, называемаго Кула».

Поэтому Іоаннъ заготовилъ лѣстницы и, поставивъ на возвышенности, лежавшей противъ крѣпости, огромную осадную машину, началъ громить стѣны. Съ своей стороны латиняне защищались упорно, употребляя всѣ, бывшія въ ихъ распоряженіи, средства для обороны стѣнъ. Наконецъ они увидѣли, что Іоаннъ, окруживъ крѣпость всѣмъ своимъ войскомъ, какъ непрерывною огненною стѣною, заградилъ имъ всякій выходъ изъ нея, такъ что не льзя было даже ноги высунуть, чтобы тайно пробраться къ маркизу, и рѣшились сдать крѣпость на томъ условіи, чтобы имъ дозволено было свободно выдти изъ нея со всѣмъ оружіемъ и лошадьми. Но теперь уже онъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ договорѣ на подобныхъ условіяхъ. Тогда они стали просить о дозволеніи имъ возвратиться на свою родину, подъ присмотромъ проводниковъ до границъ Панноніи. На этомъ условіи договоръ состоялся, и Іоаннъ получилъ крѣпость, а они—безпрепятственный выходъ.

Что же во все это время дѣлалъ маркизъ, ихъ глава? Разскажемъ теперь о его дѣйствіяхъ. Устроивая дѣла въ Пелопонезѣ и воюя со Сгуромъ, онъ получилъ отъ жены письмо, извѣщавшее, что ѳессалоникійцы подняли бунтъ, что сама она вытѣснена изъ города и принуждена была укрыться въ городской крѣпости, гдѣ уже нѣсколько дней находится въ осадѣ, между тѣмъ городомъ овладѣлъ одинъ валахъ, по прозванію Ецiисменъ, правитель Просака и его окрестностей, подвластныхъ Іоанну. Узнавъ

объ этомъ, маркизъ счелъ необходимымъ поспѣшить къ ней на помощь и отправился въ обратный путь. Еще не дошелъ онъ до Ѳессалоники, какъ встрѣтилъ пословъ отъ своей жены съ увѣдомленіемъ, что враги побѣждены и прогнаны и въ городѣ возстановлено спокойствіе. Обрадовавшись этому извѣстію и объявивъ его своимъ приближеннымъ, маркизъ своротилъ съ дороги и пошелъ прямо на Скопіи съ цѣлію отмстить Іоанну за его непріязненныя дѣйствія противъ себя. Но не успѣлъ онъ начать задуманнаго предпріятія, какъ явился другой посолъ съ извѣстіемъ о смерти графа де Блуа и взятіи въ плѣнъ императора Балдуина. Тогда онъ опять поворотилъ на прежній путь и прибылъ въ Ѳессалонику. Разслѣдовавъ здѣсь обстоятельства возстанія, о которомъ былъ извѣщенъ письменно, маркизъ излилъ всю свою злобу на жителей города и окончательно истребилъ все, что еще было пощажено губительною войною, происходившею до его прибытія: кого подвергъ изгнанію, лишивъ имущества и обобравъ начисто, кому отсѣкъ голову, кого повѣсилъ, не только изъ простаго народа, но даже изъ лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ, а несчастнаго императора Алексѣя и его супругу Евфросинію (небывалое, неслыханное въ римскомъ государствѣ дѣло и невиданное доселѣ явленіе!) отправилъ за море къ королю аллеманскому. Между тѣмъ, получивъ извѣстіе о нападеніи Іоанна на Серры и еще не зная объ окончаніи происходившей тамъ битвы, онъ послалъ

въ Серры своимъ соплеменникамъ вспомогательное войско, которое узнало по дорогѣ о положенiи дѣлъ, тѣмъ не менѣе, однако, не могло уже уклониться отъ сраженiя, попавъ въ самый центръ военныхъ дѣйствiй, хотя видѣло, что будетъ имѣть дѣло съ непрiятелемъ гораздо превосходнѣйшимъ. Произошла новая битва. Войско маркиза было опять разбито на голову и обращено въ бѣгство; потому что скиѳы со всѣхъ сторонъ напали на него неоглядным роемъ въ необыкновенномъ множествѣ, какъ пчелы, выбившiяся изъ ульевъ, или осы, вылетѣвшiя изъ придорожныхъ разщелинъ. Потерпѣвъ такимъ образомъ пораженiе въ обѣихъ этихъ битвахъ, маркизъ заключился послѣ того въ стѣнахъ Ѳессалоники; а Iоаннъ съ полною безпрепятственностiю вступилъ въ Веррею и подчинилъ себѣ прочiе города, принадлежавшiе маркизу.

Получивъ извѣстiе о всѣхъ этихъ неудачахъ, латиняне, владѣвшiе Константинополемъ, составили совѣтъ для опредѣленiя дальнѣйшаго образа своихъ дѣйствiй. Совѣщанiе происходило въ присутствiи Генриха, роднаго брата императора Балдуина, и венецiянскаго дожа [1] Марина, такъ

---

[1] Авторъ ошибочно называетъ Марина дожемъ Венецiи. По смерти Дандуло Маринъ, какъ бывшiй его помощникъ, былъ выбранъ венецiянами, находившимися въ Константинополѣ, для безостановочнаго веденiя дѣлъ въ должность байла, или подесты, то есть, старосты, или намѣстника, и притомъ подъ условiемъ, что онъ немедленно сдастъ свое мѣсто тому, кого назначитъ и пришлетъ на эту должность республика. Венецiянское правительство утвердило, однако, его самого въ должности байла.

какъ Дандуло уже умеръ. Всѣ единогласно рѣшили продолжать войну и послать войско противъ отложившихся отъ латинянъ городовъ Ѳракіи, пользуясь господствовавшимъ еще въ большей части войска одушевленіемъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что Іоаннъ бросилъ римлянъ, занявшись другими войнами и посвятивъ имъ все свое вниманіе. Въ слѣдствіе того немедленно выслана была впередъ часть войска, составлявшая по ихъ названію роту ([1]), съ полномочіемъ безнаказанно подвергать отложившіеся города всѣмъ мѣрамъ жестокости,—и отрядъ этотъ на своемъ пути, дѣйствительно, ознаменовалъ себя неимовѣрными злодѣйствами и насиліями. Въ тоже время венеціяне, выславъ въ море свои военные корабли, разбойнически ограбили прибрежныя части восточныхъ провинцій, за тѣмъ пристали къ Панію и Каллиполю и разразились противъ нихъ самыми неистовыми и недостойными христіанъ свирѣпостями. Разнообразны, тяжки и невыносимы были бѣдствія, нанесенныя ими!—12.—Наконецъ выступилъ самъ Генрихъ. Миновавъ Аркадіополь, такъ какъ въ немъ остался жить одинъ вѣтеръ, онъ вторгся въ Апросъ и безпощадно напалъ на его жителей, истребляя ихъ, скорѣе какъ стадо овецъ, или быковъ, нежели христіанское общество, при всемъ томъ, что они переходили на сторону валаховъ не столько по доброй волѣ, сколько по

([1]) *Варіантъ:* «Въ слѣдствіе этого сформированъ былъ отрядъ охотниковъ, вызвавшихся идти впередъ на поискъ добычи»...

необходимости и по невозможности сопротивленія. Участь тѣхъ изъ нихъ, которые въ качествѣ плѣнниковъ остались живыми, была не менѣе печальна. Съ веревкою на шеѣ латиняне водили ихъ по селамъ и городамъ для сбора подаяній на выкупъ изъ плѣна; а если несчастные изнемогали въ этомъ невольномъ странничествѣ по болѣзненному состоянію здоровья, или теряли всѣ свои силы отъ продолжительности пути: то, хотя снималась съ ихъ шеи веревка, тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не дозволялось имъ умереть по христіански и отдать душу Богу естественною смертію, но или отрубалась голова, или глубоко пронзались мечемъ внутренности. Достигнувъ Орестіады, Генрихъ расположился подлѣ нея лагеремъ, огородился палисадникомъ, окружилъ весь лагерь глубокимъ рвомъ (такъ какъ латиняне смотрѣли на взятіе Орестіады, какъ на главную цѣль, вѣнецъ и конецъ своихъ подвиговъ) и объявилъ жителямъ города, что онъ отступитъ не иначе, какъ послѣ добровольной сдачи ихъ на условіяхъ договора, или покоренія ихъ силою оружія. Не допуская ни малѣйшей рѣчи о мирныхъ условіяхъ, осажденные отвѣчали, что отнынѣ не можетъ быть искренняго договора между римлянами и латинянами; потому что латиняне разъ на всегда показали себя въ глазахъ римлянъ людьми вѣроломными, жестокими къ покоряющимся добровольно и безчеловѣчными къ покоряемымъ силою оружія. Получивъ такой отвѣтъ, Генрихъ приступилъ къ дѣлу. Оказалось, что

городъ былъ окруженъ двумя широкими и глубокими рвами; городскія башни, на верху которыхъ надстроены были высоко уносившіяся въ воздухъ досчатыя подмостки, были укрыты воловьими шкурами и кожами, какъ для предохраненія ихъ отъ огненосныхъ выстрѣловъ, такъ равно для прикрытія ихъ защитниковъ. Поверхъ тѣхъ деревянныхъ надстроекъ утверждены были еще мачтовыя деревья, снабженныя орудіями, посредствомъ которыхъ обыкновенно воспламеняется и бросается на далекое разстояніе, разливающійся по пути паденія, огонь. Кое гдѣ выставлялись на нихъ построенныя для сражающихся лавочки, въ родѣ тѣхъ настилокъ, съ высоты которыхъ рыбаки, смотря въ глубь, наблюдаютъ за ходомъ рыбы. Къ нѣкоторымъ привѣшены были на цѣпяхъ огромные камни, при пособіи извѣстнаго механизма быстро падавшіе внизъ и за тѣмъ поднимавшіеся опять вверхъ, вообще подчинявшіеся въ направленіи своего движенія произволу машиниста. Кромѣ того на башняхъ стояло четырнадцать каменометныхъ орудій. По совѣщаніи съ войскомъ Генрихъ рѣшилъ взять внѣшній ровъ приступомъ, потомъ второй ровъ засыпать и за тѣмъ придвинуть осадныя машины къ стѣнамъ. Первый ровъ, дѣйствительно, былъ взятъ. Второй не легко было завалить, и отрубленныя головы вмѣстѣ съ обезглавленными трупами павшихъ съ обѣихъ сторонъ составили значительную долю массы, наполнившей его пустоту. Когда, однако, послѣ продолжительныхъ работъ и боль-

шаго кровопролитія, онъ былъ кое какъ наконецъ засыпанъ; латиняне двинули къ стѣнамъ башнеобразныя осадныя лѣстницы: но одна изъ нихъ засѣла во рву и легла на бокъ отъ недостатка твердости въ рыхлой и недавно наваленной засыпи; а другая, хотя была придвинута къ стѣнамъ въ прямомъ положеніи, но еще не успѣли положить съ нея сходней на городскія стѣны, какъ она была разбита брошенными съ мачтовыхъ деревьевъ, утвержденныхъ на верху башенъ, тяжелымы камнями, изломана дѣйствіемъ камнеметныхъ орудій и сдѣлалась также ни къ чему негодною. Мало того, сражавшіеся на ней понесли весьма значительную потерю, и въ томъ числѣ Петръ де Плашесъ, самый могущественный и знаменитѣйшій между всѣми латинянами своимъ мужествомъ воинъ, былъ тяжело раненъ камнемъ въ голову. Такимъ образомъ всѣ замыслы латинянъ на этотъ разъ рушились. На слѣдующій день латиняне опять придвинули къ стѣнамъ свои осадныя башни съ другой стороны города; ихъ занималъ отборный цвѣтъ латинскаго войска. Видя, что непріятели подступили почти со всею массою своихъ машинъ и готовы были уже перебросить на стѣны города мостъ, устроенный для перехода на нихъ осаждающихъ съ придвинутыхъ къ стѣнамъ осадныхъ орудій, осажденные отворили ворота и выступили впередъ съ оружіемъ и съ запасомъ разныхъ удобовозгараемыхъ и воспламеняющихъ снарядовъ. Завязалась битва гораздо болѣе жестокая, чѣмъ всѣ прежнія. Лати-

няне снова были отбиты и принуждены были опять отступить, потерявъ всѣ свои орудія, которыя въ ихъ глазахъ были сожжены римлянами. Между тѣмъ совнѣ валахскія и скиѳскія войска, окружая отвсюду латинскій лагерь, не допускали къ нему подвоза съѣстныхъ припасовъ. Почувствовавъ себя такимъ образомъ въ затруднительномъ положеніи и лишившись бодрости духа, латиняне послали въ Византію просить на помощь себѣ другихъ свѣжихъ войскъ. Новое войско отправилось къ нимъ, однако, не столько по доброй волѣ, сколько по принужденію, въ слѣдствіе церковнаго отлученія и анаѳемы, которыя произнесены были на непокорныхъ кардиналомъ Мартиномъ и Ѳомою, недавно прибывшимъ изъ Венеціи патріархомъ константинопольскимъ (1). Этотъ послѣдній одѣвался въ свою отечественную одежду, которая казалась какъ будто пришитою къ тѣлу, плотно облегая каждую его часть до самыхъ ручныхъ кистей, между тѣмъ оставляя грудь открытою, и стригъ бороду чище серпа, такъ что поверхность его щекъ, лишенная малѣйшаго всхода волосъ, представляла собою совершенно скошенную и опустошенную ниву (2). Но прежде, нежели пришла помощь, въ лагерѣ сдѣлалась

---

(1) Т. е. латинскимъ патріархомъ въ Константинополѣ.

(2) Варіантъ на слова: *этотъ послѣдній и проч.* «Патріархъ Ѳома носилъ одежду, плотно облегавшую и такъ сказать обвязывавшую все тѣло, за исключеніемъ только отчасти груди и ручныхъ кистей, и брилъ бороду, не оставляя на ней ни одного совершенно волоса, такъ что казался какъ будто безбородымъ юношею.

зараза отъ валявшихся въ палаткахъ труповъ ([1]) и отъ употребленія многими, или даже всѣми, неупотребительной пищи. Въ слѣдствіе того, снявъ лагерь, латиняне ночью отступили отъ Орестіады и за тѣмъ расположились на поляхъ памфильскихъ, чтобы отдохнуть отъ безуспѣшныхъ и продолжительныхъ трудовъ своихъ. Между тѣмъ, пока они подъ стѣнами Орестіады переносили столько бѣдствій, вспомогательное войско, рѣшившееся отправиться для соединенія съ ними, выступивъ изъ Константинополя, встрѣтилось по дорогѣ съ валахскими и скиѳскими отрядами и почти все было истреблено ([2]). Послѣ этого латиняне рѣшились соорудить новыя машины. Для постройки ихъ они собрали изъ приморскихъ городовъ мачты двухпалубныхъ кораблей, и чего за тѣмъ не доставало, то вырубили въ лѣсахъ, покрывающихъ горныя возвышенности Пропонтиды, пославъ туда распорядителемъ работъ графа Конона де Петуня ([3]). Наконецъ они запаслись вдоволь всякаго рода осадными машинами, большею частію даже оковавъ ихъ желѣзомъ для предохраненія отъ огня, и приготовились опять къ войнѣ. Оставивъ Орестіаду, которую считали теперь

([1]) *Варіантъ:* «отъ зловонія и гніенія мертвыхъ тѣлъ».

([2]) Варіантъ на слова: *между тѣмъ, пока и проч.* «Между тѣмъ, какъ болѣзнь свирѣпствовала въ лагерѣ, тоже бѣдствіе постигло отправившійся для соединенія съ нимъ отрядъ. Кромѣ того отрядъ этотъ встрѣтился по дорогѣ съ валахами и понесъ отъ нихъ большую потерю убитыми».

([3]) То есть, Conon de Béthune.—*Варіантъ:* «назначивъ главнымъ мастеромъ и строителемъ машинъ графа Конона де Петроня».

неприступною, судя по тому, чего стоила имъ ея осада, они рѣшились произвесть нападеніе на Дидимотихъ,—расположились подлѣ него лагеремъ, повели осаду противъ крѣпости и хотѣли уже двинуть къ ея стѣнамъ грозныя орудія, разсчитывая на приступъ. Но еще не зашло солнце въ этотъ день рѣшительнаго приступа, предположеннаго латинянами, какъ небо покрылось облаками, страшный дождь полился изъ атмосферы на окрестности Дидимотиха и протекающая близъ крѣпости рѣка Эвръ, вышедши изъ береговъ, своимъ разливомъ затопила поля на огромное разстояніе. Внезапное наводненіе, охватившее латинскій лагерь, унесло оружіе, машины, разбросало въ разныя стороны кавалерійскихъ лошадей и увлекло множество народа на волны Ахеронта ([1]). Если бы еще солнце не проливало своего свѣта и случилось это несчастіе ночью; то, безъ сомнѣнія, погибла бы бо́льшая часть войска. Бывъ поражены необычайностію совершившагося событія, болѣе благоразумные и менѣе кровожадные изъ латинянъ рѣшились послѣ того оставить Дидимотихъ, совѣтуя тоже самое и другимъ. Дѣйствительно, все войско, принимая постигшее его бѣдствіе за чудо, скоро отступило отсюда: одна часть его вмѣстѣ съ Генрихомъ возвратилась въ Константинополь; а другая осталась охранять сухопутные и приморскіе города, признававшіе власть латинянъ.

([1]) Ахеронтъ — миѳологическая рѣка, чрезъ которую умершіе переправляются изъ страны земной жизни въ адъ.

Впрочемъ бѣдствія не прекратились и дѣла римлянъ не стали отъ этого лучше. Пренебреженіе, недовѣрчивость и непримиримая враждебность латинянъ къ римлянамъ продолжались совершенно въ прежнемъ видѣ, и чего латиняне не могли сдѣлать съ отложившимися, противъ которыхъ постоянно острили копья, то дѣлали съ бывшими еще въ ихъ рукахъ, точа на нихъ свои зубы. Съ другой стороны невыносимо больно было видѣть равнодушіе, безчувственность и полнѣйшее безучастіе къ судьбѣ страждущихъ одноплеменниковъ со стороны римлянъ, населявшихъ восточныя [1] провинціи, которые ни деньгами, ни войскомъ, нисколько не думали помочь городамъ западнымъ.—**13.**—Оставивъ въ покоѣ Азію, латиняне всѣми своими силами налегли на Ѳракію, которая такимъ образомъ одна понесла на себѣ всю тяжесть борьбы за свободу римскаго народа. Наши полководцы, между тѣмъ, неожиданно избавившись отъ грозившей имъ опасности, ни на волосъ не сдѣлались отъ того лучше. Вмѣсто того, чтобы предпринять какія нибудь мѣры для спасенія и обороны себя и своихъ соотечественниковъ, они, предавшись *превратному уму* и забывъ о Богѣ, чтобы *дѣлать непотребства* (Рим. 1, 28) и никогда не приходить въ чувство, раздѣлились на разныя партіи и отдѣльныя общины, волновали города и вооружались другъ

(1) То есть, азіятскія провинціи римской имперіи, называемыя такъ въ противоположность европейскимъ, или западнымъ.

противъ друга, попирая всѣ узы родства. Народъ раздробился на части, какъ нѣкогда Израиль и Іуда, къ великому прискорбію пророка; одна часть держалась одного вождя, признавая его своимъ царемъ,—другая склонялась на сторону другаго: такъ что людямъ мыслящимъ эта множимость и этотъ разрывъ узъ одноплеменности казались проклятіемъ, тяготѣвшимъ надъ народомъ. Даже, когда пробуждалось въ народѣ чувство нѣкотораго рода дружественной связи; то оно выражалось не тѣмъ, чтобы всѣ одушевились одною мыслію, или, соревнуя другъ другу въ мужественной оборонѣ отечества, съ общаго согласія рѣшились оказать дѣятельное пособіе городамъ западнымъ, но единственно одними толками объ избраніи новыхъ царей, при чемъ извѣстная часть народа подобно стаѣ птицъ поднималась и улетала въ слѣдъ за однимъ вождемъ, а другая часть избирала себѣ другаго, въ родѣ какого нибудь терноваго куста (¹). Такимъ образомъ охватило весь востокъ многоначаліе, раскинувшееся по его областямъ, благодаря народной испорченности, какъ треглавый звѣрь. Съ одной стороны Мануилъ Маврозомъ, пользуясь содѣйствіемъ Кайхозроя, который недавно передъ тѣмъ женился на его дочери и опять овладѣлъ утраченнымъ прежде престоломъ иконійскимъ, употреблялъ всѣ уси-

---

(¹) *Варіантъ* на слова: *при чемъ извѣстная часть народа... терноваго куста.* «При чемъ одни избирали дѣйствительно достойныхъ,—благородныя отрасли плодовитыхъ деревъ, а другіе предоставляли надъ собою царскую власть кустамъ терновника (Суд. 9, 8—15).

лія достигнуть при его помощи царскаго сана и съ этою цѣлію, приведши съ собою турецкое войско, грабилъ и опустошалъ области, орошаемыя рѣкою Меандромъ. Съ другой выставлялъ свое право Өеодоръ Ласкарисъ, опираясь на знатность рода и свойство съ царскимъ домомъ. Отразивъ Маврозома, Ласкарисъ надѣлъ красные сандаліи и былъ провозглашенъ римскимъ императоромъ всѣми городами восточныхъ провинцій. Въ тоже самое время Давидъ Комнинъ, собравъ войско въ Пафлагоніи, равно какъ въ Ираклiи Понтійской, и нанявъ отрядъ иверійцевъ, населяющихъ берега рѣки Фазиса, старался подчинить своей власти разные города и селенія, провозглашая государемъ своего роднаго брата, по имени Алексѣя, и называя себя его предтечею и провозвѣстникомъ, тогда какъ самъ Алексѣй, братъ его, по видимому, далъ обѣщаніе никогда не выходить изъ трапезунтской области и походилъ на Иласа, котораго, по поговоркѣ, всѣ зовутъ, а никто не видитъ. Наконецъ Давидъ простеръ свои виды даже на Никомидію, пославъ туда войско подъ предводительствомъ одного молодаго человѣка, по фамиліи Синадина. Въ слѣдствіе того Ласкарисъ также собралъ войско и выступилъ противъ него. Давая видъ, что идетъ по гладкой и проѣзжей дорогѣ, онъ перешелъ между тѣмъ на другую дорогу, пролегавшую по гористой и неудобопроходимой мѣстности, и такимъ образомъ неожиданно напалъ на Синадина. Успѣхъ его стратегическаго маневра былъ самый удачный:

Ласкарисъ взялъ юнаго полководца въ плѣнъ, разсѣялъ его войско и принудилъ Давида не простираться далѣе Ираклiи Понтiйской. Спустя не много послѣ этого онъ сразился опять съ Маврозомомъ, обратилъ его въ бѣгство и, разбивъ турецкое войско на голову, частiю истребилъ его, частiю взялъ въ плѣнъ, сдѣлавъ это послѣднее исключенiе преимущественно для лицъ, занимавшихъ начальственныя должности въ войскѣ и знатныхъ родомъ.

Пока дѣла шли такимъ образомъ на востокѣ, Iоаннъ мизiйскiй, осадивъ Филиппополь, взялъ его, разграбилъ, разрушилъ и истребилъ большую часть его жителей. Давно уже онъ злобился противъ этого города и выжидалъ случая овладѣть имъ, чтобы отмстить за непокорность его жителямъ, которые, питая отвращенiе къ нему, какъ къ *мужу кровей*, не соглашались признать его своимъ царемъ: но его злоба и его варварское ожесточенiе достигли крайнихъ размѣровъ, когда филиппопольцы провозгласили своимъ государемъ Алексѣя Аспiета и подъ начальствомъ своего новаго вождя нѣсколько разъ отразили его непрiязненныя нападенiя. Впрочемъ, можетъ быть, Филиппополь, попеременно склоняясь то къ союзу съ латинянами, то на сторону Iоанна мизiйскаго, и избѣжалъ бы своей несчастной участи, еслибы зло коснулось только его одного: но когда пала столица и сокрушилась мощная опора всѣхъ городовъ; то и онъ въ слѣдъ за нею, какъ дочь за матерью, по необходимости уже долженъ былъ подвергнуться

тойже, или даже еще болѣе горькой, долѣ. Испытавъ всѣ ужасы грабежа и убійствъ, онъ былъ разрушенъ до основанія и обращенъ въ обширное поле развалинъ, среди которыхъ только одна мрачная картина поражала утомленный запустѣніемъ взоръ печальнаго путника—высокій шестъ, на которомъ головою внизъ висѣлъ Аспіетъ, повѣшенный за ноги на веревкѣ, продѣтой сквозь надлодыжечныя жилы. Всѣ сторонники Асніета, способствовавшіе возвышенію его на высоту царской власти, боясь со стороны Іоанна, который не могъ не знать ихъ, казни за свое переметничество, рѣшились послѣ этого открыто разорвать съ нимъ всякую связь. Одни изъ нихъ перешли къ Ѳеодору Ласкарису, правителю городовъ восточныхъ; другіе, сосредоточившись частію въ Орестіадѣ, частію въ Дидимотихѣ, вступили въ переговоры съ латинянами и отправили къ нимъ пословъ съ просьбою назначить ихъ полководцемъ Ѳеодора Врану. Между тѣмъ Іоаннъ воротился въ Мизію для устройства своихъ дѣлъ и чрезъ небольшой промежутокъ времени, наказавъ тамъ измѣнниковъ страшными казнями и новоизобрѣтенными родами смерти, рѣшился начать непримиримую, убійственную и безпощадную войну съ римлянами, говоря, что онъ не въ силахъ долѣе выносить ихъ коварство, вѣроломство и ежеминутную перемѣнчивость. Въ неукротимой злобѣ онъ выслалъ поэтому необозримые рои скиѳскихъ войскъ, соперничавшіе своею многочисленностію съ количествомъ весеннихъ цвѣтовъ.

Одни изъ нихъ въ необыкновенномъ множествѣ окружили Адріанополь. Другіе подступили къ Рузію, вызывая на битву латинскій гарнизонъ этого города. То былъ отборный отрядъ латинскаго войска, состоявшій изъ великановъ ростомъ и героевъ военнаго ремесла, подъ начальствомъ Тьерри (¹), весьма знаменитаго и уважаемаго вельможи (²). Какъ только латиняне узнали отъ лазутчиковъ о мѣстѣ расположенія скиѳскаго войска; немедленно они двинулись туда со всею поспѣшностію: но скиѳы, предупредивъ ихъ нападеніе, скрытно заняли другое мѣсто, лежавшее ближе къ Рузію, и, когда латиняне послѣ своихъ поисковъ возвращались уже назадъ, неожиданно сами напали на нихъ. Внезапность ихъ появленія привела въ трепетъ латинское войско, и ихъ многочисленность грозила ему самыми гибельными послѣдствіями: при всемъ томъ завязалась упорная битва. Обѣ стороны сражались съ одинаковымъ мужествомъ; наконецъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, латиняне почти всѣ поголовно были истреблены. Пока здѣсь происходило это сраженіе, другіе многочисленные и воинственные отряды скиѳовъ нахлынули на Апросъ. Быстро, или, лучше сказать, безъ сопротивленія овладѣвъ несчастнымъ городомъ, скиѳы разрушили его до основанія; народонаселеніе же его частію истре-

---

(¹) Авторъ говоритъ о «Thierri de Tenremonde, connétable de Romanie».

(²) Варіантъ на слова: *То былъ отборный отрядъ... вельможи.* «То было сильное и весьма прочное укрѣпленіе, окруженное высокими деревянными башнями, построенными по всѣмъ правиламъ искусства».

били, частію увели на продажу въ рабство, закрутивъ плѣнникамъ руки за спину, частію предали сожженію. На ихъ сторонѣ была побѣда, это правда; но безчеловѣчно было пользоваться такъ своими побѣдами!

14. Послѣ описаннаго жаркаго сраженія скиѳы, двинувшись по направленію къ морю на Рэдестъ, встрѣтили по дорогѣ Ѳеодора Врану, который велъ въ Орестіаду посланный туда отрядъ латинянъ, и обратили его въ бѣгство вмѣстѣ съ слѣдовавшимъ за нимъ войскомъ. За тѣмъ они взяли Рэдестъ приступомъ,—жителей обратили въ рабство, а самый городъ сравняли съ землею, перенявъ отъ валаховъ непримиримую вражду къ намъ и передавая ее отъ дѣтей къ дѣтямъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Отсюда, съ тѣмъ же неудержимымъ жаромъ, они пошли на Перинѳъ, изъ Перинѳа—въ Даоній, уничтожая страшною силою своего напора всякую мысль о сопротивленіи,—взяли въ плѣнъ поголовно все народонаселеніе этихъ городовъ и стѣны ихъ разрушили до основанія. Но не одно только взморье испытало на себѣ дѣйствіе бурной храбрости скиѳскихъ дружинъ и сопровождавшаго ихъ отряда валаховъ, которые съ заступами и лопатами въ рукахъ нападали преимущественно на стѣны городовъ. Всѣ мѣстности, удаленныя отъ моря, сдѣлались теперь въ равной степени жертвою тѣхъ же, или еще большихъ, бѣдствій, безъ всякой пощады со стороны побѣдителей; такъ какъ вообще люди, вырвавшіеся изъ долговременнаго рабства на непривычную свободу,

не знаютъ никакихъ границъ въ своихъ дѣйствіяхъ и никогда не думаютъ о томъ, что въ свою очередь и они могутъ опять попасть въ бѣду,—возносясь безъ мѣры случайными удачами и оборотомъ счастія въ ихъ сторону, они совершенно забываютъ прежнее и надменно, нагло, буйно увлекаются настоящимъ. Такимъ образомъ Аркадіополь, Месина, Чурулъ бѣдственно кончили свое существованіе, и всѣ деревни, села, все, что нѣкогда подлежало управленію этихъ городовъ, равно какъ все, что принадлежитъ къ округу самого города Константинополя, все это попало на передѣлку въ скиѳскія руки. Наконецъ гибельный ураганъ разразился и надъ жителями города Аѳиры. Сначала аѳирцы согласились съ скиѳами на денежный окупъ, и уже прибыли къ нимъ со стороны скиѳовъ сборщики золотой монеты. Но вечеромъ того же дня подошла къ городу часть латинскаго отряда, бывшаго съ Враною подъ Рэдестомъ. Жители съ радостію немедленно приняли эту горсть войска, надѣясь, что она останется въ городѣ и вступитъ въ битву съ скиѳами: однако около первой перемѣны ночной стражи латиняне выступили отсюда далѣе, стараясь укрыться и убѣжать отъ скиѳовъ, хотя при всемъ томъ не достигли цѣли, потому что подъ самымъ Ригіемъ наткнулись на другіе, шедшіе впереди ихъ, скиѳскіе отряды и въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ того поголовно всѣ были истреблены. По удаленіи латинянъ скиѳы, безъ вѣдома своихъ сборщи-

ковъ денежнаго окупа, середи ночи перебрались чрезъ городскія стѣны, овладѣли воротами и съ обнаженными мечами, съ страшнымъ крикомъ, бросились на жителей, которые большею частію еще спали и потому не имѣли достаточно времени, чтобы найти спасеніе въ бѣгствѣ. Вѣкъ надобно оплакивать цѣлыми потоками слезъ то, что совершилось потомъ въ продолженіе этой ночи. Не только всѣ взрослые, безъ различія пола, были истреблены, или въ качествѣ плѣнниковъ обращены въ рабство; даже груднымъ младенцамъ не было пощады: какъ юную травку, или какъ нѣжный цвѣтокъ, скосили ихъ эти безжалостные люди, нисколько не чувствуя, до какой степени оскорбляетъ природу и попираетъ законы человѣчности тотъ, кто простираетъ свою злобу за предѣлы побѣды и власти надъ врагами. Еще болѣе жалко тѣхъ несчастныхъ, которые надѣялись спастись, бросившись къ пристани: овладѣвъ берегомъ и не внимая ничьимъ мольбамъ, побѣдители частію изрубили ихъ мечами, частію увели къ себѣ назадъ, частію заставили пуститься вплавь по водѣ и утонуть въ ея волнахъ. Не многіе только спаслись, успѣвши сѣсть на корабли. Иные, не попавъ на сходни, поскользались о нижнія части бортовъ и также погибали въ морѣ. Такъ ужасенъ и такъ безъисходно губителенъ былъ этотъ погромъ, кончившійся почти совершеннымъ истребленіемъ всѣхъ жителей города! Послѣ того, разсыпавшись по всей сторонѣ толпами и отдѣльными отрядами, варварское вой-

ско подобно страшной бурѣ, или лѣсному пожару, развѣяло и испепелило все, что встрѣчало на своемъ пути. Не осталось рѣшительно ни одного мѣста, которое было бы не отыскано и не разграблено. Изъ городовъ же сколько нибудь болѣе важныхъ и по своей значительности могшихъ разсчитывать на сопротивленіе, только Визія и Силиврія уцѣлѣли отъ разоренія и разрушенія скиѳами; да и онѣ избѣжали общей участи только потому, что, при всей неприступности своего мѣстоположенія, были обнесены еще чрезвычайно крѣпкими стѣнами и кромѣ того оберегаемы латинскимъ гарнизономъ. Совершенно упавъ духомъ при такихъ успѣхахъ непріятелей, итальянцы забились въ Константинополь, какъ въ пещеру, и все свое вниманіе обратили на приготовленіе средствъ для выдержанія осады, раздѣливъ съ этою цѣлію между собою городскія стѣны со стороны материка на участки и предоставивъ римлянамъ полную свободу выселяться изъ города, куда угодно. Между тѣмъ скиѳы довольно долго еще оставались въ окрестностяхъ Константинополя: часто они подступали къ самымъ стѣнамъ, завязывали битву,—иногда даже, для показанія своего мужества и, можно прибавить, счастія, которое имъ сопутствовало въ этихъ случаяхъ, въ самомъ небольшомъ числѣ врывались въ такъ называемыя романовскія [1] ворота и не-

[1] Романовскія, или святаго Романа, ворота занимали девятое мѣсто въ ряду осьмнадцати земляныхъ воротъ города Константинополя, счи-

требляли оберегавшую ихъ стражу, но за тѣмъ немедленно отступали назадъ. Наконецъ они опять всѣмъ войскомъ ушли обратно въ свою сторону, гоня передъ собою плѣнниковъ цѣлыми стадами, какъ какихъ нибудь животныхъ, а лошадей и разнаго другаго домашняго скота— такое неизчислимое множество, какъ неизчислимы звѣзды небесныя.

Послѣ того Іоаннъ съ прекраснымъ и многочисленнымъ войскомъ выступилъ самъ въ походъ. Прежде и болѣе всего желалъ онъ покорить Адріанополь и овладѣть Дидимотихомъ, считая завоеваніе этихъ городовъ достойною наградою за всю войну и въ тоже время видя въ немъ осуществленіе своего желанія совершенно выгнать римлянъ изъ Ѳракіи и обратить ее въ жилище однихъ дикихъ звѣрей. Итакъ онъ сталъ лагеремъ близъ Дидимотиха. Находя, что возвышенное мѣстоположеніе города представляетъ непреодолимыя трудности для его завоеванія, Іоаннъ рѣшился отвесть въ сторону рѣку Эвръ, которая, огибая крѣпость, посредствомъ тайныхъ водопроводовъ снабжала водою жителей. Въ тоже время, установивъ орудія, онъ старался пробить ту часть стѣны, гдѣ по его соображенію она не могла быть совершенно недоступна усиліямъ осаждающихъ и куда разстояніе позволяло долетать, бросаемымъ орудіями, тяжелымъ камнямъ. Съ своей стороны

тая отъ Золотаго Рога по направленію къ Пропонтидѣ. См. выше, том. 2, стр. 311 и 312, примѣч. 2.

осажденные, желая умилостивить Іоанна, приносили ему различныя извиненія, увѣренія въ преданности, изъявленія покорности,—мало того, съ высоты своихъ укрѣпленій провозглашали его своимъ царемъ, обѣщали платить подати и давали согласіе усердно исполнять все, что онъ ни прикажетъ, умоляя только избавить ихъ отъ необходимости видѣть его въ своемъ городѣ. Но все это еще болѣе разжигало его неистовство и злобу. Онъ рѣшительно отвергалъ всѣ предложенія и, упорно настаивая на сдачѣ крѣпости, какъ на единственномъ условіи примиренія, съ прежнимъ ожесточеніемъ продолжалъ осаду, страшною силою огромнаго размѣра камнеметныхъ орудій разрушая стѣны, пробивая углы башень и низпровергая ихъ вершины. Между тѣмъ осажденные обнесли стѣны загородками и палисадникомъ, — укрыли ихъ крѣпкими кожами, чтобы выстрѣлы изъ орудій, падая на нихъ, теряли въ ихъ упругости силу своего дѣйствія. Такимъ образомъ, когда Іоаннъ на время прекращалъ битву; тогда они съ смиреннымъ видомъ и кроткими рѣчами играли роль преданныхъ и представлялись покорными: а когда онъ, спѣшивъ съ коней храбрѣйшую часть войска, приказывалъ своимъ, съ головы до ногъ закованнымъ въ желѣзо, латникамъ идти на приступъ въ проломленныя бреши стѣны, или готовился придвинуть къ стѣнамъ всходныя машины и повсюду разставлялъ въ боевомъ порядкѣ остальное войско; тогда и они, сбросивъ маску покорности, принимали храбрую

воинскую осанку и, сколько доставало силъ, отражали нападеніе, полагая въ защитѣ стѣнъ всю свою надежду и не щадя ничего для ихъ обороны,—наносили непріятелю подъ вліяніемъ отчаянія и одушевленія столько же вреда, сколько терпѣли отъ него сами, и ознаменовывали себя подвигами отваги и мужества. Долго тянулъ варваръ эту осаду; но наконецъ ушелъ назадъ въ Мизію. Съ одной стороны безуспѣшность охладила его порывы, какъ недостатокъ горючаго вещества укрощаетъ силу пламени; съ другой встревожила его, переходившая изъ устъ въ уста и распространившаяся повсюду, вѣсть, что скоро долженъ былъ придти на помощь осажденнымъ, отлично обученный военному дѣлу, отрядъ латинскаго войска. Въ это самое время скончался мирною смертію патріархъ Іоаннъ Каматиръ, послѣ безпріютнаго странничества поселившійся въ Дидимотихѣ.

15. Дѣйствительно, итальянцы безъ всякой враждебности охотно приняли приглашеніе римлянъ, которые звали ихъ въ Орестіаду и Дидимотихъ. Они надѣялись такимъ образомъ поправить свои обстоятельства; потому что прежде считали всѣ свои надежды на эти города окончательно разрушенными. Выступивъ изъ Константинополя, они сначала расположились близъ Аѳиры, потомъ вступили въ Силиврію, гдѣ пробыли нѣсколько дней, и оттуда, запасшись съѣстными припасами, прибыли въ Адріанополь.

Справедливо можно сказать, что никогда *не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не*

приходило то на сердце человѣку (1 Кор. 2, 9), что совершили скиѳы и валахи во время этихъ нашествій. Обширные, знаменитые и многолюдные до той поры города, красивыя подгородныя села, отлично обработанные поля и луга, цвѣтущіе сады, изобиловавшіе плодородіемъ отъ орошенія постоянными ручьями, высокіе дворцы, великолѣпные, артистически отстроенные и расписанные разноцвѣтными красками терема, бани съ удобствами всякаго рода, обремененные плодами виноградники, обильныя жатвы хлѣбовъ и тысячи другихъ предметовъ, произращаемыхъ разными временами года, которые радуютъ землю и дѣлаютъ нашу жизнь на ней пріятною, сладкою и многожеланною,—все это, по истребленіи народонаселенія, сдѣлалось теперь жилищемъ однихъ ежей и дикихъ животныхъ. Еслибы кто нибудь могъ окинуть это однимъ взглядомъ; то, конечно, проникшись величайшею скорбію и ударяя себя въ грудь, съ слезами на глазахъ сказалъ бы, что видитъ разрушеніе вселенной, или, по крайней мѣрѣ, возобновленіе того состоянія міра, когда Богъ повелѣлъ произрасти изъ нѣдръ земли зелени, травѣ и всякому растенію, сѣющему семя по роду своему и по подобію, а человѣка, чтобы пользоваться всѣмъ этимъ, еще не было. Гдѣ найти мнѣ для своего языка такое богатство выраженій, чтобы ихъ достаточно было для подробнаго и полнаго перечисленія столькихъ бѣдствій? Или откуда взять голосъ довольно громкій, чтобы передать описываемое въ слухъ от-

даленныхъ потомковъ? Какъ несчастенъ писатель, который, подобно мнѣ, принужденъ говорить о такомъ безчисленномъ рядѣ несчастій и переполнять свою рѣчь описаніями страданій своихъ и — своихъ соотечественниковъ! Въ состояніи ли кто нибудь съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣть на памятники побѣдъ подобные тѣмъ, которые воздвигнуты нашими непріятелями? Въ древности побѣдители, по чувству человѣчности и нежеланію хранить воспоминаніе о враждѣ на вѣкъ, устроивали побѣдные памятники изъ дерева, или изъ небольшихъ камней, съ тою цѣлію, чтобы они, простоявъ нѣсколько времени, исчезали потомъ, какъ свидѣтельства и залоги не дружбы, но вражды и кровопролитія. А варвары, которымъ насъ теперь предалъ Богъ въ наказаніе, оставили слѣдомъ своихъ побѣдъ надъ нами развалины городовъ и повсюдное запустѣніе. Но имъ этого было мало. Они непремѣнно хотѣли достигнуть самаго крайняго верха жестокости, — упиться кровавою свирѣпостію, — и вотъ, когда кто нибудь изъ нихъ умиралъ, естественною ли смертію, или на войнѣ; то, закапывая вмѣстѣ съ умершими боевыхъ коней, на которыхъ тѣ ѣздили, луки съ тетивами, обоюдуострые мечи, въ тѣже могилы зарывали они живыми и плѣнныхъ римлянъ. Кто могъ тутъ выкупить, кто могъ спасти несчастныхъ? Такъ, варвары не знаютъ ни мѣры, ни границъ безчеловѣчія! Когда обрушились на насъ всѣ эти страсти, всѣ эти невиданные и неслыханные ужасы; были

пасхальные дни девятаго индикта (¹), шесть тысячъ семь сотъ четырнадцатаго года. Такимъ образомъ всякое мѣсто, куда приходилъ какой нибудь скиѳскій отрядъ, одновременно съ пѣніемъ побѣдныхъ гимновъ Церкви оглашалось горькимъ стенаніемъ побѣжденныхъ, — вопли, крики и рыданія заглушали гулъ праздничный, и между тѣмъ, какъ вѣрные воспѣвали опустѣніе гробовъ, разрушеніе ада, возстаніе изъ мертвыхъ, цѣлые города сонмами погружались *въ преисподняя земли*, или въ страшныя и мрачныя селенія ада. А тутъ влекутъ въ плѣнъ; въ другомъ мѣстѣ грабятъ; здѣсь брошены на улицѣ малыя дѣти; тамъ рѣжутъ дряхлыхъ стариковъ: но у кого найдется столько силъ для горя и рыданій, чтобы достаточно оплакать все это и оросить слезами? Не даромъ же и, уже конечно, не случайно передъ нашествіемъ скиѳскимъ налетѣли на поля Ѳракіи огромныя стада вороновъ и грачей, — одни съ сѣвера, другіе съ юга (²),—встрѣтились между собою въ одномъ мѣстѣ, сразились, и вороны, взявъ верхъ, прогнали прилетѣвшихъ съ юга грачей (³)!

Впрочемъ не одна Ѳракія подверглась такой сокрушительной участи, такому неоглядному мо-

---

(¹) *Варіантъ:* «девятаго числа апрѣля». Поводомъ къ этому несообразному съ контекстомъ варіанту, очевидно, послужило то, что авторъ вмѣсто общепонятнаго латинскаго слова *индиктъ* употребилъ здѣсь менѣе опредѣленное греческое слово: *ἐπινέμησις*, т. е. *отдѣлъ*, или *особый кругъ*. Впрочемъ пасха 6714, или 1206 года, была дѣйствительно въ апрѣлѣ, именно 2 апрѣля.

(²) *Варіантъ:* «одни съ запада, другіе съ востока».

(³) Такимъ образомъ нашъ просвѣщенный авторъ и самъ отчасти отдаетъ дань суевѣрію своего времени.

рю искушеній, непроходимому водовороту бѣдствій, грозному урагану страшныхъ несчастій: области, лежащія на западъ отъ нея, страдали не менѣе. Аѳины, Ѳивы, Евбею, окрестности Метоны и Патраса небольшой отрядъ кампанцевъ и латинянъ раздѣлилъ между собою, какъ отцовское наслѣдство. Что же касается прежнихъ владѣльцевъ этихъ мѣстъ; то въ своемъ презрѣнномъ ничтожествѣ, въ раболѣпной низости, они согласились лучше покориться непріятелю, чѣмъ воспрянуть душею и крѣпко стать противъ него за себя и за своихъ дѣтей. Какъ въ началѣ грозы чувство свободы спало въ нихъ безпробуднымъ сномъ; такъ и послѣ они не опомнились. Есть также между подобнаго рода мелкодушными людьми, развращенными нѣгою и всякими безчинствами, нѣсколько тупоумныхъ честолюбцевъ, которые ко вреду своего отечества, имѣя въ своихъ рукахъ крѣпости и неприступныя твердыни, или даже захвативъ сильно укрѣпленные города, объявили себя независимыми правителями своихъ злосчастныхъ владѣній и вмѣсто того, чтобы дружно противостать латинянамъ, возобновивъ съ латинянами мирные договоры, враждуютъ другъ противъ друга. Такъ Левъ Сгуръ, какъ я и прежде сказалъ, владѣлъ Коринѳомъ и Навпліемъ; Левъ Хамаретъ, управляя Лакедемономъ, провозгласилъ себя независимымъ владѣтелемъ Лаконіи; Этолія, окрестности Никополя и округъ епидамнскій составили особое владѣніе подъ управленіемъ Михаила, незаконнорожденнаго

сына севастократора Іоанна. Въ тоже время маркизъ Бонифатій, владѣя Өессалоникою, управлялъ всѣмъ прибрежьемъ, составляющимъ округъ Алмира, господствовалъ надъ ларисскою равниною и получалъ подати, собиравшіяся съ Еллады и Пелопонеза. Кромѣ всѣхъ поименованныхъ лицъ еще кто-то, занявъ возвышенности Өессаліи, называемыя нынѣ Великою Валахіею, объявилъ себя независимымъ топархомъ этой мѣстности. При такомъ раздѣленіи запада на множество отдѣльныхъ владѣній, чего не истреблено тамъ добраго и чего не водворилось злаго? Конфискаціи имуществъ, ссылки, смертныя казни, изгнаніе и тысячи другихъ подобныхъ бѣдствій составляютъ обыкновенныя явленія тамошней жизни. Всѣмъ этимъ преимущественно отличаются владѣльцы римскаго происхожденія, и болѣе всѣхъ—Левъ Сгуръ. Этотъ послѣдній не щадилъ даже своего роднаго города. Что же касается его отношеній къ архипастырю коринөской митрополіи Николаю: то сначала онъ помирился съ нимъ и, забывъ всѣ прежнія несогласія, принималъ его даже къ своему столу; но потомъ оказалось, что внѣшняя дружба служила ему только прикрытіемъ неизмѣнной и непримиримой ненависти, въ слѣдствіе которой онъ спустя нѣсколько времени лишилъ его зрѣнія и за тѣмъ свергъ со скалы.

16. На востокѣ Пруса, Никея, Лидія, Филомолисъ, Смирна, Ефесъ и всѣ мѣста, лежащія въ этихъ границахъ, признавали надъ собою власть Өеодора Ласкариса. Построивъ военные

корабли, Ласкарисъ подчинилъ себѣ также бóльшую часть острововъ. Но по договору съ Кайхозроемъ, султаномъ иконійскимъ, онъ уступилъ часть своихъ владѣній въ пользу тестя его, Мануила Маврозома; въ эту часть вошли: отечественный городъ писателя настоящей исторіи, Никиты,—Хоны, пограничный съ Хонами городъ—Лаодикія Фригійская, и вся мѣстность по извилистому теченію рѣки Меандра до самаго впаденія ея въ море. Изъ дѣтей Мануила, сына того самаго Андроника, который такъ деспотически царствовалъ надъ римлянами, Давидъ владѣлъ Ираклією Понтійскою и всею Пафлагоніею, а Алексѣй въ качествѣ особаго государя правилъ областію, въ составъ которой входили города: Инэй, Синопъ и самый Трапезунтъ. Атталія составляла также отдѣльное владѣніе подъ управленіемъ Алдебрандина, итальянца родомъ, но по воспитанію и по понятіямъ совершеннаго римлянина. Островомъ Родосомъ владѣлъ опять особый государь. И всѣ они, вмѣсто того, чтобы съ общаго согласія принять возможныя мѣры и сдѣлать что нибудь для обороны еще не пострадавшихъ частей отечества, или для возвращенія завоеванныхъ уже городовъ, увлекаясь честолюбіемъ и желая называться независимыми владѣтелями, вооружались другъ противъ друга, своими распрями и взаимнымъ несогласіемъ подавая врагамъ римскаго народа отвагу, силу,—можно сказать, даже непобѣдимость и несомнѣнный успѣхъ безъ всякихъ пожертвованій; такъ что каждое изъ

многочисленныхъ латинскихъ племенъ, снаряжаясь на войну противъ римлянъ, могло съ полнѣйшею самоувѣренностію распѣвать словами священнаго писанія: *погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя; обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя* (Исх. 15, 9). Дѣйствительно, организовавъ какую нибудь горсть войска и собравъ крошечный отрядъ конницы, непріятели часто нападали на принадлежавшіе римлянамъ острова, зная, что не встрѣтятъ тамъ ни малѣйшаго сопротивленія. Такъ между прочимъ какіе то генуэзскіе пираты, изверги и отребіе человѣчества, негодяи въ высшей степени во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, постоянные разбойники, злодѣи, доставъ себѣ откуда то пять круглыхъ купеческихъ кораблей и снарядивъ двадцать четыре тріиры, пристали къ Криту: сначала они выдали себя за купцовъ, а потомъ оказались непріятелями и безъ всякаго труда захватили въ свои руки весь островъ. Въ это самое время султанъ иконійскій Кайхозрой выступилъ въ походъ противъ Атталіи, воображая, что городъ не въ состояніи оказать ему достаточнаго сопротивленія, и надѣясь взять его безъ труда при одномъ своемъ появленіи. Между тѣмъ владѣтель города Алдебрандинъ, узнавъ о замыслахъ Кайхозроя, по совѣту съ своими помощниками въ управленіи заблаговременно послалъ въ Кипръ просить помощи и получилъ оттуда двѣсти человѣкъ латинской пѣхоты. Когда началось сраженіе и персидское войско обступи-

ло городъ; латиняне, сомкнувшись въ фалангу, неожиданно ударили на персовъ въ помощь атталійцамъ. Такимъ образомъ варвары приведены были въ смятеніе, войско ихъ понесло большой уронъ убитыми, и Кайхрозрой принужденъ былъ отступить, простоявъ подъ Атталіею лагеремъ не болѣе шестнадцати дней. Въ тоже время Өеодоръ Ласкарисъ, собравъ войско противъ Давида понтійскаго, занялъ Плусіаду и отклонилъ этотъ городъ, изобилующій опытными стрѣлками и привычными къ военному ремеслу людьми, отъ покорности Давиду. По всей вѣроятности, Ласкарисъ взялъ бы потомъ и самую Ираклію и совершенно выгналъ бы оттуда Давида, еслибы не былъ поставленъ въ затрудненіе извѣстіемъ о нападеніи латинянъ, съ которыми Давидъ заключилъ союзъ, въ помощь Давиду, на городъ Никомидію. Отвага и желаніе сразиться съ латинянами влекли его въ одну сторону; вѣроятная надежда на полный успѣхъ начатаго предпріятія, — такъ какъ онъ разсчитывалъ овладѣть Ираклією и прочно утвердиться въ этомъ городѣ, — удерживала въ другой. Наконецъ, послѣ продолжительнаго и тяжелаго колебанія, онъ рѣшилъ, что гораздо менѣе риска и гораздо полезнѣе будетъ идти на союзниковъ Давида, и поэтому, оставивъ дорогу, по которой уже шелъ, поворотилъ на нихъ. Съ своей стороны латиняне, узнавъ объ этомъ и вовсе не желая встрѣтиться съ своимъ противникомъ лицемъ къ лицу, ночью отступили отъ Никомидіи и возвратились въ Византію.

Такимъ образомъ Давидъ, недуманно и негаданно избавившись отъ опасности, которая была къ нему такъ близко и почти уже висѣла у него на носу, опять крѣпко засѣлъ въ Иракліи. Въ благодарность латинянамъ за ихъ содѣйствіе онъ послалъ въ Византію нѣсколько кораблей съ грузомъ хлѣбныхъ припасовъ и ветчины и при этомъ, прося у нихъ вторичнаго вспоможенія, умолялъ ихъ, чтобы въ своихъ условіяхъ и договорахъ съ Ласкарисомъ они включали и его въ число своихъ подданныхъ, считая всю подвластную ему страну подвластною себѣ. Мало того, получивъ въ отвѣтъ изъявленіе ихъ согласія на его предложенія и узнавъ, что Ласкарисъ изъ Никеи перебрался въ Прусу, онъ, слѣпо полагаясь на союзное войско, которое ему снова выслано было теперь изъ Византіи, и подвергая какъ это войско, такъ и себя самого, новымъ испытаніямъ и искушеніямъ, въ свою очередь выступилъ изъ Иракліи самъ въ походъ и, перейдя рѣку Сангарій, началъ опустошать подвластные Ласкарису пригороды. Чрезъ нѣсколько времени Давидъ воротился, однако, отсюда назадъ, взявъ изъ Плусіады заложниковъ и заключивъ нѣсколько человѣкъ изъ жителей этого города въ узы за ихъ преданность Ласкарису. Напротивъ итальянцы, въ числѣ около трехъ сотъ человѣкъ, рѣшились идти далѣе и изъ равнинъ вступили въ горы. Но здѣсь, близъ никомидійскихъ горныхъ трущебъ, неожиданно настигъ ихъ Андроникъ

Гидъ (¹). Произошло сраженіе. Много разъ побѣда попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ латиняне были разбиты на голову и частію даже взяты въ плѣнъ, попавъ на римскій отрядъ, защищавшій горы, и на устроенныя этимъ отрядомъ засады; такъ что изъ всѣхъ ихъ не осталось почти ни одного человѣка, чтобы отнесть Давиду извѣстіе о такомъ несчастіи. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ неурядицамъ Петръ де Плашесъ, о которомъ мы упоминали выше и который при своемъ удивительномъ ростѣ отличался не менѣе изумительною храбростію, также домогался овладѣть городомъ Пигами. Утверждая, что онъ имѣетъ будтобы право на этотъ городъ, такъ какъ владѣлъ имъ прежде, когда латиняне вели на востокѣ войну противъ римлянъ, онъ пробовалъ взять его и открытою силою; однако жители, оставаясь вѣрными Ласкарису, отразили его. Тогда онъ по видимому отказался отъ своихъ притязаній; но на самомъ дѣлѣ рѣшился тайными путями достигнуть того, чего не могъ взять явнымъ насиліемъ. Перехвативъ и лишивъ жизни нѣсколько человѣкъ изъ враждебныхъ себѣ жителей города, онъ тайно и небольшими партіями ввелъ въ Пиги своихъ сподвижниковъ при помощи одного славянина Варина и его соумышленниковъ; а за тѣмъ и самъ, выждавъ удобный случай, также незамѣтно пробрался въ городъ. Немедленно послѣ того онъ напалъ

(¹) Одинъ изъ полководцевъ Ласкариса.

ночью на своихъ противниковъ, прогналъ ихъ безъ всякаго труда и овладѣлъ всѣмъ городомъ.

Пока здѣсь шли такимъ образомъ всѣ эти дѣла, латиняне, прибывши въ Адріанополь, расположились сначала подлѣ него лагеремъ; такъ что для ихъ потребностей устроился и рынокъ внѣ города. Потомъ, утвердивъ военный союзъ съ римлянами, они обошли нѣсколько городовъ, пострадавшихъ отъ нашествія скиѳовъ, возстановили ихъ, сколько позволяло время, и, простираясь постепенно далѣе и далѣе, проникли въ предѣлы горъ родопскихъ ([1]). Не встрѣчая нигдѣ никакого сопротивленія и даже совершенно не видя непріятелей, они вступили въ крѣпость Стенимахъ, освободили оттуда своихъ соплеменниковъ, которые составляли остатокъ гарнизона, занимавшаго прежде городъ Филиппополь, и за тѣмъ пришли опять въ Орестіаду. Наконецъ, поручивъ Ѳеодору Вранѣ отрядъ своего войска, латиняне оставили его здѣсь главнокомандующимъ; а сами возвратились въ Византію и провозгласили своимъ императоромъ Генриха—роднаго брата Балдуина, перваго константинопольскаго императора изъ рода латинянъ. Такимъ образомъ цѣлый годъ и четыре мѣсяца

([1]) Родопою, или родопскими горами, называлась въ древности отрасль горъ балканскихъ по рѣкѣ Несту, или Карасу, извѣстная теперь подъ названіемъ Деспоти-Дага. По миѳологическимъ сказаніямъ Родопа, дочь рѣки Стримона, была выдана замужъ за ѳракійскаго царя Эма; но въ послѣдствіи она и гордый мужъ ея за желаніе сравняться съ богами и присвоеніе себѣ божескихъ почестей были превращены въ горы. *Ovidii* Metamorph. lib. VI, fab. 2.

они оставались въ своемъ общественномъ управленіи безъ царя и не прежде согласились вручить царскую власть кому либо другому изъ своихъ соплеменниковъ, какъ получивъ точное удостовѣреніе о смерти Балдуина. Пусть послушаютъ это римляне, которые каждую минуту готовы возвесть на престолъ новаго царя и при самомъ возведеніи обдумываютъ уже, какимъ бы образомъ его низвергнуть, справедливо слывя за это у всѣхъ народовъ матереубійственными эхиднами, людьми, потерявшими всякій смыслъ, чадами проклятія и сынами беззаконія, вооружающимися противъ самихъ же себя!— Смерть Балдуина произошла слѣдующимъ образомъ. Бывъ взятъ, какъ выше сказано, во время сраженія съ скиѳами въ плѣнъ и закованъ въ цѣпи, онъ довольно долго содержался въ заключеніи въ Терновѣ. Наконецъ, когда поднялъ знамя возстанія Аспіетъ: то это жестоко раздражило Іоанна противъ латинянъ; такъ что, распаляясь въ своей злобѣ постоянно болѣе и болѣе, онъ дошелъ наконецъ почти до бѣшенства. Въ такомъ состояніи онъ приказалъ вывесть Балдуина изъ темницы, отсѣчь ему топоромъ ноги по колѣна и руки отъ кистей по самыя плечи, и потомъ бросить его головою въ мусорную яму на съѣденіе птицамъ, гдѣ уже на третій день несчастный мучительно разстался съ жизнію. Впрочемъ не его только одного Іоаннъ такъ безчеловѣчно лишилъ жизни. Съ такою же немилосердою жестокостію онъ истребилъ всѣхъ плѣнниковъ римскихъ, не внимая

ни жалобамъ, ни мольбамъ ихъ. Въ томъ числѣ погибъ и дромологоѳетъ Константинъ Торникій. Послѣ взятія Константинополя латинянами Торникій почти по неволѣ поступилъ на службу къ императору Балдуину и, убѣжавъ изъ плѣна, въ который взятъ былъ на войнѣ съ скиѳами, прибылъ потомъ къ Іоанну. Онъ надѣялся найти у Іоанна покровительство и даже получить большое значеніе, такъ какъ въ былое время часто пріѣзжалъ къ нему посломъ отъ римскаго государства; но встрѣтилъ такой ласковый пріемъ, что, бывъ весь изрубленъ мечами, не сподобился даже и погребенія послѣ своей злосчастной смерти.

Между тѣмъ латиняне рѣшились разрушить старинные пророчественные талисманы города Константинополя ([1]), изобрѣтенные въ древно-

([1]) Въ Константинополѣ было нѣсколько старинныхъ памятниковъ, съ судьбою которыхъ народъ суевѣрно связывалъ судьбу самого города Константинополя и даже всей константинопольской имперіи. Нѣкоторые изъ нихъ были украшены барельефами, представлявшими разныя историческія, или поэтически вымышленныя, событія и картины. Утративъ подлинную мысль, которую въ свое время соединяли съ этими памятниками и барельефными изображеніями поставившія и соорудившія ихъ лица, народъ въ благоговѣніи къ древности во времена упадка искусствъ и общаго суевѣрія придалъ имъ мистическое значеніе нѣкотораго рода амулетовъ (φυλακτηρίων) или талисмановъ, которые будто бы при самомъ основаніи города поставлены были по указаніямъ сивиллъ въ обереженіе и охраненіе его отъ всякихъ вражескихъ покушеній и дѣйствительно оберегали вѣрнѣе всѣхъ стѣнъ, рвовъ и другихъ средствъ обороны. Народъ былъ убѣжденъ, что пока эти памятники цѣлы, до тѣхъ поръ торжество его надъ врагами будетъ несомнѣнно, хотя бы временно враги и получали нѣкоторый перевѣсъ,—что все, изображаемое ими, съ теченіемъ времени должно непремѣнно исполниться, какъ непреложное слово Божіе. Поэтому онъ считалъ ихъ также не только оборонительными, но вмѣстѣ *пророчественными*, или

сти (правда ли это, не могу вѣрно сказать) для огражденія и обороны его отъ всякихъ явныхъ и тайныхъ вражескихъ нападеній, и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые по народной молвѣ были воздвигнуты противъ ихъ племени. Такимъ образомъ, низринувъ съ пьедесталовъ и растопивъ на огнѣ нѣсколько другихъ мѣдныхъ статуй, они обратили вниманіе также на переднее лѣвое копыто мѣднаго коня, который стоялъ середи Таврской площади (1) на четырехугольномъ пьедесталѣ изъ бѣлаго мрамора, держа на своемъ хребтѣ какого то необыкновенной силы и поразительной наружности всадника. Впрочемъ и самъ конь, покрытый весь чешуйчатою сбруею и представленный изгибающимся, съ поднятыми вверхъ какбы при звукѣ трубы ушами, изумлялъ не менѣе всадника тщательностію художественной отдѣлки во всѣхъ подробностяхъ. Одни говорятъ, что это былъ Пегасъ (2), а всадникъ — Веллерофонтъ (3); дру-

---

предвѣщательными талисманами города (στοιχειώδη τῆς πόλεως φυλακτήρια). Такъ называли эти памятники и такъ смотрѣли на нихъ не только простые люди, но и люди по своему времени ученые, воображавшіе стоять выше народныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Такъ называетъ ихъ и нашъ авторъ, нисколько не отвергая возможности ихъ мистической силы и во всякомъ случаѣ признавая въ политическомъ отношеніи весьма серьезнымъ существованіе подобнаго понятія о нихъ въ народѣ. Объ этихъ то собственно памятникахъ онъ и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ.

(1) О Таврской площади и мѣстоположеніи на ней описываемаго теперь авторомъ памятника см. Дюканжа Const. Christ. lib. 1, pag. 65—68.

(2) Миѳологическій конь, родившійся изъ крови свирѣпой Медузы, обезглавленной Персеемъ.

(3) Веллерофонтъ — одно изъ лицъ, упоминаемыхъ въ Иліадѣ (см. пѣснь VI, ст. 155—220), оклеветанный и коварно подвергаемый своими

гіе, напротивъ, думаютъ, что група изображала Іисуса Навина верхомъ на какомъ нибудь конѣ, и точно—поза всадника представляла человѣка, который правую руку простиралъ къ теченію солнца и движенію луны, какбы повелѣвая имъ остановиться, а въ ладони лѣвой руки держалъ мѣдный круглый шаръ. Отбивъ молотками копыто коня, латиняне нашли подъ нимъ, пробитую насквозь гвоздемъ и облитую свинцомъ со всѣхъ сторонъ, статую человѣка, похожаго болѣе на какого нибудь болгара, чѣмъ на латинянина, какъ прежде всѣ думали. Найденная статуя была немедленно отдана литейнымъ мастерамъ на расплавку, и латиняне сдѣлали все это совсѣмъ не изъ робости, какъ можетъ кто нибудь подумать въ упрекъ имъ, но потому, что, употребляя всѣ средства и пробуя всѣ способы никогда не выпускать изъ своихъ рукъ разъ завоеваннаго города, они не хотѣли оставить безъ вниманія даже толковъ въ подобномъ родѣ, которые, конечно, не даромъ всѣми повторялись, — мало того, они придали этимъ толкамъ серьезное значеніе и, не пренебрегая для своей цѣли ничѣмъ, нашли нужнымъ уничтожить ихъ въ самомъ основаніи.—17.—Въ самомъ дѣлѣ кто не знаетъ, что, овладѣвъ какимъ нибудь городомъ, или мѣстомъ, латиняне такъ

противниками всѣмъ возможнымъ опасностямъ, но невинный, не знающій даже всѣхъ своихъ враговъ и при всемъ томъ всегда торжествующій, непобѣдимый и счастливый герой. Константинопольцы, конечно, желали видѣть въ его изображеніи олицетвореніе своего собственнаго города, или государства.

крѣпко держатся за него, какъ будтобы это была ихъ родина, и для того, чтобы прочно утвердиться въ немъ, не останавливаются ни предъ какими затрудненіями, по видимому забывая даже о своей дѣйствительно родной сторонѣ? Не такъ поступаютъ римляне, которые готовы предоставить желающимъ свои послѣднія одеженки! Покидая отечественные города, они охотно *оттрясаютъ прахъ отъ ногъ своихъ* (Матѳ. 10, 14), не какъ евангельскіе ученики, но какъ ничтожные и низкіе трусы, робѣющіе на войнѣ хуже женщинъ и при видѣ непріятеля точь въ точь испытывающіе то, что въ слѣдующихъ стихахъ описано Гомеромъ:

«Цвѣтомъ смѣняется цвѣтъ на лицѣ боязливаго мужа;
Твердо держаться ему не даютъ малодушныя чувства:
То припадетъ на одно, то на оба колѣна садится;
Сердце въ груди у него, безпокойное, жестоко бьется;
Смерти единой онъ ждетъ, и зубами стучитъ, содрогаясь [1]».

Глядя на этихъ людей, можно подивиться, какъ съ теченіемъ времени они сами собою не извели другъ друга: до такой степени они всегда уступчивы, слабы, безсильны въ отношеніи къ врагамъ и наглы, дерзки, заносчивы съ своими

---

[1] Иліады пѣснь XIII, ст. 279—283. Мы привели это мѣсто по безукоризненно точному переводу Н. Гнѣдича.

соплеменниками! Между прочимъ они приписываютъ потерю Константинополя намъ, членамъ сената, и не страшатся всевидящаго ока Правосудія, не стыдятся такой громадной лжи, выдавъ сами и насъ и городъ! Слезъ достойно помѣшательство, или горестное ослѣпленіе этого безчувственнаго народа, который не только не желаетъ возвращенія Константинополя, напротивъ—укоряетъ Бога, почему Онъ давно, почему еще жесточе не поразилъ Онъ какъ его, такъ и насъ вмѣстѣ съ нимъ, но отлагалъ казнь доселѣ, щадилъ, терпѣлъ человѣколюбиво. И вмѣсто того, чтобы выразить сочувствіе людямъ, которые подобно намъ, какъ всякому извѣстно, нѣкогда пользовались огромнымъ богатствомъ и блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, а теперь не имѣютъ ни правъ гражданства, ни своего очага, ни средствъ къ жизни, они еще осыпаютъ насъ насмѣшками и, какъ ремнемъ, бичуютъ упреками. Не того, совсѣмъ не того ожидалъ я сначала; иначе я никогда не перебрался бы на востокъ, — никогда моя нога не ступила бы на землю этого народа, и я предпочелъ бы убѣжать куда нибудь въ пустыню, какъ нѣкогда Веллерофонтъ, или на край свѣта, подобно Іереміи. Впрочемъ мы никому не были въ тягость, возлагая всю надежду на единаго, всѣмъ подающаго пропитаніе, человѣколюбиваго Бога и Спаса нашего, который въ древности чрезъ пророка Елисея насытилъ небольшимъ числомъ смоквъ и ячменныхъ хлѣбовъ сто человѣкъ (4 Цар. 4, 42—44), а въ послѣдствіи Самъ еще

меньшимъ количествомъ пищи удовлетворилъ цѣлыя тысячи алчущихъ и притомъ, сопровождая одно изумительное чудо другимъ чудомъ еще болѣе изумительнымъ, содѣлалъ то, что посвященные въ таинство распорядители угощенія, накормивъ всѣхъ, собрали болѣе остатковъ пищи, чѣмъ сколько ея всей было предложено (Марк. 8, 19—21). Такимъ образомъ съ той самой поры, какъ мы поселились при Асканійскомъ озерѣ въ Никеи, главномъ городѣ Виѳиніи, мы, въ родѣ какихъ нибудь плѣнниковъ, не имѣемъ ничего общаго съ этимъ народомъ кромѣ земли, по которой ходимъ, и Божіихъ храмовъ, которые вмѣстѣ посѣщаемъ, оставаясь во всемъ прочемъ внѣ всякаго соприкосновенія. Но къ чему прерывать исторію подобными разсказами и останавливаться на этомъ, когда все вообще настоящее положеніе римскаго государства тяжело и горько, какъ неразбавленная чаша, или поддонки испорченнаго вина? Повернемъ опять рѣчь къ предположенной цѣли и докончимъ остальное.

Такъ шли дѣла. Между тѣмъ Генрихъ, вступивъ на престолъ, получилъ извѣстіе отъ своихъ соплеменниковъ, оставшихся въ Орестіадѣ, о новомъ нашествіи валахскихъ и скиѳскихъ войскъ, которыя, разоривъ Дидимотихъ, подступили къ самому Адріанополю съ намѣреніемъ овладѣть имъ, если не силою, то коварствомъ. Онъ не побоялся многочисленности враговъ, не остановился при мысли о прежнихъ неудачахъ въ войнѣ съ ними; но смѣло высту-

пилъ опять въ походъ, давъ себѣ слово выручить изъ бѣды оставленныхъ подъ начальствомъ Враны своихъ соплеменниковъ и защитить остатокъ римлянъ, которые теперь снова сбѣжались въ близкіе къ Константинополю пригороды. Когда онъ подступилъ къ Адріанополю; валахи пришли въ трепетъ при одномъ видѣ латинянъ, хотя латиняне не стали и не сдѣлались ни ростомъ выше, ни душею храбрѣе противъ прежняго, но сохранили только среди всѣхъ неудачъ свое обыкновенное мужество и искусство въ военномъ дѣлѣ. Узнавъ о бѣгствѣ непріятелей, Генрихъ преслѣдовалъ ихъ до Крина и Ворен (1),—потомъ, пройдя чрезъ Агаѳополь, расположился лагеремъ въ Анхіалѣ и послѣ многихъ подвиговъ, которые доставили ему и деньги, и людей, и цѣлые стада скота, не потерпѣвъ никакой потери, безъ всякаго урона воротился назадъ и прибылъ въ Константинополь.

---

(1) Города Ѳракіи.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ

ИЗВѢСТНАГО НИКИТЫ ХОНІАТА ([1]).

1. Когда въ нашей имперіи гражданская власть, по неисповѣдимымъ судьбамъ Господа, правителя и распорядителя всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, досталась въ удѣлъ Французамъ, а власть ду-

([1]) Подъ этимъ неопредѣленнымъ заглавіемъ помѣщается извѣстная, такъ называемая, *книга о статуяхъ города Константинополя.* Эта маленькая книга, или статейка, признана боннскими издателями исторіи Н. Хоніата принадлежащею его же перу; но мы не рѣшаемся раздѣлять ихъ мнѣніе. Значительная часть ея объема, именно все, что заключается въ § 1-мъ и второй половинѣ четвертаго, представляетъ собою извлеченіе изъ исторіи Н. Хоніата съ варіантами совершенно похожими на тѣ, которые при переводѣ его исторіи помѣщены нами между подстрочными примѣчаніями. Сверхъ того въ другихъ параграфахъ встрѣчаются также выраженія и замѣтки, цѣликомъ вырванныя изъ того же источника. Уже это обстоятельство указываетъ на ея постороннее происхожденіе: потому что вся исторія Н. Хоніата такъ старательно отдѣлана до послѣднихъ подробностей, что авторъ не позволилъ себѣ ни разу ни малѣйшихъ повтореній. Между тѣмъ языкъ, которымъ написана статья, при тожествѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, исключительно свойственныхъ исторіи Хоніата, въ цѣломъ далеко не представляетъ ни того искусственнаго изящества, ни той безукоризненной правильности въ словосочетаніи, которыми всегда неизмѣнно отличается языкъ исторіи. Мы ни разу не замѣтили, чтобы Н. Хоніатъ дозволилъ себѣ употребить, напримѣръ, такія выраженія: (Θωμάτιος) ἦν δὲ καὶ λεῖος ξυρῷ τὸ τοῦ προσώπου ἔδαφος, или:

ховная выпала на долю (1) венеціянъ; прибылъ изъ Венеціи въ Константинополь въ качествѣ константинопольскаго патріарха нѣкто Томасъ (2). Онъ былъ средняго роста, но такого тучнаго сложенія, что казался жирнѣе откормленной свиньи. Лицо онъ брилъ, какъ всѣ прочіе его соплеменники, и бороду свою жалъ бритвою чище серпа, — одѣвался въ платье, какъ будто пришитое къ тѣлу и плотно облегавшее обѣ руки, — носилъ на рукѣ перстень и иногда надѣвалъ на руки кожаныя перчатки, обтягивавшія каждый палецъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала сви-

---

(ἔθνη) φονῶντα κατ᾽ ἀλλήλων, и тому подобныя. Наконецъ легкій тонъ статьи и рѣзкая непочтительность въ выраженіяхъ на счетъ наружности лицъ латинскаго духовенства также не въ его духѣ; потому что онъ серьезенъ даже въ своихъ поэтическихъ отступленіяхъ и, привыкши уважать достоинство во врагахъ, скорѣе дозволяетъ себѣ употребить рѣзкое выраженіе о чемъ нибудь своемъ родномъ, отечественномъ, нежели тупо глумиться надъ иноземнымъ, которое ему чуждо и самые недостатки котораго поэтому не затрогиваютъ его душевной боли. Такимъ образомъ независимо отъ обстоятельствъ, бывшихъ причиною долгой неизвѣстности этой статьи, по признакамъ, которые она носитъ сама въ себѣ, мы думаемъ, что она принадлежитъ тому же времени, когда получила свое начало большая часть варіантовъ исторіи Н. Хоніата, если только не всѣ они такогоже происхожденія, т. е. когда греческая имперія сдѣлалась жертвою враговъ, налетѣвшихъ не съ сѣвера и юга, какъ говоритъ Н. Хоніатъ, а съ запада и востока, какъ замѣчаетъ его комментаторъ (см. 2-й варіантъ на стр. 409, 2-го тома), — и написана какимъ нибудь грекомъ, получившимъ школьное латинское воспитаніе.

(1) Французы и венеціяне предварительно условились между собою, что если императоръ константинопольскій будетъ избранъ изъ французовъ, то патріаршій престолъ долженъ остаться въ пользу венеціянъ, и обратно. Итакъ когда императорскій престолъ выпалъ по жребію французу, Балдуину графу Фландрскому; то этотъ жребій рѣшилъ уже участь и патріаршаго константинопольскаго престола. *Примѣч. Вилькена.*

(2) *Варіантъ:* «Ѳома».

та монаховъ и священнослужителей—одинаковой смазки, совершенно схожая съ своимъ начальникомъ и по одеждѣ, и по образу жизни, и по жнитью бороды.

2. Съ перваго же, какъ говорится, шага выказывая въ себѣ языческое сребролюбіе, они придумали новый родъ разбоя, не приходившій на умъ никому изъ прежнихъ грабителей Царьграда. Именно, они вскрыли гробницы царей, стоявшія въ погребальномъ придѣлѣ, пристроенномъ къ главному храму Учениковъ Христовыхъ, и среди ночи ограбили ихъ всѣ, святотатственно похитивъ всѣ золотыя украшенія, жемчуга и блестящіе драгоцѣнные камни, которые доселѣ лежали въ нихъ сохранно. Тѣло царя Юстиніана оказалось послѣ столь многихъ столѣтій неповрежденнымъ. Хотя это явленіе поразило ихъ, какъ чудо; однако не удержало отъ святотатственнаго грабежа. Такимъ образомъ западные пришельцы не щадили, можно сказать, ни живыхъ, ни мертвыхъ; но съ одинаковымъ безразличіемъ и нечестіемъ относились ко всему, начиная съ Бога и угодниковъ Божіихъ. Спустя не много времени они сняли даже завѣсу большаго храма [1], цѣнимую въ нѣсколько тысячъ минъ [2] чистаго серебра и по всей поверхности испещренную золотомъ.

3. Но такъ какъ и послѣ этого они нуждались въ деньгахъ (потому что сребролюбіе вар-

---

[1] То есть, храма св. Софіи.

[2] О стоимости мины см. выше, томъ 2, стр. 255, примѣч. 1.

варовъ никогда не знаетъ пресыщенія); то обратили свои взоры на мѣдныя статуи и обрекли ихъ на расплавку. Такъ была расплавлена и превращена въ монету, стоявшая на Константиновской площади, мѣдная статуя Гэры (¹), одну голову которой едва могли перевезть на колесахъ въ большой дворецъ четыре запряжки воловъ. Въ слѣдъ за нею снятъ былъ съ пьедестала Парисъ Александръ, стоявшій рядомъ съ Афродитою (²) и подававшій ей рукою золотое яблоко богини раздора.

4. Кто не изумлялся разнообразію художественныхъ украшеній, любуясь на извѣстный высокій, четырехугольный, мѣдный столпъ, почти равнявшійся высотою съ самыми большими колоннами, разсѣянными по всѣмъ частямъ города? Среди разныхъ изображеній, представленныхъ на немъ, можно было видѣть всякаго рода пѣвчихъ птицъ, воспѣвающихъ весну, труды земледѣльцевъ, пастуховъ съ флейтами, доеніе коровъ, блеющихъ овецъ, прыгающихъ барановъ,—тамъ разливалось широкое море и виднѣлись стада рыбъ, изъ которыхъ одни бились въ неводѣ, а другіе, прорвавъ сѣти, опять свободно неслись въ глубину; здѣсь по два и по три стояли другъ противъ друга нагіе эроты (³) и перекидывались яблоками, заливаясь громкимъ сладостнымъ смѣхомъ. На верху этого четырех-

---

(¹) То есть, Юноны.
(²) — Венерою.
(³) — Купидоны.

угольнаго столпа, оканчивавшагося остроконечно, пирамидою, красовалась статуя женщины, поворачивавшаяся при каждой перемѣнѣ вѣтра и потому названная вѣтроуказательницею [1]. Латиняне отдали, однако, это прекраснѣйшее произведеніе искусства на расплавку, равно какъ стоявшаго среди Таврской площади на столообразномъ пьедесталѣ всадника необыкновенной силы и поразительной наружности. Нѣкоторые говорили, что этотъ всадникъ былъ Іисусъ Навинъ, заключая изъ того, что онъ протяженіемъ руки къ солнцу, склоняющемуся на западъ, какбы повелѣвалъ ему остановиться надъ Гаваономъ; но большею частію думали, что это былъ, родившійся и воспитавшійся въ Пелопонезѣ, Веллерофонтъ, верхомъ на Пегасѣ. Въ самомъ дѣлѣ конь былъ безъ узды, какъ и Пегасъ по преданію, который свободно носился по полямъ и леталъ на своихъ крыльяхъ и быстрыхъ ногахъ, не слушая никакого всадника. Кромѣ того всѣ говорили по изстари дошедшей до насъ молвѣ, что въ переднемъ лѣвомъ копытѣ этого коня заключена статуя человѣка, представлявшая по словамъ однихъ венеціянина, а по увѣренію другихъ—какого нибудь другаго иноземца изъ западныхъ, не бывшихъ въ союзѣ съ рим-

---

[1] Ἀνεμοδούλιον. Объ этой вѣтроуказательницѣ, или анемодуліи, Никита Хоніатъ упомянулъ въ Исторіи царств. императора Андроника, кн. 2, § 6,—по нашему перев. томъ 1, стр. 419.—См. Anonymi de antiquitatibus Const. in *Bandurii* Jmper. Orient. tom. 1, parte 3, pag. 17; *Codinum* de antiquitatibus Constantinopolit. edit. Paris. pag. 54; *Du Cange* Const. Christ. edit. Venet. lib. 2, pag. 130. Все описаніе этой колонны авторъ настоящей статьи могъ заимствовать изъ Кодина.

лянами, народовъ, или даже болгара. Въ прежнее время нѣсколько разъ укрѣпляли это копыто, чтобы нельзя было похитить того, что, по общему мнѣнію, скрывалось внутри его. Когда конь вмѣстѣ съ всадникомъ былъ разбитъ на куски и расплавленъ; то найдена была и похороненная въ копытѣ коня мѣдная статуя, одѣтая въ сермягу, дѣлаемую изъ овечьей шерсти (1). Мало заботясь о томъ, что было на ней изображено, латиняне и ее бросили въ огонь.

5. Не цѣня изящества, варвары не пощадили также статуй и разнаго рода другихъ дивныхъ произведеній искусства, стоявшихъ въ ипподромѣ (2). Наравнѣ съ упомянутыми они перелили ихъ въ монету, обмѣнявъ такимъ образомъ крупныя вещи на мелочь и то, что въ свое время стоило величайшихъ издержекъ, промѣнявъ на нѣсколько ничтожныхъ кусковъ мѣди. Такъ низпровергнута была огромная статуя Геркуле-

(1) Вмѣсто словъ: *дѣлаемую изъ овечьей шерсти*, авторъ выразился собственно такъ: «какую плететъ шерсть овечья». Предоставляя самому читателю судить, въ какой степени весь этотъ разсказъ о статуѣ коня со всадникомъ несообразенъ съ разсказомъ о томъ же предметѣ Никиты Хоніата, замѣтимъ только, что Хоніатъ никогда не позволяетъ себѣ такихъ неправильныхъ выраженій, какъ указанное нами теперь. Никогда также онъ не сказалъ бы, что статуя въ копытѣ коня найдена уже тогда, когда конь со всадникомъ былъ не только разбитъ на куски, но и расплавленъ, или что эта статуя была одѣта въ извѣстнаго рода одежду, сдѣланную изъ шерсти, тогда какъ, очевидно, нужно было сказать, что она была представлена художникомъ одѣтою въ такую то одежду.

(2) Перечень статуй, бывшихъ въ ипподромѣ, съ указаніемъ источниковъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ, см. у Дюканжа, Const. Christ. lib. 2, pag. 87.

са Тригеспера (1), покоившаяся на такой же огромной корзинѣ (2). Поверхъ корзины была представлена разостланная львиная кожа, голова которой, хотя и мѣдная, смотрѣла такъ страшно, что, по видимому, каждую минуту готова была зарычать, и не въ шутку пугала глупыхъ зѣвакъ. На этой кожѣ сидѣлъ Геркулесъ — не съ колчаномъ, или лукомъ въ рукахъ, и не съ поднятою вверхъ булавою, но просто безъ всего,—правую ногу и правую руку протянувъ во всю длину, лѣвую ногу согнувъ въ колѣнѣ и опершись на локоть лѣвой руки, а остальную часть ея выдвинувъ впередъ и на ея ладонь слегка склонивъ голову съ выраженіемъ грусти. Такимъ образомъ онъ какъ будто оплакивалъ свою судьбу и съ горестью думалъ о тяжести порученій, исполненіе которыхъ возлагалъ на него разгордѣвшій отъ счастья Еврисѳей (3) не

---

(1) Τριέσπερος—одно изъ прозваній Геркулеса, указывающее на подвигъ похищенія имъ золотыхъ яблоковъ изъ сада *Гесперидъ, трехъ* сестеръ, дочерей Геспера, т. е. Запада, брата Атлантова. Садъ этотъ находился на Гесперидскихъ островахъ, которые назывались также Касситерскими, Счастливыми, или Благополучными. По всей вѣроятности, это были Канарскіе острова Атлантическаго океана, отличающіеся необыкновеннымъ плодородіемъ и счастливымъ климатомъ. Геркулесъ прославилъ себя при этомъ подвигѣ убіеніемъ дракона, который неусыпно стерегъ заповѣдный садъ трехъ сестеръ. Сравн. *Ovidii* Metamorph. lib. IX, fab. 3, edit. Lyon., ann. 1697, pag. 370.

(2) Κοφινῷ. Называя такъ пьедесталъ, на которомъ была утверждена статуя Геркулеса, авторъ, по всей вѣроятности, хочетъ сказать этимъ, что онъ своею наружною формою напоминалъ ту огромную корзину, которою пользовался Геркулесъ при чисткѣ конюшень элидскаго царя Авгея — одномъ изъ величайшихъ своихъ подвиговъ, вошедшемъ въ народную пословицу для выраженія непреодолимой трудности дѣла: *καθαίρειν τὴν κόπρον τοῦ Αὐγείου*.

(3) Еврисѳей, сынъ Сѳенела и внукъ Персея, сына Зевсова, былъ

столько по нуждѣ, сколько по злобѣ. Статуя имѣла крѣпкую высокую грудь, широкія плечи, кудрявые густые волосы, тучныя бедра, могучія мышцы и такую громадную величину, какимъ, я думаю, воображалъ себѣ настоящаго Геркулеса Лизимахъ (¹), создавая изъ мѣди въ первый и вмѣстѣ въ послѣдній разъ это дивное произведеніе своихъ рукъ. Въ самомъ дѣлѣ она была такъ велика, что шнурокъ, обертывающій большой палецъ ея руки, достаточенъ былъ на поясъ обыкновенному человѣку, а обертывающій голень ноги—былъ въ ростъ человѣка. Но и такой безцѣнной статуи не пожалѣли эти люди, отдѣлявшіе мужество отъ прочихъ достоинствъ и усвоявшіе его себѣ однимъ, какъ самое высокое качество.

6. Вмѣстѣ съ нею уничтожили они равнымъ образомъ статую навьюченнаго, съ мычаніемъ выступавшаго впередъ, Осла и слѣдовавшаго за нимъ Погонщика, которую поставилъ Августъ Кесарь въ Акціумѣ, то есть, въ елладскомъ городѣ Никополѣ, по тому случаю, что когда онъ, отправившись ночью осмотрѣть войско Антонія, встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, гнавшимъ осла, и, испытывая судьбу, спросилъ его,

---

царемъ микенскимъ. Подвиги, на которые по повелѣнію супруги Зевса Гэры осуждалъ онъ Геркулеса, перечисляются у Овидія, — Metamorph. lib. IX, fab. 3.

(¹) Должно быть: «Лизиппъ». Никита Хоніатъ сдѣлалъ краткое описаніе этой статуи въ 3-й книгѣ царств. Алексѣя, брата Исаака Ангела, § 4, по нашему переводу том. 2, стр. 241, — назвавъ ее также произведеніемъ Лизимаха. Очевидно, что авторъ настоящей статьи имѣлъ предъ глазами его описаніе.

какъ его зовутъ и куда онъ идетъ, то получилъ такой отвѣтъ: «меня зовутъ Никономъ (1), осла моего — Никандромъ (2); а иду я къ войску Кесаря».

7. Послѣ того они наложили руки на Гіену и Волчицу, которыя выкормили Ромула и Рема, и также отдали ихъ на расплавку, выгадавъ изъ такого почтеннаго памятника народной древности нѣсколько пригоршней мѣдной монеты (3). Той же участи подверглись затѣмъ: Человѣкъ, сражающійся со львомъ; Нильская Лошадь, которой задняя часть тѣла оканчивалась хвостомъ, покрытымъ чешуею; Слонъ, потрясающій хоботомъ; Сфинксы, представленные спереди красивыми женщинами, а сзади страшными чудовищами необыкновеннаго рода, способными ходить по землѣ и въ тоже время легко носиться по воздуху, соперничая съ самыми быстролетными птицами; Невзнузданный Конь, съ поднятыми вверхъ ушами и со ржаніемъ величаво и свободно выступающій впередъ; древнее страшилище—Сцилла, которая до поясницы имѣла видъ высокой, полногрудой и свирѣпой женщины, а далѣе развѣтвлялась на множество дикихъ чудовищъ, представленныхъ нападающими на корабль Одиссея и пожирающими значительное число его спутниковъ (4).

---

(1) Т. е. побѣждающимъ.

(2) Т. е. побѣдителемъ людей.

(3) Объ этой статуѣ Никита Хоніатъ говорилъ въ исторіи царствованія Андроника, кн. 2, гл. 12,—по нашему перев. томъ 1, стр. 441.

(4) Это представленіе Сциллы нѣсколько расходится съ описаніемъ ея въ Одиссеѣ,—см. Одисс. пѣснь XII, ст. 85—100 и 118—126.

8. Былъ еще въ ипподромѣ мѣдный Орелъ— изобрѣтеніе Аполлонія Тіанскаго и великолѣпное созданіе его волшебства. Нѣкогда византійцы, пользуясь пріѣздомъ къ нимъ этого волшебника, обратились къ нему съ просьбою унять змѣй, отъ укушенія которыхъ они жестоко страдали. Въ слѣдствіе того, совершивъ разныя заклинанія, придуманныя демонами и нечестивыми служителями ихъ, онъ поставилъ на столпѣ изображеніе орла—восхитительное произведеніе художественнаго искусства, любуясь которымъ нельзя было оторвать глазъ и по неволѣ приходилось остаться прикованнымъ къ мѣсту, подобно тому, кто, начавъ слушать пѣніе сиренъ, хотѣлъ бы уйти отъ нихъ прочь. Орелъ расширилъ крылья, какъ будто желая взлетѣть; между тѣмъ подъ его ногами лежалъ свившійся въ кольца Змѣй, который не пускалъ его подняться вверхъ и, уткнувъ голову въ его крыло, по видимому, хотѣлъ его ужалить. Но усилія ядовитаго животнаго были напрасны. Стиснутый острыми когтями, Змѣй потерялъ свою силу и, казалось, скорѣе готовъ былъ заснуть, или испустить духъ, чѣмъ впиться жаломъ въ крыло побѣдоносной птицы. Такимъ образомъ, умирая, онъ уносилъ съ собою и свой смертоносный ядъ. Съ своей стороны Орелъ, съ гордо величавымъ взоромъ и только что не раздающимся крикомъ побѣды, рѣшился поднять его и вмѣстѣ съ нимъ унестись въ воздушное пространство, какъ это легко было замѣтить по его торжествующему взгляду. Невольно представлялось

за тѣмъ само собою, что омертвѣвшій въ его когтяхъ Змѣй, лишившись силы своихъ сокрушительныхъ колецъ и своего губительнаго жала, какъ будто хотѣлъ своимъ безнадежнымъ положеніемъ внушить всѣмъ прочимъ византійскимъ змѣямъ, чтобы они ужаснулись его примѣра, собрались въ кучу и убѣжали въ норы. Сверхъ того, что мы описали, это изображеніе орла было замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что въ свѣтлую погоду, когда лучи солнца не закрывались облаками, оно весьма ясно показывало людямъ, которые смотрѣли на него съ разумѣніемъ дѣла, часы дня посредствомъ нарѣзанныхъ на крыльяхъ Орла двѣнадцати линій.

9. А что лилейнораменная, дивнопрелестная, стройная станомъ Елена, возстановившая всѣхъ еллиновъ противъ Пріамова града,—разорительница Трои, изъ Трои прибывшая къ водамъ священнаго Нила и оттуда уже послѣ продолжительнаго отсутствія возвратившаяся опять въ отчизну лаконянъ,—смягчила ли она несмягчимыхъ? Поколебала ли она ихъ желѣзное сердце?—Увы, ничего подобнаго не могла сдѣлать даже та, красота которой невольно порабощала всякаго; хотя съ своимъ пышнымъ убранствомъ она и въ мѣдномъ изображеніи казалась обворожительна! Все въ ней располагало къ любви,— и ея хитонъ болѣе тонкій, чѣмъ паутина, и изящно наброшенное чудной работы покрывало, и облегавшій чело вѣнецъ, представлявшійся сдѣланнымъ изъ золота и блестящихъ драгоцѣнныхъ камней, и пышные, распущенные,

слегка развѣваемые вѣтромъ волосы, стянутые сзади головы перевязью, но потомъ свободно спускавшіеся косою до самыхъ колѣнъ. Ея полураскрытыя, какъ почка розы, уста, казалось, что-то говорили; пріятная улыбка, игравшая на нихъ, вливала радость въ сердце зрителя. Ея веселый взоръ, ея дугообразныя брови, всѣ прочіе члены ея тѣла были такъ прелестны, что напрасна всякая попытка изобразить ихъ словомъ и передать потомству. Гдѣ же прекрасная дочь Тиндара, блаженство эротовъ, любимица Афродиты, украшеніе природы, предметъ соревнованія троянцевъ и еллиновъ, гдѣ было, Елена, твое

«Гореусладное, миротворящее, сердцу забвеніе
Бѣдствій дающее (1)»,

благотворное питье, которымъ въ Египтѣ щедро тебя надѣлила супруга Ѳоона (2)? Гдѣ были твои непобѣдимыя обольщенія? Почему не воспользовалась ты ими теперь, по прежнему? Впрочемъ, вѣроятно, уже судьбою опредѣлено было тебѣ испытать силу огня, который сама ты, даже своимъ изображеніемъ, постоянно возжигала въ крови твоихъ поклонниковъ (3). Кому нибудь, можетъ быть, придетъ на мысль, что потомки Энея (4) осудили тебя на сожженіе

---

(1) *Одиссеи* пѣснь IV, ст. 221 и 222.

(2) Настоящія слова составляютъ также перифразъ 228 и 229 стиховъ четвертой пѣсни Одиссеи, гдѣ описывается напитокъ, данный Еленѣ Полидамною, супругою Ѳоона, царя египетскаго.

(3) Натянутая острота, сопровождаемая въ подлинникѣ грамматическою ошибкою!

(4) То есть, латиняне, или итальянцы; такъ какъ троянецъ Эней,

въ отплату за тотъ огонь, жестоко разожженный твоими прелестями, отъ котораго погибла Троя: но я не могу этого ни сказать, ни подумать, зная, что только одна безумная страсть къ золоту побудила ихъ обречь на совершенное уничтоженіе всѣ эти рѣдкія и прекраснѣйшія произведенія искусства, что они часто готовы бываютъ продать и отдать за нѣсколько оволовъ (1) даже своихъ собственныхъ женъ, особенно когда увлекутся игрою въ кости, сидятъ по цѣлымъ днямъ за шахматной доской, или когда, надѣвъ воинскіе доспѣхи, одушевятся не разумнымъ мужествомъ, но какою то безумною, слѣпою страстію другъ противъ друга, предлагая при этомъ въ награду побѣдителю все свое имѣніе, своихъ законныхъ супругъ, которыя доставили имъ счастье называться отцами, и, что всего важнѣе, даже свою душу, о сохраненіи которой заботится всякій человѣкъ. Притомъ же могли ли эти необразованные и совершенно безграмотные варвары знать и прочитать то, что сказано о тебѣ въ слѣдующихъ стихахъ извѣстной рапсодіи?

«Нѣтъ, осуждать не возможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:

сынъ Анхиза и Афродиты, по миѳологическимъ преданіямъ считается основателемъ колоніи, давшей начало Риму.

(1) Оволъ — названіе извѣстнаго рода мелкой монеты, составлявшей шестую часть драхмы, или около двухъ копѣекъ серебромъ.

Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою
подобна ([1])»!

10. Разскажу еще кое что. Стояла на колоннѣ ([2]) статуя Молодой Женщины въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, съ волосами, зачесанными по обѣимъ сторонамъ лба и подобранными сзади головы въ связку,—не очень высокая, но такъ, что можно было достать рукою. Правая рука этой Женщины безъ всякой подпоры держала на своей ладони статую Всадника за одну ногу коня съ такою легкостію, съ какою иной не въ состояніи держать бокала съ виномъ. Всадникъ былъ крѣпкаго сложенія, въ латахъ, обутъ въ поножи ([3]) и имѣлъ самую воинственную позу. Конь поднялъ уши, какъ будто слыша звукъ трубы, вытянулъ вверхъ шею, навострилъ глаза и, по видимому, неудержимо несся, взметая ноги въ воздухъ, какбы въ пылу военной сшибки.

11. Позади этой статуи, подлѣ восточнаго, такъ называемаго — рузійскаго, поворота бѣговаго круга, стояла на пьедесталѣ статуя Возницъ—образцикъ кучерской ловкости. Мѣдные наѣздники позою своихъ рукъ только что не въ слухъ учили состязавшихся живыхъ соперниковъ, что, подъѣзжая къ оборотному столпу, надобно не распускать возжи, но круче поворачивать лошадей и дружно, сильнѣе, погонять,

---

([1]) *Иліады* пѣснь III, ст. 156—158.

([2]) Вѣроятно, въ ипподромѣ.

([3]) Поножи — особаго рода вооруженіе, которое дѣлали изъ желѣза, мѣди, или кожи; оно служило для ногъ своего рода латами.

чтобы, проѣхавъ ближе къ чертѣ поворота, заставить своего противника сдѣлать объѣздъ и такимъ образомъ придти послѣ, хотя бы его лошади были быстрѣе и онъ былъ мастеръ кучерскаго искусства.

12. Я не намѣренъ описывать всего; но вотъ еще нѣсколько словъ—объ одномъ весьма красивомъ и по художественной отдѣлкѣ почти самомъ лучшемъ произведеніи искусства. На мраморномъ пьедесталѣ стояла мѣдная статуя животнаго, представлявшая, вѣроятно, быка, сколько можно судить по короткому хвосту и не очень отвислой шеѣ, какая обыкновенно бываетъ у египетскихъ быковъ, однако — безъ раздвоенныхъ копытъ. Это животное немилосердо душило и грызло своими челюстями какого-то другаго животнаго, которое по всему тѣлу было покрыто такою острою чешуею, что даже легкое прикосновеніе къ его мѣдной статуѣ сопровождалось ощутительною болью. Большею частію говорили, что первое животное представляло Василиска, а второе, котораго оно грызло,—Аспида; иные, напротивъ, думали, что первое было нильскій быкъ, а второе—крокодилъ. Но меня не интересуетъ это различіе мнѣній; замѣчательна, собственно говоря, странная, дикая борьба того и другаго животнаго, въ которой каждое изъ нихъ и подвергалось нападенію и само нападало, и гибло и губило, и одерживало верхъ и уступало силѣ, и побѣждало и въ тоже время само было побѣждаемо другимъ. Первое,—

положимъ, что Василискъ, — раздулось все отъ головы до пятъ, покрылось какою то ржавщиною и страшно позеленѣло; потому что ядъ проникъ весь его организмъ и придалъ ему совершенно мертвенную наружность: колѣна подкосились, глаза угасли, вся жизненная сила поблекла. Взглянувъ на него, можно было подумать, что оно давно уже упало бы замертво, если бы крѣпкія ноги выше колѣнъ не подпирали и не поддерживали его въ стоячемъ положеніи сами собою, механически. Второе также, которое было стиснуто его челюстями, уже едва дрыгало хвостомъ и сильно разинуло ротъ, не имѣя возможности перевесть духъ въ страшныхъ тискахъ: по видимому, оно покушалось и употребляло всѣ усилія вырваться изъ мощныхъ зубовъ и убѣжать отъ роковой пасти; но никакъ не могло, потому что завязло и закрѣпло въ челюстяхъ всѣмъ своимъ тѣломъ, начиная отъ шеи и переднихъ ногъ до самаго хвоста. Такъ оба они взаимно умерщвляли другъ друга: оба бились, оба истощали всѣ усилія, оба побѣждали и оба умирали въ тоже время. Я хочу сказать, что подобнаго рода взаимное самоистребленіе, взаимную, безпощадную, губительную и смертоносную борьбу можно видѣть не только въ статуяхъ, или въ дѣйствительной жизни дикихъ животныхъ, но и въ жизни народовъ, поработившихъ наше римское государство,—взаимно истребляющихъ другъ друга и истребляемыхъ силою Христа, который, разсѣявая *язы-*

ки, хотящіе брани, и не благоволя къ кровопролитію, даетъ праведному своему благодатное обѣтованіе: *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія* (Псал. 90, ст. 13).

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

главнѣйшихъ событій, описываемыхъ въ Исторіи Никиты Хоніата, съ означеніемъ лѣтъ царствованія восточныхъ и западныхъ императоровъ.

Составлена Карломъ Анн. Фабротомъ.

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
(Исторіи томъ первый.)			
Смерть императора Алексѣя I Комнина. царствовавшаго 37 лѣтъ и 4½ мѣсяца, послѣдовавшая 15 августа, – стр. 10. Возшествіе на престолъ сына его Іоанна Комнина; заговоръ родственниковъ противъ Іоанна; милостивое прощеніе имъ заговорщиковъ, – стр. 13 – 16.	1117 (*)	Іоаннъ Комнинъ. 1	Генрихъ Пятый. 11
Походы его противъ персовъ,—стр. 16—18.	1118 1120	2—4	12—14
Походъ противъ скиѳовъ, — стр. 18—21.	1121	5	15

(*) Во всей хронологіи авторъ таблицы противъ принятаго нами лѣтосчисленія отступаетъ двумя годами назадъ. Вообще указанія его не отличаются строгою точностію и только приблизительно опредѣляютъ время событій.

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Походъ противъ трпваллов или сербовъ; возведеніе царемъ Іоанномъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и младшаго своего сына Мануила, въ высшія государственныя званія,—стр. 21 и 22.	1122	6	16
Война съ гуннами,—стр. 22 и 23.	1123	7	17
Первый походъ противъ персо-армянъ; побѣды надъ ними,—стр. 24 и 25.	1124	8	18
Второй походъ противъ персо-армянъ; завоеваніе Гангры и вторичная утрата ея римлянами,—стр. 25—27	1125	9	19 Смерть Генрiха.
Походъ въ Киликію; завоеваніе крѣпости Вака и города Анаварзы,—стр. 27—34.	1126	10	Лотарь Саксон. 1
Походъ въ Келесирію; ленное подчиненіе Іоанну Раймунда князя антіохійскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и графа трипольскаго; завоеваніе Пизы въ пользу графа эдесскаго и Ферепа въ пользу одного изъ графовъ антіохійскаго княжества,—стр. 34—36.	1127	11	2
Разореніе Истрія; осада Сезера; возвращеніе царя Іоанна въ Антіохію; пораженіе иконійскихъ персовъ	1128	12	3

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
и возвращеніе въ Константинополь, —стр. 36—40.			
Возвращеніе брата царя, севастократора Исаака Комнина; ласковый пріемъ его царемъ; новые походы противъ персовъ, – стр. 40—42.	1129	13	4
Походъ противъ Константина Гавра, тиранна трапезунтскаго, —стр. 43.	1130	14	5
Пораженіе персовъ, —стр. 43—45.	1131	15	6
Переходъ во время осады города Неокесаріи племянника царскаго Іоанна Комнина, сына севастократора Исаака, на сторону персовъ, —стр. 45 – 47.	1132	16	7
Новый походъ противъ персовъ, — стр. 47.	1133	17	8
Устроеніе порядка въ смежныхъ съ Атталіею городахъ и мѣстностяхъ; усмиреніе мятежниковъ, —стр. 47 и 48.	1134	18	9
Смерть старшихъ сыновей императора Іоанна Комнина, Алексѣя и Андроника, во время приготовленій къ дальнѣйшимъ походамъ, —стр. 48 и 49.	1135	19	10

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Прибытіе императора въ Исаврію; устроеніе имъ дѣлъ исаврійской области,—стр. 49.	1136	20	11
Походъ въ Сирію съ цѣлію изгнанія изъ Антіохіи латинянъ,—стр. 49.	1137	21	12 Смерть Лотаря
Замедленіе на пути; дипломатическія сношенія съ латинянами, сиріянами и киликійцами съ тою же цѣлію,—стр. 49 и 50.	1138	22	Конрадъ Третій. 1
Непокорность Антіохіи; разореніе царемъ ея предмѣстій; возвращеніе въ Киликію,—стр. 50 и 51.	1139	23	2
Полученіе императоромъ Іоанномъ раны на охотѣ противъ кабана; умирая отъ этой раны, царь назначаетъ своимъ преемникомъ, бывшаго при немъ, младшаго сына своего Мануила,—стр. 51—61.	1140	24 Смерть Іоанна Комнина.	3
По повелѣнію Мануила, великій доместикъ Іоаннъ Аксухъ заключаетъ старшаго Мануилова брата, севастократора Исаака, въ монастырь; прибытіе Мануила въ Константинополь и радостный пріемъ, сдѣланный ему константинопольцами,—62—66.	1141	Мануилъ Комнинъ. 1	4

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Коронованіе Мануила патріархомъ Михаиломъ; примиреніе его съ братомъ Исаакомъ; походъ противъ персовъ,—стр. 66—67.	1142	2	5
Новый походъ противъ персовъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ,—стр. 68 и 69.	1143	3	6
Бракъ Мануила съ графинею изъ рода аллеманскаго; внимательность царя къ дѣламъ государственнаго управленія; назначеніе Іоанна Пуцинскаго главнымъ казначеемъ и контролеромъ; назначеніе Іоанна Агіоѳеодорита постояннымъ посредникомъ всѣхъ царскихъ распоряженій,—стр. 69—72.	1144	4	7
Придворныя интриги; возвышеніе Ѳеодора Стиппіота,—стр. 72—74.	1145	5	8
Прекрасное управленіе и царственныя доблести императора Мануила,—стр. 75.	1146	6	9
Перемѣна въ царѣ; его самовластіе и скупость въ дѣлахъ благотворительности,—стр. 76.	1147	7	10
Походъ аллемановъ въ Палестину; неоднократныя нападенія римлянъ	1148	8	11

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
на ихъ войско; отраженіе нападеній императоромъ Конрадомъ, — стр. 76—80.			
Наводненіе аллеманскаго лагеря; стараніе римлянъ истребить аллеманское войско какими бы то ни было средствами; подмѣшиваніе извести въ продаваемый аллеманамъ хлѣбъ; чеканка фальшивой монеты для расплаты съ аллеманами,—стр. 81—85.	1149	9	12
Жестокое сраженіе аллемановъ съ турками; знаменитая побѣда, одержанная Конрадомъ,—стр. 85—91.	1150	10	13
Успѣхи Рожера, короля сицилійскаго, въ войнѣ съ римлянами,—стр. 92—97.	1151	11	14 Смерть Конр.
Походъ Мануила противъ сицилійцевъ; осада Керкиры, или Корфу, и наконецъ взятіе ея; враждебное столкновеніе между римлянами и венеціянами,—стр. 97—113.	1152	12	Фридрихъ I, Барбаросса. 1
Неудачное продолженіе Мануиломъ военныхъ дѣйствій противъ Сициліи; походъ Мануила въ Сербію; блистательныя побѣды Михаила Палеолога надъ сицилійцами,—стр. 113—116.	1153	13	2

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Новый счастливый походъ Мануила противъ сербовъ и венгровъ, закончившійся тріумфомъ императора; неудачи полководцевъ Мануила въ войнахъ съ скиѳами и сицилійцами,—стр. 117—122.	1154	14	3
Заключеніе Мануиломъ мира съ Рожеромъ, королемъ сицилійскимъ, и возникновеніе между ними новыхъ непріязненныхъ отношеній,—стр. 122–126.	1155	15	4
Венгерскій походъ Мануила; успѣхи венгерцевъ и миръ съ ними; походъ въ нижнюю Арменію; кровосмѣсничество Мануила и Андроника; заключеніе Андроника въ темницу, бѣгство и новое заключеніе; потѣшныя битвы, устроенныя Мануиломъ въ Антіохіи,—стр. 127—138.	1156	16	5
Пораженіе турками войскъ Мануила; ослѣпленіе Ѳеодора Стиппіота; второй бракъ Мануила,—стр. 139—146.	1157	17	6
Набѣги турковъ; пріѣздъ иконійскаго султана къ Мануилу и его великолѣпный пріемъ,—стр. 146—153.	1158	18	7

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Вѣроломство иконійскаго султана въ отношеніяхъ съ Мануиломъ; набѣги и опустошенія съ той и другой стороны,—стр. 153—159.	1159	19	8
Объявленіе войны венграмъ; возвращеніе Андроника послѣ вторичнаго бѣгства изъ заключенія и примиреніе его съ императоромъ,—стр. 159—168.	1160	20	9
Венгерская война; завоеваніе Мануиломъ города Зевгмина, — стр. 168—173.	1161	21	10
Усмиреніе Сербіи; Андроникъ въ Киликіи; его неудачная война съ Торусомъ, главою армянъ,—стр. 173—176.	1162	22	11
Непозволительныя связи Андроника; бѣгство его и разныя странствованія,—стр. 177—182.	1163	23	12
Печальныя событія при дворѣ Мануила; устроеніе Мануиломъ новыхъ крѣпостей въ Азіи, — стр. 182—192.	1164	24	13
Венгерскій походъ подъ начальствомъ Андроника Контостефана; побѣда Андроника и тріумфъ Мануила,—стр. 193—203.	1165	25	14

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Походъ въ Сербію; вліяніе Мануила на дѣла Сербіи, — стр. 203 — 205.	1166	26	15
Египетская экспедиція подъ начальствомъ Андроника Контостефана; осада Таміаѳа или Даміетты; отступленіе и крушеніе римскаго флота на обратномъ пути въ Константинополь, — стр. 205—216.	1167	27	16
Заключеніе мира съ сарацинами; назначеніе Мануиломъ сына своего Алексѣя наслѣдникомъ престола; нареченный зять Мануила Алексѣй дѣлается королемъ венгерскимъ, — стр. 216—218.	1168	28	17
Бракъ Маріи, дочери Мануила, съ сыномъ маркиза монферратскаго; конфискованіе имущества венеціянъ, проживавшихъ въ Константинополѣ, — стр. 218—221.	1169	29	18
Война и заключеніе мира съ венеціянами, - стр. 221—223.	1170	30	19
Возстановленіе городовъ Дорилея и Сувлея и приготовленіе Мануила къ войнѣ противъ персовъ, — стр. 224—229.	1171	31	20

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Пренебреженіе посольствомъ персидскаго султана, который просилъ мира; страшное пораженіе римлянъ персами; опасности, которымъ подвергался лично царь Мануилъ; предложеніе султаномъ мира подъ условіемъ разрушенія крѣпостей Дорилея и Сувлея; спасеніе остатковъ римскаго войска,—стр. 229—245.	1172	32	21
Нападеніе персовъ на римлянъ по заключеніи мира; объявленіе султаномъ войны за несоблюденіе Мануиломъ мирныхъ условій; вторженіе персовъ въ римскія области,—стр. 245—247.	1173	33	22
Пораженіе и истребленіе римлянами персидскаго войска при его возвращеніи съ добычею,—стр. 247—250.	1174	34	23
Новый неудачный походъ Мануила противъ персовъ; безуспѣшная осада турками города Клавдіополя,—стр. 250—255.	1175	35	24
Двоедушныя отношенія Мануила къ императору Фридриху Барбароссѣ; осада Фридрихомъ Анконы; отраженіе ея анконцами,—стр. 256—261.	1176	36	25

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Приведши государство своими военными походами, опущеніями въ гражданскомъ управленіи и придворными безпорядками въ крайнее разстройство, Мануилъ также несчастно вмѣшивается въ дѣла церковныя; его богословскія занятія,—стр. 261—276.	1177	37	26
Его неразумный указъ объ ученіи магометанскомъ; его болѣзнь, борьба съ смертію, постриженіе въ монашество и смерть послѣ царствованія, продолжавшагося 38 лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,—стр. 276—287.	1178	38 Смерть Мануила.	27
Воцареніе Мануилова сына Алексѣя; гражданскіе безпорядки и кровавый мятежъ въ Константинополѣ; возстановленіе мира патріархомъ Θеодосіемъ; удаленіе въ монастырь и возвращеніе патріарха,—стр. 288—313.	1179	Алексѣй Вторый. 1	28
Открытое стремленіе Андроника захватить царскую власть; онъ распоряжается всѣми государственными дѣлами; его жестокости и убійства; удаленіе Θеодосія отъ патріаршества и избраніе на его мѣсто Василія Каматира,—стр. 313—336.	1180	2	29

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Непріязненныя дѣйствія султана иконійскаго противъ римлянъ; возстаніе Іоанна Ватаца противъ Андроника; смерть Ватаца; коронованіе императора Алексѣя; заговоръ противъ Андроника; убіеніе императрицы, матери императора Алексѣя; провозглашеніе Андроника императоромъ; предпочтеніе его императору Алексѣю, котораго спустя не много Андроникъ лишаетъ и царства и жизни,—стр. 336—350.	1181	3 Смерть Алексѣя Втораго.	30
Бракъ императора Андроника съ Агнесою, вдовою императора Алексѣя II; походъ противъ Никеи и Прусы; казнь вельможъ; занятіе Исаакомъ Комнинымъ острова Кипра; казнь приближенныхъ Андроника; завоеваніе сицилійцами Диррахія и Ѳессалоники; бѣдствія ѳессалоникійцевъ; новыя жестокости Андроника; ослѣпленіе Константина Трипсиха, усерднѣйшаго исполнителя его жестокостей, – стр. 351—399.	1182	Андроникъ Комнинъ. 1	31
Неудачное противодѣйствіе Андроника сицилійцамъ; его приготовленія къ защитѣ Константинополя; нѣсколько добрыхъ распоряженій,	1183	2 Смерть Андроника.	32

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
клонившихся къ упроченію общественнаго благосостоянія; новыя жестокости и довѣріе къ магіи; убіеніе Агіохристофорита при его покушеніи схватить Исаака Ангела; бѣгство Исаака Ангела въ большой храмъ; народный мятежъ и напрасныя усилія Андроника остановить его; провозглашеніе Исаака Ангела императоромъ; бѣгство Андроника, захватъ его и мучительная смерть послѣ царствованія, продолжавшагося два года,—стр. 400—446.			
(Исторіи томъ вторый.) Благопріятное начало царствованія Исаака Ангела; успѣшное веденіе войны противъ сицилійцевъ, окончившееся взятіемъ ихъ полководцевъ въ плѣнъ и истребленіемъ всего войска; ослѣпленіе сыновей императора Андроника; ослѣпленіе Алексѣя Комнина, виновника сицилійской войны; гибель сицилійскаго флота; неисполнимыя обѣщанія императора Исаака Ангела, – стр. 1 – 17.	1184	Исаакъ Ангелъ. 1	33
Война съ иконійскими турками и прекращеніе ея; отпаденіе валаховъ; несчастная экспедиція въ Кипръ	1185	2	34

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
противъ Исаака Комнина; упроченіе дѣла отпаденія валаховъ нерадѣніемъ императора; неудачное веденіе войны противъ валаховъ, — стр. 17 — 27.			
Покушеніе Алексѣя Враны захватить царскій престолъ; смерть его во время сраженія; прощеніе мятежниковъ; грабежъ константинопольскихъ предмѣстій; столкновеніе между римлянами и латинянами въ Константинополѣ, — стр, — 27 — 51.	1186	3	35
Неудачный походъ Исаака противъ валаховъ; возстаніе Θеодора Манкафы; бѣгство его къ иконійскому султану Кайхозрою, выдача султаномъ римскому правительству и заключеніе въ темницѣ, — стр. 51 — 61.	1187	4	36
Походъ императора Фридриха Барбароссы въ Палестину; возникновеніе между Фридрихомъ и Исаакомъ недоразумѣній въ слѣдствіе недобросовѣстности римскихъ уполномоченныхъ посредниковъ; предосудительное вмѣшательство Исаака въ церковныя дѣла и подчиненіе его вліянію патріарха Досиθея; пораженіе римскаго войска аллеманами; переправа аллеманскаго войска на	1188	5	37 Смерть Фридриха Барбароссы.

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ. Восточныхъ.	Западныхъ.
востокъ; побѣды его надъ турками въ битвахъ при Филомиліѣ, Гинкларіѣ и Иконіи; смерть Фридриха при переправѣ чрезъ рѣку; смерть сына его при осадѣ Акры и обратное возвращеніе моремъ остатковъ аллеманскаго войска; крестовый походъ въ Палестину королей французскаго и англійскаго; завоеваніе англичанами острова Кипра, — стр. 61—85.			
Увѣренность Исаака въ продолжительности своего царствованія; появленіе самозванцевъ Лже-Алексѣевъ и война съ ними; усмиреніе мятежа, поднятаго Василіемъ Хотзою; ослѣпленіе Андроника Комнина, внука Анны Комниной; ослѣпленіе его сына; насильственное постриженіе въ иночество Алексѣя, сына Θеодоры Комниной, — стр. 85—99.	1189	6	Генрихъ Шестый. 1
Несчастный походъ Исаака противъ валаховъ; страшное пораженіе римскаго войска; грезы Исаака о всемірной монархіи, — стр. 99 106.	1190	7	2
Успѣхи валаховъ; пораженіе, нанесенное римлянами сербамъ; подвиги противъ валаховъ Константи-	1191	8	3

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
на Ангела; покушеніе его на царскую власть; ослѣпленіе его; новые успѣхи валаховъ, — стр. 106—112.			
Возвышеніе Өеодора Кастамонита; смерть его; появленіе другихъ временщиковъ; распущенность государственнаго управленія и придворной жизни, — стр. 112—127.	1192	9	4
Пораженіе римлянъ валахами близъ Аркадіополя; сборы Исаака въ походъ противъ валаховъ; невниманіе царя къ доносамъ о замыслахъ роднаго брата его Алексѣя; ослѣпленіе его братомъ, сверженіе съ престола и заключеніе въ темницу, — стр. 127—137.	1193	10 Низверженіе Исаака Ангела.	5
Воцареніе Алексѣя III Комнина, брата Исаака Ангела; расточительность его; подавленіе мятежа въ Константинополѣ; коронованіе императора; война съ самозванцемъ Лже-Алексѣемъ III; враждебныя попытки Исаака Комнина, бывшаго владѣтеля острова Кипра, — стр. 138—155.	1194	Алексѣй Третій, братъ Исаака. 1	6
Побѣды валаховъ надъ римлянами; смерть Асана; мятежъ въ Терновѣ;	1195	2	7

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
бѣгство Иванки къ римскому императору Алексѣю; смерть брата Асанова Петра; опустошеніе римскихъ областей валахами, — стр. 155—168.			
Вторженіе въ римскія области султана анкирскаго; паденіе города Дадивры; требованіе Генрихомъ VI, сыномъ Фридриха Барбароссы, ежегодной дани отъ императора Алексѣя; лишеніе царскихъ гробницъ всѣхъ драгоцѣнныхъ украшеній, — стр. 168—177.	1196	3	8
Война съ генуэзцемъ Кафуромъ; продажа родственниками императора Алексѣя всѣхъ государственныхъ должностей; заключеніе въ монастырь и обратный вызовъ императрицы Евфросиніи; паденіе временщика Константина Месопотамскаго, —стр. 178 – 202.	1197	4	9
Война съ иконійскимъ султаномъ Кайхозроемъ; болѣзнь императора Алексѣя; вторженіе скиѳовъ и валаховъ во Ѳракію, — стр. 202 – 214.	1198	5	10 Смерть Генриха Шестаго.

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Походъ Алексѣя противъ Хриса; нашествіе скиѳовъ; вторичное замужество дочерей императора Ирины и Анны; мятежъ Иванки; пренія о таинствѣ евхаристіи; увлеченіе императрицы Евфросиніи магіею, — стр. 215—242.	1199	6	Филиппъ и Оттонъ. 1
Пріѣздъ Кайхозроя къ императору Алексѣю; новое нашествіе на римскія области валаховъ вмѣстѣ съ команами, остановленное Романомъ, княземъ галицкимъ; попытки ограбить Каломодія; мятежъ, вызванный преступными дѣйствіями Іоанна Лагоса; покушеніе на престолъ Іоанна Комнина Толстаго; пиратство Алексѣя; возмущеніе, поднятое Михаиломъ, сыномъ севастократора Іоанна Дуки; изгнаніе трибалльскимъ княземъ Стефаномъ супруги своей Евдокіи, старшей дочери императора Алексѣя; вторженіе въ римскія области Іоанна мизійскаго; разрушеніе городовъ Констанціи и Варны; возстаніе Мануила Камица; мятежъ Іоанна Спиридонаки, — стр. 242—267.	1200	7	2

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Бѣгство Алексѣя, сына Исаака Ангела, въ Сицилію; соединеніе его съ венеціянами, приготовившимися къ войнѣ противъ римлянъ; отправленіе венеціянскаго флота въ походъ; взятіе имъ Ядары или Зары; осада Константинополя; пожаръ въ Константинополѣ; бѣгство императора Алексѣя въ Девельтъ,— стр. 267—285.	1201	8 Бѣгство императора Алексѣя Третьяго.	3
Вторичное царствованіе Исаака Ангела вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ IV; второй пожаръ въ Константинополѣ; ожесточеніе народа противъ латинянъ; заговоръ Алексѣя Дуки Мурцуфла; смерть императора Исаака Ангела; заключеніе въ темницу и насильственная смерть императора Алексѣя IV; вступленіе на престолъ Алексѣя V Дуки Мурцуфла; пораженіе римлянъ латинянами; взятіе латинянами Константинополя; бѣгство императора Алексѣя Дуки Мурцуфла; избраніе латинянами на императорскій константинопольскій престолъ Булдуина графа Фландрскаго; походъ Балдуина въ Өессалонику; примиреніе его съ Бонифатіемъ маркизомъ монферратскимъ,—стр. 286—360.	1202	Исаакъ Ангелъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ Четвертымъ. 6 мѣсяц. и 8 дней. Алексѣй V Дука Мурцуфлъ. 2м. и 16 дней. Балдуинъ, графъ Фландрскій.	4

Перечень событій, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они изложены въ Исторіи Н. Хоніата.	Годы отъ Рождества Христова.	Годы царствованія императоровъ.	
		Восточныхъ.	Западныхъ.
Подвиги Генриха, брата Балдуинова, въ Азіи и маркиза Бонифатія въ Елладѣ; ослѣпленіе и смерть низверженнаго императора Алексѣя V Дуки Мурцуфла; пораженіе латинянъ Іоанномъ мизійскимъ; плѣнъ императора Балдуина; прибытіе въ Константинополь латинскаго патріарха Өомы; безуспѣшная осада латинянами Адріанополя и Дидимотиха; раздѣленіе азіятскихъ и европейскихъ областей римской имперіи на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ владѣній; взаимная борьба между ними; паденіе Филиппополя; разрушительное нашествіе скиөовъ; безуспѣшная осада Іоанномъ мизійскимъ Дидимотиха; мирная смерть патріарха Іоанна Каматира,—стр. 360—416.	1203	Балдуинъ. 1 Смерть Балдуина.	5
Походъ латинянъ въ Адріанополь; возстановленіе ими нѣкоторыхъ городовъ, разоренныхъ скиөами; разрушеніе статуй въ Константинополѣ; вступленіе на константинопольскій престолъ, по смерти императора Балдуина, брата его Генриха; успѣшный походъ императора Генриха противъ валаховъ,—стр. 417—425.	1204	Генрихъ. 1	6

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ, МѢСТЪ И СОБЫТІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ОБОИХЪ ТОМАХЪ ИСТОРІИ

НИКИТЫ ХОНІАТА.

А.

А—буква подозрительная императору Мануилу I, 186.
ААРОНЪ, братъ Моисея, I, 56.
ААРОНЪ ИСААКЪ обвиняетъ протостратора Алексѣя I, 184; ослѣпленъ императоромъ Мануиломъ за волшебство и вѣроломство I, 187; лишенъ языка императоромъ Исаакомъ Ангеломъ I, 188.
АВГАРЬ,—собственноручное письмо къ нему Спасителя I, 437.
АВГУСТЕОНЪ, площадь города Константинополя, I, 304 и 305.
АВГУСТЪ КЕСАРЬ поставилъ статую осла и погонщика II, 433.
АВДИРЫ, городъ, II, 232.
АВИДЪ, городъ, I, 126 и 206.
АВЛОНІЯ, городъ на берегу Эгейскаго моря, тоже, что Бари,—укрѣпленъ Михаиломъ Палеологомъ I, 116.
АВЛОНІЯ на ГЕЛЛЕСПОНТѢ, городъ, II, 268.
АВЛОНЪ, городъ, I, 113 и 114.
АГАМЕМНОНЪ угощаетъ Аякса II, 98.
АГАРЯНЕ,—побѣда надъ ними императора Іоанна I, 35.
АГАРЯНИНЪ, вызвавшійся летать, I, 150.
АГАРЬ,—ея сыны II, 291.
АГАѲОПОЛЬ, городъ: опустошеніе мизійцами его окрестностей II, 52; маршъ чрезъ него императора Генриха II, 425.
АГІОХРИСТОФОРИТЪ СТЕФАНЪ, убійца императора Алексѣя II Комнина I, 350; орудіе жестокостей императора Андроника,—прозванъ Антихристофоритомъ I, 373; побиваетъ камнями Константина Макродуку и Андроника Дука I, 373—374; обращается къ

гадателю Сиөу для Андроника I, 427; убитъ Исаакомъ Ангеломъ I, 430 и 431.
АГІОӨЕОДОРИТЪ ІОАННЪ, посредникъ при объявленіи всѣхъ распоряженій императора Мануила I, 70; назначеніе ему помощника I, 73; паденіе его I, 74.
АДАНА, городъ въ Киликіи,—занятъ императоромъ Іоанномъ I, 28.
АДРІАНОПОЛЬ—иначе назывался Орестіадою I, 354; одинъ изъ счастливѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Македоніи I, 7; занятъ гарнизономъ Балдуина II, 355; изгоняетъ этотъ гарнизонъ II, 376; выдерживаетъ осаду Генриха брата Балдуинова II, 388—392; окруженъ былъ скиөами II, 399; зоветъ на помощь латинянъ II, 406; заключаетъ съ ними союзъ II, 417; осажденъ валахами II, 424; избавленъ отъ осады валаховъ императоромъ Генрихомъ II, 425.
АДРІАНОПОЛЬЦЫ сожгли одного изъ родственниковъ императора Конрада, I, 80; наказаны за это Фридерикомъ, племянникомъ Конрада, I, 80 и 81.
АДРІАТИЧЕСКІЙ заливъ I, 219.
АЗІЯТСКІЕ римскіе города—кипѣли смутами и междоусобными войнами I, 337.
АИДЪ,—шлемъ его II, 45.
АИРОНИСІЙ островъ I, 114.
АІМА—оракулъ династіи Комниныхъ I, 217.
АКАРНАНІЯ, область I, 93.
АКИЛІЯ, область короля сицилійскаго, I, 125.
АКРА, въ древности Іоппія, кесаремъ Конрадомъ возвращена отъ сарацинъ латинянамъ II, 53.
АКРИСІЙ, отецъ Данаи, I, 73.
АКРОКОРИНӨЪ — сильная крѣпость, ограблена сицилійцами I, 95 и 96; во власти Льва Сгура II, 365; выдерживаетъ осаду латинянъ II, 373 и 374.
АКРОПОЛЬ, крѣпость города Аөинъ, выдерживаетъ осаду Льва Сгура II, 368 и 369.
АКСІЙ рѣка II, 215.
АКСУХЪ АЛЕКСѢЙ протостраторъ, старшій сынъ великаго доместика Іоанна Аксуха, ведетъ дѣло о заключеніи мира съ Сициліею I, 123 и 124; женатъ на дочери Алексѣя, старшаго брата императора Мануила, I, 130; насильственно постриженъ въ монахи I, 183,—II, 97; смерть его жены и строгость его жизни I, 184—186.
АКСУХЪ ІОАННЪ, родомъ персіянинъ, достойный любимецъ императора Іоанна, великій доместикъ I, 12; примиряетъ императора Іоанна съ кесариссою Анною I, 15; даетъ добрый совѣтъ императору I, 52; приказываетъ принесть клятву въ вѣрности

Мануилу I, 59 и 60; утверждаетъ власть Мануила въ Константинополѣ I, 62—64; командуетъ сухопутнымъ войскомъ во время сицилійской войны I, 98; управляетъ флотомъ I, 104.
АКЦІУМЪ тоже, что Никополь, городъ въ Елладѣ II, 433.
АЛАНЫ—римскія наемныя войска; жестокость ихъ къ сицилійцамъ II, 8; пораженіе ихъ аллеманами II, 72.
АЛДЕБРАНДИНЪ, независимый владѣтель Атталіи II, 412; отражаетъ осаду Атталіи Кайхозроемъ II, 413.
АЛДУИНЪ Коптъ, сицилійскій полководецъ,—его тщеславіе II, 7; его плѣнъ II, 8; оскорбительное письмо императору Исааку и льстивое оправданіе II, 13—16.
АЛЕКСАНДРІЯ Египетская, — ея султанъ II, 202; счастливѣйшій въ мірѣ городъ II, 351.
АЛЕКСАНДРЪ, графъ сицилійскій, передается на сторону римлянъ I, 116.
АЛЕКСАНДРЪ Македонскій хвастался своими волосами II, 7; его властолюбивое изреченіе II, 178; вліяніе на него игры Тимоѳея II, 188.
АЛЕКСѢЙ Валахъ—см. Иванко.
АЛЕКСѢЙ Венгерскій (Бѣла)—женихъ Маріи, дочери Мануила, I, 162 и 217; утвержденіе за нимъ престолонаслѣдія послѣ импер. Мануила I, 142; отнятіе у него этого права, разводъ его съ невѣстою, новое обрученіе съ сестрою жены Мануила и полученіе имъ королевскаго престола Венгріи I, 218; см. Бѣла.
АЛКИНОЕВЪ САДЪ II, 247.
АЛКІОНЪ,—спокойствіе моря во время кладки имъ яицъ I, 357.
АЛЛЕМАНИНЪ—богатырь, неприступный для измаильтянъ, II, 79 и 80.
АЛЛЕМАНКА—первая супруга императ. Мануила I, 69.
АЛЛЕМАНСКАЯ ПОДАТЬ II, 176.
АЛЛЕМАНСКІЯ Амазонки—I, 76.
АЛЛЕМАНЫ: походъ ихъ въ Палестину подъ предводительствомъ императора Конрада I, 76; ссоры съ римлянами I, 80; дѣло ихъ съ адріанопольцами I, 80 и 81; они не ограждаютъ своего лагеря валомъ I, 81; гибнутъ отъ наводненія рѣки Меласа I, 82; переправляются въ Азію I, 83; терпятъ притѣсненія со стороны азіятскихъ римлянъ I, 84; побѣждены турками I, 85; одерживаютъ надъ ними блистательную побѣду при рѣкѣ Меандрѣ I, 85 и 90; походъ ихъ въ Палестину подъ предводительствомъ Фридерика II, 61; они не почитаютъ иконъ и согласны въ религіи съ армянами II, 64; непріязненныя дѣйствія римлянъ противъ нихъ II, 63 и 70; они побѣждаютъ римлянъ II, 71 и 72; переправляются на востокъ II, 76; одерживаютъ побѣды надъ турками II, 77; возвращаются изъ Палестины моремъ II, 83; осмѣиваютъ тщеславіе римлянъ II, 174; соглашаются взять съ римлянъ за миръ 16 центенаріевъ золота II, 176.

АЛМИРЪ—мѣсто ссылки императ. Алексѣя III Комнина и его супруги Евфросиніи II, 374; весь округъ его во власти маркиза Бонифатія II, 411.
АЛМУЗЪ, братъ Стефана короля гуннскаго, перешелъ къ импер. Іоанну I, 22.
АЛПИХАРЪ выгнанъ императ. Іоанномъ изъ Лаодикіи I, 16.
АЛФЕЙ рѣка II, 372 и 373.
АМАЗОНКИ—I, 76.
АМАЛИКИТЫ разсѣяны Моисеемъ, какъ въ послѣдствіи скиѳы императоромъ Іоанномъ I, 20.
АМАЛЬѲЕИНЪ рогъ—II, 186.
АМАСІЯ—удѣлъ Ягупасана I, 147; взята Кличъ-Асѳланомъ I, 154; назначена въ удѣлъ Масуту II, 243.
АМЕРИГЪ (т. е. Генрихъ), король іерусалимскій, медлитъ въ исполненіи обѣщанія, даннаго импер. Мануилу, I, 207; нерѣшительно помогаетъ римлянамъ при осадѣ Таміаѳа, т. е. Даміетты, I, 208—212,
АМИНСЪ—удѣлъ Рукратина II, 243; приморскій городъ II, 254.
АММОНСКІЙ оракулъ II, 130.
АМОЛЬФІЙЦЫ,—издавна жили между римлянами,—II, 290.
АМФИПОЛЬ,—опустошеніе сицилійцами его окрестностей I, 402; II, 2 и 4.
АМФІАРЕЙСКІЙ оракулъ II, 130.
АНАВАРЗА, армянскій городъ,—осада ея импер. Іоанномъ I, 32; сдача ему I, 34.
АНГЕЛЫ,—императоры династіи Ангеловъ истощаютъ своею расточительностію общественную казну II, 269; ссорятъ венеціянъ съ пизанцами II, 270; благодѣтельны для валаховъ своею неспособностію II, 111.
АНГЕЛЫ:
АЛЕКСѢЙ III КОМНИНЪ, императоръ римскій,—братъ Исаака и сынъ Андроника Ангела I, 315; бѣгая отъ импер. Андроника, скитался по Палестинѣ между измаильтянами II, 259; одинъ изъ всѣхъ братьевъ импер. Исаака спасся цѣлымъ отъ душегубца Андроника II, 130; лѣтами старше Исаака II, 158; въ царствованіе Исаака Ангела, въ санѣ севастократора, посланъ противъ самозванца Лже-Алексѣя II, 80; участвуетъ въ походѣ противъ валаховъ II, 100; питаетъ умыслы захватить царскій престолъ II, 129; провозглашенъ императоромъ II, 133 и 134; соритъ деньги и титулы II, 140; совершаетъ въѣздъ въ Константинополь, подготовленный для него его супругою Евфросиніею, II, 141—143; его коронованіе II, 144; паденіе съ лошади II, 146; перемѣна имъ своей фамиліи на фамилію Комнина II, 147; онъ вполнѣ предается праздности II, 147; встрѣ-

частъ неудачи въ борьбѣ съ самозванцемъ Лже-Алексѣемъ II, 151—153; предлагаетъ валахамъ миръ II, 155; посылаетъ противъ нихъ своего зятя, севастократора Исаака Компина, II, 156; благосклонно принимаетъ Иванку II, 167; ведетъ неудачную войну съ анкирскимъ султаномъ II, 169; заключаетъ постыдный миръ съ нимъ II, 171; соглашается купить миръ у императора Генриха II, 173; старается ослѣпить пышностію аллеманскихъ пословъ II, 173 и 174; придумываетъ аллеманскую подать II, 176; грабитъ царскія гробницы II, 177; избавленъ отъ уплаты аллеманамъ денегъ II, 178; ведетъ переговоры съ Кафуромъ II, 182; допускаетъ продажу должностей и титуловъ II, 184; подозрѣваетъ супругу въ невѣрности II, 188; казнитъ молодаго Ватаца II, 189; дѣлаетъ пустую попытку противъ валаховъ II, 191; заключаетъ свою супругу въ монастырь II, 193; возвращаетъ ее II, 194; подчиняется ея вліянію II, 195; уступаетъ желанію Константина Месопотамскаго II, 195; отправляется въ походъ противъ Хриса II, 198; соглашается на низверженіе Константина Месопотамскаго II, 199; заключаетъ въ темницу иконійскихъ купцовъ II, 203; посылаетъ противъ Кайхозроя Андроника Дуку II, 206; его болѣзнь II, 208; новый походъ противъ Хриса II, 215; онъ выдаетъ снова своихъ дочерей замужъ II, 224; затѣваетъ потѣшныя игры II, 225; получаетъ вѣсть объ отпаденіи Иванки II, 227; отправляетъ противъ него войско II, 229 и 230; присвояетъ себѣ имущество протостратора Мануила Камица II, 233; обманываетъ Иванку II, 240; холодно принимаетъ Кайхозроя II, 245; щадитъ Іоанна Лагоса II, 249: любуется на трупъ Іоанна Толстаго II, 253; занимается пиратствомъ II, 253; подсылаетъ убійцу къ Рукратину II, 255; отправляется въ походъ противъ Михаила, незаконнорожденнаго сына севастократора Іоанна, II, 256; избѣгаетъ опасности кораблекрушенія II, 257; отказываетъ Камицу въ выкупѣ II, 264; воюетъ съ нимъ II, 266; обманываетъ Хриса и заключаетъ миръ съ Іоанномъ мизійскимъ II, 267; небрежно смотритъ за низверженнымъ съ престола братомъ своимъ Исаакомъ II, 267; беретъ съ собою въ походъ сына его Алексѣя II, 268; отказывается уплатить венеціянамъ долгъ II, 270; не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ движенія латинянъ II, 273; шутитъ надъ экспедиціей латинскаго флота II, 274; поздно берется за умъ II, 275: затаилъ мысль о бѣгствѣ II, 279; выступаетъ на войну противъ латинянъ II, 282; ищетъ спасенія въ бѣгствѣ изъ Константинополя II, 283; число лѣтъ его царствованія,—его способности и характеръ II, 284 и 285; оставивъ Девельтъ, онъ занимаетъ Адріанополь II, 296; обращается въ бѣгство отсюда II, 297; укрывается въ Темпейскихъ ущельяхъ Өессаліи II, 369;

отдаетъ дочь свою Евдокію за Льва Сгура II, 369; ослѣпляетъ Алексѣя Дуку Мурцуфла II, 370; является къ маркизу Бонифатію, получаетъ отъ него содержаніе и живетъ въ Алмирѣ II, 474; отправленъ за море къ королю аллеманскому II, 385; умѣлъ прежде ладить съ иностранцами II, 290.

АЛЕКСѢЙ IV, римскій императоръ, сынъ Исаака Ангела отъ перваго брака II, 85; готовился въ наслѣдники престола II, 85; убѣгаетъ въ Сицилію II, 268; является къ венеціянамъ съ грамотами папы и императора аллеманскаго Филиппа II, 272; даетъ нелѣпыя обѣщанія II, 273; вступаетъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ отцемъ своимъ раздѣляетъ тронъ II, 288; не скорбитъ о пожарѣ константинопольскомъ II, 296; при пособіи маркиза Бонифатія идетъ противъ дяди своего Алексѣя въ походъ II, 296 и 297; предпочтеніе его предъ отцемъ II, 297; его порочное поведеніе II, 298; жадность денегъ и святотатство II, 301 и 302; онъ не возстаетъ противъ латинянъ II, 303; рѣшается ввесть во дворецъ латинское войско II, 306; вверженъ Дукою Мурцуфломъ въ тюрьму II, 308; умерщвленъ, царствовавъ 6 мѣсяцевъ и 8 дней,—II, 309.

АНДРОНИКЪ — отецъ Исаака Ангела I, 315; сынъ Константина Ангела I, 231; одинъ изъ начальниковъ войска въ походѣ противъ персовъ I, 231; воюетъ противъ турковъ I, 250; обращается въ бѣгство I, 251; навлекаетъ на себя гнѣвъ царя Мануила I, 252; въ походѣ противъ императ. Андроника Комнина блистательно разбитъ скопцомъ I, 315; имѣетъ шесть сыновей и переходитъ на сторону Андроника I, 316; участвуетъ въ заговорѣ противъ Андроника I, 341; спасается съ дѣтьми бѣгствомъ I, 342; три сына его ослѣплены Андроникомъ II, 210; онъ былъ женатъ на Евфросиніи I, 359,—которая происходила изъ рода Кастамонитовъ II, 112.

АННА, — младшая дочь императора Алексѣя III, въ первый разъ была въ замужествѣ за севастократоромъ Исаакомъ Комнинымъ II, 209; вдова, своею цвѣтущею красотою плѣняетъ Иванку II, 168; желаетъ выдти за мужъ II, 224; во второй разъ выдана за Θеодора Ласкариса II, 225.

ЕВДОКІЯ, — старшая дочь императора Алексѣя III, выдана дядею Исаакомъ за Стефана князя трибалльскаго II, 259; неумѣренно сладострастна II, 260; позорно прогнана мужемъ II, 261; возвратилась къ отцу въ домъ II, 262; бѣжала изъ Константинополя съ императ. Дукою Мурцуфломъ II, 318; вторымъ бракомъ вышла за него замужъ II, 369; въ третій разъ была въ замужествѣ за Львомъ Сгуромъ II, 369 и 371.

ИРИНА, вторая дочь императора Алексѣя III, — въ первый разъ была замужемъ за Андроникомъ Контостефаномъ II, 187 и 209; овдовѣла,—уступала красотою сестрамъ II, 209; желала во вто-

рой разъ выдти замужъ II, 224; выдана снова замужъ за Алексѣя Палеолога II, 225; бѣжала изъ Константинополя съ своимъ отцемъ II, 283.

(ИРИНА), старшая изъ сестеръ Исаака Ангела, — сестра Константина Ангела, брата его, I, 332; въ замужствѣ за Іоанномъ Кантакузинымъ I, 331 и II, 210.

ИРИНА, младшая дочь императора Исаака Ангела II, 85; въ первый разъ была въ замужствѣ за королемъ сицилійскимъ (Рожеромъ), сыномъ сицилійскаго короля Танкреда II, 85 и 181; лишилась мужа II, 181; взята въ плѣнъ императоромъ Генрихомъ VI при завоеваніи Сициліи II, 180; выдана снова замужъ за Филиппа, незаконнорожденнаго брата императора Генриха, II, 180 и 181; аллеманская императрица,—переписывалась съ своимъ отцемъ II, 268; приняла съ распростертыми объятіями брата Алексѣя II, 269; неотступно просила мужа своего, императора Филиппа, помочь заключенному отцу и безпріютному брату II, 269.

ИСААКЪ, римскій императоръ, — сынъ Андроника Ангела I, 315; протащилъ Андроника, будущаго императора, по ступенямъ престола къ подножію императора Мануила I, 293; принятъ жителями Никеи I, 345; избѣгалъ войны съ Андроникомъ I, 362; пользуется за это признательностію Андроника I, 364; человѣкъ изнѣженный I, 429; доносъ на него Іоанна Тиранина I, 429; покушеніе противъ него Стефана Агіохристофорита I, 429; онъ убиваетъ Агіохристофорита I, 430 и 431; бѣжитъ въ большой храмъ I, 431; не о царствѣ думалъ, а о спасеніи I, 432; провозглашенъ императоромъ I, 434; не соглашался на вѣнчаніе и чувствовалъ себя какбы во снѣ I, 434 и 435; вступилъ въ большой дворецъ I, 437; переѣхалъ во влахернскій I, 437 и II, 1; позволяетъ мучить низверженнаго императора Андроника I, 439 и II, 135 и 136; оказываетъ милости II, 2; успѣшно оканчиваетъ войну съ сицилійцами II, 3—10; невнимателенъ къ плѣнникамъ II, 13; зоветъ на судъ Алдуина и Ричарда II, 13; отмѣняетъ тѣлесную казнь II, 16; покупаетъ миръ у иконійскихъ турковъ ежегодною данью II, 18; по смерти первой жены взялъ за себя Марію, дочь венгерскаго короля Бѣлы,—II, 18 и 356; неудачно воюетъ съ Исаакомъ кипрскимъ II, 20; отказываетъ въ просьбахъ Петру и Асану II, 19; вооружаетъ противъ себя варваровъ Эма II, 18; идетъ въ походъ противъ нихъ II, 23; не пользуется превосходствомъ надъ ними II, 24; ввѣряетъ войну съ ними другимъ II, 26; борется съ возмущеніемъ Враны II, 34,—болѣе духовнымъ, нежели тѣлеснымъ, оружіемъ II, 35 и 36; усердствуетъ въ пирахъ II, 37; по случаю побѣды надъ Враною жарко осаждаетъ блюда II, 43 и 44; издѣвается надъ головою Враны и его женою II, 44; про-

щаетъ мятежниковъ, предложивъ имъ исповѣдаться, II, 46; нѣкогда посвященъ былъ Богу II, 47; дозволяетъ наказать жителей Пропонтиды II, 47; ведетъ войну съ мизійцами II, 52, 54, 56; тѣшится конскими скачками и театромъ II, 57; новый походъ свой противъ мизійцевъ оставилъ недоконченнымъ, увлекшись прелестями Пропонтиды, II, 58; борется съ возмущеніемъ Манкафы II, 58—61; подозрѣваетъ и оскорбляетъ императора Фридерика II, 62; вредитъ ему II, 64; подчиняется вліянію инока Досиѳея, возводитъ и низлагаетъ патріарховъ II, 66; обманываетъ Ѳеодора Вальсамона II, 68; посылаетъ Фридерику подарки II, 75; грубо держалъ его пословъ, предсказывалъ ему смерть II, 73; далъ ему заложниковъ II, 74; постригъ старшую свою дочь, дѣвицу, въ монахини II, 85; разсчитываетъ долго царствовать II, 86 и 126; борется съ самозванцами и мятежниками II, 86—92; чрезмѣрно раздражителенъ II, 93; ослѣпляетъ Андроника, внука Анны Комниной, и постригаетъ въ иноки Алексѣя, сына Ѳеодоры Комниной, II, 94—96; угощаетъ послѣдняго, какъ Агамемнонъ Аякса, II, 98; ослѣпляетъ Константина Аспіета II, 98; снова въ походѣ противъ валаховъ II, 99; терпитъ страшное пораженіе II, 101; распускаетъ слухъ о побѣдѣ II, 102; очень высоко о себѣ думалъ II, 93 и 103; ничего не дѣлая, мечталъ о всемірной монархіи II, 104 и 105; всѣмъ дворомъ выступаетъ противъ валаховъ и сербовъ,—соединяется съ Бѣлою королемъ венгерскимъ II, 107; избѣгаетъ Эма II, 107; посылаетъ противъ валаховъ своего двоюроднаго брата Константина Ангела II, 107 и 108; ослѣпляетъ его II, 110; ввѣряется Ѳеодору Кастамониту II, 112; роняетъ царское достоинство II, 113; ввѣряется другимъ временщикамъ II, 115; недоступенъ II, 116; роскошенъ и сластолюбивъ II, 117 и 118; рѣдокъ, какъ фениксъ II, 119; любитъ строиться II, 119—121; святотатствуетъ II, 122; поддѣлываетъ фальшивое серебро, — продаетъ должности, какъ торгашъ овощи II, 123; щедръ къ церквамъ, обителямъ, благотворительнымъ заведеніямъ, отдаетъ всю душу иконамъ Божіей Матери II, 124; сыпалъ казенные доходы на подаянія нищимъ II, 125; бралъ взятки и думалъ, что имѣетъ на это право, II, 125 и 117; не чуждъ состраданія II, 126; выступаетъ въ походъ противъ валаховъ II, 128; не вѣритъ доносамъ на брата Алексѣя II, 129; идетъ къ прорицателю Васильюшкѣ II, 131 и 132; низверженъ съ престола братомъ II, 133; защищается крестнымъ знаменіемъ и образомъ Божіей Матери II, 134 и 135; бѣжитъ, схваченъ, ослѣпленъ II, 135; заключенъ во дворцѣ, а потомъ въ темницѣ близъ Диплокіона, II, 136; царствовалъ доселѣ 9 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ II, 137; его лѣта и наружность, II, 137; велъ нѣкогда переписку съ императоромъ Генрихомъ о заключеніи мира II, 172 и 173; живетъ въ темни-

цѣ на полной волѣ II, 267; переписывается съ дочерью Ириною императрицею аллеманскою, — посылаетъ къ ней сына своего Алексѣя II, 268; вторично провозглашенъ императоромъ II, 287; соглашается на всѣ обѣщанія, которыя далъ сынъ его латинянамъ,—раздѣляетъ съ нимъ тронъ II, 288; расточаетъ всю казну и святотатствуетъ для латинянъ II, 289; нѣсколько скорбитъ о пожарѣ константинопольскомъ II, 296; крайне недоволенъ сыномъ, особенно возглашеніемъ своего имени послѣ имени сына и тономъ ниже; но ничего не можетъ сдѣлать, — ворчитъ II, 297; грезитъ по прежнему о всемірной монархіи II, 298; окруженъ недостойными иноками и астрологами II, 299; снова обираетъ людей богатыхъ и святотатствуетъ II, 302; не совѣтуетъ сыну Алексѣю обращать вниманіе на толпу II, 303; умираетъ II, 306; его вдова II, 356; и его сынъ Мануилъ II, 357.

ИСААКЪ ДУКА, сынъ дяди императора Исаака Ангела — Іоанна Ангела Дуки I, 431; поддерживаетъ возстаніе противъ императора Андроника I, 432; вѣроятно женатъ на дочери Алексѣя Враны II, 39.

ІОАННЪ ДУКА, сынъ Константина Ангела, братъ Андроника Ангела I, 231; дядя по отцу императора Исаака Ангела II, 100; одинъ изъ начальниковъ въ походѣ Мануила противъ персовъ I, 231; не сдѣлалъ ничего славнаго I, 242; охраняетъ Никею и не сдается на обольщенія Андроника I, 315; поддерживаетъ возстаніе въ Константинополѣ противъ императора Андроника I, 431 и 432; по случаю отреченія Исаака занять престолъ предлагаетъ народу себя въ цари, указывая на свою плѣшь, но отвергнутъ, какъ старикъ, I, 435; друженъ съ Враною, женилъ своего сына на его дочери, пользуется при императорѣ Исаакѣ саномъ севастократора, защищается отъ подозрѣній Исаака II, 39; приказалъ отколотить Асана по щекамъ II, 19; успѣшно воевалъ противъ валаховъ, но отозванъ по подозрѣнію II, 26 и 27; командовалъ аррієргардомъ во время другаго похода противъ валаховъ II, 100; ускользнулъ отъ пораженія II, 102; забавное приключеніе съ нимъ въ процессіи послѣ коронаціи императора Алексѣя III,—его спокойный характеръ и преклонность лѣтъ II, 146; ищетъ царскаго престола II, 210.

КОНСТАНТИНЪ, родомъ изъ Филадельфіи, незнатнаго происхожденія, красавецъ и потому взятъ въ мужья Ѳеодорою, дочерью императора Алексѣя I, дѣда Мануилова, I, 121; отправляется въ походъ противъ сицилійцевъ и попадаетъ въ плѣнъ, оковы и тюрьму I, 121 и 122; укрѣпляетъ крѣпость Зевгминъ I, 172; его сыновья I, 231 и 158; онъ—родной дѣдъ императора Исаака Ангела I, 231 и 315.

КОНСТАНТИНЪ, братъ родной сестры императора Исаака Ангела, бывшей въ замужествѣ за Іоанномъ Кантакузинымъ, I,

332 и II, 210; родной братъ императора Алексѣя III и Исаака Ангела II, 210; въ царств. Алексѣя II Комнина содержится въ заключеніи I, 332.

КОНСТАНТИНЪ, двоюродный братъ императора Исаака, сынъ одного изъ его братьевъ,—назначенъ правителемъ филиппопольской епархіи II, 107 и 108; успѣшно воевалъ съ валахами II, 108; покушается захватить царскій престолъ и безуспѣшно старается склонить къ измѣнѣ супруга сестры своей Василія Ватаца II, 109; выданъ своими соумышленниками и ослѣпленъ II, 110.

МАНУИЛЪ, сынъ императора Исаака отъ втораго брака — съ Маріею Паннонскою,—маркизъ Бонифатій для обольщенія римлянъ провозгласилъ его императоромъ II, 357 и 359.

МИХАИЛЪ, по всей вѣроятности старшій братъ Андроника Ангела и дядя императора Исаака, дѣлаетъ набѣгъ на турковъ I, 158.

МИХАИЛЪ КОМНИНЪ, незаконнорожденный сынъ севастократора Іоанна Ангела Дуки II, 255; мятежъ его противъ императора Алексѣя III Комнина II, 255 и 256; онъ также носитъ фамилію Комнина II, 256; составилъ себѣ независимое владѣніе изъ Этоліи, Никополя и Епидамна II, 410 и 411.

N. N. — не поименованныя лица фамиліи Ангеловъ: родная тетка императора Исаака Ангела — мать протостратора Мануила Камица II, 40 и 264; старшая дочь Исаака Ангела, дѣвица, монахиня II, 85; двоюродная сестра въ замужствѣ за Василіемъ Ватацемъ II, 107—109; три родныхъ брата Исаака Ангела, ослѣпленные императоромъ Андроникомъ, II, 210; ихъ дѣти, которыхъ они прочили на престолъ II, 210; молодое поколѣніе царскаго рода, сочувствовавшее императору Алексѣю IV,—II, 303; заложники, данные Фридриху, II, 74; нѣсколько родственниковъ II, 134 и 184.

ѲЕОДОРА, родная сестра императора Исаака Ангела, — ея сватовство и бракъ съ Конрадомъ, братомъ Бонифатія маркиза монферратскаго, II, 35.

ѲЕОДОРЪ, родной братъ императора Исаака Ангела, охраняетъ городъ Прусу противъ Андроника I, 345; ненависть къ нему императора Андроника I, 365; наказаніе его Андроникомъ, ослѣпленіе, изгнаніе и пріемъ турками I, 367.

АНГЛИЧАНЕ, въ древности британцы,—сѣкироносцы; походъ ихъ короля въ Палестину; завоеваніе имъ Кипра, заключеніе Исаака Комнина II, 84; подарокъ его гробу Господню II, 85.

АНЕМА, тюрьма I, 439.

АНЕМОДУЛІЯ, или вѣтроуказательница, I, 419; II, 429 и 430.

АНКИРА, городъ, назначенный въ удѣлъ Масуту, II, 243.

АНКИРСКІЙ сатрапъ покровительствуетъ самозванцу Алексѣю Киликійцу II, 150; требуетъ отъ императора Алексѣя III даровъ и ежегодной дани II, 151; завоевываетъ у римлянъ городъ Дадибру II, 168—170; мирится и получаетъ требуемую сумму денегъ II, 171; даетъ императору Алексѣю III вспомогательное войско II, 219.

АНКОНА въ союзѣ съ римлянами, осаждена аллеманскимъ войскомъ I, 259; не любитъ мѣнять своихъ мыслей,—вознаграждена императоромъ Мануиломъ I, 261.

АНКУРІЕВЪ монастырь I, 418.

АННА, дочь французскаго короля, супруга императора Алексѣя II, дѣлается женою императора Андроника I, 351; взята императоромъ Андроникомъ въ его послѣднее бѣгство I, 436; поймана и напрасно умоляла объ отпускѣ I, 438 и 439.

АННОНЪ Карѳагенскій,—его хвастовство и птицы II, 102.

АНТИГОНОВЪ монастырь—II, 213.

АНТІОХІЯ, прекрасный городъ Келесиріи,— вступленіе въ нее императора Іоанна I, 34; разореніе имъ ея предмѣстій I, 49 и 50; торжественная встрѣча ею императора Мануила I, 136; потѣшныя битвы въ ней I, 137.

АНТІОХІЯ ФРИГІЙСКАЯ взята персами I, 247; избавилась отъ разоренія Кайхозроемъ II, 203 и 204.

АНТОНІЙ съ войскомъ при Акціумѣ II, 433.

АНХІАЛЪ—городъ II, 18; имѣетъ своего епарха II, 42; разграбленъ валахами II, 106; вновь укрѣпленъ II, 107.

АПОЛЛОНІЙ Тіанскій придумалъ въ свою бытность въ Византіи статую орла II, 435.

АПРОСЪ городъ,—наказанъ императоромъ Генрихомъ II, 387; разрушенъ скиѳами до основанія II, 399.

АРАБЫ идутъ на помощь Таміаѳу I, 211.

АРАБСКІЕ кони I, 237 и II, 202.

АРБЕЛЫ, —безуміе осаждать ихъ I, 358.

АРГО—корабль аргонавтовъ I, 126.

АРГОСЪ городъ, во власти Сгура II, 365; завоеванъ латинянами II, 372.

АРГУСЪ многоокій II, 137; I, 330.

АРЕЙ губитель людей I, 177; поясъ его II, 300.

АРЕѲУЗА источникъ сицилійскій II, 372 и 373.

АРЗАКИДЫ—древняя династія I, 43.

АРКАДІОПОЛЬ городъ II, 127; сопротивляется латинянамъ II, 377; оставленъ жителями II, 387; окончательно разрушенъ скиѳами II, 401.

АРКЛА, башня,—прежде называлась Дамалисъ I, 265.

АРМАЛА, городъ II, 86 и 89.

АРМЕНІАКИ,—вторженіе въ ихъ область варваровъ I, 42 и 43.

АРМЕНІЯ, область I, 28; II, 81.
АРМЯНЕ—побѣждены импер. Іоанномъ I, 28; ведутъ съ аллеманами торговлю и согласны съ ними во многихъ еретическихъ ученіяхъ II, 64; дружелюбно встрѣчаютъ импер. Фридерика II, 64 и 81.
АРСАНЪ персидскій эмиръ II, 88 и 206.
АРТЕМОНЪ неутомимый II, 187.
АРТИНІЯ, новое названіе Этоліи I, 93.
АРХИЖУПАНЪ Вакхинъ,—его единоборство съ царемъ Мануиломъ I, 117.
АРХИЛОХЪ,—его изреченіе I, 296.
АСАНЪ—является къ импер. Исааку II, 19; производитъ возстаніе между мизійцами II, 22 и 24; собираетъ войско изъ скиѳовъ II, 26; управляетъ набѣгами валаховъ II, 57; его жена взята имп. Исаакомъ въ плѣнъ II, 58; онъ отвергаетъ предложеніе имп. Алексѣя III о мирѣ II, 155; его рѣчь войску II, 156—159; его побѣды, безпощадность къ римлянамъ и его смерть II, 160—164.
АСКАНІЙСКОЕ озеро II, 424.
АСПИДЪ—статуя II, 440.
АСПІЕТЪ АЛЕКСѢЙ взятъ валахами въ плѣнъ II, 156; провозглашенъ филиппопольцами государемъ II, 397; казненъ Іоанномъ мизійскимъ II, 398 и 418.
АСПІЕТЪ КОНСТАНТИНЪ ведетъ войну съ валахами; ослѣпленъ II, 98.
АСПІЕТЪ МИХАИЛЪ ведетъ войну съ персами I, 247; убитъ на сраженіи I, 250.
АССИРІЯ—II, 351; ассирійская конница I, 211.
АСТАКИНСКІЙ заливъ II, 11 и 257.
АСТЕРИСЪ островъ I, 109.
АСТРОЛОГІЯ—I, 66 и 121; страсть къ ней импер. Мануила I, 121 и 197; довѣріе другихъ императоровъ II, 258 и 144; презрѣніе къ ней Андр. Контостефана I, 196 и 197; отреченіе отъ нея импер. Мануила I, 285.
АТАПАКЪ персидскій полководецъ, опустошаетъ Фригію I, 247; убитъ на войнѣ I, 248 и 249.
АТРАМИТТІЙ городъ I, 191 и 355; ограбленъ Кафуромъ II, 181; осажденъ Генрихомъ II, 361.
АТТАЛІЯ городъ I, 47; осаждена иконійскимъ султаномъ I, 336; во власти Алдебрандина II, 412; осаждена Кайхозроемъ II, 413 и 414.
АТТИКА—II, 371.
АФАМЕЯ II, 218; дворецъ афамейскій II, 191.
АФРОДИТА статуя II, 429; богиня покровительница Елены II, 437.
АХАІЯ,—вторженіе въ нее латинянъ II, 372.
АХЕРОНЪ рѣка I, 171 и II, 393.

АХИЛЛЕСЪ уврачевалъ Тилефа II, 194.
АХРИДА городъ II, 72.
АЯКСЪ,—II, 98; его щитъ I, 213.
АѲИНА—статуя II, 300.
АѲИНЫ, — неудачная осада ихъ Сгуромъ II, 367; взятіе латинянами II, 410 и 371.
АѲИРА городъ II, 268; разрушенъ скиѳами II, 401, 402 и 406.
АѲОНЪ гора I, 104; II, 141.

Б.

БАЛДУИНЪ, король палестинскій, мужъ Ѳеодоры Комниной I, 180.
БАЛДУИНЪ, братъ Ксеніи, супруги царя Мануила, I, 218; убитъ на войнѣ съ персами I, 231 и 232.
БАЛДУИНЪ, графъ Фландрскій, въ союзѣ съ дожемъ Дандуло II, 271; сражается съ Мурцуфломъ II, 313; провозглашенъ императоромъ константинопольскимъ II, 353; человѣкъ богобоязненный II, 354; становитъ гарнизоны въ римскихъ городахъ II, 355; заключаетъ договоръ съ Ѳессалоникою II, 357; возвращается въ Византію и мирится съ Бонифатіемъ II, 358; посылаетъ войско въ Азію II, 360; противъ возставшихъ городовъ Ѳракіи II, 376; осаждаетъ Адріанополь II, 378; взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Терновѣ II, 380; его несчастная смерть II, 418.
БАРИ, тоже, что Авлонія,—I, 116.
БЕОТІЯ,—римская область,—съ радостію встрѣчаетъ Бонифатія II, 371.
БЕРИТЪ завоеванъ сыномъ импер. Фридерика II, 83.
БЛУА ЛЮДОВИКЪ, графъ II, 271; въ походѣ противъ Адріанополя II, 378; убитъ на сраженіи съ скиѳами II, 380.
БОГОМАТЕРЬ: моленіе къ ея иконѣ импер. Іоанна I, 20; тріумфъ ея иконы I, 24 и 25; I, 202 и 203; ея икона—Одигитрія II, 34; преданность ея иконамъ имп. Исаака II, 124 и 135.
БОЕМУНДЪ (Ваймундъ),—походъ его въ Палестину I, 12.
БОЛГАРІЯ составляла въ древности одно владѣніе съ Мизіею II, 26; болгарскій архипастырь I, 335; статуя болгара II, 421 и 431.
БОЛГАРОКТОНЪ ВАСИЛІЙ, императоръ римскій,—его завѣщаніе II, 25.
БОНИФАТІЙ маркизъ монферратскій II, 35; заключаетъ союзъ съ дожемъ Дандуло II, 271; особо помогаетъ импер. Алексѣю IV,—II, 296; обойденъ при избраніи латинянами императора II, 353 и 354; женится на вдовѣ импер. Исаака II, 356; ссорится съ имп. Балдуиномъ II, 356; провозглашаетъ императоромъ Исаакова сына Мануила II, 357; примиряется съ Балдуиномъ и занимаетъ Ѳессалонику II, 358; расширяетъ кругъ своихъ новыхъ владѣній II, 359; обращаетъ въ бѣгство Сгура II, 365; о-

владѣваетъ Беотіею, Аттикою, Евбеею, Пелопонезомъ II, 371—372; осаждаетъ Акрокоринѳъ II, 373 и 374; наказываетъ возстаніе ѳессалоникійцевъ II, 385; побѣды надъ нимъ Іоанна мизійскаго II, 386; кругъ его владѣній II, 411.

БРИНДИЗИ см. Врентисій.

БѢЛА (Вела), сынъ Яцы (Гейзы) короля венгерскаго I, 162; король венгерскій I, 343; опустошаетъ окрестности Ниса и Враницовы I, 353; выдаетъ дочь свою Марію за импер. Исаака II, 18 и 356; соединяется съ импер. Исаакомъ около рѣки Савы II, 107; см. Алексѣй венгерскій.

БѢЛЫЕ паруса—знакъ радости I, 213.

БѢСНОВАТЫЕ возбуждаютъ валаховъ къ возмущенію противъ римлянъ II, 22.

В.

ВААЛЪ I, 330.

ВАВАНЪ гора II, 170.

ВАКА крѣпость I, 28.

ВАКТУНЬЕ мѣстечко II, 231.

ВАКХИНЪ архижупанъ сербскій I, 117.

ВАКХЪ, его статуи I, 401.

ВАЛАХИ назывались прежде мизійцами,—варвары Эма II, 18; открытое возстаніе ихъ за угонъ своихъ стадъ II, 19; трусы, одушевленные бѣсноватыми, II, 22 и 23; ихъ войны, пораженія и побѣды: II, 24, 52, 55, 99, 106, 107, 110, 111, 127, 155, 159, 161, 165, 190, 245, 379, 397, 400, 404, 424.

ВАЛАХІЯ ВЕЛИКАЯ—гористая мѣстность Ѳессаліи II, 411.

ВАЛТАСАРЪ II, 333,

ВАЛЬСАМОНЪ ІОСИФЪ, зять Агіоѳеодорита, въ разногласіи съ Михаиломъ Палеологомъ I, 74.

ВАЛЬСАМОНЪ ѲЕОДОРЪ,—патріархъ антіохійскій, знаменитый законовѣдъ II, 68; обманутъ импер. Исаакомъ II, 69.

ВАРИНЪ славянинъ, помогаетъ Петру де Плашесъ II, 416.

ВАРНА покорена валахами II, 106; возстановлена импер. Исаакомъ II, 107; снова взята и разрушена валахами II, 263.

ВАСИЛАКЪ НИКИФОРЪ, толкователь посланій ап. Павла,—его низложеніе I, 273.

ВАСИЛИСКЪ статуя II, 440 и 441.

ВАСИЛЬЮШКА прорицатель II, 130—133.

ВАСТРАЛИТЪ, оруженосецъ, исполняетъ приговоръ надъ молодымъ Ватацемъ II, 189.

ВАТАЦЪ АЛЕКСѢЙ, КОМНИНЪ, сынъ Іоанна Ватаца Комнина I, 337; воюетъ противъ Лапарды I, 337; ищетъ убѣжища въ Иконіи I,

338; захваченъ на о. Критѣ и ослѣпленъ импер. Андроникомъ II, 339; двоюродный племянникъ импер. Исаака, въ санѣ наварха посланъ съ флотомъ въ Кипръ II, 20; взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Сицилію II, 21.

ВАТАЦЪ АНДРОНИКЪ, племянникъ по матери импер. Мануилу Комнину, братъ Іоанна Ватаца Комнина,—убитъ персами па сраженіи I, 233.

ВАТАЦЪ ВАСИЛІЙ, супругъ двоюродной сестры импер. Исаака II, 59, —родной сестры Константина Ангела, двоюроднаго брата Исаакова, II, 109; доместикъ востока и дуксъ Ѳракисіи, хотя не высокаго происхожденія,—преслѣдуетъ Манкафу II, 59; великій доместикъ запада,—порицаетъ возстаніе Константина Ангела II, 109; погибъ на сраженіи съ валахами II, 127.

ВАТАЦЪ ІОАННЪ, КОМНИНЪ, племянникъ по матери импер. Мануила Комнина, одерживаетъ побѣду надъ персами I, 247 и 248; великій доместикъ, правитель Ѳракисіи,—обличаетъ Андроника I, 315; мужъ искусный въ военномъ дѣлѣ,—неоднократно побѣждалъ персовъ I, 336; мужественно противится Андронику I, 336 и 337; орелъ I, 338; его дѣти I, 337; его смерть I, 338.

ВАТАЦЪ МАНУИЛЪ, КОМНИНЪ, сынъ Іоанна Ватаца Комнина I, 337; въ сраженіи противъ Лапарды I, 337; ищетъ убѣжища въ Иконіи I, 338; захваченъ на о. Критѣ и ослѣпленъ Андроникомъ I, 339.

ВАТАЦЪ N. N., молодой человѣкъ, усыновленъ импер. Алексѣемъ III; любимецъ импер. Евфросиніи,—убитъ Вастралитомъ II, 189 и 190.

ВАТРАХОКАСТРЪ,—мѣсто лагеря II, 231.

ВАѲИРІАКСЪ, мѣсто храма мученика Ѳеодора I, 298.

ВАѲИСЪ (или Ваѳъ), рѣка I, 85 и II, 207.

ВЕЛА см. Бѣла

ВЕЛЕГРАДЪ, городъ I, 129; I, 161; I, 343.

ВЕЛЛЕРОФОНТЪ, статуя II, 420 и 430; герой, бѣжавшій въ пустыню, II, 423.

ВЕМПЕЦЪ, городъ I, 35.

ВЕНГЕРКА, статуя I, 193.

ВЕНГРЫ см. Гунны.

ВЕНЕЦІЯНЕ (Венетики, Енеты), скитальцы—промышленники, взросшіе на морѣ, финикіяне хитрые I, 219; въ союзѣ съ импер. Мануиломъ I, 98, 99, и 257; ссорятся и мирятся съ римлянами при Керкирѣ I, 108—111; во множествѣ живутъ въ римскихъ областяхъ I, 219 и 220; ограблены въ Константинополѣ I, 220 и 221; воюютъ съ римлянами I, 221; заключаютъ союзъ противъ римлянъ съ Сициліею и выгодный миръ съ римлянами I, 222 и 223; часто ссорятся съ пизанцами II, 270; новыя неудовольствія ихъ противъ римлянъ II, 270; приготовленіе къ вой-

нѣ II, 272; война ихъ съ римлянами II, 275 и слѣд.; половинная доля ихъ избирателей при выборѣ императора константинопольскаго II, 358; право ихъ поставлять латинскаго патріарха въ Константинополѣ II, 426 и 427.

ВЕРРЕЯ, древнее имя сирійскаго города Халепа I, 35.

ВЕРРЕЯ,—городъ, лежавшій вблизи города Серръ и Ѳессалоники, поступилъ во власть Іоанна мизійскаго II, 386.

ВЕРРОЯ (Вероя и также, вѣроятно, Ворея), городъ I, 19; II, 54; II, 102 и 108; II, 425.

ВИДИНЪ, городъ II, 128.

ВИЗАНТІЯ зоветъ къ себѣ Аполлонія Тіанскаго II, 435; издавна славится пьянствомъ II, 51; въ совершенствѣ представляетъ собою древній городъ Сибарисъ II, 275; см. Константинополь.

ВИЗІЯ, городъ Ѳракіи II, 214; покорна латинянамъ II, 377; уцѣлѣла отъ разоренія скиѳами II, 403.

ВИКАНЪ, мѣстность въ Константинополѣ, II, 295.

ВИЛОСУДЬИ, или судьи Вила I, 340; II, 75.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, король сицилійскій I, 218 и 219; война его противъ римлянъ I, 317 и слѣд.; его письмо къ импер. Исааку Ангелу II, 12; его потомство II, 85 и 181.

ВИТИКЛИНЪ, отецъ патріарха Досиѳея II, 66.

ВИѲИНІЯ, область съ главнымъ городомъ Никеею,—освобождена изъ подъ власти персовъ I, 12; возстаніе ея противъ Андроника I, 345; переселеніе въ нее Никиты Хоніата II, 424.

ВЛАДИСЛАВЪ, братъ, Яцы (Гейзы), короля венгерскаго, I, 159.

ВЛАНГА, домъ Андроника I, 165.

ВЛАХЕРНЫ, мѣстность въ Константинополѣ II, 258,—омываемая заливомъ I, 403; водопроводъ во Влахернахъ I, 415.

ВОЗНИЦЫ, статуя II, 439.

ВОЛКЪ, братъ Стефана князя трибалльскаго II, 261 и 262.

ВОЛЧИЦА статуя II, 434.

ВОРЕЯ городъ II, 425; см. Верроя.

ВОРОНОВЫ ГНѢЗДА—двѣ вершины горъ I, 51.

ВОРОТА города Константинополя, см. Константинополь.

ВОСПОРЪ, часть города Константинополя II, 31.

ВРАНА АЛЕКСѢЙ, начальникъ римскихъ легіоновъ, пользуется благосклонностію импер. Андроника I, 353; усмиряетъ городъ Лопадіи I, 357; одерживаетъ побѣды надъ сицилійцами II, 4 и слѣд.; домогается царскаго престола II, 27—29; ведетъ свой родъ изъ Адріанополя,—осаждаетъ Константинополь II, 28 и слѣд.; убитъ на сраженіи кесаремъ Конрадомъ II, 42; его супруга, племянница царя Мануила, была украшеніемъ своего пола II, 44.

ВРАНА ДИМИТРІЙ, начальникъ флота при импер. Мануилѣ I, 68.

ВРАНА ІОАННЪ, защитникъ города Епидамна, взятъ въ плѣнъ сици-

лійцами I, 400.
ВРАНА МИХАИЛЪ, воевалъ съ венграми, — даетъ отзывъ о Михаилѣ Гаврѣ I, 168 и 169.
ВРАНА ѲЕОДОРЪ, сынъ Алексѣя Враны, начальникъ наемныхъ алановъ II, 72; содѣйствуетъ возшествію на престолъ Алексѣя III Комнина II, 134; посланъ съ войскомъ на помощь Дадиврѣ II, 170; управляетъ окрестностями Чурула и Куперія II, 213; по просьбѣ римлянъ назначенъ латинянами управлять Адріанополемъ II, 398, 417 и 425; былъ разбитъ съ своимъ отрядомъ войска скиѳами II, 400 и 401.
ВРАНИЦОВА, городъ I, 161 и 343; была опустошена гуннами I, 22.
ВРЕНТИСІЙ, городъ въ Италіи I, 92 и 120.
ВРІАРЕЙ сторукій II, 187.
ВРІЕННІЙ АЛЕКСѢЙ, КОМНИНЪ, сынъ кесаря Никифора Вріеннія и кесариссы Анны Комниной II, 93; великій дуксъ флота, посланъ противъ Сициліи и взятъ въ плѣнъ I, 120.
ВРІЕННІЙ АНДРОНИКЪ, КОМНИНЪ, сынъ Алексѣя Вріеннія Комнина, управляетъ Ѳессалоникою II, 93; по подозрѣнію ослѣпленъ императоромъ Исаакомъ Ангеломъ II, 94; сынъ его лишенъ зрѣнія за мятежъ II, 98 и 99.
ВРІЕННІЙ НИКИФОРЪ, супругъ кесариссы Анны Комниной I, 5; македонянинъ по своему происхожденію изъ Орестіи, т. е. Адріанополя, I, 7; заговоръ противъ императора Іоанна въ его пользу I, 13; негодованіе его жены на его безпечность I, 14.
ВСАДНИКЪ, статуя II, 439.

Г.

ГАВАОНЪ II, 430.
ГАВРЪ КОНСТАНТИНЪ, владѣтель трапезунтскій I, 43; посредникъ между императоромъ Мануиломъ и султаномъ Кличъ-Асѳланомъ I, 153.
ГАВРЪ МИХАИЛЪ, супругъ Евдокіи Комниной, любовницы Андроника, трусливый полководецъ I, 168 и 169.
ГАВРЪ, посолъ султана Кличъ-Асѳлана къ имп. Мануилу I, 242.
ГАДИРСКІЯ ВОРОТА I, 401; Гадиръ II, 351.
ГАЛИЦА (Галиція), одна изъ топархій русскихъ I, 163 и 167; II, 246.
ГАНГРА, завоевана императоромъ Іоанномъ I, 26; снова перешла въ руки персовъ I, 27.
ГАНЪ, гора, населенная монастырями, II, 224.
ГАРПІИ I, 360.
ГЕКТОРЪ I, 30.
ГЕЛЛЕСПОНТЪ I, 322.

ГЕНРИХЪ, братъ константинопольскаго императора Балдуина, — его походъ въ Азію II, 360—364; возвращеніе II, 381; присутствіе въ совѣщаніи II, 386; походъ къ Адріанополю II, 387—393; избраніе въ императоры II, 417; вступленіе на престолъ и походъ противъ валаховъ II, 424 и 425.

ГЕНРИХЪ, императоръ аллеманскій, сынъ Фридерика, — завоеваніе имъ Италіи и Сициліи II, 171; посольство его къ императору Исааку Ангелу II, 172; вторичное посольство къ императору Алексѣю III Комнину II, 173; его смерть, характеръ, жестокости II, 178—180.

ГЕНУЯ въ союзѣ съ римлянами I, 257; генуэзскіе пираты овладѣли Критомъ II, 413.

ГЕОРГІЙ мученикъ II, 212; I, 245.

ГЕОРГІЙ СЕВАСТЪ, братъ первой супруги императора Андроника I, 344.

ГЕРАРДЪ, князь антіохійскій I, 137.

ГЕРКУЛЕСЪ—у Өіеста I, 406; статуя его высѣчена императрицею Евфросиніею II, 241; произведеніе Лизимаха II, 431—433; геркулесовская чаша I, 144.

ГЕРМАНЦЫ—сѣкироносная придворная гвардія римскихъ императоровъ I, 320; римскій гарнизонъ изъ германцевъ въ Керкирѣ I, 113.

ГЕӨЪ, городъ I, 165.

ГИДЪ АЛЕКСѢЙ, доместикъ запада, по порученію императора Исаака слѣдитъ за войскомъ императора Фридерика II, 63; разбитъ валахами II, 127.

ГИДЪ АНДРОНИКЪ, полководецъ Ласкариса, нанесъ пораженіе латинянамъ II, 415 и 416.

ГИМНЫ, жители Керкиры, сдаютъ островъ Рожеру сицилійскому I, 92.

ГИНКЛАРІЙ, городъ, II, 77.

ГИРКАНІЯ II, 351.

ГІЭЛІЙ, городъ I, 248.

ГНЮСЪ, рыба, отнимающая силу въ рукахъ, I, 215.

ГОРГОНА,—голова ея II, 300.

ГРАОСГАЛА, городъ I, 251.

ГРЕКИ—синонимъ лживости и лукавства II, 325; синонимъ льстивости II, 356.

ГРОБНИЦЫ царскія — II, 177.

ГРОМЪ, по гадательной книгѣ—«паденіе мудрыхъ»,—I, 274.

ГУМНОЖЕГЪ, прозваніе самозванца Алексѣя II, 88.

ГУННЫ (венгры, пэонійцы, паннонцы) опустошаютъ Враницову I, 22; поражены императоромъ Іоанномъ I, 23; въ союзѣ съ сербами побѣждены императоромъ Мануиломъ I, 117 и слѣд.; снова въ союзѣ съ сербами I, 127; поражаютъ римлянъ и заключаютъ съ ними миръ I, 118 и 119; отвергаютъ наслѣдника гуннскаго

престола, Стефана, за родство съ императоромъ Мануиломъ I, 161; это было причиною многихъ войнъ I, 162; гунны берутъ Зевгминъ I, 163; побѣждаютъ Гавра и Врану I, 168; теряютъ Зевгминъ I, 169—172; снова въ войнѣ съ римлянами I, 193; побѣждены Андроникомъ Контостефаномъ I, 196—201; избираютъ въ короли Алексѣя (Бѣлу) I, 218.

Д

ДАВИДЪ, правитель Өессалоники,—см. Комнинъ Давидъ.
ДАДИВРА,—завоеваніе этого города персами II, 169.
ДАДИВРИНЪ ӨЕОДОРЪ, убійца императора Алексѣя II Комнина I, 350; наказанъ императоромъ Андроникомъ I, 417.
ДАДУНЪ, зять Масута, правитель Кесаріи и Севастіи I, 147; изгнанъ изъ своего удѣла Кличъ-Асөланомъ I, 154.
ДАЛМАТСКІЕ государи II, 262.
ДАМАЛИСЪ—древнее названіе Арклы I, 265; мѣстность, гдѣ находился скутарійскій дворецъ, I, 278.
ДАМОКРАНІЯ, городъ II, 268 и 269.
ДАМАТРІЙ, загородный дворецъ римскихъ императоровъ II, 276.
ДАНАЯ, дочь Акрисія I, 73.
ДАНДУЛО ГЕНРИХЪ, дожъ Венеціи,—его характеръ, враждебность къ римлянамъ и приготовленія къ походу противъ нихъ II, 270 и 271; настаиваетъ на осадѣ Ядары II, 273; участвуетъ въ осадѣ Константинополя II, 275 и слѣд.; вступаетъ въ переговоръ съ императоромъ Дукою Мурцуфломъ II, 313; распоряжается избраніемъ латинскаго императора въ Константинополѣ II, 352; доставляетъ престолъ Балдуину II, 353 и 354; отправляется въ походъ къ Адріанополю II, 378; послѣ пораженія латинянъ спасается бѣгствомъ II, 380 и 381; его смерть II, 387.
ДАОНІЙ, городъ,—бѣдствуетъ отъ латинянъ II, 381; разрушенъ скиөами II, 400.
ДАРІЙ обращаетъ въ рабство еретрійцевъ I, 125.
ДАСІОТЪ ӨЕОДОРЪ, супругъ племянницы императора Мануила, дочери брата его Андроника,—взятіе его въ плѣнъ персами I, 65.
ДЕВЕЛЬТЪ, городъ II, 283, 286 и 296.
ДЕВТЕРЪ, мѣстность въ Константинополѣ II, 281.
ДЕСЕ, архижупанъ Сербіи I, 173; барсъ для римлянъ I, 174.
ДИДИМОТИХЪ, покорился латинянамъ II, 355; захваченъ и укрѣпленъ маркизомъ Бонифатіемъ II, 356; оставленъ имъ II, 358; избиваетъ всѣхъ латинянъ II, 376; выдерживаетъ осаду Генриха II, 393; осаду Іоанна мизійскаго II, 404—406; зоветъ латинянъ на помощь II, 406; разоренъ валахами и скиөами II, 424.

ДИМИТРИЦА, мѣстечко II, 6.
ДИМИТРІЙ, мученикъ,—источеніе мура изъ его гробницы I, 388; не хочетъ жить съ римлянами и, оставивъ Ѳессалонику, приходитъ къ болгарамъ II, 22; храмъ во имя его II, 22.
ДИПЛОКІОНЪ, мѣстность въ Константинополѣ II, 136, 267 и 276.
ДИРКА, ѳивскій источникъ I, 94.
ДИРРАХІЙ см. Епидамнъ.
ДИСИПАТЪ ГЕОРГІЙ, чтецъ великой церкви I, 396.
ДІОГЕНЪ РОМАНЪ, римскій императоръ,—взятіе его въ плѣнъ сезерскими сарацинами I, 39.
ДІОНИСІЙ, полководецъ венгерскій,—побѣда его надъ римлянами I, 168; неоднократно разбивалъ римлянъ I, 196; побѣжденъ ими I, 199—201.
ДІОСКОРЫ БРАТЬЯ—II, 136.
ДОКІЯ, удѣльный городъ Рукратина II, 243.
ДОРИЛЕЙ,—возстановленіе этого города императоромъ Мануиломъ I, 225; предметъ спора между римлянами и персами I, 243 и 246; назначенъ Кличъ-Асѳлэномъ въ удѣлъ Масуту II, 243.
ДОСИѲЕЙ, монахъ, пользуется вліяніемъ на императора Исаака, предсказавъ ему вступленіе на престолъ, II, 66 и 70; возведенъ въ іерусалимскіе патріархи II, 66; переведенъ на константинопольскую каѳедру II, 69; низверженъ, возстановленъ и опять низверженъ II, 69 и 70.
ДОЧЕРИ СОЛНЦА I, 47.
ДРАМА, городъ II, 94 и 96.
ДУКА АЛЕКСѢЙ МУРЦУФЛЪ, домогаясь престола, не боится войны съ латинянами II, 304; низвергаетъ съ престола императора Алексѣя IV Комнина II, 307; вступаетъ на императорскій престолъ II, 308; арестуетъ Канавоса и умерщвляетъ императора Алексѣя IV Комнина—II, 309; его характеръ, стремленія и дарованія II, 310 и 311; борьба его съ латинянами и съ своими родственниками II, 312; пораженіе латинянами и напрасные переговоры съ ними II, 313; послѣдняя защита имъ Константинополя II, 315—317; бѣгство его съ императрицею Евфросиніею и дочерью ея Евдокіею II, 318; бракъ съ Евдокіею II, 369; ослѣпленіе ея отцемъ, преданіе суду латинянами и смерть II, 370.
ДУКА АНДРОНИКЪ, угодливый прислужникъ императора Андроника I, 372; другъ Исаака Комнина, владѣтеля кипрскаго, I, 370; осужденъ за оскорбленіе величества и повѣшенъ I, 372 и 374.
ДУКА АНДРОНИКЪ, молодой человѣкъ, — по приказу императора Алексѣя III дѣлаетъ набѣгъ на стада эмира Арсана II, 206.
ДУКА ИСААКЪ, см. Ангелъ Исаакъ Дука.
ДУКА ІОАННЪ, римскій полководецъ противъ сицилійцевъ, питомецъ Марса и Меркурія, взятъ въ плѣнъ I, 120.
ДУКА ІОАННЪ, великій этеріархъ, примиряетъ распрю между лица-

ми царскаго дома въ царствованіе Алексѣя II Комнина, — I, 309 и 310.
ДУКА ІОАННЪ, см. Ангелъ Іоаннъ Дука.
ДУКА ІОАННЪ, дромологоѳетъ въ царствованіе Исаака Ангела, посолъ къ императ. Фридерику II, 62; виновникъ недоразумѣній между ними II, 62 и 63.
ДУКА КОНСТАНТИНЪ, молодой человѣкъ, обѣщавшій большія надежды, посланъ имп. Мануиломъ противъ персовъ I, 247.
ДУКА ѲЕОДОРЪ, соперникъ Ѳеодора Ласкариса, напрасно домогается избранія на престолъ II, 318 и 319.

Е.

ЕВАНГЕЛІЕ,—принесеніе предъ нимъ присяги въ вѣрности I, 56.
ЕВБЕЯ, островъ, — снаряжаетъ корабли противъ Таміаѳа I, 206; выдерживаетъ осаду венеціянъ I, 221; покорилась латинянамъ II, 371 и 372; досталась въ раздѣлъ кампанцамъ II, 410.
ЕВКЛИДЪ II, 355; II, 173.
ЕВКСИНЪ, или Евксинскій Понтъ II, 253 и 254.
ЕВРИПЪ, городъ на о. Евбеѣ I, 221; проливъ евбейскій II, 372.
ЕВРИСѲЕЙ, гонитель Геркулеса II, 241 и 242; II, 432.
ЕВРОПА,—похищеніе ея Зевсомъ I, 181.
ЕВРЪ рѣка II, 393 и 404.
ЕВСТАѲІЙ, епископъ диррахійскій I, 273.
ЕВСТАѲІЙ, знаменитый добродѣтелями и ученостію архіепископъ ѳессалоникскій I, 390 и 391.
ЕВСТРАТІЙ, воинъ македонскаго легіона, побѣдитель въ единоборствѣ Константина армянина I, 29—31.
ЕВТИХІЙ, свѣтильникъ Церкви,—ученіе его объ евхаристіи II, 235.
ЕВФРАТЪ рѣка I, 34; II, 104.
ЕВФРОСИНІЯ, мать импер. Исаака Ангела I, 359; изъ рода Кастамонитовъ II, 112.
ЕВФРОСИНІЯ, супруга импер. Алексѣя III, изъ рода Каматировъ II, 187; усмиряетъ Константинополь II, 141—143; ея роскошь, поведеніе и характеръ II, 148—150; ея рѣшимость прекратить взяточничество II, 185; возвышеніе ею Константина Месопотамскаго II, 186; возстаніе противъ нея ея родственниковъ II, 187; обвиненіе ея въ преступной связи съ Ватацемъ II, 188 и 189; ея мольбы о помощи II, 191; осужденіе ея и заключеніе въ монастырь II, 192 и 193; возвращеніе ея и могущество II, 194 и 195; заботы по случаю болѣзни мужа II, 209; разрушеніе ею заговора Контостефана II, 240 и 241; ея безпутства II,

241—242; арестъ II, 287; бѣгство изъ Константинополя II, 318; жизнь въ Алмирѣ II, 374; ссылка за море въ Алламанію II, 385.
ЕВХАРИСТІЯ,—вопросъ въ ученіи объ этомъ таинствѣ II, 233—238.
ЕВѲИМІЙ, епископъ Новыхъ Патръ I, 417.
ЕГИПЕТЪ,—египетская экспедиція римлянъ I, 205 и слѣд.; египетскій эмиръ I, 206; египетскій султанъ II, 202.
ЕДЕССА осаждена персами I, 38; едесскій графъ получаетъ въ подарокъ отъ импер. Іоанна городъ Пизу I, 35.
ЕКЗОКІОНІЙ, мѣстность въ Константинополѣ I, 316.
ЕЛЕНА аргивская I, 212; статуя ея II, 436—439.
ЕЛЛАДА,—I, 74; завоеваніе ея латинянами II, 359 и 371; платитъ подати маркизу Бонифатію II, 411.
ЕЛИСЕЙ ПРОРОКЪ II, 423.
ЕЛПУМЪ, скиѳъ, сторонникъ и помощникъ Алексѣя Враны II, 40.
ЕМПЕДОКЛЪ,—его разсказы о враждѣ I, 332.
ЕНДИМІОНЪ пріятно спитъ II, 335.
ЕПИДАМНЪ, иначе Диррахій, взятъ войсками Вильгельма короля сицилійскаго I, 377; епидамнскіе корабли I, 206; оставленъ сицилійцами II, 9; провозглашаетъ Алексѣя, сына импер. Исаака, императоромъ II, 275; составляетъ владѣніе Михаила, сына севастократора Іоанна Ангела, II, 410 и 411.
ЕПИКИДИДЪ,—изреченіе ему Пиѳіи I, 246.
ЕПИМЕТЕЙ глупѣе Прометея II, 49; думаетъ о дѣлѣ послѣ его совершенія I, 207.
ЕРЕТРІЙЦЫ обращены въ рабство Даріемъ I, 125.
ЕФЕСЪ городъ I, 286; входитъ во владѣнія Ѳеодора Ласкариса II, 411.
ЕХЕТЪ, извергъ I, 395.
ЕЦІИСМЕНЪ, валахъ, правитель Просака II, 384.

Ж.

ЖОФФРУА, маршалъ, миритъ маркиза Бонифатія съ импер. Балдуиномъ II, 358.
ЖУПАНЪ СЕРБСКІЙ разорилъ Скопіи; побѣжденъ импер. Исаакомъ II, 107.

З.

ЗАКА—персидскій военачальникъ,—производитъ нападеніе на римлянъ I, 39.
ЗАГОРЬЕ, мѣстность, гдѣ живутъ болгары, или мизійцы, и валахи II, 57 и 231.

ЗАПИСКИ, пересылаемыя посредствомъ стрѣлъ, I, 172; I, 365.
ЗВѢЗДЫ, видѣнныя днемъ, II, 37.
ЗЕВГМИНЪ взятъ импер. Іоанномъ I, 22 и 23; чрезвычайно сильная крѣпость, нынѣ называемая Сирміемъ, I, 118; сдается гуннамъ на капитуляцію I, 163; возвращенъ римлянами I, 169—172.
ЗЕВКСИППЪ, мѣсто, гдѣ былъ Ефоровъ монастырь, I, 444.
ЗЕВСЪ—I, 181, 97, 393, 293.
ЗИНЦИФИЦЪ, безобразный кривляка въ циркѣ I, 399.
ЗЛАТОНОГАЯ, аллеманская амазонка I, 77.
ЗЛАТОУСТЪ ІОАННЪ I, 325; его изреченія о таинствѣ евхаристіи II, 235.
ЗМѢЙ, статуя II, 435; змѣй обольститель I, 189; магическое привидѣніе I, 190.
ЗНАМЕНІЯ,—II, 37, 338 и 409.
ЗУБРЪ, животное,—его наружный видъ; водится преимущественно у тавроскиѳовъ I, 420.

И.

ИВАНКО, то есть Іоаннъ, убиваетъ Асана II, 161 и 162; овладѣваетъ Терновомъ II, 163; ищетъ помощи римлянъ II, 164; перебѣгаетъ на ихъ сторону II, 165; пріемъ его царемъ Алексѣемъ III, его наружность, характеръ и дѣятельность на пользу римлянъ II, 167 и 168; новое его имя — Алексѣй II, 227; его мятежъ и борьба съ римлянами, II, 227—232; лютость къ плѣнникамъ II, 233; плѣнъ и заключеніе въ оковы II, 239 и 240.
ИВЕРІЯ,—часть ея покорена Магометомъ кесарійскимъ I, 43; восточные иверійцы въ войскѣ римлянъ II, 37; иверійцы, населяющіе берега Фазиса, нанимаются въ войско Давида Комнина II, 396; иверская ткань I, 324.
ИВРИЦКІЕ ДЕФИЛЕИ,—I, 230.
ИДА, гора II, 361.
ИДРАЛА, рѣчка I, 415.
ИЗМАИЛЪ, сынъ Авраама I, 56.
ИЗМАИЛЬТЯНЕ—въ войскѣ римлянъ II, 37; владѣютъ Палестиною II, 104; при завоеваніи ея поступили милостиво съ латинянами II, 325 и 326; тоже, что агаряне, или сарацины.
ИЗРАИЛЬ, народъ I, 89; II, 395.
ИКОНІЯ, столичный городъ иконійской сатрапіи I, 40; окружена садовыми рвами, канавами и каменными оградами II, 78; осада ея импер. Мануиломъ I, 69; взятіе ея аллеманами II, 79; иконійскіе турки или персы, см. Масутъ, Кличъ-Асѳланъ, Кайхозрой.
ИКОНЫ, -неуваженіе къ нимъ сицилійцевъ I, 380; отверженіе почи-

танія ихъ аллеманами и армянами II, 64; поруганіе ихъ латинянами II, 350; иконы Божіей Матери, украшенныя драгоцѣнностями, II, 124; мозаическія и живописныя изображенія архангела Михаила II, 120; Распятіе Христово II, 121; употребленіе иконъ при совершеніи тріумфовъ I, 24 и 202,—при торжественныхъ встрѣчахъ I, 39; II, 320; древняя икона ап. Павла, источающая слезы, I, 444; икона Богоматери, которую цари обыкновенно брали на сраженія, II, 313; икона Одигитрія II, 34.

ИКСІОНЪ, преслѣдователь Гэры I, 291.

ИЛ,—заповѣдный слогъ, опредѣлявшій число лѣтъ царствованія Мануила, I, 286.

ИЛАСЪ, котораго никто не видалъ, II, 396.

ИЛЕКТРА, дочь Агамемнона I, 219.

ИНУПОЛИТЪ ІОАННЪ ведетъ войну противъ Мануила Камица II, 226.

ИНЭЙ, городъ, входившій въ составъ владѣній Алексѣя Комнина трапезунтскаго, II, 412.

ИНЭОТЪ ГЕОРГІЙ, первенствующій эвнухъ при Алексѣѣ III Комнинѣ II, 217.

ИППОКРАТЪ КООССКІЙ II, 198 и 331.

ИРАКЛІЯ ПОНТІЙСКАЯ, — владѣніе Давида Комнина II, 396 и 397; II, 412, 414 и 415.

ИРИНА, супруга импер. Алексѣя I Комнина, очень любила дочь свою Анну I, 5; не любила сына своего, импер. Іоанна, I, 7; желаніе ея помѣшать воцаренію сына I, 6—9; I, 14 и 15.

ИРИНИКЪ ѲЕОДОРЪ, достойный государственный сановникъ II, 201.

ИРОДЪ дѣтоубійца I, 209.

ИРОЙ, мѣсто погребенія римскихъ царей I, 286; ирой при храмѣ Апостоловъ II, 428.

ИРЪ, нищій и бездомный I, 328.

ИСААКЪ, патріархъ израильскій I, 56.

ИСАВРІЯ, городъ и область I, 49; прозваніе исаврійцевъ разбойниками I, 136.

ИСАВЪ, сынъ Исаака I, 56.

ИСТМЪ, перешеекъ II, 372.

ИСТОРІЯ, лучше изобрѣтеніе еллиновъ II, 331; ея преувеличенія II, 91; ея достоинства и приличный ей слогъ I, 1—4.

ИСТРІЙ, городъ въ Месопотаміи, разрушенъ импер. Іоанномъ I, 36.

ИСТРЪ (Дунай), рѣка,—ее переходятъ гунны I, 22; легко переходятъ скиѳы I, 99; II, 24, 26 и 212.

ИТАЛІЙСКІЙ МИХАИЛЪ, ученѣйшій архіепископъ филиппопольскій I, 79; его вліяніе на импер. Конрада I, 79 и 80.

ИТАЛІЯ,—завоеваніе ея импер. Генрихомъ II, 172; склонность итальянскихъ городовъ къ союзу съ римлянами противъ аллемановъ I, 259; итальянцы — всадники и копьеносцы I, 136 и 137; упа-

ли духомъ при успѣхахъ скиѳовъ II, 403; поражены Андроникомъ Гидомъ II, 415 и 416; итальянцы—латиняне II, 416.
ИТАКА, островъ I, 109.

I.

I начальное, буква страшная для импер. Андроника I, 371; царская власть переходитъ не отъ А къ А, но отъ А къ I,—II, 95; I и С—буквы, начертанныя злымъ духомъ въ ознаменованіе преемника Андроникова, I, 427 и 428.
IАКОВЪ, сынъ Исаака патріарха I, 56.
IЕЛЛОКАСТЕЛЛІЙ, приморская крѣпость I, 354.
IЕРЕМІЯ пророкъ II, 336 и 423.
IЕРАКОКОРИФИТИСЪ, крѣпость, взятая имп. Іоанномъ, I, 18.
IЕРУСАЛИМЪ, — западные путешественники не имѣютъ безопаснаго пути къ нему I, 77; латиняне рѣшились обагрить мечи кровію его опустошителей II, 325; измаильтяне владѣли имъ II, 325; Іеремія оплакивалъ его участь II, 326; іерусалимляне, называемые фреріями, I, 369.
IИСУСЪ НАВИНЪ, статуя II, 421 и 430.
IОАННЪ, царь мизійскій, братъ царя Петра и Асана, взятъ былъ въ заложники импер. Исаакомъ Ангеломъ II, 58 и 165; спустя довольно долгое время убѣжалъ на родину и потомъ грабилъ римскія области II, 165 и 166; по смерти Асана сдѣланъ соправителемъ Петра II, 165; союзъ его съ Иванкою, или Алексѣемъ, II, 231; взятіе имъ Констанціи и Варны II, 263; мирный договоръ его съ импер. Алексѣемъ III Комнинымъ II, 267; бѣгство къ нему римлянъ II, 375; онъ побѣждаетъ латинянъ II, 376 — 381; беретъ Серры II, 383 и 384; снова побѣждаетъ латинянъ, беретъ Веррею и сопредѣльные города II, 385 и 386; бросилъ римлянъ, занявшись другими войнами, II, 387; разрушаетъ Филиппополь и казнитъ Алексѣя Аспіета II, 397 и 398; казнитъ плѣннаго импер. Балдуина по раздраженію противъ латинянъ, равно какъ всѣхъ плѣнниковъ римскихъ, II, 418 и 419; жестоко казнитъ своихъ измѣнниковъ и начинаетъ безпощадную войну съ римлянами II, 398; высылаетъ противъ римлянъ скиѳовъ II, 398; выступаетъ самъ въ походъ и безуспѣшно осаждаетъ Дидимотихъ II, 404 — 406; разоряетъ Дидимотихъ и старается овладѣть Адріанополемъ II, 424 и 404.
IОАННЪ, протовестіарій II, 222.
IОВЪ—I, 371; всепроизрастающая земля Іова II, 186.
IОЛАЙ, котораго призывалъ на помощь Геркулесъ, I, 406.
IОНІЙСКОЕ МОРЕ,—I, 219.

ІОНОПОЛИТЪ, эвнухъ, паракимоменъ, безуспѣшно ведетъ войну противъ киликійскаго самозванца II, 150 и 151.
ІОППІЯ, древнее названіе города Акры,—взята кесаремъ Конрадомъ II, 53; снова во власти измаильтянъ и осаждена сыномъ импер. Фридриха II, 83.
ІОРДАНЪ, рѣка I, 89.
ІОСИФЪ, обрученный мужъ Богоматери,—мѣсто, гдѣ онъ останавливался и жилъ во время бѣгства въ Египетъ, I, 209.
ІУДА, народъ II, 395; іудейское кладбище въ окрестностяхъ Константинополя I, 374.

К.

КАЗАНЪ ѲЕОДОРЪ, одинъ изъ начальниковъ римскаго войска, посланнаго на помощь Дадиврѣ, II, 170.
КАЙХОЗРОЙ, султанъ иконійскій, сынъ Кличъ-Асѳлана, по матери христіанинъ II, 243; предѣлы его владѣній II, 243; выдача имъ Манкафы II, 60; ненависть къ нему его братьевъ II, 61; изгнаніе его своими дѣтьми II, 77; оправданіе предъ импер. Фридерикомъ за непріязненныя дѣйствія своихъ дѣтей противъ аллемановъ II, 78; присвоеніе имъ арабскихъ коней, посланныхъ импер. Алексѣю, и извиненіе въ томъ II, 202; опустошеніе имъ городовъ по теченію рѣки Меандра II, 203; заботливость о плѣнникахъ II, 204—206; изгнаніе его изъ Иконіи братомъ Рукратиномъ II, 244; бѣгство къ римлянамъ, потомъ къ Левуну армянскому II, 244,—и опять къ римлянамъ II, 242 и 245; скромная жизнь между римлянами II, 245; снова овладѣлъ Иконіею и помогаетъ тестю своему Маврозому достигнуть римскаго престола II, 395; по договору съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ получаетъ часть римскихъ владѣній въ пользу Маврозома II, 412; безуспѣшно осаждаетъ Атталію II, 413 и 414.
КАЛАБРІЯ, область короля сицилійскаго I, 125; вторженіе въ нее римлянъ I, 120.
КАЛАМАНЪ, римскій полководецъ,—пораженіе его скиѳами и смерть I, 119.
КАЛАМАНЪ КОНСТАНТИНЪ, севастъ,—назначеніе его въ Арменію и отправленіе въ Антіохію для завлеченія Филиппы I, 178; его неудачи въ любви и въ войнѣ, плѣнъ и выкупъ царемъ Мануиломъ I, 179.
КАЛИДОНСКІЙ ВЕПРЬ, статуя II, 241; перенесеніе ея во дворецъ по астрологическимъ указаніямъ II, 299 и 300.
КАЛЛІОПОЛЬ, мѣсто переправы аллемановъ изъ Европы въ Азію II, 75; тоже, что Каллиполь, приморскій городъ, II, 360.

КАЛОМОДІЙ, банкиръ, — покушеніе царскихъ казначеевъ ограбить его II, 247.
КАЛОНИМЪ, островъ II, 12.
КАЛХАНТЪ, древній прорицатель II, 167.
КАМАТИРЪ ВАСИЛІЙ избранъ въ патріархи съ обѣщаніемъ исполнять всѣ прихоти Андроника I, 336; лишенъ престола импер. Исаакомъ II, 66.
КАМАТИРЪ ВАСИЛІЙ, дромологоѳетъ,—участвуетъ въ заговорѣ противъ Андроника I, 342; схваченъ и ослѣпленъ I, 342.
КАМАТИРЪ ВАСИЛІЙ, братъ императрицы Евфросиніи II, 187; дѣлаетъ доносъ на свою сестру Евфросинію II, 187—189; другая сестра его въ замужствѣ за Стрифномъ II, 274.
КАМАТИРЪ ГРИГОРІЙ, секретологоѳетъ при императорахъ Алексѣ I и Іоаннѣ I, 12; женатъ былъ на одной изъ родственницъ жены Алексѣя I изъ рода Дуковъ I, 12 и 145; II, 141.
КАМАТИРЪ ІОАННЪ, дромологоѳетъ при импер. Мануилѣ I, 136; его успѣшная клевета на Стиппіота I, 140—142; степень его образованности, его таланты, буйная и невоздержная жизнь, — его наружность и характеръ I, 143—145; достоинъ былъ той крови, отъ которой происходилъ по матери,—слѣдовательно былъ сынъ Григорія Каматира I, 145; эпархъ города Константинополя при импер. Алексѣ II Комнинѣ I, 297 и 298.
КАМАТИРЪ ІОАННЪ, епиканиклій при импер. Алексѣ II Комнинѣ I, 350; съ пѣснями и плясками отвозилъ въ море трупъ Алексѣя II,—въ послѣдствіи былъ архіепископомъ болгарскимъ I, 350.
КАМАТИРЪ ІОАННЪ, вступивъ на патріаршій престолъ, возстаетъ противъ ереси Спкидита и говоритъ поученія II, 234; освобождаетъ изъ подъ ареста Каломодія II, 248; оставляетъ Константинополь II, 348; мирная смерть его въ Дидимотихѣ II, 406.
КАМБИЗЪ, безумный I, 395.
КАМЕНЬ, на которомъ Христосъ былъ повитъ плащаницею, I, 286 и 287.
КАМИЦЪ МАНУИЛЪ, протостраторъ, по матери двоюродный братъ импер. Исаака II, 40 и 264; заклятой врагъ Алексѣя Враны, жертвуетъ всѣмъ импер. Исааку II, 40; слѣдитъ за аллеманами II, 63; передаетъ письмо императ. Фридерика Исааку II, 64 и 65; терпитъ пораженіе отъ аллемановъ II, 70—72; участвовалъ въ несчастномъ походѣ Исаака противъ валаховъ II, 100; имѣлъ виды на царскій престолъ II, 210; горячо преслѣдовалъ мятежника Иванку II, 230; его плѣнъ II, 231 и 232; присвоеніе импер. Алексѣемъ III его непомѣрнаго богатства II, 233; печальная участь его семейства II, 233; разводъ его дочери и выдача ея Алексѣемъ III за Хриса II, 223 и 224; отреченіе императора выкупить его изъ плѣна и выкупъ его Хрисомъ II, 264; вторичный отказъ ему императора въ выкупѣ и его возстаніе II, 264—266.

КАМПАНЦЫ,—отрядъ ихъ владѣетъ Елладою II, 410.

КАНАВОСЪ НИКОЛАЙ избранъ въ императоры II, 306; оставленъ народомъ и заключенъ подъ стражу II, 308.

КАНТАКУЗИНЪ АНДРОНИКЪ, посредникъ между императорами Фридерикомъ и Исаакомъ, — расположилъ Исаака видѣть въ Фридерикѣ непріятеля II, 62.

КАНТАКУЗИНЪ ІОАННЪ, женатъ на Маріи Комниной, дочери севастократора Андроника Комнина, сестрѣ Евдокіи Комниной, I, 131; мужество его на войнѣ съ сербами I, 117; ненависть къ Андронику, въ послѣдствіи императору, за связь съ Евдокіею I, 131; храбрость и смерть на сраженіи съ персами I, 237.

КАНТАКУЗИНЪ ІОАННЪ, кесарь при императ. Исаакѣ,—женатъ на сестрѣ Исаака II, 27; былъ ослѣпленъ Андроникомъ за поклонъ брату своей жены Константину Ангелу I, 331 и 332; II, 28; неудачно ведетъ войну противъ валаховъ II, 27 и 28.

КАНТАКУЗИНЪ МАНУИЛЪ,—его подвигъ на войнѣ съ персами въ царствованіе Мануила I, 251 и 252.

КАНТАКУЗИНЪ МАНУИЛЪ продолжаетъ войну съ киликійскимъ самозванцемъ, по порученію императора Алексѣя III Комнина, II, 153.

КАНТАКУЗИНЪ МИХАИЛЪ былъ въ числѣ лицъ, провозгласившихъ императоромъ Алексѣя III Комнина, II, 134.

КАНТАКУЗИНЪ ѲЕОДОРЪ избранъ никейцами въ защитники I, 345; его отвага и пылъ I, 358 и 361; его смерть I, 361 и 362.

КАППАДОКІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ,—ея суровый климатъ I, 44; во власти персо-армянина Таисманія I, 25; во власти Магомета изъ рода Таисманіевъ I, 43 и 44; страна плодоносная,—назначена Масутомъ въ удѣлъ Ягупасану I, 147; присвоена Кличъ-Асѳланомъ I, 154.

КАПУЯ, область короля сицилійскаго I, 125.

КАРЕЙСКІЯ ВОРОТА большаго дворца I, 436.

КАРІЯ, городъ,—плѣненіе персами всѣхъ ея жителей и опустошеніе II, 203; храмъ Архистратига Михаила въ Каріи II, 60.

КАСТАМОНА, персо-армянскій городъ, — взятіе ея императоромъ Іоанномъ I, 24; возвращеніе Таисманіемъ I, 25; снова взята Іоанномъ I, 26.

КАСТАМОНИТЪ ѲЕОДОРЪ, дядя императора Исаака по матери,— управляетъ всѣми дѣлами II, 112; раболѣпство предъ нимъ, его возвышеніе и смерть II, 113—115.

КАТАВАТЪ,—мѣсто въ Константинополѣ I, 350.

КАТАКАЛОНЪ АНДРОНИКЪ, одинъ изъ начальниковъ войска, посланнаго на помощь Дадиврѣ, II, 170.

КАТАСКЕПА, мѣсто около устьевъ понта I, 267.

КАТИДЪ, лазутчикъ,—наказанъ за болтливость I, 250.

КАТТАРЫ, городъ, тѣснимый сербами, I, 204.
КАФАРДА, сильный городъ въ Сиріи,—взятіе его импер. Іоанномъ I, 36.
КЕАДА, лакедемонская пропасть I, 386.
КЕЛВІАНЪ,—его окрестности II, 17.
КЕЛЕНЫ, городъ при истокѣ Меандра I, 228.
КЕЛЕСИРІЯ,—военныя дѣйствія въ ней импер. Іоанна I, 34.
КЕЛЬТЪ по происхожденію, сѣкироносецъ I, 339.
КЕНЕЙ изъ женщины превратился въ мужчину I, 362.
КЕНТИНАРІЙ, башня большаго дворца I, 436.
КЕРАСУНЬ, городъ на берегу Евксинскаго Понта II, 254.
КЕРКИРА (Корцира), островъ и городъ, — занятъ сицилійцами I, 92; сданъ имъ Гимнами I, 92; продолжительная осада его римлянами I, 99 и 100; I, 104—108; взятіе его римлянами I, 111—113; сдача его венеціянскому флоту II, 275.
КЕСАРІЯ, подъ властію Магомета I, 43; богатый и огромный городъ,—назначена Масутомъ въ удѣлъ Дадуну I, 147; присвоена Киличъ-Асѳланомъ I, 154; назначена имъ въ удѣлъ сыну Копаттину II, 243; по смерти Копаттина присвоена Рукратиномъ II, 243; битва латинянъ съ римлянами подъ Кесаріею II, 363.
КЕСАРЬ N. N., одинъ изъ сыновей маркиза монферратскаго, за котораго вышла замужъ Марія, дочь импер. Мануила, I, 219; зоветъ Андроника въ Константинополь I, 297; ищетъ убѣжища въ великой церкви I, 298; одушевляетъ своихъ защитниковъ въ битвѣ съ войсками протосеваста и ведетъ ихъ въ бой I, 306—308; возвратился въ большой дворецъ I, 410; по слухамъ, отравленъ по приказанію Андроника I, 333.
КЕФАЛА, начальникъ города Атрамиттія,—выдаетъ импер. Андронику Андроника Лапарду I, 355.
КИЛИКІЯ,—походъ въ нее импер. Іоанна I, 27; киликійскія ворота I, 28,—или киликійское ущелье II, 153; киликіецъ — пиратъ I, 136; самозванецъ изъ Киликіи II, 150 и 153.
КИЛЫ, городъ около Систа и Авида I, 206.
КИМВРЫ,—страшное пораженіе ихъ Маріемъ I, 90 и 91.
КИНАМЪ ІОАННЪ,—его споръ съ Евѳиміемъ, епископомъ Новыхъ Патръ, I, 417.
КИНТА, понтійскій городъ I, 43.
КИПРЪ, островъ I, 206 и 207; во власти Исаака Комнина I, 370 и II, 20; завоеванъ королемъ англійскимъ II, 84; подаренъ имъ гробу Господню II, 84 и 85.
КИПСЕЛЛЫ, городъ, бывшій мѣстомъ римскаго лагеря, I, 357; II, 19, 133, 190 и 191.
КИРИЛЛЪ, великій въ въ богословіи,—ученіе его объ евхаристіи II,235.
КИРОВЪ храмъ I, 244 и 245.
КІЕВЪ, подъ управленіемъ Рюрика II, 246.

КІОНІЙСКІЙ берегъ II, 11.
КЛАВДІОПОЛЬ,—избавленіе его отъ осады персовъ I, 253—255.
КЛИРЪ,—дозволеніе архіереямъ засѣдать въ царскомъ совѣтѣ I, 352; клиръ далъ перевѣсъ Θеодору Ласкарису при избраніи его на престолъ II, 319.
КЛИЧЪ-АСΘЛАНЪ, сынъ Масута, султанъ Иконіи I, 147; его непріязненныя отношенія къ родственникамъ I, 148 и 149; пріѣздъ къ импер. Мануилу I, 149; великолѣпный пріемъ, сдѣланный ему, I, 150—153; изгнаніе имъ своихъ родственниковъ изъ ихъ удѣловъ I, 154; его физическіе недостатки, прозваніе его Куцасθланомъ, его дальнѣйшіе успѣхи и характеръ I, 154 — 156; враждебныя дѣйствія противъ римлянъ I, 157—159; сравненіе его съ царемъ Мануиломъ I, 224 и 225; набѣги на римлянъ и несогласія съ Мануиломъ I, 226—229; война съ римлянами, окончившаяся страшнымъ пораженіемъ ихъ, I, 230—241; заключеніе имъ мира съ импер. Мануиломъ I, 241—245; возобновленіе войны въ слѣдствіе нарушенія Мануиломъ условій I, 246—247; побѣда римлянъ надъ Атапакомъ и нѣкоторые другіе успѣхи I, 248—255; султану уже за семьдесятъ лѣтъ II, 17; новый набѣгъ его войскъ на римскія области II, 17; умиреніе его данью со стороны римлянъ II, 18; назначеніе имъ областей въ удѣлъ своимъ дѣтямъ II, 243.
КНИГИ будтобы о будущихъ императорахъ,—сожженіе ихъ I, 395.
КОЗЬМА АТТИКЪ, патріархъ константинопольскій, изъ діаконовъ, человѣкъ ученый и святой жизни I, 101; поводы къ его низверженію I, 102; его низверженіе и заклятія противъ императора Мануила, Стефана Контостефана и разныхъ другихъ лицъ I, 103—104.
КОЗЬМИДІЙ, или Козьмо-Демьянскій монастырь, II, 278 и 313.
КОЛАССЫ, древнее названіе города Хонъ I, 228.
КОЛОНІЯ, прежнее названіе города Таксаръ I, 69; II, 78 и 243.
КОМАНЫ,—опустошеніе ими въ союзѣ съ валахами римскихъ областей II, 99 и 245; прекращеніе ихъ набѣговъ на римское государство Романомъ княземъ галицкимъ II, 246; помощь ихъ Рюрику кіевскому и истребленіе ихъ Романомъ II, 246.
КОМЕТА въ видѣ змѣи,—ея описаніе I, 323.
КОМНИНЫ,—мятежники и искатели престола изъ рода Комниныхъ были причиною паденія римской имперіи II, 256.
КОМНИНЫ:
АЛЕКСѢЙ I, императоръ римскій,—его семейство и его предпочтительная любовь къ сыну Іоанну I, 5; укоряетъ жену за пристрастіе къ дочери Аннѣ I, 6 и 7; его скрытность I, 7; послѣднія минуты жизни I, 9; смерть и погребеніе I, 10.
АЛЕКСѢЙ, старшій сынъ импер. Іоанна, нареченный наслѣдникомъ престола, I, 22; его смерть I, 48 и 49; дочь его въ за-

мужествѣ за протостраторомъ Алексѣемъ Аксухомъ I, 130; ея печальная судьба I, 184 и 185.

АЛЕКСѢЙ II, императоръ римскій, сынъ импер. Мануила I, 217; назначеніе его преемникомъ престола I, 217 и 218; вступленіе его на престолъ въ отрочествѣ, его понятія и занятія I, 288; переселеніе его съ матерью изъ большаго дворца въ манганскія палаты Филопатія I, 327; праздное препровожденіе имъ времени подъ надзоромъ прислужниковъ Андроника I, 330; его коронованіе I, 339; возглашеніе его имени послѣ имени Андроника I, 348; его насильственная смерть I, 350; число лѣтъ его жизни и царствованія I, 351; его супруга I, 351.

АЛЕКСѢЙ, незаконнорожденный сынъ импер. Мануила и племянницы его, дочери брата его Андроника, Θеодоры Комниной I, 333 и II, 93; севастократоръ при императорѣ Андроникѣ,—любовь къ нему Андроника и мысль назначить его своимъ преемникомъ II, 94 и 95; незаконный бракъ его съ Ириною, незаконнорожденною дочерью импер. Андроника и двоюродной племянницы его, дочери Исаака Комнина, Θеодоры Комниной I, 333—335; ослѣпленіе его и заточеніе Андроникомъ въ Хилу I, 392 и II, 95; при Исаакѣ Ангелѣ сдѣланъ кесаремъ, взысканъ милостями и жилъ въ уединеніи въ Драмѣ II, 95 и 94; постриженъ противъ воли въ иночество по политическому подозрѣнію II, 93—97; названъ Аθанасіемъ и заключенъ въ одномъ изъ никейскихъ монастырей II, 97; снова вызванъ ко двору и былъ угощаемъ императоромъ Исаакомъ, какъ Аяксъ Агамемнономъ, II, 97 и 98.

АЛЕКСѢЙ, сынъ брата императора Мануила, Андроника Комнина,—протосевастъ и протовестіарій I, 289; связь его со вдовою Мануила, императрицею Ксеніею, I, 289; виды его на престолъ I, 290; его полновластіе I, 296; вражда къ нему Маріи, дочери Мануила, I, 299; война его съ нею I, 303; ненависть его къ патріарху Θеодосію I, 311; его характеръ и привычки I, 314; противодѣйствіе его Андронику I, 315—319; заключеніе его подъ арестъ I, 320; поруганія надъ нимъ и ослѣпленіе его I, 321; его военныя способности I, 321.

АЛЕКСѢЙ, сынъ Іоанна Комнина, племянника императора Мануила по брату Андронику, виночерпій при импер. Мануилѣ I, 376; сосланъ импер. Андроникомъ въ Скиθію и бѣжалъ въ Сицилію къ королю Вильгельму I, 376; возбуждаетъ сицилійцевъ къ войнѣ съ римлянами I, 377; человѣкъ глупѣйшій, недостойный пасти коровъ, одушевляетъ сицилійцевъ и мечтаетъ о престолѣ I, 402 и 403; взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, какъ виновникъ войны римлянъ съ сицилійцами II, 8 и 9.

АЛЕКСѢЙ, незаконнорожденный сынъ императора Андроника отъ

связи его съ Θеодорою Комнинoю, родною племянницею имп. Мануила по брату Исааку, I, 181.

АЛЕКСѢЙ, внукъ императора Андроника, старшій сынъ старшаго сына его Мануила Комнина,—владѣтель трапезунтскій II, 412; не выходилъ изъ трапезунтской области и походилъ на Иласа II, 396; кругъ его владѣній II, 412.

АЛЕКСѢЙ см. Ангелъ Алексѣй III Комнинъ, императоръ римскій.

АЛЕКСѢЙ см. Ватацъ Алексѣй Комнинъ.

АЛЕКСѢЙ см. Вріенній Алексѣй Комнинъ.

АНДРОНИКЪ, второй сынъ импер. Іоанна, севастократоръ I, 22; его смерть вскорѣ послѣ того, какъ онъ привезъ въ Константинополь тѣло своего старшаго покойнаго брата I, 49 и 63; его дѣти I, 130 и 131.

АНДРОНИКЪ, императоръ римскій, второй сынъ Исаака Комнина, младшаго брата императора Іоанна I, 130; двоюродный по отцу братъ импер. Мануила, взятъ въ плѣнъ персами I, 64; освобожденъ I, 65; управляетъ Браницовой и Велеградомъ, лишенъ этого мѣста и заключенъ въ темницу за заговоръ противъ императ. Мануила I, 128; связь его съ Евдокіею Комниною, дочерью Андроника, втораго сына импер. Іоанна, I, 131—133; его жизнь въ темницѣ I, 133—135; бѣгство и вторичное заключеніе I, 135; вторичное бѣгство и жизнь въ Галиціи I, 163—167; грозные слухи о немъ, возвращеніе его и примиреніе съ императ. Мануиломъ I, 167 и 168; его подвиги при осадѣ Зевгмина I, 170 и 171; управленіе Киликіею I, 175 и 176; связь съ Филиппою, сестрою второй жены импер. Мануила, I, 177—179; бѣгство въ Іерусалимъ и связь съ Θеодорою, вдовою іерусалимскаго короля Балдуина, родною племянницею импер. Мануила I, 179—180; похищеніе Θеодоры и бѣгство къ Салтуху, султану Колоніи, I, 181; жизнь его у султана I, 181 и 182; дѣти его отъ Θеодоры и пламенная любовь къ нимъ I, 181 и 292; возвращеніе къ Мануилу, театральное смиреніе и блистательный пріемъ, сдѣланный ему, I, 292 и 293; жизнь его въ Энеѣ, вдали отъ Зевса, I, 293; виды на престолъ по смерти Мануила I, 294; переписка I, 294 и 295; прибытіе въ Пафлагонію I, 295 и 296; бѣгство къ нему дочери Маріи и прибытіе его въ Ираклію понтійскую I, 313; отверженіе его городомъ Никеею, принятіе Никомидіею, побѣда при Хараксѣ I, 315; переходъ на его сторону Андроника Ангела съ дѣтьми и движеніе его въ Константинополь I, 316 и 317; посольство къ нему Георгія Ксифилина, переходъ на его сторону Андроника Контостефана и другихъ вельможъ I, 318 и 319; освобожденіе изъ темницы его дѣтей I, 320; казнь, опредѣленная имъ протосевасту Алексѣю, I, 321; истребленіе имъ латинянъ въ Константинополѣ I, 322; комета, предвѣстница его царствованія, I, 323; встрѣча его съ патріархомъ Θеодосі-

емъ I, 324—327; прибытіе изъ Дамалиса въ Филопатій, представленіе императ. Алексѣю II Комнину и его матери I, 327; сожженіе народомъ мнимаго злоумышленника на его жизнь, вступленіе въ Константинополь и посѣщеніе гроба императора Мануила I, 328 и 329; его полновластіе и жестокости I, 329—332; отравленіе имъ Маріи, дочери импер. Мануила, и ея мужа I, 333; деспотически устроиваетъ незаконный бракъ своей дочери Ирины I, 333—335; избираетъ въ патріархи Василія Каматира I, 336; подавляетъ возстаніе Іоанна Ватаца I, 337—339; коронуетъ Алексѣя II Комнина и удаляетъ отъ него мать I, 339 и 340; подавляетъ заговоръ противъ себя Ангеловъ, Контостефановъ и другихъ вельможъ I, 341 и 342; осуждаетъ, заключаетъ въ тюрьму и невинно казнитъ мать Алексѣя II, императрицу Ксенію, I, 343—345; радъ уничтоженію рода Мануилова и устроиваетъ дѣло о провозглашеніи себя императоромъ I, 345—347; коронуется I, 348; беззаконно осуждаетъ и предаетъ смерти импер. Алексѣя II Комнина I, 349 и 350; женится на его супругѣ Аннѣ I, 351; разрѣшенъ отъ присяги императорамъ Мануилу и его сыну Алексѣю I, 352; даетъ архіереямъ мѣсто въ царскомъ совѣтѣ и опять отнимаетъ I, 352 и 353; ослѣпляетъ Андроника Лапарду I, 353—355; боялся его I, 356; посѣщая гробъ отца, воздерживается отъ казней I, 357; идетъ съ войскомъ противъ Никеи I, 357—358; безчеловѣчный поступокъ его съ Евфросиніею, матерью Исаака Ангела, I, 359 и 360; продолжаетъ осаду Никеи I, 361 и 362; изумленъ сдачею этого города и жестоко мститъ ему I, 363 и 364; беретъ Прусу и безпощадно казнитъ этотъ городъ I, 365—368; казнитъ городъ Лопадій, ослѣпляетъ одного епископа и возвращается въ Константинополь I, 368; боится народа I, 368 и 369; боится Исаака кипрскаго I, 371; казнитъ Дуку и Макродуку I, 372—374; приводитъ своими жестокостями въ отупѣніе весь народъ I, 374 и 375; оплакиваетъ казненныхъ и вновь казнитъ братьевъ Севастіановъ I, 375 и 376; ослѣпляетъ своего зятя Алексѣя и удаляетъ отъ себя дочь Ирину I, 392; казнитъ всѣхъ сановниковъ императ. Алексѣя II и сожигаетъ Мамалу I, 393—395; развлекается въ казняхъ слухами объ успѣхахъ сицилійцевъ I, 396; казнитъ Константина Трипсиха I, 397—399; слабо отражаетъ сицилійцевъ I, 400 и 401; дѣлаетъ распоряженія о защитѣ столицы, казнитъ родственниковъ Давида, бывшаго начальникомъ Ѳессалоники, и успокоивается I, 403 и 404; его безчеловѣчіе и распутство I, 405—408; онъ охраняетъ народъ отъ взяточничества и притѣсненій I, 409—410 и 416—417; уничтожаетъ обычай грабить корабли, потерпѣвшіе крушеніе, I, 410—415; возобновляетъ водопроводъ I, 415; не любитъ религіозныхъ споровъ I, 417; высоко цѣнитъ науку и ученыхъ,—

готовитъ себѣ мѣсто погребенія во храмѣ сорока мучениковъ I, 418; переноситъ сюда тѣло своей первой супруги, украшаетъ храмъ, строитъ при немъ палаты I, 418—420; осужденіе совѣтомъ судей, по его внушенію, на смерть всѣхъ, содержимыхъ въ заключеніи, и ихъ родственниковъ I, 421—426; обращеніе его къ магіи I, 426—428; пренебреженіе къ Исааку Ангелу I, 429; мятежъ противъ него въ пользу Исаака Ангела и противодѣйствіе его мятежу I, 433—436; бѣгство его съ Анною и Мараптикою I, 436 и 437; захватъ, заключеніе въ оковы, поруганія надъ нимъ, разнообразныя казни и смерть его I, 437—441; лѣта царствованія, крѣпость его здоровья, лишеніе его погребенія I, 442—444; любовь его къ апостолу Павлу, сужденіе о немъ Никиты Хоніата, предреченія о его смерти I, 444—446; судьба его дѣтей II, 3,—и внуковъ II, 412.

АНДРОНИКЪ, см. Вріенній Андроникъ Комнинъ.

АННА, кесарисса, дочь императора Алексѣя I, старшая изъ всѣхъ его дѣтей, въ замужествѣ за Никифоромъ Вріенніемъ I, 5; исключительная любовь къ ней матери I, 5—7; заговоръ ея противъ брата, императора Іоанна. I, 13; ея ученость I, 13; прощеніе ея братомъ I, 14 и 15.

ДАВИДЪ, правитель Өессалоники,—недостатокъ въ немъ дѣятельности и страхъ его къ Андронику I, 378 и 379; письмо къ нему императора Андроника I, 400; казнь Андроникомъ его родственниковъ I, 403.

ДАВИДЪ, сынъ Мануила, внукъ импер. Андроника II, 412; владѣетъ Иракліею и всею Пафлагоніею II, 412; война его съ Өеодоромъ Ласкарисомъ II, 396 и 397; заключеніе имъ союза съ латинянами, упроченіе своей власти въ Иракліи и возвращеніе Плусіады II, 414 и 415.

ЕВДОКІЯ, дочь брата импер. Мануила, севастократора Андроника, I, 130; ея преступная связь съ двоюроднымъ дядею Андроникомъ I, 131 и 132; выдача ея въ замужство за Михаила Гавра I, 168.

ИРИНА, незаконнорожденная дочь импер. Андроника и Өеодоры Комниной I, 181; любовь къ ней отца I, 292; незаконный бракъ ея съ Алексѣемъ, незаконнорожденнымъ сыномъ императора Мануила, I, 333—335; удаленіе ея отцемъ за скорбь объ ослѣпленіи своего мужа I, 392; рѣчи придворныхъ льстецовъ о ея бракѣ I, 392 и 393.

ИСААКЪ, сынъ импер. Алексѣя I, севастократоръ I, 7 и 11; помогаетъ брату своему Іоанну получить престолъ I, 7; весьма любимъ Іоанномъ I, 11; его характеръ, наружность, бѣгство изъ римскихъ предѣловъ по ничтожному разногласію съ братомъ, странствованія и возвращеніе I, 40 и 41; его дѣти: Іоаннъ и императоръ Андроникъ I, 40 и 130.

ИСААКЪ, третій сынъ импер. Іоанна, севастократоръ I, 22; за раздражительный характеръ обойденъ отцемъ въ престолонаслѣдіи и нелюбимъ народомъ I, 58 и 67; его арестъ и жалобы при возшествіи на престолъ Мануила I, 62—64; примиреніе его съ Мануиломъ и его деспотическій и трусливый характеръ I, 67; едва не боготворилъ патріарха Козьму Аттика I, 101; его дѣти: Өеодора I, 180; Марія I, 160; жена Константина Макродуки I, 372; мать Исаака кипрскаго I, 369.

ИСААКЪ, сынъ дочери севастократора Исаака, третьяго сына императ. Іоанна, I, 369; правитъ Киликіею, плѣненъ армянами и выкупленъ Фреріями I, 369; овладѣваетъ Кипромъ,—жестокосердъ, свирѣпъ и развратенъ болѣе императ. Андроника I, 370 и 371; ненависть и боязнь къ нему импер. Андроника I, 371, 372 и 428; побѣда его надъ войскомъ Исаака Ангела и жестокость къ плѣнникамъ II, 20 и 21; заключеніе въ оковы и удаленіе съ острова Кипра королемъ англійскимъ II, 84; освобожденіе изъ заключенія, властолюбивые происки и смерть II, 154 и 155.

ИСААКЪ, севастократоръ, зять императ. Алексѣя III Комнина,—участіе его въ несчастномъ походѣ Исаака Ангела противъ валаховъ II, 100; участіе въ процессіи коронованія Алексѣя III Комнина II, 146; снова посланъ противъ валаховъ II, 156; взятъ въ плѣнъ Асаномъ II, 160; обѣщаніе имъ своей дочери Өеодоры въ замужство Иванкѣ и смерть его въ оковахъ II, 164; его вдова II, 209.

ИСААКЪ, родной племянникъ императ. Андроника,—бѣгство его изъ темницы, попытка произвесть мятежъ, арестъ, жестокія истязанія и мучительная смерть II, 91.

ІОАННЪ, императоръ римскій,—старшій сынъ импер. Алексѣя I, наслѣдникъ престола I, 5—7; вступленіе его на престолъ I, 7—10; первые дни его царствованія I, 10; близкіе къ нему люди I, 11—13; прощеніе имъ мятежныхъ родственниковъ I, 15; его успѣшные походы противъ персовъ I, 16—18; побѣдоносный походъ противъ скиөовъ I, 18—21; учреждаетъ праздникъ печенеговъ, одерживаетъ побѣду надъ сербами и поселяетъ плѣнниковъ сербскихъ въ никомидійской области I, 21; возводитъ дѣтей въ высшія государственныя званія I, 22; блистательныя побѣды его надъ гуннами, завоеваніе у нихъ Франгохорія и Зевгмина, — заключеніе мира съ ними, съ прочими варварами запада и съ приморскою Италіею I, 23; переводитъ войска въ Азію, овладѣваетъ Кастамоною, — его тріумфъ и благочестіе I, 24, 25 и 20; новые походы противъ персовъ и завоеваніе Гангры I, 25—27; походъ въ Киликію, взятіе Аданы, Тарса, Вака и Апаварзы I, 27—34; походъ въ Келесирію, ленное подчиненіе Антіохіи и Триполя I, 34; походъ къ Евфрату, взятіе Пизы,

Ферена, Истрія, осада Халепа и Сезера I, 34—38; возвращеніе въ Антіохію I, 39; побѣда надъ иконійцами на пути изъ Антіохіи въ Константинополь I, 40; ласковый пріемъ брата и новый походъ противъ персовъ I, 41; укрѣпляетъ Лопадій I, 42; походъ къ Трапезунту противъ Гавра I, 43; осада Неокесаріи I, 45—46; возвращеніе въ столицу и походъ къ Риндаку, вторичное возвращеніе и отправленіе въ Атталію I, 47; подавленіе непокорныхъ островитянъ Пусгусскаго озера I, 47 и 48; лишившись двухъ старшихъ сыновей, онъ отправляется въ походъ въ Антіохію I, 48 и 49; ведетъ переговоры о полномъ подчиненіи себѣ Антіохіи I, 50; опустошаетъ предмѣстья Антіохіи I, 50 и 51; раненъ на охотѣ въ Киликіи I, 51; пріобщается Христовыхъ таинъ и прощается со всѣми I, 52; говоритъ рѣчь высшимъ сановникамъ и назначаетъ своимъ преемникомъ Мануила I, 53—59; рѣчь его къ сыну Мануилу, сопровождаемая передачею діадемы и порфиры, I, 59; его смерть, число лѣтъ его царствованія, черты его высокаго характера I, 60 и 61; не заботился о флотѣ I, 71 и 72; оставилъ послѣ себя въ государственной казнѣ груды денегъ I, 75,—геройскую и несокрушимую армію I, 98; императоръ истинно великій и полководецъ въ высшей степени опытный I, 98.

ІОАННЪ, паракимоменъ императора Іоанна, двоюродный братъ его I, 11 и 12.

ІОАННЪ, сынъ брата императ. Іоанна, севастократора Исаака, старшій братъ импер. Андроника I, 40 и 130; его бѣгство вмѣстѣ съ отцемъ и возвращеніе I, 40 и 41; его неукротимый нравъ, гнѣвъ на дядю, императ. Іоанна, переходъ на сторону персовъ при осадѣ Неокесаріи, отреченіе отъ христіанства I, 45 и 46; женитьба его на дочери султана Масута I, 69 и 46.

ІОАННЪ, сынъ брата импер. Мануила, севастократора Андроника, протосевастъ и протовестіарій,—питаетъ злобу противъ Андроника, двоюроднаго дяди, за связь его съ своею сестрою Евдокіею I, 131—133.

ІОАННЪ, сынъ императора Андроника, рожденъ въ темницѣ I, 135; раздѣлялъ съ отцемъ кочевую жизнь на востокѣ и въ Колоніи I, 181; переходитъ на сторону кесариссы Маріи въ борьбѣ ея съ протосевастомъ Алексѣемъ I, 297; заключенъ протосевастомъ въ тюрьму I, 298; освобожденъ I, 320; нареченъ императоромъ, посланъ защищать Өессалонику и нисколько не занимался этимъ дѣломъ I, 401; по смерти отца ослѣпленъ и безжалостно преданъ мучительной смерти II, 3.

ІОАННЪ ТОЛСТЫЙ,—посягательство его на престолъ и жалкая смерть II, 251—253.

ІОАННЪ, см. Ватацъ Іоаннъ Комнинъ.

МАНУИЛЪ, римскій императоръ,—младшій сынъ импер. Іоанна,

при отцѣ въ званіи севастократора I, 22; храбрая, но необдуманная выходка его подъ Неокесаріею I, 45; сопровождаетъ отца въ послѣднемъ походѣ подъ Антіохію I, 49; назначенъ отцемъ въ преемники престола I, 56—59; принимаетъ отъ отца совѣты, діадему и порфиру I, 59; принимаетъ присягу всего войска I, 59 и 60; посылаетъ въ Константинополь Іоанна Аксуса I, 62; прибылъ въ Константинополь и радостно принятъ I, 65; его наружность и душевныя достоинства I, 65 и 66; избраніе имъ патріарха Михаила и коронованіе I, 66 и 67: походы противъ персовъ и экспедиція противъ Раймунда I, 67 — 69; бракъ съ аллеманкою I, 69; избраніе имъ высшихъ сановниковъ I, 70—73; возвышеніе Ѳеодора Стиппіота I, 74; доброе начало царствованія I, 75; скорая перемѣна къ худшему I, 76; боязнь похода аллемановъ въ Палестину I, 77; приготовленія къ защитѣ противъ нихъ I, 78 и 79; онъ всячески старается вредить аллеманамъ I, 84 и 85; готовится къ войнѣ противъ Сициліи I, 97 и 98; прогнавъ по дорогѣ скиѳовъ, осаждаетъ Керкиру I, 99 — 100; свергаетъ патріарха Козьму Аттика I, 102—104; продолжаетъ осаду Керкиры I, 104 — 107; прекращаетъ враждебное столкновеніе римлянъ съ венеціянами I, 108—110: беретъ Керкиру I, 111—113; посылаетъ войско противъ Сициліи и въ тоже время идетъ противъ сербовъ I, 114 и 115; наслаждается тріумфомъ I, 115; посылаетъ противъ Сициліи Михаила Палеолога, а самъ идетъ на сербовъ и венгровъ I, 116 и 117; устрояетъ новый тріумфъ себѣ I, 118; посылаетъ противъ скиѳовъ Каламана I, 119; перемѣняя полководцевъ, упорно продолжаетъ войну съ Сициліею I, 120—122; предоставляетъ рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ астрологіи I, 121 и 122; I, 197; заключаетъ миръ съ Сициліею I, 123—125; снова возобновляетъ войну и оканчиваетъ ее безъ всякой пользы для римлянъ I, 125 — 127; ведетъ войну съ венграми I, 127—129; походъ его въ Арменію и прибытіе въ Антіохію I, 129 и 130; торжественная встрѣча его антіохійцами I, 136; потѣшная битва въ Антіохіи и возвращеніе въ Константинополь I, 137 и 138; пораженіе по дорогѣ турками I, 139; ослѣпленіе имъ Стиппіота I, 142: лишается первой супруги и женится на красавицѣ, дочери Петевина, Ксеніи I, 145 и 146; надѣется очаровать Кличъ-Асѳлана великолѣпнымъ пріемомъ и подарками I, 149—153; напрасно поддерживаетъ съ нимъ мнимодружескія отношенія I, 156—158,—постоянно прерываемыя въ тоже время враждебными набѣгами I, 159; выдаетъ свою племянницу Марію за Стефана, брата Яцы, и старается сдѣлать его венгерскимъ королемъ I, 159 и 160; начинаетъ войну съ Венгріею I, 161 и 162; теряетъ Зевгминъ одновременно съ смертію Стефана I, 163; просваталъ дочь свою Марію за сына Яцы Бѣлу, или Алексѣя венгерскаго,

I, 162; примиряется съ двоюроднымъ братомъ Андроникомъ I, 168; выступаетъ противъ венгровъ и возвращаетъ Зевгминъ I, 169—172; укрѣпляетъ Зевгминъ, Нисъ и Враницову I, 172 и 173; усмиряетъ сербскаго архижупана Десе I, 173; назначаетъ зятя Бѣлу или Алексѣя наслѣдникомъ своего престола противъ мысли двоюроднаго брата Андроника I, 174; назначаетъ Андроника правителемъ Киликіи и острова Кипра I, 175; преслѣдуетъ его за связь съ Филиппою, сестрою своей жены, I, 178 и 179; постригаетъ въ иноки протостратора Алексѣя, не внимая просьбамъ своей племянницы, его жены, I, 183 и 184; дѣлаетъ это по указаніямъ астрологіи I, 186; казнитъ нѣкоторыхъ астрологовъ I, 187 и 188; укрѣпляетъ Хліару, Пергамъ и Атрамиттій, такъ называемыя, новыя крѣпости I, 189 и 190; снова начинаетъ войну съ венграми и назначаетъ предводителемъ войска Андроника Контостефана I, 193 и 194, мѣшаетъ Контостефану I, 197; устрояетъ тріумфъ по случаю побѣды Контостефана I, 201—203; усмиряетъ сербскаго сатрапа Стефана Неемана I, 203—205; снаряжаетъ экспедицію въ Египетъ I, 205 и 206; заключаетъ миръ съ сарацинами I, 216; празднуетъ рожденіе сына, Алексѣя, I, 217; назначаетъ его наслѣдникомъ престола на мѣсто Алексѣя венгерскаго, котораго обручаетъ на сестрѣ своей жены, 218; выдаетъ дочь Марію за одного изъ сыновей маркиза монферратскаго I, 219; конфискуетъ имущества венеціянъ, жившихъ въ римской имперіи, I, 220; ведетъ войну съ венеціянами, окончившуюся невыгоднымъ миромъ и уплатою имъ за потери, I, 221—223; отправляется на войну противъ султана иконійскаго и возстановляетъ крѣпости Дорилей и Сувлей I, 224—227; снова отправляется въ походъ противъ султана I, 227—229; отвергаетъ его предложеніе о мирѣ I, 230; терпитъ страшное пораженіе I, 232—236; подвергается лично опасности I, 236 и 237; переноситъ рѣзкіе упреки I, 238 и 239; рѣшился бросить войско на погибель и бѣжать, но остановленъ Контостефаномъ I, 240 и 241; принимаетъ миръ съ условіемъ разрушить Дорилей и Сувлей I, 243; его возвращеніе другою дорогой и прежнія предчувствія I, 243 и 244; жизнь въ Филадельфіи I, 245; онъ сравниваетъ свое пораженіе съ пораженіемъ Романа Діогена I, 246; отказывается разрушить Дорилей I, 246; посылаетъ противъ высланнаго султаномъ войска Іоанна Ватаца I, 247; самъ два раза выступаетъ противъ персовъ I, 250; усиленными переходами спасаетъ Клавдіополь отъ разоренія I, 254 и 255; не могши схватить двоюроднаго брата, Андроника, захватываетъ его любовницу Θеодору I, 291 и 292; привлекаетъ этимъ Андроника къ себѣ и мирится съ нимъ I, 292; назначаетъ ему жить въ Энеѣ и обильно осыпаетъ его дарами I, 293; укрѣпляетъ влахернскій дворецъ II, 38; политика его съ западными

государствами I, 256—262; увеличеніе имъ податей, продажа должностей I, 262 и 263; непомѣрная трата денегъ на монастыри, на бѣдныхъ, на родныхъ и приближенныхъ I, 263; особенно на племянницу Ѳеодору, дочь брата своего Андроника, съ которою жилъ въ открытой связи, и ея сына I, 263 и 131; также на постельничихъ, эвнуховъ I, 263; вредное довѣріе его въ денежныхъ дѣлахъ иностранцамъ и недовѣріе римлянамъ I, 264 и 265; его постройки I, 265 и 266; способность къ трудамъ и вмѣстѣ къ удовольствіямъ I, 266; его взглядъ на современный порядокъ монашеской жизни и попытка исправить ея недостатки I, 267; возобновленіе закона противъ увеличенія монастырскихъ имуществъ I, 268; желаніе поддержать погибавшую честь монашества I, 268 и 269; разстройство имъ арміи неправильнымъ содержаніемъ ея I, 269 и 270; приведеніе чрезъ то всего государства въ бѣдственное положеніе I, 270 и 271; его богословскія занятія подобно другимъ царямъ, — богословскіе посланія, селенціи и указы I, 271 и 272; участіе въ вопросѣ объ евхаристіи, какъ жертвѣ, I, 273; поднятіе имъ вопроса о словахъ Спасителя: *Отецъ Мой болій Мене есть*, составленіе собора, опредѣленія и указа I, 284—286; неудачное исправленіе имъ чина оглашенія, указъ по этому предмету и настойчивость противъ патріарха Ѳеодосія и епископовъ I, 276—282; предсказаніе о немъ Никиты, хоніатскаго епископа, I, 282 и 283; его болѣзнь и увѣренность въ продолженіи жизни по предсказаніямъ астрологовъ I, 283 и 284; распоряженія на случай столкновенія величайшихъ звѣздъ I, 284; усиленіе болѣзни, предчувствіе о злой судьбѣ сына, отреченіе отъ астрологіи и постриженіе въ иночество I, 285; смерть, лѣта царствованія и погребеніе I, 286 и 287; завѣщаніе его патріарху Ѳеодосію I, 326.

МАНУИЛЪ, старшій сынъ императора Андроника,—способствовалъ бѣгству отца въ Галицію I, 163 и 164; перешелъ на сторону кесариссы Маріи въ распрѣ ея съ протосевастомъ Алексѣемъ I, 297; заключенъ въ темницу I, 298; освобожденъ I, 320; съ негодованіемъ отказался отъ порученія своего отца убить императрицу Ксенію и препятствовалъ исполненію этого чернаго дѣла I, 344; рѣшительно возсталъ противъ приговора, осуждавшаго на смерть всѣхъ, заключенныхъ въ темницы, I, 425 и 426; обойденъ отцемъ въ престолонаслѣдіи въ пользу младшаго брата Іоанна и наименованъ севастократоромъ I, 399, 401 и 425; въ надеждѣ утишить народный мятежъ объявленъ преемникомъ престола послѣ отца I, 436; не участвовалъ въ преступленіяхъ своего отца II, 3; невинно заключенъ въ темницу и ослѣпленъ Исаакомъ Ангеломъ II, 3; его дѣти II, 412.

МАНУИЛЪ см. Ватацъ Мануилъ Комнинъ.

МАРІЯ, кесарисса, дочь императора Мануила,—обручена съ Бѣлою, сыномъ Яцы, короля венгерскаго, или Алексѣемъ венгерскимъ I, 162; объявлена преемницею престола I, 142; разлучена съ своимъ женихомъ и лишена права престолонаслѣдія I, 218; сватана была многими женихами, но до тридцати слишкомъ лѣтъ томилась въ одиночествѣ I, 219; высокая ростомъ, наконецъ выдана была за красиваго юношу, сына маркиза монферратскаго, I, 219 и 258; женщина смѣлая, мужественная и гордая, во главѣ заговора противъ Алексѣя протосеваста и своей ненавистной мачихи I, 297; бѣгство ея въ великую церковь и требованія I, 298 и 299; энергическая защита и непримиримость I, 299 и 300, ея война съ протосевастомъ I, 300, 303—306; наружное примиреніе и возвращеніе во дворецъ I, 310; противодѣйствіе протосевасту и стараніе удержать на каѳедрѣ патріарха Ѳеодосія I, 311; зоветъ въ Константинополь своего двоюроднаго дядю Андроника I, 297: отравлена имъ при посредствѣ Птеригіонита I, 333.

МАРІЯ, дочь брата Мануилова, севастократора Андроника, — въ замужествѣ за Ѳеодоромъ Дасіотомъ I, 65: второй разъ въ замужствѣ за Іоанномъ Кантакузинымъ I, 131.

МАРІЯ, дочь брата Мануилова, севастократора Исаака, въ замужествѣ за Стефаномъ, братомъ Яцы, короля венгерскаго, I, 160.

МАРІЯ, дочь императора Андроника,—бѣгство ея къ отцу, убѣжденіе его спѣшить въ Константинополь и ея гордость отцемъ I, 313.

МИХАИЛЪ, см. Ангелъ Михаилъ Комнинъ.

ѲЕОДОРА, дочь императора Алексѣя I Комнина, въ замужествѣ за Константиномъ Ангеломъ I, 121.

ѲЕОДОРА, дочь брата императора Мануила, севастократора Андроника, I, 130; гордая, надменная, высокомѣрная, имѣла царскую свиту, великолѣпнѣйшіе дворцы, и только не носила діадемы I, 263: жила въ открытой связи съ своимъ дядею, импер. Мануиломъ. I, 131 и 263; имѣла отъ него сына I, 263 и 333; II, 94.

ѲЕОДОРА, дочь брата императора Мануила, севастократора Исаака; въ замужествѣ за Балдуиномъ, королемъ іерусалимскимъ, I, 180; овдовѣвши, вступила въ преступную связь съ двоюроднымъ дядею Андроникомъ, въ послѣдствіи императоромъ, I, 180; спасаетъ его отъ казни, бѣжитъ съ нимъ, раздѣляетъ его странническую жизнь и прижила съ нимъ двухъ дѣтей I, 180, 181 и 333; захвачена дядею Мануиломъ при посредствѣ Никифора Палеолога для привлеченія въ Константинополь Андроника I, 292; страстно любима Андроникомъ I, 292.

ѲЕОДОРА, дочь зятя императора Алексѣя III Комнина, севасто-

кратора Исаака, II, 164; по смерти отца, живя при матери, еще ребенкомъ обручена съ Иванкою II, 164, 167, 168 и 228; выдана своимъ дѣдомъ, Алексѣемъ III Комнинымъ, въ замужство за Хриса II, 266.

N. N. не поименованныя лица династіи Комниныхъ: сестра импер. Мануила за Стефаномъ Контостефаномъ I, 98; другая сестра его же за однимъ изъ Ватацевъ I, 233 и 247; племянница его по брату Алексѣю за Алексѣемъ Аксухомъ I, 130 и 184—186; племянница его по брату Исааку за Константиномъ Макродукою I, 372; племянница его по брату Исааку—мать Исаака Комнина кипрскаго I, 369; племянница его по сестрѣ за Алексѣемъ Враною II, 44; мятежникъ изъ рода Комниныхъ II, 91.

КОНРАДЪ, кесарь, сынъ маркиза монферратскаго,—его побѣда надъ аллеманами и плѣненіе имъ епископа маиицкаго I, 258 и 259; братъ Бонифатія маркиза монферратскаго II, 35; его отличныя дарованія, слава, вдовство и бракъ съ Θеодорою, сестрою импер. Исаака Ангела, II, 34 и 35; поддерживаетъ импер. Исаака въ борьбѣ съ Алексѣемъ Враною II, 34—37; герой сраженія противъ Враны II, 40—42; оскорбленъ своимъ положеніемъ въ Константинополѣ II, 52 и 35; уѣхалъ въ Палестину, завоевалъ Іоппію и убитъ хасисійцемъ II, 53.

КОНРАДЪ, императоръ аллеманскій,—походъ его въ Палестину чрезъ римскія владѣнія и расположеніе къ Михаилу Италійскому, архіепископу филиппопольскому, I, 79; гнѣвъ на адріанопольцевъ I, 80; переправа въ Азію I, 83; враждебная встрѣча съ турками при рѣкѣ Меандрѣ I, 85; приготовленіе къ битвѣ и рѣчь войску I, 86—89; переправа чрезъ Меандръ и знаменитая побѣда надъ турками I, 89 и 90; дальнѣйшее безпрепятственное шествіе къ Іерусалиму I, 91.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, прекрасный городъ Константина II, 337; око всѣхъ городовъ, путеводитель православія, попечитель просвѣщенія II, 326; осажденъ латинянами II, 277 и слѣд.; подожженъ ими II, 281; подожженъ сарацинами II, 292—295; снова осажденъ латинянами II, 315; взятъ и немедленно въ третій разъ подожженъ ими II, 317; разграбленъ латинянами II, 320—326 и 337—342; подчиняется императорамъ изъ латинянъ II, 352 и 354; убѣжище итальянцевъ отъ нападенія скиθовъ II, 403; его

ВОРОТА съ сухаго пути или земляныя I, 13 и 342; II, 30, 32 и 311; въ частности: ксилокеркскія II, 65; влахернскія II, 253; гиролимнскія II, 279; харсійскія II, 30; романовскія II, 403; карейскія I, 436; золотыя II, 316; его ворота прибрежныя II, 32; восточныя I, 202; знаменитые и великолѣпные

ДВОРЦЫ, внутри его I, 330; въ частности: большой I, 8, 418 и 435; II, 141 и 318; влахернскій I, 347; II, 1, 119 и 225; цари-

цы-аллеманки II, 279; ѳомаитскій I, 323; іоанницкій II, 85; михаилицкій I, 347; манганскій I, 7 и II, 120; Вланга I, 165; при храмѣ сорока мучениковъ I, 419 и II, 124; севастократора Исаака II, 124; дворцы въ окрестностяхъ города: милудійскій I, 433 и 436; Дамалисъ или Скутари I, 278; II, 276,—въ Хрисополѣ II, 250; Даматрій II, 276; манганскій во внутреннемъ Филопатіѣ I, 327 и 373; филопатіонскій, или во внѣшнемъ Филопатіѣ, I, 373; II, 143, 191 и 65; аѳамейскій II, 191; въ Пропонтидѣ I, 266; II, 58, 218 и 302;

КОЛОННЫ: II, 292; диплокіонъ или двѣ колонны II, 136, 267 и 276; таврская II, 370; во множествѣ разсѣяны по городу II, 429;

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗДАНІЯ: театръ I, 368 и 369; ипподромъ II, 294, 241 и 299; стадіонъ II, 225; циркъ I, 150; филопатійскій циркъ I, 13; миліонъ II, 319; I, 305 и II, 293; макронъ, макронскій андронъ, макронскій портикъ I, 306 и 305; II, 293; домининовскіе портики II, 294; благотворительныя заведенія II, 124; друнгаріевъ домъ II, 124 и 317;

ПЛОЩАДИ: августеонъ I, 403, 404 и 405; вуколеонъ I, 144; константиновская I, 193 и 294; таврская II, 420 и 370; Филаделфій II, 294;

ПРИСТАНИ: вуколеоновская I, 287; елевѳеріевская II, 295; перама II, 293; царскіе сходни II, 281; перея II, 275 и 291;

СТАТУИ: римлянки и венгерки I, 193; Аѳины II, 300 и 301; Гэры, Париса и Афродиты II, 429; Анемодуліи или Вѣтроуказательницы I, 419 и II, 430; Іисуса Навина на конѣ, или Веллерофонта на Пегасѣ II, 420, 421 и 430; Геркулеса II, 241 и 431—433; Осла и Погонщика II, 433; Гіены и Волчицы I, 441 и II, 434; Калидонскаго Вепря или Кабана II, 241 и 299—300; Человѣка и Льва. Нильской Лошади, Слона, Сфинксовъ, Невзнузданнаго коня, Сциллы II, 434: Орла и Змѣя II, 435 и 436; Елены II, 436—439; Молодой Женщины со всадникомъ на рукѣ II, 439; Возницъ II, 439 и 440; Нильскаго Быка и Крокодила, или Аспида и Василиска II, 440 и 441;

СТѢНЫ: I, 403; II, 29, 275, 279 и 281; стѣны прибрежныя подняты Дукою Марцуфломъ II, 311; стѣны около Петріона II, 280 и 316; Виканъ II, 295; стѣны со стороны материка пробиты латинянами II, 281; раздѣлены ими на участки для защиты отъ скиѳовъ II, 403;

ЦЕРКВИ: великая, или Святой Софіи, Премудрости Божіей, Слова Божія I, 63, 203, 305, 313 и 323; II, 91, 92 и 144; небо земное, колесница херувимская, вторая твердь, возвѣщающая твореніе рукъ Божіихъ II, 347; ея разграбленіе латинянами II, 321—322 и 428;—Св. Апостоловъ, или Споспѣшниковъ Христовыхъ, Учениковъ Христовыхъ, съ погребальнымъ придѣломъ при ней

II, 352 и 428; храмъ Богоматери во Влахернахъ I, 218; Христа Спасителя что въ Халкѣ I, 349; Сорока Мучениковъ I, 418; Архистратига Михаила что въ пристани II, 120; Святой Ирины II, 293; Алексѣя I, 304 и 305; Мокія великомученика II, 60 и 343; Діиппіевъ—Іоанна Богослова I, 304; Св. Ирины, нѣкогда построенная Маркіаномъ и потомъ сгорѣвшая, I, 266 и 267; нѣсколько церквей, изстари стоявшихъ по берегу моря, II, 119; церкви Пропонтиды II, 302; монастырскія церкви, или обители и монастыри: Пантократора съ погребальнымъ придѣломъ при ней или проемъ I, 286 и 328; Пантепоптовъ I, 312, 313 и 355; II, 315 и 317; Перивлептовъ I, 429; Студійскій II, 65; Одигійскій II, 34 и 252; Евергетскій II, 281; и 314; Сосѳеновъ II, 25; Манганскій I, 7 и 374; Анкуріевъ I, 418; Новый II, 121; Пантанасскій или Владычицы II, 114; Св. Діомида съ тюрьмою при немъ I, 343; Іоанницкій женскій II, 85; находящіеся вблизи города: Архистратига Михаила что въ Катаскепѣ I, 267; Ефоровъ въ Зевксиппѣ I, 444; Козьмодемьянскій или Козьмидій II, 278 и 313; Ниматарейскій женскій II, 193; Вирскій въ Макри I, 357 и II, 135; — отнятіе у церквей драгоцѣнныхъ сосудовъ, окладовъ и разной утвари императорами Исаакомъ и Алексѣемъ IV Ангелами II, 289, 296 и 302; разграбленіе ихъ латинянами II, 337, 340 и 428; назначеніе императ. Мануиломъ вмѣсто недвижимыхъ имуществъ жалованья монастырю и стараніе его пресѣчь непомѣрную страсть къ построенію монастырей I, 267; богатство монастырей и законъ, запрещающій увеличивать ихъ недвижимыя имущества, I, 267 и 268; щедрость импер. Исаака къ церквамъ и монастырямъ II, 124; произвольное распоряженіе его церковными имуществами, какъ своею собственностію, II, 122 и 123;

ЦѢПЬ, запиравшая константинопольскую гавань, I, 265; прорвана латинянами II, 277; часть цѣпи съ какими то воротами города отослана латинянами въ Сирію II, 352;

ЧАСТИ ГОРОДА, или мѣстности и улицы: Влахерны II, 258; Девтеръ II, 281; Сфоракій II, 339; Синоды II, 293; латинскія улицы II, 49; Петріонъ II, 280 и 316; Воспоръ, отдѣляемая заливомъ часть города, съ Переею или перейскою гаванью, II, 31, 275 и 291; Диплокіонъ II, 267 и 276; Екзокіоній I, 316 и II, 11.

КОНСТАНТИНОПОЛЬЦЫ не любимы подгородными и иногородными жителями II, 348 и 349; II, 423; грамотѣи II, 350; склонны къ грабежу и бунтамъ II, 290, 241, 305, 306 и 418; позволеніе имъ выселяться, данное латинянами, II, 403; см. Византія.

КОНСТАНТИНЪ, армянинъ,—его хвастовство и единоборство съ Евстратіемъ I, 29—31; плѣнъ, бѣгство и вторичный плѣнъ I, 31 и 32.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ,—вдѣлалъ одинъ изъ гвоздей креста Христова въ узду своего коня, а другой въ шлемъ, II, 123; его вѣнецъ надъ престоломъ великой церкви I, 434; его гробница ограблена ворами II, 177.

КОНСТАНТИНЪ, эвнухъ, содѣйствуетъ вторичному возведенію на престолъ Исаака Ангела II, 287: склоняется на сторону Дуки Мурцуфла II, 307.

КОНСТАНЦІЯ,—городъ, взятый Іоанномъ мизійскимъ, II, 263.

КОНТОСТЕФАНЪ АЛЕКСѢЙ, астрологъ, провозглашенъ чернію императоромъ, арестованъ и заключенъ подъ стражу II, 142.

КОНТОСТЕФАНЪ АЛЕКСѢЙ, племянникъ импер. Мануила по сестрѣ. сынъ Стефана Контостефана,—его походъ противъ Венгріи для воцаренія Стефана, брата Яцы,—I, 161.

КОНТОСТЕФАНЪ АНДРОНИКЪ, племянникъ импер. Мануила по сестрѣ, сынъ Стефана Контостефана, посланъ импер. Мануиломъ противъ Раймунда I, 67 и 68; начальникъ флота,—назначенъ предводителемъ всего войска въ венгерскую кампанію I, 194 и 195; скрываетъ грамоту импер Мануила, запрещавшую начинать сраженіе, I, 196 и 197: говоритъ рѣчь войску I, 197—199; начинаетъ сраженіе и одерживаетъ блистательную побѣду I, 199—201: раздѣляетъ тріумфъ императора I, 203; въ качествѣ великаго дукса отправляется главнымъ начальникомъ въ египетскую экспедицію I, 206; прибытіе его въ Кипръ, въ Іерусалимъ, взятіе имъ крѣпостей Тунія и Тенесія и соединеніе съ флотомъ I, 207 и 208; осаждаетъ Таміаѳъ I, 209—210; связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ грамотами императора I, 211; говоритъ рѣчь войску I, 211—214; дѣлаетъ рѣшительный приступъ, но остановленъ союзникомъ, королемъ іерусалимскимъ, I, 214 и 215; возвращеніе его по заключеніи мира въ Византію I, 216: преслѣдуетъ венеціянскій флотъ I, 221 и 222; въ несчастномъ походѣ Мануила противъ персовъ командовалъ арріергардомъ I, 231 и 239: остановилъ Мануила отъ мысли бросить войско I. 240; примиряетъ распрю между протосевастомъ Алексѣемъ и кесариссою Маріею I, 309 и 310; противъ воли Алексѣя протосеваста удержалъ начальство надъ флотомъ I, 318; перешелъ со всѣмъ флотомъ на сторону Андроника I, 319; участвуетъ съ своими десятью сыновьями въ заговорѣ противъ Андроника I, 341, 342 и 316; схваченъ и ослѣпленъ вмѣстѣ съ четырьмя изъ своихъ сыновей I, 342.

КОНТОСТЕФАНЪ АНДРОНИКЪ, женатъ на Иринѣ, дочери импер. Алексѣя III Комнина,—его участіе въ процессіи коронованія II, 146; злоба и доносъ на свою тещу, императрицу Евфросинію, II, 187—189; содѣйствіе возвращенію ея изъ монастыря II, 193 и 194; его смерть II, 209.

КОНТОСТЕФАНЪ ІОАННЪ, племянникъ по сестрѣ импер. Мануила,

сынъ Стефана Контостефана,—посланъ вмѣстѣ съ братомъ Андроникомъ противъ Раймунда I, 67 и 68; въ санѣ наварха, не смотря на старость, посланъ Исаакомъ Ангеломъ противъ Исаака кипрскаго II, 20; взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Сицилію II, 20 и 21.

КОНТОСТЕФАНЪ СТЕФАНЪ, женатъ на сестрѣ императора Мануила I, 98; главный начальникъ флота въ керкирской экспедиціи I, 98; человѣкъ сильный при импер. Мануилѣ,—его выходка противъ патріарха Козьмы и предсказаніе о немъ патріарха I, 103; его смерть по предреченію патріарха I, 100 и 101; его дѣти I. 67, 68 и 161.

КОНТОСТЕФАНЪ N. N., глава заговора, подавленнаго импер. Евфросиніею, II, 241.

КОНТЪ—значеніе этого иностраннаго титула I, 391.

КОНАТТИНЪ, сынъ Кличъ-Асѳлана, владѣтель Кесаріи и Колоніи, или Таксаръ, II, 243; его смерть II, 243.

КОНАТТИНЪ, сынъ Кайхозроя, вмѣстѣ съ братьями своими на время лишилъ своего отца власти II, 78 и 77.

КОРИНѲЪ, городъ,—взятіе и опустошеніе его сицилійцами I, 95 и 96; жизнь коринѳскихъ плѣнниковъ въ Сициліи I, 125; Коринѳъ во власти Сгура II, 365 и 410; коринѳскій архипастырь II, 367 и 411.

КОРИФО, новое названіе острова Керкиры или Корциры, I, 92.

КОСМОСЪ, корабль II, 272.

КОТІАЙ, городъ,—разрушенъ иконійскимъ султаномъ I, 336; предѣлъ владѣній Кайхозроя II, 243.

КОЦА, предводитель отряда скиѳской дружины II. 379.

КРЕСТЪ драгоцѣнный, съ изображеніемъ Христа, I, 38.

КРИНЪ, мѣстечко II, 425.

КРИТЪ, островъ I, 339; критскій сборщикъ податей I, 339; критское море I, 338; критскій лабиринтъ I, 386.

КРИЧИМСКОЕ, мѣстечко II, 230.

КРОВЬ,—обычай пить ее при заключеніи союза съ сарацинами II, 73.

КСАНѲІЯ, городъ II, 232 и 355.

КСЕНІЯ, вторая супруга импер. Мануила, дочь Петевина, необыкновенная красавица I, 146; рожденіе ею сына импер. Мануилу I, 216 и 217; по смерти мужа предметъ соисканія вельможъ I, 289; въ связи съ Алексѣемъ протосевастомъ I, 289 и 296; ненавидима падчерицею Маріею I, 297; склоняется къ примиренію съ нею въ слѣдствіе настояній патріарха Ѳеодосія I, 309; по желанію Андроника переселилась изъ большаго дворца въ Филопатій,—пренебреженіе и ненависть къ ней Андроника I, 327; беззаконный судъ надъ нею, разлученіе ея съ сыномъ и удаленіе изъ дворца I, 340 и 341; вторичный судъ и заключеніе въ тюрьму монастыря Св. Діомида I, 343; третій судъ надъ нею, приговоръ, и насильственная смерть ея I, 343—345; ея

портреты I, 419; ея предположеніе перестроить Іоанницкій дворецъ въ женскій монастырь II, 85.
КСЕРКСЪ,—его начальникъ кораблей I, 332.
КСИЛОКЕРСКІЯ ВОРОТА, см. Константинополь.
КСИРЪ МАНУИЛЪ,—его подвигъ I, 252 и 253.
КСИФИЛИНЪ ГЕОРГІЙ, одинъ изъ служителей алтаря,—недобросовѣстное исполненіе имъ посольства къ Андронику I, 318; великій скевофилаксъ, произведенъ въ константинопольскіе патріархи II, 70; рукополагаетъ Константина Месопотамскаго въ діаконы II, 195; выдаетъ опредѣленіе, дозволявшее Месопотамскому одновременно служить храму и двору. II, 196; его недобросовѣстность въ судѣ надъ Месопотамскимъ II, 200; управлялъ церковію семь лѣтъ II, 234.
КУПЕРІЙ, мѣстечко по близости къ Чурулу,—набѣгъ на него скиѳовъ II, 212—214; храмъ мученикаГеоргія въ Куперіѣ и огромное стеченіе богомольцевъ на храмовой праздникъ II, 212.

Л.

ЛАВРАКСЪ, рыба I, 73.
ЛАГОСЪ ІОАННЪ, начальникъ преторіанской тюрьмы,—его своеобразное разбойничество II, 248 и 249; безнаказанность со стороны императора, возбужденіе возстанія противъ себя и бѣгство II, 249 и 250.
ЛАКЕДЕМОНЪ, городъ, во власти Льва Хамарета II, 410; лакедемонская собака I, 353.
ЛАКЕРІЙ,—лакерійскіе персы I, 250.
ЛАКОНІЯ, во власти латинянъ II, 372; подъ управленіемъ Льва Хамарета II, 410; отчизна Елены аргивской II, 436.
ЛАМІЯ, любовница Димитрія Поліоркета I, 436.
ЛАМПА, городъ I, 228 и 251; II, 204.
ЛАОДИКІЯ СИРІЙСКАЯ, — отклоненіе ея отъ измаильтянъ сыномъ императора Фридерика II, 83.
ЛАОДИКІЯ ФРИГІЙСКАЯ,—освобожденіе ея отъ персовъ и укрѣпленіе импер. Іоанномъ I, 16; бѣгство въ нее Андроника Ангела I, 251; стѣсненіе ея Манкафою II, 60; остановка въ ней аллемановъ и благословенія ей отъ императора Фридерика II, 76; уступка ея Ласкарисомъ Кайхозрою въ пользу Маврозома II, 412.
ЛАПАРДА АНДРОНИКЪ,—его участіе въ битвѣ съ венграми I, 196; участіе въ походѣ Мануила противъ персовъ I, 231; участіе въ заговорѣ кесариссы Маріи I, 297; его наружность и таланты,—посланъ импер. Андроникомъ противъ Іоанна Ватаца I, 337 и 338; ведетъ войну съ венгерскимъ королемъ Бѣлою и

ищетъ спасенія отъ Андроника въ бѣгствѣ I, 353; родомъ изъ Адріанополя I, 354; его благородное возстаніе противъ Андроника, арестъ, ослѣпленіе и заключеніе въ монастырь I, 353—355.

ЛАРДЕЯ, городъ II, 54.

ЛАРИССА, городъ, во власти маркиза Бонифатія II, 359 и 364.

ЛАСКАРИСЪ ѲЕОДОРЪ, женатъ на Аннѣ, дочери императора Алексѣя III Комнина, смѣлый и храбрый юноша II, 225; походъ его противъ Иванки II, 229 и 230; сила его ударовъ и храбрость въ сшибкахъ съ латинянами II, 280; избранъ въ императоры, безуспѣшно употребляетъ послѣднія усилія спасти Константинополь и спасается бѣгствомъ II, 318—320; старается защитить азіятскія провинціи отъ латинянъ II, 361; утверждаетъ свое право на престолъ битвами съ Маврозомомъ, Синадиномъ, полководцемъ Давида Комнина, и турками II, 396 и 397; переходъ къ нему изъ Филиппополя сторонниковъ Алексѣя Аспіета II, 398; границы его владѣній II, 411 и 412; уступка имъ нѣкоторыхъ городовъ въ пользу Маврозома по договору съ Кайхозроемъ II, 412; война его съ Давидомъ Комнинымъ и съ латинянами II, 414 и 415; пораженіе латинянъ его полководцемъ II, 415 и 416.

ЛАТИНЯНЕ, родовое названіе всѣхъ западныхъ народовъ, преимущественно французовъ и итальянцевъ I, 318; II, 323, 325 и 403; наемные латиняне составляютъ лучшую часть войска римскихъ императоровъ и закалены въ битвахъ I, 318, 321; II, 31 и 37; истребленіе ихъ Андроникомъ и попытка противъ нихъ при Исаакѣ Ангелѣ I, 322 и 323; II, 49 и 50; подобная же попытка послѣ II, 290; отличаются отъ римлянъ по бритью бороды, стрижкѣ волосъ и одеждѣ I, 382; II, 50, 269, 324, 391 и 427; смѣются на римскими обычаями II, 349 и 350; не знаютъ ни грацій, ни музъ, оттого крайне грубы и считаютъ единственною добродѣтелью храбрость II, 355 и 433; необразованные и совершенно безграмотные варвары II, 438; осмѣиваютъ римлянъ, какъ грамотѣевъ, II, 350; не имѣютъ никакого уваженія къ римской святынѣ и нечестиво ругаются надъ нею I, 381, 382, 388 и 389; II, 321—326, 340 и 350; латинскія уклоненія въ вѣрѣ II, 273; латиняне неумолимо жестоки къ плѣннымъ римлянамъ I, 382 и II, 361, — въ особенности французы II, 341 и 324; страстно любятъ золото и игру II, 289, 298, 302 и 438; ихъ потѣшныя битвы I, 136—138 и II, 438; толпы ихъ овладѣли Константинополемъ подъ предлогомъ уклоненія отъ пути въ Палестину на помощь Исааку Ангелу II, 337; II, 276—281; II, 302 и 303; II, 313—320,—см. Константинополь, Дандуло, Бонифатій, Сенъ-Поль, Балдуинъ, Петръ де Плашесъ, вене-

ціяне, сицилійцы, французы; латинскіе императоры въ Константинополѣ и битвы латинянъ съ скиѳами, валахами и римлянами, см. Балдуинъ, Генрихъ, Бонифатій, Дандуло; латинскій патріархъ и кардиналъ въ Константинополѣ II, 391; недостойные подвиги латинскаго духовенства въ Константинополѣ II, 427—429.
ЛАХАНА МАНУИЛЪ защищаетъ Ирусу противъ Андроника I, 365; бродяга по словамъ Андроника I, 365; повѣшенъ имъ I, 367; продажный Лахапа,—грамота къ нему Андроника I, 417.
ЛЕВУНЪ, царь Арменіи,—война съ нимъ импер. Іоанна I, 27—34.
ЛЕВУНЪ ВТОРЫЙ,—бѣгство къ нему Кайхозроя II, 244; союзъ его съ Рукратиномъ и отреченіе помочь Кайхозрою II, 245.
ЛЕОНТІЙ, добродѣтельный патріархъ іерусалимскій II, 66.
ЛЕОНТІЙ, патріархъ константинопольскій, — его избраніе и низверженіе II, 67.
ЛЖЕ-АЛЕКСѢЙ, самозванецъ, родомъ изъ Константинополя,—гумножегъ,—его возстаніе и смерть II, 86—90.
ЛЖЕ-АЛЕКСѢЙ, самозванецъ изъ Пафлагоніи,—его пораженіе, плѣнъ и смерть II, 90.
ЛЖЕ-АЛЕКСѢЙ, самозванецъ изъ Киликіи,—война съ нимъ и смерть его II, 150—153 и 169.
ЛИВАНОВА слава II, 104.
ЛИВІЯ, область II, 351.
ЛИДІЯ,—возмущеніе въ окрестностяхъ ея Манкафы II, 58; входитъ въ составъ владѣній Ѳеодора Ласкариса II, 411.
ЛИЗИМАХЪ,—его произведеніе II, 241 и 433.
ЛИЗІИ, то есть ленники, или вассалы, I, 259; импер. Іоаннъ дѣлаетъ своими лизіями князя Раймунда антіохійскаго и графа трипольскаго I, 34.
ЛИКАОНІЯ—во власти персовъ I, 91 и II 243.
ЛИКТОРЫ,—ихъ одежда особаго цвѣта I, 432.
ЛИММОРИХЪ, городъ I, 248.
ЛИСТОПАДЪ,—названіе мѣсяца II, 256 и 360.
ЛИТОВОЙ, солдатъ, сманившій проводника изъ валаховъ, II, 102.
ЛОВИЦА, крѣпость,—неудачная осада ея Исаакомъ Ангеломъ II, 58.
ЛОНГОБАРДІЯ, итальянская область I, 116; родина маркиза Бонифатія,—ея мѣстоположеніе II, 353.
ЛОПАДІЙ,—укрѣпленіе этого города импер. Іоанномъ I, 42; возстаніе противъ импер. Андроника и взятіе Алексѣемъ Враною I, 357; наказаніе его Андроникомъ и ослѣпленіе тамъ одного епископа I, 368; взятіе его Петромъ де Плашесъ и спасеніе отъ грабежа II, 361 и 362.
ЛОТОВА ЖЕНА,—I, 408.
ЛОХМОТНИКЪ (ракендитъ), нечестивый инокъ Антигонова монастыря, подвергшій богомольцевъ Куперія нашествію скиѳовъ, II, 213 и 214.

ЛУМЫ, крѣпость I, 247.
ЛЬНЯНАЯ ТКАНЬ, употребляемая по своей непроницаемости вмѣсто латъ, II, 41.
ЛѢСТНИЦЫ въ видѣ башень, употребляемыя при осадахъ, I, 105; II, 263, 390, 392 и 405.
ЛѢТОСЧИСЛЕНІЕ, или указаніе лѣтъ, дѣлаемое авторомъ: 6600 годъ—опечатка подлинника вмѣсто 6690 года,—I, 345; 6693 годъ — I, 384; 6794 годъ—опечатка подлинника вмѣсто 6694 года,—I, 429; 6711 годъ—II, 278 и 291; 6712 годъ—II, 305, 315, и 382; 6713 годъ—II, 382; 6714 годъ—II, 409
ЛЮДОВИКЪ, графъ блуасскій, стремился попасть въ Палестину,—заключилъ союзъ противъ римлянъ съ Генрихомъ Дандуло II, 271; см. Блуа Людовикъ.

М.

МАГІЯ, — занятія ею подъ видомъ астрологіи и казнь за эти занятія I, 188; магическій персикъ, магическій змѣй, магическіе черти I, 189 и 190.
МАГОМЕТЪ,—разборъ его ученія о Богѣ I, 276—280; анаѳема ему и его ученію I, 281.
МАГОМЕТЪ, правитель города Кастамоны, — борьба его съ императ. Іоанномъ и отношенія къ Масуту, султану Иконіи, I, 25 и 26; владѣтель каппадокійской страны I, 25; завоеватель части Иверіи и Месопотаміи,—его могущество, происхожденіе и новая борьба съ импер. Іоанномъ I, 43—47.
МАВРИКІЙ царь,—преданіе о бесѣдѣ его со Христомъ и его икона I, 418.
МАВРОЗОМЪ МАНУИЛЪ, тесть Кайхозроя,—ищетъ римскаго престола и ведетъ борьбу съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ II, 395—397; получаетъ отъ Ласкариса часть римскихъ владѣній по договору его съ Кайхозроемъ II, 412.
МАВРОЗОМЪ ѲЕОДОРЪ, начальникъ шестидесяти тріиръ въ египетской экспедиціи I, 206; командуетъ лѣвымъ крыломъ арміи въ несчастномъ походѣ Мануила противъ персовъ I, 231.
МАВРОПУЛЪ, римлянинъ,—его видѣніе I, 244 и 245.
МАИНЦКІЙ ЕПИСКОПЪ,—пораженіе и плѣнъ его I, 258 и 259; II, 35.
МАЙ, начальникъ сицилійскаго флота,—его переписка съ Алексѣемъ Аксухомъ I, 123; его поѣздка въ Константинополь I, 125 и 126.
МАКЕДОНІЯ,—была опустошена скиѳами I, 18; снова опустошена скиѳами и валахами II, 168; возстаетъ противъ латинянъ II, 376; македонянинъ I, 7; македонская фаланга I, 37.
МАКРИ, новое названіе города Стагиры II, 135.

МАКРОДУКА КОНСТАНТИНЪ участвовалъ въ несчастномъ походѣ Мануила противъ персовъ I, 231; женатъ на родной теткѣ Исаака кипрскаго, дочери брата Мануилова, севастократора Исаака Комнина, I, 370; отданъ подъ судъ Андроникомъ I, 372; заключенъ въ темницу и повѣшенъ I, 373 и 374, оплаканъ Андроникомъ I, 375; былъ его вѣрнымъ слугою I, 376; пользовался его милостями I, 397.

МАЛЕИНЪ, спутникъ Алексѣя Комнина, виновника сицилійской войны,—побуждаетъ короля Вильгельма къ войнѣ съ римлянами I, 377.

МАЛЕЯ, мысъ знаменитый бурными вѣтрами I, 93 и 222.

МАЛЬЧИКИ, отличавшіеся красотою, — ихъ могущество при дворѣ Исаака Ангела II, 115—117; безбородые мальчики, наперсники импер. Алексѣя III Комнина, II, 217 и 218.

МАМАЛЪ, писецъ императора Алексѣя II, юноша,—сожженіе его Андроникомъ I, 394 и 395.

МАНГАНСКІЙ монастырь, манганскій дворецъ,—см. Константинополь.

МАНКАФА ѲЕОДОРЪ, прозванный Моро-Ѳеодоромъ,—его мятежъ II, 58; примиреніе съ императоромъ Исаакомъ, бѣгство къ Кайхозрою, грабежи, выдача римскому правительству и заключеніе въ темницу II, 59—61.

МАРАПТИКА, любовница императора Андроника I, 436 и 439.

МАРИНЪ, дожъ Венеціи въ Константинополѣ II, 386.

МАРІЙ,—его побѣда надъ кимврами I, 90.

МАРІЯ Паннонская, вторая супруга императ. Исаака Ангела II, 356; дочь венгерскаго короля Бѣлы, — вышла замужъ ранѣе десяти лѣтъ II, 18; была въ томъ походѣ противъ валаховъ, когда Исаакъ соединился съ Бѣлою, II, 107; имѣла отъ Исаака сына, Мануила, II, 357; по смерти Исаака вышла замужъ за маркиза Бонифатія II, 356, 357 и 359; жила въ Ѳессалоникѣ и увѣдомляла мужа о ходѣ ѳессалоникскаго возстанія II, 384 и 385.

МАРКІАНЪ императоръ,—построилъ храмъ св. Ирины I, 266.

МАРСІАСЪ, рѣка, впадающая въ Меандръ, I, 228.

МАРСІАСЪ, безумный соперникъ Аполлона I, 228.

МАРТИНЪ кардиналъ, прибывшій въ Константинополь, II, 391.

МАССИЛІЙСКІЕ ВИНОГРАДНИКИ ограждены костями кимвровъ I, 90.

МАСУТЪ, султанъ иконійскій, отецъ Кличъ-Асѳлана I, 146 и 147; отступаетъ отъ союза съ импер. Іоанномъ въ пользу Магомета кесарійскаго I, 25 и 26; опустошаетъ римскія области I, 67; ведетъ войну съ импер. Мануиломъ I, 68 и 69; дочь его въ замужствѣ за двоюроднымъ братомъ Мануила, Іоанномъ Комнинымъ, I, 46 и 69; его смерть и раздѣлъ имъ своихъ владѣній сыновьямъ и зятьямъ I, 146 и 147.

МАСУТЪ, сынъ Кличъ-Асѳлана, владѣтель Анкиры, Амасіи и другихъ

понтійскихъ городовъ II, 243; его война съ братомъ Рукратиномъ II, 243; см. Анкирскій сатрапъ.
МАЦУКЪ ѲЕОДОРЪ, секретарь императ. Мануила,—его близость къ императору и участіе въ дѣлѣ о чинѣ оглашенія I, 278 и 279.
МЕАНДРЪ, древній писатель II, 51.
МЕАНДРЪ, рѣка,—имѣетъ потокъ близъ города Келенъ I, 228; течетъ извилисто и впадаетъ въ море II, 412; принимаетъ въ себя рѣку Марсіасъ I, 228; представляетъ множество водоворотовъ и пучинъ I, 85; примеандрскіе города—обыкновенная жертва иконійскихъ персовъ и обыкновенное мѣсто борьбы римлянъ съ персами I, 68, 157, 247, 248 и 249; II, 60, 88, 203 и 396; уступлены Ѳеодоромъ Ласкарисомъ по договору съ Кайхозроемъ въ пользу Маврозома II, 412; знаменитая побѣда импер. Конрада надъ турками при р. Меандрѣ I, 85—91.
МЕГАРИТЪ, союзный Исааку кипрскому пиратъ II, 20 и 21.
МЕДЕЯ, мстительная II, 194.
МЕДІОЛАНЪ, городъ,—его борьба съ аллеманами и союзъ съ импер. Мануиломъ I, 258.
МЕЛАНГІИ, городъ, — возстановленіе его императ. Мануиломъ I, 67; прибытіе въ него Алексѣя III Комнина II, 151; слабость его въ преданности римскому правительству II, 151 и 152.
МЕЛАСЪ, рѣка,—ея разливъ I, 81 и 82.
МЕЛИВОТЪ, приморскій городъ I, 165 и 206.
МЕЛИТИНА, городъ, бывшій во власти особаго эмира,—завоеванъ Кличъ-Асѳланомъ I, 155; по смерти его достался въ удѣлъ сыну его Копаттину II, 243.
МЕНАДЫ, спутницы Вакха I, 405.
МЕСИНА, ѳракійскій городъ II, 212; разрушена скиѳами II, 401.
МЕСОПОТАМІЯ, область,—походъ въ нее импер. Іоанна I, 36.
МЕСОПОТАМСКІЙ КОНСТАНТИНЪ,—временщикъ при импер. Исаакѣ Ангелѣ II, 132; избранъ императрицею Евфросиніею для уничтоженія взяточничества II, 186; сдѣлался всемощнымъ любимцемъ импер. Алексѣя III Комнина II, 186 и 187; навлекаетъ на себя ненависть царскихъ родственниковъ II, 187; старается о возвращеніи Евфросиніи изъ монастыря II, 194; не довольствуясь должностію епиканиклія и гражданскимъ всемогуществомъ, принимаетъ духовный санъ II, 195; проходитъ степени чтеца, діакона, и дѣлается архіепископомъ ѳессалоникскимъ II, 195 и 196; какъ протей и амфибія, совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ высшую власть церкви и государства II, 196 и 197; дѣлаетъ своими помощниками братьевъ II, 197; его особа—наглядное соединеніе царственности и священства II, 198; общій заговоръ противъ него вельможъ, въ особенности взяточника Стрифна, II, 199; гражданское паденіе его и его братьевъ II,

199 и 201; церковное низложеніе его изъ епископскаго сана II, 199 и 200.
МЕТОНА, городъ II, 372; во власти латинянъ II, 410.
МИЗІЯ составляла въ древности одно владѣніе съ Болгаріею II, 26, мизійцы нынѣ называются валахами II, 18; варвары эмской горы II, 18; см. Валахи.
МИЛІОНЪ. см. Константинополь.
МИЛУДІЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ, см. Константинополь.
МИЛЬТІАДЪ, - его трофей не давалъ сна Ѳемистоклу I, 97.
МИРІОКЕФАЛЪ, старинная крѣпость I, 228.
МИТАТЪ, сарацинская молельня въ Константинополѣ II, 291.
МИТЯ, братъ Иванки,—его бѣгство II, 240.
МИХАИЛЪ, патріархъ константинопольскій, — его избраніе изъ иноковъ оксійскаго монастыря, его достоинства, коронованіе имъ Мануила I, 67; его добровольное отреченіе отъ каѳедры и иноческіе подвиги въ Оксійскомъ монастырѣ I, 101; построеніе имъ темницы при патріаршемъ дворцѣ I, 320; разстриженіе и заключеніе имъ въ темницу еретика Нифонта I, 102.
МИХАИЛЪ ѲЕССАЛОНИКСКІЙ, риторъ великой церкви I, 273.
МОИСЕЙ, избавитель народа II, 328; побѣдитель амаликитянъ I, 20; младшій братъ Аарона I, 56.
МОКІЙ великомученикъ,—храмъ во имя его, см. Константинополь.
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, статуя II, 439.
МОНАСТИРІОТЪ ЛЕВЪ, велосудья,—съ опасностію жизни противится осужденію императрицы Ксеніи I, 340; уста сената,—имѣлъ вліяніе даже на импер. Андроника и спасъ отъ казни зятя своего Диспата I, 396; осмѣиваетъ походъ Исаака Ангела противъ валаховъ II, 25.
МОНАСТЫРИ, см. Константинополь,—церкви монастырскія.
МОНАХИ бываютъ богаче и болѣе развлечены хлопотами объ имуществахъ, чѣмъ міряне, I, 267; въ большихъ городахъ монахи только носятъ имя монаховъ и роняютъ честь монашества I, 268 и 269; монахи босые, спящіе на землѣ и столпники во дворцѣ Исаака Ангела II, 35 и 36; нечестивые и богоненавистные иноки, гонявшіеся за царскими трапезами, поддерживаютъ лживыми предсказаніями грезы Исаака Ангела II, 299; постриженіе въ монашество импер. Мануила I, 285; невольное постриженіе въ иночество II, 94, 96 и 97; монахъ—сборщикъ подаяній для Антигонова монастыря II, 213 и 214; патріархи изъ монаховъ: Михаилъ I, 67; Леонтій II, 67; Досиѳей II, 66—70.
МОНЕМВАСІЯ, городъ, — отбилъ нападеніе сицилійскаго флота I, 93; Распятіе Христово,—знаменитая икона Монемвасіи II, 121.
МОНФЕРРАТСКІЙ МАРКИЗЪ, союзникъ императ. Мануила II, 258; женитъ младшаго сына, кесаря N. N., на дочери императ. Ма-

нула, Маріи, II, 219 и 258; его дѣти: Бонифатій маркизъ монферратскій, братъ Бонифатія кесарь Конрадъ и кесарь N. N., I, 258 и II, 34 и 35.
МОПСУЕСТІЯ, городъ при рѣкѣ Пирамѣ I, 64.
МОРАВА, рѣка II, 107.
МОРО-ѲЕОДОРЪ, см. Манкафа.
МОСИНОПОЛЬ, городъ I, 400; II, 4, 5 и 96.
МУНТАНЪ НИКИТА, патріархъ константинопольскій,—дряхлый старецъ,—его избраніе изъ секелларіевъ и низверженіе II, 67.
МУРЦУФЛЪ, см. Дука Алексѣй Мурцуфлъ.
МУСУРІЙ,—названіе султанской грамоты II, 88.
МѢДНАЯ ТЮРЬМА,—II, 121 и 250; см. Халка.
МѢСТЕЧКО ВАСТЕРНЫ недалеко отъ Веррои II, 54.
МѴРО, истекающее изъ гроба мученика Димитрія, — поруганіе надъ нимъ латинянъ I, 388 и 381.

Н.

НАВПЛІЙ, родина и владѣніе Льва Сгура II, 365; выдерживаетъ осаду латинянъ II, 373 и 374; остается во власти Сгура II, 410 и 411.
НАВУЗАРДАНЪ, предавшій огню градъ Божій, II, 333.
НЕВѢСТЫ,—обычай ихъ воздерживаться на свадебномъ пиру отъ пищи II, 223 и 224.
НЕЕМАНЪ СТЕФАНЪ, сербскій сатрапъ,—его успѣхи, война съ импер. Мануиломъ, боязнь предъ нимъ и невольная покорность I, 203—205; его постриженіе въ иночество и удаленіе въ одинъ изъ пажкійскихъ монастырей II, 259; его дѣти,—см. Волкъ и Стефанъ, князь тривалльскій.
НЕОКАСТРА, см. новыя крѣпости.
НЕОКЕСАРІЯ,—осада ея импер. Іоанномъ I, 45 и 59.
НЕСТОРЪ, родомъ изъ Пилоса II, 372.
НЕУЧИКЪ, мѣстечко II, 109.
НИКЕЙ, солдатъ, поймавшій Андроника послѣ его бѣгства изъ темницы, I, 135.
НИКЕЯ, главный и обширнѣйшій городъ Виѳиніи I, 315; освобожденъ Боемундомъ изъ подъ власти персовъ I, 12; противится принятію Андроника I, 315; возстаніе ея послужило поводомъ къ воцаренію Андроника I, 345; выдерживаетъ осаду Андроника I, 357 — 362; сдается ему добровольно I, 363; подвергается его мести I, 364; посѣщена Алексѣемъ III Комнинымъ II, 207; намѣреніе Балдуина завоевать ее II, 374; составляетъ владѣніе

Θеодора Ласкариса II, 411; мѣсто жительства Никиты Хоніата II, 424.
НИКИТА, епископъ города Хонъ, эвнухъ, великій мужъ и истинно Божій человѣкъ,—его пророчество объ императорѣ Мануилѣ I, 282 и 283.
НИКИФОРЪ, эвнухъ, паракимоменъ импер. Андроника,—посланъ съ войскомъ противъ сицилійцевъ I, 401.
НИКОЛАЙ, архіепископъ коринѳскій,—его доносы на Сгура II, 367; примиреніе со Сгуромъ и насильственная смерть II, 411.
НИКОЛАЙ, епископъ никейскій, — увѣщаваетъ Никею покориться Андронику и съ евангеліемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи клира, ведетъ къ нему всѣхъ жителей города I, 363 и 364.
НИКОМИДІЯ, городъ I, 316; переходитъ на сторону Андроника I, 315; предметъ замысловъ Давида Комнина II, 396; была осаждаема латинянами II, 414; никомидійскія трахіи или горныя трущебы II, 415.
НИКОПОЛЬ, тоже, что Акціумъ, — елладскій городъ II, 433; составляетъ владѣніе Михаила Ангела Комнина, незаконнорожденнаго сына севастократора Іоанна Ангела Дуки, II, 410.
НИЛЪ, рѣка I, 205 и II, 351; нильское животное Скингосъ I, 406; Нильская Лошадь, Нильскій Быкъ—статуи, см. Константинополь.
НИМАТАРЕЙСКІЙ женскій монастырь II, 193.
НИСЕЙСКІЙ КОНЬ—I, 242 и 243.
НИСЪ,—укрѣпленъ римлянами I, 173; мѣсто борьбы римлянъ съ венграми I, 353; опустошенъ валахами II, 106; не далеко отъ рѣки Савы II, 107.
НИФОНТЪ, монахъ-разстрига, еретикъ,—заключенъ въ темницу патріархомъ Михаиломъ I, 102; былъ близокъ къ его преемнику, патріарху Козьмѣ Аттику, I, 102.
НОВЫЯ КРѢПОСТИ (Неокастра),—I, 192 и 191.
НОВЫЯ ПАТРЫ,—городъ I, 417
НУМИДІЯ, страна II, 351.

О.

ОБЛАКО (Нефела), которое Иксіонъ ловилъ вмѣсто Гэры, I, 291.
ОГОНЬ жидкій, или водяный, употребляемый римлянами въ морскихъ и сухопутныхъ битвахъ, I, 97 и II, 33; будучи затаенъ въ закрытыхъ сосудахъ, вырывается изъ нихъ молніями II, 47; воспламеняется и бросается на далекое разстояніе посредствомъ особыхъ орудій, разливаясь по пути паденія и пожигая все, II, 389 и 47.

ОДИГИТРІЯ, см. Богоматерь и Иконы.
ОДИГІЙСКІЙ монастырь, см. Константинополь.
ОДИССЕЙ, царь кефалонскій I, 104; его корабль и спутники II, 434.
ОЗИРИСЪ, братъ Тифона II, 144.
ОКСІЙСКІЙ монастырь на островѣ Оксіи I, 67.
ОКСІЯ, островъ I, 101.
ОЛИМПЪ, гора II, 141 и 362.
ОМФАЛА, которой угождалъ Геркулесъ, I, 177; II, 242.
ОРЕЛЪ, статуя,—см. Константинополь.
ОРЕСТІЯ, или Орестіада,—см. Адріанополь.
ОРЛИНОЕ, село II, 76.
ОРОНТЪ, рѣка I, 34.
ОРФЕЙ,—дѣйствіе его игры I, 382.
ОСЕЛЪ, статуя,—см. Константинополь.
ОССА, гора I, 104.

П.

ПАБЛАНЪ, турецкій полководецъ I, 85.
ПАВЕЛЪ, апостолъ, — древняя икона его I, 444; любовь императора Андроника къ его посланіямъ I, 295, 444 и 445.
ПАДІАТЪ ѲЕОДОРЪ посланъ съ войскомъ противъ сербовъ I, 204.
ПАКТІАРІЙ, одинъ изъ полководцевъ импер. Іоанна I, 17.
ПАЛАТИНЪ, названіе должности патріаршаго чиновника I, 309.
ПАЛЕОЛОГЪ АЛЕКСѢЙ разводится съ своею женою, чтобы взять за себя Ирину, дочь импер. Алексѣя III Комнина, II, 225; преслѣдуетъ Иванку II, 230; усмиряетъ мятежъ въ Константинополѣ II, 251; подвергается опасности отъ провала въ Халкидонѣ II, 259; подавляетъ мятежъ Спиридонаки II, 266.
ПАЛЕОЛОГЪ АНДРОНИКЪ, одинъ изъ римскихъ полководцевъ, посланныхъ импер. Андроникомъ противъ сицилійцевъ, I, 401.
ПАЛЕОЛОГЪ ГЕОРГІЙ въ числѣ лицъ, провозгласившихъ императоромъ Алексѣя III Комнина, II, 134; его храбрость II, 230.
ПАЛЕОЛОГЪ МИХАИЛЪ, вельможа, — въ разногласіи съ Іосифомъ Вальсамономъ I, 74; отлично ведетъ сицилійскую войну I, 116; лишенъ начальства надъ войскомъ I, 120.
ПАЛЕОЛОГЪ НИКИФОРЪ, владѣтель Трапезунта I, 292.
ПАЛЕСТИНА во власти сыновъ Агари, или измаильтянъ, — опасность путешествій въ Палестину I, 77; походы въ Палестину—Боемунда I, 12; Конрада вмѣстѣ съ французами I, 80 и 83; Фридерика II, 61—83; королей англійскаго и французскаго одновременно съ Фридерикомъ II, 84; Бонифатія монферратскаго, Балдуина Фландрскаго и прочихъ, которые, желавши плыть въ Па-

лестину, завоевали Константинополь, II, 271; мечты римских императоров Іоанна и Исаака освободить Палестину отъ иноплеменниковъ I, 53 и II, 104; бѣгство въ Палестину къ измаильтянамъ Алексѣя III Комнина II, 259.
ПАМФИЛІЯ, азіятская область съ городомъ Созополемъ, во власти персовъ I, 17.
ПАМФИЛЬСКІЯ ПОЛЯ,—недалеко отъ Адріанополя II, 392.
ПАНАСІЙ, мѣсто кочевья панасійскихъ турковъ I, 250.
ПАНГЭЙ, гора II, 232.
ПАНІЙ, приморскій городъ II, 387.
ПАНТЕВГЕНЪ САТИРИХЪ, нареченный епископъ великой Антіохіи I, 273.
ПАНТЕВГЕНЪ, N. N., задержавшій бѣгство импер. Исаака II, 135.
ПАНТЕПОПТОВЪ монастырь,—см. Константинополь.
ПАНТЕХНЪ ѲЕОДОРЪ, епархъ Константинополя и высшій судья I, 302.
ПАНТОКРАТОРОВЪ монастырь, см. Константинополь.
ПАНЪ,—его ужимки II, 131.
ПАПА древняго Рима,—письмо къ нему импер. Мануила I, 257 и 258; присылаетъ пословъ къ импер. Мануилу для примиренія его съ сицилійцами I, 123; даетъ грамоты Алексѣю, сыну Исаака Ангела, II, 272; папскія привиллегіи II, 273.
ПАПИКІЙ, гора, населенная монастырями, I, 183; II, 94, 96, 97 и 259.
ПАРИСЪ, статуя,—см. Константинополь.
ПАТРАСЪ, городъ,—во власти латинянъ II, 410.
ПАТРИНЪ КОНСТАНТИНЪ, вилосудья I, 340.
ПАТРІАРХИ, см. Стиппіотъ Левъ, Михаилъ, Козьма Аттикъ, Ѳеодосій, Каматиръ Василій, Мунтанъ Никита, Леонтій, Досиѳей, Ксифилинъ Георгій, Каматиръ Іоаннъ; патріаршій дворецъ и темница при немъ I, 320.
ПАФЛАГОНІЯ, область римская I, 24,—принимаетъ Андроника, какъ спасителя, I, 296; осыпана имъ наградами I, 330; составляетъ владѣніе Давида Комнина, его внука, II, 396 и 412.
ПЕВКІИ, мѣстечко близъ Халкидона I, 317.
ПЕГАСЪ,—II, 45, 420 и 430.
ПЕЛАГОНІЯ,—городъ I, 114; II, 265 и 266.
ПЕЛОПОНЕСЪ,—I, 74; завоеванъ маркизомъ Бонифатіемъ II, 359, 372 и 384; платитъ ему подати II, 411.
ПЕНТАПОЛЬЦЫ, персы,—набѣгъ на нихъ импер. Мануила I, 156.
ПЕНТАХИРЪ, крѣпость I, 247.
ПЕНѲЕСИЛІЯ, царица амазонокъ I, 77.
ПЕНѢЙ, небольшая рѣка II, 364.
ПЕРАМА, проливъ, или точнѣе заливъ I, 376 и II, 293.

ПЕРГАМЪ, городъ, укрѣпленный импер. Мануиломъ, I, 191.
ПЕРЕДОВАЯ, рыба (προπομπεύς) II, 116.
ПЕРЕЯ,—берегъ Перы II, 291.
ПЕРЕЯ ПИКРИДІЙСКАЯ,—I, 83.
ПЕРИВЛЕПТОВЪ монастырь, см. Константинополь.
ПЕРИНѲЪ, городъ, разрушенный скиѳами, II, 400.
ПЕРИФИТЪ безпощадный, вооруженный дубиною, I, 191.
ПЕРОЗСКАЯ жемчужина II, 116 и 186.
ПЕРСИКЪ заколдованный I, 189.
ПЕРСО-АРМЯНЕ владѣли Кастамоною I, 24; персо-армянинъ Тапсманій I, 25.
ПЕРСЫ—тоже, что турки, I, 17; грабятъ города при рѣкѣ Меандрѣ I, 16; обыкновенная манера ихъ въ сраженіяхъ I, 227; войны ихъ съ импер. Іоанномъ I, 16—18, 26 и 27, 38 и 39, 41, 45—47; предѣлы ихъ владѣній I, 147 и II, 243; войны ихъ съ императорами Мануиломъ и Андроникомъ — см. Масутъ, отецъ Кличъ-Асѳлана, и Кличъ-Асѳланъ; отнятіе у нихъ Никеи Боемундомъ I, 12; пораженіе ихъ импер. Конрадомъ I, 85 — 91; войны ихъ съ императорами Исаакомъ Ангеломъ, Алексѣемъ III Комнинымъ и Ѳеодоромъ Ласкарисомъ—см. Кайхозрой, Масутъ анкирскій и Рукратинъ; они заставляютъ своихъ христіанскихъ плѣнниковъ невольно перемѣнять вѣру II, 219; персидская фаланга въ римскомъ войскѣ I, 37.
ПЕТЕВИНЪ, итальянецъ, правитель Антіохіи,—отецъ второй супруги импер. Мануила I, 146; см. Ксенія.
ПЕТРАЛИФА ІОАННЪ въ числѣ лицъ, возведшихъ на престолъ импер Алексѣя III Комнина, II, 134.
ПЕТРАЛИФЫ N. N., четыре брата изъ племени франковъ, жившіе въ Дидимотихѣ, первые въ слѣдъ за Пупаки пошли на приступъ Керкиры, I, 105 и 106.
ПЕТРЪ валахъ, братъ Асана, возмутитель валаховъ, — получаетъ отказъ импер. Исаака на свою просьбу II, 19; возмущаетъ своихъ соплеменниковъ II, 22; коронуется, какъ царь валаховъ, II, 23; раздѣляетъ вмѣстѣ съ Асаномъ всѣ трудности и всю славу борьбы съ римлянами,—см. Асанъ; по смерти Асана ведетъ борьбу съ мятежнымъ Иванкою II, 163; упрочиваетъ свою власть и дѣлаетъ соправителемъ брата своего Іоанна II, 164; постоянно торжествуетъ надъ римлянами II, 165; его смерть II, 164.
ПЕТУНЬ КОНОНЪ, графъ,—строитъ для латинянъ осадныя машины II, 392.
ПЕЧЕНЕЖСКІЙ ПРАЗДНИКЪ,—I, 21.
ПИГИ, городъ, населенный латинянами, II, 360 и 361; переходитъ къ Ѳеодору Ласкарису и снова захваченъ Петромъ де Плашесъ II, 416 и 417.

ПИЗА, городъ близъ Евфрата,—завоеванъ импер. Іоанномъ и подаренъ имъ графу едесскому I, 34 и 35.

ПИЗА, городъ итальянскій,—въ союзѣ съ импер. Мануиломъ I, 257; пизанцы соперничаютъ съ венеціянами въ Константинополѣ II, 270; получили отъ римскаго правительства предпочтеніе предъ венеціянами II, 270; отражаютъ первый приступъ латинянъ къ Константинополю съ сухаго пути II, 281; промѣняны импер. Исаакомъ на венеціянъ и подверглись грабежу константинопольской черни II, 290; соединились съ венеціянами и стали дѣйствовать за одно съ ними II, 291; пизанцы вмѣстѣ съ французами и венеціянами грабятъ сарацинскую молельню II, 291; пизанецъ, способствовавшій бѣгству Алексѣя, сына Исаака Ангела, на западъ, II, 268.

ПИЗИСТРАТЪ,—ввелъ въ Аѳинахъ тиранническое правленіе II, 334.

ПИЛОСЪ, отечественный городъ Нестора,—взятъ латинянами II, 372.

ПИМАНИНОНЪ, мѣсто битвы Ѳ. Ласкариса съ Петромъ де Плашесъ II, 361.

ПИРАМА, рѣка, протекающая чрезъ Мопсуестію, I, 64.

ПИРАТЪ КАФУРЪ,—его война съ римлянами, успѣхи, пораженіе и смерть II, 181—183.

ПИРИНА, источникъ акрокоринѳскій I, 95.

ПИСИДІЯ, область,—во власти персовъ I, 91.

ПИѲИКАНСКІЯ УКРѢПЛЕНІЯ,—I, 68

ПИѲІИ,—мѣсто купанья теплыми водами II, 256.

ПИѲІЙСКІЙ ДУХЪ,—II, 131.

ПЛАШЕСЪ ПЕТРЪ, рыцарь необыкновеннаго роста и нечеловѣческой силы,—одинъ изъ первыхъ лицъ, пошедшихъ на послѣдній приступъ латинянъ къ Константинополю, II, 316; предводитель латинскаго похода противъ восточныхъ римскихъ областей II, 360—362; раненъ при осадѣ Адріанополя II, 390; снова овладѣваетъ городомъ Пигами II, 416 и 417.

ПЛУСІАДА, городъ, изобилующій ратными людьми,—занятъ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ II, 414; возвращенъ и наказанъ Давидомъ Комнинымъ II, 415.

ПОЛИТИМЪ, одна изъ залъ влахернскаго дворца I, 347.

ПОЛІОРКЕТЪ ДИМИТРІЙ,—I, 436.

ПОРТИКИ,—см. Константинополь.

ПОРФИРОВАЯ ЧАША въ андронѣ I, 144.

ПОСТНЫЕ ДНИ, т. е. среда и пятница I, 185; узаконенные дни поста II, 234.

ПОЭТЪ, торговецъ, безъ причины казненный императоромъ Исаакомъ, II, 43.

ПРАЗДНИКИ: печенежскій I, 21; Вознесеніе I, 373; Успеніе Божіей Матери II, 114; преблагословенная суббота II, 263; царственнѣйшій день въ году II, 264; пасхальные дни II, 409.

ПРАКА, городъ по сосѣдству съ Селевкіею,—возвращенъ императоромъ Мануиломъ отъ персовъ I, 65.
ПРЕСЛАВА, старинный городъ на Эмѣ II, 23.
ПРИЛАПЪ, городъ II, 265 и 266.
ПРИНКИПЪ, или ПРИНЦОВЪ, островъ I, 323; II, 237.
ПРІАМЪ, искусно владѣвшій копьемъ,—I, 146.
ПРІАПЪ, старикъ I, 360.
ПРОМЕТЕЙ,—II, 49.
ПРОПОНТИДА на сторонѣ Враны II, 32; подвиги пропонтидцевъ II, 32 и 33; наказаніе жителей Пропонтиды Исаакомъ Ангеломъ II, 47; постройки импер. Мануила въ Пропонтидѣ I, 266; постройки Исаака Ангела тамъ же II, 119; прелести Пропонтиды отвлекаютъ римскихъ императоровъ отъ дѣлъ II, 58, 207 и 218; разграблена латинянами II, 302.
ПРОРОЧЕСТВЕННЫЕ ТАЛИСМАНЫ города Константинополя II, 419.
ПРОСАКЪ, крѣпость II, 215; безуспѣшная осада ея имп. Алексѣемъ III Комнинымъ II, 216—222; осталась во власти Хриса II, 223, 264 и 265; управляется Еиісменомъ, валахомъ, подвластнымъ Іоанну, царю мизійскому, II, 384.
ПРОСВЕРЛЕННЫЙ КАМЕНЬ,—недалеко отъ Козьмидія II, 278 и 304; продолбленный камень II, 96.
ПРОСУХЪ, полководецъ, посланный императоромъ Мануиломъ противъ Раймунда, I, 68; примиряетъ аллемановъ съ римлянами I, 81.
ПРОТЕЙ фаросскій,—измѣнчивый I, 79 и 315; II, 195.
ПРОТЪ, островъ вблизи Принкипа I, 323.
ПРУСА,—возстаніе ея противъ Андроника принято за поводъ къ воцаренію его I, 345; осада и наказаніе ея Андроникомъ I, 365—368; посѣщеніе ея имп. Алексѣемъ III Комнинымъ II, 207; отраженіе ею латинянъ II, 361 и 362; намѣреніе Балдуина завоевать ее II, 374; составляетъ владѣніе Θеодора Ласкариса II, 411; Ласкарисъ въ Прусѣ II, 415.
ПРУСИНСКОЕ, укрѣпленіе близъ Филиппополя II, 71 и 72.
ПТЕРИГІОНИТЪ, евнухъ, отравившій кесариссу Марію, I, 333; убійца императрицы Ксеніи I, 344
ПУПАКИ, оруженосецъ великаго доместика Іоанна Аксуха, впереди всѣхъ пошедшій на приступъ Керкиры, I, 105—107; содѣйствуетъ бѣгству двоюроднаго брата Мануилова, Андроника, I, 165 и 166; наказанъ за это импер. Мануиломъ I, 167.
ПУСГУСКОЕ ОЗЕРО близъ Атталіи I, 47 и 48.
ПУЦИНСКІЙ ІОАННЪ, протонотарій почтоваго вѣдомства, а потомъ блюститель государственныхъ доходовъ и главный контролеръ I, 70; его способности, характеръ и полновластіе I, 70 и 71; его скупость на содержаніе флота I, 71 и 72; его честность во время силы и взяточничество во время паденія I, 72 и 73.

ПЭОНІЙЦЫ, т. е. паннонцы, венгры или гунны,—см. Гунны, Бѣла и Яца; паннонскіе государи въ междоусобныхъ распряхъ II, 262.
ПЯТЬ ГОРОДОВЪ, на которые древле низпалъ огонь, II, 326.

Р.

РАДИНЪ КОНСТАНТИНЪ, севастъ II, 223.
РАЙМУНДЪ, антіохійскій князь, ленникъ импер. Іоанна I, 34; походъ его вмѣстѣ съ Іоанномъ противъ Халепа и Ферепа I, 35; его война съ римлянами I, 67 и 68.
РАПСОДІИ ГОМЕРА—I, 95 и II, 438; описаніе боязливаго мужа изъ Иліады II, 422; египетскій напитокъ супруги Ѳоона изъ Одиссеи I, 212 и II, 437; отзывъ объ Еленѣ аргивской изъ Иліады II, 438 и 439; о вредѣ многоначалія I, 349; смерть Патрокла II, 19; о Калхантѣ II, 167.
РАУЛЬ КОНСТАНТИНЪ въ числѣ лицъ, возведшихъ на престолъ императора Алексѣя III Комнина, II, 134.
РЕНТАКИНЪ ВАСИЛІЙ казненъ Исаакомъ кипрскимъ II, 21.
РИГІЙ, городъ недалеко отъ Аѳиры II, 401.
РИМЛЯНЕ — общее названіе всѣхъ гражданъ константинопольской имперіи, говорящихъ еллинскимъ языкомъ, I, 383; имѣютъ свое воспитаніе и свой кругъ понятій II, 412; чуждаются иностранныхъ обычаевъ I, 382 и II, 273; обычаи ихъ смѣшны латинянамъ II, 349 и 350; большая часть ихъ областей завоевана потомками рабыни Агари и находится въ ихъ власти I, 147; изъ остальныхъ областей часть отторглась въ слѣдствіе возстанія валаховъ II, 23 и 166, — часть плѣнена латинянами II, 344,— часть раздѣлилась на множество отдѣльныхъ владѣній II, 410—416; цѣлые римскіе города колоніями переселяются къ туркамъ II, 206 и I, 408; частые мятежи народа и постоянное грабительство правительства развратили въ римлянахъ политическую нравственность и подавили любовь къ роднинѣ II, 206; каждую минуту римляне готовы избрать новаго царя и свергнуть его II, 418; римляне — матереубійственныя эхидны, безмысленныя чада проклятія II, 418; давно могли сами собою известь другъ друга II, 422; разрывъ узъ ихъ одноплеменности есть проклятіе, отяготѣвшее надъ народомъ, II, 395; они не чувствуютъ прелести свободы II, 336; не желаютъ возвращенія Константинополя II, 423; ненавистны валахамъ II, 398, 400 и 401, 408; отвергнуты латинянами II, 355, 374, 375 и 403; цари ихъ подали всѣмъ народамъ примѣръ братоубійства II, 262; вожди предались превратному уму—дѣлать непотребства II, 394; архи-

пастыри и иноки не помышляли о забвеніи народа Богомъ и безмолвствовали II, 166 и 167; въ народѣ оскудѣлъ преподобный II, 167 и 206; надежды на прощеніе Богомъ, исправленіе и возстановленіе народа I, 147 и 148; II, 331 — 333, 401 и 442; непримиримая вражда между римлянами и латинянами I, 382 и 383 и II, 288 и 273; I, 256 и 257.

РИМЛЯНКА, статуя I, 193.

РИМЪ ДРЕВНІЙ,—I, 123 и 257; II, 272.

РИНДАКЪ, рѣка I, 26 и 47; городъ I, 26 и 47.

РИЧАРДЪ, братъ жены Танкреда,—взятъ въ плѣнъ римлянами II, 7; на судѣ предъ Исаакомъ Ангеломъ II, 13—16.

РОГА означаютъ распутство женъ и животную безчувственность къ тому мужей I, 407 и II, 192.

РОДОПСКІЯ горы II, 417; родопскіе предѣлы II, 263.

РОДОСЪ, островъ, во власти особаго государя II, 412.

РОЖЕРЪ, король сицилійскій,—начинаетъ войну съ римлянами I, 92; беретъ Керкиру, Ѳивы, Коринѳъ, и опустошаетъ Елладу I, 92—97; успѣшно ведетъ войну съ римлянами I, 120 и 122; заключаетъ миръ съ импер. Мануиломъ I, 123 и 124; посылаетъ Маія съ флотомъ въ Константинополь I, 125 и 126; его преемники: Вильгельмъ I, 376; Танкредъ II, 85 и 181, — и сынъ Танкреда (Рожеръ), первый супругъ Ирины, дочери Исаака Ангела, II, 85 и 181.

РОМАНЪ, князь галицкій, истребляетъ команъ и воюетъ съ Рюрикомъ, княземъ кіевскимъ, II, 246; подалъ единовѣрному россамъ римскому народу сильную помощь II, 246.

РОССЫ, или русскій народъ, иначе называются иперборейскими скиѳами I, 163,—или тавроскиѳами I, 437 и II, 246; ведутъ войну съ королемъ венгерскимъ I, 118; христіаннѣйшій народъ II, 245; во главѣ его князья II, 246,—которые засѣдаютъ въ совѣтѣ I, 167; уступая мольбамъ своего архипастыря, а частію по собственному побужденію, они спасаютъ Константинополь отъ нашествія команъ II, 246; питаютъ искреннюю готовность помочь римлянамъ и принимаютъ въ нихъ участіе, какъ въ народѣ христіанскомъ, II, 246,—см. Романъ; князья ихъ ведутъ братоубійственныя распри II, 262 и 246,—см. Рюрикъ; жизнь Андроника у князя галицкаго I, 167; намѣреніе импер. Андроника бѣжать снова къ тавроскиѳамъ I, 437; у тавроскиѳовъ положено закономъ убивать иноземцевъ и ихъ обычаями заразился Андроникъ I, 395; преимущественно у тавроскиѳовъ водятся зубры I, 420.

РУЗІЙ, городъ II, 399.

РУЗІЙСКІЙ ПОВОРОТЪ въ ипподромѣ II, 439.

РУКРАТИНЪ, сынъ Кличъ-Асѳлана, его владѣнія,—его войны съ братьями Масутомъ и Кайхозроемъ II, 243 и 244; его союзъ съ Ле-

вупомъ армянскимъ II, 245; владѣетъ Иконіею II, 254; получилъ вознагражденіе за убытки ограбленныхъ иконійскихъ купцовъ и поймалъ импер. Алексѣя III Комнина въ покушеніи на свою жизнь II, 255; опустошаетъ города римской имперіи и помогаетъ мятежнику Михаилу Комнину II, 255 и 256.
РУССКІЙ НАРОДЪ, см. Россы.
РЭДЕСТЪ, городъ приморскій I, 130; бѣгство въ него Дандуло II. 381; уничтоженъ скиѳами II, 400.
РІОРИКЪ, правитель Кіева, нанимаетъ сильное войско команъ и ведетъ войну съ Романомъ галицкимъ,—его пораженіе II, 246.

С.

САВА. рѣка I, 23; II, 107.
САВВАТІЙ, армянинъ I, 304.
САЛТУХЪ, владѣтель Колоніи и странъ смежныхъ съ Халдеею I, 181 и 291.
САМИ-АМИРЪ опустошаетъ ѳракисійскую область II, 17 и 18.
САМУХЪ, эмиръ I, 39.
САНГАРІЙ, рѣка I, 41 и II, 415.
САНДАЛІИ, пурпуровые или красные—отличіе царскаго сана I, 5; II, 23, 28 и 109; темнозеленые — отличіе протовестіарія II, 223 и 307.
САРАЦИНЫ, см. Измальтяне.
САРДАНАПАЛЪ,—его эпитафія самому себѣ I, 405.
САРДИКА разграблена гуннами I, 22; нынѣ называется Тріадицею I, 127; осаждена валахами II, 111.
САТУРНЪ (Кроносъ), старикъ I, 360.
СВЯЩЕННИКЪ, просившій пощады у Асана ради одноязычія, II, 160 и 161.
СГУРЪ ЛЕВЪ, владѣтель Навплія, — взятіе имъ Аргоса, Коринѳа, и осада Аѳинъ II, 365—368; взятіе имъ Ѳивъ, соединеніе съ низверженнымъ императоромъ Алексѣемъ III и женитьба на его дочери Евдокіи II, 368; его борьба съ латинянами II, 365, 371, 373 и 374; его владѣнія II, 410; его жестокости и месть коринѳскому архипастырю Николаю II, 411 и 367.
СЕВАСТІЯ, городъ огромный и богатый, во власти персовъ I, 147; опустошена Кличъ-Асѳланомъ I, 154.
СЕВАСТІЯНЫ, братья, мнимые злоумышленники на жизнь императ. Андроника I, 376.
СЕЗЕРЪ, городъ богатый,—осада его импер. Іоанномъ I, 36—38; сезерскіе сарацины нѣкогда одержали знаменитую побѣду надъ Романомъ Діогеномъ I, 39 и 246.

СЕЛЕВКІЯ, городъ сосѣдній съ Пракою I, 65.
СЕНАХЕРИМЪ, предводитель жителей Ксанѳіи II, 356.
СЕНЪ-ПОЛЬ, графъ, въ союзѣ съ Дандуло противъ римлянъ II, 271; его смерть и погребеніе въ манганскомъ монастырѣ II, 376 и 377.
СЕРБЫ, иначе Трибаллы,—война съ ними импер. Іоанна I, 21 и 22; побѣда надъ ними импер. Мануила I, 114 и 115; союзъ ихъ съ гуннами и новая война съ римлянами при архижупанѣ Вакхинѣ I, 117; принуждены Мануиломъ отречься отъ союза съ гуннами I, 127; жупанъ Десе въ Константинополѣ I, 173 и 174; стараются захватить Хорватію, Каттары, и прибрать все къ своимъ рукамъ, но страшатся римлянъ—при Неемапѣ I, 203—205; разоряютъ Скопіи и поражены импер. Исаакомъ Ангеломъ II, 107; междоусобная борьба въ Сербіи между дѣтьми Неемана Стефаномъ и Волкомъ II, 262.
СЕРРЫ, городъ, — опустошеніе его сицилійцами I, 400 и II, 4 и 7; болгарскіе округи по близости Серръ II, 156; взятіе его маркизомъ Бонифатіемъ II, 359; осада, взятіе и разрушеніе его Іоанномъ мизійскимъ II, 383, 384 и 385.
СИБАРИСЪ, городъ знаменитый нѣгою II, 275.
СИВИЛЛА разсуждала о составѣ вселенной II, 116.
СИГЪ, рѣка II, 182.
СИКИДИТЪ МИХАИЛЪ, ослѣпленъ за занятія магіею I, 188; его магическія продѣлки I, 189 и 190; его постриженіе въ иночество и сочиненіе о святыхъ таинствахъ I, 190 и 191.
СИЛИВРІЯ,—переселеніе въ нее Никиты Хоніата II, 348; грабежъ въ ней латинянъ II, 381 и 382; уцѣлѣла отъ разоренія скиѳами, благодаря мѣстоположенію и латинскому гарнизону. II, 403; походъ чрезъ нее латинянъ въ Адріанополь II, 406.
СИМВОЛЪ ВѢРЫ,—обычай императоровъ собственноручно писать его при коронованіи II, 144.
СИМПЛИГАДЫ, два острова I, 126.
СИНАДИНЪ, полководецъ Давида Комнина II, 396 и 397.
СИНЕЗІЙ ЛЕВЪ,—глупый по словамъ импер. Андроника, защищаетъ Прусу I, 365; повѣшенъ Андроникомъ I, 367; грамота Андроника глупому Синезію I, 417.
СИННИСЪ, сгибавшій сосны,—I, 191 и 192.
СИНОДЪ при патріархѣ I, 279, 333 и 352.
СИНОПЪ, городъ, — во власти Алексѣя Комнина, трапезунтскаго, II, 412.
СИРЕНЫ,—I, 439 и II, 435.
СИРІЯ, или Келесирія,—походъ въ нее импер. Іоанна I, 34 и 40; второй походъ въ нее того же императора I, 49 и 50; Антіохія—прекраснѣйшій и главнѣйшій городъ Сиріи I, 130; прозваніе сирійцевъ прожорливыми I, 136; отправленіе латинянами, по

завоеваніи Константинополя, воротъ и части константинопольской цѣпи въ Сирію вмѣстѣ съ большею частію флота II, 352; прибытіе въ Сирію итальянцевъ I, 91; прибытіе въ нее аллемановъ подъ предводительствомъ сына императора Фридерика II, 83; сирофиникійскіе города I, 34.

СИРМІЙ,—новое названіе города Зевгмина I, 118

СИСТЪ, городъ I, 126 и 206; II, 182.

СИЦИЛІЯ и СИЦИЛІЙЦЫ, — см. Рожеръ, Вильгельмъ, Танкредъ; завоеваніе Сициліи Генрихомъ, императоромъ аллеманскимъ, II, 172; его жестокости въ Сициліи II, 179 и 180; жестокости сицилійцевъ въ Өессалоникѣ I, 379—391.

СІАКСЪ, рыба I, 73.

СКИНГОСЪ, животное, котораго ѣлъ импер. Андроникъ, I, 406.

СКИРОНЪ убитъ Тезеемъ I, 191 и 192.

СКИӨЫ,—побѣда надъ ними импер. Іоанна I, 18—21; устроеніе ими стѣны и вала для защиты изъ повозокъ I, 20 и 21; пораженіе ихъ импер. Мануиломъ I, 99; побѣда ихъ надъ Каламаномъ,— ихъ оружія, значеніе для нихъ коня, легкость ихъ переправы чрезъ Истръ I, 116; соединеніе ихъ съ валахами противъ римлянъ II, 24, 26 и 52; обыкновенные пріемы ихъ въ сраженіяхъ II, 55, 56, 379 и 380; ихъ варварскій обычай при погребеніи зарывать въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ живыхъ плѣнниковъ, боевыхъ коней, лукъ, стрѣлы и мечи II, 408; ихъ набѣги на римскія области въ союзѣ съ валахами и отдѣльно II, 56, 99, 127, 160, 168, 190 и 212; скиөы избѣгаютъ осады укрѣпленій II, 213; новые набѣги и битвы ихъ II, 214, 224, 245; содѣйствіе ихъ царю мизійскому Іоанну въ борьбѣ съ латинянами II, 376, 379 и 380, 382—384; ихъ опустошительное нашествіе на Өракію и подступленіе къ самому Константинополю II, 398 — 404; слѣды этого нашествія II, 407—409; возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій II, 424 и 425; скиөскіе легіоны и скиөская фаланга въ войскѣ импер. Іоанна I, 36 и 37.

СКЛИРЕНА, севаста,—мѣсто ея погребенія II, 377.

СКЛИРЪ СИӨЪ,—ослѣпленъ за занятія магіею I, 188 и 189; продолжалъ ихъ и послѣ ослѣпленія I, 190; заставляетъ злаго духа отвѣчать Стефану Агіохристофориту, дѣлавшему вопросы по порученію импер. Андроника, I, 427 и 428.

СКОПІИ, городъ II, 107 и 385.

СКУТАРИ, дворецъ въ Дамалисѣ I, 278 и II, 276; см. Константинополь.

СЛАВЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ,—союзные корабли славянъ (или славонцевъ) помогаютъ венеціянамъ въ борьбѣ съ римлянами I, 221; славянинъ Варинъ помогаетъ Петру де Плашесъ овладѣть городомъ Пигами II, 416.

СЛОНЪ, статуя,—см. Константинополь.
СМИРНА, городъ во власти Ѳ. Ласкариса II, 411.
СМОЛЯНЕ,—смолянскій округъ склоняется на сторону валаха Иванки противъ римлянъ II, 233; возстаетъ противъ римлянъ подъ управленіемъ Спиридонаки II, 265.
СОБОРЪ въ Константинополѣ по вопросу объ изреченіи: Отецъ Мой болій Мене есть, I, 275.
СОВАДЫ, спутницы Вакха I, 405.
СОДОМЪ,—I, 241.
СОЗОПОЛЬ, городъ Памфиліи,—взятіе его императ. Іоанномъ I, 17 и 18; покореніе его Кличъ-Асѳланомъ I, 336.
СОЛИМАНЪ, турецкій посолъ къ импер. Мануилу I, 157.
СОЛОМОНЪ, епископъ Лаодикіи Фригійской,—его характеръ, добродѣтели и смерть I, 157 и 158.
СОЛОМОНЪ, царь израильскій,—его изреченія I, 399 и II, 17; Соломоновъ храмъ I, 310; соломонова волшебная книга I, 187; соломоновскій столъ и соломоновская роскошь въ одеждѣ II, 118.
СОЛОНЪ, аѳинянинъ,—его противодѣйствіе тиранніи Пизистрата и стихи II, 334—336.
СОСѲЕНОВЪ монастырь II, 25.
СОФІЙСКІЙ ХРАМЪ, или великая церковь,—см. Константинополь.
СПИРИДОНАКИ ІОАННЪ,—его возвышеніе, мятежъ и бѣгство II, 265 и 266.
СРЕДА и ПЯТНИЦА—постные дни I, 185.
СТАГИРА, древнее названіе Макри II, 135.
СТАНЪ, крѣпость II, 266.
СТАРШІЕ ДѢТИ,—ихъ преимущество I, 56.
СТЕНИМАХЪ, крѣпость II, 239 и 417.
СТЕФАНЪ, король гуннскій,—война его съ императоромъ Іоанномъ I, 22 и 23.
СТЕФАНЪ, братъ Яцы, короля гуннскаго,—бѣгство его въ Константинополь и женитьба на племянницѣ Мануила Маріи I, 159 и 160; старанія импер. Мануила сдѣлать его наслѣдникомъ Яцы I, 160 и 161; его смерть I, 162 и 163.
СТЕФАНЪ, сынъ Яцы, король гуннскій I, 160; уступаетъ престолъ дядѣ своему Владиславу I, 161; снова получилъ престолъ I, 162.
СТЕФАНЪ, сынъ Неемана, женится на Евдокіи, дочери импер. Алексѣя III Комнина, и по смерти отца вступаетъ на престолъ тривалльской топархіи II, 259; съ безчестіемъ прогоняетъ свою жену II, 260 и 261; лишенъ престола и изгнанъ изъ отечества братомъ своимъ Волкомъ II, 262.
СТИПІОТЪ ЛЕВЪ, патріархъ константинопольскій I, 66.
СТИПІОТЪ ѲЕОДОРЪ, помощникъ Іоанна Агіоѳеодорита при импер. Мануилѣ I, 70; свергаетъ Агіоѳеодорита и дѣлается всемогущимъ въ санѣ епиканиклія I, 74 и 75; клевета на него дромо-

логофета Каматира, его паденіе и ослѣпленіе I, 140—142; примиреніе его съ своимъ врагомъ I, 145.
СТИРІОНЪ ІОАННЪ, калабрійскій пиратъ, въ послѣдствіи адмиралъ импер. Исаака Ангела II, 181; его битвы съ генуэзцемъ Кафуромъ II, 181—183.
СТИХИ,—о смерти импер. Андроника I, 445; о быкообразномъ царѣ II, 1 и 2; о безпечности аѳинянъ II, 335; см. Рапсодіи Гомера.
СТИѲАТЪ КОНСТАНТИНЪ, анхіальскій епархъ и астрологъ, — его смерть I, 42 и 43.
СТРАТОФИЛАКСЪ ИЛІЯ, одинъ изъ питомцевъ науки I, 273 и 274.
СТРИМОНЪ, рѣка II, 4, 6, 7 и 159.
СТРИФНЪ МИХАИЛЪ, дуксъ флота II, 182; его взяточничество и грабежъ имъ казны II, 182 и 274; былъ женатъ на сестрѣ императрицы Евфросиніи II, 274; его наружность и борьба съ Константиномъ Месопотамскимъ II, 199.
СТРУММИЦА, городъ II, 190; во власти Хриса II, 215 и 223; возвращена отъ него импер. Алексѣемъ III Комнинымъ II, 267.
СТРѢЛОКЪ, персъ I, 252 и 253; стрѣлы съ серебряными остріями, брошенныя во влахернскій дворецъ, I, 126; стрѣлы императ. Исаака на аллемановъ II, 65.
СТУБЬЕ, городъ,—опустошеніе его валахами II, 106.
СТУДІЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ,—II, 65; см. Константинополь.
СУББОТА—день счастливый II, 258.
СУВЛЕЙ, городъ,—его возстановленіе импер. Мануиломъ I, 227; разрушенъ имъ же по договору съ Кличъ-Асѳаномъ I, 243 и 246.
СУЗЫ, мѣстопребываніе древнихъ персидскихъ государей I, 266.
СФИНКСЫ, статуи II, 434.
СФОРАКІЙ, мѣстность въ Константинополѣ II, 339.
СЦИЛЛА, древнее страшилище I, 384 и II, 434.
СѢКИРОНОСЦЫ, по происхожденію варвары I, 432; II, 281, 307, 319 и 320.

Т.

ТАВРОКОМЪ, мѣстечко II, 54.
ТАВРОСКИѲЫ, см. Россы.
ТАИСМАНІИ, турецкая владѣтельная фамилія I, 43.
ТАИСМАНІЙ, персо-армянинъ, владѣтель Кастамоны, Гангры и каппадокійской страны, I, 25 и 27; изгнаніе его изъ Кастамоны импер. Іоанномъ I, 24; возвращеніе имъ Кастамоны и смерть его I, 25 и 27.
ТАКСАРЫ, новое названіе города Колоніи I, 69; II, 78; удѣлъ Константина II, 243.

ТАМІАѲЪ, египетскій городъ при рѣкѣ Нилѣ I, 206 и 208; осада его Андроникомъ Контостефаномъ и Америгомъ, королемъ іерусалимскимъ, I, 208—216; храмъ Богоматери въ Таміаѳѣ на мѣстѣ ея жительства во время бѣгства въ Египетъ I, 209.

ТАНКРЕДЪ, преемникъ Вильгельма, короля сицилійскаго, — король сицилійскій II, 85; братъ его жены—Ричардъ II, 7; его сынъ былъ женатъ на Иринѣ дочери импер Исаака Ангела, и былъ преемникомъ отцовскаго престола II, 85 и 181.

ТАНТАЛЪ, которому постоянно грозило паденіе камня на голову I, 336; его мучительная жажда II, 248.

ТАНТАЛЪ, городъ,—опустошеніе его Кайхозроемъ II, 203.

ТАРКВИНІЙ, жестокій I, 395.

ТАРОНИТЪ ГРИГОРІЙ, протовестіарій и сильный вельможа при императорѣ Іоаннѣ,—его близость къ царю по родству I, 11; его достоинства I, 12.

ТАРСІЯ, городъ I, 315: недалеко отъ Никомидіи II, 90.

ТАРСЪ, армянскій городъ, — взятіе его импер. Іоанномъ I, 28; прибытіе въ Тарсъ Константина Каламана I, 179; управленіе его Исаакомъ Комнинымъ, кипрскимъ, I, 369.

ТАТТИКІЙ КОНСТАНТИНЪ,—его заговоръ и ослѣпленіе II, 91.

ТЕЗЕЙ умертвилъ Перифита, Синниса и Скирона I, 192.

ТЕЛХИНЪ, злой духъ пагубы I, 428.

ТЕМПЫ, или Темпейская долина въ Ѳессаліи, II, 265, 359, 364 и 369.

ТЕНЕСІЙ, крѣпость I, 208.

ТЕРЕВИНѲЪ, островъ I, 312 и 335; монастырь на островѣ Теревинѳѣ, построенный патріархомъ Ѳеодосіемъ, I, 311 и 312.

ТЕРМОПИЛЫ, или термопильскій проходъ II, 365, 369 и 371.

ТЕРНОВЪ, самый крѣпкій и красивый городъ на Эмѣ II, 163; положеніе Иванки въ Терновѣ II, 164 и 165; отправленіе плѣннаго императора Балдуина въ Терновъ II, 380.

ТЕТРАПОЛЬ КЕФАЛОНСКІЙ,—I, 109.

ТИЛЕФЪ, котораго уврачевалъ Ахиллесъ, II, 194.

ТИМОѲЕЙ,—его игра II, 188; его мечты и изображеніе древними живописцами II, 105.

ТИНДАРЪ, отецъ Елены аргивской II, 437.

ТИРАНИНЪ ІОАНИЪ, вилосудья при Андроникѣ I, 429.

ТИРЪ,—прибытіе въ него кесаря Конрада II, 53; прибытіе въ него сына императора Фридерика и возвращеніе изъ него аллемановъ II, 83; обыкновенная пристань для всѣхъ крестоносцевъ и средоточіе ихъ военныхъ дѣйствій II, 84.

ТИТЪ щадилъ Соломоновъ храмъ I, 310.

ТИѲОНЪ, братъ Озириса II, 144; старикъ I, 360.

ТОРНИКІЙ ДИМИТРІЙ, благородный вилосудья при импер. Андроникѣ I, 340.

ТОРНИКІЙ КОНСТАНТИНЪ, епархъ Константинополя, — раздраженіе

противъ него черни во время бунта по поводу Лагоса II, 250; дромологоѳетъ, посолъ къ Іоанну мизійскому, — его судьба по завоеваніи Константинополя II, 419.

ТОРУСЪ, властитель Арменіи,—его возстаніе противъ римлянъ и отторженіе имъ многихъ крѣпостей, завоеванныхъ импер. Іоанномъ, I, 129; походъ противъ него импер. Мануила и его примиреніе съ Мануиломъ I, 129 и 130; его побѣды надъ Андроникомъ, двоюроднымъ братомъ Мануила, I, 175 — 177; взятіе имъ въ плѣнъ Исаака Комнина, управлявшаго римскою половиною Арменіи и въ послѣдствіи бывшаго тиранномъ кипрскимъ, I, 369.

ТРАЛЛЫ, городъ, взятый персами, I, 247.

ТРАПЕЗУНТЪ, городъ и область,—во власти Константина Гавра I, 43; во власти Никифора Палеолога I, 292; составляетъ отдѣльное владѣніе старшаго внука императора Андроника, Алексѣя Комнина, II, 396 и 412.

ТРЕНОЖНИКЪ дельфійскаго оракула II, 25.

ТРИВАЛЛЫ, см. сербы.

ТРИГЕСПЕРЪ, прозваніе Геркулеса II, 432.

ТРИПОЛЬ,—триполъскій графъ—ленникъ импер. Іоанна I, 34.

ТРИПСИХЪ ВАСИЛІЙ укрѣпилъ Зевгминъ, Нисъ и Враницову I, 172 и 173.

ТРИПСИХЪ КОНСТАНТИНЪ,—любимецъ импер. Андроника и ревностнѣйшій его слуга послѣ Агіохристофорита I, 397; этеріархъ,—убійца императрицы Ксеніи I, 344; убійца императ. Алексѣя II Комнина I, 350; лишенъ имущества, заключенъ въ темницу и ослѣпленъ импер. Андроникомъ I, 397—399.

ТРІАДИЦА, въ древности называлась Сардикою II, 106, походъ Исаака Ангела чрезъ Тріадицу II, 57; разрушена валахами II, 106 и 111; см. Сардика.

ТРОЯ древняя,—сожжена еллинами II, 438.

ТРОЯ, городъ, населенный армянами, II, 360; троянскіе армяне помогаютъ въ войнѣ латинянамъ II, 360 и 381.

ТУНІЙ, крѣпость I, 208.

ТУРКИ, см. персы.

ТЬЕРРИ, латинскій вельможа, управлявшій городомъ Рузіемъ,—пораженіе его скиѳами II, 399.

Ф.

ФАЗИСЪ, рѣка II, 396.

ФАЗИСЪ, городъ II, 254.

ФАЛАНГИ, раздѣленныя по націямъ и племенамъ, I, 37.
ФАЛАРИСЪ, извергъ I, 395.
ФАРАОНЪ погибъ въ морѣ II, 92.
ФАЭТОНЪ возсѣлъ на отцовскую колесницу I, 288.
ФЕАКІЙСКІЙ берегъ I, 98.
ФЕРЕКЛЪ, правитель снаряженнаго Афродитою корабля I, 177.
ФЕРЕПЪ, городъ въ Сиріи,—по взятіи императ. Іоанномъ, подаренъ имъ графу антіохійскому I, 35 и 36.
ФИЛАДЕЛЬФІИ, площадь въ Константинополѣ II. 294.
ФИЛАДЕЛЬФІЙСКІЙ ѲЕОДОРЪ,—пораженіе его Генрихомъ, братомъ импер. Балдуина, II, 363 и 364.
ФИЛАДЕЛЬФІЯ,—возстаніе ея противъ импер. Андроника подъ руководствомъ Іоанна Ватаца I, 336; битва подъ Филадельфіею Іоанна Ватаца и Андр. Лапарды I, 337; покорилась императору Андронику I, 338; многолюдная Филадельфія, составляетъ часть Лидіи,—возстаніе ея подъ предводительствомъ Ѳеодора Манкафы II, 58; напрасная осада ея импер. Исаакомъ и ея договоръ съ нимъ II, 59; ея вѣроломство въ отношеніяхъ съ императ. Фридерикомъ II, 76.
ФИЛЕЙ,—пораженіе Дуки Мурцуфла въ окрестностяхъ Филея II, 313.
ФИЛИППА, дочь Петевина,—ея связь съ Андроникомъ I, 177—179.
ФИЛИППОПОЛЬ, главный городъ филиппопольской провинціи I, 401; II, 109 и 110; изгнаніе изъ него гунновъ импер. Іоанномъ I, 23; походъ мимо него импер. Конрада I, 79; пребываніе въ немъ Іоанна, сына императ. Андроника, I, 401; управленіе его Никитою Хоніатомъ и прибытіе въ него импер. Фридерика II, 63 и 64; битва подъ Филиппополемъ между римлянами и аллеманами II, 71 и 72; опустошеніе его окрестностей валахами и управленіе его Константиномъ Ангеломъ II, 107—111; война въ его окрестностяхъ съ Иванкою, или Алексѣемъ, II, 232; латиняне ставятъ въ немъ гарнизонъ II, 355; разрушеніе его до основанія Іоанномъ, царемъ мизійскимъ, II, 397 и 398.
ФИЛИППЪ, незаконнорожденный братъ Генриха, императора аллеманскаго,—бракъ его съ Ириною, дочерью Исаака Ангела, II, 180 и 181; императоръ аллеманскій II, 268 и 269; помощь его Алексѣю Ангелу, брату своей супруги, II, 269 и 272.
ФИЛОКАЛЪ, или Филокалій, тесть импер. Алексѣя Дуки Мурцуфла, преемникъ Никиты Хоніата въ должности секретологоѳета,—его характеръ и честолюбіе II, 310 и 311.
ФИЛОКАЛЪ ЕВМАѲІЙ, епархъ города Константинополя,—его богатство, осмѣянное аллеманами тщеславіе и посольство къ импер. Генриху II, 175 и 176.
ФИЛОМИЛІЙ, городъ,—битва Мануила съ турками при Филомиліѣ I, 68; осада и сожженіе его импер. Фридерикомъ II, 77; устрой-

ство въ немъ римскихъ плѣнниковъ и переселенцевъ Кайхозроемъ II, 205 и 206.

ФИЛОПАТІЙ,—филопатіонскіе или филопатійскіе дворцы, филопатійскій циркъ,—см. Константинополь.

ФИНЕЙ не могъ утолить голода I, 360.

ФИНИКІЯНЕ, люди, взросшіе на морѣ, I, 219.

ФЛАМІОНЫ, древнее названіе французовъ II, 291.

ФОКА НИКИФОРЪ,—нападеніе на него Іоанна Цимисхія I, 164; его умъ, сила, царственныя доблести и законъ, запрещавшій увеличивать монастырскія имущества, I. 268.

ФРАНГОПУЛЪ КОНСТАНТИНЪ,—его пиратство по порученію импер. Алексѣя III Комнина II, 253 и 254; мнимый ослушникъ II, 255.

ФРАНГОХОРІЙ, плодоноснѣйшая часть Венгріи, лежащая между Савою и Истромъ, I, 23; ею овладѣлъ импер. Іоаннъ I, 23; опустошеніе ея импер. Мануиломъ I, 118; спорная область между римлянами и гуннами I, 160; см. Зевгминъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ КОРОЛЬ,—его походъ въ Палестину вмѣстѣ съ королемъ англійскимъ II, 84.

ФРАНЦУЗЫ, или франки,—походъ ихъ въ Палестину вмѣстѣ съ императоромъ Конрадомъ I, 83; соединеніе нѣкоторыхъ французскихъ топарховъ съ венеціянами и походъ въ Константинополь II, 271; грабежъ ихъ въ Константинополѣ II, 291; наружность и рѣчь этого латинскаго народа II, 324 и 325; его тщеславіе и свирѣпство II, 341; вмѣстѣ съ лонгобардами они имѣютъ столько же избирателей на константинопольскій престолъ, сколько одни венеціяне, II, 353; избраніе изъ среды ихъ латинскихъ константинопольскихъ императоровъ II, 354 и 426; см. Балдуинъ Фландрскій, Генрихъ, Блуа Людовикъ, Сенъ-Поль, латиняне.

ФРЕРІИ, по мѣсту жительства іерусалимляне,—выкупаютъ изъ плѣна Исаака Комнина, кипрскаго, I, 369.

ФРИГІЯ,—область, орошаемая рѣкою Меандромъ, обыкновенное мѣсто борьбы римлянъ съ иконійскими турками I, 16, 47, 247, 250,—см. Меандръ: верхняя Фригія I, 64,—она во власти персовъ I, 91.

ФРИДЕРИКЪ, племянникъ Конрада, императора аллеманскаго,—I, 80 и 81; императоръ аллеманскій,—его стремленіе завоевать Италію и противодѣйствіе ему императ. Мануила I, 257—261; его походъ въ Палестину чрезъ европейскія римскія владѣнія II, 61—65, 70—72; пріемъ, который онъ сдѣлалъ римскимъ посламъ, II, 73 и 74; его переправа на востокъ II, 74—76; походъ чрезъ азіятскія римскія владѣнія II, 76; битвы съ турками II, 77; взятіе имъ Иконіи II, 78 и 79; переходъ чрезъ турецкія владѣнія и чрезъ Арменію II, 81; его умъ, слава, добродѣтели и смерть II, 82 и 83; подвиги и смерть его сына, раздѣлявшаго съ нимъ

походъ, II, 83; его сынъ Генрихъ, императоръ аллеманскій, II, 171.

Х.

ХАЛДЕЯ,—страна сосѣдняя съ топархіею Салтуха I, 291; халдейская печь I, 394.

ХАЛЕПЪ, новое названіе сирійскаго города Верреи,—осада его импер. Іоанномъ I, 35 и 36.

ХАЛИВУРЪ, придворный комедіантъ II, 118.

ХАЛКА, или МѢДНАЯ,—тюрьма II, 121 и 250; храмъ Спасителя въ Халкѣ I, 349.

ХАЛКИДОНЪ, городъ I, 317; II, 257 и 275.

ХАЛУФЪ НИКИФОРЪ, трусливый комендантъ Акрокоринѳа I, 96.

ХАМАРЕТЪ ЛЕВЪ, независимый владѣтель Лакедемона и Лаконіи II, 410.

ХАРАКСЪ, турецкій городъ,—его мѣстоположеніе I, 251.

ХАРАКСЪ, небольшая крѣпость близъ Никомидіи I, 315.

ХАРТОФИЛАКІЯ, архивъ церковныхъ дѣлъ II, 200.

ХАСИСІЙЦЫ,—шайка убійцъ II, 53 и 54; хасисіецъ, подосланный импер. Алексѣемъ III Комнинымъ къ Рукратину, II, 255.

ХИЛА, небольшой приморскій городъ близъ устьевъ Понта I, 392 и 438.

ХИРОВАКХОВЪ—равнина I, 81.

ХІОСЪ, островъ I, 221.

ХЛІАРА, городъ, укрѣпленный импер. Мануиломъ, 1, 191.

ХОМЫ, городъ I, 228.

ХОНІАТЪ МИХАИЛЪ, аѳинскій архипастырь, братъ Никиты Хоніата,—отражаетъ отъ Аѳинъ нападеніе Льва Сгура II, 366—369; могъ бы отразить и маркиза Бонифатія II, 371.

ХОНІАТЪ НИКИТА, авторъ Исторіи II, 63 и 412; уроженецъ города Хонъ I, 228; состоялъ при импер. Исаакѣ Ангелѣ въ должности младшаго секретаря II, 55; управлялъ потомъ филиппопольскою провинціею II, 63; принималъ участіе въ битвахъ II, 55 и 72; старался примирить импер. Исаака съ аллеманами II, 73; исполнилъ приговоръ постриженія въ иночество надъ Алексѣемъ Комнинымъ II, 94 и 96; вилосудья II, 144; по должности секретологоѳета и главнаго блюстителя государственныхъ доходовъ стоитъ во главѣ сената при Исаакѣ и Алексѣѣ IV Ангелахъ II, 310, 289 и 290; его участіе въ народномъ собраніи въ послѣдніе дни царствованія Исаака и Алексѣя IV Ангеловъ II, 305 и 306; безъ всякой благовидной причины отставленъ отъ должности секрето-логоѳета Дукою Мурцуфломъ II,

310; называетъ себя и послѣ того членомъ сената II, 423 и 311; имѣлъ два дома въ Константинополѣ, большое богатство и блестящее положеніе въ обществѣ II, 339, 340 и 423; въ слѣдствіе взятія латинянами Константинополя остался съ одною котомкою, въ рубищахъ, и безъ всякихъ средствъ къ жизни II, 423 и 382; его жена, семья, и послѣдніе дни его жизни въ Константинополѣ II, 339—345; его переселеніе изъ Константинополя въ Силиврію II, 347 и 348; жизнь его въ Силивріи II, 381 и 382; его переселеніе въ Никею и уединенная жизнь въ Никеи, безъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ,—бѣдная, но никому не въ тягость, II, 423 и 424; его всегдашнее сочувствіе къ городу Хонамъ и всему хоніатскому или хонійскому, см. Хоны, Никита епископъ хоніатскій, хонійскій клирикъ; его любовь и уваженіе къ брату Михаилу, см. Хоніатъ Михаилъ.

ХОНІЙСКІЙ, или Хоніатскій, клирикъ,—діаконъ, родственникъ Никиты Хоніата,—его храбрость и путешествіе съ овцою I, 253.

ХОНЫ, древніе Колассы,—городъ богатый и обширный, съ великолѣпнымъ храмомъ Архистратига Михаила I, 228, 251, 253 и 282; терпитъ притѣсненія отъ Ѳеодора Манкафы II, 60; ограбленъ первымъ самозванцемъ, происходившимъ изъ Константинополя, II, 89 и 90; уступленъ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ по договору съ Кайхозроемъ въ пользу Мануила Маврозома II, 412.

ХОРВАТІЯ, страна, которую старается захватить Нееманъ, сатрапъ сербскій, I, 204.

ХОТЗА ВАСИЛІЙ,—его возстаніе, успѣхи, арестъ, ослѣпленіе и заключеніе подъ стражу II, 90 и 91.

ХРАМЪ, гуннская крѣпость I, 161.

ХРИЗИППЪ, основатель епикурейской школы I, 405.

ХРИСАНѲЪ, преемникъ Константина Месопотамскаго на каѳедрѣ ѳессалоникской церкви II, 200.

ХРИСІОПЛИСІИ, казнохранилище въ большомъ дворцѣ I, 437.

ХРИСОПОЛЬ, одно изъ константинопольскихъ предмѣстій II, 250.

ХРИСОХООПУЛЪ, — способствовалъ бѣгству Андроника Комнина I, 164 и 165.

ХРИСТОСЪ СПАСИТЕЛЬ—бесѣдовалъ съ царемъ Маврикіемъ I, 418; собственноручное письмо Его къ Авгарю I, 437.

ХРИСЪ, валахъ,—его управленіе Струммицею, его возстаніе противъ римлянъ и походъ противъ него импер. Алексѣя III Комнина II, 190 и 191; второй походъ противъ Хриса II, 198; онъ захватилъ крѣпость Просакъ, укрѣпилъ ее и выдержалъ въ ней осаду Алексѣя III Комнина II, 215—222; заключаетъ миръ съ Алексѣмъ III и женится на его родственницѣ, дочери протостратора Мануила Камица, II, 222 и 223; выкупаетъ Камица изъ плѣна и вмѣстѣ съ нимъ ведетъ войну противъ импер. Алексѣя III Комнина II, 264 и 265; заключаетъ миръ съ императо-

ромъ, женится на его внукѣ, Ѳеодорѣ Комниной, обманутъ императоромъ и потерялъ Струммицу II, 266 и 267.

ХУМНЪ ѲЕОДОРЪ, халтулярій,—провожаетъ въ море трупъ импер. Алексѣя II Комнина I, 350; посланъ императ. Андроникомъ съ частію войска противъ сицилійцевъ I, 401; въ званіи севаста,—подавилъ возстаніе пафлагонскаго самозванца II, 90.

Ц.

ЦАРСКІЕ СХОДНИ, пристань въ Константинополѣ II, 281.

ЦИКАНДИЛЪ ГУДЕЛІЙ, римскій полководецъ при импер. Мануилѣ,—его набѣгъ на турковъ I, 158.

ЦИМИСХІЙ ІОАННЪ напалъ ночью на Никифора Фоку I, 164.

ЦИНЦИЛУКЪ ВАСИЛІЙ, халтулярій, — посланъ импер. Мануиломъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Аксухомъ для устройства дѣлъ въ Константинополѣ при возшествіи Мануила на престолъ I, 62; неудачно ведетъ войну съ гуннами I, 128 и 129.

ЦИРКЪ, см. Константинополь.

ЦИТА, скопецъ,—говорилъ съ царемъ Алексѣемъ II Комнинымъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ I, 332.

ЦУНГРА, крѣпость II, 153.

ЦѢПЬ константинопольская,—см. Константинополь.

Ч.

ЧАГРОТОКСОТЫ, особаго вооруженія пѣхотное войско латинянъ II, 272 и 280.

ЧАПРАКЪ пурпуроваго цвѣта—отличіе сбруи, употреблявшейся императорами, II, 114.

ЧАША порфировая—дивное произведеніе искусства I, 418.

ЧЕЛОВѢКЪ, сражающійся со львомъ,—статуя II, 434.

ЧЕРЕПАХА, волшебная, употреблявшаяся вмѣстѣ съ Соломоновою книгою Исаакомъ Аарономъ для волшебства, I, 186 и 187.

ЧЕРНИЛА КРАСНЫЯ—отличіе императоровъ, II, 114 и 144.

ЧЕРНОКОЖІЙ КАРЛИКЪ, управляющій слономъ, II, 116.

ЧЕРНЫЕ ПАРУСА—знакъ печали и позора I, 213.

ЧЕРНЫЙ ХОЛМЪ, мѣстечко II, 29.

ЧУРУЛЪ, городъ Ѳракіи,—опустошеніе его окрестностей скиѳами II, 212 и 213; возвращеніе его послѣ возстанія къ покорности латинянамъ II, 377; разрушеніе его скиѳами II, 401.

Щ.

ЩИТЪ, употребленный вмѣсто лодки для переправы чрезъ Меандръ, I, 249; щитъ Аяксовъ I, 213; Гекторскій щитъ I, 30; щиты разнаго устройства II, 41.

Э.

ЭГЕЙСКОЕ море—I, 126.
ЭГИДА, косматая, наводящая ужасъ, II, 201 и 318; щитъ Аѳины II, 300.
ЭГИНА, городъ I, 101.
ЭДЕМЪ—I, 189 и II, 247.
ЭКВАТАНА, мѣстопребываніе древнихъ персидскихъ государей I, 266.
ЭМИРЪ египетскій I, 206.
ЭМЪ, или ЭМОСЪ,—эмскія горы I, 99; валахи—варвары Эмской горы II, 18; Преслава и Терновъ—важнѣйшіе города на Эмѣ II, 23 и 163; мизійцы витаютъ по горамъ и холмамъ Эма II, 52; страшное пораженіе Исаака Ангела въ ущельяхъ горъ II, 101; дорога чрезъ Эмъ II, 107; крѣпости при подошвѣ Эма II, 227.
ЭНЕЙ, городъ богатый напитками I, 445; назначенное импер. Мануиломъ мѣстожительство Андроника, въ послѣдствіи императора, I, 293 и 291; входитъ въ составъ владѣній старшаго внука Андроникова, Алексѣя Комнина, II, 412; тоже, что Инэй, см. Инэй (Οἰναιον).
ЭНЕЙ, троянецъ, предокъ латинянъ II, 437; уклонялся отъ троянской войны I, 362.
ЭОЛЪ, богъ вѣтровъ I, 414.
ЭТА, гора въ Елладѣ II, 369.
ЭТОЛІЯ, нынѣ называется Артиніею I, 93; опустошена сицилійцами I, 93; входитъ въ составъ владѣній Михаила Ангела II, 410 и 411.

Ю.

ЮСТИНІАНЪ, царь,—тѣло его послѣ многихъ столѣтій оказалось неповрежденнымъ II, 428.

Я.

ЯГУПАСАНЪ, зять Масута, отца Кличъ-Асѳланова, султанъ Амасіи, Анкиры и всей Каппадокіи I, 147; смерть его и его супруги I, 154.

ЯДАРА, городъ,—осада и взятіе ея венеціянами II, 273 и 274.
ЯСТРЕБЪ,—предзнаменовательный полетъ его I, 323 и 324.
ЯЦА, король гуннскій,—его братья и дѣти I, 159; его смерть I, 160.

Ѳ.

ѲЕМИСТОКЛЪ НЕОКЛЕЙСКІЙ не могъ спать отъ зависти Мильтіаду I, 97.

ѲЕОДОРЪ, кастелланъ, сициліецъ,—переходитъ на сторону римлянъ I, 112 и 113.

ѲЕОДОРЪ СТРАТИЛАТЪ, великомученикъ и чудотворецъ, –храмъ во имя его въ Коринѳѣ I, 96; его икона похищена изъ этого храма сицилійцами I, 96; видѣніе о немъ Мавропула I, 245.

ѲЕОДОСІЙ, патріархъ константинопольскій, украшалъ собою каѳедру I, 294; великій Ѳеодосій I, 276; его твердость противъ настойчивости импер. Мануила въ дѣлѣ о чинѣ оглашенія I, 276, 278 и 279; предложеніе Мануилу подписать грамоту объ отреченіи отъ астрологіи I, 285; на него возложилъ Мануилъ попеченіе о своемъ малолѣтномъ сынѣ и преемникѣ I, 326; старается предотвратить кровопролитіе въ великой церкви I, 306; его угрозы императрицѣ Ксеніи за пристрастіе къ протосевасту Алексѣю и его стараніе примирить вражду въ царскомъ домѣ I, 309; его противодѣйствіе протосевасту, злоба противъ него протосеваста и защищеніе его кесариссою Маріею I, 311; его намѣреніе удалиться въ построенный имъ монастырь на островѣ Теревинѳѣ I, 311 и 312; заключеніе его протосевастомъ въ Пантепоптовъ монастырь и торжественное возвращеніе въ патріаршія палаты I, 312 и 313; не помня зла, онъ старается облегчить несчастную участь протосеваста I, 320 и 321; встрѣча его съ импер. Андроникомъ, который въ душѣ называлъ его хитрымъ армяниномъ, по его происхожденію изъ армянъ, I, 324—327; принужденъ импер. Андроникомъ противъ воли согласиться на удаленіе импер. Ксеніи изъ дворца I, 340; твердо отвергаетъ предположенный Андроникомъ незаконный бракъ отрекается отъ престола и удаляется на Теревинѳъ, гдѣ приготовилъ себѣ мѣсто погребенія, I, 335.

ѲЕССАЛІЯ, область,—занята сицилійцами II, 2; темпейскія ущелья Ѳессаліи II, 359, 364 и 369; возвышенности Ѳессаліи, называемыя нынѣ Великою Валахіею, во власти особаго государя II, 411.

ѲЕССАЛОНИКА,—осада и взятіе ея сицилійцами I, 378 и 379; убійства, буйства, нечестіе и грабежи въ ней латинянъ I, 379—391; возвращена римлянами II, 8; мученикъ Христовъ Димитрій буд-

то бы оставилъ Θессалонику и храмъ θессалоникскій, посвященный его имени, II, 22; подчиняется Балдуину по договору II, 356 и 357; переходитъ подъ власть маркиза Бонифатія II, 358 и 359; возстаніе ея противъ Бонифатія, усмиреніе этого возстанія и казни за него II, 384 и 385; заключеніе въ ея стѣнахъ маркиза Бонифатія II, 386; составляетъ владѣніе маркиза Бонифатія II, 411.

ΘЕССАЛОНИКСКІЙ ЗАЛИВЪ—I, 377.

ΘИВЫ седмивратныя,—взятіе и опустошеніе ихъ сицилійцами I, 93 и 94; θивскіе плѣнники въ Сициліи I, 125; Θивы доставляютъ римскому императору шелковыя матеріи II, 151; во власти Сгура II, 369; взяты латинянами II, 372; во власти кампанцевъ II, 410.

ΘИРИКЛЕИ золотыя—въ числѣ подарковъ импер. Мануила Кличъ-Асθлану I, 152.

ΘІАДЫ, спутницы Вакха I, 405.

ΘІЕСТЪ и его пятьдесятъ дочерей I, 406.

ΘОМА, слуга Стефана, брата Яцы,—отравилъ своего господина I, 162.

ΘОМА, латинскій патріархъ въ Константинополѣ,—его прибытіе изъ Венеціи, наружность и анаθема на непокорныя латинскія войска II, 391 и 427; святотатство монаховъ и священнослужителей его свиты II, 427 и 428.

ΘОМАИТСКІЙ дворецъ въ Константинополѣ I, 323.

ΘОНЪ, или ΘООНЪ,—его супруга надѣлила Елену аргивскую горе-усладнымъ напиткомъ I, 212; II, 437.

ΘРАКИСІЯ, римская область въ Азіи I, 68 и 315; II, 17 и 59.

ΘРАКІЯ,—опустошеніе ея скиθами I, 18; опустошеніе ея валахами II, 168; новое вторженіе въ нее скиθовъ II, 212—214; подчиненіе ея латинянамъ II, 355 и 356; возстаніе ея противъ латинянъ II, 376; одна понесла на себѣ всю тяжесть борьбы съ латинянами II, 394; Іоаннъ мизійскій рѣшился обратить Θракію въ жилище дикихъ звѣрей II, 404; состояніе Θракіи послѣ опустошительнаго нашествія скиθовъ и валаховъ II, 407—409.

ΘУЛА, отдаленная отъ римлянъ страна II, 185.

ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
67 и	30	племянниковъ Контостефана, Іоанна и Андроника,	своихъ племянниковъ по сестрѣ, Іоанна и Андроника Контосте-
68	1		фановъ,
231	17	Мавродука	Макродука
231	25	Мавродуки	Макродуки
242	13	Исаака Ангела	Константина Ангела
242	17	Мавродука	Макродука
429	27	6784 года	6794 года (*)
ТОМЪ ВТОРЫЙ.			
17	26	ѳракійскую	ѳракисійскую
59	19	племянницею	сестрою
—	21	Ѳракіи	Ѳракисіи
63	20	племяннику	двоюродному брату
141	30	княгиня Евфросинія	Евфросинія Дука
243	16	Катіаія	Котіаія
255	26	санъ	сынъ
361	7	поъ	подъ
381	29	семейства Даонитовъ	жителей Даонія

(*) На самомъ же дѣлѣ—6694 года; потому что число 6794 поставлено въ греческомъ подлинникѣ ошибочно и есть его погрѣшность.

ЛИ

А

ІОА
ъ, Ду
севасто

ІІС
импер
я супр
я, Мар
ск
а к а.

АЛЕКСѢЙ
императо

Родословная таблица

старшей линiи дома Ангеловъ.

Николай Ангелъ родственникъ Константина.

Константинъ Ангелъ женатъ на Өеодорѣ Дукѣ Комниной.

- **Михаилъ**
- **Андроникъ**, супруга Евфросинiя Кастамонитъ.
  - **Iоаннъ** заложникъ Фридерику.
    - **Андроникъ**.
  - **Ирина** за кесаремъ Iоанномъ Кантакузинымъ.
  - **Өеодоръ** ослѣпленъ императоромъ Андроникомъ.
  - **Алексѣй III** Комнинъ, императоръ. Супруга Евфросинiя Дука.
    - **Евдокiя** 1) за Стефаномъ княземъ сербскимъ, 2) за императоромъ Алексѣемъ Дукою Мурцуфломъ, 3) за Львомъ Сгуромъ владѣтелемъ Навплiя и Коринөа.
    - **Ирина** 1) за Андроникомъ Контостефаномъ, 2) за Алексѣемъ Палеологомъ.
    - **Анна** 1) за Исаакомъ Комнинымъ, 2) за Өеодоромъ Ласкарисомъ.
      - **Өеодора** дочь Исаака, за Хрисомъ владѣтелемъ Просака.
  - **N. N. Ангелъ** ослѣпленъ императоромъ Андроникомъ.
  - **Константинъ** ослѣпленъ императоромъ Андроникомъ.
  - **Исаакъ** императоръ. 1-я супруга N. N. 2-я, Марiя венгерская.
    - отъ перваго брака:
      - **N. N.** дочь монахиня.
      - **Ирина** 1) за Рожеромъ королемъ сицилiйскимъ, 2) за Филиппомъ, императоромъ германскимъ.
      - **Алексѣй IV**, императоръ.
    - отъ втораго брака:
      - **Мануилъ** провозглашенъ императоромъ для обмана римлянъ.
        - **Елена**.
      - **N. N.**
  - **Өеодора** за кесаремъ Конрадомъ Монферратскимъ.
- **Iоаннъ** Ангелъ, Дука, Комнинъ, севастократоръ.
- **Константинъ**
  - **Константинъ** дуксъ флота.
  - **N. N.** дочь въ замужствѣ за Василiемъ Ватацемъ.
- **N. N.** дочь въ замужствѣ за Камицемъ.
  - **Мануилъ** Камицъ, протостраторъ.

ЦА
А

НЪ

АН
ест
доч
на
о,д
ик

РТ
,э
тв
ас

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА

МЛАДШЕЙ ЛИНІИ ДОМА АНГЕЛОВЪ.

- **КОНСТАНТИНЪ АНГЕЛЪ** женатъ на дочери Алексѣя I Комнина, Ѳеодорѣ Дукѣ Комниной.
  - **МИХАИЛЪ** Ангелъ.
  - **АНДРОНИКЪ** женатъ на Евфросиніи Кастамонитъ.
  - **ІОАННЪ АНГЕЛЪ** Дука Комнинъ, севастократоръ.
    - **ИСААКЪ ДУКА** въ супружествѣ съ дочерью Алексѣя Враны.
    - **ѲЕОДОРЪ АНГЕЛЪ** въ супружествѣ съ дочерью Петралифы, албанскій и ѳессалоникскій императоръ, а послѣ деспотъ.
      - **ИРИНА КОМНИНА** за Іоанномъ Асаномъ, царемъ болгарскимъ.
      - **ІОАННЪ АНГЕЛЪ** Комнинъ, деспотъ ѳессалоникскій.
        - **N. N. сынъ**, великій примицерій при Михаилѣ Палеологѣ.
        - **ЕВДОКІЯ** за Іоанномъ Дукою Ватацемъ.
      - **ДИМИТРІЙ АНГЕЛЪ** Комнинъ, деспотъ ѳессалоникскій.
    - **КОНСТАНТИНЪ АНГЕЛЪ**, деспотъ македонскій.
    - **МИХАИЛЪ КОМНИНЪ** незаконнорожденный, владѣтель Эпира и Этоліи.
      - **МИХАИЛЪ** (онъ же и Мануилъ) незаконнорожденный, деспотъ Эпира и Этоліи, въ супружествѣ съ Ѳеодорою Петралифа.
        - **ІОАННЪ АНГЕЛЪ** Дука Комнинъ, незаконнорожденный, владѣтель Патрасскій, севастократоръ.
          - **N. N. дочь**, просватанная за Святослава царя болгарскаго. **N. N.** вторая дочь за Милютиномъ царемъ сербскимъ.
          - **N. N.** третья дочь за Андроникомъ Тарханіотомъ. **N. N.** четвертая дочь за владѣтелемъ Евбеи.
          - **ІОАННЪ АНГЕЛЪ** Дука Комнинъ, севастократоръ, въ супружествѣ: 1) съ Ѳеодорою, дочерью царя Армянскаго; 2) съ Ириною Палеологъ, дочерью импер. Андроника старшаго.
          - **МИХАИЛЪ** Ангелъ Дука Комнинъ.
        - **ѲЕОДОРЪ АНГЕЛЪ** Комнинъ, незаконнорожденный.
        - **АННА** за Вильгельмомъ Виллардуиномъ.
        - **НИКИФОРЪ АНГЕЛЪ** Комнинъ, деспотъ Эпира и Этоліи, въ супружествѣ: 1) съ Маріею Ласкарисъ; 2) съ Анною Палеологъ.
          - **МАРІЯ**, отъ перваго брака, за французомъ Іоанномъ Закинѳскимъ.
          - **ѲОМА АНГЕЛЪ** Дука Комнинъ (отъ втораго брака), деспотъ Этоліи и Эпира, въ супружествѣ съ Анною Палеологъ, внукою Андроника Старшаго.
          - **ИѲАМАРЪ** (отъ втораго брака) за Филиппомъ Тарентскимъ.
        - **ІОАННЪ АНГЕЛЪ** Комнинъ, въ супружествѣ съ дочерью севастократора Торникія.
        - **ЕЛЕНА** за Манфредомъ, королемъ сицилійскимъ.
        - **ДИМИТРІЙ** (онъ же и Михаилъ) Ангелъ Комнинъ Дука, деспотъ, въ супружествѣ: 1) съ Анною Палеологъ, 2) съ дочерью Венцеслава, царя болгарскаго.
          - **АНДРОНИКЪ** Палеологъ (отъ перваго брака) протовестіарій.
            - **N. N. дочь** за N. Ангеломъ, владѣтелемъ касторійскимъ.
          - **КОНСТАНТИНЪ** Палеологъ (отъ перваго брака) протосевастъ.
          - **N. N. N. N.** отъ втораго брака.
        - **N. N. дочь** за Алексѣемъ Раулемъ, великимъ доместикомъ.
    - **МАНУИЛЪ АНГЕЛЪ** въ супружествѣ съ Маріею, дочерью Іоанна Асана, царя болгарскаго, деспотъ ѳессалоникскій.
      - **N. N. дочь** за Евстахіемъ Фландрскимъ.
      - **N. N. дочь** за Маліазеномъ или Мелиссеномъ.
    - **N. N. дочь АНГЕЛЪ** за французомъ графомъ Закинѳскимъ.
  - **КОНСТАНТИНЪ** Ангелъ.
  - **N. N. дочь** за Камицемъ.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
МЛАДШЕЙ ЛИНІИ ДОМА КОМНИНЫХЪ.

АЛЕКСѢЙ I КОМНИНЪ
императоръ римскій.

ІОАННЪ императоръ римскій. — **АНДРОНИКЪ** — **ИСААКЪ** севастократоръ.

ІОАННЪ магометанинъ. — **АНДРОНИКЪ** императоръ римскій.

МАНУИЛЪ севастократоръ. — **ІОАННЪ** севастократоръ. — **МАРІЯ** — **АЛЕКСѢЙ** — **ИРИНА** незаконнорожденные отъ Ѳеодоры Комниной.

АЛЕКСѢЙ Великій, владѣтель трапезунтскій. — **ДАВИДЪ** владѣтель Иракліи понтійской и всей Пафлагоніи.

N. N. владѣтель трапезунтскій. — N. N. владѣтель трапезунтскій.

ІОАННЪ, императоръ трапезунтскій,
въ супружествѣ съ Евдокіею, дочерью римскаго императора Михаила Палеолога.

АЛЕКСѢЙ императоръ трапезунтскій. — N. N. сынъ въ Константинополѣ.

ВАСИЛІЙ, императоръ трапезунтскій, въ супружествѣ 1) съ N. N.; 2) съ Евдокіею Палеологъ, незаконнорожденною дочерью императора Андроника Младшаго.

ВАСИЛІЙ II, императоръ трапезунтскій + 1339 г.,
въ супружествѣ съ Ириною Палеологъ, дочерью импер. Андроника Младшаго.

N. N. императоръ трапезунтскій. — N. N. сынъ — N. N. — N. N. незаконнорожденныя дѣти.

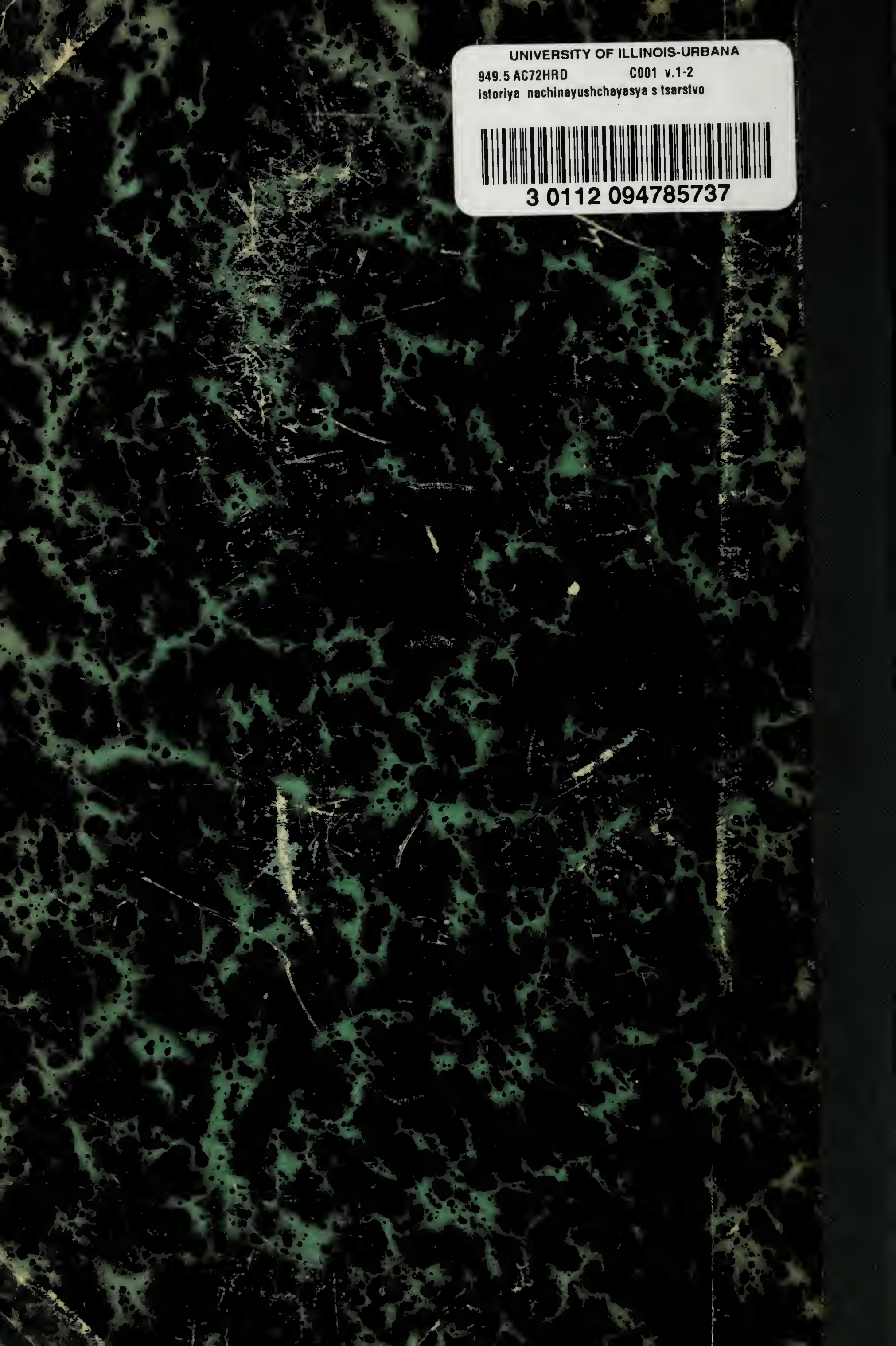
ЕВДОКІЯ 1) за Зетиномъ сатрапомъ турецкимъ; 2) за Іоанномъ I Палеологомъ, императоромъ константинопольскимъ. — **АЛЕКСѢЙ** императоръ трапезунтскій, въ супружествѣ съ N. N. Кантакузиной. — **ГЕОРГІЙ** протовестіарій трапезунтскій.

МАРІЯ за Іоанномъ II Палеологомъ, императоромъ константинопольскимъ. +1440. — **ІОАННЪ** императоръ трапезунтскій, въ супружествѣ съ дочерью Александра, царя грузинскаго. — **АЛЕКСАНДРЪ** или Скандеръ, въ супружествѣ съ сестрою Лесбосскаго владѣтеля, которая послѣ его смерти взята въ сераль Магометомъ II. — **ДАВИДЪ** императоръ трапезунтскій, въ супружествѣ съ Ириною Кантакузиной, дочерью Матѳея, сына императора Іоанна Кантакузина. — N. N. дочь за Георгіемъ Бранковичемъ, царемъ сербскимъ. — N. N. дочь за турецкимъ владѣтелемъ Караилукомъ.

АЛЕКСѢЙ взятъ во дворецъ Магомета II и затѣмъ убитъ. — **ЕКАТЕРИНА** за Азанъ-Бекомъ, сыномъ Караилука. (дѣти Іоанна)

N. N. семь сыновей убиты Магометомъ II. — **ГЕОРГІЙ**, трехлѣтнимъ обращенъ въ магометанство и отправленъ къ Азанъ-Беку. — **АННА** за Магометомъ Загановъ, обращена въ магометанство. — N. N. дочь за Маміемъ. (дѣти Давида)

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
949.5 AC72HRD C001 v.1-2
Istoriya nachinayushchayasya s tsarstvo
3 0112 094785737